

Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Часть 2

[Часть 1 →](#)

**№44, преосвященного Назария, епископа Нижегородского, от 1
декабря 1905 года**

О разделении России на церковные округа под управлением митрополитов

В вопросе о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов, с предоставлением им права созывать областные соборы и с передачей в их ведение из высшего церковного управления дел второстепенной важности, можно различать три положения:

- а) о разделении русской Церкви на митрополичьи округа;
- б) о соборах, кои могли бы собираться периодически около митрополитов;
- в) об установлении митрополичьей власти, как посредствующей между властью епархиальной и властью центральной.

Нет нужды доказывать, что первое из этих положений, а равно и третье, относятся к разряду таких, кои, будучи взяты сами по себе, должны быть с точки зрения идеи Церкви названы безразличными, и что если они и могут получить значение, то исключительно лишь по связи своей с положением вторым (о соборах). Ввиду этого и все внимание, должно быть обращено на вопрос о соборах.

Основанием к разрешению вопроса о соборах в Церкви являются канонические ее постановления. Постановления же эти суть следующие:

Апостольское 37-е правило: «Дважды в году да бывает собор епископов, и да рассуждают они друг с другом о догматах благочестия, и да разрешают случающиеся церковныя прекословия. В первый раз, в четвертую неделю Пятидесятницы; а во второй, октября во второйнадесять день».

1 Вселенский Собор правило 5-е: «Итак... за благо признано, чтобы в каждой области дважды в год были Соборы; чтобы все вообще епископы области, собравшиеся воедино, исследовали (таковые) недоумения... Соборы же да бывают, един пред Четырдесятницею, да по прекращении всякого неудовольствия, чистый дар приносится Богу; а другой около осеннего времени».

4 Вселенского Собора правило 9-е: «Аще клирик со своим или со иным епископом имеет судное дело: да судится в областном соборе. Аще же на митрополита области епископ, или клирик имеет неудовольствие: да обращается или к экзарху великия области, или к престолу царствующего Константинополя, и пред ним да судится».

4 Вселенского Собора правило 19-е: «Дошло до слуха нашего, что в областях не бывает, установленных правилами, соборов епископов, и от сего многие церковные дела, требующие исправления, остаются в небрежении.

Посему определил святыи Собор, согласно с правилами святых отец, чтобы в каждой области епископы дважды в году собирались во едино, где назначит епископ митрополии, и исправляя все, что откроется. А епископам, которые не приидут на Собор, хотя находятся в своих градах, и притом пребывают в здравии, и свободны от всякого необходимого и неотложного занятия, братолюбно сказати слово прещения».

• 6 Вселенского Собора правило 8-е: «Установленное святыми отцами нашими желая, и мы во всем сохраняти, возобновляем такожде и правило, повелевающее быти ежегодно Соборам епископов каждые области там, где епископ митрополии усмотрит за лучшее. Но как, по причине набегов варваров, и по иным случайным препятствиям, предстоятели Церквей не имеют возможности составлять Соборы дважды в году, то рассуждено: для могущих, как вероятно, возникати церковных дел, в каждой области всемерно быти Собору вышереченных епископов единожды в лето, между святым праздником Пасхи, и между исходом месяца октоврия каждого лета, в том месте, которое, как выше речено, избрет епископ митрополии. А епископам, которые не приидут на Собор, хотя находятся в своих градах, и притом пребывают в здравии, и свободны от всякого необходимого и неотложного занятия, братолюбно изъявити прещение».

• 6 Вселенского Собора правило 6-е: «Поелику есть правило, которое глаголет: дважды в году в каждой области подобает быти каноническим исследованиям, посредством собрания епископов; а преподобные отцы шестого Собора, во внимание к затруднениям собирающихся, и к недостаткам потребного для путешествия, определили, без всякого уклонения и извинения, единожды в лето быти Собору, и погрешительное исправляти: то и мы сие правило возобновляем, и аще обрящется некий начальник возбраняющий сие, да будет он отлучен. Аще же кто из митрополитов пренебрежен исполнити сие, не по нужде и насилию, и не по какой-либо уважительной причине; таковой да подлежит епитимии, по правилам».

Из приведенных церковных правил видно, во-первых, что Церковь означенными канонами, как нельзя яснее, засвидетельствовала неизменную обязательность регулярных соборов епископов для обсуждения всех возникающих в Церкви вопросов. Во-вторых, во всех этих правилах (кроме апостольского 37-го) ясно усматривается установленная в то время система церковного управления такого вида: отдельные церковные единицы, находящиеся под ведением отдельных самостоятельных епископов, объединяются в единицы более крупные, состоящие под ведением епископов главных областных городов, кои, т. е. епископы, именуются митрополитами. Эти большие церковные единицы – митрополии – в свою очередь объединяются в несколько еще больших церковных единиц под управлением экзархов (патриархов).

Представляя такую систему церковного управления, вышеприведенные каноны требуют регулярных соборов предъявляя лишь к митрополитам, ни слова, не говоря об экзархах. Они только говорят, что дела о самих митрополитах должны разбираться у экзарха (4Всел. Соб. 9-е пр.).

Принимая во внимание первое правило 3 Вселенского Собора, которое говорит, что митрополита судят епископы его области с митрополитами окрестными, необходимо заключить, что и экзарх свои экзаршие дела решает собором; но чтобы и экзаршие соборы были регулярны, про это ничего сказать нельзя.¹ Далее: усматриваемая из канонов о соборах система церковного управления есть в своей сущности система управления гражданского, какая существовала тогда в Греко-Римской империи (профессор Голубинский Е.Е. «Церк. Ист.» т. 1, с. 226, примеч. 2 и с. 239, примеч. 2). Небезынтересно отметить, что такое соответствие церковного строя строю гражданскому правилами церковными даже узаконяется. Таковы каноны:

4 Вселенского Собора правило 17-е: «Аще царскую властью вновь устроен, или впредь устроен будет град: то распределение церковных приходов да последует гражданскому и земскому порядку».

6 Вселенского Собора правило 38-е буквально повторяет предыдущее.

Наконец, еще несколько слов по поводу тех же канонов о соборах. Каноны эти считаются с препятствиями к созыву соборов, и препятствия указываются такие:

- а) нежелание самих епископов ехать на собор (4, 19; 6, 8);
- б) нежелание митрополитов созывать соборы (7, 6);
- в) препятствие со стороны гражданской власти (7, 6);
- г) политические бедствия государства (6, 8);
- д) недостаток средств для путешествий (7, 6).

Таким образом, Церковь, при всех препятствиях, все-таки требует ежегодных регулярных соборов.

Переходя к решению вопроса о соборах в нашей русской Церкви, прежде всего необходимо решить:

1. Должны ли быть в нашей русской Церкви ежегодные регулярные соборы, на которых присутствие каждого епископа было бы для него обязательством? Не является ли такое обязательство для наших епископов слишком строгим и даже излишним, ввиду существования у нас постоянного собора – Св. Синода?

Нужно ответить: нет, обязательство остается во всей его силе. Дело в том, что Синод есть коллегиальное учреждение, а коллегия и собор – две вещи разные. Идея соборности тождественна с идеей самоуправления. Где нет последнего, там нет и соборности. Соборность состоит не в том, что во главе правления стоит не одно лицо, а несколько, но в том, что действия правительства выражают желания всех управляемых. Когда возникают в Церкви важные вопросы в церковном управлении, то в решении этих вопросов весьма важно участие всех епископов, как представителей известной церковной общины: голос их на соборе будет служить выражением воли всей Церкви. Синод же русской Церкви, как постоянный собор, не является тем собором поместной Церкви, какой разумеют церковные правила. Восточные патриархи в своей грамоте (23 сентября 1723 г.) к нашему Всероссийскому Синоду (при его учреждении) назвали его «возлюбленным о Христе братом» и предоставили ему право «совершать елика четыре апостольска святости престола» («Церк. Ист.» Доброклонского, вып. 4-й, с. 72), т. е. Св. Синод приравнен по власти к патриархам. А так как существование патриарха не уничтожает надобности в периодических соборах, то, значит, и существование нашего Синода не уничтожает ее. Но ввиду того, что уже поднят вопрос о замене Всероссийского Синода патриархом, является новое затруднение: практика греко-восточной Церкви выработала

учреждение при патриархах постоянных синодов, кои и дают патриархам возможность, не тревожа епархиальных епископов, все-таки давать своим постановлениям вид действий соборных. Такой постоянный синод будет и при нашем патриархе; не уничтожит ли он надобности в периодических соборах из всех епископов русской Церкви? На это приходится ответить только одно: ни о каких постоянных синодах в канонах Церкви нет никаких свидетельств, и, следовательно, никакими рассуждениями нельзя периодические соборы отменить в пользу постоянного синода, так как и при патриархе постоянный синод, без обязательного участия в нем всех епископов, будет коллегией, но не собором.

Итак, соборы нужны; а так как у нас никакого разделения по власти между епископами нет, то, значит, при теперешнем строе нашей Церкви, у нас могут быть только соборы всероссийские.

2. Возможны ли всероссийские соборы?

Без сомнения, возможны. В нашей Церкви такие соборы уже и имели место, хотя и не так часто, как того требуют каноны. За период патриарший известны соборы: 1589 г., 1620 г., 1654 и 1655 гг., 1660 г., 1666–1667 гг., 1675 г., 1682 и 1690 гг.

Каких-либо препятствий к созванию всероссийских соборов мы не видим. Что епископы не пожелают съехаться, – странно об этом и думать. Что высшая церковная власть (патриарх или Синод) не будет допускать соборов, – это противно канонам. Что гражданская власть будет против соборов, – этого нельзя предположить. О том, что епископам ехать на собор далеко и дорого, не может быть и речи, при нынешних удобствах путей сообщения. Итак, всероссийские соборы у нас возможны, без всякой перемены нашего церковного строя. Что они будут многочисленны, – это скорее будет говорить в их пользу, а не против.

Читая каноны о соборах, мы встречаемся со строго определенной церковной организацией, по которой Церковь представляется разделенной на патриархии, патриархии – на митрополии, а митрополии – на епископии. У нас же церковная организация другая; а отсюда является весьма желательным уяснить, почему она – другая, и не следует ли, согласно с канонами, ее изменить.

Так как по канонам наша Церковь, как патриархия, должна бы быть разделена на митрополии, то, при устройстве этих митрополий, вопрос о регулярных соборах разрешался бы несравненно проще, ибо, с одной стороны, явились бы лица, прямо ответственные за регулярные соборы (т. е. митрополиты), а с другой – и епископам удобнее было бы собираться на эти соборы. Поэтому возникает еще вопрос:

3. Следует ли разделить русскую Церковь на митрополичьи округа и, если следует, то как это сделать?

В древнехристианской Церкви деление известной церковной области на митрополичьи округа всегда основывалось на гражданском строе. Уже в апостольских посланиях Церкви разделяются по политическому разделению. Самые обширные церковные области носят название целых округов, например, Церкви Асийские (1Кор.15:19); меньшие церковные области назывались именем провинций, как например – Македонская Церковь (2Кор.8:1), а еще меньшие – именем главных городов провинций, например Солунская (1Фес.1:1), Ефесская (Откр.2:1). Каждая из этих Церквей имела свое отдельное управление, а общее управление сосредоточивалось в главных областных городах (Деян.20:17–35). Этот апостольский образ действий замечен и в первых канонах, изданных Церковью; в них об иерархических правах всегда говорится применительно к национальному и политическому положению городов, в которых находились известные Церкви (Апост. пр. 14-е, 15-е, 34-е, 35-е). Упомянутый канонический принцип деления церковных областей получил полное применение, когда было сделано новое деление Греко Римской империи Константином Великим (2, 2. 3; 3, 8; 4, 28; 6, 36). Каноны точно предписывают, что при устройстве церковных областей должно быть принято во внимание политическое устройство государства (4, 17; 6, 38). Это потому, что между Церковью и государством должна существовать тесная связь, так как участие государственной власти в церковном делении на известные единицы управления дает Церкви прочное ручательство за полное сохранение ее внешнего устройства и обеспечение ее прав от какого бы то ни было произвола (Карф.93-е).

Согласно политическому разделению страны, большая церковная область, епископ которой по гражданскому наименованию главного города (μῆτροπολις) – был назван митрополитом, получила название митрополии. Эта церковная единица управления в свою очередь подразделялась на епархии, во главе с епископом провинции (ἐπαρχία), а епархии – на κωρ-ы (хорепископы) и парикии (παροικία)– приходы. Несколько митрополий, находившихся в пределах

большого политического округа (диоце́за-διοίκησις), составляли одну большую церковную область, старейшиной которой был митрополит главного города этого политического округа. Эти большие церковные области получили названия экзархатов или патриархатов, которые по власти были одинаковы между собой и имели свое самостоятельное управление.

История нашей русской Церкви показывает, что и у нас церковное деление сообразовалось с гражданским, хотя полного соответствия в данном случае мы не усматриваем. Так и в настоящее время мы видим, что современное гражданское устройство России, по-видимому, не дает никакого основания к разделению нашей Церкви на какие-либо большие области или округа.

Дело о разделении нашей Церкви на митрополичьи округа представляется в таком виде. Имеющий быть в недалеком будущем всероссийский собор должен сделать постановление об обязательном созвании всероссийских соборов раз в год (согласно 8-му пр. 6 Всел. Соб.); он должен выработать правила, которые сделали бы высшую церковную власть (патриарха или Синод – все равно) бессильной отклонить созвание такого собора; этот всероссийский собор должен выхлопотать обещание всяческого содействия этому делу от нашего Государя, – и наша церковная жизнь пойдет по тому руслу, которое указано самими св. апостолами (разумею Апостольский Собор в Иерусалиме) и канонами. Здесь, на этих соборах, сразу же обнаружится то, во-первых, насколько тому или иному епископу затруднительно постоянное участие в этих соборах, а во-вторых – и то, насколько самому собору будет легко и удобно разбираться в делах, из которых некоторые, без сомнения, будут касаться не всей русской Церкви, а той или иной ее части. Это, говорим, обнаружится сразу, в два или три собора. А затем в это же время мало-помалу будет выясняться и то, какая область постоянно обособляется своими особыми нуждами и запросами. Тогда сам собор будет иметь твердое основание – тех или иных епископов выделить в особую группу с правом для них собирать свои маленькие соборы. Таким образом, вопрос о митрополичьих округах, кажется, не должен предрешаться и может быть решен только на всероссийском соборе.

Но, сравнивая древний церковный и гражданский строй Греко-Римской империи с нашим русским, мы замечаем соответствие в том отношении, что в древней христианской Церкви каждый город имел своего епископа (хореепископы уездных городов), и епископ губернского города был митрополитом, а у нас в уездных городах епископа нет, и наш губернский епископ является только епископом, а не митрополитом. Это несоответствие нашего церковного строя с древним проф. Голубинский объясняет так: «Огромное пространство наших епархий должно было иметь весьма значительное влияние на дух и характер наших архиереев. Влияние это, к сожалению, было неизбежно, но оно было и могло быть не к лучшему, а к худшему. Архиерей по своей идее не есть только административно-судебный чиновник над духовенством большего или меньшего округа, не имеющий никакого отношения к мирскому населению этого округа, но есть совершенно такой же пастырь сего последнего, сколько всякий приходский священник есть пастырь своих прихожан, с тем только различием, что он есть не только пастырь, но и архипастырь, т. е. не только сам пастырь, но и начальник над другими пастырями. По сей именно идее первоначально каждая отдельная церковная община, малая или большая, или каждый отдельный приход имел непременно своего епископа. Уничтожение епископов сельских и оставление только городских, с образованием епископских округов или приходов так, чтобы они обнимали города с уездами, было собственно посягательством на архиерейство как на пастырство. Но, так как в Греции остановились на этом и не пошли далее, то посягательство, не проведенное слишком далеко, не имело своим следствием того, чтобы совершенно разрушить архиерейство как пастырство. Архиерей, вместо одного прихода ставший пастырем целого округа приходов, конечно, не мог уже для всех быть тем, чем был для одного. Но в Греции уезды были весьма малы, так что епархии в их новом объеме, после уничтожения епископий сельских, сделались приблизительно равны не более как нашим благочиниям. Архиерей такого малого округа еще в значительной степени сохранял возможность остаться истинным пастырем своей паствы. Свои сравнительно малые епархии архиереи имели полную возможность обходить ежегодно; обходя их, они имели полную возможность останавливаться в каждом селении на более или менее продолжительное время, так что, – как положительно вменяет им это в обязанность один императорский указ,² – могли посетить поодиночке дома всех своих пасомых, не исключая и хижин бедняков, чтобы с каждым пастырски обо всем побеседовать и каждого наставить на путь благочестия. Находясь от своего архиерея не за сотни верст, а много-много верстах в 15–20, все христиане его епархии имели полную возможность обращаться к нему со

всеми своими делами и нуждами, требующими его архипастырского благословения и наставления. Таким образом, для мирян своих епархий архиереи в Греции и до позднейшего времени остались истинными пастырями. Не то должно было случиться с отношениями архиереев к их паствам у нас в России, вследствие обширности наших епархий» («Церк. Ист.» проф. Голубинского, с. 312 и дал.). Поэтому, согласно с церковными правилами (4, 17-м; 6, 38-м) и в соответствии с нашим гражданским устройством, следует в нашей русской Церкви признать единицей церковного управления каждую епархию, с переименованием ее в митрополию или архиепископию с митрополитом или архиепископом губернского города во главе и с подчиненными ему епископами уездных городов. В настоящее время епархиальный епископ, по многотрудности и сложности своих обязанностей, имеет нужду в ближайших помощниках себе в деле управления епархией, каковыми и являлись бы епископы уездных городов; последние ведали бы управление приходами, находящимися в их уезде. По мере надобности губернские епископы собирали бы собор из подчиненных им епископов для обсуждения нужд своей митрополии (архиепископии). Духовная централизация обширной русской Церкви в настоящее время представляет много неудобств. И показания последних лет, и усилие и заботы Правительства и общества и в гражданском строе нашего государства клонятся теперь в децентрализации. Значительный объем нынешних епархий, обременение епархиальных архиереев массой дел, часто не имеющих ничего общего с их служением, отдаляет архипастырей от их паств и часто сводит к нулю их воздействие на последнюю. При учреждении уездных епископских кафедр эта ненормальность устраняется.

О преобразовании церковного управления и суда

В литературе последнего времени, касающейся вопроса о реформе епархиального управления и суда, высказывается мысль, что из ведения консистории следует изъять судебную часть, оставив за ней только часть административную. С такой мыслью не представляется возможным согласиться. По канонам св. Церкви, епископ в епархии есть высший духовный администратор и вместе с тем судия; консистория же, согласно ст. 1 ее Устава, есть присутственное место, через которое, под непосредственным начальством епархиального архиерея, производится управление и духовный суд в поместном пределе православной российской Церкви, именуемом епархией, а посему и нет оснований говорить о консистории, как учреждении только административном; консистория, разделяя с епископом дело управления поместной Церковью и заменяя при лице епископа древний совет пресвитеров, вполне может быть местом не только административным, но и судебным, поскольку и епископ не только администратор, но и судия.

Сообразно с сим, общие положения о епархиальном управлении и суде представляется возможным формулировать следующим образом:

1. Во главе епархиального управления стоит, согласно канонам св. Церкви, епископ, который управляет епархией частью непосредственно, преимущественно же совместно со стоящим при нем советом пресвитеров, за которым по-прежнему может быть оставлено наименование «консистории».

2. Для наиболее успешного управления делами епархии и для предоставления епископу наибольшей возможности непосредственного воздействия на свою паству через живое общение как с пастырями, так и пасомыми, необходимо чрезмерно обширные по пространству и количеству народонаселения пределы настоящих епархий сократить, расчленив их на две, на три и даже более того самостоятельные епархии, хотя бы по числу уездов.

3. Ведению непосредственно архиерейскому должны принадлежать дела, поименованные в § 155 Уст. духовн. коне.; по всем же остальным делам епархиального управления и суда епископ действует совместно с советом пресвитеров.

4. Члены пресвитерского совета, как помощники епархиального архиерея, избираются и утверждаются в сем служении им же самим. Увольнение их происходит тем же порядком.

5. Совет пресвитеров, возглавляемый епископом, производит управление и духовный суд в поместном пределе православной российской Церкви, именуемом епархией, и сносится по делам, подлежащим его ведению, со всеми правительственными и общественными учреждениями.

6. В ведении совета пресвитеров должны по-прежнему оставаться все судебно-административные дела, которые указаны в ныне действующем по Ведомству Православного Исповедания Уставе духовных консисторий, исключая дел второстепенной важности, о которых будет сказано в п.п. 9 и 10.

7. В интересах дела и в видах облегчения совета пресвитеров, часть судебных дел, доселе подлежавших ведению консистории, передать в особые судебно-следственные комиссии, которые организуются в каждом благочинии, с упразднением должности духовного следователя; при сем желательно, чтобы число церквей в каждом благочинии было до 30, каковое число необходимо, с одной стороны, в видах удобнейшего нахождения достойных лиц, имеющих войти в состав судебно-следственных комиссий, а с другой – в целях возможного ограничения числа самих комиссий.

8. Судебно-следственные комиссии состоят из трех священников, из которых один назначается епархиальным начальством и утверждается в должности председателя, другие два – выборные от благочиннического округа. Срок службы сих лиц трехлетний.

9. Судебно-следственной комиссии подсудны: а) дела о таких оскорблениях чести, наносимых духовными лицами духовным и светским лицам, за которые взыскания и наказания определены в статьях Уст. о наказ., нал. мир. суд.; б) вообще о тех проступках духовных лиц, за которые налагаются низшие виды наказаний, а именно: замечание, выговор, денежное взыскание, и в) дела по взаимным спорам между духовными лицами и учреждениями, возникающим из пользования движимой и недвижимой церковной собственностью и церковными доходами.

10. Приговоры судебно-следственных комиссий по делам о проступках, за которые в законе определяются одни лишь замечания или выговоры, или денежное взыскание не свыше трех рублей, и решения по имущественным искам не свыше 20 руб., считаются окончательными и не могут быть обжалованы.

11. Судебно-следственные комиссии по третям года о произведенных ими делах доносят консистории, а она, по рассмотрении и своде дел, докладывает епархиальному архиерею вместе с своим отзывом.

12. Все дела, неподсудные судебно-следственной комиссии, рассматриваются в консистории, как главном органе епархиального суда.

13. По отношению к консистории судебно-следственная комиссия является только следственной. Сия комиссия производит, согласно законам (включая сюда и Устав угол, судопр.), следствие по делам, которые относятся к компетенции консисторского суда. К следствию приглашается депутат с той и другой стороны. По окончании следственного производства, судебно-следственная комиссия представляет следствие при своем отзыве в консисторию вместе с отзывом депутатов сторон, бывших при следствии, жалобщика и обвиняемых, если они того пожелают.

14. Консистория обзорекает следственное производство и, в случае неполноты оно или нарушений формы, передает дело в ту же комиссию для дополнения или исправления; в случае же законного протеста с той или другой стороны передает дело для нового следствия в комиссию другого округа.

15. При совете пресвитеров для делопроизводства существует канцелярия. Чиновники и канцелярские служители оной определяются и увольняются советом пресвитеров с утверждения епископа. В случае соответствующих изменений в составе центрального управления Св. Синода, но при сохранении при канцелярии совета пресвитеров должности секретаря, таковой избирается епископом и утверждается в должности Св. Синодом.

Примечание. Должность секретаря при канцелярии совета пресвитеров одинаково может быть замещена как лицом светским, так и лицом в сане пресвитера.

16. Все члены и канцелярские служители совета пресвитеров получают определенное и вполне достаточное содержание за счет казны и сумм центрального церковного управления.

17. Ввиду невозможности в ближайшем будущем применить к судопроизводству по делам о проступках лиц духовного звания формы состязательного процесса, установленные судебными уставами, и ввиду необходимости квалифицировать проступок лишь на основании данных следственного производства, а равно вследствие несоответствия определенных Уст. дух. консист. мер взыскания с действительной виновностью лица, совершившего проступок, и неточности формулировки преступления, желательно изменение мер взыскания за проступки, а соответственно сему и редакции подлежащих статей Устава в форме нижеследующего: 180 ст.: «Извергаются из своего сана и навсегда исключаются из духовного звания священнослужители и диаконы, если кощунственными или неблагочinnыми словами или действиями, являющимися отсутствием или, по меньшей мере, недостаток веры и благочестия, с умыслом произведут в церкви соблазн или замешательство, от которого последует остановка в священнослужении. Лиц же, учинивших сей проступок без этого умысла, по неразумению и под сторонним давлением, наказывать епитимией в монастыре от 1 до 3 месяцев; учинивших сие во второй раз – отрешать от места с низведением в псаломщики впредь до раскаяния и исправления; учинивших же это в третий раз – отрешать от места с увольнением за штат, без права когда-либо вновь быть принятым на службу. Изобличенные в сем причетники исключаются из духовного звания». 181 ст.: «Священнослужитель в церкви или вне ея, в священном облачении, дерзнувший совершить богослужение в состоянии явного опьянения (вместо слова: в нетрезвости), изобличенный в сем в первый раз, отрешается от места». 184 ст.: «Священнослужители, уличенные в вымогательстве платы за преподавание треб, с употреблением неблаговидных средств, отрешаются от места и низводятся в причетники до раскаяния и исправления, а уличенные в этом проступке во второй или третий раз – отрешаются от места с увольнением за штат и с лишением права вновь быть принятыми на службу». 186 ст.: «Священнослужитель, учинивший оскорбление тяжкое словами, посылается в монастырь на время от 1 до 3 месяцев, по степени виновности (вместо отрешения от должности, с определением на причетническое место до раскаяния и исправления), а учинивший сие во второй или третий раз – отрешается от места с увольнением за штат и с лишением права вновь быть принятым на службу». 187 ст.: «Священнослужитель,

судопроизводством изобличенный в пороке нетрезвости (вместо: обнаруженный в нетрезвости), наказывается в первый раз епитимией в монастыре; во второй раз изобличенные в сем пороке отрешаются от места с определением на причетническую должность до раскаяния и исправления; изобличенные же в том же пороке третий раз, как совершенно неспособные к выполнению возложенных на них священных обязанностей, увольняются из духовного звания с лишением сана и передаются в ведение губернского правления». Необходимо отменить взыскания, налагаемые на священнослужителей согласно 1ч. 189 и 190 ст. за повенчание лиц, обязанных супружеством или состоящих в родстве, по несоблюдению предосторожностей, но без ведома о препятствиях, и ответственность пред законами о браке, в случае нарушения таковых, возложить на самих брачащихся, их родителей и поручителей.

18. Лицам, сознавшим себя неспособными и нерасположенными к дальнейшему служению св. Церкви в священном сане, предоставить право свободно слагать с себя священный сан с возвращением таковых прав, принадлежащих им по рождению и образованию.

19. В отношении формы послужных списков желательно изменение заголовка 4 графы, дабы в оную не были вносимы сведения о состоянии под следствием и судом по делам, оконченным оправданием подсудимого, причем подлежащие внесению меры взыскания были бы исключаемы из судной графы по воспоследовании от Св. Синода разрешения не считать таковое взыскание препятствием к награждению. Представляется желательным упразднить установленные ныне отметки в поведении лиц священного сана.

20. При осуществлении означенных предположений должность благочинного со всеми присвоенными ей правами и обязанностями сохраняется с применением к ней выборного начала на трехлетний срок.

21. В целях объединения различных отраслей епархиального управления желательно ввести в консистории заседания соединенного присутствия под председательством преосвященного, при участии членов епархиального управления и должностных лиц от отдельных учреждений и учебных заведений Духовного Ведомства.

О приходах

Приход есть церковное учреждение общинного характера, в котором путем богодарованных средств при законных пастырях достигается общая цель религиозно-нравственной жизни – спасение людей. Единство цели при единстве веры и одинаковости средств, ведущих к достижению цели, некогда объединяло членов приходской общины, придавая оной возвышенный характер; в древности Церковь каждого города или села представляла собой братство в буквальном смысле, братство, в котором все друг другу помогали: у верующих, – можно сказать словами книги Деяний св. апостолов, – было как бы одно сердце и одна душа. Верующие, составляя одну братскую общину, были в самом теснейшем единении и со своими пастырями; они были соединены в одно тело общностью интересов. Насколько тесна была связь между пастырями и пасомыми, показывает наименование и до сего времени оставшееся за пастырями: отец, батюшка.

В настоящее время приход не составляет из себя братской общины; члены прихода мало между собой объединены; тесной связи между пастырями и пасомыми нет.

Такое состояние приходской жизни не может быть признано нормальным; должно приложить все меры к возрождению прихода, чтобы приход опять стал общиной, братством, живым и деятельным организмом, все члены которого должны быть тесно связанными между собой, ибо, только при сближении и сплоченности, члены приходской общины будут взаимно влиять друг на друга для проведения в жизни христианского идеала.

А. – Переходя к вопросу о средствах к оживлению приходской жизни, мы должны прежде всего использовать уже имеющиеся пути к такому оживлению, т. е.:

1) по возможности при всех церквах открыть приходские попечительства, согласно правилам 1864 года, и сами эти правила пересмотреть и исправить применительно к нуждам современной приходской жизни;

2) настаивать, чтобы повсюду неуклонно исполнялись требования инструкции церковных старостам относительно ведения церковного хозяйства.

Примечание. Право присутствовать в общем собрании прихожан по делам церкви и прихода должно быть предоставлено и лицам женского пола наравне с мужчинами.

Открытие при церквах приходских попечеств оживит приходскую благотворительность, а следовательно, и жизнь прихода. Симпатичное для всех дело благотворительности, во главе которого должен стоять приходский священник, упрочит союз между пастырем и пасомыми, выведет весь приходский причт из того изолированного положения, в котором он находится, и пробудит духовный интерес к церковным делам в мирских членах Церкви. – Выполнение требований инструкции церковного старосты, введение контроля над действиями церковных старост со стороны выборных от прихода представителей, а в важных случаях и «приходского собрания», гласность в деле расходования церковных сумм обусловит то, что имущественные интересы приходской церкви будут близки сердцу всего прихода.

Б. – Нельзя не признать, что автономия каждого отдельного прихода в деле заведования всеми делами оного есть одно из самых действительных средств к оживлению прихода. Но пользоваться этим средством надлежит с осторожностью. Неограниченная автономия может привести прихожан к мысли о самодовлеемости каждого отдельного прихода, а это не замедлит сказаться в форме эгоистического отношения к общепархиальным и церковным интересам. Все отдельные приходы суть только части поместной Церкви, между которыми должна быть самая тесная связь; как члены прихода должны помогать друг другу, так равно и приходы должны быть в самом теснейшем взаимоотношении между собой, причем приходы богатых мест должны помогать бедным приходам: «друг друга тяготы носите».

Представители разных приходов могут устраивать совместные собрания для обсуждения общих приходских и местных церковных нужд. В случае надобности те же представители, с разрешения епархиальной власти, могут быть привлекаемы к участию в общепархиальных съездах духовенства для совместного с духовенством обсуждения и епархиальных нужд.

В. – По мнению некоторых ревнителей Церкви, не только заведование материальными нуждами церкви, но и избрание кандидатов клира – должно быть предоставлено приходской общине.

Избрание кандидатов клира со стороны прихожан было допущено в древнерусской Церкви, но дало отрицательные результаты и было со временем отменено. Один архиепископ, отменяя выборное начало при избрании клира, пишет, что он сие делает – «дабы святая Церковь не была в порабощении... и над священники и причетники церковными мирских людей воли, кроме нас не было, яже повелеша св. апостолы и св. отцы». В настоящее время, при известной настроенности значительной части общества, введение в жизнь прихода выборного начала при избрании священноцерковнослужителей весьма рискованно, а посему не может быть допущено. – При этом, однако, остается за прихожанами право, как ходатайствовать о назначении к ним известного им священноцерковнослужителя или кандидата на священноцерковнослужительскую должность, так и просить об удалении из прихода нежелательного для них члена клира, но под условием, если за удаление выскажется более двух третей прихожан как мужского пола, так и женского.

Г. – Благоустройство и оживление церковно-приходской жизни невозможно без крепкой и тесной связи священника с приходом. Частая смена священников мешает установлению таковой связи; отсюда священник, как духовный отец своего прихода, может быть переведен в другой приход или по ходатайству прихожан, или по формальному суду; частой смене приходов одним и тем же священником, перемещаемым по собственному прошению, должно противодействовать. Само собой разумеется, что право административного перемещения по нуждам как прихожан, так и самих перемещаемых членов клира, должно быть оставлено за епископом.

Д. – Добрый пастырь должен знать своих овец и глашать их по имени, священник должен быть ответственным за свою паству, а это опять предполагает необходимое знание оной; таким образом, в интересах благоустройства приходской жизни необходимо иметь полный список прихожан с занесением в оный всех сведений о каждом прихожанине. Этот список облегчит новому члену причта знакомство с приходом. Ввиду сего представляется необходимым: установить обязательную приписку домовладельцев к известному храму, какой изберут они по своему желанию, но, по возможности, придерживаясь известного района (эта приписка, конечно, должна быть, произведена только в городах, так как в селах точно отмечены размеры приходов). Квартиронаниматели избирают приход по своему усмотрению; временно проживающие в приходе на краткое время исполняют обязательные требы, по возможности, в районном храме.

Е. – Правильному и стройному течению приходской жизни иногда служат помехой низшие члены причта, которые отказывают приходскому священнику в послушании, не дорожат приходами, странствуют без особых причин из прихода в приход, нередко внося разлад и смущение в жизнь. Для устранения этого зла необходимо, чтобы при назначении низших членов причта – диаконов и псаломщиков епископ требовал относительно каждого кандидата рекомендации от о. настоятеля церкви, который в свою очередь советуется о нем с наличными членами клира и представителями прихода.

Низшие члены причта – диаконы и псаломщики – должны быть помощниками приходских священников в устройении приходской жизни и под руководством священников трудиться по мере сил в деле проповеди и приходской благотворительности.

Ж. – Для ближайшего заведования церковным хозяйством и делом приходской благотворительности из сумм церковных³ необходимо: учредить под председательством священника-настоятеля прихода приходский совет, в состав которого должны входить: причт, церковный староста и представители от прихода, число которых может быть увеличено до 12 человек (без участия женщин). Приходский совет заботится о распространении книг Священного Писания, изданий религиозно-нравственного характера, объединяет приход, стоит на страже общецерковных и местных приходских интересов, заведует церковным хозяйством и имуществом и всеми делами и учреждениями благотворительного и просветительного характера в приходе и изыскивает средства к содержанию храма, причта и благотворительных учреждений прихода. Приходский совет должен иметь право употреблять на дело приходской благотворительности все остатки от церковных доходов, не испрашивая разрешения епархиального начальства.

З. – В целях возвышения пастырского авторитета в приходе признается необходимым: существующие способы вознаграждения приходского причта заменить назначением определенного и вполне приличного жалованья.

Об усовершенствовании духовных школ

Согласиться с мыслью, выраженной в предложении г. обер-прокурора, об учреждении богословских классов с укороченным общеобразовательным курсом, не представляется возможным, так как эта мысль не соответствует ни идеальному понятию пастырского служения, не обуславливается и соображениями чисто практического характера.

В основу приготовления юношества к пастырскому служению безусловно не может быть положен принцип технического образования. Пастырь не есть лицо, выполняющее какую-либо внешнюю работу технически правильно: он – насадитель слова Божия в сердцах людей, духовный воспитатель народа. Для этого же он должен быть умственно зрелой личностью. Умственная зрелость, всегда по существу требовавшаяся от пастыря, тем более должна требоваться от него в настоящее время, так как, после объявления Высочайшим манифестом 17 октября свободы совести, на нем лежит обязанность оберегать свою паству чисто духовными средствами, что не может быть успешно выполнено лицом, получившим недостаточную умственную подготовку. По этим соображениям, не только невозможно сократить общеобразовательный курс, существующий в настоящее время в духовных школах: духовном училище и духовной семинарии, а напротив – необходимо его расширить так, чтобы он был несколько не ниже гимназического курса, даже, насколько возможно, выше его.

1. Соображений практического характера, приводящих к необходимости открытия богословских классов с сокращенным общеобразовательным курсом, в предложении г. обер-прокурора высказано два: а) много предметность в существующей в настоящее время духовной школе, вредно отзывающаяся на развитии сознания учащихся, – много предметность, вошедшая в духовную школу после преобразования ее в 60-х годах, и б) не достижение существующей духовной школой ее цели – приготовления юношества к пастырскому служению, что видно из того, что многие воспитанники духовной школы, по окончании курса в ней, поступают на службу в другие ведомства.

а) Относительно первого соображения нужно признать, что не столько вредит делу образования много предметность сама по себе, сколько отсутствие единства в курсе школы, неправильное в педагогическом отношении распределение предметов по классам и, вообще, существующий в настоящее время школьный режим, не только не способствующий укреплению духовно-нравственной связи между педагогическим персоналом и воспитанниками, а напротив – уничтожающий подобную связь.

б) Что же касается бегства многих воспитанников духовной школы из духовного сословия, то причинами этого печального явления служат: приниженное положение сельского духовенства, его материальная необеспеченность, насильственное ограждение доступа воспитанникам духовной школы в светские учебные заведения, что естественно раздражает воспитанников и поселяет в их сердце нехорошие чувства к воспитывающей их школе.

Цель духовной школы

Духовная школа есть учебно-воспитательное заведение для приготовления юношества к служению православной Церкви; она открыта для всех сословий; дети всех сословий – при условии, если их внутреннее состояние соответствует направлению школы, – пользуются в ней одинаковыми правами на казенное содержание.

Примечание. Цель эта должна быть выдержана строго. Нельзя не признать, что в настоящее время цель духовной школы двоякая – приготовление юношества к служению православной Церкви и воспитание детей духовенства. Такое отсутствие единства в цели духовной школы вредно отзывается на постановке воспитательного дела. Воспитателю нет возможности пробуждать в своих воспитанниках естественные чувства благодарности к воспитывающей их матери-Церкви, зажигать в их сердцах стремление к вдохновенному служению на пользу ее, когда, хотя и негласно, но на практике постоянно и неуклонно примешивается к основной цели духовной школы – приготовлению юношества к служению православной Церкви – другая сторонняя ей цель – воспитание детей духовенства. В этом случае воспитатель чувствует, что на его призыв к воспитанникам может послышаться с их стороны довольно основательное возражение, состоящее в том, что они, как дети духовенства, имеют полное право на получение образования в духовной школе, независимо от того, поступят ли они на служение Церкви или оставят совсем духовное сословие. Вследствие этого воспитатель чувствует внутреннюю робость перед духовными мерами воздействия на своих воспитанников и уповает более на внешние средства: вместо того, чтобы наводить сознание учащихся на размышление по данному вопросу, он скорее готов отвлекать его, ограничиваясь в некоторых случаях сказыванием воспитанникам фраз, никого никогда не убеждающих, а главным образом заботясь о поддержании лишь внешней дисциплины, рассчитывая на то, что воспитанники, изучая в каждом классе богословские предметы, присутствуя на молитвах, истово совершаемых по уставу Церкви и т. д., незаметно для самих себя свыкнутся с мыслью стать пастырями Церкви. Но где нет живой души, там внешние средства, как бы искусно они ни были организованы, не произведут надлежащего действия. Вредные последствия отсутствия единства цели духовной школы особенно сильно сказались после устава 1884 года. Сокращение общеобразовательного курса в духовной школе и соединенное с этим прекращение свободного доступа воспитанников духовной школы в светские учебные заведения поставили начальство духовной школы в необходимость терпеть в стенах вверенного ему заведения воспитанников, внутренние склонности которых не соответствовали направлению духовной школы, смотреть на подобное внутреннее состояние воспитанников сквозь пальцы, если только оно не выражалось в резком нарушении внешней дисциплины, так как простые гуманные соображения лишали его нравственного права увольнять подобных воспитанников, ибо при таком положении дела уволить воспитанника – значило поставить его дальнейшую жизнь в крайне тяжелые условия в отношении получения им образования.

Об обучении в духовной школе

Цель обучения духовной школы – образовывать просвещенных священнослужителей, способных дать себе ясный отчет в современных течениях мысли и жизни и обладающих живым православным христианским убеждением.

Этой цели служит как специально-богословское, так и общее образование.

Ввиду того, что основательное усвоение богословских предметов требует от воспитанников предварительной надлежащей умственной подготовки, а главное – некоторой нравственной зрелости, более или менее сложившейся уже в душе религиозной настроенности, богословское образование должно быть отделено от общего образования и, согласно уставу православной духовной семинарии 1867 года, организовано в двух последних классах духовной семинарии – 5-м и 6-м.

В круг богословских предметов должны входить следующие предметы: Священное Писание (Новый Завет), догматическое богословие, нравственное богословие, основное богословие, всеобщая церковная история и история русской Церкви, литургика, церковное право, практическая гомилетика, история и обличение русского раскола и сектантства.

Примечание. Исключаются, согласно соображениям учрежденной, по синодальному постановлению 21 января – 8 февраля 1896 года, комиссии об изменении постановки учебного дела в духовно-учебных заведениях, из круга богословских предметов, преподаваемых в настоящее время в духовных семинариях: 1) библейская история, 2) обличительное богословие, 3) теория гомилетики и история проповедничества, с заменой их разбором и изучением образцовых произведений проповеднической литературы, 4) практическое руководство для пастырей, с отнесением одной части этой науки – пастырского богословия – к нравственному богословию, а другую ее часть – канонику – выделяя в особую науку – церковное право.

Кроме вышеозначенных предметов, в курс 5-го и 6-го классов необходимо, в целях подготовки воспитанников к учительской деятельности, ввести педагогику и методику учебных предметов начальной школы.

Общеобразовательный курс духовной школы разделяется на два отделения: на младший возраст (1–4 классы духовного училища) и средний возраст (1–4 классы духовной семинарии). Духовные училища суть учебно-воспитательные заведения, подготовительные к духовной семинарии, но отдельные по зданиям от духовной семинарии.

Примечание. Соединить духовное училище с семинарией под одно здание не представляется полезным в целях лучшей постановки воспитательного дела, так как воспитательные меры, применяемые к старшим воспитанникам, не могут быть успешно применяемы к младшим, равно как и обратно. Единство воспитания требует сохранения существующего разделения между духовными училищами и семинариями.

В общеобразовательном курсе должны быть сделаны следующие изменения как в учебных планах, так и в характере преподавания предметов:

1) Ввиду важности для общего образования математических наук, необходимо расширить программу духовных семинарий по этим предметам (арифметике, алгебре, геометрии) и ввести преподавание тригонометрии.

2) Необходимо для ознакомления с основными приемами естественных наук расширить программу по физике и ввести преподавание космографии. Для ознакомления воспитанников с основными положениями отечественного гражданского права необходимо ввести преподавание законоведения.

3) При преподавании истории русской словесности необходимо обратить главным образом внимание на ознакомление воспитанников с новой и новейшей русской литературой, древний же период проходить кратко. В целях общего развития воспитанников необходимо ознакомить их с главными иностранными писателями, для чего ввести эпизодический курс иностранной литературы.

4) Ввиду оснований, изложенных синодальной комиссией от 21 января – 8 февраля 1896 года, русскую гражданскую историю отделить от всеобщей.

5) Программу истории философии необходимо расширить введением сведений относительно новейших движений философской мысли. Это важно ввиду того, что эти сведения к

воспитанникам тем или другим способом проникают и усваиваются ими слепо, без критического раздумья.

Желательно, чтобы вообще программы были переработаны, и предоставлен выбор учебников педагогическому собранию духовной школы.

При определении курса духовных училищ необходимо иметь в виду следующее:

1) При преподавании катехизиса следует делать систематическое изложение христианского вероучения и нравоучения.

2) При изъяснении христианского богослужения надобно практически знакомить учеников с богослужебными книгами.

3) Латинский язык лучше начинать со 2-го класса, греческий же – с 3-го. Программа грамматики греческого языка должна быть сокращена; в духовных училищах должно проходить до неправильных глаголов; остальное проходить уже в семинарии.

4) С географией следует соединить естествоведение.

5) Ввести рисование.

Часовой урок в духовном училище и в семинарии обременителен как для учащихся, так и для учащихся, и должен быть заменен, как и в школах Министерства народного просвещения, 50-минутным.

Соответственно этому, примерные расписания уроков могут быть представлены в следующем виде:

	6 кл.	5 кл.
Священное Писание	4	4
Догматическое богословие	3	4
Церковная история (общая и русская)	6	4
Нравственное богословие	—	3
Основное богословие	3	—
Литургия	3	—
Церковное право	—	3
Практическая гомилетика	2	2
История и обличение русского раскола и сектантства		2 4
Педагогика и методика	2	1
	25	25

	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.
Священное Писание	4	4	4	4
Теория словесности, история русской литературы и эпизодический курс иностранной литературы	4	4	4	2
Логика	—	—	3	—
Психология	—	—	—	2
История философии и начальные основания	—	—	—	5
Законоведение	—	—	—	2
Алгебра	3	3	—	—
Геометрия и тригонометрия	2	2	2	—
Физика и космография	—	—	2	4
Всеобщая гражданская история	3	3	—	—
Русская история	—	—	3	—
Греческий язык	3	3	2	2
Латинский язык	3	3	2	2
Новые языки: французский	2	2	2	1
немецкий	2	2	2	1
Церковное пение	1	1	1	1
	27	27	27	27

Еврейский язык, иконописание – необязательны.

Духовное училище:

	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.
Священная история Ветхого и Нового Завета	3	—	—	—

Катехизис	–	–	3	3
Изъяснение христианского богослужения	–	–	1	1
Эпизодический курс русской гражд. истории	–	–	1	1
общей церковн. Истории	–	–	1	1
Русский язык	6	4	4	4
Церковно-славянский язык	1	1	1	1
Греческий язык	–	–	3	3
Латинский язык	5	3	3	3
Арифметика	4	5	3	4
География	–	2	3	3
Церковное пение	4	3	1	1
Чистописание с рисованием	2	2	1	1
	20	25	25	26

О штатах. Для успешности хода учебных занятий штаты учеников в классах должны быть сокращены. Так, в духовном училище количество учеников в классе не должно превышать 30, в духовных семинариях – 40.

О чтении книг. В целях воспитания и обучения необходимо правильно поставить чтение книг учениками. Список книг в ученические библиотеки составляется педагогическим собранием. Те ограничения, которые были сделаны в разное время циркулярами по данному вопросу, следует признать излишними и вредными, так как неумеренно строгая цензура книг, поселая в учениках недоверие к педагогическому персоналу, тем самым содействует тому, что воспитанники слепо поддаются стороннему вредному влиянию. Для пробуждения в учениках интереса к чтению следует открыть особые читальные комнаты, в которых ученики могли бы читать духовные журналы и газеты, по направлению подходящие к направлению духовной школы.

Об экзаменах. Исключая духовные училища, где должен быть только выпускной экзамен, в духовных семинариях экзамены должны производиться после основательной подготовки к ним учеников. Экзамен должен даваться по известному предмету в том классе, где заканчивается его изучение. Исключение должно быть сделано для Священного Писания, по которому назначается экзамен в каждом классе, и древних языков, по которым назначается экзамен два раза. По некоторым предметам совсем не следует делать экзаменов. Для производства экзаменов педагогическим советом должны вырабатываться особые программы. Расписание экзаменов должно быть следующее:

1 кл. – один экзамен по Священному Писанию.

2 кл. – Священное Писание, алгебра, общая гражданская история, греческий язык, латинский язык.

3 кл. – Священное Писание, геометрия с тригонометрией, история литературы, русская гражданская история.

4 кл. – Священное Писание, психология, философия, физика с космографией, латинский язык, греческий язык, французский язык и немецкий язык.

5 кл. – Священное Писание, общая церковная история, основное богословие, литургия, история раскола, педагогика.

6 кл. – Священное Писание, русская церковная история, нравственное богословие, церковное право, практическая гомилетика, обличение раскола, методика.

Кроме того, во всех классах должно быть по одному письменному экзамену.

По тем предметам, по которым нет экзамена, производятся репетиции не менее 2 раз в год (по полугодиям).

О разрядах. Деление воспитанников на разряды следует уничтожить.

О сочинениях. В целях лучшей постановки письменных работ, следует признать необходимым поручить письменные работы одного класса одному руководителю. Это важно, во-первых, потому, что при этом условии ученики могут привыкнуть в известной форме изложения, во-вторых – потому, что при задавании тем можно осуществить правило постепенности. Так, в 1-м классе должны предлагаться ученикам сочинения описательные и маленькие характеристики, работами этого класса руководит преподаватель словесности; во 2-м классе учениками должны исполняться работы повествовательные и рассуждения о причинной связи событий, руководит этими работами преподаватель гражданской истории; в 3-м классе – характеристика типов по литературным произведениям, оценка литературных произведений, руководитель –

преподаватель истории литературы; в 4-м классе – работы философского характера, руководитель – преподаватель философии; в 5-м классе – работы по основному богословию; в 6-м классе – по догматическому и нравственному богословию, руководитель – преподаватель этих наук. Сроки и количество сочинений определяются педагогическим собранием, причем в 1 и 2 классах должно быть не менее 8 работ; в 3 кл. – 6; в 4 кл. – 5, в 5 и 6 кл. – 4.

Как в 5-м, так и в 6-м классе должны ученики представить не менее двух проповедей в год. Руководителям сочинений должна быть положена особая плата, не менее 240 рублей в год за каждый класс (каждый экземпляр сочинения в старших классах приравнивается к годовому уроку).

О воспитании

Духовная школа в настоящее время не осуществляет своей цели воспитания юношества к служению православной Церкви.

Основная причина этого заключается в неправильной постановке воспитательного дела по уставу духовной семинарии 1884 года.

На первый взгляд устав ставит воспитательное дело в духовной школе вполне хорошо, так как проводит в воспитании начало личного воздействия на воспитанников и воспитателей и учащихся. Главным началом воспитания по уставу служит живой пример воспитателей и учащихся.

Но этот первый взгляд на устав очень ошибочен. Несомненно, против живого примера, как начала воспитания, возразить ничего нельзя. Это – действительно лучшая воспитательная мера. Но она должна быть проведена со строгой последовательностью; соответственно ей должно быть преобразовано и все управление духовной школы. В противном случае от этой действительно целесообразной меры могут остаться одни слова, сводящие личное воздействие воспитателей и учащихся на воспитываемых на ничто. Устав 1884 г. тем и грешит, что это начало воспитания им последовательно не проведено.

Пример в деле воспитания хорош, но только при условии, если он действительно пример живой, пример лиц, окрыленных одним духом и одним желанием. Нечего говорить, что пример лиц мертвых, не живых в воспитании, есть зло и зло горшее, чем отсутствие примера; выполнение личностью одного внешнего действия производит как раз обратное явление, прививая в сердцах одних воспитанников лицемерие и лживость, в других – явную нелюбовь к обряду, внутренний протест против него, как будто действия совершенно пустого и бессодержательного.

Как же смотрит устав 1884 г. на лиц, воспитывающих и учащихся? Действительно, для него это лица живые, рассуждающие, нравственно и умственно зрелые или, напротив, мертвые, способные только под страхом наказания выполнять предписания высшего начальства. Это явствует из отношения педагогического собрания духовных семинарий к центральному управлению, из отношения инспектора духовной семинарии к ректору или помощника смотрителя духовного училища к смотрителю, из отношения помощника инспектора к инспектору, из отношения лиц, учащихся к делу воспитания.

1) Педагогическое собрание, входя в суждение о мерах воспитания в семинарии, действует не всегда свободно, но в зависимости от циркуляров центрального управления, сдаваемых епархиальным архиереем в правление семинарии к исполнению.

2) Инспектор, на которого специально возлагается уставом дело воспитания, в постановке его оказывается в зависимости от ректора; он разделяет, как говорится в уставе, труды ректора, что на практике означает: исполняет предписания ректора. О помощнике смотрителя прямо в уставе говорится, что он действует по указанию смотрителя.

3) Помощник инспектора лишен инициативы в деле воспитания; он действует по инструкции, полученной от инспектора, вследствие чего не несет ответственности за свое дело.

4) Роль учащихся в деле воспитания, по уставу, только и ограничивается соблюдением одних внешних действий – посещения семинарского храма; от самого очага воспитательного дела они устранены. Они знают учеников только в классах за уроками, да и здесь их дело строго регламентировано программами и объяснительными к ним записками; дальнейшая жизнь воспитанников от них закрыта. В силу этого личность учащихся в деле посещения ими семинарского храма рассматривается уставом прямо как внешнее орудие. Посему, при исправлении устава, необходимо обратить внимание на то, чтобы роль учащихся не ограничивалась только соблюдением одних внешних действий – посещением семинарского храма, но и выражалась в руководстве выбором книг для учащихся, внеклассным чтением, требованием отчета о прочитанном, в нравственном воздействии на учащихся во время классных занятий через уделение особого внимания тем вопросам, которые весьма близки учащимся и захватывают их интерес.

Вообще, для усовершенствования воспитательного дела в духовной школе необходимо, положивши в основу воспитания живой пример, смотреть на лиц воспитывающих и учащихся действительно как на живых лиц, долженствующих составлять из себя одну корпорацию, которая как в целом, так и во всех своих членах в отдельности, сознает себя свободной в отношении к высшему

начальству и нравственно ответственной за вверенное ей учебно-воспитательное заведение. Для этого же необходимо:

5) Свободное обсуждение педагогическим собранием духовной школы циркуляров со стороны центрального управления. Последние должны иметь вид не распоряжений к немедленному выполнению, а предложений, которые должны быть обсуждаемы со стороны практической их осуществимости педагогическим собранием семинарии. Известная мера может быть и хороша в теоретическом отношении, но осуществление ее на практике может вызывать нежелательные последствия. Кроме сего, педагогическое собрание должно действительно искренно и правдиво доносить центральному управлению о влиянии тех или других воспитательных мер на внутреннее развитие учеников. А это возможно только в том случае, если циркуляры имеют вид не распоряжений, а предложений.

Примечание. Обсуждению не подлежат те циркуляры, которые касаются общего строя школы, определяемого законодательным путем.

6) Ректор и инспектор должны быть избираемы педагогическим собранием духовной семинарии преимущественно из своей среды.

7) Педагогическое собрание избирает также и прочих лиц – как воспитывающих, так и преподающих – в тех случаях, когда имеет известного себе кандидата.

Постановка воспитания

В деле воспитания должно различать две части: внешнее благоповедение и внутреннюю христианскую настроенность.

В основу воспитания, определяющего внешний строй жизни учеников и их поведение, должна быть положена не окончательная цель духовной школы – приготовление юношества к служению православной Церкви, а воспитание тех естественных свойств порядочности и благородства, которые требуются от каждого человека. Это необходимо, во-первых, ввиду того, что только в этом случае внешние знаки благоповедения не будут представляться воспитанникам пустыми, ничего не выражающими внешними действиями, так как те естественные чувства, выражением которых они служат, живут в сердце каждого человека, и потому воспитатель всегда может указать на них воспитаннику. Во-вторых, окончательная цель воспитания духовной школы лишь тогда может быть достигнута, когда в сердцах воспитанников заложена прочная основа первоначальной христианской настроенности. Прекрасно об этом в свое время говорил Филиппов: «Воспитатель должен иметь в виду не одну высоту цели, но и постепенность восхождения и силы того, кого он к намеченной цели возводит. Лучше ограничиться прочным и верным развитием в воспитаннике обыкновенных честных свойств, например: отвращения ко лжи, сострадания к чужой беде, искренности в отношении к товарищам и высшим и т. п. и оставить высшие стремления могущим вместить, – нежели устремить юную душу к строгим и возвышенным подвигам благочестия, не утвердив в ней первоначальных добродетелей, составляющих основу нравственной жизни. Весьма не редко встречаются люди, соблюдающие строгие предписания благочестия и в то же время презирующие самые основные законы общей нравственности: прилежно пребывающие в молитве – и обманывающие, постыющиеся – и строящие ковы и т. п.».

Что касается достижения окончательной цели духовной школы – воспитания юношества к служению православной Церкви, то это должно быть предоставлено главным образом ведению совести всего педагогического персонала. Как воспитывающие, так и учащие могут осуществить эту цель, влияя своими беседами лишь на некоторых воспитанников класса, развивая в их сердцах высшую религиозно-нравственную настроенность путем совета, наставлений и рассуждений наедине. Для лучшего достижения как первой цели воспитания, так и особенно второй, именно – сообщения истинно нравственного настроения учащимся, безусловно, необходимо следующее:

- 1) Обязанности воспитателей лежат на инспекторе и его помощниках. Инспектор ведает воспитательную часть во всей семинарии, входя возможно чаще в непосредственное общение с воспитанниками всех классов.

Помощники инспектора ведают только одну сравнительно небольшую (не более 80 уч.) часть учеников. За вверенную часть помощник инспектора должен быть ответственен как нравственно, так и юридически. Помощники инспектора могут быть или наставники за особое вознаграждение (добавочное), или, что лучше, отдельные лица, которые, для возвышения их авторитета в глазах воспитанников, должны иметь несколько уроков в семинарии.

Желательно, чтобы на каждую группу воспитанников было двое воспитателей, так чтобы они могли сменять друг друга. Эти лица вверенную им группу должны вести до окончания курса, чтобы они могли применяться к характеру и лучше воздействовать на учащихся, сообразуясь с их индивидуальными особенностями.

1) Значительное препятствие должной постановке воспитания оказывает то обстоятельство, что духовная школа имеет пансион с большим количеством в нем воспитанников. Воспитанники, живя в пансионе, не научаются сознанию того, с какими трудностями ведается иногда хозяйственное управление школы, а потому всякий недочет в столе, происходящий естественно, бывают склонны относить на счет небрежительного отношения к ним лиц начальствующих и воспитывающих, даже бывают склонны подозревать лиц, ведающих экономическое дело, в недобросовестности. Нечего говорить, что подобное обстоятельство страшно пагубно влияет на внутреннее развитие учащихся, так как, благодаря этому, в молодом сердце вытравляется вера в благородство и честность другого человека. Каким может в жизни оказаться человек, если он в молодых годах, когда впервые просыпается в человеке идеальное сознание, привыкает видеть около себя воров и мошенников?

Некоторой мерой против этого может быть учреждение в духовных семинариях (примерно из 3 и 4 кл.) дежурных на кухне. В этом случае воспитанники могут видеть, что действительно все делается для них лицами, ведающими хозяйственную часть школы, что если и случаются в этом деле некоторые недочеты, то они происходят естественно, а не благодаря каким-либо своекорыстным действиям лиц, заведующих экономией.

Но на эту меру нельзя смотреть, как на решительную. Поэтому, вводя ее, следует в то же время озаботиться о более хорошей постановке пансионов в экономическом отношении.

Казенные семинарские интернаты и епархиальные общежития необходимо устроить так, чтобы они, доставляя жизненные удобства для учеников, не порождали в последних чувства недовольства, но вызывали любовь, а также были вполне удобны для нравственного наблюдения за учениками. В этих видах желательно классные комнаты отделить от занятых комнат, ввести в занятых комнатах домашнюю обстановку посредством внесения в них комнатных растений и цветов, художественных картин, портретов. В домашней обстановке душа делается как-то мягче, добрее, нежнее, облагораживается нрав, создаются деликатные привычки. Такой обстановкой можно уничтожить грубость и бурсацизм, присущие духовной школе. Само собой разумеется, каждая занятая комната не должна представлять скученности учащихся. Хорошо было бы разбить учеников на группы, по 10 человек в каждой, и каждую группу поместить в отдельную комнату.

2) Школа должна быть в живой связи с родителями воспитанников (для чего должно быть увеличено число членов правления от духовенства); не должна школа стоять далеко и от общественной жизни.

Связь семьи со школой должна быть непрерывная: школа входит в сношения с родителями учеников или с заступающими их место непосредственно или через посредство представителей из городского духовенства – членов правления.

Что происходит в обществе, в известной степени должно быть знакомо воспитанникам. На обязанности воспитателей лежит только забота о правильном освещении действительности перед учениками. Воспитатели в этом отношении должны быть руководителями незрелого юношества.

3) Учебное заведение должно выработать ясно определенные правила внешнего поведения, исполнения которых все воспитатели должны требовать от учеников. Правила эти отнюдь не должны быть одинаковыми для всех школьных возрастов.

Уничтожить баллы при оценке поведения, заменив их словами. В тех случаях, когда ученик, будучи терпим в школе, допускает все-таки некоторые проступки, должны быть прописываемы самые проступки. В свидетельствах учеников, выходящих из учебного заведения совсем, не должно быть никакой отметки о поведении учеников.

Существующие средства поощрения учащихся к благоповедению, как воспитывающие в них гордость и самомнение (следовательно – развращающие), должны быть выведены из употребления.

4) В основе нравственного воспитания должно стоять религиозное. В целях сего воспитания к педагогическому персоналу духовной школы должен быть причислен и духовник семинарии, как лицо, способное оказать делу воспитания значительную помощь. Желательно, чтобы духовник, как духовный отец, заботился о чистоте жизни воспитанников, давая им отеческие наставления и советы, приучая их наблюдать не только за поступками, но и за помыслами. Духовник обязан беседовать с воспитанниками о предстоящих им пастырских обязанностях и о средствах к лучшему прохождению пастырского служения.

Соответственно сему должно быть поставлено воспитание и в духовных училищах.

Об административном управлении

1. О власти епархиального архиерея

Власть епархиального архиерея в отношении духовной школы должна быть определена соответственно уставу духовных семинарий 1867 г.

Исключение должно быть сделано относительно выборов ректора семинарии. По сему уставу правление семинарии в общем собрании избирает двух кандидатов; преосвященных об избранных доносит Св. Синоду, а в случае несогласия с выбором правления – представляет вместе с тем на усмотрение Св. Синода своего кандидата (§ 24).

Ввиду того, что для успешности учебного и воспитательного дела в школе необходима прежде всего объединенная и согласная деятельность всего педагогического персонала, между тем внутренняя связь между членами семинарской корпорации может легко разрушиться вследствие назначения начальником заведения человека, нежелательного для членов корпорации, что может случиться, если епархиальный архиерей будет представлять на усмотрение Св. Синода вместе с двумя кандидатами от правления и своего кандидата, – пункт устава 1867 г. об избрании ректора должен быть изменен так: «Правление в педагогическом собрании избирает двух кандидатов, епархиальный архиерей об избранных доносит Св. Синоду со своим личным мнением об избранных».

2. Правление семинарии

Правление семинарии имеет двоякого рода собрания: педагогические и распорядительные.

В педагогическом собрании присутствуют, под председательством ректора: инспектор, все преподаватели и воспитатели с правом решающего голоса и члены от духовенства в большем по сравнению с настоящим количестве, примерно в количестве 1/4 общего числа членов.

В распорядительных собраниях присутствуют, под председательством ректора: инспектор, три члена правления, один из преподавателей, два из епархиального духовенства и эконом семинарии.

Педагогические собрания, кроме обычных дел, указанных в уставе, имеют предметами своих занятий обсуждение с практической стороны циркуляров центрального управления, избрание должностных лиц семинарии, избрание преподавателей и воспитателей.

Примечание. Назначение преподавателей и воспитателей совершается центральным управлением, если правление семинарии в течение двухнедельного срока после донесения об открывшейся вакансии не заявит о своем кандидате; если же правление семинарии избирает своего кандидата, центральное управление утверждает его.

3. Ректор семинарии

Власть ректора должна быть определена соответственно уставу 1867 г.

Исключение должно быть сделано относительно § 23, который должен быть исправлен так: «Ректор назначается из лиц с ученой академической степенью и в сане архимандрита или протоиерея».

4. Инспектор семинарии

Инспектор избирается из лиц, имеющих ученую академическую степень.

Инспектор о неисправимых или учинивших какой-либо важный проступок, с ведома ректора, доносит правлению.

Примечание. Ректор и инспектор оставляют за собой небольшое количество (от 3 до 6) уроков по Священному Писанию или тому из богословских предметов, который они сами избирают. Уроки эти должны быть, как и в настоящее время, платные.

Соответственно этому должно быть поставлено управление и в духовном училище.

Относительно экономического положения преподавателей и воспитателей желательно сравнение штатов и права получения пенсии на службе педагогического персонала духовной школы со штатами и правом на пенсию в Министерстве народного просвещения, с тем, чтобы и на будущий раз изменения в этом отношении происходили согласно и одновременно в том и другом ведомстве.

Об епархиальных женских училищах

При преобразовании епархиальных женских училищ, в руководство могли бы быть взяты следующие основные положения:

1) Сообразно с потребностями времени, существующий курс предметов необходимо расширить введением новых предметов, именно алгебры и естественной истории, расширением программ по геометрии и физике.

Расширение курса предметов можно произвести, во-первых, на счет сокращения уроков по некоторым предметам (в некоторых классах слишком много положено уроков по Закону Божию и арифметике), во-вторых – через прибавление к 6-ти классам 7-го класса.

2) Для приготовления воспитанниц к учительской деятельности необходимо открыть 8-й класс – педагогический.

3) В советах, собираемых для обсуждения педагогических вопросов, должны присутствовать с правом решающего голоса все преподаватели, преподавательницы и воспитательницы. Если педагогические вопросы имеют отношение только к какому-либо одному классу, в совете с правом решающего голоса присутствуют воспитательницы только этого класса, остальные же воспитательницы могут присутствовать с правом совещательного голоса.

О порядке приобретения церковной собственности

Вопросом о порядке приобретения недвижимой собственности поставляются на обсуждение два положения: а) об отмене того ограничения для церквей, монастырей и архиерейских домов, которые для приобретения недвижимой собственности требует испрошения Высочайшего соизволения, хотя это ограничение на протяжении многих лет ни в одном случае не являлось препятствием к совершению актов укрепления, но ограждало церкви и монастыри от приобретения ненужных, невыгодных, спорных и т. п. имуществ, и б) о признании за духовенством, как сословием, прав юридического лица на приобретение недвижимого имущества.

А. – Изложенное в законах гражданских и законах о состояниях требование испрашивать Высочайшее соизволение в каждом отдельном случае пожертвования, завещания и покупки недвижимого имущества, как бы малозначительно оно ни было, с одной стороны – является выражением ограничения имущественных прав Церкви, а с другой – ограждает их от приобретения ненужных, невыгодных и спорных имуществ. Значение Высочайшего соизволения как ограничения устанавливается редакцией статей 1429 зак. гражд. и 435 зак. о сост.: 1) «Церкви, монастыри, епархиальные начальства и архиерейские дома не могут приобретать недвижимых имуществ иначе, как по Высочайшему соизволению»; 2) «Приобретенные недвижимые имущества утверждаются за ним в собственность не иначе, как по исходатайствованию на то каждый раз через Св. Синод Высочайшего соизволения». То же значение Высочайшего соизволения разъясняется и 985 ст. зак. гражд., причем текстом этой статьи устанавливается то положение, что требование испрашивать Высочайшего соизволения было введено в закон только как ограничение имущественных прав Церкви, а ограждение ее интересов возложено на епархиальные начальства и Св. Синод: «Пожертвования в пользу архиерейских домов, церквей и монастырей имуществ недвижимых приемлются не иначе, как вследствие соображений и сношения консистории с кем следует о том, имеют ли завещатели сами право на таковые распоряжения и соблюдены ли все формы, на подобные случаи установленные. О последствии сих соображений консистория, с своим мнением, представляет архиерею, и, если нет препятствий к принятию завещанного, архиерей доносит Св. Синоду для испрошения Высочайшего соизволения». Согласно сему закону, Высочайшее соизволение надлежит испрашивать (и ныне оно испрашивается) по рассмотрении дела духовной консисторией, епархиальным архиереем и Св. Синодом и по установлении не только законности завещательных распоряжений или воли жертвователя, но и по удостоверении в бесспорности, выгоды приобретения, по осмотре, оценке и установлении границ, меры и состава недвижимых имуществ. Но так как само значение имущественных дел для интересов учреждений Церкви и означенный порядок направления сих дел обязывают епархиальное и центральное синодальное управление входить в тщательное рассмотрение их, то не представляется необходимости в оставлении без изменения существующего порядка направления дел этого рода, и желательно отменить требование в каждом отдельном случае испрашивать Высочайшее соизволение и, при пересмотре законов, определяющих порядок приобретения церковной собственности, изменить редакцию всех вышеприведенных статей законов гражданских и о состояниях, в целях установления большего соответствия требований закона с интересами учреждений Духовного Ведомства, т. е. ввести в закон прямое указание, что за всеми таковыми учреждениями признается значение юридических лиц, имеющих право на приобретение недвижимой собственности.

Б. – Разрешение второго вопроса: о признании за духовенством, как сословием, прав юридического лица на приобретение недвижимого имущества – предполагает рассмотрение и сопоставление канонических по сему постановлений с законоположениями, действующими по Духовному Ведомству и законами гражданскими.

Правилами св. апостол не предоставлено право на приобретение недвижимой собственности ни епископам, ни клиру: все недвижимые имущества именуются церковными в общем смысле, управление и даже обладание (т. е. владение и пользование) ими усваивается епископу, хотя право распоряжения, которое знаменует собой право собственности и неразрывно с ним связано, епископам не предоставлено: «Епископ да имеет попечение о всех церковных вещах, и оными да распоряжается» (38-е пр. Апост.). «Повелеваем епископу имети власть над

церковным имением» (41-е пр.). «Церковное имение и особое епископъе, да предлежит яве, да епископ завещавает о своем, якоже хочет, а церковное да пребывает без пакостей». «Пресвитеры и диаконы, без воли епископа, ничего не совершают» (39-е пр.). С течением времени, при умножении числа церквей в епархии и увеличении недвижимой собственности, непосредственное управление церковным имуществом для епископов стало уже невозможным, а потому на соборах было постановлено: при каждой архиерейской кафедре избрать из числа членов клира особое должное лицо под именем эконома, для управления и охранения движимой и недвижимой церковной собственности: «Иконом во всех соборных церквах от причта да бывает, да правит церковное имение» (26-е пр. 7 Всел. Соб.). Согласно 39-му пр. св. апостол, права клира в отношении церковного имущества устанавливались епархиальным архиереем в пределах власти, от него предоставляемой, причем Церковь никогда не усвояла духовенству права владения и распоряжения имуществом независимо от епископа; все имущества именовались церковными, а члены клира были лишь их охранителями. Посему правилами соборными и апостольскими определяются только права епископов и притом по управлению лишь церковными имениями.

Устав духовных консисторий не дает указаний, которые могли бы послужить основанием к заключению о принадлежности духовенству вообще, или причту в частности, права собственности в отношении недвижимого имущества. 46-я статья возлагает на прихожан обязанность обеспечивать содержание причта сооружаемой церкви, а 132 ст. предписывает епархиальному начальству наблюдать, чтобы священнослужители и причетники имели все способы содержания, какие для них определены законами, и пользовались оными так, как установлено. В следующих статьях (133 и 137) излагаются постановления о церковных имениях, согласно приведенным каноническим правилам.

В законах о состояниях (т. 9 ст. 445) церковные имения разделяются по родам: 1) земли, принадлежащие церквам по прежним дачам, писцовым книгам и новейшим укреплениям, и 2) земли усадебные для церковных причтов и отводимые для довольствия от прихожан. Церковные земли навсегда остаются церковной принадлежностью (ст. 449), причем даже причтовые усадебные земли отнюдь не составляют собственности церковного причта, но предоставляются для обеспечения на время нахождения при церкви членов причта (Циркулярный указ Св. Синода от 22 января 1868 года, № 4). Таким образом, в законе нельзя найти основания для признания за духовенством, как сословием, прав юридического лица по приобретению недвижимого имущества. Между тем таковые права признаются за дворянством и крестьянством, как сословиями. Выморочные имущества, остающиеся после потомственных дворян, обращаются в пользу дворянских обществ (1172 ст. 10 тома законов гражданских). Недвижимые имущества в пределах города и отведенных ему земель, остающиеся выморочными после потомственных дворян, обращаются в собственность дворянства губернии (ст. 1172 законов гражданских). Сельское общество может также, на основании общих законов, приобретать в собственность недвижимые имущества, распоряжаться ими по своему усмотрению, разделять между домохозяевами или оставлять в общем владении (ст. 10 положения о сельском состоянии). Поэтому в числе лиц, имеющих право на приобретение недвижимой собственности, в законе (ст. 698 закон, граждан.) значатся: дворянские, городские и сельские общества, а юридическими лицами по Духовному Ведомству признаются лишь архиерейские дома, епархиальные начальства, монастыри и церкви. Между тем ныне духовенство епархии является фактическим собственником недвижимых имуществ (епархиальные свечные заводы, благотворительные и просветительские учреждения), укрепленных за епархиальными начальствами и церквами, а не за действительным приобретателем их – духовенством епархии, имущественные права коего беспрепятственно могут быть приравнены к таковым же правам названных обществ, при соблюдении общего порядка укрепления без ограничений имущественных прав, ныне установленных в отношении учреждений Духовного Ведомства, и согласно каноническим постановлениям, в частности – требованиям 38-го и 39-го правил св. апостол.

О епархиальных съездах

Епархиальные (и окружные) съезды духовенства, возникшие на основании семинарского устава 1867 года, регламентированный круг своих прав и полномочий имеют ограниченный, касаясь по преимуществу экономической стороны содержания духовно-учебных заведений и только в незначительной степени – учебно-воспитательной. Согласно теперь существующим уставам, общепархиальные съезды, делая те или другие постановления по экономическим делам учебного заведения, избирают из среды духовенства двух членов правления или совета, которые и являются выразителями и защитниками интересов духовенства в духовно-учебном заведении. Этим, собственно, и исчерпываются «законные» права епархиальных съездов»; а расширение сферы компетенции съездов на другие стороны епархиальной жизни, равно как время созыва съездов и число его членов, всецело зависит от усмотрения местного преосвященного.

Просветительная и церковно-общественная деятельность духовенства – в особенности в настоящее время – расширилась и требует особой напряженности духовных сил пастыря; немало назрело и других вопросов, касающихся учебно-воспитательного дела в духовных школах, отношения духовенства ко всем прочим епархиальным учреждениям, экономического положения самого духовенства и пр. У нас имеются: духовная семинария, мужские и женское духовные училища, епархиальный свечной завод, епархиальная эмеритальная касса, епархиальное попечительство о бедных, епархиальные приюты и богадельни, церковно-приходские школы разных типов и пр. Это все – учреждения, которые близки духовенству как по цели своего существования, так и по материальным средствам, которые идут на содержание их от церквей и причтов. Между тем духовенство почти не призвано к непосредственному участию в делах названных учреждений и о деятельности последних узнает только из печатающихся в «Епархиальных Ведомостях» отчетов.

Настойт нужда реформировать съезды духовенства и приблизить их к современным требованиям епархиальной жизни. Духовенство желает проявления большей самостоятельности, оно стремится к объединению в своих духовных и материальных интересах, к проявлению более активной деятельности в решении вопросов, касающихся епархиальной и церковно-общественной жизни духовенства. Поэтому желательно, чтобы съезды духовенства приняли на себя задачу быть выразителями этой самостоятельности духовенства во всей ее широте, быть, так сказать, жизненным нервом всей этой сложной и разнообразной пастырской, церковно-общественной и прочих форм жизни духовенства.

Желательно, чтобы епархиальные съезды стали в близкое и непосредственное участие во всех указанных выше епархиальных учреждениях, и чтобы служили центром, объединяющим их деятельность.

Как сказано выше, духовно-учебные заведения представляются от духовенства двумя членами правления или совета; непосредственного участия в делах учебно-воспитательных духовенству не предоставлено.

В интересах сохранения единства мысли и действий в ведении учебно-воспитательного дела желательно сохранить этот порядок и на будущее время.

Что же касается прочих сторон епархиальной жизни, то в них духовенству должно быть предоставлено более близкое и широкое участие. Органом такого участия должны быть съезды духовенства: общепархиальные, окружные, уездные и благочиннические.

Частнее, права и полномочия каждого из поименованных съездов можно представить в следующих положениях.

1. Общеeparхиальные съезды

1. Общеeparхиальный съезд духовенства есть собрание выборных представителей духовенства всей епархии.

2. Ведению общеeparхиального съезда подлежат: а) общеeparхиальное хозяйство, б) попечение о наилучшей постановке материального обеспечения духовно-учебных заведений и церковно-приходских школ епархии, в) забота о благоустроении церковной общины как в религиозно-нравственном, так и в других (бытовом, экономическом и т. п.) отношениях, г) вопросы, касающиеся материального обеспечения и благочиния клира.

3. В частности, ведению епархиального съезда подлежат: а) рассмотрение денежных и материальных отчетов и вообще всех дел, касающихся епархиального свечного завода; б) рассмотрение отчетов и всех дел, касающихся епархиальной эмеритур и попечительства; в) обложение церквей и причтов новыми налогами на просветительные, благотворительные и другие нужды;

г) пересмотр и распределение между благочиниями и отдельными церквами существующих налогов; д) изыскание материальных средств к обеспечению духовно-учебных заведений; е) забота и изыскание материальных средств к призрению сирот-детей и взрослых, а равно престарелых и заштатных; ж) заслушивание представляемых депутатами докладов как о состоянии приходов каждого благочиннического округа в религиозно-нравственном и других отношениях, так и о деятельности окружного духовенства в делах просветительных, миссионерских, благотворительных и проч., а в связи с обсуждением этих докладов – изыскание способов к усовершенствованию церковной жизни округа; з) заботы об улучшении совершения служб церковных (чтение и пение); и) дисциплина клира; братский суд чести; по взаимному желанию сторон – рассмотрение распрей между членами клира и между клиром и прихожанами; й) изыскание способов материального обеспечения духовенства (взамен получения платы за требоисправления); к) рассмотрение экономических смет и обревизованных экономических отчетов тех учреждений, которые расходуют епархиальные средства; л) избрание одной общей или нескольких частных комиссий для обревизования экономического положения сих учреждений и их отчетности; м) избрание членов от духовенства в правления и советы духовно-учебных заведений, в комитеты, советы и управления других епархиальных учреждений.

Примечание. В епархиальный училищный совет половина членов оного избирается общеeparхиальным съездом; другая же половина назначается епархиальной властью.

4. Избранные общеeparхиальным съездом члены от духовенства участвуют в учреждениях с правом решающего голоса по всем частям управления.

5. Общеeparхиальные съезды должны собираться ежегодно.

6. Депутаты на общеeparхиальный съезд избираются на благочиннических собраниях закрытой баллотировкой, по одному депутату от каждого благочиния.

7. Депутаты на общеeparхиальный съезд избираются благочинническим собранием только на 1 год.

8. Все должностные лица в различные епархиальные учреждения избираются общеeparхиальным съездом на 3 года.

9. При избрании депутатов на общеeparхиальный съезд каждый священник имеет 1 голос, каждые два диакона – 1 голос и каждые 3 псаломщика – 1 голос.

10. Все постановления общеeparхиального съезда должны или печататься в «Епархиальных Ведомостях» и других епархиальных органах печати, или же рассылаться по церквам в форме особой брошюры, по надлежащем утверждении.

Окружные съезды

11. Окружной съезд духовенства собирается из депутатов тех благочиний, которые относятся к данному училищному округу.

12. Ведению окружного съезда подлежат: а) попечение о духовном училище округа, заслушивание заявлений от членов правления о состоянии в училище учебно-воспитательного дела и забота о наилучшей постановке его, забота о надлежащем обеспечении училища материальными средствами, рассмотрение экономической сметы и обревизованных экономических отчетов, избрание религиозной комиссии с предоставлением ей права внезапной ревизии по хозяйственной части училища, б) избрание членов правления училища от духовенства, в) обсуждение нужд округа по вопросам религиознонравственным, церковно-общественным и пр.

13. Способ избрания депутатов, их число от благочиния, продолжительность их полномочий, а равно продолжительность полномочий членов от духовенства— те же, что указаны (§§ 7 и 8) о членах и депутатах общепархиального съезда.

14. Окружные съезды собираются ежегодно, а в экстренных случаях и чаще.

3 Уездные съезды

15. Уездные съезды собираются не менее одного раза в год и состоят из депутатов от благочиний всего уезда.

16. Ведению уездных съездов подлежат: а) попечение о церковно-приходских школах всех типов и о других просветительных епархиальных учреждениях в уезде, б) рассмотрение школьных отчетов по учебной и хозяйственной частям, изыскание средств к содержанию сих школ, в) избрание уездного наблюдателя школ и членов (до половины общего числа их) в уездное отделение епархиального училищного совета и г) обсуждение нужд уезда по вопросам религиозно-нравственным, церковно-общественным и др.

17. Способ избрания депутатов на уездный съезд, число их от благочиния, продолжительность их полномочий – те же, что указаны о членах и депутатах общепархиального съезда.

Примечание. Ввиду того, что частые съезды обременительны для самого духовенства и неизбежно сопровождаются опущениями в приходских делах, вопросы, означенные в пп. 15 и 16, могут подлежать обсуждению на окружных съездах, и, в случае полного их разрешения там, уездный съезд не собирается.

4. Благочиннические собрания

18. Благочиннические собрания составляются из наличия всех членов причта благочиния, т. е. священников, диаконов, псаломщиков, и бывают возможно чаще.

Примечание. Желательно, чтобы в уездах благочиннические собрания происходили сообразно местным условиям от времени до времени в разных селах и отнюдь не приурочивались к праздничным дням, дабы духовенство и само не отвлекалось от исполнения своих прямых обязанностей по приходу, и прихожан своих не оставляло без церковных служб. Но желательно, чтобы собравшееся духовенство, хотя бы и в будничный день, собрание свое сопровождало церковной торжественной службой – совершением вечерни при пении всех собравшихся, с чтением акафиста и поучением народу.

19. Предметом благочиннических собраний имеют быть вопросы, касающиеся всей разнообразной пастырской, просветительной, благотворительной, экономической и других сторон жизни духовенства и пасты в пределах благочиннического округа; на благочиннических собраниях духовенство должно взаимно делиться пережитым в приходе и почерпать себе опыт из пережитого другими. В частности, благочиннические собрания ведают: а) братское обсуждение вопросов пастырской практики, изыскание мер к поддержанию в народе веры, нравственности, просвещения, благотворительности; б) рассмотрение годичного отчета, составленного благочинным или благочинническим советом, на основании настоятельских отчетов о состоянии прихода в религиозно-нравственном, просветительном, благотворительном, экономическом и прочих отношениях; в) подготовительное обсуждение дел, подлежащих рассмотрению общепархиального съезда, и изготовление доклада о религиознонравственном состоянии приходов и деятельности духовенства в округе (п. 3, ж); г) подготовительное решение экономических и других вопросов, подлежащих обсуждению окружного или уездного съезда; д) обложение церквей и причтов денежными взносами на дела просветительные, благотворительные и другие нужды; е) пересмотр и распределение между отдельными церквями благочиния существующих налогов; ж) забота и изыскание материальных средств к призрению сирот-детей и взрослых, а равно престарелых и заштатных в районе благочиния; з) учреждение касс взаимопомощи и похоронных; и) забота об улучшении в чине совершения богослужения церковного; й) учреждение библиотек, читален, чтений, собеседований, лекций и пр.; к) избрание должностных лиц: благочинного, его помощника, духовника, следователя, двух лиц в благочиннический совет и депутатов на съезды – общепархиальный, уездный и окружный.

20. Свои постановления благочиннические собрания в потребных случаях представляют на обсуждение общепархиального съезда духовенства.

21. В каждом благочинии нужно признать полезным учреждение благо-чиннических советов. Состав и круг деятельности благочиннического совета может быть представлен в следующем виде:

а) Благочиннический совет состоит из благочинного, его помощника (а где его нет – следователя), духовника и двух членов по избранию благочиннического собрания.

б) Благочиннический совет, кроме своих административных действий, представляет собой примирительно-дисциплинарный суд над лицами благочиния.

в) Благочиннические советы учреждаются и постоянно действуют в каждом благочинническом округе.

г) Ведению благочиннических советов подлежат: составление благочиннических отчетов на основании отчетов о.о. настоятелей; споры, возникающие между членами причтов, по разделу приходских доходов, пользованию церковной землей и церковными усадебными строениями, решение жалоб за ущербы и убытки, за посевы и строения, по уплате долгов, жалобы прихожан на вымогательство причта за требоисправления, на недозволенные излишние поборы и за отказ или несвоевременное исполнение разных церковных треб; иски о личных обидах и оскорблениях, которые по закону могут быть прекращены взаимным примирением; проступки духовных лиц против должности, благочиния и благоповедения, не требующие формального расследования и за которые по закону определяются замечания, внушения и выговоры без внесения в формулярные списки; принятие мер к охранению церковной собственности, изысканию местных средств к устройству и поддержанию причтовых строений, внушения и указания нерадящим по сему предмету; представление епархиальному начальству о награждении членов причта,

отличающихся особенной пастырской ревностью в наставлении и просвещении прихожан, в благоустройстве церковных школ и другими заслугами, выходящими из круга обыкновенных обязанностей, равно и представление церковных старост к наградам; доставление правлениям семинарий, духовных училищ и советам епархиальных женских училищ сведений о детях духовенства, обучающихся в означенных заведениях и нуждающихся или в полном епархиальном содержании, или пособии; наблюдение за своевременным представлением церквами и причтами обязательных взносов и сборов в подлежащие учреждения; восстановление прав обиженного и восполнение его убытков, наказание обидчика выговором, замечанием и денежным штрафом (не более 10 рублей) в пользу епархиального попечительства.

д) Решение благочиннического совета – окончательное и приводится в исполнение благочинным. Недовольная решением сторона в продолжение месяца может принести на совет жалобу преосвященному или консистории и непременно с приложением копии решения благочиннического совета.

е) В случае подачи истцом жалобы по вышеуказанным предметам непосредственно преосвященному или в консисторию, таковые жалобы без рассмотрения должны быть препровождаемы в благочиннические советы.

Об участии православного духовенства в общественных учреждениях

По церковным правилам (4Всел. Соб. 30-е пр., 7 Всел. Соб. 10-е пр.) запрещается клирикам заниматься мирскими делами («устроить мирские дела» – пр. 3-е 4 Всел. Соб.; «принимать на себя мирские и житейские попечения» – пр. 10-е 7Всел. Соб.) и занимать мирскую должность. Однако это запрещение не безусловно. Оно безусловно только на тот случай, когда занятия клириков мирскими делами и житейские попечения их соединяются с преступными, несоответствующими достоинству служителей Церкви, целями «гнусного прибытка», «сребролюбия» (3-е пр. 4Всел. Соб.) и «небрежением о Божием служении» (там же). Но теми же церковными правилами не возбраняются клирикам мирские и житейские попечения и распоряжения мирскими делами, когда они «по законам призваны будут к неизбежному попечительству над малолетними, или, когда епископ града поручит кому иметь попечение о церковных делах, или о сиротах и вдовах беспомощных, и о лицах, которым особенно нужно оказать помощь ради страха Божия» (пр. 3-е 4 Всел. Соб.).

Осуждая увлечение клириков мирскими делами «гнусного ради прибытка» и с другими неблагоприятными целями, Церковь православная – и греческая и русская – в то же время допускала их до участия в общественных и государственных делах для блага самой Церкви и пользы государственной. Примеры видим особенно в истории татарского владычества и смутного времени.

По действующим гражданским и церковным узаконениям и положениям, русское православное духовенство может принимать участие в городских и земских учреждениях, и притом только через своих представителей, назначаемых, не по выбору, епархиальным начальством в качестве депутатов его. Роль этих представителей ничтожна. Если они могут делать что-либо на пользу Церкви и духовенства, то могут делать не столько по праву, сколько влиянием сильного слова и закулисными путями (предварительными негласными переговорами с более влиятельными членами городских и земских собраний). Но члены причта не могут участвовать в выборе гласных в названные городские и земские учреждения и сами быть избираемы в гласные, хотя бы и имели требуемый для сего ценз, как личный, так и по уполномочиям от церквей. Право же на какое-либо участие духовенства в сельских сходах духовенству совсем не предоставлено. Ходатайства духовенства о предоставлении ему такого права и о расширении прав на участие в городских и земских учреждениях оставались подлежащим высшим начальством без удовлетворения. Оставляя такие ходатайства без удовлетворения, высшая власть руководилась тем соображением, что широкое участие духовенства в общественных учреждениях, вводя пастырей Церкви в круговорот мирских дел, должно отвлекать их от прямых обязанностей и несогласно притом же с вечными началами высокого пастырского служения.

По идее, такое соображение высшей власти – справедливо, и оно имело бы полный практический смысл в том случае, если бы все члены общественных мирских учреждений были верными чадами православной Церкви; если бы в этих учреждениях никем и никак не затрагивались и не нарушались интересы Церкви и духовенства; если бы, наконец, наше духовенство и особенно пастыри в действительности не отвлекались от прямых пастырских обязанностей никакими мирскими делами и никакими приватными, не имеющими отношения к пастырскому служению, обязанностями. Но общественные мирские учреждения нашего времени состоят не из одних православных лиц, преданных св. Церкви и готовых оберегать ее интересы; в них есть и бывает много лиц, или к православной Церкви не принадлежащих, или православных только по имени, но в действительности не расположенных к Церкви и даже враждебных ей. В общественных мирских учреждениях весьма нередко решаются дела, имеющие близкое отношение к Церкви, и неблагоприятные решения и суждения их вредны и опасны Церкви. Православное духовенство в действительности не может себя всецело посвятить прямым обязанностям пастырского служения при настоящих условиях жизни. Оно в большой мере отвлекается от них многими приватными обязанностями: неизбежным попечением о пропитании своей семьи и множеством канцелярских обязанностей, налагаемых духовными и гражданскими властями, и учреждениями, обязанностями по участию в разных благотворительных, просветительных и других учреждениях и т. п.

Для блага Церкви, для успеха пастырского служения необходимо безотлагательно снять с наших пастырей бремя мирского попечения о пропитании семьи и разных канцелярских повинностей, пагубно влияющих и на настроение пастырей и в большой мере отвлекающих их от того поля деятельности, где они могли бы принести действительную пользу и Церкви и отечеству. Кроме церкви и прихода, в это поле пастырской деятельности должны войти и разные общественные учреждения нашего времени. В настоящее время освободительного движения участие православного русского духовенства в общественных учреждениях безусловно необходимо, и оно должно быть поставлено на самых широких началах Высочайше дарованной русскому народу гражданской свободы. Со дня объявления этой свободы враги Церкви, прежде скрытые и связанные охранительной системой Правительства, открыто возвысили свой голос против нее, против всего существующего строя ее, против неприкосновенных и священнейших прав ее, против святейших ее учреждений и, наконец, против служителей Церкви – духовенства. Поэтому ныне более, чем когда-либо, необходимо предоставить православному духовенству самые широкие права на участие в разных общественных и даже государственных учреждениях, наравне с правами прочих граждан, чтобы «открыть ему широкое поприще для проведения и в этой области чистых христианских начал и для утверждения своего нравственно-просветительного влияния», равно как и для того, чтобы дать ему возможность отстаивать свои гражданские права наравне с прочими гражданами и оказывать свое культурное влияние на общественные и государственные дела для блага Церкви и отечества.

В частности, необходимо предоставить православному духовенству широкое право участия в земских уездных и губернских собраниях. Было время, когда духовенство пользовалось этим правом, хотя и не в той широкой мере, в какой оно желательно для нынешнего времени. По земскому положению 1864 года, действовавшему до 1890 года, духовенство имело право участия в выборе гласных в уездные и губернские собрания по земельному цензу, причем для образования, установленного земским положением ценза складывались несколько церковных земель. Необходимо восстановить земское положение 1864 года относительно прав духовенства в том направлении и с тем условием, что если, соответственно современным началам государственной жизни, земский ценз будет понижен, то должен быть соответственно сему понижен и церковный ценз, образующийся из складывания церковных земель. Справедливость требует, чтобы члены православных причтов не были лишены прав на участие в земских учреждениях и по личному цензу, наравне с прочими членами земства и на общем основании.

Равным образом признается необходимым, во имя справедливости и в интересах Церкви, предоставить городскому духовенству право участия в выборах городских гласных, по ст. 24 и 43 город. полож., т. е. право избирать гласных и быть избираемыми наряду с прочими гражданами. При этом таким правом должны пользоваться, на общем основании, как священноцерковнослужители собственники-домовладельцы, так и те священноцерковнослужители, которые не имеют собственных домов, но живут в церковных домах и участвуют, наряду с домохозяевами, в платеже городских и земских налогов. Могущее последовать изменение домовладельческого ценза должно, на общих основаниях, простирается и на духовенство.

Предоставлением прав духовенству на участие в земских и городских учреждениях по цензу и по общему государственному положению не устраняется участие в этих учреждениях депутатов от духовенства, по назначению епархиальной власти, с определенными ограниченными правами.

Что касается участия представителей от духовного ведомства в училищных – городских и земских – советах, то желательно, чтобы такими представителями были назначены по преимуществу наблюдатели церковно-приходских школ.

Необходимость участия духовенства в сельских и волостных сходах признается по следующим соображениям:

Во-первых, на этих сходах бывают суждения и принимаются решения, хотя и вопреки существующим узаконениям и распоряжениям (ст. 51 и 78 общ. полож.; циркул. министра внутр. дел 21 марта 1887 г. № 8; цирк. указ Св. Синода 31 мая 1887 г. № 8), и по церковным вопросам, равно как и по вопросам школьным и касающимся общественной благотворительности. Во-вторых, на этих сходах, по правам местных крестьян и владельцев, принимают участие руководители старообрядчества и сектантства, их начетчики, наставники, настоятели и сектантские пресвитеры. В противовес их бесспорно вредному влиянию и некоторым образом в уравнивание с ними необходимо предоставить и православному духовенству право участия в

волостных и сельских сходах. В-третьих, сельское духовенство, живя со своими прихожанами общей трудовой сельскохозяйственной жизнью, имеет с ними в этой области много общих интересов, служащих предметом суждений и решений на сельских и волостных сходах, и по справедливости имеет право и должно принимать участие в этих сходах. Наконец, волостные и особенно сельские сходы должно признать наиболее благоприятными для непосредственного общения духовенства с приходом в более или менее целом его составе. Оно видит прихожан собранными в церкви; но здесь нет места для обмена мыслями. На сельских сходах этот обмен может быть свободный, и пастырь Церкви может иметь много поводов и побуждений именно здесь оказать на свою паству доброе пастырское влияние в разнообразных направлениях: и лично на тех или других членов прихода, и относительно семейств их, и по делам частной и общественной благотворительности, и по делам общесельской жизни.

Если последует изменение сельской общины в мелкую земскую единицу, то здесь участие духовенства будет еще разностороннее и благотворнее.

О предметах веры

Вера есть, с одной стороны, акт души, познающей через нее непостижимые истины веры, и ее настроение или состояние, поскольку она проникается этими истинами и живет ими. С другой стороны, верой называются и сами истины веры в их совокупности, богооткровенное учение, данное в слове Божиим, точно определенное св. Вселенскими Соборами и раскрытое в творениях св. отец и учителей Церкви, в катехизических изложениях и догматических курсах. В жизни русского народа замечаются недостатки в той и другой области. В одних замечается слабость веры как душевного настроения, маловерие, индифферентизм и даже неверие; в других – слабое знание истин веры или даже совершенное незнание их; в-третьих – искажение их разными заблуждениями. Первое замечается по преимуществу в так называемой интеллигенции, второе – в массе простого русского народа, третье – в расколе и сектантстве; но в известной степени и то, и другое, и третье есть во всех классах русского общества. Первым необходимо возгревание веры и поддержание благочестивого настроения верующей души, вторым – познание истин веры и третьим – очищение от заблуждений по преимуществу; однако и те, и другие, и третьи нуждаются, – в той или другой степени, – и в познании, и в утверждении, и в очищении веры.

Божественное учение познается через чтение и слышание слова Божия: «Како уверуют, егоже не услышаша? како же услышат без проповедующего?» (Рим.10:14).

Чтение слова Божия по нынешнему времени должно быть главным и первым средством познания божественного учения. Пастырская проповедь есть дело временное, а чтение может быть делом постоянным. Ныне, при распространении грамотности, в каждой русской деревне, а по местам и в каждом доме найдутся грамотные. Но книги Св. Писания пока весьма слабо распространяются в народе. Русские сектанты имеют Библии, а православные не имеют и св. Евангелия; русские сектанты хорошо знают всю Библию, а православные не знают и св. Евангелия. Поэтому они так легко и подчиняются влиянию сектантов и разных либеральных учителей и раскольников. Крайне необходимо расширить деятельность Русского Библейского Общества до такой степени, как поставлены подобные общества в Западной Европе. Обычно библейские общества действуют через книгонош; но замечено, что книгоноши распространяют в народе, вместе с книгами Св. Писания синодального издания, и сектантские издания. Необходимо организовать деятельность книгонош таким образом, чтобы они не были орудием пропаганды сектантских заблуждений. Более же надежным средством распространения книг Св. Писания могло бы быть устройство небольших книжных складов при каждой приходской церкви. При ожидаемой реформе приходской жизни, при развитии приходских кружков ревнителей православия, при расширении деятельности приходских попечительств и братств, устройство при церквях книжных складов могло бы быть поставлено прочно и надежно. В них, кроме книг Св. Писания, могли бы быть и другие книги, брошюры и листки религиознонравственного и иного полезного направления и содержания, по ценам, доступным для народа. Такие склады могли бы быть противовесом тем книжным складам и библиотекам, которые в широкой степени распространяются в народе земствами и разными светскими просветительными обществами либерального направления. При бедности многих сельских приходских церквей, на помощь к ним могли бы прийти епархиальные просветительные братства. Эти братства уже и работают в указанном направлении; но желательно, чтобы они усилили свою просветительную деятельность принятием на себя специального дела библейских обществ и устройством книжных складов при приходских церквях. Во всяком случае, теми или другими мерами необходимо добиться (и чем скорее, тем лучше) того, чтобы книги Св. Писания, особенно Новый Завет, были в каждой православной семье настольной книгой.

Но чтение книг Св. Писания без руководства Церкви может привести и нередко приводит читающих – не только малоразвитых, но и образованных – к ложному пониманию и заблуждениям. Пример – сектанты всех времен и стран и лжеучители-рационалисты. Для правильного понимания и надлежащего усвоения духа и смысла книг Св. Писания необходимо, особенно для простого народа, постоянное авторитетное руководство. Русский народ искони благоговел перед авторитетом св. отцов и учителей Церкви. Творения святоотеческие ныне почти все переведены на русский язык. Было бы весьма полезно самое широкое распространение святоотеческих толкований на книги Св. Писания, особенно Нового Завета, как в полном составе,

так в особенности в извлечениях и сокращениях; краткие извлечения из святоотеческих творений были бы и доступнее народу по цене. Чтобы эти извлечения представляли собой нечто целое, можно было бы издавать их в определенной системе, по выпускам. Выражаются также желания, чтобы сами книги Св. Писания издавались с краткими толкованиями и комментариями, на основании святоотеческих толкований; при этом высказываются за компактные издания. Наряду с святоотеческими толкованиями Св. Писания, необходимо также широкое распространение в народе святоотеческих творений вообще, особенно нравоучительного содержания. Издания их не в полном составе, а в извлечениях по определенному плану и с определенной целью, более желательны.

Полезным дополнением к творениям святоотеческим могли бы быть жития святых и церковно-исторические монографии, изданные не сборниками только, но и отдельно; последнее более желательно. Но при этом необходимо, чтобы такие издания были делом не частных издателей-спекуляторов, но самой церковной власти: Св. Синода, архипастырей, пастырских союзов, церковных братств, лавр. Издания эти должны быть тщательно проверены и научно обработаны, чтобы все сомнительное было из них исключено. Необходимо при этом, чтобы такие издания были продаваемы по самым дешевым ценам. И вообще, это дело должно быть поставлено на самых широких началах.

Вера православная познается, укрепляется и поддерживается главным образом церковным богослужением. Церковное богослужение по справедливости считается лучшей веро-и нравоучительной и воспитательной школой, благодатно и спасительно действующей на все силы и способности души. Но для того, чтобы богослужение было действительно таковым, нужно непосредственное, сознательное и живое участие в нем всех предстоящих; нужно, чтобы оно захватывало и увлекало их и своим содержанием, и исполнением; нужно, чтобы оно стало насущной потребностью верующих и влекло их к себе. К глубокому сожалению, этого нельзя сказать о богослужении православной русской Церкви. Давно это создается, давно предпринимаются меры к лучшей постановке церковного богослужения; но дело мало улучшается. Вместо существенных и общих мер, для привлечения большего числа богомольцев в храмы предпринимаются меры частные и искусственные, иногда и неблагоприятные. Диакон с сильным и зычным голосом, хор певчих с вычурным итальянским пением, богатое украшение храмов, обильно освещение (даже электрическое), в лучшем случае чтение акафистов и служение молебнов особенно чтимым святым, – таковы обычные по нынешнему времени способы привлечения богомольцев к церковному богослужению. Усиленная заботливость о внешнем благолепии богослужения рассчитывается на то, чтобы доставить эстетическое удовольствие слуху и глазу предстоящих; а существенное, главное в богослужении, его поучительное, назидательное и молитвенное содержание – в целом и в частях – ставится на второй план и как бы поглощается внешностью. Не лучше обстоит дело и там, где нет увлечения внешним благолепием. Там служба также не увлекает предстоящих своим внутренним содержанием, и оно также остается второстепенным. Служба совершается сама по себе, а предстоящие молятся сами по себе. Только немногие общеизвестные молитвы и песнопения останавливают на себе внимание молящихся и объединяют их в общей молитве. Таковы: краткие возгласения клира на ектениях «Господи, помилуй», «Поддай, Господи», «Святыи Боже, Святыи Крепкий», «Верую», «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся», тропари и величания, «Слава в вышних Богу» и некоторые другие.

Много причин такого печального положения дела. Таковыми нужно признать в особенности:

1. Спешное, небрежное и совершенно невнятное чтение псалмов, стихир, канонов, ектений и молитв, исполняемое псаломщиками, диаконами и даже священниками.

2. Спешное и невнятное пение церковных стихир и других песнопений, малоизвестных предстоящим по содержанию.

3. Произвольное и необдуманное и даже нередко бессмысленное сокращение церковных служб священноцерковнослужителями, нарушающее смысл и значение как всего состава богослужения, так и отдельных частей его.

4. Малопонятность или даже совершенная непонятность предстоящим и даже самим исполнителям – чтецам и певцам – многих церковных чтений и песнопений.

Первые три причины составляют существенный недостаток исполнения церковного богослужения, и в них справедливо обвиняют наше православное духовенство. Недостатки эти не новы и не случайны. В русской Церкви они отмечаются в глубокой древности (Стоглавый

Собор). Сознвая и признавая всю неприглядность и пагубность их, церковная власть – и центральная и местная – предпринимала против них меры. В наше время эти меры проводятся, по-видимому, даже с большей энергией и настойчивостью. Но результаты этих мер весьма слабы. И многократные указы высшей церковной власти, и распоряжения и наставления местного духовного начальства оказываются малодейственными. В некоторых епархиях устраиваются псаломщические курсы и школы; но и это не много помогает делу.

Очевидно, дело не в том только, хорошо или плохо подготовлены чтецы и певцы. Была пора, когда должности псаломщиков занимались лицами, кончившими курс семинарии; но и тогда дело обстояло не лучше. Лучше дело стоит там, где сами настоятели церквей заботятся о лучшей постановке чтения и пения и умеют влиять на подчиненных им клириков, и где клирики идут навстречу благочестивой ревности о.о. настоятелей. Лучше также обстоит дело там, где и прихожане не безучастно относятся к церковному богослужению и тем или иным способом стараются и умеют воздействовать на приходский причт. Последнее в особенности имеет место в единоверческих приходах и вообще в старообрядческих обществах, где церковные причты стоят почти в полной зависимости от прихода. Что же надо сделать, чтобы церковное богослужение со стороны исполнения его и везде стояло на должной высоте? И можно ли сделать что-нибудь в этом направлении?

Ревнителями православия предлагаются разные меры. Говорят, что не следует определять на священноцерковнослужительские должности лиц молодых. С этим нельзя не согласиться. В старообрядческих обществах молодые люди допускаются преимущественно в хор певцов, где они находятся под надзором и наблюдением взрослых и степенных уставщиков и попечителей; а чтение поручается людям пожилым и даже старцам, иногда и почтенным женщинам. Но ведь и в православных приходах есть много клириков почтенного возраста и даже преклонных лет; но они хуже старообрядческих чтецов. Отчего это? Оттого, что в православных церквях служба церковная для клириков стала ремеслом, делом казенным, в которое они не вкладывают своей души. Притом же они отвечают за свое дело только перед начальством, а в старообрядческих обществах клирик отвечает перед своим приходом.

Говорят, что нужно хорошо обеспечить духовенство материальными средствами, чтобы при хорошем материальном обеспечении можно было найти и хороших людей на церковно-приходскую службу, – людей, не только умеющих служить, но и расположенных к службе, – людей развитых, культурных, которые могли бы отнестись к своим обязанностям честно, не как наемники и ремесленники. Но есть не мало приходов, хорошо обеспечивающих церковный причт, особенно в городах; в таких приходах и причт подбирается лучший. Однако и там церковная служба стоит вообще не на должной высоте и опять-таки потому, что и там она для православных клириков есть служба казенная – ремесло, а не живое дело. В последнее время стали раздаваться голоса об обновлении и оживлении приходской жизни, о расширении прав прихожан в делах церковных и, между прочим, о праве избрания членов причта самими прихожанами, с правом контроля над ними и даже увольнения непригодных, по мирскому приговору. Голоса эти идут не только от народа, но даже и от самого духовенства. Дело это – в высшей степени серьезное и, конечно, требует всестороннего рассмотрения и обсуждения и самого обдуманного и осмысленного решения. Однако видя, как приходская жизнь стоит в старообрядческих и сектантских обществах, можно заранее признать, что привлечение православного прихода к широкому участию в делах церковных будет благотворно для последних. Если могут быть затруднения в том, чтобы предоставить приходу некоторое право избрания на должности священников и диаконов, то совершенно возможно и безопасно предоставить ему право избрания на должности низших клириков – псаломщиков. При этом следовало бы содействовать тому, чтобы кандидаты на низших клириков избирались по преимуществу из среды самих же прихожан, без отчисления их в Духовное Ведомство, – чтобы, в случае непригодности их к церковной службе, им не было затруднений возвратиться в прежнее положение. Было бы полезно службу таких клириков сделать даже срочной, т. е. чтобы они избирались на известный срок, с правом избрания их и на новый срок, если окажутся пригодными для церковной службы. Разрешением вопроса в этом направлении необходимо поспешить. Кроме того, представляется делом полезным и желательным привлекать прихожан, – не по найму, а по ревности, – к непосредственному участию в церковной службе, чтобы они сами помогали клирикам в чтении и пении. Запрещения на это не было и прежде; но не было также и того, чтобы прихожане усиленно и в широкой степени привлекались к участию в церковной

службе. Необходимо настойчиво привлекать их к этому делу и всячески втягивать и поощрять их. Надо, чтобы церковная служба была общеприходским делом, чтобы весь приход деятельно и непосредственно участвовал в ней. Необходимо, в частности, всячески развивать и поощрять общее церковное пение. Сектантские моления оттого и воодушевляют присутствующих, что последние все непосредственно участвуют в них, как умеют.

Будет справедливо, далее, и для дела несомненно полезно, если приход, дающий причту средства к жизни, получит право иметь некоторый контроль над ним и возбуждать перед епархиальной властью ходатайства об увольнении непригодных членов причта от службы. Предвидятся злоупотребления при таком порядке; возможны столкновения приходских требований, может быть – не всегда справедливых, с взглядами епархиальной власти. Но произволу приходскому должны быть противопоставлены закон и согласованный с ним и с требованиями современной жизни правовой порядок.

Названные меры признаются желательными для того, чтобы улучшить состав священноцерковнослужителей при православных церквях. Но есть одно обстоятельство, которое в значительной степени парализует самые хорошие силы чтецов и певцов. Это обстоятельство, правда, частного характера: оно относится не ко всем церквам, но к некоторой только, может быть, – более или менее значительной, – части их. Разумеется, обширность многих православных храмов, с весьма тяжелыми для певцов и чтецов акустическими условиями. В наших церквях чтение и пение исполняются на клиросах; а последние в обширных храмах бывают отдалены на значительное расстояние от задней половины их. Вследствие этого чтение и пение в таких храмах, как бы добросовестно ни исполнялись, не могут быть совершенно отчетливы для богомольцев, стоящих в отдалении. Необходимо поэтому установить за обязательное правило относительно больших храмов, чтобы по крайней мере чтение было исполняемо не на клиросах, а посредине храма на особом возвышении. Высказываются желания, чтобы посредине храма исполнялись и евангельские чтения, равно как и молитвы священнические. Относительно евангельских чтений предлагают ввести обычай греческих церквей, чтобы они исполнялись на солеях, с обращением читающего лицом к народу. И против этого желания нечего сказать.

Казенное и формальное отношение членов причта к церковной службе, как к ремеслу, а не к живому делу, и, как следствие сего, холодное и безучастное отношение к ней предстоящих, создали другое зло относительно церковного богослужения – сокращение его, сокращение необдуманное, мало осмысленное и нередко совсем бессмысленное. Многие сокращения церковных служб, по своей давности и распространенности, стали обычны и повсеместны и принимаются, как должное, – и почти никто не замечает их малоосмысленное. Но кто замечает, тот скорбит душой, ропщет и возмущается. Таковы сокращения: 1) на всенощной – в начинательном псалме «Благослови, душе моя, Господа», в 1-й кафизме («Блажен муж» и проч.), в полиелейных псалмах («Хвалите имя Господне» и пр.), в хвалитных псалмах перед «Слава в вышних Богу», в 1 часе, когда он начинается прямо со «Святой Боже, Святой Крепкий» и пр.; 2) на литургии – в антифонах («Благослови, душе моя, Господа» и пр.). В названных случаях обычно поются несколько отдельных стихов, выбранных из псалмов без всякой связи и логической целостности и стройности. Но к этим сокращениям так привыкли, что как будто и не замечают их, и находят, что это так и быть должно, так положено. Есть сокращения совсем бессмысленные. Таковы: пение перед шестопсалмием стиха «Богатии обнищаша и възалкаша, възискающии же Господа не лишатся всякого блага», без чтения псалма; пение стихов из хвалитных псалмов перед великим славословием, когда оно начинается стихом «Сотвори в них суд написан» (из псал. 149); чтение конца из псалма «Благословлю Господа» в конце литургии, начинающееся словами: «Близ Господь сокрушенных сердцем», или «Хранит Господь вся кости их» и т. д.; пение заключительных стихов на панихиде: «Творца и Зиждителя и Бога нашего», «Богородице безвестная, верных спасение», и «И вся яже в ведении и неведении, Человеколюбие», «Сыны света Того показавый, помилуй нас», и многое подобное. От частого или даже всегдашнего употребления и эти нелепые сокращения стали обычными и широко распространенными.

Сокращения в чтении кафизм перед полиелеем и тропарей в канонах, и в пении стихир на «Господи воззвах», на стиховных и др., ирмосов в канонах, тропарей на «Бог Господь» и на литургии не имеют устойчивости и делаются разнообразно на всякий частный случай: сокращают сами наличные исполнители, так сказать, не по установившемуся обычаю, а по личному своему

усмотрению, желанию и расположению, как когда вздумается. Ныне пропоют две стихиры, завтра три, в иной раз пять-шесть, а иногда и более; также и в чтении тропарей в канонах. Но более или менее общее замечается здесь в том, что по воскресным дням минейная служба почти везде опускается, а исполняется только служба по Октоиху. Произвол и личное усмотрение исполнителей в сокращении церковных служб доводят православное церковное богослужение до такого искажения, что оно не только утрачивает стройность, высокую идейность и смысл целого, но даже не имеет осмысленности и в частях. Поэтому представляется совершенно необходимым, чтобы это крайне ненормальное явление в области церковного богослужения было предметом самого серьезного обсуждения на предстоящем Поместном Соборе. Естественно ожидать такое постановление Собора, которым будет строго воспрещено православным священноцерковнослужителям делать какие-либо произвольные сокращения в церковных службах и будет вменено в неперемennую обязанность следовать указаниям церковного устава. Не нельзя при этом не обратить внимания предстоящего Собора на то, что сокращение церковных служб в наших православных храмах стало потребностью значительной части русского общества, и эта потребность пустила такие глубокие корни, что вырвать их едва ли удастся даже и Собору. Продолжительность церковных служб стала обременительна не только образованным классам общества, свободно относящимся к церковной обрядности, но отчасти и простому народу. При истовом чтении и пении продолжительность церковных служб еще более увеличится, и тогда еще более будут обременяться ею, хотя бы служба по исполнению и была поставлена на должную высоту. Ныне более, чем когда-либо, раздаются голоса о реформе церковно-общественного богослужения в таком направлении, чтобы оно удовлетворяло все классы русского общества: настойчиво говорят и о сокращении его, и о новом составлении применительно к современному настроению.

Кроме указанных недостатков, относящихся до исполнения церковного богослужения, есть существенный недостаток иного характера, не зависящий от исполнителей. Разумеется, неудобовразумительность церковно-славянского текста богослужебных книг. К сожалению, многое в них мало понятно не только простому, необразованному народу, но и людям образованным; а иное трудно понять даже самим церковным пастырям, богословски образованным. Большая часть чтений и песнопений богослужения нашей Церкви заимствована от греческой Церкви и в глубокой древности переведена на славянский язык. Древние переводчики делали обыкновенно подстрочный перевод, удерживая во всей точности строй и порядок греческой речи, даже стихотворный; но это делалось в ущерб удобопонятности перевода. Кроме того, древние переводчики пользовались славянской речью своего времени и употребляли выражения, не всегда соответствующие точному смыслу подлинника. Есть не мало выражений, которые без словаря или нового перевода нельзя никак понять; есть и такие выражения, которые получили в нашем употреблении иной смысл и режут наше ухо («блядивый», «окаянный»). Встречается перевод темный или даже совсем неверный. Между тем древний перевод церковнобогослужебных книг почти без изменения сохранился до настоящего времени. Вследствие этого многие чтения и песнопения нынешнего церковно-славянского богослужения можно понять только при усиленном внимании; а иные совсем не поддаются пониманию. Для иллюстрации можно указать:

1. Примеры неудобопонятной расстановки слов, не соответствующей грамматическим и логическим требованиям славянской речи:

- 1) Песнь 9-я канона 1-го гл.: «И ныне на нас напастей свирепеющую угасити молимся пещь».
- 2) Ин ирмос песни 3-й канона 2-го гл.: «Лук сокрушися сильных державою Твоею» (дается мысль о сильных державой).
- 3) Песнь 1-я гл. 4-го: «Моря чермную пучину» и далее.
- 4) Песнь 4-я канона 8-го кл.: «Из горы приосененныя Слове, пророк единыя Богородицы, хотяше воплотитися, боговидно усмотри». Все Дамаскинские каноны на Рождество Христово, Крещение Господне и Пятидесятницу.

2. Примеры темного перевода:

- 1) Песнь 1-я 7-го гл.: «Манием Твоим на земный образ преложися, прежде удоборазливаемое водное естество, Господи» (что значит: «на земный образ преложися»? – это не сразу понятно).
- 2) Песнь 9-я 7-го гл.: «Не тления искушением рождшая» (в некоторых их даниях пишется «нетления» – слитно).

3) Утренняя евангельская стихира 1-го гласа: «В трех священных богословяще и едином господстве славу серафими пречистии, со страхом раболепно триипостасное славят Божество» (что значат здесь слова: «в трех священных богословяще и едином господстве славу»?).

4) Из трипеснца на утрени великого понедельника, песни 8-й тропарь 2-й: «Чина сопротивна вам языческа, да есть держава купнородных: не жребий бо мой, мучительство же разум самоизбранный...».

5) Канона Григорию Чудотворцу на 17 ноября песни 4-й тропарь 2-й: ... «темже неокорос душетленные лъсти, валявся якоже камень светится».

3. Пример того, что древний перевод подает мысль неверную, вследствие несоответствия древней славянской речи свойствам русского языка: 3-й воскресный эксапостиларий начинается следующими словами: «Яко Христос воскрес, никтоже да не верует: явися бо Марии» и т. д. (по свойству русской речи, эти слова понимаются так: «Пусть никто не верует, что Христос воскрес». Этот смысл невольно соединяется и со славянской речью; и только тот этого не сделает, кто хорошо знает, что по свойству славянской речи отрицательное местоимение «никто» не соединяется с отрицанием «не»).

4. Примеры непонятных славянских выражений:

1) Песни 8-й гл. 2-го ин ирмос: «Осуществованная да поет Господа вся тварь»...

2) Песни 1-й гл. 4 ин ирмос Богородице: «Тристаты крепкие»...

3) Песни 5-й на 6 ноября: «испращевал».

4) В песни 6-й – «плежущий».

5) В кондаке, ежедневно поемом в конце утрени: «Взбранной Воеводе победительная» последние слова: «Радуйся, Невесто невестная».

6) В акафисте Божией Матери, в икосе 2: «Радуйся, бесов многоплачевный струпе»; в икосе 3: «Радуйся, ниво, растящая гобзование щедрот»; в кондаке 4-м: «бракоокрадованную помышляя»; в икосе 5-м: «Радуйся, тимения изымающая дел».

7) Встречаются выражения: «негли», «непщевати», «еда», «ссал», «векую», «еродиево», «скимен», «возмааеши», «долеревностный», «стропотный», «срищуся», «анкира».

5. Встречаются устарелые формы древнеславянского склонения или спряжения, например: «...в терпении вашем стяжите душа ваша» (Лк.21:19); «якоже бо Отец имать живот в Себе, тако даст и Сынови живот имети в Себе. И область даст Ему и суд творити» («даст», очевидно, вместо древнего «дасть» – ѣдѡке; в новейших изданиях стали употреблять «даде», но не во всех).

6. Расстановка знаков препинания в церковных песнопениях делается очень невнимательно, неосмысленно и притом крайне разнообразно по разным изданиям; в одних одна пунктуация, в других другая. А от пунктуации зависят певческие остановки. Эти остановки часто бывают совершенно бессмысленны.

В 16 и 17 веках дело церковно-книжного исправления было известным образом организовано; был особый штат справщиков, ответственных перед подлежащей властью. Работа их была всем известна. Но после патриарха Никона, книжные исправления которого кончились так печально для русской Церкви, дело книжной sprawy как будто совсем упразднено; по крайней мере о нем никому ничего неизвестно. Да и на деле видно, что нет ныне организованной sprawy. Правда, замечаются исправления в некоторых новых изданиях; но видно, что они делаются случайно, по чьему-то личному усмотрению и произволу, без определенного плана и системы и весьма разнообразно. Такими исправлениями церковно-богослужебные книги не улучшаются, а несходство их все более и более увеличивается.

Ввиду всего изложенного признается настоятельно необходимым безотлагательно организовать дело исправления церковно-богослужебных книг, поставив его на широких и свободных научных началах и вверив ученым профессорам, пастырям Церкви и просвещенным благочестивым мирянам. Исправления эти должны иметь ту главную цель, чтобы церковно-богослужебные книги сделать вполне удобопонятными современному православному русскому народу. Руководясь этой целью, справщики должны совершенно отрешиться от прежнего пристрастия к строю греческой речи и изложить церковные чтения и песнопения применительно к строю и складу современной русской речи, не нарушая, однако, общего склада славянской речи и свойственной ей музыкальности. Со стороны грамматической и логической новоисправленные книги не должны иметь никаких недостатков: от внимания справщиков не должна ускользать ни одна частность, ни одна мелочь. Для устранения произвола певцов желательно в новых,

исправленных, изданиях церковно-богослужебных книг расставить певческие знаки подобно тому, как это сделано в новых изданиях Стихирария. Но дело это должно быть исполнено со всякой тщательностью, осмотрительностью и обдуманностью. При расстановке певческих знаков, показывающих места остановок, нужно руководиться не столько музыкальными требованиями, сколько требованиями логическими, чтобы по возможности каждая произносимая фраза, или, по крайней мере, каждое музыкальное колено или строка содержали в себе определенную мысль или понятную часть ее.

Сказанное относительно исправления церковно-богослужебных книг имеет в виду осмысленность и удобопонятность церковных чтений и песнопений. Но, кроме того, сознается нужда сделать некоторые исправления и изменения и в содержании церковных чинопоследований. Так, выражается желание, чтобы евангельские чтения были не столь кратки и отрывочны, как они положены по уставу. Заявляют, что в чине божественной литургии следовало бы исключить ектению об оглашенных и изменить возгласие: «Елицы оглашени изыдите...», как это принято теперь на Востоке. Выражается желание, чтобы было разрешено читать вслух тайные священнические молитвы на литургии, дабы предстоящие имели полное представление обо всем составе этой важнейшей церковной службы, во всей ее целостности и последовательности. Это было бы согласно и с древностью. Всенародное чтение священнических молитв на литургии подняло бы молитвенный дух предстоящих. Многие смущаются заклинательными молитвами в чине крещения и желали бы их исключения. Особенно смущаются обрядом «дуновения и плюновения». Ввиду этого следовало бы, по крайней мере, сократить заклинательные молитвы, наставление же об обряде дуновения и плюновения исключить. Следует исключить из чина оглашения также и наставление об обряде поднятия и опускания рук, в действительности никогда и никем не исполняемое. Но признается нужным внести в чин крещения наставление об освящении нательного креста святой водой и о том, какую молитву произносить при его положении на крещаемого. Необходимо исправить две последние молитвы в чине воцерковления младенца приноровительно к тем случаям, когда они читаются над некрещеным или над крещеным младенцем. Обычно они читаются над крещеными уже младенцами, а составлены для чтения над некрещеными.

Справщики едва ли обратят свое внимание на все то, что подлежит исправлению в церковно-богослужебных книгах со стороны их содержания. Поэтому признается необходимым, чтобы предварительно были опрашиваемы относительно этого предмета приходские священники и чтобы исправления, прежде окончательного утверждения и издания, публиковались для возможной критической проверки обществом.

Не подлежит сомнению, что в деле познания, укрепления, поддержания и очищения веры народа первостепенное значение должно иметь пастырское научение. К глубокому прискорбию, пастырское проповедничество в православной русской Церкви не стоит на должной высоте. Давно сознается настоятельная нужда, чтобы пастыри нашей Церкви неустанно учили своих пасомых, благовременно отвечая на все запросы современной религиозно нравственной, семейной и общественной жизни русского народа. Но пастыри наши молчат, а кто говорит, тех мало слушают, — находят их поучения безжизненными, сухими, неинтересными. Отчего же большинство наших пастырей молчит? Отчего наш народ, особенно интеллигентные люди, не любит проповедей наших проповедников? Давно обращено внимание на это в литературе, давно высказываются об этом в обществе. Разнообразно объясняются причины этого ненормального явления; предлагаются и меры к оживлению пастырской проповеди и поднятию ее на должную высоту. Молчание наших пастырей и недостатки церковной проповеди объясняют:

замкнутостью и отчужденностью от жизни семинарского воспитания; схоластичностью семинарских богословских наук и в частности гомилетики;

скудостью общего образования семинаристов и — в частности — того умственного запаса, который необходим церковному проповеднику;

стеснительными условиями существующей проповеднической цензуры и страхом ответственности церковного проповедника перед начальством за свободное слово;

вековой приниженностью духовенства и материальной зависимостью его от прихода;

отчужденностью наших пастырей от прихода и от всей окружающей жизни;

недостатком пастырской ревности наших пастырей, их косностью и — в частности — отсутствием в них любви и ревности к проповедованию слова Божия;

обремененностью пастырей Церкви побочными делами, не относящимися к пастырскому служению, и многое другое.

Соответственно причинам упадка церковной проповеди указываются и меры к ее оживлению и поднятию на должную высоту. Между ними называются и общие меры, клонящиеся к реформе церковного управления, учебновоспитательного дела в духовных семинариях, приходской жизни, обеспечения духовенства и т. п., — и меры специальные, относящиеся непосредственно к церковному проповедничеству. В ряду последних называют новую постановку преподавания гомилетики в духовных семинариях, с упразднением устарелых гомилетических форм; отмену проповеднической цензуры, с предоставлением проповедникам полной свободы как в формах красноречия, так и в содержании проповедей; требование, чтобы пастыри Церкви неукоснительно говорили поучения, беседы и речи при всяком удобном и подходящем случае, как в церковных собраниях, так и во всяких других, где они являются или должны быть по долгу пастырскому, — поучения церковные должны быть неотъемлемой составной частью богослужения; учреждение особого института священнопроповедников, по примеру греческой Церкви; на этих священнопроповедниках должна лежать только одна обязанность — проповедничества; они могут быть городскими, уездными, окружными, епархиальными. Исполняя обязанности церковного учительства по отношению к народу, они в то же время будут образцом для рядовых пастырей и примером своим и наставлениями будут влиять на развитие проповедничества в среде духовенства.

Но и эти, и подобные меры не будут иметь успеха в деле оживления и развития церковного проповедничества, если у самих пастырей не будет любви и ревности к проповедованию слова Божия, к пастырскому учительству и вообще к пастырскому служению.

А это может быть тогда, когда пастыри Церкви создадут и будут непрестанно носить в себе такое настроение души, которое воодушевляло бы всю пастырскую деятельность их. Для этого лица, принявшие на себя пастырское служение, прежде всего должны обратиться к себе самим, к своему внутреннему состоянию, к своему духу. Они должны непрестанно и неукоснительно воспитывать в себе внутреннего человека и заботиться о своем внутреннем совершенстве и преуспевании. Всегда и везде должна предноситься в их сознании мысль, что они строители тайн Божиих, руководители вверенных им чад Церкви, насадители Царства Божия на земле; что они — светильники, отражающие собой неугасимый свет Христовой правды и мира, — соль земли. Мало того: они должны не только не угашать в себе Духа Божия, но непрестанно возгревать в себе дар священства, всегда памятовать о великости и ответственности своего служения, — помнить, что их попечению вверены души чад Церкви, за которых они дадут ответ перед лицом Небесного Судьи, — помнить, что они всегда и везде, при обыденных и исключительных обстоятельствах жизни, остаются пастырями — носителями благодати, учителями и руководителями народа.

В пастырях, принимающих на себя пастырское служение не по призванию и убеждению, может потом создаться такое настроение только при исключительных обстоятельствах жизни. Вообще же это настроение должно быть создано предварительным воспитанием. К глубокому прискорбию, наши духовные школы пока не могли давать такого воспитания будущим пастырям. Вопрос великой важности: как поставить духовные школы, чтобы они действительно приготавливали истинных пастырей Церкви, чтобы питомцы их выходили в жизнь не только с запасом знаний, но и с тем воодушевленным настроением, которое так необходимо для действительного успеха пастырского служения? Созданное школой настроение необходимо поддерживать, возгревать, а для этого нужно поставить пастыря Церкви в такие благоприятные условия жизни, которые содействовали бы его пастырскому служению, и устранять по возможности все то, что может охлаждать его настроение, угашать его пастырский дух. Вопрос великой важности: в какие условия поставить жизнь и деятельность пастырей Церкви, чтобы они были благоприятны их пастырскому служению и поддерживали бы в них воодушевление и ревность к этому служению? Какими мерами можно достигнуть того, чтобы пастыри русской Церкви были не только требоисправителями и чиновниками, как их обычно ныне называют, но истинными служителями Христовой Церкви, совершающими великое дело Божие не по житейским расчетам и побуждениям, но по внутреннему призванию, — не за страх перед земными властями, но за совесть, — не с небрежением, но со страхом Божиим? Благоприятным разрешением этих общих вопросов разрешился бы и частный вопрос об оживлении и развитии пастырского учительства вообще и церковной проповеди в частности, равно как и вопрос о надлежащем исполнении церковного богослужения.

**№45, преосвященного Евлогия, епископа Холмского, от 21
декабря 1905 года**

Во исполнение циркулярного распоряжения Св. Синода, долг имею представить свои посильные соображения по вопросам, касающимся преобразования разных сторон жизни православно-русской Церкви. Считаю нужным при этом оговориться, что я не в силах был дать этим важным вопросам всестороннего, научного обследования. Живя в уединенном, глухом городке, я не имел возможности запастись всеми потребными литературными пособиями для этой цели; кроме того, заботы об устройении и первоначальной организации только что учрежденной епархии поглощали мои внимание и время. Обострившаяся борьба с католицизмом требовала от меня также напряжения сил, поэтому мои соображения по общецерковному вопросу не будут отличаться ни полнотой, ни обстоятельностью научного изложения; они будут представлять из себя лишь прямые выводы из тех литературных течений мысли, какие образовались в последнее время и которые я старался по мере возможности подтверждать каноническими основаниями и проверять наблюдениями над явлениями современной церковной жизни.

1. О составе предстоящего Поместного Собора Всероссийской Церкви

Вопрос о составе предстоящего Поместного Собора русской православной Церкви вызвал, как известно, особенно оживленную и даже острую полемику. Несмотря на усиленное стремление многих доказать равноправность участия в соборе с епископами и клира и мирян, остается, мне кажется, неизблемым каноническое требование о том, чтобы собор был собором епископов, как богопоставленных хранителей и выразителей церковного сознания; за это говорят многократные определения и правила Вселенских и Поместных Соборов: 5-е пр. 1 Вселенского Собора, 37-е пр. апостольское, 19-е пр. 4 Вселенского Собора, 20-е пр. Поместного Антиохийского Собора, 87-е пр. Карфагенского, 40-е пр. Лаодикийского, 8-е пр. 6 Вселенского Собора и 6-е пр. 7 Вселенского Собора. Однако это отнюдь не значит, чтобы на Соборе присутствовали только епископы. История Церкви неопровержимо свидетельствует, что наряду с епископами на соборах присутствовали и клирики, и миряне, принимавшие участие в соборных совещаниях. Свидетельства эта идут от самой глубокой христианской древности, от времен апостольских непрерывной нитью проходят во всю эпоху Вселенских и Поместных Соборов и в последующие времена, так что, по словам архимандрита Михаила, они бесконечны. Если обратиться к истории русской Церкви, то и здесь увидим низшее духовенство и мирян участниками соборов церковных. Соборы в Москве 1503 и 1504, 1551 и 1667 гг. были при несомненном участии низшего духовенства; на Соборах – Московском 1553 и Брестском 1596 г. были и миряне.

Каким же образом может быть осуществлено каноническое правило о том, чтобы церковный собор был собором епископов? Мне представляется единственно правильным тот вывод из указанного положения, что в вопросах догматических и канонических только епископам принадлежит решающий голос, а остальное духовенство и миряне должны иметь голоса лишь совещательные. Не на это ли указывает то обстоятельство, что под актами Вселенских Соборов есть подписи лишь епископов (за немногими исключениями). Впрочем, в вопросах, касающихся урегулирования и усовершенствования церковно-общественной жизни, было бы полезно, мне кажется, предоставить духовенству и мирянам право решающих голосов.

2. О разделении русской Церкви на митрополичьи округа

Разделение русской Церкви в отношении управления на митрополичьи округа, будучи совершенно согласно с канонами и преданием древней вселенской Церкви, вызывается существенными потребностями нашей Церкви. Проект разделения русской Церкви на митрополии предлагался еще на Московском Соборе 1667 г. восточными патриархами Макарием Антиохийским и Паисием Иерусалимским и на Соборе 1682 г. царем Феодором Алексеевичем. Уже сама громадность территории русской Церкви, обнимающей необозримые пространства с самым разнохарактерным населением, со своеобразными особенностями церковной жизни, создает множество условий, неблагоприятствующих полной централизации церковной власти в одном каком-либо пункте. Идея разделения нашей Церкви на округа прекрасно разработана в сочинении протоиерея Иванцова-Платонова «О русском церковном управлении», где намечаются и главные цели такой реформы: а) в наблюдении над епископами и в руководстве ими, а в случае нужды – и предстательстве за них, б) для созыва соборов и председательства на них и в) вообще для более согласного и правильного руководства делами целого церковного округа. Можно согласиться с протоиереем Иванцовым и относительно числа митрополичьих округов, которых он намечает 7: 1) Новгородско-Петербургский, 2) Московский, 3) Киевский, 4) Одесский, 5) Казанский, 6) Западно-Русский или Виленский и 7) Сибирский, который впоследствии (а быть может, и в настоящее время) может быть разделен на два: Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский.

Значение областных или окружных митрополитов уясняется в общей системе управления церковного. Неоспоримо, что во главе управления нашей русской Церковью должен стоять Поместный Собор, который собирается раз в два-три года регулярно и в нарочитые сроки по какому-либо особому случаю; более частый созыв Собора очень затруднителен вследствие территориальной обширности Русской Церкви. Постоянным же высшим органом церковного управления является Синод, возглавляемый всероссийским патриархом. Восстановление патриаршества в русской Церкви есть предмет заветных чаяний всех истинных чад ее. Желания эти настойчиво и много уже раз высказывались в печати и наконец были официально заявлены Святейшим Синодом в известном всеподданнейшем докладе Государю Императору в марте месяце сего года. Патриаршество придаст Церкви силу и авторитет, значительно поколебленные и утраченные в синодальный период, и не только во внутренней жизни Церкви, но и во внешних сношениях ее с другими православными Церквями. Здесь позволю себе указать один факт, свидетельствующий, по моему мнению, о том, насколько идея патриаршества близка народно-церковному созванию. На пастырском собрании при участии мирян, происходившем 17–19 мая сего года в гор. Холме, представители одного из сельских приходов заявили, что для укрепления прихода в преданности православной Церкви необходимо, чтобы на богослужении возносилось имя патриарха, хотя бы – за неимением своего русского – Иерусалимского или Константинопольского. Канонические права патриарха намечены в вышеупомянутом всеподданнейшем докладе Святейшего Синода. Из сего усматривается, что патриарх не главенствует над Церковью, а возглавляет собой, имея лишь преимущество чести, Собор епископов или Синод, как учреждение постоянное при нем (в то же время он – епархиальный начальник своей епархии, которой управляет при помощи викариев). Синод состоит из областных архиепископов или митрополитов, которые для этой цели вызываются в город, где организовано высшее церковное управление; этот вызов может быть разделен, как и теперь, на две очереди: в первую очередь вызываются на полгода одни митрополиты, во вторую – другие. В случае надобности, по требованию обстоятельств, могут вызываться в Синод и другие епископы. Ведению патриаршего Синода подлежат наиболее важные дела церковные относительно вероучения, нравоучения, богослужения, церковной дисциплины, просвещения, и вообще дела, имеющие принципиальный и общецерковный характер; избрание окружных митрополитов, а может быть, и епископов, и суд над ними должны быть делом Синода. Синод также входит в сношение по делам Церкви с высшими государственными властями и с представителями других Церквей. Дела же менее важные или имеющие местный характер должны быть отнесены к ведению окружных митрополичьих соборов. Соборы эти, или епископские съезды, созываются один или два раза в год митрополитом из всех окружных епископов. Не предвешая вопроса о том, какие именно дела должны быть переданы патриаршим Синодом на рассмотрение окружных

Соборов, можно указать, однако, что они сослужили бы большую пользу Церкви в разъяснении недоразумений между епархиальным епископом и его клириками или паствой. Являясь, таким образом, первой судебной инстанцией для епископа, эти соборы «словом братского прещения» могли бы предохранить епископа от ложных шагов, могли бы дать ему полезное руководство, ответить на его недоумения и проч. Конечно, в отношении епископов этот суд должен носить исключительно братски нравственный, а не юридический характер. В строгом смысле суд над епископами должен быть оставлен за Синодом.

Особенную важность окружные соборы должны получить для епархий окраинных, с населением, живущим среди иноверцев и инородцев и отличающимся своеобразным укладом церковной жизни, создавшимся под влиянием особых исторических условий. Только местная церковная власть, знающая опытно особенности местной народно-церковной психологии, может дать церковной жизни направление благоприятное и благодетельное. По личному опыту знаю и по наблюдению над пастырями вверенной мне Холмской епархии вижу, как много нужно зоркого внимания и живого ознакомления с нашим народом, чтобы овладеть его доверием и с успехом вести его по пути спасения. В этом разгадка того явления, что многие умные, добрые и энергичные пастыри никакими усилиями не могут создать себе пастырского успеха, а простые, недалекие и даже не лучшие по своим нравственным качествам иногда быстро овладевают душой его. Общение епископов известной области даст им богатый материал для изучения души местного народа, а через то и средства для правильного и успешного пастырского руководства им.

По требованию жизни, возможно и желательно в иных случаях приглашение на областные митрополичьи Соборы представителей духовенства и мирян с тем же значением их голосов, какое мною выше проектировано на Поместном Соборе всей русской Церкви.

3. О преобразовании церковного управления и суда

Бесчисленны и разнообразны нарекания, которые слышатся со всех сторон по адресу современного строя епархиального управления и суда в русской Церкви.

Центральным органом епархиального управления и суда в настоящее время служит консистория. Консистория, говорят, является учреждением, противоречащим духу и каноническим началам церковного управления. В то время, когда эти начала проникнуты возвышенным, нравственным и религиозным духом, современный епархиальный консисторский строй отличается внешне формальным, чиновническим характером, с преобладанием мертвого, сухого канцеляризма над живым духом древних канонов. Но даже и с этой точки зрения консистория является учреждением неудовлетворительным. Делопроизводство консисторское совершается по отжившим, устарелым формам, ее чиновники не отличаются должной подготовленностью, а члены обременены посторонними занятиями. Она оказалась не в состоянии регулировать все отправления епархиальной жизни, вследствие чего от нее обособились такие епархиальные учреждения, как училищный совет, попечительства о бедных, братства и проч. А между тем в общей системе епархиального управления значение консистории громадно: оно заслоняет собой живую личность епископа в его отношениях к пастве, и часто не столько помогает ему, сколько служит помехой, связывая ему руки.

Другие, напротив, жалуются на то, что консистории предоставлено слишком мало самостоятельности, что ее деятельность парализуется абсолютизмом власти епископской, что всякое ее постановление епископ может отменить без объяснения мотивов и поставить на деле свое решение, обязательное к исполнению, так что консистория обращается в канцелярию архиерейскую.

Еще больше несовершенств замечают в устройстве епархиального суда. Так, прежде всего возражают против суда собственно архиерейского. Говорят, что суд этот – совершенно субъективный и потому никогда не гарантирован от произвола и, хотя он не может сопровождаться тяжкими юридическими последствиями для обвиняемого, однако может существенно поколебать нравственную репутацию священно-и церковнослужителя. Суд же собственно консисторский, говорят, не имеет необходимой для него самостоятельности: все судебные отправления сосредоточены в одних руках – консистории и архиерея; таким образом, судебные инстанции являются вместе и административными; такое объединение и смешение суда с администрацией признается вредным для дела. Далее, самое судопроизводство страдает многими недостатками. Формы предварительного следствия не имеют достаточной юридической обработки. Следователями являются лица случайные, мало подготовленные, юридическая компетентность которых ограничивается проштудированием двух-трех подходящих сборников; поэтому следствия часто производятся неудовлетворительно, а между тем это следствие имеет чрезвычайно важное значение: на нем исключительно утверждается судебный приговор. Таким образом, преобладающий характер консисторского судопроизводства – письменный, бумажный; консистория имеет дело не с живыми людьми (обвинитель, обвиняемый, защитник), а лишь с результатами, добытыми следствием; такой канцелярский характер судебного процесса способствует развитию бесплодной переписки и представляет мало гарантий от ошибок правосудия. Указывают также на затруднительность апеллировать на постановления духовного суда, ибо к объявлению недовольства на решение этого суда допускаются обвиняемые священники только в случае присуждения к лишению сана, а причетники – в случае исключения из духовного звания (Уст. коне, ст. 171), хотя не возбраняется приносить частные жалобы в Святейший Синод на решения епархиального суда (ст. 174).

Вопрос о подсудности духовных лиц не определен со всей точностью в ст. 146 и 147 Уст. дух. коне, и в ст. 1017 Уст. угол, судопр., и эта неопределенность давала поводы к столкновениям между духовными и гражданскими судебными властями; например, по обвинению в клевете духовные лица подлежат духовному суду, а по обвинению в угрозах – уголовному; по обвинению в оскорблении частного лица – духовному суду, а по обвинению в оскорблении должностного лица – уголовному.

Указывают также на недостаток, неполноту статей, касающихся суда, в Уставе дух. консисторий, и на необходимость собрания и кодификации всех указов и распоряжений Святейшего Синода по этому предмету.

Во всех изложенных обвинениях, быть может – иногда преувеличенных, есть много правды. Современные консистории действительно нуждаются в реорганизации и должны быть, по нашему мнению, преобразованы по типу древнехристианских советов пресвитеров при епископах или впоследствии так называемых клиросов. Вместо настоящего преобладания чиновничества вся полнота власти должна перейти к этим пресвитерам, во главе с епископом; чиновничество же должно исполнять функции исключительно служебные, канцелярские. Тогда, несомненно, изменится и самый дух сего учреждения. Число этих пресвитеров может быть четыре, по числу теперешних членов консистории; в больших епархиях могут назначаться в помощь им сверхштатные члены этого учреждения. Первый ведает дела религиозно-просветительные, миссионерские и школьные; второй – собственно административные; третий – хозяйственные и благотворительные, а четвертый – судные. Священники эти назначаются епископом и не имеют приходов, а состоят при бесприходном кафедральном соборе и, следовательно, все свое время, кроме богослужения, могут посвящать делам управления. Члены совета собираются ежедневно и мелкие дела решают самостоятельно, а также готовят все необходимое для слушания более серьезных дел, которые всегда докладываются и решаются этим советом под председательством епископа раза 3–4 в неделю. В обсуждении дел пресвитерам принадлежат голоса совещательные, а епископу – решающий.

Чтобы не накоплялось в центральном епархиальном учреждении множества дел, часто мелких, должны сохранить свою силу вспомогательные органы епархиального управления – благочинные, благочиннические советы и окружные благочиннические соборы. На них должно быть возложено ведение некоторых мелких дел, каковы: денежная и метрическая церковноприходская отчетность, улаживание мелких недоразумений между членами причтов и между причтами и прихожанами и т.п. Благочиннические советы могли бы собираться раз-два в месяц, а соборы – два раза в год.

Кроме того, необходимо иметь в каждой епархии: 1) епархиального миссионера, 2) епархиального проповедника, 3) епархиального наблюдателя церковных школ и 4) следователя. Все они должны быть в священном сане и состоять членами епархиального клироса или совета пресвитеров или, по крайней мере, приглашаться туда по усмотрению нужды с правом голоса. Следует также по мере нужды приглашать туда начальника духовно-учебных заведений и представителей епархиальных монастырей.

Наконец, важное значение в системе епархиального управления должны получить епархиальные съезды духовенства, о которых мы скажем ниже особо.

Что касается епархиального суда, то главная ошибка всех его порицателей заключается, мне кажется, в стремлении упразднить чисто епископский суд, приравнять и уподобить его во всем суду гражданскому или уголовному. Но они забывают, что суды светские основаны на изменчивом, непостоянном и довольно шатком праве человеческого (*jus humanum*), в основе же суда церковного лежит вечное право божественное, начертанное в слове Божиим и в правилах св. апостолов, св. соборов и св. богопросвещенных отцов Церкви или в так называемой «Книге Правил». Уже сама высота этих правил, требующая от христианина и особенно от члена церковного клира трудного подвига жизни – с одной стороны, а с другой – страшный упадок христианской жизни в современном обществе не только мирян, но и клириков, говорят за необходимость сохранения суда епископского, который, будучи чужд внешних юридических форм, является по преимуществу судом совести, судом духовно-нравственным и притом всегда судом не столько правды, сколько милосердия. Конечно, милосердие не должно быть чуждо и внешнему формальному суду; но все же основной его нормой является идея справедливости, сухая и мертвая правда законная, о которой еще в древности было сказано: «*summum jus est summa injuria*»; этому суду подлежат лишь внешние правонарушения, т. е. деяния, несогласные с известными юридическими кодексами; суду же епископа часто открывается внутренний мир согрешившего клирика с его падением, раскаянием, исправлением; этими сокровенными мотивами определяется часто решение епископа, и потому – по всей справедливости – эти меры взыскания по суду архиерейскому носят название епитимии. Устранив этот суд, мы устраним одно из могучих нравственных воздействий на жизнь клира; и кто ратует за упразднение суда архиерейского, тот недостаточно глубоко понимает церковную жизнь, измеряя ее неподходящим внешним правовым масштабом.

В отношении суда формального консисторского, конечно, желательно устранение тех недостатков, на которые указывают его критики. Уже одно то обстоятельство, что суд этот будет

происходить в собрании пресвитеров, под председательством епископа, может много способствовать его улучшению. В эти судебные заседания можно бы с пользой для дела приглашать еще двух трех протоиереев посторонних. Следовало бы также вызывать в суд обвинителей, обвиняемых и свидетелей. Учреждение должности епархиального следователя (священника), которым должно быть лицо компетентное и не связанное другими приходскими обязанностями, послужит к усовершенствованию производства самого следствия. Весьма желателен также пересмотр законов о духовном суде, их кодификация, разъяснение, пополнение и вообще усовершенствование судопроизводства во всех его частях. В этом отношении более совершенные суды гражданские и уголовные могли бы дать много полезных указаний. Следовало бы для такой серьезной работы образовать особую комиссию из компетентных лиц, заключения которых, санкционированные высшей духовной властью, могли бы быть проведены в законодательном порядке.

4. О необходимости возрождения православно-русского прихода

О необходимости возрождения православно-русского прихода говорят уже так давно и так горячо и много, что к настоящему времени образовалась по этому вопросу довольно обширная литература. Это явление находит себе объяснение и оправдание в великой важности этого вопроса по существу, а с другой стороны – показывает, каким назревшим и наболевшим является он в настоящее время.

Приход есть, бесспорно, то первоначальное ядро, та ячейка, в которой как бы в зародыше заключаются все благодатные силы святой Церкви. Самая небольшая приходская община является «малой Церковью», не лишенной великих церковных дарований. Жизнь Церкви складывается из жизни приходов, и всякая аномалия, неустройство в этой малой ячейке неизбежно влечет за собой болезнь всего церковного организма. И наша русская православная Церковь, быть может, потому не в состоянии ныне проявить сокрытых в ней могучих благодатных сил («находится в параличе»), что церковно-приходская жизнь у нас давно уже утратила свою энергию и постепенно приходит в больший и больший упадок. Давно уже слышатся справедливые жалобы на отчуждение прихожан от своего приходского храма, на отсутствие живой связи у пастыря с пасомыми и у этих последних – между собой. Современный приход – это вовсе не та чудная христианская община любви, не та святая семья Божия, у которой было одно сердце и одна душа; это – случайное собрание чуждых друг другу людей, которые изредка сходятся в храме, чтобы сейчас же разойтись из него в разные стороны и совершенно забыть друг друга. Пастырь часто мало знает свою паству, а последняя совершенно равнодушна к своему пастырю. Такое разложение и омертвление приходской жизни особенно заметно в городах, – и какие отсюда грустные и страшные последствия! Какой упадок религиозно-нравственной жизни! Какое ужасающее нравственное растление!

В деревне, в благочестивой простоте нравов, еще держится церковноприходская жизнь – как завет святой старины. В нашем Западном крае, среди постоянной борьбы с иноверием, среди многих искушений и отпадений от веры, – в тех, кто остался в Церкви, выработалось и окрепло удивительно глубокое и трогательное чувство любви к своему храму приходскому. Один священник передавал мне, что его бедные прихожане в большом числе ежегодно отправляются на отхожие промыслы в крупные промышленные центры – Варшаву, Лодзь и др. Живя этих шумных иноверных городах, среди всяких соблазнов городской жизни, они, однако, ежегодно приходят в свою родную деревню и непременно посещают свой приходский храм, чтобы «подывиться» – полюбоваться, посмотреть, все ли по-прежнему в их дорогой святыне, к которой они приступают с молитвой и посильной жертвой. «Если бы и вы, батюшка, ушли в костел, – говорили они священнику, – мы бы не покинули своей Церкви». Вот какая могучая, объединяющая сила для них – приходский храм! На этой ли любви святой не создать чудного здания истинно церковной жизни?

Впрочем, к сожалению, и в деревне не везде теперь можно встретить эту святую преданность своей родной Церкви; и в деревне уже глохнет, замирает церковная жизнь и заменяется фабрично-заводским легкомыслием и равнодушием в Церкви или же совершенным сектантским отчуждением от нее.

Но все же можно питать твердую уверенность, что почва для возрождения церковно-приходской жизни на Руси не только в деревне, но и, быть может, в городе не совсем утеряна, что русский народ в его целом не порвал еще совсем живой связи с православной Церковью. Как же пробудить и оживить эту жизнь? Как возродить приход?

Несомненно, центральная личность в приходе – священник. Влияние его на приход, при нормальных условиях, громадно. Старинная русская, несколько грубоватая пословица: «Каков поп, таков и приход» – заключает в себе много жизненной правды. Епархиальные архиереи по опыту знают, как изменялась в хорошую или дурную сторону религиозно-нравственная жизнь в приходе в зависимости от личности пастыря. И если в последнее время наблюдается большой упадок церковно-приходской жизни, то вина в этом в значительной мере падает на приходских священников. И нужно сознаться, что современные пастыри наши не влиятельны, не авторитетны в народе. Иногда простой деревенский начетчик, а особенно монастырский старец, хотя бы из простецов, больше близок, более понятен народу и более любим им, чем окончивший духовную семинарию священник приходский.

Где причина такого печального явления? Некоторые видят ее в утрате древнецерковной традиции о выборном священстве. Говорят, что при настоящем порядке назначения священнослужителей епархиальной властью, они являются на приход чуждыми, неведомыми пастве, а при частой смене их – столь же неведомыми переезжают на другой-третий приход. Необходимо, чтобы пастырь был своим, излюбленным избранником церковной общины; тогда пастырь действительно будет народным, тогда без труда между ним и паствой образуется союз взаимного доверия и любви. Конечно, против идеи выборного пастырства нельзя ничего возразить: это – идея каноническая, древнецерковная и близкая нашему древнерусскому церковному быту. Но, к великому сожалению, в настоящее время в русской жизни очень мало условий, благоприятных для практического осуществления этой идеи. Когда жизнь церковная была могучим ключом, когда приходские общины отдавали церкви все свое сердце, тогда, конечно, они объединялись в горячем желании иметь у себя достойнейшего пастыря – молитвенника и руководителя своей духовной жизни. Да и сам выбор не был затруднителен. Каждый приход имел в своей среде достаточно благоговейных мужей, относительно которых мог свидетельствовать перед епископом словом: ἄξιός. В настоящее время, при общем упадке церковной жизни, можно ли ручаться, чтобы весь приход в выборе своего приходского священника стал руководиться истинными мотивами? Не окажется ли известная часть прихода совершенно равнодушной к этим выборам, а другая не станет ли мотивировать свое избрание соображениями не столь возвышенными и чистыми? И не окажется ли дело выбора в руках немногих вожаков – главарей прихода, которые вовсе не могут назваться его лучшими представителями?.. Но допустим, что весь приход объединится в горячем желании найти себе истинного и доброго пастыря. Из кого он будет его избирать? Ему известны два-три семинариста из детей местного духовенства, но и те не всегда расположены к пастырству; выбор, очевидно, очень ограниченный. Из соседних, хороших священников? Но соседние приходы могут их не отпустить, если эти пастыри – действительно хорошие. На этой почве возможны великие волнения, пререкания и смуты. Поневоле придется остановиться на случайном искателе прихода.

Общий вывод отсюда – тот, что к восстановлению выборного начала нужно приступать с большой осторожностью и ограничить свободу этого выбора властью епархиального архиерея, который, конечно, должен хорошо знать и кандидатов священства и состояние приходов в своей епархии. Приходам можно предоставить право рекомендовать епископу своих избранников; но окончательное их избрание нужно оставить в руках епископа, который в случае каких-либо недоразумений может выяснить приходу, почему его выбор остановился на том или другом лице.

Да и не в том главная беда нашей церковно-приходской жизни, что пастыри у нас не выборные, а в том, что многие из них недостаточно церковные, а потому и мало влиятельные в народе. Народ в пастыре прежде всего хочет видеть молитвенника, подвижника и учителя. И еще не так давно атмосфера была сильно проникнута церковно-молитвенным духом. Дом священника существенно отличался от светского дома. Обилие святых икон с возжженными лампадами при них, домашняя молитва, часто всей семьей, обязательное присутствие на богослужении всех членов семьи, даже малых детей на ранней заутрени, строгое соблюдение постов и уставов церковных, простота и скромность жизни – вот прекрасные черты духовного быта, увы, теперь более и более исчезающие. Исчезает эта добрая патриархальность быта, а вместе порывается и духовная связь пастыря с народом, слабеет его влияние на народ. Недостает нашему духовенству также дисциплины в отношении к самому себе, к своим собратьям, к своему начальству, и вообще недостает строго дисциплинированной воли. Этот недостаток особенно бросается в глаза в нашем крае при сравнении нашего духовенства с католическим. Совершает ли ксендз мессу, идет ли в крестном ходе, – он полон серьезности, сосредоточенности; бывает ли в обществе, – держит себя с большим тактом и самоуважением; не говорим уже о том, какое он послушное орудие в руках епископа. У нас же в церкви – в алтаре слышится разговор, вовремя крестного хода – беседа, иногда и смех; послушание воле епископа оставляет желать многого; нередки у пастырей споры, пререкания между собой или с низшими членами клира из-за каких-либо хозяйственных мелочей, причем в эти споры вовлекается народ; не редка критика распоряжений епископа, шутки по его адресу, даже в присутствии посторонних лиц. Как это унижает духовенство! Пусть будут епископы выборные, пусть к ним будут предъявлены самые строгие требования, но пусть подчиненные ему священники будут представлять стройную, строго дисциплинированную дружину его помощников; пусть воля

епископа будет для них законом; тогда в этом повиновении они обретут для себя великую нравственную силу для воздействия на народ. Конечно, указанные недостатки – недостатки пастырского воспитания; их может исправить только школа в ее обновленном виде, на что теперь возлагаются горячие упования.

С возвышением нравственного авторитета пастырства, с улучшением контингента пастырей, конечно, оживится и жизнь прихода. Хороший священник найдет средства для обновления приходской жизни, даже и без подсказки ему разных мероприятий. Лишь бы в нем самом жива была идея пастырства, лишь бы в сердце горело воодушевление, лишь бы душа его пламенела святой ревностью к делу Божию!

Говоря таким образом, я вовсе не отрицаю великого значения правильной приходской организации. Я только хочу сказать, что главное – не в этих организациях, а в личности пастыря. Но и самому ревностному пастырю невозможно действовать особняком, в одиночестве, а в живом и тесном общении со своими прихожанами и особенно с теми из них, кто по своему нравственному состоянию и преданности к Церкви выдается из среды других. Нравственно сплоченный союз таковых лиц мог бы послужить основой для зарождения той внешней организации церковно-приходской жизни, о которой говорится в указе Св. Синода от 18 ноября, коим даются приходу начала общинного самоуправления через приходские собрания и советы. К учреждению этих именно форм организации церковно-приходской жизни сводятся желания истинных ревнителей возрождения прихода (Папков); в этом же сущность и финляндской приходской организации, которая там имеет, впрочем, характер не только нравственно-бытовой, но и юридический, с обязательным обложением прихожан и проч. В этой обязанности налогов на содержание причта и вообще на благоустройство храма и прихода заключается условие устойчивости финляндской церковно-приходской организации; но в этом же и ее важный недостаток с идейной точки зрения. Древнехристианская церковно-приходская община не знала обязательного обложения прихожан; правда, тогда эта мера была излишней при широком развитии благотворительности, когда христиане добровольно приносили к ногам апостолов свои имущества; но она и вообще не согласна с духом свободы христианского общества, которое в приношениях своих членов желает видеть дело любви, а не исполнение внешне принудительного требования.

При современных условиях проект обязательного обложения прихожан может быть источником постоянных недоразумений, разлада и даже распада приходской жизни. Особенно щекотливый вопрос о содержании причта может поставить последний в крайне тяжелые отношения к прихожанам. Поэтому да осуществится благое намерение нашего Правительства об обеспечении нашего духовенства жалованьем! Достаточно будет, если приход возьмет на свои средства попечение о приходском храме и об удовлетворении приходских нужд просветительных и благотворительных.

Осуществляемое через приходские собрания и советы церковно-приходское самоуправление обнимает собой широкий круг жизненных интересов прихода; этими учреждениями нормируется эта жизнь по началам учения церковного. Во внутренней организации этих учреждений, мне кажется, следовало бы усилить значение церковно-приходских советов перед собранием и дать им более широкие полномочия; это бы упростило ведение церковноприходских дел и не умалило бы значения церковно-приходского собрания, поскольку члены совета являются избранниками прихода, облеченными его доверием, и поскольку деятельность совета будет происходить на глазах прихода, под его контролем. Еще более нужно усилить значение личности священника, который, естественно, осведомленнее и компетентнее в суждениях о церковно-приходских нуждах. Умаление авторитета священника вредно может отразиться на благоустройстве церковно-приходской жизни вообще. Идеальным отношением мирян к иерархии является такой порядок, когда миряне не стремятся к ограничению прав иерархии, но свободно признают их за ней, сама же иерархия употребляет их не для своего превозношения, а для служения Церкви, и сама в своих действиях, в проведении различных мероприятий обращается к общему одобрению и совету своих прихожан. Вообще, приходское самоуправление должно основываться не столько на началах юридических, сколько на нравственных началах взаимного уважения, доверия, уступчивости. Так было в древнехристианской Церкви.

Вышеуказанная организация приходского самоуправления должна, прежде всего, урегулировать и облегчить задачу правильного и целесообразного ведения церковно-приходского

хозяйства. Участие в этом хозяйстве прихода оживило бы, можно надеяться, интерес прихожан к церковным нуждам, усилило бы приток пожертвований, а вместе обеспечило бы целесообразное их употребление. При этом желательно разграничение сумм собственно церковных и приходских. Если это разграничение было нужно для времен апостольских (пр. 38-е), то тем более – при современном упадке церковной жизни. Собственно, церковные суммы должны прежде всего идти на нужды местного приходского храма, и лишь остаток этих сумм должен быть уделяем на нужды приходские и общепархиальные – просветительные и благотворительные.

Первым и главнейшим просветительным учреждением в приходе должна быть церковно-приходская школа – одна или несколько их в приходе. По нашему глубокому убеждению, начальная школа должна быть под воздействием Церкви; она должна быть дорогим, любимым детищем всего прихода; должна быть всесословная. Пусть в ней будут положены семена того братского единения между бедным и богатым, простым и знатным, которого так мало в жизни и которое в столь извращенном виде начертывает на своем красном знамени современный социализм, прикрывающийся часто именем христианства, но утративший его дух. Школа эта, конечно, должна быть поставлена как можно лучше в учебно-воспитательном отношении. Нравственно-воспитательное влияние на детей пусть не ограничивается немногими учебными месяцами; нужно, чтобы в каникулярное время священник, или, по его поручению, учитель, или даже кто-либо из компетентных прихожан собирал детей для подтверждения заученных в школах молитв и для доброй беседы. В этом отношении можно взять пример с католического духовенства, которое летом в костелах ведет катехизацию для детей.

В этой катехизации и в беседах нуждаются не одни дети, но и взрослые. Приход должен помочь священнику в устройстве внебогослужебных бесед, в приобретении нужных книг, волшебного фонаря, в организации хорового пения, а кто может – и личным участием в таковых беседах.

Нужна в приходе хоть маленькая богадельня или, по крайней мере, регулярная помощь приходским беднякам.

На все эти и подобные учреждения должны быть всячески привлекаемы добровольные жертвы прихожан, с отнесением к ним части церковных сумм.

На первых порах, дай Бог, чтобы хватило средств для устройства этих необходимейших учреждений. А по мере развития святой ревности к Церкви Божией, во имя ее могут осуществляться и другие высокие задачи, которые подскажет сама жизнь.

Гораздо труднее расположить прихожан к отчислению церковно-приходских средств на общепархиальные нужды. На этой почве уже и теперь нередко возникает недовольство церковных старост. Нужно поэтому приблизить к сознанию прихожан значение общепархиальных учреждений, а для сего полезно иметь мирян – представителей приходов на общепархиальных съездах.

Много писали об юридических правах прихода. Желают некоторые видеть приход юридической личностью, мелкой административной единицей. Но едва ли это удобно и желательно даже в интересах церковно-приходской жизни. Функции внешне административные и судебные, не отвлекут ли внимание его управления от нужд и интересов чисто церковно-приходских? Конечно, нельзя возражать против того, чтобы за приходом было признано право закрепления известной собственности; но при этом должно остаться неприкосновенным право церкви иметь свою собственность; пусть в таком случае не смешиваются имущество прихода и имение церковное.

5. О духовных школах

Едва ли нужно доказывать ненормальное состояние наших современных духовно-учебных заведений. В духовных училищах слышатся жалобы на многопредметность, обширность учебных программ, мало приспособленных к детским силам, а еще более – на упадок дисциплины, на разобщение с семинариями, доходящее порой до прямого антагонизма, причем училища обыкновенно обвиняют семинарии, что последние быстро портят их питомцев, поступающих в семинарии с достаточной подготовкой и с добрым направлением, а семинарии винят училища за то, что они доставляют им материал неудовлетворительный в учебно-воспитательном отношении. Еще более печально современное состояние семинарий. Что они неудовлетворительно выполняют свою цель приготавливать юношество к служению православной Церкви (уст. духовн. сем. 1884 г. § 1), что из них более половины учеников – и притом часто лучшие из них – уходят на светскую службу и в светские высшие учебные заведения, а во священники идут сплошь и рядом юноши слабых успехов и познаний и часто оказываются далеко не на высоте своего призвания, – это ни для кого не тайна. Религиозно-нравственный уровень воспитанников семинарий понижается все более и более. Волнения, беспорядки, забастовки, возникающие то в той, то в другой семинарии, а иногда и сразу в нескольких, с несомненной ясностью подтверждают эту горькую истину. Нередко семинарские беспорядки принимают очень бурный и террористический характер: бьют стекла, лампы, производят разгром казенного имущества, бросают камни в квартиры своих начальников, стреляют, производят взрывы, зажигают сами здания учебных заведений, как ненавистные, и как протест церковному строю, допускают даже иногда ужасающие кощунства. Где причина всех нестроений семинарских? Некоторые винят в этих беспорядках современное начальство семинарское, особенно молодых монахов, которые теперь нередко ставятся во главе духовных семинарий и часто меняются, переводятся с одного места на другое или получают высшее назначение. Может быть, есть доля правды в этом обвинении, особенно в указании на вред частой смены начальствующих лиц. Но всецело настроение семинарий ставить в зависимость от этой причины было бы несправедливо. Бунтуют теперь семинарии, как известно, не только те, где начальствуют молодые иноки, но и те, во главе которых стоят умудренные опытом почтенные протоиереи; бунтуют и там, где начальствуют лица, заслуживающие всякого уважения и по своим личным качествам и по самоотверженной педагогической деятельности. Следовательно, не в личностях начальствующих заключается главная причина упадка наших семинарий, – она коренится в самом внутреннем строе их.

В чем же заключается ненормальность этого строя? Не в том, что он недостаточно церковен, ибо все беспорядки семинарий являются именно протестом против будто бы излишней церковности семинарского режима, а в том, что наши семинарии страдают двойственностью своих задач или, лучше сказать, неопределенностью своего назначения и положения. С одной стороны, они призваны воспитывать достойных кандидатов пастырского служения, а с другой – должны давать общее образование детям духовенства, хотя бы и не расположенным к церковному служению. Имея в виду первую и главную задачу, семинарское начальство естественно заботится о проведении в жизнь своих питомцев строго церковных начал; о ежедневном богослужении, о продолжительной домашней молитве, о говениях, о соблюдении постов, непосещении цирков, театров и проч. Но так как в каждой семинарии довольно значительное число воспитанников, которые вовсе не готовятся к церковному служению, а стремятся в светские учебные заведения, то естественно, что этой группе воспитанников церковные порядки не нравятся, они всем этим тяготеют и желают вести себя свободнее, а в случае стеснения их свободы выражают свое недовольство и протесты. Они не хотят признать того, что семинария есть специальное духовно-учебное заведение, имеющее чисто церковные задачи, а смотрят на нее, как на заведение общеобразовательное, хотя и сословно-духовное, и настойчиво домогаются в ней порядков и строя светских общеобразовательных школ. Отсюда – все нестроения семинарской жизни, здесь – главная язва наших семинарий и язва очень опасная и страшная, потому что, с разложением и упадком духовных семинарий, колеблется и падает весь институт пастырей русской православной Церкви, что уже составляет великое бедствие нашей не только церковной, но и общественной жизни.

В современной литературе не раз раздавались голоса, предлагавшие различные меры к уврачеванию зла, вкравшегося в жизнь наших духовных школ, особенно семинарий.

Все эти попытки и планы реформировать духовные семинарии можно свести к трем главным группам. Первая группа, – если можно так выразиться, искусственно механическая. Суть реформы в семинариях, по ее воззрению, должна быть сведена к следующему: возможно больше сократить в семинарии курсы наук общеобразовательных. Через это полностью закроется доступ семинаристам в высшие светские учебные заведения; таким образом, сам собой пополнится недостаток в кандидатах священства. Вот и вся задача исполнена. Нет нужды, что кандидаты священства будут с пониженным общим образованием, но зато их будет много. К этой же фракции принадлежат равно и все лица, жалующиеся теперь на разносторонность семинарских наук, обширность курсов программ их и видящие в этом источник всех беспорядков и нестроений в теперешних духовных семинариях. Устав семинарий до 1864 г. – желанная норма для таких реформаторов, и в воскрешении его они видят избавление семинарий от всех зол⁴. Несостоятельность основного положения этой группы реформаторов семинарий не требует больших доказательств. Скажем кратко: если кому, то именно пастырю Церкви нужно самое широкое развитие и знакомство с историей, литературой и другими так называемыми общеобразовательными науками, дабы он мог дать разумный ответ каждому вопрошающему. Да и самые богословские науки для своего надлежащего усвоения требуют довольно широкого общего образования; иначе божественная высота христианства, как основы жизни, будет так же неудобовосприимчива для недостаточно развитого ученика, как красота радуги цветов – для больного глазами. Потом, система искусственного закрепощения семинаристов в Духовном Ведомстве – прием старый, и печальные результаты его налицо: сколько чуть ли не магистров богословия теперь служат в разных ведомствах и учреждениях, ничего общего с богословием не имеющих.

Вторая группа серьезнее смотрит на недуг семинарский: она видит источник этого недуга в двойственности цели семинарии, в служении ее двум господам: общеобразовательным и специально-пастырским целям. Недостаточно сознавая, однако, всю несовместимость этих задач в одном учебном заведении, эта группа хочет поправить дело так. Пусть семинарии останутся в прежнем виде; только 5 и 6 классы нужно сделать специально церковно-богословскими. Эти два класса, последние в семинарии, надо выделить в особое пастырское отделение с двухгодичным курсом, причем по окончании четвертого класса семинарии воспитанник может, если он не пожелает идти по стезе пастырства, уйти в какое угодно высшее учебное заведение. Значит, 4 класс семинарии нужно приравнять к 8 классу гимназии, как это и было до 1884 года.

Сторонники второй группы делятся на две фракции: одни желают восстановить во всей полноте устав 1864–1867 гг.; другие же, исходя из желания увеличить курсы общеобразовательных наук, проектируют вместо нынешних духовных училищ учредить особое общеобразовательное среднее учебное заведение из восьми классов или духовную гимназию, а затем уже и неразрывно с ней два класса пастырских. Итак, значит, по их планам вся реформированная семинария должна состоять из десяти классов⁵. Разумеется, что эта группа преобразователей семинарий глубже смотрит на дело; по ее взгляду, дается полная свобода юноше выбрать себе жизненный путь. В этом – ее неоспоримое преимущество перед первой группой. Но и она имеет слабую сторону в том, что сливается жизненно с общеобразовательной школой специально-пастырское отделение ее, которое по своему общему воспитательному жизненному строю будет прямым продолжением и завершением общеобразовательной школы; пастырское отделение только по составу учебного курса будет пастырским, а его воспитательный уклад будет общий со всей школой, т. е. будет носить характер, свойственный светским учебным заведениям, и, следовательно, собственно церковно-пастырского воспитания в школе не будет. Правда, можно ввести строго церковное течение жизни во всей школе, во всех десяти классах; но тогда повторится грех теперешних школ, снова пойдут выражения недовольства, требования большей свободы со стороны учеников первых восьми классов, имеющих не церковный, а общеобразовательный характер.

Наконец, если строго церковный режим ввести лишь в пастырском отделении, тогда нарушится единство всего учебного заведения. В сущности, получится два учебных заведения, Бог весть по какому-то недоразумению сплавленных формально воедино. Разумеется, такое соединение двух школ будет непрочным, и сразу два жизненных уклада в заведении дадут о себе знать; между ними появится страшный антагонизм, и при лучшем исходе один поглотит другой,

какой бы то ни было. Чтобы нагляднее увидеть механичность объединения общеобразовательной школы с пастырским отделением, представим себе на время начальника этого заведения, положим – ректора. Он, как начальник пастырского отделения, где все должно быть проникнуто духом церковности и сообразовано с задачами пастырского служения, не может отпускать учащихся хотя бы в цирк, устроить танцевальные вечера и пр., а как у начальника общеобразовательной школы, ученики справедливо могут ожидать положительного решения вопроса о театре, цирке, танцевальных вечерах и проч. Итак, одному и тому же начальнику приходится постоянно представлять собой два лица: одно – светское, а другое – глубоко духовное, пастырски настроенное, что, очевидно, невозможно, если не допускать фальши. Так невозможна школа по изложенному проекту. Заклучим свое слово об этом проекте реформаторов семинарии тем, что она является отголоском влияния западно-протестантского, где собственно пастырства нет, а только представительство от религиозных обществ, и где поэтому вся подготовка к пастырству сводится к обучению на особых богословских факультетах при университетах. На Русь взгляд занесен в 1860 годах, при реформе духовно-учебных заведений, г. Рождественским и Гаевским, посланными тогда для ознакомления с учебными заведениями Запада.

Третья группа стоит за упразднение теперешних духовно-учебных школ: семинарий и духовных училищ, и за создание нового типа школ пастырских, совершенно свободных и открытых для желающих получить духовное образование и воспитание⁶.

Представителей этой группы также можно разбить на две фракции: одни (архим. Никон) стоят за строго пастырскую школу со всем ее церковновоспитательным режимом от 1 класса до 10 включительно, причем общеобразовательные науки не только не исключены из учебных программ, а даже до некоторой степени расширены по сравнению с современными семинариями (например введена тригонометрия, вновь вводится естественная история и проч.); другие («Ректор семинарии») предлагают открыть богословские училища специальные для уже получивших полное среднее образование, куда поступают не измлада и невольно, а уже имеющие возраст «с полным сознанием важности и святости дела, которое они заранее наметили себе, как идеал для жизненного пути, и по своей силе сознательно и усердно готовились к принятию его на себя». Представители первой фракции особенно важное значение придают делу пастырского воспитания измлада, предполагая, что мягкой, восприимчивой детской душе можно напечатлеть глубже и тверже святые истины и высокие правила, составляющие основу служения пастырского. Но, к сожалению, такая школа не может быть свободна от упрека в некотором насиловании человеческой личности. В этой школе призвание, цель жизни, и вся будущая судьба воспитанника заранее определяются совне, и сам он в избрании жизненного пути не участвует. В 9–10-летнем возрасте своим поступлением в духовную школу, которое зависит не от него, а от его родителей, он, сам того не ведая, отказался от права свободно избирать для себя дорогу жизни. Как только в нем начнет появляться сознательное отношение к жизни, он увидит, что его жизненный жребий решен бесповоротно. Но что, если он ощутит в душе своей не сочувствие этому направлению жизни? Приноровленный к будущему его призванию церковный режим и церковный характер самого образования, – вполне естественный, если бы это призвание было делом свободного его выбора, – теперь покажется насилием, узами, положенными на него совне, без его участия, что, конечно, не может быть оправдываемо ни с рациональной, ни с религиозной точки зрения. На свое положение такой школьник будет смотреть как на подневольное и потому всеми мерами будет стремиться, если может, на свободу, или же с отвращением и ненавистью будет продолжать свое невольничество, приучаясь лицемерить и маскироваться перед начальством. Если всмотреться поглубже, то нельзя не увидеть во взгляде этой фракции отражения духа и склада католических семинарий, где сущность воспитания будущих пастырей сводится по преимуществу к внешней муштровке, а не к духовной настроенности.

В противоположность этому взгляду, по мнению других, нужно строго различать школу духовную сословную и школу богословскую профессионально-пастырскую. Первая должна быть школой общеобразовательной для детей духовенства. Подобно тому, как например, военное сословие имеет кадетские корпуса для образования и воспитания своих детей, по окончании которых последние могут и не поступать в специальные военно-учебные заведения, а идти куда им угодно, – подобно сему и православное духовенство, в силу своих исторических заслуг, современного значения и материальной малообеспеченности, вправе иметь свои средние школы

для общего образования и воспитания в них своих детей при вспомоществовании от казны в виде стипендий, освобождения от платы за учение и тому подобное. Таковые школы должны давать только общее образование детям духовенства. По окончании такой школы юноши духовного сословия должны получать те же права, как и оканчивающие другие средние учебные заведения, должны иметь право поступать в какое угодно высшее учебное заведение (университеты, институты, лицеи, академии) на одинаковых правах с прочими молодыми людьми. Эти духовные школы объединяют и заменяют собой теперешние четыре класса духовного училища и первые четыре класса духовной семинарии. Пусть будет курс их соответствовать программам министерских гимназий.

Школа пастырско-богословская должна иметь своей задачей приготовление православных священников. В нее могут поступать юноши не моложе 18–20 лет и взрослые всякого сословия, звания и состояния, имеющие призвание к пастырскому служению, известные добрым поведением и получившие среднее образование для подготовки себя специально к священству. Сюда могут поступать и из вышеуказанной общеобразовательной духовной школы, и из классической гимназии, и из реального училища, и из кадетского корпуса, и из учительской семинарии, и из церковно-учительской школы. Просвещение, полученное молодыми людьми в специально-богословской или пастырской школе, не должно давать им никаких новых гражданских прав и преимуществ кроме тех, какие они имеют по ранее полученному ими образованию; оно должно давать им право только на священство и на поступление в духовные академии. Здесь должны изучаться богословские и философские науки (греческий и еврейский языки вводятся как вспомогательный элемент); весь строй их жизни должен быть строго церковный. Они должны иметь своими наставниками и воспитателями только лиц духовных – священников и монахов. Курс богословской школы должен быть не менее как трехлетний или четырехлетний.

Против этого проекта трудно было бы возразить что-либо по существу, если бы он мог обеспечить православной русской Церкви достаточное количество пастырей; но в том беда, что при такой постановке дела едва ли мы найдем достаточно охотников поднять на себя нелегкое бремя пастырства. При неудержимых стремлениях современного общества к легкой карьере и комфорту сколько можно насчитать таких подвижников, которые променяли бы легкую и широкую дорогу университетскую на смиренную и скромную долю пастырскую? Таких идеалистов, несомненно, оказалось бы немного, а между тем дело Божие растет и множится. «Жатвы много, а делателей мало» – этот возглас и теперь уже слышится тревожно; что же будет тогда с многочисленными приходами, когда из «духовной» школы большая часть полежит в светские высшие учебные заведения, а лишь единицы останутся для специально пастырской школы?! Об этом страшно и подумать.

На этот «грозный призрак» оскудения пастырей обращает внимание преосвященный Стефан, епископ Могилевский, в своем проекте реформы духовной школы. В своем рапорте Святейшему Синоду, разосланном потом всем епископам, он стоит также за упразднение теперешних шестиклассных епархиальных прогимназий с курсом министерских прогимназий; на место же семинарий учредить: а) богословские курсы с 3–4-годовичным обучением (окончившие эти курсы будут поставлять контингент диаконов, и только «зарекомендовавшие себя пастырской учительностью и доброй нравственностью могут искать великой степени священства» в селах); б) богословские лицеи, программа коих напоминает во многом теперешние семинарии (из окончивших лицей составляется «контингент начальников, воспитателей и преподавателей на богословские курсы, священников на более выдающиеся места», например – в городах и проч.). Наконец, идут уже духовные академии, куда епископы высылают более талантливых и с добрым направлением священников с семьями, давая им средства для безбедной семейной жизни в академическом городе. Главный контингент пастырей, таким образом, будет формироваться из так называемых «богословских курсов», число воспитанников которых, по мнению преосвященного Стефана, должно вдвое превышать меру потребных для епархии священников. Таким путем устраняется опасность (действительно, весьма грозная) недостатка пастырей; но будут ли воспитанники этих курсов вполне подготовлены для пастырского служения? Программа «курсов» (3-х или 4-годовичных) – несложна⁷. Пастырство ныне не только в городе, но и в селе предъявляет широкие запросы к его носителям и требует от них, помимо высокого религиозно-нравственного настроения, широкого умственного развития. Сознает это и сам преосвященный

автор рассматриваемого проекта, когда в дополнение к своим «курсам» считает нужным еще устроить «богословские лицеи» с 2–3-годовалыми курсами. Но зачем такое искусственное расчленение, в сущности, одной пастырской школы, объединяющей в себе и «курсы» и «лицей»? Этим разделением он разрывает на две части одну органически цельную школу, и в то же время без нужды удлиняет течение учебного курса в духовной школе, каковой представляется в следующем виде: 6 лет прогимназии + 3–4 года курсов + 2–3 года «лицея»; итого 12–13 лет. Если сопоставить с этим 8-ми или даже 7-летний курс светской школы, который открывает прямой путь в высшее учебное заведение, то сравнение будет не в пользу духовной школы, и лишние 4–5 лет только будут отпугивать от этой школы даже тех, кто имел бы к ней расположение. Поэтому, присоединяясь к проекту преосвященного Стефана в его сущности, я полагаю бы объединить его «курсы» и «лицей» в одну среднепастырскую школу с 3-х или 4-летним курсом. Пусть будут полные духовные гимназии с 7-ми или 8-летним курсом. Пусть ее программа и весь учебно-воспитательный строй будут приспособлены к министерским гимназиям; желательно разве только во главе этих духовных гимназий поставить духовных лиц по выбору съездов духовенства и поставить эти гимназии под наблюдение епископов, чтобы не разрывать их связей с духовной средой. Но наряду с этой духовной гимназией должна стоять особая пастырская школа. Для поступления в нее нет нужды оканчивать полного курса гимназии; достаточно окончить 5–6 ее классов (из 5-го – по поверочному экзамену, из 6-го – без экзамена); поступают в нее из тех же классов классических гимназий, реальных училищ, окончившие учительские семинарии, церковно-учительскую школу, второклассную (последние – по поверочному экзамену).

Курс этой школы должен быть 3-годовалый или 4-годовалый и по характеру своему должен быть богословский. Впрочем, так как поступать в нее будут ученики, не окончившие общего образования, то весьма полезно ввести в курс пастырской школы по несколько уроков логики, психологии, педагогики, философии, истории литературы. Последняя должна преподаваться в церковном освещении. Воспитательный строй школы должен быть всецело церковный; начальствующие и преподаватели должны быть в священном сане (священники и монахи); исключение может быть лишь для преподавателей светских наук. Желательно, чтобы не только начальство, но и все наставники жили при школе и были вместе и воспитателями. Выход из школы должен быть лишь во священники да в духовные академии. Я всецело разделяю мнение преосвященного Стефана о том, чтобы епископам была предоставлена возможность отправлять также в духовные академии священников, особенно способных и желающих научного образования, хотя бы эти священники были и семейные. Это были бы несомненно лучшие, добросовестнейшие студенты академий и впоследствии полезнейшие деятели епархиальные или вообще церковные. Вообще, запрет семейным священникам поступать в число студентов академий, мне кажется, следовало бы снять.

При сем прилагается примерная программа, рассчитанная на 3 и на 4 года. При 3-летнем курсе число уроков придется значительно сократить. В том и другом случае число учащихся одинаково. Начальник преподает в старших классах Священное Писание (5 уроков), так как, помимо управления заведением, он должен стоять близко к делам епархиального управления, дабы учебно-воспитательное дело вести применительно к потребностям епархии. Всех штатных учителей – 5, которые в 3-классной школе распределяют между собой учебные предметы в следующем порядке: 1) Священное Писание – 15 уроков, 2) богословие и аскетика – 12 уроков, 3) гомилетика, церковный устав и законоведение – 12 уроков, 4) церковная история и творения святых отцов – 14 уроков, 5) светские предметы (философии, история литературы и педагогика) – 11 уроков. Уроки церковного пения преподаются или кем-либо из наличного состава, или же особо приглашенным лицом. Один из преподавателей является помощником начальника училища – главным образом по воспитательной части, другой ведет канцелярию, третий заведует библиотекой. Уроки еврейского и греческого языков преподаются на пятом уроке кем-либо из наличного состава наставников.

В 4-классной школе число преподавателей останется такое же с таковым же порядком распределения между ними предметов обучения, и только число уроков у каждого было бы больше, как это ясно видно из прилагаемой при сем таблицы.

№ПРЕДМЕТЫ

КУРСЫ
1231234

- 1 Изъяснение Священного Писания (методом историко-синоптическим): а) Ветхого 66 66
Завета б) Нового Завета

–35—45

2	Богословие (догматика и апологетика)	—45—444
3	Учение о христианской жизни (аскетика)	—3—4
4	Церковная история (общая, русской Церкви и история латинства в Западной Руси)	4333351
5	Изучение творений святых отцев, как выразителей Священного Предания	22__23_
6	Церковный устав и изъяснение текста церковно-богослужебных книг в связи с христианской археологией	2222232
7	Церковное законоведение	—2—3
8	Церковное проповедничество (история, теория и практика)	112_222
9	Церковное пение (история, теория и практика)	1111111

Продолжение таблицы

N ПРЕДМЕТЫ	КУРСЫ						
	1	2	3	1	2	3	4
10 Литература (новейшая)	1	1	–	4	–	–	–
11 История гражданская (новая – общая и русская)	2	–	–	4	–	–	–
12 История философии	3	–	–	2	2	–	–
13 Психология и педагогика	2	1	1	1	1	1	1
Итого число уроков	24	24	24	23	23	23	23
На пятых уроках изучаются желающими языки греческий и еврейский.							

6. О порядке приобретения церковной собственности

По действующим ныне узаконениям (Св. Зак., т. 9, зак. о сост., изд. 1899 г., ст. 435 и 443), церквам, монастырям и архиерейским домам предоставлено право приобретать в собственность ненаселенные недвижимые имения всеми указанными в законе способами, т. е. покупкой, по дару и пожертвованию, по завещанию и путем давностного владения; но приобретенные указанными способами имущества укрепляются за означенными учреждениями в собственность совершением узаконенных крепостных актов не иначе как по испрошении на то каждый раз Высочайшего соизволения порядком, указанным в 985 ст. зак. гражд. (т. 10 ч. 1, издан. 1900 г.). Из сего исключаются два случая, именно – не требуется предварительного испрошения Высочайшего соизволения: 1) для приобретения права собственности на недвижимое имение по давности владения (решение Гражд. Касс. Деп. Прав. Сената от 23 февраля 1882 г. № 50) и 2) на укрепление за духовными учреждениями недвижимых имуществ, пожертвованных по духовным завещаниям (Высочайше утвержд. 10 декабря 1903 г. положение Особого Совещания о передаче некоторых дел из центральных в местные учреждения).

Такой порядок, установленный, очевидно, в видах гарантирования правильности приобретения духовными учреждениями недвижимых имуществ, на практике сопряжен с существенными неудобствами. Главное неудобство этого порядка заключается в том, что для испрошения Высочайшего соизволения требуется более или менее продолжительное время на соби́рание предварительных сведений и справок, так что иногда ко времени воспоследования Высочайшего соизволения изменяются сами условия приобретения недвижимого имения. Вообще, порядок этот сопряжен с значительной волокитой. Поэтому было бы желательно – все дела по приобретению духовными учреждениями недвижимых имений предоставить окончательному решению местных епархиальных начальств и лишь в делах о покупке и продаже недвижимых имений испрашивать предварительно разрешение Святейшего Синода.

Опасаться в этом случае каких-либо неправильностей по укреплению за духовными учреждениями недвижимых имений нет оснований, так как, во-первых, крепостные акты совершаются подлежащими судебными установлениями, которые и гарантируют их правильность, а во-вторых, если Высочайше утвержденное в 1903 году Особое Совещание о передаче некоторых дел из центральных в местные учреждения признало возможным передать окончательному решению епархиальных начальств дела об укреплении за духовными учреждениями недвижимых имений по духовным завещаниям, то, казалось бы, нет причин не сделать того же и относительно дел о приобретении недвижимых имуществ всеми другими способами.

Затем, неудобно также, что «юридическими лицами», за которыми укрепляются недвижимые имущества, признаются только церкви, монастыри, архиерейские дома и епархиальное ведомство или епархиальное начальство. Такие же, например, учреждения, как консистория, попечительство о бедных духовного звания, начальные церковные школы и православный приход юридическими лицами не считаются и потому не имеют права укреплять за собой недвижимых имуществ. Отсюда могут происходить разные недоразумения. Может быть (и действительно бывает), что, например, земля или дом, приобретенные для известного учреждения и укрепленные за «епархиальным ведомством» без обозначения в крепостном акте цели приобретения, впоследствии получают совершенно другое назначение, чего не могло бы быть, если бы эти имущества укреплялись за теми учреждениями, для которых они приобретаются. Несомненно также, что, если бы православный приход имел право укреплять за собой недвижимые имения, то нашлись бы и жертвователи таковых, особенно в настоящее время, при стремлении прихожан участвовать во всех приходских делах. В 1902 году Сумский окружной суд сделал попытку признать православный приход юридическим лицом; но определение названного суда не может иметь общего и обязательного значения. Поэтому весьма желательно, чтобы в законодательном порядке признаны были права «юридических лиц» за всеми епархиальными учреждениями, церковными школами и православными приходами.

7. Об епархиальных съездах

В отношении более правильной постановки епархиальных съездов, все согласны с мыслью о необходимости расширения сферы их компетенции. До сих пор съезды ведали узкосословные и притом преимущественно экономически-хозяйственные интересы епархиального духовенства. Нет никаких препятствий, а напротив, много побуждений развить деятельность епархиальных съездов и сделать из них вспомогательный орган епархиального управления по всем частям местной епархиальной жизни. Общая схема этих съездов, нам думается, прекрасно изображена в упомянутом сочинении протоиерея Иванцова-Платонова «О русском церковном управлении». Пусть председателем съезда будет епископ; пусть депутатами избираются действительно лучшие представители епархиального духовенства, свободные от узколичных, корпоративных или сословных тенденций; пусть съезды превратятся в свободные, одушевленные беседы епископа со священниками, как отца со своими детьми, или главного представителя епархиальной власти со своими ближайшими сотрудниками; тогда благотворное и благодетельное значение этих съездов было бы несомненно. Но горе, если эти съезды обратятся в органы оппозиции епископской власти и повлекут за собой дальнейший упадок церковной дисциплины, и без того значительно расшатанной. Пусть съезды будут орудиями не умаления, а укрепления и усиления авторитета власти епископа. Значение съездов – не в том, чтобы сделаться «status in statu», а в том, чтобы помочь, облегчить епископу тяжелое бремя его архипастырских трудов. С одной стороны, они доставят ему ценный материал для ознакомления с разнообразными нуждами епархиальной жизни, что имеет особенное значение в обширных епархиях, а с другой – помогут разобраться в этих нуждах, осветить их данными опыта и наблюдения, но отнюдь не стесняя воли и власти епископа. Будучи для епископа вспомогательным органом епархиального управления, съезды должны явиться и проводниками в жизнь епархии распоряжений епископа, его мероприятий, направленных к усовершенствованию различных сторон местной церковной жизни. Таким образом, они могли бы быть органами взаимообщения, живого, теснейшего сближения епископа с вверенной ему паствой. С этой точки зрения, участие в таких съездах выборных от мирян, например церковных старост, не только допустимо, но и желательно. Таким путем постоянно поддерживалась бы связь между епархиальной властью и приходом, связь, ослабление которой ныне весьма чувствуется и сопровождается многими неблагоприятными последствиями для церковно-приходской жизни, вызывая охлаждение, безучастный индифферентизм прихожан к церковному делу, или даже, в худших случаях, прямое недоверие к церковным деятелям, представителям епархиальной власти. Пусть бы представители прихожан на общепархиальных съездах воочию убедились, что епархиальное начальство – им не чужое, что оно болеет их церковно-приходскими нуждами, что оно, в лице епископа и лучших представителей духовенства, идет навстречу этим нуждам и всячески стремится к их удовлетворению. Все это, естественно, должно дать им правильное и широкое понимание общепархиальной церковной жизни и ее потребностей и расположить их в пользу Церкви. Явившись в свои приходы, они в этом направлении могут повлиять на приходскую массу, и та с большей сознательностью и охотой будет делать свои пожертвования на нужды Церкви и не отвечать недоверием, не возражать, когда из местных церковных средств будут делаться отчисления на нужды общепархиальные (школы, приюты и др.). Наконец, присутствующие на общепархиальных съездах представители от мирян могли бы делать ценные сообщения о различных явлениях религиозно-нравственной жизни местного населения.

Конечно, эта польза для мирян от участия в епархиальных съездах может ожидать лишь в том случае, если съезды эти будут на высоте своего призвания, если они будут проникнуты сознанием важности своего дела и истинно церковным настроением; если же, помилуй Бог, они обратятся в арену борьбы партийных страстей и самолюбий, тогда не пользу, а великий соблазн вынесут присутствующие на них миряне, к страшному вреду для Церкви. Впрочем, бывшие в этом году некоторые опыты такового участия, насколько известно, дали, слава Богу, благоприятные результаты. При пробуждении и оживлении церковно-приходской жизни, прогрессивно должно увеличиваться и значение этого участия мирян в общепархиальных церковных делах, подлежащих обсуждению епархиальных съездов, – лишь бы это не повлекло за собой некоторого ослабления авторитета епархиальной власти.

8. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях

Важность такого участия не может подлежать сомнению. Мысль о том, будто бы это участие: а) несогласно с духом служения пастырского, б) противоречит каноническим требованиям (6-е и 81-е пр. св. Апост., 3-е пр. 4Всел. Соб. и 10-е пр. 7Всел. Соб.) и в) отвлекает священника от прямых его обязанностей, – заключает в себе взгляд, неверный исторически и неосновательный по существу. Он имел бы свое основание лишь в том случае, если бы Церковь совершенно отделилась от государства и между ними была бы порвана всякая связь. Но так как в России Церковь и государство находятся в отношении тесного взаимообщения, так как русская Церковь находится в государстве, а государство – в живой связи с Церковью, то отсюда вытекает необходимость участия духовенства в делах и учреждениях общегосударственных. Церковные каноны, запрещающие духовенству вмешиваться в мирские дела, имеют в виду злоупотребления, когда эти занятия являлись для членов клира средствами наживы и, поглощая все их внимание и заботы, вредно отражались на исполнении их прямого долга. Само по себе участие священнослужителей в общественных учреждениях, думается, было бы полезно и для Церкви и для общества. Представители Церкви, являясь полноправными деятелями общественно-государственными, могли бы возвышать свой голос в защиту внешних, особенно экономических и вообще правовых интересов Церкви, поскольку эти интересы соприкасаются и даже переплетаются с интересами государства. С другой стороны, они могли бы вносить в жизнь общественно-государственную и ее учреждения высокий дух Христовой Церкви и освящать эту жизнь здоровыми началами церковного учения, в чем она особенно нуждается в настоящее время. Таким образом, это участие до некоторой степени способствовало бы более или менее правильному практическому разрешению сложного и весьма запутанного вопроса о взаимных отношениях между Церковью и государством.

Конечно, это высокое и ответственное призвание пастырей потребует от них большого напряжения нравственных сил, чтобы не уронить своего пастырского авторитета в глазах общества, чтобы и самому не приразиться мирскому духу; поэтому общественно-государственная повинность пастырская должна быть подчинена строгому контролю церковной власти. Лучше пастырю совсем не вмешиваться в общественно-государственную жизнь, чем неумелым вмешательством оказаться не на высоте своего призвания, уронить высокое достоинство священного сана, быть вовлеченным в борьбу партий, в политические интриги и проч.

Из вопросов, не намеченных в указе Святейшего Синода от 27 июля сего года, по моему мнению, следует представить на рассмотрение Поместного Собора следующие:

1. О церковном богослужении. Упадок церковной жизни повел к тому, что устав церковный почти нигде не соблюдается, за исключением некоторых благоустроенных обителей; в приходских же церквях службы Божии подвергаются сокращению совершенно произвольному и часто неосмысленному. Да и при этих сокращениях богослужение отправляется с непростительной поспешностью; богослужебное церковное чтение повсеместно совершается так, что ничего нельзя разобрать.

Быть может, было бы целесообразнее, оставив неприкосновенным уставное совершение богослужения в монастырях, для мирян в приходских церквях разрешить некоторое сокращение богослужебного чина, но с тем, чтобы это сокращение было строго и точно нормировано и чтобы сокращенное церковной властью богослужение отправлялось везде однообразно и не подвергалось дальнейшим сокращениям и изменениям.

2. Такое же снисхождение немощным следовало бы, быть может, сделать и относительно постов, которые теперь так открыто и соблазнительно нарушаются чадами православной Церкви.

3. Следовало бы также облегчить условия заключения браков в более близких степенях родства, особенно в епархиях, где православные перемешаны с представителями других христианских исповеданий, где браки в таких степенях родства позволяются; а также следовало бы допускать расторжение браков в тех случаях, когда таковые браки фактически расторгаются, когда, например, один из супругов совращается в другое исповедание или в секту и решительно отказывается продолжать супружескую жизнь с лицом, оставшимся верным православию.

№46, преосвященного Парфения, епископа Подольского, от 9 декабря 1905 года

Имею честь покорнейше донести Святейшему Синоду, что мною не исполнено требование Святейшего Синода указом от 27 июля сего года, № 8, о представлении соображений по вопросам, подлежащим рассмотрению на предстоящем Поместном Соборе русской Церкви, по многим причинам: отчасти – по обилию епархиальных дел и неудовлетворительному состоянию здоровья, а главным образом – по глубокому убеждению, что, пока царит в России смута, не следует собирать Поместного Собора и предпринимать какие-либо крупные реформы в области церковной жизни и церковного управления. Собор будет иметь подобающий ему авторитет, а определения его – силу только при условии, если за Собором будет стоять сильная государственная власть. От такого или иного исхода политической смуты в России стоит в зависимости и дело реформ в церковной жизни, а потому и трудно сейчас сказать по этому делу определенное и решительное слово. А пока улягутся волнения, – я полагал бы, – следует строго держаться существующих законоположений и не ослаблять, но усилить церковную дисциплину.

При сем имею честь представить Святейшему Синоду записку моего викария, преосвященного Димитрия, о Поместном Соборе и желательных реформах в Церкви и «Мнения» съезда духовенства Подольской епархии по тем же вопросам.

Записка преосвященного Димитрия, епископа Балтского

Согласно указу Святейшего Синода от 27 июля 1905 года, за № 8, имею честь смиреннейше доложить следующее. Тяжелые, смертельно скорбные дни, переживаемые нашим отечеством, а вместе с ним и нашей святой Церковью, заставляют, – не могу не сознаться в этом, – призадуматься над вопросом, нужно ли было теперь, в это несчастнейшее для святой Руси время, возбуждать суждения о необходимости изменения существующего у нас церковного управления на иной строй, строго согласованный с требованиями св. канонов Христовой вселенской Церкви. Знаем мы, как и прочие, получившие образование в наших богословских школах, что наше высшее церковное управление, вызванное к бытию непреодолимой, железной волей великого Петра через послушное, но не совсем чистое орудие – малоправославного Феофана Прокоповича, по своей идее и форме во многом отступало и отступает от прямых постановлений св. Вселенских и Поместных Соборов; но лучшие наши иерархи, входившие в состав этого управления со времен Петра 1 до наших дней, ради «экономии церковной» принужденные примиряться с петровским преобразованием и подчиняться требованиям всемогущей гражданской власти, всегда рьяно и ревниво охранявшей установленное управление по причинам, совершенно для нас непонятным и, вне всякого сомнения, малопонятным и для самой гражданской власти, старались никогда не отступать в своих решениях от св. канонов и умели даже в самые бедственные для св. Церкви русской времена, как например – в правление Бирона и царствования Петра 3 и Екатерины 2, сохранять в целости и неповрежденности все заветы, все предание – как устное, так и письменное – вселенской Божией Церкви. Поэтому, думали мы, нельзя ли было и в наше смутное время, без созыва Поместного Собора (возбуждающего в некоторой части нашего духовенства и так называемой интеллигенции дикие желания внести посредством реформ в православную Церковь чисто протестантский дух), сохраняя установленный порядок церковного управления, употребить тщание быть непоколебимыми в исполнении всех велений вселенской Церкви? Ведь, наконец, без Собора вызванный к жизни существующий порядок церковного управления мог бы быть изменен и без Собора одним Святейшим Синодом, по сношении с Восточными патриархами, небезучастными в установлении в Церкви нашей синодального управления, и по утверждении Верховной власти. Но теперь мысль о Поместном Соборе проникла во все решительно слои русского общества, стала всеобщим достоянием, и нет никакой возможности не осуществлять ее; теперь, наоборот, следует поторопиться с созывом Собора, чтобы страсти реформаторов, разгораясь все сильнее и сильнее, не создали для предположенного, неизбежного Собора слишком тяжелого положения, не возбудили бы части русского народа против будущих отцов Собора. Поэтому чем скорее и неожиданнее будет созван Собор и чем меньше будут длиться дни его заседаний, тем более несчастий можно будет избежать нашей св. Церкви, тем менее она приведена будет в сотрясение врагами Божиими, дьявольски предвкушающими радость от ожидаемых ими разделений между членами Собора ненавидимой этими врагами Церкви Божией.

Кому заседать на Соборе? Каждый православный сын Божией Церкви, не задумываясь, ответит прямо на этот вопрос: епископам Церкви Христовой. Все епископы русской Церкви без всякого исключения, правят ли они епархиями, состоят ли помощниками у правящих, проживают ли на покое, обязаны явиться на св. Собор Христовой всероссийской Церкви. Каждый член Церкви русской, имеющий благодать епископства, обязан быть и членом Собора, и никакая власть на земле и на небе не может и не должна воспретить ему, т. е. всякому русскому епископу, принять участие в суждениях о деле, порученном Богом Отцом епископу, как апостолу Бога и Господа Иисуса Христа, освященному Богом Духом Святым. Все епископы русские должны братски собраться для изыскания способов и мер к неповрежденному и неизменному хранению св. веры, переданной им преемственно св. апостолами и отцами Церкви. Но, кроме епископов, на Собор должны быть приглашены и богопросвещенные и уважаемые в Церкви пресвитеры Христовы и истинные друзья Божии – миряне, члены тела Христова – Церкви. Эти последние (священнослужители и миряне) будущие члены Собора избираются или Святейшим Синодом, или отдельными епархиями, малыми Церквями, неделимыми частями всероссийской Христовой Церкви. Святейший Синод по-своему усмотрению может назначить из пресвитеров и мирян членами Собора такое количество, какое он найдет необходимым для сего. Святейший Синод, думаем, должен принять на себя приглашение на Собор профессоров наших духовных

академий, по 2 человека от каждой, и человек 10 преподавателей наших семинарий, заявивших себя в духовной литературе какими-нибудь учеными трудами. Но, кроме назначенных Синодом, из каждой епархии отправляются на Собор вместе со своими епископами еще и два члена, пресвитер и мирянин, нарочито для сего избранные. Избрание же этих членов Собора, думаем, может совершиться таким образом. Епархиальный архиерей должен оповестить все подведомое ему духовенство о необходимости выбора на св. Собор двух представителей и предложить для сего всем настоятелям приходов собрать в известный день в св. храм всех своих прихожан, достигших гражданского совершеннолетия, и, объяснив им великое значение церковного Собора и высокую честь присутствия на нем, предложить избрать из своей среды человека, по своим умственным, нравственно-религиозным качествам достойного, еще угодно будет Господу, присутствовать даже на самом Соборе всей русской Церкви. С этим избранным мирянином приходский пастырь отправляется на благочиннический соборик (собрание иереев и всех членов причта одного благочиннического округа). Здесь все члены причта благочиния избирают из своей среды одного из иереев, могущего быть, еще угодно будет Богу, членом Собора; а миряне – избранные приходов, под руководством о. благочинного, но без всякого вмешательства и давления с его стороны («под руководством» – должно разуметься объяснение кандидатам, каким образом они из своей среды должны избрать одного), избирают из своего числа одного, признаваемого ими за человека, способного для присутствия на Соборе. Избранные иерей и мирянин являются в епархиальный город, где, ко времени их явки, епархиальным архиереем вместе с городским духовенством и мирянами должны быть избраны также кандидаты в члены Собора по вышеуказанному порядку. Все кандидаты под руководством епископа своего избирают из своего числа двух: пресвитеры – пресвитера, а миряне – мирянина. Эти-то избранные и будут считаться членами будущего Собора – представителями епархии, нераздельными со своим епископом.

Миряне, призванные на Собор, перед первым заседанием его должны (это же обязаны делать в каждом приходе, благочинническом округе и епархиальном городе все избиратели и избранные) всенародно исповедать чистоту своей веры и преданность всецелую предписаниям и постановлениям св. Церкви. После этого только могут быть допущены эти избранные на заседания св. Собора.

Ныне ни для кого не тайна, что часть (хотя, по милости Божией, и меньшинство) духовенства, в особенности некоторые иереи наших столиц, Москвы и Петербурга, уже и теперь не покоряющиеся своим епископам, решили реформировать Церковь Божию, т. е. заставить ее оставить отеческие предания и тем лишить ее небесной благодати, отсечь ее от тела единой вселенской апостольской Церкви. Для этой пагубной цели эти враги истинной Церкви, мнящие себя последователями первенствующей апостольской Церкви, употребляют всевозможные усилия (прибегают к защите, протекции, покровительству сильных мира сего, графов, князей и даже великих князей) попасть на Собор и, вне всякого сомнения, намереваются произвести на нем разделения. В случае недопущения их на Собор они устроят свой особый собор и постараются увлечь за собой маловерующих из интеллигенции и часть непросвещенного русского народа, например – фабричных, солдат и т. п. Словом, будут ли эти реформаторы (наши Лютеры, Кальвины и Цвингли) на Соборе или нет, они все же учинят раскол, имеющий причинить великие страдания телу Христову. Вследствие этого мы, православные, исповедующие, что спасение обретаем мы только в Церкви Христовой, учение коей содержится в Св. Писании и Св. Предании, обязаны заранее принять все меры, чтобы все диавольские их ухищрения свелись к нулю, не имели бы, по крайней мере, для живых и действительных членов Церкви, под которыми следует разуметь наш простой русский народ, никакого значения. Для этого обязаны мы, по крайнему моему разумению, пригласить на наш Собор одного из Восточных патриархов. Присутствие святейшего патриарха и санкционирование им постановлений Собора обратит в ничто все козни вражи для искренно верующего сердца каждого русского человека, и члены Церкви гарантированы будут от увлечения развратным учением петербургских протестантов-иереев. На Соборе нашем должен присутствовать или вселенский патриарх – святейший Иоаким 3, или Иерусалимский – блаженнейший Дамиан, если первому по каким-нибудь политическим причинам нельзя будет прибыть на Собор. В случае же невозможности быть на Соборе нашем блаженнейшему Дамиану должен быть приглашен патриарх и папа Александрийский – святейший Фотий, ученейший из современных иерархов наших. Для большей авторитетности Собора нашего, по моему мнению, должны быть приглашены и патриархи, на

покое проживающие: святейший Константин 5 и блаженнейший Никодим, как прекрасно владеющие русским языком.

Святая Русь наша давно уже не видела у себя дражайших гостей – патриархов православных; их прибытие в наше исстрадавшееся от братоубийственных междоусобиц отечество явилось бы, поистине, Божиим благословением для него, оживило бы в сердцах наших пылкость к св. вере нашей и предохранило бы святую Церковь нашу от великих волнений и бедствий потери многих сынов, могущих стать добычей диких волков – либералов-священников по чину Гапона.

Конечно, приглашенные патриархи должны занимать на Соборе первые места, а один из правящих (в случае присутствия, например двух) должен быть председателем Собора, даже и после выбора и утверждения Всероссийского.

В присутствии и председательстве на Соборе одного из православных греческих патриархов мы видим единственный исход, единственную гарантию от появления в Церкви нашей раскола, протестантства и распространения его среди народа. Если будет на нашем Соборе хоть один патриарх, то нам не страшен будет никакой его состав; если бы даже силой ворвались не приглашенные и провозгласили свои безумия, то и тогда их бредни не оказали бы на святой народ русский никакого влияния, ибо на святой Руси православные хорошо и твердо помнят, что на чьей стороне православные греческие патриархи, той и принадлежит истина Христова – вера православная.

Вне всякого сомнения, что реформаторствующие иереи, через преданных себе и сочувствующих раздиранию на части Церкви Божией – некоторых влиятельных русских князей, будут стараться перед Правительством выставлять всевозможные препятствия и затруднения к приглашению патриарха на Собор; но мы должны умолить благочестивейшего нашего Самодержца, православного Государя Императора – надежды Церкви, дать нам возможность узреть истинных живых носителей преданий апостольских – св. патриархов.

Никакие материальные затруднения не должны нас остановить перед приглашением патриархов. Если правительство откажется затратить что-либо на проезд их, то мы должны принять все расходы на себя; архиереи – обложимся, обложим свои монастыри, призовем на помощь благочестивое купечество, дворянство. Верим, что среди наших пасомых, в особенности среди столичного купечества, найдутся не единицы, готовые дать десятки тысяч для достойного приема дражайших гостей – вселенских учителей.

Указав на состав и председателя Собора, я не стану долго останавливаться на остальных вопросах синодального указа, ибо уверен, что Собор или сам легко их разрешит без предварительной даже разработки, или разрешение их будет предоставлено Собором епархиальным соборам духовенства под председательством местных епископов.

Так, например, вопрос о порядке рассмотрения и разрешения дел Собором должен быть разрешен самим Собором.

Святой Собор, конечно, немедленно устранив неканоническую систему управления нашей отечественной Церкви, примет систему, существующую во вселенских патриархиях, которые должны быть для нас образцами. У наших чиновников есть тенденция ссылаться на устройства Церквей в королевствах Румынском, Греческом и Сербском и Черногорском княжестве и оправдывать их практикой нашу; для этого иногда и в официальном органе нашем «Церковных Ведомостях» печатаются статьи об устройстве и организации Церквей в перечисленных государствах. Но Церкви эти для нас примером служить не могут, так как система их управления, к сожалению, есть сколок нашей же, несколько исправленной, и, благодаря самоотверженности и преданности св. канонам предстоятелей этих Церквей, более приноровленная к требованиям правил вселенской Церкви. Святой Собор обязан восстановить у нас строго канонический строй Церкви. Введенное каноническое устройство, глубоко верим, ни на окраинах государства, ни в центре не может оказаться вредным для единства государства. Если в мусульманской Турции существуют четыре патриархата самостоятельных и их существование не угрожает несколько единству Турции, почему же у нас в России областное каноническое устройство может повлечь за собой вред и может угрожать единству государственному?

Если благословит Господь, и Церкви русской, двухсотлетней пленнице, возвратят все незаконно отнятые у нее права, освободят ее от стряпни Феофана Прокоповича и разных консисторских уставов, то отцы Собора легко изыщут способы для простого и канонического управления епископами своих епархий через совет пресвитеров, законно избранных всем клиром

епархии. Епископ, имея в руках св. Евангелие, постановления Собора и святоотеческие правила, Господу поспешествующу, будет право править святой Церковью и право судить вверенный ему клир. Не потребуются никаких новых установлений. Святая Церковь существует 19 веков, и русская Церковь воспользуется установлениями, существующими в других православных Церквях. Все это не введет государство в новые расходы.

Когда русской Церкви дозволено будет действовать так, как, например, в пределах нашей империи действует Церковь папская, то вопросы о благоустройстве приходов, оживлении в них жизни, об епархиальных съездах и суде церковном разрешены будут по епархиям собраниями духовенства, согласно св. канонам Церкви.

Члены клира православной Церкви русской, как природные русские граждане, ничем не заслужившие лишения или ограничения прав, думаю, имеют полное право требовать, чтобы государство не отстраняло их от участия в общегосударственном управлении, допустило бы их в Государственный Совет и другие высшие учреждения. Государству незачем брать на себя обязанность ограничения клириков в некоторых гражданских правах; в этом последнем заинтересована сама власть церковная, и последняя, согласно с канонами, должна ограничивать гражданские права клириков и просить государство о принятии во внимание и признании этих ограничений законными.

Думаем, что не следовало бы государству ограничивать церкви, приходы, монастыри и все епархиальное духовенство, как отдельные юридические лица, в приобретении куплей, продажей, унаследованием прав собственности. Ограничение в этом праве и затруднения при приобретении недвижимой собственности церковными общинами являются в настоящее время анахронизмом. Правительству, конечно, нечего опасаться, что глубокая религиозность многих может повести к обогащению монастырей, церквей, духовенства и к обнищанию наследников жертвователей. Ныне – иные времена; не следует из-за несуществующей, да, пожалуй, и никогда не существовавшей, а лишь воображаемой опасности стеснять церковные общины в этих правах, коими пользуются в государстве подобные церковным общинам учреждения.

Собор должен рассмотреть вопрос о духовно-учебных заведениях и должен настоять, чтобы нисколько не ослаблялась дисциплина в этих существенно необходимых для Церкви учебных заведениях, воспитывающих в своих стенах будущих пастырей, подвижников, жизнь коих в мире будет усыпана далеко не цветами. Святейший Синод с патриархом во главе и епархиальные архиереи должны остаться главными распорядителями судеб духовно-учебных заведений. Начальники этих последних всецело и во всем должны зависеть от епископов, коим Самим Господом Богом вверено управление Церковью. Церковь нуждается в чисто ученых, богословских учреждениях, нуждается в высших православных богословских школах; поэтому св. Собор должен, думаю мы, оставить в полном подчинении Святейшему Синоду существующие духовные академии, в коих могут быть только учителями во всем преданные православной Церкви лица. Святейший Синод и епархиальные архиереи должны следить, чтобы в академиях и семинариях господствовало чисто православное богословское учение, и иначе учащих – тайно или явно – в этих школах немедленно должны удалять оттуда. Не стану касаться здесь преобразований учебной программы наших школ, так как этот вопрос будет всесторонне разработан советом и правлениями духовных академий и семинарий.

Заканчивая свою записку, не могу не выразить желания, чтобы Святейший Синод теперь же, перед созывом Собора, вызвал в Петербург из наличного епископата не менее 15 епископов, выдающихся своими научными познаниями и административными талантами, и вместе с ними, на основании поступивших в Святейший Синод записок епархиальных архиереев, выработал бы программу действий не только ожидаемого временного Собора, но и всей Церкви русской, которой должен был бы руководиться каждый русский епископ в печальные дни гражданской истории нашего отечества.

Предположение Подольского епархиального съезда духовенства по вопросам о необходимых реформах в церковно-приходской жизни вообще и Подольской епархии в частности

Съезд духовенства Подольской епархии, рассмотрев в заседаниях 28, 29 и 30 сентября акты окружных пастырских собраний и уездных комиссий о мероприятиях, вызываемых указом 17 апреля 1905 г. и современным политическим состоянием России, пришел к следующим заключениям.

Высочайший указ 17 апреля 1905 г., составляющий акт справедливости Правительства по отношению к разноречивым элементам, входящим в состав Российской империи, приветствуется Подольским духовенством, как заря обновления Церкви и государственной жизни. Духовенство не имеет оснований опасаться потери престижа своего и Церкви, так как убеждено в незыблемой жизненности и авторитетности православного учения.

Указ 17 апреля является удовлетворением естественного стремления человека к свободе личности. Любовью и уважением к личности проникнуто евангельское учение, а потому все, основанное на этой любви, не может быть осуждаемо и отвергаемо провозвестниками того учения – православными пастырями. Но так как между пастырями и народом существует несомненная, тесная нравственная связь (как бы ни были печальны некоторые отдельные случаи), и нравственное влияние их на простонародную среду в общем весьма значительно, то этим выясняется и особенная, подсказываемая современным внутриполитическим положением России роль духовенства, как истолкователя и проводника в народ не противоречащих идее христианской любви преобразовательных начал последнего времени. К этой именно роли, по мнению духовенства, оно и призвано правительством, которое признало в принципе пользу активного, усугубленного участия его в общественной жизни народа и обнаружило особенное доверие к православному духовенству через допущение его к участию в Государственной Думе, каковым правом духовенство и должно воспользоваться в полной мере. Для этого оно должно сплотиться, чтобы провести в Государственную Думу вполне разделяющих его взгляды представителей. К осуществлению этой своей задачи духовенство приступает с верой в свои силы и с убеждением в полезности предстоящей деятельности для Церкви, народа и отечества. Для выполнения ее духовенство встречает много препятствий в своей внутренней организации, а потому, в целях устранения их, находит необходимыми некоторые реформы в самой этой организации.

Ввиду того, что важнейшие из этих реформ неизбежно должны охватить всю православную российскую Церковь, то суждение о них, несомненно, должно принадлежать всей Церкви. При существующем порядке управления ею, связывающем даже высших служителей ее и гнетущем приходское православное духовенство, разрешение таких вопросов не может быть свободным и безошибочным. Верный выход из настоящего положения нашей Церкви может быть указан только Всероссийским Собором из свободно избранных представителей духовенства всех епархий, при участии известных своей преданностью Церкви мирян, которые могли бы привнести свое понимание нужд Церкви и знание ее канонов. Само собой понятно, что решения такого Собора должны быть безусловно свободны, что несомненно вытекает и из смысла указа 17 апреля и из запросов церковно-религиозной жизни. В ту пору, когда свободой устройства стали пользоваться даже незначительные религиозные общины, было бы аномалией лишать такой свободы целую Церковь, нуждающуюся в развитии своей внутренней и общественной жизни, притом – Церковь, господствующую в государстве.

Относя окончательное разрешение назревших вопросов по реформе церковной жизни к компетенции Всероссийского Собора, духовенство Подольской епархии считает себя вправе высказаться, какие именно из реформ, по его мнению, представляются наиболее безотложными.

Для объединения всех мероприятий духовенства епархии в делах веры, нравственности и пастырской практики и для выработки постановлений, приемлемых духовенством епархии, необходимо расширить компетенцию епархиального съезда, с преобразованием его в епархиальный собор, под председательством епископа и с участием в нужных случаях мирян. Необходимость в таком соборе и в такой компетенции его вытекает из самой идеи соборного управления Церковью.

Форма нынешнего епархиального управления должна подлежать изменению. Устанавливается нужда в таком учреждении, авторитет которого был бы основан на доверии духовенства, и которое могло бы служить связующим звеном между епископом и паствой. Таким учреждением может быть только существовавший в древней Церкви совет пресвитеров при епископе. Этому совету надлежит состоять из выборных на определенный срок от приходского духовенства пресвитеров. Компетенции совета пресвитеров при епископе должно подлежать решение всех вопросов и дел церковно-приходской жизни епархии; по отношению же к делам, решаемым на окружных пастырских собраниях, совет должен иметь значение высшей инстанции. При совете пресвитеров для ведения текущих дел может быть и канцелярия, но под непосредственным руководством одного из членов совета. Деятельность такого совета, естественно, может иметь нормальное течение только при уменьшении территориальных образцов нынешних весьма больших епархий.

Подлежит реформе и современный духовный суд, который чужд гласности, ведется на основании канцелярских данных, подвержен, в силу своей большой зависимости от канцелярии, медлительности и лишает обвиняемых общедоступных способов защиты через юридически образованное доверенное лицо.

Справедливо восстановить права приходской общины, существовавшей в первые времена христианства, и предоставить прихожанам, при непрременном участии окружного духовенства, производить выборы членов причта из правоспособных кандидатов, имеющихся в епархии, с сохранением за епископом права утверждать или не утверждать избранных. Такой порядок выбора священнослужителей, при настоящих условиях, осуществим только в исключительных случаях; в полном же объеме он может быть проведен в практику только в том случае, когда будут осуществлены все другие желанные реформы в церковной жизни. Тогда жизнь духовенства и прихода сложится на новых взаимных отношениях, народ привыкнет к ним, и естественно явится более возвышенное представление о пастырских достоинствах.

Пастыри, руководствуясь божественным примером Пастыреначальника-Спасителя и пастырской практикой св. апостолов и св. отцов Церкви, должны быть печальниками своего народа во всех случаях его жизни. Их авторитетный, беспристрастный, чуждый корысти и личных счетов голос должен раздаваться всегда, когда перед глазами зло, попрание правды, обида слабого и проч. Выполнить эту миссию при нынешних условиях, при неимении прав на общественную деятельность, пастыри не могут. И потому духовенство в данном случае всецело присоединяется к тем положениям, которые высказаны в записке первостоятеля нашей Церкви – митрополита Антония, которая гласит: «Наставники и прочие духовные лица инославных общин, являясь ставленниками сих последних, должны иметь для них особый авторитет, и при всех обстоятельствах не только чисто церковной, но и общественной жизни окажутся естественными представителями своих общин и ходатаями за них. Поэтому не следует ли распространить на православных священников право быть непремными членами общественно-государственных учреждений, имеющих место в их приходе, участвовать в мирских сходах и быть представителями общины по желанию последней?» Духовенство заявляет, что дарование ему прав на общественную деятельность есть акт справедливости и неотложной нужды. А потому, для уничтожения существующей отчужденности духовенства от общественной жизни, в целях достижения наибольшего влияния Церкви на направление этой жизни, необходимо предоставить духовенству право непремного представительного участия во всех учреждениях, ведающих общественные дела.

Доброй и согласной жизни пастыря с приходом много мешает плата за требоисправления. Это роняет престиж духовенства, умаляет его нравственное влияние на прихожан, но в то же время составляет главное средство содержания духовенства, так что отказаться от этой платы в настоящее время, когда жизнь дорожает, а другие источники (церковная земля) скудны и неравномерны, оно не может, – а потому признает настоятельно необходимым обеспечение духовенства соответствующим времени и положению жалованьем. «Материальное положение духовенства, – говорит г. обер-прокурор Св. Синода в своем всеподданнейшем отчете, – представляет большое место в церковно-общественной жизни, вредно отражающееся не только на жизни и деятельности этого сословия, но вносящее много ненормального и в общественную жизнь. Если принять во внимание возлагаемые на духовенство многоразличные обязанности по долгу службы, те требования, какие предъявляет к духовенству нынешняя жизнь и современное общество, и, наконец, вообще служебное положение духовенства, требующее лиц с известным

образовательным цензом и, следовательно, с известными умственными запросами и нравственными убеждениями, то справедливость требует признать, что получаемое духовенством вознаграждение за свои труды действительно далеко недостаточно, а сам способ получения этого вознаграждения и условность его размеров слишком тяжело отзывается на нравственном состоянии духовенства... Что же касается доходов натурой и деньгами за требоисправление, то этот способ обеспечения духовенства, тяжелый для самого духовенства и для прихожан, в большинстве неудовлетворителен по своим размерам. Жизнь с течением времени осложняется и предъявляет новые требования. В настоящее время духовенство должно постепенно увеличивать свои расходы как по содержанию себя, так и по содержанию и обучению детей. Между тем доходы его не только не увеличиваются, но в очень многих местах, вследствие возрастающей дороговизны и частых неурожаев, даже уменьшаются. Поэтому масса духовенства переносит много горя, нужды, – и если оно так усердно стремится дать образование детям, так или иначе устроить их в жизни, то исключительно благодаря тому, что оно не щадит себя, мало заботится об удовлетворении своих личных потребностей, ведет простой, скромный образ жизни. Домашняя жизнь сельского духовенства очень незатейлива. Псаломщики, семейные диаконы живут нисколько не лучше крестьянина. Очевидно при таких условиях, что не жадность духовенства, не стремление наживать капиталы побуждают его заботиться об увеличении своих доходов, а простое удовлетворение самых насущных своих потребностей. Материальная необеспеченность духовенства заметно отражается на его деятельности и на нравственном состоянии... Материальная зависимость от прихожан ставит иногда уступки, близко граничащие с унижением авторитета пастырей в глазах их пасомых» («Церковные Ведомости» 1905 г. № 35). Таково мнение и всех близко стоящих к духовенству и знающих его жизнь и деятельность.

Нынешние духовно-учебные заведения, в которых воспитываются и обучаются кандидаты священства, не соответствуют своей цели ни по общей организации своей, ни по действующим программам учебного курса. Преследование ими одновременно двух задач – общего образования и специального богословско-пастырского – на практике оказывается несовместимым. Поэтому желательно было бы преобразовать духовно-учебные заведения в смысле совершенного отделения общего образования от специального богословского, чтобы лица, не чувствующие призвания к пастырству, могли свободно избирать для себя другие пути дальнейшего образования в общедоступных высших учебных заведениях. Для этой цели необходимо согласовать программы общеобразовательного курса духовно-учебных заведений с программами светских; для приготовления же кандидатов священства, чувствующих к тому призвание, учредить богословские факультеты при епископских кафедрах, на каковые поступали бы молодые люди всех сословий, прошедшие среднеобразовательную школу, чем будет уничтожена кастовая замкнутость духовного сословия и установится более широкое общение с другими общественными классами. В интересах уничтожения той же кастовой обособленности желательно было бы преобразовать и женские духовно-учебные заведения на началах равенства по программам и правам с правительственными полными женскими гимназиями.

Существующее в настоящее время церковно-школьное дело в сумме других пастырских обязанностей духовенства требует также некоторых изменений в установившемся строе. Как показал опыт, институт уездных наблюдателей из бесприходных священников не оправдал возлагавшихся на него надежд. Укомплектовываясь в большинстве случаев лицами молодыми, малоопытными, оторванными от жизни прихода и той самой школы, которую они приставлены наблюдать, этот институт черпает свое знакомство со школой только в показной стороне этой жизни. С пользой для дела уездные наблюдатели могут быть заменены прежними окружными, с разделением между последними и присвоенного уездным наблюдателям жалованья; они, как ближе стоящие к школам своего округа и работающие в собственной школе, будут иметь возможность чаще посещать их, следить за ходом дела в них, надлежало руководить ими и о религиозно-нравственном состоянии просвещения в приходах докладывать пастырскому собранию. По должности они останутся членами отделения училищного совета, вместо существующих, причем из своей среды они будут избирать председателя отделения.

Польза Церкви несомненно подсказывает, в ряду других мер, также необходимость очистить клир от бесполезных и вредных членов, ради чего желательно было бы предоставить таким лицам свободный выход из духовного звания без удерживающего их теперь ограничения гражданских и других прав и зачета лет службы на пенсию.

Значительное число дразг и жалоб среди членов причта, как показывает опыт, возникает при участии псаломщиков, которым, с усилением в Церкви светской власти, искусственно присвоено неподобающее значение. При существующем порядке назначения их епархиальной властью, которая лишена возможности надлежаще узнать не только нравственные качества, но и степень подготовленности ищущих такой должности лиц, в число членов причта попадают недостойные духовного звания люди. Посему представляется необходимым – право выбора и удаления псаломщика предоставить пастырскому собранию при участии представителей от прихожан.

Необходимо, чтобы пастыри твердо вступили на путь самостоятельности, взаимодействия, взаимопомощи и братского контроля, для чего желательно предоставить духовенству право избрания должностных лиц округа, право контроля деятельности этих лиц и остальных членов округа и компетенцию судебной инстанции.

Желательно и настоятельно необходимо немедленно предоставить окружным пастырским собраниям право избрания благочинных и прочих должностных лиц в округе, причем желательно сократить количество их и возложить функции деятельности их на пастырские собрания.

Благочинный, по назначению, является всецело зависящим от своего начальства: он должен заботиться, чтобы все номера предписаний и указов были исполнены, невзирая на неудобоеисполнимость их для округа. С последним ему нет нужды сноситься на правах взаимного уважения: поневоле ему приходится быть чиновником, предписывающим и требующим, но очень редко сочувствующим и помогающим. Естественно, что такие благочинные не имеют авторитета в своих округах. Благочинные же выборные будут стараться оправдать выраженное им доверие округа, будут любимыми и авторитетными начальниками. Одноокружные священники знают достоинство и недостатки своих собратьев и выберут в должность благочинного только наиболее достойного и уважаемого. Между тем епархиальная власть может легко избрать лицо, не подходящее для деятельности благочинного, чему много примеров дает настоящая действительность.

Избрание всех должностных лиц желательно на определенный срок, не более 3-х лет.

Все возникающие недоразумения между членами причта и между причтом и прихожанами, а равно и компрометирующие духовное сословие дела и проступки членов причта полезно приостанавливать и устранять в самом начале их появления. С успехом выполнит это само духовенство, подавая добрые советы провинившимся собратиям. Если же будет замечено, что братски поданный совет не подействовал исправляюще на собрата, то пастырское собрание предлагает ему выйти из прихода округа. Эта, уже крайняя, карательная мера приводится в исполнение епископом по представлению и ходатайству окружного собрания. С введением суда пастырского епархиальному начальству не будет необходимости (кроме исключительных случаев) прибегать к формальным следствиям, всегда, бесспорно, унижающим не только обвиняемого, но и его сослуживцев, и вообще роняющим в глазах народа духовный сан.

На ремонт и благоустройство храма, на устройство хора, на библиотеку, ремонт причтовых помещений, на нужды школ и на приходскую благотворительность и проч. производить расходы при широком участии прихожан, без ограничения сумм и не испрашивая на то каждый раз разрешения епархиального начальства, – безразлично, производится ли расход на средства прихода или же из свободных церковных сумм.

В целях успешного отражения инославной и сектантской пропаганды необходимо широкое распространение среди населения направленных против католичества и сектантства брошюр и листов, а также краткого молитвослова на местных наречиях – малороссийском и молдавском. Означенные брошюры и листки должен издавать епархиальный миссионерский комитет и рассылать их в свои отделения в городах и местечках, откуда эти издания приобретались бы в сельские церковные библиотеки.

Приходы Подольской епархии в средствах содержания духовенства слишком неравны; необходимо их уравнивание. Работа эта – трудная и сложная, а потому решение этого вопроса необходимо предоставить ближайшему епархиальному съезду по предварительном обсуждении его (вопроса) на окружных пастырских собраниях.

Непомерное обложение церквей взносами в пользу разных учреждений вызывает справедливые нарекания со стороны прихожан, ложится тяжелым бременем на церковное хозяйство и служит в некоторой степени причиной охлаждения прихожан к храму. А потому крайне необходимо многие сборы, как косвенные обложения церквей, отменить или уменьшить, а именно: а) уменьшить плату за бланки и сократить количество их; в частности, бланки для

составления списков по воинской повинности «на каждое лицо» следовало бы совершенно уничтожить, как бесполезные и в значительной степени усложняющие письмоводство; б) прекратить выписку в церкви ненужных книг и брошюр; в) прекратить взносы на содержание Подольского епархиального училищного Совета, его отделений и на канцелярию консистории; г) упразднить сборы по всем кружкам, подписным листам и тарелочные сборы в пользу разных внеприходских учреждений и освободить священников от обязанности производить какие-либо сборы, как нарушающие церковное благочиние, а предоставить учреждениям, имеющим право на то, производить таковые вне храма через своих уполномоченных.

Желательно освобождение священников от представления окружным цензорам писанных проповедей и отчетов о своей проповеднической деятельности. Ввиду многосложных занятий и обязанностей священника по церкви, школе и приходу, писание проповедей и отчетов для представления цензору духовенство епархии считает для себя и обременительным и не достигающим цели контроля над проповеднической деятельностью духовенства.

**№47, преосвященного Филарета, епископа Вятского, от 21
декабря 1905 года**

Во исполнение циркулярного указа Святейшего Синода от 27 сего июля, за № 8, долг имею почтительнейше доложить следующее:

1. О составе имеющего быть Собора Всероссийской Церкви

Постановления св. апостолов, святых семи Вселенских и девяти Поместных Соборов есть неизменно действующее право Церкви, ее высший законодательный устав, утвердивший и самый канон священных книг в настоящем их виде. По этому уставу повелевается собираться на Соборы одним епископам, что видно из правил: 37-го св. апостолов, 5-го 1 Вселенского Собора,

19-го 4 Вселенского Собора, 1-го, 2-го и 8-го 6 Вселенского Собора, 6-го 7 Вселенского Собора, 20-го Антиохийского Собора, 87-го Карфагенского Собора, 40-го Лаодикийского Собора. Сторонники того мнения, что участниками на Соборе в решении тех или других вопросов должны быть клир и миряне, не имеют канонического основания. При ссылке на первенствующую Церковь забывается, что есть существенное различие первых христиан с последующими поколениями. В то время иерархические полномочия определились еще весьма слабо, даже миряне имели дар языков и пророчества. Если теперь требовать полного восстановления практики первенствующей Церкви, то должно предоставить мирянам возлагать руки на епископов при отправлении их на проповедь, как возлагали антиохийцы на Павла и Варнаву. Если признавать безразличным участие в делах Церкви мирян и иерархии, то следует допустить мирян и к участию в совершении святых таинств и прочего, т. е. к полному упразднению иерархии. Церковь, опираясь на слова Священного Писания (1Кор.12 гл.), 64-е правило 6 Всел. Собора, определяет отношение членов Церкви между собой, отрицающее одинаковое участие мирян с иерархией в делах Церкви. Миряне и клир могут быть на Соборе, но без права голоса, как и было на Вселенских Соборах. Допущение их к деятельному участию на Соборе, судя по постановлениям бывших в сем году епархиальных съездов и по тому, о чем пишется в газетах и журналах, может повести не к восстановлению и упрочению, а к изменению самого богоучрежденного строя христианства и священных канонов, а следовательно – к повреждению чистоты божественной веры.

2. О благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях и об участии священнослужителей в общественных учреждениях

Приход по идее есть автономная (или самостоятельная) православная община, сгруппировавшаяся около храма, члены которой объединены между собой общностью интересов религиозно-нравственных, просветительных и благотворительных.

Современный приход далеко не удовлетворяет требованиям идеала, и приходская жизнь теперь находится в полном упадке. Существенные недостатки, наблюдаемые ныне в церковно-приходской жизни, выражаются прежде всего в малоправности и безгласности прихожан, которые лишены возможности проявлять деятельное участие в местных церковно-приходских делах, например, по избранию членов причта или по заведованию и распоряжению церковными суммами, причем приход нередко не может даже распорядиться по своему желанию такими суммами, которые пожертвованы им же специально на какой-либо предмет. Равнодушие прихожан к делам своей церкви, проистекающее между прочим из их безучастия в хозяйственном ее управлении, сказывается также и на слабом развитии у нас в приходах просветительно-благотворительной деятельности. Пастыри Церкви, обремененные чисто канцелярским трудом и перемещаемые иногда с места на место вопреки желанию своей паствы, являясь скорее случайными требоисправителями, чем действительно созидателями христианской общественности в приходе. Редкие из них, при настоящих условиях жизни, находят в себе достаточно сил и умения сблизиться с паствой и вместе с ней начать дружескую христианскую работу в области благотворения, просвещения и т. п. В большинстве же случаев наблюдается отсутствие общности духовных интересов между прихожанами и причтом, назначаемым в приходы без ведома паствы. Нужно также заметить, что существующие способы содержания духовенства, ставящие его в материальную зависимость от прихожан, представляют сильную преграду для пастырского влияния священника на приход. Неблагоприятно отражается на пастырской деятельности и отсутствие священника в общественных собраниях и сельских сходах, так как такое отсутствие лишает пастыря одного из лучших средств для сближения с паствой. Наконец, как на внешнее неудобство для сближения прихожан и причта между собой, необходимо указать на территориальные размеры приходов и их неравномерность, благодаря чему некоторые из прихожан более тяготеют к ближайшему по месту храму, а не к своему приходскому, при открытии же нового прихода не желают иногда приписываться к нему по материальной расчетливости – из-за опасения расходов, сопряженных с устройством прихода; при разбросанности же селений на далеком расстоянии пастыри не имеют физической возможности часто навещать их и ближе входить в их жизнь.

Устранить существующие недочеты в современном строе приходской жизни не могут ни церковно-приходские попечительства при современной их организации, как не могли они оживить ее за 40 лет своего существования, ни представительство прихожан в лице церковного старосты, потому что, как показывает действительность, прихожане безучастно относятся к попечительству и к правам по заведованию церковным хозяйством, что объясняется главным образом незначительностью тех прав, которые предоставлены приходской общине положением о церковно-приходских попечительствах и инструкцией церковным старостам. Нынешний порядок вещей, стесняя прихожан в непосредственном участии и контроле в израсходовании церковных сумм, только косвенно допускает приход к ведению церковного хозяйства в лице церковного старосты и двух представителей от прихожан. В ограниченности прав церковно-приходских попечительств, препятствующей свободному развитию их деятельности, заключается главный дефект в учреждении церковно-приходских попечительств. Указом Святейшего Синода от 12 октября 1868 г., за № 62, попечительства, например, совершенно устранены от участия в распоряжении церковными суммами, причем такое участие признано было Св. Синодом противным каноническому правилу: «Никто да не присвоит церковного достояния» (преп. Феофила Александрийского правило 11-е). Но так как в данном случае под церковным достоянием разумеется не храмовое достояние, а достояние Церкви, как общества верующих (μῆτις τὰ τῆς ἐκκλησίας ἰδιολογεῖσθαι⁸), то члены церковно-приходских попечительств, как избранные приходом представители верующих, имеют право на участие в распоряжении

суммами, составляющими собственность собрания (ἐκκλησίας) верующих, а такое участие ничуть не противоречит вышеозначенному каноническому правилу.

Пока церковно-приходские попечительства не будут опираться в своей деятельности на приходскую общину и не получают автономных прав в сфере забот о местных церковно-приходских нуждах, до тех пор деятельность их не принесет существенной пользы ни церкви, ни самому приходу.

Чтобы оживить современную приходскую жизнь, необходимо привлечь к участию в местных церковных делах всех прихожан, необходимо создать приходскую общину, предоставив ей права заведования церковным хозяйством и избрания членов клира.

В целях поднятия приходской жизнедеятельности желательно: а) признание прихода, как совокупности членов известной паствы, приписанных к определенному храму, во главе со священником, «юридическим лицом», имеющим право приобретать движимое и недвижимое имущество, которое должно составлять собственность приходской общины, с правом последней принимать ближайшее участие и в самом ведении церковного хозяйства, а также в контроле над движением церковных сумм, и б) восстановление древнерусского права прихожан выбирать себе священноцерковнослужителей. Мотивом к расширению прав приходской общины в распоряжении церковными суммами должно служить то соображение, что церковное имущество приобретается на средства лиц, входящих в эту общину, и им может казаться обидным устранение их от заведования приобретенным на их же средства имуществом. Но высшее наблюдение за расходованием церковных сумм по-прежнему должно принадлежать духовной власти; равным образом, по-прежнему же должно быть точно определено законом, куда могут быть расходуемы церковные деньги. Введение выборного начала важно в целях сближения духовенства с паствой; причем самое избрание кандидата на священноцерковнослужительские места, ввиду малокультурности простого народа и вообще некомпетентности многих прихожан в этом вопросе, должно производиться выборными представителями прихода, при обязательном участии причта и благочинного, в храме, как месте, которое должно придавать самому акту избрания характер священного дела, чуждого мирских пререканий. Избранные должны обладать известным образовательным цензом и нравственными качествами, соответствующими их высокому званию. Число кандидатов, избранных приходской общиной, может быть неограниченно, и все избранные кандидаты с отзывом благочинного представляются на утверждение в совет пресвитеров при епархиальном епископе.

Для наилучшего осуществления указанных выше прав и обязанностей прихода по отношению к храму, причту и просветительно-благотворительным учреждениям приходской общины, желательно было бы устройство церковноприходских собраний и приходского совета. Совет должен состоять из свободно избранных на приходском сходе прихожан и иметь исполнительную власть по заведованию делами приходской общины. В совет могли бы допускаться и женщины для работ в различных отраслях приходской жизни. В церковно-приходском собрании могут участвовать все прихожане без различия пола, ибо «во Христе Иисусе несть мужеский пол, ни женский». Церковноприходское собрание избирает кандидатов в члены причта, принимает и утверждает смету и вообще решает все наиболее важные церковно-приходские дела. В частности, церковно-приходская община, имея права «юридического лица» и избрания членов причта, обязана не только распоряжаться имущественными делами храма, но и заботиться о благоустройстве его, об обеспечении причта и надлежащем развитии просветительно-благотворительных учреждений в пределах прихода, поддерживая существующие и открывая вновь школы, больницы, богадельни и т. п. Желательно при этом, чтобы предприятия, организованные приходом с просветительно-благотворительными и другими полезными целями (например, устройство кирпичных заводов, книжных лавок, пасек и проч.), были свободны от обложения.

В отношениях прихода и избранного им клира между собой, при взаимном содействии друг другу в благоустройстве местной церковно-приходской жизни, должна быть внутренняя сплоченность и заботливость друг о друге. Поэтому приходская община, являясь соработником своего духовенства, не должна быть судьей или контролером своего клира. Клирики избираются пожизненно с обеспечением от прихода приличным помещением и добавочным вознаграждением к жалованью (которое должно быть непременно назначено, если желательно установить нормальные отношения между клиром и приходом) за необязательные требы и священнодействия в определенном размере. Удаление недостойных

священноцерковнослужителей от мест может совершаться только по суду епархиальной власти, которой, кроме того, принадлежит утверждение, поставление клириков и общее руководство и наблюдение за развитием духовной жизни в епархии.

В видах устранения нежелательных явлений в церковно-приходской жизни, происходящих от неравномерных территориальных размеров приходов и от игнорирования некоторыми прихожанами без уважительной причины своего приходского храма, необходимо точнее определить приходы территориально, запретив священникам вмешиваться в чужой приход и определив численность каждой приходской единицы в 1000 душ мужского пола.

Наконец, в деле благоустройства приходской жизни и – в частности – для самих пастырей важное значение имеет предоставление духовенству прав на участие в городских и земских учреждениях, сельских сходах и волостных судах, если последние будут сохранены при новом укладе жизни. Опасения, что такое участие может ввести пастырей в круговорот мирских дел, имеет силу только по отношению к таким пастырям, которые, очевидно, не проникнуты истинным духом пастырства; а священнослужители, сознающие высоту вечных начал пастырской деятельности, приобретут в таком праве прекрасное средство для проведения в общество нравственно-просветительного влияния. В настоящее время представители клира в лице депутатов от Духовного Ведомства принимают участие в городских и земских учреждениях; однако это участие не только не отражается печально на самих представителях, но, как свидетельствует действительность, приносит значительную пользу Церкви, например церковно-школьному делу, привлечением земств к оказанию материальной поддержки, благодаря почти исключительно влиянию депутатов духовенства, возвышая таким образом и самого пастыря в мнении общества.

Так как переустройство прихода на началах автономной общины предоставляет прихожанам право распоряжения церковными суммами, то естественно возникает вопрос, не может ли осуществление такого проекта сопровождаться потрясением тех церковных учреждений, которые содержатся ныне на церковные средства, не будут ли приходские деньги расходоваться исключительно на местные нужды, даже мало относящиеся к церковному делу. На это нужно сказать, что настоящим проектом не исключается контроль над расходованием церковных сумм со стороны епархиального начальства. Законом должно быть точно определено, куда могут и куда не могут быть расходуемы церковные деньги; иначе, действительно, у приходской общины может явиться соблазн расходовать их и на чисто мирские нужды. Кроме того, ненормальность в расходовании церковных сумм заключается теперь не в том, что часть их идет в пособие в виде содержания духовно-учебных заведений, а в том, что обязательные налоги на церкви слишком велики и производятся без всякого участия и контроля приходских общин. Нельзя при этом не указать также и на тот исторический факт, что даже в древней Руси, когда приходы всецело распоряжались церковным имуществом, они не уклонялись от участия в нуждах общецерковных и исправно отбывали церковные повинности, налагаемые епархиальной властью.

3. О разделении России на церковные округа под управлением митрополитов

Разделение России на церковные округа желательно. Учреждение этих отдельных округов не будет находиться в противоречии с началом государственного единства и не будет содействовать сепаратным стремлениям: националистические и сепаратные стремления питаются обыкновенно другими мотивами – этнографическими, культурно-историческими, но не церковно-религиозными. Поэтому, если где они возникли, то будут существовать и помимо областной автономии; последняя едва ли может придать им особенную жизненность. Бороться с такими стремлениями должно государство, а не Церковь.

Кроме того, система областного церковного управления не исключает единства верховной власти Церкви. Поместные, областные Церкви не суть Церкви автокефальные; они все должны будут находиться в подчинении у высшего органа русского церковного правительства – Поместного Всероссийского Собора.

Разделение России на церковные округа, с учреждением в них постоянных периодических соборов под председательством митрополита, для решения местных церковных дел, согласно с каноническими правилами и древнехристианской практикой Церкви (34-е прав. св. Апост., 9-е прав. Ант. Соб., 2-е прав. 2Всел. Соб., 25-е прав. 4Всел. Соб. и др.).

Отвечая лежащему в основе Церкви началу соборности, подобное деление на округа вызывается заметным различием некоторых местностей со стороны культурных, географических и других особенностей. Желательно также оно и в целях скорейшего решения местных церковных дел, а также в целях объединения церковно-общественных интересов данной области.

Объединяющим учреждением в митрополии должен быть областной митрополичий собор, созываемый митрополитом области периодически или по мере необходимости. Этому собору можно бы было передать дела из ведения Святейшего Синода об открытии и выделении новых приходов и штатов (если эти дела нельзя передать епархиальному архиерею), об учреждении миссии, об утверждении лиц епархиальной службы, кои теперь утверждаются Святейшим Синодом, жалобы на архиереев, снятие сана и те дела, какие Святейший Синод будет отсылать на рассмотрение митрополичьего собора.

В случаях, превышающих компетентность собора, и в случаях недовольства его постановлениями, дела передаются на рассмотрение Всероссийского Собора. Митрополиты должны быть: 1) в Петербурге (если патриарх будет в Москве) или в Новгороде (если патриарх будет в Петербурге), 2) в Москве (если патриарх в Петербурге), или в Ярославле, или Владимире (если патриарх будет в Москве), 3) в Киеве, 4) в Варшаве или Вильно, 5) в Казани, 6) Тифлисе, 7) Воронеже, 8) Томске, 9) Иркутске. Избрание и утверждение митрополита принадлежит патриаршему Святейшему Синоду; епископы же областей представляют двух кандидатов, по их мнению – достойных этого сана.

Сам митрополит, помимо собора, не имеет никакой власти ни над епископами своей области, ни над всем тем, что касается их епархий.

К обязанностям митрополита, как председателя и руководителя соборов, а также как проводника распоряжений высшей церковно-правительственной власти и вообще, как руководителя церковной жизни округа, должно относиться: созывание епископов на соборы, назначение времени и места, подготовка материала для рассуждений на соборе, руководство соборными совещаниями (16-е и 20-е пр. Ант. Соб., 19-е пр. 4Всел. Соб.); принятие жалоб от низших клириков и мирян на епископов и назначение над ними соборного суда (9-е пр. 4Всел. Соб., 14-е пр. Ант. Соб., 28-е пр. Карф. Соб.).

Сам же митрополит состоит в непосредственном подчинении у высшей церковной власти; перед ней он ответственен и ей только подсуден (9-е и 17-е пр. 4Всел. Соб.).

Число епархий необходимо увеличить. Эта необходимость чувствуется всеми везде и во всем. Много об этом уже писалось, и нужно с этим считаться. Нужно уничтожить институт викарных епископов, который бесполезен при том положении, в какое он поставлен. Нежелательно и положение епископов так называемых полусамостоятельных, каковых осталось только двое в Европейской России, так как создает разные недоразумения между епархиальным и таковым епископом.

Епископы избираются епископами же, согласно с правилами: а) Вселенских Соборов: 4-м, 6-м и другими первого, 28-м четвертого, 3-м седьмого, и б) Поместных Соборов: 19-м и 23-м

Антиохийского Собора, 13-м Карфагенского Собора и 12-м Лаодикийского и 36-м апостольским правилом. Клир и миряне могут рекомендовать Собору епископов того или другого кандидата на кафедру своей епархии, но в выборе не должны участвовать. Утверждение выбранного епископа принадлежит патриаршему Синоду.

4. Об органах епархиального управления и суда: об епархиальных съездах; о выделении из консистории церковного суда и об организации его в соответствии с церковными канонами и с началами гражданской судебной реформы, завершившейся изданием судебных уставов 20 ноября 1864 года

Совмещение в одном и том же учреждении функций административной и судебной, с одной стороны, представляет много неудобств. Основные начала юридической науки не допускают такого совмещения, так как тогда всегда являлась бы возможность заменять судебные действия административными. Это – раз. Далее: не желая, с одной стороны, раскрывать подробности проступков духовенства, иногда очень соблазнительных для мирян, а с другой – не желая отягощать себя соблюдением процессуальных форм судебного делопроизводства и, наконец, подвергаясь возможности обжалования своего решения, Духовное Ведомство вообще склонно прибегать к применению мер административного характера там, где следовало бы, в интересах правосудия, применять судебные меры, отчего правосудие во всяком случае страдает, а лица, подвергшиеся административному взысканию, ропщут на епархиальное начальство, обвиняя его в произволе.

Совмещения вышеуказанных функций в одном учреждении, против которого ратовал еще несколько столетий тому назад Монтескье, мы не встречаем ни в одном благоустроенном государстве, у нас же оно сохранилось лишь в Духовном Ведомстве и в институте земских начальников. Но указанный институт с самого своего возникновения встречает осуждение со стороны прогрессивной части русского общества именно за совмещение этих двух функций и вызывает со стороны Правительства поправки основного закона о земских начальниках и, по-видимому, недалеко то время, когда этот институт подвергнется коренной реформе, и судебная власть будет отделена от административной.

С другой стороны, не нужно забывать и каноническую сторону дела. В первые века христианства епископ, управляя своей епархией, был в то же время и судьей – и не только клира, но и всей паствы.

Проводя разделение указанных функций до конца, мы неминуемо должны были бы устранить епископа от участия в судебных делах, что, конечно, невозможно и нежелательно.

Чтобы решить вопрос, как выйти из этого затруднения, прежде нужно рассмотреть епархиальные административные учреждения. В предложении обер-прокурора Св. Синода отмечен только один недостаток епархиальных административных учреждений, а именно: отсутствие единства между разными епархиально-административными учреждениями, объединяющимися только в лице одного епископа, а не своих членов: консисторией, училищным советом, эмеритальной кассой, свечным заводом и т. д., между тем как этот недостаток – не единственный и не главный.

Первый из недостатков – это полнейшая замкнутость учреждений, вследствие чего духовенству нет возможности быть осведомленным о происходящем в них; с одной стороны, отсутствие гласности дает часто простор епархиальному начальству широко применять начало «усмотрения», впадая в произвол; а служащим в сих учреждениях дает возможность допускать злоупотребления (взятки); а с другой стороны, отсутствие гласности порождает у духовенства страх, трепет и, пожалуй, отвращение (может быть, ничем не вызываемое) к этим учреждениям, а также нарекания и со стороны общества, освободиться от которых и честным деятелям в сих учреждениях бывает часто невозможно.

Второй недостаток – канцелярская волокита. Епархиальное начальство имеет дело не с живыми людьми, а с мертвыми бумагами, которые стоят средостением между ним и духовенством, в ущерб самому делу. Бумаг этих слишком много; многие из них совсем бы и не подлежали ведению епархиального начальства, например, выдача консисторией железнодорожных билетов на провоз колоколов, продажа синодальных бланков и венчиков, не говоря уже о часто омерзительных бракоразводных процессах; а другие с большим удобством могли бы исполняться в низших инстанциях (благочинные или их советы). Благодаря обилию бумаг, не только, например, члены консистории, пастыри, но и сам епископ превратились в чиновников-бюрократов, весьма далеких от своего прототипа первых веков христианства. Епископ ныне – это сановник, держащий в своих руках бразды правления всех духовных

учреждений, а потом уже архипастырь. Заниматься ему и его ближайшим сотрудникам главным делом, делом живой проповеди, стоять на страже религиозно-нравственных нужд паствы, посещать ее как можно чаще, даже следить за современным движением общества – нет не только времени, но и физической возможности.

Третий недостаток – неопределенное положение вышеуказанных учреждений в отношении их к епископу. По Уставу, например, консистории, присутствие оной имеет право пересматривать резолюции епископа и постановлять собственные решения; но, в случае неутверждения их епископом, эти решения не только не имеют никакой силы, но консистория обязана даже выдавать резолюцию епископа за свое собственное решение. При неимении председателя, члены консистории поневоле становятся как бы в подчиненное положение к секретарю, единственному лицу, которое объединяет и даже руководит их деятельностью, хотя по идее секретарь, как представитель оберпрокурора Св. Синода, должен был бы единственно стоять на страже законов и управлять канцелярией, не вмешиваясь в решения дел.

Только уже после этого, третьего, недостатка можно указать на четвертый – отсутствие единства между отдельными епархиально-административными учреждениями.

Радикальной мерой к тому, чтобы духовенство и общество было осведомлено о деятельности епархиальных учреждений и относилось к ним с доверием, а не со страхом и пренебрежением, может быть, прежде всего, широкая гласность всех действий епархиальных учреждений. Гласность действий епархиальных учреждений, осуществляемая путем свободного печатания отчетов в епархиальных или других органах печати, путем обсуждения их на духовных съездах, с одной стороны – познакомит духовное и светское общество с самой деятельностью епархиальных учреждений, с другой – избавит эти учреждения от раздающихся нареканий, часто несправедливых и обусловливаемых именно неосведомленностью. Само собой разумеется, что для гласной деятельности необходима широкая свобода духовной печати, стесненной в настоящее время цензурой настолько, что нельзя без разрешения Синода напечатать простого экономического отчета. Далее: одна гласная деятельность епархиальных учреждений все-таки может оказаться недостаточной для снискания им полного доверия со стороны духовенства и светского общества. Нужно дать обществу возможность не только знать деятельность епархиальных учреждений, но и следить за ее правильностью, иметь известный контроль над служащими в этих учреждениях, что возможно только при начале выборном. Выборное начало гарантирует, с одной стороны, епархиальным учреждениям контингент людей достойнейших и опытных, с другой – послужит действительной мерой против того произвола, который не чужд и всегда возможен при настоящих порядках для служащих в епархиальных учреждениях. Ввиду этого желательно, чтобы служащие в епархиальных учреждениях были людьми выборными.

Желательно, далее, чтобы участие духовенства в деятельности епархиальных учреждений не ограничивалось одними выборами служащих. Важно непосредственное участие всего духовенства в административных делах. Епархиальные учреждения должны иметь ту цель, чтобы для духовенства быть своими учреждениями, а не чуждыми и посторонними, наводящими один страх и трепет. Такое близкое участие в делах епархиальных учреждений возможно на съездах, собираемых ежегодно или через другие какие-либо промежутки времени. На этих съездах, кроме духовенства, могут принимать участие и миряне. Наконец, желательно, чтобы и сами учреждения были реформированы именно в том смысле, чтобы епархиальные учреждения имели более самостоятельности и независимости от центрального управления и чтобы права их были точно разграничены.

Для того, чтобы уменьшить в духовных учреждениях количество бумаг, подлежащих рассмотрению епископа, и благодаря этому предоставить епископу и членам учреждений заниматься своим важнейшим делом – личным, нравственным воздействием на пастырей и на пасомых, необходимо: во-первых, бумаги, которые вовсе не требуют непременно просмотра епископа, передать в его канцелярию; во-вторых, встречается немало таких дел в административной практике, которые могут быть решены на местах их возникновения, т. е. в приходах и на благочиннических съездах – и даже с успехом гораздо большим, так как местные люди и лучше осведомлены в данном случае с делом и скорее могут приступить к его решению; в-третьих, часть дел, входящих в круг компетенции епархиальных учреждений, как например, метрические книги, вся вообще канцелярская сторона брачных дел и все дела, не касающиеся чисто пастырских обязанностей, должны быть переданы гражданскому начальству, которое может иметь в каждом приходе при причте особого нотариуса, единственно ответственного за

канцелярское дело, благодаря чему духовенство будет освобождено от чисто полицейско-чиновничьих обязанностей. При такой постановке дела сама собой уменьшится та бумажная волокита, которая в настоящее время прямо заедает духовенство. В частности, радикальные средства против этой волокиты – установление более частых непосредственных сношений духовенства с епархиальной властью взамен широко практикующегося теперь сношения бумажного и упрощение самой формы и объема письмоводства.

В настоящее время в каждой епархии существует целый ряд духовных учреждений, как-то: консистория, свечной завод, эмеритальная касса, попечительство о бедных духовного звания, епархиальный совет, правления семинарии и училища, братство и другие просветительные учреждения. Все эти учреждения объединяются в лице епархиального епископа.

Ввиду того, что, при разнообразности и обособленности сих учреждений, одному епископу без посредствующего органа, соображающего всю совокупность дел и интересов епархиальных учреждений, крайне затруднительно направлять их к правильному и согласному действию, – необходимо организовать при епископе так называемый совет пресвитеров, который был бы посредствующим между епископом и духовными учреждениями органом и который состоял бы – кроме постоянных выборных членов – из председателя и представителей, избранных из всех вышеупомянутых учреждений, кроме существующих епархиального училищного совета и правлений семинарий и училища, когда будет касаться дело того или другого учреждения.

Все детали обыкновенного строя церковного управления начертать нет возможности в данное время; общая же схема его представляется в таком виде:

а) Благочинный.

б) Благочиннический совет, состоящий из благочинного и 2-х священников, избираемых благочинническим съездом. На обязанности его лежит: увещание ссорящихся членов клира и разбор самых ничтожных проступков духовенства, о чем сообщается для сведения совету пресвитеров.

в) Благочиннический съезд, состоящий из духовенства благочиннического округа.

На обязанности съезда лежит: избрание благочинного, духовника, следователя, депутата на епархиальный съезд, депутата на пастырские собрания; разрешение производить ремонт церкви, без нарушения строительного устава (без изменения плана и фасада), устройство и ремонт церковных домов. Съезд разбирает и решает проступки духовенства, контролирует благочинного, производит поверку прихода-расходных и прочих церковных книг, о всех своих действиях доносит совету пресвитеров.

Во всех епархиальных учреждениях члены – выборные; они избираются из всего духовенства на епархиальном съезде.

В частности, члены совета пресвитеров избираются также на епархиальном съезде; утверждение же этих членов зависит от митрополичьего Собора по представлению местного епископа, который представляет их на утверждение с своим о них отзывом. На какое время избираются члены совета, к какой церкви этих членов приписать в губернском городе, на какие средства содержать и, по истечении срока выбора, куда их девать (если будет выборное начало), – это лучше выяснится на самом Поместном Всероссийском Соборе.

При совете пресвитеров между прочим должен быть секретарь, как представитель закона.

г) Епархиальный съезд, ведению и рассмотрению которого подлежат не одни материальные нужды епархии, но и духовно-просветительные, контролирует совет пресвитеров во всех отношениях. При этом нужно заметить, что епархиальный съезд должен состоять, кроме духовенства, из церковных старост и других должностных людей – с тем, чтобы число этих мирян было не более половины числа о.о. депутатов, причем мирянам предоставить право решающего голоса в экономических вопросах. Что касается прав епархиального съезда, то ему принадлежит право выбора в члены совета пресвитеров и в члены всех других епархиальных учреждений. Председателем съезда должен быть один из выборных членов духовенства. Съезды желательно установить регулярные; в случае нужды они могут быть и экстренные.

5. О церковном суде

Церковный суд в настоящем его виде не удовлетворяет ни каноническим требованиям, ни тем требованиям, которые предъявляет вообще суду современное общество, и не может он оставаться в ведении консистории, как административного учреждения, состоящего из пресвитеров.

По каноническим требованиям, судьями в Церкви должны быть епископы: «Епископа да слушают на суде дванадцать епископов, пресвитеров – шесть епископов и свой, а диакона – три» (Карф.12-е); «дела же по винам прочих клириков един местный епископ да рассмотрит и окончит» (Карф.29-е). Теперь же судьями в действительности являются пресвитеры – члены консистории. Так называемый «консistorский суд», по сравнению с судом гражданским, вызывает на себя справедливое нареkanie в обществе, как суд формальный, исключительно бумажный, лишенный всякой гласности, медленный и не всегда правый. Консistorские судьи постановляют приговоры по судным делам исключительно на основании тех данных, которые представляются духовным следователем в произведенном им следствии. Сами лично они не видят и не слышат ни обвиняемых, ни обвинителей, ни свидетелей; не входят лично в ознакомление всех обстоятельств, при которых совершен был обвиняемым тот или другой проступок, а потому в решении вопроса о виновности или невиновности подсудимого не могут руководиться голосом совестного убеждения, которым руководствуются судьи в гражданском суде, что составляет одну из самых привлекательных и высоко ценимых обществом сторон гражданского суда. Консistorский суд – по необходимости суд медленный. Во всех случаях он производится в губернском городе, вдали от места жительства (кроме живущих в самом губернском городе) священноцерковно-служителей, которые подверглись обвинению. В случае жалобы на кого-либо из священноцерковнослужителей помимо благочинного, переписка с благочинным, которому епархиальное начальство обыкновенно поручает производство предварительного дознания, и – в случае назначения, на основании предварительного дознания, следствия – с духовным следователем отнимает, по дальности расстояний, целые месяцы, прежде чем консистория приступит к рассмотрению следственного дела и к составлению приговора. Специальных судей в консистории, собственно говоря, нет; а только, на основании 295 ст. Уст. дух. коне., так называемый «судный стол» вверяется наблюдению одного из членов консистории. Судные дела решаются теми же самыми о.о. членами – в большинстве случаев приходскими священниками, отдающими консистории только свободное от пастырских обязанностей время, – которые решают поступающие в большом изобилии дела и по административной части, что крайне замедляет решение по очереди судных дел, не говоря уже о том, что совмещение в лице пресвитеров власти административной и судебной не имеет для себя никаких законных оснований. Во избежание чрезмерного замедления в рассмотрении и решении судных дел практикуется в консистории порядок, при котором дело рассматривается и решение составляется одним членом по «судному столу». Но это – уже беззаконие. Нельзя при этом с сожалением не упомянуть о том, что среди духовенства и светского общества существует убеждение, будто означенное беззаконие – обычное явление в консистории; здесь, главным образом, заключается основание, по которому в общественном мнении консistorский суд – неправый суд: на одного члена консистории и даже с г. секретарем, пропускающим определение, есть полная возможность заинтересованным лицам теми или другими способами оказать влияние, чтобы делу было дано известное направление.

Ввиду вышеизложенных соображений церковный суд, по мнению комиссии, должен быть изъят из ведения консистории.

Изъятый из ведения консистории, церковный суд должен находиться в исключительном ведении епископа, к которому, в силу канонических требований, неприложим принцип разделения власти административной и судебной. Нарекания же на произвол со стороны епископа, совмещающего власть административную и судебную, должны быть предупреждены такой организацией епископского суда в Церкви, при которой возникшие судные дела решались бы скоро и справедливо.

Наиболее отвечающей этим требованиям представляется такая организация церковного суда.

Священнослужителей, виновных в проступках, не влекущих за собой лишения сана, и всех церковнослужителей епископ судит через назначаемых им, а при выборном начале – утверждаемых им пресвитеров. Первая судебная инстанция, именуемая благочинническим советом, находится в каждом благочинническом округе и состоит из трех судей-пресвитеров: председателя-благочинного и двух членов, из которых один – следователь. На обязанности следователя лежит производство предварительного следствия без присяжных показаний свидетелей при допросе. Предложение о производстве предварительного следствия следователь получает от епископа через председателя-благочинного или от благочинного, который доносит о сем епископу. Предварительным следствием следователь устанавливает наличие проступка обвиняемого, а за отсутствием проступка представляет дело на прекращение через председателя к епископу; дело прекращается и в том случае, когда предварительным следствием будет установлено, что обвиняемый, за давностью проступка, согласно с существующими узаконениями, не подлежит наказанию. На основании предварительного следствия, установившего наличие проступка обвиняемого, председатель благочиннического совета назначает без промедления на ближайшее время производство суда с вызовом обвиняемого, обвинителя и свидетелей, показания которых необходимы для решения вопроса о виновности или невиновности подсудимого; от свидетелей отбираются присяжные показания. Суд производится гласно. Составленный по разбору дела, основательно мотивированный приговор объявляется заинтересованным лицам, но в силу входит только после утверждения приговора епископом. Заинтересованные лица обязываются немедленно по выслушании приговора объявить свое довольство или недовольство решением дела и в последнем случае имеют право в установленный срок апеллировать к епископу с изложением оснований, по которым они недовольны решением дела. Епископ утверждает приговор благочиннического совета, если найдет его справедливым; а в противном случае, как и в случае апелляции со стороны заинтересованных лиц на приговор благочиннического совета, требует от него все делопроизводство и передает дело на рассмотрение и решение второй судебной инстанции.

Вторая судебная инстанция, именуемая «церковно-епархиальным судом», находится при епископе и состоит из трех назначаемых им, а при выборном начале – утверждаемых им пресвитеров, из которых один председательствует. В церковно-епархиальном суде рассматриваются и решаются дела: а) по распоряжению епископа и б) по жалобам недовольных приговором благочиннического совета. Церковно-епархиальный суд, ознакомившись предварительно со всеми подробностями дела, представленного благочинническим советом, может возвратить его, если найдет необходимым для уяснения дела, следователю для дополнения. К разбору дела могут быть вызываемы обвиняемый, обвинитель и те из свидетелей, личный допрос которых признают необходимым члены суда после предварительного ознакомления с делом. Суд производится гласно. Составленный церковно-епархиальным судом приговор утверждается епископом и объявляется заинтересованным лицам без права апелляции. На решение дела церковно-епархиальным судом могут быть приносимы заинтересованными лицами частные жалобы собору епископов.

Священнослужителей, виновных в проступках, влекущих за собой лишение сана, судит собор епископов. Виновность таких священнослужителей устанавливается предварительным следствием и разбором дела, установленным порядком в церковно-епархиальном суде. По рассмотрении дела церковно-епархиальный суд постановляет предварительное решение, которое епископ со своим мнением представляет собору епископов.

6. О духовно-учебных школах

Духовно-учебные заведения в настоящем их виде всеми уже признаны непригодными. Главная причина этого та, что они преследуют две цели – образование детей духовенства и приготовление пастырей, и не достигают ни той, ни другой, по пословице: «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь». Наше дело – позаботиться об организации таких церковных школ, которые приготовляли бы пастырей Церкви, преданных своему делу и могущих дать ответ всякому вопрошающему.

Таковыми школами, по нашему мнению, должны быть: а) уездные церковные школы в каждом уездном городе с пятилетним курсом и б) епархиальные церковные школы с четырехлетним курсом. В те и другие школы двери должны быть широко открыты для всех сословий. Обучение – бесплатное.

В уездные школы принимаются дети не моложе 11 лет и не старше 13 лет, вполне удовлетворительно сдавшие экзамен по программе начальной школы. Преподавание предметов, указанных в расписании, ведется лицами как духовными, так и светскими, а начальник заведения должен быть непременно духовный, выбранный корпорацией совместно с окружным съездом духовенства на неопределенное время. Прочие лица корпорации должны быть определяемы епархиальным архиереем, причем корпорация может рекомендовать своих кандидатов. Для практического ознакомления с уставом и вообще с богослужением и для воспитания учеников в духе церковности и религиозности (в учениках) желательно, чтобы богослужение в училищной церкви совершалось ежедневно и чтобы ученики попеременно по классам участвовали в чтении, пении и изучении устава. При переводе из класса в класс ученики должны подвергаться экзаменам только по тем предметам, по которым будут иметь за год балл 3 и менее. Желательно, чтобы два раза в год – перед праздниками Рождества Христова и перед роспуском на летние каникулы – были устраиваемы совместные совещания корпорации училищной с родителями обучающихся детей. По удовлетворительном окончании курса в этой школе ученики могут или занять должность псаломщика или учителя в начальной школе, или поступить без экзамена в епархиальную церковную школу.

В епархиальную церковную школу, кроме удовлетворительно окончивших курс в уездных школах, принимаются по экзамену по предметам уездной школы все желающие не моложе 16 лет и не старше 20 лет. Начальником епархиальной церковной школы должно быть непременно духовное лицо, выбранное на епархиальном съезде совместно с корпорацией школы на неопределенное время и утвержденное на митрополичьем соборе по представлению местного епископа. Успешно окончившие курс поступают без экзамена в Духовное Ведомство. В остальном должно быть согласие с уездной церковной школой. Те и другие школы должны содержаться на церковные деньги, получаемые ныне на содержание духовных училищ и семинарий, и на суммы, отпускаемые на учительские церковные, второклассные и двухклассные церковные школы.

**Расписание учебных предметов в церковных уездных школах с показанием
числа уроков по каждому из них**

Наименование предметов	Классы				
	1	2	3	4	5
Священная история Ветхого и Нового Завета	4	—	—	—	—
Катехизис	—	4	3	—	—
Церковный устав с объяснением богослужения	—	2	4	2	—
Краткая церковная история	—	—	—	2	2
Гражданская история	—	—	—	4	5
Русский язык и церковно-славянский	6	6	5	5	—
Теория словесности	—	—	—	—	5
Греческий язык или латинский (по выбору)	3	2	2	2	2
Арифметика	4	4	4	—	—
География	—	4	4	—	—
Алгебра	—	—	—	5	—
Геометрия	—	—	—	—	4
Дидактика	—	—	—	—	3
Церковное пение	6	3	3	2	1
Итого	23	23	23	24	24

Расписание учебных предметов в епархиальной церковной школе с показанием числа уроков по каждому из них

Наименование предметов	Классы
	1 223114V
Священная Писание	6 5 6 6
Введение в богословие, догматическое и нравственное богословие с пастырским	3 5 6
Литургика, каноника и практическая гомилетика	– 5 3 4
Всеобщая церковная история и история русской Церкви	– 3 4 4
История и обличение старообрядчества и сектантства	– – – 4
История русской словесности	5 3 – –
Психология, логика, краткая история и начальное основание философии	5 3 3
Естественная история	3 – – –
Физика	– – 3 –
Греческий или латинский язык (по выбору)	2 2 – –
Медицина	3 – – –
Итого	24242424

Примечание: Кроме обозначенных предметов могут быть преподаваемы, во внеклассное время, новые языки, музыка и иконописание.

При сем прилагается «проект реформы духовно-учебных заведений» и «записка» преподавателя семинарии Александра Красовского, согласно желанию комиссии, выработавшей «проект». По этому проекту, за исключением кратких богословских курсов, учебное заведение, кроме только названия «духовное», не имеет того духовного элемента, какой нужен для образования пастырей. Это заведение носит характер чисто светский; во всем проекте даже нет и помину о каком-либо отношении или влиянии епархиального архиерея на это заведение. Из такого заведения едва ли можно ожидать будущих кандидатов на священство. Такое заведение духовенство может устроить для образования своих детей на свои собственные средства или в союзе с другими сословиями; но никак нельзя согласиться, чтобы на таковое заведение расходовались церковные суммы.

Преобразование епархиальных женских училищ предоставить самому духовенству каждой епархии совместно с лицами, кого оно найдет нужным пригласить. Одно условие нужно им поставить: чтобы выходили из училищ христианки-патриотки.

В заключение сего доклада считаю долгом высказать пожелание, чтобы все соображения по вопросам, предполагаемым к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви, представленные в Святейший Синод епархиальными архиереями, были напечатаны и разосланы каждому архиерею для ознакомления.

Проект реформы духовно-учебных заведений

Комиссия, состоящая по преимуществу из членов корпорации духовноучебных заведений, после предварительных рассуждений, поставила к решению следующие вопросы:

- 1) Какие задачи должна преследовать духовная школа?
- 2) Выполняются ли эти задачи современной духовной школой?

и 3) если не выполняются, то, каким образом устроить духовную школу так, чтобы она отвечала своему назначению?

Обсудив первый вопрос, основываясь на идеале пастыря, указываемом и словом Божиим и современными потребностями паствы, признали нужным определить задачу школы так: духовная школа должна приготовить всесторонне образованных и христиански настроенных духовных руководителей народа, правильно понимающих и удовлетворяющих запросы последнего.

По второму вопросу комиссия указала на множество недостатков, присущих современной духовной школе, мешающих ей выполнять свое назначение. В числе этих недостатков на первом месте, по мнению комиссии, должен быть поставлен самый важный коренной недостаток школы – это безличность школы, придавленность ее; жизнь современной духовной школы является скованной массой различных циркуляров и предписаний, которые не дают свободы ни учащим, ни учащимся, порождают между теми и другими чувство недоверия и даже озлобления. Об этом коренном недостатке духовной школы одним из членов комиссии А.Н. Красовским был представлен подробный письменный доклад.

В числе других недостатков духовной школы признаны были следующие:

1. Недостатки учебного строя:

а) неполнота и односторонность учебной программы, в которой нет, например, некоторых естественных наук, необходимых как для всякого образованного человека вообще, так в частности и для пастыря Церкви;

б) преподавание существующих наук схоластическое, отвлеченное, сухое, не оживляющее дух ученика, а подавляющее его.

2. Недостатки в воспитательном строе:

а) отсутствие простых сердечных отношений между воспитываемыми и воспитывающими;

б) полное почти сведение всего дела воспитания к надзору за внешним исполнением дисциплины (без обращения внимания на внутреннюю настроенность воспитываемых);

в) стремление развить внешнее благочестие без достаточного внимания к развитию внутренней религиозной настроенности, что ведет обычно к развитию в учащих лицемерия, а впоследствии – холодности и даже враждебного отношения к внешней обрядовой стороне религии.

3. Сословность школы, лишающая ее притока свежих сил.

4. Недостаток внимания к школе со стороны государства и Духовного Ведомства, выражающийся, между прочим, в недостаточности бюджета на школу.

5. Отсутствие надлежащего общения между школой и семьей учащихся.

Устранение указанных недостатков современной духовной школы комиссия считает делом первой необходимости в реформировании школы.

По вопросу об административном устройстве школы, в дополнение к докладу А.Н. Красовского, комиссия со своей стороны считает нужным сказать следующее.

Вопросы по учебно-воспитательной части решаются педагогическим советом школы, причем решения единогласные считаются окончательными. В случае же разногласия и при наличии особого мнения вопрос поступает на рассмотрение высшей инстанции и считается решенным окончательно, если она согласна с мнением большинства. Если же высшая инстанция признает более правильным мнение меньшинства, то возвращает его для вторичного обсуждения в педагогический совет. Если и в этом случае большинство останется при прежнем своем решении, то таковое уже считается окончательным и вступает в силу. Высшая инстанция всегда имеет право перенести дело в центральное управление. Высшей инстанцией по отношению к духовным общеобразовательным школам по учебно-воспитательным вопросам должны являться духовные академии.

Ближайшие начальники школы должны быть лицами выбранными.

По вопросу, кем должны выбираться эти лица, высказано два мнения: 1) в интересах школы и учебно-воспитательного дела желательно предоставить выбор корпорации школы, как более компетентной в учебно-воспитательном деле и, в частности, в оценке личностей с этой точки зрения; 2) выборы производит соединенное собрание корпорации и представителей от родителей, с равным числом голосов с той и другой стороны.

Выбранным считается получивший большинство $\frac{2}{3}$ голосов. В случае, если ни один из кандидатов не получит требуемого большинства голосов, выбранным считается получивший простое большинство голосов.

Избранный представляется на утверждение высшей инстанции. В случае неутверждения избранного назначаются новые выборы. Но назначения не должно быть ни в каком случае. Начальствующие избираются на пять лет и через пять лет могут быть снова избранными. Преподаватели назначаются центральным управлением и могут быть рекомендованы педагогическими собраниями с участием представителей от родителей.

Существующие ныне духовные училища с первыми 4-мя классами нынешних духовных семинарий должны представлять из себя единую общеобразовательную школу с курсом не ниже других среднеучебных заведений, но с правильной и более широкой постановкой преподавания Закона Божия. Окончившие полный курс школы могут поступать во все высшие учебные заведения и на богословские курсы.

К специальной подготовке к пастырскому служению должны быть посвящены особые богословские курсы, на которые, кроме прошедших общеобразовательную духовную школу, принимаются без экзамена окончившие курс других среднеучебных заведений, а по экзамену – все желающие.

Не вдаваясь в подробности, комиссия со своей стороны, по вопросу об устройстве учебной части в духовной школе, считает необходимым заметить следующее:

Существующие ныне в курсе духовных семинарий науки: библейская история, пасхалия и церковная история, как особый предмет, должны быть исключены (церковная история должна войти, как составная часть, в курс Закона Божия и общей гражданской истории).

Уроки по древним языкам необходимо значительно сократить, причем изучение латинского языка начинать не со второго класса (как в нынешних духовных училищах), а с пятого (с первых классов нынешней духовной семинарии); изучение же греческого языка начинать с шестого (со второго класса нынешней духовной семинарии), назначив по тому и другому предмету не более двух уроков в неделю.

Ввести обязательное изучение одного из новых языков, некоторых естественных наук и начатков законоведения. Расширить курс наук физикоматематических, философских, исторических и литературы, причем количество уроков по русскому языку в первых классах духовной школы, соответствующей нынешним духовным училищам, должно быть увеличено вдвое.

При изучении Закона Божия на первом месте должно быть поставлено непосредственное знакомство учащихся со словом Божиим и главным образом с Новым Заветом. В старших классах должны быть сообщены основные необходимые сведения из курсов основного богословия и апологетики.

В деле преподавания должно быть предоставлено более самостоятельности и свободы преподавателям. Программы должны иметь лишь значение руководящих указаний без обязательства выполнения их (программ) во всех пунктах и деталях так, чтобы преподаватель имел возможность останавливаться с большим вниманием на тех пунктах программы, которые, по его мнению, являются наиболее важными и интересными для учащихся.

В интересах учебного дела, для обновления знаний, учащихся поездками в университетские города для слушания лекций и других научных занятий, желательно предоставить им право пользоваться однажды через восемь лет полугодичным отпуском с сохранением содержания и с пособием в тех или иных размерах.

Вознаграждение преподавателей должно быть увеличено так, чтобы они не имели нужды брать такое количество уроков, которое является обременительным для них и вредным для дела преподавания. Помимо увеличения жалованья, необходимо прогрессивное повышение его по пятилетиям до 25-ти лет, без чего, судя по настоящим условиям, людям семейным невозможно будет существовать при ограниченном количестве уроков.

Желательны и необходимы периодические съезды преподавателей.

Существующее ныне переполнение классов учащимися необходимо устранить, как весьма важное препятствие успехам учебного дела.

Дело воспитания должно быть основано на принципах уважения личности учащихся, доверии, сердечности, близости. Целью воспитания должно быть свободное развитие индивидуальных особенностей личности, а не подавление ее путем стремления всех подвести под один тот или другой общий шаблон, образец. Внешняя дисциплина и порядок должны поддерживаться постольку, поскольку это необходимо для успехов учебного дела и в целях воспитания. Учащимся предоставить полное право свободно обращаться со всякого рода вопросами и заявлениями. Такая цель и постановка воспитательного дела требуют: увеличения педагогического персонала, повышения института воспитателей с окладом жалованья равным жалованью преподавателей, с целью привлечь к этому делу людей опытных в этом деле и преданных ему.

Более близкое участие в воспитательном деле школы родителей учащихся.

Духовная школа должна быть бессловной, с платой за право обучения не ниже существующей в других среднеучебных заведениях. Существующее ныне процентное ограничение при приеме в духовную школу из сословий недуховных должно быть совершенно оставлено, ибо это ограничение «несправедливо, так как ставит препятствия детям мирян, желающим посвятить себя на пастырское служение. Оно антиканонично, так как по канонам православной Церкви пастырство ни в каком случае не должно быть сословным. Наконец, оно вредно, так как, затрудняя доступ в духовное звание детям мирян и содействуя выделению духовенства в касту, оно разрывает связь между пастырем и паствой и тем парализует нравственное влияние пастырей» («Богословский Вестник», июль-август, 670 с.).

Что касается богословских курсов, то административная и учебно-воспитательная часть их должна быть основана на тех же началах, что и в школе общеобразовательной, с тем различием, что курсы эти должны стоять в тесных отношениях к местной епархиальной власти, начальствующие лица должны быть непременно в духовном сане.

На богословские курсы переносятся из нынешних духовных семинарий все богословские предметы (за исключением библейской истории), которые составляют следующую группу наук:

1) Христианское вероучение (основное, догматическое, нравственное и сравнительное богословие).

2) Церковная история (общая и русская).

3) Христианское богослужение и проповедничество.

4) Каноническое право.

5) Пастырская педагогика.

Кроме этих богословских наук, на курсах преподаются следующие науки:

1) Общая педагогика с методикой.

2) История культуры духовной и материальной.

Женские епархиальные училища должны быть преобразованы на тех же основаниях и началах, как и общеобразовательные мужские духовные школы, причем курс их не должен быть ниже курса женских гимназий.

Наметив общие основные положения предполагаемой реформы духовной школы, комиссия полагает, что вопрос этот может и должен быть решен окончательно только на съезде свободно выбранных представителей от корпорации учебных заведений Духовного Ведомства.

Записка преподавателя семинарии А. Красовского

Питомцы духовной школы усиленно отказываются от принятия духовного сана: таков факт, обративший на себя общее внимание и заставивший подлежащие сферы встревожиться над вопросом о том, что делать и – в частности – как реформировать нашу духовную школу, чтобы она достигала своей цели. Есть уже и ответы на этот вопрос. Между прочим, все чаще и чаще раздаются голоса, что современная духовная школа не дает пастырей потому, что отличается светским характером в направлении воспитания и преподавания, что для воспитания в юношестве пастырского настроения необходима прежде всего другая, соответствующая атмосфера, которую и указывают в виде режима, в общем похожего на монастырский, даже с обязательным подрясником для учащихся и рясой для учителей.

Так, по-видимому, просто и естественно разрешается кризис духовной школы. Но едва ли так просто в действительности. Нам думается, например, что состояние современного монашества может служить достаточной иллюстрацией того, насколько действителен сам по себе рекомендуемый режим в смысле воспитания пастырского духа. А семинарские бунты, обычно представляющие собой именно ответ на попытки привить школе подобный режим, дают основание наперед определить те вероятные результаты, какие могут произойти от его усиления в школе. В частности, относительно вопроса о костюме не лишнее заметить, что в случае введения обязательной рясы и подрясника легко может случиться, что тогда они перестанут служить показателями настроения и обратятся в простую форму такого-то ведомства, т. е., не подняв нравственного уровня школы, лишь увеличат количество лиц, недостойно носящих духовную одежду. К каким результатам может вести подобное обстоятельство – предсказать не трудно: припомним, что наиболее вредными врагами Церкви всегда оказывались лица, имеющие образ благочестия, но отвергшие силы его. С такими чертами церковное сознание недаром изображает, между прочим, и самого антихриста.

С другой стороны, для правильного решения вопроса о школьной реформе не следует при оценке существующего школьного строя возлагать исключительно на него всю ответственность за оскудение священства. Есть немало других факторов, которые гонят прочь от священства людей верующих и идеально настроенных. В числе их главное место занимает бесправное, приниженное положение приходского священника, которому приходится выступать не столько в роли просвещенного руководителя религиозной жизни, сколько в качестве слепого исполнителя предписаний епархиального начальства, притом в тяжелой материальной зависимости от прихода. За исключением этого и других неблагоприятных условий, лежащих в самом положении приходского священника и многих отталкивающих от духовного сана, – остальное в вину нужно поставить школе. Но зло ее заключается не в светском якобы направлении воспитания и преподавания, а в том, что духовная школа, взяв в свои руки просвещение юношества, но не уяснив себе задач истинного пастырства, не решила, в сущности, вопроса о роли самого просвещения в школе, вопроса о том, полезно или вредно для ее питомцев серьезное научное образование. В принципе современная духовная школа как будто отводит просвещению широкое и почетное место, но вместе с тем она и боится его; отсюда во всем строе школы ряд глубоких противоречий, постоянное хромание на оба колена. В пояснение приведем два-три примера.

С одной стороны, духовная школа требует, чтобы ученик стоял на высоте современного уровня умственной жизни, чтобы он отчетливо, например, разбирался чуть не во всех богословских, философских и научных системах; с другой – она же налагает строгие запреты на чтение не только этих систем, но и вещей гораздо более невинных. С одной стороны, она призывает учащихся к выработке сознательного, глубокого мирозерцания; с другой – попытки к самостоятельному исканию истины, благодаря весьма растяжимому пункту о неблагонадежности, возводятся в разряд преступлений наиболее нетерпимых. И ученик, вздумавший доверить свою душу – особенно в минуты страданий и исканий – своим руководителям, рискует попасть в трагическое положение: он может внезапно очутиться за это вне школы с аттестацией в неблагонадежности, т. е. с испорченной жизненной дорогой. Естественным последствием такого порядка является единственное желание: укрыть свою душу, спрятать свои заветные думы как можно дальше от этих руководителей, особенно – от зорких очей инспекционного надзора. И в результате, под влиянием этой вечной необходимости скрывать свой духовный мир, получается

или полное равнодушие к истине, прекращение всяких запросов духа, или болезненное созревание их в темной атмосфере разных подпольных влияний.

То же – и в воспитании.

С одной стороны, школа требует от питомцев выработки твердых и глубоких убеждений – включительно до готовности пострадать за истину, т. е. предполагает необходимость образования сильных характеров, резко очерченной индивидуальности; с другой – употребляет все усилия на то, чтобы не дать своим питомцам сделать ни одного самостоятельного шагу, который служил бы к воспитанию этой воли, к развитию этой индивидуальности. И подобно тому, как в области мысли будущему ловцу человеков полагается думать лишь по учебнику, так и в области жизни, поведения будущему пастырю душ дозволено черпать вдохновение лишь из правил семинарской дисциплины, дозволено воспитывать свою волю в умении действовать только по указке. Неудивительно, что и здесь нередко атрофируется способность к разумному образу действий, вытекающему из внутренних мотивов, и развивается привычка идти только на помочах, ждать всегда предписания, делать лишь то и тогда, когда и что прикажут, т. е. – проще – развивается полное безразличие к добру и злу. Или же возникает тупое озлобление к представителям порядка, а равно и к самому порядку.

Число подобных параллелей может быть увеличено по желанию. Основная черта их – глубокое недоверие к личности, которую будят, которую зовут к жизни, к свету, но пробуждения которой вместе с тем и боятся.

Для полноты картины остается разве что прибавить, что преподаватели находятся, пожалуй, не в лучшем положении, чем их питомцы: эти люди, проучившиеся целых 15 лет и призванные, наконец, руководить духовным ростом других, сами, однако, все еще считаются настолько несовершеннолетними, что не только не имеют, например, права сами выбирать себе учебник, отступить в чем-нибудь от программы, но подчас опекаются включительно до вопроса о том, что должны они читать и что нет, 20 или 30 минут должны каждый класс употреблять на объяснение урока и т. п. Они не имеют права сделать ни одного педагогического почина, не испросив разрешения на то. При таких условиях, естественно, может иногда пропадать охота и даже сама способность работать, двигаясь вперед.

От этого недоверия, от этих противоречий жизнь современной духовной школы отличается крайней неопределенностью и неустойчивостью, часто – полной беспринципностью; часто фактическим критерием должного и недолжного является; простое усмотрение начальствующих лиц, которому составители школьного устава не забыли отвести подобающее место. С переменой этих лиц и школе обыкновенно приходится, приспосабливаясь к ним, менять свою физиономию: дозволенное сегодня завтра считается преступным.

В конце концов от этого происходит глубокое растрепывание школы: происходит, так сказать, переоценка ее нравственных ценностей, грубая подтасовка высоких идеалов духа принципами сомнительного качества. Вместо благоговейной любви к правде Божией начинают учить лишь немому раболепству перед лицами власть имущими; вместо самоотверженного служения истине – требовать добродетелей непрекословия, подобострастия, безмолвия, слепого повиновения и т. п. качеств, которые служат не выражением пастырского духа, а представляют собой лишь извращенное, на псевдомонашеский лад понимание христианского учения о смирении. Не удивительно, если многие из питомцев духовной школы не выдерживают наконец таких мучительных экспериментов над личностью и выходят из школы с разбитым сердцем, без веры в Бога, без любви к истине, без влечения к идеалам, с одной глубокой ненавистью к воспитавшей их alma mater. А иные, пройдя этот искуc, становятся настолько забитыми, обезличенными, искалеченными, что в них замирают все чувства, кроме безотчетной робости перед окружающим; а страх перед своим епархиальным начальством может подчас заставить их забывать о заветах Христа и Евангелия.

Такова наша духовная школа. Ей не достает, в сущности, одного: от ее строя веет холодным дыханием смерти.

Где же выход?

Он ясен. Если школа задыхается от царящей в ней атмосферы недоверия к человеческой личности, и логически вытекающих отсюда бесправия, с одной стороны и произвола – с другой, то, очевидно, для спасения школы нужно прежде всего уничтожить эти пережитки крепостного права и вдохнуть в нее новое начало, имя которого угадать нетрудно: имя это – свобода.

Она должна коснуться следующих сторон школьной жизни:

1) Едва ли нужно доказывать ту очевидную истину, что призвание к пастырству должно быть актом свободным, а не вынужденным; следовательно, и выбор этого призвания может определяться не в детстве, а лишь по достижении вполне сознательного периода юношеской жизни. На этот период, очевидно, и должна именно падать специальная подготовка к священству. Другими словами, специальные богословские дисциплины должны быть совершенно выделены и сгруппированы в старших классах духовной школы. Младшие классы должны представлять собой школу только общеобразовательную, совершенно близкую по типу с общеобразовательными школами других ведомств (чтобы дать свободный вход в специальные богословские классы всем получившим общее образование и желающим священства и, с другой стороны, чтобы не толкать насильно в богословские классы всех питомцев духовной школы, а предоставить им свободный выход в другие специальные школы). В этой общеобразовательной школе религиозное воспитание, конечно, войдет в качестве необходимого составного элемента; но здесь оно должно преследовать цели, так сказать общерелигиозные – развитие в детях религиозного чувства, понимания и любви к православной вере, а не специально пастырские – подготовка из них священников. Церковь должна желать, чтобы все питомцы духовной школы были верующими, но не может требовать, чтобы все дети, воспитанные под ее сенью, непременно делались священниками⁹. Пусть же не стараются всех их облачить в рясу во что бы то ни стало, а дав научное и религиозное образование, предоставят затем каждому свободно решать: хватит ли у него духовных сил на великий, но тяжелый подвиг пастырства. И кто решится на это при подобных условиях, т. е. не под внешним давлением, тот, вероятно, окажется очень близок к идеалу пастырства. А кто не найдет в себе этих сил, тому духовная школа, точнее – ее руководители, пусть предоставят идти, не проклиная, а благословляя, – куда хочет. Уйдя в «светские», он через это одно не перестанет быть верующим; он даже не будет потерян для Церкви: его религиозные убеждения, входя в соприкосновение с той интеллектуальной средой, в которой он будет вращаться, сыграют ту же естественную и плодотворную роль, какая, например, в мире растений принадлежит цветочной пыли, разносимой ветром. Этим, между прочим, подрывается возражение, будто Церкви нет никакого дела до школ общеобразовательного характера: Церкви нужны не только священники, ей нужны и верующие; чтобы иметь хороших священников, она должна позаботиться и о том, чтобы воспитать просвещенных христиан. Более чем вероятно, что из ее общеобразовательной школы и будет поступать наибольший контингент в специальные богословские классы.

2) Перестроенная на таких началах (т. е. приблизительно в духе устава 1867 г.), духовная школа должна затем обновить весь свой внутренний строй в духе указанного выше принципа свободы, которая должна коснуться и административной, и учебной, и воспитательной части.

а) Чтобы создать эту свободу, необходимо прежде всего оградить школу от слишком властного хозяйничанья в ней лиц, доселе ковавших ей цепи. Чтобы во главе школы оказались достойнейшие, необходимо в отношении к ее начальникам совершенно устранить существующую систему назначения, как вредную, и применить к ним выборный порядок. Тогда во главе школы, в качестве руководителей просвещения, не будет непризнанных лиц, получивших ученую степень иногда лишь иночества ради. Тогда ректура не станет служить лишь кратковременным этапным пунктом на пути к архиерейству, как это сейчас вошло в правило, причем подолгу задерживаются на нем лишь опальные. Это одинаково будет полезно и для школы и для монашества, которое, перестав быть средством к достижению карьеры, будет привлекать лишь избранных.

б) Далее, для насаждения в школе начала свободы, необходимо признать, так сказать, факт совершеннолетия ее преподавательского персонала и, развязав их из пеленок, предоставить им идти самостоятельно, контролируя, собственно, не приемы их деятельности, а ее результаты. Тогда в школе возможно будет обновление жизни; тогда в ней найдут себе применение индивидуальность, талант, которые будут сообразоваться не с одними бумажными предписаниями, но и с духовным ростом учащихся. Тогда, в частности, предметы и программы не будут, вероятно, служить средством к широкому сбыванию негодных учебников, что теперь иногда имеет место.

в) Наконец, для нормального хода школьной жизни необходимо признать человеческое достоинство и известные права личности за учащейся молодежью. Необходимо поставить дело так, чтобы не душить эту личность, а напротив – развивать в ней способность к разумному самоопределению; т. е. необходимо признать факт индивидуальной духовной жизни и смело и честно пойти навстречу духовным запросам учащихся, а не преследовать этих запросов. В

частности, необходимо создать те или иные легальные способы для выражения учащимися их частных и коллективных желаний.

Равным образом, необходимо бесспорно отказаться от предрассудка, будто те, кто нам вверяет детей своих, не должны иметь никакого касательства к школе (кроме внесения платы); ведь они своим детям, кроме добра, ничего не хотят; естественно поэтому предоставить им право знать и в известной мере судить о том, что делается в школе.

Таковы начала, которые, по нашему мнению, должны быть положены в основание школьной реформы. Точное установление этих начал, более детальная разработка их, словом – определение границ необходимой свободы, – все это, по нашему глубокому убеждению, не может быть создано обычным канцелярским путем; для этого необходим съезд свободно избранных представителей от самой школы.

№48, преосвященного Тихона, епископа Костромского, от 28 декабря 1905 года О разделении русской Церкви на церковные округа

Для правильного решения вопроса о разделении русской Церкви на правительственные церковные округа и об устройстве областного церковного управления необходимо обратиться к тому устройству правительственных церковных округов, которое постепенно образовалось в древней вселенской Церкви и которое потом было утверждено канонами как Поместных, так и Вселенских Соборов.

«Правительственная власть в Церкви связана неразрывно со священным саном и принадлежит высшей иерархической степени церковной иерархии – епископской. Так как нет в Церкви священного сана выше епископского, то в ней не может быть правительственной власти, которая бы стояла выше епископата. Посему высшая правительственная власть во вселенской Церкви принадлежит епископату в его целом составе, или собору епископов. Епископам также – в отдельности или совокупно с несколькими другими – принадлежит и управление поместными Церквами» («Краткий курс церковного права» Бердникова, с. 146). Вот начало, положенное в основу всего устройства церковного управления в древней Церкви.

Так как христианская Церковь первоначально распространялась и утверждалась в пределах Римской империи, то и система церковного управления (разделения на церковные административные округа) образовалась в полном соответствии с системой гражданского управления в римской империи. В последней в гражданском управлении административными правительственными округами были: а) уездный город (πόλις) с его уездом, б) средний – главный город области по-гречески (μητρόπολις) (губернии), с областью, обнимавшей то или другое количество уездов, в) высший – диоцез (генерал-губернаторство), обнимавший то или другое количество областей (губерний). Низшие округа находились в подчиненном отношении к высшим. Такой же порядок начал устраиваться и в церковном отношении – тем более что он соответствовал территориальным, этнографическим и разным историческим условиям: а) христианские общины, образовавшиеся в уездном городе и селениях, подчиненных ему, с епископом этого города во главе, составили низший церковный округ – епископский; б) все епископии, находившиеся в пределах известной области или губернии, составили средний церковно-административный округ, начальником которого был епископ главного города области, впоследствии получивший название митрополита; в) высший церковно-административный округ составлял диоцез, обнимавший все митрополии, находившиеся в известном гражданском диоцезе, начальником которого был епископ главного города диоцеза, называвшийся экзархом, архиепископом, а впоследствии – патриархом. Такое разделение на церковные округа, соответственно гражданскому административному строю, появившееся очень рано, было подтверждено каноническими правилами (4Всел. Соб. пр. 17-е и 6 Всел. Соб. пр. 38-е) и осталось неприкосновенным на последующее время в двух первых степенях, начиная снизу, но было с течением времени нарушено относительно третьей или высшей ступени. Гражданских диоцезов в Восточной империи было пять: Египетский с главным городом Александрией, Восточный с главным городом Антиохией, Азийский с главным городом Ефесом, Понтийский с главным городом Кесарией Каппадокийской и Фракийский с главным городом Ираклией, а потом Константинополем. Столько же было диоцезов церковных. Но потом из трех гражданских диоцезов (Фракийского, Понтийского и Азийского) образовался один диоцез – Константинопольский, а Восточный диоцез разделился на два церковных диоцеза – Антиохийский и Иерусалимский.

Вышеописанная организация церковного управления в Римской империи, много содействовавшая взаимному единению, тесной связи между частными поместными Церквами и полному развитию соборного управления, начало которому положили сами апостолы, – к сожалению, по разным историческим обстоятельствам, не была так широко и полно применена к устройству Церкви русской. Новооснованная русская Церковь, хотя и обнимала обширнейшую территорию особого многочисленного народа, вошла в качестве митрополии в состав Константинопольского патриархата. Епархий в первый период ее существования было открыто очень мало. Да и вообще во все время ее существования было немного. По свидетельству

летописи, митрополитом Леонтием устроено было всего шесть епархий, а около половины 13 века их насчитывалось 15. Число и пределы епархий сначала большей частью совпадали с числом и пределами самостоятельных княжеских уделов. Епархии были весьма обширны и многолюдны. Они превосходили иногда в этом отношении любой митрополичий греческий округ. Один митрополит, живший в Киеве, по дальности расстояния и трудности тогдашних путей сообщения, не мог часто обозревать епархий и иметь надлежащий надзор за ними, а следовательно – и благоустроить их, как следует. Епископы по той же причине, то есть по дальности расстояния и трудности путей сообщения, не являлись по приглашению митрополита на соборы, когда он находил нужным созывать их, на что и жаловался митрополит Иоанн 2. Соборное начало вообще проявлялось слабо в церковном управлении, и живого, тесного единения между отдельными епископиями не существовало. Правда, были по временам собираемы соборы по тому или другому поводу; но постоянных, периодически созываемых соборов, как того требуют каноны, мы не видим. Около половины 15 века русская Церковь (северо-восточная) стала автокефальной. С приобретением церковной независимости и особенно с учреждением в русской Церкви патриаршества в 1589 г. наступило, по-видимому, благоприятное время и для умножения числа епархий и осуществления системы соборного областного управления; и действительно, были попытки к тому. В 1667 г. восточные патриархи на Соборе предложили разделить русскую Церковь на самостоятельные округа с митрополитами во главе. Царь Федор Алексеевич, ввиду сильного распространения раскола и разных церковных беспорядков, поднял вопрос об умножении архиерейских кафедр на Соборе 1682 г. и представил Собору обширный проект, по которому все епархии разделялись на митрополичьи округа, число митрополий доводилось до 12-ти, а епископий – до 72-х, с подчинением епископов окружным митрополитам. Но та и другая попытка не имели успеха. Собор 1667 г. ограничился только предоставлением митрополичьего сана, без соответствующей власти, нескольким архиепископам, а против увеличения числа епархий восстали и патриарх и архиереи, потому что оно необходимо повело бы за собой невыгодное для них дробление их обширных епархий. Собор 1682 г., ссылаясь на недостаток средств для содержания большего количества кафедр, понизил проектированное число новых епархий до 14 (на самом деле после Собора было открыто всего 4 новых епархии), а по подчинению епископов митрополитам вовсе не согласился, «дабы не явилось в архиерейском чине распрей и превозношения». К концу патриаршего периода всех епархий в Московском патриархате было: 1 патриаршая, 13 митрополий, 7 архиепископий и 2 епископии.

При Петре 1 патриаршество в России было упразднено, и в 1721 г. был учрежден Св. Синод, которому с тех пор и предоставлена высшая правительственная власть над всей русской Церковью. В настоящее время эта высшая церковная власть нашла необходимым заняться переустройством всего существующего теперь в России церковного управления, и в ряду вопросов, касающихся этого переустройства, прежде всего намечен вопрос о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов. Обсуждая этот вопрос, нужно решить: сколько нужно открыть митрополичьих округов? Какие епархии должны войти в состав того или другого митрополичьего округа? Какие права и власть предоставить областным соборам и митрополитам?

Но прежде чем решать вопрос о количестве митрополичьих округов и их составе, кажется, нужно рассмотреть и решить вопрос об увеличении числа самих епархий. Всех епархий в настоящее время у нас 64. Границы большинства епархий совпадают с границами губерний, названия которых они носят. Исключение составляют следующие местности: Пермская губерния разделена на две епархии – Пермскую (уезды, лежащие на запад от Уральского хребта) и Екатеринбургскую (уезды, лежащие на восточном склоне Урала); Литовская епархия состоит из губерний Виленской и Ковенской; Финляндская – из 7 губерний великого княжества; Холмская и Варшавская – из 10 губерний царства Польского. Северный Кавказ разделен на епархии Владикавказскую (Терская область) и Ставропольскую (Ставропольская и Черноморская губ. и Кубанская обл.); все Закавказье образует из себя Грузинский экзархат. В среднеазиатских владениях 2 епархии: Омская (обл. Акмолинская и Семипалатинская и части южных округов Тобольской и Бийского – Томской губернии.) и Туркестанская (к последней причислены все остальные области Средней Азии, за исключением Уральской и Тургайской, подведомственных епископу Оренбургскому). Сибирь делится на 8 епархий, большинство которых совпадает с губернским делением, за исключением указанных выше местностей Тобольской и Томской

губерний и Владивостокской епархии, к которой причислены Приморская область и остров Сахалин. Губерния Бессарабская носит название Кишиневской епархии, Витебская – Полоцкой, Амурская область – Благовещенской. Епархии у нас очень обширны и многолюдны. Статистические данные о величине территорий, занимаемых епархиями, о количестве народонаселения, церквей и клира в той или другой епархии, показанные в прилагаемой при сем таблице, красноречиво и убедительно указывают на необходимость открытия у нас новых епархий. В иных епархиях, обнимающих территорию в несколько десятков и даже сотен тысяч верст, число одного православного населения простирается от одного миллиона иногда до трех миллионов, число церквей – от 500 до 1500 и больше, число членов клира – от одной тысячи до двух и даже трех тысяч с лишком. Понятно, что при такой обширности территорий, при столь значительном многолюдстве некоторых епархий, о живой и тесной связи между епископом и его пасомыми – не только мирянами, но и клириками – и речи быть не может. Личные и непосредственные надзор и руководство людьми, вверенными епископу от Бога, за спасение душ которых он отдаст ответ перед Богом, при таких условиях затруднены до крайности. При обозрении своей епархии епископ часто не в состоянии побывать во всех приходах в течение многих лет; а в некоторых епархиях есть приходы, которые в своих пределах ни разу не имели счастья лицезреть своего епископа. Да и обзор тех приходов, которые посетит епископ при обозрении своей епархии, при множестве дел у епископа, разбросанности приходов на обширном пространстве, часто при никуда не годных путях сообщения, в силу необходимости, бывает тороплив и поверхностен. Епископу нет времени и возможности собрать точные сведения о религиознонравственном состоянии приходов и преподать соответственные советы и указания клиру. Таким образом, вопреки духу пастырского служения, епископу приходится управлять епархией через канцелярии, посредством бумажного делопроизводства. Нужно, наконец, принять во внимание, как затруднительно бывает и членам клира и мирянам обращаться по своим делам к епископам за целые сотни верст!

Сколько же нужно открыть новых епархий? Некоторые из пламенных ревнителей об обновлении нашей церковной жизни и усилении плодотворности архипастырской деятельности желали бы, чтобы каждый уезд в губернии составлял епархию отдельную, а губерния обращена была бы в митрополию, как это было в древней Церкви на Востоке. Но это, кажется, только *prim desiderium*, которому трудно осуществиться в действительности, по крайней мере теперь, по одним даже чисто экономическим причинам. Всех уездов и округов в губерниях и областях европейской и азиатской России – 674, а если включить сюда 84 уезда 10 губерний царства Польского, 51 уезд 8 губерний княжества Финляндского и 23 уезда 3 губерний Прибалтийских, – то 832. Значит, потребовалось бы вновь открыть, согласно вышеупомянутому желанию, по крайней мере 674 епархии! Хорошо было бы, если бы теперь по крайней мере из каждой епархии, имеющей викарных епископов, а также из каждой епархии, хотя и не имеющей викарных епископов, но имеющей миллион и более православного населения, и даже несколько свыше 500 000, если только территория епархии слишком обширна, выделить еще по одной самостоятельной епархии – подобно тому, как Пермская губерния недавно разделена на две епархии: Пермскую и Екатеринбургскую. Таким образом, пришлось бы открыть 40 или 50 новых епархий. Викариев же можно оставить только при митрополитах.

При разделении русской Церкви на епархии, как видно из вышеизложенного, в основу была принята гражданско-административная единица – губерния. К какой же гражданско-административной единице можно приспособить разделение русской Церкви на митрополичьи округа? Нам кажется, что такой единицей всего лучше выбрать учебные округа, на которые разделено наше Министерство народного просвещения. Всех учебных округов по Министерству народного просвещения у нас 15: С.-Петербургский, Московский, Казанский, Оренбургский, Харьковский, Одесский, Киевский, Виленский, Варшавский, Рижский, Кавказский, Западно-Сибирский, Туркестанский край, Восточная Сибирь и Приамурское генерал-губернаторство. Но так как в районах Варшавского и Рижского округов, Туркестанского края и Приамурского генерал-губернаторства по два и даже по одной епархии, то число митрополичьих округов, включая сюда и Грузинский экзархат, можно ограничить 11. Примерная схема разделения русской Церкви на митрополичьи округа при этом будет такова: 1. С.-Петербургский митрополичий округ, в состав которого войдут епархии¹⁰ 1) С.-Петербургская; 2) Новгородская; 3) Псковская; 4) Олонецкая; 5) Вологодская; 6) Архангельская; 7) Финляндская и 8) Рижская.

2. Московский митрополичий округ – епархии: 1) Московская; 2) Ярославская; 3) Костромская; 4) Владимирская; 5) Калужская; 6) Нижегородская; 7) Орловская; 8) Рязанская; 9) Смоленская; 10) Тверская и 11) Тульская.

3. Казанский митрополичий округ – епархии: 1) Казанская; 2) Вятская; 3) Самарская; 4) Саратовская; 5) Симбирская; 6) Астраханская; 7) Ставропольская и 8) Владикавказская.

4. Киевский митрополичий округ – епархии: 1) Киевская; 2) Полтавская; 3) Черниговская; 4) Волынская и 5) Подольская.

5. Харьковский митрополичий округ – епархии: 1) Харьковская; 2) Воронежская; 3) Пензенская; 4) Курская; 5) Тамбовская и 6) Донская. 6. Одесский митрополичий округ – епархии: 1) Херсонская; 2) Таврическая; 3) Екатеринославская и 4) Кишиневская.

7. Литовский митрополичий округ – епархии: 1) Виленская; 2) Полоцкая; 3) Гродненская; 4) Минская; 5) Могилевская; 6) Варшавская и 7) Холмская.

8. Оренбургский митрополичий округ – епархии: 1) Оренбургская; 2) Уфимская; 3) Пермская и 4) Екатеринбургская.

9. Томский митрополичий округ – епархии: 1) Томская; 2) Тобольская; 3) Омская и 4) Туркестанская.

10. Иркутский митрополичий округ – епархии: 1) Иркутская; 2) Енисейская; 3) Забайкальская; 4) Якутская; 5) Благовещенская (Амурская) и 6) Владивостокская.

11. Грузинский экзархат – 4 епархии. Это число митрополичьих округов близко подходит к числу округов, проектированному еще прежде – царем Феодором Алексеевичем (12 округов), митрополитом Филаретом (по его проекту, поданному Императору Александру 1, намечалось разделить Россию на 9 церковных округов). Предлагаемая схема разделения русской Церкви на митрополичьи округа, с включением в состав их тех или других именно епархий, находит оправдание себе в географических условиях и составе народонаселения, в статистических данных о числе церквей, клириков, народонаселения, а также преобладающем количестве в данном районе тех или иных иноверцев, с которыми приходится Церкви вести борьбу, каковая борьба должна естественно сообщить особенный характер церковной деятельности того или другого самостоятельного церковного округа. Вышеозначенные статистические данные приводятся в прилагаемой при сем таблице.

Областные соборы и власть их

Областные Соборы, на основании 8-го пр. 6 Вселенского Собора и 6-го пр. 7 Вселенского Собора, должны созываться у нас не менее одного раза в год. Участвовать в них обязательно должны все епископы известного митрополичьего округа или лично, или через своих уполномоченных (19-е пр. 4Всел. Соб. и 87-е пр. Карф. Соб.). К участию в них, согласно практики вселенской Церкви, могут быть допускаемы и низшие клирики – пресвитеры и диаконы, даже миряне, с правами совещательного голоса.

Областные соборы: 1) на основании 37-го Апост. пр. обсуждают все вопросы по предметам христианского вероучения и нравоучения, христианского благочиния и богослужения, рассуждают о появляющихся заблуждениях и мерах против них. Но относительно всех этих вопросов они не имеют права делать законодательных постановлений; им принадлежит только право предварительного обсуждения и разработки их для представления Всероссийскому Поместному Собору. 2) Согласно 4-му пр. 1 Всел. Собора и 19-му пр. Антиохийского Собора, избирают епископов в своей области, а равно и митрополита (4Всел. Соб. пр. 28-е). 3) Могут обсуждать способы наиболее целесообразного применения к местным потребностям состоявшихся уже (на всероссийских соборах) общих для всей русской Церкви постановлений относительно церковных имуществ, церковного обложения и доходов, а также вопросов, касающихся духовной школы; вырабатывать меры для развития христианской благотворительности, миссионерского дела и духовного просвещения в своих округах, лишь бы эти меры не шли вразрез с основными церковными постановлениями. 4) Должны рассматривать жалобы и доносы как клириков, так и мирян на епископов округа и апелляции на епископский суд и производить суд по этим жалобам и апелляциям (1Всел. Соб. пр. 5-е; Антиох. Соб. пр. 20-е; 4Всел. Соб. пр. 9-е; Карф. Соб. пр. 11-е, 28-е, 37-е, 139-е; Сард. Соб. пр. 14-е).

Митрополит и его права

Митрополит, которому церковные каноны усвояют власть административно-исполнительную, во-первых, созывает епископов своего округа на соборы, назначает для соборов место и время, в качестве председателя собора определяет содержание и порядок соборных дел и руководит соборными совещаниями (Антиох.16-е, 20-е; 4Всел. Соб.19-е); во-вторых, принимает жалобы на подчиненных епископам клириков и мирян и назначает соборный суд (4Всел. Соб.9-е; Карф.18-е); в-третьих, обзрывает епархии подчиненных ему епископов, наблюдая за тем, чтобы действия их не противоречили канонам и вообще существующим постановлениям (Карф.63-е; Апост.34-е; Антиох.9-е). Ответствен митрополит перед высшей церковной властью и ей только подсуден (4Всел. Соб.2-е, 17), т. е. епископу столичного города и его собору.

Схема предполагаемого разделения русской Церкви на митрополичьи округа, с показанием разных статистических данных, дающих некоторое основание для подобного разделения

Статистические данные, напечатанные в скобках, заимствованы из отчета обер-прокурора Св. Синода за 1901 г., а напечатанные без скобок – из Энциклопедического словаря Брокгауза и Большой энциклопедии Мейера (по переписи 1897 г.)

В число церквей включены приходские, монастырские и домовые церкви, но не включены приписные, которых по отчету обер-прокурора Св. Синода за 1901 г. значится 4463.

№	Митрополии и епархии, входящие в состав их	Число вездов	Пространство в квадратных верстах	Число церквей	Число клириков	Общая численность населения	Число православных с единоверцами	Старообрядцы
1.	С.-Петербургская Митрополия							
1	Петербургская (3 викариарх епископа)	8	39.203	(531)	(1.396)	2.107.691	1.732.000 (1.084.209)	10.650
2	Новгородская (1 викариарх епископа)	2 8	104.163	(900)	(1.821)	1.392.933	1.313.870 (1.329.046)	30.563
3	Псковская		37.955	(469)	(1.094)	1.136.540	1.049.000 (1.072.631)	35.600
4	Олонецкая		112.322	(342)	(762)	366.715	357.894 (383.241)	2.936
5	Вологодская (1 викариарх епископа)	7 10	353.349	(856)	(1.978)	1.365.587	1.332.477 (1.398.702)	7.831
6	Архангельская		748.050	(518)	(718)	347.509	337.288 (370.610)	6.227
7	Финляндская	8 губ. 51 уез.	291.625	(59)	(1.052)	2.555.462	53.986 (53.986)	–
8	Рижская (13 викариарх епископа)	13 губ. 23 уез.	81.038	(229)	(671)	2.386.998	249.723 (276.471)	24.891
	Итого . . . 11.							
	Московская Митрополия	128	1.767.705	(3.904)	(9.492)	11.659.435	6.426.238 (5.968.896)	118.698
	Епархии:							
1	Московская (3 или 4 викариарх епископа)	13	29.326	(1.536)	(3.790)	2.433.356	2.276.244 (1.658.856)	97.385
2	Ярославская (1 викариарх епископа)	10	31.230	(929)	(2.361)	1.072.478	1.063.965 (1.092.098)	9.052
3	Костромская (1 викариарх епископа)	12	73.809	(145)	(2.810)	1.429.228	1.347.733 (465.682)	(1) 39.070
4	Владимирская (1 викариарх епископа)	13	42.831	(1135)	(2.783)	1.570.733	1.474.619 (1.469.479)	37.212

5	Калужская	11	27.177	(673)	(1.662)	1.185.726	1.086.188 (1.181.060)	42.060	
6	Нижегородская (1 викарн. епископ)	11	45.036	(1.060)	(2.980)	1.600.304	1 451.337 (1.432.431)	87.625	
7	Орловская	12	41.057	(996)	(2.563)	2.054.479	2.023.073 (1.923.696)	4.301	
8	Рязанская (1 викарн. епископ)	12	36.844	(1013)	(2.831)	1.827.539	1.777.244 (1.867.143)	17.107	
9	Смоленская	12	49.212	(759)	(1971)	1.551.068	1.480.750 (1.437.485)	20.316	
10	Тверская (1 викарн. епископ)	12	56.337	(1.092)	(2.759)	1.812.825	1.747.678 (1.836.658)	15.378	
11	Тульская	12	27.204	(897)	(2.196)	1 432.747	1.415.850 (1.450.370)	1.748	
	Итого..	3.							
	Казанская митрополия Епархии.	130	460.063	(11.235)	(28.706)	17.970.483	17.144.681 (16.815.318)	371.254	
1	Казанская викарн. епископа)	(2 12	55.954	(675)	(1.790)	2.191.053	1.510.975 (1.646.809)	21.697	
2	Вятская викарн. епископа)	(2 11	135.019	(750)	(2.631)	3.082.788	2.794.145 (2.937.033)	95.945	
3	Самарская викарн. епископ)	(17	136.713	(865)	(2.019)	2.763.478	2.130.725 (2.039.993)	98.905	
4	Саратовская викарн. епископ)	(110	74.244	(815)	(2.026)	2.419.884	2.025.323 (1.958.589)	113.946	
5	Симбирская	8	43.491	(745)	(1 742)	1 549.461	1.359.825 (1.405.554)	31.373	
6	Астраханская	7	207.193	(197)	(656)	994.775	529.170 (448.622)	15.507	
7	Ставропольская (Ставропольская и Черноморская губ. и Кубанская область)	15,	140.464	(505)	(1.738)	2.853.298	2.588.424	33.860	
8	Владикавказская	6	60,898	(155)	(366)	933.485	368.776 (335.682)	35.556 –	А 1
	Итого . . .	4							
	Киевская Митрополия Епархии: Киевская					13.307.363 (12.625.595)			
1	(3 викарн. епископа)	76 12	853.976 44.777	(4.707)(1.448)	(12.968)(2.746)	16.788.222 3.576.125	2988.694 (2.948.141)	446.789 15.044 –	109.402 3
2	Полтавская викарн. епископ)	(115 15	43.844 46.042	(1.192)(1.210)	(2.946)(2.360)	2.794.727 2.321.900	2.656.933 (2.566.280)	3.000 43.515	5.600 296.874 1
3	Черниговская викарн. епископ)	(112 12	63.036 36.921	(1.497)(1.509)	(2.752)(3.042)	2.997.902 3.031.513	2.220.792 (2.185.951)	7.600 18.676	262.715 3
4	Волынская викарн. епископ)	(2				2.106.955 (2.116.009)			
5	Подольская викарн. епископ)	(1				2.359.504(2.387.528)			
1	Итого . . .	5.66	234.620	(6.856)	(13.846)	14.722.167	12.332.878	87.835 674.591	–1
2	Харьковская	11	47.884	(883)	(2.200)	2.509.811	(12.203.915)	7.116 – – – – –	0

3	Митрополия	12	57.902	(1.025)	(2.852)	2.546.255	2.453.349	14.844	–
4	Епархии:	10	34.129	(853)	(1.949)	1.491.215	(2.337.751)	19.013	и
5	Харьковская	(115	40.821	(1.092)	(2.979)	2.396.577	2.508.775	(2.506.327)	21.296
6	Харьковская	12	58.511	(1.222)	(3.513)	2.715.453	1.390.796	(1.397.046)	12.945
	Воронежская	(19	144.586	(608)	(1.359)	2.575.818	2.341.028	129.957	с
	викарн. епи- скоп)						(2.293.216)	2646.518	
	Пензенская						(2.613.139)		
	Курская (1 викарн. епи- скоп)						2.315.021		
	Тамбовская (1 викарн. епи- скоп)						(1.874.809)		
	Донская (1 викарн епископ)								
	Итого . . . 6.								
	Одесская						13.655.487		
1	Митрополия	69	383.833	(5.683)	(14.852)	14.235.129	(13.022.288)	205.171	– 95.998 6
	Епархии:	6	62.213	(655)	(1.706)	2.732.832	2.202.258	29.476	6
	Херсонская	(2					(1.911.980)		
	викарн. Епископа								
	Таврическая								
2	Екатеринославская	8	53.053	(377)	(897)	1.445.556	1.069.282	(967.238)	12.944 28.121 6
3	Кишиневская	8	55.705	(612)	(1.383)	2.112.651	1.908.131	(1.485.34)	9.282 28.999 6
4	(Бессарабская)	(1	39014	(993)	(1.783)	1.933.436	1.605.457	(1.399.11))	28.313 18.614 5
	викарн. епископ)								
	Итого. . . 7.								
	Литовская								
	митрополия								
1	Епархии:	30	209.985	(2.637)	(5.769)	8.224.475	6.785.128	80.015	171.732
2	Виленская	7	36.825	(329)	(473)	1.591.912	(5.763.673)	415.290	25.573 935.827 2
3	Виленская	губ. 11	35.315	(329)	(473)	1.549.444	46.150	(463.338)	32.2 101.186.370 2
4	Ковенская	(19	38.649	(429)	(735)	1.502.916	825.501	(842.168)	83.240 357. 300 3
5	викарн. епископ)	11	39.900	(479)	(765)	1.617.859	921.551	(896.914)	– 384.334 4
6	Полоцкая	10	80.152	(1.037)	(1.217)	2.156.123	1.563.796	(1.596.530)	15.800 219.458 –
7	Гродненская	губ.	42.134	(646)	(1.229)	1.708.041	1.414.570	(1.520.38)	22.841 51.000 4
8	Минская	84	111.553	(392)	(1.760)	9.455.943	663.784	(468.044)	9.106 6.98 7.467
	Могилевская	уез.							
	Варшавско-Холм- ская (с 2 июня 2 епархии)								
	Итого. . . 8.						5.850.642		
	Оренбургская	138	384.528	(3.312)	(6.179)	19.582.238	(5.787.374)	• 188.770	
1	митрополия	12	290.168	(425)	(1.174)	3.003.208	2.604.227	• 214.735	
2	Епархии: Пермская	12	290.168	(457)	(1.522)	2.220.498	(1.435.227)	• 214.735	10.121.7565
3	Екатеринбургская	6	107.209	(389)	(1.052)	2.706.404	2.604.227	1.381.222)	33.943 – – – – –
4	Уфимская	13	855.540	(563)	(1.326)	3.003.208	958.756	(904.275)	104.930
	Оренбургская						1.327.385		
	Итого. . 9. Томская						(1.201.275)		
	митрополия (для Западной Сибири и						4.890.368		
1	средне – азиатск.	31	1.252.917	(1.834)	(5.074)	7.930.110	(4.921.999)	353.608	
2	владений)	10	1.219.229	(397)	(853)	1.438.484	1.277.781	(880.488)	72.341 – – 8.580 –
	Епархии:	7	745.576	(531)	(1.242)	1.929.092	1.744.776	99.175	
	Тобольская						(1.710.687)		
	Томская (1 викарн. епископ)								

3 Омская:	5	512.221	(280)	(679)	678.957	231.812	—	—	—	439.553
а) Акмолинская обл										
б) Семипалатинская обл.	5	405.819	(280)	(679)	685.197	68.517 (684.074)	—	—	—	616236
в) Части южных округов Тобольской губ. и Бийского Томской губ.			)				—	—	—	—
Туркестанские области:										
Туркестанские обл.:										
4 Туркестанские области:	—	—	(77)	(160)	—	196.000 (149.899)	—	—	—	—
а) Закаспийская	5	486.688	—	—	372.193	—	—	—	—	334.931
б) Самаркандская	4	60.598	—	—	857.847	—	—	—	—	838.669
в) Семиреченская	6	328.966	—	—	990.107	—	—	—	—	892.000
г) Сыр-Дарьинская	6	441.337	—	—	1.479.848	—	—	—	—	1.413.01.
д) Ферганская	6	140.667	—	—	1.560.044	—	—	—	—	1.561.47
Итого . . . 10										
Иркутская митрополия (Восточной Сибири)	(в)	544.341.100	(1.285)	(2.934)	9.991.769	3.518.886 (3.425.148)	171.516	8.580		6.200.86.
Епархии:										
1 Иркутская викарн. епископ)	(1) 5	638.198	(198)	(484)	506.517	429.517 (354.893)	—	—	—	—
2 Енисейская	7 2	233.929	(238)	(475)	559 902	536.785 (449.683)	11 100			
3 Забайкальская	8	522.339	(212)	(479)	664.071	479.134 (479.233)	—	—	—	—
4 Якутская						264.443 (260.823)				
5 Благовещенская (Амурская)	5	3.482.533	(109)	(245)	261.734	91.621 (101.814)	14.308	—	—	—
6 Владивостокская (Приморская)	— 9 1	393.315	(91)	(176)	118.510	140.310 (109.395)	—	—	—	—
Итого . . . 11.										
Экзархат Грузинский		348.892.008	(932)	(2.035)	2.331.291	1.941.810 (1.755.841)	25.408	—	—	—
4 епархии (7 губ.)	64	201.382	(1.711)	(3.605)	5 416.911	1.640.622 (1.298.137)	66.282	26.418	Армян 18.517	2.577.46; 1.092.651

О преобразовании церковного суда

Вопрос о преобразовании церковного суда на новых началах был поднят более тридцати лет тому назад. В 1870 г. при Св. Синоде для разработки этого вопроса был образован, под председательством покойного митрополита Макария, особый Комитет из лиц духовных и светских. Труды Комитета продолжались несколько лет и по окончании были представлены в Св. Синод, но не удостоились одобрения большинства тогдашних епископов, которые нашли совершенно неуместным перестраивать духовный суд наподобие суда гражданского. Столь же неуместной оказалась бы подобная попытка, если бы она возникла и в настоящее время. Дело в том, что современный гражданский суд далеко не отличается такими совершенствами, чтобы стоило того ему всецело подражать. Хотя по идее суд этот и должен бы быть скорым, правым и милостивым, но на самом деле он, как мы видим, оказывается вовсе не скорым, а зачастую еще более медлительным, чем суд духовный, а главное – не всегда правым, как суд исключительно формальный. Посему Церкви нет достаточных оснований желать введения такого же суда и в епархиальном управлении. Но, говоря о существенных недостатках современного судопроизводства гражданского, нельзя в то же время не признать и того, что и суд духовный является, пожалуй, еще более неудовлетворительным и оставляет желать многого.

Желательно, во-первых, ускорить судопроизводство в консистории; а для сего следует изъять из консистории менее важные тяжёбые дела и передать их в ведение низшей судебной инстанции, например благочинническим советам. К числу таких дел можно примерно отнести следующие: рассмотрение и решение споров и неудовольствий между членами причта из-за раздела братских доходов, пользования церковной землей и церковными усадебными строениями; рассмотрение жалоб на кого-либо из духовных лиц по обвинению в небрежном исполнении своих обязанностей (например, в опущении богослужения, молебнов, спешном чтении и пении при богослужении, неисправном исполнении церковных треб, своевольных отлучках из места жительства, неправильном ведении церковного хозяйства, церковных документов и т. п.). Все такие дела с удобством могли бы рассматриваться и решаться на благочиннических советах. Тогда количество судебных дел в консистории значительно сократится, да и правосудие по мелким тяжёбым делам, которые всегда лучше решать на месте, будет, пожалуй, обеспечено гораздо вернее, чем в настоящее время, когда по каждому делу проситель должен отправляться сам или посылать бумагу в епархиальный город и затем ожидать решения дела своего в течение долгого времени за множеством в консистории других дел. Еще больше ускорилось бы духовное судопроизводство, если бы секретарям консистории, особенно в епархиях многолюдных, даны были помощники. В настоящее время вся ответственность за консисторское делопроизводство фактически лежит на секретаре консистории. Ввиду этого секретарь естественно вынуждается вникать во всякую бумажку, прежде чем пустить ее в ход, – обсудить всякое дело, прежде чем допустить такое или иное решение его в присутствии; а все это по необходимости должно отражаться на времени консисторского делопроизводства. Чтобы не было затруднений в церковном судопроизводстве с этой стороны, следует дать секретарю консистории помощника, которому и выделить для заведования и под ответственность круг дел, имеющих меньшую сравнительно важность, освободив от этих дел секретаря консистории.

Во-вторых, желательно, чтобы были введены должности постоянных духовных следователей по назначению епархиальной власти и с жалованьем от Св. Синода. Ныне производство следствий поручается тем священникам, приходы коих находятся в соседстве с местом производства следствия и жительства причастных делу лиц. Случается нередко, что следователь – человек молодой, неопытный, совсем незнакомый с юрисдикцией. К такому следователю приходится посылать следствие для дополнения несколько раз, если суд намерен отнестись к делу серьезно или же решать дело без достаточных данных. Производить ныне следствия обыкновенно берутся неохотно, поневоле, чтобы только не оказаться непокорными своему начальству. И это потому, что приходится иногда производить следствие о священнике, с которым десятки лет разделял хлебосольство, был в самых добрых, братских отношениях. Теперь эти отношения должны прерваться, быть может – навсегда. Бывает, что бывший под следствием и освободившийся от суда через некоторое время производит следствие о священнике, производившем над ним следствие. Можно ли ожидать в этом случае от следователя необходимого беспристрастия?.. Но производство следствий для случайных

следователей является еще тяготой и с другой стороны: они трудятся не только без вознаграждения, но часто с затратой собственных средств. Полагающиеся им по закону прогонные и столовые уплачиваются лишь по взыскании с виновных, когда дело решится; а бывает, что и взыскивать не с кого – за смертью виновных, или не из чего – по крайней бедности последних. Назначенные епархиальным начальством постоянные духовные следователи, с особым вознаграждением из средств Св. Синода, могли бы, без сомнения, с лучшим успехом и пониманием дела производить следствия, а это в свою очередь не могло бы не отразиться благоприятно на качествах церковного суда.

В-третьих, желательно, чтобы на деле исполнялся § 313 Уст. дух. консисторий, и чтобы в слушании и решении по крайней мере судебных дел принимали активное участие все члены консистории, за исключением только отсутствующих. Точное исполнение этого требования, при уменьшении количества судебных дел в консистории, не невозможно, а между тем оно хотя бы до некоторой степени гарантировало бы духовный суд от злоупотреблений, подкупов и прочего и придавало бы состоявшемуся по делу решению больший авторитет. Для этой же цели, т. е. чтобы решения консисторского суда имели больше доверия к себе со стороны общества, а равно и самого духовенства, было бы полезно привлечь к участию в судебном разбирательстве двух или трех членов от духовенства, по выбору самого духовенства и с утверждения епархиального архиерея. При слушании и решении тяжёлых дел им можно было бы предоставить право голоса. Это до некоторой степени ввело бы в духовный суд элемент гласности, которой в настоящее время ему недостает.

Наконец, для улучшения духовного суда желательно было бы пересмотреть, исправить и привести в порядок сами законы, сюда относящиеся, в особенности синодальные и епархиальные указы нового времени, чтобы не было в них противоречий и неопределённостей, не представлялось поводов к разнотолкованиям и перетолкованиям, и чтобы новые церковные законы более соответствовали основным началам древнего церковного законодательства, а не каким-либо внешним для церковной жизни началам и влияниям, утвердившимся в церковном управлении в новейшем времени. Сами судебные дела распределить между различными инстанциями по возможности так, чтобы не было надобности одному и тому же делу проходить через несколько инстанций и быть перерешаемым в каждой из них, а чтобы каждая инстанция самостоятельно и вместе с тем ответственно могла заведовать известным кругом дел, ей предоставленных¹¹. Что же касается отношения епархиального епископа к церковному суду и судебным инстанциям в епархии, то первый параграф действующего Устава духовных консисторий, по которому церковный суд в епархии должен производиться «под непосредственным начальством епархиального архиерея», надо оставить во всей силе без всякого изменения, если желательно не отступать в этом случае от требований древних церковных правил и духа их.

О благоустройстве православного русского прихода

Кому неизвестно, как далеко уклонилась в настоящее время жизнь православного русского прихода от строя христианских церковных общин первых веков? Причт и прихожане, как малая Церковь, или союз верующих, у которых должно быть одно сердце и одна душа (Деян.4:32), давно уже порвали между собой внутреннюю духовную связь. В настоящее время мы видим приходского священника, как совершителя божественных служб в храме и разных церковных треб в домах прихожан, по временам слышим его голос с церковной кафедры; видим, наконец, но, к сожалению, за немалыми исключениями, заведующим церковно-приходской школой и законоучителем в ней. Но этими сторонами деятельности и исчерпывается все его пастырское служение. А прихожане? Выйдя из храма или приняв с требой своего приходского священника у себя на дому, они затем в большинстве случаев совершенно не знают его.

Чуждо им также взаимоотношение по почве духовных интересов, а равно и взаимная материальная поддержка в смысле учреждения приходских благотворительных заведений. Если приход есть малая Церковь, то где же тут выражение идеи о ней, как живом теле, которое только и может существовать взаимоотношением и взаимодействием своих членов? Пробудившееся в последнее время стремление в нашем отечестве к обновлению жизни по всем направлениям необходимо требует возрождения и церковно-приходской жизни и тем более, что в приближении ее к своему началу, согласно учению Иисуса Христа, Его апостолов и св. отцов, видится прочный залог блага семейного, общественного и государственного. Что же в настоящее время следует признать желательным для благоустройства православного прихода? Желательно, чтобы прихожане, наравне с причтом, в сфере своего прихода принимали живое участие во всех сторонах приходской жизни, как это было в христианских общинах преимущественно первых двух веков, и не оставались бы безучастными к приходским делам, как ныне. Сооружение, благоустройство и благолепие храмов Божиих, обеспечение причта, просветительная и благотворительная деятельность разных видов – вот та почва, на которой должно возрасти это единение пастыря и пасомых. Если поставить далее вопрос, в каком учреждении могла бы сосредоточиться совместная дружная работа пастыря с пасомыми на благоустройство прихода, то всего естественнее указать здесь на то самое учреждение, которое уже одобрено высшей православно-духовной властью. Мы разумеем всеподданнейший проект Высочайшего постановления о церковно-приходском собрании и церковном совете православных приходов в Финляндии. Известный знаток приходского вопроса в России А. Папков приспособил правила этого проекта для всех православных приходов в России и огласил уже их в печати¹². Насколько лишь надобность дополнить и развить проектируемые правила применительно к различным местностям России, сохраняющим свои особенности церковно-общественного быта, а равно и разработать в подробностях положение об управлении приходским советом церковно-приходскими общественными имуществами, а также благотворительными и просветительными приходскими учреждениями. Параграфами 13-м и 41-м всеподданнейшего проекта председательство в церковно-приходском собрании, а равно и церковном совете (или – что, то же – попечительстве) предоставляется настоятелям прихода, что и естественно. Это обстоятельство в связи с идеей пастырства вообще, по которой приходский священник должен руководить всей церковной жизнью своих прихожан, требует от него правоспособности и готовности быть всегда на высоте своего служения. Особенно крайне желательно, чтобы кандидат священства, помимо должной научной подготовки, одушевлен был призванием к избираемому служению. В этом пункте вопрос о благоустройстве прихода соприкасается с вопросом о преобразовании духовно-учебных заведений. Доколе наши семинарии не будут выпускать из своих стен хорошо подготовленных кандидатов священства, ревностных и благочестивых, до тех пор никакие меры, принимаемые к благоустройству прихода, не принесут никакой пользы.

Что сказать теперь о «выборном начале» на священнослужительские должности, чего многие ныне добиваются и что, по их мнению, в значительной степени послужило бы к оживлению приходской жизни? Нельзя не признать, что за выборное начало стоит церковная практика первых веков христианства, когда миряне имели право не только избирать церковных должностных лиц, но также и отстранять от должности тех из них, которые оказывались непригодными. В ряду свидетельств о сем можно сослаться на недавно открытый христианский

памятник 2 века, под названием «Учение 12-ти апостолов» (гл.15, ст. 1), и на другой памятник того же века, под названием «Правила церковные» (Canones ecclesiastici). Еще указывают на послание св. Климента, еп. Римского, к Коринфянам, послание св. Поликарпа, еп. Смирнского, к Филиппийцам и, наконец, ссылаются на «Постановления Апостольские» – этот памятник, содержащий в себе немало сведений, характеризующих 2 и 3 вв. христианства (кн.2, гл. 1 и кн. 8, гл. 4). Но, как нередко бывает, прекрасное по своей идее – в приложении к действительной жизни оказывается иногда мало состоятельным; так и в данном случае. Христианская древность представляет немало примеров того, как на выборах мирянами церковных должностных лиц открывался широкий простор разного рода проидам и злоупотреблениям, дававшим возможность людям недостойным путем заискивания, подкупов и спаивания влиятельных членов прихода, получать вакантные места, на что указывается еще в 64-м правиле Карфагенского Собора. Имея это в виду, св. отцы 7 Вселенского Собора 3-м правилом и постановили: «Всякое избрание во епископа, или пресвитера, или диакона, делаемое мирскими начальниками, да будет недействительно, по правилу (приводится 30-е апостольское правило), которое глаголет...» и проч. А св. отцы Поместного Лаодикийского Собора прямо запрещают «сборищу народа избирающих имеющих произвестися во священство» (пр. 13-е). «О имеющих рукоположиться, – поучает Феофил, архиепископ Александрийский, 7-м правилом, в наставлении, данном им Аммону, – сей да будет устав. Весь собор священнослужителей да согласится и да изберет, и тогда епископ да испытает избранного, и с согласием священства да совершит рукоположение среди церкви». Степень участия мирян в сем случае определяется дальнейшими словами правила: «...в присутствии народа, и при возглашении епископа, аще может и народ свидетельствовать о нем». По смыслу сих слов, участие мирян в деле назначения на должности членов клира должно быть лишь вспомогательное церковной власти, именно – им должно принадлежать право свидетельства или рекомендации рукополагаемого лица через возглашение ἁγιος – «достойн» – в случае, если избираемое лицо заслуживает иерархической степени. Вот почему и для русской Церкви, несмотря на существовавшее в ней древнее избирательное право прихода, утвержденное постановлением Стоглавого Собора 1551 г., 2 ст. Прибавления к Духовному Регламенту право мирян по вопросу о ставленнике выражается лишь тем, что они дают ему свидетельство, что «знают его быть доброго человека», т. е. в праве рекомендации. Так обстояло дело в те времена, когда духовные семинарии лишь учреждались, и епархиальные архиереи не имели готовых и ближайшим наблюдением испытанных в поведении кандидатов священства. Эти нынешние кандидаты священства (из кончивших семинарий или академический курс наук) самим прихожанам обыкновенно бывают совершенно неизвестны; относительно же известных им достойных лиц рекомендация всегда допускалась и должна допускаться у нас епархиальной властью. Посему и Святейший Синод, отказав Московскому земскому собранию в ходатайстве о введении церковного выборного начала, в то же время определением своим от 18 июля – 8 августа 1884 г. разъяснил, чтобы «право избрания приходом своих священноцерковнослужителей, в смысле заявления ими епископу своего желания иметь преимущественно известное лицо, или в смысле свидетельства о добрых качествах ищущего рукоположения лица, не было отменяемо». Означенный порядок избирания на священноцерковнослужительские должности, отвечая каноническим требованиям, вполне соответствует и существу дела, и не только не требует предполагаемого изменения – в смысле введения выборного начала, но последнее даже повредило бы самому делу, каковой взгляд на данный предмет высказан был в свое время и великим иерархом русской Церкви Московским митрополитом Филаретом¹³.

В заключение изложения своих предположений о благоустройстве православного русского прихода считаем нужным высказать пожелание, чтобы будущим Всероссийским церковным Собором выработаны были неотложные меры к удовлетворению следующих общих церковных потребностей, к слову сказать – давно назревших и хорошо сознаваемых ныне всеми просвещенными ревнителями веры и церковной уставности. Желательно: чтобы произведено было исправление наших богослужебных книг, пересмотр и упрощение славянского текста церковных чтений из Свящ. Писания Ветхого Завета; в чине литургии свв. Иоанна Златоуста и Василия Великого можно бы оставлять, по примеру греческой Церкви, ектению об «оглашенных» и на великопостной литургии Преждеосвященных Даров – ектению о готовящихся к просвещению, а произносить эти ектении лишь там и тогда, где и когда имеются таковые лица, и это было бы гораздо внушительнее и чувствительнее для предстоящих в храме. Не умолчим

здесь, как о факте, хорошо всем известном, – о пламенном желании всего духовенства видеть себя обеспеченным, – при пособии от прихожан в виде постоянных, равномерных, периодических взносов, – ежегодным жалованьем от казны. Скажем еще о желательности предоставления прихожанам большего участия в церковном хозяйстве, с точным, впрочем, определением степени этого участия. Необходимо вместе с этим и то, чтобы церковные старосты вновь созданным строем церковного хозяйства были приучены к более строгой и обстоятельной отчетности перед приходом и необходимости возможно более частой проверки сумм в полной уверенности, что это делается везде и не по какому-либо подозрению на личный счет каждого, а по обязательному требованию закона, чем предотвращалась бы нынешняя неприязнь их ко всякого рода проверке церковных сумм со стороны причта и представителей от прихода.

О реформе духовно-учебных заведений

Духовная школа имеет своей задачей – подготовить достойных кандидатов священства. Это значит, что она должна воспитать не только просвещенных пастырей, но вместе с тем и развить в них истинно пастырское настроение. Выполняет ли, однако, современная семинария или академия эту свою задачу? Является ли она тем духовным питомником, откуда православнорусские приходы берут себе пастырей добрых? Увы! Печальный опыт в течение многих лет воочию мог убедить всех и каждого, что добрая половина кончающих курс семинарии или академии не имеет никакой любви к священству и стремится служить кому угодно и чему угодно, только не Церкви; еще одна четвертая часть, если и вынуждена бывает идти во священники, то исключительно под давлением житейских обстоятельств, и кандидаты этой категории принимают священство с холодностью в душе, с проклятием на устах. И только разве одна четвертая часть духовного юношества принимает пастырское служение по расположению к нему; это – или избранники Божии, исключительные религиозные натуры, или по крайней мере не испорченные жизненной средой, «с добрым и благим сердцем» (Лк.8:15) изучавшие пастырские науки. Пастыри из числа этих-то кандидатов, относительно говоря, удовлетворяют тем требованиям, которые предъявляются к православному священнику. Общая причина этого глубоко прискорбного явления давным-давно всем известная и никем не отрицается. Современная духовная школа является таковой только по названию. В ней нет живого пастырского духа и нет условий, которые бы создавали и питали этот дух. Ее состояние подобно параличному. В ней давно уже началось омертвление ее духовного организма или – в буквальном смысле слова – разложение его, и этот процесс разложения быстро подвигается вперед. Трупный запах отравляет атмосферу Церкви. В свою очередь, что же рождает эту духовную смерть и убивает живой дух? Ближайшие причины такого глубоко печального состояния нашей духовной школы совершенно верно изображены в рапорте преосвященнейшего Стефана, епископа Могилевского, Святейшему Синоду от 30 мая с. г., № 427, копии какового рапорта были в свое время сообщены им всем епархиальным епископам. К его-то объяснению причин упадка духовных школ и нужно присоединиться со всей решительностью. Свой взгляд преосвященный автор раскрывает в девяти пунктах. Немного можно прибавить к его словам. Но все же некоторые его пункты можно распространить несколько далее. Таковы пункты 2-й и 9-й.

По поводу 2-го пункта можно сказать еще следующее. В каждой профессиональной школе в составе обучающихся всегда находятся лучшие силы, специалисты своего дела. Так, военную школу проходят только под руководством военных и никого больше; к деятельности врача готовятся под непосредственным наблюдением опытейших медиков, авторитетных как в науке, так и в медицинской практике; техников и инженеров готовят только инженеры; хороших певцов, регентов, музыкантов – также только лучшие регенты, композиторы и т. д. Только наука из наук, искусство из искусств – пастырство лишено у нас того, что является не какой-нибудь роскошью, не какой-нибудь исключительной льготой, а наисущественным условием успеха в столь великом деле, как научение искусству управлять человеческими душами. В пастыри у нас готовят люди, в громадном большинстве не только не специалисты в деле пастырства, но и совсем не знающие его. Нельзя же в самом деле книжные сведения по пастырскому богословию да поверхностное наблюдение над внешней жизнью духовенства назвать в собственном смысле знанием о пастырстве. Нужно самому носить священный сан, нужно жить напряженной пастырской жизнью, чтобы уметь постигать глубины этой жизни. Какой же интерес к пастырству могут иметь сами эти мирские люди, образующие пастырей? Как они относятся и к этому великому служению и к делу преподавания пастырских наук? Очень ясно как – с полнейшим равнодушием. Учителя общеобразовательных предметов считают своим правом никогда и не заикаться перед учениками о пастырстве, а не то что располагать их к пастырскому служению. Преподаватели специально пастырских или вообще богословских наук обычно являются в класс *ex officio*, а потому в каждом их слове сквозит индифферентизм. Но бывает и хуже того... Преосвященнейший Стефан на основании своих наблюдений над жизнью семинарии положительно утверждает, что «большинство» светских преподавателей «заражено отвращением от священного сана». И ужас охватывает при мысли: а что как это-то последнее гораздо справедливее, чем первое? Нужно, впрочем, сказать и нечто утешительное: между преподавателями встречаются и такие, которые с одушевлением, с любовью говорят о пастырстве на своих уроках. Основная фальшь их речей

однако же и здесь ясна до очевидности. Ведь можно с горячим энтузиазмом рассказывать о стране, которой сам никогда не видал и видеть не можешь или не хочешь. Кроме того, что толку от этих горячих речей, когда собственных детей ты отдаешь во все учебные заведения, только не в семинарию, и не хочешь воспитать их для Церкви Божией? «Врачу, исцелися сам» – молчаливо, но правдиво говорят тебе слушатели. Все это – и холодное равнодушие, и отвращение, и ложный пафос – передается и питомцам, все это целиком входит в их юную впечатлительную душу и дает свой плод сторицей. В профессиональной школе не ограничиваются одним теоретическим обучением: там еще дают питомцам все способы к тому, чтобы они могли практиковаться в известном искусстве, доколе не изучат его в совершенстве. В духовной школе нет ничего подобного. Преподаватель или профессор считает все свои обязанности поконченными, если даст урок или прочтет лекцию да просмотрит письменные работы. А все остальное, что так потребно для пастырского служения: задушевные беседы наставников и воспитателей с питомцами о их духовных нуждах, о предстоящей им деятельности? Более частое испытание совести в таинстве исповеди? Разъяснение священных канонов? Постоянное упражнение в проповедничестве? Где все это? Где те руководители будущих пастырей, которые обо всем этом должны позаботиться прежде всего? Их нет, да и быть не может при существующем уставе. Пастырскими идеалами проникнуты лишь весьма немногие из состава учащихся и воспитателей в духовной школе. Громадному большинству до всего этого нет никакого дела. Взять даже первейшую обязанность пастыря – священнослужение. Разве знают наши питомцы церковный устав? Разве видят они все богатство и разнообразие церковных служб? Разве полюбили всей душой богослужение? Приходят воспитанники семинарии в свой храм только по праздникам, не видят они здесь почти ни одного преподавателя; вечными протестами всячески добиваются они того, чтобы служба Божия была сокращена до минимума. Поистине, нужно признать чудом величайшего Божия милосердия, что еще находятся хорошие пастыри, создаются они даже и при таких неблагоприятных условиях.

Прекрасные мысли о том же самом предмете высказаны в проекте реформы духовных школ о. архим. Никона, ректора Иркутской семинарии. Они настолько верно отражают действительность, что их нужно привести целиком. «Как говорить о высоте пастырского служения, о скорбях и радостях его, как научить служить какой-либо простой молебен, научить проповедовать с церковной кафедры, когда сам – не пастырь, практически не познал этого святого дела?! Еще более странно, что светская инспекция должна воспитывать пастырский дух в своих питомцах, тот дух, коего сама не имеет... сближения с воспитанниками, вникновения в их душу, жизнь и интересы – со стороны инспекции очень мало; она наблюдает за формой, забывая внутреннее... Теперь богословские науки в духовной школе едва-едва терпимы и учениками и даже учителями, изучаются, как необходимое для ученика зло, преподаются для кормления; теперь все мысли учащихся духовной школы вслед за учащими направлены к наукам «светским»... Так мальчик с самого начала своей сознательной жизни в школе видит, что дело все не так обстоит, как некоторым хочется: преподаватели почти все светские, а они ведь академию прошли. .. зачем же нам непременно искать священного сана? Да и в храме-то они не всегда бывают, а нас начальство загоняет: вот мне выйти бы из опеки инспекции, так и я свободен буду в этом отношении. Такие соображения – факт несомненный, вполне естественный и весьма гибельный – гибельный, может быть, гораздо более, чем прямое совращение с пути доброго, ибо отрицательное данное явление производит медленное парализование самого склада душевной жизни, как атмосфера, как среда, незаметно, но верно развращающая человека. Против прямого совращения, может быть, и личная воля человека скажется, а это подобно тому, как капля точит и камень. В конце концов, от этого происходит взаимное и глубокое развращение молодежи всеми традициями школы с самого первого дня. Мальчик иногда и в деревне не выдавший доброго пастыря, как увлекающий и назидаящий образ, в духовном училище редко видит и вообще пастыря, так как его учат люди светские, совершенно не озабоченные пастырским делом и не думающие, да и не умеющие создать соответствующую атмосферу для будущих пастырей. С этими отрицательными задатками против пастырства мальчик переходит в семинарию. Здесь некоторые уже и сознательно удаляются от желания быть пастырями; а раз такого желания нет, то не может быть никакого и личного воодушевления в прохождении духовных наук, а воодушевления на это от светских в большинстве преподавателей он не видит. В дальнейшем развитии недостаток такого воодушевления переходит и в полное небрежение всем духовным, а далее и в бравировку всем таковым»¹⁴.

Пункт 9-й нужно дополнить следующими рассуждениями о архим. Никона. В § 119 устава семинарии говорится прямо, что цель семинарского обучения – образовывать просвещенных священнослужителей. Но этот параграф несколько противоречит § 1, основному: «Духовные семинарии суть учебно-воспитательные заведения для приготовления юношества к служению православной Церкви», и вносит неопределенность, двойственность цели семинарии... «Есть ли семинария учебно-воспитательное заведение, специально и исключительно готовящее пастырей Христовой Церкви, или она просто общеобразовательное учебно-воспитательное заведение, с несколько особым курсом наук, для детей православного духовенства?.. Полагают, что духовная семинария не должна быть школой исключительно профессиональной, что она должна и пастырей готовить и общее образование давать». На практике это действительно так и есть. Но «соединение сих двух задач невозможно: от этого соединения и происходят все дефекты семинарий, их внутренней и внешней жизни, весь недостаток, а не упадок пастырского духа в нашем духовенстве. Что-либо одно: или пусть духовные семинарии будут специально пастырскими школами; или пусть они будут общеобразовательными школами (а La гимназии, но с несколько более глубоким курсом) для духовного сословия. Пастырство наше губится двойственностью цели семинарского образования. В настоящее время духовные семинарии служат двум целям, двум господам: по идее и официально, даже в общественном сознании, они суть школы профессиональные. Но с другой стороны, на практике, семинарии у нас – просто сословные общеобразовательные школы, но не профессиональные. Эти две цели – профессиональная и общая (сословная) – семинарского воспитания и обучения совершенно разнородны. Их соединили механически, только внешним образом. От этого искусственного соединения двух разнородных требований и происходит великое множество всяких недоразумений и затруднений в жизни семинарий и всего русского духовенства. Из этой двойственной цели семинарского образования истекает и ненормальная постановка обучения и воспитания в современных семинариях»... «Были бы семинарии только пастырскими школами, – режим в них был бы один, строго пастырский; были бы они только сословными гимназиями, – режим в них был бы другой, но тоже определенный. В настоящее же время в семинариях наблюдается и то и другое, и семинарское начальство *volens-nolens* должно бывает соединять нечто несоединимое. От этого весь строй семинарии является весьма неопределенным, каким-то недоделанным». «По плодам надо познать и древо... Гнил корень, гнило древо, невкусны и плоды... Двойственность цели духовно-учебных заведений – вот тот корень, гнилая основа всего, вот где основная причина неизбежных следствий, злых следствий и последствий семинарской жизни, ее неурядицы, неопределенности. Болезнь – внутренняя, а не наружная; поверхностной мазью ничего здесь не вылечить, ничего не поделать. Гнил фундамент, и – значит – его (а не крышу и арабески) и заменить надо»¹⁵.

Что же делать? Как обеспечить для Церкви достойных кандидатов для пастырства и в потребном числе? Когда мы представим весь ужас того положения, до которого доведена современная школа, то это яснее всего и покажет, что мы должны отказаться от какой бы то ни было мысли оставить все по-старому, лишь подновивши те или другие части в этом старом здании. Нет, нужно построить совершенно-таки новое, особенное здание, а из старого взять только то, что окажется более или менее пригодным. О реформе духовной школы в последнее время составлялось множество проектов. С особым вниманием мы остановимся на проекте «Церковного Вестника», усиленно им защищаемом. Сущность проекта – в том, что четвертым классом семинарии должен заканчиваться курс общеобразовательной средней школы, в пятом же и шестом нужно сосредоточить специально богословские и пастырские науки и принимать сюда только желающих идти в пастыри. В эти классы нужно открыть доступ питомцам и других средних школ, желающим посвятить себя на служение Церкви Божией. Тогда где каждый решит сознательно, способен ли он воспринять на себя пастырское служение. Преосвященнейший Стефан раскрыл истинные намерения всех разделяющих этот проект, показал также, что осуществление этого проекта, которое обойдется без особенной ломки, отнимет у Церкви и тех кандидатов священства, сколько-нибудь сносных, которых дают теперешние семинарии. К его словам можно добавить нечто еще. Проект совершенно отрицает необходимость воспитания для пастырства. Как будто до окончания общего образования не нужно прилагать никаких трудов, никаких забот, чтобы вышел добрый пастырь! Бог Сам призывает Себе пастырей, – так воображают составители проекта. Нет, это – заблуждение! Призвание, как особенный дар благодати, не тотчас же ниспосылается, как только начал думать о пастырстве, а является уже в конце всех трудов и усилий, как венец и награда за них. Нужно прежде много поработать над очищением своего сердца, пережить бесчисленные устремления души к Богу, и Господь, видя наш подвиг, воспламенит нас неизреченной любовью к Себе, которой горят все истинные служители Его. Нужно прежде научиться приносить Ему святость, как жертву, на алтаре своего сердца, и тогда уже Он призывает нас приносить бескровные жертвы. Господь незримо, но осязательно помогает нам с первого же момента, как только мы стали искать его; но окончательно Он делает нас служителями Своими только когда увидит, что мы крепко привязались к Нему и не изменим Ему. Итак, нужен труд, нужен великий подвиг. Но ясное дело, что нужно создать и благоприятные условия для такого труда. Отрицать значение среды, обстановки можно только при крайне поверхностном взгляде на пастырское служение. Сама жизнь и является лучшей обличительницей защитников проекта «Церковного Вестника». Пусть они сосчитают:

а) сколько гимназистов и реалистов ежегодно поступают в семинарии;

б) сколько из них вообще идет в пастыри. Они могли бы насчитать разве что отдельные единицы. А ведь если бы было испытанное призвание к священству у светских питомцев, конечно – оно их побудило бы преодолеть все трудности поступления в духовную школу (да и трудности-то больше формальные!), тем более, что содержание в семинариях обходится вдвое, если не втрое, дешевле, чем во всех других школах. И сказанного уже достаточно, чтобы видеть, на каких шатких основаниях построен проект «Церковного вестника» относительно усовершенствования наших духовных школ. Но, в дополнение к сказанному, для большей убедительности еще можно привести отзыв об этом проекте «Церковных Ведомостей». В № 39 за 1905 г. на с. 1661 читаем следующее: «Известная необеспеченность нашего духовенства в соединении с трудностями духовного звания, конечно, немногих из кончивших курс в духовном общеобразовательном училище, как из кончивших курс в светских гимназиях, будет привлекать на специально-богословский курс, когда пред ними открываются двери университета, а из него и чрез него все возможные служения и ученые должности. Поэтому нельзя не полагать, что число поступающих в специально-богословские училища будет незначительно. Такой недостаток в лицах, получивших полное богословское образование, повел бы к тому, что епархиальные начальства вынуждаемы были бы возводить в священнослужительский сан лиц, не получивших богословского образования. С другой стороны, едва ли можно с достаточной основательностью надеяться на полное и строгое соотношение между общим и специальным образованием в духовно-учебных заведениях. Воспитывающиеся в общеобразовательном духовно-учебном

заведении будут возрастать в той мысли, что пред ними открыты все возможные поприща служения и жизни, а потому едва ли будут развивать в себе те расположения и направление, какие необходимы для пастырского служения. Надлежащего развития этих расположений и направления естественнее ожидать при таком устройстве духовно-учебных заведений, когда воспитанники и при изучении предметов общего образования будут иметь пред собой одну цель – приготовление к пастырскому служению, не развлекаясь иными целями».

Теперь войдем в более частное рассмотрение идеи о новой пастырской семинарии и выразим по этому предмету некоторые свои желания.

а) Низшей школой, имеющей целью подготовку контингента учащихся в реформированной семинарии, а равно также и церковных клириков, нужно сделать второклассные церковно-приходские школы. Но к существующим в них трем классам необходимо прибавить еще четвертый, главным образом в целях более прочного и сознательного усвоения программ (каковые при трехгодичном курсе обучения не могут быть пройдены вполне сознательно), большего развития учащихся, увеличения у них времени для письменных работ и внеклассного чтения, а также и в целях некоторого расширения программ по церковному уставу, дидактике и географии. Кончившим курс этих четырехклассных школ и способным к пению и составлению хора предоставить право поступления на места псаломщиков, закрыв в то же время доступ в клир отбросам монастырей и учебных заведений. Лучшие же по успехам и поведению из окончивших в преобразованных второклассных школах и поступают в духовную семинарию. Курс этой последней должен быть 6-летний. Это – наименьший срок, в течение которого приобретаетась достаточная духовная зрелость, позволяющая быть пастырем. В семинарию принимаются дети не моложе 14 лет и не старше 17 лет. Доступ должен быть открыт и для таких детей, которые не проходили второклассной школы, но которые хорошо усвоили курс ее. Прием должен состояться по экзамену. Для окончивших второклассную школу экзамен должен быть только поверочный (для лучших учеников он не будет в тягость); для всех остальных – в полном объеме курса этой школы. Само собой разумеется, что пастырская семинария должна быть открыта для всех сословий, конечно – и для крестьянского. Но нужно поставить необходимейшим условием, чтобы сюда принимались только наилучшие дети и в умственном и нравственном отношении, первенцы народа. Для сего нужно вменить в священнейшую обязанность всем причтам, чтобы они рекомендовали в семинарию только действительно достойных мальчиков – таких, которые им хорошо известны и по школе, и по церкви, и по домашней жизни, и без таковых-то рекомендаций никаким образом не допускать до экзаменов. Если бы оказался наплыв желающих поступить в пастырскую семинарию, гораздо лучше и безопаснее отдавать предпочтение детям бедных и неимущих родителей, нежели богатых. Дети последних, живя в полном обеспечении, скорее могли бы прельщаться мирскими профессиями и охладевать в ревности к пастырству. «Буяя мира избра Бог, да премудрая посрамит, и немощная мира избра Бог, да посрамит крепкая. И худородная мира и уничиженная избра Бог, и не сущая, да сущая упразднит» (1Кор.1:27–28). Впрочем, нельзя закрывать двери пастырской школы для детей хотя бы и состоятельных родителей, но выражающих твердое и непреклонное желание видеть в своих детях будущих молитвенников пред престолом Божиим, если вместе с тем и воля детей вполне согласуется с волей родительской. Это должно быть предоставлено благоразумию местных начальств. Если бы питомец пастырской семинарии с годами стал решительно отказываться от пастырства, невзирая на все увещания родителей и начальства, школа и не должна его держать. Пусть он заблаговременно и оставляет эту школу, из которой нет другого выхода, кроме как в пастыри.

б) По условиям современной жизни пастырь Церкви должен обладать возможно широким научным образованием. Не говоря уже о специально богословских науках, которые должны быть ему хорошо известны, он должен также в достаточной степени быть знаком и с науками светскими, общеобразовательными; посему и эти последние должны входить в программу семинарского курса. Впрочем, первое место в семинарском образовании все же должно быть отведено наукам богословским, а все остальные предметы должны играть роль второстепенную, т. е. должны являться или подготовительной ступенью к изучению богословия, или науками вспомогательными для богословия, как например, философия. Такая постановка учебного дела, между прочим, принята в католических семинариях, где вся система образования юношества, по отзывам людей знающих, отличается единством и цельностью плана, строгой логической

последовательностью и неуклонным достижением намеченной цели, а это все – достоинства, и для нас не маловажные.

в) Признавая необходимым давать будущим пастырям возможно широкое научное образование, в то же время должно стараться избежать той крайности, которая замечается в теперешней семинарии. Современная семинария, можно без преувеличения сказать, подавляет всякую самостоятельность учащегося. Она сообщает ему такое обилие сведений, что юный неокрепший ум решительно не успевает всего переработать. Это – непосильная задача подчас даже для лучших, способных учеников, каковых в классе всегда бывает меньшинство. Оттого школа больше развивает механическую память учащихся, чем их ум. Это нередко порождает в учащихся отвращение к богословской науке, а потом незаметно чувство это переносится и на семинарию и даже на само пастырское служение. Посему, при составлении учебных программ для будущих семинарий, непременно надобно иметь это в виду. Пусть у будущих питомцев семинарии будет больше времени для самостоятельной работы мысли, для более тщательного выполнения письменных задач и для чтения книг из семинарской библиотеки.

г) Ректором пастырской семинарии пусть будет по-прежнему или лицо монашествующее, или из белого духовенства. Вносить какой-либо принципиальный антагонизм между белым и монашествующим духовенством, когда все служим одному общему делу Церкви, было бы не по заповеди Христовой. Но, кто бы ни был ректор – архимандрит или протоиерей, необходимо одно главнейшее условие: пусть он будет одушевлен пастырскими идеалами. Нужно, чтобы заранее он был хорошо известен местному епископу и только по представлению его утверждался высшей властью. То же самое нужно сказать и об инспекторе. Светский инспектор в пастырской семинарии – это абсурд. Преподаватели богословских предметов также все должны носить священный сан. Это – *conditio, sine qua non*... Но найдутся ли в достаточном числе люди с высшим богословским образованием, которые бы изъявили готовность принять священный сан? Найдутся, если одновременно с семинариями будут преобразованы и духовные академии, и преобразованы в таком именно направлении, чтобы питомцы их, по окончании академического курса, не чуждались служения Церкви, как это замечается в большинстве случаев в настоящее время. Притом же было бы весьма полезно увеличить и число духовных академий, а равно и облегчить доступ в них окончившим курс в духовных семинариях. Если на предстоящем Поместном Соборе будет принято разделение русской Церкви на митрополичьи округа, то следовало бы хотя со временем устроить так, чтобы в каждом митрополичьем округе была своя духовная академия. Тем же преподавателям семинарии, которые состоят в священном сане, лучше всего поручить и воспитательный надзор за учениками, определив им за это известное вознаграждение. Институт помощников инспектора должен быть упразднен. Все вообще дело воспитания в будущей семинарии должно быть ведено в церковном духе, и все порядки семинарской жизни должны неуклонно преследовать одну цель – приготовить из воспитанника ревностного и благоговейного служителя Церкви.

д) Остается сказать еще несколько слов относительно того, на какие средства должны содержаться пастырские семинарии. Разумеется, на средства казны. Так как семинария будет школой всесословной, то справедливым является, чтобы государство не только не отнимало тех средств, которые отпускаются на семинарию из Государственного казначейства теперь, но еще увеличило бы этот отпуск, хотя бы, например, для того, чтобы возвысить жалованье преподавателям семинарии, которые в настоящее время обижены вознаграждением за свой труд по сравнению с преподавателями светских учебных заведений. Следует по справедливости обратить также на содержание семинарии и местные епархиальные средства, которые ныне идут на содержание духовных училищ. Без сомнения, в пастырскую семинарию будут отдавать своих детей лишь бедные родители, – и нужно, чтобы все воспитанники семинарии содержались на синодальный или епархиальный счет.

О приобретении церковной собственности

Этот небольшого объема вопрос имеет весьма важное значение в ряду вопросов, касающихся обновления церковной жизни в России и выдвинутых преобразовательными стремлениями последнего времени. Значение его гораздо шире, чем оно представляется с первого взгляда: с ним не без основания связывается не только вопрос о благоустройстве каждой церкви и каждого прихода в отдельности, но и многие другие вопросы общего характера, имеющие значение в жизни общегосударственной.

Церкви нужны средства, и средства немалые, не столько, может быть, на поддержание храмов в должном благолепии, сколько на дела благотворительности. Благотворительность же настолько важна для Церкви, что без нее жизнь церковная как бы отсутствует, благотворительность – это цвет и плод той веры Христовой, которой связываются христиане в союз церковный, которой они одушевляются, но которая без дел благотворительности мертва. Поэтому-то с самых первых, можно сказать, дней христианской Церкви благотворительность была одним из главнейших предметов, на которые простирались заботы ее представителей. Когда, по сошествии Святого Духа на апостолов, народ стал тысячами обращаться к вере Христовой и образовалась в Иерусалиме первая Церковь, тогда все входившие в нее, которые владели землями или домами, продавали их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов, и каждому давалось – в чем кто имел нужду, и не было между ними никого нуждающегося. Ап. Павел, как известно, во время своих путешествий с проповедью Христова учения, насаждая новые Церкви, собирал пожертвования и отсылал в Иерусалим; к благотворительности он побуждает церковные общины и в своих посланиях. Даже и в тяжкие времена гонений взносы христиан на благотворительность не прекращались. Так называемая касса благочестия имела назначением пропитание, содержание, погребение неимущих и сирот, вообще – облегчение участи несчастных. По прекращении гонений церковная благотворительность расширилась и приняла характер общественной организации: на ее счет строились и содержались храмы, училища, содержались странноприимные дома, лечебницы; при ее помощи выкупались пленные и содержимые в темницах за долги и т. п. Так было в древней вселенской Церкви. То же самое видим и в древней русской Церкви. Церковная казна и земля употреблялись одинаково и на нужды церкви и на нужды прихожан. Церковные деньги и хлеб давались нуждающимся и в долг без «лихвы» (беспроцентно) и безвозвратно. Но – что особенно важно – благотворительность в древней Руси ставилась прямо под защиту и покровительство Церкви, почему все лица, как благотворимые, так и служившие делу благотворения, считались людьми «церковными», в числе коих в уставе ев. князя Владимира именуется «поломник», «лечец» (лекарь), «стороник» (странник), «слепец», «хромец» и т. п. Столь широкая церковная благотворительность требовала, конечно, и больших материальных средств. Случайных добродетельных даяний, поступавших в церковь на добрые дела, было недостаточно; нужны были средства постоянные и прочные. Уже древние канонические постановления говорят о церковных землях (например, Карф. Соб. пр. 42-е). Позднее, по византийским законам, церкви пользовались правом приобретать движимые и недвижимые имущества всеми законными способами: по завещанию, посредством покупки, мены или дара.

В нашей русской Церкви в допетровский период церкви и монастыри владели также правом приобретения всякой собственности на общих основаниях закона. Монастыри владели землями, лесами, вотчинами; для большинства же церквей источником средств служила земля. Но в 18 веке у монастырей отобраны были вотчины. Потом было ограничено, а затем и вовсе отменено приобретение вновь недвижимых имуществ всеми духовными установлениями¹⁶. Узаконения в этом смысле имели в виду главным образом архиерейские дома и монастыри и истекали из убеждения правительства в необходимости, с одной стороны, положить предел чрезмерному увеличению монастырских вотчин, с другой – поддержать дух подвижничества, начавший ослабевать от привлечения в обители соединенной с богатством роскоши. Только в истекшем столетии, после разрешения вновь архиерейским домам и монастырям приобретать имущества, но не иначе как с особого на каждый случай Высочайшего соизволения, тот же порядок Высочайше утвержденным 4 января 1819 г. (ПСЗ № 27 622) положением Комитета Министров распространен на приобретение недвижимых имуществ также и церквами (1830 г. 10 июня № 3792 Св. Зак., т. 9, 1899 г., ст. 443).

В настоящее время порядок приобретения церквами собственности определяется статьями 984, 985 и 1429, т. 10, ч. 1 Св. Зак. (1900 г.), а также статьей 443 т. 9 (по изд. 1899 г.), из коих первая говорит о приобретении движимого имущества, вторая – о приобретении архиерейскими домами, церквами и монастырями недвижимого имущества посредством дара, а третья и четвертая – о приобретении церквами и монастырями недвижимого имущества посредством покупки. Все статьи закона ограничивают право приобретения церквами и монастырями обязанностью испрашивать на приобретение недвижимого имущества каждый раз особое Высочайшее разрешение. Хотя нельзя указать случая, когда бы акт того или другого приобретения церквами и монастырями недвижимого имущества не получил Высочайшего одобрения, тем не менее существующее ограничение весьма стеснительно для Церкви. Оно замедляет дело приобретения имущества и служит причиной того, что церквами могут быть приобретаемы имущества только по завышенным против обыкновенных покупателей ценам. Освободить церкви и монастыри от указанного стеснения было бы только делом справедливости и облегчило бы для церквей возможность развивать приходскую благотворительность.

С вопросом о приобретении церквами имущества имеет связь вопрос о том, кому предоставить право юридического лица при укреплении за церквами недвижимого имущества: церкви или приходу? Хотя общая практика гражданского судопроизводства (на основании ст. 984 и 985 ч. 1, т. 10) такова, что юридическим лицом при укреплении за церквами недвижимых имущества является церковь, а не приход, но прямых законов, лишающих приход права юридического лица, нет. Поэтому в судебной же практике являются возможными случаи и признания прихода юридическим лицом. Не далее, как в 1902 г., Сумский окружной суд, руководствуясь ст. 980 ч. 1 т. 10 и ст. 134 Устава дух. консистории, укрепил за одним приходом пожертвованную ему землю. Важно при этом то, что в последнем случае суд основался на решениях Правительств. Сената. Таким образом, на основании наших законов возможно укрепление приобретаемого церковью имущества и за приходом и за церковью. Но это далеко не безразлично как для крепости владения имуществом, так и в отношении прав пользования им. С одной стороны, чем неизменнее единица, признаваемая юридическим лицом, тем, конечно, крепче владение имуществом. С другой стороны, если приход является юридическим лицом при совершении акта укрепления приобретаемого имущества, то он является и полным хозяином его, а это уже противоречит каноническим правилам (Апост. пр. 38-е, 41-е).

Что касается вопроса о большей неизменности юридической единицы, то по этому вопросу определенно высказался Св. Синод в 1883 г., по поводу ходатайства Московского губ. земского собрания о признании за приходом прав юридического лица. Признавая приход за особую церковную единицу, Синод полагал однако ж, что более неизменной единицей нужно признать церковь. И с этим нельзя не согласиться. Посему права юридического лица при укреплении недвижимого имущества следует оставить за церковью, а не за приходом, хотя в распоряжении церковным имуществом в интересах оживления приходской жизни желательно было бы предоставить право участия и прихожанам.

Епархиальные съезды духовенства

Древняя Церковь не знала епархиальных съездов духовенства. Были при епархиальных епископах «советы епископов», состоявшие из подчиненных епископу и им назначенных священнослужителей. Но это были учреждения постоянные, и в отношении к епархиальному управлению им отчасти соответствуют наши духовные консистории. Если бы последние исключительно зависели от епархиальных епископов, то это и были бы древние «советы епископов». Существующие епархиальные съезды духовенства допустимы с канонической точки зрения, но под условием полнейшей их зависимости от епископа. Если епархиальным съездам дать церковно-административную власть в епархии с каким бы то ни было ограничением власти епископов, то они стали бы антиканоничными. Потому-то существующими правилами о съездах последние в своих решениях всецело подчинены власти епископов. Эти правила вполне удовлетворительны и требуют не изменения, а только подтверждения, так как в настоящее время часто забываются, и редкий епархиальный съезд проходит без каких-либо выходов, направленных против епархиального начальства.

Главное назначение наших епархиальных съездов – это изыскание материальных средств на содержание духовно-учебных заведений в епархии, а затем – улучшение материального положения вдов и сирот духовных, заштатных священноцерковнослужителей и вообще всего духовенства епархии путем обложения денежными взносами церковных причтов, церквей и монастырей, устройства свечных епархиальных заводов, эмеритальных касс, страхований и т. п. Такое назначение епархиальных съездов как будто дает им одностороннее своекорыстно-сословное направление и развивает в духовенстве несоответственный церковному служению материальный, коммерческий характер: общие церковные средства обращаются на удовлетворение сословных интересов духовенства; от имени Церкви духовенством изобретаются финансовые предприятия, коим другие классы общества, также принадлежащие Церкви, не сочувствуют. Но следует заметить, что в Церкви, или – в данном случае точнее – у духовенства, по необходимости должны явиться своего рода материальные хозяйственные интересы, когда возникает нужда о попечении лиц, помимо служения Церкви не имеющих других источников для своего материального существования. И в древности обсуждению подобного рода интересов давалось место на церковных соборах. Бесспорно однако, что не одни хозяйственные интересы должны составлять предмет попечения Церкви и обсуждений в собраниях духовенства. Попечения ее и обсуждения требуют еще более церковные интересы: религиозные, нравственные, духовно-административные и т. д. Если епархиальным съездам предоставить обсуждение всех этих вопросов с привлечением в число членов съезда и мирян, то, само собой, должна устраниться односторонность в направлении епархиальных съездов. С другой стороны, тогда епархиальные съезды явятся средством более или менее тесного единения духовенства с мирянами, а для епископа – кроме того – лучшего, чем теперь, ознакомления с нуждами, потребностями, вообще с жизнью своей паствы. Ввиду всего этого можно, пожалуй, расширить круг обязанностей епархиальных съездов духовенства с допущением к участию на них и мирян. В таком случае должны подвергнуться изменению существующие правила о епархиальных съездах духовенства, – изменению, конечно, в строгом соответствии духу древних канонов, т. е. епархиальные съезды духовенства должны иметь лишь совещательное, а не правительственное значение; они собираются затем, чтобы дать возможность епископу ближе ознакомиться с мнениями и потребностями паствы и помогать ему советами лучших людей в управлении паствой, а не стеснять его власть и не противодействовать; епископ собственно есть ответственный (нравственно и официально) правитель епархии; и никакое постановление какого бы то ни было епархиального съезда, никакое мнение большинства не могут освободить его от ответственности за какую-нибудь принимаемую по епархии меру, если этой меры не одобряет его собственная мысль и совесть.

Говоря вообще о реформированных в вышесказанном смысле епархиальных съездах, последние представляются нам в таком виде. Как важнейший орган общения епископа с паствой, епархиальные съезды имеют в епархии особенное значение. Они собираются по крайней мере однажды в год; но в особенных случаях, при обсуждении каких-либо не терпящих отлагательства обстоятельств и важных мер, касающихся епархии, они собираются и более, всякий раз по распоряжению епископа, как по распоряжению же епископа они и распускаются.

Предметом занятий съезда служит, во-первых, изыскание материальных средств на содержание духовно-учебных заведений в епархии и улучшение материального положения духовенства. Руководствующими в этом случае правилами съезда могут оставаться ныне существующие без всякого изменения их. По выполнении съездом этой его первой задачи, епископ может, если найдет нужным, расширить программу занятий съезда включением в нее для обсуждения таких вопросов, которые касаются разных сторон епархиальной жизни: народной веры и нравственности, религиозного образования народа, духовного образования пастырей, епархиального управления, благотворительных заведений и т. п. Вместе с тем епископ пополняет состав членов съезда новыми, по своему выбору, членами как из духовных, так и мирян, и лично председательствует на собраниях, если пожелает, или поручает председательство лицу по собственному своему выбору. Вопросы, подлежащие обсуждению на этих пополненных новыми членами собраниях съездов, объявляются заблаговременно, чтобы дать возможность членам собрания иметь сколько-нибудь определенное мнение по ним, предварительно обсуждения на собраниях съезда. При обсуждении вопросов на собраниях могут возбуждаться и обсуждаться вопросы и не указанные заблаговременно, но не иначе как с ведома и разрешения епископа. Обсуждение предложенных собранию вопросов ведется открыто. Каждый член собрания, пользуясь своим совещательным правом, высказывает свои мнения, суждения, решения по тому или иному обсуждаемому вопросу; но все постановления съезда тогда только получают силу и значение, когда утвердит их своей властью местный епархиальный епископ.

Об участии священнослужителей в общественных учреждениях

Около 40 лет у нас существуют городские, земские и сельские учреждения, в которых выбранные от местного населения лица обсуждают предметы, касающиеся местных нужд и пользы населения. Но священнослужители доселе не имели места в этих учреждениях и таким образом стояли в стороне от общественного дела. Ни в земских, ни в городских учреждениях духовенство, по силе действующих положений, не участвует так, как участвуют лица, принадлежащие к прочим сословиям, хотя священнослужители, как представители церквей и монастырей, обладающих очень значительным имущественным цензом, имели бы на это полное право. П. 2 ст. 32 Город, положения им воспрещено участие в выборах, и церкви и монастыри поэтому, не вносятся в избирательные списки¹⁷. Вместо выборных духовных лиц в городские и земские учреждения входят лишь депутаты Духовного Ведомства, назначенные епархиальным начальством. В сельских сходах духовенство также не участвует. От такого положения дел много теряли и Церковь, и общественные учреждения, и само духовенство. Церковь лишалась надлежащей и естественной защиты своих интересов, учреждения – одного из лучших общественных элементов, а духовенство – необходимой связи с обществом. Не отселе ли, между прочим, ведет свое начало взаимное отчуждение и непонимание между Церковью и светским обществом? Не этим ли отчуждением от общественной жизни объясняется также всеми признанный теперь упадок церковной проповеди, ее бессодержательность, отвлеченность, сухость и – отсюда – ее слабое влияние на общество?

На каком же основании духовенство устранилось доселе от участия в делах общественных? «Устранение лиц духовного звания (говорится в разъяснении к 32-й статье Город, полож., на основании журнала Госуд. Совета 1890 г.) от участия в земских и городских выборах мотивировано тем, что такое участие духовенства в земском представительстве противоречит каноническим правилам и вместе с тем нередко увлекает духовных лиц в борьбу партий, к явному ущербу для их положения в среде паствы»¹⁸.

Насколько же такие соображения основательны? Несомненно, что, участвуя в общественной жизни народа, духовенство будет вовлечено в борьбу, потому что и сама жизнь есть борьба добра и зла. Но что дурного в том, если пастырь Церкви, руководясь идеями справедливости и общественного блага, будет стараться дать в общественной жизни этим идеям верх и торжество? Это не только не будет унижать пастыря Церкви, но, напротив, должно возвышать его в глазах общества. Иное дело – партийность как особая склонность к своего рода игре в общественные отношения, соединенной со своекорыстием и интригами. Она действительно может унижить пастыря Церкви. Но нужно полагать, что он более чем всякий другой способен стать выше интриг и своекорыстных расчетов. А тот пастырь, в котором есть эта склонность к партийности, не освобождается от нее и тогда, когда он лишен возможности принимать участие в делах общественных учреждений: она выльется у него лишь в другие формы, может быть, – более мелкие и, следовательно, более унижающие его положение в среде паствы.

Что касается канонических правил, которым будто бы противоречит участие духовенства в общественных учреждениях, то здесь обыкновенно разумеются 6-е и 81-е правила апостольские. 6-е правило апостольское повелевает: «Епископ, или пресвитер, или диакон да не приемлет на себя мирских попечений». А 81-е правило говорит: «Не подобает епископу, или пресвитеру вдаваться в народные управления, но неопустительно быти при делах церковных... Ибо никто же может двум господам работати, по Господней заповеди». Последнее правило по-видимому ясно запрещает пастырю Церкви участвовать в общественных светских учреждениях с целью воздействия на управление общественными делами. Но как нужно понимать эти канонические правила, приведенные нами, – о том свидетельствует сопоставление их с другими. Апостольские правила 44-е, 20-е, 83-е говорят вообще о занятиях мирскими делами, соединенных с лихою, корыстолюбием, – и такие дела, конечно, не соответствуют пастырскому служению. 10-е правило 7 Всел. Собора говорит о тех священниках, которые оставя свои приходы, водворялись у мирских начальников и вельмож, «занимали у них мирские должности». 3-е правило 4 Всел. Собора говорит, что «некоторые из принадлежащих к клиру, ради гнусного прибытка, берут на откуп чужие имения и устрояют мирские дела, о Божьем служении не брегут, а по домам мирских людей скитаются и поручения по имениям приемлют из сребролюбия». В таком значении понимают устройство мирских дел, запрещаемое пастырям Церкви, и знаменитые восточные

канонисты Аристин, Зонара и Вальсамон. Последний в своем толковании 3-го правила 4 Всел. Собора говорит: «Устроить мирские дела – значит, когда кто-либо из корысти вступает в чужие хлопоты или дела, принимая на себя заботы и мирские беспокойства и тяжбы, и из сребролюбия принимает поручения по управлению чужими имуществами»¹⁹. Применяясь к такому пониманию канонических правил, на которые указывают, как на препятствие к участию духовенства в общественных учреждениях, можно скорее запретить ему занятие должностей экономов, казначеев, заведование свечными епархиальными заводами и т. п., чем служение делам общественным, где бескорыстие, отсутствие личных интересов должны быть чертами желательными и предполагаются сами собой.

Напротив, общий дух и, так сказать, тенденция учения древней Церкви, выразившиеся в учении отцов и канонов, склоняются к тому, чтобы побудить пастырей, во имя любви к ближнему, завещанной Церкви Христом, входить во все подробности мирских нужд и потребностей общества, – потому, без сомнения, что высшие цели Церкви, духовные, небесные, достигаются и осуществляются здесь на земле путем наших дел и взаимных общественных отношений. В эти-то отношения пастырь и должен внести свое просветительное влияние в духе чистых христианских начал.

Св. Василий Великий, указывая в своем 70-м нравственном правиле, что должны делать те, кому вверена проповедь Евангелия, между обязанностями их звания упоминает и о том, что «к вверенным они должны быть сострадательны и в телесных их нуждах и заботиться о них». Такой же настоятельный совет дает пастырям и св. Григорий Двоеслов. «Нельзя, – говорит он, – одобрить тех пастырей, которые посвящают свои занятия исключительно одним духовным предметам, так что внешние нужды паствы для них как бы не существуют». Занимаясь созерцанием, стремясь в горня, пастырь в то же время должен относиться с участием и ко всем мелочам людским, к немощам и заботам плотского человека, подобно ап. Павлу, выпренным умом своим восходившему до тайн мира ангельского, а жалостливым сердцем нисходившему до тайн супружеского ложа. Замечательна мысль, проводимая отцами Церкви о том, что широкое участие священнослужителей в делах общественного служения в сфере деятельной христианской любви способствует установлению тесной связи с обществом. «Чем чаще будет видеть тебя народ делающим доброе, тем больше возлюбит тебя», – говорит св. Амвросий Медиоланский.

Тот же взгляд на участие духовенства в делах общественных учреждений отразился и в древнем византийском законодательстве, которое, со времени Константина Великого и объявления христианской Церкви господствующей, призвало духовенство, в лице его представителей-епископов, к самому широкому участию в делах управления. Для них открыты были многие пути к участию в суде и администрации, причем это участие епископы обыкновенно делили с почетнейшими гражданами той или другой местности. Так, городскому начальству вменено было в обязанность действовать, при назначении опекунов и попечителей к малолетним и несовершеннолетним, вместе с епископами значительными лицами города, если таковые есть. Епископам предоставлено было право участвовать в выборе должностных лиц по городской администрации и даже указывать достойного кандидата на должность начальника провинции. Епископ вместе с почетными гражданами имел право контролировать целесообразность употребления городских доходов, принимать отчеты от администраторов, следить за уравнительностью распределения воды между обывателями, не допускать незаконного обременения граждан произвольными налогами и повинностями и проч. Епископы контролировали образ действий провинциальных наместников и о всяком притеснении населения с их стороны, в особенности об отказе в правосудии, должны были доносить императору, равно как следили вообще за образом действий всех судей и чиновников²⁰.

Наша русская Церковь в своем прошлом никогда не стояла вдали от жизни народной и государственной, и русская государственность воспиталась и выросла в непосредственной с ней связи. И у нас духовенство имело большое значение в сфере гражданской жизни, особенно в удельно-вечевой период. Оно является на вечеах и участвует в избрании князя. Сами князья приглашают к себе епископов и игуменов для решения разных вопросов чисто гражданского свойства. Особенно своим вмешательством духовенство много способствовало ограничению кровавых распри между удельными князьями в этот период. Когда князья хотели мирно решить те или другие спорные вопросы, обыкновенно приглашали на общий съезд и представителей духовной власти; так, например, решен был вопрос о разделе владений между Святополком,

Олегом и Владимиром Мономахом. Епископы или игумены являются часто послами от области, города или князя для заключения мира, для разных ходатайств и проч. Они же скрепляют договоры между князьями, давая им целовать крест. Они принимают участие и в решении новых вопросов внешней и внутренней политики, собираясь то на вече, то на княжеском дворе. Правда, это влияние впоследствии, с усилением государства, постепенно ослабевает, но все-таки духовенство до конца 17 в. сохранило право участия в гражданских делах, являясь на так называемые земские соборы, которые нередко собирались царями в особо затруднительные для государства времена. Епископы же присутствовали и в царской думе – постоянном совещательном учреждении, помогавшем царю в управлении государством, – единолично или со своим «освященным собором».

При такой широкой гражданской деятельности, древнерусское духовенство не только не терпело ущерба в своем положении среди паствы, напротив, – пользовалось большим уважением.

Итак, ни духовная высота пастырского служения, ни церковные каноны не служат препятствием священнослужителям к участию в общественных учреждениях; напротив, именно самый долг и польза этого служения, не говоря уже о пользе общественной, и завет древней вселенской Церкви и нашей русской – побуждают их к этому участию.

№49, преосвященного Владимира, епископа Екатеринбургского, от 17 ноября 1905 года

Согласно требованию указа от 27 сего июля за № 8, изложить мои суждения на дело предполагаемого созвания Поместного Собора Российской Церкви, разделение управления на митрополии, преобразование церковного управления и суда, о приходах, духовной школе и проч., почитаю долгом представить по данным вопросам на пользу святой Церкви следующие соображения.

Помню, в семидесятых годах прошлого столетия читал я статью покойного А.Н. Муравьева в журнале «Русский Архив» о неприложении к жизни нашим церковно-государственным управлением канонов Вселенских и Поместных Соборов к руководству жизнью христиан в Церкви. Сознаюсь, что религиозное мое сознание пришло тогда в ужас от несоответствия идеала церковности с действительностью. Размышление о сем отступлении жизни от закона было чуть ли не главною причиною желания моего служить Господу Иисусу только не в России, а в Японии. Если бы не болезнь, вероятно, жил бы там до настоящего времени. Теплохладность обрядовой религиозности, формалистика епархиального и духовно-школьного управления, безжалостность к голодным духовно народным массам в России со стороны духовенства и государства – располагали меня потом с ревностью трудиться в Америке для того, чтобы, если возможно, не возвращаться на родину. Но Бог попустил расположиться обстоятельствам не по моим желаниям. В Воронежской и Оренбургской епархиях у меня не было жалости к себе в длинных и частых разъездах для того, чтобы проповедью Евангелия и учреждением церковно-приходских школ способствовать поднятию в духовенстве и народе религиозного сознания истинной церковности, которая нераздельна от понятий о святой каноничности и соборности церковного устройства и жизни. К тому же направлялись и частные беседы и письма к друзьям. Ясно было мне, что редкость созвания соборов в допетровской Руси объяснялась малочисленностью русского епископства, деспотическим, почти владельческим отношением архиереев к духовенству, к народу и нежеланием древнерусской государственной власти часто тревожить себя созывом соборов, вследствие редкости появления ересей и государственно-принудительного характера и церковного управления. Главной причиною соборов апостольского и доконстантинопольского периода святой Церкви, а потом – Вселенских Соборов и Поместных, была борьба с разномыслием и ересями. В Россию православие и греческий уклад гражданской жизни пришли готовыми, ереси появлялись очень редко, государи русские взяли под свою крепкую охрану церковные учреждения во всей их многосложности. Часто ревностью к охране устоев православия князья иногда превосходили самих иерархов. Страшно подумать, какими потрясениями Церкви и общества сопровождалась борьба с ересями Вселенской Церкви, сколько было изгнаний еретиков и православных после разных соборов, сколько козней, сколько убийств вождей церковных и гражданских при приведении императорами постановлений Вселенских и Поместных Соборов! Отсюда произошло бесцеремонное нарушение церковных законов, а потом всем врагам православия дано право вредить Церкви, унижать иерархию. Сколько было еретических соборщ, усиливавшихся быть поместными и вселенскими соборами! Сколько вносили смуты и разделения в жизнь православной Церкви греко-римские императоры еретического направления! Появились целые школы историков, которые в религиозных раздорах видели главную причину падения Греко-Римской империи. Разделением Церквей, произволом папизма и непомерной подчиненностью светским властям православно-восточных Церквей объясняется постепенное ослабление религиозности в массах народов. Петр Великий, несомненно, был несколько знаком с историей византийской и западноевропейской. Он боялся соборов, монастырей и церковных раздоров как огня: видел в раздорах гибель государства, потому к раскольникам относился как к государственным преступникам. Некоторые его преемники держались тех же взглядов. Покойный мыслитель В. Соловьев в своем памфлете на гр. Л. Толстого «Три разговора» утверждает, что в его время государственные люди твердили: «Поменьше говорите о религии». Под видом внешнего покровительства св. Церкви в России давно уже проявлялось у многих наших государственных людей едва скрываемое недоброжелательство к ней. В некоторых случаях обнаружения духовенством нравственного контроля над жизнью православного общества сильные мира сего относились с явною нетерпимостью и преследовали проповедников. Давно уже у нас в жизни церковной ценилась

«тишина», хотя бы под ней скрывался индифферентизм в борьбе со злом и беззаконием; а люди, обязанные к тому долгом служения, клирики часто игнорировали правду в жизни Церкви; в результате политики замалчивания явилась такая безнравственность, что преосвященный Иннокентий называет российскую Церковь сборищем блуда, разбоя. Еще Петром Церковь была вдвинута в рамку государственности: она стала простым ведомством. Чем ближе к настоящему времени, тем больше она теряла свой облик прекрасной мужественной невесты Христовой и омирщалась. Соборность – душа Церкви – исчезла совсем в Петровский период России. В постоянном собрании нескольких епископов Св. Синода нельзя признать образа соборности. Вместо молитвенного выражения соборной веры: «изволися Св. Духу и нам», при каждом рассмотрении дела Св. Синодом и решении там действовали предложения обер-прокурора, часто указы и приказы светской власти. Деяния Вселенских и Поместных Соборов никогда не формулировались указами мирского величества. Сажали туда прежде в число архиереев и простых протоиереев. Приснопамятный исповедник, архиепископ Тверской Феофилакт Лопатинский говорил, что, если бы в Синод временщики посадили и протестантских пасторов, то никто бы возразить не посмел. Следовательно, учреждая Синод, светская власть, несмотря на оговорку, что власть его будет в жизни церковной больше патриаршей «понеже сбором», на самом деле чрез него проводила свое намерение сделать святую Церковь орудием своей политики: моему хотению не препятствуй и всячески восхваляй. Государственные люди, пользуясь непротивлением Церкви, в продолжение двух столетий со своей мирской точки зрения опекали ее так успешно, что Церковь у нас почти обезличилась, почти потеряла нравственный авторитет и религиозную свою власть над образованными классами. В простонародье же, при незнании веры большинством, держится лишь жажда душевного спасения возможно легкими церковными способами, осталось еще отчасти обрядолюбие в народе. Статьи, известные под именем записок Витте, о параличе Церкви, неканоничности учреждения Св. Синода, и характеристика русской Церкви нововременским антихристианином Меньшиковым, как силы обезличенной и неспособной жить религиозными законами и своею нравственною мощью, – произвели на меня самое гнетущее впечатление. Дело омирщения Церкви так зашло далеко, что авторитет Церкви ослабел в народе и для поддержки всяких правительственных действий стал малоценен. Осталась лишь слабая надежда на то, что восстановление соборности дарует христианской жизни оживление, а может быть – и большее влияние на общество. Понятие о Церкви «Церковного Вестника» и упомянутые записки очень затрудняют наши беседы с раскольниками. Главное – в том, чтобы предположенный Собор был верен каноничности созыва и устройства прежних Соборов Поместных Церквей, т. е. чтобы действительными членами Собора были только епископы российской Церкви. Не дай Бог, если позовут на Собор и мирян: тогда будет пренебрежено 64-е прав. 6 Вселенского Собора, которое не дает права мирянам быть учителями Церкви. Требования либеральных иереев разных епархий, 32-х петербургских священников о том, чтобы на Поместном Соборе были его правовыми членами и священники и миряне, противоречит историческому преданию и духу св. Церкви, действительному устройству соборов, бывших во все века соборами только епископов с участием пресвитеров и диаконов лишь на правах совещательного голоса, с присутствием мирян-слушателей, всегда благоговейно безмолствовавших. На первом Вселенском Соборе большое влияние имел архидиакон Афанасий, но только совещательное. Говорил он ради того, что обладал высокими дарованиями духовными и был правою рукою и опорой Александрийского епископа, начавшего борьбу с еретиком Арием. Если на актах первого Вселенского Собора имеются подписи пяти пресвитеров, то, по преданию, они были местоблюстителями своих епископов, не прибывших по разным причинам на Собор. Знаем также, что неоднократно папскими легатами на соборах были пресвитеры. В качестве только местоблюстителей своих епископов иереи имели право голоса на соборах. Первообраз всех соборов – апостольский, изображенный в 15 гл. книги Деяний, показывает нам, что говорили на соборе и решили дела одни св. апостолы, епископы Поместных Церквей, во главе с св. ап. Иаковом Иерусалимским. Голос св. апостола Иакова, брата Господня, епископа Иерусалимского, был последним, решающим. Пресвитеры и миряне с ними безмолвно согласились, и грамоту общения к Антиохийской Церкви вместе с апостолами пресвитеры и миряне подписали с тем же благоговейным безмолвием и готовностью согласия с апостольскими постановлениями, которое всегда было присуще истинно верующим св. Церкви. В определениях Вселенских Соборов и канонических 9-ти Поместных всюду соборы именуются епископскими (37-е пр. свв. Апост; 1Всел. Соб. пр.5-е; 4Всел. Соб. пр.19-е; 7Всел. Соб. пр.1-е и

2-е; Антиох.пр.20-е; Карф.пр. 87-е; Лаод.40-е; 6Всел. Соб. пр.8-е; 7Всел. Соб. пр.6-е и проч.). Следует позвать на Собор пресвитеров – сведущих в истории канонов и церковной истории с правом совещательного голоса и непременно людей церковных, благоговейших перед духом Церкви, а не либералов, хотя бы и иереев-профессоров, разрушителей вроде глашатаев церковной ломки сообразно грешным современным вкусам к своеволию в «Церковном» и «Богословском Вестниках», «Миссионерском Обозрении», революционном «Русском Слове» и проч. Позвать и не получивших формального богословского образования на совещания Собора, но любовью к Богу и людям пресвитеров духовно-прозорливых и оказавших великие услуги православию, например, игумена Арсения и протоиерея Ксенофонта Крючкова. Не позволять говорить никому из мирян на Соборе, хотя бы и профессорам. Особенно не допускать до разглазольствий или репортерских извращений соборных суждений и деяний нововременских антихристиан – любителей и дилетантов церковности, выродившихся из славянофильства в поклонников плотской чувственности, современных николаитов. Нельзя скрывать того, что сила умственной дерзости и вражды против Церкви и самой веры находится теперь в руках полуожидовленной прессы. Если позволить мирянам во множестве присутствовать на Соборе, – они не будут благоговейно безмолствовать, как это было на древних соборах, потому что у публики и особенно газетных репортеров, – имя им легион, – нет прежней благоговейной веры и уважения к св. иерархии. Тогда умственная и особенно нравственная благодатная сила была на стороне клира. Теперь же, вследствие безверия, – дерзости мирян и прессы нет пределов. Влияние духовенства на так называемое образованное общество очень умалилось. Теперь идет усиленная пропаганда агитаторов и прессы противцерковных идей даже среди простого народа и среднего класса, чтобы их отнять у Церкви. Предстоящий Собор, если Государственная Дума не затормозит его созвание, надлежало бы собрать не в столичных городах, а в каком-нибудь большом пустынном монастыре. Там, без вмешательства народного множества, можно бы выработать правила и мероприятия для возвышения в духовенстве и народе религиозного самосознания, учительности клира и благочестия. Там же можно придти преосвященным иерархам к взаимному братскому соглашению для однородности действий в борьбе Церкви Божией с ее нынешними многочисленными и дерзкими врагами. Если Государь сам откажется от самодержавия и потому не будет иметь власти без согласия Думы созвать Собор, а думские радикалы захотят затормозить единственно спасительное для св. Церкви дело созвания Собора, тогда, основываясь на 20-м правиле Антиохийского Собора, каждый старейший первопрестольный иерарх-митрополит имеет право по церковному закону созвать на собор окрестных архиереев в предназначенное место – в монастырь. Если будет на соборе представитель государственной власти – хорошо; а если не будет, тогда определения собора приводить в исполнение духовными средствами, нисколько не прибегая к помощи мирских властей, как и делается это давно уже вполне успешно в японской Церкви²¹. При этом только условия мы избежим плачевной судьбы прежних соборов российских иерархов в Киеве, Казани, Иркутске. Покойный митрополит Киевский Иоанникий в разговоре со мной в Киеве горько жаловался на то, что большая часть постановлений соборов, полезных Церкви, но неприятных чиновникам, было просто спрятано ими и не обнародовано. Для того чтобы избежать такой участи и правилам возможного Всероссийского Собора, нужно, чтобы Церковь в своей внутренней жизни и дисциплине признана была государственной властью автономною. При конституции, вероятно, будет учреждено Министерство Исповеданий с начальственными полномочиями. Власть эта для развития внутренней жизни святой Церкви истинно религиозной может быть тяжелее обер-прокурорской. Преосвященные иерархи русской Церкви должны согласиться между собою проводить правила Собора в жизнь своими церковно-законными средствами, силою убеждения и святости церковных канонов. Не дай Бог, если постановления Собора опять будут переданы на формулировку и приведение в указной казенный порядок чиновникам центрального ведомства. Нужно для этого специальное учреждение из иерархов Церкви. Если же современный антиномизм и распущенность коснется и состава Собора и антиканонические вождения части духовенства и мирян найдут себе сторонников и между многими епископами, – тогда грозит опасность вместо полезного собора иметь нам «беззаконное и скверное соборище» (выражение 7 Вселенского Собора), которое последствием будет иметь раскол, и нужен будет новый собор для обсуждения. Повторяю: для избежания страшной опасности на Соборе должны быть одни епископы с допущением избранных немногих пресвитеров, и никому из мирян не позволять присутствовать на Соборе, если не обещают

безмолвие. Когда уже постановления епископского собора состоятся, тогда скажет свое слово духовенство и народ. Потом: Собор не должен быть в городе, а в хорошо обстроенном монастыре, где бы могли поместиться все архиереи, хотя бы и пришлось ради Господа потерпеть и некоторую тесноту.

Благодатная сила учительства и молитвенного тайнодействия заключается преимущественно в архиереях Церкви Божией; в них же – истинное преемство апостольское, крепость веры и благочестие; потому от них должна произойти сила, которая должна воскресить христианскую жизнь. Только архиереи могут воодушевить клир и народ на огромный подвижнический труд к возрождению религиозности, уважению к священным канонам и смиренному благочестию. Не следует особенно смущаться иерархии современными нападками рабов безбожного духа времени на представителей высшей нашей церковной власти. Спаситель сказал: если бы вы были от мира сего, мир бы любил вас; вы не от мира – мир вас ненавидит. О Самом же Себе сказал Господь: «Ненавидяй Мя ненавидит и Отца Моего». Сказал еще, что мир возненавидел Его напрасно. Он предсказал победу над миром. Злые и своевольные люди ненавидели Христа, ненавидят нас. Может быть, они после Собора учинят смятение. Но добрые всегда любили Христа, Его св. апостолов, любят и нас. Они всегда будут составлять силу св. Церкви, они помогут осуществлению в жизни постановлений Всероссийского Собора для всех жаждущих спасения. Если же плевелы отлетят, за то возможно будет с помощью Божией беспрепятственнее, без ненужного вмешательства светских властей, одухотворить и оздоровить жизнь церковную. Если епископы единодушно или большинством восстановят крепость древних канонов в устройстве Церкви и не потопят дело в формах огромного бумажного делопроизводства, которое уже, к сожалению, началось, то сила священного Собора и обязательность его постановлений, утверждающих законность, для всех истинно верующих и православных будет непреодолима.

Желателен председатель Собора выборный; желательна по всякому делу тайная подача голосов иерархов надписью на записках без обозначения имени, а для сокрытия почерка – писать славянскими буквами. Желательно решение всех дел большинством голосов и чтобы меньшинство беспрекословно повиновалось решению большинства, конечно – в пределах святости канонов. Желательно, чтобы председатель Собора имел два голоса. Желательно, чтобы секретари и делопроизводители постановлений Собора были из образованного монашеского духовенства, направления богобоязненного и благоговейного, не из карьеристов развязных.

Разделение Церкви на митрополии. Для возвращения православной нашей религиозной жизни от омирщения к оцерковлению необходимо российской иерархии восстановить священные каноны: 1 Всел. Соб. пр. 5-е, Антиох. пр. 16-е, по которым несколько самостоятельных епископий объединились бы для совместной работы в утверждении Царства Божия на земле в съездах соборов по дважды в год (Апост. пр. 34-е, 38-е) под председательством епископа главного провинциального города или митрополита, который, будучи епископом главного и обыкновенно большого провинциального города, начальствовал бы над епископами меньших, уездных городов провинции и руководил соборами. В древней Церкви в числе прав каждого митрополита были: благочиние (Апост. пр. 34-е; Антиох. 9-е), посещение других епархий (Карф. Соб. пр. 2-е), заведование праздными епископскими епархиями, избрание на соборе епископов и утверждение их (1 Всел. Соб. 4-е; Антиох. 19-е; 4 Всел. Соб. пр. 25-е, 28-е), созвание соборов, председательство, руководство ими (4 Всел. Соб. 19-е; Антиох. 16-е, 20-е), суд над епископами при участии собора епископов, а иногда и без такого участия (4 Всел. Соб. пр. 9-е; Антиох. 14-е; Карф. 11-е, 28-е, 37-е; Сард. 14-е) и проч. Тесное общение митрополита и подведомых епископов возможно было в Греко-Римской империи потому, что каждый уездный город и даже некоторые села имели своих епископов самостоятельных, в епархиях коих митрополит не мог ни учить, ни священнодействовать без согласия епископов (Кормчая гл. 58), а хорепископы были почти во всех селах. В России видим почти с самого начала введения христианства положение и отношения епископов между собой и к пастве иные. При огромных расстояниях епархий, плохих путях сообщения, немногочисленности епископов, число которых даже в 17 и начале 18 века колебалось между 16 и 20, отношения епархиальных епископов к соборам, к митрополиту, а потом к патриарху были мало похожи на отношения таковые в древней Церкви. Правда, и там еще в период Вселенских Соборов двукратные собрания епископов в продолжение одного года на митрополичий собор почти прекратились, и начали заводиться постоянные немногочисленные

съезды при кафедрах митрополитов и патриархов; но владельческих отношений, особенно – крестьянского рабства, между пасомыми и архипастырями в древней Церкви не вводилось. Соборность во внутренних делах Церкви там сохранялась; порабощения духовенства архиереям, а самих архипастырей светским властям в греческой Церкви в такой степени, как в России, не наблюдалось. Например, в Византийской империи государем утверждались в своей должности только патриархи Римский и Константинопольский, избранные соборами; остальные же патриархи, митрополиты и епископы избирались и утверждались соборами, т. е. исключительно церковной властью. Областному правителю или императору на утверждение не представлялись избранные иерархи; потому много архиереев было с истинно церковным направлением, пекущихся об устройении Царства Божия на земле и правды его, чуждых духа чиновничьего карьеризма, ласкательства сильных мира сего. Тогда влияние Церкви на общество и государство было значительно, и права епископов в государственной жизни были большие. Тогда, вследствие истинной церковности и малой зависимости церковной иерархии от произвола светских чиновников, государство видело в Церкви великую и обособленную от мелочей его политики нравственную силу (см. о правах греко-римских иерархов – Бердников. «Церковное право». С. 229–231). В России же очень редко при митрополитах собирались соборы для действительного избрания епархиальных епископов. При назначении их хотя соблюдалась форма избрания духовными соборами и властями, но главное влияние на такой выбор митрополита и епископа, после того как перестали ставиться у нас Цареградским патриархом греки, принадлежало, бесспорно, князю, веху, потом – царю, императору. Следует прочесть многое в русской церковной истории, особенно статью Каптерева («Богословский Вестник» апрель 1905 г.), чтобы убедиться, что даже в допетровской Руси, несмотря на религиозный строй жизни и благочестие некоторых государей, назначение патриархов, митрополитов и епископов всецело почти зависело от воли власти светской. За исключением немногих истинных рабов Божиих и святых, в том числе и мучеников режима, подбирались светскими властями патриархи, митрополиты и епископы – люди нравственно покладистые, уступчивые, человекоугодники. В допетровской Руси, при религиозном настроении государей и немногочисленности епископов, первые лично интересовались качеством избираемых лиц на высшие иерархические должности; поэтому был еще какой-либо религиозный смысл во вмешательстве светской власти в подборе качеств иерархии под предлогом блага Церкви и государства, по крайней мере так, как лучшие из них понимали; но в Петровский и послепетровский период, при господстве немцев или французском или английском деистическом безверии, германском пантеизме и рационализме в высших сферах русской государственной и учебной жизни, светские власти стали пользоваться правом назначения епископов и более значительных архимандритов в размерах, небывалых и в самодержавной Византии, не к пользе Церкви и постепенно к вреду самого государства. Лично Государь наш знал немногих кандидатов на иерархические должности и, не нарушая форму избрания Св. Синодом, отдавали действительное влияние на назначение во власть временщиков или обер-прокуроров и сподручных им чиновников. Между синодальными обер-прокурорами были иногда и антирелигиозные люди. Следует вспомнить противоцерковные речи и действия обер-прокуроров: Чебышева, Мелиссино, Нечаева, Протасова, Д.А. Толстого, чтобы понять, почему они стремились поставить архиереев в церковно-государственном строе в качестве послушных их политике чиновников, почему они под малейшими предлогами, часто незаконно и без нужды, особенно в последнее обер-прокурорство Победоносцева, целые десятки архиереев увольняли на покой и очень часто переводили их из одной епархии на другие, этим делая большую часть архиереев чуждыми своей пастве, утомленными сизифовой работой, апатичными. Срок службы большей части архиереев последнего обер-прокурорства, по счету группы петербургских священников, не превышал четырех лет в епархии. Не говорю уже об архиереях и паствах, – некоторые наблюдательные священники приходили в ужас от подобного неуважения к иерархии. Например (выписка из газеты): «До сих пор вопрос о том, может ли “преуспевать” господствующая Церковь или нет, не возбуждал особых размышлений. Теперь над ним приходится призадуматься. Свящ. Т. Черкасский в “Бирж. Вед.” находит, что самый термин “господствующая” Церковь, как какой-то неуместный привесок, еще подчеркивает фальшивость ее положения и отзывается горькой иронией. В самом деле, какая это “господствующая” Церковь? Должна ли и может ли Церковь быть “господствующею”? ... Это – какое-то совершенно новое и необъяснимое явление”. Переходя к порядкам Церкви, автор говорит: “Виденное или где-либо слуханное ли дело, чтобы расшвыривались архиереи “господствующей” Церкви, как

какие-либо столоничальники, и чуть ли не по “3-му пункту”? Где же тут “каноничность” и соборность, если, как ходит слух среди нас – провинциального духовенства, попытка первенствующего митрополита к церковной автономии чуть было не кончилась для него уходом на... покой или в экзархи? Согласна ли с “канонами” служба некоторых епископов, исчисляющаяся нередко только месяцами, если они потом снова кочуют “для пользы службы” из Астрахани в Архангельск, из Нижнего в Подполию, из Сибири на Кавказ и т. д. Можно ли говорить о действительной пользе, когда человека отрывают от привычной и сроднившейся обстановки, паствы, среды, и шлют в страну, “аможе не хоцещи”? Почему, например, епископ Кавказа и уроженец его, преосвященный Кирион оказался более нужным для Орловской губернии, чем для родного Кавказа и его населения? Ведь это – такая бессмыслица, что нелепее трудно придумать».

Таким образом, само духовенство – и в отдельных личностях и на многочисленных своих собраниях – заявляет свой ужас и порицание не только чиновному разорению устоев церковной жизни в обращении с архиереями, но те же пресвитеры сами в своих постановлениях обнаруживают неуважение к самим своим архипастырям. Например, в Екатеринбургской епархии за двадцать лет существования ее переменялось десять архиереев. Когда указано было в местной печати на этот печальный двадцатилетний юбилей, немало было глумления над бессилием иерархии перед режимом, создающим подобные плачевные в церковной жизни явления. Результатом этой беспримерной в истории Церкви частой смены архиереев в фабричном Екатеринбурге и многочисленных заводах епархии – глубокое отчуждение паствы, особенно – образованных классов, от своих архипастырей и от самой Церкви и веры, значительное падение епископского авторитета среди духовенства и народа. Помню, в августе 1903 г. являлся ко мне в Оренбург посланец преосвященного Екатеринбургского, ныне Гродненского, иеромонах с приглашением на 300-летний юбилей Верхотурского праведного Симеона монастыря и для изучения плана и устройства Оренбургского собора с той целью, чтобы устроить такой же св. храм в Верхотурском монастыре. Зная, что преосвященный Никанор послан из Орла в Екатеринбург невольно, и, как слышно было, он плакал, прибыв на нежеланную кафедру, в присутствии всего екатеринбургского духовенства, и откровенно не изъявлял желания служить у них долго, – я спросил у иеромонаха: «Доживет ли ваш владыка до юбилея (1904 г.)? Слышно, плачется, как плакался его предшественник – преосвященный Ириней?» Иеромонах ответил мне: «Да недолго живут у нас владыки; они сами архиерейский дом Екатеринбургский называют постоянным двором; некоторых архиереев мы – монахи – и лица не видели». Я ответил: «Несчастлива ваша Церковь: женихи не любят свою невесту!» В самом деле: древние каноны угрожали архиереям за переходы из епархии в другую под разными предложениями (и между прочим – корыстолюбия) извержением из сана и лишением христианского погребения. Отцы Церкви называли таковые переходы изменою невесте Христовой – Поместной Церкви, прелюбодеянием. И вдруг мне совершенно неожиданно, без всякого достаточного повода, самому пришлось бросать любимую оренбургскую паству, бросать любимое учительное, строительное, школьное, миссионерское, благолепно-богослужебное дело и переезжать в неприятный моим предшественникам Екатеринбург. Результаты невольного переезда неутешительны: на второй уже месяц горный начальник и духовенство Екатеринбурга поздравляло меня с переводом в Самару, затем через несколько месяцев – в Минск... Такие же частые поздравления с переводом тоже были в Воронеже, в Оренбурге. Праздная публика не о том думает, чтобы сродниться со своим архипастырем духовно для достижения высоты жизни во Христе, а почти в каждой епархии спекулирует переводами архиереев, потом смеется, если предположения ей удаются. Добрые христиане плачут от таких перемен; но на плач и ходатайства их об оставлении у них удобного пастве архиерея гордое петербургское чиновничество отвечает обыкновенно презрительным молчанием или отговорками. Много места для писания нужно, чтобы указывать, как поступали с другими архиереями. Довольно упомянуть, что так и со мною было в Калифорнии, Воронеже, Оренбурге. Причина всему этому – холодное отношение к канонам Церкви духовных властей и присвоение светскою властью излишне своевольных мероприятий в отношении к православной иерархии ради собственных чиновных вкусов и расчетов, в общем – вредных св. Церкви и государству. В этом сама иерархия наша виновата. Лучший наш архиерей – Филарет Московский – постоянно твердил об осторожности даже тогда, когда нужно было исповеднически защищать церковные законы. Не уступавший митрополиту Филарету по деятельности, митрополит Платон своею крайнею лестью

воспитаннику своему цесаревичу Павлу приготовил из него странное явление на русском престоле – своеволия, каприза, неуважения к каноническому строю российской Церкви. Например: посвящая свой катехизис цесаревичу Павлу, законоучитель его Платон в письме выражался так: «Когда мы читали с Вашим Высочеством место в св. Евангелии: “Не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам. Ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму”, – и вот когда я заметил, что иудеи напрасно хвалились Авраамом, которого вере и делам они следовать не хотели, то Ваше Высочество удостоили меня ответом: “И я только суетно буду хвалиться происхождением своим от Петра Великого, если не буду подражать его делам”. Столь мудрое выражение Вашего Высочества достойно вечной памяти. Церковь Божия всегда коленопреклонно будет умолять Создателя, чтобы подобные расположения сердца Вашего множились»... и проч., и проч. Упустил бедный законоучитель из виду, что он пытался возвести духовный взор цесаревича Павла к вере в Бога и добрым делам, а питомец дал толкование его уроку грубо материалистическое. Законоучителю известно было всецелое посвящение себя Императором Петром 1 материальноутилитарному служению России по иностранным образцам. Духовными интересами Церкви и народа он пренебрегал. Открытое неуважение Петра 1 к молитве и духовенству можно видеть не только в его ужасных глумительных оргиях пьянства, разврата и издевательства над церковными установлениями священной иерархии и молитв, но и в таких выражениях, какие употребляются о нем теперь даже в учебниках: «А что говорят – они (духовные) молятся, то все мы молимся, какая же из этого польза?» Припомним подбор духовных льстецов – Прокоповича, Яновского на помощь себе к омирщению Церкви и борьбе со старой русской религиозностью, пощечину Стефану Яворскому, казни архиереев, отобрание бумаги и чернил у монахов, неуважительные выражения об архиереях даже в Духовном Регламенте. Припомним снисходительность Петра 1 к кутежам Ф. Прокоповича и Ф. Яновского, припомним замалчивание последними кутежей, жестокости и блудной жизни Петра, припомним окончательное уничтожение соборности Петром в жизни Церкви, произвольный подбор архиереев петровской и послепетровской светской властью, уничтожение патриаршества, непомерные обложения духовенства податями, и проч., и проч. Можно с достаточным основанием думать, что Петр Великий на саму религию смотрел с точки зрения полезности ее именно только его политике. Недаром он, умирая, кричал: «Верую, Господи, помоги моему неверию». В деяниях Петра митрополиту Платону нужно было объяснить, что было доброго и недоброго, цесаревичу. Он этого не сделал. Тяжко согрешил. Павла он же сделал несчастным. Последствием ласкательства страстям цесаревича Павла было его ужасное царствование для многих (например, отставил от службы или сослал 16.000 офицеров); в том числе, и для св. Церкви было при нем много тягостей и бед. Следует вспомнить отношение Павла к митрополиту Гавриилу, вспомнить патера Грубера, иезуитов, мальтийский орден, затеи унии с папизмом, страшные рекрутские разборы духовенства, самовольное неуважительное обращение с архиереями, попытку Императора Павла самолично священнодействовать, для чего уже были им справлены ризы голубого цвета. Только любимцу его (которых меняет он часто) Растопчину удалось отговорить Императора от кощунства указанием на то, что он – двоеженец, а церковные каноны запрещают совершать священнодействия двоеженцам. Следует прочитать указы Императора Павла 1798 и 1800 гг. № 18, 734 и 19684 и видеть в них объявление себя Императором Павлом главой Церкви в делах и гражданских и в делах веры. «Высшая власть самодержца, врученная ему Богом, – говорится в указе, – простирается и над Церковью. Весь клир должен повиноваться царю, как главе Церкви, избранной Богом, во всех делах – как религиозных, так и гражданских». Лопухин, Растопчин и министр Замятин своим мужеством умели по временам сдерживать неуважение к закону Императора Павла и умерять его заблуждение в непогрешимости своей власти, но ни один архиерей не имел такого мужества, кроме Платона, когда он был уже митрополитом; но слова и письма его оставались без внимания. Ласкательствовали даже те архиереи Императору Павлу, которые от него страдали. Последствия воспитания и слабого воздействия Церкви для самого Императора Павла были ужасны в его страданиях духовных, ибо он был человек по-своему религиозный, и, как говорит история, колени его от долгих стояний на молитве покрылись мозолями. Ужасны последствия страстей были в невольной Императора Павла кончине. Сам же митрополит Платон получил должное возмездие за свое потаковничество прихотям питомца – царя Павла. В самом Успенском соборе на коронации Императора Александра 1, когда митрополит Платон начал перед одним сильным вельможей хвалить Императора Александра 1, называя его «ангелом» и

проч., – то вельможа при всех ему заметил: «Ну конечно, этот пойдет не в вашего питомца». Подобным отзывом швейцарец Лагарп поставлен был выше православного архиерея, который не умел бороться со страстями своего воспитанника, который государство чуть не погубил, а в делах св. Церкви присваивал себе то, что принадлежало одному Богу, а не ему. Своей лестью законоучитель способствовал развитию гордыни, которая его же погубила. Павел – пример не единичный. Но нынешний Государь, по-видимому, смотрит иначе на отношение свое к Божией Церкви, если судить по его мартовскому предложению Св. Синоду обсудить дело о созвании Всероссийского Собора для возвращения Церкви к жизни по канонам.

Первым долгом Собора следует просить Верховную власть отказаться от назначения и утверждения в должностях всех епископов, а дозволять – как предписывают каноны – избирать и утверждать таковых властью митрополичьих соборов, как это и было в Греции, для чего нужно разделить Россию на столько митрополий, сколько есть губерний; по уездным же городам, почти по всем, поставить епископов, как это и было в древней Церкви по канонам, чтобы епископии были небольшие. Постановить, чтобы архиерей был оставляем служить своей пастве целую жизнь и по возможности знал бы всех своих верных христиан в лицо. Архиереев выбирать из добрых монахов по благочестию или из благоговейных бездетных вдовцов-иереев. По возможности, обязывать архиереев жить в монастырях, пользоваться небольшим содержанием от монастыря и из местных церковных средств. Государственное содержание архиереев не полезно Церкви. Викариатства совсем упразднить, как установление недавнее и неканоническое, архиерейский сан унижающее своим бесправием и малополезностью. Архиереев губернских городов назвать митрополитами. При нынешних улучшенных, недорогих и быстрых путях сообщения нетрудно будет дважды в год епископам губернии съезжаться к своему митрополиту на собор. При рассмотрении всех доносов и жалоб на архиереев соборным и судебным порядком, в присутствии самого ответчика – архиерея, выяснится истина и каждый получит должное; а трудолюбивым, правдивым защитникам закона, истины, благоговейным старателям о Церкви Божией нечего будет бояться темной и беспощадной силы, которая иногда без нужды, руководствуясь только бумагами, разоряет дело Божие. При митрополите в каждом губернском городе и архиереях – в уездных городах исправлено будет самое ужасное зло в русской Церкви, которому нигде нет подобного, а именно: устранена будет необходимость заведовать одному архиерею миллионами душ и десятками городов, сотнями поселений. В результате этого является отношение архиерея к пастве главным образом бумажное, формальное, почти чиновничье. При частых сменах архиереев большая часть бесчисленных их овец не видят лица своего архипастыря. В Екатеринбургской, например, епархии вот уже более десятка лет архиереи проезжают обыкновенно по главной шоссейной дороге, связующей города, а направо и налево от нее не заглядывают, – не успевают за переходом в другие епархии. Об оздоровлении христианской жизни без частого и любвеобильного общения архиерея с пасомыми и духовенством, без его частого и личного благодатного воздействия на устройство христианской жизни в приходах и благочиниях, в которых бы архипастырь являлся не столько начальником, сколько отцом пастырей и христиан, связанным с ними на жизнь и смерть, временно и вечно, – и думать невозможно. Пока архипастыри будут для духовенства и народа почти чуждыми им чиновными властителями вроде начальников губерний, – деятельная любовь и христианские добродетели не могут быть восстановлены в духовенстве и народе. Собор, при малочисленности архиереев и инертности или своевольной смуте в белом духовенстве, мало что сделает в этом отношении, если епархии не будут разделены по числу уездных городов и число епископов не будет увеличено до одной тысячи или тысячи пятисот. Допустим, скоро этого нельзя достигнуть. На первых порах можно открыть немедленно уездные епархии там, где есть монастыри. Архиереи могут заведовать с советом пресвитеров двумя-тремя уездами на первых порах, пока найдутся средства и хорошие люди для архиерейства во всех уездных городах. Не нужно спрашивать управления уездных городов, желают ли они иметь епископа. Вероятно, при нынешнем маловерии в городах многие городские управы откажутся. Следует заводить новые уездные епархии без опросов городов, властью Божией Церкви. Дело это совершить на Поместных и митрополичьих соборах. Следует поселять архипастырей – с целями возрождения внутренней миссии, – вне городов, в монастырях и нарочно устраиваемых для архиереев пустынях. Архиерейские дома могут остаться для жительства губернских митрополитов. Если Церковь Божия через архипастырей своих по уездным епархиям сблизится с народом и просветит его светом истинного боговедения, тогда многие и образованные и полубразованные

русские люди, теперь индифферентные по городам, постепенно обратятся к Божией Церкви. Нужно нам сознать ужасную истину, что ни один христианский народ не имеет так мало духовенства, как русский, притом – бесправного перед усмотрением чиновника или сельского кулака, ни один поэтому народ в нравственной распущенности так не необуздан, как наш. По воздействию среды, само малосильное духовенство и его школы сильно омирщены. Архиереям и митрополичьим соборам вместе с другими высшими придется много потрудиться, чтобы большая часть паствы православной Церкви в наше несчастное время не вышла из ограды Божией Церкви и не пошла по разным кривым путям. Следует Собору немедленно урегулировать права и обязанности епархиальных архиереев и митрополичьих соборов по канонам и церковно-историческому преданию. Следует поставить титул архиепископа выше митрополита, которого самый титул – епископ главного города – еще ничего особенного не выражает; каждый губернский город в России есть главный среди уездных городов и сел с миллионами христиан. Титул архиепископа имеет прямое значение «начальника епископов». Целесообразно с благоустройством св. Церкви разделить Россию на семь архиепископий: 1) Московскую, 2) Петербургскую, 3) Киевскую, 4) Казанскую, 5) Воронежскую, 6) Грузинскую и СевероКавказскую, 7) Иркутскую. Дать право каждому архиепископу созывать соборы митрополитов и епископов уездных городов – однажды каждые два года – в месте пребывания архиепископа. Урегулировать права архиепископов в отношении к патриарху, Преосвященному Синоду, митрополитам и епископам, к их паствам. Ни одной архиепископии не признавать автономною, а быть всем в закономерном подчинении вместе с митрополитами и епископами Московскому архиепископу и патриарху российской Церкви и Преосвященному Синоду. Патриарх мог бы быть избран Собором Поместным нашей Церкви и жил бы свободным от давления чиновников или мятежных демагогов и народа в загородном Воскресенском или Николо-Угрешском монастыре с постоянным Преосвященным Синодом, в котором заседали бы епископы без епархии или окрестных уездных городов постоянно. Другие вызывались бы для периодического сотрудничества и совета – архиепископы и митрополиты и епархиальные архиереи по строго определенной очереди. Каждым родом дел заведовали бы два епископа: один – постоянный, другой – чередной, и своевременно докладывали бы свои резолюции на рассмотрение общего присутствия Преосвященного Синода. Предоставить имеющему быть избранным патриарху в отношении к Синоду такие же права, какие имеет Константинопольский патриарх к своему. Директоров, начальников отделений, столоначальников Синода – всех иметь в священных санах монашествующего и белого духовенства, писцами – монастырских послушников, достаточно выученных в духовных школах и приученных к монастырскому послушанию. В восьмидесятых годах мне вместе с японцами-студентами в Константинополе греки показывали свои девять пятериц патриаршего Синода. Патриарх беседовал тогда с нами долго, восседая в мантии, окруженный иерархами тоже в мантиях. Приятно было наблюдать, что во всех пятерицах служащие видны были все в духовных костюмах. Пусть и теперь греки будут нашими уважаемыми учителями. Если Бог поможет нам сохранить в России величавое древо православия, христиане не разбегутся из Церкви, увлекаемые смутянами, «имже несть числа», – нам, во избежание дальнейшего омирщения и слабосилия Церкви и духовенства, не следует допускать ни одного светского сюртучника на службу в патриаршее или епархиальное управление. Главную силу в Церкви должен иметь монашеский дух и дисциплина. Патриарху должен быть дан непосредственный доступ к Государю по делам церковным, и, кроме того, если патриарху невозможно будет видеть часто Государя по разным причинам, – ему предоставлено было бы право иметь референдария в сане епископа или архимандрита для доклада текущих дел Государю или главе правительства. Если должность обер-прокурора останется и не будет заменена министерскою, то предоставить ему лишь пассивное наблюдение за исполнением законов, как и определено это «доброму офицеру» в Регламенте. Государство не должно предоставлять ему власти делать предложения патриарху и Синоду, а также не обращаться к нему за содействием по сношениям с Правительством и другими ведомствами. Эти права строго блюсти св. Церкви для патриарха и его референдария в духовном сане. Иметь по-прежнему мирные отношения с государством, но в пределах жизни Церкви по канонам. Если же Петрункевичи, Родичевы или евреи захватят власть в свои руки, тогда будет трудная задача Собору как собраться, так и урегулировать отношения между Церковью и неправославным государством. Просить верховную государственную власть, чтобы она не препятствовала своими мероприятиями по духу времени или минутной моде внутренней жизни Церкви по канонам.

Просить, чтобы она отказалась от назначения и утверждения в должностях епархиальных архиереев, для возвышения внутреннего духа церковности и тем самым для пользы самого же государства. Это и было уже в Греческой империи, где утверждался в сане верховною властью только патриарх. Такое согласие государства, вероятно, трудно достижимо, если епархиальные архиереи будут пользоваться казенным содержанием. Следует изыскать на содержание их чисто церковные средства. Следует установить церковным правилом, чтобы патриарх каждые четыре года единожды созывал собор епархиальных епископов со всей России. Патриарх должен быть избираем Поместным Собором. Он может быть сменяем не иначе как по суду Синода предварительному, которого определения, в случае важных нарушений патриархом канонов или обетов Богу, должны быть на рассмотрении и утверждении Поместного Собора. Поместный Собор, если патриарх не под судом, должен быть под его председательством, а в случае его болезни – под председательством старейшего архиепископа или митрополита по избранию Собора. Если почему-либо невозможно будет скоро после имеющего быть Поместного Собора Российской Церкви умножить число епархий и поставить епископов по уездным городам, то желательно, чтобы наша Церковь разделена была на семь митрополий в вышеупомянутых нами архиепископальных городах. Двукратные съезды в год немногих епископов округа на соборы не составят особенного затруднения ввиду нынешних железнодорожных сообщений. Но братолюбное общение, советы и суд (при личном присутствии ответчиков) немногих епископов могут принести большую пользу религиозной жизни Церкви, иерархии и православному народу. Патриарший Синод может передавать дела разного рода, требующие знания местных условий и лиц, на рассмотрение и решение окружных соборов. В случае жалоб на епископов, клириков и мирян могут они правильно быть рассмотрены и решены в присутствии и объяснении ответчиков – архиереев и клириков или мирян. Таким способом лучше выяснится истина. Иерархии будут иметь возможность выслушивать слово одобрения или прещения (4, 19) своему образу действий от своих же во Христе братьев; поэтому для смиренномудрых христианских душ это будет утешительнее, чем получать мертвые бумаги из столичных канцелярий и не быть в состоянии часто объяснить себе, на каком основании то или другое распоряжение делается, которое иногда и св. Церкви-то не полезно и получателю горестно. Чтобы не заводилось по архиерейским домам эпикурейства, а в епархии потаковничества страстям, лености и омирщения, следует восстановить право митрополита обозревать епархии своего округа (Карф.63-е) и о последствиях обзрений посылать дневник путешествия и впечатлений на рассмотрение патриаршего Синода. Дать митрополиту право делать руководственные указания епископам епархий его округа, если замечены будут отступления от канонов, данных обетов Богу, или распоряжения епископа, вредные Церкви, хотя бы это было иногда юридически и трудно доказуемо; дать право митрополиту утверждать своим согласием или останавливать несогласием какие либо важные распоряжения епископа епархии, касающиеся интересов всей Церкви (Апост.34-е; Антиох.9-е). Восстановить власть митрополита в приеме жалоб учреждений или лиц, обиженных на своего епископа, – его же право председательства в производстве соборного суда над обвиняемым (Халк.9-е; Ант.14-е; Карф.28-е). Согласно канонам, митрополит созывал соборы в древней Церкви; но в делах, касавшихся целого округа епархии, не делал единолично ничего без соборного согласия епископов; в другой епархии не мог ни учить, ни священнодействовать без согласия местного епископа (Апост.31-е; Антиох.16-е, 19-е, 20-е; Халк.19-е; Апост.34-е; Ант.9-е); но, если бы митрополит, по состоянию здоровья или душевному настроению, не стал ревностно проводить соборное начало в жизнь Церкви, тогда, по жалобе одного или нескольких епископов, патриарх и Синод делают соответствующие духу св. Церкви и канонам распоряжения для устранения упущений назначением надежного епископа руководить округом до кончины митрополита. Важное право митрополичьих соборов избирать епископов и утверждать в должностях (1Всел. Соб.4-е, 6-е; Антиох.19-е) – в России, при централизации правительства и немногочисленности епископов, трудно достижимо. Но об осуществлении его Поместный Собор должен хлопотать всего более, ибо этим только правом церковного самоопределения по образу Христову архиереи могут сделаться нравственно крепкими перед усмотрением и вкусами переменчивого мира, постоянными на служении пастве, близкими, родными своим Церквам. При способе избрания и утверждения архиереев только соборами, – и рационалистически настроенным кандидатам на епископство, теплохладным и человекоугодливым дипломированным карьеристам, труднее будет достигать своих целей, хотя бы они и всякими средствами рекомендовали себя в архиереи. Церковные избиратели архиереи

лучше будут знать свойства каждого кандидата, чем чужие. Правило Трулльского Собора о безженности архиереев должно быть соблюдаемо свято при избрании их на митрополичьих соборах. Это – богомудрый способ поддержать высоту епископского сана, духовность, святость жизни и дисциплину в Церкви. На митрополичьих соборах иереи и диаконы могут иметь совещательный голос, если их позовут; миряне же должны безмолвствовать; но, если мода на парламентаризм, т. е. на организованную борьбу с Правительством, проникнет и в церковную жизнь, как уже и проникла чрез ассигновочные права епархиальных съездов духовенства, и миряне будут посланы на собор, да еще выборные, вероятно дерзкие и речистые, тогда нужно допускать их слово лишь с соизволения иерархии, да и то с целью совещания, по канонам, а не решения дел. Если цареградское фанариотство заведется в нашей Церкви, то, при нынешнем маловерии, борьбе за власть всеми средствами, нечестии, оно омирщит Церковь еще больше, чем прошлая опека светского Правительства. В крайностях последней опеки иерархия сама виновата; она же виновата и в потере многих своих церковных прав. История свидетельствует, что на соборах российской Церкви 16 и 17 столетия два раза поднимался вопрос о каноническом подчинении епископов митрополитам; но каждый епископ, управляя обширной епархией, считал себя не ниже митрополита по власти в Поместной Церкви и влиянию; потому каноническое устройство Церкви было отклонено епископами – то по недостатку средств содержания для новых епархий и церковных учреждений, что можно считать лишь отговоркой, то – с целью избежания превозношения в духовном чине (Знаменский, Бердников). Каждому архиерею казалось, что у него будет больше свободы, если он будет зависеть от отдаленной центральной власти, чем от ближайшей митрополичьей; но за свою ошибку лишнего опасения власти своего брата иерархия жестоко поплатилась, подчинившись деспотическому приказному мирскому строю и потеряв важнейшие свои церковные права. Нам нужно пожертвовать вредной иллюзией личной архиерейской свободы и восстановить канонический строй иерархической зависимости непременно; иначе даже начало возрождения церковной жизни без частого съезда архиереев в соборности управления невозможно.

В вопросе о заведении нового правительственного учреждения епархии для объединения всех прочих в одном думаю, что оно будет лишь помехою распоряжениям епархиального епископа и совершенно ненужно. Судебное дело консисторий и самый состав этого учреждения следует улучшить тем, что членов ее назначать свободных от приходских обязанностей с определенным жалованием из церковных средств. На обсуждение судебных дел и решение назначать лучших оо. протоиереев и священников градских для присутствия в консистории – без жалованья. Окончательный суд над пресвитером должен состоять из 6 епископов (Карф. 21-е, 29-е), а диакона окончательно судят три епископа. Не дай Бог заводить в духовных судах адвокатуру и гласность: это значит – выбросить язвы жизни духовенства на улицу, суд духовный, подобно светскому, обратить в спорт и удешевить число преступлений – надеждой на безнаказанность, легкой возможностью оправдания в судебной игре с ее летучей совестью. Недаром народ назвал адвокатов «брехунами». Суд мирской имеет целью мстить преступнику, хотя адвокату почти всегда удается разжалобить судей и присяжных, и цель мести редко достигается. Суд духовный всегда должен быть руководственным, исправительным и, только вследствие нераскаянности грешника или совершенной неспособности грешника к благочестию, в редких случаях, он может быть карательным, знаменуя сим отвержение виновного от лица Божия, но не с целью отомстить ему за преступление.

Для благоустройства приходов следует большие приходы разделить на малые в 400 или 500 человек обоего пола с одним причтом, построить для них дешевые молитвенные дома на первых порах; священников к каждому назначать учительных. Назначить им высокую плату за действительные уроки в приходской школе и за труд богослужения. Жалование должно быть изыскано и присылаться от центрального церковного правительства, которое должно устроить безбедно содержание духовенства на малых приходах разумным требованием и распределением церковных сборов с тех же приходов на жалование духовенству. Необходимо воспретить переход священников с прихода на приход без крайней необходимости. Обязать причты смотреть на прихожан как на своих знаемых, а не как на толпу многотысячную, к которой теперь отношение духовенства большей частью холодное, требоисправительное, занятия в школах неохотные вследствие плохой организации прихода и поручных сборов причта. Следует священнику дать право руководственного председательства на всех собраниях приходских и учреждениях. Это уже предполагается в уставе о финляндских приходах. Для оцерковления

прихода всеми мерами нужно держать в границах закона притязания на излишнюю власть в приходе церковных старост и местных мироедов. Труды Папкова и светских писателей направляются именно на усиление влияния кулачества в приходской жизни через юридическое обособление прихода от церкви и епископа. Смирненное и уважительное отношение прихожан к своему пастырю есть неременная обязанность христиан. Только взаимной любовью пастыря и пасомых можно возродить приходы. Школьным советам, попечительствам, братствам, обществам трезвости, объединенным в один приходский совет, дать право увещания неисправных прихожан в исполнении церковных уставов или законов нравственности. Совету приходскому необходимо дать право суда над членами своей приходской православной общины, дать право дисциплинарных наказаний епитимией, дать право отлучения от Церкви с согласия и утверждения епископа. Только с возвращением священнику и приходу всех средств к просветительному, благотворительному труду, всех средств к восстановлению дисциплины по канонам, можно ожидать, что из Церкви нашей уйдут потерявшие веру и совесть лицемеры, и св. Церковь, если не избавится совсем от плевел, то значительно очистится и будет способнее выполнять свою святую деятельность к восстановлению благочестия. Священник не будет тогда принижено угодать каждому прихожанину и его страстям из-за расчетов психических и экономических; он будет тогда действительно руководителем и судьей церковной жизни прихода. Это может быть тогда, когда и епархиальному епископу канонические судебные права будут возвращены, т. е. право привлекать каждого мирянина православного к суду за нарушение уставов Церкви, евангельское и каноническое право принимать и отлучать от Церкви. Для укрепления авторитета архиерея в епархии и священника в приходе необходимо все церковное имущество приходское считать, согласно канонам Вселенских и Поместных Соборов, юридически собственностью епископа, с правом распоряжения имуществом, по канонам, на пользу Церкви. Католическая и ... епископальные церкви С.-Американских Штатов и Канады записью церковных имуществ на имя епископов избегают конфискации церковных имуществ разными противорелигиозными партиями, если они достигают власти, и потому именно, что каждая конституция гарантирует неприкосновенность личности, а не церковных учреждений. На основании принадлежности имуществ Церкви как учреждению, во Франции отняты не только они, но и церковные постройки объявлены государственною принадлежностью, и ныне они, как пишут, сдаются в аренду французским епископам и кюре для богослужения. Дождемся и мы этого, если пойдем за Папковым и другими «друзьями Церкви». В разосланном архиереям проекте устройства финляндских приходов антиканонично подчинение приходов в хозяйственном отношении губернаторам. Двоевластие губернатора и архиерея к добру не поведет. Были случаи отмены статей Духовного Регламента указами Св. Синода; следует отменить и антиканоническую статью, которой отнято у архиереев право суда над мирянами православными в сфере христианской веры и нравственности и отлучения от Церкви. Каждое апостольское правило, Вселенских и 9-ти Поместных Соборов каноны гласят о преступающих закон: «Аще клирик – да будет извержен; аще мирянин – да будет отлучен». Кем? Конечно, епископом. Право вязать и решить дано епископу Богом. Это доказывается Евангелием и многочисленными примерами жизни, изображаемой церковной историей. Таким образом, божественное право у архиерея отнять не может никакая земная власть. Оставление права отлучения за Св. Синодом в древнем Регламенте и дозволение архиерею отлучать от Церкви явного беззаконника в грамоте, выдаваемой каждому архиерею (7 стр.), составляет странное противоречие и путаницу в законодательстве, которую нужно исправить по древним канонам. Последствия петровской политики для Церкви ужасны. В составе ее теперь безнаказанно находятся явные богоотступники, прелюбодеи, грабители, убийцы, социалисты, толстовцы, богохульники, развратители церковной жизни пропагандой безбожия, своеволия, эгоизма и безнравственности. Молчат в страхе перед силой зла не только приходские священники, но и архиереи. Если же кто, на свою беду, исполняет долг защиты истины закона, тот жестоко платится, слывя беспокойным, терпя переводы и другие гонения. Словом, вследствие мирской опеки у нас явился застой церковной жизни, от которого пахнет болотом. Мне пришлось долго служить за границей. Там, в Европе и Америке, и монархии и даже республики признают право христианских приходов в суде над своими членами и отлучении их, в случае виновности, от общения церковного – и в католицизме и в разных протестантских сектах. У англосаксонских народов приходская дисциплина напоминает несколько древнецерковную. Был случай привлечения к церковному суду англиканской методистской церкви и президента С.-Американских Соединенных Штатов

Кливеленда, притом во второе четырехлетие управления его великой страной. Методистов-епископалов насчитывается в Штатах до 14 миллионов. Одним из правил этой строгой, богобоязненной секты запрещается членам ее употребление спиртных напитков, за исключением одного бокала вина на званых обедах для соблюдения приличия и обычаев общности. Увы, какая это разница от хладнокровия нашего духовенства к этому ужасному делу отравы государством народа алкоголем из-за прибылей! И вот, за одним из обедов было замечено методистским епископом, что Кливеленд выпил две рюмки вина. Президента потребовали в консисторию для ответа. Он не явился, извиняясь многоделием, но прислал адвоката с собственноручным письмом, в котором исповедал свой грех, извинялся перед судом консистории тем, что две рюмки, которые он выпил за обедом, были маленькие, вместимость их не превышала вместимости одного бокала, заявлял свое высокое уважение церковному закону, обещал в будущем беспрекословное повиновение и т. д. Консистория оправдала президента. Между тем президент имеет большую власть в государстве, чем английский король. Он состоит главнокомандующим войска и флота, сам избирает и меняет своих министров, имеет право налагать veto на постановления всех учреждений, кроме высшего суда, самолично назначает и увольняет правительственных чиновников. Возможно ли у нас такое отношение нравственного контроля Церкви не только к знатым лицам, но и к простым мирянам? Даже духовенство наше, за редкими исключениями, обратилось в простое требоисправительное над толпами исповедников с очень малым влиянием на жизнь. Собор должен восстановить силу канонов и церковную жизнь во Христе. При известном всем низком уровне нравственного состояния христиан православной Церкви, особенно горожан, заводских и фабричных рабочих, возратить православным прихожанам право избрания епископа и клира – не полезно для Церкви. Читая в житиях святых, как в старину избирали в Константинопольские патриархи простого угольщика, как Бог указывает при избрании на святителя Николая и проч., мы переносимся в древние времена пламенной веры и благочестия искреннего. В каждом приходе тогда были люди, всецело посвящавшие жизнь свою благочестию, изучению Св. Писания, житий святых, законов и истории Церкви, как они теперь есть в некоторых наших старообрядческих общинах и известны под именем начетчиков; поэтому прихожанам, хорошо знавшим таких людей, возможно было избирать из них клириков, а церковным властям – возводить их от низших степеней в высшие, соблюдая каноническую постепенность и возраст. Свои люди, известные святостью жизни и учительностью прихожанам с детства, пользовались бы в приходе очень большим влиянием, были бы истинными устроителями праведности христианской жизни, судьями в делах церковных, истинными руководителями благотворительности и в путях к жизни вечной. Нечто подобное наблюдалось и у нас в допетровской Руси, когда еще не было несчастных казарменных духовно-учебных заведений и их омирщенных по западноевропейскому образцу учителей и руководителей, нащаемых, назначаемых и управляемых бездушным канцелярским порядком. Приходы древней Руси избирали себе клир большей частью из местных начетчиков – до появления братьев Лихудов и латинских грамматических школ. Религиозное влияние таких священников, дьячков и пономарей на религиозный склад жизни русского человека было весьма велико, гораздо больше, чем академиков и семинаристов позднейших. Вся передовая Русь тогда охвачена была аскетическим настроением, вся Русь полна была жаждою христианского подвига и представляла собой почти сплошной монастырь. Почему это? А потому, что тогдашние кандидаты в клир смотрели на монастыри как на светочи благочестивой жизни, идеалами которых нужно руководиться. Народ охотно внимал своим пастырям и охотно шел за ними, как за светочами на пути к спасению. Смирению терпел даже, если его пастырями архиереи пренебрегали. Один ростовский священник говорил на Московском соборе 1503 года, обращаясь к архиереям: «Вы ни сами, ни через избранных священников не наблюдаете за священниками и не посылаете в города и села испытывать, кто как пасет Церковь Божию, но надзираете за священниками по царскому чину через бояр, дворецких, недельчиков, тиунов, доводчиков, ради своих прибытков». Следует вспомнить характеристику допетровского духовенства Посошковым и проч., чтобы невольно сострадать его былому приниженному, тяглому положению. Но это духовенство для религиозного руководства народом было лучше нынешнего ученого и полуученого чиновного и теплохладного. Богословские идеалы его, если академик, – за границей; если семинарист, – отношение по богословию большей частью формальное. Как обучали, так и думай, так и говори!.. Теплохладность почти общая... на монастыри белое духовенство большей частью смотрит недружелюбно и не видит в них руководителей ни для

себя, ни для народа. Последний же в большинстве доселе идеал святости видит в монастырском подвижничестве; из обительских старцев и теперь часто выходят истинные народные руководители. Думаю, что выборное право клира можно возвратить приходу только тогда, когда общины будут сильны духовной жизнью, обильны подвижниками благочестия и духовного самообразования. Теперь этого нет. Формалистическое и чужое по духу народу, назначаемое архиереями, духовенство из академиков и семинаристов не умеет говорить с народом, не умеет затронуть благородных струн его сердца, не думает образовывать вокруг себя в среде прихожан школ благочестия и самообразования, не любит прихожан; при первой неприятности большинство перепрашивается на другой приход. Отношения к прихожанам – мало отеческие; за немногими исключениями, они носят характер формально чиновный. Последствия латинских, тюбингенских и чиновных идеалов нашего белого духовенства в отношении к приходу ужасны. Вот в шестом месте служу учебному и церковному делу (Токио, Холм, Калифорния, Воронеж, Оренбург, Екатеринбург) – и нигде не встречал такой распущенности нравственности в городских и сельских приходах, как в последних трех чисторусских епархиях. Когда посещал церкви, осматривая приходе-расходные книги и замечая скудость церковных доходов, мне часто приходилось слышать от духовенства, что большая часть заработков народа пропивается и проигрывается в азартные игры или идет на разврат. Справки у сельских властей показывали, что при 600 руб. церковного свечного и кошелькового дохода в год в казенных питейных пропивалось прихожанами 12 или 14 тысяч рублей. Заводуправители Екатеринбургской епархии согласно свидетельствуют, что треть денег, выдаваемых народу за работы, обыкновенно пропивается. Во время забастовки в Нижне-Тагильском заводе, в продолжение моей увещательной речи буянам в Александро-Невской церкви, бабы плакали и кричали: «Лишние деньги пойдут прахом»; «Все равно пропьют!» Это они так осуждали забастовку своих мужей из-за требования лишней платы за труд. Страшная безнравственность в православных приходах происходит главным образом оттого, что народ мало слышит учение назначаемого духовенства и еще меньше его понимает, если оно иногда говорит. Потом, у нас на две тысячи прихожан храм Божий большей частью бывает вместимостью на 400 человек, при 10–15 тысячах прихожан – на 2 тысячи человек; такого пренебрежения к духовным нуждам христиан, и желающих посещать храм Божий, да не могущих за невозможностью поместиться, не встречается ни у одного христианского народа. Хорошо бы готовить духовенство к служению не казарменным способом в семинариях и академиях, а в немногочисленных по составу, но благочестивых училищах монастырей, которые, т. е. училища, учреждать немногочисленными по характеру Божьей семьи. Но и тогда, когда действительно явятся благочестивые народные пастыри, нельзя будет предоставить приходу право выбора клира, пока народ наш не станет вести добрую нравственную жизнь. Потеря приходами избирательного права в древней Церкви объясняется увеличившимся нечестием среди христиан и опасением, что такие люди будут избирать, – вместо пастырей наставников добродетели и обличителей пороков, – потаковников своим страстям, притом пастырей дешевых. При избраниях непременно заведутся угощения избирателей и пьянство, особенно – при конкуренции кандидатов покладистых на должности, хотя бы и без достаточного образования. Хорошим семинаристам будет плохо. Каноны Вселенских Соборов на этом основании омиращения приходов запрещают приходские выборы (1, 4-е; 4, 28-е; 7, 3-е). То же запрещают Поместные Соборы (Антиох.19-е, 23-е; Карф.13-е; Лаод.12-е). Собор Лаодикийский гласит: «Да не будет дозволяемо сбору народа избирать имеющих произвестись в священство» (пр. 13-е). Епископа избирали епископы (1Всел. Соб. прав.6-е). Если клир и народ такого епископа не примут (т. е. избранного на соборе большинством голосов епископов), то весь клир отлучается от Церкви (Апост. пр.36-е). Прихожане имели право лишь рекомендации кандидата на священство; но в воле епископа было принять такую рекомендацию или не принять (Карф.61-е; Феоф. Ал.7-е). Отсюда понятен смысл и апостольского постановления по отношению права епископа на назначение пресвитера: «Хорошо, если (избираемый епископом) будет иметь одобрение и от народа». Пусть либеральные борзописцы «Церковного Вестника» и поклонники плоти (Тареев) «Богословского» и проч. умерят свои вождедения ослабить Церковь Божью приходскими выборами клира по вкусу прихожан. Сначала нужно улучшить нравственность населения, прежде всего – сокращением размера епархий и приходов, умножением хороших епископов, пресвитеров и клира, посланием в малые епархии и приходы сильных благочестием и учительностью архиереев и священников; тогда, может быть, Русь будет спасена в своем религиозно-нравственном укладе силами Божьей Церкви, будет действительно осуществлять

Царство Христово на земле. Это весьма трудно осуществимо в настоящее время распушенности. Архиереи должны перестать управлять миллионами, а пастыри – тысячами душ, которые часто сливаются для них в серую массу толпы, которой душевные свойства мало известны. Пока кодекс уголовных законов удерживал многих в ограде православной Церкви – людей в душе неправославных – опасением потери прав или наказания за отступление, эта многолюдность епархий и приходов и малочисленность духовенства не доводили дело св. Церкви до заметного разорения, хотя секты и множились. Теперь, когда все силы богоотступников и Неверов устремились на хулу Церкви Божьей, духовенства, самого христианского мирозозерцания, когда образованная молодежь почти вся делается чуждой Церкви и духовенству и часто враждебной – вероятно, число православных уменьшится. Дай, Господи, предохранить нам Церковь от опасного пресвитерианского движения, которое стремится освободиться от власти св. канонов и епископского авторитета. На Поместном Соборе и после него вся оппозиция Церкви обнаружится... Что бы ни грозило Божьей Церкви в будущем, – для благоустройства прихода, кроме первенствующей власти в нем пресвитера, необходимо, чтобы епископ узнал каждый приход и его нужды и относился к нему отечески, а не бюрократически-бумажно или, хотя бы и лично (как теперь делается в редких случаях при посещениях приходов), но без должного знакомства с приходом. Это знакомство при частых перемещениях архиереев невозможно и потому, что у каждого епископа приходов целые сотни. В благоустройстве приходов главная сила духовного делания должна быть направлена на дела учительности, милосердия, нравственного контроля, на благоговение и красоту богослужения, чтения и пения, исправное посещение церкви христианами, утешение несчастных, отрезвление алкоголиков и проч. (см. послания св. ап. Павла к Колоссянам, Ефессянам, Евреям (13, 15, 18), Фессалоникийцам – 1, 5, 11–23). Экономическая часть приходского труда в устройстве первенствующей Церкви имела второстепенное значение, сдана была апостолами дьяконам; то же должно быть и в православных приходах. Если Собор в заботе о благоустройстве приходов не найдет средств оживить к духовной деятельности ленивый ныне и формалистический клир, да еще дозволит губернаторам, как в финляндских приходах, вмешиваться в хозяйственную часть приходов, тогда положение православия будет хуже, чем до Собора. Приход – ячейка Церкви; и нужно оздоровить ее по духу Христову, а не по модному человеческому мудрованию. Свечные и кошелевые суммы должны считаться пожертвованными Богу и идти на общепархиальные нужды и приходские по непосредственному распоряжению епископа через о. благочинного и священника. Приходскому совету дать только право контроля – власть второстепенную. Прочими суммами пусть распоряжается совет с ведома епископа, без вмешательства губернатора. Порядок приобретения церковной собственности всегда будет зависеть от власти государства и отношения его к Церкви. Мы можем просить равноправия в этом отношении с другими вероисповеданиями и чтобы юридическая единица был епископ в праве приобретения имущества, и ни под каким видом не допускать приобретать имущества церковным учреждениям: епархиальному начальству, духовенству, приходу. В последнем случае всякие враждебные Церкви или просто жадные дельцы Правительства будут всегда покушаться отнять деньги, землю и проч. у нее, при конституции – в такой же степени, как и при самодержавии. Все имущества должны быть приобретаемы на имя епископа. В случае измены православию прихода деньги и имущество остаются за епископом. Священник и совет прихода пользуются имуществом на правах аренды от епископа-собственника.

Епархиальные съезды учреждены во время увлечения при Императоре Александре 2 земствами по образцу последних – с их ассигновками и вечной борьбой партий между собой и Правительством. Что посеяли, то пожали. Теперь главные враги Царя и закона – земцы, а главные деятели пресвитерианского движения против епископов и Церкви – дельцы епархиальных съездов. Внесены в Божию Церковь агитация, партийность, противление богоустановленной власти... Совершилось омирщение Церкви и измена духу Христову. Мало теперь в духовенстве и его детях крепости, смирения, послушания. Дисциплина церковная ослабела теперь больше, чем было до съездов. В «Церковных Ведомостях» этого 1905 г. напечатана была хорошая историческая справка о том, что в допетровской Руси ежегодно бывали съезды духовенства к своему епископу, но без выборной агитации, без инструкций на оппозицию против епархиального начальства на выборных собраниях по делам денежных счетов и расчетов, а с единственной целью получить в беседах с архиереем инструкцию на духовное делание в приходе на следующий год и на успешную борьбу с врагами св. Церкви.

Такие собрания бывают ежегодно в японской Церкви духовенства и проповедников ради сообщения епископу сведений о церковных делах разных приходов, школ, миссионерских станом и для получения от него наставлений на духовный труд следующего года. В продолжение восьми лет пришлось мне быть участником таких собраний, и последствия их всегда были благотворны. Ни католичество, ни протестанство не имеет таких беспокойных и антиканоничных собраний пресвитерианских, каковы наши епархиальные экономические съезды. Теперь же к делам их денежных расчетов присоединяют и обсуждение церковного управления и духовных нужд Церкви. Позволяют им свободно говорить и делать свои постановления в отсутствие епископа под руководством избранного ими председателя – большей частью молодого священника, иногда человека крайних убеждений. В результате сего модного либерального мероприятия на многих съездах постановления бывают об уничтожении консисторий, о свободном выборе епископа и клириков, об освобождении священников от труда в церковных школах, о свободе брака второго и третьего для священнослужителей, о ненужности внутренней миссии, о светской одежде для священников и диаконов, о выборе благочинных по вкусу весьма снисходительного к своим прегрешениям духовенства и проч. Таким образом, расширение прав епархиальных съездов ведет к разорению канонического строя Церкви, а не к созиданию благочестия. Поистине, личными качествами деятелей можно укрепить, можно и разрушить самое святое и полезное церковное дело. Петербургские дельцы, создавшие епархиальные съезды не по духу Христовой Церкви, а по модному увлечению к созданию оппозиционного земства, тяжко согрешили против канонов и духа Церкви и должны покаяться на Соборе в этом; между прочим – в том, что они этими съездами подготовили антиканоничное в русской Церкви пресвитерианское движение, которое Бог знает, чем кончится, если Бог не поможет остановить его в начале. Наши законодатели должны возвратить епископу руководство духовенством непосредственным общением с ним, как это было в греческой Церкви и в допетровской Руси, а не механическим утверждением или неутверждением журналов консисторий, разных правлений, епархиальных и уездных съездов. Установить законом, чтобы епископ дважды в неделю присутствовал при решении важнейших дел в консистории, которые разбирались бы при нем по канонам, чтобы он бывал лично в правлениях семинарий и училищ при рассмотрении дел, имеющих важность, и руководил бы свободными рассуждениями учащих, чтобы епархиальные и уездные съезды всегда были под председательством и руководством епископа при полной свободе суждений присутствующих в пределах закона и религиозного приличия. Если же покаяния не последует и дельцы вместо восстановления духа церковного управления, угодного Богу, будут из мирских расчетов или простой боязни попускать всякого рода автономии (самозаконие, самочиние) по отношению к основной форме церковного управления – епископату, тогда много произойдет неправильных разделений и вреда единству Божьей Церкви, за что они ответят перед Богом и христианским сознанием русского народа православного, который, при всей нравственной распушенности многих именующих себя православными, все же вместе с епископатом всегда будет главным хранителем и защитником православной веры и церковного единства.

Относительно участия духовенства в мирских делах мнение мое – следовать канонам, не позволять духовенству лично представлять в государственных учреждениях и омищаться в борьбе партий, но требовать от государства через православный народ, чтобы при обсуждении законодательства или мероприятий по делам Церкви таковые имели силу только с согласия церковного собора. Личное представительство, например, в Думе и Государственном Совете в меньшинстве – повредит духовенству. Соборы должны говорить авторитетно и влиять на государство через народ.

Духовно-учебные заведения оцерковить нельзя ни переменою программ, ни тем менее частой сменой ректоров, инспекторов, на что справедливо сетует обер-прокурор в записке. Забыл он то, что чиновный шаблон и централизация были тому главной причиной. В древней Церкви были знаменитые школы в Антиохии, Едессе, Александрии, Риме и проч. Успешное их развитие и духовная сила объясняются тем, что во главе школ находились люди, с любовью и самоотвержением всю жизнь свою отдавшие на обучение и воспитание юношества. Великий пример тому подал св. ап. еванг. Иоанн Богослов в своей Ефесской школе, св. ап. Петр и Марк – в Александрийской и прочие апостолы – в других менее известных школах. У нас же теперь чиновная нивелировка посредственностей духовно-учебных заведений такая, что все академии и семинарии стали походить одна на другую. Табель о рангах, оклады, карьера, эпикурейская жизнь, слабость убеждений и труда там – главное; самое дело воодушевления воспитанников на

труд и благочестие – второстепенное. Главная причина ослабление влияния воспитателей и учителей на воспитанников лежит в нас самих²² Затем, жизнь дает ученикам с малых лет гнилую духовную пищу: легкая литература наполнена картинами злых страстей и блуда; журналы и газеты раздражают сознание вольномыслием и кощунством; в семьях даже священников благочестие ослабело, алкоголизм духовенства и суждения родителей при детях, ослабляющие их религиозность, бывают у батюшек современных семинарий не в редкость. Материально состоятельные священники, вследствие своего малоцерковного настроения, отдают своих детей в светские школы, не заботясь о том, чтобы были за них молитвенники пред престолом Божиим после их смерти. Давно уже, а особенно в последнее время, заметно влияние светской молодежи с ее безбожной социалистической пропагандой, не признающей ничего святого. Эта молодежь – студенты, курсистки – действует толпой фанатично дерзко, как самое бесовское воинство. Влияние антирелигиозной пропаганды на родителей и детей духовенства весьма велико. Гонение духовное на религиозное сознание духовенства и христиан теперь сильнее, чем грубое военное – первенствующей Церкви. Материалистический опыт теперь богаче в борьбе с христианским мирозерцанием и Церковью, чем в древнем мире. Конечно, воспитатели, учителя и воспитанники не изучают специально астрономии, геологии, медицины, естественной истории, физиологии, древней истории по египетским, вавилонским раскопкам и проч. Но выводы и толкования фактов материалистов-мыслителей носят в воздухе, т. е. усвоены толпой и отравляют своим ядом даже и тех, которые не хотят их отравы. «Труды Киевской Академии», «Богословский Вестник», «Православный Собеседник» сдались же позорно Деличу, обвинявшему св. пророка Моисея в плагиате, хотя в присланной мне из Лейпцига немецкой книжке Делича прямо сказано, что цель вавилонских раскопок – это поход против Библии. А где заговор, там надо предполагать и подвох, обман. Преосвященный Стефан, архимандрит Андроник и другие ни слова не говорят о вредном влиянии неверующего духа времени на религиозное сознание духовенства разных возрастов. Между тем оно жадно читает антирелигиозные книги, журналы, газеты, жадно прислушивается к агитаторам социализма, безбожия, толстовства и нигилизма. Результаты для учащихся и учащихся в самих духовных школах плачевные: холодность учащихся; лень, шалости, бунты, забастовки учащихся. Вместо того, чтобы оцерковлять детей духовенства с малолетства, поставив их в благоприятные для того условия, упомянутые духовные мыслители проектируют выпустить детей духовенства в светские учебные заведения и только для желающих служить Церкви иметь богословские курсы. Этот отчаянный проект, которому так основательно возражал покойный митрополит Филарет (статья «Церковных Ведомостей» 1905 г.), убьет во многих и многих душах детей духовенства благочестие. Огромное число приходов будет пустовать или наполняться невеждами из деревенских мироедов и кулаков, от которых сам же народ застонет. Предполагать, что при современном настроении образованной молодежи многие пойдут на богословские курсы, было бы наивно. Не нужно забывать, что привычка – вторая природа. Введенные католичеством и англиканизмом, на основании знания сердца человеческого, так называемые религиозные упражнения ежедневно для детей и молодежи, воспитываемой ими, делают чудеса. Они порождают глубокое религиозное настроение, которое у нас между академистами и семинаристами – редкое явление. Помню, служа инспектором Холмской семинарии, я имел разговор с почтенным о. протоиереем Гошовским о причинах легкомыслия и распущенности нравов семинаристов. Он мне сказал, что семинаристы были благочестивы, скромны и добры, пока соблюдали свято ежедневные униатские религиозные упражнения; но, когда начальство завело только утренние и вечерние молитвы – по общей казенной форме русских семинарий, воспитанники холодно отнеслись к нововведению и стали смотреть на это святое дело, как на формальность. Благоговение улетело из душ их, и они стали одного духа с русскими семинаристами, потому что перестали ежедневно славословить Господа на всенощной и божественной Литургии. Дальше стали от Бога. Азбуку оцерковления нужно начать с того, что продать огромные дома академий и семинарий в испорченных нечестием городах и перенести их в монастыри и села. Все устроить вновь скромно, по-христиански. С умножением епархий разделить академии и семинарии на малочисленные. Избегать казарменного многолюдства, где одна дурная овца портит часто все большое стадо. В малых семинариях устраивать келии – всегда для жизни двух воспитанников, чтобы они не спали вместе всем стадом и жили бы по-семейному. Собирались бы вместе только в классы и столовые. Следует найти руководителей духовно-учебных заведений ученых и действительно благочестивых, которые бы всю жизнь несли святое учебное и воспитательное послушание и

подбирали бы себе таких же помощников-учителей. Покинуть несчастный способ подготовки к архиерейству монахов кратким начальством в академиях и семинариях. Могут они подготовиться к тому благочестно на продолжительном учительстве или на подвиге в монастырях и приходах. Перед возведением в сан иерея и архиерея не довольствоваться дипломом, а производить каждому на соборе экзамен по программе, дабы кандидаты на церковные высшие степени не засыпали, а всю жизнь возгревали бы дар Божий духовным трудом и учились (век живи, век учись). Упразднить нынешний «персонал» и «корпорации» профессоров и учителей чиновных в мишуре мундиров светских и даже эполетах в эпикурейском их строе жизни. Позвать благоговейных из них в клир, определить начальниками и учителями духовно-учебных заведений на церковных основаниях. Слить духовные училища и семинарию в одно девятиклассное учебное заведение. Это будет полезно для единства духа в начальствовании, обучении и воспитании юношества. Держать учителей и учеников на религиозном положении подвига, труда, послушания; ввести обыкновение для учителей и учеников носить духовную одежду. У католиков и англикан в школах всегда приличные духовные подрясники; прочие протестантские учителя и ученики никогда не носят блестящей светской одежды. Путем убеждения повести в духовноучебных заведениях дело так, чтобы учащие и учащиеся совершенно воздержались от нетрезвости хмельной, не курили табаку, не посещали блудных домов, не водили азартных игр и от других грубых пороков удалялись. Порядочность и скромность в духовно-учебных заведениях должны быть не на бумаге только, но и на самом деле. Программы освободить от многопредметности, латинский язык предоставить изучать только для желающих во внеклассное время. Подчинить вполне семинарии руководству епископа и консистории при нем. Программу учения и инструкцию для поведения составляет только собор. Патриарху и митрополиту предоставить право часто посылать иереев-ревизоров для наблюдения, достойно ли епископы руководят своей семинарией. Академиям всего опаснее давать автономию учебную – ввиду склонности либеральных профессоров поклоняться немцам и Тюбингенской школе. Высшее богословие должно трудиться на началах святого послушания Церкви, и епископы должны оцерковить профессоров и студентов. Ввести в академиях и семинариях ежедневное участие в уставных богослужениях, выработав порядок, чтобы не были они очень продолжительными. Сделать уставным чтение Евангелия и житий святых ежедневно. Начальствующие и учащие должны окружить воспитанников академий и семинарий отеческою строгой любовью и вниманием к их духовным и материальным нуждам, но без потаковничества страстям. Внушить воспитанникам такое же отвращение к еретическому мудрованию немцев и неверующих наших агитаторов, пропагандистов социализма и безбожия, какое имеют многие воспитанники католицизма и других христианских согласий. Воспитателям и учителям не смотреть на учеников, как на серую казенную массу, что почти везде вошло в обычай, но с любовью присматриваться и руководить личностью каждого в ее особенностях. В семинарии принимать детей всех сословий, но предпочтительно детей духовенства. Всячески возгревать их религиозное чувство доброго и прекрасного. Антирелигиозные впечатления современности на детей надо уметь вовремя распознавать и ослаблять. Если будет в наших семинариях немногочисленность, постоянство, любовь, религиозное воодушевление и целесообразный труд, тогда и у нас появятся полезные, а может быть – знаменитые школы. «Идеже Дух Божий, там и свобода» – должно быть убеждением учителей и учеников духовно-учебных заведений. Дух Божий созидает свободу через св. Церковь. Она может возвратить себе живое христианское самосознание главным образом через школу. Зажгите душу, как свечу для Церкви, – и она запылает пламенем теплой молитвы перед Богом и для труда, не только для диплома.

Не понимаю, зачем светская власть предлагает нам обсуждать предметы веры. Догматы и каноны св. Церкви должны быть незыблемы. Их нужно защищать, а не готовиться к обсуждению на Соборе того, хороши ли православные понятия нашей веры для современности или неудобны. Следует на Соборе упорядочить уставы о постах – ввиду почти общего их несоблюдения в образованном обществе. Нужно улучшить методы ведения богослужений; язык его сделать более понятным; постановить, чтобы изданы были маленькие богослужебные книжки для раздачи в св. храме народу. Ввести в обычай, чтобы каждый мирянин мог следить за содержанием читаемого и воспеваемого в церкви и назидаться величием духовных созерцаний богослужений, и тем сделать невозможным небрежное совершение его клиром. Клирик – значит человек, отделенный от народа для всецелого служения Богу. Поставьте воспитанников духовно-учебных заведений с детства в святые условия приобретать, хранить это убеждение и не

расставаться с ним до гробовой доски. Этого можно достигнуть только искренним религиозным воодушевлением руководящих, трудом и постоянством продолжительной службы излюбленной школе.

**№50, преосвященного Петра, епископа Смоленского, от 30
декабря 1905 года**

1. Предстоящий Поместный Собор

Ввиду смутного времени, переживаемого нашей родиной, когда волна нестроений охватывает все больше и больше русское общество, грозит проникнуть в глубь народной жизни и потрясти основы, на коих созидалось государство Российское, в том числе и жизнь церковную, – настоят нужда в скорейшем созыве Собора Поместного, который своим мощным голосом и властью оградил бы народ от вторжения в него крайних элементов и помог бы Правительству и всем друзьям порядка успокоить мятущееся государство. В состав Собора должны входить, прежде всего, по возможности все епископы русской Церкви или их заместители, затем представители черного духовенства – настоятели монастырей, особо чтимых народом, представители белого духовенства – по одному от епархии по избранию духовенства, военного и морского духовенства представители – по избранию или назначению протопресвитера, представители духовно-учебных заведений – по выбору от духовных академий и назначению Учебного Комитета от других духовно-учебных заведений, и миряне. Что касается участия последних, т. е. мирян, то к предстоящему Собору, ввиду смутного времени, отсутствия организации церковно-приходской жизни и неимения средств на производство выборов, нет возможности произвести таковые по приходам и епархиям, а потому достаточно ограничиться приглашением на Собор представителей богословской науки и лиц, известных епархиальным епископам и всей русской Церкви, причем по усмотрению председателя Собора и с его разрешения могут быть допускаемы к участию в суждениях Собора и другие лица из мирян. Право решающего голоса на Соборе, согласно канонам Церкви, принадлежит только епископам и их заместителям; остальные члены Собора пользуются совещательным голосом. Некоторые члены комиссии, работавшей под моим председательством, высказали следующее соображение. На предстоящем Соборе, быть может, возникнет вопрос о пересмотре канонических правил, составленных по особым обстоятельствам древней церковной жизни и в настоящее время утративших свое значение, но, тем не менее, стесняющих многих чад Церкви и вызывающих нарекания на самую Церковь. Равным образом, несомненно, возникнет вопрос об отношении Церкви к расколу и клятвам соборов 1666–1667 годов. Решить эти и подобные им вопросы и притом так, чтобы эти решения имели авторитет и силу, Собор может только тогда, когда к участию в деяниях его будут приглашены предстоятели других православных Церквей.

2. Приход

Первый и наиболее важный вопрос по своему значению для жизни церковной есть вопрос о приходе, как малой Церкви, самоуправляющейся под духовным руководством приходского пастыря-священника и под надзором своего епископа, блюдущего за чистотой веры и жизни христианской. Светская и духовная печать нередко указывала, что учрежденные апостолами церковные общины и приходы были живыми и деятельными союзами любви, что жизнь церковных общин была ключом, и церковь объединяла все стороны жизни прихода; ныне эта жизнь окончательно замерла по вине духовенства, которое удалило прихожан от участия в церковных делах. С таковым мнением, как односторонним и тенденциозным, вполне согласиться нельзя. По действующим инструкциям церковным старостам и Положению о приходских попечительствах приходу даны широкие права по ведению церковного хозяйства и устройению просветительных и благотворительных учреждений в пределах прихода. Если же прихожане не пользуются своими правами, то главные причины этого ненормального явления кроются не в строе Церкви, а в общем государственном строе, в правовом положении народа и бытовых условиях жизни народной. Прогрессивно увеличивающиеся налоги, вместе с возрастающей дороговизною жизни, ведут к обеднению населения и вынуждают многих из прихожан отказывать на самые святыя и необходимые потребности и во всяком случае рассчитывать каждую копейку. Затем, сельское население, а такового в Смоленской епархии большинство, лишено всякой инициативы и находится под опекой различных ведомств, учреждений и лиц, из коих одно ведает образование, другое – народное здравие, иное – дорожное дело, иное – улучшение хозяйства, на долю же населения остаются всевозможные взносы и налоги, причем установление и размер таковых зависит от усмотрения земских начальников, которые нередко, в силу своих убеждений, отменяют единогласные приговоры на нужды церкви и школы. Наконец, незначительная грамотность, отсутствие интереса к общественным делам, – все это мало способствует развитию приходской жизни. И при всем этом нельзя сказать, что жизнь прихода замерла окончательно: на средства прихожан воздвигаются храмы, содержатся тысячи школ, богадельни. Что касается некоторой части интеллигенции, то отчуждение ее от Церкви с полным вероятием можно объяснить широко распространяющимся по многим причинам равнодушием к вопросам веры, а не внешнею, слишком маловажною причиной – лишением права на участие в жизни прихода; да Церковь никому не запрещала благотворить и просвещать, а всегда призывает к этому всех чад своих. Дальнейшими, менее важными причинами, тормозящими развитие прихода, нужно признать отвлечение значительной части церковных доходов на нужды епархиальные и содержание духовно-учебных заведений. Всех взносов, ныне производимых церквами, уничтожить нельзя, но многие из них, преимущественно из первой категории (на епархиальные нужды), возможно частью сократить, частью вовсе прекратить, оставив лишь в полном размере взносы на мужские духовно-учебные заведения, необходимые для приготовления кандидатов священства. Вместе с сим желательно и сокращение сборов в бесчисленные кружки, стоящие всегда в церквах, а также и экстраординарных сборов на самые разнообразные предметы; из-за этих сборов, назначаемых на торжественные праздники и обычно предваряемых поучениями и воззваниями, сильно понижается доходность церковных сборов на нужды храма и прихода. Установление различных налогов на епархиальные нужды и сборов на другие потребности должно производиться на благочиннических съездах и епархиальных соборах, при участии выборных от прихожан. Что касается порядка расходования церковных сумм, то таковой должен быть изменен в следующем. В настоящее время при всякой нужде (свыше 50 руб.) обращаются к епархиальному начальству за разрешением израсходовать то или другое количество денег; епархиальное начальство обычно не считает себя вправе отклонять таковые ходатайства, за исключением тех немногих, когда явно нарушаются интересы Церкви и не соблюдается должная экономия; но такой порядок порождает излишнюю переписку и задерживает исполнение работ. Посему необходимо предоставить причту, церковным старостам, совместно с представителями от прихожан, расходовать свободные церковные суммы самостоятельно, без испрашивания на то разрешения епархиального начальства, но с ведома местного благочинного, при ремонтах и строительных работах в храме.

О функциях деятельности приходской общины, составе ее, порядке собраний и пр. нет нужды подробно распространяться, так как они с достаточной полнотою перечислены в

Положении о приходских попечительствах и инструкциях церковным старостам; можно присовокупить только пожелание, чтобы общине дано было право юридического лица по владению, приобретению и продаже недвижимого имущества; то же право должно быть даровано и духовному сословию.

С поднятием материального благосостояния народа, его умственного и нравственного развития, дарованием ему политических прав, вместе со снятием опеки, можно думать, приходская жизнь заберется несомненно более сильным пульсом, и приходская община, под руководством своего пастыря, явится не только центром благотворительности и просвещения, но и оплотом веры и нравственности.

3. Клир

Во главе прихода стоит руководитель религиозно-нравственной жизни, пастырь-священник, от духовных сил коего и ревности к своему служению главным образом зависит то или другое религиозно-нравственное состояние прихода. Поэтому при решении вопроса об улучшении приходской жизни прежде всего возникает вопрос об улучшении контингента священников и тех тяжелых служебных и жизненных условий, в кои поставлены ныне пастыри Церкви с самых первых дней принятия сана и даже ранее того. В обязательстве, которое дает кандидат священства перед своим рукоположением, он призывается не столько служить Церкви и соблюдать ее каноны, сколько исполнять предписания, светской командой налагаемые, и, между прочим, не вмешиваться в неурядицу крестьян, под опасением «суждения по всей строгости законов и лишения чина своего», чем значительно суживается деятельность пастыря, обязанного быть праздным зрителем нередко горькой доли своих прихожан. Далее, вступив в приход, священник обязан прежде всего заботиться об устройстве дома, на что уходят лучшие годы для пастырской деятельности, а материальная кабала и нужда часто остаются на всю жизнь. Самое пастырское служение, многосложное и ответственное, отягчается многими придатками, совершенно чуждыми духу и идее пастырства; к таковым относится, прежде всего, канцелярский труд. Кроме обширнейшей отчетности для духовных консисторий, к пастырю обращаются с требованиями и запросами всевозможные ведомства и учреждения: ученые и учебные, воинские, земские, санитарные, статистические, сельскохозяйственные, археологические и т. п. И вся эта работа должна быть исполнена беспрекословно, безвозмездно и безотлагательно, в противном случае грозит опасность подвергнуться штрафу и наказанию.

Но наиболее тяжелым и принижаящим бременем на каждом пастыре, особенно сельском, лежит порядок получения вознаграждения за труд. Так называемые добротные подаяния в одних местах незаметно переходят в вымогательство и становятся предметом и источником недоразумений и судов между пастырем и пасомыми, а в других – обрекают семью священника на бедность и всевозможные лишения; в обоих же случаях многих правоспособных лиц, получивших специальное богословское образование, вынуждают искать иного пути в жизни.

Интересы Церкви требуют неотложной заботы об улучшении состава пастырей и изменения условий их деятельности и жизни.

В настоящее время, с распространением образования в народе, требования к пастырям предъявляются все выше и выше, а потому, чтобы быть духовным вождем, гласа коего слушали бы овцы, необходимо пастырю обладать, кроме религиозной настроенности и доброй жизни, и достаточным образованием, по крайней мере, не ниже среднего; между тем образовательный ценз духовенства все более понижается. Еще недавно было время, когда священники все были со средним образованием; в настоящее же время нередко на священнические места определяются лица, окончившие только духовные училища. Причина такого упадка – уход семинаристов частью в высшие светские учебные заведения, частью на другой род службы. Для пополнения убыли необходимо сделать духовно-учебные заведения доступными для всех сословий, но с непременно условием – по окончании учения служить Церкви.

При всех приходах должны быть церковные дома для причта, а содержание духовенства должно быть или от казны или от общества, но получаться чрез казначейство, и притом – в равном размере для всех священников русской Церкви, за исключением столиц и местностей с особыми условиями жизни. От канцелярского труда по ведению всевозможных книг и отчетностей причт должен освободить, возложив на него только ведение: 1) кратких клировых ведомостей в двух экземплярах, из коих один отсылается епископу для справок при назначении на места, а другой остается при церкви, 2) метрических книг в двух экземплярах, из коих один также отсылается в архив при епископской кафедре, а другой хранится в церковном архиве, и 3) выдачу метрических выписей, сила и значение коих должны быть равны метрическим свидетельствам, выдаваемым ныне консисторией, и заменить их.

Кроме материального положения, необходимо уяснить и урегулировать и права чести духовенства. В настоящее время «сугубая честь достойно труждающимся» лицам белого и черного духовенства оказывается в форме внешних знаков отличия: скуфей, камилавков, золотых крестов, разных орденов и пр. Эта форма чести решительно противоречит духу пастырского служения, действуя самым разлагающим образом на духовенство, побуждая его к честолобию,

зависти, искательству и т. д., а потому необходимо уничтожение всех знаков отличия для белого и тем более черного духовенства. С уничтожением внешних знаков отличия сугубая честь достойно трудящимся и всем старшим, по занимаемому положению и летам, должна состоять в ореоле нравственного уважения и почитания, которыми окружили бы их знаемые и паства. Единственной отличительной принадлежностью пресвитерского сана должен быть наперсный крест и камилавка при служении на открытом воздухе.

Священнослужителю, желающему, в силу каких-либо обстоятельств жизни, сложить с себя сан священный, должно предоставить полную в этом свободу, без лишения каких бы то ни было прав и преимуществ, по рождению, образованию и службе в Духовном Ведомстве приобретенных.

Что касается порядка избрания и назначения пастырей Церкви, то духовенство епархии высказало по сему вопросу следующие соображения. Канонически обоснованным и идеальным порядком является, бесспорно, предоставление права общине самой выбирать себе пастыря; этот порядок существовал в первенствующей Церкви и дал благие плоды в силу особых условий тогдашней жизни: тот же порядок на Руси дал отрицательные результаты. История русской Церкви дает много печальных фактов из времен выборного духовенства, когда улица, составляющая приход, выбирала себе кандидата на церковное место и просила владыку о доставлении выборного, причем с последнего брала деньги за выбор (Стоглавый Собор), а избранник нередко не мог читать апостола, ни часослова (письмо арх. Геннадия); на памяти многих, живущих и поныне, имели место такие прискорбные случаи, как запивание водкой при «сдаче» места, и такие унижительные, как проба голосов у кандидата на дьяконское место в торговых лавках, куда собиралось купечество города. И в настоящее время, ввиду умственной и нравственной неподготовленности к такому важному делу, как избрание себе руководителя в духовной жизни нашего народа, особенно простого, разрешение вопроса в утвердительном смысле должно быть признано преждевременным. Вместо возвышения авторитета пастыря право выбора может унижить его в глазах прихожан – даже тех, которые на священника смотрят, как на человека, выходящего из ряда мирян; выборный же прихожанами священник явится лицом заурядным, каковы в приходе церковные сторожа, церковные старосты, сельские старосты, волостные старшины и т. п., явится вполне зависимым от своих избирателей, которые будут считать себя вправе требовать от своего избранника исполнения желаний всякого рода, в противном же случае священник может возбудить против себя неудовольствие и вражду; а из боязни сего, под опасностью лишиться куска хлеба, не будет ли он учителем с крайней осторожностью в слове, пороки прихожан не станут ли для него терпимым жизненным проявлением, и, в конце концов, он ли поведет свою паству, а не паства ли своего пастыря? При выборе прихожанами себе пастыря кто будет поручителем, что выбор прихожан удовлетворителен, и кандидат их достоин по своим нравственным и умственным качествам высокой чести быть служителем алтаря Господня? С уверенностью можно предполагать, что в кандидаты на церковные места могут быть избираемы различные проходимцы, сектанты и другие волки в овечьей коже, избирающие пастырство лучшим и удобным средством для достижения своих, нередко преступных, целей. Конечно, можно и должно подвергать представленным кандидатам священства испытанию в чистоте веры и подготовленности к служению; но таковое испытание, при ловкости и хитрости испытуемого, не может служить гарантией, достаточной для рукоположения в сан; отказ же епископа в рукоположении избранного кандидата может породить неудовольствие и привести к самым печальным последствиям. В ином положении стоит епископ, назначающий своей властью пастыря Церкви; он имеет, прежде всего, возможность получить сведения о кандидате священства от лиц, пользующихся доверием, – целой корпорации духовно-учебного заведения, а затем от административных лиц – благочинных и других внешних свидетелей. Наконец, епископу, а не приходу, дан завет апостола: «Руки скоро не возлагай ни на кого же». На основании приведенных мотивов желательно оставить при назначении священников ныне существующий порядок, как общее правило, с тем исключением, допускаемым, впрочем, и ныне, чтобы епископ, в случае желания прихода иметь у себя пастырем то или другое лицо, известное епископу, удовлетворял подобное ходатайство.

Нельзя умолчать и о ненормальном положении диаконов. Согласно распоряжения Св. Синода, в каждом приходе, где имеется 700 человек мужского пола, полагается штатный диакон, но без жалования от казны, обязанный состоять учителем церковной школы. Насаждение диаконов в видах иметь даровых учителей для церковных школ не дало, однако, и не может дать

благоприятных результатов; напротив, оно ведет, как показал многолетний опыт, церковную школу к падению; в то же время, получая за свой учительский труд содержание из скудных средств причта, диаконы являются плохими помощниками причта в служении при храме и в приходе. Разделенные таким образом между церковью, приходом, школой, хозяйством и семьей, диаконы везде стоят в положении, никого не удовлетворяющем. Желательно поэтому освободить диаконов от учительских обязанностей и самое назначение их к церквам производить только в том случае, если приход того пожелает и положит определенное содержание от себя. Закрывание диаконских вакансий присельских и многих городских церквях не отразится на благолепии богослужения, которому только немногие из диаконов содействуют, но зато облегчит приход и казну в содержании духовенства и уничтожит множество неприятностей, распрей и судов среди членов клира. Для приготовления чтецов и певцов, которые не только сами могли бы исполнять как должно свои обязанности, но и организовать хоры при церквах, необходимо устроить при епископских кафедрах певческие школы, содержимые на средства церквей. Служба чтецов и певцов есть вольнонаемная; избрание, допущение к должности, контроль за исполнением обязанностей и увольнение принадлежат, с согласия священника, приходу, который и содержит необходимое число их на свои средства.

4. Епархиальное управление

Епархиальная Церковь возглавляется архиереем, которому вверены люди Господни, и он воздаст ответ о душах их; без епископа пресвитеры и диаконы ничего не совершают, а епископ же имеет власть над церковным имением. В силу такой полноты власти и великой ответственности епископ прежде всего и паче всего должен иметь тесное общение с клиром церковным и мирянами, следя за исполнением закона Господня, чистотой веры и нравственности и устройением Царства Божия на земле. Нынешнее положение епископов малоблагоприятно к осуществлению высокого идеала епископского служения, и причины сего лежат вне самих епископов, во внешних условиях жизни русской. Пространства епархии, при малоудобных путях сообщения, слишком громадны, народонаселение епархии слишком велико и равняется не только восточным митрополиям, но и целому патриархату с многочисленными епископскими кафедрами. Необходимо существующие епископские кафедры разделить и поставить епископов если не во всех уездных городах взамен городских уездных протоиереев, то, во всяком случае, по многолюдным и наиболее отдаленным городам епархии. При увеличении числа епископских кафедр могут представиться два затруднения: в кандидатах на епископские кафедры и в средствах содержания. Первое из них разрешится в том случае, если в сан епископа будут возводимы не только монашествующие лица, но и из белого духовенства опытные в жизни духовной протоиереи и иереи, чего не запрещают и каноны Церкви православной и многочисленные примеры чего мы видим в Церкви греческой. Желательно и обязательно только одно условие: чтобы епископ был или вдовец, или неженатый; этого требует исключительная высота епископского служения, которое ничем не должно быть обременяемо, ни семьей, ни житейскими заботами и попечениями, что неизбежно для человека семейного и особенно в настоящее время. Да и весь русский народ, во главе со своими пастырями, привык смотреть на епископа, как на человека, обрекшего себя исключительно на служение Богу, а потому и более близкого к Нему, отрешенного, по силе возможности, от мира и его страстей; введение же епископов женатых, с детьми, женами, семейными дрязгами с различного рода прислугой, разнородным хозяйством, что нередко отзывается вредно на деятельности даже священника, унизит несомненно в глазах народа авторитет епископа и в то же время вряд ли принесет существенную пользу Церкви. Что касается содержания епископов, то им могут быть предоставлены те же средства, коими в настоящее время пользуются настоятели уездных соборов; для содержания же необходимой свиты следует приписать к епископской кафедре некоторые из монастырей.

Большим неудобством для епископов и паствы, и вопреки апостольскому правилу (14-му), являются частые перемещения епископов с одной кафедры на другую. В силу канонов, раз назначенный епископ на известную кафедру должен быть несменяем, разве когда будет некоторая вина благословная, сие (т. е. переход) творити его понуждающая, яко могущего большую пользу обитающим там принести словом благочестия; и сие не по своему произволу, но по суду многих епископов и по сильнейшему убеждению. Такой благословной виной и ныне может быть избрание предстоятелем Церкви российской или епископом столичного града. При многолетнем служении только и возможно установить тесное общение между епископом и его паствою и отечески воздействовать на нее и приводить ко Христу. Существующий ныне закон награждения епископов орденами и титулами, дающими право на перемещение к другой кафедре, должен быть оставлен, а также уничтожено и деление кафедр на лучшие и худшие; все кафедры должны быть равны, а право чести и уважения принадлежать достойнейшему.

Если канцелярский труд тяжелым ярмом лежит на приходском священнике, отвлекая его силы и время от исполнения прямых пастырских обязанностей, то тот же труд, увеличенный во много раз, превращает епископа в чиновника Ведомства Православного Исповедания и приковывает его ежедневно и на много часов к письменному столу. В Смоленской епархии средним числом в год поступает на рассмотрение епископа до 10.000 бумаг, в виде журналов, докладов, смет и прошений по разнообразным нуждам. Из всего этого огромного количества бумаг большинство так маловажны, что могли бы быть рассмотрены окончательно или благочинническими советами, консисториями или иными епархиальными учреждениями, а другие настолько грязны и циничны, как например — дела бракоразводные, что епископу, а в особенности монаху, и читать непристойно, не только входить в обсуждение о достаточности

улик прелюбодеяния супругов и правильности консисторского решения. Единственный выход из этого ненормального для епархиального епископа положения, помимо уменьшения пределов епархии, это – возможно широкая децентрализация епархиального управления, что будет соответствовать основному началу соборной Церкви и ускорит делопроизводство.

а) Благочинные, благочиннические советы и съезды

Представителем власти епископа в уезде состоит благочинный. Духовенство округа из священников не судимых и не штрафованных избирает двух или трех кандидатов, из коих епископом один утверждается в должности благочинного; увольнение от должности благочинного, во избежание частой их смены, может быть только по суду. Обязанность благочинного – приведение в исполнение предписаний епископа и постановлений съезда духовенства, наблюдение за благосостоянием церквей и их ремонтом, наблюдение и руководство деятельностью духовенства. В каждом округе при благочинном состоят выборные от духовенства округа два священника, за исключением следователя и духовника, образующие его совет. Ведению благочиннических советов подлежат все дела по проступкам духовенства, влекущим за собою денежный штраф, выговор или замечание, споры из-за владения землей или раздела братских доходов, а равно недоразумения между прихожанами и священником, причем при решении тяжёбных дел участвуют окружной следователь и два представителя от мирян того прихода, дело коего рассматривается благочинническим советом с правом совещательного голоса. Решение благочиннического совета по хозяйственным спорам – окончательное, по проступкам пастырского служения – подлежит обжалованию суду епископа. Вообще, все судебные и тяжёбные дела в округе подлежат предварительно рассмотрению благочинного и его совета, причем дела, не превышающие компетенции совета, им и решаются, а остальные передаются епископу. Благочинным округа два раз в год, в декабре и июне, созываются окружные съезды всего духовенства, церковных старост или представителей от прихожан. Предметами обсуждений таковых собраний могут быть вопросы пастырской практики, касающиеся веры и нравственности пасомых, дела, подлежащие затем рассмотрению епархиальных соборов, раскладка взносов от церквей на нужды округа, устройство библиотек, благотворительных и просветительных окружных учреждений.

б) Епархиальный собор

Следующей, более высокой ступенью епархиального управления является епархиальный собор. Собор собирается ежегодно в определенное время и состоит из всех благочинных епархии, депутатов-священников – по одному от благочиния, представителей от мирян – тоже по одному от округа, представителей от духовно-учебных заведений и других епархиальных учреждений. Председательствует на соборе епископ, а в его отсутствие – лицо, избираемое собором из депутатов – священников или благочинных. В настоящее время епархиальные съезды духовенства рассматривают преимущественно вопросы экономического характера; не исключая таковых вопросов из сферы епархиальных соборов; желательно, однако, чтобы в будущем на этих соборах обсуждались, главным образом, вопросы пастырского служения, религиозно-нравственного состояния паствы, народного просвещения, воспитательной и учебной части в духовно-учебных заведениях. Постановления епархиального собора утверждаются епископом и обязательны для всех приходов епархии.

в) Пресвитерский совет

Исполнительным органом епархиального управления служит пресвитерский совет при епископе. Совет заменяет ныне существующую консисторию и состоит из священников, избираемых епископом, коему принадлежит полнота власти Церкви и без воли коего пресвитеры не могут ничего делать, но не собором епархиальным, дабы не вызвать нежелательных отношений между духовенством и епископом. Самый важный недостаток современных консисторий – излишнее бумажное делопроизводство и притом по устарелым формам; если существующий порядок перенести и в пресвитерский совет, то для дела пользы будет мало, и вся реформа будет состоять в перемене вывески. Необходимо для избежания сего недостатка все дела (а их, по сравнению с настоящим количеством, будет ничтожное число) рассматривать в присутствии и под председательством епископа, решения коего тотчас записываются на деле и приводятся в исполнение. Дела же различных учреждений: свечного завода, богадельни, эмеритур, церковных школ, а также экономической части духовно-учебных заведений, решаются самими учреждениями и только в случае разногласия членов представляются на рассмотрение пресвитерского совета с участием представителей заинтересованных учреждений; отчеты же о своей деятельности, сметы и их исполнение представляются учреждениями на обсуждение епархиального собора. Содержание пресвитерского совета и канцелярии епископа производится за счет казны, как ныне консисторий.

г) Епархиальный суд

За предоставлением благочинническим советам права решать маловажные тяжбы по проступкам пастырского служения, сокращением диаконских вакансий и уничтожением должности псаломщиков, на долю епископского суда останется сравнительно немного дел серьезного характера. Для производства следствий по сим делам при епископской кафедре учреждается должность одного или двух следователей, каковые замещаются лицами, не носящими духовного сана и с высшим юридическим образованием; следствие производится на месте в присутствии благочинного, членов благочиннического совета и окружного следователя, причем обвиняемому предоставляются все права и способы к оправданию, за исключением допущения присяжных поверенных. Следствие, по окончании производством, при заключении следователя и членов благочиннического совета в подлиннике представляется на решение епископа.

5. Духовно-учебные заведения

Коренной и единственной задачей духовно-учебных заведений должно быть приготовление пастырей Церкви; потому вся предполагаемая реформа учебных заведений должна быть рассматриваема и оцениваема с той точки зрения, насколько они исполняют свое назначение. В настоящее время среди духовенства сильно желание, чтобы детям его было предоставлено право свободного поступления в светские высшие учебные заведения из духовных школ; желание – совершенно естественное, тем более, что удержание в духовном звании лиц, стремящихся на иную дорогу, мало полезно для Церкви. Настает, таким образом, нужда удовлетворить духовенство в его желании дать детям высшее образование и в то же время соблюсти интересы Церкви; соединить эти две цели без ущерба тех или иных интересов представляется невозможным по следующим обстоятельствам. Ныне духовно-учебные заведения содержатся преимущественно, если не исключительно, на счет церковей, и употребление церковных денег может быть оправдываемо тем, что питомцы сих школ до последнего времени, за исключением немногих, служили Церкви и тем платили ей долг за образование. При даровании доступа окончившим курс семинарии в светские учебные заведения церкви не вправе давать средства на содержание учебных заведений для детей духовенства, из коих большинство не будет служить алтарю. Исходя из таковых соображений, нынешнюю духовную школу необходимо разделить на две части: в одной должны преобладать предметы общеобразовательные, по программе светских средних школ, но не выше, дабы не был закрыт доступ воспитанникам светских школ, желающим послужить Церкви, к поступлению в богословские классы; в последних образование должно быть исключительно богословско-философского характера. По окончании курса питомцы богословских классов становятся служителями Церкви или поступают в духовные академии без всякого вступительного экзамена. Первая из этих школ – общеобразовательная – должна содержаться на средства или казны, или учащихся в ней, а вторая – богословские классы – на счет церковей, как содержатся духовные школы и ныне. Не касаясь распределения предметов обучения, количества школьных лет, числа уроков и других деталей, что разработают Учебный Комитет, учебные заведения и специалисты разных наук, можно высказать пожелание, чтобы все образование и воспитание носило в богословских школах (средних и высших) преимущественно религиозно-нравственный характер и готовило пастырей и учителей, всецело проникнутых духом учения Христова и преданностью Церкви православной.

5. Высшее церковное управление

а) Областной собор

Высшая власть в Церкви, согласно апостольских правил и постановлений Вселенских Соборов, принадлежит не одному лицу, а собору епископов, которые обязаны ежегодно дважды собираться и рассуждать о догматах благочестия и разрешать случающиеся церковные прекословия. Русская Церковь в древнее время изредка еще видела собрания епископов известной области; но в последние века это драгоценное завещание апостолов, необходимое правило, совершенно и основательно забыто под влиянием различных условий жизни Церкви и соображений государственного характера. Таковым в настоящем предложении г. обер-прокурора выдвинуто опасение отделения от Русского государства окраин – Кавказа, царства Польского и др., в случае дарования им некоторой церковной автономии. Предложение г. обер-прокурора, состоявшееся в июне, когда не поднималось даже вопроса о сепаративных стремлениях окраин, еще могло выражать опасение за целостность государства при даровании церковной автономии митрополичьим округам; но за этот промежуток времени столько случилось горьких фактов на Руси, столько раз она теоретически разделялась на части, что Церкви не придется брать на свою душу греха и ответственности в этом деле, ибо, пока соберется Собор церковный и решится вопрос об автономии округов, к тому времени окончательно решится в том или другом смысле и важнейший государственный вопрос об единстве и неделимости России, а вместе с тем падет и последний тормоз к устройству областных епископских соборов и дарованию округам некоторой автономии. Число округов должно соответствовать этнографическому составу народонаселения, имеющего свои отличительные черты характера, воззрений, наречия, уклада жизни и занятий. Епископы известной области, собравшись впервые по приглашению старейшего из них, избирают из своей среды председателя, который созывает последующие соборы, председательствует на них, но не имеет никакой власти над остальными епископами области. Предметами соборного обсуждения могут быть, согласно правилу апостолов, догматы благочестия и церковные прекословия, т. е. апелляции на суд епископа, избрание епископов на свободные кафедры области и, по утверждении патриарха, хиротония их. Собор областной состоит из епископов, выборных от духовенства и представителей от мирян – по одному от епархии; миряне и пресвитеры имеют совещательный голос, решение же дел принадлежит епископам.

б) Поместный Всероссийский Собор

Собор созывается по мере надобности и состоит из епископов или их заместителей, представителей от белого духовенства и мирян – по одному от епархии, монашествующих, представителей богословской науки и учебных заведений; право решающего голоса принадлежит только епископам. Собор рассматривает вопросы, касающиеся всех сторон жизни и веры, богослужения, нравственности, церковной дисциплины, осуждает ереси, наказывает еретиков отлучением от Церкви; Собор же избирает и первосвященителя русской Церкви, которому присваивается титул патриарха Российского.

в) Патриарх и его управление

Патриарх избирается пожизненно и имеет свое седалище в царствующем граде. Управление его – не единоличное: Собором избираются на определенное число лет епископы, которые составляют патриарший Синод под председательством патриарха. Патриарху и его собору принадлежит высшая судебная и административная власть во всем патриархате и надзор за исполнением церковных законов и канонов.

5. Участие духовенства в жизни государственной и общественной

Православная Церковь, объединяющая собой русский народ, являющийся коренным и преобладающим элементом населения империи, естественно должна быть господствующей. Не стесняя веротерпимости и гражданского полноправия иноверцев, только православная Церковь должна пользоваться правом миссионерства, недопустимым для других исповеданий, раскола и сектантства в отношении к православию. Управляться Церковь должна только канонами и быть чуждой политических партий и учений. Посему и служители ее не должны принимать активного участия в политической борьбе, а лишь учить паству слову Божию и доброй жизни христианской и тем исполнять прямую и единственную задачу своего служения.

Помимо предметов, указанных в предложении г. обер-прокурора, соборному обсуждению должны быть подвергнуты и многие вопросы, касающиеся преимущественно устава Церкви православной и языка богослужебных книг. Народ русский настолько сроднился с тем, чтобы язык богослужений был язык славянский, но не разговорный русский, что изменение сего освященного веками обычая в состоянии вновь повторить печальное историческое событие – отделение части населения от господствующей Церкви и во всяком случае явится лишним тормозом для восстановления единения с отпадшими со времен патриарха Никона. Посему языком церковным должен оставаться язык славянский, богатый, выразительный и благозвучный. В то же время нельзя не считаться и с тем обстоятельством, что русский обиходный язык в своем развитии далеко ушел от первичных, коренных форм языка прародителей, который ныне нам – потомкам – сделался по местам малопонятным, а потому и малоназидательным, даже более того – способствующим охлаждению религиозного чувства и порождению и развитию сектантства среди сынов и дочерей русской Церкви, которая, как мать, должна позаботиться об удовлетворении духовных нужд своих чад. Вопрос об исправлении языка богослужебных книг и даже переводе их вновь, с более правильной конструкцией речи, заменой устаревших слов новыми, устранением неточности выражений и приближением к языку новославянскому, по своему строению, – поднимался не раз и епископами, как например Феофаном Затворником, и представителями богословской науки, особенно мирянами в духовной и светской печати, но до сих пор не получил надлежащего разрешения и во всем своем объеме подлежит удовлетворению со стороны предстоящего Собора Церкви и затем скорейшему, чем в былое время, когда исправления длились едва не веками, осуществлению в жизни.

В связи с вопросом об исправлении языка богослужебных книг стоит вопрос и о самих богослужениях. Эта связь, между прочим, заключается в том, что как малопонятность языка богослужебных книг, так и допускаемое ныне совершение богослужений – в иных случаях порождают одинаково, печальные последствия, о которых сказано выше. Ни для кого не тайна, что богослужебный устав истово выполняется только в немногих, почти единичных, обителях; в остальных же монастырях и приходских храмах ни в чем так не выражается ярко воля настоятеля, как в нарушении устава, – воля, переходящая в совершенный произвол, вследствие чего чин богослужения, не говоря об утрате глубокого содержания, одухотворенного единством мысли и идеи и выраженного в пластических формах, предлагается молящимся в уродливом виде. Подробно раскрыть и уяснить причины печального явления не позволяет ни время, ни рамки и задачи настоящего рапорта; это – труд канонистов; но нельзя хотя бы вкратце не указать тех факторов, совокупность действий коих привела к нынешнему повсеместному упадку богослужебного чина. Первый из них – это если не оскудение веры (неверующий не пойдет в храм), то во всяком случае отсутствие в современном нервном, материальном человеке навыка и способности сосредоточиться на молитве, исполнить заповедь апостола: «непрестанно молитесь»; второй – самый уклад общественной и государственной жизни, когда человек, в силу выработанных и установленных законом условий существования, не может, при всем желании, быть точным исполнителем уставов церковных; и, в-третьих, что самое главное – свойство и характер богослужебного устава. Действующий в Церкви русский устав не есть собственно норма для мирян; он создан исключительно для монахов, аскетов, с единственной целью дать возможно менее свободного времени от молитвы для монашествующих и тем, с одной стороны, исполнить заповедь апостола о непрестанной молитве, а с другой – оградить их от искушений мысли и желаний и праздности. Вернуть жизнь к тому времени и духу, когда создавался устав, нет никакой возможности; но, вместе с тем, Церковь обязана принять меры к пресечению грубого

искажения по произволу церковного устава. Посему предстоящему Собору необходимо прежде всего очистить чины богослужений (преимущественно в совершении таинств и других треб) от тех наслоений, которые с течением времени проникли в них, а затем выработать такую обязательную норму церковных повседневных богослужений для приходских храмов, которая, сохраняя в себе всю полноту и глубину содержания, в то же время соответствовала бы условиям современной жизни и ее нуждам и удовлетворяла религиозное чувство и потребности чад Церкви православной.

К сему долгом почитаю присовокупить свое личное мнение. Недуги и недостатки, несомненно, есть в Церкви русской; но, чтобы для уврачевания первых и исправления последних потребен был Поместный Собор, едва ли можно согласиться. При настоящем возбуждении умов, при склонности почти каждого отстаивать свои мнения, часто совершенно ошибочные, на Соборе трудно будет прийти к соглашению. Кажется, с уверенностью можно сказать, что члены Собора разойдутся не только неудовлетворенными, но и более прежнего разномыслящими друг с другом. Какая, далее, надобность в Соборе?

Невероятно, чтобы члены Собора коснулись законов и постановлений Вселенских Соборов, к чему, по-видимому, призывают их наши псевдо-либералы, проповедующие на страницах даже духовных журналов о женатых епископах, второбрачных священниках и т. д., таких реформаторов и св. Златоуст не удовлетворяет, и в его литургии предполагаются сокращения. Неужели Собор посягнет на это? Недуги и недостатки в нашей отечественной Церкви врачевать и исправлять вполне может и, прибавим, должен Св. Синод, состав коего следовало бы пополнить, призывая к участию в заседаниях оного не излюбленных лишь преосвященных, а, соблюдая чреду, всех епархиальных, спрашивая в вопросах особой важности, на которые в ответ желательно слышать голос всей отечественной Церкви, и преосвященных викариев, и многоопытных пресвитеров, и начальников духовно-учебных заведений.

Прежде чем реформировать духовные школы, было бы делом справедливости вспомнить, сколько доброго для Церкви дали школы старого типа, откуда вышли Платон, Филарет, Григорий и многие иерархи, целый сонм пресвитеров высокой духовной жизни, украшавших и прославивших занимаемые ими места и оставивших по себе память с похвалами. Ничего подобного не слышно о новой школе по уст. 1867 года с ее пресловутым выборным началом, с 1884 г. было отмененным и ныне вновь, к прискорбию, вводимым; не дала она добрых делателей на ниву Божию, а злыми оказалась очень нескудна. И не могла дать, – прибавим мы, – ибо возникла тогда, когда дух реформы (скажем словами в Бозе почившего епископа Иоанна) ни в ином каком-либо смысле, а именно в либеральном, объял почти все стороны нашей общественной жизни, когда по всей России во всех слоях общества вспыхнул никогда не виданный дотоле пожар голов, охвативший все ее старое здание, в этом бурном пламени идей, неясных, несознанных, неподготовленных, а напротив, совершенно отрицаемых предыдущим ее направлением. Эти слова, сказанные с лишком сорок лет назад, не утратили значения и в настоящее время, к которому вполне приложимы. Не Собор, не реформы нужны для Церкви русской, а нужны пастыри и архипастыри, которые были бы сосудами света и теплоты, носителями огня в своем учении, в своем духе, в своей жизни, теми иереями, устне которых, по слову пророка, сохраняют разум (Мал.2:7). Вспомним, какие огни горели в прежнее время на высотах русской Церкви в ряду светил ее. Пусть епископ – скажем словами приснопамятного святителя Филарета, – распространяет дух гармонии в Церкви, да будет вся она единым духовным хором и органом Божиим, пусть епископы возбуждают в себе и окрест себя церковный дух, пусть памятуя архипастыри и пастыри, что святые апостолы и древние отцы Церкви устроили и распространяли Церковь не силой внешних законов языческого мира, но силой крепкой веры, любви и самопожертвования.

**№51, преосвященного Питирима, епископа Курского, от 27
декабря 1905 года**

По вопросу о желательных изменениях в строе епархиального управления

Указание желательных изменений в строе русского епархиального управления нашего времени, с целью его улучшения, может быть выведено только путем историческим. Историческое обозрение существовавших форм епархиального управления на православном Востоке и в Церкви русской прошлого времени покажет, как далеко и в чем современный русский епархиальный строй уклонился от канонических норм и прежней административной практики отечественной Церкви.

Формы церковно-епархиального управления на Востоке слагались и определялись постепенно, под влиянием известных исторических условий. Главнейшие и более общие из них – следующие: епископально-общинная, епископально-клерикальная и епископально-консисториальная.

Епископально-общинное управление по своему происхождению – древнейшее. Началом своим оно восходит ко временам апостольским и всего более испытало на себе организаторское воздействие самих устроителей Церкви, св. апостолов. Вследствие сего оно по своему достоинству и историческому значению должно быть признано наиболее образцовым. Его развитию и процветанию в пределах Греко-Римской империи до времен императора Константина Великого содействовало обособленное и отдельное существование Церкви от государства. Почти в трехвековую эпоху гонений на христиан Церковь Христова жила вне всякого союза с государством. При отсутствии внешнего государственного влияния, церковно-епархиальное управление этого времени должно было оформляться в том направлении, основы которого были положены самими апостолами. А они к участию в церковном управлении допускали всех верующих, раскрывали свои намерения перед всею Церковью и осуществляли их при содействии многих членов ее. Так, по свидетельству книги Деяний Апостольских, избрание в число 12 апостолов, на место отпавшего Иуды, Матфия (1:15–26) и семи диаконов произведено было апостолами при участии всего общества иерусалимской Церкви (6:5). Во время голода в Иудее свв. Павел и Варнава милостыню, собранную в Антиохийской Церкви, представили бедствующей братии Церкви Иерусалимской (Деян.11:29). Апостолы же со всею Церковью избрали мужей для опубликования чрез них постановлений Иерусалимского Собора (51 г.) относительно закона Моисеева (Деян.15:22). Вообще, при жизни апостолов, по их изволению, в делах всей Церкви участвовали верующие (напр., 1Тим.5:20). В практике послеапостольского времени видим применение того же участия мирян в церковном управлении. Принятие новых членов в Церковь, избрание на иерархические степени, распоряжение церковным имуществом и церковный суд – были производимы епископами, как преемниками власти апостолов, при участии мирян. В письмах св. Киприана, епископа Карфагенского, ярко обрисовывается деятельное участие мирских членов христианских общин как в обсуждении дел на собраниях, так и в дисциплинарном суде и обратном принятии в Церковь согрешивших (18, 35, 43, 46...). Всегдашним правилом сего святого предстоятеля карфагенской Церкви было «ничего не делать без совета пресвитеров и без согласия народа» (письмо 27). О составе одного из Карфагенских соборов сохранилось следующее свидетельство св. Киприана: «Нужно, составив общий совет с епископами, пресвитерами, диаконами, исповедниками и твердыми в вере мирянами, рассудить о делах падших» (твор. 1, 153).

Участие мирян в епархиальном управлении ясно подтверждается еще существованием в первые века коллегиального церковно-народного органа сего управления; он назывался «главным советом епископским». В состав его, под председательством епископа, входили: пресвитеры, диаконы и старцы из мирян. При епархиальном епископе он составлял высшую совещательную власть и собирался по делам особой важности, касавшимся всей паствы. Рассмотрению его подлежали дела о членах, впавших в ереси, дела о падших во время гонений, суд над теми и другими, вопросы по распоряжению церковным имуществом и т. п. Вообще, на рассмотрение сего собрания поступало все важнейшее в церковном управлении, чего не решался делать епископ даже и по рассмотрении в совете пресвитеров, по отношению к которому епископский совет составлял высшую инстанцию.

Как совокупность пресвитеров, состоявших при епископе, совет пресвитеров, или пресвитериум, представлял собой совещательную коллегия, подававшую свое мнение по делам церковно-епархиального управления. За смертью или отсутствием епископа пресвитерский

совет, во главе со своим архипресвитером, заведовал и всем церковным управлением. Круг его действий составляли рассмотрение и обсуждение всех дел по епархии, подлежавших пересмотру главного епископского совета и в нем получавших иногда другое решение. Состав пресвитериума определился не сразу: на первых порах своего исторического существования он состоял из всех пресвитеров управляемой епископом общины. С увеличением же числа пресвитеров и открывавшейся невозможностью всем им участвовать в управлении из числа их в советники и помощники епископу избирались лучшие и опытнейшие. В посланиях к Траллийцам и Магнезийцам св. Игнатий Богоносец (умер в 107 г.) представляет собрание пресвитеров, как священное присутствие, совет и заседание епископа, он же называет их священным синедрионом, собором апостольским.

Таким образом, первый и древнейший период (до 4 века) епархиального управления был временем преобладания епископально-общинной формы, характеризуемой живым и действенным участием, кроме клира, и мирян под руководством и высшей властью епископа. Для надлежащего понимания такового отношения к церковно-епархиальным делам мирян нужно иметь в виду, что в древности епископийные округа, обыкновенно называвшиеся парикиями, были незначительны по географическому своему пространству и по малочисленности своих членов. В Церкви неокесарийской насчитывалось всего 17 христиан, когда управление ею принял (около 244 г.) св. Григорий Чудотворец. По словам Григория Богослова (ум. в 391 г.) город Назианз, в котором епископствовал его отец Григорий, был малейший между городами, «маленьким поселением диокесарийцев». В Герасе, маленьком городе близ Пелузия, был епископский престол. В Малой Азии на пространстве двух провинций было до четырехсот епископий (Созомен 8, 19). То же число было в 4 веке и в Церкви африканской. Чтобы без надобности не увеличивалось число епископов и не смешивались пределы их округов, Поместными Соборами 4 века было запрещено поставлять епископов в небольшие города и селения, для коих достаточно было и пресвитеров, «дане уничижается имя епископа и власть» (Сард. Соб. пр. 6-е; Лаод. пр. 57-е и 2 Всел. Соб. пр. 2-е). Это каноническое постановление повлияло на уничтожение сельских епископов или хореепископов, находившихся под властью городских епископов (Антиох. Соб. пр. 10-е и Василия Вел. пр. 89-е); число же городских епископов оставалось по-прежнему значительным. При императоре Юстиниане (527–565 гг.) в Греции числилось 64 губернаторских и 935 уездных городов и в них столько же епископов, так как каждый город имел и своего епископа (Номокан. Фотия титл. 1, гл. 20 и титл. 8, гл. 1). Одних митрополичьих округов, заключавших в себе несколько епархий, в Константинопольском патриархате в 10 и 14 вв. было свыше семидесяти. С начала 4 века, вследствие тесной связи государства с Церковью, в каковую связь поставил ее первый христианский государь Константин Великий, открылось и сильное внешнее влияние его на Церковь, обнаружившееся в переменах, касавшихся церковного устройства. Самая капитальная из этих перемен состояла в том, что центр тяжести в церковно-общественных делах был перенесен из области полномочия отдельных самоуправляющихся общин в сферу власти христианских государей и окружавших их придворных. Известное участие мирян в церковно-епархиальном управлении с постепенным его ограничением должно было прекратиться, так как права их перешли к государственной власти; и это тем более должно было случиться, что Церковь, для большей устойчивости своих постановлений в обществе, часто сама искала поддержки и помощи у государственной власти. Так как, далее, участие народное в делах церковных сопровождалось и вредными явлениями (например, смутами и беспорядками при избрании священных лиц и искательством недостойных кандидатов), то оно было ограничиваемо и соборными постановлениями. Лаодикийский Собор (около 364 г.) воспретил «сборищу народа избирать имеющих ставитися во священство» (пр. 13-е).

Другим следствием новых взаимоотношений государства и Церкви в Греко-Римской империи было образование новой формы епархиального управления – епископально-клерикальной. Особенностью ее было устранение от заведования церковными делами не только верных или мирян, но и членов клира определенного епархиального округа, и возвышение некоторых из последних на степень епархиальных начальников. Такими чиновниками-клириками, наприим., были: экононы, скевофилаксы (сосудохранилища), сакелларии (казначей), периодевты (благочинные), экдики (церковные защитники, адвокаты), хартофилаксы (делопроизводители по суду и управлению) и начальники разных благотворительных учреждений, называвшиеся по их именам (попечители о больных, о сиротах и т. п.).

Для производства административных и судебных дел в епархии при епископе стало в этот период функционировать особое коллегиальное учреждение, известное под именем «епископского совета». Обычными его членами были: 1) протопресвитер, 2) иеромнимон, 3) канстризий, 4) референдарий, 5) логофет, 6) ипомниматограф и 7) хартофилакс, занимавший после епископа первое место в совете. Это обычное число членов своего совета епископ, по требованию обстоятельств, мог увеличить или уменьшить. От древнего пресвитериума этот совет, главным образом, отличался тем, что членами его состояли исключительно лица с церковно-правительственными должностями, и только производство в эти должности давало им доступ в его члены. Кроме того, епископский совет представлял собой вполне организованный административный институт, в котором каждый член его занимал свое особое место и определенное положение.

В течение долговременного своего исторического существования епископский совет носил различные названия; теперь у греков он называется πνευματικόν, ἐκκλησιαστικόν, δικάστήριον, а где не употребляется греческий язык – епархиальная (епископская, духовная) консистория.

Рассмотренное епископально-клерикальное управление служило переходной ступенью от древнейшего епископально-общинного к современному епископально-консисториальному управлению. В настоящее время епархиальное управление чрез консистории совершается в таких восточных Церквях, как: елладская (в Греции), черногорская, сербская, сибирская (в Румынии), карловацкая (в Австро-Венгрии)... и русская.

Епархиальное управление в русской Церкви имеет свою историю и свои особенности, слагавшиеся под влиянием местных условий страны и государственно-общественной жизни.

Обозревая историю епархиального управления в русской Церкви от ее начала, нельзя не видеть, что организация его слагалась на первых порах применительно к управлению, господствовавшему в Константинопольском патриархате, в состав которого долгое время она и входила на правах митрополии. Соответственно совету пресвитеров, услугами которого пользовались на Востоке правящие в епархиях епископы, и в русской Церкви весьма рано образовались при епископских кафедрах коллегии епархиальных чиновников, известные под именем клиросов и состоявшие из пресвитеров. Круг обязанностей их не было строго разграничен, каждый из них еще не специализировался в определенного рода делах, а исполнял то, что ему поручал и повелевал епископ. Понятно, что близость клирошан к епископу и исполнение ими епископских распоряжений должны были поставить их в преимущественное положение в ряду остального духовенства. С течением времени с нашими клиросами случилось то, что раньше произошло на Востоке с пресвитериумами, именно: клиросы, как учреждения, имевшие значение не сами по себе, а значившие только по степени исполнительности их членами архиерейских распоряжений, стали в уровень с простыми причтами, а место их заняли специальные чиновники, как стали они в Греции на место совета пресвитеров.

Кроме кафедральных клиросов, как коллегиальных советов или соборов при епископах, были еще отдельные, епархиальные административно-судебные чиновники, именно – епископские наместники из лиц духовных, учреждаемые по подобию греческих синкеллов. Такими были собственно наместники кафедральные, жившие при самих архиереях. Были затем еще наместники уездные, области которых, вероятно, совпадали с областями княжеских наместников (посадников). При уездных наместниках должны были существовать и свои клиросы, или свои административно-судебные соборы пресвитеров. В силу архиерейских наказов, наместники обязаны были «дела духовная управлять; церкви святыми антиминсы новопоставленные освящать, а ветхия подтверждать; села церковная и митрополичьи (или архиепископския) строити...» т. е. наблюдать за доходами земель, принадлежащих владыке в разных местах епархии.

Поземельное, часто богатое, владение архиерейских кафедр в древней России послужило причиной проникновения в епархиальное управление светского элемента в лице светских служилых людей архиерея. Таковыми светскими архиерейскими чиновниками были: тиуны, дьяки, заещики, приставы и неделищики, боярские дети, десятичники и др. Первоначальное назначение архиерейских служилых людей, состоявшее в заведовании архиерейскими поместьями и жившими на них крестьянами, было с течением времени забыто: им стали поручаться и дела церковного управления. Постепенно они возобладали над помощниками архиереев из духовных лиц и даже совершенно вытеснили их из епархиальной администрации. Более же выдающимися из последних, кроме архимандритов, протопопов и игуменов, были

поповские старосты, обязанностью которых было: собирать владычные сборы, надзирать за церковным благочинием и в качестве депутатов сидеть в суде над духовенством у владычных мирских судей. В 17 веке при архиерейских кафедрах основываются особые учреждения, известные под именем приказов, образовавшихся из волостельничеств. Первыми по времени были патриаршие приказы, учрежденные патр. Филаретом, именно: 1) патриарший разряд или судный приказ, бывший важнейшим административным и судебным местом в обширной епархии патриарха; 2) казенный, ведавший всякие церковные сборы патриарха, и 3) домовый, заведовавший вотчинами и домовым хозяйством патриаршего двора. По определению Московского Собора 1667 г., в патриаршем разряде было образовано особое отделение для суда над духовенством, так называемый духовный приказ. Для дел церковного благочиния к концу 17 столетия, при патриархе Иоакиме, был образован еще приказ церковных дел, заменивший собою тиунскую избу.

По образцу патриарших приказов устроены были архиереями и в их епархиях приказы, по преимуществу: духовный – для управления и суда, а также казенный – для сборов в казну архиереев. В приказах заседали лица: духовные – архимандриты, «приказные старцы», и светские – бояре, дворецкий, дьяки, подьячие и пр.

С 17 же столетия в Киевской митрополии церковное управление получает более твердое коллегиальное устройство под влиянием форм западного католического церковного управления. По почину Львовского епископа Макария Тучапского 1549 г. во всех южнорусских епархиях с 17 века учреждаются, по обычаю латинских и униатских епархий, капитулы. При Киевском митрополите название капитула встречается в первый раз при Сильвестре Коссове, хотя с конца 17 века капитул называется и консисторией (от латинского слова *consistere* – сходиться, согласоваться). В завещании митрополита Гedeона Четвертинского 1690 года названы уже и консистористы.

В 18 веке приказы постепенно стали заменяться в северо-восточной России консисториями, как коллегиальными учреждениями, в соответствие центральной коллегии – Св. Синоду. В 1744 году было издано общее распоряжение об учреждении консисторий по всем епархиям. В отличие от приказов, бывших домашними канцеляриями епархиальных архиереев, консистории представляют собою присутственные места с определенным личным составом и с определенным кругом ведомства. Управление и суд, под непосредственным начальством епархиального архиерея, составляют функции деятельности консисторий, а присутствие и канцелярия, под начальством секретаря, представляют их состав. Из ведения консисторий изъяты духовноучебные заведения (1808 г.), церковно-приходские школы (1885 г.), а также и епархиальные попечительства о бедных духовного звания, существующие с 1823 года и стоящие в непосредственной зависимости от архиерея.

В низшем епархиальном управлении около прежних духовных управителей (протопопов, десятильников, наместников) возникли коллегиальные учреждения, подчиненные консисториям – духовные правления, круг дел коих тот же, что и консисторий. В 1840 году 2 ноября последовало Высочайшее повеление об упразднении их. С закрытием уездных духовных правлений органами окружного епархиального управления оставлены благочинные, должность которых учреждена в 18 веке, помощники благочинных и благочиннические советы, функционирующие в окружном епархиальном управлении с шестидесятых годов 19 столетия.

В отличие от бывшей всегда выборною должности поповских старост, сменила ее должность благочинных. Выборное начало к последней применялось с 1860-х годов по 1881 год. Должностные обязанности благочинного определяются инструкций, составленной в 1775 году митрополитом Московским Платоном, впоследствии исправленной и пополненной. Рассмотрению совета благочиннического предоставляются такие же дела, какие подведомственны и благочинному, как-то: о разделе причном доходов, аттестация духовенства, ходатайство о представлении к наградам и т. п.

Сопоставление современного епархиального управления русской Церкви с таковым же управлением древней Вселенской Церкви выделяет в нем следующие три особенности: чрезмерную обширность и малочисленность епархий, консисториальную систему с присущими ей бюрократизмом и канцеляризмом и слабое участие мирян в церковных делах. Устранение этих особенностей и должно составлять главную задачу предстоящей реформы епархиального управления.

В частности, для соответствия древнецерковному строю и облегчения епархиальному епископу успешно выполнять свое высокое и ответственное назначение, необходимо открыть в России возможно большее число епархий. С первых дней своего исторического существования наша отечественная Церковь отличается относительной малочисленностью епархий по сравнению с Церковью греческой, в которой епископы были во всех городах. Св. Владимир открыл в Русской земле только 8 епархий. То, что при Владимире произошло случайно, осталось на последующие века правилом, имеющим свою силу и по настоящее время. Если древнерусские епархии по своему пространству равнялись десяткам, даже сотням (Новгородская и Ростовская) греческих епархий, то и в наши дни они еще весьма обширны. Тульская епархия, самая малая из центральных, едва ли не обширнее Иерусалимского патриархата, состоящего из 15 епархий. К началу текущего 1905 года в Российской империи, занимающей пространство в 1 970 294 кв. верст, насчитывалось всего 67 епархий. К тому же времени вся русская высшая иерархия состояла из 129 лиц, включая в это число 17 иерархов, пребывающих на покое. Этот показатель правящей иерархии в России бледнеет пред числом православного населения, которого в наши дни насчитывается около 85 миллионов. При необычайной обширности епархий и большом числе их населения, не было в древней Руси, нет и в современной России, непосредственных близких отношений архиереев к их пастве и духовенству, вследствие чего они были, и поднесь являются не столько архипастырями, сколько высшими начальниками, окружными чиновниками.

Увеличение числа епархий, уменьшая обширность их пределов и сокращая количество приходов, даст возможность епископам, менее обремененным административными и судебными делами, чаще обзирать все церкви в епархии и вступать в непосредственное сношение со всей своей паствой. Конечно, при увеличении числа епископов, вследствие необычайной обширности России, нельзя надеяться, чтобы епископы могли посетить поодиночке дома всех своих пасомых, даже и хижины бедняков, как того требовал от греческих епископов своей новеллой импер. Алексей Комнин; но можно полагать, что тогда невозможно будет существование таких приходов, в которых епископы никогда не бывали.

Кроме открытия новых епархий, достижению вышеуказанной цели много может содействовать также открытие викариатств. Учредить и содержать викариатства можно скорее и легче, чем открыть и материально обеспечить новые епископские кафедры. Во многих уездных городах имеются монастыри, которые могут служить местопребыванием викарных архиереев и предоставить им относительно достаточные средства содержания (указ 17 декабря 1865 г.). С несомненностью можно утверждать, что пребывание викариев в монастырях сильно повлияет и на их внешнее и внутреннее развитие.

Желательно также устранение некоторых недостатков в строе и деятельности существующих органов епархиального управления. Преимущественные их недостатки следующие: чрезмерное развитие переписки, формализм, спутанность отношений между самими органами, их полновластие и совершенное безвластие, безразличное смешение подведомых им дел (судебных, следственных и административных), чрезмерное усиление светского чиновничества и медленность делопроизводства, доходящая до того, что некоторые дела находятся в производстве по два и по три года.

Всего рельефнее указанные недостатки выступают в организации и деятельности консистории. Канцеляризм, облеченный в форму «слушали», «приказали», и одобренный всякого рода справками, часто мелочными, развит в делопроизводстве до того, что консистории принимают десятки тысяч бумаг «входящих» и столько же, если не более, выпускают «исходящих». Будучи центральным органом епархиального управления и подчиня себе другие органы, консистория так ограничена в своей деятельности, что без утверждения преосвященного не может привести в исполнение ни одного своего журнального постановления, на всякую мелочь испрашивает его разрешение. К этому прибавить нужно, что «ни одна бумага, поступающая в консисторию, не может иметь движения без секретаря». Секретарь же, не имея звания члена присутствия и не входя в состав его, в сущности, есть руководитель и контролер присутствия, могущий противопоставлять единогласному решению членов присутствия свое представление. Таковое представление обычно вносится в журнал консистории и рапортом секретаря доводится до сведения епископа. Можно сказать, что секретарь до некоторой степени ограничивает и епископа, как блюститель за исполнением законных постановлений по Духовному Ведомству, состоящий в непосредственном ведении синодального обер-прокурора.

Медленное делопроизводство в консистории представляет собой явление обычное, сделавшееся хроническим недугом, часто вызывающим справедливое недовольство всех приходящих в соприкосновение с нею. Даже консисторским Уставом (§315) назначается месячный срок для доклада вновь поступающих дел. Это, разумеется, выполнимо только при условии самой лучшей постановки канцелярии и незапутанности в ней дел. Если же взять во внимание массу дел, подлежащих рассмотрению консистории, их разнородность, устарелые способы делопроизводства, то месячный срок обращается всегда в двух-трех месячный и более того. Проволочка в решении дел консисторией увеличивается еще и тем, что иногда одно и то же дело, до своего окончательного утверждения епископом, по своему рассмотрению проходит несколько инстанций, его решающих, перерешающих каждая по-своему и возвращающих предшествующей инстанции для нового пересмотра.

Преобладание светского чиновничества в епархиальном управлении, как известно, было заметно уже во второй период истории русской Церкви и к концу 15 века до того усилилось, что вызвало общее недовольство среди духовенства, выразителем которого выступил ростовский священник Георгий Скрипица. «Господа священноначальницы, – писал он в своей челобитной собору московских святителей 1503 года, – не благословенно надсматриваете над верными людьми. Назираете Церковь по царскому чину земного царя боярами, дворецкими, неделычиками, доводчиками, для своих прибытков, а не по достоинству святительскому. Вам достоит пасти Церковь священниками благоразумными, а не мирским воинством». Только почти через пол столетия Стоглавым Собором сделано было некоторое ограничение светского служилого элемента в епархиальном управлении постановлением, «чтобы митрополит, архиепископы и епископы без царского ведома и дворецких от себя не отсылали и вместо их других к себе не принимали», и чтобы при каждой архиерейской кафедре, кроме суда боярского, существовал суд из духовных лиц. Так как преобладание светских чиновников продолжалось, то Московский Собор 1667 года определил, чтобы святители судили свое духовенство во всех делах, а мирян в делах духовных, брачных и по духовным завещаниям, через духовных же, а не мирских людей своих архиерейских домов. Появившиеся в связи с этим соборным определением при епархиальных архиереях духовные приказы, состоявшие из судей духовного сана, мало повлияли на уменьшение значения архиерейских бояр; по-прежнему все важнейшие дела проходили чрез их руки, а в качестве председателей в приказах они стояли во главе архиерейского управления. И в консисториях, сменивших приказы, силен светский элемент своей численностью, а также влиянием и значением.

Отмеченные недостатки в современной епархиальной администрации ясно указывают и на желательные в ней изменения, могущие ее приблизить к древневосточной и старорусской церковной практике. Справедливо, во-первых, от консистории отнять ее латинское название и дать ей древнегреческое *πρεσβυτέριον* – постоянно действующий совет пресвитеров. Во-вторых, дать консистории председателя, какового в настоящее время она не имеет, и таковым председателем сделать епархиального архиерея, а на случай его отсутствия назначить заместителем кафедрального протоиерея. В соответствии древней практике, именовать последнего архипресвитером (блаж. Иерон. письмо к Рустику; Созомен, кн. 8, гл. 12). Личное присутствие (2 или 3 раза в неделю) в консистории епархиального епископа значительно сократит и упростит делопроизводство, а посему сам собой ослабеет и доминирующий в ней теперь канцелярский формализм. В-третьих, должно изъять из ведения синодального обер-прокурора секретаря консистории и оставить только в подчинении епископу, назвав его хартофилаксом, как назывались правители дел в совете епископском второго периода истории восточной Церкви. На должность хартофилакса следовало бы назначать образованного диакона потому, что в древности, по словам Вальсамона, она была замещаемая диаконами. Чтобы, наконец, консистория при епископе была вспомогательным учреждением, вполне от него зависимым, должно назначение и увольнение ее членов предоставить епископу же. Существующий ныне порядок назначения членов консистории от Святейшего Синода придает ей до некоторой степени независимость от епископа, тем более, что они располагают правом в случае несогласия с ним, не отказываясь от своего мнения, доводить оное до сведения Синода. Могущие возникнуть между епископом и его консисторией (пресвитерским советом) несогласия должны быть разрешаемы митрополитом, как высшим окружным начальником.

Ближайшим вспомогательным органом епархиальному совету пресвитеров может быть уездный совет пресвитеров. Как показывает самое название, уездный совет пресвитеров имеет

находиться в уездном городе, сосредоточиваясь около личности викарного епископа или уездного протоиерея (протопопа). Историческим основанием к открытию такого учреждения в уезде служит существование в древней Руси должности уездных наместников с советами пресвитеров, а в новой – уездных духовных правлений, сравнительно только недавно закрытых. Состав уездных пресвитерских советов должен комплектоваться, кроме председателя – викарного епископа или уездного протоиерея, из нескольких городских священников (и иеромонахов, если вблизи находится монастырь); канцелярское же делопроизводство может быть возложено на диаконов из лиц с полным семинарским образованием, могущих с успехом выполнить эту обязанность. В отличие от духовных правлений прежнего времени, вполне зависимых от консисторий и носивших исключительно характер канцелярских учреждений, проектируемый пресвитерский совет должен ведать дела того же рода, что и советы пресвитеров при архиереях, но меньшей важности. К этим делам можно бы отнести: ревизию приходорасходных книг и всякого рода отчетности, просмотр и хранение метрических и исповедных книг, выдачу всяких справок из метрик и других церковных документов, наблюдение за построением церквей в районе ведомства советов и за ремонтом их, наблюдение за благоведением клира и исправностью его по службе, надзор за благотворительными заведениями, приходскими советами, попечительствами, братствами и т. п. В кругу перечисленных дел видное место должны занимать дела следственные. Производство следствий советами тем более желательно, чем менее совершенно поставлена следственная часть в современном церковном суде. По делам сравнительно неважным, с разрешения епископа, пресвитерский совет мог бы постановлять и судебные решения, а по делам, относящимся к преступлениям по должности священно- и церковнослужителей, он должен ограничиваться исключительно только производством следствий и предварительных дознаний, по которым совет епископский и составляет обвинительный акт. Для большей самостоятельности пресвитерскому совету, смотря по надобности, должно быть предоставлено право сношения с епископом помимо епископского совета. Деятельность пресвитерского совета в указанном направлении, несомненно, уменьшит число дел, подлежащих рассмотрению совета епископа, и сделает почти излишнюю должность благочинного, как администратора и чиновного судьи в благочинническом округе. За благочинным останется концентрирующее и нравственное значение для духовенства в его округе. Подобно древнему периодевту, благочинный часто должен обзирать свой округ и входить в ближайшее исследование религиозно-нравственного состояния клира и прихода, исполнения клиром своих служебных обязанностей и принимать нравственные меры к исправлению замеченных недочетов в жизни и по службе, давать советы, наставления и разрешать всякие недоумения, принимать жалобы и разрешать их словесно или давать им дальнейшее движение для формального следствия, наблюдать за состоянием церковного имущества, церковных сосудов, утвари и т. п. О своих наблюдениях благочинный, словесно и письменно, доносит епископу. Для установления более тесных отношений между благочинным и окружным клиром должность благочинного должна замещаться не административным, а выборным порядком. Изменение характера должности благочинного может повлиять на благочиннические советы, обратив их в периодические собрания клира и мирян для обсуждения вопросов и затруднений общей и местной церковной практики, для совещаний о мерах к возвышению религиозного образования, к поддержанию веры, доброй нравственности в народе и т. п.

Проектируемая организация епархиального управления оформит современный епархиально-административный строй по типу древневосточного и древнерусского и облегчит тяжкое бремя, лежащее на епископах по управлению епархиями. Но остаются еще органы епархиального управления с самостоятельным кругом действия, непосредственно подведомственные епископу, помимо постоянно действующего совета пресвитеров. К таковым органам относятся: правление духовно-учебных заведений, епархиальный училищный совет, епархиальное попечительство о бедных духовного звания, комитет епархиального свечного завода, советы братств и т. п. Разнообразная и обособленная деятельность органов нового епархиального строя, имеющая свою концентрацию в епископе, будет затруднять его в направлении их деятельности к правильному и согласному общему действию. Посему естественно возникает вопрос об учреждении такого высшего центрального органа епископской власти, «который объединял бы в своем ведении всю область епархиального управления». Таким органом надлежит быть «епископскому совету». В нем, под председательством епископа, должны присутствовать

председатели всех органов епархиального управления и рассматривать те дела, которые по своей важности и сложности не нашли для себя окончательного решения в этих органах. Организуя епископский совет по образцу древневосточного «главного епископского совета», необходимо ввести в него и несколько мирян, например старост или вообще именитых граждан.

При новом положении Церкви и объявленной веротерпимости в Русском государстве (17 апреля 1905 г.), признается особенно необходимым ввести в состав епископского совета лицо с юридическим образованием, наподобие древних экдиков, бывших адвокатами не только лиц, искавших покровительства Церкви в разных нуждах, но и ходатаями в гражданском ведомстве по делам церковным, а также по собственным делам священно- и церковнослужителей. Экдики в древности избирались из духовных лиц и из ученых юристов-мирян (Карф. Соб. пр.109-е). Заседания назначаются епископом по мере накопления дел, но не часто (два-три раза в месяц), чтобы не отягощать членов епископского совета из мирян частым посещением совета и не развивать в них индифферентного отношения к исполнению своих обязанностей.

**№52, преосвященного Алексия, епископа Таврического, от 29
декабря 1905 года**

Всероссийский церковный Собор

По духу и букве православных церковных канонов, высшим органом церковного управления российской Церкви должен быть Поместный Всероссийский Собор епископов (Всел. Соб. пр.5-е). Только при соборной форме управление церковное имеет более твердости, порядка и благоустройства. Местом Всероссийского Собора может быть или Киев – Руси чистая купель, или Москва – сердце России. В Петербурге не может быть Собора, ибо там может случиться нежелательное давление на собравшихся. В Москве и Киеве много святынь, много обителей, где могут найти себе приют съехавшиеся архипастыри. Собор может собираться по мере нужды: и дважды в год (Апост.37-е; 1Всел. Соб.5-е; 4Всел. Соб.19-е) и однажды (6Всел. Соб.8-е; 7Всел. Соб.6-е). Временем Собора может быть время между Пасхой и октябрём (4Всел. Соб.8-е). Состав Собора ясно указан и в Священном Писании и в канонах Церкви. По Деян.15:22 на соборе должны быть епископы, пресвитеры и вся Поместная Церковь, т. е. епископы, пресвитеры, диаконы, чтецы и миряне. На первом Вселенском Соборе, мы знаем, был диакон александрийской Церкви св. Афанасий. От каждой епархии епископ берет с собой на собор одного пресвитера, одного диакона, одного чтеца и одного мирянина. Представителей клириков избирает епархиальный съезд, мирян – общие церковно-приходские собрания по одному, а эти избранные лица из своей среды избирают одного. На основании ясно выраженных в церковных канонах указаний, определяющий, решающий голос принадлежит только Собору иерархов (Деян.15:28; Апост.37-е; 4Всел. Соб.19-е; 6Всел. Соб.2-е, 8-е; 7 Всел. Соб.6-е; Васил. Вел.47-е). Все остальные члены Собора пользуются только правом голоса совещательного. Право созвать Всероссийский Собор Государь Император оставил, по обычаю византийских царей, за собою. Всем епископам и другим членам Собора прогоны и содержание должны быть назначены из Государственного Казначейства (см. «История Всел. Соб.», пр. Иоанна, с. 24). Собору принадлежит власть законодательная, административная и судебная. Постановления Поместного Всероссийского Собора обязательны для всей русской Церкви.

Как скоро должен быть созван Всероссийский Собор, об этом Государь Император сказал слишком определенно: «Когда наступит для сего благоприятное время». Пока не утихнут в нашем отечестве внутренние брожения и волнения, не может быть и речи о церковном Соборе. Имея в виду «набеги варваров и иные случайные препятствия», 6 Вселенский Собор разрешает собираться вместо двух раз всего однажды. Может быть, «набеги наших варваров-революционеров и мятежников» и совсем не позволят скоро собраться Собору, а лишь тогда, когда Россия внутри поуспокоится. Не секрет, что русские мятежники желают сорвать Государственную Думу. Нет ничего удивительного, что они сорвут и церковный Собор. Ведь члены Собора не будут вооружены дреколиями и револьверами.

1.Разделение России на округа под управлением митрополитов

Общие церковно-канонические и исторические соображения

В священных правилах свв. апостолов, а также Вселенских и Поместных Соборов читаем: «Епископам всякого народа подобает знати первого из них, и признавати его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения; творити же каждому токмо то, что касается до его епархии и до мест к ней принадлежащих» (Апост. пр.34-е; Антиох.4-е). Епископ, начальствующий в области, называется митрополитом (Перв.4-е и 6-е пр.; Четв.28-е; Антиох.19-е) или экзархом (Четв.9-е, 17-е). Имя его возносится в молитвах (Двукр.14-е). Он имеет попечение обо всей стране (Антиох.9-е); созывает епископов на соборы для обсуждения церковных дел своей области и сам председательствует на них (Антиох.19-е и 20-е; Халк.19-е); он утверждает избрание епископа (Перв.4-е и 6-е; Антиох.19-е) и с епископами своей области поставляет его (Четв.28-е); принимает жалобы на подчиненных епископов и назначает соборный суд над ними (Халк.9-е; Антиох.14-е; Карф.28-е); обзревает епархии подчиненных епископов (Карф.63-е); утверждает своим согласием все важнейшие распоряжения епископов области (Апост.34-е; Антиох.9-е); может взять клирика у подвластного себе епископа и посвятить его в диакона, пресвитера и епископа требующей Церкви (Карф.66-е); без его разрешения ему подведомые епископы не должны ходить за море (т. е. в Рим – Карф.32-е); он должен возносить на молитвах имя своего патриарха (Двукр.15-е); не должен именоваться верховным священником (Карф.48-е); ни простираť своей власти далее пределов своей области (Втор.2-е; Трет.8-е); но в делах, касающихся целой области, не может ничего делать без рассуждения епископов своей области (Апост.34-е; Антиох.9-е). Областного епископа избирают и поставляют, а также и судят епископы области с митрополитами окрестными (Трет.1-е; Сард.6-е); в епархии подчиненного ему епископа не может ни рукополагать, ни учить, ни совершать каких-либо архиерейских действий без согласия местного епископа (Кормч.58-е).

На основании священных канонов свв. апостолов и Соборов Вселенских и Поместных, а также древней церковной практики греческой и русской Церкви православной, желательно и надлежит восстановить в церковном управлении русской Церкви архиепископское звание, не в том смысле, как оно теперь существует и остается не имеющим почти никакого значения титулом, а в смысле древнем, когда со званием архиепископа соединялось действительное отправление высшей церковной власти, заведующей целым церковным округом и имеющей в подчинении себе нескольких епархиальных епископов.

Восстановление архиепископского звания с подчиненными им округами было бы весьма полезно для поддержания в епархиальном управлении правильного единства, контроля, братски церковного совета и руководства. В настоящее время такого руководства и контроля почти совсем не существует. Святейший Синод стоит над епископами очень высоко и далеко; члены Синода часто меняются, по распоряжению светской власти. Митрополиты, как постоянные члены Синода, имеют несколько большее влияние, но и оно не имеет правильного юридического или канонического значения. Равным образом, и представительства и предстательства за епархиальных архиереев перед высшей церковной и государственной властью в настоящее время никакого нет. Восстановление власти архиепископской тем более представляется полезным и необходимым в том случае, если признано будет необходимым, для более свободного и правильного развития жизни церковной, восстановить древний церковный закон (Апост. пр. 37-е; Ник. 1 Соб. 5-е; 4 Всел. Соб. 19-е; 6 Всел. Соб. 8-е; 7 Всел. Соб. 6-е) созывать местные соборы: архиепископы созывают местные соборы и председательствуют на них; наблюдают над свободно избранными епископами, руководя ими, а в случае нужды и предстательствуют за них. При этом архиепископам областным, заведующим одним отдельным округом, может быть присвоено название митрополитов, а столичному архиепископу, власть которого могла бы простираťся на всю Церковь русскую, должно быть присвоено название патриарха Всероссийского.

В указанных видах полезно было бы всю русскую Церковь разделить на несколько постоянных митрополичьих округов. По существующим географическим, этнографическим и историческим основаниям, округа могли бы быть, например, такие: 1) Северно-Русский или Новгород-Петербургский (со включением в него православных финляндских и остзейских епархий); 2) Срединно-Русский или Московский; 3) Южно-Русский – Киевский; 4) Новороссийский с Херсонесом Таврическим; 5) Западно-Русский или Белорусский и Литовский-Виленский (со

включением православных епархий царства Польского); 6) Юго-Восточный с Харьковом; 7) Восточно-Русский или Казанский, со включением в него епархий поволжских и уральских; 8) Кавказский экзархат, со включением в него края Закаспийского; 9) Западно-Сибирский с среднеазиатскими владениями в Омске и 10) Восточно-Сибирский с Иркутском. Конечно, число митрополичьих округов может быть и увеличено, особенно в том случае, если некоторые обширные по населению или по пространству епархии признано будет нужным разделить на две или три епархии.

Архиепископом церковного округа может быть или старейший по службе из епископов этого округа, или епископ главного окружного города. То и другое практиковалось в древней Церкви. Но может случиться, что старейший по службе епископ менее других младших способен в церковном управлении, и местный епископ главного окружного города может уступить другим и в старшинстве службы и в искусстве управления. Поэтому на соборе из епископов известного округа должен быть избираем способнейший и надежнейший к управлению целым округом и утверждаем высшей церковной властью, в лице патриарха. Но так как окружное епископское управление может иметь в известных случаях отношение и к гражданскому управлению, то на утверждение архиепископов в их должности необходимо соизволение Высочайшей власти.

Жительство архиепископу (митрополиту) всего приличнее иметь в главном окружном городе, хотя бы до возведения в архиепископское звание он был епископом другого города. Окружные города могут дать и более удобств к устройению архиепископий.

Вопрос (поставленный в записке г. обер-прокурора) о предоставлении митрополитам «права созывать областные соборы и о передаче в их ведение из высшего церковного управления дел второстепенной важности» возбуждает естественный вопрос об отношении архиепископа (митрополита) к епископам епархий, входящих в состав его митрополии, и к епископу той епархии, в которой находится окружной город.

Достаточно определенное указание прав и обязанностей митрополита в отношении к епископам его округа и ко всему клиру церковному мы находим в вышеизложенных священных канонах свв. апостолов, Вселенских и Поместных Соборов и в правилах свв. отцов Церкви. И прежде всего, если будет восстановлен в русской Церкви древнецерковный порядок избрания епископов, то митрополит непременно, в силу своего положения в округе, принимает участие в самом избрании епископов для епархии вверенного ему округа. По упразднении епископской кафедры в известной епархии в ту епархию должен прибыть окружной митрополит и произвести избрание. По избрании кандидата на епископскую кафедру и по утверждении его в сем звании, совершается посвящение его в сан епископа. Всего целесообразнее – посвящение новоизбранных епископов совершать на самом месте будущего их служения в кафедральном соборе епархии, избравшей епископа, чтобы не только духовенство, но и мирское общество этой епархии могло принять живое и искреннее участие в молитвах о ниспослании благодати новопосвященному архипастырю, услышать те обеты и обязательства, какие он за всю епархию принимает на себя пред высшею церковною властью, и то первое живое пастырское слово, с которым вновь посвященный епископ при самом посвящении может обратиться к своим пасомым, – чтобы вместе с тем торжественное заявление, возглашаемое при посвящении во епископа между прочим и от лица местной Церкви, для которой он посвящается, имело не формально-церемониальное, а живое нравственное значение.

Самое посвящение в епархиальном городе может совершить окружной митрополит с несколькими другими ближайшими епископами. Несколько дней пребывания митрополита с епископами ближайших епархий в кафедральном городе той епархии, для которой посвящается новый епископ, могут быть очень полезны и для ближайшего братского руководства вновь посвященного епископа в архиерейском служении и управлении епархией.

При митрополите, живущем в областном городе и управляющем делами целого округа, необходим другой епископ, для заведования делами той епархии, в которой находится окружной город. Митрополиту, заведующему делами целого церковного округа, невозможно вместе с тем непосредственно заведовать и всеми делами той епархии, в которой он будет иметь жительство, наряду с другими епископами. Ему нередко и подолгу придется отлучаться из этой епархии для присутствия в Синоде, для обозрения других епархий, на Соборы в главных городах страны по важнейшим церковным случаям, на соборы в других епархиях его округа по поводу избрания и посвящения епископов и т. п. Епархия в это время не может оставаться без пастыря. Поэтому при митрополите в областном городе всегда должен быть другой епископ, заведующий делами

местной епархии в качестве викарного епископа, управляющего делами той епархии, причем митрополит и над этой епархией будет иметь лишь высшее наблюдение, как и над другими епархиями, а непосредственно в частные дела входить не будет.

Принимая во внимание предписание 37-го правила апостольского об обязательном собрании епископов на соборы дважды в год «для рассуждения о догматах благочестия и разрешения случающихся церковных прекословий», мы должны признать, что все отличие первого из епископов заключалось собственно в исключительном праве председателя соборов, ибо и он единолично «без рассуждения всех» не творит ничего превышающего власть епархиального епископа.

Правилом 34-м свв. апостолов повелевается признавать его главою. Как это понимать? Каждый епископ в своей епархии действует свободно, независимо от каждого соседнего и от митрополита. В текущих делах своей епархии он сам есть глава и никого в качестве главы над собою он не знает. Но, коль скоро возникает новый догматический вопрос или открывается спор (прекословие церковное) между ним и епископом соседним, в таком случае ни один из епархиальных епископов сам собою ничего не может предпринять, кроме отношения с недоуменным вопросом или спором к митрополиту, как общему всех епархиальных епископов главе. Но и сей, по правилу, в таких случаях ничего да не творит без рассуждения всех. Следовательно, митрополит есть глава по отношению к каждому из епархиальных епископов, поскольку он – председатель собора, к которому каждый из них принадлежит как член его. На соборе он – только первый между прочими, взаимно равными, и сам без рассуждения с ними не имеющий власти ничего творить.

Опасаться, не будет ли восстановление отдельных церковных областей в территориях, в коих имеются к тому исторические и жизненные основания, способствовать возрождению идей о культурной и политической обособленности наших окраин в Западном крае и на Кавказе, и не будут ли автономии эти в противоречии с началом государственного единства, – не представляется оснований. Во-первых, предполагается автономия митрополий все же не абсолютная, а относительная. Митрополиты в своем управлении округом ограничиваются влиянием соборов из епархиальных епископов и в то же время стоят под властью высшего иерарха, в лице столичного архиепископа или патриарха и при нем Синода. Патриарх есть начальник над каждым из епископов своего диоцеза, в данном случае – всей русской Церкви. Каждый епархиальный епископ, митрополит и экзарх обязаны ему послушанием. Патриарх утверждает избрание митрополитов и рукополагает их. Патриарх имеет право созывать к себе на соборы каждого из митрополитов с подчиненными ему епископами. Он может требовать отчет у митрополита, если он медлит производством епископа для замещения праздной кафедры.

Относительная автономия митрополичьих округов не может находиться в противоречии с началом государственного единства и потому, во-вторых, что Церковь православная искони служила оплотом государственного единства. Никогда, по самому духу своему, не являлась она соперницею государственной власти, а напротив – в лице своих святителей являлась лишь опорой власти государственной. Наконец, если бы когда-либо окраины Русской земли на Кавказе, в Западном крае и др. и достигли государственной автономии, Церковь православная в этих окраинах всегда останется связующим звеном для этих окраин с центром империи и настолько жизненным звеном, что племена, входящие в состав этих окраин, скорее откажутся от своей политической самобытности, чем решатся порвать свои узы с единою породившею их матерью – св. Церковью. Что же, как не Церковь православная связала судьбу Малороссии и всего Юго-Западного края с Русскою державою? Что же и доньше связывает воедино южнославянские племена с русским народом, как не единство их веры, насажденной там свв. равноапостольными братьями и перенесенной в Русскую землю? Что притягивает взаимно полуонемеченный народ чешский к русскому славянскому народу, как не общие корни православия, идущие от тех же свв. братьев?.. Единая, святая, соборная и апостольская православная Церковь всегда и везде, на всяком месте под небесами и во все времена, при содействии Св. Духа, ее оживотворяющего, останется таковою, какие бы внешние политические преграды ни разделяли ее отдельные части, доколе эти части пребудут в единении с целой Церковью.

3. Схема церковного управления

а) Патриарх и при нем Синод

Постоянный исполнительный орган в управлении русской Церкви должен сосредоточиться в руках патриарха и при нем постоянного Синода (из 10 епископов и митрополитов), в котором патриарх председательствует. Синод составляется из митрополитов и епископов, избираемых областными митрополичьими соборами на три года по одному от каждого митрополичьего округа. В помощь патриарху для управления епархией дается викарий. При патриархе может быть личная его канцелярия, а при Синоде – канцелярия с обер-секретарем и секретарем отделов управления.

б) Митрополит с областным собором епископов

Митрополит избирается епископами области и утверждается и поставляется патриархом. В помощь митрополиту по управлению епархией дается викарий. Митрополит есть епископ главного города области, имеющий право созывать епископов области на соборы и на них председательствовать. Эти митрополичьи соборы составляются для рассмотрения текущих дел (особенно судебных) дважды в год. Но соборы должны составляться и каждый раз, если нужно произвести избрание и хиротонию епископа; впрочем, в этом случае вместо полного собора достаточно и трех епископов, если остальные епископы области дадут письменное заявление, что они согласны с произведенным означенными тремя епископами избранием. Хиротонию совершает с епископами митрополит по возможности в кафедральном городе новорукополагаемого епископа.

в) Епархиальный епископ с его советом (пресвитериумом)

В настоящее время, когда епископии по пространству и числу приходов превосходят древние париклии, общинная форма церковного управления в епископиях не может быть применена, но более подходит форма управления епископально-клерикальная, употреблявшаяся в Константинопольской Церкви, когда управлял епископ с клириками, являвшимися в качестве епархиальных начальников. Эта форма управления вполне может соответствовать и предложению г. обер-прокурора Св. Синода о сформировании вместо консисторий такого органа епархиальной власти, который бы объединял в своем ведении всю область епархиального управления с целым рядом возникших новых епархиальных административных, благотворительных и других учреждений. В этот епископский совет (пресвитериум) будут входить выбираемые епархиальным съездом (собором) духовенства и утверждаемые – по представлению епархиального архиерея – митрополитом области пожизненно, сменяемые только по суду, следующие лица:

1. Заведующий образованием приходов, делами ставленников, хранением документов, надзором за церковным архивом, за поведением и благочинием клириков, созывом епархиальных съездов и т. д. Вообще, в его руках власть административно-распорядительная – до предания клириков, с ведома епископа, суду епархиальному; но сам он в суде не участвует. Это – древний хартофилакс.

2. Заведующий имуществом и хозяйством церквей, построением церквей и т. п. Это – древний эконо́м.

3. Ведающий дела и земли монастырские.

4. Заведующий церковною казною, контролем и отчетностью и центральною бухгалтерией). Это – древний сакелларий.

5. Ходатай по делам церковным в судах гражданских. Это – древний экдик.

6. Лицо для исполнения поручений епископа и, по поручению епископа, для обозрения епархии. Это – древний периодевт.

7. Заведующий духовно-учебными заведениями в епархии.

8. Заведующий церковно-приходскими школами и школами грамоты в епархии.

9. Заведующий миссионерским делом в епархии и направляющий деятельность окружных миссионерских комитетов.

10. Заведующий епархиальным попечительством о бедных духовного звания, приходскими попечительствами, братствами, эмеритальной кассой духовенства и кассой взаимной помощи в епархии.

11. Заведующий свечным епархиальным заводом и окружными складами в епархии.

При каждом из этих представителей отделов епархиального управления и лиц ответственно-начальствующих, для делопроизводства, состоит небольшая канцелярия (наподобие консисторского стола) с делопроизводителем, назначаемым архиереем, и одним или более писцом; а при целом совете (пресвитериуме) – канцелярия с секретарем из духовных (или светских) лиц, утверждаемым, по представлению епископа, митрополитом области пожизненно и сменяемым по суду, но в совете не имеющим голоса определяющего и решающего (с голосом совещательным). Этот епископский совет (пресвитериум) собирается ежедневно под председательством епархиального архиерея в известные, назначенные епископом, часы, для рассмотрения надлежащих дел.

г) Уездный протоиерей со своим советом, выборным окружным духовенством

При большом объеме и пространстве нынешних епископий, при существовании благочиннических округов и благочиннических советов, необходимо эти советы призвать к большей деятельности и оживить эти органы управления. Для сего, по примеру епархиального епископского пресвитериума, сосредоточить, как первую инстанцию, церковное управление в уездных городах во главе с уездным протоиереем, на правах хорепископа, и применить здесь форму древнего общинно-церковного управления – пресвитериума. А когда пресвитериум по каким-либо обстоятельствам не мог бы собраться в целом составе, чтобы течение жизни не прекратилось и не последовало остановки в ходе дел, образовать при уездном протоиерее совет, который бы собирался не менее двух раз в год (а по надобности и чаще), из лиц, выбираемых духовенством всего уезда или по благочинническим округам на трехлетие и утверждаемых епархиальным архиереем. В состав этого уездного пресвитериума (совета), под председательством уездного протоиерея, имеют войти следующие лица: благочинный (или его помощник) или благочинные, если уезд большой по пространству и числу приходов (более 20-ти), и его придется подразделить на два и более благочиния, духовник, окружной духовный следователь, уездный наблюдатель по церковным школам, заведующий хозяйственной частью член, заведующий благотворительными и другими епархиальными учреждениями в уезде; а при разборе судебных дел и тяжб должны входить в него временно, по приглашению протоиерея, два соседних пресвитера (ближайшие к тяжущимся сторонам), как более других знакомые с местными условиями в жизни прихода и клира.

д) Приход с его клириками

Прихожане со своими пастырями должны находиться в теснейшем единении через общие церковно-приходские собрания и, для осуществления задач приходской жизни, содействовать клиру путем избрания и учреждения, под руководством и председательством настоятеля, церковно-приходского совета, который имел бы попечение об удовлетворении нужд прихода: религиозно-нравственных, просветительных, благотворительных и хозяйственных.

Для возрождения и обновления прихода, для оживления его деятельности могли бы быть признаны желательными следующие меры:

1. В целях оживления деятельности прихода следует, наравне с Церковью, ныне пользующейся правами юридического лица, предоставить таковые же права и приходу, т. е. права свободного приобретения движимого и недвижимого имущества и права пользования и распоряжения этим имуществом. Несомненно, предоставление приходу прав юридического лица будет сопровождаться только добрыми последствиями; оно даст приходу возможность иметь свою собственность и находить в этой собственности средства для обслуживания своих нужд религиозно-просветительных, благотворительных и хозяйственных.

Имущество, приобретенное приходом и ему принадлежащее, должно находиться в непосредственном заведовании и распоряжении прихода. Для сей цели может быть учрежден особый церковно-приходский совет, избираемый общим собранием прихожан: в состав сего совета, как председатель его, должен входить местный священник. Деятельности совета и приходского собрания должен быть усвоен независимый характер: для сего они получают права существующих ныне церковно-приходских попечительств, но с более независимым и широким кругом деятельности.

Что же касается принадлежащих Церкви имуществ, сумм и доходов, то таковые не должны быть передаваемы в независимое и всецелое заведование прихода. Высшее наблюдение за церковным достоянием и целесообразным его употреблением ко благу приходской общины и вообще Церкви было всегда неотъемлемою принадлежностью представителя общины – епископа. Каждая малая церковная община, какою является приход, должна находиться во взаимодействии с другими малыми общинами и вместе с ними должна составлять единое целое по своей жизни, а потому необходимо предполагать высший орган церковной власти, каковым является епископ, который, наблюдая за жизнью малых общин, объединяет и направляет их деятельность ко благу всей Церкви. Ввиду сих соображений, заведование имуществами и доходами, принадлежащими собственно Церкви, желательно оставить на ныне существующих основаниях, изложенных в инструкции церковным старостам, с возможным расширением прав прихожан на участие в заведовании этими имуществами.

2. В видах сближения пастыря с пасомыми, желательно привлечение прихожан к участию в той или другой форме при назначении в приходе членов причта. Но решающий голос должен быть предоставлен в этом деле, безусловно, епископу. Иначе в клир могут проникнуть лица, нежелательные для блага прихожан. Кому неизвестно, как у нас вершатся дела на так называемых сходках? В первое время Церкви Христовой, когда община приходская была небольшая, следовательно, – все члены ее хорошо могли знать друг друга, а жизнь христиан отличалась особой чистотой и высотой, – приходский выбор членов клира не представлял какой-либо опасности, напротив – был желателен. Ныне, к сожалению, времена изменились в этом отношении к худшему.

3. Для поднятия и усиления пастырской деятельности и для установления правильных отношений между пастырями и прихожанами имеет немаловажное значение способ обеспечения духовенства. Так как господствующий способ обеспечения духовенства путем добровольных даяний за требоисправления, по общему признанию духовенства и многих светских, в настоящее время, пока не установилось иных, более близких взаимных отношений пастыря и пасомых, что в значительной мере может обуславливаться – между прочим – привлечением и прихожан к участию при назначении в приход членов причта, представляет много неудобств для пастырского действия и нередко неблагоприятно отзываясь на взаимных отношениях пастыря и пасомых, так как затем имеется немало приходов, которые не могут дать причту обеспечивающего его содержания, то представляется желательным: а) заменить практикующийся ныне способ обеспечения духовенства назначением ему содержания от казны с привлечением к

участию в содержании причта и прихожан за обязательные служения и требоисправления, каковое содержание должно быть выдаваемо не непосредственно от прихожан; б) оставить за причтами право пользования церковными земельными наделами.

е) Епархиальные съезды

Не подлежит сомнению, что епархиальные съезды сделали немало добра, особенно в области материального благосостояния духовно-учебных заведений. Открытие параллельных классов в семинариях и училищах, устройство общежитий для пансионеров – воспитанников семинарии, пособия на ученические библиотеки, на уроки медицины, рисования, музыки и т. п. – все это обязано заботам и попечительной деятельности съездов. Тем же заботам епархиальных съездов обязаны духовные училища своим теперешним внешним благоустройством, далеко не похожим на старую дореформенную помяловщину. Но венцом благотворной деятельности епархиальных съездов является вполне и во всех отношениях благоустроенное состояние епархиальных женских училищ, которые, благодаря заботам епархиального духовенства, из жалких трехклассных приютов преобразовались в шестиклассные полноправные среднеучебные заведения, не уступающие ни в чем другим среднеучебным заведениям. Кроме того, епархиальные съезды с полным сочувствием и живым интересом относились ко всем проектам и изысканиям источников, средств и мер для лучшего материального обеспечения самого духовенства, особенно вдов и сирот.

Правда, от недостатка определенной регламентации деятельности съездов, их прав и полномочий, съезды иногда выходили из границ легальной деятельности, позволяя некоторым из своих членов сводить личные счеты с представителями тех или других учреждений и вступать в борьбу с ними. Эта борьба нередко выносилась из зала заседания на страницы местного печатного органа и действовала деморализующим образом на подчиненных, подрывая у них авторитет лиц начальствующих.

Очень важным и вполне очевидным недостатком в организации доселешней деятельности епархиальных съездов было полное игнорирование на съездах предметов веры и жизни христианской и вопросов пастырской деятельности. Только в некоторых епархиях изредка, и притом – всякий раз по особому предложению епархиальной власти, о.о. депутаты вводили в круг своих суждений и эти предметы и вопросы.

Ввиду предполагаемого коренного преобразования всех епархиальных учреждений на началах «соборности», следует преобразовать епархиальные съезды духовенства в «епархиальные соборы». Общие положения, определяющие личный состав епархиального собора, круг его ведения, положение его в ряду других органов церковного управления и время созывов его, могут быть таковы.

1. В состав епархиального собора входят священнослужители и миряне; те и другие определяются выбором на окружных собраниях из более компетентных представителей приходского управления.

2. Главнейшими предметами, подлежащими ведению епархиального собора, служат:

а) все более или менее важные вопросы и дела церковно-пастырской жизни, не получившие разрешения в низших инстанциях суда и управления церковного.

При этом вопросы, касающиеся пастырской совести, рассматриваются в собрании лиц только священного сана, а вопросы общие религиозно-церковной жизни обсуждаются в общем собрании всех членов собора.

б) Выбор членов в епископский совет, в правление духовно-учебных заведений, выборы председателя и членов в правление свечного завода, в правление епархиального попечительства о бедных духовного звания, в правление эмеритальной кассы духовенства, в ревизионный комитет и другие учреждения; выборы представителей от Духовного Ведомства во все другие ведомства.

в) Высший контроль во всех делах и вопросах экономического характера и заботы об улучшении материального благосостояния всех рассадников духовного просвещения и самого духовенства. При этом все отчеты, проекты и ходатайства, представляемые собору, должны быть предварительно подготовлены подлежащими учреждениями и, по рассмотрении в епископском совете, поступают в собор в отдельных по каждой области докладах со всеми необходимыми справками и сведениями, относящимися к уяснению докладов.

3. Имея во главе председателем епархиального епископа, епархиальный собор представляет собой высшую инстанцию епархиальной власти по всем делам церковной жизни епархии. Постановления собора имеют силу окончательных решений по всем делам и вопросам,

подлежащим его ведению. Лица или учреждения, недовольные состоявшимся постановлением собора, могут ходатайствовать об отмене его на соборе при митрополите или на Поместном Соборе всей русской Церкви.

4. Епархиальный собор обязательно созывается один раз в год в определенное время, именно в сентябре месяце, применительно к началу учебного года.

4. Необходимость пересмотра законов, касающихся порядка приобретения собственности Церковью и учреждениями Духовного Ведомства

Действующие ныне законы, предоставляя церквам, монастырям и архиерейским домам право обладания на отводимые от казны земли в количестве, межевыми узаконениями определенном, не запрещают сим учреждениям приобретать в собственность всякого рода ненаселенные недвижимые имения, как покупкой, так и через дар или завещания от частных лиц – с тем лишь ограничением, что таковые приобретения утверждаются за ними в собственность совершением крепостных актов не иначе как по исходатайствованию на то каждый раз через Святейший Синод Высочайшего разрешения. Ограничение это, впрочем, не распространяется на состоящие в Духовном Ведомстве общества, братства, приюты, богадельни и другие религиозно-просветительные, благотворительные и богоугодные учреждения, действующие на основании уставов и правил, утвержденных епархиальным начальством, либо Святейшим Синодом, или же светской властью, которые, согласно разъяснению Правительствующего Сената, могут приобретать на свое имя и отчуждать общеустановленным порядком недвижимые имущества без испрашения на то Высочайшего разрешения. Не требуется также Высочайшего разрешения для укрепления недвижимых имуществ за духовно-учебными заведениями, а таковые укрепляются, обмениваются и продаются с разрешения лишь Святейшего Синода. При существовании вышеуказанного разъяснения Правительствующего Сената нельзя не обратить внимания на следующую аномалию.

Учреждаемые при церквах, монастырях, архиерейских домах и духовноучебных заведениях разного рода благотворительные общества пользуются правом беспрепятственного приобретения недвижимых имуществ, между тем сами монастыри, церкви и архиерейские дома на приобретение сего права должны иметь особое каждый раз Высочайшее разрешение, а духовно-учебные заведения – особое каждый раз разрешение Святейшего Синода. Если, далее, принять во внимание, что по свидетельству обер-прокурора Святейшего Синода, изложенному в предложении от 28 июня сего года за № 100, на протяжении многих лет нельзя припомнить случая, когда бы ограничение это являлось препятствием к совершению актов укрепления на приобретенное имущество, то отмена сего ограничения и предоставление права беспрепятственного приобретения недвижимых имуществ и сим учреждениям – церквам, монастырям, архиерейским домам и духовно-учебным заведениям – являются весьма желательными. Так как акт испрашения Высочайшего соизволения на укрепление за учреждениями Духовного Ведомства недвижимых имуществ возлагает на епархиальное и центральное синодальное управление обязанность иметь тщательное наблюдение за законосообразным ведением дел этого рода, то с отменой сего ограничения таковое наблюдение должно оставаться лишь за одним епархиальным управлением. Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что в настоящее время совершенно неспособными к приобретению недвижимых имуществ являются по закону епархиальные свечные заводы, церковно-приходские попечительства, церковно-приходские школы и духовенство, как сословие и поступающие в пользу сих учреждений имущества, равно как и приобретаемые духовенством на свои средства для его нужд, закрепляются не за действительным приобретателем, а за епархиальным начальством или за церковью. Распространение права по приобретению недвижимых имуществ как на эти учреждения, так и на духовенство как сословие, представляется весьма желательным, так как оно избавило бы от необходимости укреплять в таких случаях недвижимые имущества – в обход закона – за фиктивным приобретателем, а не действительным.

4. Церковный суд

Церковный суд, по предложению г. обер-прокурора Святейшего Синода, подлежит выделению из сформированного выше (вместо консистории) при епископе органа епархиального управления (пресвитериум) и должен быть гласный; но, так как решающий голос суда должен по правилам принадлежать епископу, то все приговоры епархиального суда подлежат утверждению епархиального преосвященного, если он сам не присутствует в заседании суда.

Судебные инстанции

Церковный суд может представлять следующие инстанции: в уезде, в епархиальном городе, в областном у митрополита и при патриархе.

1. В уездах судебную инстанцию представляет совет (пресвитериум) во главе с уездным протоиереем. Он ведает и разбирает все дела меньшей важности на месте; для расследования дел он имеет окружных духовных следователей, которые, входя в пресвитериум, при решении дел, по которым они сами производили расследование, участвуют лишь с совещательным голосом. Духовные следователи избираются съездом уездного духовенства или окружного на три года и утверждаются архиереем. Уездный протоиерей, получивши расследование, или рассматривает дело в своем пресвитериуме, или, ввиду важности его, выходящей из его круга, передает епископу для рассмотрения в епархиальном суде. Суд уездного пресвитериума – гласный и более братский, чем формальный, а потому производится устно, и только по разбору дела заносится в протокол в кратком виде само определение, и этот приговор, если не опротестован на месте, входит в законную силу, и о нем лишь доводится до сведения епископа; в противном случае, при обжаловании его сторонами, решение дела представляется епископу для рассмотрения его в епархиальном суде.

2. Епархиальный суд учреждается в каждой епархии под председательством епископа-викария, или – где его нет – старшего члена суда пресвитерской степени, и состоит из 6 членов пресвитерского сана – ввиду тех соображений, что, – если бы обстоятельства потребовали произвести выездную сессию суда на месте, в уездном городе, из 3 членов, – остальные три члена могли бы безостановочно производить разбор дел на месте, в епархиальном городе. Члены суда и кандидаты к ним избираются епархиальным съездом духовенства и утверждаются пожизненно, по представлению епархиального архиерея, митрополитом области и сменяются только по суду. Присутствие или заседание суда составляется из председательствующего и двух членов; а за недостатком таковых, при выезде суда в уезды, могут быть приглашаемы в состав присутствия члены уездного пресвитериума или духовные окружные следователи, кроме тех дел, по которым они производили следствие или участвовали уже в разборе их в уездном пресвитериуме.

3. Дела особой важности или по протестам сторон против решений в епархиальном суде – подлежат рассмотрению митрополита области с его областным собором, в составе от 3 до 6 епископов области ближайших к митрополиту городов.

4. Желательно, чтобы каждое дело подлежало решению и пересмотру только в двух инстанциях; приговор второй инстанции, особенно решение митрополита области с его собором, при согласно произнесенном приговоре, ввиду пр. 15-го Антиох. Соб., – должен быть окончательный и обжалованию не подлежит. Только в случаях, предусмотренных 9-м и 17-м пр. 4 Всел. Собора, епископы или клирики могут вознести свою обиду на митрополита области к престолу патриаршему с Синодом.

5. Сам Всероссийский патриарх с его Синодом может быть судим только Поместным Всероссийским Собором.

О подсудности

Всякое противозаконное деяние исследуется в той местности, где учинено, но судится в духовно-церковном суде той епархии, ведению которой подлежит лицо, совершившее проступок.

1. Суду непосредственно архиерейскому подлежат случаи и проступки, обозначенные в 155 ст. Уст. дух. консистории.

2. Суду уездного пресвитериума подлежат:

а) Дела об оскорблениях чести, наносимых духовными лицами духовным и светским лицам, за которые определяется взыскание по уставу о наказ., налагаемых мировыми судьями (ст. 130–141).

б) Дела, за которые налагается замечание, выговор и денежный штраф до 15 рублей.

в) Дела по взаимным спорам между духовными лицами и учреждениями из-за пользования церковной собственностью и церковными доходами.

Примечание. Монашествующие и послушники по делам, исчисленным в этой статье, судятся настоятелем вместе со старшей братией, составляющей монастырский совет, а настоятели епархиальных монастырей подлежат суду епархиальному.

1. Епархиальному суду подлежат:

а) Дела по отзывам и протестам сторон против приговоров и решений уездных пресвитерских советов.

б) Все дела о духовных лицах, изъятые из ведомства уездных пресвитерских советов и не подлежащие ведению митрополита области с его собором.

в) Дела бракоразводные в окончательном приговоре и дела епитимийные.

2. Митрополиту области с его собором подсудны:

а) Дела по отзывам и протестам сторон против приговоров епархиальных судов.

б) Все дела о лицах архиерейского сана, протопресвитере военного и морского духовенства, настоятелях ставропигиальных монастырей и синодальных церквей, кроме учреждаемых патриархом, о членах епископского пресвитериума (совета) и членах епархиальных судов.

3. Суду патриарха с его Синодом подлежат:

а) Дела о митрополитах с их областными соборами.

б) Дела по отзывам и протестам епископов и клириков против приговоров митрополитов области с их областными соборами.

в) Дела о ставропигиальных монастырях и их настоятелях (учрежд. патриархом).

4. Суду всего Поместного Всероссийского Собора подлежат все дела о патриархе и членах патриаршего Синода.

Ведомство (круг) церковного суда

Церковному суду (во всех инстанциях) подлежат:

1. Люди духовного звания (клирики кроме и. д. псаломщиков) епархиального ведомства:

а) По проступкам и преступлениям против должности, благочиния и благоповедения, против веры и нравственности.

б) По взаимным спорам, могущим возникать из-за пользования движимой и недвижимой церковной собственностью.

в) По жалобам духовных и светских лиц на духовные лица в обидах и нарушении бесспорных обязательств и просьбам о побуждении к уплате бесспорных долгов.

2. Люди светского звания:

а) По делам о браках, совершенных незаконно.

б) По делам о прекращении и расторжении браков – расследование предоставить светскому суду (подобно теперешнему направлению дел епитимийных и о лицах, неспособных к брачному сожителству), а власти епископа оставить произнесение окончательного приговора и наложение епитимии.

в) По делам метрическим – регистрацию изъять из ведения Духовного Ведомства и передать в гражданское для записей и отметок в посемейных списках, а записи духовных лиц, совершителей самых таинств и священнодействий, будут лишь показателями числа совершенных в приходе крещений, браков и погребений – для своей статистики; при венчании браков освободить причты от составления брачных обысков и от ответственности за правильность таковых, заменив обыски удостоверениями от начальства, родителей или лиц,

заменяющих таковых, — о беспрепятственности к вступлению в брак, возложив на них и ответственность за это; а также, ввиду возможности неполной статистики у духовенства, освободить таковое от представления выборки о родившихся и умерших для призывных списков, возложив таковую на учреждения, имеющие вести регистрацию и посемейные списки.

г) По проступкам и преступлениям, подвергающим виновного церковной епитимии.

6. Участие священнослужителей в общественных учреждениях

Пастырь принадлежит не только Церкви, но и тому обществу и народу, среди которого он живет и служит. Он – общественный деятель, и жизнь его во всех отношениях должна быть образцом. Поэтому пастырь не должен уклоняться и от тех общественных обязанностей, которые не препятствуют исполнению его главного долга. Он должен принимать самое деятельное участие, как носитель и представитель христианской истины и жизни, и в общественных учреждениях. В общественных учреждениях обыкновенно обсуждаются и решаются разные вопросы, касающиеся благоустройства и благоденствия общества во всех отношениях житейских. Деятельность этих учреждений проявляется в попечении об охране народного здоровья, о призрении и помощи бедным, о развитии народного образования, торговли и промышленности, о мерах к предупреждению общественных бедствий и т. п., а также в изыскании средств и способов к осуществлению предположенных целей, – в сборе, хранении и правильном расходовании денежных сумм с надлежащим контролем. Все таковые предметы заботливости общественных учреждений никак не чужды и духовенству, которое, как и всякий член общества, с одной стороны, не освобождается в известных случаях от обложений и взносов на городские, земские и другие общественные нужды, с другой – пользуется в своем житейском быту разными благотворными плодами общественных учреждений. Поэтому, если в деятельности сих учреждений всегда предоставлялось и предоставляется право участия всем сословиям, то нет никакого основания лишать этого права и духовенство. И если в настоящее время, по действующим законоположениям, светским лицам, без различия сословий, дается право участия в экономических делах церковных, а в будущем признается необходимым призвать их к участию и в управлении церковном, то почему же не дать места и духовенству во всех гражданских общественных учреждениях?

Сочувственное и деятельное отношение духовенства к общественным интересам, при участии его в разных учреждениях, сблизит оное с интеллигенцией, с народом и со всеми поборниками правды и истинной свободы и откроет ему широкое поприще для проведения в обществе чистых христианских начал и для утверждения своего нравственно-просветительного влияния на общество.

Посему весьма желательно, чтобы духовенству предоставлено было право участия в общественных учреждениях, чтобы сельские священники были непременно членами в местных учреждениях и участвовали в мирских сходах и земских учреждениях, а городские священнослужители, по выбору или назначению епархиального начальства, были членами или депутатами, с правом голоса, в разных городских учреждениях, – с правом не только избирать, но и быть избираемыми наравне с другими полноправными гражданами в разные общественные должности. А чтобы голос православного духовенства был слышен и в высшем государственном управлении, чтобы ближайшие государственные люди могли непосредственно от компетентных представителей православной Церкви знать ее взгляд на тот или другой предмет, чтобы представители же духовенства могли непосредственно разьяснять, в потребных случаях, церковные дела и защищать интересы Церкви, – желательно предоставить высшим лицам церковной иерархии (по рангу или по выбору) участие, с правом голоса, в Государственной Думе и других высших государственных учреждениях.

7. Вопрос об устройстве и упрочнении положения церковно-приходских школ

В предложении бывшего обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, внесенном им в Святейший Синод 28 июня сего года, а оттуда переданном епархиальным преосвященным для обсуждения в местных комитетах, этот вопрос не намечен в числе вопросов, предназначенных для подготовительной работы к будущему Всероссийскому Собору, конечно потому, что этот вопрос, как касающийся низших народных училищ, должен составлять предмет обсуждения местных властей, или, может быть, потому, что, при обсуждении вопроса об устройстве и преобразовании духовноучебных заведений, вопрос о начальных училищах сам собою войдет в общую схему предметов обсуждения. На это последнее предположение наводит замечание предложения г. Победоносцева, что в предполагаемые им «богословские училища, служащие для приготовления кандидатов на священноцерковнослужительские должности, могли бы быть допускаемы и дети, прошедшие курс церковно-приходских школ, без различия сословий».

Не отрицая того, что и в настоящем своем положении церковно-приходские школы в некоторой степени отвечают намечаемой для них цели, думается, что они будут вполне соответствовать этому назначению с расширением и изменением действующих программ и объема курса в школах. Не входя в подробное обсуждение вопросов, насколько и чем должны быть расширены и пополнены нынешние программы церковно-приходских школ, так как это обсуждение должно быть предоставлено особой комиссии, состоящей из людей опытных и близко стоящих к этому делу, – можно указать здесь только на то, что в основу для соображений по этому предмету, кажется, мог бы быть взят составленный комиссией духовных училищ «устав приходских и уездных духовных училищ» 1808 года, действовавших у нас в России до 40-х годов прошлого столетия и, по мнению некоторых, весьма пригодный в своих главных частях и для нашего времени. Само собой разумеется, что нужно будет в курс, преподавания ввести некоторые новые предметы, а некоторые в нем изменить: или совсем удалить, и что для надлежащего прохождения этого курса непременно нужно будет увеличить число лет нахождения детей в школе, т. е. вместо трехгодичного курса нужно ввести четырехлетний или даже пятилетний курс. Но главное, на что должно быть обращено внимание комиссии по школьному делу, это – определение состава учащихся в церковно-приходских школах и упрочение материального положения их.

Контингент учащихся в наших церковных школах главным образом состоит или – правильнее – должен бы был состоять из лиц, окончивших курс в средних учебных заведениях: семинариях духовных и учительских, епархиальных женских училищах и гимназиях мужских и женских. Но рядом с этими лицами, вполне правоспособными и действительно подготовленными к педагогической деятельности, выступают в качестве педагогов лица или вовсе не учившиеся, или не доучившиеся в средних учебных заведениях, получившие право на звание учителя или по своему положению (штатные диаконы), или по экзамену. Эти-то лица, к сожалению (за немногими исключениями), и оказываются очень неудовлетворительными педагогами, – и вот почему: лица, удостоенные диаконского сана за свое знание церковного устава и пения, хотя бы они были из недоучек (а в нашей епархии чуть ли не все они таковы), попав на штатное диаконское место, на основании определения Святейшего Синода от 29 января – 25 февраля 1886 года № 224 («Церк. Вести.» 1886 года № 9), должны быть бесплатными учителями церковно-приходских школ и, в случае отказа от учительства, должны, на основании другого синодального определения от 29 июля – 26 августа 1892 года № 1966 («Церковные Ведомости» 1892 года № 36), подвергаться вычету из доходов в пользу лиц, занимающихся вместо них обучением. Конечно, многие из этих диаконов предпочитают лучше кое-как вести учебное дело в школе, чем платить деньги заменяющим их учителям. Нет надобности говорить, что это бесплатное преподавание ведется большею частью очень неудовлетворительно, с частыми перерывами – то для присутствия на богослужениях, то для участия в совершении некоторых треб, а в Великий пост, по случаю частых богослужений, в некоторых школах учение даже совсем прекращается дня на два – на три в неделю. Сюда же нужно отнести и обязательное в нашей епархии требование, чтобы псаломщики безвозмездно преподавали церковное пение в тех школах, где нет особого учителя пения или где штатный учитель или учительница, по разным причинам, отказываются преподавать пение. Подобно диаконам, и псаломщики стараются

уклониться от такого бесплатного преподавания в церковной школе под разными предлогами – то по необходимости присутствовать при богослужении, то по случаю каких-либо треб. А потому и преподавание церковного пения идет также во многих церковных школах очень неудовлетворительно, а в некоторых оно и вовсе не преподается. Епархиальное начальство, по докладу епархиального училищного совета, принимало разные зависящие от него меры к устранению недостатков, происходящих от неумелого и небрежного ведения дела диаконами и псаломщиками: то штрафовало неисправных, то переводило их в другие места. Но все такие меры являются обыкновенно паллиативными и не ведут к устранению названных недостатков. Притом же, при употреблении таких карательных и побудительных мер, как-то невольно чувствуется горечь несправедливости и острота незаслуженной обиды: почему именно штатный диакон, иногда очень исправный и исполнительный как служитель алтаря, по недостатку надлежащего образования или по старости лет не могущий проходить учительской должности, почему он должен платить из своих скудных средств занимающемуся вместо него в школе лицу, отказывая очень часто в нужных средствах для содержания себя и своей немаленькой семьи? Поэтому, с целью окончательного устранения указанных недостатков, надо будет совершенно освободить диаконов от обязанности быть бесплатными учителями в церковных школах, а псаломщиков – от бесплатного преподавания церковного пения. Нужда в таком отделении учительского труда от прямых обязанностей диакона и псаломщика чувствуется давно, и некоторые уездные отделения уже проводят эту меру в своих уездах. К сожалению, недостаток средств на вознаграждение особых учителей заставляет отделения пользоваться даровым трудом диаконов и псаломщиков, чтобы сберечь лишний рубль на уплату жалованья учителям в таких местах, где нет никаких местных средств или очень мало их. Здесь же следует заметить, что в нашей епархии в последнее время стал вводиться не совсем желательный порядок совмещения должности учителя в церковноприходской школе с должностью псаломщика. Побуждением к установлению такого порядка является желание некоторых лиц иметь больше средств к существованию. Начальство, снисходя к нуждам труженика – учителя или псаломщика, иногда очень многосемейного, или желая вознаградить усердие его на той или другой должности, а иногда и по другим причинам, дозволяет соединять обе должности в одном лице, давая, таким образом, и другим повод искать таких мест, где учитель есть в то же время и псаломщик. Но, как показывают примеры, такое совмещение обязанностей по двум должностям почти всегда причиняет ущерб исправности и успешности одной из них и, к сожалению, чаще всего учительской. Естественно желать и настойчиво стремиться к отделению должности псаломщика или диакона от учительской.

Что касается лиц, не имеющих надлежащего образовательного ценза и получивших звание учителя по экзамену, то, несколько не преувеличивая, можно сказать, что и у таких лиц дело обучения редко идет совершенно правильно и успешно. Получив право на звание учителя по сравнительно легкому экзамену при одном из средних или даже низших учебных заведений эти лица большей частью оказываются слабыми учителями, и только немногие из них усердным трудом и долговременною практикой приобретают такт и знания, необходимые хорошему педагогу. Следовало бы поэтому и таких недостаточно подготовленных к учительству лиц не допускать к занятию учительских должностей и замещать их лицами со среднеобразовательным цензом; но, к сожалению, недостаток в сих последних заставляет пользоваться и такими кандидатами на должность учителей. Правда, можно бы повысить требования при экзамене указанных лиц; но этого требования нельзя распространить на другие учебные заведения, при которых большинство ищущих звания учителя держат экзамен. Еще лучше, можно открыть более широкий доступ к учительским должностям в церковно-приходских школах нашей епархии лицам из средних учебных заведений других епархий; но здесь замечается очень часто такое явление, что иноепархиальный учитель с трудом свыкается с местным южнорусским языком, обычаями и порядками нашего края и не может хорошо влиять на школу. Главное же, редкий из таких пришельцев примиряется с местными условиями жизни и господствующею здесь дороговизной; иной же переходит в Таврическую губернию только с целью выждать и высмотреть лучшее место и уйти в другое ведомство и на другую должность. Конечно, на его место найдутся другие охотники; но частая смена учителей очень вредно влияет на успешный ход занятий в школе. Вот почему отделения часто вынуждены бывают довольствоваться учителями и с низшим образовательным цензом, считая их более усидчивыми и подходящими к занятию учительских должностей в церковных школах, как лиц, легче мирящихся с тяжелыми условиями учительской

жизни в нашем крае. Понятно, что, допуская по необходимости таких лиц к учительству, нельзя и требовать от них многого; а от такой постановки дела не могут не страдать и сами церковноприходские школы. С изменением условий жизни такие явления сами собою сделаются редкими и совсем уничтожатся.

Переходя к материальному обеспечению служащих в церковно-приходских школах, следует сказать, что положение их в нашей епархии почти везде оказывается крайне тяжелым вследствие ничтожного размера получаемого ими содержания. Неудовлетворенных ходатайств епархиального училищного совета и уездных отделений о прибавке содержания учителям и отпуске сумм на расширение школьных зданий и устройство при них учительских квартир, на основании данных уездными наблюдателями сведений, исчисляется за последние три года на сумму 55 525 руб., в числе коих более 8000 руб. предназначалось для увеличения штата учащихся в тех школах, где число учащихся удвоилось и даже утроилось против прежнего количества, или для увеличения жалованья некоторым учителям до той нормы, какая признана в нашей епархии минимальною (до 300 руб.), так как некоторым учителям, получавшим из синодальных сумм жалованье в размере, меньшем указанной нормы, выдавалось дополнительное содержание из местных средств; в последние же годы, за оскудением сих средств, уездные отделения, не имея возможности удовлетворять всех учителей по прежним окладам, принуждены будут или закрыть некоторые церковно-приходские школы, или же согласиться на передачу их в ведение земства, чего оно и домогается.

Ввиду таких обстоятельств и по поводу вышеупомянутых неудовлетворительных ходатайств об увеличении ассигновок на содержание церковных школ нашей епархии, считаю долгом представить следующие соображения.

1) Материальное положение учащихся в наших церковных школах, как сказано, представляется крайне тяжелым. Главной причиной этого служит возрастающая дороговизна жизни, усиливаемая еще более несчастными современными обстоятельствами. Между тем, к учителям в последнее время стали предъявлять повышенные требования, усиливающие их труды, вследствие расширения программ и повсеместно замечаемого увеличения числа учеников в школах. Поэтому было бы совершенно справедливо, чтобы, кроме поименованных 8000 руб., к ежегодной ассигновке от Училищного Совета на содержание школ Таврической епархии сделана была прибавка, по крайней мере, еще такой же, если не большей суммы, так, чтобы оказывающееся ныне недостаточным содержание учителя церковно-приходской школы в 300 руб. можно было увеличить сразу до 400 руб., и затем принять за правило через каждые пять лет службы увеличивать содержание учителей хотя бы на 80 руб. – с тем, чтобы оно через 25 лет достигало нормы 800 руб. В школах двухклассных и городских, по крайней мере – для старших учителей, следовало бы назначать оклад жалованья первоначально в 500 руб. и затем постепенно возвышать его через пятилетние прибавки, по 100 руб., до суммы в 1000 руб., как это уже введено в земских и городских школах нашей губернии. Следовало бы еще ввести и ежегодные, хотя небольшие, денежные награды и пособия нескольким служащим лицам, показавшим особенное усердие к делу или наиболее нуждающимся.

2) Далее, непременно нужно исходатайствовать служащим в церковных школах права службы и с ними права на пенсию. В самом деле, какая-то странная и необъяснимая аномалия замечается в судьбе учителей наших церковных школ. Служит человек, служит целый век, и ничего не выслуживает. Захочет он или должен будет перейти на другую службу, – время, прослуженное им в церковной школе, не засчитывается и не дает ему никаких прав. Простой рядовой, низший канцелярский чин выслуживает и заслуживает что-нибудь, а учитель церковной школы – ничего. Но что особенно несправедливо и обидно, так это то, что за самую долголетнюю, трудовую, усердную и похвальную службу учителю церковно-приходской школы не положено никакой пенсии и никакого обеспечения его старости. Что же это значит? Ужели служба учителя церковной школы и маловажнее службы канцелярского писца или рядового солдата? Ужели эти труженики, эти усердные слуги просвещения, посвятившие лучшее время своей жизни школе и отдавшие свои молодые силы и здоровье на служение высокому делу обучения детей, – ужели они не имеют права на старости лет хотя бы на небольшую пенсию, которая обеспечивала бы им существование их и семейств их? Не обидна ли такая постановка дела? Не унижает ли она и человеческую личность и высокое дело, которому служит учитель? Надо удалить эту аномалию из службы учителей церковных школ, ввести их в круг людей, имеющих какие-нибудь права в настоящем и не лишенных их и в будущем. Тогда, и только тогда, и можно будет

удержать и привязать к церковной школы благонадежных и трудолюбивых учителей и учительниц, и вместе с тем снять с начальства над церковными школами и с духовенства вполне справедливый упрек в том, что оно, эксплуатируя труды и усердие служащих в церковных школах, не старается ни обеспечить их в настоящем, ни дать им прав на обеспечение в будущем.

Всем известно, что со стороны земства в настоящее время прилагаются все старания к тому, чтобы, кроме повышения окладов содержания учащихся в земских школах и постепенного увеличения сих окладов прибавками через каждые пять лет, обеспечить земских учителей назначением им за 12 лет службы половинной пенсии, за 18 лет – $\frac{2}{3}$ и за 23 года – полной. В наших церковных школах ничего подобного нет. Пора, и давно пора, подумать и позаботиться о поддержании учащихся в наших школах. Введение вышеуказанного порядка в обеспечении служащих в земских школах в наших южных губерниях, особенно в Таврической, оказывает весьма заметное влияние и воздействие на учителей, служащих в наших церковных школах. Очень многие из них, учителя и учительницы, при первом удобном случае уходят из церковных школ в земские; если же это им не удастся, то осаждают своими просьбами и епархиальный училищный совет и епархиального преосвященного относительно увеличения окладов получаемого ими содержания и еще чаще требованиями ходатайствовать перед высшим начальством о назначении им пенсии за более или менее продолжительную службу.

Ввиду вышеизложенного осмеливаюсь усиленно просить об увеличении содержания учащим в церковных школах и о назначении им пенсий за известный срок службы. Этим дана будет возможность привлечь и удержать на службе в церковных школах весьма многих способных, усердных и полезных деятелей. Можно с уверенностью сказать, что это будет лучше и единственной мерой к поднятию и улучшению и нашей церковной школы. Недостаточно со стороны учителя одной платонической любви к высокому и святому делу просвещения и к учительству; нужна и внешняя, обеспечивающая безбедное существование учителя, обстановка; нужно, чтобы он мог свободно и с усердием посвящать свои силы и познания на предлежащий ему труд, не опасаясь за будущее и не тяготясь изысканием средств для обеспечения себя и семьи в настоящем. С другой стороны, и училищному начальству нельзя руководиться тем соображением, что за выходом из церковных школ одних учителей в другие ведомства, вследствие недовольства малыми окладами, всегда найдутся другие лица, которые согласятся служить в церковных школах и за маленькое жалованье, и таким образом недостатка в учителях не будет у нас. Действительно, всегда найдутся такие заместители на свободные учительские вакансии; но, к сожалению, не все такие лица благонадежны и не всегда такие учителя желательны для наших церковных школ. Если мы хотим, чтобы наши школы стояли на должной высоте, чтобы они оказывали на народ благотворное влияние, чтобы они пользовались и у народа надлежащим доверием и сочувствием, то нужно прежде всего возвысить институт учителей в церковных школах, – нужно, чтобы наши учителя отвечали своему назначению и чтобы лучшие из них не смотрели и не рвались в сторону, а с преданностью оставались на своих местах – в уверенности, что их труды будут по достоинству оценены их начальством, которое позаботится дать им возможность безбедного существования и при прохождении занимаемых ими должностей.

К этому считаю нужным прибавить, что долг справедливости требует обратить внимание и на вознаграждение законоучителей церковно-приходских школ безотносительно к тому, будут ли то священники, по уставу обязанные преподавать Закон Божий в церковных школах, или заменяющие их диаконы, учителя и учительницы, привлекаемые к законоучительству по распоряжению епархиальной власти или по взаимному соглашению со священниками. Вознаграждение за преподавание Закона Божия может быть определено приблизительно в размере 100–120 руб. в год, как в земских школах. Хотя наших священников часто упрекают в том, что они из-за денег охотнее преподают Закон Божий в земских школах, возлагая этот труд в церковных школах на учителей и учительниц, но такой упрек совершенно несправедлив. Ведь труд преподавания Закона Божия и в церковных школах одинаков, как и в земских. Если же там назначается хотя маленькая плата, то следует назначить ее и в Церковных. Скажут, что церковная школа для священника – своя школа, которой он должен служить безвозмездно; но говорящие забывают, что и земская школа для священника тоже своя школа, потому что в ней учатся дети тех же его прихожан, как и в церковной, и потому он и в земской должен так же трудиться, как и в церковной; следовательно, и на вознаграждение за труд в этой последней он имеет такое же право, как и в первой. Назначьте священнику хотя бы небольшое вознаграждение

за преподавание Закона Божия в церковной школе, и он с равной охотой станет заниматься в ней законоучительством, как занимается теперь в земской.

Здесь кстати считаю нужным заметить, что, несмотря на указываемое неохотное отношение некоторых священников к законоучительству в церковных школах, знание Закона Божия учениками тех церковных школ все-таки находится в удовлетворительном состоянии. Это зависит частью от того, что сами священники, как заведующие церковными школами, настаивают, а епархиальный и уездные о.о. наблюдатели требуют, чтобы Закон Божий везде в церковных школах непременно преподавался если не самим священником, то лицом учащим. Кроме того, важное значение имеет здесь то обстоятельство, что весь строй церковной школы и преподавание в ней, так сказать, проникнуты духом церковности. Заведование церковной школой поручается непременно священнику – лицу, близко стоящему к Церкви, тогда как земские школы поручаются учителям или учительницам – лицам светским и часто даже не расположенным к Церкви. Священник, как лицо ответственное за свою школу перед епархиальной властью, требует от учеников церковной школы, чтобы они каждый воскресный и праздничный день посещали церковь в сопровождении и под надзором лиц учащих, что, к сожалению, не выполняется в такой степени учениками земских школ. Учащие в церковных школах – по большей части из лиц, обучавшихся в духовно-учебных заведениях и, следовательно, более проникнутых духом церковности, чем обучавшиеся в светских учебных заведениях. Последнее (т. е. отчуждение от церковности) замечается и среди учителей, получивших образование в светских учебных заведениях и попавших на службу в церковные школы. Далее, церковные школы, как уже замечено, находятся под ближайшим надзором о.о. уездных наблюдателей – лиц духовного звания, которые чаще посещают свои школы, чем инспектора народных училищ. Наконец, что особенно важно, главный и высший надзор за церковными школами принадлежит епархиальному преосвященному, который при объезде епархии и посещении церквей посещает и церковные школы и может лично убедиться в характере и направлении учащихся и учащихся и в знании последними Закона Божия. Все эти условия, в совокупности взятые, имеют, несомненно, очень важное влияние на постановку преподавания Закона Божия и повышение духа церковности в церковных школах. Нужно поэтому всеми силами поддерживать этот дух в наших школах, а для этого не нужно забывать и тех лиц, которые главным образом влияют на эту церковность, и привлекать их к церковным школам, назначив им хотя бы небольшое вознаграждение за их труды по преподаванию Закона Божия в этих школах. Но возникает капитальный вопрос: где взять средства на удовлетворение всех исчисленных выше потребностей наших церковных школ? Просить у Правительства обещанного несколько лет назад пособия из Государственного Казначейства, при нынешних критических обстоятельствах, немыслимо. Училищный совет при Святейшем Синоде в последние три года положительно отказывается увеличивать ассигновки на содержание и улучшение церковных школ, настойчиво предлагая епархиальным советам «из сметы прежних годов не выходить, новых школ не открывать, штаты учащихся в существующих школах и содержания их не увеличивать, а в случае надобности изыскивать местные средства для удовлетворения возникающих нужд». Просить народ: но и народ, т. е. приход, в силу тех же современных критических обстоятельств, ближайшим же образом – вследствие постигших в последние годы наш край недородов и других общественных бедствий, не имеет средств для удовлетворения нужд церковных школ. По крайней мере, в настоящее время чаще и сильнее слышатся голоса: «Школы – церковные, пусть же церкви и содержат их». Но взвалить на церкви содержание церковных школ – значило бы наложить на них непосильное бремя. Церкви, как известно, и без того слишком обременены чрезвычайно большими налогами как для удовлетворения разных местных епархиальных нужд, так и на поддержание некоторых иноепархиальных и даже иностранных учреждений (миссионерских, благотворительных и т. п.). Впрочем, не лишались и не лишаются пособий от церквей и церковные школы. Эти пособия бывали и бывают иногда очень значительны. Есть много церковных школ, которые построены исключительно на церковные деньги или же при значительном пособии из церковных сумм. Не говорим уже о школах, помещающихся в церковных сторожках, в причтовых домах. Те уже прямо содержатся на церковный счет, за исключением жалованья учителю. В настоящее время, согласно постановлению епархиальных съездов и распоряжению епархиального преосвященного, каждая церковь дает пособие своей местной церковно-приходской школе от 50 до 100 руб. в год и на общие церковно-школьные нужды уезда делает в уездное отделение 10-рублевый взнос.

Следовательно, церкви не отклоняют от себя обязанности помогать содержанию церковных школ и делают посильные жертвы на этот предмет. Но уже и теперь слышатся от многих настоятелей церквей жалобы на критическое положение денежных средств церкви и на невозможность удовлетворить ими насущные и неотложные нужды, например, ремонт церкви приобретение ризницы и проч., устройство причтового дома и т. п. Если же отнести на церковные средства и все содержание церковной школы, то многие церкви должны будут закрыться, или – скорее всего – закроются сами школы. Некоторые из иереев, действительно, предлагают эту последнюю меру, рассчитывая на то, что закрытие некоторой части церковных школ даст возможность обеспечить существование остальных. Но такая мера будет совершенно несправедлива, по крайней мере – к тем приходам, где будут закрыты школы с целью поддержки школ соседних или отдаленных приходов. Притом же в таком случае пришлось бы закрыть по крайней мере половину, если не большую часть, церковных школ для того, чтобы обеспечить другую половину, не говоря о том, что все-таки эта крайняя мера не достигнет цели уже потому, что вследствие этого большая половина детей школьного возраста лишится возможности учиться. Наконец, передать церковные школы в исключительное ведение земства – это значит взвалить содержание их на плечи того же народа, который и теперь платит большие повинности на содержание земских и министерских школ. Есть примеры и доказательства того, что во многих селах, в случае надобности в открытии новой школы, общества предпочитают открывать церковную школу несмотря на то, что и земские начальники, вообще мало расположенные в пользу церковных школ, и другие земские деятели настаивают на открытии именно земской школы, обещая сельским обществам содействие земства для постройки земской школы. И если бы епархиальный училищный совет имел возможность удовлетворить все ходатайства сельских обществ о пособии на постройку школьных зданий, то можно с уверенностью сказать, что по крайней мере половина вновь открытых за последние три года земских школ были бы церковными.

Итак, что же делать? Где найти средства на поддержание и содержание церковных школ?

40–55 лет назад, при открытии Таврической епархии, преосвященный Алексий (Ржаницын), заботясь о благоустройстве церковных приходов во вновь открываемой епархии и желая не только обеспечить духовенство, но и облегчить самые общества в расходах на содержание причтов, предложил такую меру, чтобы каждый приход отчислил на содержание одноштатного причта по 1000 руб., из коих 600 руб. шло на жалование священнику, 300 руб. на жалование псаломщику и 100 руб. на текущие церковные расходы. Далее, на каждый причт отрезывалось 120 десятин общественной земли, которая делилась между священником и псаломщиком. Затем, каждый домохозяин должен был отработать в течение года три дня в пользу причта каким бы то ни было образом (вспахать поле священника, скосить траву, сжать его посев, свезти на гумно и т. п.). При таких условиях священник обязан был безвозмездно исполнять для прихожан все требы, как-то: крещение, брак, погребение, освящение полей и новых домов и т. д. Только небольшие частные требы: молебны, панихиды и проч. – вознаграждались малою платою. Жалование священники получали по третям или полугодиям из сельских или волостных правлений. Этот порядок был введен при содействии гражданской власти и был очень угоден народу. При открытии новых приходов или увеличении причтов предварительно составлялся приговор общества об обеспечении причта землею и деньгами в том же размере, как и существовавшие приходы. Во многих приходах, кажется, и теперь поддерживается во всей его строгости, за исключением – впрочем – рабочих дней, установленный 40 лет назад порядок обеспечения причтов и церквей; но в некоторых сделаны от него отступления, что, несомненно, вредно должно отразиться на благосостоянии причтов. При ожидаемом в настоящее время преобразовании церковного управления с вероятностью можно сказать, что и духовенство и приход в вопросе об обеспечении духовенства придут к такому решению, которое существенно будет мало отлично от того порядка, какой уже установлен в нашей епархии при преосвященном Алексии 1. Очень жаль, что во время введения этого порядка не существовало церковных школ в том виде, как они образовались 20 лет назад. По всей вероятности, и они тогда вошли бы в общую смету содержания причта и Церкви, так что, через прибавку каких-нибудь 300–500 руб. в год к той 1000, которая давалась на причт, церковные школы были бы обеспечены приходом наравне с причтом. Это – во-первых.

Во-вторых, следует приходские церкви по мере возможности облегчать и облегчать от тех непосильных налогов, которыми они до настоящего времени облагались и облагаются. Тогда

приходские церкви, без сомнения, будут иметь больше возможности оказывать денежную помощь своим приходским просветительным учреждениям, каковы прежде всего школы.

В-третьих, передать экономическую часть по устройению и ведению приходских церковных школ всецело в руки церковно-приходских советов с правом (официальным) облагать прихожан взносами на содержание своих приходских школ.

Словом, нам придется, как говорят, окапываться и надеяться больше на Бога и Церковь – народ, да на самих себя.

Наконец, в видах же наилучшей постановки церковно-приходских школ, следует обратить самое серьезное внимание на крайне плохой подбор учебников, высылаемых Училищным при Святейшем Синоде советом. Например, в начальной школе книга для чтения имеет громадное значение – и воспитательное, и научное, и литературное. Между тем книга г. Одинцова представляет собою экземпляр такой чудовищной бездарности и по выбору статей и по их изложению, что сразу же убивает в детях всякую охоту к чтению. Очень жаль, что Училищный совет присвоил себе какую-то монополию по заготовлению и рассылке учебников в церковно-приходские школы. Следует предоставить право выбора сих учебников местному архиерею с его епархиальными органами, заведующими начальным образованием в пределах епархии.

№53, преосвященного Антония, митрополита С.-Петербургского, от 6 января 1906 года

Долг имею донести Святейшему Синоду, что, во исполнение указа от 27 июня 1905 года, за № 8, для обсуждения указанных в предложении Святейшему Синоду г. синодального обер-прокурора от 28 июня 1905 года, за № 100, вопросов, подлежащих рассмотрению на предстоящем Поместном Соборе Всероссийской Церкви, мной была образована, под моим председательством, комиссия, которая решала подлежавшие ее рассмотрению вопросы на основании Священного Писания, церковных канонов, богословской науки и современных потребностей церковной жизни.

По существу дела и по состоянию современного строя церковного управления, комиссия должна была поставить себе задачей, предварительно разработки вопросов, перечисленных в указе и предложении, решить вопрос об организации предстоящего чрезвычайного Собора Всероссийской Церкви и затем перейти к вопросам о переустройстве на соборном начале постоянного центрального церковного управления, о проведении начала соборности в местное низшее церковное управление и его органы. Вопрос об усовершенствовании духовных школ разрабатывался в комиссии отдельно и параллельно другим вопросам, с участием в обсуждении его выборных представителей от педагогического персонала духовной академии, семинарии и училища. Кроме подлежащих преобразованию сторон внутренней церковной жизни, в указе и предложении есть также два вопроса, касающиеся внешнего положения Церкви, а именно: об имущественных правах Церкви и об участии духовенства в государственных и общественных учреждениях. Таким образом, весь материал, разработанный комиссией, должен быть изложен в следующем порядке: 1) о предстоящем чрезвычайном Соборе Всероссийской Церкви; 2) о преобразовании постоянного центрального и местного церковного управления на началах соборности; 3) об усовершенствовании духовных школ, и 4) об имущественных правах Церкви и об участии духовенства в государственных и общественных учреждениях.

1. Об организации предстоящего чрезвычайного Собора

1. Собор состоит из епископов, представителей клира и мирян и церковно-общественных учреждений.
2. Члены Собора второй и третьей категории избираются на епархиальном общем избирательном соборе (порядок выборов ниже).
3. Собор открывается первенствующим членом Синода.
4. Первый акт Собора – выборы председателя и секретарей.
5. Собор рассматривает подлежащие его обсуждению вопросы в общих собраниях и в выделенных из его состава комиссиях.
6. В первых общих заседаниях Собор, наметив ход всей соборной работы, распределяет программные вопросы по отделениям или комиссиям и выбирает из епископов председателей комиссий.
7. В то же время общее заседание определяет количественный состав комиссий, в зависимости от характера ее занятий.
8. Общие принципы преобразований вносятся комиссиями в общие собрания, после предварительной выработки их в комиссиях, и в соединенных собраниях только получают свою санкцию – в целях большей твердости и прочности занятий в комиссиях.
9. По окончании работ комиссии доклады вносятся на окончательное утверждение общего собрания.
10. Все члены Собора имеют в собраниях решающий голос в вопросах второстепенных.
11. При рассмотрении же вопросов веры, буде таковые возникнут, и коренных вопросов канонического устройства Церкви, вообще принципов канонической ее жизни, решающий голос принадлежит только одним епископам, а пресвитерство и миряне участвуют в сем рассмотрении с голосом совещательным.

Приложение

Система выборов

а) Приходы избирают представителей из мирян, по числу штатов духовенства, на благочиннический съезд, куда собираются все причты благочиния, причем выборщику из клира предоставляется право передавать свой голос по письменной доверенности другому лицу.

б) Благочиннический съезд общию баллотировкою, без разделения по сословиям, выбирает из своей среды представителей на епархиальный съезд: одного представителя – священника и одного представителя из мирян.

в) Общий епархиальный съезд выбирает, не разделяясь при выборах по сословиям, одного священника и одного мирянина.

г) Собор восполняется выборными представителями придворного и военного духовенства; в состав Собора входят также выборные представители от духовных академий, например, – в количестве двух от каждой.

Можно быть уверенным, что, ради большей плодотворности своих трудов, Собор восполнит себя сам, пригласив в свой состав, по общему решению, выдающихся подвижников веры, представителей богословского знания, науки, литературы, выдающихся общественных деятелей, – из тех, кто не войдет в состав Собора по выборам.

2. О преобразовании постоянного центрального церковного управления

Соборное устройство постоянного центрального управления Всероссийской Церкви должны составить:

1. Поместный Собор Русской Церкви,
2. Священный Синод и
3. Патриарх.

1. Собор. Высшую власть в русской Церкви должен представлять периодически созываемый Собор. Он созывается в сроки, назначенные первым чрезвычайным Собором. Власть его – законодательная, ревизионная, руководительная. В состав Собора, кроме всех епископов (или их делегатов), должны войти представители от прочего клира и мирян, избираемые, например, способом, указанным в «системе выборов» в первый чрезвычайный Собор.

2. Священный Синод. Органом Собора, для заведования текущими делами (по управлению и суду), служит действующий по уполномочию от Собора и делегированный им Священный Синод из епископов, со своими специальными учреждениями (или отделениями хозяйственным, контроля, учебным и т. д.), с участием в нем выборных духовных лиц не епископского сана.

Члены Синода избираются Собором непосредственно или Синодом в определенном Собором порядке. По практике константинопольской Церкви, членов епископского сана должно быть двенадцать: шесть постоянных и шесть очередных, вызываемых по руководству составленного на Поместном Соборе каталога.

Центральные учреждения Синода состоят под председательством синодальных членов. Желательно допущение в эти учреждения выборных от мирян.

Канцелярия Синода находится в ведении патриарха.

3. Патриарх. Восстановление патриаршества должно состояться по определению первого чрезвычайного Собора, с согласия государственной власти. Избрание патриарха производится всеми иерархами русской Церкви и избранными представителями клира и мирян, применительно к практике константинопольской Церкви, или же Поместным Собором русской Церкви, до созыва которого место патриарха занимает наместник (местоблюститель).

Патриарх есть председатель Поместного Собора и Священного Синода и предстоятель русской Церкви. Действуя во внутреннем управлении по уполномочию от Собора и как председатель Синода, он обладает правами единоличного представительства во внешних сношениях (например, с автокефальными Церквями и государственною властью).

Патриарх есть архиепископ столичного града. Для сношения с гражданским Правительством по делам Церкви, патриарх и Синод назначают особое доверенное лицо (епитропа), которое действует по их инструкции.

О преобразовании местного церковного управления на начале соборности

Начало соборности должно быть проведено в местное церковное управление посредством устройства митрополичьих округов, преобразования епархиального управления, приходской общины и церковного суда.

Об устройстве управления митрополичьих округов

Организация его следующая: А) митрополичьи области, Б) митрополичьи соборы и В) митрополит.

А. – Россия может быть разделена на следующие митрополичьи округа:

1. Петербургский (во главе его патриарх Всероссийский, митрополит С.-Петербургский и всего Поморья. В состав его входят епархии: Петербургская, Финляндская, Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Новгородская, Псковская, Рижская, Тверская и Смоленская.

2. Московский (во главе архиепископ Московский, митрополит Великой России). В состав его входят епархии: Московская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Нижегородская, Калужская, Тульская, Рязанская, Пензенская, Орловская и Тамбовская.

3. Виленский (во главе митрополит Белоруссии, Литвы и Западной России). В состав его входят епархии: Литовская, Волынская, Варшавская, Минская, Могилевская и Полоцкая.

4. Киевский (во главе его архиепископ Киевский, митрополит Галицкий и Малой России). В состав его входят епархии: Киевская, Подольская, Кишиневская, Черниговская, Полтавская, Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Харьковская, Курская и Воронежская.

5. Казанский (во главе его архиепископ Казанский и Восточной России). В состав его входят епархии: Казанская, Вятская, Пермская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Оренбургская, Уфимская, Екатеринбургская и Туркестанская.

6. Иркутский (митрополит всей Сибири). В состав его входят сибирские епархии.

7. Грузинский, в состав коего могли бы войти епархии нынешнего Грузинского экзархата.

8. Воронежский округ, в состав которого могут войти епархии: Воронежская, Харьковская, Донская, Ставропольская, Терская область, Астраханская епархия и все русское православное население Кавказа.

Б. – Соборы в митрополичьем округе, или областные соборы епископов, созываются митрополитом и состоят под его председательством. Они делятся на соборы из епископов всей области или их заместителей пресвитерского сана, созываемые периодически, для обсуждения важнейших и общих всем епархиям округа дел, и соборы меньшие, для рассмотрения текущих административных и судебных дел, состоящие не менее чем из трех епископов (или их заместителей – пресвитеров), или избираемых областным собором, или назначаемых по очереди, в порядке старшинства посвящения, под председательством митрополита или старейшего из епископов.

Предметы ведения областных соборов: а) взаимное совещание епископов о мерах пастырского воздействия на население; б) управление церковными делами и учреждениями применительно к нуждам и условиям местной жизни; в) дела по управлению округом, например проверка избирательных актов, разбор возражений и обвинений против кандидатов на епископские кафедры, в случае неизбрания епископа на месте (в епархии) – избрание кандидата на кафедру и представление избирательного акта на проверку и утверждение в центральное учреждение, утверждение начальствующих лиц в духовно-учебных заведениях, членов епархиального правления, игуменов монастырей, и т. п.; г) судебные дела, по которым собор является первой инстанцией для суда над епископами (прав. Конст. Соб. 394 г.) и второй инстанцией по делам, поступающим по апелляции из епархиального суда.

Местом собрания соборов служит или город, в котором находится кафедра митрополита, или какой-либо другой город, назначаемый митрополитом по совещании с другими епископами.

В. – Митрополичья кафедра замещается епископом по выбору епископов всей области. Митрополит есть первенствующий иерарх области. Он созывает соборы и председательствует на них, принимает все дела, подлежащие рассмотрению собора, подготавливает к собору доклады, устанавливает очередь их рассмотрения, руководит ходом соборных занятий, приводит постановления собора в исполнение, имеет право надзора за епископами и право обозрения епархий области, по поручению собора.

Об устройстве епархиального управления

Составные части строя епархии суть:

1. Епископ.
2. Епархиальный собор.
3. Епархиальное правление.
4. Епархиальный суд.
5. Епархиальное училищное правление.
6. Епархиальное хозяйственное правление.

1. Епископ есть преемник апостольского служения в пределах епархии и представитель божественного назначения Церкви – с одной стороны, а с другой – правитель и представитель своей паствы, т. е. православного населения епархии, долженствующего быть организованным в благоустроенное общество, как тело Христово. Он – средоточие епархии, как святитель и как правитель церковный, а потому он есть председатель всех епархиальных учреждений, с правом замещения себя священнослужителями епископского (викарий) или пресвитерского сана.

2. Епархиальный собор есть представительный орган клира и православного населения в епархии, как церковного общества. Этим учреждением должны быть заменены существующие ныне епархиальные съезды духовенства. Епархиальный собор созывается по усмотрению епархиального епископа и состоит под председательством его или его заместителя, им назначенного или, с его разрешения, избранного собранием епархиального собора. В состав собора входят депутаты от священнослужителей, церковных старост и представителей от приходских обществ, выбираемые на благочиннических окружных съездах (например, по два депутата от священнослужителей и по одному от церковных старост и представителей от приходских обществ). Пастырские собрания по вопросам пастырской практики должны проходить без участия мирян. Предметами деятельности собора могут служить дела общепархиальные, как-то: избрание двух или трех кандидатов в епископы епархии, в случае открывшейся вакансии кафедры, членов в епархиальное правление, епархиальный суд, училищное правление и хозяйственное правление из священнослужителей пресвитерского сана и мирян, как представителей от епархиального общества, и членов чрезвычайных ревизионных комитетов, для обозрения того или другого епархиального учреждения; собору представляется общий годовой отчет о состоянии всех епархиальных учреждений; он обсуждает экономические нужды епархиальных учреждений, а также вопросы пастырской и приходской деятельности духовенства. Постановления епархиального собора, с которыми согласился епископ после совещания с епархиальным правлением, им утверждаются и приводятся в исполнение; в случае несогласия епископа постановления собора представляются на разрешение областного собора, равно распоряжения и предположения епископа, с которыми не согласен собор.

3. Епархиальное правление (или епархиальный совет) назначается вместо консистории (это латинское название должно быть исключено из терминологии русского церковного права), для заведования делами епархиального управления, и епархиальными учреждениями (приходами, монастырями, благочинническими округами, участием в назначении церковных старост, псаломщиков, диаконов, пресвитеров, благочинных, заведующих епархиальными учреждениями и т. п.), и предметами, касающимися проповедания слова Божия, богослужения, руководства и надзора за проведением в жизнь епархии правил и законов церковных.

Правление состоит, под председательством епископа или его заместителя, из лиц: двух пресвитеров, назначенных епископом, и четырех членов, избранных на соборе: двух священников и двух мирян. Все постановления приводятся в исполнение при согласии епископа; в случае несогласия представляются на разрешение собора епископов области с заключением епископа.

4. Епархиальный суд состоит, под председательством епископа или его наместника, из двух членов по назначению епископа и четырех, избранных на соборе: двух духовных и двух мирян.

5. Училищное правление состоит, под председательством епископа или его наместника, им назначенного или избранного собором по его предложению, из членов духовных и мирян, избранных собором в равном числе из среды персонала учебного или выслуживших по духовно-учебной службе 25-летний срок, обладающих образовательным цензом, и представителей от каждого епархиального учебного заведения и от округов церковно-приходских школ. В правление

представляются на обсуждение и разрешение протоколы, журналы, вопросы, отчеты всех церковно-учебных заведений епархии, имеющие более или менее важное значение; составляются им уставы для учебных заведений и представляются на утверждение Св. Синода чрез митрополита с его заключением, проектируются улучшения разных сторон учебного дела, изготовляются доклады и отчеты епархиальному собору и т. п.; назначаются инспекторы, ревизоры и экзаменаторы в учебные заведения, назначаются и утверждаются заведующие теми или другими училищами и т. п.

6. Епархиальное хозяйственное правление имеет заведовать: а) той частью хозяйства по местам епархиального ведомства, которая по Уставу духовных консисторий (гл. 6, ст. 104 по 147) теперь состоит в ведении консистории, б) в качестве центрального контрольного учреждения – хозяйством общепархиальных учреждений, а именно (как, например, в С.-Петербургской епархии): епархиальным свечным заводом, богаделенными заведениями, епархиальным попечительством, духовно-учебными заведениями, эмеритальной кассой, в) ведает дела по назначению сборов в церквах, защиту и охрану имуществ церковных установлений. В состав этого правления, под председательством епархиального архиерея или его заместителя, входят: три члена (из духовных и мирян), избранные на три года на епархиальном соборе, и по одному лицу, избранному от каждого общепархиального учреждения. В этом правлении сосредоточиваются сведения об имуществе и состоянии хозяйства всех учреждений епархии, рассматриваются и утверждаются журналы и протоколы по хозяйственной части, производится проверка отчетов, представляемых из учреждений, назначаются ревизионные комитеты; вообще – регулируется хозяйственная часть епархии согласно законам и постановлениям епархиального собора.

Об устройстве приходского общества

Все лица православной веры, живущие в пределах прихода, именуются прихожанами приходской церкви, принадлежат к составу приходского общества и пользуются в приходе церковными правами, под условием исполнения ими требуемых вероучением, правилами Церкви и законами страны соответственных обязанностей. Церковные права отдельных прихожан распадаются на общие и особенные.

Общие права: участие в общественном богослужении и вообще пользование всеми благами церковными, существующими в приходской церкви (таинства, пользование всеми приходскими учреждениями и т. д.). Возрастные прихожане, удовлетворяющие законным условиям, обладают особыми правами, к которым относится участие в заведовании и управлении делами, предметами и сторонами церковного благоустройства, приходских учреждений и церковно-приходской жизни по правилам, издаваемым правительством Поместной русской Церкви, и по законам государства, и совместно с членами причта могут быть органами приходского общества и т. п.

Органами приходского общества служат: приходский причт, общие приходские собрания, приходский совет, церковный староста, представители прихожан, церковно-приходское попечительство, лица, заведующие церковно-приходскими учреждениями (богадельнями, приютами, школами и т. п.) и уполномоченные управлением прихода на исполнение постановлений церковно-приходских общих собраний.

Участниками общих приходских собраний имеют право быть исключительно лица православного исповедания, мужчины, не моложе 25 лет. В городах – те же лица, но числящиеся в приходских списках не менее трех лет, домовладельцы и квартирохозяева в пределах прихода, обладающие правом избирателей в гласные думы (§§ 27–29 и 78 полож. об обществ. управлении гор. СПб., сн. инстр. церковн. стар. 12 июля 1890 г.), гласные думы (§§ 41–42 положения), прихожане, избранные в общих собраниях с согласия всех членов причта, выдающиеся благотворители и радители благоустройства прихода, оказавшие особенные услуги приходу, состоящие на государственной службе и отставные чины.

Не могут присутствовать и иметь право голоса на общих собраниях: инославные христиане, иноверцы, сектанты, раскольники, не бывающие у исповеди и св. причастия и не числящиеся таковыми в исповедных ведомостях прихода (исповедующиеся не у приходского священника должны доставить исповедное свидетельство), явные порицатели и недоброжелатели православной веры и Церкви, состоящие под следствием и судом и подвергшиеся по судебным приговорам за противозаконные деяния заключению в тюрьме или более строгому взысканию, исключенные из службы по суду или из среды общества и дворянских собраний, несостоятельные должники, лица заведомо порочного поведения.

Список прихожан, имеющих право с голосом участвовать в общих собраниях, ежегодно составляется и проверяется причтом в начале января, доводится до сведения прихожан, исправляется по их заявлениям и утверждается благочинным.

Имеющие право участвовать в собраниях заблаговременно извещаются объявлениями в храме и повестками о дне и часе заседания, на котором присутствуют члены причта и которое происходит под председательством настоятеля церкви или старшего члена причта. В общем собрании могут присутствовать лица, заведующие церковно-приходскими учреждениями, с правом совещательного голоса, для объяснения дел учреждений, состоящих под их управлением.

Предметами занятий приходских собраний служат:

1) Обсуждение и установление мер к утверждению и возвышению религиозного просвещения и религиозно-нравственной жизни в приходе и к устранению появления в нем сект, раскола, распущенности, грубости нравов и упадка христианских обычаев, возбуждение ходатайств перед епископской властью о назначении лиц в состав причта.

2) Установление мер к определению порядка во время богослужения, особенно при многочисленном стечении народа, и – между прочим – распределение мест в храме между прихожанами постоянными и временными, между мужчинами и женщинами, между детьми и взрослыми.

Примечание. Предметами приходских собраний не могут быть догматы веры, нравственные начала, уставы церковных богослужений, обвинение членов Церкви в преступлениях против Церкви, которые подлежат только церковному суду.

3) Меры к устройству и поддержанию церковно-любительского и общенародного хора, общества хоругвеносцев, общества трезвости и т. п.

4) Построение, расширение и ремонтное здание храма и церковных зданий, приобретение церковных принадлежностей на значительные суммы, принятие лиц, желающих быть в составе прихожан, но живущих вне пределов прихода и числящихся при общественных и государственных учреждениях, в которых есть храмы, и увольнение полноправных членов прихода.

5) Учреждение и поддержание установлений для целей духовно-просветительных и благотворительных.

6) Приобретение недвижимостей и составление капиталов для приходского общества, как юридического лица, и управление ими; составление ежегодной сметы, проверка хозяйства, основание и развитие на христианских началах экономических учреждений, как например – кассы взаимовспомогательной, погребальной и т. п. Имущество прихода, как общества, должно быть отделено от церковного имущества.

7) Избрание кандидатов в церковные старосты, представителей прихода, членов совета и др.

8) Обсуждение заявлений о нуждах прихода.

9) Принятие мер к опровержению несправедливых нареканий на деятельность приходских обществ.

10) Составление церковного совета из представителей причта и общего собрания для подготовки и разработки вопросов, подлежащих обсуждению собрания, для приведения в действие постановлений его и для ознакомления с нуждами и состоянием прихода.

11) Изыскание средств к содержанию храма и причта.

12) Обсуждение мер к воздействию на население прихода в оценке явлений общественной жизни с точки зрения нравственных начал христианских и русских; установление соотношений прихода к другим приходам и аналогичным с ними учреждениям (подворья, домовые церкви).

Совещаниям и постановлениям собраний составляются протоколы, которые подписываются присутствующими членами – прихожанами.

Причты со своим заключением представляют постановление собрания через благочинного на благоусмотрение епархиальной власти.

Церковно-приходское попечительство, будучи органом приходского общества, утверждается и действует на основании Высочайше утвержденного положения.

Должностные лица, заведующие учреждениями благотворительными, действуют по уполномочию приходского общества на основании существующих для них государственных узаконений и инструкций, одобренных приходским собранием и утвержденных, по представлению причта, епископской властью.

Приходский совет состоит, под председательством настоятеля местной церкви, из членов причта, церковного старосты, представителей приходского общества, выбранных на общем собрании прихожан на четыре года, не свыше двенадцати, и лиц, заведующих приходскими учреждениями. Выборные члены сменяются через два года, но могут быть переизбраны.

Совет собирается по мере нужды не менее одного раза в месяц по повесткам от председателя. Для действительности постановлений совета требуется присутствие не менее половины членов. Совету подлежит: управлять имуществом церкви (вести инвентарь, проверять доходы и расходы, разрешать прием и расход значительных сумм и представлять отчеты общему собранию, составлять сметы), избирать уполномоченных и заведующих учреждениями прихода, приводить в исполнение постановления общих собраний, входить с представлениями к епископской власти, принимать меры к устранению неурядиц в общественно-приходской жизни и при церковных богослужениях, и к исправлению порочных членов прихода после безуспешности пастырских увещаний, иметь попечение о детях дошкольного возраста, давать распоряжения на случай посещения приходских учреждений начальством.

О церковном суде

К ведомству церковных судов относятся: а) преступления членов Церкви против вероучения и правил Церкви (дисциплинарный суд) и б) споры между ее членами и учреждениями касательно церковно-правовых отношений.

Устройство церковных судов для каждого рода дел должно состоять из трех судебных инстанций: первая рассматривает тяжёбное дело или обсуждает обвинение в преступлении по существу и по содержанию; вторая инстанция – апелляционная; третья – ревизионная или кассационная. В русской Церкви могли бы быть узаконены следующие судебные учреждения: суды в округах благочиннических и монастырях (первая инстанция для мирян и клириков по делам и спорам, могущим прекращаться примирением и увещаниями); суд епархиальный по одним, более важным делам – первая инстанция, после предварительного следствия, а по делам, разрешенным в благочиннических судах – вторая, апелляционная; окружной или митрополичий суд, в личный состав коего входят не менее трех епископов, – первая инстанция по жалобам на правонарушения епископов по должности и по обвинениям в преступлениях по должности и сану; вторая, апелляционная – по важным делам и спорам для клириков и мирян, перенесенным из епархиальных судов, и третья, ревизионная – для дел, перешедших сюда из благочиннических судов чрез апелляционное обсуждение в епархиальном суде, подвергшихся критике на основании правил со стороны участников в судопроизводстве; собор поместной Церкви или уполномоченное им судебное отделение Св. Синода, – апелляционная инстанция для дел, рассматривавшихся в окружном суде, как в первой инстанции, и ревизионная – для дел, разрешенных в епархиальных судах и рассмотренных в апелляционном порядке в окружных судах; Поместный Собор или судебное отделение его, составленное из представителей от двух или трех окружных судов, явится ревизионной инстанцией по таким делам, которые разрешены в апелляционном порядке в судебном отделении Св. Синода.

Объем ведомства и содержание дел, подсудных каждому из означенных учреждений в качестве первой инстанции, определяются законодательством.

Дела дисциплинарные, по правилам Вселенской Церкви и соответственно уставу русского церковного судопроизводства 1864 года, должны производиться по началам обвинительного процесса; дела искивые должны решаться состязательным процессом, а тяжёбные – последовательным. Сверх того, процесс бывает сокращенный и формальный.

В делах уголовных, с которыми соприкасаются отношения церковные, соблюдаются особенные государственные узаконения, по которым допускается определенное участие в судопроизводстве церковной власти и которые помещены в уставе уголовного судопроизводства.

3. Об усовершенствовании духовных школ

Духовная школа должна быть школой общесловесной; в отношении же содержания детей духовенства желательно, чтобы на средства Духовного Ведомства, епархий и духовенства открывались стипендии, общежития и т. п. учреждения.

О пастырских курсах

По мотивам педагогического и образовательного характера, с одной стороны, и специально пастырского служения – с другой, школу общеобразовательную следует отделить от школы специально богословской, пастырской.

Церковно-пастырские курсы, имея целью приготовить просвещенных пастырей Церкви, преследуют две задачи: образовательную и воспитательную, неразрывно связанные между собой.

Доступ на церковно-пастырские курсы должен быть открыт всем ищущим священства лицам, прошедшим полный курс среднего общего образования, без различия школ: классической гимназии, реального училища, церковноучительской семинарии и пр. Для воспитанников тех учебных заведений, в которых не изучаются философские предметы и классические языки, устанавливаются проверочные экзамены по этим предметам или, смотря по условиям местной епархиальной жизни, открываются частные уроки, с обязательством изучить эти предметы в течение курса.

Преподавание на церковно-пастырских курсах должно быть расширено, усилено и улучшено сравнительно с теперешним богословским обучением. В него должны войти некоторые предметы теперешнего академического преподавания; желательно также ввести в него такие не богословские предметы, знакомство с которыми соответственно местным условиям необходимо или весьма полезно для просвещенной пастырской деятельности. Для достижения указанных целей потребно три года обучения.

В административном отношении церковно-пастырские курсы должны быть поставлены в зависимость от епархиального епископа.

Обучение и содержание на церковно-пастырских курсах должно быть бесплатным, чтобы всякий, получивший среднее образование и желающий быть священником, не имел к тому материальных препятствий.

Прошедшие церковно-пастырские курсы никаких особых прав и преимуществ, кроме права на священство, не получают.

Об устройстве общеобразовательной школы Духовного Ведомства

Существующие духовные училища и семинарии должны превратиться в обыкновенные общеобразовательные учебные заведения, подобные гимназиям, не имеющие никаких иных целей, кроме общих образовательных и общих же воспитательных.

По мотивам педагогическим и практическим, следует сохранить в общеобразовательной школе Духовного Ведомства существующее разделение духовной школы на низшую и среднюю в виде двух независимых учебных заведений, имеющих различный по возрасту состав учащихся и различный учебно-воспитательный режим.

Общеобразовательная школа Духовного Ведомства должна быть типом христианско-гуманитарной школы в полном смысле слова. Курс преподаваемых в ней наук должен соответствовать полному курсу классических гимназий, с некоторыми приспособлениями его к особенностям существующей духовной школы, в смысле сохранения некоторых преимуществ последней.

Особенности учебного курса общеобразовательной школы Духовного Ведомства должны состоять в следующем. Здесь: 1) прежде всего должно стоять на подобающей высоте обучение Закону Божию; для этого: а) в общеобразовательную школу Духовного Ведомства принимаются лица только православного исповедания, б) религиозное обучение здесь – безусловно, обязательно, и в) ему посвящается времени (уроков) во всяком случае не менее того, сколько теперь в гимназиях; 2) философское образование должно быть поставлено возможно полнее и шире: минимум его – теперешний семинарский курс философии; 3) должно сохранить сочинения по разным предметам; и 4) наконец, необходимо дать место и греческому и латинскому языкам в размерах, достаточных для приобретения навыка читать классических авторов хотя бы при помощи словаря.

Изучение философии и классических языков (если последние не будут преподаваться в гимназиях) должно быть отнесено к концу курса, чтобы все начальные и средние классы могли быть приведены в полное соответствие с теми же классами гимназий.

Учебно-воспитательный персонал общеобразовательной школы Духовного Ведомства должен иметь основательную и научную и педагогическую подготовку. Для этого необходимо: а) расширить и дополнить научное образование педагогов духовной школы путем специального изучения предметов их преподавания и общего знакомства с кругом соприкасающихся наук, б) озаботиться специально педагогической подготовкой их к обучению в школе – как теоретической, так и практической. Выполнение той и другой задачи должно осуществляться в последовательном порядке и может быть предоставлено или различным учреждениям, или частям и отделениям какой-либо одной высшей школы (университет, педагогический институт и т. п.).

Для обеспечения более правильного подбора лиц учебно-воспитательного персонала должен быть восстановлен конкурсный порядок замещения учительских должностей, через испытания на пробных уроках, и необходимо считаться с рекомендацией высшего учебного заведения.

В учебно-воспитательном отношении общеобразовательная школа Духовного Ведомства должна быть подчинена местному педагогическому совету, составленному из лиц педагогического персонала, а также из представителей Духовного Ведомства и Министерства народного просвещения. Общее же заведование педагогической частью этих заведений принадлежит центральным учреждениям Министерства народного просвещения, с участием представителей Церкви.

Вопрос об административной зависимости общеобразовательной школы Духовного Ведомства может быть решен только тогда, когда определятся источники содержания этой школы. Если эти заведения будут существовать на средства Духовного Ведомства, то хозяйственный контроль, бесспорно, должен принадлежать тому же Ведомству.

О высшем богословском образовании

Продолжение и завершение среднего общего и специально-богословского образования (церковно-пастырские курсы) должно составлять специально же богословское образование в высшем духовно-учебном заведении – в виде особой духовной школы, наподобие теперешних академий, или же как отделения (богословский факультет) при другом высшем учебном заведении (университет).

Высшая богословская школа должна быть только учено-образовательным учреждением. Назначение ее – высшее православно-богословское образование и разработка богословской науки. Научная и практическая подготовка к преподаванию всех без исключения светских предметов никоим образом не может быть осуществлена ограниченными средствами высшей духовной школы и совсем не должна входить в задачи ее. Обучение в высшей духовной школе должно расширять и углублять предшествующие курсы, но отнюдь и ни в каких своих частях не повторять их.

Прошедшие высшую богословскую школу могут поступать преподавателями Закона Божия и богословия во все учебные заведения, без особой специально-педагогической к тому подготовки. Поступление их на все учебные должности в церковно-пастырских школах не должно быть связано с обязательным принятием духовного сана.

О желательных улучшениях женских епархиальных училищ

Желательны: пересмотр существующих программ женских епархиальных училищ, их расширение и изменение, и введение некоторых новых предметов (языки).

Желательно уравнивание прав воспитанниц, окончивших 7 классов женских епархиальных училищ, с правами, предоставленными окончившим курс в других соответствующих средних женских учебных заведениях.

Желателен 8-й педагогический класс для лиц, желающих подготовиться к учительской деятельности.

Желательно, чтобы воспитание, построенное на здоровых педагогических началах, не носило характера замкнутости, отчужденности от жизни, мелочной формалистики и излишнего недоверия к учащимся.

Желательно, чтобы вся педагогическая корпорация (т. е. преподаватели штатные и нештатные и воспитательницы) принимала участие с правом решающего голоса в решении всех вопросов педагогических и административных.

Желательно участие выборного члена от преподавательской корпорации в хозяйственных собраниях совета.

В духе изложенных положений необходима возможно скорая выработка нового устава женских епархиальных училищ к следующему учебному году.

3. Об имущественном праве православной Церкви в России

Желательно, чтобы православные церковные установления: церкви, монастыри, архиерейские дома и др. – были уравнены гражданским законодательством с аналогичными установлениями других в России существующих религиозных обществ, христианских и нехристианских, в правах приобретения имущества недвижимых и движимых.

Православные церкви, архиерейские дома и монастыри, по нашему гражданскому законодательству, не могут приобретать никаких населенных имений; не населенными же недвижимыми имениями они могут владеть и приобретать их вновь, но не иначе как по особому на то каждый раз Высочайшему разрешению; таковые приобретения утверждаются за ними в собственность совершением узаконенных крепостных актов не иначе как по исходатайствованию на то каждый раз через Св. Синод Высочайшего соизволения (Св. Зак. т. 9, ст. 443 и 435, изд. 1899 г. зак. о сост.).

Между тем церквам римско-католического исповедания приобретение недвижимых имущества разрешается министром внутренних дел на сумму до 5 тысяч рублей, а о приобретении на сумму выше 5 тысяч испрашивается Высочайшее разрешение (Св. Зак. т. 10, часть 1, ст. 113, уст. дух. дел изд. 1896 г.). Прием движимых вещей и капиталов в пользу духовных установлений римско-католической Церкви разрешается Министерством внутренних дел на всякую сумму (ст. 114 примеч. 1), тогда как в церквах всех стран этот прием ограничен определенной суммой.

Приобретение недвижимых имущества для еванг.-лютеранских церквей разрешается: генеральной консисторией на сумму до 300 руб., департаментом духовных дел иностранных исповеданий – до 1000 рублей, министром внутренних дел, по положению совета его, – до 5000 рублей; для приобретения же на сумму свыше 5000 рублей испрашивается Высочайшее разрешение (ib. 715; о принятии движимостей – ст. 718).

Церквам армяно-григорианского исповедания приобретение недвижимого имущества разрешается: епархиальными консисториями сего исповедания – до 300 руб., департаментом дух. дел иностр. исп. – до 1000 руб., министром внутренних дел, по положению его совета, – до 5000 руб., и на высшую сумму – с Высочайшего разрешения (Уст. ин. исп. ст. 1215).

Приобретение недвижимых имущества мусульманскими духовными установлениями шиитского и суннитского учения в Закавказском крае разрешается на всякую сумму главноначальствующим гражданской частью (ст. 1546– 1557; отдача в части, руки – ст. 1224).

1. В видах уравнивания установлений православной Церкви в имущественных правах с религиозными установлениями других вероисповедных обществ, было бы справедливо узаконить, чтобы установления православной Церкви имели право вновь приобретать недвижимые имущества по завещаниям и через принятие пожертвованиями до 1000 руб. – с разрешения местного епархиального начальства, до 5000 руб. – с разрешения Св. Синода, а свыше 5000 руб. – с Высочайшего разрешения.

2. В строе православной Церкви необходимо существуют такие установления, для существования и деятельности которых требуется обладание недвижимыми и движимыми имуществами и для которых фактически приобретаются (и имеются) имущества, но об имущественном правообладании которых законы совершенно умалчивают. Таковые установления – епархии, епархиальное духовенство, духовенство определенных церковных округов (благочиннических, духовно-училищных), эмеритальные кассы духовенства, свечные заводы, здания, приобретаемые на средства, изыскиваемые духовенством, для епархиальных женских училищ, для общежитий учащихся в духовно-учебных заведениях, для призрения сирот и заштатного духовенства. Самая элементарная справедливость требует, чтобы епархии и клир, или духовенство, как определенный класс населения, как состояние, были законодательством признаны собственниками (юридическими лицами) приобретаемых и приобретенных ими законными способами имущества движимых и недвижимых, а имущества эти – собственностью или епархии, или духовенства – епархиального или окружного.

3. Духовные установления римско-католической Церкви (ст. 119, т. 11 ч. 1) имеют право помещать принадлежащие им капиталы в частные руки, под верные, конечно, залоги и с разрешения начальства, если управление установлений находит таковое помещение более выгодным, чем отсылку в государственные кредитные учреждения. Но установления русской православной Церкви обязательно и исключительно должны отсылать свои капиталы на

хранение для приращения процентами в государственные кредитные установления и не могут раздавать капиталов своих под залоги (Св. Зак. т. 9 ст. 444). Желательно уравнивание и по этому пункту.

4. Необходимо, чтобы законодательство точно определило границы надзора церковного начальства над целесообразным управлением церковных установлений и запретило превращение надзора в право распоряжения более властного, чем надлежит по закону самого установления.

5. Необходимо ограничение по закону епархиальной и высшей власти облагать церкви и духовенство податями и поборами, временными и постоянными, кружечными и открытыми.

6. Желательно, чтобы законодательством точно было определено, согласно с канонами Вселенской Церкви и с историей церковно-имущественного права, относительно принадлежности церковного имущества: кто должен считаться собственником церковного имущества! В законодательствах и в ученой литературе церковного и гражданского права установился принцип: собственник определенного церковного имущества есть то церковное установление, которым в законном порядке и способами, законом предоставленными, данное имущество приобретено. Соответственно этому принципу, русское гражданское законодательство признает (698), что могут из церковных установлений приобретать имущества: епархиальное начальство, монастыри и церкви. К последним относятся, главным образом, церкви приходские. Под этим названием существуют установления, назначаемые для непосредственного удовлетворения религиозных потребностей местного православного населения в единении с св. Церковью, как Божественным установлением и как обществом православных христиан в определенной стране. Приходская церковь, как установление, есть учреждение сложное, составные части которого: храм, причт, прихожане и учреждения, служащие для обнаружения и развития религиозной и церковной жизни в пределах прихода, как определенной местности. Каждая из перечисленных составных частей приходской церкви может быть признана гражданским законодательством в значении имущественно правоспособного учреждения, но без посягательства на таковую правоспособность приходской церкви, как учреждения, содержащего в своем составе все исчисленные составные его части и предназначенного для осуществления вечной цели своего существования, каковая состоит в спасении прихожан посредством удовлетворения их религиозных потребностей. Если прихожане известной приходской церкви организуются в общество церковно-приходское для целей религиозных и церковных, и это общество получит от государства имущественную правоспособность и приобретет законными способами имущество для своих специальных целей, – это приобретенное имущество, отдельное от имущества приходской церкви, как установления, существующего для вечной цели его назначения, может и должно именоваться приходским имуществом и находится в пользовании и распоряжении общества. Но приходское общество не вправе включать в состав своего приходского имущества имущество приходской церкви, к которой прихожане принадлежат, – так как имущество ее составлялось и составляется многими поколениями для доставления средств ко спасению прихожан и назначено к достижению вечной цели существования приходской церкви.

Об участии духовенства в государственных и общественных учреждениях

Для православной Церкви очень важно, чтобы ее представители присутствовали постоянно в Государственном Совете, где будет рассматриваться целый ряд дел, так или иначе затрагивающих ее интересы. Да и такое или иное решение чисто государственных дел не безразлично для православной Церкви, как не должен быть безразличен, с другой стороны, и для Государственного Совета голос по этим делам представителей православной Церкви, к которой принадлежит большинство населения империи.

Звание членов Государственного Совета должно принадлежать по должности первоиерарху русской Церкви, а также тем членам Св. Синода, которые будут присутствовать в нем. Это же звание должно принадлежать первоиерарху грузинской Церкви.

Желательно присутствие в Государственном Совете и выборных представителей православной Церкви. Право избрания их на известный срок должно принадлежать Поместному Собору русской Церкви. Самое избрание не должно ограничиваться никакими рамками церковно-иерархического и вообще церковного положения избираемых лиц.

Если академии наук и университетам будет даровано право избрания из своей среды членов в состав Государственного Совета, то нет никаких оснований лишать этого права (в том или ином размере) и наши духовные академии.

Руководящим принципом в отношениях церковной власти к Государственной Думе должно быть облегчение духовенству всеми зависящими от нее средствами путей к сохранению за ним общегражданских прав. Духовное звание не должно вести к их потере или уменьшению. Возвращение православному духовенству дарованных уже было ему земским и городским положением Императора Александра 2 прав на участие в земском и городском представительстве – является с православно-церковной точки зрения в высшей степени желательным по тому уже одному, что в ведение городских дум и земств перейдет, надо ожидать, вся широкая область школьного и иного образования и просвещения, общественного призрения и т. п.

Приложения к отделу 1:

К вопросу об участии в соборах мирян и духовных лиц неепископского сана

(Записка проф. А. Бриллиантова)

Вопрос о положении мирян в Церкви и – в частности – об участии их, а также представителей низшего клира, в соборах – в последние годы был обсуждаем в англиканской Церкви. Исторические справки по этому вопросу дают явившиеся по этому поводу Report of the joint Committee (под председательством епископа Wordsworth) of the Convocation of Canterbury of the Position of the Laity-presented. April 29, 1902 (London, 1902) и Barry. The position of the Laity in the Church (London, 1903). Основным пособием по истории соборов служит известный труд Hefele. Conciliengeschichte (2-е изд. 1873 и дал.).

Что касается первых трех веков церковной истории, то встречающиеся у Евсевия выражения относительно первых упоминаемых в послеапостольские времена соборов: соборы «верующих» (5, 16 против монтанистов), «соборы епископов» (5, 23 по вопросу о праздновании Пасхи) не дают оснований для определенных выводов о их составе. Что пресвитерам принадлежала иногда весьма важная роль на соборах, это видно из деятельности Оригена на соборах против Вирилла (6, 33) и аравийских еретиков (6, 37) и Малхиона на Антиохийском Соборе 269 г. против Павла Самосатского (7, 29). Окружное послание этого последнего собора написано от имени не только епископов, но и пресвитеров и диаконов, причем, например, упоминается имя Малхиона, а имена многих епископов опущены (7, 30). Евсевий также прямо упоминает о прибытии на бывший несколько раньше собор против Павла (264–5) вместе с епископами пресвитеров и диаконов (7, 28). На западе, в африканской Церкви, св. Киприан, особенно возвысивший авторитет епископского сана, прилагал все усилия к поддержанию представительного правления в Церкви и всегда привлекал к участию в церковных делах клир и мирян. На происходивших при нем соборах по вопросу о падших были клирики, исповедники и *laid stantes*, принимали активное участие в рассуждениях (epist. 17,3; 19,2; 34,4) и выступали даже с возражениями (59,15: *obnitente plebe et contradi-cente*). Этот способ ведения дела был одобрен и римским клиром (30,5; 31,6). На большом общеафриканском соборе по вопросу о перекрещивании еретиков в 256 г. кроме 87 епископов присутствовали также весьма многие пресвитеры и диаконы и *maxima pars plebis*. Но права решающего голоса ни пресвитеры, ни миряне при этом не имели; значение присутствия их ограничивалось влиянием их лишь на ход рассуждений, приводивших епископов к тому или иному решению. На Эльвирском Соборе в Испании 306 г. с епископами заседали и пресвитеры, в то время как диаконы и миряне стояли; за именами епископов в соборном постановлении следуют подписи 24 пресвитеров, но решения произносили епископы.

В эпоху Вселенских Соборов, когда Церковь вступила в союз с государством и права мирян по отношению к Церкви сосредоточились в лице императора, прямое участие мирян в соборах естественно заменилось присутствием на них представителей императорской власти. На первом Вселенском Соборе живое участие в рассуждениях принимал даже сам император Константин. Пресвитеры и диаконы присутствовали на соборах нередко и теперь; известна важная роль Афанасия Великого в сане диакона на том же первом Вселенском Соборе. Подписывались обычно лишь епископы, даже в случаях присутствия на соборе духовных лиц неепископского сана (Вселенские Соборы 1, 3, 4). Но известны факты подписания соборных актов и лицами низшего звания. На Арльском соборе 314 г. пресвитеры и диаконы известной епархии подписывались вслед за своим епископом. В списке имен участников Вселенского Собора находятся имена 5 пресвитеров без упоминания о заменяемых ими епископах их епархий. На Константинопольском соборе 448 г. за подписями епископов: *ὁρίσας ὑπεύραψα* следуют подписи 23 архимандритов: *ὑπεύραψα* без *ὁρίσας*. На 7 Вселенском Соборе присутствовавшие там монахи заявили о своем исповедании веры лишь после особого приглашения патр. Тарасия. Но по словам Тарасия, вообще *ἡ τάξις ἐστὶν ἐκάστῳ τῶν εὐρίσκομένων εἰς σύνοδον ἐκφωνεῖν τὴν ἑαυτοῦ ὁμολογίαν* (Mansi 12, 1111).

Обсуждать вопрос о том, имели ли или нет миряне в древнее время, если они присутствовали на соборе, право голоса в новейшем смысле слова, было бы, как замечается в английском Report of the joint Committee (34–35), своего рода анахронизмом. На соборах тогда не довольствовались простым лишь большинством голосов, но стремились достигнуть так или иначе единогласия. Для присутствовавших на них мирян было достаточно, если они влияли более или менее на исход решения. Представителями от паствы они не считались: таковыми признавались епископы, которые и должны были давать отчет своим пасомым о своих действиях

на соборе. Епископы высказывали по окончании соборных рассуждений свои мнения именно как представители пасомых. Затем обычно общее решение утверждалось через восклицания присутствовавших, через что устранялись последние следы оппозиции. Наконец, это решение было подписываемо епископами или их делегатами; но подпись была лишь засвидетельствованием сделанного постановления и не означала подачи голоса. Подпись императора должна была давать решению собора лишь силу гражданского закона.

Однако если соборы и состояли большей частью из епископов и последним принадлежало право решающего голоса, – их решение необходимо предполагало хотя бы безмолвное согласие с ними всего прочего состава Церкви, и клира и мирян, и только в таком случае оказывалось действительным. Этим согласием в конце концов определялось значение и Вселенских соборов. Но вообще активное по возможности участие в церковной жизни всех ее членов, без уничтожения отличия от мирян и полномочий клира с епископом во главе, требуется самым понятием о Церкви, как едином организме. И если хотя бы последующее и безмолвное согласие клира и мирян всегда, безусловно, необходимо для соборов епископов, то при условиях настоящего времени, когда епископы в гораздо меньшей степени, чем прежде, могут быть признаны представителями своей паствы, тем более целесообразным было бы совместное обсуждение церковных дел на соборах с представителями от клира и мирян. Церковная жизнь чрез это могла бы быть приближена до некоторой степени к идеалу апостольских времен, обязательность которого в теории не может быть оспариваема, какие бы препятствия ни встречало на деле его осуществление в последующие времена. Вопрос может быть единственно лишь о наилучшем способе организации собора с участием духовных лиц неепископского сана и мирян применительно к современным условиям.

К вопросу о составе церковных соборов в Византии (Историческая заметка проф. И. Соколова)

1. В 920 году в Константинополе состоялся собор по делу о четвертом браке византийского императора Льва 6 Мудрого (886–912 гг.). Собор осудил незаконный брак царя, издав известное постановление – «том единения» (ὁ τόμος τῆς ἐνώσεως), в котором содержатся указания и на состав собора. Сказав о соблазне, вызванном в Византии четвертым браком царя, том продолжает: «Мы, архиереи и священники, собравшись вместе (κοινῇ)... общим мнением и решением определяем ἀποφαίνόμεθα κοινῇ γνώμῃ καὶ κρίσει, чтобы впредь никто не осмеливался вступать в четвертый брак» и т.д. (Ράλλης καὶ Πωτλῆς «Σύνταγμα», т. 5, σ. 6). Таким образом, на Византийском соборе 920 г. присутствовали и священники с правом решающего голоса.

2. В сентябре (3) 1191 года в Константинополе был созван собор для суда над патриархом Досифеем, незаконно занявшим византийский патриарший престол. На соборе присутствовали находившиеся в столице (οἱ ἐνδημοῦντες) архиереи, патриаршие архонты и «не немногие по числу» иеродиаконы. Из соборного акта видно, что сначала высказали свои мнения по делу присутствовавшие на соборе митрополиты, а потом подавали свой голос и патриаршие архонты – великий эконоμ, хартофилак, великий сакелларий, великий скевофилак, сакеллий, протэкдик, протонотарий, кантрисий, логофет, ипомниматограф, иеромнимон, референдарий, заведующий патриаршим епигонатием, блюститель церковного благочиния, первый и второй архонты церквей, блюститель порядка в церковных судах, заведовавший прошениями на имя патриарха, дидаскал, первый и второй архонты монастырей и третий архонт церквей. Решение собора было постановлено на основании общей подачи голосов (Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, «Ἀνάλεκτα», 2, 362–368). Нужно к этому добавить, что среди византийских патриарших чинов были и светские лица.

О составе Поместных Соборов в период Московского патриаршества (Историческая справка проф. П. Жуковича)

Цифра великих церковных соборов в период Московского патриаршества в науке еще не установлена точно. Во всяком случае, их насчитывается в этот период не менее тридцати. Но о составе не всех этих соборов сохранились определенные исторические данные.

В «уложенной грамоте» об учреждении патриаршества (1589 г.) сказано, что патриархи Иеремия и Иов «со всеми митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и со всем освященным собором великаго Российскаго и Греческаго царствия советовали и соборне уложили», скольким быть в России митрополитам, архиепископам, епископам и проч. В грамоте перечислены поименно бывшие на соборе не только иерархи, но и архимандриты, игумены и соборные старцы из разных епархий²³.

На соборе 1619 года (по делу исправления церковных книг и обрядов) присутствовали патриархи Феофан и Филарет Никитич, митрополиты, архиепископы, епископы и «подчиненныя им духовныя лица»²⁴.

На соборе 1620 года (по делу Крутицкого митрополита Ионы, не хотевшего переkreщивать латинян) присутствовали патриарх, два митрополита, три архиепископа и один епископ²⁵.

На соборе 1651 года вместе с патриархом и архиереями были архимандриты и игумены (по делу о единогласном пении)²⁶.

На соборе 1654 года, на вопрос патриарха Никона относительно исправления церковных книг, «великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович... и преосвященные митрополиты и архиепископы и епископ (поименованы пять митрополитов, четыре архиепископа и один епископ)... и священные архимандриты и игумены (поименованы восемь архимандритов и два игумена)... большого собора Пречистыя Богородицы протопоп Иоанн (поименовано затем еще двенадцать протопопов) и весь освященный собор, вси едино отвещали: достойно и праведно исправить противо харатейных и греческих»... Никакой разницы между голосом лиц архиерейской и иерейской степени соборные Деяния не отметили тут²⁷.

На соборе 1655 г. (по делу церковных исправлений) присутствовали Московский, Антиохийский и Сербский патриархи, митрополиты, архиепископы, архимандриты и игумены²⁸.

На соборе 1656 г. (о двуперстии) присутствовали патриарх, три митрополита, четыре архиепископа, один епископ, 22 архимандрита, 7 игуменов, 1 строитель и 1 наместник²⁹.

На заседании собора 1656 г. (по делу Неронова) присутствовали Московский и Антиохийский патриархи, пять митрополитов, четыре архиепископа, один епископ, 28 архимандритов и игуменов и 8 протопопов (поименованы). Деяние подписано не только иерархами, но и архимандритами, игуменами и протопопами³⁰.

«Деяние» собора 1660 года (которым определено право царя с собором российской Церкви избрать и поставить нового патриарха по причине самовольного оставления Никоном патриаршего престола) заканчивается так: «Убо да сие соборное деяние твердо, крепко и незыблемо будет, сего ради мы, весь освященный собор, во святой соборней апостольстей церкви честнаго и славнаго Успения Пречистыя Богородицы, нашими руками согласно подписавшись» (следует дата). Затем идут самые подписи: шести митрополитов, восьми архиепископов, двух епископов, сорока двух архимандритов и игуменов, одного иеромонаха и пяти протопопов. Иеромонах, подписавший соборное определение, – Епифаний (Славинецкий). В отличие от других лиц пресвитерской степени, он присутствовал на соборе не в силу своего церковноадминистративного положения, а как представитель богословской науки; но он присутствовал на нем на одинаковых со всеми другими членами освященного собора правах: подпись его – среди подписей игуменов³¹. Заседание собора 1660 года царь открыл следующим обращением: «Отцы святии, преосвященные митрополиты, архиепископы, епископы, игумены и протопопы!»³².

На соборе 1666 года («на новоявляющиеся раскольники») на первых трех заседаниях (два из них имели характер предварительных, а последнее посвящено было суду над Вятским епископом Александром) присутствовали одни архиереи. На восьми остальных заседаниях (семь из них посвящены были суду над расколовождями, а последнее – составлению «наставления благочиния церковного») присутствовали вместе с архиереями и архимандриты и игумены. «Наставление благочиния» составлено от имени одних епископов³³.

Под Деяниями большого Московского собора 1667 года (обнявшего своими определениями разнообразные стороны церковного благоустройства) находятся (в разных местах) подписи пятнадцати архимандритов и игуменов³⁴. На заседании того же собора по делу патр. Никона находились два патриарха, тринадцать митрополитов, восемь архиепископов, пять епископов, тридцать три архимандрита и игумена и тринадцать протопопов. Все перечисленные чины собора названы поименно³⁵. Под актом низложения Никона подписались только патриархи, митрополиты, архиепископы и епископы³⁶.

На соборе 1675 года (по вопросу об отношении архиереев к патриарху, о неподсудности их светскому суду и проч.) присутствовали патриарх, митрополиты, архиепископы и епископы³⁷.

На соборе 1676 года (по делу Никона) присутствовали патриарх, пять митрополитов, пять архиепископов и «низшие духовные особы»³⁸.

На соборе 1677 года (по вопросу об Анне Кашинской) присутствовали патриарх, пять митрополитов, 6 архиепископов, 7 архимандритов и 3 игумена³⁹.

На соборе 1678 года (об обрядах в Вербную неделю) присутствовали патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы и архимандриты⁴⁰.

На соборе 1690 года (по делу Сильвестра Медведева и хлебопоклоннической ереси) находились патриарх, три митрополита, один архиепископ, «преподобные архимандриты, честные игумены и священнопротопресвитеры»⁴¹.

Возможные общие выводы:

а) Присутствие лиц пресвитерской степени на поместных соборах периода Московского патриаршества представляет собою обычное явление.

б) Они присутствовали или – вернее – соучаствовали с архиереями и в таких соборах, на которых бывало значительное число этих последних.

в) Они присутствовали на соборах, занимавшихся решением важнейших церковных вопросов того времени.

г) В числе лиц пресвитерской степени, участвовавших в соборах, были не одни монастырские начальники, но и протопопы.

д) Хотя административно-церковное положение лиц пресвитерской степени было основанием их права на участие в соборе, но и богословские знания создавали для них это право.

О составе западно-русских церковных соборов (Историческая справка проф. П. Жуковича)

Киевская или Западно-Русская митрополия, после отделения своего от Московской или Восточно-Русской, продолжала в течение почти полутора столет (1458–1598) оставаться в иерархической зависимости от Константинопольского патриарха. Тем больший поэтому интерес представляет состав ее церковных соборов.

«Деяния» Виленского Собора 1509 года подписаны митрополитом, семью епископами, семью архимандритами, 6 игуменами и 7 протопопами. В них упомянуто о присутствии на соборе и «иных честных священников». Печати приложили митрополит и епископы⁴².

После посещения Западно-Русской митрополии Константинопольским патриархом Иеремией 2 соборы стали в ней собираться ежегодно. Первый из этих соборов был в Бресте в 1590 году. Изданные им грамоты подписаны митрополитом и епископами. Но из них же видно, что на нем присутствовали не они одни. В одной грамоте сказано, что на этот собор призваны были брестский каштелян Адам Потей и все крылошане, принадлежащие к собору⁴³. В другой сказано, что на нем присутствовали «иереи священные» и «многие именитые гражданские чины»⁴⁴.

Присутствовавшие на Брестском соборе 1590 года иерархи обязались заботиться о том, чтобы на будущих ежегодных церковных соборах их в Бресте присутствовали «все архимандриты, игумены, протопопы и иные пресвитеры, сведущие в Свящ. Писании» из их епархий. Архимандритам, игуменам и протопопам за неприбытие на собор иерархи грозили лишением сана⁴⁵.

На Брестском соборе 1591 года присутствовали митрополит и епископы вместе «с честными архимандритами и игуменами и протопопы и благоговейными священниками»⁴⁶.

На Брестском соборе 1594 года тяжбу Львовского епископа с Львовским и Рагатинецким братствами митрополит разбирал вместе с «боголюбивыми епископы, с честными архимандритами и игуменами, и благоговейными священниками и диаконами» (названы по именам два епископа, три архимандрита, экклезиарх монастыря, два протопопа – Киевский и Подлясский)⁴⁷.

Знаменитый Брестский собор 1596 года представляет и с церковно-канонической стороны большой интерес в особенности потому, что на нем присутствовали официальные представители восточных патриархов: великий протосинкелл великой церкви Константинопольского патриаршего престола Никифор и протосинкелл Александрийского патриарха Кирилл Лукарис. Их церковно-административной опытности этот собор более всего обязан тем, что среди совершенно исключительных обстоятельств (созданных изменою православию митрополита и трех четвертей наличного состава тогдашнего западнорусского епископата), окруженный большим и своеобразным собранием мирских людей, он сохранил церковно-канонический характер. Духовное коло Брестского собора, или Брестский православный церковно-иерархический собор, состояло из двух вышеупомянутых протосинкеллов, Белградского митрополита Луки, двух русских епископов – Гедеоны Львовского и Михаила Перемышльского, двух афонских архимандритов (из которых один присутствовал по поручению Венацкого, другой – Мукацкого епископов), девяти русских архимандритов, одного игумена, шестнадцати протопопов и наместников и более двухсот пресвитеров. Это духовное коло и постановило аprofasis, или определение о низложении принявших унию митрополита и владык. Определение подписано было одними духовными лицами и с подобающей церковной торжественностью провозглашено proedros собора, протосинкеллом Никифором. Под определением находится 41 подпись⁴⁸.

Рядом с описанным нами духовным колом Брестского собора стояло светское его коло, или съезд православных мирских людей. Оно не принимало прямого участия в низложении отступников от православия, но энергично поддержало состоявшееся в духовном коле определение об этом низложении составлением официальной протестации против унии, отправлением к королю особого посольства по поводу ее и другими действиями. Только полная солидарность православно-народного собрания с церковно-иерархическим собором и могла дать жизненную силу православию в тот критический для него момент в западной Руси. Светское коло брестское состояло из трех православных сенаторов (во главе с кн. К.К. Острожским), из депутатов от дворянства разных воеводств и уездов, из депутатов от мещан разных городов, из представителей церковных братств⁴⁹.

На основании приведенных фактических данных можно сделать следующие выводы относительно состава западнорусских церковных соборов:

а) Участие духовных лиц пресвитерской степени в церковных соборах было постоянным явлением⁵⁰. Оно рассматривалось не только как их право, но и как долг.

б) Миряне также являются на соборы в случае общецерковной в том нужды. Не участвуя прямо в церковно-иерархических действиях соборов, они принимают со своей стороны меры к проведению этих последних в жизнь.

в) Константинопольские патриархи, сочувственно относившиеся к западнорусским церковно-общественным союзам (братствам) вообще, допускали соучастие с епископами в церковных митрополичьих соборах духовных лиц пресвитерской степени, равно как присутствие на них мирских людей (ревнителей православия и выборных от тех или иных групп населения). Они признали наличность особых русских религиозно-церковных условий жизни и необходимость воспользоваться ими для блага Церкви.

Приложения к отделу 2: Необходимо ли введение в современной русской Церкви системы митрополитанского и патриаршего управления в том виде, как она развилась в древнее время в Церкви греческой? (Записка проф. А. Бриллиантова)

При решении вопроса о том, какое значение может иметь в качестве нормы или примера вообще церковный строй древнего времени для современной русской Церкви, необходимо иметь в виду – с одной стороны – те исторические обстоятельства, которые обусловили возникновение этого строя, с другой – те следствия, которыми сопровождалось его принятие для церковной жизни того времени. Лишь ставши на почву истории, можно выделить в канонах, определяющих этот строй, то, что должно иметь непреходящее нормативное значение от элементов временного и местного характера. Соответственно этому в данном случае, по отношению к древнему митрополитанскому и патриаршему церковному управлению, представляется необходимым указать в самых общих чертах: 1) как сложился фактически строй этого управления, именно в частности: а) как произошло церковно-административное деление территории древней Церкви на большие или меньшие округа и б) как организовалось самое управление в этих округах; 2) какими последствиями, хотя бы под влиянием и при содействии иногда разных посторонних обстоятельств, этот строй проявил себя в истории. Затем уже, в виде вывода из истории происхождения и дальнейшей судьбы этого строя, можно будет 3) извлечь те или другие указания для настоящего времени.

1) Образование митрополий и дальнейших высших единиц церковного управления имело основу для себя политическое значение городов Римской империи и административное ее деление, введенное Диоклетианом (297 г.) и окончательно довершенное в течение 4 века. Низшую единицу гражданского деления представляли провинции (*egsocrhlai*), число которых увеличено было из 42 до 101 и потом еще увеличивалось (*Wiltsh: 117*). Провинции объединялись в 13–14 диоцезах. Диоцезы распределялись по 4 префектурам. В Восточной префектуре было 5 диоцезов: Восточный, Египетский, Асийский, Понтийский и Фракийский. Префектурами управляли с безапелляционной властью *praefecti praetoriis*. Им подчинены были *vicarii dioecesium*. Во главе провинций стояли *judices* или *praesides*.

В сфере церковной жизни тяготение епископов менее значительных городов к главным городам провинций, «митрополиям», как наиболее удобным местам для ежегодно составлявшихся соборов, и группировка этих епископов около председательствовавших на соборах «митрополитов» вполне ясно обозначились на Востоке к концу 3 века. Никейский Собор (325) санкционировал этот фактически уже существовавший порядок, применив его к недавно введенному политическому делению империи (прав. 4-е, 5-е). Но постановление Собора не могло получить всеобщего значения. Более или менее широкое применение оно нашло на Востоке. Но полного совпадения церковных митрополитских округов с гражданскими провинциями не было и здесь. Известен протест Василия Великого против образования второй митрополии в Каппадокии, ввиду разделения ее на две провинции в гражданском отношении. Халкидонский Собор также высказался против точного воспроизведения в церковном управлении всех перемен гражданского строя империи. Когда же со временем (в 6–7 вв.) диоклетиановское гражданское деление сменилось новым делением империи на административно-военные округа, так называемые «темы», о полном соответствии между гражданскими порядками и унаследованным от прежнего времени митрополитанским строем уже не могло быть и речи, старые церковные традиции были поддерживаемы просто лишь из уважения к прошлому. Что касается Запада, то сравнительно позднее распространение христианства и малое число епископов в некоторых областях западной Церкви были причиной того, почему там лишь в позднейшие времена появляется митрополитанская система (в Галлии около 400 г., в Испании в 465 г.).

При митрополитанской системе предполагается вообще особое значение некоторых кафедр, именно – находящихся в главных городах провинций. Однако это не было общим правилом. Характерное исключение в этом отношении представляет африканская Церковь. Церковное управление там со временем (в 6 в.) приведено было в соответствие с новым гражданским делением на 6 провинций. Но права и обязанности митрополита (с некоторыми ограничениями в

пользу Карфагенского примаса) принадлежали здесь не епископу определенного города, а старейшему по времени посвящения епископу в провинции, получившему наименование *primas* или *senex*. Лишь Карфагенская кафедра пользовалась постоянным преимуществом приматства. Подобный порядок существовал, по-видимому, первоначально и в Понте, а также в Испании, но потом сохранился только в одной Африке.

Но, помимо этой особенности митрополитанского строя африканской Церкви, митрополитанская система сама по себе не была общим явлением для христианской древности: ее не было в Египте и в Италии, именно в области, непосредственно подчиненной Римскому епископу. В Египте централизация церковной власти весьма рано сделала столь большие успехи, что обычные права митрополитов, – хиротония 100 египетских епископов, созвание соборов, суд над епископами, сосредоточились непосредственно в руках Александрийского «папы», минуя кого-либо из провинциальных епископов. В Италии до конца 3 в. не было разделения на гражданские провинции, и Римский папа был главою всех итальянских епископов, имея власть утверждать и посвящать их и созывать на соборы. Когда это разделение было введено, с подчинением одной части провинции *vicario Italiae* в Медиолане и другой *vicario urbis* в Риме, оно не привнесло особых изменений в церковные отношения, и Римский епископ по-прежнему продолжал оставаться единственным митрополитом сначала во всей Италии, потом, по отделении 7 северных подчиненных *vicario Italiae* провинций на долю Медиоланского епископа (во вторую половину 4 в.) по крайней мере в 10 *provinciae suburbicariae*.

Таким образом, митрополитанская система развивалась в большем или меньшем соответствии с политическим строем государства, но возможны были при этом весьма значительные местные отступления от общего обычного порядка, в некоторых же случаях эта система совсем не нашла применения.

Если бы развитие церковной организации шло в полном соответствии с системой гражданской централизации, то следующая высшая церковно-административная единица должна бы была совпадать с гражданским диоцезом. Никейский Собор, говоря в 6-м пр. о преимуществах Александрии, Рима и Антиохии и упоминая при этом о преимуществах Церквей и в других областях (*ἐν ταῖς ἄλλαις ἐπαρχίαις*), едва ли намечает этим выражением диоцезальное деление. Но 2 Вселенский Собор действительно устанавливает уже значение церковных единиц для 5 диоцезов Восточной префектуры, запрещая епископам одного диоцеза вмешиваться в дела чужого диоцеза без приглашения (пр. 2-е). Халкидонский Собор затем предоставляет апеллировать на митрополита к экзарху диоцеза или же к престолу царствующего града Константинополя (пр. 9-е). Однако указание здесь на престол царствующего града выдвигает уже на вид то фактическое положение дела, с которым должен был считаться этот Собор и которое он санкционировал в 28 правиле, утвердив за Константинопольским епископом право рукополагать митрополитов для трех диоцезов: Понтийского, Асийского и Фракийского и окончательно уничтожив через это значение диоцезального деления в области церковных отношений.

На самом деле, указанные три диоцеза уже стояли ко времени этого собора в подчиненных отношениях к Константинополю, составив особый патриархат, с Константинопольским епископом во главе. Возвышение Константинопольской кафедры и предоставление столь исключительной власти ее заместителю объясняются единственно значением Константинополя, как столицы империи. Обычай епископов разных диоцезов апеллировать по церковным делам к императору создавал особенное положение для Константинопольского епископа, как неизбежного советника императора в подобных делах, и постановление 2 Вселенского Собора о невмешательстве епископов одного диоцеза в дела другого оказалось скоро простою лишь буквою. Уже при Златоусте власть Константинополя распространялась на указанные диоцезы. В 421 г. она подтверждена была указом Феодосия Младшего. Халкидонский Собор лишь признал то, что сложилось уже ранее. Обязанный своим происхождением и развитием постоянной поддержке государственной власти, Константинопольский патриархат со временем совпал по своим пределам с пределами Восточной империи (и вместе греческой национальности) и фактически один лишь сохранил на Востоке не номинальное только существование после печальной судьбы, постигшей другие восточные патриархаты. По воле императора, в 8 в. к нему присоединена была Исаурия от Антиохийского патриархата и восточный Иллирик, который доселе находился под властью Рима.

С прочими двумя диоцезами Востока, Египетским и Восточным, совпадали патриархаты Александрийский и Антиохийский. Для Александрии и Антиохии, при всем культурно-историческом и религиозном значении их, труд, но было соперничать со столицей. Догматическая и иерархическая борьба Александрии с Константинополем кончилась тем, что население Александрийского патриархата в своей массе уклонилось после Халкидонского Собора от православия в монофизитство, затем (в 7 в.) подпало под иго мусульман. Подобной же участи подвергся и Антиохийский патриархат, ослабленный ранее тем, что от него отделилась на 3 Вселенском соборе, в качестве автокефальной Церкви, Кипрская митрополия, и затем ко времени 4 Собора стараниями Ювеналия Иерусалимского, при помощи императора, создан из Палестины особый Иерусалимский патриархат с тремя провинциями.

В истории восточной Церкви известна еще попытка создать патриархат исключительно волею императора. Это – попытка Юстиниана учредить патриаршество в Юстиниане-Новой, в восточном Иллирике. Юстиниан, желая возвысить свою родину, селение Таурииснов, обратил его в город, с наименованием Новой Юстинианы, объявил кафедру этого города независимой от Фессалоникского епископа, который в Иллирийской префектуре пользовался правами и даже, по Феодору чтецу, носил титул патриарха и подчинил ей ряд провинций (нов. 11 и 131), так что архиепископ ее получил власть патриарха. Не имевшая под собой другой почвы кроме произвола императора, эта попытка, естественно, кончилась неудачно. Новая кафедра имела лишь трех представителей, и в настоящее время спорным является даже местоположение города, где она находилась (ср. лекции В. В. Болотова 1899 г.).

На Западе, так же как и на Востоке, церковно-административные округа обширных размеров образовались вокруг центров с наибольшим политическим значением. Первое место там принадлежало Риму, епископ которого, как уже сказано, был митрополитом respective патриархом сначала для всей Италии. Опасным соперником Рима выступал на некоторое время во 2-й пол. 4 в. Медиолан, в качестве столицы западных императоров. Влияние Медиоланской кафедры, возвысившейся особенно благодаря личности Амвросия, простиралось на Галлию и Испанию, и в Африке голосу ее представителя усваивали не меньшее значение, нежели голосу Римского папы. Патриархи в Аквилее и в Градо, явившиеся в 7 в., были лишь титулярными. Независимым положением с широкими правами обладал в цветущее время африканской Церкви примас Карфагенский. Юстиниан впоследствии нашел нужным официально сравнять его с патриархами, поставив Карфагенскую кафедру наряду с кафедрой Новой Юстинианы. В Галлии политическое возвышение Арелата давало и права приматства местной кафедре. Но со временем все церковные автономии на Западе, несмотря на протесты и борьбу, должны были уступить силе римской централизации, для которой сторонники ее пытались найти догматические обоснования. Церковная власть в конце концов сосредоточена была на Западе в руках папы, подобно тому как на Востоке *de facto* она сосредоточивалась в руках Константинопольского патриарха, подчиненного в свою очередь императору.

Что касается организации управления в митрополичьих округах и более обширных областях, то основной формой этого управления по идее признается соборная форма. Центральная единокличная власть должна действовать всегда не иначе, как в союзе с собором представителей власти в отдельных епископиях или митрополиях.

По отношению к митрополитанскому управлению это выражается в соборных правилах со всей ясностью. По 9-му пр. Антиохийского Собора (331) ни епископ не должен делать ничего выходящего за пределы полномочий, которыми он располагает в своей епархии, без ведома митрополита, ни митрополит – без согласия епископов. Особое положение и власть митрополита в провинции и возникли главным образом именно из председательствования его на провинциальных соборах. Высшую инстанцию власти в каждой провинции представляет таким образом собор ее епископов. К полномочиям собора относились: 1) законодательная компетенция, 2) судебная в первой инстанции по делам о епископах и во второй – по апелляции на епископский суд, и 3) административная по делам, касавшимся епископов (например, избрание и утверждение епископов, перемещение их) и епархий (учреждение новых кафедр, вопросы о границах епархий, в Африке – отчуждение церковных имуществ). Митрополит был: а) прежде всего – именно председателем собора, созывал его, руководил им, принимал главнейшее участие в решении предложенных собору дел и заботился о приведении постановлений собора в исполнение; б) как представителю постоянной власти во внесоборное время, ему принадлежало главнейшим образом право утверждения избранного при участии нескольких епископов нового епископа (Ник.

4-е) и посвящения его, затем право визитации церквей, также право надзора над лишившимися епископов епархиями. При этом необходимо предполагалось, что все единоличные действия митрополита будут согласны с волей прочих епископов его провинции; ежегодно дважды происходившие соборы устанавливали возможность постоянного контроля и немедленного исправления каких-либо уклонений в этом отношении со стороны митрополита от общего требования. Будучи председателем собора, митрополит являлся в то же время в известном смысле лишь органом его, как высшей инстанции.

Иным характером по самому своему происхождению отличается власть патриарха, именно – как развилась она в Константинопольском патриархате. Константинопольский патриарх возвысился до степени высшего правителя в трех диоцезах не как бывший председатель более или менее многочисленного собора, а как столичный епископ. По своему прежнему церковному положению епископа Византии – города, находившегося под ведением митрополита Ираклийского (в провинции Европе Фракийского диоцеза), он не мог созвать даже провинциального собора. Но, по общему сознанию, церковные дела Должны были решаться не иначе как соборно. Исход был найден в том, что Константинопольский епископ с конца 4 в. стал приглашать к участию в соборе под своим председательством епископов, проживавших по разным делам в столице или вынужденных оставить свои кафедры вследствие нашествия варваров. Очевидно, что состав оказывался весьма случайным, в нем принимали иногда участие епископы и из других патриархатов. На самом деле, при таком порядке патриарх являлся единственным правителем, собор же мог в общем иметь роль лишь подчиненного ему органа, и в законодательстве, например, Юстиниана игнорируется. Власть патриарха, согласно с Халкидонским Собором (28-е), выражалась главным образом в праве утверждения и хиротонии всех митрополитов подчиненной ему области. Но это право влекло за собою и подсудность митрополитов патриарху, как это и подтверждено было Юстинианом (нов. 137-я). Общий собор из действительных представителей всего патриархата *de facto* – насколько известно – не созывался, хотя по идее он признавался нужным. В этом случае греческим канонистам приходилось вообще воспроизводить принятые и на Востоке правила карфагенской Церкви, в которой начало соборности имело некогда самое широкое развитие и регулярно созываемы были, наряду с провинциальными, и общеафриканские национальные соборы под председательством Карфагенского примаса. Приглашение на соборы митрополитов в позднейшие времена в греческой Церкви не могло означать истинного представительства, потому что тогда эта система стала сводиться уже к одним лишь титулам.

2) При оценке указанного выше строя церковного управления, как он проявился в истории, можно поставить критерием то или иное отношение этого строя к началу соборности, как общепризнанному в православной Церкви принципу, который должен лежать в основе церковного управления.

В митрополитанской системе этому началу усвоится, как уже сказано, такое значение, что центральная власть должна являться при нем в роли дополнительного к нему органа, необходимого для действительного осуществления этого начала в жизни. Правила апост. 36-е (38-е), Никейского Собора 5-е и Антиохийского 30-е требуют ежегодно (весной и осенью) созыва епископов провинции на собор. Но дальнейшая история Церкви на Востоке показывает постепенный упадок соборного института, несмотря на меры и церковной и гражданской власти, направленные к его поддержанию. Халкидонский Собор, именно ввиду неисполнения указанного требования в некоторых провинциях, находит нужным подтвердить его 19-м правилом, подвергая братскому выговору уклоняющихся от соборов епископов. Но, несмотря на это, то же явление повторилось и после. Юстиниан хотел бороться с ним решительными мерами, предписывая даже гражданским начальникам наблюдать за тем, чтобы митрополиты и епископы хотя бы один раз в год составляли собор (нов. 137-я [174] 565 г.; ср. 123 [155] 546 г.). Собор Трулльский (692) опять выступает с требованием к митрополитам созывать собор, по крайней мере, однажды в год (пр. 8-е). То же делает 7 Вселенский Собор (пр. 2-е) Эта необходимость постоянно напоминать об одном и том же показывает, что принимаемые меры не сопровождались особым успехом и провинциальные соборы все более и более выходили из употребления.

Были, разумеется, не зависевшие от воли лиц, которые должны были участвовать в соборах, причины этого печального явления. Сами епископы указывают, например, на трудность путешествий; возможны были препятствия со стороны гражданских властей. Могли быть и другие

обстоятельства, которые могли оправдывать непоявление епископов на соборах. Во время догматических споров, например, прибытие на собор под председательством уклонившегося в ересь митрополита могло вести или к отречению от православия, или к удалению с кафедры. Но общая и главная причина указанного явления заключается не в чем ином, как в самом строе церковной администрации, как он сложился со временем, именно – в успехах, достигнутых централизацией церковной власти. Постоянный контроль, какой встречали митрополиты для всех своих действий в ежегодно созывавшихся соборах, естественно, не особенно располагал их самих к поддержке этого требуемого канонами учреждения, и они предпочитали – насколько возможно – обходиться без него и действовать единолично. С другой стороны, и для епископов иметь дело с единоличной властью митрополита было часто удобнее и выгоднее, чем с целым собором, на котором они ограничивали не только митрополита, но и друг друга. Но вообще епископы на Востоке, при незначительности своих кафедр, несмотря на свою многочисленность, часто и были не в силах отстаивать свою самостоятельность против авторитета центральной власти (ср. лекции В. В. Болотова 1888 и 1899 гг.).

Таким образом, централизация церковной власти уже в первой инстанции окружного управления – в митрополитанском управлении, утвердившись первоначально на почве соборности, в дальнейшем своем развитии оттесняет соборное начало на задний план и получает не вполне согласное с основным духом церковной жизни направление.

С еще большим правом нужно сказать это, применяя указанный выше критерий, о высшем управлении Константинопольского патриархата. По своему началу и сущности оно было непосредственной централизацией церковной власти, возникшей прямо на политической почве, и соборные формы к нему присоединяются уже, можно сказать, *post factum*, ввиду необходимости считаться с древними канонами и общецерковным сознанием. Но эта централизация, не сопровождаясь действительным представительством на патриарших соборах от всех подведомых патриарху митрополий, на самом деле, сверх того, имела разрушительное влияние на митрополитанский строй и в связи с этим содействовала еще большему упадку соборной жизни и в пределах отдельных провинций.

Если на Халкидонском Соборе митрополиты трех диоцезов легко согласились на посвящение их в Константинополе от патриарха помимо своих экзархов, то их примеру стали потом следовать и подчиненные им епископы, стремясь освободиться от власти своих митрополитов и стать в непосредственные отношения также к патриарху. Зависимость от отдаленной власти, особенно если она соединялась с известными преимуществами, естественно было предпочитать зависимости от ближайшей инстанции. Константинополь, усвоивший себе со временем без особых канонических оснований право ставропигии по отношению к монастырям чужих епархий, охотно брал под свое покровительство и целые епископии, тем более что поставление епископов по существовавшим в те времена обычаям доставляло значительный доход той Церкви, где оно совершалось, в виде известных обязательных приношений со стороны хиротонисуемых. В результате появляется на Востоке – кроме митрополий и подчиненных им епископий – еще целый ряд так называемых автокефальных архиепископий; в половине 7 в., при 33 митрополиях и 356 епископиях, их насчитывается 34; к 9 в. число их было более 40. Будучи независимы от митрополитов, автокефальные архиепископы едва ли принимали участие в местных соборах, и были членами лишь Константинопольского синода. С течением времени они превращались сами в митрополитов, получая сначала какие-либо епархии в свое заведование, а потом просто лишь титул митрополита. Древняя митрополитанская система в ее первоначальном значении уничтожалась. Более всего при этом выигрывала центральная власть патриарха.

Централизация церковной власти в лице Константинопольского патриарха, помимо устранения ею принципа соборности, должна получить оценку еще с другой точки зрения. Своими широкими полномочиями в церковной сфере патриарх обладал лишь за счет своего полного фактического подчинения светской власти императора, который через него мог удобнее всего проводить свое влияние и вообще в церковной жизни. Если собор был при патриархе второстепенным служебным органом, поскольку патриарх (если не вмешивался император) сам выбирал членов его и мог по всем административным делам, за исключением судебных, обходиться совсем без собора, то сам патриарх в свою очередь являлся не более как орудием в руках императора. Зависимостью Константинопольской кафедры от вмешивавшихся в догматические споры императоров объясняется тот факт, что эта кафедра в эпоху вселенских

соборов иногда в течение целых десятков лет была занимаема лицами с репутацией еретиков и покровителей ересей; таких лиц насчитывают в ряду 58 Константинопольских иерархов от Митрофана до Мефодия более трети, до 21. От императоров зависело возведение патриархов на кафедру и низложение; почти равное указанному числу их удалено было за это время с кафедры православными или еретичествующими императорами (Hergenrother: «Photius», 1, 295). Следствия сложившихся в рассматриваемую эпоху отношений между высшей церковной и государственной властью со всей ясностью сказались в последующий позднейший период византийской истории. Правда, *de jure* провозглашалась свобода и независимость Церкви и главы ее – патриарха от государства. Но *de facto* византийская история представляет ряд попыток императоров подчинить себе церковное законодательство и ряд посягательств на личность избранных самими же императорами патриархов. «Из 42 патриархов, занимавших Константинопольский престол с Игнатия до Иоанна Каматира, современника взятия Константинополя латинянами, 19 были низведены без достаточных причин, без соблюдения законных формальностей, некоторые с унижительными оскорблениями, по непосредственному распоряжению высшей государственной власти»; и из прочих 23 патриархов многие сохранили кафедру до конца жизни – может быть – благодаря лишь особым обстоятельствам, например: двое принадлежали к императорской фамилии, 10 правили Церковью не больше 5 лет каждый, некоторые даже несколько месяцев (литогр. конспект лекций И. Е. Троицкого 1877 г.). В дальнейшем время, до взятия Константинополя турками, лишь яснее сознается и отмечается историками принцип императоров назначать в патриархи людей, по выражению Акрополита, «смирненных, недалеких по уму, которые бы легко уступали императорским предписаниям, как признанным постановлениям», которые, как говорит другой историк – Григора, «беспрекословно подчинялись бы им, как рабы, и не оказывали им никакого противодействия (ibid.). Избрание патриарха синодом, не исключавшее никогда и прежде прямого назначения его императором помимо указанных синодом кандидатов, «теперь все более и более заменялось личным усмотрением императора. Насильственное удаление с престола, если оно оказывалось нужным, стало заменяться вынужденным отречением, которому придавали вид добровольного. Неудовлетворительность византийской церковной системы управления обуславливалась непосредственно особенностями политического строя Византии, ее деспотическим режимом» (ср. И. Е. Троицкий. Арсений и арсениды. 1873. С. 531–534). Но самая система от подобного исторического оправдания не делается лучшей.

3) Как видно из сказанного, административное деление на округа и строй управления в древней Церкви не были по своему происхождению чем-либо искусственно придуманным, но возникли вполне естественно и с известною необходимостью на почве общих исторических условий своего времени. Церковные правила в этом случае обычно лишь утверждают и применяют, насколько возможно, к целям церковной жизни тот заранее сложившийся порядок, с каким неизбежно приходилось считаться, как с имеющим более или менее принудительную силу фактом. В частности, это нужно сказать именно о централизации церковной власти и в митрополитанском, и в патриаршем управлении. Но, по смыслу канонов, централизация вообще не должна служить в ущерб началу соборности, как основному требованию церковной жизни. Если в дальнейшей истории митрополитанского управления она все более и более вытесняет указанное начало, это признается уклонением от нормы, с которым борется церковное законодательство. Если Константинопольское патриаршество по существу оказывалось лишь проведением принципа централизации в несогласной с истинной соборностью форме, то и в этом случае сознание обязательности завещанных древностью норм церковной жизни заставляло создавать около патриарха синодальные учреждения, хотя соответствие с древними нормами в Византии ни в каком случае не могло быть достигнуто в силу общих условий византийского режима. Можно сделать из данных истории древней Церкви и позднейшей византийской тот вывод, что при устройстве общего управления русской Церкви едва ли было бы желательно введение вообще какой-либо искусственной централизации в виде предоставления высших полномочий отдельным лицам. Все внимание, наоборот, необходимо сосредоточить на правильной постановке и развитии начала соборности. Централизация в той или другой форме и степени может быть допустима лишь, насколько она может являться дополнением к этому началу и содействовать его целям и во всяком случае не устранять его. Древние каноны приняли церковную централизацию как факт, имеющий последние причины своего происхождения во внецерковной области гражданских отношений между городами. Русская Церковь не знает этого

факта в настоящий момент, и создавать его вновь без вполне достаточных оснований едва ли будет целесообразно, если вспомнить те антиканонические последствия, какими он сопровождался в греческой Церкви.

Вообще нужно заметить, что пытаться со всей точностью воспроизвести древний церковный строй, развившийся при совершенно иных исторических условиях, было бы теперь, когда эти условия уже во многом совсем иные, совершенно бесцельно. Необходимо не упускать из виду те основные руководящие идеи, которыми проникнуто древнее церковное законодательство, те цели, которых оно хотело достигнуть, устанавливая известные нормы; средства же для наилучшего достижения этих целей неизбежно должны разнообразиться применительно к условиям места и времени. Уже в древности местные различия делали строй управления весьма неодинаковым в различных Церквах. И если бы нужно было делать выбор между различными порядками, существовавшими в поместных древних Церквах, то, во всяком случае, нужно было бы отдать, не имея в виду, конечно, всех частных, решительное предпочтение, например, пред порядками Константинопольского патриархата строю древней африканской Церкви, каноны которой служили в позднейшее время, хотя бы только в теории, коррективом и для константинопольской централизации. Каноничность церковного строя, очевидно, нельзя сводить просто лишь к восстановлению власти митрополитов и патриарха, как они существовали некогда в греческой Церкви.

Введение в русской Церкви митрополической системы могло бы осуществиться двумя способами: 1) через постановление новых епископов в уездные города нынешних епархий и подчинение их, в качестве суффраганов, епископам губернских городов, как митрополитам; 2) через подчинение наличных епископов большей части епархий нескольким епископам наиболее важных городов.

Большее или меньшее соответствие древнему церковно-административному делению получилось бы собственно лишь в первом случае, поскольку наши губернии с губернскими городами могут быть приравнены до известной степени провинциям Греко-Римской империи с митрополиями во главе. До полного соответствия, однако, было бы еще далеко, так как число епископов в древних провинциях в общем было гораздо больше в сравнении с числом уездов в нынешних губерниях (по вычислению В. В. Болотова, например, на нашу Новгородскую епархию приходилось бы по пространству 29 епископий Понтийского диоцеза, 82 восточных, 153 асийских и 185 африканских; в провинции Азии в 10 300 верст, несколько меньше Ломжинской губернии, было 43 епископии, в 6 африканских провинциях их было до 500). Но если образование новых епархий и увеличение числа епископов для известных местностей и может оказаться необходимым, то проведение этой меры в указанном объеме едва ли будет оправдано результатами, какие от нее ожидаются, помимо практических трудностей при ее выполнении. Для повышения энергии и урегулирования церковной жизни возможны и другие средства, кроме постановления низших по рангу епископов с меньшим авторитетом в уездных городах и создания чрез это новых центров единоличной власти. Таким средством могло бы быть, например, привлечение к более активному участию в епархиальном управлении пресвитеров с возвышением их полномочий и возвращением им древнего значения не слуг, а сослужителей епископа, и широкое по возможности применение к этому управлению соборного начала в виде съездов духовенства с участием мирян.

Другой способ, подчинение существующих епархиальных епископов, с увеличением в случае нужды числа их, некоторым немногим епископам-митрополитам, повел бы к образованию округов, соответствующих по пространству более всего древним диоцезам. Но гражданских округов с значением древних диоцезов в коренной России не имеется, и пришлось бы намечать для церковно-административных целей округа и центры их более или менее самостоятельно. Если диоцезальное управление не привилось в греческой Церкви, то еще более искусственным оно могло бы оказаться для русской Церкви в смысле общей системы с особыми центрами власти. Сходство в условиях церковной жизни в близких пространственно епархиях и общность интересов естественно предполагают совместное обсуждение дел, одинаково касающихся всех подобных епархий. Но для этого достаточно правильно организованных, с распределением по намеченным хотя бы приблизительно округам, соборов епископов этих епархий, без предоставления исключительной и постоянной власти некоторым из них над другими, с непосредственным отношением взамен того к центральной власти Всероссийской Церкви. Исторический опыт и Востока и Запада показывает, что создание посредствующей единоличной

инстанции между высшей общецерковной властью и епархиальными епископами сопровождалось обычно стремлением последних освободиться от зависимых отношений к этой инстанции и заменить их непосредственной зависимостью от высшей власти (автокефальные архиепископии на Востоке, борьба епископов с митрополитами и появление лже-Исидоровых декреталий из среды епископов на Западе в франкской Церкви). Началу соборности более будет соответствовать равенство епископов перед единой центральной властью, нежели образование в среде их искусственной иерархической лестницы в целях ненужного подражания порядкам греческой Церкви. В русской Церкви, наряду с учреждением патриаршества (1589), предпринимались попытки утвердить и греческую митрополитанскую систему. Но у самих греков она свелась уже тогда на деле к титулам (тогда были на Востоке, кроме 4 патриархов, 42 митрополита, 19 архиепископов и 20 епископов). И в России, где были к этому времени, кроме митрополита, 3 архиепископа и 7 епископов, также ограничились после собора 1589 г. лишь дарованием 4 иерархам (2 прежним архиепископам и 1 епископу) титула митрополита, 5 епископам титула архиепископа, епископов же оказывалось (с заместителем одной вновь открытой – вместо 8 предположенных – епархий) всего лишь 2. Не сопровождалось какими-либо важными результатами и рассуждения на соборе 1667 г. об увеличении числа митрополитов (до 8) и архиепископов (до 11) и открытии новых епархий (20 или, по окончательному проекту, 5). В 1681 г. митрополитов не по имени только предполагалось ввести проектом со стороны гражданской власти; 12 митрополитам, по этому проекту, должны были быть подчинены 70 епископов, причем для 68 епископов вновь выделялись епархии. Потом число епархий, не считая патриаршей и 12 митрополитских, сокращено было до 34. Но в коллективной челобитной митрополиты и архиепископы, бывшие на соборе, просили царя назначить новых архиепископов и епископов только в пристойные места, т. е. в отдаленные и многолюдные города и притом без подчинения митрополитам, «чтобы в архиерейском чине не было никакого церковного разногласия, а между архиереями распри и высоты, и в том несогласии и нестроении святой Церкви преобидения, а от народа молвы и укоризны». В конце концов, соборным постановлением число проектированных епархий было уменьшено до 11, а на деле открыто только 4. Разделение на митрополичьи округа, которое, по-видимому, должно было соответствовать предполагавшемуся гражданскому делению на наместничества, не было осуществлено (ср. И. Покровский. Русские епархии в 16–19 вв. Т. 1. Казань, 1897. С. 55–57, 275–279, 318–342). Каковы бы ни были действительные мотивы для русских иерархов, побуждавшие их отклонить указанный проект, приведенные выше соображения их должны быть приняты во внимание.

Высшей властью в местной Церкви может быть лишь власть собора действительных выразителей общецерковного сознания в данной Церкви, т. е. прежде всего ее епископов, а затем представителей и от прочих членов клира и от мирян. То или иное участие представителей клира и мирян может быть признано необходимым в этом случае, особенно ввиду условий настоящего времени, когда выборное начало при самом поставлении епископов, так же как и других членов клира, не применяется, именно для гарантии и засвидетельствования, в некоторых же случаях и для самого установления действительного согласия между епископами, обычными участниками соборов по древним правилам, – прочими представителями клира и паствой. Очевидно, порядок отношений между отдельными органами высшего управления должен быть обратный в сравнении с тем, какой исторически сложился в константинопольской Церкви. Там на первом плане стоял патриарх, подчиненным ему органом был постоянный *σύνδος ἐνδημιός*, наименьшее значение имел *de facto* общий (национальный) собор. В нормальном строе этот последний собор, периодически действующий, должен стоять выше всего и быть действительной высшей инстанцией. Постоянная, высшая, центральная власть лучше всего может осуществляться через постоянный Синод, учреждаемый в качестве делегации от всеобщего Собора, как исполнительный орган его, всегда находящийся под его контролем. При этом, если признается принципиально возможным и желательным или даже и необходимым присутствие духовных лиц неепископского сана и мирян на общем Соборе, то не будет препятствий к введению их и в состав постоянного Синода. Значение единоличной власти столичного епископа, представлявшей в Константинополе совершенно исключительные полномочия, естественно сводится к роли его, как председателя Синода, каков бы ни был его титул; наравне со всеми другими епископами, он является подчиненным во всем общему Собору. Патриаршество развилось в греческой константинопольской Церкви и затем введено

было по примеру Византии в Церкви русской не по инициативе Церкви и не в прямых интересах церковной жизни, но под влиянием гражданской власти и по ее желанию (о русском патриаршестве ср. Н. Ф. Каптерев. Власть патриаршая и архиерейская в древней Руси в их отношении к власти царской и к природному духовенству. Богословский Вестник. 1905. Апрель-май). Если оно и может иметь то или иное историческое оправдание, то в целом его прошедшая история вовсе не говорит в пользу восстановления его в русской Церкви в том виде, как оно существовало прежде в Греции и в России.

О высшем церковном управлении в Византии и на современном греческом Востоке в отношении к вопросу о преобразовании церковного управления в России на соборном начале (Записка проф. И. Соколова)

Представителем высшей духовной власти в Церкви византийской был вселенский – Константинопольский – патриарх. По определению Эпанагоги, объединившей в своем содержании действующее византийское право, патриарх есть живой и одушевленный образ Христа, делом и словом выражающий истину. Задачей патриарха служит, во-первых, сохранение в благочестии и нравственной строгости тех, кого он принял от Бога, во-вторых – обращение к православию и единению с Церковью по возможности всех⁵¹ схизматиков и еретиков, и в-третьих – привлечение неверных в лоно православной Церкви, посредством своей выдающейся деятельности. Конечное назначение патриарха состоит в сохранении вверенных ему душ, в жизни во Христе, сораспинании миру. Свойства патриарха – быть учительным, безусловно одинаково относиться ко всем, быть кротким в отправлении правосудия и обличительным относительно неповинующих, без страха возвышать голос в защиту истины и догматов даже перед лицом царя. Патриарх имеет право изъяснять древние каноны, определения святых отцов и постановления священных соборов. Патриарх должен хранить деяния древних отцов на соборах и различать постановления частного или кафолического значения. Вообще, патриарх в церковно-общественной организации составляет душу. Вместе с царем, представителем власти гражданской, патриарх является «величайшею и необходимейшею частью государственного организма – «τὰ μέγιστα καὶ ἀναγκαῖότατα μέρη τῆς πολιτείας βασιλεὺς ἐστὶ καὶ πατριάρχης». Единомыслие и согласие представителей власти патриаршей и царской представляются совершенно необходимым условием для благополучия целой организации (πολιτεία), для внешнего и внутреннего (κατὰ σῶμα καὶ ψυχὴν) благосостояния и мира отдельных ее членов. – Идеи Эпанагоги о власти патриаршей имели господствующее в Византии значение и проникли в содержание и церковного и гражданского относительно Церкви законодательства. Правила соборов, Номоканон патриарха Фотия, постановления византийского патриаршего синода, канонические труды Феодора Вальсамона, Синтагма Матфея Властаря – с одной стороны, а с другой – василики, новеллы и хрисовулы императоров от Льва Мудрого до последнего Палеолога повторяют и дополняют возвышенные суждения Эпанагоги о Византийском патриархе, поставляя его достоинство и власть наряду со значением василевса для государства. Даже более: по византийскому законодательству патриарх, как носитель власти церковной, как посредник между Богом и василевсом, сообщавший в акте священного коронования религиозную санкцию царской власти, поставлялся впереди василевса. – История и свидетельствует, что патриархи Византии de facto были носителями всей полноты достоинства и власти, им усвояемых византийским церковным и гражданским законодательством. Мефодий, Фотий, Николай Мистик, Полиевкт, Василий Скамандрин, Антоний 3 Студит, Сергей 2, Алексей, Михаил Керулларий, Арсений, Афанасий и т. д., и т. д. – были истинными патриархами Церкви, защитниками ее прав, ходатаями пред царями за ее нужды, борцами за святую православную веру, обличителями неправды даже пред лицом василевсов.

Патриарху Византии принадлежали следующие преимущества: 1) свободное избрание клиром и народом, 2) независимое отправление должности, 3) неприкосновенность личности и 4) несменяемость иначе как по суду. Его права и обязанности по управлению были следующие: 1) поставлять митрополитов, 2) наблюдать за их управлением и жизнью, 3) производить суд по жалобам на митрополитов в делах духовных и по апелляции на суд митрополитов во второй инстанции, 4) созывать Поместные Соборы, 5) сноситься с гражданской властью по делам Церкви, 6) учреждать ставропигии в пределах подчиненного ему патриархата.

Византийский патриарх управлял церковными делами не единолично и самовластно, но при содействии состоявшего при нем постоянного синода. Патриарший σύνοδος ἐνδηροῦσα представлял как бы всю поместную автокефальную Церковь в лице ее представителей. В состав синода входили, прежде всего, патриарх, как председатель, а затем – митрополиты, архиепископы и епископы, как его члены. Патриарх открывал и закрывал заседания синода, предлагал предметы для обсуждения, руководил прениями и проч. Когда патриарший престол становился праздным, то синод сам по себе не мог решить ни одного важного дела; он мог производить только предварительное расследование текущих дел, но окончательное их решение, подлежащее исполнению, совершалось уже при патриархе. В числе членов патриаршего синода состояли преимущественно архиереи ближайших к Византии епархий,

которые и приглашались патриархом для постоянного или более или менее продолжительного исполнения обязанностей синодальных членов. Затем, в синоде заседали те епархиальные архиереи, которые временно жили в Византии по тем или иным причинам (ἐνδημοῦντες), а равно епископы, избранные на кафедру, но еще не получившие хиротонии (ἐπίσκοποι ὑποψήφιοι), епископы, не имевшие возможности по тем или иным обстоятельствам (войны, народные движения) выбыть в свою епархию (ἐπίσκοποι σκολάζοντες), бывшие патриархи Константинопольские и иные, епископы, бывшие на покое (ἐπίσκοποι χρηματίσαντες). Минимальное число членов синода должно быть не менее трех, за исключением председателя. В актах синода встречается указание и на присутствие 30 членов. За невозможностью присутствовать в синоде, каждый канонический его член или назначал местоблюстителя (τοποτηρητής) в лице епископа, или сообщал синоду свое мнение посредством грамоты. Кроме архиереев – канонических членов, в синоде присутствовали и высшие патриаршие чины (патриарχικοί ἄρχοντες), которые делали доклады, представляли справки, иногда, с разрешения членов синода, высказывали свои мнения, но не имели решающего голоса в синодальных постановлениях. Наконец, в силу тесного союза в Византии Церкви с государством, в синоде присутствовали – конечно, без права голоса – гражданские чиновники, как представители правительства (δεσποτικοὶ ἄρχοντες), но лишь в том случае, когда в синоде решались дела, касавшиеся и государства (учреждение епархий, брачные дела, суд над вредными для общества сектами).

Решение синодальных дел производилось большинством голосов присутствовавших на заседании архиереев. При всяком решении непременно предполагалось, что оно составлено согласно учению Церкви, по церковным канонам и постановлениям. Задача деятельности патриаршего синода вообще заключалась в рассмотрении и исследовании важнейших вопросов веры и Церкви (θεωρία καὶ ἐπίσκεψις ἐκκλησιαστικῶν ὑποθέσεων). В частности, в область его деятельности входили: 1) издание новых правил и постановлений, когда существующее каноническое право не представляло точного и определенного закона, когда необходимо было развить, дополнить или отменить прежние постановления, причем требовалось строго согласоваться с основным каноническим кодексом, т. е. правилами святых апостолов, вселенских и поместных соборов и св. отцов; к этому роду синодальных постановлений относятся многочисленные церковные законы о делах брачных, церковных имуществах, монастырской дисциплине и т. д.; 2) наблюдение за чистотой христианского учения, – в силу чего синод осуждал и отвергал всякое лжеучение, грозившее вторжением в область Христова учения; 3) наблюдение за церковной дисциплиной и принятие мер к ее охранению; 4) избрание патриарха и признание действительности выбора и хиротонии митрополитов, архиепископов и епископов; 5) возвышение епископий на степень архиепископий и митрополий; 6) перемещение митрополитов и епископов, по требованию канонической необходимости; 7) соединение двух или многих епархий в одну; 8) производство суда: а) в первой инстанции по обвинениям и жалобам клириков и мирян на митрополитов, а с другой стороны – по жалобам митрополитов на свой клир, на подчиненных епископов и на других митрополитов, по обвинениям и жалобам на самого патриарха, б) во второй инстанции по апелляциям на решения митрополитов. В случае судебного процесса против патриарха постановление синода восходило на утверждение императора. На его же утверждение восходили и все важнейшие постановления синода, дабы получить значение и государственного закона.

За синодом следовал ряд учреждений и лиц, заведовавших разными отраслями церковной администрации и суда. Первые назывались общим именем σέκρετα (приказы), а вторые разделялись: 1) по роду своего служения на ἀρχοντικά μεγάλα, ἀρχοντικά μικρά (протопопы и священники), ἀρχοντικά λιτά (архидиакон и второй дьякон) и διακονίαι (низшие церковники, не имевшие иерархических степеней); 2) по месту, занимаемому при богослужении патриарха и торжествах, на правый и левый хор; 3) в порядке чинов патриаршего двора на девять пентад (пятериц). Во главе патриарших чинов стояли сановники первой пентады ἐξωκτάκοι – великий эконо, великий сакелларий, великий скевофилакс, хартофилакс и сакеллион (впоследствии еще – протэкдик). При каждом из них был приказ, заведующий той или иной отраслью патриаршего управления. Так, приказ великого эконома управлял недвижимыми имениями великой константинопольской церкви и патриаршей епархии, заведовал всеми доходами и расходами патриаршими. Секрет великого сакеллария заведовал казной великой церкви, хозяйством монастырей и наблюдал за нравственностью монахов и соблюдением устава. Приказ великого

скевофилакса заведовал сосудами, священными одеждами, книгами и вообще утварью великой церкви. Секрет хартофилакса был самый обширный и важный; хартофилакс был патриаршим канцлером и помощником по разным вопросам патриаршей юрисдикции: в его ведении были деловые бумаги и переписка от имени патриарха, он давал разрешения на постройку монастырей и церквей в патриаршей епархии, наблюдал за верой и благочестием, судил по делам церковным всех без исключения, а клириков и по делам гражданским и т. п. Секрет сакеллиона заведовал женскими монастырями и приходскими церквами. Наконец, приказ протэкдика защищал интересы Церкви в светских присутственных местах, ходатайствовал по делам как Церкви, так и лиц, прибегавших к ее защите и покровительству. Каждый из архонтов первой пентады имел помощников (у хартофилакса – протонотарий и ипомниматограф, у протэкдика – экдики), а письменные работы производились в приказах секретарями (хартоуларіои). Все патриаршие чины были подчинены патриарху.

Избрание и наречение Византийского патриарха происходили следующим образом. Когда патриарший престол оказывался вакантным, митрополиты и епископы, как присутствовавшие в патриаршем синоде, так и случайно находившиеся в Константинополе, собирались вместе с патриаршими архонтами в одной из верхних галерей великой константинопольской церкви, называемой катихуменами (ἐν τοῖς κατήχομενίοις), а впоследствии – в храме св. Апостолов, и избирали трех кандидатов, имена коих писались на особом свитке. Депутация из трех митрополитов представляла свиток от имени собора императору, который или утверждал свиток, или дополнял его именем удобного ему кандидата. Из намеченных кандидатов собор одного избирал на патриарший престол. Особая депутация, посредством акта μικρὸν μῆνυμα (малое наречение), извещала избранного о призвании его на Византийский патриарший престол. Затем следовало μέγα μῆνυμα – большое наречение. В магнавском дворце собирались все члены синклита, все митрополиты и епископы, все церковные архонты, пресвитеры и прочие церковные лица. В собрании находился и нареченный патриарх. Сюда являлся и император в златотканной одежде и, остановившись перед собранием, громко произносил: «Божественная благодать и наша царская власть, от нея происходящая, производит (προβάλλεται) сего благоговейнейшего в патриарха Константинопольского». Собрание благодарило императора, после чего императорские чиновники, по повелению василевса, и все духовные лица торжественно сопровождали нареченного в патриархию. В ближайший праздничный день совершалась хиротония избранного, если он не имел епископского сана, или же прямо обряд интронизации (ἐνθρονισμός) или торжественного возведения на патриарший престол. В 14 в. произошла перемена в великом наречении новоизбранного патриарха Византии, коснувшаяся и формы императорского возглашения.

Сохранилось также известие, что пострижение в монашество не считалось в Византии 14 в. безусловно необходимым для патриарха пред хиротонией, если он избирался не из монахов. Это известие передает историк Никифор Григора относительно патриарха Иоанна Глики (1315–1318 гг.).

Но зато если архиерей, хиротонисанный не из монахов, впоследствии по каким-либо причинам постригался в монахи, то он уже отрекался от архиерейского сана. Историк Пахимер рассказывает, что пред смертью патриарха Никифора (1259–1260) приближенные посоветовали ему постричься в монашество, но «он не только не согласился на это, а еще с неудовольствием принял напоминание и хотел умереть архиереем». А Сардский епископ Андроник, по словам того же историка, желая заявить протест против действий императора Михаила Палеолога относительно наследника престола Иоанна Ласкариса и патриарха Арсения, принял монашество, а когда Арсений был восстановлен на престоле, хотел возвратить себе епископские права, но встретил протест со стороны остальных архиереев.

Нечего и говорить, что по общецерковным делам в Византии созывались соборы, число которых было очень велико в 9–15 вв. Вообще, соборное начало было действенно в Византии и плодотворно.

Константинопольский патриархат разделялся в византийскую эпоху на митрополии и архиепископии, а митрополии, в свою очередь, делились на епископии. В течение 9–15 веков число и состав епархий вселенского престола не раз изменялись. Из сохранившихся списков епархий один, приписываемый императору Льву Мудрому, а в действительности явившийся между 1084–1140 годами, показывает, что Константинопольскому патриарху были подчинены 81 митрополия и 39 архиепископий. Почти каждая из митрополий в свою очередь состояла из

нескольких епископий. Так, митрополиту Кесарии Каппадокийской были подчинены восемь епископов, митрополиту Ефеса – 36, Ираклии – 17, Анкиры – 8, Сард – 26 и т. д. В общем, число епископий и епископов было громадно (в отмеченном каталоге их указано до 650). Некоторые из митрополий (Халкидонская, Селевкийская, Евхаитская, Амастридская, Хонская и Гидрунтская), а равно все архиепископии не имели подчиненных им епископских престолов. Таким образом, в 11–12 вв. византийская Церковь имела до 770 подчиненных патриарху митрополитов, архиепископов и епископов (из них до 20 в России)⁵². Другой каталог, относящийся ко времени императора Андроника Палеолога Старшего (1282–1328), показывает, что в Константинопольском патриархате было 109 митрополий, а по более полному списку – 134; кроме того, некоторые епархии были в разряде архиепископий. Митрополии, как и прежде, делились на епископии⁵³.

Избрание митрополитов и архиепископов, подчиненных Византийскому престолу, производилось патриархом и синодом, а избрание епископов происходило при митрополичьих кафедрах. Права митрополитов были следующие: 1) наблюдать за церковным порядком и благоустройством всей митрополии, 2) обозревать подчиненные ему епископии, 3) избирать и рукополагать епископов для своей митрополии, 4) созывать подчиненных епископов для обсуждения общих церковных дел митрополии, 5) контролировать и утверждать своим согласием важнейшие распоряжения епископов митрополии, 6) принимать жалобы на подчиненных епископов и назначать соборный над ними суд, 7) служить посредником между митрополией с одной стороны, патриархом и светскими властями – с другой.

Митрополиты управляли своей епархией при содействии синода или совета, подобного патриаршему синоду, только в меньшем размере. Члены митрополичьего совета назначались из епархиального духовенства по избранию митрополита. В его состав входили и митрополичьи чины, подобные чинам патриаршим (эконом, скевофилакс, хартофилакс и пр.).

Административные советы из духовных лиц были и при епископах. Последние, подчиняясь своему митрополиту и являясь необходимыми членами митрополичьего собора по делам целой митрополии, сохраняли в своей епископии полную самостоятельность, так что митрополит без их согласия не мог здесь ни рукополагать, ни учить, ни совершать каких-либо архиерейских действий. Епископ имел право возбуждать пред патриархом и синодом судебное против своего митрополита дело, если последний нарушал догматы веры и церковные правила.

Таковы существенные особенности церковного управления в Византии 9–15 в.

После падения Византии (1453 г.) церковное управление в Константинопольском патриархате сохранилось до половины 19 в. без существенных перемен сравнительно с эпохой предшествующей. Константинопольский патриархат представлял отдельную в Турецкой империи церковно-гражданскую организацию, официально называемую руммилети, т. е. ромейская община или нация, – с правом исповедывать христианскую веру, иметь собственную судебно-административную власть. Во главе общины стоял вселенский патриарх ромеский этнарх и даже василевс, имевший высшую духовную власть и гражданскую. Он получал власть пожизненно, по избранию синода и представителей народа, по утверждению султана, и мог лишиться ее вследствие добровольного отречения или по доказанному обвинению в политическом и церковном преступлении. Патриарх поставлял и низлагал митрополитов и епископов, имел дисциплинарный за ними надзор, судил клириков и мирян по делам церковным и гражданским, управлял всей Церковью и принадлежащими ей и монастырям имуществами, был и гражданским представителем ромейской райи на всем пространстве Турецкой империи и т. д. В своей церковно-религиозной деятельности патриарх *de jure* был совершенно независим от вмешательства со стороны христиан-мирян, а тем более со стороны турок. Церковь находилась в зависимости от государства только в гражданскообщественном отношении и могла иногда искать у него защиты своей веры вследствие затруднений также внешнего свойства, причем посредником между Церковью и государством был христианин, сперва великий диерминеус, потом великий логофет. По-прежнему в Церкви неизменно действовало и соборное начало. Оно выражалось, во-первых, в деятельности патриаршего синода, как постоянного административного судебного учреждения, которому и принадлежало, вместе с патриархом, право высшего церковного управления и суда. В синоде члены участвовали по избранию и вызову патриарха, преимущественно митрополиты ближайших к Константинополю епархий ! ἐνδημοῦντες. Патриарх Самуил (1763–1768) закрепил действовавшую практику изданием постановления о постоянных членах синода в лице митрополитов Ефеса, Ираклии, Кизика, Никомидии, Халкидона и Деркона. Так возник в Константинополе «геронтизм», оценка значения которого и теперь является для ученых спорным пунктом. Правда – в том, что геронты, как постоянные члены синода, оказали большие услуги Церкви, но, как ефоры малых епископов, были несвободны от крупных злоупотреблений. Во-вторых, соборное начало церковного управления проявилось в том, что все важнейшие церковные вопросы решались собором иерархов, под председательством Константинопольского патриарха, и постановления о них издавались за подписью всех участников соборных заседаний.

Патриархат состоял из епархий в достоинстве митрополий (преимущественно), архиепископий и епископий, причем наблюдается постепенное возвышение епархий на степень митрополий. Из каталога епархий вселенского престола от 1797–1798 г. видно, что в патриархате были только одни митрополии в числе 112, причем некоторые из них делились и на епископии, с подчинением епископов митрополиту главного города в округе. Иные митрополиты имели викарных епископов (ἐν ψιλῷ ὀνόματι)⁵⁴. Накануне церковной реформы в Константинополе (с 1858 г.) в патриархате было 82 митрополии и 2 архиепископии (кроме Валахии, Молдавии и Сербии); некоторые митрополиты по-прежнему имели подчиненных и викарных епископов⁵⁵.

В 1858–1860 годах в Константинопольской патриархии, под воздействием турецкого правительства, состоялась реформа церковного управления. Она была направлена к тому, чтобы поколебать неограниченную *de jure* церковногражданскую власть вселенского патриарха посредством разделения его обширных полномочий между синодом и новым административным учреждением – постоянным народным смешанным советом. Это отчасти и удалось Порте достигнуть введением в действие нового административного закона, так называемых «общих канонизмов». Но, с другой стороны, новые церковные уставы определенно регламентируют различные стороны управления Церкви константинопольской, примирив новейшую практику с постановлениями византийского происхождения. Общие канонизмы говорят об избрании и назначении вселенского патриарха, об избрании епархиальных архиереев, устройстве священного синода, о патриарших чинах и пр. На основе общих канонизмов в патриархии были потом выработаны законодательные уставы отдельных административных учреждений (эпитропий церковной и педагогической и пр.). Ввиду того, что устройство современного

церковного управления в Константинопольском патриархате может, по нашему мнению, служить некоторым образцом для реформы высшего церковного управления в России, мы не входим в анализ «общих канонизмов» и дополнительных к ним уставов, но лишь сделаем ссылки и указания на них в предлагаемом нами проекте упомянутой реформы, созданном на византийско-константинопольской основе.

Реформа высшего церковного управления в России должна быть произведена соответственно основному и неизменному типу канонического строя православной греко-восточной Церкви. Этот тип состоит в органическом сочетании соборного и единоличного начала. Посему управление и поместной русской Церковью должно принадлежать собору епископов, во главе с высшим ее предстоятелем.

Система церковного управления на православном Востоке завершилась в своем развитии созданием власти патриаршей, которая и теперь остается по существу неизменной, по значению – непоколебимой. Патриарх есть законная глава Церкви, без воли и почина которого не может быть и собора. Руководящий административный тип православного Востока необходимо требует возглавления и русского церковного управления властью патриаршею. Кроме внутреннего или канонического основания, вызывающего необходимость для поместной Церкви иметь своего первоиерарха и предстоятеля, с правом созывать соборы и руководить соборною деятельностью, – восстановление патриаршества вызывается и причиною внешнею, находящеюся в связи с вопросом о взаимных отношениях Церкви и государства. Патриаршество избавит Церковь от обезличения пред государством и от государственной опеки во внутренних делах, обеспечит солидарность, благожелательный союз и взаимное доверие между обеими организациями, создаст правильный порядок их взаимных отношений. Патриарх, как предстоятель автономной в своей внутренней жизни Церкви, будет входить в непосредственные сношения с представителем власти государственной, вполне самостоятельно станет защищать интересы Церкви, с достоинством поддерживать прерогативы иерархического звания... Наконец, громадные территориальные пределы русской Церкви, многочисленность епархий, церквей и монастырей, обилие православного населения, в связи с законным для русской Церкви престижем в сношениях с поместными Церквями Востока, создают условия, благоприятные для восстановления именно патриаршества.

Восстановление патриаршества должно состояться по определению Собора русской Церкви и по мотивам церковным (а не государственным), по сношению с восточными патриархами и с согласия государственной власти.

Кафедра патриарха должна находиться в столице империи (4 Всел. Соб. 17-е, 28-е).

Избрание патриарха можно установить применительно к практике Церкви константинопольской, руководящейся «общими канонизмами». В случае вдовства патриаршего престола Синод избирает одного из митрополитов его местоблюстителем, о чем и доводится до сведения гражданского правительства. Местоблюститель (а накануне восстановления патриаршества – сам Синод) обращается ко всем иерархам русской Церкви с пригласительным посланием – прислать на имя местоблюстителя или Синода в запечатанном конверте в течение – самое большое – 41 дня, свое мнение о том, кого из состава русской иерархии каждый по совести признает достойным патриаршей власти. Каждый член Синода также представляет документ с именем своего кандидата. В избрании патриарха должны принять участие и клирики с мирянами – по одному от каждой епархии русской Церкви. Эти члены должны быть избраны на месте духовенством и народом и к назначенному времени прибыть в столицу империи. Дней за пять до первого избирательного собрания местоблюститель приглашает членов Синода, временно находящихся в столице архиереев, представителей клира и народа явиться на общее собрание. В присутствии этого собрания особо назначенными лицами должны быть вскрыты присланные архиереями документы и составлен каталог названных в них кандидатов на патриарший престол. Кандидатами одинаково состоят все те лица, которые получили в представленных мнениях голоса, много или мало. Представители клира и народа со своей стороны могут назвать кандидатов, которые также заносятся в каталог, если будут одобрены одной третью присутствующих в собрании иерархов. Составленный на собрании протокол подлежит опубликованию. Через три дня местоблюститель назначает второе общее собрание избирателей. На этом собрании все члены – иерархи, клирики и миряне – тайной баллотировкой указывают, по большинству голосов, трех кандидатов из числа названных в каталоге. Каждый член собрания имеет один и равный со всеми голос. Когда большинством голосов будут намечены три кандидата, то немедленно происходит третье и заключительное голосование, принадлежащее исключительно иерархам. Все архиереи, члены собрания, отправляются, в

сопровождении всех остальных членов, в храм, где предварительно совершается положенное молитвословие, а потом архиереи в алтаре тайным голосованием и большинством голосов избирают из трех кандидатов одного, который и провозглашается патриархом. Избранный патриархом представляется на утверждение Государю, после чего происходит церковный обряд интронизации.

Русскому патриарху принадлежат следующие права. Он есть первоиерарх и предстоятель русской поместной Церкви, и имя его поминается при богослужении во всех церквях России. Руководясь постановлением первого чрезвычайного Собора, патриарх созывает в назначенные сроки Поместные Соборы русской Церкви, подготавливает предметы для соборных совещаний, председательствует и приводит в исполнение соборные решения. Он же председательствует в Синоде и руководит его деятельностью. Без его участия Синод не может решить ни одного важного дела, ни тем более исполнить. Патриарх имеет надзор за благоустройством церковной жизни в России, пользуется правом лично посещать другие епархии или посылать экзархов. Патриарх заботится о замещении вакантных архиерейских кафедр достойными кандидатами, словом и примером руководит епископами в исполнении обязанностей. Он принимает жалобы на епископов, апелляции на их суд и делает по поводу их распоряжения (4, 9-е; Ант.14-е; Карф.28-е, 37-е, 139-е; Сард.14-е). Патриарх служит посредником сношений православной русской Церкви с ее покровителем – Государем, защищает пред ним ее интересы и лично докладывает о важнейших ее нуждах. Он, во главе Синода, сносится и с другими поместными Церквями. Патриарх подлежит суду Поместного Собора, пред которым, по справедливой жалобе Синода, и должен отдавать отчет в своей деятельности.

Патриарх управляет русской Церковью совместно с Синодом, председателем которого он состоит. Устройство личного состава патриаршего Синода можно организовать применительно к практике Церкви константинопольской. Синод состоит из двенадцати членов – митрополитов и архиепископов. Шесть членов должны быть постоянными, и шесть вызываются по очереди на два года. Постоянные члены Синода приглашаются из митрополитов старейших и ближайших к столице епархий (Московской, Новгородской, Киевской, Казанской...). Постоянные члены в Синоде совершенно необходимы – в интересах единства и систематичности синодальной деятельности, для более активного и обдуманного в ней участия, применительно к общему направлению церковной жизни. Очередными членами Синода могут быть все митрополиты и архиепископы русской Церкви. Их вызов производится по руководству особого каталога епархий, составленного применительно к старшинству последних и значению. В Константинополе подобный каталог разделяет епархии на три класса. За три месяца до вызова новых членов патриарх вместе с Синодом избирает по этому каталогу шесть иерархов, по два из каждого разряда, именно – первого в списке и последнего, и вызывает их для замещения прежних членов. Такую практику можно установить и в русской Церкви.

Ведению Синода подлежат дела и вопросы, и ныне входящие в круг деятельности Св. Синода, за исключением тех дел, которые могут быть переданы в ведение соборов или съездов епархиальных архиереев. В Синоде дела решаются большинством голосов, причем все члены пользуются равным голосом. Решение приводится в исполнение патриархом. Дела, затрагивающие интересы и государства и требующие Высочайшего утверждения, докладываются патриархом лично Государю.

При Синоде существует канцелярия, подлежащая ведению патриарха. Для сношений с гражданским правительством патриарх и Синод избирают особое лицо, которое и представляется на утверждение Государю. Синодальный епитроп является ходатаем по делам Церкви в светских правительственных учреждениях, заседает в Совете Министров и Государственном, с разрешения патриарха и Синода представляет на утверждение Государя менее важные дела. Епитроп имеет канцелярию, которая будет числиться при кафедре патриарха (как оттоманская – в Константинополе).

При патриархии, в ведении патриарха и Синода, должны состоять и дополнительные центрально-административные учреждения: духовно-учебный комитет, духовно-училищный совет и др. Председателями в них должны быть митрополиты – члены Синода.

Русская Церковь разделяется на епархии – в достоинстве митрополий и архиепископий. Каждая митрополия и архиепископия, соответствующая по своей территории губерниям, с кафедрою митрополита или архиепископа в губернском городе, разделяется на епископии, в соответствие делению губернии на уезды, с кафедрою епископа в уездном городе. Желательно,

чтобы епископ был по возможности в каждом уездном городе, особенно – отдаленном от других городов. Епископ самостоятельно управляет своей епархией, а не находится на положении викария. Как митрополит или архиепископ пользуется в своей епархии, обнимающей губернский город и его уезд, всеми правами церковной власти, которые и ныне принадлежат епархиальным архиереям в отношении учения, освящения и управления, – так и епископ уездного города пользуется теми же правами, причем митрополит или архиепископ, без его согласия, не могут совершать в его епархии никаких архиерейских действий. Преимущества митрополита или архиепископа заключаются в следующем: 1) заботиться о замещении епископских кафедр и рекомендовать достойных кандидатов, 2) делать епископам братские наставления и указания в делах управления, 3) принимать жалобы на них для рассмотрения на соборе, 4) созывать по делам общего значения собор или съезд епископов своей митрополии, председательствовать на нем и приводить в исполнение его постановления, 5) сноситься по делам общего значения с Синодом и патриархом.

Собор епархиальных архиереев созывается митрополитом по мере надобности. Но это не есть собор областной, – так как совершенно нет необходимости в разделении епархий русской Церкви на отдельные области или округа с самостоятельным окружным митрополитом во главе, да такому разделению нельзя указать примера и на современном греческом Востоке и даже в Византии, – но есть собор, а лучше – съезд самостоятельных епархиальных архиереев под председательством первенствующего по чести митрополита или архиепископа. Состав этого съезда должен определяться не искусственными и условными границами округа, а задачами и назначением съезда, предстоящею ему деятельностью. Иначе сказать, на съезде могут быть архиереи и соседних митрополий-губерний, если это вызывается нуждами соборных занятий. Все архиереи, члены этого съезда, имеют один и равный голос, решают дела большинством голосов, а постановления приводятся в исполнение председателем.

Собору или съезду епархиальных архиереев и должны быть предоставлены на рассмотрение и решение некоторые из дел, ныне без нужды обременяющих Св. Синод. Так, выработка общих правил и руководственных распоряжений общего характера, пастырское взаимообщение епископов, дела бракоразводные, лишение клириков сана, утверждение в должности настоятелей монастырей и лиц местных церковно-административных учреждений и т. п. – могут подлежать ведению собора епархиальных архиереев. Этот собор должен рассматривать и жалобы духовенства и мирян на епархиальных архиереев, быть второю инстанцией по судным делам после епархиального суда.

Что касается викарных архиереев, то современный греческий Восток не знает подобного института. Константинопольский патриарх не имеет при себе викарных епископов. Ему в управлении епархией помогают великий протосинкелл (архимандрит), великий архидиакон, великий эконо́м скевофилакс и т. д. Зато настоятелями (πρόϊστήμενοι) некоторых константинопольских приходов состоят епископы, а ректорами двух школ – богословской на о. Халки и великой народной в Константинополе – даже митрополиты. При некоторых митрополитах имеются викарии (ἐπίσκοποι ἐπί ψιλλῶ ὀνόματι – титулярные), но они назначены вследствие болезни или старости митрополитов и являются лишь временными их помощниками. В больших митрополиях (Фессалоникской, Критской) управление, кроме митрополитов, возложено и на епископов. Но эти епископы самостоятельны в управлении, живут в уездном городе и имеют свою епархию в пределах того или иного уезда. Их отношение к митрополиту подобно тому, которое выше указано для наших будущих епископов. Желательно, чтобы и у нас институт викариев был упразднен. Только при патриархе, если не будут восстановлены патриаршие чины, подобные архонтам вселенской патриархии, викарии являются необходимыми. Впрочем, в Константинополе представителями патриарха, в разных торжественных случаях, бывают митрополиты – члены синода.

Говорят: русский народ не вынесет нового бремени в виде умноженного епископата. Но, по нашему мнению, в этом опасении повинна традиционная русская оценка епископского служения, опирающаяся на внешность, а не на внутреннее его значение. На греческом Востоке мы видели епископов, живших в скудной обстановке духовенства наших бедных, захолустных сел; в Константинополе мы знали митрополитов – членов синода, содержавшихся на 5 турецких лир (около 45 руб.) в месяц, которые выдавались им из патриаршей казны. Мы не хотим сказать, что и наши епископы и митрополиты должны, по примеру восточных, жить в бедности и лишениях, но лишь отмечаем условные границы и епископского внешнего благосостояния... А что касается

кандидатов епископства, то вдовы пресвитеры с посвящением в рясофор могут образовать достаточный для этого контингент.

Тезисы к заключительной части (3) доклада

1. В связи с преобразованием высшего церковного управления в России на соборном начале, необходимо восстановить достоинство и власть Всероссийского патриарха.
2. Восстановление патриаршества должно состояться по определению Поместного Собора русской Церкви, с согласия государственной власти.
3. Избрание патриарха производится всеми архиереями русской Церкви и избранными представителями клира и народа, применительно к практике константинопольской Церкви.
4. Патриарх пользуется правами предстоятеля русской поместной Церкви и председателя Св. Синода.
5. Св. Синод, как постоянный орган соборного управления русской Церкви, состоит из двенадцати членов: шести постоянных и шести очередных, вызываемых по руководству составленного на Поместном Соборе каталога.
6. Для сношений с гражданским правительством по делам Церкви патриарх и Синод назначают особое доверенное лицо – епитропа, который действует по их инструкции.
7. Канцелярия Св. Синода подлежит ведению патриарха, а центральные при Синоде административные учреждения (учебный комитет, училищный совет и проч.) состоят под председательством постоянных членов Синода.
8. Русская Церковь разделяется на епархии в достоинстве митрополий и архиепископий, которые по территории совпадают с губерниями.
9. Каждая митрополия и архиепископия делится на епископии, управляемые самостоятельным епископом. Путем постепенного, по руководству Поместного Собора, открытия епископий самостоятельные епископы последовательно должны водвориться по возможности в каждом уездном городе, при условии совпадения границ их епархий с пределами уездов.
10. По общим для одной или многих епархий (в смысле целой митрополии или архиепископии) делам созываются окружные соборы или съезды епархиальных архиереев, под председательством первенствующего по чести иерарха.

Об автокефалии Грузинской Церкви (Историческая справка проф. И. Соколова)

Грузия была просвещена светом Христовой веры в первой половине 4 века апостольскими трудами св. Нины. Из города Мцхета (при слиянии реки Арагвы с Курой), в котором сосредоточивалась проповедническая деятельность св. Нины, христианство постепенно распространилось по Карталинии, Кахетии, Имеретин и другим областям восточной и западной Грузии. В 4 веке грузинская христианская община получила и первоначальное церковное устройство. Современник св. Нины грузинский царь Мириан (265–342 гг.), по почину и влиянию которого крестился грузинский народ, принял и первые меры к организации новой христианской общины. Свой благочестивый взор Мириан обратил на соседнюю Византию, где равноапостольный Константин Великий уже начал полагать прочное основание великой христианской державы. Отправив к Константину посольство, Мириан просил прислать в Грузию священников для утверждения новообращенных грузин в истинах христианской веры и для совершения богослужения и таинств. Исполняя просьбу, Константин прислал в Грузию епископа Иоанна, двух священников и трех диаконов, которые и занялись благоустройством грузинской христианской общины. По мере умножения грузинских христиан, из Византии приглашались и присылались и другие священники и диаконы. Греческое духовенство, водворившееся на первых порах в Грузии, создало здесь церковное управление и устройство по типу византийско-восточному. Церковное богослужение и обряды, богослужебный язык, устройство храмов, внутренняя организация общины – все это отлилось в формы греческие, носило черты церковного византизма. Несомненно, в середине 4 века в Грузии уже была отдельная епархия, под управлением первого епископа Иоанна, а на 2 Вселенском Соборе (381 г.) присутствовал и «Иверийский» епископ Пантофил (по другим – Пансофий или Пасифил). Эта епархия входила в состав Антиохийского патриархата и была подчинена юрисдикции патриарха Антиохийского, а не Константинопольского, потому что в период возникновения грузинской Церкви епископ Константинополя еще не пользовался правами патриарха, а затем – между Грузией и соседней Малой Азией, а равно Сирией, входившими в состав епархий Антиохийского патриарха, с древнейших времен существовали тесные национально-культурные сношения, которые в факте церковного объединения нашли лишь дальнейшее свое оживление. Зависимость грузинской Церкви от Антиохийского патриарха выражалась в том, что патриарх избирал и хиротонисал епископов для нее, пользовался правом высшего церковного суда над духовенством Грузии, возношения имени за богослужением ит. п.

В греческих и арабских источниках сохранилось известие, что Грузию посетил Антиохийский патриарх Евстафий (325–333 гг.), который рукоположил для страны несколько новых епископов и священников и непосредственно организовал церковное здесь управление; в благодарность за это грузинский царь Мириан подарил Евстафию тысячу деревень, доход с которых ежегодно и посылался Антиохийскому патриарху⁵⁶.

Несмотря на позднее происхождение, это известие имеет, по нашему мнению, тот справедливый смысл, что постепенно увеличившийся состав грузинской паствы вызвал необходимость хиротонии новых епископов, которые и были руководителями церковной жизни в стране. Грузинская летопись «Картлис Цховреба», действительно, рассказывает, что сын Мириана Бакар или Бакур (342–364 гг.) учредил, по соглашению с церковной властью, новые епархии, приказал перевести некоторые богослужебные книги на грузинский язык и заменить при богослужении греческий язык отечественным, строил храмы и училища, заботился о распространении христианства в горах Кавказа; но епископы Грузии по-прежнему поставлялись из греков.

В царствование Вахтанга 1 Горгаслана (446–499 гг.) в церковном управлении Грузии произошла перемена. Этот царь успешно воевал с греками и персами и значительно поднял политическое могущество Грузии. Вместе с тем, к концу 5 века возросла и окрепла грузинская Церковь. Между тем в Антиохийской патриархии шла борьба между православными и монофизитами; во главе последних стоял Петр Кнафевс, которого антиправославная партия возвела и на патриарший престол. Все это внушило Вахтангу 1 мысль добиваться иерархического возвышения предстоятеля православной грузинской церкви. Но с современным Мцхетским архиепископом Михаилом у Вахтанга произошло столкновение. И вот царь обратился к византийскому императору Анастасию 1 (491–518 гг.) с просьбой учредить в Грузии католикосат,

во главе с архиепископом-католикосом. Это дело, касавшееся юрисдикции Антиохийского патриарха, и было предложено на обсуждение православной антиохийской Церкви. В результате через 170 лет со времени крещения Грузии здесь был учрежден католикосат. Если крещение грузин относить к 323–325 годам, то иерархическая перемена совершилась в 493–495 гг., когда в Антиохии патриаршую кафедру занимал Петр 2, причисленный к лику святых⁵⁷. Первый архиепископ-католикос, по имени Петр, также был прислан из Антиохии и по-прежнему остался в подчиненном к Антиохийскому патриарху отношении, а вовсе не пользовался правами независимости. Католикосы Грузии 5–6 веков избирались и рукополагались в Антиохии, при участии местного патриарха и его синода. Они подчинялись юрисдикции Антиохийского патриарха и получали от него св. миро, а взамен посылали в Антиохию доходы с тех сел, которые были пожертвованы антиохийской Церкви грузинскими «царями и вельможами». Словом, иерархическая перемена конца 5 в. коснулась лишь титула представителя грузинской Церкви, но не власти его.

При царе Парсмане 6 (542–557 гг.), современнике византийского императора Юстиниана, иверская Церковь получила от Антиохийского патриарха право иметь католикосов и архиереев из лиц грузинской национальности, тогда как раньше они избирались исключительно из греков. Постепенно установилась практика такого рода: «По смерти того или другого грузинского архиерея, царь и епископы грузинские, избрав кого-либо другого, посылали его для посвящения к Антиохийскому патриарху»⁵⁸. Со времени Парсмана 6, находившегося в дружественных сношениях с византийским василевсом Юстинианом, католикос получил титул «Мцхетского и Иверского», имел постоянную резиденцию в городе Мцхете, откуда и управлял всей грузинской Церковью. Но церковно-иерархические отношения католикоса к патриарху Антиохийскому остались без перемен. Между прочим, в 6 веке в Грузию прибыли из Антиохийского патриархата тринадцать сирийских отцов, которые, рассеявшись по стране, занялись проповедью евангельского учения среди непросвещенных и уклонившихся от христианской веры грузин, строили церкви, учреждали монастыри и школы и вообще оказали большие религиозно-просветительные услуги грузинскому народу.

Между тем для антиохийской Церкви наступили тяжелые времена: в половине 7 века Сирия была завоевана арабами и подпала мусульманскому игу. Наряду с другими бедствиями, антиохийская Церковь подверглась нестроениям и в административном отношении. Патриарший Антиохийский престол не замещался уже с прежней правильностью: в списках Антиохийских патриархов наблюдаются периоды его вдовства, иногда очень продолжительного (до 40 лет); одновременно на престоле восседали два патриарха, один из коих занимал его при помощи мусульманского правительства; законные патриархи жили преимущественно в Константинополе, изредка являясь в Антиохию, где они рисковали не только властью, но и головой. Разумеется, между Антиохийским патриархом и Иверским католикосом не могло уже быть прежних правильных сношений, несмотря на существовавшую каноническую зависимость второго от первого. А это, в свою очередь, послужило благоприятным для грузинской Церкви условием к достижению некоторой административной свободы относительно Антиохийской кафедры. В арабских источниках находят такие по этому вопросу сведения. При Антиохийском патриархе Феофилакте (744–750 гг.) между сирийскою и грузинскою Церквами возобновились обычные сношения, после вынужденного, довольно продолжительного перерыва. Грузинские цари (мтавары) Иоане (718–786 гг.) и Джуаншер, архиереи и духовенство избрали двенадцать священников из грузин и отправили их в Антиохию для рукоположения в епископский сан, ввиду потребностей иверской паствы. Но по дороге в Антиохию на грузин напали разбойники-мусульмане, отняли у них богатые подарки, назначенные для патриарха, а самих убили, за исключением только двух священников, которые спаслись от разбойников бегством. Прибыв в Антиохию, они поведали Феофилакту о своем несчастии, а вместе с тем сообщили о нужде грузинской Церкви в новых епископах и о крайней затруднительности иметь их, ввиду опасности для кандидатов архиерейства путешествовать ради хиротонии в Антиохию. Феофилакт созвал собор из архиереев антиохийской Церкви, на котором было постановлено рукоположить для грузин самостоятельного католикоса, с правом хиротонисать архиереев для своего народа, причем эти архиереи должны поминать его в священных своих службах, а сам католикос должен поминать при богослужении имя Антиохийского патриарха. Собор также постановил, что, по смерти католикоса, грузинские архиереи, собравшись вместе, сами избирают нового католикоса и рукополагают его. Антиохийский же патриарх сохраняет за собой право ежегодно посылать в

Грузию экзарха для расследования поступков архиереев и архонтов и для взимания доходов с принадлежащих ему имений. Обо всем этом патриарх и собор составили грамоту и вручили ее грузинам. Затем, бросив жребий, они избрали одного из них, по имени Иоанн, католиком Грузии, рукоположили его и отправили в свою страну. Это был первый католикос из грузин с некоторыми правами самостоятельности⁵⁹.

Грузинские источники согласно с арабскими рассказывают о факте возникновения в Иверии престола католикоса с некоторой обособленностью от Антиохийской патриархии. Во дни Антиохийского патриарха Феофилакта, – повествует Евфимий Младший (11 в.), – из Грузии пришли в Антиохию два монаха и рассказали Феофилакту, в каком затруднительном положении находилась тогда паства иверской Церкви: со времени патриарха Анастасия (602–610 г.) для нее не был рукоположен ни один архиепископ-католикос, потому что, с усилением агарян, дорога оказалась во власти разбойников и путешествовать было небезопасно. Феофилакт же, после обсуждения дела на соборе, составленном из митрополитов, архиепископов и епископов патриархата, решил рукоположить одного из грузинских монахов, по имени Иоанн, в католикоса Грузинского, а после вручил ему соборную грамоту – протрептикон о том, чтобы отныне католикосы неизменно рукополагались в Грузии из тамошних епископов, кого укажет Божественная благодать, и изберут по правилам Церкви, с согласия царя, епископы, клирики и народ. При этом собор наметил такие ограничения для власти Грузинского католикоса: 1) католикос должен возносить за богослужением имя Антиохийского патриарха, 2) патриарх пользуется правом посылать в Грузию экзарха для расследования и исправления местных церковных дел, и 3) ежегодно ему из доходов с грузинских имений высылается тысяча золотых (драканов)⁶⁰.

Итак, Антиохийский собор времени патриарха Феофилакта предоставил грузинам только право свободного избрания архиепископа-католикоса, закрепив в своем протрептиконе установившуюся с начала 7 века практику. Но полной автокефалии протрептикон грузинам не дал, так как сохранил за Антиохийским патриархом право «посылать в Иверию екзарха на посещение о ересех и истязание о душевных соблазнах, и взимать урядная от сел оных» (Никон Черногорец). Иначе сказать, грузинская Церковь в отношении высшего суда и власти по-прежнему осталась в подчинении у Антиохийского патриарха.

В такой зависимости от Антиохии Грузия находилась и в последующее время. Но уже с конца 9 в. прежде разрозненная страна начинает, под властью абхазских Багратидов, собираться в одно могущественное государство, с сильною царскою властью во главе. Цари Давид Великий Куропалат, Баграт 3, Георгий 1 и Баграт 4 создали из Грузии крупную политическую единицу. Вместе с политическим могуществом страны стало изменяться и церковное ее положение. Католикос Иверский объединил под своей духовной властью церковные области восточной, западной и юго-западной Грузии и постепенно приобрел патриаршие права в отношении ко всем архиереям страны. В начале 11 в. прекратился и обычай платить Антиохийскому патриарху тысячу золотых из доходов его грузинских имений. Антиохийский патриарх Макарий рассказывает об этом следующее. Египетский царь Хаким-би-Амриллах (996–1021 гг.) послал в Константинополь Иерусалимского патриарха Ореста для заключения мира между ним и византийцами. Когда Орест проезжал через Антиохию, то местный патриарх Иоанн (987–1011 гг.), ради спасения своей души, подарил ему тысячу динаров из своих грузинских доходов, дабы он ежегодно взимал их с грузин, но с тем, чтобы суд и власть над грузинской Церковью остались по-прежнему за Антиохийским патриархом (т. е. Иоанном). О восстановлении за Антиохийскими патриархами прежнего права взимать с Грузии тысячу динаров ежегодно – в последующее время уже не встречается известий. А патриарх Феодор, он же Феодосий (1057–1076 гг.), разрешил современному католикосу Грузии варить св. миро, которое грузинская Церковь со времени своего основания получала из Антиохии⁶¹.

Последнему факту предшествовало дарование грузинской Церкви полной автокефалии, совершившееся на Антиохийском соборе под председательством патриарха Петра 3 (1053–1057 гг.). К сожалению, акты этого собора науке неизвестны. Тем не менее, есть полная возможность научно доказать факт и канонической автокефалии грузинской Церкви. Один арабский источник рассказывает, что в середине 11 века к патриарху Петру пришли грузины, дабы получить от него рукоположение по древнему обычаю, и сообщили ему, что они претерпевают большие несчастья и ущербы от господствовавших над ними народов. Петр созвал собор архиереев своих и рукоположил им католикоса, постановив, чтобы он рукополагал епископов в свои страны, а сам

был автокефален-самоглавен, но в молитвах (в знак церковного общения, а не подчинения) должен был почитать Антиохийского патриарха⁶². Это соборное постановление и было началом полной автокефалии иверской Церкви. При преемнике Петра, патриархе Феодосии, автокефалия грузинской Церкви вновь была подтверждена. В житии грузинского подвижника св. Георгия Мтацминдели (+ 1065 г.) рассказывается следующее. Антиохийскому патриарху Феодосию было сообщено, что Грузинский католикос не подчиняется ни одному из восточных патриархов, всеми церковными делами управляет самостоятельно и поставляется грузинскими иерархами. По мнению противников грузин, католикос несправедливо пользуется самостоятельностью в церковном управлении и суде, так как в Грузии не проповедовал ни один из двенадцати апостолов. Патриарх Феодосий спросил об этом преподобного Георгия Мтацминдели, который дал ему такой ответ: «Зачем считать грузин народом неразумным? – Посмотрите хождение апостола Андрея Первозванного. Ты, святейший, занимаешь престол верховного апостола Петра, но и мы – дети Андрея Первозванного и просвещены им, а один из апостолов – Симон Кананит – погребен в стране нашей, в городе Никопсии. Было время, когда православие колебалось повсюду в Греции (разумеется эпоха иконоборства), и Иоанн, епископ Готфский, был хиротонисан в Мцхете (758 г.), как написано в большом синаксаре»⁶³. В этом рассказе грузинского жития слышится отголосок полемики между грузинами и византийцами по вопросу об автокефалии иверской Церкви. Когда Антиохийский собор времени патриарха Петра 3 даровал Грузии церковную автокефалию, то в ответ на раздавшиеся протесты грузинские иноки, жившие на Афоне, и указали вместе со св. Георгием на пребывание в Грузии апостола Андрея, доказывая этим принадлежность Грузинской патриаршей кафедры к разряду *sedes apostolicae*. Как самый протест, так и доказательство *post hoc* должны, однако, свидетельствовать, что полная автокефалия грузинской Церкви в половине 11 в. была уже фактом.

Весьма авторитетное свидетельство об этом принадлежит знаменитому византийскому канонисту 12 в. и антиохийскому патриарху (правда, лишь титулярному, жившему в Константинополе) Феодору Вальсамону, который в своем толковании на второе правило 2 Вселенского Собора в числе автокефальных Церквей Востока называет и Церковь иверскую. «Архиепископа Иверии, – говорит Вальсамон, – почтило (независимостью) постановление собора в Антиохии. Рассказывают (λέγεται), что во время патриарха Антиохии кир Петра состоялось синодальное решение о том, чтобы Церковь Иверии, находившаяся до того времени (τότε) в подчинении Антиохийскому патриарху, была свободна и автокефальна (ἐλευθέρα καὶ αὐτοκέφαλος)»⁶⁴. Несомненно, Вальсамон говорит здесь о соборе при патриархе Петре 3, ближайшем к нему по времени и известном для современников, так как этот патриарх принимал большое участие в примирении восточной и западной Церквей накануне их фактического разделения в 1054 году. Затем, авторитет Вальсамона, как знаменитого канониста, исключает возможность ошибки в вопросе принципиальной важности, – тем более, что он, как патриарх Антиохийский, был и заинтересованным в этом вопросе лицом. Наконец, подлинный текст свидетельства говорит в пользу общеизвестности и несомненности исторического факта.

Есть и другое весьма важное византийское свидетельство об автокефалии грузинской Церкви, принадлежащее канонисту Матфею Властарю, «Алфавитная Синтагма» которого имела практическое назначение не только в Византии, но и в славянских странах, а равно пользуется каноническим авторитетом и на современном греческом Востоке. В этой Синтагме, составленной около 1335 года, Властарь, перечисляя Церкви, «не подчиненные ни одному из восточных патриархов», называет и Церковь иверскую, причем говорит: «Церковь иверскую почтил таким значением собор в Антиохии, так как прежде (πρώην) она подчинялась патриарху Антиохийскому, архиереи этой Церкви обыкновенно хиротонисуются собственными епископами»⁶⁵.

Наконец, представляет интерес и сообщение византийского писателя Георгия Кодина Куропалата о титуле иверского католикоса. Указывая, как Византийский патриарх 14 в. титуловал в своих посланиях предстоятелей других автокефальных Церквей, Кодин, после патриархов Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Тырновского и архиепископов Печского и Ахридского, помещает и такую форму обращения его к предстоятелю Церкви иверской: «Блаженнейший архиепископ, католикос всей Иверии, во Святом Духе возлюбленный брат и сослужитель нашей мерности»⁶⁶. Значит, в церковном сознании 15 в. католикос Иверский мыслился независимым, причем первый между равными первоиерархами православного Востока, патриарх Византийский, официально именовал его так же, как и остальных восточных патриархов («возлюбленный брат и сослужитель...»).

Итак, с 11 века грузинская Церковь пользовалась всеми правами автокефалии. Архиепископ-католикос Иверский избирался собором грузинских епископов, с одобрения царя и согласия клира и народа, управлял Церковью и судил духовенство и народ независимо от всякого постороннего – внешнего и внутреннего – влияния. Сам католикос подлежал соборному суду грузинских иерархов. Под его духовной юрисдикцией находились все иерархии обширного Грузинского царства, которое под управлением Давида 2 Возобновителя (1084–1125 гг.) и особенно знаменитой Тамары (1184–1212 гг.) переживало расцвет политического могущества и культурного развития. Как поместная автокефалия, грузинская Церковь была и источником поместного правообразования, органами которого были католикос, его синод и соборы. Выражением правообразования первого рода служат многочисленные сгели и гуджары католикосов и синода, касающиеся различных сторон церковного управления и суда применительно к местным потребностям. Что касается поместных соборов грузинской Церкви, то ряд их тянется почти непрерывно от 10 века до конца автокефалии. Так, при Баграте 3 (980–1014 гг.) был Артануджский Собор, осудивший монофизитство в лице армянского проповедника Состена; при Баграте 4 (1027–1072), по почину св. Георгия Святогорца, состоялся собор для выработки правил относительно избрания епископов, клириков и касательно их обязанностей; при Давиде Возобновителе в 1103–1104 гг. был создан Руисский собор для восстановления церковной дисциплины и для борьбы с суевериями; с подобною целью собор состоялся и при царице Тамаре в 1184–1185 гг. И вообще, «Картлис Цховреба» относительно соборного начала в церковном управлении Грузии содержит многочисленные и бесспорные свидетельства.

В 14 в. власть Иверского католикоса утратила свое единство и прежний объем духовной юрисдикции. В западной Грузии, сперва в Бичвинте, а потом в Кутаисе, водворился второй – Имеретинский католикос, который в пределах своего католикосата и пользовался аналогичными, с архиепископом Мцхета и Тифлиса, правами иерархической независимости. Возникновение кафедры Имеретинского католикоса находилось в связи с политическим состоянием Грузии. Еще в конце 8 века, когда арабы утвердились в восточной Грузии, западная часть страны, под властью местных эриставов-царей, не только сохранила свою независимость, но и при помощи византийцев и хазар вступила в борьбу с арабами. При такой политической разности возник и церковный сепаратизм: Мцхетские католикосы фактически не простирали свою власть на западную Грузию. И в последующее время, в силу политических причин, наблюдалось фактическое обособление западной Грузии от восточной в церковном отношении, пока, наконец, в 14 в. католикос западной Грузии не получил самостоятельного значения. В 1383 г. Тамерлан совершил опустошительное нашествие на восточную Грузию, а в 1387 г. взял Тифлис, резиденцию Иверского католикоса, и пленил карталинского царя Баграта 5. В наступившее после этого смутное время от политического союза с восточною Грузией отпала Имеретия, княжество Самцхе-Саатабаго и другие западные области. Вместе с тем опять возник вопрос о церковном обособлении западной Грузии от восточной. Каковы были подробности этого исторического факта, грузинские источники, во главе с «Картлис-Цховреба», не говорят; известно лишь из последней летописи, что в 1390 г. в западной Грузии был избран католикос Арсений, а затем список Имеретинских католикосов, с теми или иными дефектами, возможно восстановить до конца 18 в.

Любопытные сведения об автокефалии Грузии сообщаются иностранными писателями. Так, Антиохийский патриарх Макарий (1648–1672 гг.), проживший в Грузии около двух лет, в описании своего здесь пребывания касается и церковного управления в стране. Его рассказ начинается «кратким повествованием о принятии грузинским народом христианской веры и о том, что вначале грузинская Церковь находилась в зависимости от Антиохийского патриарха, а потом сделалась автокефальною, избрав себе самостоятельного католикоса». Касаясь современного управления грузинской Церкви, патриарх Макарий говорит, что в стране были два самостоятельных католикоса, одному из коих были подчинены западные области – Имеретия, Мингрелия и Гурия, а второму восточные – Кахетия, Карталиния, Ахалцых и другие. Западный католикос имел свою кафедру в Кутаисе, а восточный – в Тифлисе. Под властью Кутаисского католикоса (Симеона + 1666 г.) находились епархии – пять в Имеретин, шесть в Мингрелии и три в Гурии. Тифлисский католикос (Доментий + 1675 г.) управлял 12 епархиями в Карталинии, шестью в Кахетии и 12 в Ахалцыхе⁶⁷. Вследствие тяжелых политических обстоятельств и постоянной борьбы с персами и турками, церковная жизнь в Грузии, особенно в западной, где патриарх Макарий преимущественно и жил, находилась в упадке и давала Антиохийскому

патриарху немало поводов к вмешательству в церковные дела западного католикосата, тяжелая внешняя судьба которого, в прежние тревожные периоды исторической жизни на западе Грузии, да и самое восстановление автокефалии до некоторой степени санкционировали – и раньше и теперь – «право вмешательства» Антиохийского патриарха.

Затем, Иерусалимский патриарх Досифей (1669–1707 гг.), также путешествовавший по Грузии, в своей «Истории Иерусалимских патриархов» говорит о двух самостоятельных архиепископах-католикосах Иверии, один из коих управлял западную часть страны и жил в Кутаисе, а другой находился в Мцхете или Тифлисе и управлял восточными епархиями. Каждый из них пользовался всеми правами предстоятеля поместной Церкви. В частности, о канонической независимости католикоса западной Грузии патриарх Досифей говорит и в одном из своих посланий от 1701 г. на имя «блаженнейшего и благочестивейшего католикоса Имеретин, Отисии, Гурии, Сванетии, Абхазии и всей нижней Иверии, кир Григория, во Св. Духе возлюбленного брата и сослужителя»⁶⁸. И Иерусалимский патриарх Хрисанф (1707–1731 гг.) в своем «Синтагматоне» ведет речь о двух архиепископах Иверии – верхней и нижней – и о прономиях их. По сообщению Хрисанфа, оба архиепископа автокефальны, обыкновенно всеми называются католикосами, только они сами именуют себя архиепископами, так и подписываются; их титулуют «блаженнейшими». В частности, архиепископ нижней или западной Иверии официально назывался так: «блаженнейший католикос Имеретин, Отисии (Мингрелии), Гурии и всей нижней Иверии», или просто – «блаженнейший католикос всей Иверии». Архиепископ верхней или восточной Грузии имел такое официальное наименование: «блаженнейший католикос Карталинии, Кахетии, Албании и всей верхней Иверии». Западному католикосу были подчинены епархиальные архиереи – один митрополит, два архиепископа и один епископ в Имеретин и три епископа в Мингрелии и Гурии. В подчинении у восточного католикоса были: один митрополит и восемь епископов в Карталинии, два митрополита и три епископа в Кахетии⁶⁹.

Непрерывные войны Грузии с персами и турками и внутренние междоусобия были причиной того, что карталинско-кахетинский царь Георгий 12, последний из царей самостоятельной Грузии, обратился к русскому Императору Павлу 1 с просьбой присоединить его исстрадавшуюся страну к могущественному Русскому государству. Это присоединение фактически и состоялось 12 сентября 1801 г. при Императоре Александре 1 и уже по смерти Георгия 12. Но еще в 1783 г., когда Грузия подпала политическому покровительству России, Императрица Екатерина 2 пожаловала Грузинскому католикосу Антонию 1 звание члена российского Св. Синода. В трактате, заключенном в этом году между грузинским царем Ираклием 2 и Екатериной, артикул 8-й говорил: «Ее императорское величество соизволяет, чтобы католикос или начальствующий архиепископ Грузинский состоял местом в числе российских архиереев в 8-й степени, именно после Тобольского, жалую ему навсегда титул Св. Синода члена; о управлении же грузинской Церкви и отношении, какое долженствует быть к Синоду российскому, о том составить особый артикул». Об устройстве управления грузинской Церкви велись переговоры и между Георгием 12 и Павлом 1. После же фактического присоединения Грузии к России, иверская Церковь, хотя и управлялась более или менее самостоятельно своим католикосом Антонием 2, объединившим в 1795 г. под своей властью восточную и западную Грузию, но постепенно входила в сферу административного влияния Св. Синода. В 1810 г. Антоний 2 был вызван в Петербург, а в следующем году отпросился на покой. 30 июня 1811 г. грузинская Церковь была объявлена экзархатом русской Церкви с подчинением Св. Синоду в области управления. Первым экзархом Грузии был Варлаам (Эристов) в сане митрополита Мцхетского. Накануне присоединения Грузии к России здесь было 13 епархий, после присоединения из них были образованы только две – в 1811 г., потом три – в 1814 г. и т. д. Ныне Грузинский экзархат обнимает четыре епархии: Грузинскую или Карталино-Кахетинскую (с городами Тифлисом, Баку, Елизаветполем, Карсом и Эриванью), Имеретинскую (с г. Кутаисом), Гурийско-Мингрельскую и Сухумскую. Православных грузин в настоящее время считается в экзархате до 1 400 000 человек.

Проект правил о съездах духовенства СПб. епархии

§ 1. Общеeparхиальные съезды духовенства СПб. епархии созываются по усмотрению Его Высокопреосвященства: а) для обсуждения экономических нужд духовно-учебных и благотворительных заведений епархии, а также деятельности свечного завода; б) для разрешения вопросов пастырской и приходской деятельности духовенства и в) для избрания от духовенства: в семинарию и училище членов правления, а в прочие епархиальные учреждения, подведомые съезду, согласно положениям о них, заведывающих ими лиц (уст. дух. сем. § 93).

§ 2. Очередные съезды духовенства устраиваются ежегодно в начале или конце учебного года. Экстренные съезды могут быть созываемы во всякое время.

§ 3. Все распоряжения по созыванию съезда и извещение духовенства о стоящих на очереди вопросах относятся до круга обязанностей духовной консистории (уст. дух. сем. § 93, п. 1 и 26).

§ 4. О дне съезда епархия извещается по возможности не менее, как за 5 месяцев до его созывания.

§ 5. Духовенство может вносить назревшие по его мнению и подлежащие разрешению епархиального съезда вопросы через окружные благочиннические съезды. Поэтому если, по опубликовании дня съезда, в благочинии окажутся очередные вопросы, то последние, по рассмотрении их на окружном съезде, представляются в консисторию.

§ 6. Епархиальные учреждения, имеющие на очереди вопросы, подлежащие рассмотрению съезда, представляют таковые не позже, как за четыре месяца до съезда, в духовную консисторию. В таковой же срок вносятся в консисторию вопросы благочинническими съездами.

§ 7. Обстоятельные и мотивированные доклады по очередным вопросам съезда и относящиеся до обсуждения их материалы представляются, одновременно с вопросами, в подготовительную к съезду духовенства комиссию непосредственно или через духовную консисторию.

§ 8. Подготовительная комиссия, разработав и обсудив поступившие на ее рассмотрение вопросы и доклады, если нужно, дополняет их справками, для чего имеет разрешение по делам съезда входить в непосредственные сношения со всеми епархиальными учреждениями, а затем все относящиеся до съезда материалы, в целом ли виде или в извлечении, вместе с своими заключениями, доводит до сведения епархиального духовенства через епархиальный орган или особые циркуляры. Работа эта должна быть исполнена не менее, как за полтора месяца до съезда.

§ 9. Епархиальное духовенство, ознакомившись с вопросами и материалами по съезду, собирается для решения их и выбора депутатов в епархиальный съезд по благочиниям, на окружные съезды.

§ 10. Право участия в окружных съездах имеет все наличное духовенство благочиния: священники, диаконы и псаломщики, а также церковные старосты. Каждому члену съезда принадлежит один голос.

Примечание. Все недоуменные случаи по ведению окружных съездов разрешаются применительно к нижеследующим правилам съездов общеeparхиальных.

§ 11. От каждого уездного благочиннического округа на общеeparхиальный съезд посылается по одному депутату от священнослужителей и одному от церковных старост; столичные приходские церкви посылают каждая своего отдельного депутата; домовые столичные церкви, участвующие во взносах на епархиальные нужды, присылают одного депутата от благочиния; старосты всех столичных церквей, как приходских, так и домовых, платящих что-либо на его нужды, присылают на съезд по два депутата от благочиния.

§ 12. К каждому депутату съезда может быть избираем кандидат, получающий депутатские полномочия в случае неприбытия вовсе замещаемого им лица на съезд. В отдельных заседаниях съезда депутаты не могут быть замещаемы кандидатами.

§ 13. С правом совещательного голоса допускаются на съезд священно и церковнослужители, а также старосты всех без исключения церквей епархиального ведомства.

§ 14. Во внимание к значительности занятий членов консисторий по епархиальному управлению, признается неудобным избрание их в депутаты съездов и в члены от духовенства в семинарские и училищные правления (уст. дух. сем. § 93, п. 14).

§ 15. Духовно-учебные заведения, равно и все епархиальные учреждения, при рассмотрении касающихся их вопросов, могут посылать на съезды своего особого представителя, с правом совещательного голоса. При постановлении, однако решения, во избежание возможного стеснения свободы действий о.о. депутатов, означенный представитель не присутствует в собрании. Заявления о желании прислать представителя, с указанием его, подаются до съезда в подготовительную комиссию, а по открытии его – председателю съезда. С правом совещательного же голоса присутствуют на съезде члены правлений от духовенства и члены подготовительной комиссии, если они не имеют особых депутатских полномочий.

§ 16. Для удостоверения своих полномочий депутаты, кандидаты и представители имеют при себе подписанный доверителями акт.

§ 17. Депутат не может подавать свои мнения письменно, чрез благочинного, но должен лично являться на съезд (уст. дух. сем. § 93, п. 3).

§ 18. Передача голосов одним членом съезда другому не может быть допускаема (уст. дух. сем. § 93, п. 4).

§ 19. Проверка полномочий депутатов, при прибытии их на съезд, и составление списка участников съезда лежит на обязанности подготовительной комиссии.

§ 20. Съезд, согласно общим узаконениям о собраниях уполномоченных, открывается, когда налицо находится не менее 2/3 всего числа назначенных на оный священнослужителей (уст. дух. учил. § 19, п. 4).

§ 21. По совершении молебствия, собравшимся прочитывается список депутатов съезда, а затем закрытой подачей голосов следует избрание председателя съезда и делопроизводителей (сравн. уст. дух. сем. § 93, п. 8).

§ 22. Председатель съезда избирается из священнослужителей, входящих в состав съезда, но утверждение или неутверждение избранного съездом председателя зависит от непосредственного усмотрения епархиального архиерея (уст. дух. сем. § 93, п. 9).

Примечание. В председатели и делопроизводители съезда, как докладчики, не могут быть избираемы члены подготовительной к съезду комиссии. Если бы в председатели съезда был избран член комитета, заведывающего каким-либо епархиальным учреждением, то при обсуждении дел, касающихся заведываемого им учреждения, он передает председательство другому лицу, избираемому одновременно с ним в начале съезда.

§ 23. Председатель съезда во время занятий оного не может быть сменяем, кроме случая усмотренной незаконности его действий (уст. дух. учил. § 21, п. 2).

§ 24. Срок деятельности съезда и его председателя ограничивается временем заседаний съезда, с закрытием коего прекращается всякое официальное отношение председателя к депутатам и епархиальным учреждениям (уст. дух. учил. § 21, п. 3).

§ 25. Докладывает съезду дела, в указываемом председателем порядке, подготовительная комиссия, представляющая также свои заключения по рассмотренным ею вопросам.

Если о том поступило бы ходатайство, докладчиком может быть также представитель учреждения, о коем идет речь на съезде.

§ 26. Для детального разбора рассматриваемых дел и вопросов, съездом, из состава участников его, могут быть образуемы временные комиссии, полномочия коих оканчиваются с докладом съезду об исполнении возложенных на них поручений.

§ 27. Предлагаемые на обсуждение съезда вопросы, по предварительном всестороннем и обстоятельном обсуждении их, подлежат решению большинством, на основании открыто подаваемых голосов (уст. дух. сем. § 93, п. 18) или, если того пожелал бы даже один депутат, через закрытую баллотировку.

§ 28. Мнения меньшинства, равно как и особые мнения того или другого депутата, тоже подлежат внесению в журнал или приложению к нему, если заявившие их лица пожелают этого (уст. дух. сем. § 93, п. 19).

§ 29. При избрании членов правлений от духовенства и лиц, непосредственно заведывающих епархиальными учреждениями, подготовительная комиссия дает предварительно справку о выбывающих и остающихся в должности. Затем производятся выборы посредством подачи записок. Открытое избрание вновь всего состава выбывающих не может быть допускаемо.

§ 30. Подготовительная комиссия избирается съездом в числе не менее 6 членов. Полномочия комиссии кончаются с рассылкою печатного отчета о съезде, на коем она

докладывала дела.

§31. Все журналы съезда должны быть подписываемы депутатами, по предварительном прочтении в зале заседаний съезда, в общем собрании. Собираение же подписей одиночное, притом по закрытии съезда, и не под состоявшимися протоколами, а на особых листах, не может быть признаваемо законным и правильным (уст. дух. сем. § 93, п. 20).

§ 32. Журналы епархиальных съездов, с изложением принятых решений, должны быть представляемы председателем, а не каким-либо другим лицом, на непосредственное усмотрение и зависящее распоряжение Его Высокопреосвященства (уст. дух. сем. § 93, п. 21).

§ 33. По закрытии съезда, подготовительная комиссия, приведшая в порядок весь относящийся до занятия его материал, печатает его отдельными книжками, каковые рассылает всем депутатам в заявленном ими на съезде количестве экземпляров (сравн. уст. дух. сем. § 93, п. 24).

§ 34. Приведение в исполнение состоявшихся на съездах журналов лежит на обязанности подлежащих мест и лиц, по распоряжению епархиального начальства (уст. дух. сем. § 93, п. 22).

§ 35. Журналы съездов, по исполнении их, передаются для хранения в архив Александро-Невского духовного училища (дух. семинарии) (уст. дух. сем. § 93, п. 23).

Объяснительная записка к проекту правил о съездах духовенства СПб. епархии

Законоположения о съездах духовенства заключаются в уставе духовных семинарий и училищ, в главах, определяющих отношение духовенства к этим заведениям. В уставе духовной семинарий (§ 93) идет речь о съездах общепархиальных; в уставе духовных училищ (гл. 3, § 17–23) о съездах окружных, по училищным округам – разумеется, где не одно училище в епархии, а больше.

В общем данные закона очень скудны.

Много определеннее представляется вопрос о правах и действиях съездов по официальному изданию устава дух. семинарий, по пунктам и параграфам дополненному разъяснительными и дополнительными определениями Св. Синода. Это издание имелось под руками при составлении правил, но и в нем дело представлено не с достаточной ясностью.

При дополнении официальных данных закона и разработке правил в деталях, источником послужила прежде всего установившаяся в СПб. епархии практика съездов. Поэтому: 1) значительная часть подготовительных к съездам работ возложена прежде всего на подготовительную комиссию. Из практики съездов СПб. епархии введена, далее, в правила 2) закрытая баллотировка, хотя в уставах по данному вопросу замечается двойственность: в то время, как председатель съезда избирается закрытой подачей записок (уст. дух. сим. § 93, п. 8; уст. дух. уч. § 21, п. 1), необходимость закрытого голосования в дальнейшем не признается нужной (уст. дух. сем. § 93, п. 18). Однако желание достигнуть на съездах полной свободы и беспристрастия склоняет к закрытой баллотировке бесповоротно. На основании практики же съездов допущены:

3) кандидаты к депутатам съезда и 4) докладчики-представители от епархиальных учреждений, о чем в уставах нет указаний.

Существенно новым, сравнительно и с данными закона и с практикой съездов, является: 1) внесение на обсуждение съездов вопросов пастырской и приходской деятельности духовенства и 2) допущение к занятиям съездов церковных старост. В связи с первым нововведением предполагается возбуждение вопросов и разработка их самим духовенством через съезды благочиннические, каковым в правилах отводится широкий простор деятельности. Второе же нововведение пусть будет попыткой откликнуться на высказываемые ныне всюду желания, чтобы элементы духовной и мирской шли в церковных делах рука об руку, следствием чего будет, несомненно, обновление и оживление церковной жизни.

При рассмотрении представляемого проекта правил о съездах, предварительно полезно решить два принципиальных вопроса: 1) о расширении программы съездов и 2) о допущении в состав их новых членов, помимо представителей от духовенства.

Примечание. В проекте данные закона напечатаны курсивом и сделаны соответствующие ссылки на места заимствования.

Приложение к отделу 3:

Особое мнение профессора М. Каринского по первому пункту вырабатываемого комиссией проекта реформы духовно-учебных заведений

Узаконяя в первом пункте своего проекта реформы духовно-учебных заведений всеобщность даже низших духовных училищ, комиссия не ставит особого пункта о целях, которые должны преследоваться этими заведениями (на что и было мною указано в заседании комиссии 1 ноября текущего года), а поэтому вопрос об этих целях и не мог подвергаться обстоятельному обсуждению. А между тем решение его мне представляется важным и для решения вопроса о всеобщности или всеобщности той или другой духовной школы.

Первая и прямая цель для школ Духовного Ведомства несомненно должна состоять в специальном подготовке просвященных священнослужителей. И так как пастырское служение в христианской Церкви не должно быть привилегией касты, то столь же несомненно, что школа, ставящая своей задачей подготовку к служению Церкви лиц, готовых посвятить себя этому служению, должна быть доступною для всех таких лиц без различия сословий.

Но, рядом с этой целью, издавна преследовалась у нас в духовных школах и другая цель – облегчить возможность получения общего образования для детей лиц, уже посвятивших себя служению Церкви. Эта вторая цель, подобно первой, связана также с заботами Церкви об обеспечении у нас достаточного числа просвященных священнослужителей, только связана с ними не прямо, а косвенно. Она вызывалась никак не надеждою только на то, что из детей, воспитавшихся в семьях священнослужителей, скорее могут найтись такие, которые по получении образования окажутся склонными принять на себя священнослужительские обязанности, но – и это еще в большей степени – положением нашего духовенства (в особенности сельского), по обычаям нашей Церкви начинающего семейную жизнь вместе с началом своей службы, по большей части скудно обеспеченного и живущего вдали от городов, имеющих общеобразовательные заведения. Обеспечение для детей духовенства возможности получения дарового образования и в учебное время жить и получать содержание не на наемных квартирах и у людей неизвестных и руководящихся в этом деле личными выгодами, а в благоустроенном общежитии под надлежащим надзором и руководством и притом за умеренную плату, а при сиротстве или особенной бедности даже и совсем бесплатно, – обеспечение этой возможности немало, конечно, облегчало тяготы жизни нашего многочисленного сельского духовенства и поддерживало в нем бодрость духа, вселяя сознание, что, несмотря на всю скудность изыскиваемых средств к жизни, по крайней мере для детей обеспечена возможность серьезного образования, и их будущее – поэтому – вполне может зависеть от них же самих, от их собственного прилежания и способностей. Вследствие этого для лиц, удовлетворявших, говоря относительно, довольно высокому образовательному цензу, и имевших склонность к служению Церкви, устранялось очень серьезное препятствие следовать этой склонности, – устранялось мучительное сознание быть лишенными возможности дать своим детям соответствующую подготовку для прохождения жизненного пути.

Указанная вторая цель духовных школ – облегчать возможность получения общего образования для детей лиц, посвятивших себя служению Церкви, в противоположность первой, уже по самому понятию своему предполагает школу сословную. Само собой понятно, что преследование этой второй цели, как ни важно ее значение при фактических условиях жизни духовенства, должно иметь свои непереходимые пределы в требованиях, вытекающих из цели первой, т. е. оно ни в каком случае не должно вносить ограничение в требование доступности священнослужения, а следовательно, и считающегося необходимым приготовления к нему для всех, чувствующих к тому призвание. А поэтому в тех духовно-учебных заведениях, которые предназначаются для такого приготовления, вторая задача может преследоваться только косвенно, например, как указывалось это уставом семинарий 1867 года, устройством в семинариях, которые предлагаются этим уставом для приготовления юношества к служению Церкви, особых, параллельных отделений, вызываемых не потребностями епархий, а нуждами духовенства (§§ 7 и 8), и пр. п. Но для того, кто признает только указанные две цели для духовных школ или признает их наиболее настоящими, последовательное преследование второй цели должно, очевидно, считаться обязательным для тех духовных школ, которые не связаны требованиями, выходящим из цели первой. Это не значит, конечно, того, чтобы для таких школ исключена была возможность открывать свои двери для детей из других сословий, но

значит во всяком случае, что на такое расширение круга своих питомцев эти школы получали бы право лишь тогда, когда было бы вполне обеспечено выполнение прямо поставленной для них задачи, и в той лишь мере, в какой средства, какими они располагают, допускают это расширение. Такая именно мысль последовательно и проводилась уставом духовных училищ 1867 г., который предназначал эти училища для первоначального образования детей духовенства, но в то же время допускал и возможность приема в них детей из других сословий на особых условиях. И понятно, что такое допущение существенно отличается от прямого узаконения всесословности школы, с которым соединяется требование одинакового для всех конкурса на поступление в нее; и это различие должно получить особое значение именно теперь, когда окончание общеобразовательного курса в духовных школах обещает давать права на поступление в высшие учебные заведения других ведомств и когда обучение в духовной школе может оказаться очень удобным средством для приобретения этих прав, а поэтому и привлекать к себе в более и более значительном количестве детей из других сословий.

Ввиду всего этого естественно возникает вопрос о тех основаниях, которыми руководилась комиссия, узаконяя в первом пункте своего проекта всесословность даже низших духовных школ, хотя она во втором пункте своего проекта специальное приготовление к священнослужительской деятельности не только не связывает с низшими духовными школами, с которыми оно связывалось уставом духовных училищ 1884 г., но даже и с общеобразовательными классами семинарий, с которыми оно связывалось уже не уставом только 1884 г., но и уставом 1867 г., а ставит задачей особого, отделяемого от низших классов семинарии, учебного заведения, в котором по проекту должно сосредоточиться преподавание богословских наук. Это решительное признание комиссией всесословности даже для низших духовных школ с требованием одинакового для всех конкурса на поступление в них я могу объяснить лишь тем, что комиссия не ограничивает цели духовно-учебных заведений указанными двумя целями, которые издавна преследовались нашими духовными школами, а вводит еще новую, которую считает более настоятельной, чем цель вторая. Но если это так, то в таком случае, мне кажется, нельзя не признать желательным, чтобы эта новая цель была определенно формулирована, и как отношение ее к духовной школе, так и сравнительное значение ее в ряду других целей этой школы – были всесторонне обсуждены.

Считаю своей обязанностью, сверх вышесказанного, обратить внимание и на то обстоятельство, что уже по уставу духовных училищ 1867 года (§ 2) «духовные училища содержатся, при пособиях из сумм Святейшего Синода, на средства, изыскиваемые духовенством каждой епархии». Точно то же устанавливалось уставом духовных семинарий того же года относительно дополнительных параллельных отделений, открытие которых в семинариях вызывалось бы нуждами духовенства. И доселе, если я не ошибаюсь, на содержание духовных училищ и этих дополнительных параллельных отделений в семинариях идут изыскиваемые этим путем и получаемые при посредстве духовенства средства. Ввиду этого, мне казалось бы, было бы справедливо в качестве подготовки к решению вопроса о сословности или всесословности духовных школ, насколько они непосредственно не предназначаются для приготовления к служению Церкви, выслушать мнение по этому предмету духовенства, интересов которого они касаются очень существенно и заботами которого они в той или другой степени поддерживаются.

Об основах духовно-учебной реформы и о желательных типах духовно-богословских школ (Записка проф. Н. Глубоковского)

Жалобы на неудовлетворительное состояние духовной школы издавна раздавались со всех сторон и с каждым годом усиливаются в своем тоне, достигая резкого напряжения. Для устранения разумеемых недостатков уже с половины прошлого столетия принимались разнообразные меры – и в виде широких реформ и путем отдельных исправлений и улучшений. Однако надлежащего успеха не достигалось, и дело шло как будто не к лучшему, а к худшему. Ввиду сего мы должны допустить, что причина кроется не в частных несовершенствах, если совсем не устраняется частичными преобразованиями. Настало, кажется, время взглянуть прямо в глаза действительности и – не с осуждением духовной школы, а с благодарностью ей за выполненную миссию констатировать, что корень зла лежит в самом ее существе, почему возникает принципиальный вопрос: не отжили ли свой век наличные духовно-учебные формы? По своим задачам духовная школа имеет целью постепенно готовить духовно зрелых людей, чтобы они потом могли посвящать себя духовному служению в Церкви⁷⁰. Второе, предполагая свободное избрание, не вменяется всем духовным воспитанникам в неперменную общую обязанность, но оно является важнейшим для потребностей Церкви: последняя в своих специальных учебных заведениях готовит не просто образованных религиозно-богословски членов, но именно таких, которые были бы пригодны, способны и расположены исполнять специально-церковную благовестническую миссию. Эта сторона духовной школы бесспорна по своему значению и вполне достойна того, чтобы стать исключительным предметом духовно-педагогических институтов. Но фактически этого нет, и теперешняя духовная школа по преданию от времен древних продолжает нести широкую функцию воспитания образованных юношей вообще. Тут нет внутреннего непримиримого противоречия, и пастырское приготовление необходимо предполагает общеобразовательное, опираясь на нем. Однако здесь-то и усматривается со всею принципиальною несомненностью, что два столь важные элемента не могут получить свойственного развития при такой совместности, где они будут взаимно стеснять и мешать друг другу в раскрытии своего достоинства. Естественно, что тогда оба эти элемента должны пострадать, хотя бы и не в равной степени. Как раз это и случилось с нашей духовной школой. Она является двухстороннею и от этого бывает ослабленною в самых основах своего строя. Не буду особо касаться школы низшей⁷¹, потому что она, не сообщая своим питомцам никакой законченности, определяется по своему характеру и содержанию школой средней. Семинарии же, заботясь и об общем образовании питомцев, по необходимости отводят много места светским предметам, которые в первых классах безусловно преобладают над богословскими. Само собой понятно, что в это время светское преподавание стремится к усовершенствованию питомца только в своей области и без прямого ущерба для себя не может приспособляться к потребностям богословски-церковным, в нем самом фактически ничуть не данным. Неизбежно отсюда, что этот общеобразовательный элемент не подходит непосредственно к конечным семинарским целям, и внешнее объединение должно было вести к тому, что последние заслонялись, и воспитанники к ним вовсе не приспособлялись. Тем не менее эта конечная задача воздействовала на светское образование, стесняя его объем, а потом пошло и дальше, когда предметы светские перемешали с богословскими. По доброму замыслу, имелось в виду устранить неблагоприятные следствия разобщенности, получилось же то, что светские предметы оказались совсем угнетенными, чем воспитывалось опасное настроение, что богословие давит образование и враждебно ему. Факты свидетельствуют, что эти чувства разгорались с значительной силой у обеих сторон и передавались в общество, где иногда приобретали острое развитие и вообще получали устойчивость привычного настроения. Нет надобности упоминать, что это ненормально и губительно, а явилось потому, что и в области духовного воспитания непреложен грозный принцип: «Кто не со Мною, тот против Меня...» Но если общее образование в семинариях не получает полного раскрытия и не соответствует прямо конечным задачам, то не менее страдают и высшие религиозно-пастырские потребности. Для приготовления к их удовлетворению нужно не одно предметное образование, ибо здесь еще более необходимо воспитание целостной настроенности, которая с возможною точностью отражается на всем жизненном поведении. Само собой ясно, что совсем невозможно ввести и

удержать подобный режим в теперешних семинариях, раз чуть не большая часть питомцев вовсе не желает нести пастырского служения.

Ближайший итог всего, – что совмещение в наших семинариях задач общего образования и религиозного воспитания вредно для обоих, – этот итог как будто подтверждается и нашими духовными академиями. Не видно сразу, чем собственно и специально способствуют наши академии осуществлению высших потребностей церковного служения. Конечно, богословие разрабатывается в академиях достаточно; но было бы большим заблуждением думать, что ученый богослов тем самым есть уже достойный и готовый учитель и служитель для Церкви и в Церкви. Это – совершенно протестантская мысль; однако и в протестантской Германии звание «Doctor theologiae» присуждается собственно не путем соискания за диссертацию, а дается свободным провозглашением известного лица тем или другим богословским факультетом, как выразителем общецерковного суждения; в Англии же D. D. (Doctor of Divinity) по закону должен обычно иметь духовный сан в англиканской Церкви. Очевидно, что даже богословская наука не служит сама по себе и непосредственно высшим церковным потребностям, которые не могут быть удовлетворены ею сполна. В наших академиях это еще более осложняется обилием светских наук, которые остались там, как пережиток старых времен, когда всякое образование сосредоточивалось преимущественно в духовных школах. Недаром же ни один в мире богословский факультет не имеет подобного предметного конгломерата. Теперь светские дисциплины не находят себе достойного места в академиях, где они не могут получить должного расцвета и не служат прямо церковным богословским потребностям. Засим не менее очевидно, что из двух последних первые, т. е. задачи высшего церковного служения, не исчерпываются и не достигаются научным развитием богословского знания, как науки. Неизбежно, что вторая должна страдать от приспособления к таким целям, которые выходят за ее пределы, хотя и предполагают ее в качестве одного из пособий. Это ненатурально по существу и на практике сопровождается большим взаимным вредом. В этом убеждал меня еще молодой профессорский опыт⁷² а последующие наблюдения иллюстрировали и подтверждали его. Богословие, являясь наукою, требует научной свободы и научной независимости. Однако, культивируемое ограниченными человеческими силами, оно всегда будет выражаться относительными успехами и само по себе никогда не даст догматически авторитетивных результатов. Понятно, что Церковь не может в своих собственных школах допустить, чтобы за научные достоинства всяких своих работ богословы сразу получали звание «наставников» (магистров) или «учителей» (докторов) богословия. Она не вправе выпустить из своих рук самого строгого контроля, а для богословской науки он будет несомненным стеснением и ничуть не полезным тормозом. Дальше: Церковь, не подвергая себя риску от апробации частных научных мнений, должна будет отказываться в своей санкции бесспорно ученым богословским трудам, раз в них будет субъективно ограниченное истолкование религиознохристианской истины. Этим сама она лишается полезных пособий человеческого разума, а богословская наука задерживается в своем развитии и лишается свойственной важности, поскольку оказывается под всегдашним сомнением у вершительницы богословия – церковной власти. С другой стороны, самостоятельная в себе, богословская наука ищет независимости и в преподавании. Не только по запросам и влечениям времени, но по самому существу оказывается нужною автономия и в педагогическом строе. Наоборот, Церковь, ставя специальные задачи, должна будет требовать строгого соподчинения им во всем педагогическом укладе, обязана держать неусыпный контроль и может допустить разве то, чтобы каждый питомец по мере своих сил и способностей индивидуально выполнял предъявленные ею и добровольно им избранные задачи под ее неослабным наблюдением. Эта коллизия – не случайная, а принципиальная и устранилась лишь с удалением обуславливающих причин. Последние же лежат в не совсем натуральном совмещении целей церковных с научными, почему здесь тоже требуется справедливое обособление на началах дружеской солидарности и взаимной пользы.

Ко всем указанным недостаткам прежних духовно-педагогических порядков необходимо присоединить, что и на практике Церковь и наука не имеют тех следствий, на которые они рассчитаны непосредственно. Первая должна была насаждать семена и взращивать плоды веры в людях, вторая обязана вносить свет богословского ведения в христианские души, чтобы они и умом постигали то, что усвоят сердцем. На деле вышло, что для самого общества, служащего объектом церковно-пастырского созидания, пастырское служение стало казаться и трактоваться просто как профессиональная должность, а не как необходимое посредство христианского бытия

всех и каждого. В свою очередь и наука богословская получила в глазах светского большинства такой вид, что она имеет важность единственно лишь для профессиональных потребностей «духовного сословия», поэтому если пастырей и учителей церковных слушают больше формально и обращаются к ним лишь для выполнения необходимых (граждански или житейски) обрядностей, то богословие просто игнорируют и его не понимают. Не удивительно, что и религиозное оживление в светском обществе чаще возбуждалось богословами светскими (А. С. Хомяков, Вл. Соловьев, гр. Л. Н. Толстой), чем присяжными, а люди, глухие либо инертные к голосу профессиональных учителей и богословов, с увлечением и на пагубу себе слушают самозванцев. Ясно, что богословское образование и богословская наука должны освободиться от прежней замкнутости, сделавшись обязательными для всякого одухотворенного воспитания и выделившись для удовлетворения запросов религиозного знания, а приготовление к пастырству и благовестничеству будет утверждаться уже на этом общем фундаменте, пользуясь свободным влечением образованных людей всех классов, званий и состояний, лишь бы они изъявили искреннее желание посвятить себя церковному служению.

Здесь может возникнуть опасение, не рискует ли Церковь остаться без достаточного контингента лиц для выполнения своей миссии. Это опасение тем серьезнее, что даже теперь по местам испытывается затруднение в замещении священнических вакансий, а затем оно смущало некогда и Филарета, митрополита Московского⁷³. Но что касается первого обстоятельства, то именно сама современная семинария, упорно сохраняя архаический строй и обветшавший жизненный уклад, отбивает живые силы, ищущие простора для своего развития и для созидательной работы соответственно насущным потребностям и жгучим запросам, раз последние игнорируются всем семинарским укладом и, пожалуй, чуть не прямо отрицаются схоластикой обучения и специфической индивидуальностью воспитания. Авторитет митр. Филарета, разумеется, огромный; но ведь с тех пор времена изменились, и сама православная русская Церковь сознает и чувствует себя иначе. Теперь она стремится к освобождению от внешней опеки и желает действовать независимо из самой себя даже при свободе исповеданий. Это показывает, что Церковь уверена в себе и уверена, конечно, в том, что у нее будет достаточно пригодных делателей для самостоятельного выполнения своей святой миссии. Иначе невозможно было бы и думать о независимости, если нельзя обойтись без принуждения и закрепощения.

Не менее естественна тревога о судьбе богословской науки. Вполне вероятно, что на факультетах она не во всем будет столь корректна и допустит послабления в сторону субъективной изыскательности со свойственными погрешностями. Но 1) тогда Церковь не будет ни принимать, ни санкционировать этих частных попыток, ни отвечать за них, ограждая себя и от всех теперешних неудобств; 2) богословская наука, будучи серьезною и честною, всегда останется посредницей познания истины и не может оказаться антицерковной принципиально, коль скоро Церковь есть носительница и провозвестница этой истины. Наши теоретические соображения подкрепляются и тем, что даже католичество, столь заботливое о неприкосновенности всех своих конфессиональных особенностей, допустило, однако (например, в Германии), католические факультеты (наряду с протестантскими) и извлекает отсюда одну лишь пользу. Почему же о православии мы должны думать так низко, что у него выйдет из аналогичных институтов непременно что-либо дурное и вредное?

Вообще считаю для себя достаточно мотивированным, что общее образование и специально научное богословское изучение должны быть обособлены от церковно-пастырского приготовления. Здесь опять возможны разные пути, и многие желают возвратиться к прежнему порядку, при котором в семинариях богословские предметы были значительно изолированы от светских. Я лично нахожу этот порядок совершенно неудобным уже потому, что при нем невозможно установить и воплотить уклад, необходимый по требованиям пастырского служения. Если и теперь является непригодной одинаковая дисциплина для всех семинарских воспитанников, различных между собою по возрастам на десяток лет, то тем более нелепо водворить пастырский режим, а без него наша средняя духовная школа опять окажется не отвечающей нуждам Церкви. Очевидно, духовно-церковные заведения нужно отделить от общеобразовательных, а для богословской науки сформировать при университетах православные богословские факультеты. При этом низшая и средняя из теперешних инстанций духовно-педагогической триады сольются вместе и составят нечто вроде гимназий (классического типа). Необходимо желать, чтобы эти новые школы получили особый тип по

преимущества с прежними и ради существенной пользы общего образования, для чего в них рекомендовалось бы введение более широкого и солидного преподавания по религиозно-богословским (христианским) и философским предметам. Тем не менее это будут уже не богословские школы, и возникает вопрос о том, какой компетенции они должны быть подчинены. Но здесь замешивается масса соображений не педагогического, а практического и финансового свойства, где я совсем профан. С педагогической же точки зрения я всегда считал вредным расчленение одного дела по разным ведомствам, и опыт свидетельствует, что – при такой разномыслии – из школ в школы взаимно передается не столько хорошее, сколько дурное. При сосредоточении же в одних руках было бы и то удобство, что тогда открылась бы возможность равномернее распределить источники просвещения по обширному пространству Российской империи. Теперь обычно гимназии и семинарии, прогимназии и духовные училища существуют друг подле друга в немногих определенных пунктах, которые получают двойные образовательные заведения, между тем как масса даже важных центров остается без удовлетворительных и образовательных средств. При концентрации высшей педагогической власти в России было бы легче увеличить количество мест с организованными средними школами, если из двух существующих в данном городе одну перевести в другой подходящий пункт. Опасения касательно окончательного омирщения (лаизации) всего среднего образования считаю просто тенденциозными, не видя ни малейших препятствий, почему бы в Министерстве народного просвещения не быть гимназиям Духовного Ведомства. Впрочем, я вовсе не против того, чтобы последние остались в компетенции синодской обер-прокуратуры или заменяющего ее установления (например, Министерства Исповеданий), как теперь имеется 11 женских духовных училищ, находящихся в заведовании Св. Синода (через посредство г. обер-прокурора) и вместе с тем состоящих под активным покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны. При этом я всегда и решительно предполагаю, что и при новом устройстве школ духовенство будет с обычною щедростью оказывать экономическую помощь своим детям, пользуясь в этом отношении решительно автономностью, причем особые учреждения этого рода (например общежития) будут вполне подчинены его власти во всех отношениях, – вне непосредственной зависимости от посторонних влияний и давлений.

Я не законодательствую и не вырабатываю законченных планов, но в меру своего разумения устанавливаю только основные принципы духовноучебной реформы и намечаю лишь школьные типы. С этой стороны на основании вышеизложенного необходимо признать следующее:

1) Церковь для приготовления просвещенных служителей к исполнению своей исключительно великой и святой миссии обязана иметь специальные школы, по самому преподаванию, административному и жизненно-педагогическому режиму строго приспособленные к этой цели.

2) Эта задача столь высока и – для успешного выполнения – требует такой всецелой сосредоточенности на ней всех учебно-педагогических средств, что должна быть обособлена на практике устройством специальных богословских заведений.

3) Ввиду сего, для общего образования должны быть открыты отдельные средние школы обычного характера, но с усилением религиозно-богословского и философского обучения⁷⁴.

4) Для удовлетворения потребностей знания в области религиозно-богословской и для свободного развития богословской науки, служащей запросам всякой мыслящей души, по природе христианки, следует сформировать православные богословские факультеты при университетах. Это *conditio sine qua non* для реформы академий, потому что без соблюдения этого условия может получиться страшно пагубный результат, что богословская наука, притушенная на своем последнем очаге, совсем погаснет, если светильник ее не будет возжжен в другом вполне подходящем месте.

В результате всего у меня получаются такие принципиальные пожелания по реформе духовной школы:

1) Необходимо создать новые или преобразовать прежние духовно-учебные заведения на началах строгого соответствия церковно-пастырским потребностям для приготовления просвещенных пастырей из образованных членов Церкви, по свободному решению желающих посвятить себя этому высокому служению.

2) Общеобразовательная часть теперешних духовных училищ и семинарий сосредоточивается в особых среднеучебных заведениях (типа классических гимназий) со всеми правами и преимуществами параллельных светских школ, но с тем отличием от последних, что в

новых расширяется и усиливается религиозно-богословское и философское преподавание соответственно его важности.

3) Богословская наука, служащая собственным потребностям ума, а не просто профессиональным нуждам, требует для своего развития независимой, специальной и всесторонней разработки; посему для нее необходимо образовать православные богословские факультеты подле и по подобию других, существующих при наших университетах.

Особое мнение профессора М. Каринского по 2-му и следующим пунктам проектируемой комиссией реформы духовно-учебных заведений

Выделяя из семинарского курса специально-богословские науки и проектируя преподавание их в особом заведении, предназначенном для специального приготовления лиц, желающих посвятить себя служению Церкви, комиссия право на поступление в это заведение обуславливает не только окончанием курса в среднем учебном заведении, но и знанием: 1) классических языков, из которых один не будет входить даже в общеобразовательную программу гимназий и 2) философских наук также в таком объеме, в котором не предполагается изучение их даже в гимназиях. При этом курс для проектируемого специально богословского заведения предполагается трехгодичный. Между тем это богословское заведение предназначается заменить собою богословские классы семинарии, а следовательно, должно давать не высшее, а только среднее богословское образование. Таким образом, для поступления в заведение, дающее только среднее богословское образование, предполагается общеобразовательный ценз значительно более высокий, чем для поступления у нас в высшие учебные заведения самых разнообразных специальностей, а для получения образования в этом заведении лицами, удовлетворяющими этому цензу, предполагается время, на один только год меньшее сравнительно со временем (четырьмя годами), требующимся для получения высшего образования по многим специальностям, и в числе их также и богословской. Это, по моему мнению, нельзя не считать очень большим затруднением для поступления в проектируемое специально-богословское заведение лиц, учащихся в школах не Духовного Ведомства.

Образовательный ценз для поступления в это заведение не вызывает, правда, тех же возражений относительно оканчивающих курс в низших четырех классах семинарии, если, конечно, предположить, что реформа не изменит существенно курса преподаваемых в них небогословских наук. В этих низших классах семинарии доселе преподавались оба классических языка, а также и философские науки в объеме, который предполагается достаточным для поступления в богословское заведение. Поэтому для поступающих в него по окончании четырехлетнего семинарского курса перспектива сравнительно с теперешним положением дела изменится лишь в том отношении, что им будет предстоять трехлетний богословский курс вместо прежнего двухлетнего. Но, если рассчитывать для специально-богословского заведения исключительно или почти исключительно на тот контингент воспитанников, который могут дать для него низшие классы семинарии, как фактически оказывалось это доселе в отношении к двум высшим богословским классам семинарии, на которые также по уставам семинарии как 1867, так и 1884 годов допускалось поступление окончивших курс в каких-либо средних учебных заведениях с дополнительным испытанием, и по первому из этих уставов даже сравнительно незначительным, – если рассчитывать почти исключительно на этот контингент, то, по моему мнению, мы едва ли даже можем быть уверенными в том, что проектируемое специально-богословское заведение будет давать достаточное число специально подготовленных лиц для занятия священнослужительских мест. Уже и в настоящее время в различных местах России не оказывается достаточного количества лиц с законченным семинарским образованием, готовых взять на себя в селах священнослужительские обязанности, особенно низшие, диаконские. Этот недостаток теперь восполняется лицами, не окончившими полного семинарского курса. Но такого рода замещения при теперешнем порядке все же оправдываются тем, что семинарии во всем своем теперешнем шестилетнем курсе по их уставам имеют постановку заведений, «подготавливающих юношество к служению Церкви». А по проектируемой реформе этого уже не предполагается. С другой стороны, давно и с нетерпением ожидаемое право для окончивших курс в духовно-учебных заведениях на поступление в высшие учебные заведения других специальностей готово осуществиться, и мы должны как естественного последствия этого осуществления ожидать, что число лиц, оканчивающих общее образование в духовных школах и готовых принять на себя священнослужительские обязанности, сократится. И в этом отношении, конечно, не без влияния должна оказаться и проектируемая замена теперешнего двухгодичного богословского курса трехгодичным, мало отличающимся по своему продолжению от курса многих высших учебных заведений.

Совещание при своем проекте, конечно, имело в виду высокую цель – достижение корпорацией священнослужителей высокого научно-богословского образования. Но настоящий,

прямой путь к этой цели, по моему мнению, лежит не в этом направлении. Для этого нужно сделать, насколько то возможно, наиболее доступным высшее богословское образование – для того, чтобы наряду с ожидаемым постепенным возвышением, с одной стороны, общей культуры нашей страны, с другой – материальных условий жизни духовенства, увеличивалось и число священнослужителей с высшим богословским образованием. Что же касается среднего богословского образования, то нужда в нем у нас должна вызываться (еще долгое время – даже при наибольшей доступности высшего богословского образования) настоятельной потребностью пополнять недостаток кандидатов на священнослужительские места именно лицами, для которых по тем или другим причинам затруднительно искать высшего образования. А поэтому средние богословские заведения – безотносительно к вопросу о том, должны ли они быть неразрывно соединены с особо приспособленным к ним общим курсом, или существовать в качестве особых заведений, – едва ли было бы целесообразно ставить в такие условия, относительно которых при настоящем положении дел можно сомневаться, достаточно ли они приспособлены к тем слоям юношества, которых не могут не иметь в виду эти заведения.

К вопросу о постановке высшего богословского изучения в России (Записка проф. Н. Глубоковского)

1) Не должно быть спора, что «богословие» может быть предметом чисто научного изучения, подобно всяким другим предметам. В таком качестве и достоинстве ему естественное и законное место именно там, где культивируется эта наука, т. е. в университете. С другой стороны, и последний, оставаясь верным своему званию *universitas*, должен радушно открывать свои двери и аудитории для богословских дисциплин. Нельзя согласиться, что «богословие» еще не доросло до соответственной научной зрелости, и ему якобы рано выступать наряду с университетскими науками. В круге университетских знаний есть достаточно таких, которые ничуть не выше «богословия» по своим основам и по разработке. Так, многое в медицине только опирается на научные пособия, но собственно является лишь казуистикой и по существу своему остается искусством, на практике же нередко переходит в ремесленное знахарство. Науки юридические всецело стоят на почве римского права и проникнуты его духом, а построение даже гуманитарного права на христианских началах продолжает быть задачей будущего, хотя первостепенная важность ее для христианских государств самоочевидна. В таком же относительном значении «богословие» с полным достоинством может войти в среду университетских дисциплин, объединив и обеспечив сродные себе науки, которые теперь не находят для себя в университетском строе ни опоры, ни приложения, ни действия (богословие, церковные истории, церковное право, части – теория и история искусств и – в С.-Петербургском университете – еврейский язык).

2) Существование богословских факультетов при университетах ничуть не требует необходимого упразднения православных духовных академий. Но последние, оставаясь институтами и органами православной (русской) Церкви, должны служить именно ей самой своей наукой, обязаны говорить во имя ее, для научного познания, разъяснения, истолкования и ограждения ее учений и учреждений. С этой точки зрения православные духовные академии, оставаясь в церковном ведении, будут научно-апологетическими институтами православной (русской) Церкви, причем православные не имеют права считать их конфессионально-тенденционными, если они действительно исповедуют, что православие отражает в себе истину. Круг академических предметов должен определяться этим существом православно-русских духовных академий, где нет принципиальных оснований для внебогословского их расширения, хотя бы оно и оправдывалось разными практическими соображениями.

3) Такое распределение высшего богословского изучения в России считаю наиболее целесообразным и плодотворным потому, что потребность в духовных академиях указанного характера бесспорна, но при них необходимо открыть свободный простор научным изысканиям на основе и за ответственностью частных мнений. Иначе, при одних духовных академиях, «богословие», опять рискует сделаться замкнуто-конфессиональным, а всякая другая «внешняя» теология заранее подвергается подозрению; при одних университетских богословских факультетах православная (русская) Церковь лишится столь важных собственных органов для научного познания, разъяснения, истолкования и ограждения. Значит, только совместное существование в России университетских богословских факультетов и духовных академий лучше всего может обеспечить для богословской науки обязательные права и благие плоды веры и свободы.

4) Из предшествующего у меня получается такая принципиальная формула, что «православные духовные академии суть учения установления и органы православно-русской Церкви для научного познания, разъяснения, истолкования и ограждения ее учений и учреждений»

По вопросу о преобразовании духовно-учебных заведений (Записка проф. Н. Никольского)

Если предпринимается какая-либо реформа прежнего строя, то, как показывает история, только в тех случаях получаются благие последствия от изменения наличных порядков и установлений, когда, во-первых, преобразователи ясно сознают причины существующих нестроений, и когда, во-вторых, они имеют в виду, устранив эти причины, ответить на потребности жизни. Иначе реформа окажется или вредною, или бесполезною.

Современная духовная школа требует коренных изменений. Но вопрос, в каком направлении должны идти эти преобразования, может получить свое правильное разрешение только тогда, когда будут верно поняты действительные причины существующих ненормальностей и когда новый порядок вещей будет согласован с запросами жизни.

На эти два условия жизненности всякой реформы не было, как мне кажется, своевременно обращено должного внимания в проекте преобразований духовно-учебного строя, обсуждением которых занята епархиальная комиссия.

Вопросы о причинах нестроений в духовной школе и о задачах ее, выдвинутых новыми потребностями русской церковной жизни, не были здесь предметами специального рассмотрения. Вследствие этого проект реформы духовно-учебных заведений вступил, по моему мнению, на неправильный путь. Во-первых, этот проект затронул прежде всего и по преимуществу внешнюю сторону дела, упорядочение которой совершенно недостаточно для того, чтобы достигнуть плодотворных результатов. С другой стороны, из проекта совершенно неясно, каковы действительные мотивы и цель преобразований и насколько они оправдывают предполагаемую ломку. Средством к устранению неурядиц, существующих в духовной школе, была указана реорганизация школ на условии разделения общеобразовательных наук от духовных и формирования пастырских курсов. Отсюда следует, что причинами нестроений признаются более или менее внешние условия: неправильное распределение предметов преподавания и смешения двойственных задач в одном учебном заведении, т. е. ошибки дидактического характера. По моему же мнению, источник нестроений в духовных школах лежит глубже и не может быть извлечен внешними мерами. Равным образом, мне представляются неясными и неправильными и те задачи, которые положены в основу проекта формирования новых типов духовной школы.

Обыкновенно бывает так, что, если хотят реформировать школьное дело или устроить новые учебные заведения, то сначала ясно очерчивают себе, какими познаниями и качествами должен обладать тот, кто должен заканчивать курс того или другого учебного заведения, например: что следует знать технику, какими свойствами необходимо обладать военному, моряку и т. д. и т. д. При этом обычно приспособляют курс подготовительных, низших заведений к этим требованиям, и к требованиям, предъявляемым высшей школой, а не наоборот. Не бывает так, чтобы преобразователи сами не знали, что они желали бы видеть в лице оканчивающих курс проектируемого училища, и не бывает так, чтобы университетские программы приспособлялись к типу начальной школы или курсу гимназий. Если для Церкви в наше время нужны деятели, то следовало бы прежде всего отчетливо установить, какими познаниями и качествами должны располагать эти деятели и лучшие представители их, и уже затем обсуждать вопрос об их подготовке в низших и средних школах. Между тем тип церковного деятеля, необходимого и желательного для настоящего времени, в предлагаемом проекте остается совсем не определившимся, и неизвестно, должен ли он быть один, или функции его должны разделяться – как в апостольское время. Если он должен быть один, то должен ли он быть начетчиком, или требоисправителем, или дилетантом в богословии, или просто благочестивым человеком, или аскетом, или кем-либо другим? Нормальным типом церковного деятеля для настоящего времени проект реформы признает, очевидно, только лицо, окончившее пастырские курсы, т. е. среднеучебное заведение. Вследствие этого от проекта реформы получается впечатление, что идеальным пастырем он считает какой-то неопределенный тип – недоучки средней школы – и не придает большого значения в сфере общецерковной жизни высшему богословскому и научному ведению.

Отмеченные упущения при обсуждении вопросов о реформе духовноучебного строя, как мне кажется, вредно повлияли на самое существо предполагаемого проекта.

Если принять в соображение уже состоявшиеся постановления епархиальной комиссии, равно как и объяснительные записки, читавшиеся в подкомиссии, то общая схема намеченных преобразований духовно-учебного строя обрисовывается приблизительно в таких чертах:

1) Духовная школа становится общесловной.

2) Духовные училища и семинарии преобразовываются в общеобразовательные учебные заведения, соответствующие по курсу и программам прогимназиям (1–4 классы) и гимназиям (5–8 классы), с увеличенным числом уроков по Закону Божию. Подробности программ будущих духовных гимназий будут зависеть от будущих программ министерских гимназий.

3) Взамен 5-го и 6-го классов духовных семинарий учреждаются трехгодичные учебные заведения нового типа, именно церковно-пастырские или богословско-пастырские курсы, на которых преподаются богословские науки (по программам, соответствующим в общем среднеучебным заведениям, т. е. нынешним семинариям) и где получают образование и воспитание будущие пастыри Церкви. Курсы эти находятся под ведением епархиальных архиереев и служат специально потребностям клира.

Надо полагать, что к этим пожеланиям епархиальной комиссии будут присоединены еще пункты о высшей духовной школе, высказанные пока отдельными членами комиссии, именно:

4) высшее богословское образование лицами, подготовляющимися к церковному служению, приобретает в церковных академиях, а

5) богословское образование, более широкое и свободное от исключительных целей пастырства, получается на богословских факультетах.

Из этой схемы очевидно, что центр тяжести в предполагаемой реформе сосредоточен на внешней реорганизации духовной школы и признании ее общесловности. Уничтожая кастовую замкнутость прежних семинарий, проект реформы верит, что в будущее духовные школы будут поступать только по призванию, что чрез это волеется столь необходимая свежая струя обновления в духовную среду, и что церковная школа, отстранив от себя те элементы, которые не имеют прямого тяготения к церковнослужительству, ответит, наконец, своему прямому назначению, от которого она теперь уклонилась. Поэтому-то искренние заботы преобразователей направлены, по моему мнению, вовсе не на реформу духовно-учебных заведений во всей целостности их строя, а только к обособлению типа специально- клировых заведений.

Ничуть не отрицая прав каждого епископа устраивать на свои средства и под своим руководством новые школы со специально-церковными задачами, я, однако, полагаю, что проектируемое преобразование семинарий и училищ обещает принести Церкви не столько временной пользы, сколько весьма крупного вреда потому, что ради формирования пастырских школ сужены основные задачи Церкви и в жертву узкоклерикальным тенденциям принесены существенные интересы общецерковной жизни.

Прежде всего, считаю весьма знаменательным, что проект реформы духовных школ признает Церковь бессильною возбудить специальный и живой интерес к духовному образованию у питомцев низшей и средней школы, ради чего и предлагается исключить из нее богословские предметы. Вопреки истории, вопреки фактам ежедневной жизни, вопреки психологическим наблюдениям, вопреки большинству житий, не ранний, а более зрелый возраст признан соответствующим специально-религиозному образованию. Мне кажется, что проект предлагает Церкви расписаться в своей неспособности показать питомцу средней школы всю высоту христианства и пробудить в нем влечение к религии, богословию и церковной деятельности. Присутствие богословских предметов в курсе нынешних семинарий признано вредным для школьного дела, источником его нестроений, и поэтому во имя спокойствия школ богословие изгоняется в особые пастырские курсы, хотя преобразователи считают возможным пробуждать у юношей средних школ интерес к предметам общего образования. Церкви предлагают сделать опыт, не явится ли у кого-нибудь призвания к церковному служению после прохождения средней школы, хотя бы и не Духовного Ведомства, хотя бы и антихристианской. Но можно ли быть уверенным, что при общесловной духовной школе призвание к пастырству будет возникать само собою без школьного воздействия на юношество и без влияния Церкви у лиц разных сословий, и что эти лица, пройдя пастырские курсы, станут достойными служителями ее? Для меня неясно, на чем основана такая уверенность. Неясно, из каких психологических переживаний будет подготавливаться это призвание, если, например, ученик в течение долгих лет посредством образования и воспитания будет отторгаться от христианских идеалов. Очевидно, что уверенность опирается на веру в счастливые случаи. Но я опасюсь худшего. Бесспорно, что

пастырское звание в настоящее время не пользуется уважением. Почему, спрашивается, пастырские курсы (если с прохождением их будет связано право на священство) не будут наполняться – за недостатком достойных конкурентов – религиозными психопатами или лицами, ищущими обеспеченности и покоя (из проекта реформы – не видно)?

Одна из главных ошибок этого проекта состоит в том, что, стремясь к узкоклерикальным задачам, он сузил чрезмерно основную просветительную задачу Церкви – христианизовать общество.

Во-вторых, он не принял в соображение нового начала, возвещаемого для будущей церковной жизни, начала соборности, со всеми ее последствиями. Новые типы школ рассчитаны на старый отживший режим.

Вместо духовных училищ и семинарий имеется в виду создать учебные заведения общеобразовательные и пастырские.

Но в основу первых положены задачи случайные. Предполагается доставлять здесь такое образование, которое давало бы доступ в высшие учебные заведения. В основу низшего и среднего образования полагается таким образом, с небольшими особенностями, подражание заведениям Министерства народного просвещения, но ничуть не самостоятельная религиозная задача Церкви. Очевидно, предполагается, что школа отчасти будет обслуживать образование детей духовенства и открывать им двери в те высшие заведения, в какие они сочтут себя призванными, отчасти – насколько окажется возможным – будет готовить к пастырским курсам.

Но я полагаю, что задачи Церкви в школе не могут сводиться к копированию светских училищ, особенно в наше время, когда всеми признано их разложение. Следует иметь в виду, что при современном положении вещей, хотя бы в ближайшем будущем из светских школ и не был удален Закон Божий, образование там может получить антихристианский оттенок. Неужели к такому образованию в духовных школах будет только механически присоединен Закон Божий? Неужели предстоящая деятельность Церкви в ее средней школе должна будет ограничиваться культивированием классицизма и реализма с присовокуплением уроков по катехизису, хотя бы и в широком объеме?

Я полагаю, что христианство представляет из себя не менее почтенную культурную силу, чем классицизм и реализм, что на основе христианства может быть построено и должно вырасти самостоятельное школьное общее образование, и что сюда прежде всего должна быть направлена созидательная работа преобразователей. От исхода этой работы зависит будущая история нашей Церкви. Ведь она скоро останется единственной силой, которая будет заботиться о христианском просвещении общества. Неужели в такое грозное для нее время она будет спокойно превращать свои семинарии и училища, дошедшие до степени разложения, в школы министерского образца, дошедшие до степени еще большего разложения? Неужели, отказавшись от намерения создать самобытный тип школы, она забудет, что ответственная задача ее по отношению к юношеству и обществу ничуть не исчерпывается желанием дать разнословным детям общее образование, научить их истории, грамматике, арифметике, мифологии и подыскать для себя лиц, согласных получать звание пастыря?

Предполагаемая реформа не дает ответа на вопрос, думает ли Церковь готовить в своих школах не пастырей, не монахов, не людей со средним общим образованием, а вообще христиан, сильных верою и знаниями. Общая церковная реформа проектирует живое участие мирян в делах Церкви. Но где эти миряне, – кроме церковно-приходских школ, которые скоро отойдут, вероятно, в ведение Министерства народного просвещения, – будут получать истинно христианские познания, если только светская школа станет нехристианскою? Нынешние семинарии грешат не тем, что курс их сплетен из наук светских и духовных, и доступ в семинарии имеют только дети духовенства, а прежде всего тем, что в духовной школе преследуются не общехристианские, а узкие профессиональные задачи образования и что богословские знания здесь преподаются схоластично, как нечто внешнее, а не как норма для жизни. В основе проектируемой реформы все еще звучит прежнее заблуждение, что задачи Церкви суть то же, что задачи иерархии и пастырства, а не всей Церкви в ее целостности. Провозглашая общесловную школу, реформа ничуть не стремится сделать доступным для всех христианское образование, а только пытается избежать упрека в кастовом характере пастырства и облегчить себе приглашение желающих поступить в пастырские курсы.

Другая слабая сторона проектируемой реформы заключается в несогласованности ее с восстановлением соборного и выборного начала в русской Церкви и широкой деятельностью, предстоящей духовенству. Предполагаемые преобразования исходят из следующих принципов, которые для меня кажутся совершенно несостоятельными.

Во-первых, я не согласен с теми, кто смотрит на пастырство не как на подвиг, а как ремесло или профессию, к которой можно подготовиться обучением и соответствующей тренировкой, т. е. признают точку зрения, которая ведет свое начало из католичества, а не из святоотеческого и апостольского учения. В наши школы эта точка зрения проникла из западнорусских учебных заведений, которые заимствовали ее от иезуитских коллегий. Но ни в апостольское время, ни в святоотеческий период, ни в допетровскую эпоху на Руси, никогда пастырство не приравнивалось к профессии. С православной точки зрения, на подвиг пастырства могут и должны приглашаться и решаться лучшие и способнейшие на то из христиан, а ничуть не те, которые имеют на то внешние права или сами претендуют получить это звание.

Во-вторых, предполагаемые пастырские курсы, несомненно, не увеличивают, а ограничивают круг лиц, из которых можно будет избирать церковнослужителей. В настоящее время этим правом располагают все окончившие курсы академий, семинарий и отчасти училищ. С учреждением пастырских курсов это право превратится в привилегию немногих, а такая профессиональная монополия не будет мириться с выборным началом будущей Церкви, противореча и смыслу церковных канонов.

Затем, в согласии с точкой зрения на пастырство как на профессию, которой можно научиться, на пастырских курсах предполагается сосредоточить только то, что необходимо знать представителю этой профессии, желающему быть на высоте техники своего дела. Предполагается, что для современного пастыря достаточно быть образованным гимназистом, знать церковные науки и уметь возвещать их народу.

Между тем, если оставаться даже на точке зрения, что пастырство есть профессия, необходимо было бы создать разные типы пастырских школ, ибо одним приходам и группам горожан потребуются начетчики, другим – три боисправители, третьим – учителя, четвертым – публицисты и ученые и т. д. и т. д.

Пастырские же курсы, как и нынешние семинарии, по-видимому, не будут приновлены к этим потребностям, ибо они создают какой-то однообразный, неопределенный тип ученика, мало отвечающий разнородным запросам жизни. Этот тип, конечно, останется оторванным по своему мировоззрению и от народа и от образованного общества и мало пригодным для живой пастырской деятельности в какой-либо среде, потому что преобразователи ни слова не говорят о самом главном в деле реформы – о новых методах и предметах преподавания на пастырских курсах, проектируя, очевидно, сохранить здесь старый схоластический круг предметов, построенный по шаблону, не согласованному с запросами жизни. Пастырские курсы останутся, как видно, не чем иным, как 5-м и 6-м классами нынешних духовных семинарий с тем отличием, что в эти курсы будут перемещены из низших классов семинарий богословские предметы, ради этого будет расширен курс прежних 5-го и 6-го классов в трехгодичный, и будущие пастырские курсы будут служить более специально, чем нынешняя семинария, идее обособленного и сплоченного клерикализма.

Но такой тип церковного деятеля, отдаленного от той среды, в которой ему придется вращаться, непригоден и для нашего времени, и не оправдывается разделением церковных служений, существовавшим с апостольской эпохи.

Наконец, в пределах будущих церковных школ (как пастырских курсов, так и академий, если последние будут признаны не излишними), по-видимому, не предполагается возвестить древнехристианский принцип свободы духа, возвещенный недавно Церковью, так как свободу богословствования предлагается возможным допускать только в богословских факультетах, учреждение коих проектируется некоторыми признать желательным для борьбы с церковными верованиями и традициями.

Очевидно, что проект и в мысли не имеет, что должно будет сопровождать водворение соборного и выборного начала в Церкви, живущей в свободном государстве.

Возвещая принцип канонической соборности, существовавший в древней Церкви, приняв принцип свободы вероисповеданий на Руси, признавая открыто свободу в христианской Церкви, Церковь тем самым объявила о таких принципах, которые фактически давно отрицались в нашей церковной жизни, но применение которых приведет к весьма крупным переменам.

Допетровская Церковь не признавала свободы вероисповеданий, исходя из мысли, что только православие есть истинная вера. Вполне последовательно она не допускала и свободы богословствования в пределах самой Церкви. У нас поддерживался и теоретически и путем внешней власти принцип единства веры, как неизменяемой истины, дальнейшее уяснение которой невозможно после семи Вселенских Соборов. Повиновение в делах веры и каноники стало нашим обычаем и правилом. Отсюда, из этого принципа, возникало и преследование еретиков. Принцип повиновения в делах веры лежал в основе религиозного образования как пастырей, так и мирян. При таких условиях и при наличии внешней поддержки, духовная школа могла только стремиться сообщить питомцу богословския познания, необходимые для возведения народу, и путем соответствующей замкнутой обстановки сохранить или усилить религиозность ученика. Схоластика в школе была естественным спутником прежнего порядка вещей. Объявляя принцип канонической соборности по образцу древнехристианскому, Церковь тем самым, конечно, признала свое прежнее право вероопределения и, следовательно, возвестила древнехристианский принцип свободы богословствования в пределах самой Церкви, потому что эта свобода есть формальное условие разыскания истины, присущее, как неотъемлемый признак, эпохе вселенской соборности.

Помимо того, нельзя рассчитывать, чтобы в свободном государстве прежний принцип повиновения в делах веры продержался долго; он найдет себе место главным образом среди простого народа. Необходимо будет рассчитывать и в пределах самой Церкви не на слепую веру, не на послушание в делах вероучения, а на принцип искренности убеждения, на принцип непоколебимой, но свободной уверенности в истинность христианства.

Со всеми этими условиями деятельности будущих пастырей не согласован проект учебной реформы. Как мне кажется, он возможен только при предположении, что Церковь остается по-прежнему под охраной государства, что ее вероучение будет поддерживаться прежними средствами, что ее пастырям можно будет оставаться не во главе Церкви и по своему уровню быть ниже овец. Если бы осуществился весь проект епархиальной комиссии относительно духовно-учебного строя, то можно было бы ожидать тяжелых для Церкви последствий. И эти последствия состояли бы прежде всего в большем разъединении от мирян иерархии и клира, которые будут по-прежнему незнакомы специально с тем, чем живет общество в его идеалах и научном развитии, которые будут знать только схоластические методы и курсы и будут удалены от свободной науки, свободного режима и научного богословствования в то именно время, когда соборная реформа церковной жизни, свобода слова и печати потребуют в качестве пастырей не слабых и искусственно выращенных созданий, а убежденных твердых борцов за веру, выросших на просторе жизни под руководством общецерковных христианских идеалов.

Превращение духовной школы в общесловную не устранил прежнего разъединения потому, что оно происходило от разности в мировоззрениях, от мертвой схоластичности церковной науки, от отрешенности церковного мировоззрения от текущей жизни, от узости кругозора и недостаточной убежденности духовенства, от беспринципности в духовном образовании и т. д. и т. д. Реформа не устраняет этого разъединения.

Задача нашего времени по отношению к духовно-учебным заведениям должна, как мне кажется, состоять:

- 1) В том, чтобы создать в пределах Церкви такой тип средней общесловной школы, из которой могли бы выходить не классики, не реалисты, не люди со средним образованием вообще, а прежде всего образованные христиане с христианским, а не специально-пастырским, мировоззрением. С этим должны быть согласованы и весь режим и все образование в духовно-учебных заведениях. Иноческий режим, с его принципами, и церковно-пастырские задачи семинарий должны быть устранены. Система образования и воспитания должна быть подчинена прежде всего общехристианским принципам, а ничуть не партийным, так чтобы христианские идеалы становились достоянием воспитанника не принудительно, а входили бы в круг его неотъемлемых убеждений так, как случалось это в эпоху золотых столетий христианства. Конечно, схоластические методы, учебники и круг наук в таких школах должны быть заменены применительно к новым задачам школы. В основу системы образования этих школ должна быть положена мысль, что в настоящее время для Церкви нужна не слепая вера, не вера по приказанию, не вера из-за денег и выгоды, не вера по привычке, а искренняя убежденность в истинности христианства, основанная на свободном, чуждом какого-либо принуждения его усвоении. Необходимо возродить и воплотить вечные идеалы христианства, исключив отсюда

все то, что затемняет и искажает их, служа интересам временным, будут ли то интересы государственные, партийные, профессиональные и тому подобное.

Когда Церковь наша была на службе у государства и в свою очередь пользовалась его охраной от иноверия и разномыслия, когда в государстве нашем не было ни свободы вероисповедания, ни свободы слова, тогда возможно было еще рассчитывать на пользу принудительного режима в духовной школе. Теперь время это прошло, и надо считаться с фактом, что только искренняя и сознательная вера должна стоять, как цель христианской школы. Ради этого – для того, чтобы реформа нашей школы была не бумажною, – необходимо прежде всего выяснить наше православное понимание христианства, как положительной силы, как положительного вероучения, а не как середины между католичеством и протестантством. Если Церковь, а не отдельные лица, выяснит это, тогда будет возможным систему семинарского преподавания построить на основе этого одобренного Церковью понимания, так чтобы это понимание могло вылиться не только в учебники, но осуществлялось бы в жизни, стало бы исповеданием. Религия должна быть не схоластическим знанием, а истиной, нормой и канонем жизни, – и на этой основе должно существовать духовное образование. Если удастся создание школы, питомец которой мог бы с гордостью во все минуты своей жизни говорить, как древние христиане: «Я – христианин», русская Церковь была бы обеспечена и церковными деятелями.

Мне думается, что передавать семинарии в ведение Министерства народного просвещения – с точки зрения интересов Церкви (а не общегосударственных) – было бы преступлением. Интересы Церкви требуют реорганизации семинарий, но эта реорганизация должна быть не внешней, а должна стремиться к преобразованию ее в христианское училище с курсом наук общего образования, необходимым для образования христианина и достаточным для поступления в богословские классы.

2) Признавая, что пастырство – не ремесло, я полагаю, что вместо специально-пастырских курсов должны существовать при семинариях богословские классы, с задачей доставлять богословское образование желающим. Сюда могли бы поступать питомцы христианских школ, а для лиц, не обучавшихся в учебных заведениях Духовного Ведомства, могли бы быть устроены подготовительные классы. Богословские классы (два или три) могли бы заменять нынешние пятый и шестой классы духовных семинарий. Никакого уловления в монашество и даже в пастырство в этих курсах быть не должно, потому что пастырство – не монашество, и пастырство есть подвиг. Поэтому-то и администрация здесь не должна быть иноческой. Образование здесь должно чуждаться схоластицизма в том смысле, чтобы в науках богословских не утрачивалась аксиома, что религия должна быть реальной нормой жизни, и чтобы согласно с этим требованием изучалось богословие.

3) Исходя из мысли, что в древнее время функции церковной деятельности специализировались и что, с другой стороны, потребности Церкви в ее просветительной задаче весьма разнообразны, я полагал бы желательным, чтобы Церковь предоставляла возможность знакомиться с богословским образованием не в одном, а в разных типах школ, различающихся не только уровнем получаемого образования, но и самыми курсами. Церкви необходимы и требоисправители, и проповедники, и учителя, и миссионеры, и апологеты, и начетчики, и образованные христиане, и ученые канонисты, и иноки. Совместить в одном лице среднего образования познания, относящиеся ко всем этим сферам деятельности, – едва ли возможно в настоящее время. Поэтому сохранять один общий тип богословских классов повсеместно – едва ли целесообразно.

4) Так как Церковь, при предстоящей ей борьбе и деятельности, более чем когда-либо будет иметь надобность в научной разработке богословия и в лицах, обладающих широким богословским образованием, то отсюда является особенная потребность в высших богословских школах. Проектируемые профессиональные учебные заведения для Церкви недостаточны потому, что без высших богословских учреждений у Церкви не останется органа для творческой работы в сфере религиозной мысли и церковной жизни, для осуществления ее высших просветительных задач.

5) Предлагать учреждение богословских факультетов при университетах в предположении, что они могут оживить деятельность Церкви, я считаю неудобным для епархиальной комиссии, как блюстительницы интересов Церкви. Это предложение можно оправдывать с точки зрения науки, с точки зрения свободомыслящих, с точки зрения государства и т. д. Но не дело Церкви заботиться об устройении иномыслящих с нею и, быть может, даже антихристианских учреждений.

Если в богословских факультетах Церковь хочет приветствовать стремление к истине, то она должна освятить это стремление и в своих пределах. Если в университетах предполагается возможность извращения истины, то Церковь не может выражать сочувствия этому извращению.

6) Потребности времени вызывают пожелание, чтобы получающие высшее богословское образование обладали и силой убеждения, основанного на свободном приближении их сознания к вечной истине, и широтой кругозора, объединяющего все сферы жизни. Узкая специализация науки, а тем более исключительное служение профессиональным целям – здесь не должны иметь места. Идеал реформы академий – богословский университет. Невозможность осуществить его в смысле программ ставить вопрос о специализации задач отдельных академий.

7) Принципы реформы их: свобода науки и формальное сообразование академических курсов с потребностями общецерковной жизни.

8) Применительно к сказанному желательно:

а) сохранить семинарии в Духовном Ведомстве, реформировав в общехристианские училища, и для этого самостоятельно разработать программы и изменить весь режим их;

б) сохранить богословские классы при семинариях, изменив их курс на новых началах – применительно к сказанному;

в) предоставить семинаристам, кончившим 4 класса, поступать в академии наравне с другими высшими учебными заведениями;

г) начать коренную реформу с высших учебных богословских заведений, реорганизовав их на новых началах и принципах, возведенных Церковью, и затем сообразовать с этой реформой и преобразования в низших и средних школах Духовного Ведомства.

Приложение к отделу 4: К вопросу об участии духовенства в государственных и общественных учреждениях (Записка проф. П. Жуковича)

Православное духовенство, от дней равноапостольного просветителя Руси, во все периоды русской исторической жизни, принимало такое или иное участие в государственно-общественных учреждениях. Уже в эпоху удельновечевое уклада русской политической жизни представители церковной иерархии участвуют и в княжеских советах (или думах), и на междукняжеских съездах, способствуя решению тех или иных вопросов внешней и внутренней политики в духе христианской веры и нравственности. Общий взгляд московской Руси на участие представителей православной церковной иерархии в решении государственно-общественных дел выразили в 1610 г. великие московские послы в следующих словах, сказанных ими польскому королю: «Изначала у нас в Русском царстве так велось: если великие государственные или земские дела начнутся, то великие государи наши призывали к себе на собор патриархов, митрополитов и архиепископов и с ними о важных делах советовались, без их совета ничего не приговаривали». В Москве, в 16 и 17 веках, освященный собор входил, наряду с боярской думой, в состав всех земских соборов, как его необходимая составная часть. Глубокий интерес в данном случае представляет следующее историческое обстоятельство. Когда нижегородское освободительное движение, предводимое кн. Пожарским, приступило в Ярославле в 1612 году (уже после страдальческой кончины патр. Гермогена) к устройству временного государственного правительства, то оно, не имея возможности призвать к себе кого-либо из фактически занимавших старейшие кафедры иерархов, призвало пребывавшего на покое в Троицко-Сергиевой обители бывшего Ростовского митрополита Кирилла. Под его председательством образовался в Ярославле «церковный совет» при временном правительстве, получивший вскоре затем обычное наименование освященного собора. Таким образом, даже временное правительство, в самых исключительных обстоятельствах, не считало себя вправе приступить к началу устройства земли (к созыву земского собора) без участия представительства Церкви. Представительство Церкви не только присутствует на всех московских земских соборах, но и принимает участие во всех сферах их деятельности. Оно дружно действует со всею землею заодно, помогая ей в упорядочении всех сторон внутренней государственно-общественной жизни. Первый земский собор после смутного времени возложил даже на архимандритов и игуменов такую совершенно исключительную обязанность, как сбор с населения чрезвычайного военного налога, известного под именем пятой деньги. Что же касается самой боярской думы, то в заседаниях ее патриарх, то один, то окруженный освященным собором, присутствовал во всех тех случаях, когда предметом обсуждения в ней были дела, имевшие серьезный государственно-общественный интерес или касавшиеся в каком-либо отношении тех или иных сторон религиозно-нравственной стороны жизни вообще.

К участию в московских земских соборах призывались духовные лица не одной архиерейской степени. С одной стороны, московский освященный собор 16 и 17 в., входивший, как сказано выше, в состав всех земских соборов, состоял не из одних архиереев, но и из архимандритов, игуменов и протопопов. С другой стороны, те или иные представители монашеского и белого духовенства участвовали в земских соборах, избирательных и обыкновенных, и в качестве выборных. Под избирательной грамотой 1613 года некоторые из них в самых подписях своих обозначали то, что они были на соборе в качестве специально избранных представителей (например: «с Нижнего Новгорода выборный, Спасский протопоп Сава», «с Оскола выборной, Спасский поп Богдан» и т. д.). В окружной грамоте царя Михаила Феодоровича (посланной 5 июля 1619 г. в Новгород Великий) повелевалось: «духовным людям и дворянам и детям боярским и посадским, и всяким людям vybrати (на земский собор) людей добрых и разумных, из духовного чину человека или дву, и из дворян» и пр. В заголовке сохранившейся пригласительной грамоты на земский собор (в Сольвычегодск 1612 года) упомянуты «протопопы, и попы и дьяконы».

Вообще, московская Русь допускала широкое участие в своих высших государственных учреждениях духовных лиц и притом как по их официальному церковно-иерархическому положению, так и по выборам.

В высших государственных учреждениях 18 и 19 веков не видим присутствия представителей православной церковной иерархии. Зато в 18 в. не редкостью были совместные

заседания Св. Синода и Сената по делам общего их ведения.

В начале шестидесятых годов прошлого столетия поднят был вопрос о назначении нескольких иерархов православной Церкви в число членов Государственного Совета. Но он не решен был тогда в положительном смысле. Митрополит Филарет Московский, высказавшийся отрицательно по этому вопросу, не указал, однако, никаких канонических оснований для отрицательного его решения. Это обстоятельство само по себе не лишено серьезного значения. Возражения митр. Филарета против допущения иерархов в состав Государственного Совета построены были отчасти на доказательстве практической его бесполезности для Церкви, отчасти на указании тех или иных практических неудобств при его осуществлении, и имели вообще характер временный, относительный.

В тех конституционных государствах, в которых принята двухпалатная система, представители православной церковной иерархии состоят членами верхней палаты. В Румынии, Австро-Венгрии членами ее состоят все наличные православные епископы.

В настоящее время у нас защитником интересов православной Церкви в Государственном Совете является обер-прокурор Св. Синода, который в то же время по самой идее своей должен быть защитником интересов государства в Св. Синоде и вообще в Ведомстве Православного Исповедания. Получается на практике странная аномалия: одно и то же лицо защищает интересы государства против Церкви и интересы Церкви против государства. При существовавшем у нас до 17 сего октября государственном строе, эта аномалия не была еще так сильно в глаза резкостью, и в практическом отношении ее последствия для Церкви могли и не быть слишком невыгодны. Совсем иной оборот дело может принять теперь, когда обер-прокурор подчиняется непосредственно не Государю Императору, а премьер-министру, который притом может и не принадлежать к православному вероисповеданию. Невольно вспоминается приниженное положение Св. Синода во вторую половину царствования Императора Александра 1, в период так называемого двойного министерства. Пока оно существовало, обер-прокурор подчинен был вполне министру духовных дел и народного просвещения, и для него, а с ним и для Св. Синода прямым начальством был этот министр (мистик-сектант кн. Голицын) и даже его директор департамента духовных дел. В будущем возможно и у нас учреждение особого Министерства исповеданий или культов, существующего почти всюду в конституционных государствах и держащего обыкновенно там, железных тисках все церковные дела страны. Конечно, периодически созываемый Поместный Собор русской православной Церкви с участием в нем не одной иерархии, но и общественно-народных православных сил, является наилучшей гарантией свободы и независимости Церкви от всяких сторонних на них посягательств. Но для православной Церкви очень важно, чтобы ее представители присутствовали постоянно и в Государственном Совете, где будет рассматриваться целый ряд дел, так или иначе затрагивающих ее интересы. Да и такое или иное решение чисто государственных дел не безразлично для православной Церкви, как не должен быть безразличен – с другой стороны – и для Государственного Совета голос по этим делам представителей православной Церкви, к которой принадлежит большинство населения империи.

Звание членов Государственного Совета должно принадлежать по должности первоиерарху русской Церкви, а также тем членам Св. Синода (всем или некоторым), которые будут присутствовать в Св. Синоде в силу своего церковно-иерархического положения в составе русской Церкви. Это же звание должно принадлежать и первоиерарху грузинской Церкви. Но желательно присутствие в Государственном Совете и выборных представителей православной Церкви. Право избрания их на известный срок должно принадлежать Поместному Собору русской Церкви. Самое избрание не должно ограничиваться никакими рамками церковно-иерархического и вообще церковного положения избираемых лиц. Если до сих пор мирянин (обер-прокурор) защищал интересы православной Церкви в Государственном Совете, то почему в будущем не могут их защищать пресвитеры, диаконы и даже миряне (знатоки церковного права и всех других видов права)? Если академии наук и университетам будет даровано право избрания из своей среды членов в состав Государственного Совета, то нет никаких оснований лишать этого права (в том или ином размере) и наши духовные академии, совершившие уже в историческом прошлом (начиная с родоначальницы высших школ в России – Киевской академии) великую просветительную миссию и представляющие собой особую широкую струю в общем потоке отечественного научного движения, и притом не одного богословского в тесном смысле.

В интересах православной Церкви в высшей степени важно проникновение в состав Государственной Думы благоприятных для нее элементов из среды ли духовенства или мирских людей. Православному духовенству нечего ждать себе защиты от людей дворянского сословия, обобравшего уже его самым беззастенчивым образом при Екатерине 2 под знаменем просвещения и благотворительности, без всякой пользы для этих последних, причем полная беспомощность Св. Синода в его исторически сложившемся виде сказала тут самым очевидным образом. Только в народных крестьянских массах, искони верных православной Церкви и вместе с ее духовенством переживших века тяжелого гнета и нужды, православное русское духовенство может и теперь найти защиту в предстоящей ему в Государственной Думе борьбе не с крайними (социалистическими) только, но и со всеми либеральными на западный лад партиями.

Положение о Государственной Думе (от 6 авг. 1905 г.) открыло сельскому духовенству доступ к выборам в Государственную Думу. Нужно надеяться, что в недалеком будущем открыт будет к ним доступ и городскому духовенству, а также и монашеству, и притом с правом не только избирать, но и быть избираемыми в члены Государственной Думы. Руководящим принципом в отношениях церковной власти к Государственной Думе должно быть облегчение духовенству всеми зависящими от нее средствами путей к сохранению за ним общегражданских прав. Духовное звание не должно вести к их потере или уменьшению. В православных государствах Балканского полуострова, а также в Австро-Венгрии, православные епископы, священники и монахи пользуются правом избрания в депутаты всех государственных представительных собраний и фактически в них участвовали и участвуют.

По действующим ныне земскому положению (утв. 12 июня 1890 г.) и городскому положению (утв. 11 июня 1892 г.), православное духовенство лишено не только права участия по выбору в земских, уездных и губернских собраниях и в городских думах, но и права участия в самих избирательных, земских и городских собраниях. Лишение православного духовенства этих прав мотивировано в журналах Государственного Совета следующим образом: «Участие духовенства в земском представительстве противоречит каноническим правилам и, вместе с тем, нередко вовлекает духовных лиц в борьбу местных партий к явному ущербу для их положения в среде паствы». Ни в архиве канцелярии Св. Синода, ни в архиве канцелярии его обер-прокурора нам не удалось найти следов письменных сношений Государственного Совета или Министерства внутренних дел с Св. Синодом или его обер-прокурором по настоящему вопросу. Остается поэтому неизвестным, каким именно каноническим правилам признано было в 1890 году противоречащим участие православного духовенства в земском представительстве. Ныне действующими земским и городским положениями допускаются к участию в уездных земских собраниях и городских думах лишь депутаты от Духовного Ведомства по назначению епархиального начальства. Лишение православного духовенства избирательного права в земских и городских собраниях тем еще обиднее для него и несправедливее, что этим правом оно пользовалось по земскому (утв. 1 января 1864 г.) и городскому (утв. 16 июня 1870 г.) положениям Императора Александра 2. В Высочайше одобренном 28 декабря 1863 г. мнении семнадцати членов Государственного Совета в пользу допущения православного духовенства к участию в избирательных съездах и земских собраниях приведен целый ряд положительных оснований государственного и церковного свойства (это мнение можно читать в печатной «Исторической записке о ходе работ по составлению и применению положения о земских учреждениях»). Возвращение православному духовенству дарованных уже было ему земским и городским положениями Императора Александра 2 прав на участие в земском и городском представительстве является, с православно-церковной точки зрения, в высшей степени желательным по тому уже одному, что в ведение городских дум и земств перейдет, надо ожидать, вся широкая область школьного и иного образования и просвещения, общественного призрения и т. п.

**№54, преосвященного Никандра, архиепископа Литовского, от 9
января 1906 года**

1. Поместный Собор и его состав

Необходимость созыва Поместного Собора Всероссийской Церкви для рассмотрения и решения назревших вопросов церковно-общественной жизни в настоящее время признана всеми, для которых дороги интересы православия. В состав этого Собора, сообразно апостольскому учению о Церкви, как едином теле Христовом (Еф.1:22–23; Рим.7:4–5; 1Кор.12; и др.), и в согласии с учением святых отцов и учителей Церкви (Киприана, Златоуста и др.), а также и с практикой древней вселенской Церкви, должны войти – кроме епископов – представители белого духовенства и мирян, по свободному выбору, который мог бы быть произведен таким путем: приход избирает, подобно избранию церковных старост, по одному представителю в благочиннический совет, на котором засим от благочиния избирается один мирянин и одно духовное лицо в состав епархиального съезда; последний же избирает двух членов от епархии: одного от белого духовенства и другого от мирян в состав Всероссийского Поместного Собора. На том же епархиальном съезде должны быть изысканы и средства на проезд и содержание этих двух членов, которые вместе со своим архипастырем и явятся представителями от своей епархии на Всероссийском Поместном Соборе. Но этим выборным членам Собора предоставляется только совещательный голос, решающий же голос должен принадлежать епископам и их заместителям.

Для предварительной разработки и подготовки вопросов, подлежащих рассмотрению Поместного Собора, неизбежно должна быть организована при Святейшем Синоде особая комиссия в составе архипастырей и представителей богословской науки, людей знания и опыта. Эта комиссия, разрабатывая и подготавливая к Собору подлежащие вопросы, должна находиться при Соборе и по открытии его действий – для предварительного рассмотрения таких вопросов, которые могли бы возникнуть уже во время Собора и за принятие которых к обсуждению высказалось бы не менее половины наличного состава членов Поместного Собора.

Честь открытия Поместного Собора должна принадлежать лицу, выбранному Святейшим Синодом и уполномоченному на это Высочайшей властью. Поместный Собор, по открытии своих действий, прежде всего избирает председателя из числа присутствующих на Соборе архипастырей, а затем приступает к рассмотрению подлежащих вопросов в порядке, установленном Святейшим Синодом, придерживаясь при сем обычных в делах подобного рода правил, т. е. рассматривая заранее приготовленные доклады и проекты, принимая или отвергая их, назначая комиссии или отделения для обсуждения тех или других вопросов и постановляя окончательные решения на общих собраниях по большинству голосов.

2. Разделение России на церковные округа

Первым и весьма существенным вопросом, подлежащим рассмотрению Поместного Собора, является намеченный предложением г. обер-прокурора вопрос о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов, с предоставлением им права созывать областные соборы и с передачей в их ведение из высшего церковного управления дел второстепенной важности.

В целях последовательного проведения в церковный строй начала соборности и для объединения деятельности отдельных епархий, сообразно местным окружным задачам и особым условиям жизни и быта паствы, и, наконец, для большего удобства и скорости в рассмотрении дел второстепенной важности, вопрос этот следует решить в утвердительном смысле. Количество и территориальные размеры этих округов могут быть установлены только на предстоящем Поместном Соборе, где будут заслушаны голоса всех представителей русской Церкви; но, в частности, учреждение областной церковной автономии, т. е. окружной архиепископии или митрополии в Вильне представляется безусловно необходимым. Как уже было мною донесено Святейшему Синоду в представлении от 14 декабря минувшего года за № 2600, основанием для этого служат причины религиозно-исторические, этнографические, географические и бытовые. Население всего северо-западного края России целые века находилось под воздействием других вероисповеданий, главным образом под воздействием римо-католичества, что не могло не оставить на нем своего отпечатка, как бы сгладило в нем ту явно обнаруживающуюся преданность православной вере, какая наблюдается среди населения центральной России, и уменьшило его способность сопротивления чуждым иноверным влияниям. Население этого края – однородное белорусское, в которое вкраплены, по местам, в большей или меньшей мере инородцы. Разбросанное среди болот и лесов, население это обладает небольшой сравнительно площадью земли, особенно пахотной, отличается бедностью, забитостью, некультурностью и слабой способностью сопротивления разным влияниям, идущим в ущерб делу православия.

В настоящее время белорусское племя особенно нуждается в сильном покровительстве и защите со стороны церковной власти от происков фанатизи-рованного католичества, которое стремится во что бы то ни стало поглотить теперь эту часть русского коренного населения, приобщив ее к римской Церкви. По свидетельству православного духовенства на съездах, бывших в мае – июне прошедшего года в Вильне и в августе в Минске, в настоящее время заметна необычайно энергичная пропаганда католицизма среди белорусского населения, на основании ложно понятого Высочайшего манифеста 17 апреля 1905 года, путем насилия, угроз, застращиваний и обольщений. В своем протокольном постановлении съезд духовенства Литовской епархии изображает бедственное положение православия. «Страх и ужас объял православных, – говорится в 9 протоколе съезда духовенства Литовской епархии, – с тяжелой грустью приходят они к сознанию, что остается им одно: или переходить в католичество, или всю жизнь нести тяжелый крест мученичества».

В последнее время даже церкви православные подвергаются разрушению (например, Иоанно-Предтеченская, приписная к Спасо-Преображенской церкви в м. Сморгонях), на православные монастыри делаются наезды католиков целыми толпами (например, на Сурдегский мужской и Антолептский женский Ковенской губернии), православные монахини вследствие угроз и насилий должны покидать обители (например, Антолептского женского монастыря). То же или тому подобное происходит и в других белорусских епархиях. Белорусы, по своей мягкой духовной натуре, при слабом культурном развитии, не могут еще вполне сознательно противостоять натиску воинствующего католицизма. Православная вера, составляющая доселе душу и жизнь белоруса, может сохраниться в нем только тогда, если сама белорусская Церковь свободно разовьет из себя силы и делание, потребное для поддержания веры и для борьбы с католицизмом. Она не может надеяться на внешнюю защиту со стороны гражданской власти, как было доселе; церковные интересы Церковь отныне имеет сама защищать, но для сего ее нужно поставить в такие условия, которые помогли бы ей развить эти силы. Развитие же последних возможно только путем объединения церковной деятельности отдельных епархиальных епископов в крае чрез восстановление древней Литовской митрополии с митрополитом во главе или окружной архиепископии. Таким образом, восстановится добрый

древний обычай иерархов христианской Церкви – делиться живым обменом мысли на периодически бывающих соборах (37-е пр. Апост.) под председательством старейшего из епископов – митрополита (34-е пр. Апост.). К сказанному следует присоединить и то, что исторически Западно-Русская Литовская митрополия была самостоятельной и развила в достаточной степени из себя внутренние силы для руководства и уклада церковной жизни в бывшем Литовско-Белорусском крае.

Что касается высказанного в предложении г. синодального обер-прокурора опасения, что учреждение в Западном крае митрополии может способствовать возрождению идей о культурной и политической обособленности западной окраины, то это опасение едва ли может приниматься во внимание в настоящее время, когда идея национального и религиозного обособления и объединения литовцев, поляков, латышей, евреев и т. п. осуществляются на деле, и приходится уже, таким образом, противопоставлять всему этому объединение всех православнорусов – жителей всех пяти епархий Северо-Западного края на почве религиозной. Это объединение, следует полагать, укрепит связь Северо-Западного края со всей остальной Русью православной и в то же время создаст более благоприятные, чем ныне, условия для борьбы с римокатоличеством под общим систематическим руководством областного представителя Церкви.

3. Епархиальное управление

Важнейшим органом епархиального управления должен быть епархиальный собор или съезд, периодически или по мере надобности созываемый епископом и действующий под его непосредственным председательством или же под председательством уполномоченного епископом лица. Епархиальный собор состоит из представителей клира и мирян, свободно избранных вышеуказанным способом («1. Состав Собора»). Епископом, при содействии состоящего при нем вспомогательного органа управления, предварительно намечаются главнейшие вопросы, подлежащие обсуждению на соборе, и разрабатывается программа его деятельности, о чем заблаговременно оповещается весь клир и народ. К участию в деятельности собора могут быть приглашены и другие лица, которые своими специальными познаниями или широким опытом жизни могут содействовать наилучшему разрешению тех или других вопросов. Обсуждению на епархиальном соборе подлежат все важнейшие вопросы веры и благочестия, церковной жизни, дисциплины, а также дела экономические в пределах епархии. Собор контролирует деятельность всех епархиальных учреждений и административных лиц: пресвитериата, имеющего заменить собой нынешнюю консисторию, духовно-учебных заведений, епархиального попечительства о бедных духовного звания, свечного завода, эмеритальной кассы и проч. Он же избирает на три года членов пресвитериата, административных лиц духовно-учебных заведений, председателя и членов правления свечного завода, председателя попечительства, а при обнаружении злоупотребления со стороны того или другого лица – и увольняет их до истечения срока на который они выбраны. Наконец, епархиальный собор производит всякого рода самообложения с доходов церквей на епархиальные нужды, а также избирает своих уполномоченных для участия на соборе митрополичьем и поместном. Вопросы на епархиальном соборе решаются большинством голосов с епископом во главе. Если же большинством голосов будет отвергнуто постановление, одобренное епископом, который в таких случаях останется на стороне меньшинства, то спорный вопрос переносится на разрешение митрополичьего собора.

Для постоянного содействия епископу в управлении делами епархии и производстве церковного суда епархиальный собор, по предложению епископа, избирает особый епархиальный совет или пресвитериат (взамен нынешней консистории) из лиц духовного звания в числе от 3 до 9, смотря по обширности епархии, сроком на три года. Пресвитериат должен объединить теперешние вспомогательные епархиальные учреждения, как-то: консисторию, училищный совет, попечительство о бедных духовного звания, эмеритальную кассу и свечной завод. Соответственно кругу своих дел, епархиальный совет должен иметь три особых отделения: строго церковное, училищное и хозяйственное. Во всех отделениях председательствует епископ или уполномоченный им заместитель из старейших и заслуженнейших протоиереев епархии. Ведению церковного отделения подлежат: а) попечение об умственном и нравственном образовании духовенства, б) надзор за благочинием духовенства и за его пастырскою деятельностью, в) наблюдение за богослужением и благочинием в церквях и монастырях, г) брачные споры, испытание кандидатов священства и прочие вопросы строго церковного служения. Училищное отделение ведает всеми школами, содержимыми на епархиальные средства, и имеет ближайший надзор за всеми духовно-учебными заведениями епархии. Хозяйственное отделение ведает всеми епархиальными суммами и епархиальным церковным имуществом. В пресвитериате могут быть и общие заседания с участием членов всех трех отделений по вопросам общецерковного характера или заслуживающим, по мнению епископа, особенно тщательного и всестороннего рассмотрения. На общем же собрании обсуждаются вопросы, подлежащие решению епархиального собора, и вырабатывается программа его занятий, а равно принимаются подготовительные меры для созыва этого собора.

Канцелярия пресвитериата для всех трех отделений должна быть одна, с одним секретарем во главе. В качестве исполнительного органа канцелярия могла бы остаться без коренных изменений в своем строе в теперешнем виде. Известные отрасли делопроизводства должны быть поручаемы состоящим на государственной службе столоначальникам или делопроизводителям. Светским же лицам поручается заведование казначейской частью, архивом и регистратурой. Начальником канцелярии во всех отношениях остается секретарь, руководствующийся, как и прочие чиновники, в своей деятельности указанными в общ. учрежд.

губер. (т. 2, изд. 1892 г.) относительно делопроизводства законами, а также распоряжениями начальства. В видах большей авторитетности, следовало бы секретарскую должность замещать обязательно лицами с высшим богословским образованием, по назначению Святейшего Синода, по крайней мере в митрополичьих округах, тогда как прочие должностные лица канцелярии могли бы попрежнему утверждаться в должностях местными епископами. Предоставление занятий в канцелярии пресвитериата, в особенности с замещением штатных должностей, лицам духовного звания не вынуждается необходимостью, а в Северо-Западном крае с ограниченным числом священнослужителей в епархиальных городах, даже совершенно невозможно. К тому же светские чиновники имеют быть только исполнителями постановлений пресвитериата, не принимая непосредственного участия в церковном самоуправлении и в решении церковных вопросов. Противного канонам и практике древней Церкви в допущении светских чиновников к занятиям в духовных учреждениях ничего не усматривается, тем более что и Церковь по тесной связи с государством в отношении внешних дел будет подчиняться гражданским законам, с одной стороны, а с другой – и сама в правительственных учреждениях будет занимать известное положение в лице своих представителей.

Церковный суд с епархиальным управлением неразрывно соединяются в лице епископа, который есть единственный правомочный судья и высший управитель епархии. Наиболее существенной для упорядочения епархиального суда является потребность в образовании при пресвитерии двух или более должностей, смотря по объему епархии, духовных следователей из лиц в сане священника, по возможности с высшим богословским образованием и известных своей пастырской опытностью. По более важным проступкам суд должен происходить под председательством епископа, в присутствии обвиняемого, обвинителя и свидетелей. Лицам, недовольным судом своего епископа, должно быть предоставлено право перенесения дела на суд митрополичьего собора, а в некоторых случаях и на суд первенствующего святителя русской Церкви и его Синода.

4. Благоустройство прихода

Одной из самых существенных причин упадка современной церковной жизни является разобщение пастырей от пасомых. Вместо того, чтобы находиться в тесном общении и под сенью Церкви достигать высшей цели нашей жизни – вечного спасения, пасомые и пастыри далеко стоят в настоящее время друг от друга и нередко являются как бы чужими. К сожалению, связь между ними наблюдается часто только чисто формальная. Пастыри являются только совершителями богослужений и отправителями треб, но не духовными руководителями своих пасомых, знающими их религиозно-нравственное состояние и идущими на встречу к удовлетворению их духовных запросов. Пасомые, со своей стороны, равнодушно относятся к делам Церкви и, если обращаются к духовенству, то большей частью по побуждениям чисто внешним – за получением метрической выписи, предбрачных сведений или для совершения той или иной требы, необходимой по требованию гражданских законов. Такая ненормальность во взаимных отношениях пастырей и их пасомых, могущая сопровождаться крайне печальными последствиями для обеих сторон, может быть устранена только через обновление церковноприходской жизни путем реорганизации прихода. За приходом необходимо признать не только значение территориального округа, но и значение церковного союза с известными юридическими правами. Только чрез открытие более широкого доступа прихожанам к церковным делам возможно оживление церковной жизни. Участие прихожан в церковной жизни может носить самый разнообразный характер, какой имеет сама церковно-приходская жизнь, и обнимать ее стороны: религиозно-нравственную, просветительную, благотворительную и хозяйственную. Наиболее совершенным проявлением взаимной созидательной жизни и деятельности пастырей и пасомых могут служить общие церковно-приходские собрания. Эти собрания должны быть главным распорядительным органом управления данной церковной общины. На церковно-приходских собраниях рассматриваются и разрешаются все главнейшие вопросы местной церковно-приходской жизни и избираются члены церковного совета, который имеет служить исполнительным органом общих собраний. В состав совета должны входить, в качестве его председателя, приходский пастырь и в качестве членов прочие клирики, а также церковный староста и 12 лиц, выбранных на 3 года из прихожан, известных своим благочестием и преданностью Церкви. Совет управляет текущими делами Церкви, делает доклады общему собранию и приводит в исполнение постановления последнего по всем вопросам, присущим церковным общинам. В числе таких вопросов на первом месте должны стоять религиозно-нравственные. Члены совета обязаны заботиться о поддержании религиозно-нравственных начал в приходе как собственным примером, так и исправлением лиц порочных, подверженных тем или другим нравственным недугам; равным образом, к их обязанностям относится наблюдение за инославной, иноверной и сектантской пропагандой и охранение от нее православных чад Церкви. В храме Божиим члены совета следят за соблюдением внешнего порядка и благочиния, особенно при раздаче освященной воды, вербы и проч.

В отношении просветительной деятельности, для общины открывается широкое поприще в смысле устройства различных школ, издания брошюр и листов религиозно-нравственного содержания, продажи и распространения книг, молитвослов, ведения чтений и беседований и т. п. Благотворительность общины должна простираться на всех сирых и нищих и выражаться в устройстве богаделен, приютов, ясель и рабочих домов. Наконец, чисто хозяйственные функции общины имеют простираться на заведение приходскими капиталами и имуществом, но никак не церковными суммами, состоящими, согласно 41-му пр. Апост., в ведении епископа. Но члены совета не лишаются права контролировать церковные суммы, а также правильность и законность их расходования, с докладами о сем общему церковно-приходскому собранию. При таком расширении деятельности приходских общин, для вящей полноты их прав следует признать их за юридические лица с предоставлением им приобретать, отчуждать и укреплять за собой движимое и недвижимое имущество всеми порядками и способами, в законе таковым лицам усвоенными.

Что касается вопроса о предоставлении общине права избирать кандидатов на должности священноцерковнослужительские, то таковой должен быть решен в отрицательном смысле. Основание для выбора лиц духовного сана положено в Священном Писании. «Руки скоро не возлагай ни на кого же, ниже приобщайся чужим грехом», – заповедал апостол Павел Тимофею

(1Тим. 5:26). Ясно, что по этой заповеди избрание, как соединенное с нравственной ответственностью епископа, зависит от личного его усмотрения. Затем, 7 Вселенский Собор (пр. 3-е) признает избрание в священный сан, делаемое мирскими начальниками, недействительным, а Лаодикийский Собор (пр. 13-е) воспрещает имеющим произвестися во священство избирать сбору народа. Практиковавшиеся в древней Церкви одобрения, дававшиеся прихожанами кандидатам в клир, с течением времени превратились в приходские выборы, но породили и злоупотребления, состоявшие, во-первых, в приобретении избирателей подкупом, на что указывал собору 1551 года царь Иван Васильевич, утверждая, что уличане брали с избираемых ими в причт большие деньги, и на что обратил также внимание Московский собор 1667 г., выразив, что церкви Божии корчемствовали, разумея под сим избрание к церквам тех, кто давал избирателям больше выгод; во-вторых – в посягательстве на существенную принадлежность святительской власти поставлять того, кого сам епископ признает достойным, на что указывал царь Иван Васильевич при том же случае, изъясняя, что поставленного по собственному усмотрению владыки, хотя бы был грамоте горазд и чувствен, уличане не принимали, и, в-третьих – во вторжении в причт людей несведущих, которые, по выражению собора 1667 г., ниже скоты пасти умеют, кольми паче людей (определение Святейшего Синода 1884 г. за № 1514).

Поэтому в настоящее время, когда имеется достаточное число подготовленных в духовно-учебных заведениях кандидатов на священноцерковнослужительские места, возвращаться к прежним осужденным историей временам всевозможных нестроений и злоупотреблений при выборах прихожанами названных кандидатов – в высшей степени нежелательно, а в Северо-Западном крае, ввиду исключительных особенностей местной религиозно-нравственной жизни, положительно невозможно.

5. Реформа духовно-учебных заведений

Ввиду последовавшего распоряжения Святейшего Синода от 26 ноября 1905 года, за № 6142, обсуждение следующего в порядке синодального определения вопроса об усовершенствовании духовно-учебных школ передано в подлежащие педагогические собрания, подробные соображения которых об изменениях в уставах духовно-учебных заведений будут представлены к 1 февраля сего года вместе с моим отзывом по данному вопросу.

6. Приобретение Церковью собственности

Существующий в настоящее время порядок приобретения церквами, монастырями и архиерейскими домами недвижимого имущества через испрошение Высочайшего соизволения на укрепление оно за таковыми учреждениями, с введением проектируемых церковных преобразований, децентрализацией многих церковных дел и предоставлением большей самостоятельности местным церковным учреждениям, следовало бы уничтожить, предоставив местной епархиальной власти разрешать и утверждать все акты по приобретению всякого рода имущества путем пожертвования, дарения или покупки, в том предположении, что церковные учреждения и епархиальная власть, оберегающая церковные интересы и выгоды, не станут входить в невыгодные сделки по приобретению собственности, соединенные с ущербом для церквей и монастырей. Зато продажа и вообще отчуждение церковной собственности должны попрежнему быть обставлены более строгим контролем со стороны Святейшего Синода, который своей властью, не утруждая Государя Императора, может разрешать отчуждение церковных и монастырских имуществ, если признает сие целесообразным, или же отклонять об этом ходатайства, раз заметит, что они ведут не к пользе церковных учреждений.

К сему считаю долгом присовокупить, что и епархиальному духовенству, как сословию, было бы вполне благовременным предоставить права, как юридическому лицу, приобретать на свое имя, для собственных надобностей и на собственные средства, и укреплять за собой всякого рода недвижимые имущества для лучшего самообеспечения, в видах более благоуспешной и полезной пастырской деятельности.

7. Епархиальные съезды

Из сказанного в 3 главе относительно преобразования епархиального управления усматривается, что епархиальным съездам желательно дать другую постановку, чем они имеют в настоящее время. Из узкословных учреждений с специально экономическими задачами, при коренном преобразовании церковного строя, съездам в соборном епархиальном управлении целесообразно было бы присвоить значение вспомогательного при епископе органа не только по вопросам экономическим, но и по религиозно-нравственным. Собираясь периодически или по мере надобности, съезды могут оказывать епископу существенную помощь в управлении епархией, в живых и непосредственных беседах знакомя архипастыря со всеми сторонами церковно-приходской жизни и получая от него непосредственные указания по возникающим вопросам в целях более плодотворной пастырской деятельности. Такой взаимный, живой обмен мыслей епископа с пастырями поставит их в близкие духовные отношения и предотвратит существующую ныне чисто формальную между ними связь, основывающуюся главным образом на бумажных донесениях и предписаниях. Если же к этому присовокупить, что на епархиальных съездах будут присутствовать и миряне в лице представителей общин, то, при восстановлении соборного управления в России, значение епархиальных съездов сильно увеличится и послужит одним из существеннейших факторов обновления и оживления пришедшей ныне в упадок церковной жизни.

8. Участие духовенства в общественных учреждениях

Участие Церкви в лице ее представителей, духовенства, в общественной жизни народа требуется самыми задачами и целями существования христианской Церкви на земле, определяется церковными канонами, осуществляется в жизни христианских государств.

Служа спасению и освящению человечества, его братскому объединению и нравственному усовершенствованию, Церковь необходимо должна воздействовать на все мирское, на формы общественной жизни и на внешние отношения людей между собой. Одним из необходимых условий такого воздействия является участие служителей Церкви в делах общественных и государственных. Это необходимо также еще и для представительства и защиты в государственных и общественных учреждениях интересов Церкви и духовенства. Церковные каноны, определяя степень, характер и форму участия клириков в мирских делах и запрещая им 6-м и 81-м правилами св. Апостол «принимати на себя мирския попечения», «вдаватися в народныя управления», разумеют под этими выражениями (как это очевидно из 83-го Апост.пр., 3-го и 4-го пр.Халк.Собора, 19-го пр.Карф., 11-го пр. Двукратн. и др.) занятие, из корыстных целей, делами, несовместными с церковным служением, и принятие на себя мирских начальственных должностей, но никак не устранение клириков от общественной жизни народа.

История христианских государств показывает, что везде духовенство, наравне со всеми гражданами страны, имеет и осуществляет все гражданские права, из коих самое важное – право участвовать в народном управлении, в решении общественных и государственных дел, во всех представительных общественных и государственных учреждениях. Особенно это нужно сказать о византийском законодательстве, предоставлявшем, особенно представителям высшей церковной власти, широкое участие в общественных делах. У нас на Руси это право духовенства находило для себя яркое выражение в фактах участия не только высшей церковной власти, но и низшего белого духовенства в «государственной думе», и, в качестве выборных депутатов, на земских соборах. Это право признано актами 6 августа и 11 декабря 1905 года.

Таким образом, устранение духовенства от участия в представительных, общественных и государственных учреждениях явилось бы несправедливостью и могло бы повести к еще большему разъединению Церкви и общества.

9. Вопросы, не указанные в предложении г. обер-прокурора

Из настоятельных вопросов Северо-Западного края требуют безотлагательного рассмотрения и разрешения на Поместном Всероссийском Соборе следующие:

1) В видах предотвращения происходящих погромов церквей, монастырей и церковных школ, необходимо выработать меры к обузданию столь диких проявлений фанатизма католиков путем ли воздействия на них чрез высшее католическое духовенство, хотя бы для этого пришлось снестись с Римской курией, или чрез принятие иных репрессивных мер для ограждения в сем крае угнетаемого православия.

2) Необходимо законодательным путем решительно воспретить ксендзам открыто вести пропаганду и вообще заниматься миссионерскою деятельностью среди православных, так как только господствующая православная Церковь может пользоваться исключительным правом миссионерства в России, не отказывая, однако, тем из православных, которые сами добровольно захотели бы перейти в католичество, в праве приходить к ксендзам, которые обязаны не ранее присоединять их к католической Церкви, как основательно убедившись, что это присоединение – добровольное, а не результат запугивания, прельщения или насилия со стороны последователей католицизма, и когда принятые духовным начальством меры к увещанию остаются в лоне православной Церкви оказались бы недейственными.

3) Для противодействия успехам католичества было бы в высшей степени желательно противопоставить ему твердый оплот православия в виде духовной академии в Вильне с кафедрами миссионерских предметов, где особое внимание уделялось бы изучению разностей православного и римско-католического вероисповедания, а также местных языков: польского и литовского. Учреждение академии в Вильне много облегчается тем, что здесь имеются вполне приспособленные для сего здания или в Свято-Троицком монастыре, где помещается в настоящее время духовная семинария, или в Андреевском духовном училище, в котором прежде помещалась римско-католическая академия. Училище же могло бы быть переведено в помещение, занимаемое в настоящее время женским училищем духовного ведомства, имеющим строить для себя новое здание. За устройство в Вильне духовной академии говорит и богатейшая, по количеству книжных сокровищ, публичная библиотека – первая после Императорской Публичной Библиотеки, и замечательное обилие в семинарской библиотеке всевозможных научных пособий и ученых трудов на иностранных, преимущественно латинском, языках. Кроме того, в Вильне имеется богатейший центральный архив с редкими письменными сокровищами, которыми можно было бы пользоваться для блага науки и Церкви и даже со временем принять их в ведение академии, как верной и надежной хранильницы столь замечательных памятников истории и письменности.

**№55, преосвященного Антония, епископа Волынского, от 7
января 1906 года**

Четвертая докладная записка

Разосланные епархиальным архиереям от Святейшего Синода вопросные пункты, по выражению их составителя, К. П. Победоносцева, исчерпывали все положения известного теперь в печати синодального всеподданнейшего доклада о преобразовании церковного управления в России на канонических началах. Но в этих пунктах умолчана главная мысль доклада – о восстановлении патриаршества. Мысль эта есть главная в деле церковного возрождения как по своей собственной важности, так особенно потому, что только с ее осуществлением возможно вернуть и все прочие, утраченные русской поместной Церковью, основы православного церковного строя.

Кто может отрицать, что и быт русской паствы, и все противоканонические начала в церковном управлении, и сословность духовенства, и разрыв требуемого нашею верою единения с другими поместными Церквями, – что все это искажение православия началось вместе с падением патриаршества? что патриаршество было упразднено вовсе не по тем основаниям, которые приведены в Регламенте, как сознательная ложь (и все-таки они заучиваются в школах), – а только для того, чтобы устранить главного защитника церковного строя, несовместимого с еретическим и языческим укладом новой жизни? Здесь поистине исполнилось пророческое и Господне слово: «Поражу пастыря, и разыдутся овцы стада» (Мф. 26:31).

И, конечно, не стоит и теперь толковать ни о каких соборах, ни о возрождении духовной школы, ни о возрождении прихода, пока не будет патриарха. Все это останется одними словами, да и то в лучшем случае; а в худшем, – что мы уже видим, – вместо восстановления канонического строя будут, напротив, разрушаться самые основы наших канонов и нашей веры. Что мы видим теперь в духовных журналах, на всякого рода епархиальных съездах, как не отражение современного революционного нигилизма? Московская академия почти открыто проповедует введение в России протестантства, духовные отцы – свержение епископата, духовные школы – полное омирщение, и все вместе – одних только сословных и имущественных привилегий. О Боге, о спасении, о молитве, об исправлении нравов клира и мирян, вообще – о чем бы то ни было, что написано в Евангелии и в канонах, никто ни слова.

Вот во что обратилось пробуждение духовенства, начавшееся в Св. Синоде с речей о восстановлении священных канонов. Совершилось то, что делается в революционных кругах, которые, начав речи об автономии, о свободе религиозных убеждений и печати, быстро переходят к забастовкам, бойкотам и, наконец, к открытому восстанию для ниспровержения государственной власти и самого государства. Так точно и духовная журналистика теперь старается упразднить и самую православную Церковь, причем некоторые профессора открыто заявляют, что православием следует именовать ту степень религиозного самосознания, до которой доросла данная эпоха (так что православий со времени Пятидесятницы было бы уже, по крайней мере, сорок восемь – по числу поколений), при этом, разумеется, они считают выразителями эпохи свои тощие плагиаты из протестантских журналов.

Не мудрено, конечно, понять, почему либеральная духовная и светская печать, сперва приветствовавшая синодальные доклады о восстановлении патриаршества, вообразив в них нечто похожее на их забастовки и революции, потом, раскусив, что речь идет не о церковной революции, а о восстановлении православия, забила тревогу и объявила самую ожесточенную войну главным поборникам православия – епископству и монашеству. Церковные паразиты, т. е. неверующие профессора и очень маловерующие либеральные иереи, отлично поняли, что они могут существовать и питаться только на больном теле церковном, а если оно будет вновь здорово, если православие будет восстановлено в своих главнейших канонах, то эти паразиты будут свергнуты с церковного тела, и возрожденная поместная Церковь сохранит себе только преданных православию деятелей.

И вот они, следуя методу государственных революционеров, открыли широкие источники всякой клеветы, передержек и фальшивых воздыханий, чтобы опачкать епископство, монашество, верующую паству из простого народа (см. «Богословский Вестник». 1905. Ноябрь) и особенно – значение патриаршества.

Так, профессор Каптерев в своих статьях («Богословский Вестник») представляет введение патриаршества делом только благочестивого желания царя Феодора Иоанновича, делом не церковным и не народным, и спрашивает: почему же надеются теперь через возвращение его

достигнуть какого-то духовного возрождения России? Но автор, или по недомыслию или сознательно обманывая читателя, умалчивает о том, что в 16 веке канонический патриарх заменил столь же канонического митрополита, а теперь Церковь наша управляется мирянином, обер-прокурором, или официально – учреждением коллегиальным, никогда не ведомым Христовой Церкви. Феодор Иоаннович ревновал о возвышении титула первоиерарха, а теперь у нас нужда не в титуле только, но в самом носителе власти.

Церковь на земле воинствует с внешними ей врагами веры; в настоящее время она воинствует и с внутренними врагами, ибо у нас происходит повторение ереси жидовствующих среди мирян и части клира, как и в 16 веке: ересь эта заключалась в нравственном растлении, в цинизме и безверии, возведенными в принцип. Церковь должна воинствовать всем дарованным ей духовным оружием, а наипаче отлучением, дабы неверующие кощунники не носили личину людей церковных. Воинство нуждается в военачальнике, а его у нас нет. Православная, на бумаге господствующая, а на деле поработанная паче всех вер, Церковь лишена в России того, что имеют и латиняне, и протестанты, и армяне, и магометане, и ламаиты, – лишена законного главы и отдана в поработение мирским чиновникам, прикрывающимся собранием шести, семи по-полугодно сменяемых архиереев и двух иереев. Кто же не знает, что такое учреждение – не каноническое, что оно не утверждено было при своем основании двумя патриархами? Да если б и было утверждено всеми четырьмя, то это говорило бы только о незаконном действии патриархов, а не о канонической законности синодального управления, так как никакие патриархи не могут утвердить и авторизировать учреждения, неведомого святому православию и придуманного единственно для его ослабления и растления.

Православие никогда не знало поместных Церквей без первенствующего; мартовский синодальный доклад приводит важнейшие каноны, подтверждающие необходимость иметь поместной Церкви первосвященителя, а к нынешнему синодальному правлению, к нашей обезглавленной Церкви российской вполне применимы слова Св. Писания: «Когда страна отступит от закона, тогда много в ней начальников; а при разумном и знающем муже она долговечна» (Притч. 28:2).

Но высшее правление Церкви есть собор? Несомненно, так; только не надо забывать, что соборы у нас и прекратились вместе с прекращением патриаршества. Патриарх – власть исполнительная, как писал в марте Св. Синод во всеподданнейшем адресе, а творческая и законодательная сила – собор; но собор не может собираться сам собою, не может сам провести в жизнь своих постановлений, не может вести постоянную борьбу за Церковь против враждебных ей течений общественной жизни, особенно теперь, когда последняя столь чужда главным основ христианства – смирения, воздержания и любви, а направляется самолюбием, чувственностью и себялюбием.

34-е правило св. апостол гласит: «Епископам всякого народа подобает знати первого в них, и признавати его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения» и т. д. Такого главу имели епископы всех народов, кроме российского, за последние 200 лет. Между тем, насущная в нем нужда явствует из 9-го правила Антиохийского Собора: «в каждой области епископам должно ведати в митрополии начальствующего и имеющего попечение о всей стране, так как в митрополию отовсюду стекаются все, имеющие дела. Посему рассуждено, чтобы он и честью преимуществовал, и чтобы прочие епископы ничего особенно важного не делали без него, по древле принятому от отец наших правилу». «Никому да не будет позволено собирать соборы самим по себе, без тех епископов, коим вверены митрополии» (Антиох. 20-е): иначе собор будет незаконным и постановления его не действительны (Антиох. 16-е), не действительны и епископы, избранные и постановленные без воли митрополита (1Всел. Соб.6-е и 4-е), а сами митрополиты утверждаются патриархом (4Всел. Соб.28-е) и от него приемлют суд по жалобам на них (4Всел. Соб.9-е и 17-е), а если и сим судом недовольны, то – от патриарха Царяграда⁷⁵.

Нужда в патриаршей власти, а равно и значение последней усиливается по мере того, как строй жизни подведомственных епархий централизуется, нивелируется и особенно – вступает в борьбу с мирским растлением. В настоящее время, да и уже давно, централизация церковного управления усилилась до крайности. Всякая попытка к административной инициативе в епархии должна вестись с высшим церковным управлением; епархии лишены своей казны, лишены управления над богословскими школами, над преподаванием Закона Божия в школах светских; поставление настоятелей монастырей, членов консисторий, издание всякого рода общих

распоряжений, – все исходит от высшего церковного управления. В нем главное условие церковного творчества, от него исходит учение Церкви, имущественное содержание церковных учреждений; в него стекаются собираемые в храмах деньги; епископы являются больше исполнителями предписаний высшей церковной власти, нежели начинателями церковных дел. Какой же, сколько-нибудь искренний, наблюдатель не поймет, что в правильности этого высшего управления, в его согласии с волей Божией (выраженной в священных канонах) заключается главнейшее условие спасительной деятельности Церкви, что извращение высшего ее правления везде и всегда, а особенно в необъятной, но крепко централизованной Церкви русской, есть растление всей церковной жизни, и что исправить этого зла никакими мерами невозможно, пока не устранена главная его причина!

Такова нужда России в каноническом первосвященнике. Нужно ли доказывать, что он должен именоваться патриархом, как духовный глава поместной Церкви, многократно превосходящей населением и пространством все четыре вселенских патриархата, вместе взятых, – и как начальник, по крайней мере, семерых митрополитов? 3 Вселенский Собор, как бы провидя Духом Божиим возможность умаления величия Церковью поместных мирской властью, постановил в 8-м правиле своем: «Да не преступаются правила святых отец, да не вкрадывается, под видом священнодействия, надменность власти мирския: и да не утратим мало-помалу, не приметно, тоя свободы, которую даровал нам кровию Своею Господь Иисус Христос, освободитель всех человеков. Итак, святому и вселенскому собору угодно, чтобы всякая епархия сохраняла в чистоте, и без стеснения, с начала принадлежащая ей права, по обычаю издревле утвердившемуся».

Вот почему четыре восточных патриархата сохраняют и величие власти и величие чести, несмотря на то, что внешнее значение трех из них, а особенно Александрийского, низведено до степени незначительной греческой епархии, а в России александрийская Церковь с ее 30.000 паствы едва составила бы одно благочиние, каковых в одной епархии бывает 50 и 100.

Говорят (проф. Каптерев и др.), что патриаршество у нас и принято без сочувствия клира и народа, и уничтожено при общем равнодушии, и теперь никому не нужно. Да, оно не нужно церковным паразитам, но насколько оно было дорого русскому народу, это видно из того же Петровского Регламента, где сказано, что народ чтит патриарха паче, чем державного царя; это видно из описаний России 17 века, например, арабом Павлом Алеппским, который сообщает, что не только в Москве и царь и народ встречали патриарха со слезами радости, но даже суровый воин Богдан Хмель, ведя патриарха под руку, плакал от умиления; житие преп. Дионисия Троицкого свидетельствует о таковом же приеме патриарха Иерусалимского Феофана; о том же свидетельствует житие патриарха Никона и описание его погребения. При Петре 1 скорбящие москвичи, не имея патриарха, поклонялись пустовавшему патриаршему месту, а главное – всякое патриотическое и церковное движение в 18 веке соединялось с мыслью о восстановлении патриарха, как это видно даже из книги проф. Благовидова – об обер-прокурорах Св. Синода, где автор старается доказать, что самая Церковь есть пережиток старины, подлежащий постепенному упразднению.

Все знают, что отсутствие у нас патриарха, как верховного пастыря, является главной причиной отчуждения от Церкви раскольников – ревнителей канонов; теперь они собираются создать своего лжепатриарха и обещают возить его по Москве в золотой карете 12-ю лошадьми.

Чем, как не страхом пред любовью народа к патриаршему сану, можно объяснить настоятельное старание мирских властей о недопущении в пределы империи восточных патриархов со времени упразднения патриарха Всероссийского? Холмские бывшие униаты, отвлекаемые в папизм, на епархиальном съезде 17 мая 1905 года просили разрешения поминать на ектениях хотя Иерусалимского патриарха, чтобы доказать, что наша православная Церковь не безглавая, не «казенна вира», как ее чествуют латиняне, но тоже имеет верховных пастырей.

Патриарх был и будет в глазах клира и паствы олицетворением славы Христовой Церкви, выразителем народного единодушия в православной вере. Он – духовный вождь разноплеменной православной паствы, предмет общей восторженной любви и сосредоточие церковного самосознания христиан. Таков для эллинов патриарх Константинопольский, для православных арабов – патриарх Антиохийский и для разноплеменной паствы Палестины, а равно и для всех поклонников гроба Господня – патриарх Иерусалимский. У нас с введением патриаршества высоко поднимается религиозное и народное чувство, значительно реализуется

сама Церковь в сознании русских людей, ослабнет вражда между православными племенами, совершенно ослабнет раскол, поколеблется латинство и сектанство, и могучей волной разойдется христианский энтузиазм в клире и пастве.

В наше время республиканских увлечений против патриаршества возражают в смысле опасения деспотизма над епископами, о чем упоминается и в записке по сему предмету К. П. Победоносцева. Думаем, что в этих опасениях прежде всего отсутствует искренность. Нет такого порядка и учреждения на земле, которое было бы вовсе застраховано от злоупотреблений; но думаем, что последних наименее бывает в том законодательстве, которое исходит от Бога и в котором выражается священный строй православия: от поправок православной веры еретическими заимствованиями просим нас избавить. Святые отцы не глупее нас были, устанавливая священные законы, да и то не от себя, а от Духа Божия.

По отношению к патриаршеству это станет нам вполне ясно, когда мы вспомним, что в известной записке архиепископа Волынского Агафангела доказано, что теперешний начальник архиереев, т. е. обер-прокурор Святейшего Синода, имеет в жизни Церкви больше власти, нежели имел Всероссийский патриарх, и более, нежели каждый министр во вверенном министерстве.

Не будем подробнее повторять его мыслей, но со своей стороны укажем, что обер-прокурор над Св. Синодом имеет более власти, нежели епархиальный архиерей над своею консисторией. Последний, в случае несогласия с консисторским постановлением, должен написать резолюцию, которая останется в бумагах, как донос на неправильное или неразумное решение. Если же обер-прокурор не согласен с постановлениями Св. Синода, то протокол последнего уничтожается и пишется наново.

Чтобы не быть голословными, укажем на три подобных случая, имевших место в прошлогоднюю зимнюю сессию. В ноябре 1904 года Св. Синод постановил всеподданнейше ходатайствовать о всероссийском однодневном сборе на восстановление Васильевского собора в Овруче (в качестве обета за благополучный исход войны); но г. обер-прокурор не изъявил на сие согласия, протокол с подписями был уничтожен, и написано другое постановление с разрешением объявить о сборе пожертвований в «Церковных Ведомостях». В марте 1905 года Св. Синод избрал на Финляндскую кафедру преосв. Тихона, епископа Американского, но в следующем заседании было заявлено предложение обер-прокурора о необходимости преосв. Тихона для Америки, и назначение в Финляндию последовало иное. Наконец, в том же марте было постановлено и подписано давно желанное всеми добрыми пастырями и чадами Церкви постановление о том, чтобы имущество умерших епископов зачислять в их монастырь или архиерейский дом и положить конец скандальной хронике расхищения архиерейских денег и священных предметов алчными родственниками, — но и этот проект благотельного закона был оставлен по желанию обер-прокурора.

При сем не должно думать, что мы здесь встречаемся с актом деспотического насилия. Нет, это просто обычный порядок вещей, не изменившийся даже при таком благородном и гуманном прокуроре, как К. П. Победоносцев. Раз прокурор поставлен, как ответственное лицо за делопроизводство известного ведомства, то неизбежно, чтобы он относился к последнему так же, как всякий директор — к своему департаменту, как министр — к своему совету при министре. Немногим даже духовным лицам известно и то, например, что назначение митрополитов, назначение членов Синода, вызов тех и других для присутствия в Синоде и увольнение снова в епархию — зависит исключительно от обер-прокурора, что самого Синода об этом и не спрашивают; точно таким же способом производится награждение архиереев звездами и саном архиепископа. Понятно, что в Своде Законов вы этого не найдете, что на бумаге все это определяется как бы непосредственным усмотрением Государя Императора; но законодательство синодальное, начиная с Регламента Петра 1, тем и отличается, что в нем все сознательно не договаривается или переговаривается, потому что нельзя же прямо и открыто узаконять подобное порабощение Церкви, именуемой господствующею в законодательстве, которое желает представить себя во всем согласным с православной верой, изложенной в канонах Вселенских Соборов.

Итак, единоличный управитель российской Церкви существует, и притом гораздо более властный, нежели патриарх, всегда ограниченный собором епископов; только управитель сей есть простой мирянин, а восстановление канонического патриаршества было бы усилением не единоличного, и притом совершенно незаконного, управления Церковью, но управления

соборного и законного. Совершенно справедливо говаривал покойный архиепископ Тверской Савва (+ 1896), что историю русской Церкви за 16 век приходится писать по митрополитам, за 18 век – по государям, а за 19 век – по обер-прокурорам. Что угодно будет Господу определить о сем в 20 веке, это в Его святой воле.

Для многих с нынешней осени потерял значение еще один важный вопрос: как совместить патриаршество с самодержавием? Но в марте сего года, когда поднялась речь о патриархе, консервативные газеты, едва ли искренние, забили тревогу именно в этом смысле, на самом же деле руководясь чисто партийными интересами человекоугодия не пред троном, а пред другими инстанциями.

Мы же ответим на поставленный вопрос так: хотя ревнители веры не должны ни пред чем останавливаться для восстановления истинного православия, но здесь нет никакой нужды в выборе между двумя священными симпатиями русского православного сердца: патриаршество есть не ограничение самодержавия, а самая надежная его опора. И если бы неразумным газетным консерваторам не удалось очернить и оклеветать истинно церковного и святого желания Св. Синода в марте сего года, и Синод мог бы в лице председательствующего митрополита доложить Монарху, что поместная Церковь почти 200 лет была насильственно лишена своего главы Государем Петром Первым, то наш Государь благоволил бы сам возвратить Церкви то, что отнял Петр, и признать главою ее либо первенствующего по чести Иерарха, либо Иерарха, занимающего патриаршую кафедру, предоставив назначение дальнейших патриархов избранию обычным порядком.

Если бы такое радостное событие совершилось бы в Великом посту, то не позже Троицы состоялся бы и законный Собор Поместный с участием восточных патриархов, а к осени святая Церковь процвела бы такой силой благодатной жизни и духовного оживления, что оно бы увлекло паству далеко-далеко от тех зверских интересов, которыми теперь раздирается наша родина, а Самодержавная Власть непоколебимо и радостно стояла бы во главе народной жизни. По лицу родной страны раздавались бы священные песнопения, а не марсельезы, в Москве гудели бы колокола, а не пушечные выстрелы, черноморские суда, украшенные бархатом и цветами, привозили бы и отвозили преемников апостольских престолов священного Востока, а не изменников, не предателей, руководимых жидами; и вообще революции тогда бы не было ни теперь, ни в будущем, потому, что общенародный восторг о восстановлении православия после долгого его плена и подступиться не дал бы сеятелям безбожной смуты.

Писать ли о том, что и поныне патриаршеству и самодержавию сочувствуют одни и те же круги лиц, одно и то же направление мысли? Да и может ли быть речь о папистических притязаниях патриарха при том унижении самой веры, в коем находилась последняя в 18 и 19 веках? Напротив, высшей власти приходилось бы постоянно прилагать старание о том, чтобы патриархи прониклись сознанием своих полномочий, не боялись всех и всего, чтобы громче и смелее поднимали свой голос в стране, хотя бы по чисто духовным, по чисто нравственным вопросам жизни. И конечно, лишь при условии такого дерзновения главы местной Церкви и прочие пастыри ее оставили бы свое преступное молчание пред всякою, даже временной, темной силой крамолы и безбожия и не оправдывали бы собою столь постыдно случившегося предсказания Иеронима Преображенского, который в одном пасквиле на имя преосвящ. Амвросия Харьковского утверждал, что духовенство наше, столь усердно прославлявшее тогда самодержавие, с неменьшим усердием начнет расхваливать и конституцию и республику, если подобные течения будут брать верх. Этот пасквиль покойный архиепископ отпечатал, желая тем прибить к позорному столбу автора; но, – увы! – автор и тогда встретил общее сочувствие в повременной печати, и теперь предсказания его оправдались.

Вообще же заключим свою записку тем заявлением, которое не раз повторяли мы при самом возникновении речи о восстановлении канонов сею весною. Не от Самодержавной Власти должны мы опасаться препятствий этому великому делу, но от либеральных течений в обществе и в худшей части духовенства. «Свет прииде в мир, и возлюбилша человецы паче тьму, неже свет: беша бо их дела зла. Всяк бо делаяй злая, ненавидит света, и не приходит к свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть» (Ин. 3:19–20).

Теперь уже ясно, что врагов восстановления Церкви больше, чем друзей ее; но если преосвященные иерархи решатся стоять за истину до смерти, то Господь возвратит поместной Церкви Свою милость, восстановит ее в канонической чистоте и славе, и воссоздаст помраченное двумя веками ее деятельное братское единение с прочими православными

Церквами, дабы завершить радость христиан Собором Вселенским, на котором и учение веры будет вновь уяснено в прежней его чистоте и в полном освобождении от западных примесей, и начертание совершенной жизни христиан будет предложено во всей ее нетленной красоте и увлекающей силе.

№56, Олонецкой духовной консистории, от 9 января 1906 года

Вследствие полученной консисторией телеграммы от первенствующего Члена Святейшего Синода, высокопреосвященнейшего Антония, митрополита С.-Петербургского и Ладожского, от 3-го сего января за № 2052, Олонецкая духовная консистория долг имеет почтительнейше представить Святейшему Синоду труды местной комиссии по рассмотрению вопросов, подлежащих разрешению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви, присовокупляя при сем, что, хотя постановления комиссии и были представлены на рассмотрение преосвященному Олонецкому Анастасию, но отзыва на них им не было дано и самые постановления в указанное время не были представлены – вследствие постигших его преосвященство болезни, а затем и смерти.

1. О составе Поместного Собора Всероссийской Церкви

Указанный Собор, по мнению комиссии, должен быть общецерковным: на нем, кроме епископов, необходимо должны присутствовать и представители от клира и мирян. Основанием для такого мнения комиссии послужили, с одной стороны, данные из жизни Церкви первых веков христианства, а с другой – самое понятие о Церкви, как теле Христовом, и современные условия церковной жизни в нашем отечестве. История Апостольского Собора, многих Поместных и некоторых Вселенских (во 2 веке – собор против Монтана; в 3 в. – по вопросу о падших; в 4 в. – собор Ельвирский; в 5 и 6 веках – римские Поместные Соборы; 1, 4, 6 и 7 Вселенские Соборы) показывает, что соборы эти не были только коллегией епископов, изолированно рассматривавшей и решавшей вопросы церковные, а были такими собраниями, в которых принимали живое участие не только епископы, но клир и миряне. Соборы с таким составом членов (бывшие в цветущие эпохи церковной жизни) оказались наиболее действенными и влиятельными на характер жизни и деятельность первовековых членов Церкви Христовой. За Всецерковный Собор, по мнению комиссии, говорит и самое понятие о Церкви, как теле Христовом (Еф.1:22, 23; Рим.12:4–5; 1Кор.12:4–7, 20, 23): сила и крепость Церкви заключается в живом непосредственном общении между всеми членами ее, и потому всякое разобщение между последними, особенно теперь, когда организация враждебных Церкви сил поражает своей сплоченностью и энергией, непременно поведет церковную жизнь к большому ослаблению и дальнейшей расшатанности и к еще более резкому разъединению епископов с клиром и мирянами, из коих между последними нередко встречаются лица с большим интересом к вопросам веры и Церкви Христовой. Дать возможность клиру и мирянам принимать живое участие чрез своих представителей на соборах – значило бы приблизить их к духовенству и объединить всех «в едино стадо Христово» для полной церковной жизни.

Значение голоса участников Собора при решении дела

Признав участие клира и мирян на Соборе необходимым, комиссия подвергла обсуждению второй, стоящий в связи с первым, вопрос о том, с каким же значением или с каким голосом будут участвовать при решении дел на Соборе духовенство и миряне. При обсуждении это вопроса были приняты во внимание: а) история Соборов Апостольского и Карфагенского при св. Ки-приане, которые свои, древнейшие в Церкви законы, касающиеся церковной дисциплины, по вопросу о принятии в Церковь иудеев и еретиков, выработали после «многого взыскания» или долгого рассуждения всех участников собора, в состав коих входила вся Церковь («братия»), и, таким образом, законы эти явились результатом вполне свободного выражения мнений, всестороннего обсуждения данных Св. Писания и церковной практики и, наконец, торжественного объявления воли собора в полном его составе; б) принятое в каноническом праве деление полномочий церковной власти на два рода: на полномочия по воздействию исключительно на духовный мир каждого в отдельности члена Церкви через учение, священнодействие и пастырство (полномочия священной власти) и на полномочия, относящиеся к правительственным действиям в Церкви с характером юридическим в виде законодательства, надзора и суда в сфере внешних явлений. Отсюда, и в способе применения тех и других полномочий церковной власти есть существенное различие: полномочия священной власти осуществляются исключительно иерархическими лицами, причем мирянин-неклирик не имеет никакого права вмешиваться со своим участием в отправление обязанностей, предоставленных клиру; между тем применение полномочий правительственной власти лицами иерархии и учреждениями церковными должно совершаться по возможности с участием всего церковного общества, члены которого имеют здесь свой голос. Святые апостолы и верные наставлениям и преданиям их преемники всегда охотно принимали участие мирян в облегчении бремени церковного управления и со вниманием выслушивали голос их, например, – в избрании кандидатов на церковное служение, в благоустройении храмов, помощи бедным, усилении средств просвещения и проч. И если это было еще в то время, когда епископы были избранниками церковных общин, устами верующих, и когда, следовательно, было прямое основание считать их голос имеющим решающее значение, то теперь, когда право иерархии быть представительницей мирян, в силу настоящего порядка назначения ее, может быть оспариваемо, из обсуждаемого положения не может быть, по мнению комиссии, другого выхода, кроме предоставления мирянам с их ближайшими пастырями самого широкого деятельного участия в церковном Соборе. Таким образом, ввиду современных нужд церковной жизни и всеми сознаваемой потребности обновления ее, при убеждении, что эта жизнь создается общими усилиями всех верующих, что для своего успеха она требует множества больших и мелких услуг и что только дружная работа всех членов Церкви может явить миру ее величие, жизненность и мировое значение, – признано необходимым, чтобы епископы Собора непременно предоставили духовенству и мирянам право голоса при решении всех вопросов, касающихся церковного управления – в пределах церковно-правительственной власти; в вопросах же учения, богослужения и пастырства, где проявляются полномочия священной власти по воздействию исключительно на духовный мир каждого отдельного члена Церкви, решающее значение, по мнению комиссии, должно быть предоставлено голосу епископов и клира.

С таким заключением комиссии не вполне согласился только один из ее членов – ректор семинарии архимандрит Фаддей, который в прилагаемом при сем отдельном мнении отстаивает мысль о том, чтобы клиру и мирянам на предстоящем Соборе было предоставлено право только совещательного, а не решающего голоса.

2. О порядке производства в епархиях выборов на Собор представителей от клира и мирян

Исходя из той мысли, что Собор должен быть выразителем идеи всецерковности, показателем полноты церковной жизни и единства стада Христова и, следовательно, с характером всецерковного представительства, комиссия пришла к заключению, что и в порядке выборов на Собор представителей от духовенства и мирян должно быть проведено стремление к сплочению разьединенных частей церковного общества, дабы этим обеспечить нужное единство и общий интерес к предстоящей соборной работе. Поэтому признана необходимою совместность церковных выборов означенных представителей. Для организации таких выборов найдено целесообразным воспользоваться существующими церковными установлениями с характером представительства, именно: приходскими собраниями и съездами духовенства – благочинническими и общепархиальными, приспособив их к целям достижения возможно лучшего церковного представительства. Проведенный чрез эти инстанции избирательный процесс, по мнению комиссии, может быть организован в таком виде. Каждый отдельный приход в епархии в составе лиц, живущих постоянно в пределах его и имеющих выборное право, на своем общем церковно-приходском собрании в храме, под председательством своего приходского священника, избирает из своей среды двух представителей на благо чинническое или окружное (совпадающее с территорией благочиннического округа) собрание, куда с этими представителями является и весь клир прихода с правом равного у каждого члена его голоса. Действия приходского собрания в данном случае должны иметь законную силу, если на нем участвует не менее 2/3 всех выборщиков; если же на первом собрании выборы не состоятся по недостатку избирателей, то через неделю происходит второе собрание, где выборы должны считаться окончательно произведенными при наличном числе участников. Здесь весьма важное значение будет иметь характер отношения к делу приходского священника. Не может быть спора в том, что авторитетный и убежденный голос пастыря Церкви никогда не был так нужен, как именно теперь. Пастырское равнодушие к великому долгу религиознонравственного руководства народа, ввиду всеми желаемого и ожидаемого обновления церковной жизни, было бы непростительно и даже преступно. Священник должен проникнуться той мыслью, что одновременно с преобразовательным церковным движением сверху должно быть движение и снизу, что принцип церковной соборности должен быть проведен в народное сознание, помня, что ни одна реформа не привьется, если не будет иметь тесной связи с потребностями и жизнью народа. На благочинническом или окружном собрании будут присутствовать по два представителя от мирян каждого прихода и окружное духовенство в полном его составе, или, если будут к тому уважительные причины, в числе всех членов клира округа. В городах губернских и уездных на благочинническое собрание является все местное белое духовенство – приходское и бесприходное. В окружном собрании, под председательством избранного самими участниками его руководителя, избираются совместно клиром и мирянами по два депутата от духовенства и два от мирян на общепархиальное собрание. Что же касается монашеского духовенства, то, ввиду особенностей в географическом распределении монастырей, комиссия признала целесообразным образовать из монастырей особые, обширнее благочиннических, выборные округа. Между приходским и благочинническим собраниями (желательно, чтобы они происходили в один определенный день), а равно и между благочинническим и епархиальным должны быть установлены трехнедельные промежутки. Жалобы на неправильные действия приходского собрания могут быть подаваемы благочинному, а на благочинническое собрание – местному преосвященному, в том и другом случае – в течение недельного срока. Для разбора этих жалоб учреждается особая комиссия при епархиальном архиерее, в которую должен входить член консистории по судному столу и в которой поступившие чрез благочинного и преосвященного жалобы рассматриваются в недельный срок. На общепархиальном собрании, под председательством избранного им самим лица, утвержденного преосвященным, происходят совместные у духовных и светских депутатов выборы представителей на Собор всей Церкви: по два из духовных лиц и по два из мирян. Таким образом, по мнению комиссии, от каждой епархии будут на Соборе: местный епископ, два представителя от клира, два от мирян. Епископу предоставляется приглашать с собою лиц, полезных, по его мнению, для дела, а от Собора

зависит допустить или не допустить их на свои заседания. На Поместном Всероссийской Церкви Соборе председательствует епископ-митрополит царствующего града.

3. О подготовительных и руководственных органах при Соборе

Для исполнения подготовительной к Собору работы, помимо тех докладов, какие будут представлены Святейшим Синодом, должно быть образовано при Синоде несколько комиссий под председательством синодальных членов, с приглашением в состав их сведущих лиц. Комиссии эти должны находиться в условиях вполне свободной самостоятельной деятельности с правом пользоваться всеми данными, какие только могут повлечь благоприятные результаты в их работе. Последняя должна быть представлена в Собор в подлинном виде чрез Синод с его, если потребуется, заключением. При самом же Соборе составляются особые руководственные комиссии под председательством лиц, избираемых Собором, и в эти комиссии приглашаются ученые специалисты по изучению и разработке тех вопросов, какие будут подлежать соборному обсуждению.

4. О порядке разрешения дел Собором

По вопросу об установлении порядка рассмотрения дел Собором, – что больше всего зависит от самого Собора, – комиссия высказала только пожелание, чтобы каждому члену Собора была предоставлена полная возможность предлагать на обсуждение Собора вопросы, какие, по обязательной передаче их председателем Собора на предварительное заключение подлежащих комиссий, будут признаны требующими соборного разрешения.

Относительно средств, какие потребуются на покрытие путевых издержек представителей духовенства и мирян при проезде их на Собор, комиссия высказалась в том смысле, что таковые издержки в пределах епархии должны быть отнесены на местные средства, но расходы по проезду на Собор и обратно и по содержанию во время Собора необходимо отнести на средства Государственного Казначейства; в случае же отказа казны от этого расхода и он должен быть отнесен на епархиальные средства.

5. О центральном церковном управлении

При переходе к обсуждению вопроса относительно областного управления в Церкви, комиссия, по связи этого вопроса с вопросом о центральном церковном управлении, повела предварительно речь об органе последнего. При убеждении в необходимости проведения во всем строе церковной жизни начала соборности, как существенного условия проявления полноты присущих Церкви творческих, жизненных сил и обновления духа ее, признание единоличного управления в Духовном Ведомстве в виде правительственного иерархического приматства патриарха среди равных ему по священной власти епископов противоречило бы основному взгляду комиссии. И если допустима речь о патриаршем сане, то лишь в смысле почетного титула, который может быть присвоен Петербургскому митрополиту, епископу царствующего града, как знак чести, без особых прав власти в Церкви, которые должны быть безраздельно сосредоточены в Соборе и его постоянно действующем органе – Синоде. Последний, таким образом, является центральным органом церковноправительственной власти, объединяющим все существенные функции ее. Но, без сомнения, это учреждение, представляющее из себя постоянный правящий Собор, не должно быть коллегией по образу теперешнего Синода. К организации его, по мнению комиссии, должны быть вполне применены суждения проф. Заозерского о синодальном устройстве в Константинопольском патриархате (в книге «О церковной власти»). Здесь соединены канонические требования этого устройства с предоставлением законного права на участие в делах церковного управления мнению и голосу мирян. В высших центральных церковных учреждениях патриархата – Священном Синоде и народном постоянном смешанном совете – последовательно проведен канонический принцип управления церковного чрез иерархию и отведена достаточная сфера деятельному участию православного народа. Здесь мы не видим ни папского абсолютизма, ни римско-католического клерикализма, ни лютеранского демократизма, так что здесь – по крайней мере формально – осуществляется идея живого, братского общения и деятельного участия каждого члена Церкви в общей ее жизни. С другой стороны, здесь довольно удачно проведено различие сфер власти священной и власти церковно-правительственной. В первой, как ведающей чисто церковные духовные предметы, признан высший авторитет иерархии: одна она отправляет обязанности и применяет полномочия учительства и пастырства. Мирянин, как мирянин, здесь не имеет никаких полномочий. Но в применении Церковью своей юрисдикции, особенно в области гражданских прав и привилегий Церкви, в области хозяйственной, экономической – уделено весьма достаточно участия и полномочий преданным Церкви мирянам. Сообразно такому взгляду на дело, состав Синода должен быть, по мнению комиссии, смешанный: в него должны входить епископы, клир и миряне; все они избираются Собором в качестве таких членов Синода, которые назначаются для служения в последнем постоянно и могут быть сменяемы только по усмотрению Собора. Участие в Синоде духовенства и мирян аналогично соборному. Во главе членов Синода стоит первоприсутствующий, имеющий, как и теперь, равный с другими членами голос, но ему следует предоставить право непосредственного доклада Государю в нужных случаях решений Синода. Значение обер-прокурора Синода при новом порядке должно быть подвергнуто существенному изменению. Он – исключительно только представитель государства в Церкви, но не Церкви в государстве. Интересы Церкви в государстве может защищать только избранник Церкви. Как ставленник государства, обер-прокурор принимает участие на правах члена Синода в обсуждении тех возникающих в Синоде вопросов, в которых затрагиваются государственные интересы, где необходимо согласование действий и распоряжений Синода с законами государства. Ни остановить исполнение синодальных решений, ни вмешиваться во внутренние распоряжки Синода он не может.

6. Об управлении церковном областном

Смотря на Синод, как единый руководящий и объединяющий орган в русской Церкви, необходимый для однообразного регулирования многих сторон церковной жизни и для постоянных сношений и отстаивания церковных интересов в высших центральных государственных установлениях, комиссия не находит возможным придать слишком федеративный характер органам областного управления в Церкви, из опасения расчленения Русского государства, в объединении разноплеменных областей которого русская Церковь принимала в свое время весьма видное и деятельное участие. Но, с другой стороны, нельзя отрицать права на законное существование и на проведение в строе церковной жизни и принципа децентрализации, который, по словам преосвященного Агафангела Ревельского (потом Вятского), есть «альфа в деле восстановления живой церковной деятельности». В этих видах окружной или областной собор, как организация братского совета и взаимопомощи, такое же необходимое предположение правильной церковной жизни, как и канонический Синод. Общей идеей, обуславливающей состав церковного округа, должно считать не одну только географическую близость, а больше близость этнографическую: епархия с определенным бытом и с известными религиозно-нравственными нуждами должна тяготеть к другим епархиям того же типа, и являющиеся на окружной или областной собор представители таких епархий в своих совещаниях объединяются одинаковыми условиями жизни и деятельности, чего не может быть в Синоде, где представляет вся Россия и церковная областная жизнь представляется только в общерусских проявлениях. Понимаемые в этом смысле, областные соборы отнюдь не представляют собой учреждений, конкурирующих с Синодом, а являются скорее помощниками его. Такие соборы в своем строе и отчасти в целях могли бы организоваться по образцу Поместных Соборов первых веков; главными предметами их деятельности, где им должна быть предоставлена автономия, служат миссия, душепастырство, оживление церковной жизни в областном пределе, вообще – принятие мер, исходящих из специальных задач и религиозно-нравственных нужд края. Но и здесь в вопросах принципиального характера и в делах крупного значения решения собора должны восходить на утверждение Синода, а в частях общецерковной важности – на обсуждение Собора. Областные церковные соборы, по примеру Всероссийского, должны быть смешанного состава: из епископов, клира и мирян, с приглашением лиц сведущих и вообще могущих принести несомненную пользу при обсуждении тех или иных вопросов. Право созыва областного собора и председательствования на нем принадлежит епископу главного города церковного округа со званием митрополита или архиепископа; но первенство этих епископов есть только первенство чести среди других епископов области, и, кроме полномочия на созыв областного собора и председательствования на нем, никаких других прав ему не предоставляется. При разрешении более частного вопроса о числе и составе церковных областей или округов комиссия не нашла нужным вдаваться в большие подробности. Ей казалось бы целесообразным деление России в церковном отношении и на 7 округов, как это считал удобным протоиерей Иванцов-Платонов, и на 10. При последнем делении, в России могли бы быть следующие 10 округов: 1) из епархий Польско-Литовского края, где необходима борьба с католичеством (8 еп.: Варш., Холм., Литов., Гродн., Ковен., Минск., Могил., Витеб.); 2) из епархий Прибалтийского края и Финляндии, где необходима борьба с протестантством (3 еп.: Рижск., Финлянд., Псковская); 3) из епархий Грузинского экзарха с населением иноязычным, частью инославным (4 еп.: Груз., Гурийск., Имерет., Сухум.); 4) из епархий Поволжья и Урала (восточной России) с населением инородческим и иноверным (11 еп.: Каз., Самар., Саратов., Симб., Астрахан., Пенз., Вятск., Уфимск., Пермск., Екатеринбург., Оренбург.); 5) из епархий Малороссии, частью захваченной штундой (9 еп.: Киев., Волын., Подол., Черниг., Полтав., Харьков., Курск., Ворон., Донск.); 6) из епархий северной России – частью с инородческим населением (6 еп.: Петербург., Новгородск., Олонец., Вологодск., Арханг.,...); 7) из епархий центральной России с чисто русским населением (12 еп.: Москов., Тверск., Ярослав., Костромск., Владимирск., Рязанск., Тульск., Калужск., Орловск., Смоленск., Тамбовск., Нижегородск.); 8) из епархий юга России со смешанным населением, также частью захваченного штундой (6 еп.: Херсонск., Кишин., Тавричск., Екатеринославск., Ставропольск., Владикавк.); 9) из епархий западной Сибири и средне-азиатских владений с населением частью иноверным (4 еп.: Томск., Тобольск.,

Омск., Туркестанск.); 10) из епархий восточной Сибири с населением частью иноверческим и языческим (6 еп.: Иркутск., Забайк., Енисейск., Благовещенск., Владивост., Якутск.).

7. Об органах церковного суда

По вопросу об организации церковного суда комиссия выслушала предварительно обширный касающийся этого предмета доклад о. председателя ее и, согласившись с высказанными в этом докладе основными взглядами на церковное судоустройство и судопроизводство, решила в утвердительном смысле первый, выдвинутый докладом, вопрос о разъединении органов духовного суда и администрации, признав ненормальным нынешнее совместное существование их – в убеждении, что начальник – не судья, что в руках власти правосудию грозит постоянная опасность утратить свой специфический характер, перейти в область административных соображений, усмотрения и воздействия или, во всяком случае, переплестись с ними до невозможности проведения определенной грани между судебной и административной функциями одних и тех же органов. В связи с этим стоит и отсутствие правильных путей выяснения судебной истины при таких процессуальных условиях, которые входят в круг самых жизненных и в то же время строго юридических норм, лежащих в основе всякого правильного судопроизводства и отнюдь не чуждых, а даже прямо обязательных в сфере суда канонического. Стоя на такой вызываемой самым существом дела точке зрения, комиссия пришла к мысли о необходимости организовать духовный суд в епархии в виде двух совершенно обособленных от администрации самостоятельных судебных инстанций: а) суда уездного – особого для каждого уезда епархии и б) епархиального – общего для всей епархии. В состав первого суда входят четыре члена-судьи, все выборные от духовенства уезда, утвержденные в своей должности Синодом по представлению епархиального архиерея. В случае несогласия преосвященного на предоставление судейской должности избранным духовенством в первый раз кандидатам, производятся вторичные выборы; если же последует несогласие архиерея и на эти выборы, то дело представляется на усмотрение Синода. При уездном суде состоит особый постоянный духовный следователь по назначению архиерея. Судебные сессии бывают по мере надобности, судьи созываются председателем (выборный) суда. Епархиальный суд – учреждение постоянное, состоящее из шести членов-судей, избираемых епархиальным съездом и утверждаемых Синодом из лиц опытных для исполнения судейских обязанностей, пользующихся доверием и достаточно образованных. При этом суде также состоит следователь, назначенный Синодом, по представлению архиерея, из лиц с достаточной юридической подготовкой. Желателен в отдельных случаях и юрисконсульт. При решении дел, касающихся монахов, в суде присутствует представитель от монашества. При существовании в епархии двух судебных инстанций, компетенции первой из них – суда уездного – должны быть предоставлены дела сравнительно неважные, по которым судебные решения этой инстанции могут считаться окончательными по непосредственному утверждению их архиереем, если, конечно, не будет заявлено недовольства таким решением со стороны обвиняемого или тяжущегося. Что же касается суда епархиального, то он должен представлять собой первую инстанцию для дел более важных и вторую – апелляционную – для дел, решенных в уездном суде. В суде той или другой степени судебный процесс не должен основываться лишь на тех данных, кои добыты предварительным следствием, чинимым духовным следователем, но иметь непременно составной своей частью так называемое судебное следствие, польза которого, как известно, состоит в том перекрестном допросе, который делается свидетелям сторонами обвинительной и защитой, пользующимися свидетельскими показаниями со своей исключительно целью. Способ судопроизводства должен быть публичный, открытый, обвинительно состязательный. Обвиняемому предоставляется право иметь защитника. Приговор суда идет на утверждение епархиального архиерея, а при несогласии с ним последнего – в Синод. Туда же, т. е. в Синод, переносится дело и в порядке апелляционном – при заявлении какой-нибудь из сторон недовольства решением епархиального суда. Синод же является и первой судебной инстанцией для дел, в которых одной из судящихся или спорящих сторон является епископ. Для апелляционных сроков могут служить указания гражданского судебного права. Решения окончательные приводятся в исполнение административным епархиальным органом, куда они и сообщаются для этой цели.

8. Об административных органах епархиального управления

При обсуждении вопроса об административных органах епархиального управления комиссия прежде всего остановила свое внимание на положении епископа, в какое он поставлен современным строем епархиальной жизни. В епископе видят теперь прежде всего духовного сановника, администратора, а не руководителя паствы в жизни по духу Евангелия; от него ждут резолюций, а не живого слова наставления и утешения. Преосвященный назначает в приходы священников, но не имеет возможности руководить, как следует, их деятельностью и наблюдать непосредственно за исполнением ими своего пастырского долга. Вне непосредственного архипастырского влияния остается большей частью и религиозно-нравственная жизнь мирян. Такое печальное явление во многом зависит от чересчур громоздкого строя епархиального управления, от централизации власти в нем, чрезмерного развития переписки, формализма, от обилия учреждений, подчиненных безраздельно одному епархиальному архиерею. Все существующие в епархии многочисленные учреждения и должностные лица предстают перед епископом с массой журналов, докладов, рапортов, разных ведомостей, отчетов и всяких иного рода бумаг, и, наконец, к нему же поступают бумаги и от частных лиц. Неудивительно, что огромная доля труда и времени у архиерея уходит на канцелярскую работу; бумаги заслоняют собой живых людей с их скорбями и нуждами и стесняют духовную деятельность. Поэтому первым условием нормальной церковной жизни в епархии, той жизни, которая должна держаться на заповеданном Основателе Церкви начале взаимной любви и единения (Ин.17:21; Деян.4:32), комиссия считает освобождение епископа от подавляющего бумажного производства в целях предоставления ему полной возможности сосредоточиваться преимущественно на душепастырстве, на поставлении себя как можно ближе к пастве через частые посещения ее среди будничной обстановки; в делах же церковного управления за епископом, по мнению комиссии, может быть оставлено только общее руководство; он имеет единоличную и безусловную власть в утверждении лиц, избираемых на церковные должности, руководит духовенством в деле пастырства и наблюдает за ходом жизни епархии. Что же касается самой организации епархиального управления, то здесь, как и вообще в управлении церковном, по мысли комиссии, должен быть выдержан вполне принцип соборности, требуемый духом канонов и практикой древней Церкви. Это свое положение комиссия подтверждает указанием на действия апостолов, у которых нет даже и намек на то, чтобы они когда-либо поступали секретно от верующих, предпринимали какие-либо меры, не посоветовавшись предварительно со всей Церковью данного места. В Деяниях Апостольских находится, напротив, немало свидетельств в пользу того, что они раскрывали перед всем множеством свои планы и осуществляли их при общей с ними молитве, совещании с ними и при содействии их (6:5; 11:29; ср. 1Кор.5:4). Собственно говоря, церковное управление апостольского времени нельзя даже и называть управлением или администрацией в нашем смысле. Это была просто общая единоклубная деятельность в союзе любви. Впоследствии положение дел изменилось, но принцип оставался один и тот же, по крайней мере – в православной Церкви. Делая юридическую характеристику формы церковного управления от апостольского века, комиссия склонна называть это управление самоуправлением в строгом смысле этого слова или через представительство, а в этом, по ее мнению, и состоит соборность управления в Церкви. Развивая свой взгляд, комиссия сослалась на проф. Соколова, который в речи о порядке управления в древней Церкви утверждает, что в епархиях соборность была формой проявления власти епископа, как представителя интересов целой епархии, т. е. эта власть проявлялась непременно при обязательном содействии пресвитеров и под контролем и проверкой высшего Собора. Св. Киприан не хотел, например, без согласия пресвитеров посвящать и чтеца. Корнилий, епископ Римский, не хотел без совета пресвитеров принимать в церковь Максима из новациан. Пресвитеры подают свой голос в епископском суде. Соборы указывают и епископам, не имеющим своих епархий по каким-либо причинам, место в заседаниях пресвитеров при кафедрах других епископов (Анк.18-е; 1Всел. Соб.8-е). В управлении русской Церкви, с учреждением Синода, начало соборности весьма ослабело. В епархиях оно подменено началом коллегиальным, с совершенным уничтожением самостоятельности членов коллегии, и, можно сказать, совсем исчезло, уступив свое место единоличному управлению. На высшей ступени соборность, за исключением внешней формы, мало сохранила своих канонических свойств,

лишена церковного представительства и подменена коллегиальностью, притом не основанной на выборном начале (Н. К. Соколов. Брошюра: «По поводу статьи о соборном управлении христианской Церкви»). При сохранении свойств канонической, тождественной с самоуправлением, соборности в организации епархиального, как и вообще церковного управления, учреждениям последнего, по мнению комиссии, должно быть оказано возможно большее доверие и дана самостоятельность в решении предоставленных их компетенции дел, причем необходима возможно полная децентрализация власти, которая и сообщит отдельным органам управления нужную им авторитетность, сократит время и переписку в движении дел и избавит центральные органы от обременительного для них, часто бесполезного и слишком формального бумажного делопроизводства. В целях же сохранения единства в характере епархиального управления отдельные органы его должны быть объединены в одном главном.

Результат всех суждений комиссии по данному вопросу выразился в признании ею необходимым сосредоточить епархиальное управление, под общим руководством епископа, в следующих органах: а) в постоянных, каковы епархиальное управление при епископе, благочинные с советами при них и приходские советы, и б) во временных (периодических): епархиальных и благочиннических съездах и общих приходских собраниях. Консистории же, как учреждения не самостоятельные и не соборные, а только исполнительные органы власти, перед ней только ответственные, не наделенные правительственными полномочиями и доверием от всех своих доверителей, комиссией признаны не соответствующими тем началам, которые, по убеждению комиссии, должны быть выдержаны в деле обновления церковной жизни, и потому не имеющими права на самостоятельное существование.

Епархиальное управление и благочиннические советы должны состоять, по мнению комиссии, исключительно из клира; состав же приходских советов и всех съездов должен быть с представителями мирян. В епархиальное управление епархиальный съезд избирает шесть членов на пятилетний срок; члены эти утверждаются в должности Синодом. В число их входят избираемые на тот же срок епархиальный наблюдатель церковных дел, как руководитель духовенства в церковно-школьном деле, и епархиальный миссионер, как руководитель духовенства в борьбе с расколом и сектанством. Оба они должны исключать из своей деятельности малейший оттенок начальствования; все усмотренное ими на месте и соображаемое для успехов дела, по мнению комиссии, не должно быть предметом одного лишь непосредственного доклада епископу с целью вызвать последнего на какие-либо прямые распоряжения, а должно быть представляемо непременно на обсуждение совета пресвитеров. Епархиальному управлению подлежат дела: общего управления по содержанию церквей и духовенства, управление монастырями, общая благотворительность, дела миссии, дела церковно-просветительные и в частности школьные. Из последних епархиальному управлению подлежат лишь самые общие и главные, так как преимущественное заведование церковными школами должно быть сосредоточено в уездных и приходских учреждениях. Функции нынешних епархиальных училищных советов переходят частью в епархиальное управление и – главным образом – в нынешние уездные отделения их. Епархиальное управление собирается примерно дважды в неделю под председательством епископа. Канцелярией управления заведует секретарь, избираемый самим управлением. При несогласии епископа с мнением большинства членов управления по какому-либо делу, последнее восходит на решение Синода. В уездном органе церковношкольного управления председатель и члены (духовные и светские), а равно и уездные наблюдатели церковных школ – священники выборные на пять лет, причем в состав означенного органа входят представители обществ, участвующих в содержании школ. В качестве ближайшего к приходам органа духовного управления, по мнению комиссии, должен оставаться благочинный и при нем благочиннический совет из трех, кроме самого благочинного, лиц; благочинный и члены совета при нем избираются местным благочинническим округом и утверждаются преосвященным; на должность благочинного избираются три кандидата (могут быть избраны и из лиц другого округа), из которых архиерей и делает выбор одного; благочинный и члены совета при нем увольняются по решению епархиального суда.

В вопросе об организации епархиального управления с общим мнением членов комиссии не был согласен один член ее, секретарь консистории П. Сребрянский, подавший в комиссию особое мнение, в подлиннике при сем прилагаемое.

9. Об условиях получения сана епископа

Вопрос об условиях получения епископского сана появился у комиссии, как результат разбирательства особого мнения одного из членов ее, признавшего право на власть в Церкви исключительно за монашествующими епископами. Многочисленными свидетельствами истории Церквей восточной и русской, каноническими данными и суждениями об особенностях монашеского звания по идее его комиссия доказала, что монахи – не исключительные кандидаты на епископские кафедры. По мнению комиссии, не только многие из белого духовенства, не принимая монашества, могут оказаться весьма достойными членами церковной иерархии, но даже и некоторые из мирян, известные своим добрым православным настроением, церковно-богословским образованием и духовной опытностью, не отказались бы от епископского служения, если бы оно не соединялось с монашеством. У кандидатов на епископство из не монахов, особенно из белого духовенства, комиссия усматривает даже особое преимущество по сравнению с монашествующими кандидатами в том отношении, что первые обладают весьма важным свойством – познания людей и общественных условий, что, как известно, не всегда доступно монахам. Последние по самому званию своему, как избравшие форму жизни, возникшую из личных потребностей, находятся в редком и, так сказать, формальном отношении к обществу, между тем как лица белого духовенства постоянно возвращаются в общественной среде, находятся в непрерывном соприкосновении с различными членами общества, входящими в состав Церкви, и – следовательно – приобретают большую, чем монашествующие, возможность знать их потребности и стремления. Плодом такого соотношения является житейская опытность, настоятельно нужная при решении епископом разнообразных дел, захватывающих духовную жизнь во всех ее проявлениях и действиях. Поэтому и епископы из белого духовенства лучше, чем монашествующие, могут оценивать мотивы действий членов своей паствы с ее пастырями и ближе знать их положение и нужды. Мнения таких епископов, делаемые ими указания, особое, им свойственное, освещение подлежащих обсуждению их фактов из жизни и деятельности белого духовенства будут иметь жизненный смысл и значение и не запечатлеваются формальным характером.

Установлению же такого порядка, при котором епископами были бы лучшие люди, по мнению комиссии, может помочь, как и вообще в деле реформы, возвращение к соборному строю жизни, где тесное общение иерархии с клиром и народом, близкое участие всех в деле Церкви опиралось на освященное апостольским преданием избирательное начало: предстоятели Церкви – епископы, как и весь вообще клир, были избранниками церковных общин (приведены примеры избрания епископами св. Афанасия Великого, Иоанна Златоустого, Амвросия Медиоланского и др., а равно и свидетельство Зонары при объяснении слова «хиротония»). Епископы, говорит комиссия, призываются к своему служению голосом общества верующих и клира той епархии, для которой требуется архипастырь: пусть сам православный народ в лице своих представителей, вместе со своим клиром, скажет и заявит высшей церковной власти, кого он желает видеть у себя на епископской кафедре; утверждение или неутверждение такого избранника будет зависеть от Синода. Этот же порядок, по мнению комиссии, будет представлять собой и безобидное разрешение в каждом отдельном случае вопроса о том, монаху или не монаху быть епископом: изберут монаха – он и будет епископом, изберут не монаха – он и должен быть хиротонисан без пострижения в монашество. Опасение лишения при этом кандидатуры на епископство у монашествующих, по незнанию их, не может иметь места, так как достойные епископского сана суть несомненно обладатели таких высоких качеств, что к ним вполне применимы слова Спасителя: «Не может град укрытись верху горы стоя» (Мф.5:14).

10. О строе церковно-приходской жизни

При переходе к обсуждению вопроса о церковно-приходском строе, о православно-русском приходе, комиссия ознакомилась и подвергла общему – с принципиальной стороны – обсуждению поступившую от г. синодального обер-прокурора печатную записку о приходском управлении в Финляндии. Найдено, что организация этого управления довольно удачна в той части ее, которая касается привлечения прихожан к живому участию в общих церковно-приходских делах; но допущенное при этом излишество в регламентации строя порядков и, между прочим, обусловленность права участия в общих приходских собраниях определенным материальным цензом – не нашли себе одобрения со стороны комиссии. Последняя высказалась за следующие положения по данному вопросу: 1) к обсуждению дел на общих приходских собраниях получают доступ все прихожане, имеющие не менее 25-ти лет от роду, живущие в приходе постоянно, обладающие не материальным, а нравственным цензом, и затем все те, кого найдут нужным приглашать в свои собрания сами прихожане; 2) обложение членов приходской общины взносами на церковно-приходские потребности должно быть добровольным, и всеми средствами, собираемыми и поступающими на эти потребности, распоряжаются сами прихожане; 3) ведению, попечению и решению прихожан подлежат дела: о благоустройстве храма (причем ремонт последнего может быть произведен и без испрошения на то разрешения епархиального начальства), о материальном обеспечении причта, об организации приходской благотворительности, об учреждении школ, на открытие которых испрашивается разрешение подлежащей власти (если школа церковная, то разрешение уездного церковно-школьного органа), об устройстве библиотек, читален, и вообще все дела просветительного характера; 4) приходской же общине может быть предоставлен и выбор священника для себя из лиц с соответствующими богословскими познаниями, проверенными через экзамен в специальной богословской школе, если они не будут иметь аттестата о прохождении курса последней; при затруднении прихожан избрать себе священника, по незнанию кандидатов, орган епархиального управления указывает им таковых, предоставляя общине полную возможность знать своего будущего пастыря и считать его своим избранником. – По вопросу о положении и деятельности священника в приходе комиссия симпатизирует тому взгляду, по которому священник представляется средоточием приходской жизни и находится в условиях полной свободы и самостоятельности в области душепастырства, имея право предпринимать все, что только может способствовать возвышению религиозно-нравственного состояния его паствы: может организовать около себя кружок для миссионерских целей, устраивать общества трезвости, общие моления, крестные ходы, на совершение которых в определенные дни и те же дни каждого года испрашивается разрешение одного только епископа, а не Синода – как теперь, а для единовременного совершения дается общее, а не отдельное каждый раз разрешение преосвященного. Не должна иметь места и цензура проповедей духовенства. – Должна быть предоставлена и свобода выхода из духовного звания тем, кто не желает и не может оставаться в нем, и при этом – без всяких гражданских ограничений в правах выбора себе рода службы и деятельности, а равно и места жительства. – Одним из членов припомнена была древняя визитация священников к прихожанам, и комиссия высказалась за восстановление ее, как одно из условий возвышения приходской жизни. Вопрос об отношении благочинных к приходским общинам разрешен в том смысле, что благочиннического контроля над действиями общины не должно быть, ибо здесь достаточен свой общественный контроль. – Вновь намечаемые приходские порядки выдвигают на видное место вопрос о средствах, которыми необходимо располагать общине в размерах, достаточных для осуществления своих задач. По условиям экономического быта и другим причинам, одни из приходов богаты средствами, а другие бедны. Комиссия убеждена, что приходское благоустройство, а – в зависимости от него – и вообще церковное благосостояние в районе любой величины и в отношениях самых разнообразных во многом зависит от такого порядка, при котором избыток средств из состоятельных церквей и монастырей поступал бы в учреждаемую в центре епархии кассу, откуда можно было бы почерпнуть средства для помощи неимущим церквам, для широкой постановки благотворительности, долженствующей быть всецело в руках Церкви, и для других общецерковных потребностей. Размер этих избытков определяется епархиальным собранием-съездом, где с духовенством и мирянами участвуют и монахи.

11. О духовно-учебных заведениях

Вопрос о духовно-учебных заведениях был предметом суждений комиссии на двух ее заседаниях, в которых участвовали, по приглашению о. председателя, и преподаватели существующих в г. Петрозаводске духовных семинарии и училища. По всестороннем обсуждении этого вопроса в его историческом освещении (между прочим, сравнивались уставы 1867 и 1884 г.), а равно и в принципиальном отношении – со стороны основ, характера и целей духовно-учебного дела, комиссия пришла к твердому убеждению в необходимости неотложной коренной реформы всего духовного образования, справедливо ставя ее в существенную связь с вопросом об оживлении внутренних сил Церкви путем органического сближения духовенства с жизнью народной и общественной. Главный источник всех ненормальностей духовной школы комиссия видит в трудносоединимой двойственности ее задачи – давать общее образование детям духовенства и, вместе с тем, готовить из них будущих пастырей. Заполняя семинарии с целью получить вообще образование, дети духовного сословия имеют самые разнообразные мысли и намерения о предстоящих жизненных путях, но школа всех их приспособляет и располагает идти только по одной дороге, не справляясь с их призванием. Получается искусственное подневольное уловление в пастырство, озлобляющее до протеста крайние элементы и заражающее апатией покорных и слабохарактерных. Выход из такого положения очевиден: необходимо перестать пользоваться одной целью духовно-учебных заведений во имя другой, существенно несходной с первой, – разделить учащихся вообще от готовящихся специально к пастырству, так чтобы одни свободно, без обречения на специальность, проходили общее образование, а другие так же свободно, по личному избранию, подчиняли себя всем требованиям богословского образования и церковной дисциплины. Таким образом, насильственно соединенные в одном типе нынешних духовно-учебных заведений две школы должны быть: одна – исключительно общеобразовательной, а другая – специально пастырской, богословской, отдельной от первой. Та и другая школы должны совершенно утратить кастовый характер; должны быть всецерковными или сословными, доступными для всех, желающих в них учиться. Успешно окончившим курс общеобразовательной школы следует открыть свободный ход всюду, куда влечет их призвание. Отсюда же поступают по своему свободному избранию зрелосознательные юноши всех сословий и в пастырско-богословскую школу, где будет полная возможность действительного воспитания будущих пастырей, устройства для них обстановки, располагающей к серьезному пастырскому настроению. Богословская школа должна быть открыта и для всех вообще лиц со средним образованием, без прохождения ими приемного испытания; а под условием выдержания последнего в нее могут поступать и лица с домашним образованием; допускаются и женатые. Общеобразовательная школа или гимназия Духовного Ведомства, по мнению комиссии, должна иметь 7-летний курс, быть в каждой епархии и содержаться на средства духовенства и казны. Школа пастырская имеет курс трехлетний и содержится на церковные средства; большинство членов комиссии признало необходимым существование такой школы в каждой епархии, но четыре члена высказались за учреждение одной пастырской школы для нескольких, например трех епархий, мотивируя это: а) малочисленностью могущих поступать в эту школу учеников из одной епархии, б) желанием сократить в данном случае расходы Церкви и в) расширением интереса к пастырскому делу при взаимообщении питомцев района, превышающего размеры епархии. Член комиссии архимандрит Фаддей настаивал на необходимости учредить, наравне со школами означенного типа, еще такие учебные заведения, где давалась бы специальная подготовка к пастырскому служению в течение всего 10-летнего курса «измлада». Со стороны прочих членов комиссии в этом был усмотрен католический способ обособленного образования иерархии. – Отношения епископа к духовной гимназии и к пастырской школе, по мнению комиссии, должны быть неодинаковы: по отношению к первой он только наблюдает за общим направлением ее, а по второй он действует в духе устава 1867 г.: дела обсуждаются и решаются советом преподавателей и постановления представляются на утверждение архиерея; при несогласии епископа с каким-либо решением, последнее восходит на усмотрение центральной духовно-учебной власти; во всяком случае, по вопросам педагогическим весь состав преподавателей имеет право решающего голоса; члены распорядительных собраний избираются корпорацией на 3 года. Начальники школ – выборные от всей корпорации при участии представителей духовенства (а в гимназии, кроме того, и

представителей мирян), избираются впервые на 10-летний срок, а затем, по истечении пятилетий, утверждаются высшей властью. Ректор пастырской школы может быть и из монахов и из белого духовенства безразлично – дело в одной только личности. Член комиссии архимандрит Фаддей остался при особом мнении: отношения епископа к пастырской школе должны быть такими же, каковы они и теперь по уставу 1884 года; начальствующие этой школы получают свои места в административном порядке. В заключение комиссия признала нужным иметь псаломщические классы по монастырям... На случай оставления духовноучебных школ прежнего типа комиссия приняла следующие решения: 1) приемных в семинарию из училища и переводных в том и другом заведении испытаний не должно быть, но могут быть оставлены предметные экзамены по окончании изучения известной науки; 2) учебные курсы должны быть сокращены со стороны фактического материала в целях усиления научного, философского освещения предмета; 3) преподаватели не должны быть стеснены ни программами, ни учебниками, ведя дело сообразно с успехами науки; общая программа должна содержать только существенные пункты, более же подробную преподаватель имеет свою, предъявляемую совету преподавателей; ему же, с согласия совета, предоставляется и выбор учебников, метод же обучения – дело исключительно личное преподавателя; 4) в духовных училищах преподавание греческого языка должно начинаться со 2-го класса, латинского – с 3-го класса; 5) училища совершенно самостоятельны и ни в чем не зависимы от семинарий, те и другие автономны в вопросах учебно-воспитательных; начальство – выборное. – Речь коснулась и епархиальных женских училищ. Было признано нужным, чтобы здесь начальница была выборная, инспектор классов имел больше самостоятельности, воспитательницы были свободны от гнета начальницы и имели голос в совете училища; чтобы были отменены все циркуляры, связывающие отношения духовенства к училищу; введены в учебный курс психология, педагогика (вместе с существующей дидактикой), домоводство и новые языки; поднято общее образование; дана пенсия воспитательницам.

12. О порядке приобретения Церковью собственности

Вопрос о порядке приобретения Церковью собственности решен в смысле тех суждений, какие приведены по этому предмету в циркуляре г. синодального обер-прокурора, т. е. имущественное право Церкви и духовенства не должно подвергаться каким-либо ограничениям, и юридическим лицом должны быть в данном случае действительные, а не фиктивные приобретатели. Все это, по мнению комиссии, есть только возвращение к древнему порядку, установленному при Константине Великом, когда Церковь пользовалась полной свободой и даже льготами по приобретению имущества и владению им.

13. Об епархиальных съездах духовенства

Вопрос о съездах духовенства комиссия единогласно решила в смысле предоставления этим органам полной возможности работать по более широкой, чем теперь, программе. Была приведена история подобных съездов в древней Церкви и на Руси (соборы Ельвирский и при Иоанне 2 Новгородском) и, на основании исторических примеров, признано желательным, чтобы епархиальный съезд духовенства созывался не менее одного раза в год, а благочиннические – не менее двух раз; чтобы состав этих соборов был смешанный, т. е. на них присутствовали бы вместе с лицами духовными и миряне, чтобы первое место на съездах занимали вопросы религиозно-нравственные, чтобы епархиальные съезды происходили по возможности под председательством епископа и чтобы, при несогласии архиерея с каким-либо постановлением съезда, последнее было представляемо в Синод; те вопросы, которые затруднятся по каким-нибудь причинам решить окружно-училищный съезд, передаются на разрешение общепархиального съезда. Съезды окружной и епархиальный по отношению к духовно-учебным заведениям не ограничиваются решением вопросов одного только экономического характера, но обсуждают и воспитательные вопросы.

14. Об участии духовных лиц в общественных учреждениях

Вопрос об участии духовенства в общественных учреждениях и вообще в мирских делах на основании многих исторических данных, особенно из русской истории до Петра Великого, а равно и по соображению с каноническими требованиями и с нуждами современной жизни, решен положительно. Ввиду трудности представить здесь дело в чертах, исчерпывающих вопрос в подробностях, комиссия нашла возможным ограничиться только простым указанием на необходимость для духовенства держаться в данном случае Евангельских принципов, и там, где его благоразумие говорит о неприличии и неудобстве участия в каком-нибудь деле, оно отстраняет себя от последнего.

15. О некоторых изменениях в богослужебной практике

Недочеты в существующей богослужебной практике были предметом следующих пожеланий комиссии: 1) язык богослужения – старый и неисправный – должен быть приспособлен к пониманию молящихся, не утрачивая в то же время своих славянских особенностей; 2) церковный устав должен быть пересмотрен и из него оставлено только то, что является наиболее целесообразным в условиях современной жизни; 3) должны быть пересмотрены и чинопоследования, помещенные в требнике; 4) евхаристическую молитву следует произносить громко, Евангелие читать обратясь к народу, избегать повторений, иконостасы иметь в уменьшенном виде, Царские врата при совершении литургии – открытыми; 5) язык Библии подвергнуть исправлению.

Значительный вопрос циркуляра о том, могут ли быть возбуждаемы на Соборе вопросы, помимо намеченных Синодом, разрешен комиссией в утвердительном смысле – с пожеланием даже, чтобы предметом суждений Собора сделалось вообще все, что так или иначе может служить к упорядочению церковной жизни.

Особое мнение члена комиссии, ректора семинарии архимандрита Фаддея

Имею честь доложить, что, по моему мнению, следует несколько восполнить высказанные комиссией положения относительно прав председательствующего на областных соборах митрополита. По церковным канонам митрополиту предоставляются некоторые преимущества: а) митрополит созывает соборы и председательствует на них, без его присутствия собор не может состояться (Антиох.16-е, 19-е, 20-е; Халк.19-е); б) он утверждает избранных собором епископов, и без согласия его избранный не может быть епископом (1Всел.4-е, 6-е; Антиох.19-е); в) принимает жалобы клириков на епископа и созывает соборы для обсуждения их (Халк.9-е; Антиох.14-е; Карф.28-е); г) обзрывает епархии епископов своей области (Карф.63-е); д) без его согласия епископы не должны делать ничего «особенно важного», кроме касающегося собственной епархии (Апост.34-е; Антиох.9-е). Впрочем, это – собственно «преимущества чести», так как и митрополит дел, касающихся всей области, не должен творить без согласия всех епископов области.

Затем в состав Синода должны входить только епископы, и только из епископов состоящий собор должен ведать всеми «духовными делами», например назначением епископов, охранением веры и ее распространением, благоустройством духовно-учебных заведений и т. д. Ссылка комиссии на то, что при Петре Великом в состав членов Синода входили архимандриты и протоиереи, не говорит в пользу комиссии, потому что такой состав Синода не согласуется «с каноническими основоположениями относительно состава собора» (ср. Н. Заозерского «О церковной власти», с. 359). Что касается низшего духовенства и мирян, то они могут быть привлечены к участию в решении только некоторых дел Церкви, например хозяйственных, подобно тому, как в греческом «смешанном совете», состоящем из четырех епископов и восьми мирян (см. диссертация Н. Заозерского «О церковной власти», с. 382– 392).

Члены комиссии высказались за то, что должность обер-прокурора Св. Синода в теперешнем ее виде должна быть упразднена в том лишь случае, если теперешний состав Св. Синода (одни епископы-монахи) изменится, и в состав Св. Синода войдут с правом голоса белое духовенство и миряне. Основание для подобного мнения – то, что обер-прокурор один только может отстаивать интересы белого духовенства при теперешнем составе Св. Синода. Но ведь в Св. Синоде должны отстаиваться не «интересы сословия», а нужды Церкви, в отношении же к последним не должно быть какой-то существенной противоположности между духовенством белым и черным. Поэтому, по моему мнению, упразднение должности обер-прокурора в теперешнем ее виде должно быть совершенное, так как для нее нет основания в канонах церковных, и жизнь Церкви в различные времена терпела от обер-прокуроров сильные стеснения (см., например, последние статьи еп. Евдокима в «Богословском Вестнике»). «Обер-прокурор, назначенный Государем, должен ограничивать свою деятельность лишь наблюдением за тем, чтобы синодские решения не доходили до каких-либо посягательств на область государственную». В случае таких посягательств обер-прокурор может заявлять протесты, доносить Государю, но иметь право голоса, одинаковое с членами Синода, оказывать «прямое влияние на решение дел синодских... он не должен» (см. протоиер. Иванцова-Платонова «О русском церковном управлении», с. 86).

Особое мнение того же лица

С мнением комиссии относительно предоставления мирянам одинакового с епископами, решающего, не совещательного только голоса не могу согласиться по многим соображениям. Прежде всего, что через это вносится в Церковь какой-то парламентаризм или даже республиканское устройство, совершенно несвойственное духу и устройству Церкви Христовой. Правовой строй республик с решением большинства есть языческий, а не христианский. Господь учредил в Церкви особый класс пастырей и учителей (Еф.4:11; 1Кор.12:28–30), о которых сказал: «Слушай вас Мене слушает, и отменяя вас, Мене отменяется» (Лк.10:16). Между тем при одинаковом праве голоса епископов и мирян не только сглаживается различие между богоучрежденным сословием учителей и пасомыми, но, кроме того, прямо допускается в принципе возможность непослушания мирян епископам, когда на соборе большинство голосов будет на стороне первых. Совершенно устраняется, таким образом, принцип, что епископам нужно повиноваться, как Христу (Игнатий Богоносец), и «кто не с епископом, тот и не в Церкви» (Киприан Карфаг.). Если мы присмотримся к характеру пастырской деятельности св. ап. Павла, то заметим, что он действует в Церквах, как полновластный пастырь (см., например, 1Кор.5:11, 1Тим.1:3, 2; Тит.1:5). Если же и были совещания апостолов с верующими (см. Деян.15 гл. или 6 гл.), то, очевидно, через них не умалялось полновластное значение в Церкви апостолов, а следовательно, и их преемников – епископов (см. 2Тим.2:2, 1Тим.4:12, 5:17–22, Тит.1:5, 2:15); очевидно, апостолы не были через собрание верующих ограничиваемы в данной им от Христа власти, наподобие президентов республики. Верующих они приглашали на совещания для достижения большего единодушия в постановлениях собора апостолов и пресвитеров (Деян.15:25, ср. 1Кор.5:4), а не для решения дел по большинству голосов: не через простое большинство голосов добывалась истина, как в республике, а через богодухновенные слова учителей Церкви, которые, как запечатленные Духом Святым, невольно покоряли умы и сердца всех верующих, способных к восприятию истины. Конечно, и при таком совещательном участии мирян власть апостолов и епископов могла не иметь и не имела ничего общего с папским абсолютизмом.

В доказательство того, что в Церкви апостольской дела на соборах решались по большинству голосов, и что при этом решении одинаковое право решающего голоса имели епископы, пресвитеры и миряне, ссылается комиссия на историю собора апостольского (Деян.15, особ. ст.22: «апостолы и пресвитеры со всей Церковью рассудили»). Ссылка – неосновательная: в данном месте говорится только о том, что у верующих «было одно сердце и одна душа» (Деян.4:32), и потому они готовы были «постоянно пребывать в учении апостолов» (Деян.2:42) без всякого прекословия, кроме некоторых лжеучителей (Деян.15). Но из приведенного места совсем не видно, кому принадлежало бы право решающего голоса в случае разногласия присутствовавших на соборе мирян с апостолами и епископами. Слова Св. Писания, следовательно, и повествование книги Деяний об Апостольском Соборе нужно понимать не по собственному лишь единоличному разумению, но и согласно с разумением Церкви, иначе можно впасть в протестантство, отвергающее предание церковное. Что же говорит нам последнее в данном случае? Практика последующего времени всецело подтверждает то, что на соборах право решающего голоса принадлежало собору епископов, голос же пресвитеров и мирян имел лишь значение совещательное. Правила Апостольские прямо говорят: «Дважды да бывает собор епископов в году» (пр.37-е); «пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего да не совершают; ибо ему вверены людие Господни, и он воздаст ответ о душах их» (пр.39-е); пресвитер, устраивающий собрания отдельно от своего епископа, должен быть извержен, как любоначальный, миряне, с ним собирающиеся, отлучены от общения церковного (Апост.31-е); если кто досадит епископу, должен быть извержен (Апост.55-е). Согласно с этими правилами Апостольскими, на последующих соборах право решающего голоса принадлежало епископам. Комиссия не привела случаев, когда бы мирянам принадлежало право решающего голоса наравне с епископами. Указывали, правда, на 2 Всел. Собор, где будто бы подписались вместе с епископами и пресвитеры с одинаковым правом голоса. Но актов 2 Всел. Собора не сохранилось. В списке пресвитеров, подписавшихся на 2 Всел. Соборе вместе с епископами, действительно есть несколько пресвитеров, относительно которых не замечается, что они подписались «от лица епископов»; но из молчания вывести какое-либо доказательство весьма

трудно. Почему не думать, что все пресвитеры подписались от лица епископов, как это о большинстве их и замечено (см. «Деян.Всел. Соб.», 1, с. 272–281, Казань, 1859 г.). Да если бы означенные пресвитеры подписались даже от своего лица, то не означало ли бы это только того, что еще не был строго установлен порядок подписей присутствовавших на соборе? Можно ли основывать какое-либо доказательство на исключении? Ведь ясно, что общий порядок был тот, что решающее право голоса принадлежало одним епископам. Так говорят проф. Н. Заозерский, прот. Иванцов-Платонов, архим. Михаил и другие канонисты.

Предоставить мирянам право одинакового с епископами решающего голоса на соборах невозможно в настоящее время еще по одной крайне важной причине: среди мирян, как известно каждому из собственного опыта и из сообщений печати, множество еретиков или вообще людей, подлежащих церковному отлучению за явные ереси, отрицание того или другого догмата веры, за нравственные пороки, за которые по правилам церковным полагается отлучение от Церкви. Как же теперь все эти миряне могут решать дела Церкви? Правда, комиссия исключает из круга вопросов, подлежащих ведению мирян наравне с епископами, вопросы веры и благочестия; но как определить круг дел, не относящихся к вере и благочестию? Не все ли в Церкви должно быть проявлением веры и благочестия? Комиссия круга дел, не относящихся к вере и благочестию, не указала. Если отнести сюда выбор пресвитеров и епископов, то как же миряне, утратившие веру во многие догматы веры, могут иметь решающее значение при выборе? Не говорим о том, что правила Апостольские – не в пользу решающего голоса мирян при выборах. В правиле Апост. 36-е читаем: «Аще кто, быв рукоположен во епископа, не примет служения и попечения о народе, ему порученного, да будет отлучен, доколе не примет онаго. Также же и пресвитер и диакон. Аще же пойдет туда, и не будет принят, не по своей воле, но по злобе народа: он да пребывает епископ, клир же града того да будет отлучен за то, что такового непокориваго народа не учили». Если взять дела благотворения, то и имущество церковное должно находиться под властью епископа. «Аще бо драгоценныя человеческия души ему вверены быть должны: то кольми паче о деньгах заповедать должно, чтобы он всем распоряжал по своей власти, и требующим через пресвитеров и диаконов подавал со страхом Божиим» (пр. Апост.41-е, 38-е). Конечно, епископ может предоставить пресвитерам, дьяконам и даже мирянам довольно большую свободу в заведовании церковным имуществом, как апостолы поручили это диаконам, чтобы самим «пребыть в молитве и служении слова» (Деян.6); но все же иное дело, если сам епископ уступает часть своих прав, или если эти права отнимаются у него. Если взять церковный суд, то епископа и пресвитера может судить только епископ (1Тим.5:19, Апост.пр.74-е). Если взять церковную дисциплину, устав церковный, то кому же не ясно, что через своевольное изменение их без надзора высшей церковной власти могут проникнуть в Церковь ереси, например, начнут выносить иконы Богородицы и святых или мощи их из церквей, требовать отмены чтения символа за богослужением, как в Англии, закрывать обители иноческие и т. д.? Если предоставить в главное ведение мирян духовно-учебные заведения, то не значит ли это – разрешить воспитывать будущих пастырей по духу мира, а не по заветам Церкви: ведь мир будет искать пастырей себе по духу? Если теперь учебники богословия не чужды некоторых догматических заблуждений, то что же будет, когда духовная школа перейдет в главное ведение мирян?

Комиссия указывала на какие-то нужды времени, по которым необходимо дать мирянам право одинакового с епископами решающего голоса в делах церковных. Что это за нужды? Комиссия этого точно не определила. Самое главное, по-видимому, здесь то, что теперешние епископы – не выборные и потому будто бы не могут быть представителями всей поместной Церкви на Соборе. Но ведь и апостолы, и отцы Церкви (Василий Великий, например) поставляли иногда епископов единолично (см., например, Тит.1:5), – и разве поставленные ими епископы не были представителями своих Церквей? Кроме того, широкое участие мирян может быть совещательное, а не решающее. Наконец, если некоторые нужды времени требуют более широкого участия мирян, то ведь другие, напротив, требуют усиленной охраны Церкви от волков ее пастырями: ведь охрана эта вверена в особенности епископам (1Тим.4, Тит.1, ср. Деян.20:28). Могут ли быть надежными охранителями Церкви современные миряне, из которых многие, как сказано, сами заражены еретическими мнениями? Как поручиться за то, что они и в руководители себе не изберут человека, зараженного такими же мнениями?

Не могу согласиться и с мнением комиссии относительно выбора представителей на Соборе от монашествующих. Практика древних соборов в Церкви вселенской, и русской – в частности,

показывает, что на них приглашались для участия в совещаниях лица монашествующие. Нет необходимости, чтобы каждый монастырь избирал от себя представителя, но пусть Святейший Синод предлагает это сделать хотя бы некоторым из монашествующих, и Собор призовет, кого найдет нужным, для участия в соборных совещаниях. Правда, и епископы в настоящее время – монахи; но ведь большинство из них не проходили сами монашеской жизни и могут не знать ее как следует, по крайней мере – опытно. Кроме монашества монастырского, необходимо призвать для участия в соборных совещаниях и некоторых из представителей ученого монашества, которое по условиям жизни составляет особую отрасль монашества: это – будущие пастыри Церкви, это люди, стоящие близко к духовно-учебному делу, к миссионерству, представители богословской науки и т. д., т. е. к таким отраслям церковной деятельности, к которым могли не стоять близко ни епископы, ни монахи монастырей. Если предоставить право избирать представителей на Собор (кроме епископов и мирян) только белому духовенству и монашествующим монастырей, то, конечно, они будут избирать из своей только среды, и ученое монашество останется в стороне, тогда как ему-то естественнее всего являться на соборах в качестве представителей от монашествующих. Ввиду этих соображений, удобнее – соответственно порядкам древней Церкви – поставить приглашение представителей ученого монашества в зависимость от воли Святейшего Синода или от епископов.

Особое мнение того же лица

Не могу согласиться со следующими положениями комиссии:

1) На аскетизм монашеский высказан взгляд, как на какое-то одностороннее проявление христианской жизни. Между тем аскетизм или подвижничество составляет существо христианства. Оно есть нечто иное, как осуществление обязательной для всех заповеди Христовой: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф.16:24). Св. апостол говорит, что «подвижничество» обязательно для всех (1Кор.9:24–27), что все христиане должны «распять ветхого человека», «упразднить тело греховное» (Рим.6:6) в силу обетов крещения (ст. 3–4), «распять плоть со страстями и похотями» (Гал.5:24). Другой апостол, Иоанн, говорит: «Не любите мира, ни того, что в мире... ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира (сего)» (1Ин.2:15–16).

2) Слишком преувеличенно говорит комиссия о незнании жизни епископами-монахами. Во-первых, многие из них (кажется, большинство) – вдовцы, следовательно – хорошо знают жизнь. Во-вторых, епископы, не имевшие жен до пострижения в монашество, все же жили в семье, много присматривались к жизни, обращались с людьми разных званий и состояний, а потому в большинстве случаев имели полную возможность изучить жизнь. В-третьих, если не знают некоторые из епископов последнего рода всей сложности житейских отношений, то могут иметь, благодаря иноческим подвигам, более опыта духовного, понимания духовной жизни, а такой опыт важнее для епископа чем даже знание житейских отношений во всей их сложности. Недаром св. подвижники с одного взгляда определяли характер человека, а некоторые сподоблялись и дара прозрения.

3) Хотя принятие монашества, как условие для избрания в епископы, не установлено церковными правилами, а только обычаем, хотя можно указать случаи избрания в епископы без предварительного пострижения в монашество, но рассмотрение каталогов показывает все-таки, что обыкновенно епископы были из монахов. Так с 4 века до половины 18 века в числе 174 епископов в Константинопольском патриархате, где было менее благоприятных условий для монашества епископов, было 73 из монахов, 31 из клириков пресвитеров, 20 из диаконов, 1 из чтецов, 10 из светских званий, 39 неизвестного происхождения. Но, как говорит известный канонист – еп. Иоанн Смоленский, некоторые из клириков, получивших епископское достоинство, предварительно постригались в монашество или вели монашескую жизнь. Тем более предварительно постригались выбираемые из мирян, чего требовал и положительный закон (см. Justin Nov. 6, 123, 137. Cod. car. 42, 48). Поэтому, хотя не прямо из монахов выбирали иногда епископов, а избирали из пресвитеров, даже мирян, но эти часто постригаемы были в монашество пред посвящением в сан епископа. Не все принимали полное пострижение в монашество, некоторые только принимали малый образ монашества или так называемый рясофор (как и теперь часто бывает в Греции), но все же не прямо из пресвитеров и мирян обыкновенно возводились кандидаты в епископское достоинство («О монашестве епископов» Иоанна, еп. Смоленского, с. 43–54).

4) Что касается правила Константинопольского Собора (879 г.), по которому епископу запрещается «снити в монашеское житие и стати на место покаяния», то этим правилом, по изъяснению преосв. Иоанна Смоленского, не воспрещается избирать епископов из людей, принявших монашество до посвящения в епископы. Правилом воспрещается собственно епископам, не постриженным до епископского посвящения, принимать потом пострижение и вести «монастырский образ жизни» с «послушанием и ученичеством»; если же захотят этого, то должны оставить кафедру (как это и теперь бывает с епископами, принимающими великую схиму). Такое толкование правила подтверждается тем, что на Востоке епископы обыкновенно избирались из монашествующих, избираются и доселе. Св. Симеон Солунский говорит даже, что почти везде епископы поставляются из монахов или прежде облачаются в монашескую одежду (см. о всем сказанном в кн. еп. Иоанна Смоленского «О монашестве епископов», с. 15–43).

5) Не могу согласиться с мнением комиссии о том, чтобы новоисправленные богослужебные книги печатались впредь с сокращениями, сделанными соответственно предполагаемому сокращенному для приходских церквей уставу. Если даже и явится подобный устав, нет никакого основания сами богослужебные книги печатать с сокращениями. Зачем опустошать богатую

сокровищницу высокой духовной поэзии, накопившуюся в течение веков от трудов знаменитых в Церкви мужей? Зачем насильственно стеснять порывы духа, стремящегося к долгой молитве? Ведь еще и теперь есть много людей, которые никак не могут примириться с сокращением богослужебного чина, не только среди монахов, но и благочестивых мирян. Не предпочитают ли и теперь подобные миряне тех священников и те храмы, где службы идут по уставу церковному, без искажений? Не отделятся ли от Церкви новые «старообрядцы», которые не в состоянии будут перенести искажение богослужебных книг? Не установится ли лишняя преграда между Церковью и прежними старообрядцами? Кроме того, по самому существу дела, ведь нельзя создать одного определенного устава для приходских церквей: ведь иной приход состоит из ревнителей благочестия, благолепных служб; в иной храм ходят люди, занятые житейскими делами и не имеющие времени на долгие службы, или люди, тяготящиеся такими службами; иные церкви назначены для малолетних детей и т. д. Придется создавать несколько уставов. Да если бы и создан был один общий сокращенный устав или несколько, произвол не прекратился бы: слишком уже вкоренился произвол в совершителей богослужения, чтобы они беспрекословно подчинились новому уставу и перестали допускать в нем сокращения.

Особое мнение того же лица

На предыдущих заседаниях высказывалось неоднократно мнение о способе избрания епископов, с которым я не могу согласиться, как несогласным с канонами церковными. Избирать епископа по точному смыслу церковных канонов должны епископы, а не духовенство и миряне. Эта мысль настойчиво проводится в церковных канонах (например, 1Всел. Соб.4-е, 6-е; 4Всел.Соб.28-е, 7Всел.Соб.3-е, Антиох.19-е, 23-е, Карф.13-е, 61-е, Лаод.12-е и 13-е). В некоторых церковных правилах прямо говорится, что «сборище народа» не должно избирать кандидатов на священство (Лаод.13-е), что употребившие в посредство мирских начальников не должны считаться епископами (Апост.30-е, 7Всел.Соб.3-е), что, если законно избранный «епископ не будет принят» по злобе народа, то «да пребывает епископ, клир же города того да будет отлучен за то, что такового непокориваго народа не учили» (Апост.36-е). Миряне могут только с согласия епископа свидетельствовать о качестве избираемых епископами, и такой лишь смысл имеет возглашение со стороны народа, нисколько не указывающее на полномочные права пресвитеров и мирян в избрании. Опрос народа считается особенно необходимым в случае подозрения кандидата в каком-либо недостатке, препятствующем избранию (Карф.61-е, Феофил.7-е). В греческой Церкви епископы избираются синодом, состоящим из епископов. Отсюда видно, что права епископов в избрании епископов же или пресвитеров и диаконов не должны быть ограничиваемы через голос пресвитеров и мирян. – Не может быть епископ ограничиваем и вообще в делах советом пресвитеров, который должен иметь чисто совещательное значение, а не правительственное. Епископу принадлежит полная духовная власть в пределах своей епархии, хотя в случае жалобы на незаконность его действий он должен быть и судим собором епископов. Мысль о том, что на собраниях пресвитеров, на которых председательствует епископ, голоса пресвитеров могут иметь только совещательное значение, ясно высказывается и протоиер. Иванцовым-Платоновым («О русском церковном управлении», с. 57) и мотивируется так: «Архиерей собственно есть ответственный (нравственно и официально) правитель епархии: и никакое постановление какого бы то ни было епархиального собрания, никакое мнение большинства не может освободить его от ответственности за какую-нибудь принимаемую по епархии меру, если этой меры не одобряет его собственная мысль и совесть».

Особое мнение члена комиссии П. Сребрянского

В числе вопросов, намеченных определением Святейшего Синода для разрешения Поместного Собора Всероссийской Церкви и обсуждавшихся в заседаниях учрежденной Олонецким епархиальным начальством комиссии, был и вопрос о пересмотре законоположений о существующих (административных) органах епархиального управления.

Результат всех суждений комиссии по сему вопросу выразился в признании необходимости новой организации епархиального управления.

Обсуждая предложенный вопрос, комиссия прежде всего обратила внимание на действительно крайнюю централизацию власти в епархиальном управлении, многочисленные учреждения которого, будучи безраздельно подчинены одному епархиальному архиерею, в своей деятельности всецело являются зависимыми от него, и на происходящее от сего крайнее обременение епархиального архиерея формальным бумажным делопроизводством. Признавая необходимым освобождение епископа от подавляющего бумажного производства в целях предоставления ему полной возможности сосредоточиться преимущественно на душепастырстве, комиссия пришла к заключению об оставлении за епископом единоличной и безусловной власти только в утверждении лиц, избираемых на церковные должности, в руководстве духовенства в деле пастырства и в наблюдении за ходом жизни епархии; в делах же церковного управления нашла возможным оставить за ним только общее руководство.

В отношении вспомогательного органа епископской власти – духовной консистории комиссия пришла к заключению, что «консистории, как учреждения не самостоятельные и не соборные, а только исполнительные органы власти, пред нею только ответственные, не наделенные правительственными полномочиями и доверием от своих доверителей, не соответствуют тем началам, которые, по убеждению комиссии, должны быть выдержаны в деле обновления церковной жизни, и потому не имеют права на самостоятельное существование».

Их должны, по решению комиссии, сменить «епархиальные управления при епископах». Последние, по проекту комиссии, состоят исключительно из клира, причем члены в них выбираются епархиальными съездами на пятилетний срок и утверждаются Святейшим Синодом. В число членов входят избираемые на тот же срок епархиальные наблюдатель церковных школ и миссионер. Канцелярией управления заведует секретарь, избираемый управлением. Ведения управлению подлежат дела: общего управления, по содержанию церквей и духовенства, управления монастырями, дела общей благотворительности, миссионерские, церковно-просветительные и в частности школьные.

Разделяя мнение комиссии о необходимости децентрализации власти и предоставления отдельным учреждениям епархиального ведомства возможно полной самостоятельности, а равно принимая в общем проектируемую комиссией организацию епархиального управления, я, в частности, не могу согласиться с постановлением комиссии об епископской власти и вспомогательном к ней органе – духовной консистории.

По 39-му Апост. пр., в поместном пределе православной российской Церкви, именуемом епархией, епископ должен быть единым начальником и пастырем вверенной ему паствы, а не руководителем только ее, как заключила комиссия. «Ему (т. е. епископу) вверены людие Господни, и он воздаст ответ о душах их». В нем объединяются и должны объединяться все учреждения епархиального ведомства. Эти последние должны быть наделены правами самоуправления на предлагаемых комиссией началах соборности, при условии верховного подчинения епископу. Предоставление им полной самостоятельности в решении подлежащих компетенции их дел несколько не умалит епископской власти, а только избавит ее от чрезмерного обременения формальным бумажным делопроизводством, к чему стремилась в своих решениях и комиссия.

В ряду епархиальных учреждений первое место занимает и должна занимать духовная консистория, как ближайший вспомогательный орган епископской власти.

По решению комиссии, духовные консистории, как «несоответствующие тем началам, которые, по убеждению комиссии, должны быть выдержаны в деле обновления церковной жизни», подлежат упразднению.

Из того, что консистории «не соответствуют» новым началам, на которых желательно созидание церковной жизни, по моему мнению, должен быть тот вывод, что их следует реформировать соответственно сим началам, а не упразднить, как решила комиссия.

За оставление консистории, как первого и главного органа епархиального управления, говорит следующее.

Из всех православно-восточных Церквей епархиальное управление чрез духовную консисторию, по признанию известного канониста проф. Н. Заозерского (в его книге «О церковной власти»), в наиболее совершенной его форме производится в нашей отечественной Церкви. И нынешний порядок управления епархией в России, отличаясь во многих частностях, обусловливаемых местом и временем, от управления в древнехристианской Церкви, по духу сохранил образ древнехристианского.

По свидетельству блаж. Иеронима и св. Игнатия Богоносца, епархией в первое время Христовой Церкви управлял епископ при содействии совета пресвитеров, преимущественно из лиц кафедрального духовенства. Совет этот назывался еще «советом Божиим», «советом Церкви», «советом Христовым», «сенатом апостольским» («Права и обязанности пресвитеров», изд. 3-е, с. 438).

Как видно из церковных правил, совет пресвитеров участвовал в избрании желающих поступить в клир (пр.89-е св. Вас. Вел.), в церковном суде не только над мирянами, но и над священноцерковнослужителями, в заведовании и распоряжении церковным имуществом, в призрении бедных (42-е пр. Карф. Собора, 24-е и 25-е пр. Антиох. Соб.) и даже, за отсутствием епископа, делал различные распоряжения, как это было, например, в римской Церкви после смерти епископа Фабиана. Впрочем, главным правилом, определяющим степень участия пресвитеров в делах общецерковных, оставалось 39-е апостольское правило, ставящее волю епископа в закон для пресвитера.

То же самое и в настоящее время. При содействии тех же пресвитеров, входящих в состав присутствия консистории, епископ производит в епархии управление и духовный суд (ст. 1 Уст. дух. коне., изд. 1883 г.). Те же функции, обстоятельствами времени расширенные, и в тех же пределах отправляет нынешний совет пресвитеров – духовная консистория.

Таким образом, о несоответствии духовных консисторий церковным канонам не может быть и речи. Духовные консистории – такие же постоянные соборы в епархии, каким собором для всех российской Церкви является Святейший Синод. Вряд ли имеет существенное значение возражение против соборности сих учреждений, основанное на несоответствии процентного соотношения числа членов в консисториях к общему числу пресвитеров в епархии.

Что касается организации нынешних консисторий, то она, конечно, отличается от организации советов пресвитеров древнехристианской Церкви, но эта разница вполне естественна и вызвана обстоятельствами и требованиями времени.

Возвращение к прежней организации епархиальных соборов (советов пресвитеров) и к порядкам, при коих функционировали советы пресвитеров, невозможно. То было время патриархальности, исключавшей всякую формальность и лишнюю канцелярскую работу. Тогда епископ мог «глашать по имени» не только пастырей, но и пасомых. Тогда он мог вникать во все стороны церковно-религиозной жизни своей паствы непосредственно, ибо епархию его составляла сравнительно небольшая христианская община, ограничивающая свои пределы городом и его ближайшими окрестностями, а иногда даже просто каким-либо селением и соседними с ним поселками. Тогда совет пресвитеров мог функционировать без особых прав и полномочий, без особых форм делопроизводства, даже без кодекса законов. Теперь же, когда епархия зачастую раскинута на многие сотни и даже тысячи верст, а паства исчисляется тысячами и даже миллионами душ, когда самая жизнь и деятельность всех регулируется кодексами законов и правил, – без вспомогательных учреждений и канцелярского делопроизводства в них, без консисторий с их членами и секретарями епископу нет никакой возможности обойтись.

И комиссия, стремясь к децентрализации власти в епархиальном управлении, не оставила епископскую власть без вспомогательного органа, а лишь только сменила одно учреждение – консисторию на другое – Епархиальное управление с теми же присутствием и канцелярией, с таким же канцелярским делопроизводством.

Если сравнить предлагаемую комиссией организацию епархиального управления с организацией консистории, то окажется, что проектируемое комиссией управление – та же

консистория с некоторыми изменениями, которые беспрепятственно могли бы быть введены в консисториях без замены их новыми учреждениями. Те же, как и в консистории, члены присутствия, утвержденные Святейшим Синодом, только выбранные на должность не епископом, а епархией и на срок. Те же предметы ведения и порядок решения дел, только решаться они должны в присутствии архиерея и, при несогласии с мнением последнего членов, дела восходят на рассмотрение Святейшего Синода.

Значительной особенностью нового учреждения будет только положение в нем секретаря.

В настоящее время в консистории секретарь является независимым от присутствия и ответственным докладчиком дел, юрисконсульт, блюстителем правильности и законности решений присутствия (ст. 285, 296, 307 и 315 Уст. дух. коне.) и начальником канцелярии консистории (ст. 283 того же Уст.). Определяется он на должность Святейшим Синодом по избранию и по предложению обер-прокурора Святейшего Синода и увольняется также Святейшим Синодом по предложению обер-прокурора (ст. 284 того же Уст.). Находясь под ближайшим начальством епархиального архиерея, он вместе с тем состоит в непосредственном ведении обер-прокурора Святейшего Синода, как блюстителя за исполнением законных постановлений по Духовному Ведомству, и является, таким образом, представителем последнего в епархии.

Естественно, на такую почетную и ответственную должность идут и назначаются люди с высшим, в большинстве случаев богословским образованием, вполне подготовленные к прохождению этой должности и достойно и с честью проходящие ее.

В проектируемом комиссией управлении положение секретаря существенно изменится. Оставаясь начальником канцелярии, он, по решению комиссии, подчиняется присутствию, лишается прав, которыми он теперь пользуется, и низводится на положение старшего чиновника в канцелярии.

Это решение комиссии, прежде всего, является непоследовательным. Оставив обер-прокурора в Святейшем Синоде, даже на правах члена в разрешении известного рода дел, комиссия должна была оставить и в епархиальном управлении его представителя.

Далее, с умалением значения должности секретаря нельзя согласиться и в интересах самого епархиального управления.

Институт секретарей в последнем, с прежним значением является безусловно необходимым, особенно если члены присутствия будут выбираемы на срок.

Как бы ни были исправны члены консистории, на какой бы высоте они ни стояли в отправлении обязанностей по консистории, они никогда не могут ставить службу в консистории выше прямых своих священнослужительских обязанностей и посвящать первой все время, а следовательно – не могут отправлять всех функций по должности секретаря консистории.

Если же члены консистории, как решила комиссия, будут выбираемы на срок, то тем более будет необходим секретарь, как лицо постоянное в присутствии консистории, знакомое с законами, порядками делопроизводства и самими делами и ответственное за правильность течения последних.

Конечно, было бы странным на такой должности держать лицо бесправное, особенно в наше время стремления упорядочить правовые отношения.

Секретарь, как выше было сказано, – начальник канцелярии консистории, ответственный за правильность консисторского делопроизводства докладчик дел присутствию, но не безгласный, а с правами представлять и отстаивать свои доводы в пользу того или другого решения, в целях правильного и согласного с законом обоснования его, и, наконец, юрисконсульт, содействующий разрешению дел единогласно и на законном основании.

Эти права и значение секретаря не несовместимы с правами и значением членов присутствия и не умаляют последних. А в таком случае, лишить прав и значения секретаря консистории – по меньшей мере нецелесообразно.

Надо с несомненностью признать, что в настоящее время положение секретаря консистории в епархиальном управлении не точно регламентировано, последствием чего бывают разные недоумения; в отношении же к канцелярии консистории положение его прямо ненормально: с одной стороны, он является начальником канцелярии, а с другой – в своей деятельности здесь зависит не только от епархиального архиерея, но и от присутствия консистории, которое назначает и увольняет служащих, делает постановления о распределении содержания, наградных и проч.

Низведение же начальника канцелярии до положения бесправного старшего чиновника в канцелярии нанесет существенный вред делопроизводству епархиального управления.

На такие должности уже не пойдут люди с высшим образованием; следовательно, состав служащих в епархиальном управлении не улучшится, а ухудшится, а вместе с тем ухудшится самое делопроизводство. Следует здесь припомнить, что почти во всех духовных правлениях делопроизводство всегда было в крайней запущенности, благодаря, с одной стороны, бесправному положению в них делопроизводителей, а с другой – вследствие замещения тех должностей людьми, не соответствующими последним, а именно: священниками, диаконами и псаломщиками.

По этой же причине нельзя согласиться с высказываемым в печати мнением о том, чтобы секретарем консистории было духовное лицо. Духовное лицо, как бы ни было оно исправно, никогда не может быть хорошим чиновником, а потому и нежелательно в качестве начальника канцелярии.

Присутствие светского лица и активное участие его в епархиальном управлении не противоречит нисколько ни принципам соборности церковного управления вообще, допускающим участие мирян, ни началам обновления церковной жизни, проводимым комиссией – в частности, а потому и с этой точки зрения неосновательно решение комиссии об устранении секретаря от участия в решении дел. Такое участие может только приносить пользу делам, содействуя правильному разрешению их.

Остается еще сказать несколько слов по поводу решений комиссии о замене прежнего названия вспомогательного органа епископской власти «консистория» другим: «епархиальное управление».

Ничего не имея в принципе против такой замены, не вижу никаких оснований к ней, а самое новое название признаю несоответствующим самому предмету названия, так как слово «епархиальное управление» – собирательное, и под ним теперь разумеется совокупность органов управления, а не один орган, каким является консистория или учреждение, имеющее заменить ее. Сама комиссия не указала оснований к означенной замене. Поэтому приходится говорить по поводу высказываемых нашей духовной и светской прессой оснований к тому.

Вот эти основания. История, говорят, установила за консисториями нелестную репутацию: медленность судопроизводства, крайне придирчивый, мелочной и ненужный чиновничий формализм, по местам же и не всегда бескорыстное лицепрятие, – вот те черты, которыми характеризуется консисторское делопроизводство. Следует изменить имя, чтобы вместе с ним отошла в вечность и закрепившаяся за этим именем репутация. Но вина ли консистории во всем этом как института и одна ли она повинна в прописанных прегрешениях? Конечно, нет. Виновны не институты или учреждения, а сами люди, создающие мертвые уставы, – члены сих учреждений или, точнее говоря, отдельные личности, дискредитирующие не одно учреждение, не одну консисторию, а многие своей недостойной деятельностью. Успех дела вполне зависит от исполнителей его. Выработайте какие угодно идеальнейшие правила, дайте обществу совершеннейшие законы, но если их никто не будет исполнять, если некому будет блюсти за их исполнением, если их будут обходить и толковать с личной точки зрения, то какая в них будет польза и какое могут иметь они влияние на жизнь?

От той или другой постановки деятельности консистории зависит и направление ее. К выяснению и регламентации правовых отношений состава консистории, к направлению деятельности ее по руслу закономерности и справедливости и следует стремиться, а не к замене названий.

В учреждении, где правовые отношения выяснены, где каждый член его, с одной стороны, своими правами не поступает, а с другой – обязанностями не манкирует, не может быть и речи о первенствующей роли, значении или влиянии одного из членов его. Реформированная на таких началах, консистория не будет бояться преобладающего влияния на ход дел секретаря, каковая боязнь является еще одной из побудительных причин для зараженных этой болезнью настаивать не только на устранении секретаря консистории из присутствия, но и на упразднении самой консистории.

Сделав возражение на постановление комиссии о новой организации епархиального управления, имею честь здесь изложить в общих чертах выработанный мною согласно с приведенными возражениями проект организации означенного управления.

Во главе епархии стоит епископ, не как только руководитель своей паствы, а как начальник всех учреждений епархиального ведомства. Последние функционируют самостоятельно, но все они, начиная с низших – приходских и до высшего – консистории, подчинены епископу. Ему прежде всего приносятся жалобы на неправильные действия епархиальных учреждений. Он ревизует их деятельность и лично, и через доверенных лиц. Область прямого участия епископа в делах сих учреждений должна быть сокращена до *minimum*. Управляет епархией епископ совместно с консисторией, которая является в епархии учреждением высшим из всех других. Совместно с епископом ей подчинены все учреждения епархиального ведомства. Она в епархии является таким же постоянным собором, каким во всей России является Синод: последний – Всероссийский Собор, а консистория – епархиальный собор.

Члены сего собора выбираются епархией и утверждаются в своих должностях Святейшим Синодом. Секретарь назначается также Синодом, независимо от епархиальной власти. Как ответственный за правильность делопроизводства консистории докладчик дел по епархиальному управлению, он пользуется правом голоса наравне с другими членами консистории. В канцелярии он – непосредственный начальник. Канцелярские чиновники и служители хотя определяются, награждаются и увольняются епархиальной властью, но по представлению секретаря, на обязанность которого возлагается выбор пригодных по службе чиновников и испытание их способностей. В том же порядке происходит и назначение содержания, наград и пособий канцелярским чиновникам и служителям.

Все дела епархиального управления должны быть разделены на три категории: а) дела, разрешаемые епископом совместно с консисторией, б) дела, решаемые консисторией самостоятельно, и в) дела, которыми ведает канцелярия консистории. К первого рода делам нужно отнести важнейшие дела по консистории (применительно к 319 ст. Уст. дух. коне.) и другим учреждениям. Дела эти разрешаются в заседаниях консистории под непосредственным председательством архиерея. По делам других учреждений приглашаются в такие заседания начальники сих учреждений, для обстоятельного изложения и уяснения дела, с правом голоса в решении. На таких же началах приглашаются в присутствие по делам, ведению их подлежащим, епархиальные наблюдатель церковных школ и миссионер. Привлечение их в консисторию, как решила комиссия, на правах членов наравне с другими членами не может быть допущено потому, что по характеру своей деятельности они должны постоянно отвлекаться от дел консистории поездками по епархии и будут большую часть времени только номинальными членами, а также и потому, что к ним не может быть применимо выборное начало; они будут обязательно входить в состав присутствия в качестве постоянных его членов. С другой стороны, участие их в разрешении дел, подлежащих их ведению, на правах членов по приглашению может быть полезно для дел такого рода и потому желательно.

К делам второго рода должно отнести менее важные, которые консистория может разрешать самостоятельно (прим. к 318 ст. Уст. дух. коне.). Этого рода дела докладываются и разрешаются в заседаниях консистории без участия архиерея. Наконец, к третьего рода делам надо отнести такие, которые никакого разрешительного определения не требуют, а только исполнительных распоряжений. Сюда, например, относятся: вся подготовительная переписка консистории по собиранию сведений или справок, необходимых для разрешения дел по существу; переписка по принятию мер к ускорению делопроизводства, денежным расчетам и отчетности, по получению и отсылке денежных сборов по епархии; дела по выдаче метрических свидетельств и заверению выписей; ведение прихода-расходных книг и вообще исполнительные действия применительно к 317 ст. Уст. дух. коне.

Крайне желательно точное распределение дел по этим трем категориям с возможным освобождением как епархиального архиерея, так и присутствия консистории от участия в разрешении мелочных дел по разным сторонам епархиального управления. Освобожденная от несвойственного ей мелочного канцеляризма, епархиальная власть может серьезнее относиться к важным делам и продуктивнее направлять свою деятельность.

Как на недостатки теперешней организации консистории следует указать: а) на несамостоятельность присутствия консистории, полную зависимость его решений от воли епархиального архиерея и б) на устарелость форм консисторского делопроизводства и крайний формализм последнего.

По теперешнему положению, присутствие консистории в свободном проведении решений своих стеснено властью епархиального архиерея, от которого всецело зависит не дать хода

несогласному с его взглядами решению присутствия консистории, без права последнего переносить дело в высшую инстанцию. Лишение права на самостоятельность в деятельности породило крайность – индифферентное отношение большей части членов консисторий к решаемым ими делам. А устарелый крайний формализм консисторского делопроизводства обратил их в «чиновников в рясе», притом не всегда исправных, так как они, будучи отвлекаемы от епархиальных дел своими прямыми священнослужительскими обязанностями, не могут службе в консистории посвящать столько времени, сколько этого требует сложный механизм консисторского делопроизводства.

Поэтому прежде всего необходимо наделить членов консистории большей самостоятельностью. Кроме предоставленных им прав решать некоторые дела совершенно самостоятельно, без участия архиерея, о чем была речь выше, в делах, решаемых с участием последнего, им должно быть предоставлено право отстаивать свои мнения, для чего разногласные решения должны частью исполняться по большинству голосов, а частью (важнейшие) восходить на рассмотрение Святейшего Синода, а не единогласные такие же решения самой консистории – рассматриваться при участии архиерея.

Сам строй канцелярского делопроизводства должен быть изменен. При теперешнем сложном механизме делопроизводства, если его выполнять как следует, нет никакой возможности достигать желательной быстроты рассмотрения и решения дел. Записывание бумаг в целый ряд реестров, вписывание и выписывание резолюций, составление журнальных и протокольных решений, заключающееся в переписывании набело целых дел (следственных), а главное – зависимость канцелярии в этих действиях от присутствия консистории, без резолюции которого (ст. 309 Уст. дух. коне.) ни одно исполнение не может быть сделано, – все это порождает крайнюю медленность в делопроизводстве консистории и вызывает ропот и недовольство общества консисториями.

Такой сложный механизм канцелярского делопроизводства доселе существует в консистории, несмотря на то, что он уже значительно упрощен не только в гражданских – центральных и губернских – учреждениях, но и в наших центральных духовных учреждениях.

Организация делопроизводственной части в Святейшем Синоде и может послужить образцом при реформе наших консисторий. Прежде всего, в консисториях должны быть установлены по образцу Святейшего Синода заседания и обязательные доклады дел канцелярией. Последовавшее решение по сим докладом кратко записывается секретарем консистории в настольный реестр, от ведения которого (ст. 316 Уст. дух. коне.) члены должны быть освобождены; вместо того на их обязанность должно быть возложено подробное развитие постановления в согласии с бывшими рассуждениями. Форма протокольных и журнальных определений, установленная Уст. дух. коне., должна быть изменена, а именно: в докладной части не следует, как это делается теперь, выписывать все обстоятельства дела или просьбы, что очень замедляет делопроизводство и не будет иметь смысла при словесных докладах дел и бумаг присутствию консистории. Нельзя, конечно, указать здесь все, что требует изменения в канцелярском делопроизводстве консистории; но, несомненно, оно должно быть упрощено и сокращено.

С привлечением присутствий консисторий к совместному с архиереем рассмотрению дел в заседаниях, институт личных секретарей епархиальных архиереев окажется совсем ненужным. Их можно было бы обратить в помощников секретарей консисторий. В помощниках если не все, безусловно, то секретари очень многих консисторий нуждаются. При 18–20 тысячах входящих и исходящих, при массе разных постановлений, проходящих через руки секретарей консисторий в больших епархиях, нет иногда физической возможности обстоятельно вникать во все дела, если принять во внимание, что много времени отнимают прием просителей и рассмотрение дел в присутствии. Часть дел могла бы быть свободно передаваема в ведение помощников секретарей, причем на эти должности следовало бы назначать, для практической подготовки к занятию секретарских должностей, кандидатов на сии должности после предварительной подготовки в центральных учреждениях Духовного Ведомства.

Наконец, в параллель с поместными всероссийскими и областными в митрополиях соборами следует установить, вместо нынешних епархиальных съездов, епархиальные соборы из священников епархии с участием мирян – представителей от общин, под председательством епархиального архиерея, для разрешения важнейших вопросов церковно-приходской жизни и духовного суда, составления и выработки правил, до епархиального управления касающихся, и

вообще для обсуждения дел, которые епархиальная власть признает нужным передать на собор, или сам собор найдет нужным разрешить в сфере его компетенции. Созываться эти соборы могли бы ежегодно, и организовываться по примеру поместных всероссийских и областных соборов.

№57, преосвященного Владимира, митрополита Московского, от 12 января 1906 года

Всем известно, что большая часть русских православных людей недовольны настоящим строем нашей Церкви. Причиной этого недовольства и неудовлетворенности сынов Церкви служит главным образом несоответствие существующего церковного строя его каноническим правилам. Поэтому, чтобы поставить русскую Церковь в надлежащее положение, необходимо провести в жизнь Церкви следующие начала общеканонического церковного строя.

По вопросу об отношении Церкви к государству

В настоящее время нельзя не видеть шаткости в убеждениях по вопросу о веротерпимости. Думая избежать раздражения и смут, происходящих в обществе от так называемой ревности не по разуму, ныне нередко совсем забывают о ревности и впадают в другую крайность – в небрежение об истинной пользе нашей православной Церкви. «Теперь, – говорят, – время самой широкой веротерпимости и свободы совести. Каждый волен веровать и жить, как ему угодно, и никто не вправе стеснять свободу его совести». Но веротерпимость ли это? Нет! Выражения благовидные, но расположение духа, ими прикрываемое, – не христианское. Такая свобода, по выражению апостола Петра, есть «прикрытие зла» (1Петр.2:16). Оставляйте юношей без наставления, заблуждающих без вразумления, богохульных без обличения, святыню веры без охранения, Церковь без защиты от совращений, – вот чего требует такое понимание свободы. Если все действия, охраняющие святыню веры и божественного закона, почитать несправедливым посягательством на чужую свободу, то в таком случае надобно отказаться от всякой борьбы со злом и дать полный простор своеволию. Церковь наша хорошо, конечно, знает, какие средства должна употребить она в этом случае; она знает, что Господу нужны не порабощенные или купленные рабы, а свободные служители, что насилие, подкуп, хитрость, обман и лицемерие непозволительны проповедникам Евангелия, и что главное средство и оружие их в борьбе с ложными учениями – проповедь. Но что может быть противного духу христианства в том, если мы будем удалять алчных волков от Христова стада? Не почитается же противным чести и справедливости, когда родители, для охранения невинных детей, своей властью удаляют из семейств соблазнитель. Христианская веротерпимость обязывает чад Церкви относиться ко всем в духе мира и любви; но она не требует беззащитности от врагов, когда они с оружием в руках, как это случается сейчас, вторгаются в пределы Церкви, оскорбляют ее святыни, расхищают ее достояние. Тогда веротерпимость уступает место ревности, тогда чада Церкви становятся воинами Божиими, и Сам «Бог мира» является «Богом воинств и брани». Вот почему православная Церковь, как Церковь господствующая, национальная, будучи автономной во внутренней жизни, должна пользоваться не только исключительным правом миссионерства в России, но и преимущественным пред всеми другими исповеданиями правом на защиту и покровительство государственной власти во всем, что касается ее внешнего спокойствия и безопасности. И для государства вероисповедные интересы разнородного его населения отнюдь не должны быть безразличны.

Основы внутреннего строя Церкви

Коллегиальное начало во внутреннем строе Церкви, введенное с 18 столетия в область церковного управления, как известно, не могло доселе сродниться с чувствами и воззрениями православной России. Причиной такой неудовлетворенности ее существующим строем церковного управления, как сказано выше, служит главным образом несоответствие его каноническим правилам. А потому этот строй должен быть заменен искони присущим церковной жизни началом соборности, состоящим во взаимодействии и живом общении всех членов церковного организма. С этой точки зрения русская церковная жизнь должна получить следующие формы.

Приход

Основную ячейку церковной жизни должен составлять приход. От его деятельности зависит жизнедеятельность и всего церковного организма, подобно тому, как от той или другой постановки жизни в семье зависит правильное или неправильное развитие и в жизни государства.

Но здесь мы должны отметить то печальное явление, что в настоящее время приходская жизнь у нас на Руси проявляется весьма слабо, а во многих местах ее и совсем нет. Здесь я разумею приходскую жизнь в больших городах. Там пастырь не знает даже, где пределы этих приходов и кто их прихожанин. В этом слове «прихожанин» выражается и вся сущность нынешних отношений пасомых к пастырям. Прихожанином считается только тот, кто приходит в церковь за какой-нибудь требой, и только тогда, когда приходит. А ушел он – вместе с тем перестал быть и прихожанином. Пошел в другую церковь, к другому священнику, – стал прихожанином другой церкви и другого священника. Не пошел, не ходит ни в какую церковь – перестал быть и чьим-либо прихожанином, а иногда перестал быть даже и христианином. Что может быть печальнее и гибельнее такого положения дела? Когда согласишься на этот предмет с разных сторон, он всюду представляет собой только мрачные виды. Даже идея духовного пастырства потеряна у нас, потеряна до такой степени, что в городах и уловить ее трудно. В селах дело обстоит, правда, несколько лучше: там есть еще приход, по крайней мере как территориальная единица; но и там он не составляет органического целого, одушевленного живым участием в нуждах церкви и клира; в нем нет дружной и совместной работы для своих религиозных и нравственных нужд: приход редко где содержит на свои общественные средства просветительные и благотворительные учреждения, в нем нет тесной сплоченности, да и юридически он не признается лицом, имеющим право на приобретение и владение имуществом. Вот почему вопрос об оживлении приходской жизни в духе Церкви есть один из самых важных вопросов в церковной реформе. Много может здесь сделать своим усердием и один добрый пастырь. Высокий, примерный, безупречный образ жизни пастыря, приветливое, доброжелательное обращение с прихожанами, частая воодушевленная проповедь и истовое, благоговейное совершение богослужений – все это не может не возбудить между прихожанами духа веры и благочестия. Но еще лучше пойдет дело, если вокруг своего пастыря и своего храма сгруппируется весь приход и составит такую тесно сплоченную общину, члены которой станут жить одной жизнью, одними общими интересами. А для этого необходимо, говорят, предоставить ей право контролировать и даже распоряжаться всем церковным достоянием, а не оставлять ее при одной только обязанности жертвовать; доселе лишаемая этих прав, община подозрительно и недоверчиво, говорят, относилась к тем учреждениям, которые поддерживаются церковными капиталами, не зная достоверно, насколько правильно расходуются жертвуемые ею деньги. Но при несомненной пользе, какой можно ожидать в деле оживления приходской жизни от привлечения к заведованию церковным хозяйством самих прихожан, здесь, по моему мнению, требуется и значительная осторожность. При этом легко может случиться, что все церковные средства пойдут на нужды прихода, а не на нужды самой церкви и необходимых церковных (например, духовно-учебных) учреждений. Уже и сейчас, когда только заговорили о привлечении прихожан к контролю над распоряжением церковными средствами, нам – архиереям – приходится получать протесты со стороны прихожан то против выдачи церковных денег на духовно-учебные заведения, то против постройки причтовых домов, хотя это делается на законном основании и с надлежащего разрешения. Да и с канонической точки зрения нет оснований на это. Церковные деньги и имущество суть священное достояние, которое по Апостольским правилам (см., например, 38-е и 41-е) подлежит власти и распоряжению епископа: «Епископ – гласит 38-е правило, – да имеет попечение о всех церковных вещах и оными да распоряжается, яко Богу назидующу». А в 41-м правиле говорится: «Повелеваем епископу имети власть над церковными именьями, аще бо драгоценныя человеческия души ему вверены быти должны: то кольми паче о деньгах заповедать должно, чтобы он всем распоряжался по своей власти». Св. Киприан Карфагенский ясно свидетельствует, что церковное имущество в его время имело характер церковного, а не общинного имущества, и что распоряжение им было предоставлено предстоятелю Церкви. Значит, совершенно согласно будет с церковными канонами, если и в настоящее время право распоряжаться собственно церковными суммами

оставлено будет за причтом и старостой. Но, не посягая на этот чисто церковный капитал, приходская община может и должна иметь свои, отдельные от церкви, средства, собираемые на содержание на различные приходские учреждения, как например – школы, больницы, читальни и библиотеки, богадельни и проч. Вот этими-то средствами община и может по праву распоряжаться по своему усмотрению. Органами церковно-приходского самоуправления, в соответствии с общецерковным началом церковного самоуправления, могли бы служить общие церковно-приходские собрания, как орган распорядительный, и церковно-приходский совет, как орган исполнительный. Общие церковноприходские собрания могли бы избирать всех должностных лиц в приходе, ведать все имущественные дела общины, утверждать сметы, назначать сборы с прихожан, рассматривать и контролировать отчеты приходского хозяйства. Им даже могло бы быть предоставлено право ближайшего контроля не экономической только жизни прихода, но и внутренней, право, например, следить за правильностью постановки религиозно-нравственного воспитания детей и – в связи с этим – право избрания учителей и смены их в случае замеченного неблагоповедения и неблагонадежности.

С вопросом о приходской самостоятельности и о праве выбора учителей в тесной связи стоит и существенно важный вопрос о праве прихода избирать себе и кандидатов в должностные священноцерковнослужителей, каковое право предусматривается и канонами (Феоф. Алекс. пр. 7-е).

Но, как ни хороша эта идея вообще, однако в настоящее время, до правильного развития церковно-приходской жизни и возвышения нравственнорелигиозного уровня нашего простого народа, давать приходской общине полное право на этот выбор едва ли целесообразно. Из наблюдений над приходской жизнью в древней Руси, у греков и у наших старообрядцев, можно убедиться, что выборное право ведет иногда к явным злоупотреблениям со стороны избирателей, а всегда – к понижению умственного и нравственного ценза избираемых. Еще так недавно, будучи экзархом Грузии, я имел возможность крепко убедиться в этом, наблюдая за выборами священников греками Карской области, приходы которой с их обычаями унаследованы нами, как известно, из Турции. Там до последнего времени священников избирал приход, и дело велось так. По освобождении вакансии созывается сход. Указав на цель собрания, старшина обращается с вопросом: «Кого желаете выбрать?» «Кто подешевле возьмет», – слышится единодушный ответ. Затем находят какого-нибудь еле грамотного, а иногда и с сомнительною репутацией бездомовника и спрашивают: «Хочешь быть у нас священником?» – «Желаю», – говорит. – «За 10 целковых можешь служить?» – «Согласен», – отвечает. Затем тут же составляют приговор и отправляют к архиерею на утверждение. Наше мнение на сей предмет таково. Пока епархиальное начальство будет располагать достаточным количеством кандидатов священства с богословским образованием, следует сохранить право избрания священнослужителей по преимуществу за ним. Говорю «по преимуществу» потому, что в православной Церкви всегда допускались епархиальной властью при замещении священноцерковнослужительских вакансий рекомендации своих кандидатов и со стороны прихожан, но при этом роль приходской общины была лишь вспомогательная, иначе сказать – участие в избрании было не столько правом, сколько обязанностью. «Если избрание прихожан согласно с достоинством избираемого, архиерей соглашается с избранием, а если не согласно, архиерей оказывает справедливость достоинству» (Филарет, митрополит Московский).

К благоустройству приходской жизни и к обязанностям прихожан относится и вопрос о содержании приходского духовенства. Существующий доселе способ содержания русского духовенства – разные подаяния деньгами (даже после совершения величайших таинств исповеди, св. причастия и др.), а в селах и разными припасами – есть явление устарелое и мало отвечающее духу нашего времени. Не говоря уже об униительности этого способа получения вознаграждения, он служит причиной расстройства нормальных отношений между причтом и прихожанами. Страх перед ним заставляет иногда лучшие силы из оканчивающих духовную школу избегать служения Церкви в священническом сане. Вот почему духовенство наше (как городское, так и сельское) с таким пламенным желанием высказывается всегда о замене существующего ныне способа материального обеспечения другим, более соответствующим его высокому призванию и назначению. Это – получение определенного оклада жалованья из Государственного Казначейства через некоторую надбавку к городским и земским сборам с тех же прихожан, чему положило уже начало само Правительство (лет 12 тому назад, а также Высочайший манифест от 26 февраля 1903 г.), а за требоисправления необязательные

(молебны, сорокоусты и другие молитвословия) получение вознаграждения также по установленным таксам, чем устранились бы взаимные пререкания. «Неправда, будто жалование духовенству противно правилам Церкви, – писал по поводу возражений на этот счет Московский митрополит Филарет Константинопольской патриархии. – Господь повелел проповедующим благовестив от благовестил жити, т. е. повелел служителям Церкви получать на потребности временной жизни пособия вещественные или денежные от верующих порознь, от общества верующих, или от правительства» («Собрание мнений и отзывов его по делам православного Востока» 1853 г., с. 32). И прихожане вместо того, чтобы оплачивать труды причта по совершению требоисправлений в такое именно время, когда всякий расход для них особенно отяготителен, несомненно, лучше пожелают содержать духовенство путем постоянных, периодических взносов, как заявляют более благомыслящие из них. В таком случае церковно-причтовая земля в селах могла бы отойти в казну, так как нынешним даже сельским членам причта, при развитии школьного дела, самим заниматься земледельческими работами решительно некогда: довольно, если у каждого будет огород и сад.

Примечание. Все сказанное выше об устройстве церковно-приходских общин применимо только к тем сельским приходам, где они могут существовать, как постоянная территориальная единица. С устройством в таких местах церковно-приходской общины на началах самоуправления, как юридической единицы, ныне существующие церковно-приходские попечительства не должны уже иметь там места. Но в больших городах, где прихожане состоят большею частью из пришлого элемента, постоянно меняющего свое местопребывание (чиновники, фабричные рабочие и т. п.), эти попечительства, равно как и другие свободные и религиозно-нравственные союзы и братства, не только не излишни, но на учреждение и развитие их должно быть обращено самое серьезное внимание епархиальной власти и настоятелей церквей. Правда, сейчас эти попечительства, где они есть, функционируют очень слабо; но, при более деятельном и живом участии духовенства и мирян, они могли бы в деле оживления городской приходской жизни принести существенную пользу и в известной степени заменить собой приходскую общину. Лишь бы дана была им более твердая постановка, лишь бы поменьше бы в них всякого рода формализма и больше духа христианской общительности как между пастырями и паствой, так и между самими членами их. В состав этих попечительств могут входить все члены прихода (за исключением не достигших совершеннолетия, а также сектантов и обвиняемых в каких-либо тяжких преступлениях). Распорядительным органом сих учреждений служат общие собрания всех членов оных, а исполнительным – совет, в который входят в качестве постоянных членов все члены причта, церковный староста и несколько членов, избираемых на определенный срок. Общее собрание созывается однажды или два раза в год, а совет – не менее раза в месяц для счета и проверки попечительских сумм и для обсуждения текущих дел. В конце же года он дает отчет о своей деятельности общему собранию.

Епархиальное управление

По установившемуся в православно-восточной Церкви учению и церковной практике епархиальный епископ есть: 1) архипастырь словесного стада вверенного ему управлению округа и 2) главный администратор поместной Церкви. Эти два положения должны быть исходным пунктом при рассмотрении отношений архиерея к делу епархиального управления.

Как высший пастырь, он должен заботиться о спасении вверенного ему христианского общества и потому входить с ним в более близкое, живое общение. Для поддержания этого общения епископу надлежит почасту проповедовать слово Божие, совершать служение по церквам не только соборным, но приходским – городским и сельским, обзирать приходы, наблюдать за духовно-учебными заведениями и за состоянием религиозного обучения во всех светских учебных заведениях, – нужно поддерживать связи с обществом и желательно, чтобы связи эти были со всей паствой без различий званий и состояний, возможно живее и плодотворнее, – разрешать затруднительные религиозно-нравственные вопросы, давать советы и наставления, разрешать недоумения, с которыми могут обращаться к нему и духовные и мирские лица, и т. п.

Это – главное и существенное служение епископа, как высшего пастыря, требующее значительного времени и напряжения духовно-нравственных сил. Но, вместе с сим, епископ не может устранить себя от исполнения и другой своей обязанности – быть высшим правителем Церкви.

Обстоятельства времени умножили производство дел по управлению церковному настолько, что отнимают у епархиального епископа наибольшую часть времени, превратив его из архипастыря в администратора и тем отстранив его от живого общения с вверенной ему паствою. Поэтому желательно: а) предоставить архиерею больше свободного времени для исполнения его главных архипастырских обязанностей, а для сего б) возможно больше облегчить для него исполнение обязанностей администраторских. То и другое может быть достигнуто при некотором изменении существующего строя епархиального управления.

Епископская власть, будучи центральным органом епархиального управления, ведает дела вверенной ему епархии через подчиненные органы: консистории, советы, благочинных и т. п. Установившийся порядок сношения епископа с этими органами управления исключительно через бумажное делопроизводство чужд живой естественной связи. Епископы лично не присутствуют при обсуждении и решении дел ни в консистории, ни в советах, ни в других учреждениях епархиальных, а просматривают доклады у себя на дому. Для сего к епископу восходит такая масса всевозможных докладов и дел важных и неважных, что ему приходится все свое время тратить на просмотр их в ущерб более существенных и важных своих обязанностей пастырских.

Кроме того, отношения существующих административных органов епархиального управления между собой и к епископской власти так поставлены, что они не облегчают друг друга, но часто еще более осложняют и затрудняют дело. В них безразлично смешиваются все области и отправления епархиального управления: следственные, судебные и административные и т. п., и ни один из них не имеет своей ответственности; так например: благочинный в своем округе есть администратор, судья и следователь и нравственный руководитель и т. п. Вследствие этого одно и то же дело без нужды проходит через несколько инстанций, каждая инстанция может решить его по-своему, а все эти решения могут быть кассированы епископом. Посему для более правильного и закономерного устройства всех функций епархиального управления было бы желательно следующее:

1) Чтобы епархиальный епископ мог лучше сосредоточить все свое внимание на делах важнейших, требуемых долгом высшего пастырского служения, – необходимо освободить его от множества мелочных дел и передать их в ведение низших административных органов. И эти низшие органы нужно поставить в такие отношения между собой и к архиерейской власти, чтобы они не были подчинены друг другу или подавляемы один другим, но все сосредоточивались бы около одной епископской власти и от нее получали бы компетенцию для самостоятельного действия каждого в своих пределах.

2) Дела епархиального управления распределить так, чтобы каждая инстанция самостоятельно и вместе с тем ответственно могла заведовать известным кругом дел, не

допуская надобности одному и тому же делу проходить через несколько инстанций с пересмотром, а иногда и перерешением в каждой из них.

3) Производство дел путем канцелярской переписки требует возможного сокращения и упрощения, что может быть достигнуто заменой, где это возможно, бумажного ведения дела устным и личным.

4) Чтобы епархиальное управление было действительно епархиальным, – необходимо поставить в надлежащие пределы значение и влияние светского элемента в Духовном Ведомстве; это может быть только тогда, когда светские чиновники (секретари, столоначальники и т. п.) как в определении на должность, так и при отправлении своих должностей, будут подчинены епархиальной администрации.

На основании сих соображений, состав епархиального управления может быть устроен таким образом.

Ближайшими к епархиальному епископу и высшими органами управления им епархией должны быть: а) духовная консистория и б) епископский совет. Каждый из этих органов, находясь в полной независимости один от другого, действует каждый в своей области самостоятельно, концентрируясь в епископской власти.

Консисто́рия

Духовная консистория представляет из себя присутственное место с административно-судебным характером; поэтому она должна вести дела епархии только административно-судебные. Этот общий характер учреждения указывает, что и самое делопроизводство в ней, для более правильного, ускоренного и упрощенного течения, должно быть подразделено на два ряда, административное и судебное. Из той и другой области ведению консистории должны подлежать только важнейшие дела, которые восходят до архиерейского рассмотрения и стоят вне компетенции низших органов управления, какая будет дана сим последним епархиальной властью. Таковы, например, дела о замещении церковных должностей, об открытии новых приходов, построении церквей, судные дела, касающиеся преступлений по должности или по церковному имуществу, заведование имуществом церквей, монастырей, распространение неправых учений в епархии, преступления против веры и церковного благочиния, сношения епархиальной власти с высшими церковными и гражданскими учреждениями и т. п.

Административная часть делопроизводства с наибольшим сокращением бумажного ведения может происходить своим обычным порядком. Судебной же, применительно к существующему порядку гражданского судопроизводства, желательно придать гласный характер. Имея в виду, что в настоящее время делопроизводство консистории слишком обременено изысканием необходимых справок, разных дополнительных сведений, за которыми самой консистории приходится обращаться не только к низшим органам епархиального управления, но и сноситься с другими общественными или правительственными учреждениями, что эта работа, увеличивая бумажное производство, значительно затягивает самое решение дел, — постановить непременно условием (как это делается в общих судебных установлениях гражданского ведомства), чтобы проситель или истец, а равно и ответчик, сами собирали и представляли в консисторию необходимые для решения дела данные, на основании которых консистория могла бы делать и свои постановления. Это условие, значительно облегчив канцелярское делопроизводство, ускорит течение самых дел, а также может влиять и на сокращение оных, отнимая охоту возбуждать и вести дела по побуждениям эгоистическим, из-за любви к клязам, тяжбам и т. п. Гласный суд должен происходить в консистории под председательством епархиального епископа, который для сего раза два или три в неделю является в присутствие консистории. Докладывает присутствию член, производящий дело, с необходимыми справками; допрос подсудимых делает председательствующий епископ. Присутствующие члены предлагают свои мнения, которым предоставляется в этом случае полная свобода. Если епархиальный епископ не может в определенный день присутствовать в консистории, то он может поручить председательство и решение известного рода дел своему викарию, где таковой имеется, или старейшему члену. Компетенция решения дел в обоих случаях имеет одинаковую силу с решением епископа. Дела же более важные, не требующие спешного решения, могут откладываться до личного председательствования епископа.

Желательно присутствие епархиального епископа, хотя бы по временам, и при рассмотрении дел административных.

Присутствие епископа в консистории не может служить унижением епископской власти, а напротив, поставит ее в более близкие и правильные отношения к ближайшим органам епархиального управления, придаст постановлениям консисторским и решениям епископа наибольшую твердость и авторитет, устранив множество излишней переписки между консисторией и архиереем, а также значительно сократит для епископа количество деловых приемов, личных объяснений и рассмотрений дел на дому, предоставляя ему более времени на исполнение других дел его высокого пастырского служения.

Члены консистории как из белого духовенства, так и монашествующих, должны быть избираемы и утверждаемы в своих должностях самим епархиальным епископом. Полезно было бы, если бы половина членов белого духовенства назначалась самим епископом, а другая избиралась духовенством на епархиальных съездах. Секретари и другие чиновники консистории должны избираться самой консисторией и утверждаться епархиальным епископом.

Секретарями могут быть не одни светские чиновники, но и лица в священном сане, имеющие общее юридическое и богословско-каноническое образование.

Весь механизм делопроизводства консистории должен быть определен уставом консисторий.

Епископский совет

В каждой епархии существуют разного рода епархиально-административные, просветительные и т. п. учреждения – с советами и правлениями учебно-воспитательными, миссионерскими, братскими, свечных заводов, епархиальных съездов, эмеритальных и других вспомогательных касс и т. п. Подобные учреждения могут возникать вновь еще и еще. Все они объединяются в лице епархиального епископа, и потому дела от них поступают на рассмотрение епископа, ложась тяжелым бременем на его время и силы.

При разнообразии и обособленности всех вышеизложенных учреждений, одному епископу крайне затруднительно входить в обстоятельное рассмотрение всех дел, поступающих к нему, и руководить самой жизнедеятельностью этих учреждений.

Поэтому желательно объединить рассмотрение этих дел в особом учреждении при епархиальном архиерее, с наименованием его «епископским советом».

Так как при обсуждении дел, поступающих в епископский совет, могут встретиться вопросы, касающиеся компетенции консистории или соприкасающиеся с приходской жизнью, то в епископский совет должны входить: один член консистории и два лица из приходского духовенства по избранию епископа. При рассмотрении дел, касающихся уездных самостоятельных учреждений в епископском совете могут присутствовать председатели этих учреждений.

Совет происходит под председательством одного из старейших членов из состава совета по выбору самого совета. Обязанности секретаря совета исполняет особое избранное советом лицо, носящее духовный сан, с вознаграждением по усмотрению епископа.

В епископский совет поступают все дела по всем существующим и вновь возникающим епархиальным учреждениям, решение которых стоит вне ведения духовной консистории.

Дела докладывает в совете представитель того учреждения, от которого поступает дело. По обсуждении все сделанные и мотивированные постановления в собрании совета вносятся делопроизводителем в журнал, который по подписании членами совета и представляется епископу на утверждение, после которого постановление приводится в исполнение обычной рассылкой дел по месту назначения с пометкой секретаря об утверждении постановления епископской властью.

Епископский совет собирается по мере надобности, но не менее одного раза в неделю.

Учреждение епископского совета, не изменяя существа дела и характера отношений епископской власти к существующим епархиальным учреждениям, значительно облегчает его и в то же время не потребует особых значительных затрат на содержание его.

Епископский совет, кроме рассмотрения восходящих к архиерею дел, может быть полезным совещательным органом для епархиального архиерея по различным вопросам, возбуждаемым течением как епархиальной, так и общественной жизни.

Организация или установление такого действенного епархиального органа епископской власти, который бы объединял в своем ведении всю область епархиального управления, – представляется затруднительною, так как разнообразие и обособленность действующих в епархии учреждений и делопроизводство по ним должны сами собою разъединить и самый орган.

Епархиальные съезды

Важнейшим и живым органом общения епархиального епископа со своей паствой могут служить епархиальные съезды.

Настоящее положение этого органа далеко не соответствует тому значению, какое он должен и может иметь преимущественно в современный период ожидаемых реформ в церковной и государственной жизни. Главные недостатки существующего правопорядка епархиальных съездов следующие:

- а) случайность, в зависимости от личной воли местного епископа;
- б) исключительно сословный характер: собираются одни священники или только благочинные;
- в) исключительно хозяйственный характер: содержание духовно-учебных заведений, учреждение коммерческих предприятий (свечных заводов, эмеритальных касс и т. п.).

Поэтому желательно:

1) Чтобы епархиальные съезды не были явлением случайным в епархии, но непременно собирались бы однажды в год в более удобное и свободное для духовенства время. В особых случаях, как при выборах должностных лиц в учебных заведениях или членов консистории, епископ может созывать экстренные съезды.

2) Съезд должен состоять из избранных от благочиннического округа депутатов (по два или по три от округа), которыми могут быть не одни священники, но и диаконы; кроме того, небесполезно на съездах присутствовать также и мирянам, избранным из числа почетных прихожан на благочиннических собраниях. Все депутаты должны быть снабжены от благочиннических собраний уполномочиями.

3) Необходимо за некоторое времени до открытия съезда оповещать о предметах занятий на оном и тех вопросах, которые подлежат обсуждению.

Вопросы эти предварительно должны быть обстоятельно рассмотрены, обсуждены и приведены к определенному выводу или решению на благочиннических собраниях, с каковым материалом депутаты и должны являться на общий епархиальный съезд.

При учреждении ежегодных съездов предметы занятий будущего съезда и частные вопросы, подлежащие предварительной разработке, могут быть намечаемы на самых съездах.

4) Желательно, чтобы на съездах председательствовал сам епископ. Присутствие епископа на съезде даст ему возможность ближе, лицом к лицу, ознакомиться с нуждами и потребностями паствы, выраженными прямо живым обменом мыслей, – услышать советы и мнения лучших людей из вверенной паствы, которыми епископ может воспользоваться в трудном и ответственном деле управления Церковью; да и самому епископу, находящемуся среди представителей целой епархии из клира и мирян, представляется благоприятное время, чтобы высказать свои архиерейские недоумения, советы, просьбы, распоряжения или тому подобное, что подскажет ему его отеческое, преданное своему высокому служению сердце.

Опасаться за искренность и свободу мнений – нет оснований.

Известный такт епископа, сознание высоты общего дела, для которого собираются депутаты, предоставление присутствующим полной свободы для выражений личного мнения по всякому предложенному вопросу без опасения какой-либо ответственности, привычка видеть в лице епископа не начальника только, но архиерея, с отеческой любовью и открытой душой относящегося ко вверенной ему пастве, – все это, возбуждав взаимное доверие, вполне обеспечит желательную откровенность в обмене мнений всех членов съезда.

5) Что касается существа дел, подлежащих ведению съездов, то желательно расширить круг этих дел, не ограничивая его только одними хозяйственными и экономическими вопросами, но простирая заботу их на все пастырское делание.

Сюда могут быть представляемы на обсуждение вопросы, касающиеся духовно-просветительных нужд приходов, устройства библиотек, религиознонравственных чтений, бесед, изыскания способов и средств для самообразования самого духовенства, не только священников, но и низших членов клира, устройства просветительных и благотворительных учреждений, способов воздействия на паству, особенно там, где распространяются в народе неправильные учения, или тому подобное.

Порядок рассмотрения подлежащих обсуждению съездов предметов может определяться самими съездами, подразделяясь на несколько отделений или комиссий, смотря по характеру самих дел.

- 2) Все вопросы, мнения и постановления, обсуждаемые на епархиальных съездах, должны быть записываемы, а некоторые с разрешения епископа и публикуемы в местном епархиальном органе, так чтобы все это представляло отчетную хронику епархиальной жизни и давало материал для проверки течения ее высшей церковной властью.

Благочиннические советы

В каждом благочинническом округе целесообразно учреждение благочиннических советов, которые должны состоять из благочинного (он же и председатель) и двух членов, избираемых на благочиннических собраниях из священников округа и утверждаемых епархиальной властью.

Благочиннические советы созываются благочинными по мере надобности. Предметами, подлежащими рассмотрению благочиннических советов, могут быть:

1) Рекомендование лиц, заслуживающих, по мнению совета, особого внимания епархиального начальства при представлении к наградам.

2) Указание священнослужителей, которым нужно предоставить составление и произнесение катехизических поучений в известном году.

3) Составление и выдача засвидетельствований о семейном положении и материальных средствах ищущих казенного содержания воспитанников и воспитанниц местных духовно-учебных заведений.

4) Рассмотрение и решение споров и неудовольствий между членами причта, возникающих из-за раздела приходских доходов, пользования церковной землей и церковными усадебными строениями.

5) Рассмотрение жалоб на кого-либо из духовных лиц, в которых они обвиняются: или а) в небрежном исполнении своих обязанностей, например в опущении богослужения, молебнов, спешном чтении и пении при богослужениях, неправильном исполнении треб церковных, своевольных отлучках, или

б) в нарушении благочиния и порядка во время совершения треб в домах прихожан, или в) в уклонении от правил благоповедения, например в склонении к нетрезвости, ссорам, сквернословии, пляске и игре в карты на пирах, в знакомстве и дружбе с людьми зазорного поведения и т. п.

Благочиннический совет может употребить против виновных следующие меры взыскания: замечание, выговор и денежное взыскание в пользу попечительства о бедных духовного звания от одного до пяти рублей; эти взыскания не вносятся в формулярные списки, а записываются благочинными в особую тетрадь. В случае повторения оштрафованными лицами одних и тех же поступков— после трехкратного штрафа о них доносится епархиальному начальству с объяснением принятых к исправлению виновных мер.

Кроме сего, нельзя не признать желательным введение иерейского суда чести или совести на благочиннических съездах. Есть пороки, которые не могут быть предметом разбирательств в обычном судопроизводстве; такие пороки делают клирика нетерпимым среди пастырей. Среди пастырей может оказаться человек, служащий соблазном для округа; обыкновенно, такие люди спокойно носят рясу, служа соблазном для пасомых. Формального суда такие люди не боятся, а между тем они приносят страшный вред Церкви. В этом случае с большим успехом может быть применен суд братский, чуждый формального производства и рассчитанный исключительно на то, чтобы заронить жгучую искру в совесть виновного и возбудить в нем чувство раскаяния.

Благочинные

В настоящее время благочинные значительно уклонились от своего назначения, указанного инструкцией. Благочинные чрезмерно обременены механическим исполнением внешних дел, например, получением указов консистории и деланием по ним справок и посылкой их обратно, собиранием книг и отчетов всякого рода и отправкой их по назначению, расписанием крестных ходов и наблюдением за исполнением их, счетами всякого рода денежных сборов по церквам, записыванием их и отправкой по назначению и т. п.

Желательно:

1) Освободить благочинного от исполнения непроизводительных для его должности работ по вышеуказанным статьям, поручив эти дела помощнику благочинного, избранному самим духовенством благочиннического округа и утвержденному епархиальной властью.

2) Благочинный должен быть избираем всеми членами причта и церковными старостами благочиннического округа и утверждаем в своей должности на известный (трехлетний) срок епархиальной властью.

3) Главное внимание благочинного должно быть обращено на устройство церковно-приходской жизни. Как лицо, близко стоящее к самому духовенству и мирянам и облеченное особым доверием избравших его собратий, благочинный может и должен быть ближайшим руководителем их в исполнении ими своих прямых обязанностей. Он же, как приходский священник, имеет возможность входить и в нужды подведомых ему приходских жителей и таким образом устроить и утверждать взаимоотношение пастырей с пасомыми, священников и других членов причта с прихожанами.

4) Желательно, да и самым делом требуется, чтобы объезды и обозрения церквей и приходов были более или менее продолжительны, давая возможность благочинному ознакомиться со всеми сторонами церковно-приходской жизни; поэтому было бы полезно, чтобы при этом обозрении присутствовали не одни члены причта с церковными старостами, но и выборные от прихожан, которые бы также и непосредственно могли свидетельствовать или заявлять благочинному о своих духовных нуждах. При этих же обозрениях благочинный может входить в рассмотрение и возникающих недоумений или жалоб как между самими членами причта, так и между причтами и прихожанами, предупреждая, таким образом, могущую возникнуть вражду в самом ее возникновении и тем избавляя высшие инстанции от тяжёлого делопроизводства.

5) Отношение благочинного к подведомым ему священникам и другим членам причта должны быть чужды начальнического тона, а отличаться братским взаимоотношением, чтобы каждый член причта, относясь с доверием к нему, мог откровенно и безбоязненно высказывать ему свои и духовные и материальные нужды, ожидая от благочинного доброго совета и указания.

Что же касается вопроса о реформе духовно-учебных заведений, то в ответ на этот вопрос прилагается подлинная записка ректора и инспектора Московской семинарии:

К вопросу о реформе духовно-учебных заведений

«За последние годы сравнительно прежде спокойная и нормальная жизнь наших духовных семинарий во многих из них нередко нарушалась и в настоящую пору нарушается разными массовыми беспорядками, принимавшими иногда характер дикого разрушения всего, что попадалось под руку и что можно было повредить и испортить. Такие волнения, сопровождающиеся даже прекращением на время учебных занятий, в последнее время захватывают все больший и больший район и выражаются все в большей и большей степени произвола и насилия. В немногих уже семинариях идет еще жизнь более или менее нормально, не прерываемая огульными беспорядками со стороны воспитанников; но и в них в настоящее поистине ужасное время ни на один час нельзя положиться за спокойствие будущего дня. Постоянная забота и внутренняя тревога о завтрашнем дне, если сегодня было покойно, ни на одну минуту не покидает начальства и постоянно тяжелым камнем лежит у него на сердце. При таком ненормальном и тревожном положении дела у каждого не безучастно относящегося к интересам духовных заведений невольно возникает вопрос: где корень и в чем причина переживаемых беспорядков и волнений в наших семинариях? Обусловливается ли это исключительно неудачным выбором и назначением административных лиц, мало подготовленных к трудной педагогической деятельности и недостаточно знакомых с внутренним бытом воспитанников семинарий или же, может быть, причина массового недовольства и брожения кроется в общем учебно-воспитательном строе наших духовно-учебных заведений, за последнее время, быть может, мало отвечающих тем целям, для которых они существуют, и тем новым запросам, которые самую жизнь все настойчивее и настойчивее предъявляют к служителям Церкви?»

По беспристрастному наблюдению и близкому знакомству с жизнью и настроением воспитанников семинарии, во всех и бывших и – без сомнения – еще имеющих быть беспорядках в духовных заведениях причина таких грустных явлений – не в одном начальстве, не в одном его неумении вести педагогическое дело надлежащим образом. Не будем, конечно, отрицать и того факта, что ректор и инспектор не всегда бывают на высоте своего положения, не всегда отвечают высоким требованиям, предъявляемым к ним, как руководителям юношества в науке и жизни, и потому готовы охотно согласиться, что иногда и в их индивидуальных дефектах лежит причина распушенности заведения, переходящей потом в открытое безобразие. Очень может быть, что и со стороны лиц администрации допускается иногда бестактность – особенно в состоянии потери духовного равновесия способная возбудить воспитанников и послужить затем поводом к крупным недоразумениям. Все это возможно и бывает на самом деле; тем не менее, не везде и не всегда происхождение беспорядков можно объяснить отрицательными только качествами административных лиц. Нормальная жизнь заведений сменялась беспорядками часто и там, где начальство – не новички в педагогическом деле, а всю жизнь отдали воспитанию юношества и среди него приобрели достаточный авторитет и уважение. По опыту знаем, что, если воспитанники до поры до времени и не проявляют открыто своих чувств недовольства существующим строем жизни заведений – с одной стороны – по страху пред мерами взысканий, а с другой, может быть, по нежеланию нарушать лучшие традиции, связанные с заведением, тем не менее, за исключением меньшинства, в своей душе они вполне согласны с теми из своих товарищей, которые открыто заявляют протест против существующего строя, в какой бы нелегальной форме он ни проявлялся. Между ними идет оживленный обмен мыслями в форме обращений и воззваний от одной семинарии к другой, сообща вырабатываются ими желательные для них проекты изменений в курсе семинарского образования и воспитания и проч. и проч. Это обстоятельство характерно указывает на то, что дух недовольства повсеместно живет в наших заведениях и, при наличности каких-либо поводов – в характере ли лиц администрации, или в каких-либо местных условиях жизни, это чувство всегда готово громко заявить о себе в самой нелегальной форме. Иногда же и без всякого внешнего повода воспитанники подают от себя петиции о желательной в непродолжительном времени реформе духовных заведений, поголовно прекращают занятия, разъезжаясь по домам впредь до удовлетворения их просьб. Все это – очень печальные страницы в летописях жизни духовно-учебных заведений, и потому является настоятельная нужда серьезнее заняться вопросом об обучении и воспитании в духовных семинариях, вникнуть во внутренний мир и настроение питомцев, разобраться во всех по

возможности условиях жизни и применительно к этому произвести некоторые перемены в постановке образовательного и воспитательного дела в семинариях, но с неперменным условием сохранения за ними типа духовно-учебных заведений с прежней главной задачей и целью приготовления к высокому пастырскому служению в Церкви Христовой.

Духовные семинарии, просуществовавшие уже не одну сотню лет и за это почтенное время выпустившие из своих стен немалое количество глубоко образованных серьезных мужей, с честью послуживших своему отечеству на разных видных местах церковной и общественной жизни, имеют все исторические основания для продолжения своего существования. Для своих церковных нужд и потребностей Церковь не может обойтись без своих церковных школ, как вообще и государство для своих целей не может не иметь разных профессиональных школ. Поэтому духовные семинарии, по нашему мнению, должны сохранить свое существование с главной задачей – умственного и нравственного приготовления юношества к духовному званию. Нам, конечно, могут возразить, что духовные заведения существуют, они есть, но только не достигают тех целей, для которых существуют, и потому не лучше ли их совсем упразднить и заменить чем-либо новым, более полезным для дела? При рассуждениях по этому вопросу не бесполезно руководиться мудрым изречением покойного митрополита Филарета, что нужно всегда помнить старое и с осторожностью вводить новое. До настоящего времени наши духовные школы имели свою задачу не только приготовить достойных лиц для прохождения пастырского служения в Церкви Божией, но и вообще предоставить возможность детям Духовного Ведомства получать образование при льготных условиях жизни. Таким образом, и общеобразовательная цель, и главная специальная цель приготовления к пастырству – до сего времени как бы объединялись в наших духовных заведениях, и потому в желательной мере не достигалось ни то, ни другое, и в особенности последнее. Опыт последних лет наглядно убеждает в той печальной действительности, что, по окончании курса в семинарии, лучшие из воспитанников с каждым годом все настойчивее и настойчивее стремятся в высшие светские школы, забывая и о духовной академии и о пастырском служении, к которому, по-видимому, подготовлял весь курс семинарского образования. По нашему мнению, теперь наступила неотложная потребность, не откладывая дела на далекое будущее, теперь же серьезно заняться пересмотром существующего устава духовных семинарий и, может быть, во многом изменить его применительно к новым запросам жизни, предъявляемым к пастырям Церкви.

Если теперь в большинстве случаев лучшие воспитанники семинарий не только не остаются в епархиях на церковной службе, но даже и высшей духовной школе, академии, предпочитают светские заведения, поступления в которые домогаются всякими способами, то, думается, ввиду такого явления было бы весьма благовременно и полезно в курсе семинарского образования сделать перерыв, т. е. известным классом, например 4-м, закончить в семинариях курс общеобразовательный, с предоставлением с успехом окончившим этот класс прав поступления в светские высшие школы наравне с окончившими курс наук в светских среднеучебных заведениях. Ведь дети духовенства, как сословия трудящегося на благо Церкви и отечества, имеют неотъемлемое право на образование наравне с детьми других сословий государства, но далеко не все из них будут потом гореть искренним желанием и расположенностью принять на себя нелегкое бремя пастырского служения в Церкви Христовой, далеко не все в состоянии будут осуществить задачу истинно священнической жизни – быть светом мира и солью земли. А без внутреннего расположения и влечения не будет доброго пастыря, душу свою полагающего за овцы своя, а будет наемник, заботящийся о собственном благополучии. Вот почему и казалось бы полезным разредить курс семинарского образования, предоставив желающим из окончивших курс 4-го класса семинарий право свободного выхода для поступления в высшие светские школы по своему усмотрению, а два последних богословских класса, 5-й и 6-й, предоставить тем, кто сознательно поприщем дальнейшей своей деятельности изберет для себя пастырское служение и кто не вправе будет говорить потом, что ему в силу необходимости пришлось принять на себя священное звание. Возможное опасение, что при такой постановке учебного дела в духовных школах все лучшие воспитанники уйдут на сторону и не останется тогда подготовленных лиц к пастырскому служению, нам представляется напрасным. Уставом духовных семинарий 1867 года до 1879 года было предоставлено право воспитанникам семинарий из 4-го класса поступать в университет по проверочному экзамену, но ведь немногие тогда пользовались этим правом, а большинство оканчивало полный курс семинарского образования и оставалось в епархиях на разных должностях пастырского служения. Так же точно

будет и в настоящее время, если курс семинарского образования будет разъединен 4-м классом. А если бы на самом деле из духовных школ – особенно в первое время – и оказался значительный отлив на сторону, то этому горю, кажется, легко пособить, если только в специально-богословские классы открыть свободный доступ а) лицам, окончившим курс в светских среднеучебных заведениях, имеющим расположенность к духовному званию, и б) тем из послуживших в диаконском сане, которые возымали бы желание прослушать курс богословских наук для лучшего приготовления к пастырской деятельности. При таком порядке в количественном отношении контингент достойных лиц для пастырского служения нисколько не умалился бы, а в нравственном отношении он в большей степени соответствовал бы духовным качествам истинных служителей Церкви.

Для достижения вышеозначенных целей, нам думается, необходимо, с одной стороны, расширить программы некоторых общеобразовательных предметов, а с другой – в курс богословских классов ввести некоторые новые предметы, полезные в широкой пастырской деятельности. По нашему мнению, следовало бы расширить программу гражданской истории, математики до соответствия их с программами светских средних школ (гимназий); в историю русской литературы ввести обозрение произведений писателей позднейшего времени, которыми так зачитывается общество, считая их выразителями идеалов переживаемого времени. Если бы при этом получилась слишком широкая программа, трудно выполняемая в продолжение учебного года, то без особого ущерба делу скорее можно было бы сократить и даже выпустить некоторых из древних писателей, утративших интерес для запросов современной жизни, чем оставить юношество без критического знакомства с теми воззрениями современных писателей, которые теперь модны и которыми импонирует и щеголяет читающая публика. Будущему служителю алтаря не бесполезно знать, какими взглядами живет общество и в чем их несостоятельность, так как всякий пастырь добрый, вращаясь среди своей паствы, неизбежно столкнется с людьми, увлекающимися или Горьким, или Чеховым, или Короленко, или Потапенко, или кем-либо другим, и всякому вопрошающему он должен быть готов дать ответ для наставления, назидания или решения какого-либо недоумения. Словом, по самому своему положению служитель Церкви должен стоять в курсе течения жизни, чтобы вовремя предохранить своих пасомых от увлечения новомодными учениями во вред христианским истинам. Поэтому весьма полезно наперед быть осведомленным с характером литературных произведений последнего времени.

Далее: так как миновал уже период увлечения классицизмом, то в 5-м и 6-м классах без всякого ущерба учебному делу полезно было бы совсем уничтожить уроки по древним языкам, а в первых четырех – сократить их число и взамен их назначить уроки по немецкому и французскому языкам, изучение которых сделать в семинариях общеобязательным, а не только для желающих, как обстоит дело теперь. Знание новых языков в настоящее время решительно необходимо не только ввиду дальнейшего образования некоторых из воспитанников в высших светских школах или духовной академии, но и вообще полезно в широкой деятельности пастыря при возможности сношений его с людьми разного положения и разных исповеданий. Желательно было бы, далее, ввести в курс общеобразовательных предметов хотя бы сравнительно краткое изучение естественных наук. Нет необходимости доказывать ту истину, что знание природы может служить источником глубокого размышления и назидания; это понятно само собой, так как в ней (природе) ясно открываются премудрость и благодать Творца вселенной. По собственному опыту знаем, что заметным пробелом в общем, можно сказать, солидном умственном развитии воспитанников семинарий является незнание с естественными науками. Ведь не столько сами естественные науки, сколько их незнание может оказывать в настоящее время очень вредное влияние на религиозные устои учащегося юношества, не исключая и духовного. Борьба с этим злом недостаточно путем одного строгого запрета знакомства с воззрениями каких-либо крайних представителей наук естественных, но гораздо целесообразнее наперед разъяснить воспитанникам основные положения естествознания, его научные аксиомы, чтобы в школе они основательно уразумели, какие положения в естествознании следует принимать за бесспорные истины, какие нужно считать за правдоподобные гипотезы и какие – только за поспешные, недостаточно обоснованные выводы. Умение разобраться во всем этом являлось бы лишним подспорьем в деле научной обоснованности христианских истин и в целях их апологетики от разных возражений со стороны естественных наук. Помимо всего этого, знакомство с естественными науками могло бы иметь и непосредственное практическое значение в жизни и деятельности пастырей Христовой Церкви. Великая книга откровения в

природе предоставит им неисчерпаемый источник и для собственного назидания и для назидания паствы. О великих отцах Церкви мы знаем, что они любили в природе, в устройении мира показывать премудрость, и всемогущество Творца. Между тем в своих понятиях о природе наши пастыри очень немногим возвышаются над своей паствой, немногие в состоянии объяснить законы жизни растений, явление падающих звезд, строение солнечной системы и проч. Конечно, священник прежде всего должен быть пастырем духовным; но не повредит его духовному пастырству, если он будет человеком просвещенным и в области естествознания. Другим пробелом в курсе семинарского образования, также очень чувствительным, является отсутствие знакомства с гражданским правом. Кончающие курс семинарских наук кандидаты священства в этой области не имеют сведений, безусловно необходимых для всякого гражданина. Они незнакомы ни с законами о воинской повинности, ни с правами и обязанностями всякого члена государства, ни вообще со строем государственной жизни; а это незнание в жизни отражается печальными последствиями. Поставленный учить и просвещать других, священник не только не может быть отцом и руководителем паствы, дать совет по разным юридическим вопросам, но и сам нередко оказывается в беспомощном положении. Вот по каким соображениям и желательно было бы в старших классах семинарии ввести краткий курс гражданского права и тем пополнить существенный дефект семинарского образования. Введение этого нового предмета не увеличило бы в общем количества предметов в богословских классах, если бы уроки по древним языкам были упразднены в них и если бы обличительное богословие перестало быть отдельным, самостоятельным предметом и органически слилось бы с предметом догматического богословия, как это и было до устава духовных семинарий 1884 г. Изучение западных исповеданий с успехом может быть достигаемо одновременно с изучением догматического богословия и церковной истории. Что касается гомилетики, то постановка этого предмета в духовных семинариях должна быть существенно изменена. Те несложные сведения по теории церковного красноречия, которые извлекаются из учебника Фаворова, могли бы быть сообщены в несколько уроков, а затем свои проповеднические способности воспитанники семинарии должны развивать и упражнять в составлении проповедей и поучений на всевозможные разнообразные темы. Параллельно со своими домашними работами, они должны знакомиться с историей проповедничества и с лучшими духовными витиями русской Церкви, чтобы этот исторический обзор проповедничества на Руси с очевидностью показал им, как учили народ лучшие пастыри Церкви, какие темы избирались ими для поучений, что и как говорили они народу в разных случаях его радостной и скорбной жизни. Знакомство со всем этим установит правильный взгляд воспитанников семинарии – будущих кандидатов священства – на великую важность и значение проповеднической деятельности в жизни доброго пастыря Церкви.

При выполнении намеченного строя учебного дела в духовных семинариях, по нашему мнению, всякий будущий кандидат священства вступит в жизнь человеком образованным, с запасом знаний живых, полезных ему на каждом шагу его деятельности. Настоящие же семинарии, хотя бесспорно дают удовлетворительное богословское образование, между тем в области общеобразовательных предметов мало дают воспитанникам живых знаний, полезных для их будущей широкой деятельности. До сих пор наши семинарии большею частью знакомили своих питомцев лишь с теми идеями и течениями умственной и нравственной общественной жизни, которые отжили свое время и стали уже достоянием истории, а о новых веяниях, новых идеях ничего не говорится, так что воспитанники сами на стороне разными способами знакомятся с ними, к сожалению – далеко не всегда при правильном освещении и понимании дела. Оттого-то общий уровень развития кончающих семинарский курс оказывался недостаточно высоким.

Не без крупных недостатков обстоит и дело воспитания в наших духовных семинариях; и в этой области необходимо произвести реформу многих сторон воспитательного дела. По существующему порядку в духовных семинариях воспитанием непосредственно ведают о. духовник семинарии и инспектор со своими помощниками. Но они поставлены в такие условия, при которых немыслима правильная и желательная постановка воспитательного дела. Вся деятельность о. духовника семинарии исчерпывается одним служением в семинарском храме в воскресные и праздничные дни и исповедью воспитанников на первой неделе Великого поста, да и то далеко не всех, так как многие говеют и приобщаются Святых Таин вместе с родителями в своих приходских храмах; никакого другого отношения к семинарии в действительности о. духовник не имеет. Жизнь воспитанников идет сама собой, без всякого с его стороны влияния на

ее строй и характер. Никаких рассуждений с ними по разным знаменательным случаям жизни он не ведет и никогда не знает паче внутренних дум, мыслей и чувств. Правда, он присутствует на общих утренних и вечерних молитвах, полагает начало молитв и делает отпуст, но этим и ограничивается вообще его участие в воспитании юношей – будущих служителей алтаря; о каком-нибудь ближайшем, живом отношении к делу воспитания, о какой-нибудь реальной, видимой пользе в поведении учеников от нравственного воздействия на них о. духовника, по нашему глубокому убеждению, не может быть и речи. Остается инспектор со своими помощниками, как главный руководитель и ответственное лицо в воспитании учеников семинарии. С целью нравственного воздействия и влияния на них он обязан непосредственно входить во все подробности жизни воспитанников; ему нужно быть человеком, знающим душевные особенности каждого воспитанника, чтобы иметь возможность благотворно влиять на склад его умственных и нравственных сил и всегда вовремя приходить к нему на помощь. Само собою понятно, что такие отношения со стороны инспектора к каждому из питомцев в отдельности – это идеальные отношения, к которым нужно стремиться всеми силами, но вполне осуществить их невозможно, особенно в многочисленных семинариях. Немыслимо близко знать настроение каждого воспитанника, если их до 600 и более в заведении; физически невозможно заглянуть в душу каждого из них, чтобы быть «всем вся», вовремя придти на помощь их наболевшей душе, облегчить и рассеять их внутренние недоумения и сомнения. Вот почему, при настоящем положении дела, все требования, предъявляемые к обязанностям инспектора, главным образом сводятся к наблюдению за внешним благоповедением воспитанников: за исправным посещением ими уроков, молитв и служб церковных, за их успехами в занятиях, вообще – за внешней их корректностью; а что иногда скрывается за внешней благопристойностью воспитанников в их умах и сердцах, – это большей частью неведомо инспектору, и лишь случайно их дух и настроение выражаются иногда в каких-либо странных и непонятных поступках. При настоящем строе семинарской жизни, когда, помимо прямых обязанностей по надзору за воспитанниками, инспектор постоянно отвлекается на сторону то распорядительными собраниями, то другими разного рода хозяйственными заботами, по нашему глубокому убеждению, немаловажная заслуга с его стороны заключается уже в том, если он, проникнутый желанием всегда добросовестно относиться к исполнению своих обязанностей, при всех случаях сохранит спокойствие и равновесие духа в отношении к воспитанникам, в состоянии авторитетно беседовать с ними для поддержания порядка по разным злободневным вопросам и вообще всей своей деятельностью не лишит себя доверия со стороны питомцев.

Ближайшими сотрудниками инспектора в деле воспитания являются его помощники. Но трудность их положения красноречиво свидетельствует тем фактом, что с этой должности бегут все, кому представляется возможность уйти; явилась даже необходимость принудительно установить двухлетний срок службы на должности помощника инспектора. Ему, как и инспектору, некогда входить в тесное общение с каждым из учеников. В день очередного дежурства по семинарии все время у помощника инспектора уходит на выполнение обязанностей для поддержания порядка в заведении; ему по классам надо проверить учеников – все ли явились они на уроки; ему необходимо заглянуть то в один, то в другой класс, чтобы остановить поющих и шумящих перед приходом наставников, и во время уроков ему нередко приходится заглянуть в потаенные уголки, где иногда позволяют себе воспитанники безмятежно проводить время в приятных разговорах, самовольно уклоняясь от того или другого предмета; к нему часто обращаются сами воспитанники за разными справками и проч. и проч. Так весь день незаметно проходит у него в погоне лишь за исполнением неотложных обязанностей для поддержания порядка в поведении воспитанников. Говоря короче, до сих пор семинария не знала воспитания в собственном смысле слова, а знала лишь одну дисциплину. Ее воспитатели стремились не столько к нравственному развитию воспитанников, сколько к установлению в их поведении внешнего порядка и благопристойности; а душевное их настроение, их непрестанная внутренняя работа над нарождающимися новыми запросами и сомнениями, словом – все, что составляет самую суть воспитания, над чем следовало бы сосредоточить все внимание, – все это большей частью остается в тени, на втором плане. Вследствие этого и неизбежно то печальное явление, что, при всей, по-видимому, добросовестности воспитателей в исполнении своих обязанностей, на самом деле настроение воспитанников и их поведение далеко не соответствуют самой цели существования духовно-учебных заведений.

Нам думается, что, для более нормальной постановки дела воспитания в духовных семинариях, прежде всего следовало бы освободить инспектора семинарии от многосложных занятий по хозяйственной части, чтобы дать ему возможность ближе стать к своим питомцам, жить с ними одною жизнью и все время посвящать разумному надзору за их умственным и нравственным развитием. Далее, всех воспитанников заведения следовало бы разделить по возрастам или по классам, разделить так, чтобы младшего возраста воспитанники, по возможности, не имели общения со старшими и прежде времени не научались бы от них знакомству с худой стороной человеческой жизни. Затем, вместо одновременного надзора трех-четырех лиц за порядком заведения, нам кажется, было бы несравненно целесообразнее и педагогичнее – для каждого возраста или класса иметь одного постоянного воспитателя, который бы знал воспитанников только своего класса, с ними одними проводил время в продолжение всего учебного года, с ними переходил в следующий класс и так руководил бы ими до окончания курса, а затем снова вступал бы в младший класс. При таком порядке каждый воспитатель, коротко зная своих питомцев, всегда имел бы полную возможность следить не только за внешнею благопристойностью в поведении учеников, но и за внутренним настроением их мысли и сердца. Но, если бы и при таком порядке дело воспитания стояло невысоко, то причина такого грустного явления, по нашему мнению, заключалась бы тогда или в неспособности к трудному педагогическому делу самого воспитателя, или же в его преступном нерадении о порученном ему важном деле.

Представляемая записка сводится к следующим положениям:

1) Исходя из того положения, что ряды пастырей Церкви должны пополняться только людьми, расположенными к этому высокому званию и проникнутыми истинно христианским настроением, необходимо разомкнуть духовную школу и дать свободный выход из нее всем, кто не может или не хочет посвятить себя на служение Церкви. В этих видах программа первых четырех классов семинарии, и теперь уже имеющая общеобразовательный характер, должна быть еще более расширена в этом направлении с тем, чтобы по окончании 4-го класса воспитанники семинарии могли беспрепятственно поступать в высшие светские учебные заведения.

2) 5-й и 6-й классы должны служить специальной подготовкой будущих пастырей, причем, для восполнения убыли от уходящих по окончании 4-х классов воспитанников, в них открывается доступ для не получивших полного образования о. диаконов и окончивших курс в средних светских или церковно-учительских школах.

3) Впрочем, и в первые четыре года учения духовная школа не должна терять свои характерные особенности, вытекающие из ее основной задачи. Она всегда должна иметь в виду только одну цель – приготовление достойных служителей Церкви и в этом духе и направлении вести все дело учения и воспитания с первого года до последнего.

4) В частности, в учебной части желательно было бы видеть следующие изменения и дополнения: а) число уроков по древним языкам должно быть сокращено; б) введено в программу изучение новых языков, естествоведения, законоведения и новейшей русской и иностранной литературы; в) изучению гомилетики, литургики и церковного пения должен быть придан по преимуществу практический характер; г) Священное Писание должно быть изучаемо в полном объеме и непременно прямо по тексту, с постоянным сличением перевода с подлинником.

5) Для лучшей организации воспитательного дела было бы целесообразно: а) разделить всех воспитанников по возрастам (младший – первые два класса, средний – 3-й и 4-й и старший – 5-й и 6-й), изолировать каждый из них от других и подчинить своему особенному режиму; б) создать институт специальных классных воспитателей, из которых каждый вел бы вверенный ему класс в течение всего курса; в) освободить инспектора от обязательного участия в распорядительных собраниях правления; г) преподавание богословских предметов поручать лицам, носящим священный сан; д) в специальных классах весь внутренний порядок жизни построить на строго церковных началах; е) в целях поддержания постоянной связи между школой и духовенством, увеличить число членов правления от духовенства, привлечь их к более деятельному участию в нравственном воспитании учащихся и возложить на них заведование хозяйственной частью в семинарии.

Высшее церковное управление Митрополичье областное управление

В соответствии соборной организации приходской общины и епархиального управления, на началах соборности должно быть преобразовано и высшее наше церковное управление. Высшая власть в Церкви, по каноническим правилам, должна принадлежать не лицу и не коллегии, как у нас сейчас, а собору епископов. Древнейшую форму соборного управления составляют, как известно из истории, провинциальные митрополичьи соборы, которые имели весьма важное значение. На них решались вопросы об учреждении новых епископских кафедр (1Всел.Соб. 4-е, 6-е), избрания и рукоположения епископов; на них производился суд над епископами по жалобам на них со стороны подчиненных (4Всел.9-е; Карф.11-е, 28-е, 37-е). На этих же соборах избираемы были сонмом епископов и сами митрополиты (Сард.6-е), из которых каждый признавался главой области, так что без него не позволялось совершать ничего важного, но зато и он в делах, касающихся целой области, не имел права ничего решать единолично, но всегда с согласия всех областных епископов (Апост.34-е, 74-е; Антиох.9-е, 14-е).

В церковных интересах, особенно при устройстве епархиального управления на соборных началах, восстановление соборного митрополичьего управления так же было бы полезно и необходимо и у нас, как необходимо оно было в древнехристианской Церкви, необходимо потому, что оно могло бы послужить к объединению общими церковными интересами разрозненных и не знающих друг друга епископов и таким образом оживило бы церковную жизнь, которая стала бы направляться не циркулярами Св. Синода, часто неприложимыми ко многим епархиям, а постановлениями окружных соборов, вытекающими из действительных нужд данного округа.

Что касается функций митрополичьего собора, то, по смыслу канонов, он должен прежде всего вести делом избрания епископов. В настоящее время в практике нашей Церкви укоренился обычай частого передвижения епископов с одной кафедры на другую. Обычай этот совершенно противоречит духу церковной дисциплины, по которой епархиальный архиерей с поступлением на кафедру вступает в духовный, нерасторжимый союз со своей паствой. Перемещение епископов из одной епархии в другую запрещается и церковными канонами (Апост.14-е; Антиох.21-е; Сард.1-е) и действующим уставом Константинопольского экзархата. Такими и подобными правилами Церковь хотела оберечь ту нравственную связь, какую должен иметь епископ со своею паствою. Связь же эта утверждалась преимущественно на том, что епископами епархий являлись достойнейшие избранники самих же епархий, пользовавшиеся глубоким уважением и любовью своих паств еще до вступления на кафедры. Весьма желательно поэтому, чтобы этот древний порядок, имеющий столь глубокое нравственно-религиозное значение для жизни Церкви, восстановлен был и у нас. Ибо при том только условии возможно рассчитывать на вполне удачный выбор, если он будет производим епископами в самой вдовствующей епархии и при участии представителей ее клира и мирян и – по возможности – из членов местной же Церкви. Далее: соборы эти должны служить второй судебной инстанцией для клириков и мирян в их пререканиях со своим епископом. Не должны быть этим соборам чужды и находящиеся в округе духовные школы до академий включительно. Впрочем, относительно того, какие дела должны подлежать ведению областного собора, это лучше выяснится на предполагаемом Поместном Всероссийском Соборе. Так как означенные соборы будут не постоянным учреждением, а будут созываться, может быть, однажды в год и то на короткое время, то Св. Синод всегда будет иметь возможность передавать на решение этих соборов все дела, какие сам заблагорассудит. Постоянному же ведению митрополичьих соборов должны подлежать все те дела, для коих, по принятым теперь воззрениям, не достаточно компетенции одного епархиального епископа. Сюда, например, могут быть отнесены: утверждение в должностях настоятелей и настоятельниц монастырей, начальников и начальниц духовно-учебных заведений, членов консистории, епархиальных наблюдателей, миссионеров, лишение сана клириков по приговорам епархиальных начальств и проч.

На основании исторических, географических, этнографических и вероисповедных условий, по нашему мнению, можно бы разделить русскую Церковь на следующие округа: С.-Петербургский с прилегающими к Петербургу епархиями Новгородской, Псковской, Рижской, Финляндской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской; Московский с епархиями: Московской, Тверской, Смоленской, Калужской, Тульской, Рязанской, Владимирской, Нижегородской, Костромской и

Ярославской; Виленский⁷⁶ с епархиями: Виленской, Ковенской, Витебской, Могилевской, Минской и Гродненской; Киевский с епархиями: Киевской, Подольской, Волынской, Черниговской, Полтавской, Варшавской, Херсонской, Кишиневской и Таврической; Харьковский с епархиями: Харьковской, Донской, Екатеринославской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Курской, Орловской, Владикавказской и Ставропольской; Казанский с епархиями: Казанской, Пермской, Вятской, Симбирской, Оренбургской, Уфимской, Саратовской, Самарской, Уральской (предполагаемой), если открытие таковой состоится; Иркутский, в который должна войти вся Сибирь, и Грузинский экзархат. Митрополиту Грузинского экзархата (к которому могло бы быть дано древнее название католикоса), ввиду исключительных местных обстоятельств, можно бы, кажется, предоставить права самостоятельного административного управления, но с зависимостью от высшего русского церковного управления в том, чтобы действия его не расходились с общецерковными канонами и правилами православно-российской Церкви, и с изъятием из его ведения губерний не с грузинским населением, каковые могли бы войти в состав особого округа – Астраханского.

Управление первенствующего митрополита или же патриарха

В настоящее время много споров слышится из-за того, нужен или не нужен русской Церкви «патриарх», т. е. спорят из-за титула первосвященителя русской Церкви. Одни говорят, что это наименование нужно, с одной стороны, для возвышения престижа русской Церкви среди других восточных Церквей, а с другой стороны – как оппозиция старообрядцам, имеющим, будто бы, намерение учредить у себя патриаршество; другие же говорят, что русская Церковь ничего через это не выиграет, если только не проиграет, так как, говорят, после патриарха Никона осталось в обществе тяжелое, неизгладимое впечатление. Но то не важно, как будет называться первосвященитель русской Церкви. Оживления и пользы Церкви нужно ожидать не от титула, а от начала соборности, которое реформой должно быть проведено по всем стадиям церковной жизни. Основной и неизменный тип канонического строя церковного управления состоит в органическом сочетании соборного и единоличного начала. Недостатки нынешнего порядка управления русской Церковью, которые так сильно дают себя чувствовать всем, не только близко стоящим к кормилу этого управления, а и тем, которые издали следят за ходом церковных дел, зависят главным образом от отсутствия в нем одного ответственного лица. Состав членов в нынешнем Св. Синоде часто меняется; новый состав мало посвящен бывает в дела, интересовавшие прежний состав. Отсюда – недостаток последовательности в управлении, недостаток энергии в действиях членов, так как каждый чувствует себя гостем, недостаток ответственности за разные упущения и слабость управления. Этих недостатков можно бы избегать при сочетании соборного и единоличного начала в управлении. Вот почему митрополичьи округа должны объединяться под властью избранного собором первосвященителя русской Церкви, будет ли он называться первенствующим митрополитом или патриархом, кафедра которого должна быть, по общему правилу, в столице империи. Первосвященитель этот должен пользоваться всеми правами, предоставленными правилами предстоятелям поместных Церквей. Он есть глава всех епископов русской Церкви; имя его поминается во всех церквях при богослужении. Он председательствует от лица Церкви перед Государем и во всех высших учреждениях государства, но управляет Церковью не единолично (лично ему принадлежит только право надзора за соблюдением канонов и исполнением законов Церкви в епархиях), а посредством постоянного Синода, который должен быть учреждением соборным, т. е. состоящим из архиереев, избранных Церковью, а не коллегиальным (т. е. состоящим из членов, административно назначаемых). Такому Синоду и должна принадлежать вся высшая – и административная и судебная – власть Церкви. Но вся полнота церковного законодательства по всем частям церковной жизни (в согласии, конечно, с вселенским православием) должна принадлежать Поместному Всероссийскому Собору.

Поместный Собор русской Церкви

Вопрос о соборах в настоящее время получает особенное значение, а потому требует всестороннего освещения. Все даже частные вопросы, касающиеся того, как происходило дело на древних соборах, не лишены интереса. Вот почему прежде чем дать ответ на вопрос о составе предстоящего Собора русской Церкви, далеко нелишне, особенно ввиду горячих о сем споров в текущей прессе, представить хотя бы краткую историко-каноническую о сем справку.

Принимали ли участие на соборах, кроме епископов, клир и миряне? Отрицать это участие на древних соборах нет оснований.

О первом в истории Церкви – апостольском соборе известно из книги Деяний Апостольских (15 гл.), что здесь были не одни апостолы и пресвитеры (ст. 6), но вся Церковь (22), вся братия (23). Кроме приведенных в этой книге речей апостолов Петра и Иакова, кроме упоминания о речах Павла и Варнавы, упоминается о долгом рассуждении (7), в коем, надобно полагать, участвовали и другие верующие, так как послание собор отправляет от лица «апостолов, пресвитеров и братии» (23).

Из 2 века по поводу монтанизма известно, что Апполинарий, епископ Иерапольский (161–180 гг.), один из жарких противников монтанизма, в своем послании, как сообщает это епископ Серапион Антиохийский (конец 2 века), объявил об осуждении монтанизма «всем братством всего мира». Надобно думать, что соборы состояли из епископов и общины христианской.

Из 2 же века по поводу празднования Пасхи известно, что Галликанские соборы, бывшие при Иринее, состояли не из одних епископов. Послание о состоявшемся при нем соборе является как послание Галльской общины, существует и другое послание по тому же поводу, исходящее от имени братьев, коими управлял Ириней в Галлии.

Из 3 века относительно собора в Бастре Аравийской около 244 года, по поводу лжеучения ее епископа Берилла, Евсевий (6, 33) говорит: «Письменные рассуждения Берилла и бывшего собора, а также предложенные Оригеном Бериллу вопросы и происходившие пред его, Берилла, общиною состязания, сохраняются доселе». Отсюда видно, что собор состоял не только из епископов, но и из пресвитеров и общины. Что на этом соборе принадлежало слово и пресвитерам, показывает пример Оригена.

Из 3 века известно также, что по вопросу о павших св. Киприан созвал собор в Карфагене, чтобы обсудить и разрешить это дело с епископами, пресвитерами, диаконами, исповедниками и в присутствии мирян (30, 5; 55, 4–6).

Собор в Риме в 3 веке против Новациана, по сообщению Евсевия (6, 4), состоял из 60 епископов и большого числа пресвитеров и диаконов. Председательствовал на сем соборе Корнилий, и дело о павших разрешено было соседними епископами, пресвитерами, диаконами и всей оставшейся верною общиною.

На Антиохийских соборах (264–269 гг.) против Павла Самосатского, по сообщению Евсевия, присутствовало много епископов вместе со своими пресвитерами и диаконами (7, 28). На последнем соборе Павел был обвинен и смещен, причем победе православия особенно содействовал Антиохийский пресвитер Мельхион (7, 29–30). Окружное послание исходит от имени собравшихся епископов и пресвитеров (причем поименован Мельхион), диаконов и «Божьей общины». Последние слова показывают, что присутствовали и верные Антиохийской общины и принимали участие в соборе.

Из вышеприведенных примеров, хотя таковых можно бы и еще привести немало, видно, что древнейшие соборы не были соборами одних только епископов, но требовали присутствия и общины с клиром во главе.

В последующее течение истории мы видим на соборах епископов с пресвитерами и некоторыми диаконами, видим еще иногда или императора, или представителей их (например императорский чиновник Кондиан на 3 Вселенском Соборе), наблюдающих за ходом дел собора, а народ – присутствующим только в качестве зрителей. Такой порядок произошел вследствие того, что с объявлением христианства в Греко-Римской империи господствующей религией государственная власть как бы заменила волю народную. Император является носителем государственных, общественных и религиозных прав народа. Так, уже Константин Великий объявил себя епископом внешних дел Церкви («Жизнь Konst.» 4, 24). Он созывает Арльский и Никейский соборы, участвует в никейских спорах, убеждает, хвалит или порицает, чем оказывает

влияние на исход прений. Он считает себя вправе поступать так, невзирая на то, что в это время он не был еще христианином, так как не принял еще крещения (Евс. «Жизнь Конст.» 3, 13). С другой стороны, и клир заменял волю народную; от разных епархий были представителями их епископы с пресвитерами. Другой формы представительства от народа не было выработано. Если из мирян кто-либо и присутствовал, то по преимуществу насельники той епархии, где был собор. Хотя голос народный иногда проявлялся очень решительно и отвергал иногда постановления собора, несмотря на большое количество присутствовавших епископов, но это было со стороны народа злоупотреблением и проявлением мятежнического настроения. Таков был, например, Разбойничий собор 449 г.

Таким образом, нельзя сомневаться в том, что на церковных соборах присутствовали и принимали участие в обсуждении вопросов, кроме епископов, пресвитеры, клир и миряне; но нельзя с достоверностью сказать, имели ли они право решающего голоса. Даже из примера апостольского собора, который послал в Антиохию грамоту от имени «апостолов, пресвитеров и братии» (Деян.15:23), нельзя убедиться, было ли это упоминание о братии перечислением полномочных членов собора, или только ссылкой на одобрение народа, присутствовавшего на соборе. Поэтому, останавливаясь на 64-м прав. 16 Вселенского Собора, с большой достоверностью можно сказать, что, кроме епископов, присутствовавшие на соборах имели право только совещательного голоса.

Сообразно с тем, каковы были по своему составу древнейшие поместные соборы, таковыми должны быть они и в настоящее время. Решающее значение должно принадлежать епископам, как преемникам апостольской власти; но в отношении совещания и обсуждения вопросов, по коим требуется постановление Собора, он должен быть общецерковным, т. е. при участии клира и мирян. Если бы Собор состоял из одних только епископов, то такая постановка дела была бы слишком односторонней и, при современных условиях жизни православного русского народа, едва ли удовлетворила бы его. При сильном движении всех классов русского общества к самоуправлению, устранение клира и мирян от участия на Соборе могло бы быть понято, как выражение клерикализма, и возбудить среди мирян чувство недовольства и недоверия к постановлениям Собора. Да и в интересах наиболее практического решения Важнейших вопросов веры и нравственности приходской жизни и общественной деятельности духовенства, представляется необходимым участие на Соборе как лиц белого и черного духовенства, так и благонадежнейших и преданных Церкви мирян. Опасаться того, что на Соборе могут оказаться духовные и светские декаденты, люди с неправославными убеждениями, которые будут домогаться того, о чем они пишут в газетах и журналах, восставая против православия, нет достаточных оснований, так как на Собор будут приглашаться люди более благомыслящие, да если бы и дозволил себе кто-либо показать себя вольнодумцем, последователем, например, Тюбингенской и Ричлианской школы, то это, конечно, не нанесло бы никакого удара церковному самосознанию, хорошо знакомому с такого рода лжеучениями, и показало бы только, что он хотя и от нас, но не с нами.

Итак, наше мнение на этот счет таково. Чтобы избежать упреков в клерикализме, следует на Собор допустить, конечно – по выбору, и мирян. Иначе Собор в глазах общества останется духовной коллегией, делом Духовного Ведомства, как теперь смотрят на Синод. Порядок Собора при этом мог бы быть такой. Как только определено будет время созыва Собора, об этом объявить во всеобщее сведение. Тогда могли бы на имя первенствующего митрополита поступать от разных обществ и отдельных лиц заявления и мнения о тех вопросах первостепенной важности, которые требуют соборного обсуждения и разрешения. Не следует игнорировать и благонамеренную прессу с такого рода заявлениями. Все подобные заявления могли бы сослужить хорошую службу при выработке более полной программы вопросов, подлежащих обсуждению на Соборе, и, может быть, восполнили бы те пробелы, какие окажутся в отзывах преосвященных. А для приведения всех этих разнообразных мнений по вопросам, какие будут признаны подлежащими рассмотрению Собора, в порядок и для выработки программы докладов на Соборе – могла бы быть учреждена комиссия из архиереев, протоиереев и профессоров богословской науки. Последние, конечно, должны участвовать с правом совещательного голоса и на Соборе, подобно тому, как участвовал Ориген на соборе в Бастре и как участвуют на светском суде эксперты.

№58, преосвященного Сергия, архиепископа Финляндского, от 12 января 1906 года

Во исполнение циркулярного указа Святейшего Синода от 27 июля 1905 года, за № 8, имею честь представить при сем Святейшему Синоду составленную мною брошюру «О составе ожидаемого чрезвычайного Поместного Собора русской Церкви» и свои нижеследующие краткие соображения, так как за своим поздним прибытием на епархию я не мог своевременно образовать комиссию для более обстоятельного рассмотрения всех вопросов.

В синодальном докладе Государю Императору местом собрания предстоящего чрезвычайного Собора указана Москва, на которую указывает и традиция, и особые удобства ее центрального положения, и пр. К сожалению, последние события ясно показали, что собирать Собор в Москве – значит ставить его в зависимость от настроения наших крайних партий, которые, конечно, совсем не могут радоваться возвышению престижа православной Церкви и сделают все, чтобы нарушить нормальный ход соборных совещаний. Ждать же всеобщего успокоения – значило бы откладывать собрание Собора на продолжительное время, тогда как общий голос требует его по возможности немедленно. Поэтому местом собрания Собора нужно избрать не столь значительный город, и всего бы лучше – Новгород. Он также имеет за собой религиозную историю, исполнен святыни, и в то же время может в своих многочисленных монастырях дать приют членам Собора. Святая же София с ее хорами, несомненно, более удобна для многочасных заседаний, чем, например, Московский Успенский собор, и не так огромна, как храм Христа Спасителя.

Заблаговременно и лучше теперь же должна быть образована «соборная комиссия», которая бы взяла на себя сводку всех представляемых материалов и всю распорядительную работу по собранию Собора. Ввиду совершенно исключительных задач последнего, комиссия должна пользоваться известной долей независимости. Она не может быть лишь исполнительницей синодальных инструкций, так как деятельность ее будет, в сущности, относиться уже к тому периоду времени, когда полномочия Святейшего Синода прекратятся и законодателем и верховным судьей русской Церкви будет уже Всероссийский Собор. Ему комиссия и представит отчет в своей деятельности. Председателем комиссии поэтому должен быть архиерей, указанный Высочайшей властью непосредственно, с правом доложить Государю Императору результаты работ комиссии по вопросу о составе Собора и таким путем испросить Высочайшее разрешение этого вопроса (иначе вопрос этот будет решен не вполне компетентно, неизвестно каким путем и кем). В распоряжении комиссии должна быть особая канцелярия, образованная из чиновников Духовного Ведомства и подчиненная председателю комиссии; члены комиссии пусть не пользуются разными суточными (одно сознание величия порученной работы для всех сынов Церкви будет достаточной наградой), но комиссия должна располагать кредитом на расходы по своим работам (печатание, приглашение стенографов и т. п.).

Собор открывается старейшим по сану из присутствующих на Соборе иерархов, т. е. первенствующим членом Св. Синода. Ему же по праву принадлежит председательство и на соборных заседаниях, подобно тому, как и в древности председательствовали старшие (митрополиты). Этого требует простое церковное приличие, тем более что, при свободе соборных рассуждений, нет никакого основания особенно спорить о председательстве. Другое дело, если сам имеющий данное право предпочтет от него почему-либо отказаться. Тогда Собор, предварительно утвердив полномочия членов, прибывших на Собор не по должности и не по выборам, а по особому приглашению Св. Синода (если принято будет изложенное в моей брошюре мнение), сейчас же и избирает себе председателя с его заместителями и помощниками.

Что касается вопросов, подлежащих решению Собора, то, конечно, первым его делом должно быть постановление об упразднении Св. Синода, как высшего церковного правительства в нашей православной российской Церкви, и провозглашение таким правительством Поместного Всероссийского Собора. Ввиду этого, может быть, было бы весьма желательно и даже необходимо теперь же, не дожидаясь добровольного прибытия представителей автокефальных православных Церквей на наш Собор, прямо попросить эти Церкви прислать официально своих представителей, которые в таком случае, конечно, были бы полномочными членами Собора. Присутствие таких представителей придало бы нашему Собору полную компетенцию и в

решении других важных догматико-канонических вопросов, как например, вопрос о клятве собора 1666–1667 гг. и др. Избрание патриарха должно быть завершением соборных заседаний, что, между прочим, было бы лишним средством сохранить для всех участников возможность подавать свое мнение с полной непринужденностью, а с другой стороны – и при выборах патриарха руководиться не слухами, а непосредственным знакомством на Соборе с предлагаемыми кандидатами.

Необходимо, далее, заметить, что и в доклад Св. Синода, и в предложение г. бывшего обер-прокурора целиком внесены вопросы, предполагавшиеся к рассмотрению в учреждении чисто государственном (Комитет Министров) и потому, по самому своему существу, подлежащие решению отчасти, а иногда и всецело, одного государства. Например, вопрос об участии представителей православной Церкви (как Церкви, а не как духовного сословия, что уже дается само собою) в Государственном Совете и других правительственных и общественных учреждениях; вопрос о способе приобретения церковной собственности. Такие и подобные привилегии может дать православной Церкви только само государство, при настоящем порядке вещей – только Государственная Дума. Собор мог бы разве что выразить желание получить эти привилегии и ходатайствовать о них; но это лучше сделать исполнительному органу или даже и настоящему Св. Синоду, как учреждению государственноцерковному. Обременять же программу предстоящего Собора подобными вопросами, требующими иногда обстоятельных юридических справок, значило бы напрасно оттягивать созыв Собора, да едва ли и удобно Собору напрашиваться, так сказать, в советники государству.

Еще замечание. Предстоящий наш первый Поместный Собор должен иметь свою задачу: решение лишь самых главных и принципиальных вопросов и отнюдь не может входить в детальную разработку всей системы церковного управления и устройства с его вершины до самых низших слоев, в рассмотрение разных уставов, например учебных заведений, духовных консисторий и т. п. Это нежелательно и даже прямо опасно во всех отношениях. Прежде всего, это – самое верное средство замедлить с созывом Собора до бесконечности. Потом, Собор, собравшись, оказался бы сразу перед целой грудой уже готовых проектов, в которых скоро ориентироваться могли бы разве что их составители и специалисты. Рассмотреть эти проекты и оценить их, как следует, у Соборов не было бы ни времени, ни сил, и он, таким образом, поневоле должен был бы полагаться на слово разных комиссий, в состав которых вошли бы те же специалисты, и в конце концов оказался бы почти во власти настоящих составителей проектов. Получилось бы воспроизведение Ватиканского Собора: вопросы решены были бы раньше Собора, и сей последний собрался бы разве что для представительности и для придания соборного характера решениям, которые такого характера совсем не имеют. Главное же, нельзя забывать, что мы живем теперь при старом режиме и ожидаем открытия в нашей Церкви новой жизни, и, как бы ни было сильно и богато наше воображение, как бы ни обложились мы всякими историческими и другими справками, мы не можем представить себе эту будущую жизнь настолько хорошо и верно, чтобы быть в состоянии теперь, при нашем замкнутом кругозоре, создать для нее вполне подходящую форму. При самых лучших намерениях, мы можем лишь навязать Церкви новый бюрократизм, тягчайший настоящего. Форму себе пусть создаст сама жизнь, мы же теперь должны только убрать препятствия, заметные и нам, и открыть для жизни возможность свободного развития. Пусть наша Церковь начнет жить при новых порядках; на опыте виднее будет, как лучше устроить ту или другую сторону или подробность. А чтобы это формирование нового уклада не шло хаотически, необходимо – в особенности первое время – возможно чаще, например, через год, собирать Всероссийский Собор (при ежегодных соборах епархиальных и митрополических), который бы постепенно узаконил изменения в церковном строе, по мере выяснения их необходимости и пригодности. Нужно раз навсегда оставить претензию одним взмахом перестроить всю Россию, и нужно дать ей самой организовать по-новому в церковном отношении.

В частности, относительно устройства церковного прихода предстоящий Собор мог бы принять только то общее положение, что приходы, под условием уплаты сборов на общецерковные нужды, владеют, на правах братств, всей церковной собственностью и располагают ею как для украшения своего приходского храма, так и на дела приходской благотворительности и просвещения (согласно Антиох.25-му), без права, впрочем, продажи церковного имущества (по Апост.38-му). Приходы имеют право самообложения на церковные нужды, на содержание причта, школы с учителем и пр. Приход может открыть свою собственную школу и

иметь над нею контроль относительно ее верности православным началам, требуя – в случае нужды – перемены учебного персонала. Это, конечно, не отнимает ни у кого права на свой счет и страх открывать в том же селе школы какого угодно типа и направления. Что же касается права выбирать себе духовенство, то, конечно, наши приходы со временем придут к этому праву (под известным контролем епархиальной власти); но говорить о нем теперь – было бы пока праздным мечтанием, применение которого на практике ничего, кроме замешательства и прямого вреда, для Церкви принести не может. Приняв указанные общие положения, наш Поместный Собор должен самую организацию приходского строя предоставить времени: пусть сам приход перерабатывает существующие по местам формы в более совершенные. По местам, может быть, окажется пригодным и наше финляндское приходское устройство с приходским собранием и советом; по местам же, может быть, будет придумано что-нибудь более подходящее. Представляется весьма плодотворной и практически применимой и мысль преосвящ. Христофора, епископа Уфимского, о братстве, как форме церковной и прежде всего приходской организации.

Такое же воздержание от излишних попыток регламентации должен проявить наш Собор и в вопросе о переменах в строе епархиального управления. Пусть будет принято лишь самое общее правило: годовые отчеты всех церковных учреждений епархии (епархиальный училищный совет, епархиальные братства, свечной завод, духовная семинария, епархиальное женское училище, консистория и пр.) рассматриваются и утверждаются на ежегодном общепархиальном съезде, в котором, под председательством епархиального епископа, участвуют выборные от приходов клирики и миряне, причем с совещательным голосом допускаются и все желающие из православных епархий. Право утверждать отчет предполагает, конечно, и право назначать постоянные и экстренные ревизии и контролировать, вместе с экономической, и все прочие стороны жизни и деятельности данных учреждений и высказывать свои желания, кому следует. Это, в частности, поставило бы и наши духовноучебные заведения под действительный и в то же время совершенно свободный контроль самого церковного общества, наиболее всех заинтересованного в добром, истинно церковном направлении этих заведений и наименее зависимого от всяких личных, сословных и партийных предрассудков и пристрастия. При существовании такого общественного контроля нет особой нужды ухищряться в улучшении организации консисторий, главный недостаток которых – в отсутствии гласности, в невозможности постоянного и действительного контроля над их деятельностью. Достаточно будет, если председателем присутствия консистории и ее непосредственным начальником, равно как и докладчиком ее постановлений перед высшим начальством, будет по должности кафедральный протоиерей; самое же присутствие образуют настоятель одного из монастырей по старшинству и, по очереди, ректор семинарии, один член от корпораций духовно-учебных заведений по выбору последних и, сверх того, духовные и светские члены в равном количестве, причем светских членов и половину духовных избирает епархиальный съезд, другую же половину духовных назначает епархиальный архиерей. Полномочия всех сменных членов продолжаются три года, причем каждый год по очереди выбывает одна треть присутствия с правом нового избрания.

Судебный стол в консистории остается, но судоговорение должно быть устным и приговор суда должен постановляться в присутствии ответчика и его обвинителей. Судебное присутствие составляется под личным председательством епархиального архиерея или его заместителя, наполовину из членов консистории и наполовину из особо избранных епархиальным съездом духовных судей-пресвитеров, по двое от тех и других. Судьи избираются пожизненно, смещаются лишь в том случае, если будут опорочены судом, в заседаниях консистории не участвуют, являясь лишь к судопроизводству. Прокурора заменяет тот из членов судебного стола, в ближайшем ведении которого находилось данное дело (в постановлении приговора он не участвует). Если обвиняется пресвитер, судьями должны быть только пресвитеры, хотя прокурором может быть и светский член консистории. Следствие всего лучше было бы поручать особым следователям из лиц с юридическим образованием, пусть даже и светским. Со временем они могут быть даже избираемы на благочиннических съездах из местных православных. При этом само собой разумеется, что к формальному следствию будут прибегать лишь в важных случаях, пользуясь в остальных правом предварительного дознания, братского совета и уещения или мирового посредничества (если свойство дела допускает последнее).

Дальнейшую организацию епархиального управления и суда нужно предоставить самим епархиям и митрополитанским округам. Смотри по надобности и удобству, епархия организует у себя уездные и благочиннические съезды с тем или другим размером полномочий для обсуждения местных церковных нужд, для рассмотрения отчетов местных церковных учреждений (духовного училища, уездного училищного совета и пр.), для выбора благочинных и членов благочиннического совета, духовных судей (наподобие епархиальных), следователей, а также для раскладки по приходам установленной на епархиальном съезде для данного района суммы сборов на общепархиальные и общецерковные нужды и т. д. Каждой епархии можно предоставить и вопрос об умножении в ней епископов или о разделении ее на несколько более мелких епархий, тем более, если на содержание новых епископов епархия имеет свои собственные средства. Необходимо только, чтобы, во избежание особенных потрясений церковного строя, на первых порах эти мелкие епархии не пользовались полной самостоятельностью, а объединялись бы под главенством нынешнего епархиального епископа, имея каждая своего викарного епископа. В таких мелких епархиях образуются съезды уездные и соответствующие постоянные органы управления, которые берут на себя значительную часть местных дел от епархиальной консистории; последняя же для них служит ближайшей высшей инстанцией для обжалования.

За всеми этими и подобными переменами, власть епархиального архиерея, конечно, значительно изменится, сравнительно с настоящим ее состоянием. Разделив свою контролирующую и отчасти административную власть с епархиальным съездом, архиерей оставит за собою по-прежнему главное руководство всей жизнью епархии. Он утверждает постановления епархиального съезда, приговоры суда, предоставляя всем недовольным полную свободу апелляции к высшим инстанциям (митрополиту с его собором и далее патриарху с Синодом). Архиерею принадлежит последний решающий голос и при избрании кандидатов священства, как бы ни происходило это избрание: в пресвитерском ли совете (духовное присутствие консистории), или в приходах и съездах. Вообще, епископ остается верховным пастырем своей епархии, и чем меньше у него будет административной и всякой ревизорской (особенно экономической) деятельности, тем шире и независимее будет его пастырство и тем сильнее и глубже влияние его личности.

Огромная территория России, в несколько раз превосходящая территорию Византийской «вселенной» и, при всех современных удобствах сообщения, представляющая самое серьезное возражение против введения у нас соборного правления, сама собою приводит к мысли о необходимости разделения России на митрополитанские округа. Это разделение было бы, кроме того, полезно и для последующей децентрализации нашего церковного управления. По нашему мнению, в России на первое время можно наметить следующие 12 округов, сообразно с характером населения и отчасти со способами сообщения: 1) С.-Петербург (Новгород, Петрозаводск, Псков, Рига, Финляндия), с митрополией в Новгороде, если патриарх – в Петербурге; 2) Вильна (Гродно, Витебск, Могилев, Минск, Варшава, Холм; 3) Вологда (Архангельск, Ярославль, Кострома, Вятка, Пермь, Екатеринбург); 4) Москва (Тверь, Смоленск, Калуга, Тула, Орел), с митрополией в Твери, если патриарх – в Москве; 5) Казань (Симбирск, Самара, Уфа, Оренбург, Туркестан); 6) Владимир (Н. Новгород, Рязань, Пенза, Тамбов, Саратов); 7) Новочеркасск (Астрахань, Ставрополь, Владикавказ, Сухуми); 8) Киев (Чернигов, Волынь, Каменец-Подольск, Бессарабия, Херсон; сюда нужно отнести и Холм, если бы он был выделен из Польши в гражданском отношении); 9) Харьков (Курск, Воронеж, Екатеринослав, Полтава, Таврида); 10) Тобольск (Томск, Омск, Красноярск); 11) Иркутск (Чита, Якутск, Благовещенск, Владивосток); 12) Грузия или, точнее, Кавказ и Закавказье. С течением времени и с умножением архиерейских кафедр, эти округа могли бы распасться на более мелкие, приблизившись, таким образом, по своим размерам к митрополитанским округам древней Церкви.

При установлении окружного правления необходимо помнить, что древние округа вызваны были самой жизнью, являясь параллельно гражданскому делению империи, у нас же их придется заводить вновь, отчасти даже искусственно (мы все привыкли теперь, наоборот, к крайней централизации власти в Петербурге). Поэтому нужно на первое время всячески воздержаться наделять наши округа разными административными правами и полномочиями, иначе мы можем создать лишь ненужную инстанцию власти, которая будет только замедлять дело и усложнять переписку. На первых порах официальное значение наших округов пусть ограничивается только тем, что они по известной очереди избирают из своей среды каждый по одному члену в

постоянный Священный Синод при патриархе, а также избирают и поставляют архиереев для епархий и викариатств округа, испрашивая в первом случае утверждение от патриарха. Когда вопрос идет о выборе в члены Синода архиерея, тогда могут собраться одни епископы округа, но, конечно, в присутствии клира и мирян; таким образом, это собрание даст повод к некоторой ревизии всего округа, к выяснению общих и частных церковных нужд и т. д. Для избрания епископа митрополитанский собор собирается по возможности в кафедральном городе вдовствующей епархии и имеет при этом возможность выслушать желание паствы, если у нее есть свои кандидаты, а также и отзыв о кандидатах, которых бы предложили присутствующие епископы или другая какая-нибудь власть (например, патриарх или соседние митрополиты и пр.). Опять-таки и в этом случае митрополитанский собор, происходящий по возможности вместе с общеeparхиальным съездом данной епархии и с участием желающих из клира и мирян соседних епархий, в своих рассуждениях вышел бы далеко на пределы того частного случая, ради которого он собрался. Не говорим уже о том, что собрание воедино епископов округа дает им прекрасный повод поделиться и своими пастырскими недоумениями и своим опытом со своими собратиями. Здесь же могут быть выслушаны в порядке опять-таки лишь братского совета разные недоумения и неудовольствие клириков и мирян на своего епископа, как об этом раскрыто в записке преосвященного Антония Вольнского. Практика, несомненно, потом установит и другие поводы и случаи для созыва митрополитанских соборов, а равно укажет и необходимые нормы для их административных и судебных полномочий; необходимо только, чтобы наши епархии и приходы сначала организовались сами по-новому и начали в этой организации жить. Что касается стоящего во главе каждого округа митрополита, то ему, кроме права и обязанности собирать окружные соборы для указанных целей, можно предоставить лишь значение неофициального третейского судьи при разногласиях между епископами области или между клириками, мирянами и их епископом, пока эти разногласия еще не разгорелись до прямого судебного дела. Митрополиту, как старшему между равными, принадлежит также право негласно давать братские увещания и советы епископам области, если бы в поведении их или в административной деятельности оказалось что-нибудь требующее таких увещаний (опять это только в этом периоде, пока не доходит до суда). Митрополит избирается собором епископов области, причем, по общему правилу, выслушивается и голос митрополитанской епархии; утверждается же избрание патриархом с его Священным Синодом. Относительно кандидатов во епископы нужно сделать то общее замечание, что ими могут быть, по установившейся в нашей Церкви практике, преимущественно монахи, но не обязательно лишь ученые, тем менее одни ректоры семинарий (иногда стоящие от народа дальше монастырских монахов). Но, конечно, если бы голос народный указал на какое-нибудь вполне достойное лицо (не состоявшее в браке или овдовевшее) не из монахов, то не было бы нарушением канонов и практики восточной Церкви не требовать от этого лица принятия малой схимы (пострижения), если это лицо не решается на этот шаг. Тогда можно ограничиться и рясофором. Мы считаем почти излишним оговаривать, что отнюдь не разделяем тех задирающих голосов, которые теперь слышатся из разных кругов против обязательного принятия кандидатами архиерейства монашеского клобука и которые стараются представить пострижение перед самой хиротонией во епископа какой-то недостойной комедией, не соответствующей высоким качествам, требуемым от будущего архипастыря. По нашему глубокому убеждению, всякий, кто ясно представляет себе всю глубину доступного человеку самоотречения, которая требуется от епископа, как продолжателя дела Агнца Божия, взявшего грех мира, всякий, прежде чем принять на себя этот великий сан (если к нему призвут), сам почувствует внутреннюю необходимость пережить то деятельное отдание себя в жертву Господу, которое составляет сущность монашества и, в частности, чина пострижения. Ведь не даром же наша православная Церковь, начавши с семейных (хотя и не всегда) епископов, потом постепенно пришла к монашествующим. Было бы просто наивностью (если искренно) объяснять эту эволюцию разными происками и придворными партиями. Если бы монашество было противно пастырству, никакими бы ухищрениями не удалось утвердить его во всей Церкви так скоро и так повсеместно. Указывают обычно на 6-е правило Поместного Собора 897 года, запрещающее епископу, принявшему монашеское пострижение, снова домогаться архиерейского служения. Но здесь говорится о пострижении после архиерейства (может быть, даже о великой схиме); говорится, следовательно, о таком епископе, который, из опыта убедившись в своей неспособности к начальствованию и учительству, принимает монашество с прямой целью, чтобы не быть епископом. Понятно, что такому, раз отрекшемуся от пастырского

служения, неприлично домогаться снова пользоваться правами архиерейства. Более действительным основанием возражений против монашества епископов является взгляд на епископское служение, как на некоторую привилегию, откуда следует естественное недоумение, почему этой привилегией завладел только один класс людей, отнюдь не имеющий монополии на особые дарования или заслуги или просто на безупречность сравнительно с другими – не монахами. Эта точка зрения, неизбежная при существующем строе церковной жизни, конечно, просуществует только до тех пор, пока не вступит в свои права сама Церковь, когда хозяевами положения будем уже не мы – духовенство, а сама она. Тогда без всяких споров будет ясно, почему существует такой, а не иной порядок вещей. Для Церкви оказалось удобнее и полезнее, чтобы епископ не имел семьи и дома, чтобы он, по настроению и режиму, был монахом, таким образом, кроме Церкви, не имел других привязанностей, – этим Церковь и руководствуется в избрании епископов, оставляя совершенно в стороне вопросы, кто больше заслуживает почета, монах или не монах.

Избирается епископ собором епископов в присутствии митрополита при свидетельстве клира и народа. На место епархиального епископа кандидатов ищут как между викарными епископами данной области, викарными епископами других, особенно соседних областей, так и между лицами пресвитерского сана. Точно так же и кандидата на митрополитанскую кафедру можно искать не только среди епархиальных и викарных епископов области, но и между епископами всей России. Интерес самого дела требует не ограничивать выбора, чтобы на места наиболее ответственные иметь возможность взять людей, наиболее выдающихся и известных церковному обществу. Не было бы «скачком» выбирать митрополита и прямо из лиц пресвитерского сана, поскольку звание митрополита не составляет особой иерархической степени сравнительно с епископом. По крайней мере, в Элладке такие случаи были; например, предшественник нынешнего Афинского митрополита, покойный митрополит Прокопий был избран прямо из архимандритов, хотя там митрополит – отнюдь не просто титул; с этим званием там соединяется председательство в синоде автокефальной Церкви, в числе иерархов которой было много архиепископов (до закона последних лет архиепископами были все архиереи губернских городов в отличие от уездных). Ограничение при переводе епископов с одной кафедры на другую, оправдываемое существом дела и канонами, должно состоять только в запрещении переводить епархиальных архиереев на епархию же и митрополитов на другую митрополию (и то и другое без крайней, ясно выраженной нужды и с согласия переводимых).

Преобразования в постоянном центральном органе управления русской Церковью точно так же не представляют собой замысловатости и сложности, хотя и будут по своему существу довольно радикальны. Необходимо, 1) чтобы действительным начальником синодальной канцелярии и всех отделений и комитетов, непосредственно подчиненных Синоду, был сам Синод в лице своего председателя, 2) чтобы вызов епархиальных архиереев для присутствия в Синоде не зависел от усмотрения центральной власти, а подчинялся известным, точно установленным правилам; и 3) чтобы компетенция Синода в вопросах административных, судебных и в особенности догматико-канонических и законодательных (для русской Церкви) была выражена в его уставе или регламенте с полной определенностью, так чтобы Синоду не было ни повода, ни возможности переступать пределы своих полномочий и управлять русской Церковью по своему усмотрению. Для достижения первых двух целей достаточно реформировать настоящий Синод в том духе, как изложено в разосланной записке: «Необходимые реформы в высшем управлении русской православной Церкви». Митрополитанские округа, разделенные на очереди, избирали бы каждый от себя по одному из сменяемых членов; постоянные же члены должны быть указаны на Всероссийском Соборе. Это положит предел усмотрению. Что касается компетенции Синода, то он почти во всем займет место настоящего Св. Синода, являясь в делах текущих, административных и судебных, высшей инстанцией. Нужно только значительную долю дел, без нужды восходящих ныне до центрального управления (например, хотя бы дела бракоразводные), возвратить для окончательного решения в епархии и только в случае обжалования епархиальных решений доводить до Синода. Это значительно сократило бы волокиту и дало бы возможность высшему управлению с большей плодотворностью употреблять свое время на дела, действительно требующие его внимания и решения. При этом в регламенте будущего Священного Синода должно быть совершенно определенно выражено, что Синод правит русской Церковью отнюдь не сам от себя, по какому-нибудь особому праву, а лишь по полномочию самой русской Церкви. Потому компетенция

Синода в делах законодательных не должна простирается далее издания лишь разъяснительных постановлений к существующим церковным законам, далее выработки и издания разных регламентов и уставов, основные положения которых уже установлены Всероссийским Собором, который и является для русской Церкви законодателем (в пределах компетенции Поместного Собора). Точно так же и в вопросах канонических и вероучительных Синод лишь применяет существующие, установленные на Соборе нормы и не имеет права решать эти вопросы сам по своей инициативе и усмотрению.

Председатель Священного Синода носит титул: «Архиепископ Московский и всея России патриарх». Против этого титула многие теперь возражают – то как против излишнего, то даже как против опасного. По моему мнению, нельзя утверждать ни того, ни другого. Титул патриарха далеко не безразличен для очень значительного числа русских православных людей, и провозглашение его за богослужением по всей России, вместо непонятного и безличного Синода, яснее и громче всяких манифестов и указов возвестит народу о происшедшей перемене и больше выяснит ему ее сущность. Бояться же папства и т. п. средневековых миражей теперь, после провозглашения разных свобод, после переустройства всей нашей и государственной и общественной жизни на началах общечеловечности, притом при вполне определенном выражении принципа соборности в церковном управлении, было бы по меньшей мере несвоевременным. Патриарх наш не будет ни папою, ни даже патриархом в византийском смысле; он будет лишь председателем Синода. По отношению к прочим епископам он лишь первый между равными и потому пользуется обычными нравственными правами старшего брата: правом братских советов, предостережений или увещаний, если найдет это необходимым. Юридические его права состоят лишь в том, что он принимает жалобы на епископов (формальные) и в случае их важности дает им законный ход; он привлекает виновного в явном чем-нибудь епископа к суду Священного Синода и возбуждает вопрос о назначении ревизии в ту или иную епархию: Апелляции на решения патриарха подаются в Священный Синод, который и рассматривает дело в отсутствие патриарха. В случае возникновения против патриарха каких-нибудь серьезных обвинений дело рассматривается Священным Синодом, и, если обвинение окажется основательным, Синод объявляет патриарха временно устраненным от должности и созывает экстренный собор святителей, по два от каждого округа, для суда над патриархом. В таком соборе митрополиты обязательно участвуют лично или в лице своих местоблюстителей. Этот собор, расследовав дело, может низложить патриарха и, избрав ему местоблюстителя, объявить патриарший престол вдовствующим и назначить срок созыва Всероссийского Собора для выбора нового патриарха.

Порядок избрания патриарха, наиболее соответствующий нарождающемуся строю нашей православной державы, а равно и святости дела, представляется мне в следующем виде. Всероссийский Собор для этой цели разделяется на две палаты: верхняя – собор святительский и нижняя – собор представителей от епархий (клирики и миряне). Нижняя палата составляет список кандидатов, причем в совещаниях по этому вопросу участвуют, кроме выбранных представителей епархий, и все клирики и миряне, явившиеся на Собор по собственной инициативе (но в голосовании не участвуют). Составленный список потом рассматривается собором святителей, которые дополняют его своими кандидатами, исключив из представленных тех, против кого они могут указать совершенно определенные канонические возражения. Дополненный список утверждается Государем, после чего обе палаты Собора одновременно, но порознь, каждая особо избирают по одному кандидату путем закрытого голосования. Неполномочные члены Собора могут присутствовать и при этом, но ни в рассуждениях, ни в голосовании участия не принимают. По избрании кандидатов все собираются в храм (в Москве – в Успенский собор). Представитель Государя пишет на одинаковых билетах имена кандидатов обеих палат и на третьем – имя, указанное ему устно или лучше собственноручно письменно Государем, которому немедленно докладываются результаты выборов (все три имени или два из них могут и совпадать). Все три билета в особом закрытом сосудах поставляются на престол и, по общей молитве, какой-нибудь посторонний человек, не глядя, берет из сосуда один билетик и так провозглашает имя избранника, который, по свидетельствовании сосуда и оставшихся двух билетов, и признается нареченным патриархом. В свое время бывает торжественное возведение патриарха на престол, после чего он представляется Государю. Такой порядок лучше подходит к святому делу избрания верховного пастыря и молитвенника русской Церкви. Он значительно ослабит остроту разных обычных в таких случаях происков, партийных страстей, борьбы

самолюбий и проч., и в то же время даст избраннику успокоение в сознании, что пришел он на свое великое служение не «прелазя и нуде».

Высшим законодателем и судьей русской Церкви должен быть провозглашен Всероссийский Поместный Собор, собираемый по мере надобности, но не реже, чем через пять лет. Право и обязанность созывать Собор (с согласия, конечно, православного Государя) и председательствовать на нем принадлежит патриарху или местоблюстителю патриаршего престола. Поводом к созыву Собора может быть избрание патриарха, или возникновение каких-либо вопросов, решение которых превышает компетенцию Священного Синода, или, наконец, просто общая ревизия церковной жизни за истекший пятилетний период (более краткий, если Собор собирается ранее). Для последней цели Священный Синод представляет Собору отчет о состоянии Церкви и о своей деятельности за это время, а также предлагает к рассмотрению разные недоумения или желания, подлежащие соборному решению. На Соборе избираются на пятилетний срок из лиц, обладающих достаточными для того сведениями, преимущественно из членов Собора, председатель контроля при Священном Синоде, его помощник и два кандидата к ним, которые, по истечении срока своих полномочий, представляют Собору отчет о своей деятельности и замечания относительно экономической стороны жизни центрального управления, равно как и прочих церковных учреждений, поскольку последние обнаруживают ее перед центральным управлением. Поместный же Собор устанавливает и сборы с приходов и церквей на общецерковные нужды (например, на содержание духовно-учебных заведений, на миссии и т. п.) пропорционально по всем митрополитанским округам. По составу своему Собор может быть или усиленным, и тогда на нем присутствуют все епархиальные архиереи и выборные представители от всех епархий, по четыре от каждой, как это предусмотрено мною на чрезвычайном Соборе; или же обыкновенным, и тогда его образуют: митрополиты (лично или через заместителей), по одному архиерею и по четыре представителя епархий от каждого округа, избранных на митрополитанских соборах. Несомненно, в усиленном своем составе Собор будет собираться лишь в исключительных случаях, для регулярных же Соборов (также и для избрания патриарха) достаточно и обыкновенного состава, чем устранено будет одно из препятствий (затруднительность собраться) к упрочению у нас соборного правления. Кроме полномочных членов, на заседаниях Собора, по общему правилу, с правом совещательного голоса участвуют и все клирики и миряне, которые пожелают этого и удовлетворят общим условиям (как это сказано в моей брошюре о чрезвычайном Соборе).

Что касается отношений к Церкви Государя Императора, то отношения эти должны быть такими, каких требует самое существо дела, т. е. отношениями верного сына к своей духовной матери, и должны характеризоваться подчинением ее канонам и преданию, уважением к ее голосу и ее свободе и доброжелательным покровительством и защитой в ее внешнем положении и деятельности. Сношения Государя со Священным Синодом обыкновенно происходят при посредстве обер-прокурора или, если нужно переменить имя, референдария; но председатель Синода имеет не только право, но и обязанность испрашивать у Государя особую аудиенцию, если характер дела требует его личного доклада или если он найдет это необходимым. В инструкции референдария должно быть ясно указано, что он не имеет права объявлять Синоду прямую волю Государя, если бы таковая последовала по какому-нибудь вопросу, равно как и объяснять резолюцию Высочайшую, если она идет в отмену состоявшегося синодального постановления. В том и другом случае обер-прокурор обязан уступить свое место председателю Синода, от которого и будет зависеть принять то или другое решение. Постановления Собора и Священного Синода, если они не имеют чисто внутреннего церковного значения, а касаются и отношений церковно-государственных, нуждаются, чтобы стать церковно-государственным законом (а не одним нравственным обязательством), в признании их за таковые Государственной Думой и в утверждении Государем.

Наконец, по вопросу о реформе духовно-учебных заведений я повторяю опять свое общее замечание: не нужно готовить для Собора подробных уставов, так как нельзя с уверенностью предрешишь, какое направление в этом вопросе возьмет Собор. Уставы будут выработаны после Собора на основании принятых им общих руководящих положений.

Относительно типа наших средних духовно-учебных заведений в печати и обществе довольно устойчиво наметилось мнение о необходимости разделения нашей духовной средней школы на две: на общеобразовательную (вроде гимназии духовного сословия) и собственно-духовную, пастырскую, находящуюся в непосредственном заведовании епархиального епископа.

Для пастырской школы большинство отделяют лишь два последних класса нашей семинарии, все же остальное отдают общеобразовательной, причем требуют, чтобы эта последняя не только в плане своего преподавания, но и в самом режиме показывала, что ее воспитанники отнюдь не готовятся обязательно к пастырству. По окончании этой школы желающие получают аттестат и идут куда угодно; на место же их, предполагается, поступят кончившие курсы гимназий, реальных училищ и проч. Мнение это, конечно, навеяно современным общим разложением нашей духовной школы, главной причиной которого с уверенностью можно назвать насильственное ее закрытие, вследствие запрещения семинаристам поступать в университеты. Благодаря этому запрещению в семинариях насильно задержаны были элементы, совершенно ненужные и даже вредные, озлобившиеся на это насилие и заражавшие своим озлоблением и тех, кто, при иных условиях, может быть, и не думал бы уходить с церковной службы. Эти элементы с отвращением кончали курс, с отвращением поступали в академию, всячески будируя против ее церковного направления, и потом оказывались подневольными, озлобленными на свою долю преподавателями духовно-учебных заведений, продолжая распространять заразу своего внутреннего отчуждения от школы и ее задач на весь ее состав. Странно было бы и хотеть, так сказать, выпустить из нашей школы все эти зараженные соки и, постепенно заменяя их свежими из других сословий и классов, со временем достигнуть полного обновления и духовного сословия и духовной школы. В этом – его правда; но неправда его – в том, что оно, желая обязательно эмансипировать свою общеобразовательную школу от церковности, явно становится на сторону желающих уйти от церковной службы и пренебрегает интересами тех, кто потом останется при Церкви. Как бы ни было велико количество первых, никто не может отрицать, что большинство детей духовенства, хотя бы только по недостатку средств и по инерции, пойдет попрежнему на духовную службу. В силу каких же соображений мы будем в общеобразовательной школе, устроенной специально для детей духовенства, в большинстве будущих служителей Церкви, всячески игнорировать это их будущее служение, стараясь светским режимом и всем составом преподавания зачем-то вытравить эту естественную и во всех отношениях, особенно в интересах Церкви, весьма желательную склонность духовных юношей? Школа не имеет права никого насиловать, но, раз у юноши уже зародилось призвание, задача школы – не заглушать его, а напротив, всячески поддерживать и возвращать. Поэтому более правильным и практически полезным является мнение преосв. Антония Волинского, отделяющего для пастырской школы все четыре высших класса семинарии и оставляющего для общеобразовательной (преимущественно сословной школы) училище и два низших класса семинарии (шестиклассная прогимназия), причем кончившие нашу прогимназию поступают без экзамена в седьмой класс светской школы, а оттуда по окончании шестого класса лица светских сословий будут поступать в теперешний третий класс семинарии (первый – пастырской школы). По плану светских наук наша прогимназия должна приближаться и даже быть тождественною с гимназиями светскими, но по режиму и по постановке Закона Божия и т. п. должна совершенно определенно быть пропедевтикою к школе пастырской. Вполне резонно, что не все, почему-либо попавшие в духовную школу, окажутся склонными и пригодными для пастырского служения и что поэтому в интересах самой Церкви – предоставить таким молодым людям идти, куда они желают. Но не менее справедливо и то, что руководящим началом церковной школы не может быть забота преимущественно об удобствах таких, хотя и невольных, отрицателей церковного служения; режим школы и ее программы должны быть рассчитаны главным образом исходя из интересов остающихся; она должна стремиться сохранить и воспитать этих последних для пастырской школы и далее для пастырского служения. К такому выводу, конечно, потом придется поневоле придти всем; потому что, при возродившемся соборном строе, истинными хозяевами в церковной школе будем уже не мы – духовное сословие, не преподавательские корпорации, а само церковное общество, которое содержит школу и которое, конечно, потребует, чтобы она отвечала церковным целям, для коих содержится.

О желательных переменах в строе наших духовных академий я уже имел случай высказаться на заседаниях комиссии профессоров; теперь лишь повторю и отчасти дополню свое мнение, применительно к предстоящему открытию новой эры в нашей церковной жизни. Я полагаю, что академиям должна быть предоставлена возможно полная автономия в их ученой и учебной жизни. Пусть будут установлены лишь самые общие от них требования, например, предметы преподавания и т. п. руководящие указания; все же остальное, все подробности

осуществления устава (до выбора между предметной и курсовой системой преподавания и пр.), должно быть предоставлено самим академиям. При том общественно-церковном контроле, при часто собирающихся соборах, где могут найти себе должную оценку всякие уклонения, опасаться чего-нибудь от такой свободы нет оснований. Равно как и в административном отношении нет причин лишать академии права ставропигиальности, т. е. подчинить их прямо патриарху со Священным Синодом. Но все это – под тем неперменным условием, если во главе академии будет стоять ректор-епископ, как лицо, облеченное всей полнотой церковного доверия и авторитета и по самому своему сану прямо заинтересованное в прочном хранении в жизни академии церковных традиций и интересов. Как и всякий епископ, ректор избирается собором епископов, в данном случае – Священным Синодом под председательством патриарха, но выбирается из трех кандидатов, представленных советом академии, от которого в заседание Синода посылается особая депутация для представления Синоду желаний академии и для выслушания указаний Синода в случае нужды. По своим церковным правам и преимуществам ректор академии равняется внутри академии и на соборах епархиальным архиереям. Синодом же назначается и инспектор академии, причем особенное внимание оказывается голосу ректора, ближайшим помощником которого инспектор является в академии. Будучи в ученых и учебных делах лишь председателем совета, с обычными правами лишь нравственного влияния и руководства, ректор имеет в своем заведовании собственно церковную и воспитательную часть, насколько, конечно, о ней может быть речь в академии. Лекции в академии должны быть доступны для всех желающих их слушать (что само собою установило бы над научной и учебной деятельностью академий общественно-церковный контроль), и в студенты академии должны приниматься без экзамена все, получившие свидетельство об окончании семинарии (и 2-й разряд) или среднего светского учебного заведения, женатые и холостые. Но в академический интернат, в особенности на казенные стипендии, принимаются только по особой рекомендации церковных властей или общин и только те, кто выразит вполне определенное желание подчиниться церковному режиму этого интерната, чтобы потом посвятить себя и пастырскому служению. Таким образом, при автономной академии сам собою вырастет полунезависимый пастырский институт с вполне установившимся церковным режимом и задачами, и в то же время богословское образование будет доступно всякому желающему, хотя бы он при поступлении в академию и не задавался прямо мыслью потом поступить на службу Церкви.

Обыкновенно спрашивают, почему для начальника академии непременно нужна черная ряса: разве белый священник и даже мирянин не может быть так же предан Церкви, как монах? Несомненно может; и многие священники и миряне, несомненно, и искреннее и лучше многих, если не всех, монахов. Но когда дело идет о выработке общего правила, закона, тогда всякие возможности в расчет не могут браться; простое благоразумие требует выбирать такую форму, которая, при средних условиях, наиболее обеспечивала бы требуемые качества (для исключительных людей всегда можно сделать и исключение). Как бы ни славились наши ученые монахи разногласиями между собой, все-таки в своих отношениях к церковному направлению духовной школы они между собой более или менее согласны; между тем ряса белого священника, не говоря уже о фраке мирянина, может прикрыть собою самые противоположные крайности, от непримиримого и неподвижного консерватизма до совсем разнузданного «ничегонепризнаательства» (достаточно, например, вспомнить знаменитый спор В. В. Розанова о браке, с относящимися к нему документами). Говорят, что академия своей задачей имеет не непременно воспитание пастырей Церкви, но, главным образом, распространение богословского образования вообще. Здесь уже довольно ясно проскальзывает основная тенденция возражений. Нельзя представлять себе богословского, христианского учения, церковного православия какой-то безразличной теорией, не налагающей на человека никаких обязанностей, которую бы можно было изучать с таким же внешним интересом, как изучаются, например, Талмуд и Коран христианскими учеными. Чуждый по настроению христианству, православию, человек будет плохим исследователем православного учения и, во всяком случае, не проявит никакого творчества в своих богословских исследованиях. Какой же тогда был бы смысл в существовании духовной школы, если бы она, не проявляя истинного творчества в богословии, в то же время свысока отстраняла бы от себя и пастырско-воспитательную свою задачу? Между тем правильно поставленная школа, с ясно определенным церковным характером и задачами, всегда обеспечит процветание и развитие настоящей богословской науки. Выгоднее, следовательно, принять ту постановку, где достигаются обе цели, чем, погнавшись за исключительным распространением

науки, в конце концов остаться в большом сомнении и относительно сей последней. — Возражают, далее, что при проектируемом двоевластии в академиях всегда будут раздоры и взаимное недоверие, тормозящее все дело. Но естественное на первых порах недоверие легко может быть побеждено искренностью и доброжелательностью ректора, особенно если последний, при изменившемся строе церковного управления, не имея ни причин скорее оставить академию, ни оснований думать, что его могут неожиданно взять из нее (так как с епархиального поста, каков будет тогда ректорский, его могут взять разве в митрополиты или патриархи, что едва ли часто будет случаться), будет считать себя связанным с академией почти на всю свою жизнь и будет иметь все побуждения посвятить ей все свои силы. Притом, указанное двоевластие может оказаться всегда полезным предохранительным средством против естественного во всякой небольшой корпорации духа семейственности в решении академических дел, не исключая и самых принципиальных и отвлеченнонаучных.

Не обременяя себя рассмотрением разных уставов во всей их подробности, наш Собор должен приготовиться отдать свои силы и время вопросам вероучительно-каноническим, которые намечаются уже и теперь. Таковы вопросы о клятве собора 1666 г., о старокатоличестве, об единоверческом епископе, о возможности в некоторых местностях употреблять новый стиль в видах большей защиты православных от инославного влияния и т. п. Заранее решить, можно ли будет на Соборе поднять все эти и подобные вопросы, конечно, невозможно, потому что решать это должен сам собор; о желательности же их поднятия не встречается, повидимому, никаких разногласий.

Таковы в общих чертах пожелания, какие, по моему крайнему мнению, можно предъявлять относительно церковных преобразований на предстоящем церковном Соборе. Так как все эти реформы могут быть намечены на Соборе только в основных началах, дальнейшая же разработка принадлежит отчасти приходам и епархиям, отчасти Синоду и последующим Поместным Соборам; так как, во-вторых, с основными началами реформ наше общество, путем обсуждения их на разных съездах и в печати, уже довольно ознакомлено, — то нет никаких оснований тратить время на изготовление подробных проектов и на ознакомление с ними общества, а следует теперь же пригласить епархии приступить к выборам представителей, чтобы после Пасхи или в неделю свв. отец (день, указываемый канонами, а кстати, и 10-летие коронации) назначить открытие столь давно жданного Всероссийского Поместного Собора. Буди, буди!

О составе ожидаемого чрезвычайного Поместного Собора русской Церкви

По вопросу о составе ожидаемого церковного Собора российской Церкви в настоящее время определились два несогласных между собою взгляда. В докладе, представленном Св. Синодом Государю, совершенно определенно и решительно говорится о созыве одних только епархиальных епископов. Между тем 32 священника в своей записке требуют непременно допущения на Собор клира (точнее, белого духовенства) и мирян в лице их представителей, выбираемых по известной системе. Этот последний взгляд, иногда с некоторыми поправками (например, некоторые признают возможным или законным участие на Соборе представителей и черного духовенства, некоторые требуют для клира и мирян голоса, равного голосу епископов, некоторые же готовы ограничиться лишь голосом совещательным), можно признать почти утвердившимся в общественном сознании и притом настолько, что г. обер-прокурор (бывший) нашел даже возможным в своем предложении Св. Синоду поставить вопрос о пересмотре синодального решения о составе Собора. Которому же из двух взглядов нужно следовать?

Мне думается, что прежде чем стать на ту или другую сторону, необходимо со всей определенностью уяснить себе, чего, собственно, мы желаем и ожидаем от предстоящего Собора, каковы будут его церковные полномочия и какое он будет иметь значение для нашего церковного устройства и законодательства. Будет ли это в. полном смысле Поместный Собор российской Церкви, самое уже созвание которого будет означать отмену прежнего синодального, точнее – обер-прокурорского режима и начало новой эры в нашей церковной жизни; или же это будет обыкновенное собрание сведущих людей, заключения которых по предложенным им пунктам не будут иметь никакой законодательной силы и послужат лишь материалом для законодательной работы все прежнего центрального правительства? Если бы принята была вторая точка зрения, тогда нет оснований особенно спорить о составе Собора и порядке выборов. Чем разнообразнее будет этот состав, чем полнее на нем будут представлены все оттенки мнений и состояний, тем богаче будет материал для центральной власти. В таком случае не было бы особого скандала и в том, если бы депутаты от различных классов (от белого духовенства, от мирян, от монашества, от епископов) непримиримо распались на партии и, вместо устройства дел церковных на началах канонических, стали бы лишь отстаивать «интересы» своих выборщиков: самый характер собрания как только подготовительного, скорее сословного, чем церковного, снимал бы значительную долю, так сказать, церковной ответственности с его участников. В газетах (кажется, в «Слове») высказано было опасение, что предложение г. бывшего обер-прокурора, определяя программу будущего Собора, хочет как будто лишить последний законодательной инициативы и того «учредительного» (да позволено будет употребить это несколько неподходящее выражение) значения, какое он должен иметь. Опасение – едва ли основательное. Не говоря уже о трудности возвратиться к режиму, каноническая оценка которого со всей ясностью высказана в самом синодальном докладе, есть все данные и в предложении видеть одно желание, чтобы компетентные лица лишь установили круг возможных вопросов для соборного рассуждения и тем дали бы возможность участникам Собора явиться на него подготовленными. Несомненно, и церковное общество, и сам Св. Синод, когда говорят о Соборе, то разумеют в собственном смысле Поместный Собор со всеми его полномочиями и признают, что вместе с созванием такого Собора источник и инициатива власти церковной переходят от Св. Синода, как органа государственной власти, к Поместному Собору, ответственному лишь перед собором большим. Мы все, следовательно, ожидаем от нашего будущего Собора не мнения по церковным вопросам, а вполне закономерных норм нашей личной и церковнообщественной жизни, притом таких норм, которым бы мы подчинялись не потому, что у нас нет пока сил и средств их переделать (принцип парламентарного правления), а потому, что в них мы видим голос самой Церкви, обязательный для всякого до тех пор, пока он желает оставаться членом этой Церкви. Но при таких полномочиях будущего Собора вопрос о его составе получает самое существенное значение: по своему составу Собор должен строго отвечать каноническим требованиям, иначе его постановления не будут иметь силы закона и могут быть даже совсем отвергнуты значительной частью церковного общества, и, – что и важно, – той, которая бескорыстно желает прежде всего восстановления подлинно церковной жизни.

Итак, можно ли, стоя на строго канонической точке зрения, утверждать, что клирики и миряне имеют право наравне с епископами участвовать с решающим голосом в областных соборах (об

епархиальном съезде речь иная)? Ответ может быть только отрицательный. Что клир и миряне обязательно присутствовали на соборах и что некоторые из них принимали в рассуждениях собора самое выдающееся участие, это правда. Можно даже указать отдельные случаи, когда клир и миряне (по крайней мере, чиновные) имели одинаковый с епископами решающий голос. Например, проф. И. И. Соколов на заседаниях петербургской епархиальной комиссии указал Византийский собор по делу патриарха Досифея (если не ошибаюсь), на котором все участники: епископы и чины патриаршего двора (клирики и миряне) отвечали на поставленный вопрос одинаковой формулой («определяю»). То же можно находить и на русских соборах 1666–1667 гг. и др. Но сказать, чтобы таков был закон церковный, обязательный для всех, чтобы этого требовали правила свв. апостол и св. Вселенских и 9 Поместных Соборов, одним словом – имеющая для Церкви силу основного уложения «Книга Правил», сказать этого невозможно. «Книга Правил» не содержит никаких узаконений для участия клира и мирян в областных соборах и напротив, со всей определенностью для «рассуждения о догматах благочестия и разрешения случающихся церковных прекословий» или «исследования недоумений» узаконивает соборы епископов (Апост.37-е; 1Всел. Соб.5-е), и всюду, где говорит о соборах и определяет для них какие-нибудь правила, говорит только об епископах и никогда о пресвитерах, клириках или мирянах (4Всел. Соб.19-е; 6Всел. Соб.8-е; 7Всел. Соб.6-е; Кар. 14-е, 27-е, 87-е, 141-е, 142-е; Лаод.40-е и пр.). Нельзя сказать, чтобы епископы пользовались таким правом только потому, что все они были избранниками своих епархий и, в силу этого избрания, на соборах могли быть выразителями мнения и желаний своей паствы: если в древней Церкви епископы и выбирались паствой, то, во всяком случае «Книга Правил» знает лишь избрание епископа «собором и по суду епископов» же (1Всел. Соб.4-е; 7Всел. Соб.3-е; Антиох.19-е, 23-е; Лаод.12-е) и прямо отрицает право у «сборища народного» (Лаод.13-е). Следовательно, по канонам церковным, епископы собираются на собор не в качестве депутатов от своей паствы, а в силу своего сана. Если угодно, они были и представителями своих епархий, но лишь в смысле свидетелей местного церковного предания, блюсти которое они обязаны и которое они заимствовали от своих предшественников. Предание же это может не только не совпадать с мнением и желаниями наличной паствы епископа, но и быть им прямо противоположным. Конечно, авторитет епископа не мог иметь характера принудительного, управление Церковью не было властным распоряжением ею по своему усмотрению: всякое постановление собора епископов, касается ли оно избрания епископа или определяет веру и закон церковный, не только не исключает, но даже прямо предполагает «свидетельство» клира и мирян, вообще – всей Церкви, о правильности данного постановления или об избранном (что, например, и выражает известная формула архиерейской хиротонии: «избранием и искусом боголюбивейших архиереев и всего освященного собора»)… Но «свидетельство» – совсем не то же, что участие в самом определении или избрании. И если восточные патриархи в своем «Послании» народ церковный называют «хранителем благочестия», то, конечно, они этим не хотят сказать, чтобы народ большинством голосов через своих законно избранных представителей определял, чему должны учить епископы и каким канонам следовать; патриархи говорят лишь о том, что народ православный настолько тверд в своей вере и настолько ей предан, что не позволит никому, в том числе и епископам, как-нибудь эту веру исказить. Всякий верующий должен знать свою веру и предание своей Церкви и должен поднять свой голос против всякого, кто грозит их целостности, хотя бы это делал и епископ; но одно дело – протестовать против злоупотреблений и другое – участвовать в управлении, быть на это уполномоченным.

В противовес канонам, многие указывают на практику древней Церкви, на примеры некоторых соборов, в частности – на собор апостольский, на которых пресвитеры, а иногда и миряне, не только присутствовали наравне с епископами, но как будто имели и решающий голос. Но этот довод убедителен разве что для тех, кто, подобно старокатоликам, увлекается мечтой восстановить во что бы то ни стало практику древней Церкви и отрицает весь исторический опыт Церкви православной, приведший ее к изданию действующих канонов. Несомненно, в первые века христианства каноны не были так нужны и допускали всякие изъятия: тогда Церковь, как справедливо указывает и преосв. Антоний Волынский в своей докладной записке, изобиловала благодатными дарованиями, перед которыми все церковные власти естественно склоняли головы, не боясь потерять свой авторитет или нарушить канон. Да и теперь, если бы на наш будущий Собор явился какой-нибудь благодатно одаренный человек, чудотворец, подвижник, то, конечно, все бы епископы с готовностью уступили ему первое место и с благоговением бы

слушали его слова; но ведь не о таких избранниках Божиих идет у нас речь. Что же касается, в частности, собора апостольского, то при суждении о нем прежде всего нужно помнить, что многие из иерусалимских пресвитеров и братий сами были «самовидцы и слуги Слова» и имели, следовательно, в глазах братий антиохийских из язычников авторитет совсем особенный и несколько не зависящий от их иерархической степени. Нужно также иметь в виду и то обстоятельство, что собор апостольский не был в собственном смысле областным собором, т. е. собором нескольких Церквей, на котором бы собрались их представители; это был, в сущности, частный собор одной Церкви старейшей, собранный по просьбе Церкви младшей, притом по поводу лжеучения, вышедшего из среды Церкви старейшей и прикрывавшегося ее именем. Естественно поэтому было этой Церкви заявить своей младшей сестре, что она вполне с ней согласна и от лжеучителей отказывается. Если же считать апостольский собор собором в собственном смысле, то его состав, мне думается, яснее всего и может доказать, что совместное участие в рассуждениях собора и даже подпись под его протоколом далеко еще не означают равноправности всех участников. Едва ли кто может допустить, чтобы пресвитеры иерусалимской Церкви вздумали равняться своим авторитетом с апостолами, и чтобы апостолы, в свою очередь, имели нужду и намерение подтверждать или проверять свой авторитет голосом собранных пресвитеров. Ведь одним из главных участников собора был св. ап. Павел, тот Павел, который в своих же посланиях (христианам из язычников) с такою силою и настойчивостью доказывал, что он никому из людей, ни даже апостолам, своим учением не обязан, что он получил откровение и авторитет апостольства непосредственно от Самого Господа Иисуса Христа. Очевидно, не для обсуждения или проверки своего учения шел он в этот раз в Иерусалим. Ему было нужно, чтобы сама иерусалимская Церковь рассеяла то смущение, которое посеяно было ее именем в Антиохии («говоря... чего мы им не поручали» – Деян. 15:24), что эта Церковь и сделала в своем послании. В этом освещении становится вполне понятен и рассказ Деяписателя о ходе церковных рассуждений; понятно то руководящее участие, какое принимали на заседаниях собора апостолы и, в частности, св. ап. Иаков, епископ местной иерусалимской Церкви, в сущности, продиктовавший соборное определение с авторитетом непосредственного ученика Христова.

Итак, какова бы ни была практика Церкви в разное время, выработанный историческим опытом и соборами узаконенный канонический строй Церкви знает для областей только соборы епископов. С этим фактом необходимо считаться; мы ведь (я разумею громадное большинство нашего церковного общества и клира) не хотим покидать почвы православного предания, мы хотим лишь возвращения к канонам, а не реформации. Поэтому, не отрицая желательности, а если угодно, то и необходимости участия клира и мирян в предстоящем Всероссийском нарочитом Соборе, нужно поставить это участие так, чтобы оно не разрушало указанного основного принципа канонического строя.

С этой точки зрения, представленные проекты участия клира и мирян, очевидно, неудовлетворительны. Если, при непременно участии на Соборе всех епархиальных епископов, от каждой епархии явится не менее 4 депутатов (а можно и более, т. е. 6, 8 и т. д.) поровну от белого духовенства и мирян и все с решающим голосом, тогда епископы будут иметь на Соборе – самое большое – одну пятую всех голосов и хотя, конечно, не лишены будут возможности влиять на ход соборных рассуждений и на само решение, но влияние это будет во всяком случае неустойчивым и не обеспеченным, и никто не может поручиться, что на Соборе не пройдет решений, против которых все епископы выскажутся отрицательно. А это было бы уже в явном противоречии канонам. То же и в большей степени нужно сказать о проекте, допускающем на Собор в придачу к прочим депутатам еще по одному от епархии представителю монастырского монашества. Согласимся, что Собор – не парламент и решения его едва ли будут ставиться механическим подсчетом голосом; но в известных случаях большинство Собора может потребовать и этого. У всякого, далее, остается возможность, в случае принятия Собором решения, явно губительного для Церкви или противного вере и канонам, открыто протестовать против такого решения и не подчиниться ему; но это уже грозит разрывом церковного общения и может иметь место лишь в самых исключительных случаях, нам же нужно установить закономерность обыкновенного течения дел и отнять основание у тех, кто бы нарочито стал подкапываться под соборные решения и оспаривать их законную силу. Если бы клириков и мирян на соборе было меньшинство или количество, равное епископам, тогда бы острота вопроса устранялась: без согласия епископов не могло бы пройти ни одного постановления; но тогда от

каждой епархии пришлось бы брать или одного клирика, или одного мирянина, что не было бы и представительством.

Несомненно, самый лучший и наиболее близкий к канонам порядок был бы такой, при котором клирики и миряне пользовались бы совещательным голосом. При нем всякий неепископ имел бы право и полную возможность со всей искренностью и, если нужно, настойчивостью высказать свое мнение, свои доводы и желания, а соборное решение постановляли бы только епископы, которые по самому своему сану отвечают за целостность церковных устоев и за души вверенных им людей. К сожалению, при настоящем настроении церковного общества трудно ожидать, чтобы не епископы удовлетворились одним совещательным голосом, особенно ввиду совершенно исключительных задач предстоящего Собора. «Что, если этот Собор только усилит бюрократизм в нашей Церкви? Поправить беду впоследствии ведь будет еще труднее». Чтобы не мучиться этими опасениями, нужно или быть совершенно равнодушным к судьбам и делу Церкви, или же иметь к епископам идеальное доверие и послушание; окружающая же нас действительность говорит, наоборот, об отсутствии такого доверия. При этом я разумею не внешних для Церкви писателей и не крайние будирующие элементы, не партийный задор и пр., — я разумею людей вполне серьезно настроенных и искренно преданных Церкви. Несомненно, многие и из таких людей не находят в себе решимости без всяких рассуждений довериться собору епископов, хотя, может быть, были бы счастливы, если бы эту решимость в себе они нашли. Голоса таких людей мы не можем игнорировать. Мы, наоборот, должны пойти ему навстречу. Апостолы имели все права на безусловное доверие своей первенствующей паствы и пользовались им; однако, когда «у еллинистов произошел ропот», апостолы нисколько не колебались предоставить «попечение о столах» избранным от Церкви диаконам. На будущем же Соборе вопрос «о столах», т. е. о распределении церковных сумм и контроле над ними, и будет одним из главных (в зависимости от него стоит, например, и духовно-учебная реформа). Тем более, следовательно, оснований не оставлять без внимания вполне корректного и естественного желания лучших людей иметь свой голос в делах церковных, от которых целых два столетия они были в стороне.

Чтобы удовлетворить ту и другую сторону, т. е. и требование канонов, по которым закон церковный исходит от собора епископов, и справедливое желание клира и мирян, предлагают разбить Собор на два, как бы на две палаты: верхний — святительский собор и нижний — церковный народный. Верхний состоит из одних епископов; клирики и миряне допускаются туда только в качестве докладчиков, секретарей и т. п., без решающего голоса. Нижний собор составляется из представителей четырех главных классов церковного общества: епископов, белого духовенства, монашества и мирян; все представители имеют одинаковый решающий голос. Дела веры и чисто канонические подлежат суду святительского собора, все же остальные обсуждаются и решаются в церковно-народном; но, чтобы решение нижнего собора получило силу закона, оно должно пройти и в соборе святительском, получить как бы утверждение епископов. В случае непринятия законопроекта епископами он, с мотивированным заключением верхнего собора, возвращается для нового рассмотрения в нижний. Если нижний собор и после этого будет продолжать настаивать на своем решении, тогда вопрос переносится на следующую сессию.

Проект этот, несомненно, нельзя не назвать очень удачным, а главное — уже испытанным в практике других Церквей (в существенных частях). Отделяя клириков и мирян в особую палату, он дает им неограниченную свободу суждений и решения и в то же время, вводя в нижний собор представителей епископата, он дает нижнему собору возможность в самом процессе обсуждения знать взгляды учащей Церкви, что не может не иметь нравственного влияния на весь ход работ собора и в значительной мере предотвращать неудобные конфликты между верхним и нижним соборами. Было бы поэтому весьма желательно, чтобы этот проект был принят в основание при реформе нашего высшего церковного управления: для регулярно собирающегося собора это едва ли не самая лучшая форма. Но нельзя того же сказать о нашем предстоящем нарочитом Соборе, который предполагается, конечно, всего один и будет облечен совершенно исключительными полномочиями. Для этого исключительного Собора весьма важно, чтобы все его участники собрались прежде всего воедино, чтобы они лучше могли познакомиться со своим взаимным настроением, с взглядами, нуждами и желаниями различных групп и местностей. Поэтому на нашем чрезвычайном Соборе не нужно было бы и вопросов веры и чисто канонических (исключая, конечно, например, суда над кем-либо и т. п.) изымать из обсуждения

мирян и клира, если такие вопросы будут предложены Собору. Частное неудобство вышеизложенного проекта представляет пункт о перенесении дела, в случае несогласия между палатами, на следующую сессию, тогда как чрезвычайный Собор не повторится. Поэтому я полагаю, что будущий наш чрезвычайный Собор по своему составу должен быть один и заседания его – общие для всех участников (о выделении комиссий не говорю), причем все последние имеют одинаковое право участия в обсуждении и решении, без различия церковных степеней и званий. Если бы дело дошло до голосования (что, конечно, предполагается лишь в исключительных случаях и по прямому требованию Собора), то от подачи голоса устраняются лишь люди, явившиеся на Собор по собственной инициативе (см. ниже), а не по должности и не по избранию от епархии. Постановление этого Собора, никем на заседании законно не опротестованное, получает силу закона; если же будет опротестовано, то передается собору епископов для окончательного решения. Опротестовать решение общего Собора можно в том случае, если оно несогласно с церковным преданием или с канонами, или клонится к явному вреду Церкви, или же, наконец, в случае желания придать состоявшемуся постановлению более непререкаемую с канонической точки зрения санкцию. В делах веры и вообще догматико-канонического характера (например, если бы поставлен был вопрос о воссоединении старокаатоликов или англикан, о клятве собора 1666–1667 гг., об австрийской иерархии, об особых епископах для единоверцев и т. п.) достаточно одного голоса, будет ли он исходить от епископа или простого мирянина, чтобы признать протест состоявшимся и дело передать епископам. В остальных же делах для значимости протеста необходимо установить минимальную норму; например, чтобы он был заявлен не менее как одной четвертью присутствующих (для действительности соборного заседания необходимо присутствие двух третей полномочных участников, см. ниже). Такой порядок, думается, может удовлетворить обе стороны. Он предоставляет всем участникам полную свободу мнения и решения и полагает ей предел только тогда, когда эта свобода уже перестает быть церковной, перестает признавать для себя обязательным церковное учение и предание. С другой стороны, указанный порядок сохраняет и основной канонический принцип, – постановления в конце концов делаются епископами или прямо, когда дело передается их исключительному суду, или же их согласием с постановлением общего Собора.

Относительно вопроса, из кого в частности должен состоять Собор и каким способом избираются его участники, по моему мнению, должно установить следующее.

Прежде всего, непременно участниками Собора должны быть все епархиальные архиереи, сами лично или, в случае невозможности прибыть, через своих заместителей, которыми могут быть и викарные епископы, и простые клирики, и даже миряне. Эти заместители заседают, подают голос и подписывают акты Собора с архиереями в порядке старшинства своего епископа, вообще вполне его заменяют. Само собой разумеется, что будут приглашены на Собор и те из викарных епископов, которые только по имени викарные. Таков, прежде всего, по хиротонии старейший почти всех ныне здравствующих и состоящих на службе российских иерархов (за исключением одного епископа Аксайского Иоанна) и стяжавший себе известность и уважение всего христианского мира епископ Японский Николай, до сих пор почему-то носящий неожиданный титул епископа Ревельского, викария Рижской епархии. Нужно надеяться, что не будут забыты преосв. викарий Киевской епархии епископ Каневский Сильвестр и некоторые из архипастырей, ушедших на покой. Все они, конечно, должны быть полномочными членами Собора наравне с прочими архиереями.

Участие на Соборе клира и мирян требует некоторого рассуждения. Существующие проекты все сходятся в том, что клир (или, как некоторые оттеняют, белое духовенство) и миряне (по некоторым, сверх того монастыри) участвуют посредством своих представителей в известном пропорциональном между собою отношении (по одному проекту, например, представителей белого духовенства должно быть не менее 2/3, остальная же 1/3 делится поровну между мирянами и монахами). Представители избираются или каждым классом отдельно и выражают его мнение, или же выбираются вообще епархией, т. е. совместно белым духовенством и мирянами, и служат представителями епархий, хотя и должны принадлежать поровну к клиру и к мирянам (проект 32).

Можно, пожалуй, допустить, что мысль о представительстве вообще, т. е. о том, чтобы одно лицо являлось на Соборе представителем целой группы, не совершенно чужда канонам. Следы ее находят, например, в Карф. 14-м, по которому от Трипольской области (митрополитанский

округ) на общий собор всей провинции, «скудости ради страны», приходил «для местоблюстительства» один епископ, который, следовательно, и был представителем на соборе от целой области с несколькими епископами. Но и это правило, к тому же весьма неясное (этот епископ мог быть местоблюстителем просто областного митрополита, как можно заключить из сравнения с Карф. 27-м), во всяком случае говорит о епископе – представителе области. Что же касается такого представительства, о каком говорят проекты, т. е. чтобы каждая епархия, не довольствуясь присутствием на Соборе своего епископа и даже как бы в ограничение его голоса выбирала для себя еще представителей из клира и мирян, на которых и возлагала собственно защиту своих интересов, – такого представительства не знают ни каноны, ни церковная история (разве что исключая случаев суда епархии со своим епископом). Тем более не знает она выборов особых представителей от разных чинов церковных, особо от клира и особо от мирян (ошибочность чего признают и 32). Клер и миряне были на соборах не по выборам и не по уполномочию от своих доверителей, а просто потому, что соборы эти не были закрыты ни для кого из православных. Поэтому-то на сравнительно небольшом соборе Эльвирском (309 г.)⁷⁷ мы видим не выборных от народа, а просто «множество народа», т. е. приходил всякий православный, кто хотел и мог придти. С течением времени место народа на соборах иногда стали занимать император и светские власти (да и самые соборы нередко происходили в дворцах и подобных правительственных зданиях), относительно же клира и в этих случаях осталось прежнее правило общедоступности соборов; они происходили в присутствии «всего освященного собора» и, прежде всего, в присутствии всего клира города, где происходили заседания (например, Константинопольские Соборы 394, 536 гг.), т. е. могли присутствовать и принимать известное участие все клирики, которым было недалеко и удобно прибыть. При такой общедоступности соборов, между прочим, только и становится понятной возможность злоупотреблений, например, хотя бы тот факт, что Александрийский архиепископ мог являться на некоторые соборы с целым сонмищем своих клириков и параволанов и силой склонять отцов собора в желательную ему сторону. Клирики прибывали на собор не самостоятельными депутатами от своих Церквей, они просто приезжали в свите епископа и потому в неограниченном количестве. Предполагалось, следовательно, что на соборе присутствуют не представители только Церкви, тем менее представители отдельных чинов церковных, а вся Церковь, как одно целое, в полном своем составе: все епископы со всем освященным собором и всем множеством православного народа, причем епископы, по общему обсуждению, ставят определение, а «хранитель благочестия» – народ своим присутствием и послушанием определению свидетельствовал о его православии, о верности церковному преданию. Точно так же и на соборах русской Церкви предполагался присутствующим весь освященный собор, а так как всем собраться было невозможно, то присутствовали опять-таки не выборные от духовенства, а главным образом церковные «власти», т. е. настоятели монастырей, протопопы, поповские старосты и т. п. представители Церкви по должности, причем выбор их и приглашение часто прямо возлагались на епархиальных архиереев. Иерархический принцип в отношении к духовенству так последовательно применялся, что, например, и на соборы западнорусские, куда по особым условиям церковно-гражданского быта приглашались выборные от мирян, от духовенства являлись те же «власти», по приглашению и выбору епархиального епископа.

Эту драгоценную и чисто вселенскую черту общедоступности, общенародное, по моему мнению, необходимо во что бы ни стало соблюсти и для нашего первого Поместного Собора, если признано будет нужным пригласить на него клир и народ. Эта черта сразу же, без всяких искусственных подогреваний и разъяснений, сделает Собор событием общецерковным и для всех понятным, и может привлечь на него все богатство умственных и нравственных сил, каким только располагает наше церковное общество. Такого подбора участников не могут обеспечить никакие выборы по классам, тем более многостепенные и вдобавок совершаемые у нас в первый раз в таком огромном масштабе: большинство наших выборщиков, наверное, будут подавать голоса наугад. Главное же, при возможности для всякого самому быть на Соборе, потеряет значительную долю своей остроты и страстности предвыборная агитация и борьба партий, а следовательно, и участники Собора, представители разных групп и оттенков, явятся на Собор с меньшим запасом партийного возбуждения и взаимного недоброжелательства, что, в свою очередь, не может не повлиять благотворно на общий ход и тон соборных рассуждений.

Единственное ограничение общедоступности Собора, которое требуется самым существом дела, должно состоять в том, чтобы на Собор имели доступ из клириков только лица не

опороченные, т. е. не состоящие под запрещением, под штрафом за проступки против нравственности, под следствием (когда оно может влечь за собой запрещение), также не уволенные за штат по суду и т. п. Из мирян на Соборе могут быть только лица православные, точно так же нравственно не опороченные (не состоявшие под судом по делам уголовным, не состоящие в разводе по их вине и т. п.) и сверх того непременно: не порвавшие своих связей с православной Церковью. Последнее придется определять, конечно, по внешнему признаку, по степени усердия в исполнении первого христианского долга – неопустительным бытием у исповеди и св. причастия, например, в продолжение трех лет пред созванием Собора. Все такие лица о своем желании быть на Соборе заявляют через своего приходского священника епархиальному архиерею, который сам или через того же священника, по удобству, и выдает каждому из них особый билет на участие в заседаниях Собора за своей подписью (форма и цвет билетов устанавливаются однообразные для всех епархий). Эти билеты заменят те «представительные грамоты», с которыми древние христиане являлись в другие Церкви. Без такого билета никто на заседания Собора не допускается. Присутствие «внешних» было бы и излишне, и неудобно. Прежде всего, нам нужно самим между собою сговориться и устроить свою церковную хижину и потом уже сговариваться с людьми иных мнений и иных религиозных обществ. Участие же внешних в обсуждении наших чисто церковных нужд и вопросов только затянет рассуждения до бесконечности, не принося существенной и практической пользы, так как многое, что для православного обычно, для внешнего потребует разъяснений и возбудит вопросы и возражения, не говоря уже о возможности прямо злонамеренных попыток, так сказать, сорвать Собор. Само собой разумеется, что если какая-нибудь религиозная община (например хотя бы австрийская) захотела войти в переговоры с Собором и подала в этом смысле заявление, то представители ее должны присутствовать в том заседании, когда вопрос будет рассматриваться.

Общедоступность Собора, как мы сказали, значительно ослабит интерес к выборам представителей, но необходимости последних не устранил; потому что всякий раз, как решение придется ставить голосованием (несомненно, такие случаи будут), само дело требует, чтобы голосовали люди полномочные, а не случайные пришельцы, вроде александрийских параволанов, иначе и результат голосования может быть случайный и даже искусственно подобранный. Относительно же порядка выборов всего важнее иметь в виду, чтобы они были непременно общецерковными, а не сословными, и чтобы представители, будут ли они клирики или миряне, были присланы на Собор не своим сословием или «чином», а непременно церковной общиной или епархией, как предполагают и 32 в своей записке. На этом необходимо всячески настаивать, если мы серьезно желаем, чтобы наш Собор был действительно началом новой жизни в русской Церкви. Сословность духовенства и то обстоятельство, что служение Церкви вследствие этого есть единственное средство содержания его как сословия, есть наше главное зло, как это очевидно для всякого беспристрастного и внимательного наблюдателя. Вследствие такой экономической беспочвенности духовного сословия из него убегают сильные и способные люди, у кого только есть средства к тому, и наоборот – за церковную службу всеми способами цепляются все слабые, все неудачники, потому что им не с чем выйти на другое поприще. Первое есть основной мотив всей истории нашей духовной школы, а вторым объясняется тот принцип сословной благотворительности, которым определяется наша епархиальная практика. Точно так же и наша пресловутая борьба белых с черными, по моему глубокому убеждению, не выходит за рамки нашего сословия и всецело сословностью объясняется. Это не есть борьба двух идеалов. Монашество в греческой Церкви занимает такое же приблизительно церковное положение, как и у нас, и там точно так же архиереями ставятся исключительно монахи. Правда, большинство архиереев там не манатейные монахи, а только рясофорные послушники, – но дело от этого не изменяется, потому что эти рясофорные послушники до самого своего архиерейства, а иногда и до конца своей жизни, гораздо теснее привязаны к своему монастырю, чем наши так называемые ученые монахи. При всем том, в Греции нет такой непримиримой розни между ними и белым духовенством. Да и у нас настоящее, т. е. монастырское монашество почти не участвует в этой борьбе, и если бывают у монастырей столкновения с белым духовенством, то разве что на чисто экономической почве (например, монастыри уклоняются от взносов на духовно-учебные заведения и т. п.). Борьба идет между белым духовенством и ученым монашеством; но это последнее, за самыми незначительными исключениями, все принадлежит по своему происхождению к тому же духовному сословию, а

половина его – даже прямо вдовы священники. Борьба, следовательно, не из-за разности идеалов, это – борьба лишь двух партий в одном сословии из-за того, что считается их общим достоянием, но попадает в руки одной партии. Нечего говорить, насколько все это вредит церковному делу, взятому само по себе. Сословность, конечно, является одной из главных причин удаления нашего церковного общества от церковных дел; она же главным образом способствует и порабощенности нашей Церкви светской власти; потому что легко прижать обыкновенного, среднего человека (о героях нет речи), когда с потерей места ему грозит полная нищета со всей семьей; с течением же времени неизбежно вырабатываются уже наследственные качества, от которых не избавиться и при изменившейся обстановке. Я говорю все это тем смелее, что сам всеми своими корнями и симпатиями принадлежу к духовному сословию. Итак, сознавая всю гибельность для Церкви сословности, я всячески и настаиваю на том, чтобы уберечь наш будущий Поместный Собор от сословной постановки, которая может его совершенно скомпрометировать. Поэтому-то я с такой решительностью высказался и против проекта 32 («Церковный Вестник» № 21 с. г.), хотя там и были оговорки о «всецерковности» выборов. Теперь я должен сознаться, что проект 32 – ничто в сравнении с другими проектами, из которых некоторые не обинуясь хотят, чтобы клирики были представителями клира, миряне – мирян, а другие – чтобы на Соборе белому духовенству были предоставлены 2/3 всех голосов. При всем том, проект 32 сословности не избегает. Сословность его – не в том, конечно, будто он требует, чтобы на благочиннические съезды миряне присылали от прихода равное или даже меньшее число представителей, чем их приходский причт, который явится весь: пусть мирян будет и больше, от этого дело не поправится. Сословность проекта – в том, что он дает духовенству выборы более непосредственные, чем мирянам, именно одной степенью меньше. На благочиннические съезды миряне все явиться не могут, там будут только представители приходов, мало привычные к церковным вопросам и между собою мало солидарные. Между тем духовенство округа на съезд прибудет *in corpore* и, как однородная группа, привыкшая к корпоративной жизни и к тому же в большинстве случаев, если не всегда, более развитая и более осведомленная в церковных делах, чем светские участники съезда, несомненно приобретет на нем решающее значение. Депутаты (по два от клира и мирян), хотя и будут выбраны совместно, но, конечно, лишь те, кого укажет и захочет духовенство, а это, в свою очередь, даст совершенно определенный колорит и съезду епархиальному, где к тому же явятся и более сильные представители духовного сословия в виде преподавателей семинарии.

Чтобы разрушить в самом корне возможность сословности, необходимо решительно отказаться от мысли считать духовенство особой от мирян, заключенной в себе корпорацией, имеющей интересы, отличные от общецерковных, и потому нуждающейся в своих особых представителях. Если ячейкой церковного тела у нас считается приход и далее епархия, пусть они, а не разные чины Церкви, и посылают своих представителей, причем этими представителями могут быть безразлично и клирики и миряне. Сама система выборов представляется в таком виде: приходская община в собрании своем (в храме), под председательством настоятеля церкви, избирает от себя четырех (многоштатный приход пропорционально больше) представителей, безразлично – клириков или мирян, на благочиннический съезд, куда являются также по одному представителю от придворных и военных приходов, от монастырей, духовных училищ и т. п., если они есть в пределах благочиния. Благочиннический съезд посылает четырех депутатов на епархиальный, опять-таки безразлично – клириков или мирян. Епархиальный, на котором участвуют два представителя от академии (если есть) и столько же от семинарии, избирает четырех представителей на Собор, причем должен в это число включить не менее одного в сане пресвитера или, по крайней мере, клирика (если, конечно, они есть между депутатами). Качества, требуемые от депутата, те же, что и от участника на Соборе вообще.

При таком порядке выборов на благочинническом съезде не будет духовенства, как отдельной сплоченной группы, стоящей против мирян, а будут лишь представители приходов. И конечно, там, где священник или кто другой из клира пользуются любовью и уважением прихожан, они и будут первыми кандидатами в депутаты; а следовательно, на благочиннический съезд явятся только пастыри в полном смысле народные, любимые народом и одушевленные. Как такие, они, несомненно, окажутся и нравственными руководителями всех работ съезда и – далее – истинными представителями Церкви и на епархиальном съезде, и на Соборе. Такой

подбор пастырей на Соборе, несомненно, можно только приветствовать: он возвысит и престиж пастырства вообще, да и самому Собору придаст настоящий церковный, пастырский характер.

Мне могут возразить, что при таких выборах из духовенства может на Собор не попасть никто. Этой возможности я не допускаю, потому что это бы значило, что у нас вообще нет пастырей, любимых народом и пользующихся его доверием. Да если бы и случилось, что по выборам будет очень мало духовенства на Соборе, недостаток этот с избытком восполнится возможностью для всего клира, по собственной инициативе, присутствовать на Соборе и принимать участие в его рассуждениях и даже решениях (если дело не доходит до поименного голосования): голос духовенства, во всяком случае, будет услышан на Соборе более чем достаточно. Если же дело дойдет до голосования (по требованию Собора), от которого все явившиеся по собственной инициативе, конечно, должны будут устраниваться, и если это голосование приведет к постановлению, неугоднему духовенству как сословию, то, не говоря о возможности перенести вопрос на собор одних епископов (когда дело коснется веры или канонов), духовенство имеет все нравственные мотивы примириться с этим, потому что голосовали все-таки представители самого «тела Церкви», самого народа, ради духовного благоденствия которого и существует духовенство. Только, опять повторяю, едва ли от многих своих желаний придется отказываться духовенству, потому что и в числе выборных будет много его представителей, не считая архиереев.

Итак, наш Поместный Собор, собираемый для преобразования и отмены существующей системы русского церковного управления, по нашему мнению, составляют: 1. а) Епархиальные архиереи, как блюстители Церкви (к ним по приглашению Синода, утверждаемому на Соборе, присоединяются некоторые и из викарных, о чем выше); б) два протопресвитера; в) представители от епархий по 4 от каждой, как выразители нужд и желаний церковного общества, и г) выдающиеся профессора канонического права и церковной истории по особому приглашению, как выше. Все – с решающим голосом. 2. Лица, прибывшие на Собор по собственному желанию: заштатные и викарные архиереи, представители других автокефальных православных Церквей, духовенство и миряне. Все эти лица имеют одинаковое с вышеуказанными право принимать участие в рассуждениях Собора и в решениях, если они постановляются общим голосом, без поименного голосования. Последнее совершается по требованию большинства полномочных членов Собора (п. 1), и в нем участвуют только они. Всякое постановление общего Собора, достигнуто ли оно путем голосования или без него, получает силу закона, но может быть опротестовано, с указанием мотивов, и передано на рассмотрение собора одних епископов. Если постановление имеет характер догматико-канонический, для протеста достаточно одного голоса, кому бы он ни принадлежал; во всех остальных случаях необходимо, чтобы протест был заявлен или поддержан не менее как одной четвертью всех присутствующих (считая 1 и 2 разряд). Постановление собора епископов в таком случае признается состоявшимся законом русской Церкви; несогласным же предоставляется или апеллировать к суду других автокефальных православных Церквей, или же выйти из членов Церкви, если того потребуют его убеждения.

№59, преосвященного Иннокентия, епископа Тамбовского, от 10 января 1906 года

Во исполнение циркулярного указа Святейшего Синода от 27 июня 1905 года, за № 8, долг имею представить выработанные мною, совместно с приглашенными сотрудниками, предположения, суждения и мнения по вопросам, поставленным в предложении г. синодального обер-прокурора от 28 июня за № 100.

Течение событий государственной и народной жизни за последние два года, под влиянием неудачной войны с Японией, приняло такой оборот, что нужда в преобразовании внутреннего строя православной Церкви становится неизбежной и необходимой. Реформы и преобразования в разных областях русской жизни задуманы самые широкие, движутся они с поразительной скоростью, иногда с поспешностью, сменяя одна другую. При таком положении дела оставить внутренний строй православной Церкви в том состоянии, которое создано Петром Великим, без изменений и соответствующих улучшений, и опасно, и преступно. Опасно при быстром движении всей жизни, в ее совокупности, по пути реформ и развития, оставить вне этого движения, за пределами его, такой великий и многозначный в русской жизни институт, каким является православная Церковь. Это значило бы вычеркнуть вон из общей движущейся сферы жизни это учреждение, признать его мертвым, неподвижным членом живого организма, мешающим движению последнего, что не верно, ибо мы знаем, что наша Церковь – «Церковь Бога жива, столп и утверждение истины» (1Тим. 3:15). Преступно, потому что в общем ходе русской жизни влияние православной Церкви всегда было коренным, сильным и многоплодным, и процесс реформирования всей совокупности жизни, обновления ее во всех сферах не был бы полным, всесторонним, если бы не коснулся того, что всегда считалось основой этой жизни. Если хотят дать зданию основательный ремонт, начинают обыкновенно его с самого основания. Но было бы прискорбно и грустно, если бы под обновленное здание великой России стали подводить иное основание, кроме православной Церкви, а последнюю, как устаревший и разваливающийся фундамент, выкинули вон.

Все совершающиеся гражданские преобразования ясно указывают на необходимость самого смелого, самого широкого преобразования церковного, на необходимость нового устройства Церкви православной на строго канонических основаниях. Известный закон 17 апреля 1905 года, даровавший веротерпимость и свободу совести, низвел господствующую православную веру в один ряд с существующими в России вероисповеданиями, ничем не отличивши и не возвысивши ее пред этими дозволенными и чуждыми верами. Уравнявши с ними, он отнял у православия принадлежащую ему ранее защиту и покровительство законов, а с ним – покровительство со стороны царской власти, первенство и соединенный с ним почет и уважение, которыми по справедливости пользовались православие и представители его прежде, как господствующая в государстве религия. Какие произойдут последствия от этого отречения Правительства от защиты господствующей веры, или, как говорят, от «опеки ее», – это покажет время, увидят наши дети и внуки. Но представителям православия и носителям его духа и силы ныне же надо найти в себе самих свои способы и средства к восстановлению авторитета господствующей веры между другими исповеданиями, к возвеличению православия, к укреплению его чести, возвышению его силы и славы, как веры русского народа и русского царства, как веры, родившей Русь, неоднократно спасавшей ее и возраставшей до степени могущества.

Возвещенное манифестом 6 августа новое государственное учреждение – Дума в своих законодательных решениях непременно, рано или поздно, затронет вопрос религиозный и в частности коснется православной Церкви, по тесной связи последней с жизнью. Манифестом от 17 октября снова повторена Высочайшая воля о «свободе совести» и вместе с тем расширена законодательная власть Думы, ее состав и права участвующих в выборах в нее лиц. Это расширение избирательных и законодательных прав Думы едва ли можно назвать благоприятствующим удачному в будущем разрешению церковных вопросов по следующим соображениям. В Думе первой, законосовещательной, по манифесту 6 августа, могло уцелеть и сохраниться среди ее членов настроение охранительное, спокойное и благожелательное к господствующей Церкви, вследствие того, что преобладающим элементом в составе той Думы оказывались землевладельцы и крестьяне.

В новой Думе, законодательной, собранной на началах манифеста 17 октября, несомненно преобладающими окажутся городские избиратели, крестьянство и духовенство перемешаются с рабочим классом. При таком пестром составе Думы преобладающий в ней интеллигентный элемент, несомненно, даст ей иную окраску – учреждения прогрессивного, либерального, с широкой постановкой вопросов и со свободным их решением. Те же церковные вопросы, если будут они поставлены на обсуждение при либеральном направлении Думы, вызовут к себе иное отношение – отношение критики, резких суждений, несдержанных и огульных обвинений. С вероятностью следует предположить, что один из первых предметов обсуждения Думы будет вопрос школьный, или дело народного образования. При обсуждении его, конечно, не забыты будут наши церковно-приходские школы разных типов, а при либеральном настроении Думы – с достоверностью следует ожидать отрицательного к ним отношения и такого же решения. Если и ныне по разным местам России в земских учреждениях раздаются, отдельные правда, пока разрозненные, голоса то о закрытии этих школ, то о передаче их земствам, – то легко себе представить, какой стройный хор согласных голосов раздастся против церковных школ в будущей Думе либерального настроения! Пойдем далее. Весьма возможно, что от школьного вопроса Дума перейдет к вопросу общецерковному, или, как говорят, исповедному. Мы думаем, и не без оснований, что при прогрессивно-либеральном направлении Думы этот важный вопрос непременно примет ту же форму, в которую вылился он в дружественной нам Франции, т. е. будет поставлен ясно и твердо принципиальный тезис об отделении Церкви от государства, окончательном и бесповоротном.

Решение этого вопроса в утвердительном смысле во Франции ознаменовалось не чем иным, как гонением на католичество, таким же определенным и беспощадным, какое пережило первоначальное христианство первых веков в языческой империи: отбираются земли, захватываются церковные имущества, дома и предприятия католических ассоциаций, и в то же время изгоняются кресты и символы христианства из помещений судов и школ. И это происходит при умении, изворотливости и необычайной способности о.о. аббатов, priоров и ксендзов бороться за свои права, отстаивать свою веру, терпеть и страдать за направление своей деятельности и за учреждения свои.

В России, по милости Божией и вследствие присущей русскому человеку преданности своей Церкви православной, отделение Церкви от государства, если бы оно совершилось, не дойдет до открытых форм гонения и преследования Церкви. Но при первых же признаках, при первых проявлениях недружелюбного отношения к Церкви, покинутой государством, что будет делать, как поведет себя не приученное и неспособное к борьбе, разрозненное, забитое, бедное, необеспеченное и приниженное наше православное духовенство?!

Вот те основания, по которым я и приглашенные мною сотрудники решаемся высказать свои суждения и предположения о самом существенном, самом коренном преобразовании всего уклада, всего строя православной Церкви, начавши реформу ее с православного прихода. Приход есть самая первая, зачаточная, но вместе с тем и основная ячейка жизни православно-церковной. Приходские единицы – это камни, из которых строится здание и тело всей Церкви. В связи с реформой прихода и в зависимости от нее явится настоятельная необходимость реформировать ту школу или семинарию, которая дает пастырей Церкви и церковнослужителей приходу.

Самостоятельной и самоопределяющейся жизни приходов, при целесообразно устроенных школах для снабжения этих приходов кандидатами священства, следует противопоставить начало соборности в жизни каждой епархии. Это начало должно выразиться в расширении значения благочиннических, окружных и епархиальных съездов или «собориков» духовенства, в изменении соответствующих органов епархиального управления и суда. Строго проведенное начало соборности на высших ступенях церковного управления или в высших своих инстанциях должно, по нашему мнению, обнаружиться в устройстве митрополичьих округов, объединяющих собою однородные по характеру церковной жизни епархии. Собор составят епископы этих епархий, возглавленные митрополитом области. Завершителем этого начала должен быть патриарх с существующим при нем постоянным Синодом.

1. Церковный приход

Факты действительности ясно свидетельствуют о расстройстве жизни православных приходов настоящего времени. По идее приход должен представлять из себя общину, тесно сплоченную единством веры, взаимной любви и благорасположения всех членов между собою. Это едва ли не самое лучшее человеческое учреждение, где все классы народа без различия звания и сословий могут получать удовлетворение своим религиозным потребностям и нравственно совершенствоваться. На самом же деле, наш приход в настоящее время превратился в случайное собрание различных лиц около своего храма, он стал только территориальной единицей без всякого влияния на жизнь общества. Самым наглядным выражением упадка современного прихода служит весьма заметное разъединение как между пастырем и пасомыми, так и членов прихода между собой, что особенно замечается в городах. Пастыри, за немногими исключениями, являются лишь совершителями служб церковных и треб для прихожан, часто совершенно не знающими внутренней жизни прихода и не вникающими в нее. С другой стороны, и сами прихожане обнаруживают при таком положении дела полное равнодушие к храму, причту церковному и другим членам прихода. Все религиозные обязанности исчерпываются только посещением храма и исполнением обязательных треб. Такое ненормальное положение дела приводит к самым печальным последствиям. Холодность к вере и отпадение от Церкви в раскол и различные секты составляют теперь самое частое явление и основываются главным образом на том, что верующие потеряли интерес к жизни своей православной общины, что ослабело на них живое влияние Церкви православной. Настоит поэтому необходимость обратить внимание на внутреннюю жизнь церковного прихода и реформировать ее по каноническим началам Церкви вселенской. Необходимость этой реформы подкрепляется еще особым обстоятельством: на приход, как на естественную мелкую земскую единицу, обращено внимание гражданской власти, которая ныне создает, что ее деление поселений на волости искусственно. Возможно, что она возьмет на себя задачу образования прихода. Но едва ли этот гражданский приход будет преследовать те же цели возрождения церковно-религиозной жизни, что и приход церковный. Посему неотложно необходимо восстановить и возродить церковный приход с правами самостоятельной и самостоятельной церковно-юридической единицы. Основанием возрождающегося прихода должны служить приходские братства с предоставлением им полных прав самостоятельности во всех сторонах жизни прихода, под неперменным контролем высшей духовной власти епархии.

На обязанность церковно-приходского братства каждого прихода должны быть возложены: а) забота об устройстве, украшении и постоянном содержании в благолепии и чистоте местного приходского храма; б) забота об обеспечении служащего при храме духовенства вознаграждением от прихода за его труд совершения богослужений и обязательных треб посредством обязательного, законом утвержденного, налога на каждую приходскую душу; в) обеспечение духовенства приличными для них и их семейств помещениями; г) дело просвещения членов прихода устройством ряда школ, тип которых следует предоставить свободному выбору братства; д) дело благотворения, которое должно выразиться в устройстве в приходе богаделен для престарелых, бедных и беспризорных (сироты, вдовы и т. д.); е) устройство больниц для нужд прихода.

Средствами для выполнения всех указанных задач церковно-приходского братства должны быть все церковные доходы от продажи свечей, сбора в кошелки и кружки без отчисления этих сборов куда-либо на сторону. Эти средства составляют собственность братства.

Органом деятельности братства является церковно-приходский совет, который выбирается из состава братства на общем собрании. Он под председательством священника непосредственно распоряжается всем церковно-приходским хозяйством и заведует церковными суммами. Ежегодно совет дает отчет общему собранию братства в ведении хозяйства церковного, а по делам важным собираются экстренные собрания братства. Устройство общих собраний полезно и желательно не только для обсуждения хозяйственных вопросов, но и для беседований и религиозно-нравственного назидания, и чем они будут чаще, тем живее будет биться пульс церковно-общественной жизни в приходе. Само собой разумеется, что как братства, так и поставленные от них советы должны действовать на основании выработанных для них уставов, утвержденных епархиальной властью.

Мы указали общую схему жизни и деятельности церковного прихода. Войдем в некоторые подробности. Для большей успешности в деятельности приходских братств им должны быть предоставлены значительные права самостоятельности и самодеятельности, потому что ничто так не убивает энергию всякого учреждения, как отсутствие инициативы и свободы в выполнении своих намерений. Нужно только, чтобы эта самостоятельность не выходила за пределы законности, не граничила бы с произволом, когда начинаются злоупотребления. Так, прежде всего приходское братство должно обладать правами юридической личности, способной преследовать и отстаивать свои интересы во всем и везде, могущей приобретать на свое имя различное имущество и чрез своих уполномоченных входить в сношения с учреждениями по делам братства. Мысль эта не заключает в себе ничего противозаконного, так как в настоящее время церковь-храм уже имеет право приобретать и закреплять за собою имущество и через уполномоченных отстаивать свои интересы. Следует только с церкви, как здания, перенести такое право на церковь, как приход, как общество, что будет совершенно соответствовать самому понятию о приходе, как обществе верующих, как Церкви в малом виде. Благотворное значение этого права стоит вне всякого сомнения, ибо этим может быть значительно усилена привязанность прихожан к своему храму и заботливость о его благосостоянии.

Подобную же силу должно иметь и предоставление членам приходского братства права принимать самое близкое и деятельное участие в ведении церковного хозяйства и движении церковных сумм. Право это вполне естественно для членов прихода, так как церковное имущество приобретается на их средства и составляется из их же денежных и вещественных пожертвований на храм. В настоящее время прихожане, правда, имеют своих представителей для участия в ведении церковного хозяйства, но в действительности это представительство не оказывает никакого влияния на ход самого хозяйства. Староста часто самовольно распоряжается церковным имуществом, не спрашиваясь с желанием причта и прихода, а два уполномоченных представителя от прихода проверяют только одни цифры по книгам, не вникая в самый характер ведения этого хозяйства. Желательно поэтому, чтобы фактическим распорядителем всего церковного имущества был весь приход, с возложением на него же и ответственности за целостность церковного имущества и законное пользование им. Такая постановка дела не может стоять в прямом противоречии с канонами церковными, по которым главным блюстителем церковного хозяйства считается епископ, но не в смысле, конечно, непосредственного распорядительства, а только наблюдения.

«Епископу, – говорит 25-е пр. Антиох. Соб., – имети власть над церковным имуществом, да распоряжает оным со всякою осмотрительностью и страхом Божиим на пользу всех нуждающихся: и сам да взимает из онаго должную часть, аще имеет нужду, на необходимыя свои потребности, и на потребности странноприемлемых им от братий...».

Подобные же мысли высказываются в 24-м пр. Антиох. Соб., 38-м и 41-м пр. св. Апост. Нужно только, чтобы хозяйственная деятельность приходов строго контролировалась высшей духовной властью и не выходила из пределов дозволенного. Право прихожан на более или менее самостоятельное заведение церковным имуществом может благотворно действовать на развитие среди них усердия и благотворительности на нужды храма и прихода.

Деятельность приходского братства должна выражаться в заботах о нуждах и благолепии местного храма, об обеспечении причта вознаграждением и помещением, а также в делах благотворения и просвещения главным образом в пределах своего прихода.

Как в древние времена около приходского храма всегда были келии для нищих, так точно и теперь на средства храма в каждом приходе могут быть организованы различные благотворительные учреждения (приюты, богадельни, странноприимные дома и проч.). Приходская благотворительность самым лучшим образом может удовлетворять своему назначению. Приход, как более или менее постоянная единица, может знать положение нуждающихся, здесь вернее может быть указана мера и способ вспомоществования. Недаром некоторыми исследователями высказывается мысль, что правильная постановка приходской благотворительности одна только в состоянии разрешить вопрос об уничтожении нищенства, составляющего язву нашего времени. С другой стороны, на обязанности приходов должна лежать забота о просвещении своих членов и главным образом, конечно, обучении детей. Церковно-приходские школы должны быть необходимой принадлежностью каждого прихода, причем само обучение в них должно носить религиозно-нравственный характер, так чтобы школа являлась продолжением просветительного влияния храма. На школьное дело приход должен

обратить самое серьезное внимание, так как в нем вся надежда на возможность подготовки будущих членов прихода.

Для возвышения же нравственного авторитета пастыря среди прихожан необходимо обратить серьезное внимание на дело его материального обеспечения и, по возможности, поставить его в полную материальную независимость от своих пасомых. То обеспечение, которое будет назначено причту за исполнение богослужений и обязательных треб, – не будет иметь значения подачки, поручного вознаграждения за труд и не поставит последний в зависимость от произвола: оно будет налогом наравне с другими земскими налогами, так же обязательными, как и они. Этот налог должен быть узаконен, утвержден властью, чтобы не подвергаться колебаниям и капризу. Вся духовная и светская периодическая печать наполнена сетованиями духовенства на свое ненормальное материальное положение. И эти сетования вполне справедливы не только с точки зрения интересов духовенства, но и Церкви православной. Не говоря уже о том, что постоянные заботы о насущном хлебе отвлекают пастыря от его прямых обязанностей, различные поборы духовных лиц вредят самому делу служения их. В понятии народа умаляется значение таинств и треб церковных, которые должны быть оплачиваемы известною ценою. Желательно, чтобы духовенство православное в этом отношении было поставлено хотя бы в такое положение, в каком находятся у нас представители инославного духовенства. Тогда бы пастырь мог всецело отдаться церковным нуждам своих пасомых без всяких послаблений для себя и других, тогда как настоящий способ обеспечения духовенства служит непреодолимою преградой для нравственного его влияния на приход.

Наконец, для полноты влияния пастыря на своих пасомых необходимо предоставить ему право участия на мирских сходах и в различных общественных делах их. Нужно только, чтобы священник в этих случаях всегда стоял вне всяких партий и в своих действиях руководился одной правдой Божией, ее одну проводил бы в жизни своей паствы. Пастырь, проникнутый мыслью о высоте своего служения, весь отдающийся исполнению своего долга, может благотворно подействовать и на своих прихожан. Пусть он постоянно внушает им, что религия христианская есть самое дорогое сокровище, которым может обладать человек, что Церковь православная – Богом установленное учреждение, вне которого не может быть для человека спасения. Таким образом, около пастыря организуется сначала небольшой кружок людей благомыслящих, который и составит зерно приходского братства. Священник не должен смущаться малым количеством членов его: зато все они будут одушевлены общим расположением к храму, проникнуты христианской любовью к ближним, а это одно уже может ручаться за успешность деятельности такого братского союза членов прихода. Можно с уверенностью сказать, что, по мере развития деятельности этого союза, он будет разрастаться и количественно. Доброе дело, хорошее общество всегда найдет себе лиц сочувствующих, и в конце концов весь приход, за немногими исключениями, объединится в этом братском приходском союзе. Конечно, это сделается не сразу; но зато союз, основанный на убеждении, будет прочен и действителен, так что никакие ухищрения людей иноверных и иномыслящих не возымеют в нем успеха. Такие приходские братства воскресят собой западнорусские братства 16 и 17 столетий с их плодотворной деятельностью для веры православной и русской народности, тем более что в переживаемых ныне событиях замечается аналогия с обстоятельствами того времени. Тогда, под напором врагов внешних и внутренних, русские люди, без различия звания и состояний, сплотились в братские семьи и своей энергией отстаивали веру и народность. Не меньшая опасность угрожает вере православной и русской народности в настоящее время, и только приходские братские союзы могут дать отпор надвигающейся грозной силе врагов веры и народа. Нужно только, чтобы члены этих братств были объединены ревностью к вере и любовью друг к другу.

Такова в общих чертах должна быть деятельность приходских братств. Само собой разумеется, что, по мере количественного возрастания членов их, в каждом приходе должен быть организован приходский братский совет, как исполнительный орган прихода, обязанный давать ему отчет в своей деятельности в назначенные сроки. Приходский совет должен собираться возможно чаще для обсуждения приходских дел, причем во главе совета непременно должен стоять местный священник. Для поддержания самого близкого общения между членами прихода желательны собрания всех прихожан не только в храмах за молитвою, но и во внебогослужебное время для обсуждения общеприходских нужд и духовного назидания. Следует, чтобы эти собрания были обставлены возможно большей простотой и меньшей

формальностью. Нет нужды поэтому заранее составлять проекты устройства приходских советов и собраний, так как каждое приходское братство может иметь некоторые особенные черты, зависящие от состава членов его и материальных средств. Все подобные проекты должны быть составляемы на месте, с одобрения и под указанием высшей епархиальной власти.

2. Реформа духовно-учебных заведений

Коренной недостаток наших духовно-учебных заведений – двойственность; она положена в самую основу этой школы и уже отсюда отражается и расходится по разным сторонам жизни этой школы: воспитательной и учебной.

Духовная школа есть школа сословная, общеобразовательная и одновременно специальная пастырская. Эти две цели, преследуемые нашей школой, вносят туда страшный разлад, в ней идет постоянная борьба за перевес или светского, или духовного влияния. В последнее время, кажется, перевес решительно на стороне первого, ибо вводится и введена уже форма со светлыми пуговицами наподобие светских учебных заведений, поощряются светские развлечения и проч. Но в то же время требуется насаждать и церковность, как например, преждеосвященными литургиями. Человеку в священном сане, служащему в семинарии и желающему смотреть на семинарию, как на духовную школу, весьма тяжело чувствовать эту двойственность, и неимоверных усилий стоит, например, хоть мало-мальски упорядочить богослужение семинарии, чтобы оно не отражало на себе того конспективного характера, который носит на себе богослужение приходское, а будущие пастыри хотя бы в школе узнали надлежащую постановку богослужения христианского. Но это стремление всегда парализуется светским началом, внесенным в нашу школу даже и со стороны корпорации. Так и идет эта борьба между светским и церковным течением в нашей школе, и еще вопрос, кто кого больше мучит и кто сам больше мучится: начальство ли, поставленное насаждать церковность, или ученики, не желающие этой церковности и не признающие себя в качестве кандидатов на пастырство, а потому и требующие себе того же строя жизни, что и в светских учебных заведениях. А ученики именно не признают себя кандидатами на священство, обязанными вырабатывать в себе церковность и молитвенный дух. Они сознают себя только невольниками своего положения и весьма тяготятся им.

Здесь открывается другая коренная ненормальность нашей школы – ее замкнутая сословность, кастовый характер, против которого вооружается само духовенство и усиленно просит рассословить духовную школу. Духовная школа – собственно не столько духовная, сколько школа для духовенства, и дети духовенства, получающие здесь образование при значительном материальном обеспечении и льготах, в существе дела невольники своего положения. У родителей, отдавших сюда своих сыновей, может быть, и есть искреннее желание, чтобы их дети пошли по их пути пастырскому. Но чаще здесь действует материальный расчет, сравнительная дешевизна содержания, обеспеченного наполовину взносами с церкви; зато у детей, отданных в эту духовную школу, нет ни малейшей охоты идти в пастыри, а есть сильное желание идти по пути светскому, более видному. Как же может чувствовать себя юноша, стремящийся на иной путь и принужденный сознавать, что этот путь ему отрезан, а к нему предъявляют в школе такие воспитательно-дисциплинарные требования, которые обязательны только для готовящегося к пастырству, которого он не хочет?

Отсюда начинается роковой драматический разлад между целью школы и печальной действительностью. Пастырское служение никто, конечно, из понимающих дело спасения, которому служит Церковь, не станет сводить только на внешнюю сторону церковно-богослужебного ритуала. Задача этой школы, которая берет на себя дело подготовки пастырей, становится в высшей степени серьезной и исключительной. Надлежит воспитать не только добрых христиан, благочестивых и нравственных, с развитым нравственным чутьем и совестью христианскою, но людей, горящих духом, молитвенников, богатых духовными дарами, готовых взять на свою совесть и на свою душу руководство и душами многих чад Церкви, готовых идти, при теперешнем положении духовенства, весьма незаманчивом с внешней стороны, на подвиг смирения и унижения, на подвиг скудости материальной и лишений. Естественно, что духовная школа должна обладать идеально организованными воспитательно-учебными средствами и условиями, чтобы осуществлять свою задачу, столь высокую и важную. Весь строй жизни этих учебных заведений, вся их атмосфера должна быть проникнута тем настроением, которое она должна привить своим питомцам, и самые воспитательные приемы и самая жизнь этих учебных заведений должны непременно обеспечить выработку в своих питомцах того настроения, которое необходимо для пастыря и работника на благо Христовой Церкви. В противном случае возможно только одно, что пастыри пойдут или по семейной традиции (благо она у нас теперь есть в силу

кастового характера духовенства), а все прочие, имеющие возможность и средства уйти от этой необходимости, уйдут по другим дорогам, так как не чувствуют ни малейшей охоты идти на добровольный подвиг, ибо школа не создала в них подобного настроения. Так оно и есть теперь в действительности. Если даже из таких семинарий, где воспитывается до семисот юношей и ежегодно оканчивает от 60 до 90 человек, в священники идет не более 10 человек ежегодно и притом не лучших воспитанников, а только невольных бедняков, то ясно, что современная наша пастырская школа не оправдывает своих воспитательных задач и в настоящем своем виде не может существовать без явного противоречия самой себе. Ибо исключением является в ней то, что должно быть общим правилом, т. е. питомцы с добрым религиозным настроением, а добровольное пастырское служение «по призванию» – совершенно немыслимым.

Особенно страдает в наших школах воспитательная сторона дела. Строго говоря, у нас в духовных школах воспитания нет, а при существующем порядке и условиях жизни школы – и быть не может. Есть только внешний надзор. В некоторых семинариях число учащихся доходит до 700 человек, а воспитателей всего бывает в таких семинариях вместе с надзирателями 6–8 человек. Никакой возможности не представляется при таком числе учащихся войти с каждым учеником в непосредственные чисто личные духовнонравственные отношения и следить за его духовным миром. Дай Бог через год хотя узнать фамилии и лица учеников и как-нибудь поддерживать внешний порядок и дисциплину. Необходимо привлечь к делу воспитания и преподавательский персонал, но конечно не в том виде, как это теперь, т. е. на словах и бумаге. Нужны действительные классные наставники, близкие к ученикам и стоящие к ним в непосредственных отношениях. Само собою понятно, что необходимо иметь духовные школы малочисленные, а не такие казармы, как существующие – с батальонами бунтовщиков, готовых вырваться на улицу и идти под красными флагами с криками: «Долой самодержавие!». Казарменный вид, казенное внешнее отношение к ученикам, неизбежное при многолюдстве, худо действует на душу питомцев, и их жизнь идет сама собой, монотонная и скучная, давящая, без всякого вмешательства и прямого воздействия на них со стороны воспитателей и преподавателей. К этому еще присовокупляется прямо убийственное влияние той двойной морали, которая теперь царит в нашей школе. Нормальное воспитание и хорошие результаты его необходимо предполагают единство жизни воспитателя и питомца, не со стороны внешней только, но со стороны внутренних настроений и нравственных начал, которые желательно привить питомцу. Личный пример всего лучше действует и убедительнее слов и наставлений. Этого-то единства и нет у нас в школе, и не со стороны внешней, дисциплинарной (что естественно), но именно со стороны нравственной. Нравственные требования, предъявляемые ученикам относительно храма, молитвы, постов и прочих заповедей, весьма часто необязательны для корпорации учебного заведения, и их жизнь весьма расходится с тем, что они по долгу службы проповедают ученикам.

Выходит так: вот это нужно исполнять теперь, а когда вырастете и будете жить самостоятельно, тогда можно и не исполнять этого. Этим уже в корне убивается в питомце сознание абсолютного характера тех нравственно-религиозных требований, которые предъявляются ему и не исполняются старшими, и они получают временный характер. Повторяем: эта двойная мораль губительна для питомцев и всего более способствует тому, что они лицемерят и выносят из школы полную беспринципность; а ведь мелких проявлений, где проводится эта двойная мораль, очень много, и долго бы было говорить о них.

Итак, дети духовенства, невольно поступающие ради общего образования в пастырскую школу, горько сознают эту свою неволю, их сердце не лежит к школе и они бегут из нее. Плохо и то, что состав учащихся в наших духовных школах не освежается инородным элементом; 10% – количество очень незначительно для освежения нашей школы. А между тем открытие в нашу школу свободного доступа детей прочих сословий важно по многим причинам, не говоря о том, что было бы справедливее и даже каноничнее. Кастовый характер духовенства способствует вырождению этого сословия, ибо все-таки даровитые и лучшие из детей духовенства бегут по светским путям.

Вот почему необходимо иметь в виду при реформе нашей школы, в целях обеспечения русской православной Церкви добрыми пастырями, чтобы пастырство было делом добровольным и шли в пастыри не в силу необходимости, по горькому сознанию, что иначе деваться некуда, а по действительному желанию поработать для блага Церкви, на спасение ближних, шли лица с внутренним добрым настроением, с огоньком, а не насильники и

невольники своего положения. Нужно еще, чтобы это пастырство было доступно всем добрым христианам всех сословий, а не одного духовного, и потеряло бы свой кастовый ветхозаветный характер с неизбежным вырождением и весьма вредною обособленностью от прочих сословий, особенно интеллигентных.

Все указанные нами здесь недостатки нашей духовной школы давно признаны многими авторами разных статей и давно уже сознавались еще такими авторитетными лицами, как архимандриты Филарет и Михаил, представившими свой проект реформы духовной школы еще в 1860 – 1862 гг. (см. «Церковные Ведомости» № 39 за 1905 год). Все эти недостатки настолько серьезны и существенны, что возникает мысль: следует ли теперь при реформе школы нашей сделать только некоторые поправки и улучшения в их строе воспитательном, учебном и правовом, оставив тип семинарий тот же, или – лучше создать новый тип пастырской школы, руководясь теми указаниями, какие дают и запросы современности, и существо пастырства, и те отрицательные стороны, которыми страдает нынешняя пастырская школа? Не нужно забывать, что возрожденному приходу нужны пастыри, как главы и руководители его, и самый поэтому вопрос о реформе пастырской школы необходимо входит в тесную связь с общей церковной реформой и в частности с реформой прихода. И уж конечно, для возрождения церковной жизни в смысле подъема религиозно-нравственного уровня жизни верующих, для возгревания в душах верующих благодатного огня, для пробуждения и окормления религиозно-нравственного чувства, наши духовно-учебные заведения, особенно семинарии, как рассадники пастырства, в их теперешнем виде и строе совершенно непригодны и должны быть упразднены. Можно надеяться (да это и лучше), что теперешнее брожение и какой-то саморазлагающийся процесс, начавшийся в наших духовных школах, является своего рода подписанием им самим смертного приговора и своего рода гражданским самоубийством. Разлагающийся организм без внутренней обновляющей силы и должен окончательно распасться. Разве можно, в самом деле, ждать чего-либо доброго, разве можно думать, что наши духовные школы дадут добрых пастырей, способных возродить жизнь церковную, когда в стенах этих заведений совершаются деяния, за которые с точки зрения чисто церковных канонов виновные подлежат отлучению от Церкви, а по гражданским положениям – по меньшей мере арестантским исправительным ротам? Ведь религиозно-церковное сознание, особенно с так называемой канонической стороны, утеряно вообще современными верующими христианами, утеряно оно и нашими школами, долженствующими поддерживать его; что же ждать дальше?!

Это полное отсутствие церковно-религиозного сознания, в частности канонического, в питомцах нашей духовной школы, готовящей пастырей, переходит, конечно, вместе с самими пастырями из этой школы и в жизнь как их самих, так и в жизнь их пасомых. Ведь те же известные иереи, считающие себя представителями и носителями чистоты духа Христова и любви, едва ли бы решились публично порицать и ругать митрополита и епископа, если бы пастырское, христианское чутье, если бы сознание своего пастырского долга и духовного отношения к епископу было живо в них, если бы они признавали каноны церковные обязательными для себя, как норму церковной жизни. Оживление и возрождение церковной жизни, думаем, должно начаться прежде всего с оживления силы действия тех норм, в которых выражена церковная жизнь и которыми она должна созидаться и держаться; ведь, конечно, реформой Церкви имеется в виду каноническое ее реформирование. Поэтому серьезно следует подумать о том, что делать с нашими духовными школами, этими первыми выразительницами полного упадка религиозно-церковного сознания как в составе учащихся, так и в составе учащихся. Конечно, дело создания новых пастырских школ, взамен теперешних, должно быть делом прежде всего самой церковной власти, ее иерархов, церковного Собора; ибо разве могут те, которые теперь испаряют и выкуривают из пастырской школы все пастырское и духовное, создать что-либо новое, лучшее в этом смысле? О пастырстве и духовных нуждах Церкви должны прежде всего заботиться архипастыри, и им подлежит этот вопрос для своего решения. И в данном случае реформа духовной школы не должна сводиться только к некоторого рода изменениям в программах, к передвижению и перестановке предметов, тем более к удовлетворению тех требований, которые высказываются в петициях воспитанников семинарии, особенно касающихся разного рода дисциплинарных вольностей вроде отсутствия надзора за ними и свободного чтения всех книг или участия в собраниях правления и контроля над действиями правления. Необходимо нужно создать новый тип пастырской школы, высшей и низшей, и притом такой школы, которая бы могла обеспечивать возможность подготовки к

пастырству и выпускать людей с искренним религиозным одушевлением или настроением. Сохранить же теперешний тип духовной школы, высшей и низшей, невозможно: нужно, все равно, внести такие существенные изменения, которые будут равны совершенному пересозданию этой школы, созданию именно новой школы; а ограничиться немногими изменениями и ждать от этого добрых результатов для Церкви – нет оснований и по многим причинам, указываемым наличными недостатками самой духовной школы.

Нам лично думается, что вопрос о реформе нашей духовной школы, если только действительно имеется в виду обеспечение русской Церкви добрыми пастырями, должен именно сводиться к созданию нового типа пастырской школы, а не к частным изменениям в учебном, воспитательном и правовом строе теперешних духовных школ. Лучше раз навсегда покончить с тем, что заявило себя полной непригодностью для полезной и здоровой жизнедеятельности и служит только лишним бременем для Церкви, и создать новое. Нужно создать совершенно особую, специально пастырскую школу с вполне определенной целью и соответствующей этой цели постановкой всего строя жизни этой школы во внешней и внутренней организации ее. И пусть эта специально-пастырская школа будет доступна для лиц всех сословий и званий, будет всеобщая, а не узкокастовая, только для детей духовенства. Большой наплыв желающих поступить в духовную школу и теперь из разных сословий служит показателем того, что и в пастырскую школу найдется много желающих, ибо еще не оскудело, конечно, у нас на Руси доброе христианское настроение и желание поработать Господу. Итак, по нашему мнению, должна быть создана совершенно новая, специально-пастырская школа всеобщая. Вопрос теперь в том, что должна представлять из себя эта школа: должна ли она быть многолетней и, принимая в себя детей малого возраста, воспитывать их в предопределении к пастырству, в приспособленной для этого школьной воспитательной обстановке, или эта специально-пастырская школа должна принимать в себя уже людей сравнительно зрелых, получивших общее образование, полное, среднее или приближающееся к нему, поступающих в эту школу по свободному желанию, и должна давать им специально уже пастырское образование в течение лет трех – четырех.

Но если пастырство должно быть свободным избором, своего рода самоопределением человека в области своих внутренних настроений, то тем оно может быть плодотворнее, чем более туда привнесено будет личной инициативы и свободы. И школа с таким комплектом лиц, которые свободно идут на путь пастырства, будет более свободна сама в себе, более определена и способна идти к своей прямой цели спокойно и прямо, не оглядываясь в разные стороны, не считаясь с возможностью многообразных настроений, и в состоянии будет создать соответствующий строй жизни и одинаковый режим. Вот почему, по нашему мнению, будущая пастырская всеобщая школа должна быть не многолетней и принимать в себя детей не с младшего возраста, а людей уже зрелых, получивших общее образование, полное или близкое к нему, людей свободно выбирающих эту школу и пастырское служение, как свой жизненный путь. Достаточно будет, если эта школа будет трехлетней, а поступать в нее будут юноши от 18 до 30 лет. Думается, что в эту школу можно свободно пускать и без экзамена, на основании только отзывов начальства о благонадежности, всех прошедших среднюю школу общеобразовательную, какого бы она ни была типа. Можно туда пускать, хотя бы по экзамену, и лиц, кончивших школу несколько ниже средней, например наши второклассные и церковно-учительские школы, разные учительские институты и семинарии и проч.; можно допускать по экзамену и всех вообще лиц, приобретших уже путем личной, домашней подготовки право и звание учителей или дипломы, приближающиеся к дипломам указанных светских учебных заведений. Желательно, конечно, чтобы в пастырскую школу шли лица с полным общим средним образованием, ибо запросы к пастырю, при современных общественных условиях жизни, таковы, что он должен представлять собой не только нравственную силу, но в известном смысле культурную, просветительную. Пастырская школа для епархии не должна быть особенно многочисленна; нужно иметь в виду только потребности епархии, ее годичный средний спрос на кандидатов священства, и с этим сообразовать количество принимаемых в пастырские школы. При сравнительно же немногочисленности этих школ можно предполагать, что из населения целой епархий найдется ежегодно разных лиц, желающих поступить в пастырскую школу, в количестве от 50 до 70 человек.

Нужно, конечно, позаботиться и о том, чтобы путь пастырского служения не отталкивал многих, желающих идти по нему, своей внешней стороной материальной необеспеченности и

самым способом обеспечения, который нельзя совершенно игнорировать. Семья и запросы жизни – дело серьезное, и не может же священник настолько быть высок только к духовным интересам, чтобы игнорировать их: это – дело избранных героев духа; а обычный добрый пастырь мучительно будет чувствовать эти материальные житейские искушения и скорби. Нужно, чтобы у пастыря меньше было этих житейских забот, отвлекающих его от прямого своего дела.

Вероятно, в силу традиции дети духовенства не будут чуждаться этой пастырской школы. Добрые навыки в семье священника (а это, без сомнения, еще есть), с детства близость к храму, – все это безусловно скажется на настроении мальчика из духовной семьи и будет располагать его к пастырству, тем более, что оно явится уже тогда вполне свободно избираемой дорожкой, а не принужденною (а это имеет громадное значение), и не все же питомцы средней общеобразовательной школы, из детей духовенства особенно, пойдут в высшую светскую школу или по светскому пути, хотя бы по соображениям чисто материального характера.

Признавая за наилучшее создать новый тип пастырской школы, школы всесловной и для лиц уже взрослых, сознательно и свободно определяющих себя к пастырскому пути, мы почитаем за лучшее, чтобы весь строй жизни этой школы: воспитательная и учебная сторона дела, самый круг предметов преподавания, – все это было поставлено в строгое соответствие с той целью, которой должна служить эта школа, и обеспечивать возможно вернее ее достижение. Самый круг предметов и распределение их по курсам, которых мы предполагаем три (3), нами будет указан в особой таблице. Считаем необходимым заметить, что, кроме богословских предметов, нужно еще ввести философию и психологию (желательно более новую), как предметы необходимые для образованного пастыря, призванного откликаться и на современные запросы жизни и мысли, и как весьма важные в деле развития и выработки мировоззрения.

По самому строю жизни эти пастырские школы должны быть закрытыми учебными заведениями, и дело воспитания должно принадлежать всем наличным силам преподавательской корпорации, которая должна жить как можно ближе и теснее с питомцами и своим нравственным влиянием способствовать выработке в питомцах доброго настроения.

Воспитатели и преподаватели необходимо должны быть в священном сане из лиц, получивших высшее богословское образование, и с добрым настроением. Конечно, высшее наблюдение за этой школой принадлежит епархиальному преосвященному, который по возможности должен стоять ближе к этой школе и иметь с нею тесные непосредственные сношения; но хорошо бы и ректору этой школы предоставить более, нежели теперь, прав и свободу в выборе себе сотрудников из членов корпорации этой школы, а не получать эти назначения свыше. Во всяком случае, это дело должно быть более в руках епархиального преосвященного и ректора, нежели вверху стоящих, хотя бы теперь Учебного Комитета. Должность ректора и его помощника не должна быть выборной. Для привлечения в эту школу лучших преподавательских сил нужно озаботиться вполне приличным обеспечением служащих в этой школе, чтобы они могли всецело отдаться своему делу и работать над богословской наукой серьезно и плодотворно. И для воспитанников этой школы должно быть облегчено содержание в ней: должно быть предоставлено возможное количество или казенных стипендий, или от приходов: равно пособие в виде ли денежных сумм или учебных пособий и книг, должно практиковаться в широких размерах. Суммы на содержание пастырских школ могут черпаться из тех же источников, какие служат теперь для содержания семинарий. Это взносы на стипендии от церковных приходов для приготовления в школе будущих пастырей для тех же приходов.

Как должно вестись самое преподавание и учебный строй, равно и самая выработка программ и точная регламентация прав и правил для учащихся и учащихся, это – вопрос более специальной разработки; в данном случае мы только высказываем общую перспективу создания новой пастырской школы, ее тип. Конечно, из этой школы должен быть открыт широкий доступ в академию, а в пастырскую школу можно бы пускать вдовых отцов диаконов.

Итак, в общем типе пастырской школы нам представляется в следующем: пастырская школа 1) особая специальная; 2) всесловная; 3) имеет трехгодичный курс для прохождения специально-богословских предметов и некоторых общеобразовательных светских; 4) при ней желательна воскресная или образцовая школа для учительской практики; 5) поступают в эту школу из всех сословий, получившие полное среднее общее образование (без экзамена) или получившие образование ниже среднего (церк.-прих., второкл., учит. школы, учит. инст. и проч.), а равно и получившие разные дипломы и звания на учителя, вдовые отцы диаконы, и проч. (по экзамену) в возрасте от 18 до 30 лет; 6) число учащихся в школе небольшое; 7) содержание

казенное и стипендии от приходских общин; 8) строй жизни этих школ строго церковный, религиозный; 9) воспитатели, они же и преподаватели, в духовном сане, тем более ректор, все с высшим образованием; 10) назначение их от высшей духовной власти, с предоставлением в этом большего права епархиальному архиерею; 11) занятия носят урочный характер (4 урока по 1 часу) с переходными экзаменами по крайней мере по тем предметам, курс которых кончается в известном классе; 12) необходимы письменные работы; 13) кончившие эту школу получают права на священника и право поступать в академии по экзамену.

К этому упразднению существующих семинарий и замене их школою пастырскою, кроме оснований принципиального характера, приводят нас еще соображения касательно средств содержания их. Ни для кого не тайна, что значительная часть средств содержания семинарий составляется из епархиальных взносов от каждой епархии, что этими взносами покрываются многие параграфы семинарских смет. Это знает не только духовенство, его учащиеся дети, но и церковные старосты, от которых благочинные каждое полугодие отбирают значительную часть церковных сбережений. И чем дальше идет время, тем больше проникает в сознание крестьян цель этих полугодичных взносов, тем труднее становится их собирать, тем неохотнее отдают старосты это церковное достояние. Случаи протеста, неповиновения – довольно не редки. Само собой разумеется, что с образованием из приходов самостоятельных церковно-бытовых единиц невозможно будет рассчитывать на эти крупные отчисления. Церковный приход справедливо сочтет их за собственное достояние и не отдаст ни на какие иные цели, кроме узкоприходских. Таким образом материальное благосостояние семинарий будет подорвано в корне: они лишатся большей половины средств для своего существования.

Скорбеть ли об этом? Еще блаженной памяти архиепископ Херсонский Никанор в своих беседах с семинаристами неоднократно указывал им на их воспитание на церковные средства и отсюда выводил нравственное обязательство для них отдать силы свои на служение вскормившей их матери- Церкви. Но сильная и убедительная речь Херсонского витии не удержала течений и настроений среди детей духовенства. Выучившись на церковные деньги, они бегут от Церкви по разным распутиям, даже в акцизные чиновники, лишь бы не служить ей. И ныне сам собой устроился не только противоречивый, но и обидный для Церкви порядок: на церковные суммы учатся батальоны молодых людей, не имеющих в себе ни желания, ни охоты служить Церкви и бегущих от нее в разные стороны. Церковный приход не может не сознать этой аномалии; он не решится учить на церковные средства ренегатов Церкви и будет прав, если откажет во взносах. Но что вправе требовать и следует ожидать от приходов, это – ассигнование стипендий в пастырские школы для содержания и обучения пастырей в те же приходы.

Сделавши пастырскую школу строго церковной, всесословной, закрытой, мы тем самым постепенно будем уничтожать кастовый характер духовенства, вводить в него свежий элемент. Той же мерой мы откроем детям духовенства прямой доступ к светскому образованию и свободный выход на все пути. Для удовлетворения этой цели следует все существующие по епархиям духовные училища преобразовать в гимназии для детей духовенства и дать им курс, программы и права существующих гимназий Министерства народного просвещения. Совершить это преобразование можно будет тем удобнее, что здания всех училищ принадлежат духовенству, выстроены на его средства, содержатся взносами от него же за обучение детей. Лишь один учительский персонал требует для своего содержания казенных ассигнований. Общую схему этих гимназий можно представить в следующих чертах.

Духовные гимназии суть общеобразовательные училища, назначенные для образования детей духовенства: они заключают в себе полный курс наук, относящихся к общему образованию, устроенный по образцу светских гимназий (в их реформированном виде), с вполне согласованными в тех и других гимназиях программами. Эти гимназии состоят из восьми классов, по году в каждом.

В них принимаются дети как духовных родителей, так и всех других сословий – без всякого процентного ограничения для последних, – в возрасте не моложе 9 лет, с подготовкой, требующейся от поступающих в первый класс светских гимназий.

Ученики гимназий переводятся из класса в класс без экзамена, кроме тех предметов, по которым заканчивается в том или другом классе весь назначенный программой курс; при окончании же курса 8-го класса они сдают экзамен по всем предметам этого класса.

Переход воспитанников духовных гимназий в соответствующие классы светских гимназий, а равно и наоборот, происходит без всяких экзаменов. Окончившим полный курс этих гимназий

предоставляются все права, одинаковые с правами окончивших курс светских гимназий, как при поступлении на службу, так и при поступлении в университеты и во все специальные светские высшие учебные заведения.

Преподаватели гимназий для детей духовенства как в правовом отношении, так и, в частности, в отношении материального обеспечения, должны быть вполне уравнены с преподавателями светских гимназий (в их реформированном виде).

Вместо инспекции ввести институт классных наставников, снабдив их известными полномочиями и подчинив педагогическому совету.

И таким образом удовлетворен будет общий и повсеместный вопль духовенства: «Дайте детям нашим свободный выход в университеты и во все высшие заведения».

3. Расширение границ деятельности съездов духовенства

А) Со введением в действие уставов духовно-учебных заведений 1867 года, высшей церковной властью призваны к жизни епархиальные съезды духовенства. В лице съездов епархиальному духовенству, чрез избранных от благочиннических округов депутатов, дано право на деятельное участие в экономических делах своих учебных заведений. И съезды доказали свою жизнеспособность тем, что это дело свое сумели выполнить и выполняют с энергией и успехом. Более широкого круга деятельности съездами высшей церковной властью предоставлено не было. Тем не менее, съезды некоторых епархий, с самого начала их существования, по требованиям жизни и с изволения местных епископов, не ограничивались заботами только о школах, но принимали к своему рассмотрению и общие свои дела хозяйственного свойства. Благодаря, им основались эмеритальные кассы, кассы похоронные, кассы взаимопомощи и т. п. Они много сделали и для целей благотворительных, хотя бы только и для своего духовного звания. На помощь своим бедным были организованы, ими всякого рода попечительства, в ведение их перешли приюты и богадельни для престарелых и бесприютных священноцерковнослужителей и их вдов и сирот. Но и этой своей деятельностью съезды не ограничивались. Жизнь и долг служения вызывали и вызывают их к работе по более широкой программе: к обсуждению общими братскими силами вопросов, имеющих то или другое отношение к пастырскому их служению. Они с благодарностью принимали всякий вопрос, данный им на обсуждение, и с готовностью отдавали свой труд намеченным вопросам, и своею деятельностью так зарекомендовали себя в этом отношении, что еще на первых порах своего существования заслужили официальное одобрение высшей церковной власти. Так, в отчете обер-прокурора Святейшего Синода за 1866 год, представленном на Высочайшее воззрение, между прочим было высказано, что «епархиальные преосвященные, вполне понимая всю пользу, какую можно ожидать от свободного обсуждения духовенством разнообразных предметов, касающихся как материального его быта, так и обязанностей пастырского его служения, начали в этих видах все более и более поощрять учреждение в своих епархиях священнических съездов... Предметы занятий на съездах: обмен мыслей, сведений и наблюдений по церковной практике, разъяснение разных сомнений и недоразумений, встречающихся в пастырской деятельности каждого священника, суждение о мерах к удовлетворению нужд церкви и духовенства, к благоустройству приходов, церковно-приходских школ, попечительств, прекращение возникающих между членами причтов неудовольствий общими пастырскими увещаниями. Можно надеяться, — добавляется в отчете, — что при таком направлении, при постоянном и просвященном руководстве архипастырей, съезды, сблизив духовенство в интересах пастырского служения, будут со временем весьма важным пособием для епархиальных начальств в их заботах о религиозно-нравственном преуспевании своих паств. Несмотря на недавность учреждений съездов, они приносят уже добрые плоды».

Из приведенного отчета усматривается, что высшая церковная власть еще на первых порах, вскоре после призвания духовенства к самостоятельности на его съездах, имела возможность наблюдать великую перемену в пастырской его деятельности и признала его правоспособным к коллективному обсуждению вопросов веры и Церкви. Но что предлагалось епархиальным съездам, с изволения местных епископов, на обсуждение в некоторых епархиях, то не допускалось в большинстве других, и съездам приходилось ограничивать свои работы вопросами только экономического свойства, так как намеченная высшей церковной властью программа их действительно остается в своей силе и по настоящее время.

Между тем все чаще и чаще слышатся голоса и в обществе и в печати, что духовенство на своих епархиальных съездах обращается только в сфере материальных интересов и не интересуется вопросами высшего порядка, что пастыри душ занимаются обсуждением вопросов только имущественного характера и не заботятся о способах объединения духовенства между собой и с обществом с целью более успешного пастырского служения и влияния. Что эти требования общества от пастырей занятий на съездах вопросами пастырского характера вполне естественны и справедливы, — с этим нельзя не согласиться. Компетенция съездов епархиальных действительно узка и одностороння. Служение пастырское не есть «служение только трапезам», но главным образом «служение Слову» (Деян. 6:2,4). Главная цель служения — созидать из людей Царство Божие на земле и готовить из них граждан для Царства Небесного. И

если и всегда, то особенно в настоящее время нужно стать духовенству на путь широкой и энергичной подготовки к ответу на спорные и трудные вопросы, выдвигаемые на очередь русской жизнью – противоцерковными, противогосударственными ее – часто крайними – течениями, проникшими даже и в среду деревенскую. При общем оживлении русской жизни в разнообразных ее направлениях пред взорами пастырей, в области их общественного положения и служения, может открываться множество вопросов, которые требуют не только теоретического разрешения, но и практического применения к тому, как пасти стадо Христово. Для достижения своих специальных целей разные общественные силы соединяются в союзы и, как показывает опыт, действуют дружно, энергично и успешно, хотя, к сожалению, и не всегда в добром направлении. А духовенство поставлено быть одной из передовых сил народной жизни. Оно должно руководить этой жизнью, стоять во главе ее, тесно объединять ее под воздействием Церкви. Поэтому необходимо и пастырям Церкви сплотиться в тесный союз для работы на своем пастырском поприще по вопросам религиозно-нравственным, богослужебным, проповедническим, школьным, миссионерским, с целью более успешного и благотворного воздействия на жизнь народа, а также и по всем другим вопросам, которые могут иметь то или другое соприкосновение с бытом духовенства и его служением. И голос истории и долг служения зовут духовенство не стоять в стороне от народной жизни, но внимательно и ревностно следить за ее движениями и откликаться на запросы современности. Этим целям с наилучшим удобством могли бы послужить, как показал засвидетельствованный высшей церковной властью опыт, епархиальные съезды духовенства – эти епархиальные соборы, если бы программа их полномочий была расширена в намеченном выше объеме. Только на подобных съездах духовенство и могло бы, ко взаимной пользе его жизни и служения, поделиться знанием и опытом и общими силами обсудить и выработать программу своей деятельности по вопросам, порождаемым жизнью и церковно-приходской практикой, в интересах наилучшего успеха своего дела. Только чрез них оно и могло бы сплотиться в тесный и крепкий союз и оказывать действительно благотворное влияние на окружающую жизнь, а не оставаться по-прежнему в разделении, одиночестве и слабосилии. Прения и суждения по вопросам жизни и деятельности пастырской действовали бы на них развивающим образом, обогащали их теоретическими и практическими знаниями, воодушевляли бы их и вливали бы в них новые силы к достойному прохождению своего служения.

При таком расширенном круге деятельности съезды могли бы быть важным вспомогательным органом епископской власти, как учреждения совещательные. В лице их восстановились бы те «советы пресвитеров» при епископах первых веков христианства, существование которых признавалось необходимым, как это можно усматривать из творений свв. Игнатия Богоносца (в послании к Магнезийцам), Киприана (О священ., 3, 15), Златоуста, Амвросия Медиоланского (в книге «Об обязанностях священнослужит.») и другие. И так как эти съезды духовенства имели бы за собою только совещательный голос, то они вполне обеспечивали бы неприкосновенность власти епископа, которому принадлежит право не только утверждать мнения съезда к руководству и исполнению, но и отклонять их.

Посему желательна была бы такая постановка дела: на окружных благочиннических съездах, созываемых ежегодно благочинными до епархиальных съездов, каждый пастырь имеет право словесно или письменно поставить на обсуждение вопросы, вызванные жизнью и практикой. Вопросы эти с мнениями по ним окружных съездов докладываются местному епископу на благоусмотрение. Епископ или передает доклады на рассмотрение епархиальных съездов, по предварительном напечатании их в епархиальном органе к сведению епархиального духовенства, или оставляет без движения те из них, которые выходят за пределы компетенции съездов. Епархиальные съезды из депутатов от благочиннических округов, созываемые ежегодно епископом, обсуждают доклады благочиннических съездов, дают по ним свои заключения и представляют их на рассмотрение епископа. Епископ или утверждает заключение съездов, с опубликованием их в местном органе к исполнению и руководству духовенства, или отклоняет их, если они не соответствуют обстоятельствам дела и целям пастырского служения.

Не менее желательно, чтобы заседания и суждения епархиальных съездов происходили под непосредственным председательством и руководством епархиальных епископов.

При таких условиях депутаты съездов могли бы непосредственно и со всеми подробностями докладывать своему владыке, как работники хозяину на ниве Христовой, о всех своих пастырских затруднениях и недоразумениях и о всех религиозно-нравственных нуждах своих

пасомых, чем давали бы ему возможность знать более всесторонне епархиальную жизнь и принимать своевременно соответственные меры к ее исправлению и улучшению. Такое коллективное общение пастырей с своим архипастырем еще более сблизило бы их в служении интересам Церкви и общества.

Б) Участие духовенства в городских, земских и сельских общественных учреждениях.

Много времени жизнь русских людей текла и развивалась под главным воздействием Церкви православной чрез ее представителей – духовенство. Правители земли русской открывали свободный простор влиянию духовенства на жизнь семейную, общественную и государственную. Пользуясь таким правом, духовенство не ограничивалось в своей деятельности одной церковною жизнью своих прихожан, но самым близким образом участвовало в их земских делах, в их самоустройстве и самоуправлении. Поэтому тогда все стороны гражданского быта народа русского, все отрасли общественного и государственного его строя проникала и одушевляла вера православная. Вера и Церковь были тогда самыми могущественными двигателями жизни народной. Во имя веры совершались великие подвиги гражданские и политические: во имя веры народ не раз отстаивал свое отечество от врагов внешних и не раз находил в ней утешение и энергию в самые трудные минуты своей политической жизни.

Но Петр Первый своими реформами положил конец широкому и благотворному влиянию духовенства на жизнь народа русского. Он отделил церковную жизнь от гражданской, устранил духовенство от народа. Оторванное от близкой жизни с окружающим обществом и замкнутое в своей собственной среде, духовенство стало в стороне от движений народной жизни со всеми ее явлениями в области общественной и государственной. Оно только отправляет церковные службы, совершает требы, учит в школах, удовлетворяет, по возможности, другим религиозно-нравственным потребностям прихожан; но что касается участия его в гражданской жизни своих прихожан, в их общественных делах и интересах, – это остается вне сферы его прав и деятельности. Такая отчужденность духовенства от своих прихожан в бытовом отношении, с течением времени, породила многие печальные, трудно поправимые явления, так наглядно выразившиеся особенно в последнее время. Значительная часть светски образованных людей стала далека от Церкви, как и от веры вообще. Воспитанные вне религиозных влияний, редко видя живую и энергичную деятельность представителей Церкви, они остаются к Церкви совершенно равнодушными, а некоторые идут дальше того: считая веру заблуждением, стараются и в других подорвать ее. Народ, историческим и долгим опытом убедившись, что духовенство – только для души и неба, а не для тела и земли, охотно идет к духовным отцам своим с недугами и скорбями духовнонравственными, но не идет к нему с запросами житейского свойства, мирскими. В самом деле, почему народная масса в столь важном современном движении, выразившемся во многих местах в печальных обнаружениях беспорядков до бунтов, самоуправств, кровопролитий, легко подпала под вредное влияние людей злонамеренных, а не обратилась с запросами и за указаниями к своим духовным отцам, поставленным быть глашатаями безусловной истины? Едва ли можно найти этому причину в чем-либо другом, кроме традиционного уклончивого и молчаливого отношения духовенства к бытовой стороне народной жизни, кроме явной односторонности его пастырства, вследствие сознания им полного своего бесправия и неведения по вопросам гражданского свойства. А между тем оно могло бы во многом предупредить эти брожения, многое могло бы сделать для социально-бытовой жизни народа, если бы оно было поставлено ближе ко всем сторонам народной жизни. Оно могло бы указать народу более верные и законные пути к удовлетворению его житейских нужд и руководить им на этих путях. Ведь ему открывает народ все грехи свои, помышления и желания. Ему жизнь народа известна лучше всех. Оно Самим Богом поставлено представлять, печаловаться пред властями за нуждающихся и обремененных, быть всем вся, с целью направления их в жизни на путь спасительной истины (1Кор.9:22). Но этого-то и не может оно осуществить по причине своей замкнутости, неправильного отграничения сферы его деятельности.

Между тем все чаще и чаще слышатся справедливые упреки и обвинения духовенству, что общественная жизнь русского народа отошла от его влияния и устрояется, не справляясь с голосом и учением Церкви. Настоят поэтому неотложная необходимость возвратить Церкви, в лице ее представителей, всю силу благотворного ее влияния на все стороны жизни народной, всю мощь ее голоса, чтобы с большим успехом вести народ к высокой цели осуществления

Царства Божия на земле. Для осуществления этой цели Церкви нужно быть в возможно близких отношениях к жизни народа как частной, так и общественной и государственной. Воздействие ее на эту жизнь во всех ее отношениях для согласования ее с вечными целями Царства Божия – есть прямое ее право и обязанность. Не для неба только и Царства Небесного принес Спаситель на землю Свое учение. Начало этого Царства должно быть полагаяемо на земле. Заповедуя святость духа во имя неба и вечности, Христос Спаситель не только не презирал вместе с тем нужд и радостей земных, но и освящал их и содействовал им.

С другой стороны, и простая житейская справедливость дает представителям Церкви законное право на деятельное участие в жизни общественной и государственной. Духовенство – граждане государства, как и все прочие; и если каждому гражданину земли Русской гражданство дает известные права на участие в гражданской жизни государства, то это же самое гражданство должно давать те или другие права на участие в этой жизни и гражданам духовным. Быть гражданином земли Русской и не участвовать в ее строении – положение несправедливое и обидное. Напрасны опасения, что указанное расширение деятельности духовенства, обнимающей земные стороны народной жизни, оземленил его в ущерб духовности. Это есть не более, как только выражение всесторонней деятельности по устройению жизни мира во всех ее разветвлениях на началах евангельского учения; в противном случае, народ будет уходить к тем религиозным руководителям, которые явятся более близкими к нему лицами.

Ввиду всего сказанного, естественным и справедливым является желание, чтобы представителям Церкви – духовенству даны были более широкие права на участие в жизни общественной и государственной, чем те, которыми оно пользуется в настоящее время. Желательно, чтобы духовным лицам законодательным порядком предоставлено было право быть непременно членами общественно-государственных учреждений, имеющих место в их приходах, избирать других и самим быть избираемыми в состав городских и земских учреждений и принимать участие в обсуждениях общественных дел на сельских сходах. Это открыло бы широкое поприще духовенству для проведения во все стороны народной жизни истинно христианских начал и для утверждения своего религиозно-нравственного влияния на пасомых, с целью направления их жизни по заветам Христа. Само собой разумеется, что участие духовенства в делах общественно-государственных должно носить характер чисто пастырский, внепартийный, безусловно правдивый, с готовностью твердо стоять за правду Божию и не бояться называть ложью то, что противоречит этой правде.

К такому сближению духовенства с народом для сказанной цели не усматривается препятствий и с точки зрения церковных правил, при том правильном их разумении, какое им дается. Правда, 6-е Апостольское правило гласит: «Епископ, или пресвитер, или диакон да не приемлет на себя мирских попечений». Но под мирскими попечениями разумеется здесь не участие духовных лиц в делах мирских по соображениям религиозно-нравственного порядка, а занятия, несообразные с званием и обязанностями служителей Церкви, каковы – военная и гражданская службы, адвокатура, торговля, а также заботы, несогласные с нравственными качествами, требуемыми от священнослужителя, каковы – искание почестей, богатства и проч. Точно так же и 81-е Апостольское правило имеет в виду разделение власти и управления одним лицом, двоякую власть – духовную и гражданскую, совмещенную в одном лице, но и оно не воспрещает участия пастыря в общественных учреждениях с определенной целью христианского в них действия.

И начало повороту в сторону расширения общественных и гражданских прав духовных лиц уже положено. Монаршей волей, выраженной в Высочайшем манифесте от 26-го февраля 1903 года, духовенство призывается усугубить плодотворное участие не только в духовной, но и в общественной жизни пасомых, а «Положением о Государственной Думе» духовным лицам в лице настоятелей церквей дается право быть не только избирателями, но и избранными в Думу для участия в делах даже общегосударственного строения. Остается желать и надеяться на дальнейшее развитие их положения в данном направлении.

3.Преобразование существующих органов епархиального управления и суда согласно с каноническими соборными началами

Центр епархиального управления и суда – епископ. Первая и самая главная обязанность его, как руководителя пастырей, по указанию апостола, сводится к тому, что он должен давать собой образец пастырского душепопечения как словом, знанием, так и особенно своей жизнью, своей личностью, своим деятельным отношением к пастве и духовенству. «Будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте», – говорит апостол Павел Тимофею (1Тим. 4:12). В действительности же как паства, так и пастыри в общем весьма редко видят своего архипастыря. Причины этого кроются в нынешней сложной централизации церковного управления, благодаря которой на епископе лежит такая масса самых разнообразных дел и столько за них ответственности, что исполнение одних этих дел в епархиях обширных поглощает весь досуг епископа; прямые же его обязанности естественно отходят на второй план, затемняются и в значительной своей части совершенно не выполняются им. Отсюда естественный выход: необходимо освободить епископов от юридических обязанностей, дать им возможность выполнять живые обязанности пастыреначальника – словом и делом непрестанно учить паству и пастырей, властвовать над душами человеческими, повсюду разнся любовью и милосердие, правду и свет. Выполнить и осуществить эту освободительную миссию во всей широте могут только люди разнообразного и широкого жизненного опыта, каковыми, несомненно, и явятся члены Всероссийского Поместного Собора.

Существующие консистории следовало бы заменить советом пресвитеров при епископе, давши ему характер живого, постоянно действующего под личным председательством епископа, административного учреждения. Опыт показывает, что консистории стали совершенно бюрократическими учреждениями, увеличивающими и усложняющими бумажное делопроизводство с длинной и тяжелой волокитой по поводу его. Будучи вспомогательным при епископе органом, посредствующим между ним и духовенством, консистории очень часто становятся в положение самодовлеющих административных учреждений. Самому епископу приходится иногда считаться с направлением того или другого дела, данным консисторией.

Совет пресвитеров должен состоять из лучших, опытных представителей духовенства (по назначению или выбору – как угодно), также заведующих отдельными учреждениями епархии (учебные заведения, свечной завод, дома призрения).

На заседаниях его докладываются важнейшие дела епархии, решаются и тут же утверждаются. Для подготовки этих дел необходимо иметь канцелярию при совете, которой дать право мелкие второстепенные дела приводить в исполнение своею властью, например: а) разрешать все хозяйственные распоряжения по надзору за церковно-причтовым достоянием, приобретением церковных земель, арендой их и проч. и б) самостоятельно ведать ведение и выдачу документов (исправление неправильных и восстановление пропущенных метрических записей, выдачу метрических свидетельств и свидетельств на права по происхождению).

В целях и в видах сокращения дел в епархиальном органе управления необходимо расширить компетенцию приходов, благочиннических советов и благочиннических съездов. Приходам должна быть предоставлена самостоятельность в удовлетворении неотложных нужд по храму и ремонту его во всех видах, за исключением случаев, предусмотренных законом (например, когда требуется поновление или реставрация древнего храма), в ревизии приходорасходных книг, документов по всем отраслям приходской жизни (храм, школы, богадельни и т. п.).

За благочинническими советами можно оставить те же задачи, которые они выполняют и теперь: расследование на месте и разрешение таких дел, как например, споры о разделе причтовых доходов от треб и от земли, решение мелких недоразумений членов причта между собой и с прихожанами (например, в случаях нетяжкой обиды словами, чрезмерного требования платы за требы и т. п.). Но состав советов следует увеличить до двенадцати человек, из них 6 лиц духовных и 6 светских представителей от церковных общин. Те и другие – по избранию.

Благочинническим съездам, при непременно участии представителей от церковных приходов, следовало бы предоставить: 1) выборы благочинного, помощника его, духовника и следователя, 2) подготовительное обсуждение дел, подлежащих разрешению епархиального

собора, и 3) братское обсуждение вопросов пастырской практики, изыскание мер к поддержанию веры и нравственности в приходах.

Следует установить твердым правилом обязательные ежегодные епархиальные соборы не для экономических вопросов, а для суждений по вопросам веры и нравственным и религиозной жизни приходов, о чем было сказано выше. Они должны действовать не рядом и не наравне с епископом, а должны быть органом совещательно-вспомогательным при нем, причем состав съездов ежегодно должен меняться так, чтобы чрез известные промежутки времени все пресвитеры могли пройти пред лицом своего епископа. При таких условиях епископу, особенно многолюдной епархии, облегчится живое общение с подведомыми ему пастырями, а чрез них ему будут ведомы нужды и интересы и пасомых.

Было бы согласно с церковными канонами, а для дела Церкви и очень полезно, если бы на эти съезды привлекались с правом совещательного голоса и избранные представители от церковных приходов, лучшие, благочестивые, ревнующие о деле Божиим.

Что касается церковного суда, то, в тех же целях облегчения епископа, с одной стороны, и с другой – для того, чтобы поставить суд на должную, присущую ему высоту, необходимо отделить его от администрации. Записка обер-прокурора Святейшего Синода за № 100 указывает, что по этому вопросу существует обширная литература, а в Синоде имеются не менее обширные материалы, доставленные туда в 70-х годах епископами и консисториями по требованию Синода. Обмен мнениями в литературе и отзывы епархиальных начальств были вызваны, как известно, учреждением при Святейшем Синоде по Высочайшему повелению Комитета для составления проекта о сокращении пределов церковной подсудности и о передаче многих дел из духовного суда в светский. Составленный из законоведов – лиц светских и духовных, под председательством архиепископа Литовского Макария, Комитет составил основные положения преобразования судебной части по Духовному Ведомству сообразно тем началам, на которых совершено преобразование судопроизводства по гражданскому, военному и морскому ведомствам, по применению этих начал, насколько окажется полезным и возможным, к свойству, целям и потребностям суда духовного. Проект Комитета литература встретила весьма сочувственно. В духе отделения суда от администрации и реорганизации его параллельно с судом гражданским высказалась и значительная часть епархиальных преосвященных с консисториями. Реформа церковного суда готова была завершиться, когда против нее выступил с армией бесчисленных доказательств канонист – профессор Московской духовной академии А. Ф. Лавров (впоследствии Алексий, архиепископ Литовский). В капитальном исследовании своем «Предполагаемая реформа церковного суда» (С.-Петербург, 1873) шаг за шагом он доказал всю неканоничность проектированной Комитетом реформы церковного суда. И реформа, благодаря этому, была погребена на 30 лет, вплоть до наших дней. Но, ниспровергнув реформу церковного суда, проектированную на началах суда гражданского, профессор Лавров научно констатировал факт, что нынешнее церковное судопроизводство несостоятельно как с внешней – процессуальной, так и с внутренней – доказательной стороны, и предложил свой проект преобразования церковного суда, с устранением недостатков суда, ныне принятого в Духовном Ведомстве и проектированного Высочайше учрежденным при Святейшем Синоде Комитетом. К этому готовому, по-видимому – строго согласованному и с церковным законодательством и с духом времени проекту церковного суда присоединяемся и мы.

5.Ежегодные соборы епископов областей под председательством митрополитов

Лучшим завершением начала соборности в управлении российской православной Церковью мы полагаем разделение всей Российской империи на церковные округа, с митрополитом в каждом из них.

В обширном царстве Русском, составленном из разнообразных племен и народов, ясно намечаются среди этих народов свои религиозно-бытовые особенности, свои особенные задачи церковной жизни, которые дают полное основание объединить ту или иную местность или племя в особую церковную область. Так, задачи устройства Церкви православной в отдаленных сибирских губерниях, с преобладающим инородческим населением, сами собою создают здесь свою область, у которой первая забота – просвещение язычников светом Христовой истины. Так, северо-западные губернии нуждаются в объединении их в один церковный округ для борьбы с обуревающим здесь католичеством. Епархиям юга России необходимо объединение для борьбы с шундизмом и сектами. .

Епископы всех епархий в указанных церковных областях должны ежегодно составлять соборы, по Апостольскому правилу, для рассуждения о догматах благочестия и для решения случающихся церковных прекословий (Апост. пр.37-е).

Правила Вселенских Соборов неоднократно напоминают о необходимости хотя бы одного собрания епископов в каждой области в течение года (1Всел. Соб.5-е; 4Всел. Соб.19-е; Антиох.20-е; 6Всел. Соб.8-е; 7Всел. Соб.6-е).

Само собой разумеется, что эти соборы должны устраиваться в тех городах, в которых будут иметь местопребывание областные митрополиты, при кафедрах этих первенствующих в области иерархов.

Предметами соборных суждений могли бы быть: а) дела веры и нравственности, б) миссия внешняя и внутренняя, в) дела судные по апелляциям на решение епархиального епископа, г) взаимные пререкания между епископами и подчиненным духовенством и все прочие беспорядки, злоупотребления, нестроения, как того требует 4-е пр. 1 Вселенского Собора.

Эти ежегодные областные соборы, являясь ясным выражением канонического устройства Церкви, в то же время поддерживали бы дух братского общения между епископами области; жизнь церковная в них находила бы свое выражение, а сама поместная Церковь области на этих соборах являла бы свою веру, свою заботу о нравственном и религиозном преуспевании своих членов.

Нет оснований опасаться, чтобы это деление России на церковные округа вредило единству и нераздельности Российской империи: и ныне гражданская и политическая жизнь ее, в различных областях (Польша, Кавказ), управляется своими законами, которые немало не ослабляют единства империи. Точно так же немало не будет поколеблено ни единство Церкви, ни единство церковного управления от предполагаемого разноместного и повременного составления в разных областях своих соборов.

В древней Церкви, по свидетельству Антиохийского Собора, епархиальные епископы собирались на соборы к своим митрополитам, а окружные митрополиты – к своим патриархам. И это постепенное восхождение дел церковных от епархиальных епископов к окружным митрополитам, а от них – к патриархам не разделяло Церковь, а наоборот, сплачивало и соединяло ее единством веры и упования.

Видимой главой Церкви, средоточием, к которому должны стекаться дела церковные из митрополичьих областей, должен быть, по нашему глубокому убеждению, Всероссийский святейший патриарх с постоянным при нем Синодом, имеющий свое местопребывание в царствующем граде Москве.

Предметы преподавания в предполагаемой пастырской школе и распределение их по классам

		Число уроков	Классы 1 2 3			
1	Священное Писание	17	6	6	5	Прежде преподается Новый Завет, потом Ветхий. Частнейшее распределение должно быть предоставлено преподавателю. Необходимым условием должно быть одно: программа каждого курса представляет собой нечто законченное
2	Патрология	4	4	–	–	Преимущественно, если не исключительно, изучается литература «Золотого века» и непременно по памятникам
3	Основное богословие	4	–	2	2	В первый год изучается вторая часть курса основного богословия, – религии вне христианства, во 2-й – первая, собственно апологетика
4	Догматическое и сравнительное богословие	6			6	При изложении собственно откровенного учения об основных истинах христианства, преподаватель непременно должен воспроизводить с учениками все, что стало им известным и из других наук (главным образом церковной истории) такого, что может способствовать ясности отчетливости и раздельности в усвоении христианских истин; кончая, ученики должны быть в состоянии подробно и обстоятельно раскрывать православно-христианское мировоззрение. Основательное знание истинного христианства даст им возможность легко разбираться в заблуждениях инославия
5	Нравственное и пастырское богословие	6			6	Ученики должны быть ознакомлены не только с откровенным и святоотеческим учением о христианской нравственности, но и с чисто философским, чрез изучение наиболее капитальных трудов философов-моралистов иностранных и русских. При такой широкой постановке нравственного богословия, пастырское богословие, естественно, может быть только частью его
6	Церковная история всеобщая	5	–	5	–	При изучении истории должно быть обращено серьезное внимание не только на твердое, сознательное усвоение учениками отдельных фактов истории, но и на умение выяснять ими внутреннюю связь как между отдельными явлениями той или иной эпохи, так и между самими эпохами, иначе говоря – должно быть обращено серьезное внимание на философию истории, так как только при этом условии история может быть лучшею нашей учительницею
7	Церковная история русская	4	4			
		Число уроков	Классы 1 2 3			
8	Сектантство и раскол	6		6		Должно быть обращено особенное внимание на обличение сектантства, ввиду широкого распространения его в Тамбовской губернии; желательно, чтобы изучение этого дела велось не теоретически только, но и практически
9	Церковное право	3	–	–	3	Необходимо, чтобы ученики знакомились и с действующим церковным правом
10	Гомилетика (практические уроки)	4	2	2		Ученики должны быть ознакомлены с особенностями церковного красноречия; общие всем литературным произведениям характерные черты предполагаются уже известными поступающим в пастырскую школу; как образец для подражания, ученикам могут быть указаны один или два новейших оратора, которых они и проштудируют во внеклассное время
11	Литургика (практические уроки)	2	2			Литургика, как наука, объясняющая богослужение, может и не быть в пастырской школе; ученики, основательно изучившие историю Церкви вселенской и русской поместной, в состоянии

				объяснить все праздники и особенности богослужения по векам; основательное же знакомство с догматикой, каноникой и пастырским богословием даст им возможность правильно понимать и объяснять смысл богослужебных песнопений; для ознакомления же учеников собственно с книгами богослужебными достаточно и двух недельных уроков в течение одного года
12	Методика Закона Божия	1	– 1 –	Основные начала успешного обучения вообще предполагаются известными ученикам по общеобразовательной школе
13	Философия и психология	4	4	Философия и психология в общих чертах предполагаются известными поступающим в пастырскую школу, поэтому здесь этим предметам должна быть дана серьезная и широкая постановка; желательно, чтобы ученики ознакомились с новейшими трудами в области этих наук
14	Греческий язык	6	2 2 2	Люди взрослые и при этом числе уроков будут в состоянии освоиться с языком настолько, чтобы разбираться с помощью словаря в чтении текста Нового Завета
15	Еврейский язык	6	2 2 2	Во внеклассное время для желающих
16	Церковное пение	6	2 2 2	В пятые часы

Останавливаясь на вышеприведенной таблице распределения предметов по курсам, комиссия имела в виду, с одной стороны, избежать тех ненормальностей, которые так сильно дали себя чувствовать в старой школе, а именно: дробности предметов, когда один и тот же предмет изучался в течение нескольких лет, иногда при разных преподавателях, когда объединить все ставшие известными ученикам сведения предмета не было никакой возможности, и во 2-х – многопредметности в классе, когда ученики старших классов семинарии должны были изучать от 9 до 13 разнородных предметов в один и тот же год, причем, естественно, мысль их не могла сосредоточиться ни на одном предмете – в результате апатия и верхоглядство; с другой стороны, придать курсу наук пастырской школы наибольшую стройность и гармоничность, чего также не было в семинарии. В предполагаемой пастырской школе на первом курсе ученики изучают собственно только 5 предметов: Новый Завет, патрологию, русскую церковную историю, философию и психологию; остальные предметы – гомилетика, литургия, греческий язык и пение, как изучаемые чисто практическим путем, едва ли будут много отнимать времени у учеников, скорее будут служить отдыхом; у учеников, думается, будет достаточно времени для самостоятельного чтения и размышления. Основательное же изучение предметов этого курса даст ученикам прочное основание для целого христианского мировоззрения, у них будет точка отправления при суждении о вопросах веры. На втором курсе ученики изучают только 4 предмета: Ветхий Завет, основное богословие, церковную историю всеобщую и сектантство, причем между предметами замечается очень большое сродство; ученики здесь знакомятся с религиями внехристианскими и заблуждениями, имевшими место в христианской вселенской и поместной русской Церкви. При усвоении ими на первом курсе Нового Завета и философии, все заблуждения и неправо́ые мысли нехристиан, христиан-еретиков и христиан-сеюантов для них будут вполне понятными и доступными для глубокого сознательного усвоения. На третьем курсе – 5 предметов: Ветхий Завет, апологетика, догматическое богословие, нравственное богословие и церковное право. Когда учениками хорошо будет усвоен Новый Завет и основоположительные с пророческими книгами Ветхого Завета, когда они хорошо ознакомятся с тем, как не должно мыслить о христианских истинах, создание целого, осмысленного христианского мировоззрения у учеников не будет непосильным делом для преподавателей этого курса. На выпускном экзамене ученики вполне могут показать свою зрелость (или незрелость) в отношении к пастырству.

**№60, преосвященного Тихона, епископа Пензенского, от 10
января 1906 года**

Во исполнение циркулярного указа Святейшего Синода от 27 июля минувшего 1905 года, за № 8, долг имею представить при сем в двух особых записках соображения по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви. Изложенные в записках соображения относительно церковной реформы высказаны были в общих чертах духовенством епархии в лице представителей его, бывших на епархиальном съезде в конце октября месяца, а по вопросу об усовершенствии духовных школ – в соединенных собраниях семинарской и училищных корпораций.

1. Возможный состав предполагаемого Поместного Собора русской Церкви

Из истории христианской Церкви видно, что, кроме собора апостольского, по временам, по мере надобности созывались соборы (очередные и экстренные) епархиальные, областные, поместные и вселенские. Простейшая форма соборов – соборы епархиальные, когда епископ созывал клириков и мирян своей епархии и рассуждал с ними о делах церковного управления, о вопросах веры и жизни христианской. Таков, например, собор по поводу ереси монотанитов в Анкире (2 в.) или в Арсиное, в Египте (3 в.), где Дионисий Александрийский «созвал пресвитеров, тамошних учителей и братий» для суждения о ереси хилиастов. С конца 2 в. появляются соборы областные – митрополичьи, поместные, а с 4 в. – вселенские. Так как канонических правил от 1 до 3 в. почти не сохранилось, кроме так называемых «Правил Апостольских», то о составе соборов во 2 и отчасти в 3 в. можно судить лишь по церковной практике. Членами епархиальных соборов были: епископ, клирики и миряне. Состав областных митрополичьих соборов, а равно и поместных, точно указывается правилами (37-е пр. Апост.; 16-е и 19-е Антиох. Соб. 341 г.; 4Всел. Соб. пр.19-е; 1Всел. Соб. пр.5-е). Соборы составляются из епископов, дважды в году (37-е Апост.; 20-е Антиох.) и непременно из всех епископов области (1Всел. Соб.5-е; Антиох.19-е); отсутствующие по уважительной причине обязаны грамотами изъявить свое согласие (Антиох.19-е). На соборе непременно присутствует митрополит области, без него собор признается не состоявшимся. (Антиох.20-е), при нем – «совершенным собором» (Антиох.16-е). Поместные соборы созывались по системе представительства, именно: «занимающие первые в области кафедры (митрополиты) присылают от своих соборов двух, или сколько изберут, епископов, в местоблюстители» (Карф.27-е). Таким образом, областные и поместные соборы созывались из епископов; об участии в них представителей от клира и мирян совсем нет упоминания в церковных канонах.

Что касается состава Вселенских Соборов, то совсем не существует правил, определяющих этот состав. Но, судя по древним обозначениям как самих Соборов, так и выработанных на них символов и догматов («собор 318 отец», «догмат 170 св. отец» и проч.), в составе Соборов исчислялись лишь епископы, созываемые по смешанной системе: прямого представительства от епархии, уполномочия от области, передоверия – член имеет два голоса – свой и соседа-епископа, заместительства – вместо епископа, по его доверию, является пресвитер, диакон или даже чтец епархии.

Итак, по церковным канонам членами соборов, кроме епархиальных, являются лишь епископы.

Церковно-историческая практика, однако, говорит, что на соборах присутствовали не одни епископы, но и пресвитеры и миряне, принимавшие участие в обсуждении вопросов. Это ясно видно из «Деяний соборов вселенских и поместных» (изд. Каз. Духов, акад.). На соборах вселенских принимали участие в обсуждении вопросов и подписались под «Деяниями» не только те пресвитеры, которые являлись заместителями епископов, но и те, которые явились от себя лично. На первый Вселенский Собор явились многие пресвитеры и диаконы и даже один языческий философ, долго рассуждавший на соборе о догмате Св. Троицы. Под деяниями 2 Всел. Соб. подписались: Флавиан и Елпидий, пресвитеры Антиохийские, Авсканон Апамейский, Тиран Аморийский и Елладий. Против их имен вовсе не существует приписки, что они – заместители своих епископов, тогда как все прочие пресвитеры-заместители такие пометки имеют. На некоторых заседаниях 1 и 4 Всел. Соб. присутствовали императоры Константин Великий и Маркиан, под правилами 6 Всел. Соб. сохранилась подпись императора Юстиниана. На 4 Всел. Соборе на некоторых заседаниях присутствовали (в центре собравшихся) «славнейшие сановники и знаменитейший сенат», Мамма – военачальник, Македонии – трибун, Флавий Флоренции – префект принимали участие в суждениях, а равно Аеций, архидиакон Константинопольский. Низложение Евтихия, помимо епископов, подписано 19 пресвитерами-архимандритами, 2 монахами-архимандритами и 1 диаконом-архимандритом.

Отсюда видно, что на Вселенских Соборах в суждениях принимали участие пресвитеры и миряне, но членами соборов считались лишь епископы. Иначе говоря, лишь епископам принадлежал решающий голос, прочим же присутствовавшим – совещательный. И в русской Церкви на соборах, состав которых известен, членами собора считались епископы; миряне и клирики, хотя и присутствовали, но лишь с совещательным голосом. Что же касается лиц

монашествующих, именно архимандритов и игуменов влиятельных монастырей, то на русских соборах им принадлежала более видная роль: постановления соборов скреплялись их подписями, т. е. им принадлежал, в известной мере, решающий голос. Применяясь к каноническим постановлениям и практике первых времен христианства, должно сказать, что состав предполагаемого Поместного Собора русской Церкви может быть таков: членами Собора, с правом решающего голоса, должны быть епархиальные епископы или их заместители. Монашествующие (архимандриты и игумены влиятельных монастырей), пресвитеры и миряне также могут участвовать на Соборе, но лишь с правом совещательного голоса и без права инициативы. Предложение новых вопросов со стороны пресвитеров и мирян на Соборе может быть допущено лишь в виде особых письменных докладов и записок, подаваемых на имя председателя Собора. Выборы пресвитеров и мирян для участия на Соборе могут быть совершены на епархиальных соборах, члены которых будут избраны на окружных съездах.

2. О разделении Всероссийской Церкви на церковные округа под управлением митрополитов

Церковные каноны и история Церкви ясно показывают, что причиной образования областных или митрополичьих Церквей было стремление к централизации, объединению нескольких однородных в том или другом отношении епархий. Связанные между собой или единством происхождения, или единством политических и социальных условий, эти епархии стремились установить в своей среде однообразный церковный порядок, достичь однообразных целей одинаковыми средствами. Вручая полноту объединительной власти епископу главного города, епископы частных Церквей обязывались все мероприятия, касающиеся Церквей, проводить в жизнь сообща, под водительством первого епископа, обязывая, в свою очередь, этого последнего не предпринимать ничего без общего со всеми епископами совета.

Церковные каноны точно устанавливают порядок митрополичьего управления. Обязанности епархиальных епископов по отношению к митрополиту состоят в следующем: 1) они почитают митрополита главой областной Церкви и возносят имя его в молитвах; 2) ничего, превышающего власть их, не делают без совещания с митрополитом; 3) помимо митрополита (и областного собора) не обращаются за судом или другими нуждами к иным митрополитам или к патриарху. В свою очередь и митрополит: 1) не имеет права делать распоряжения по области без совещания с епископами, 2) созывает областные соборы, 3) утверждает избрание епископов в области, 4) судит (соборно) епископов епархиальных. Равным образом и епископы области избирают митрополита своего и, при помощи соседних митрополитов, судят его (пр. Апост.34-е; Антиох.9-е; Двукр.14-е; Антиох.19-е; 1Всел. Соб.4-е; 4Всел. Соб.28-е; Сард.6-е; 3Всел. Соб.1-е и др.).

Возможно учреждение и в русской Церкви митрополичьего института. Несомненно, многие области Русской империи по составу населения, по языку, нравам, обычаям, по политическим и социальным условиям представляют нечто особенное. То же самое – и в церковном отношении. Например, губернии С.-Петербургская, Новгородская, Псковская, Олонецкая довольно однородны по населению и историческим традициям: в церковном отношении все эти губернии заметно испытывают напор протестанства со стороны Прибалтийского края и Финляндии. Губернии Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская и Витебская и в гражданском и в церковном отношении также представляют нечто обособленное, и здесь сильнее, чем где бы то ни было, чувствуется православием напор католичества и т. д. Естественно, что все такие области могут объединиться между собой при однородности церковных интересов и одинаковости религиозных задач. В таком обособлении некоторых церковных округов нет никакой опасности для единства православной Церкви, потому что население этих округов в сущности тождественно по своему племенному составу, обычаям, стремлениям и языку, и нельзя думать, чтобы языки малороссийский и белорусский в будущем могли получить большее распространение и большую обособленность, чем теперь. Напротив, можно надеяться, что, по мере образования народа они будут уступать место государственному и литературному языку – великорусскому.

Несколько иначе стоит вопрос о православной Церкви на Кавказе. Здесь может возникнуть (и возникает уже) стремление не к образованию особой митрополии, а к восстановлению автокефальности грузинской Церкви. С точки зрения христианства, для которого ценна самая душа человека, а не внешние политические, племенные, социальные и иные условия, ничего нет преступного в стремлении к автокефальности отдельных, резко обособляющихся племен (пр. Апост. 34-е). Для христианства важно прежде всего единство веры, а затем уже единство управления. Поэтому вполне возможно восстановление не только Грузинского, но и Имеретинского католикосатов, равно и Абхазского, но с тем однако, чтобы чисто русские приходы добровольно избрали подчинение одному из этих католикосатов, или подчинились чисто русским епископам для ограждения свободы во внутренней жизни церковных общин. Было бы желательно, чтобы в церковных вопросах, касающихся всей империи, представители Кавказского католикосата (или нескольких) объединялись на Поместном имперском Соборе.

На основании исторических, племенных, местных и иных условий возможно деление русской Церкви на следующие митрополии:

Город Петербург с уездом составляет патриаршую область, управляемую, при помощи викария, патриархом Всероссийским, епископом царствующего града.

1. Киевская митрополия. Епархии: Черниговская, Волынская, Подольская.
2. Новгородская митрополия. Епархии: Псковская, Олонецкая уезды Петербургской Рижская и Финляндская.
3. Московская митрополия. Епархии: Ярославская, Смоленская, Рязанская, Тверская, Владимирская, Костромская, Калужская, Тульская и Орловская.
4. Казанская митрополия. Епархии: Нижегородская, Тамбовская, Пензенская, Уфимская, Оренбургская, Симбирская, Самарская и Туркестанская.
5. Астраханская митрополия. Епархии: Донская, Саратовская, Ставропольская и Владикавказская.
6. Тобольская митрополия. Епархии: Томская, Екатеринбургская и Омская.
7. Литовская митрополия. Епархии: Витебская, Минская, Могилевская, Ковенская, Гродненская, Холмская и Варшавская.
8. Иркутская митрополия. Епархии: Енисейская, Забайкальская, Приамурская, Якутская, Владивостокская и Манчжурская.
9. Вятская митрополия. Епархии: Вологодская, Пермская и Архангельская.
10. Харьковская митрополия. Епархии: Воронежская, Курская и Полтавская.
11. Херсонская митрополия. Епархии: Екатеринославская, Таврическая и Кишиневская.
12. Кавказский экзархат (или католикосаты и русские епископы).

Отношение между митрополитом и епархиальными епископами устанавливается сообразно с канонами, но только в видах объединения действий группы епископов, облегчения центральной власти в административно-судебном отношении, но без личного подчинения епископов митрополиту, с возношением лишь его имени на молитвах вместе с именем патриарха. В своей епархии епископ – полновластный распорядитель и по отношению к уездным епископам занимает то же положение, что и областной митрополит – к областным епископам.

3. Об епархиальном управлении и суде

а) Об управлении

Основными побуждениями к преобразованию всего строя епархиального управления являются: 1) крайнее обременение епархиального епископа бумажным делопроизводством, препятствующим более живому и непосредственному общению епископа с паствой; 2) крайне обширные размеры епархий;

3) неудовлетворительное состояние духовных консисторий, ведающих – в судебно-административном отношении – бумажные отношения, и не живых лиц; 4) разобщенность в управлении епархией, которое ведают, в различных отношениях, всевозможные советы, комитеты, попечительства и т. д.

1. Современные размеры епархий чрезвычайно обширны и потому не могут, с пользой для Церкви Христовой, быть управляемы одним епархиальным епископом. Необходимо учреждение уездных викариев, которые и проживали бы в своих городах и в отношении к епархиальному епископу, которому должно быть усвоено наименование архиепископа, стояли бы точно так же, как областные епископы – к своему митрополиту (Апост. пр.34-е). Один епископ должен быть поставляем, самое большее, на 200 000 душ обоего пола православного населения. На первых порах в сан епископов могут быть возведены архимандриты значительных уездных монастырей или вдовы уездные протоиереи. Для освобождения епископа от чрезвычайного бумажного делопроизводства должен быть выработан точный перечень всех тех дел, которые могли бы решаться самостоятельно епархиальными учреждениями.

2. Современные духовные консистории должны быть преобразованы в совещательные, по административным вопросам, пресвитерские советы при епископе, по образцу таковых же советов первых веков христианства. Такие советы могут быть составляемы из 10–12 членов, избираемых наполовину епископом (члены постоянные), наполовину – епархиальным собором духовенства, на определенный срок, 3–4 года. Председателем совета является епархиальный епископ или лицо, особо уполномочиваемое епископом на время своего отсутствия по епархии и в других исключительных случаях. Пресвитерский совет должен обнимать все управление епархией, кроме суда, и объединять доселе отдельные управления свечными заводами, кассами, миссией и т. д. Для пользы и удобства дела пресвитерский совет может быть разбит на отдельные комитеты с особыми председателями, ведающие каждый особый круг дел, например: а) назначение и перемещение клириков; б) христианское просвещение и миссия, дела благотворительные; в) экономические дела епархии и самого духовенства; г) контроль учреждений в административном и хозяйственном отношении. Современная должность секретаря консистории, как государственного наблюдателя над епархиальным управлением, должна быть уничтожена; он остается лишь начальником канцелярии пресвитерского совета. Епископ с пресвитерским советом будет составлять высшую или вторую инстанцию в епархиальном управлении. Первую или низшую инстанцию будут представлять окружные или благочиннические советы, избираемые на окружных съездах духовенства, в количестве 5–6 лиц, из коих один назначается епархиальным епископом в председатели совета или благочинные. Члены совета и председатель назначаются на определенный срок. Предметы ведения окружных советов должны быть те же, что и пресвитерского совета при епископе, но лишь в сфере местных интересов. Те дела, которые и теперь подлежат решению благочинных без сношения с епископом, должны быть предоставлены советам. Мало того, круг этих дел, которым должен быть составлен точный перечень, будет увеличен, с целью облегчения епархиального епископа от непосильной работы и ввиду предоставления значительной самостоятельности приходам.

Журналы заседаний окружных советов через епархиальный пресвитерский совет докладываются епископу. Епархиальные съезды духовенства с участием мирян будут совещательными, периодическими советами при епископе по делам всей епархии, а окружные – по делам местным.

б) О суде

Церковные каноны (1Всел. Соб. пр.5-е; 3Всел. Соб. пр.5-е; 4Всел. Соб. пр.9-е; Антиох.пр. 9-е; Сард. пр.14-е; Антиох, пр.6-е; Карф. пр.37-е; Антиох. пр.4-е и 12-е; Карф.9-е и др.), практика первых веков христианства, постановления и практика русской Церкви (соборы 1551 и 1667 гг.) намечают следующие основные положения, касающиеся суда, которые должны быть приняты в основание настоящей реформы суда церковного:

1. Епископ есть единственное в епархии лицо, которому принадлежит право суда, и его суд обладает всею полнотою исправительных и карательных мер (до низвержения из сана включительно) относительно всех подведомственных ему преступных лиц.

2. Особо избранные пресвитеры явятся советниками и сотрудниками епископа по суду над клириками, монашествующие – по суду над иноками (Игнатий Богоносец. Поел, к Трал. гл. 7; Карф. пр. 7-е и 52-е; Феоф. Ал. пр. 14-е; пост. Соб. 1667 г.).

3. Особо избранные (постоянные) пресвитеры производят дознания и следствия по делам судным. В руководство им составляется точная и подробная инструкция.

4. По делам менее важным следует установить коллегиальные суды по округам (Кирилл. Ал. пр. 1-е), которые обо всех делах и о состоявшихся по ним решениях докладывают епископу. Коллегиальный суд округа будет низшею инстанцией, обжалование решений которого приносится суду епископа с избранными пресвитерами.

5. Высшими, сравнительно с судом епархиального епископа, инстанциями церковного суда должны явиться: 1) суд епископов (современной) епархии, во главе с архиепископом; 2) суд митрополита области, вместе с епископами, при участии заинтересованного в деле епархиального архиепископа; 3) суд правящего собора или Синода, во главе с патриархом.

4. Об епархиальных съездах

Епархиальные съезды должны быть преобразованы в епархиальные соборы, по образцу древнейших соборов 2 и 3 вв.; на этих соборах, под председательством епархиального епископа, должны присутствовать избранные на окружных съездах представители клира и мирян. Ведению епархиальных соборов подлежат: 1) дела веры и христианской нравственности, церковной дисциплины, христианского просвещения населения; 2) отношения к инославным и иноверным, организация епархиальных учреждений, избрание членов в эти учреждения; 3) меры, касающиеся церковного имущества и епархиальных учреждений экономического характера. Точная регламентация всех вопросов, подлежащих обсуждению съезда, должна быть выработана на соборе. В основание же должны быть приняты церковно-исторические указания на епархиальные соборы первых веков христианства и на совещательные пресвитерские собрания или советы при епископе.

5. О благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях

Нет никаких канонических оснований для такого или иного устройства отдельной христианской общины или прихода. Древняя восточная Церковь знала одну городскую общину, и сообразно ее политическому и социальному устройству практически организовался приход. Но если бы Церковь, применяясь к городской общине, дала общие правила устройства приходов, то эти правила могли бы оказаться совершенно неприменимыми у народов с иным уровнем культуры, с иной социальной структурой.

Древняя русская Церковь устраивала приход, применяясь к социальному устройству русского населения. Как кажется, городской приход древней Руси имел менее устойчивое устройство, потому что социальный строй города был менее целостным. Напротив, деревенская община вылилась в более устойчивые формы, и потому устройство деревенских приходов было более однообразным. Деревенская община сообща владела и распоряжалась землею, сообща стремилась к осуществлению общинных интересов, отстаивала их от покушений со стороны, на общинные средства приобретала необходимое для общины. Естественно, что одинаковые для всей общины религиозные интересы попали в общий круг общинных интересов и оберегались и выполнялись тем же путем, как и все другие интересы: свой храм, построенный и содержимый на общие средства; свой местный священник; свое избранное и доверенное лицо для распоряжения церковным хозяйством, неотъемлемость хозяйства этого и употребление его на нужды общины – на тот же храм, на содержание сирых и убогих и т. д.

С течением времени община, однако, потеряла свою самостоятельность, когда из-за политических и экономических соображений была подчинена власти служилого сословия. Общинное имущество и сами общинники стали частной собственностью служилого класса. Естественно, что и в церковные заботы общины стала вмешиваться власть помещика или вотчинника, общинный храм поступил во власть вотчинника, пастырь стал выбираться или назначаться с согласия вотчинника. А так как, при таком порядке вещей, личность пастыря оказывалась иногда в ненормальном положении, то центральная духовная власть приняла все меры, чтобы раскрепостить личность священника, а равно и раскрепостить самый храм. Но этого нельзя было сделать иначе как, сделав священника независимым от управляемой помещиком общины и объявив имущество храма общецерковным имуществом. Общине осталось право заботы о храме и причте, а право распоряжения тем и другим было отнято. Так совершился упадок древнерусского прихода и изгнание выборного начала в духовенстве. Со времени освобождения крестьян права сельской общины, хотя и значительно разложившейся в социальном отношении, были значительно усилены, и потому немедленно был поднят вопрос об автономии общины и восстановлении выборного начала в духовенстве. 80-е и 90-е годы, совпавшие с усилением посторонней для общины власти, снова вернули общину к положению до 1861 года. Государственные акты 1905 года предоставляют полную автономию общине, которая немедленно должна отразиться и на церковном деле. Автономные во всех других отношениях, общинники, несомненно, пожелают быть автономными в распоряжении церковным имуществом и влиятельными в выборе клира. Церковной власти следует наперед пойти навстречу приходу, провозгласив, как незыблемые нормы, следующие положения: 1) церковный приход есть собрание верующих людей, соединенных братской любовью и направляемых пастырем к лучшей и вечной жизни. 2) Он руководится в своей жизни и деятельности незыблемым церковным законом, опирающимся на слово Божие и постановления соборов. 3) Епископ в епархии есть верховный распорядитель о делах веры и нравственности, а равно и церковного имущества.

4) Церковное имущество в собственном смысле, т. е. имущество самого храма (утварь, капиталы, современные доходы и пр.), а равно и причта (дома, земли, капиталы), может быть употребляемо на нуждающихся, на нужды клира, на странных братий, на вдов и убогих (Антиох.25-е; Феоф.11-е), и в распоряжении этим церковным имуществом приход может принимать участие под ближайшим контролем священника и под высшим, согласно канонам и существующим узаконениям, контролем епископа. 5) Приход, как юридическое лицо, может приобретать движимые и недвижимые имущества и составлять капиталы на религиозно-просветительные и иные цели. Заведование и расходование этого рода имущества совершается, через приходский совет, по воле общеприходского собрания. 6) В каждом приходе организуется

общеприходское собрание из всех правомочных, достигших 25 лет, членов прихода мужского пола, избирающих свой исполнительный и распорядительный орган – приходский совет, с настоятелем во главе. 7) Выборы клириков должны происходить согласно 7-му пр. Феоф. Ал., а именно: на окружном собрании духовенства, в присутствии депутатов от прихода, намечаются кандидаты на вакантное место клирика в приход округа. Избранные кандидаты представляются епископу, который волен избрать любого из них или отвергнуть всех и указать на своего кандидата.

6. О положении православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам, инославным и иноверным

Указом 17 апреля 1905 года предоставлена веротерпимость всем вероисповеданиям империи; манифестом 17 октября даруется полная свобода совести всем гражданам России: каждый имеет право проповедовать и исповедовать любую веру или не исповедовать никакой. Государство более не оберегает православие; эта задача предоставлена самой православной Церкви и ее пастырям, которые самим делом теперь обязуются принять все зависящие от них меры, чтобы выдержать борьбу с врагами Церкви Христовой вообще и православия в частности. А для сего пастырям Церкви следует прежде всего быть во всеоружии богословского знания – не только своего собственного вероучения, но учения и вероучения иномыслящих. Должно в духовной школе усилить миссионерский элемент – защиту христианства и оправдание православия (апология христианства и апология православия против неверующих, против инославия, сектантства и раскола). Современное миссионерство может быть оставлено лишь в качестве вспомогательного средства, все же усилия духовной власти и школы направлены на развитие проповедничества и миссионерства приходских пастырей, борьбы их с неверием и иноверием. В частности, очень трудно установить те формы или приемы, в каких должна выражаться эта борьба. Формы и приемы могут зависеть от местных условий и от личности противников православной Церкви. Опасно устанавливая форму, забыть о духе. Без духа можно установить мертвую форму, живой дух сам найдет тысячи приемов и форм – устное слово, печать, братский союз, дело благотворения и т. д.

Напрасно обращаться к канонам за указанием, какими приемами действовать на заблуждающихся. Как и следовало ожидать, они не хотят дать ни одного предписания живому духу веры о формах и приемах борьбы. И слово Божие и каноны говорят лишь о том, что заблуждающегося, еретика нужно учить, наставлять, убеждать неоднократно, временно и безвременно: неведающему Бога следует принести «благую весть» освобождения. А затем и слово Божие и каноны говорят, что того, кто окажется безусловно упорным, над кем испытаны все меры кротости и увещания, того следует отделить от верного стада. Но это вовсе не значит, что надежда, по его отделении, должна быть потеряна на обращение заблуждающегося. Она никогда не может быть потеряна – искра Божия в душе человека неистребима.

7. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях

Выходя из того положения, что невозможно «двум господам работать – Богу и мамоне», правила вселенских и поместных соборов не только воспрещают клирикам входить в распоряжения мирскими делами, т. е. по преимуществу экономического характера (4Всел. Соб. пр.3-е; 6Всел. Соб. пр.10-е; Карф.19-е; Апост.20-е), но и вступать в мирские начальственные должности и вообще в мирской чин (4Всел. Соб. пр.7-е; Двукр. пр.11-е). Отсюда, по-видимому, следует необходимое заключение, что лица, принадлежащие к клиру православной Церкви, не имеют права быть избираемыми, на одинаковых основаниях со всеми гражданами империи, в Государственную Думу и земские собрания, а могут быть посылаемы или от лица Церкви или от лица епархиального епископа в качестве их представителей.

Однако подобное заключение будет не только неправильно по существу дела, но и вредно для Церкви и положительно невыполнимо с юридической стороны. Наконец, оно не мирится с церковно-исторической практикой.

1. Клирик, попавший тем или иным путем в общественное учреждение в качестве представителя, вовсе не должен будет работать «двум господам», а одному Господу, на пользу православной Церкви, отстаивая ее интересы и задачи, проводя в решениях о чисто мирских делах христианские начала любви и мира.

2. Отсутствие в государственных учреждениях официальных представителей Церкви будет, с одной стороны, означать, что Церковь отказывается проводить христианские начала в общество путем, признанным в государстве законным и естественным, а с другой – будет положительным вредом для Церкви, если законодатели страны не выслушают голоса защитника христианства и православной Церкви.

3. Присутствие клирика или епископа в государственных учреждениях может быть осуществлено в настоящий момент, при современной избирательной системе, только путем непосредственного избрания от населения, но никак не путем полномочия от Церкви, как учреждения, или духовенства, как сословия. Избирательная система, устанавливаемая государством, обязательна для клирика не только как гражданина, но и как клирика, ибо законодательство христианских императоров о Церкви и клире с 4 века и далее признавалось источником церковного права.

4. Участие клириков или епископа в Государственной Думе вполне будет соответствовать участию высших церковных сановников, обычно патриарха и епископов, не только в повременных земских соборах древней Руси, но и в постоянном сословном представительном учреждении – боярской думе.

**Соображения о реформе духовной школы, высказанные на соединенных
совещаниях членов семинарской и училищных в городе Пензе корпораций,
бывших 20,22,28 сентября, 2 и 18 октября 1905 года**

Устав духовных семинарий 1884 года, внесший в организацию наших духовно-учебных заведений много важных и существенных особенностей сравнительно с уставом 1867 года, не чужд некоторым недостаткам, к числу которых на первое место нужно поставить слияние двух целей, которые должны преследовать эти заведения, т. е. доставление обучающемуся в них юношеству общего образования и в то же время, так сказать, одновременно с этим – приготовление его к прохождению пастырского служения. Для достижения этой двойственной цели устав расположил учебный материал таким образом, что изучение предметов богословского курса начинается с низших классов семинарии и продолжается на протяжении всего семинарского курса. Одновременно с этим проходятся и предметы курса общеобразовательного, с явным, однако, предпочтением в пользу курса богословского. Следствием этого явилось то, что курс общеобразовательный отодвинут на второй план и сдвинут в такие тесные рамки, которые не отвечают уже требованиям современного научного знания и тем запросам, которые предъявляет учащимся сама жизнь. С другой стороны, и изучение богословских наук не может быть поставлено на надлежащую высоту. Не может быть, например, речи о научной постановке библейской истории (во 2-м кл.), когда еще не пройден курс Св. Писания; не своевременно приступить к изучению церковной истории (в 3-м кл.), в особенности ее важнейших отделов о ересях и вселенских соборах, когда не окрепло еще логическое мышление учащегося, не пройдены логика, психология и философия. Следствием этого является то, что науки эти, сами в себе представляющие высокий и живой интерес богословского знания, усваиваются учащимися поверхностно, малосознательно.

Такая постановка учебного дела едва ли может быть признана нормальной. Нужно иметь в виду и то, что не все воспитанники семинарии идут в духовное звание, иные стремятся в высшие учебные заведения; а между тем двери университета и других высших школ для них закрыты при существующих в семинарии программах общеобразовательного курса, и они вынуждены или путем самообразования добиваться своей цели, или волей-неволей надевать рясу. Каковы выйдут из этих последних пастыри Церкви, угадать не трудно.

1. Необходима коренная реформа духовно-учебных заведений. Духовная семинария, поставляя своей целью воспитание человека-христианина в духе православной Церкви, должна прежде всего доставить своим питомцам общее образование – настолько полное и законченное, которое юноше, почувствовавшему призвание к пастырству, послужило бы подготовкой к прохождению специально-богословского курса, а стремящемуся к иным жизненным поприщам – к поступлению в университет и другие высшие специальные училища.

Соответственно сему курс семинарских наук должен распасться на: а) общеобразовательный, по объему не только равный курсу гражданских гимназий, но даже выше его, полнее, систематичнее, основательнее, и б) специально-богословский для приготовления к прохождению пастырского служения. Первый обнимет четыре класса училища и первые четыре класса семинарии, последний – пятый и шестой (а может быть, нужно будет ввести и седьмой).

По вопросу об организации этих курсов высказано было два мнения. По одному мнению, должно быть образовано два типа школ, два совершенно отдельных друг от друга учебных заведения; одно могло бы получить название гимназии, другое – церковно-богословской школы. Каждое из них должно иметь свой особый строй и распорядок, уклад жизни, строго сообразованный с целями и задачами этих школ. Такая обособленность нужна главным образом церковно-богословской школе, где все – выбор предметов, характер обучения, приемы воспитательного воздействия, внутренний строй жизни (режим) – все должно быть сообразовано с потребностями пастырского служения и направлено к воспитанию просвещенных, религиозно-настроенных учителей веры и нравственности.

По другому мнению, эти-то именно качества, желательные в питомцах богословской школы, этот-то особый их режим, их особая настроенность и могли бы благотворно влиять на питомцев общеобразовательной школы, в которой также должно быть развиваемо и укрепляемо религиозно-нравственное чувство путем воспитательного на них воздействия в духе православия и строгого исполнения христианских обязанностей. Общение богословской школы с

общеобразовательной внесло бы единство и целостность воспитательной системы и придало бы последней тот особый колорит, которым она выгодно отличалась бы от так называемых светских школ. В этом-то особом колорите и заключалось бы ее право на существование. Иначе излишним представлялось бы само учреждение такой общеобразовательной школы, раз имеется общегражданская гимназия, в которую духовенство могло бы отдавать своих детей. Этим путем – путем организации особого типа семинарии – легче можно было бы привить ее питомцам предрасположение к высокому подвигу пастырства.

По всестороннем обсуждении вопроса о желательном типе духовной школы большинство высказалось за второе мнение, т. е. за реформу семинарии и духовных училищ в духе устава 1867 г., с расширением и выделением, курса общеобразовательных наук от наук богословских и установлением особого режима для воспитанников богословских классов.

2. Учебные предметы

Учебные предметы общеобразовательного курса:

Священная история.
Катехизис и учение о богослужении.
Чтение священных книг Ветхого и Нового Завета.
Церковная история (курс эпизодический).
Пение.
Чистописание, черчение и рисование.
Языки: русский и церковно-славянский, французский и немецкий, греческий, латинский.
Теория словесности.
Литература – общая и русская.
География.
История гражданская – общая и русская.
Арифметика.
Геометрия.
Алгебра.
Прямолинейная тригонометрия.
Физика с космографией.
Естествоведение.
Логика.
Психология.
Философия и ее история.
Законоведение.
Священная история.
Катехизис и учение о богослужении.
Чтение священных книг Ветхого и Нового Завета.

Учебные предметы богословского курса:

Священное Писание.
Догматическое богословие.
Нравственное богословие.
Основное богословие.
История и обличение раскола.
Литургика.
Гомилетика.
Каноническое право и пастырское богословие.
Церковная история (курс систематический).
Педагогика и дидактика с практическими занятиями в образцовой школе.
Еврейский язык.
Священное Писание.

Примечание 1. По вопросу о распределении учебного материала по предмету Священного Писания было высказано два мнения. Первое: в современном обществе наблюдается одно весьма прискорбное явление: часто люди образованные, иногда даже ученые, оказываются почти незнакомыми с Евангелием, иные не прочитали его и одного раза; отсюда – смутные понятия о сущности христианства, отсюда – шатание религиозной мысли, индифферентизм. Поэтому необходимо в общеобразовательный курс ввести изучение Евангелия, как заключающего в себе основы христианской жизни. Что же касается других книг Ветхого и Нового Завета, то они могли бы быть изучаемы в богословских классах как предмет специальный.

Другое: Священное Писание не есть только учебный предмет богословского курса, знание его необходимо для всякого просвещенного христианина – и не только в объеме Евангелия, но в полном составе святых книг Ветхого и Нового Завета. Школа должна привить расположение, привычку, любовь к святой Библии, а потому ей должно быть отведено первое место как в общеобразовательной, так и богословской школе. При этом ввиду тесной связи между Новым и Ветхим Заветом, из коих первый является раскрытием и завершением Ветхого, – чтение и изучение Ветхого Завета должно предшествовать Новому. Желательно поэтому, чтобы изучение Священного Писания Ветхого Завета в главнейших его отделах и Евангелия завершено было в первых четырех классах семинарии, что создало бы основательную подготовку к изучению богословских наук. Остальные же отделы Ветхого и Нового Завета, а равно отделы исагогического характера могли бы быть отнесены на богословские классы. Принято второе мнение.

Примечание 2. Преподавание гомилетики должно носить практический характер и состоять не столько в изучении теории и готовых образцов, сколько в приготовлении учащихся к прямому делу пастырского служения – проповедничеству, упражнение в котором и должно быть существенным занятием в школе, с целью выработать в будущих пастырях умение говорить просто, понятно, некнижно, говорить экспромтом, свободно и вместе с тем назидательно, учителью; ибо учить есть самая главная, самая существенная обязанность пастыря, по слову Спасителя: «Шедше научите...».

Примечание 3. О преподавании церковной истории было высказано мнение, что предмет этот должен быть сохранен в числе общеобразовательных как потому, что иначе само общее образование было бы неполно, так и потому, что в противном случае желающие поступить из 4-го класса в университет вынуждены будут сдавать дополнительный экзамен по этому предмету. В общеобразовательных классах можно бы ввести курс эпизодический, сохранив систематический курс для богословских классов.

Примечание 4. В курсе истории литературы следует сохранить только краткий очерк истории ее до Пушкина и ввести подробное изучение художественных произведений новейшего времени – как русских, так и иностранных, поскольку эти последние оказывали влияние на первые, и весь курс заканчивать в 4-м классе (семинарии).

Примечание 5. Полезно было бы внести эпизодический курс русской истории в младших классах (в духовном училище) и систематический курс в семинарии завершить повторительным в 4-м классе, при двух годовых уроках.

Примечание 6. Курс математики необходимо сравнивать с курсом реальных училищ и ввести преподавание алгебры в расширенном виде и прямолинейной тригонометрии; к курсу физики присоединить космографию.

Примечание 7. По одному мнению, греческий язык в курсе общеобразовательной школы должен остаться обязательным, как безусловно необходимый при изучении Св. Писания Нового Завета и других богословских наук в семинарии и духовной академии. Число уроков по греческому языку, однако, не должно быть так велико, как в настоящее время, и конечной целью его должно быть поставлено основательное знакомство с языком Нового Завета. Изучение его можно начать с первого класса семинарии.

По другому мнению, ввиду того, что греческий язык удерживается в семинарии не в качестве общеобразовательного предмета, а как прикладное знание для более успешного прохождения богословских наук, можно сохранить его только как необязательный – для желающих проходить богословский курс в семинарии и духовной академии. В противном случае это было бы только излишним обременением учащихся при многопредметности общеобразовательного курса.

Примечание 8. Относительно латинского языка было высказано также два мнения. По одному – латинский язык должен изучаться наравне с другими обязательными предметами, хотя в объеме и меньшем курса гражданских гимназий, ввиду того, что знание его необходимо для высшего образования и для изучения филологии, юридических наук, медицины и проч., и исключение латинского языка из предметов общеобразовательной школы повлечет за собою на практике большие неудобства, каковы, например: ограничение доступа в университет и академии или требование поверочного экзамена.

По другому мнению, латинский язык, признаваемый необходимым только для высшего образования, мог бы быть оставлен в семинарии только как предмет необязательный – для желающих. Изучение его может начинаться с 1-го класса (семинарии).

При обсуждении мнений о преподавании классических языков, изучение их признано полезным как для общего образования, так и для более успешного прохождения богословских наук, и выражено желание оставить их в числе предметов обязательных, с возможным, однако, сокращением количества уроков сравнительно с расписанием 1884 г.; изучение латинского и греческого языков признано более удобным начинать с 2–3 классов училища.

Примечание 9. Новые языки – французский и немецкий – должны быть предметами обязательными, причем обязательен должен быть один язык – по выбору учащихся.

Примечание 10. Как новый предмет, в курс общеобразовательный вводятся науки естественные (природоведение), с одной стороны, ввиду важного значения естественных наук для общего развития, а с другой и главным образом – в целях наилучшей подготовки к более сознательному и успешному усвоению наук философских и богословских. Описательная часть в минералогии, ботанике и зоологии может изучаться в младших классах (в училище) параллельно с уроками географии, но изучение внутреннего строения и жизни растительного и животного царства, а также сообщение важнейших сведений из геологии и космологии и более обстоятельное ознакомление с минералогией и химией – желательно приурочить к более старшим классам и поставить дело так, чтобы после ознакомления с жизнью неорганической и органической природы воспитанники уже тотчас приступили к изучению психологии и философии.

Примечание 11. Законоведение (тоже новый предмет) должно поставить своей задачей раскрытие основных положений государственного права, знакомство с которыми необходимо для каждого гражданина, на каком бы поприще он ни проходил свое общественное служение.

Примечание 12. Еврейский язык остается как предмет необязательный.

Примечание 13. На эстетическое воспитание учащихся необходимо обратить особое внимание. Желательно открытие уроков музыки, рисования и живописи с низших классов, т. е. с духовного училища.

Примечание 14. В интересах физического воспитания, в казенных и епархиальных общежитиях необходимо устройство классных помещений, отдельных от комнат для вечерних занятий, так как в противном случае нет возможности надлежащим образом вентилировать классные комнаты и воспитанники вынуждены весь день дышать испорченным воздухом.

Примечание 15. В интересах учебно-воспитательного дела весьма желательно, чтобы состав учеников в классе был невелик и во всяком случае не превышал 30 человек.

Примечание 16. Ввиду сложности классных занятий, необходимо ввести 5 ежедневных уроков в 50 минут каждый, так чтобы уроки, начинаясь в 8 час. 30 минут утра, оканчивались в 1

час 40 минут, вместе со сменой после каждого урока в 15 минут.

Примечание 17. Крайне необходим тщательный пересмотр и основательная переработка программ и объяснительных к ним записок по всем предметам общеобразовательного и богословского курса, соответственно современному состоянию науки и новым требованиям от духовной школы. Желательно, чтобы при разработке программ призваны были к живому участию преподаватели духовных семинарий и училищ, как люди практически знакомые с существующей постановкой учебных предметов и потому в достаточной степени компетентные в вопросах о желательном объеме и содержании учебных курсов и методах преподавания.

3. Письменные работы в первых 4-х классах училища и двух классах семинарии полезно было бы сосредоточить по преимуществу в руках преподавателей русского языка и словесности, в целях наилучшей выработки в учащихся общелитературных приемов изложения мыслей, прежде чем будут предлагаемы им научного характера работы (так называемые сочинения) по вопросам истории, психологии, философии и наук богословских, по каковым предметам тоже должны быть даваемы работы в 3-м и 4-м классах. Усиленный труд преподавателей русского языка и словесности по просмотру и исправлению письменных работ должен быть в достаточной степени материально вознаграждаем.

4. В печати и обществе много говорили и говорят о балльной системе; много голосов раздается и «за» и «против» нее. В последнее время заговорили о ней и сами школьники. По мнению одних, практикуемая в настоящее время балльная система вредно влияет на учебно-воспитательное дело; она держит учащегося в постоянном страхе за свое положение в школе, часто – за свою участь; парализует его ум, волю и энергию; убивает в нем самостоятельность и инициативу в выборе и распределении учебных занятий; создает ненормальные отношения между учеником и учителем, приучая ученика смотреть на учителя не как на своего лучшего друга, каковым учитель и должен бы быть, а как на злейшего своего врага; вырабатывает в ученике отвращение к учебным предметам и даже учебным книгам; приучает ученика ко всяческим уловкам и обманам ради получения спасительной тройки и избежания злополучной единицы, которая часто бывает для него источником злоключений в школе и семье; в так называемых «хороших» учениках развивает тщеславие, самомнение, пренебрежительное отношение к «плохим», а в этих последних – какую-то приниженность, забитость, виноватость – класс делится на овец и козлищ; наконец, балльная система часто вооружает семью против школы и делит их на два враждебных лагеря. Нужно уничтожить это средостение; нужно развить в ученике доверие, уважение и любовь к школе; нужно возбудить в нем интерес к изучаемому предмету, развить в нем привычку к труду. Тогда не нужны будут такие побудительные меры, как единица или пятерка. Личность учителя выступит перед учеником в ином освещении, как опытного руководителя, наставника в лучшем значении этого слова. Зорко следя за умственным ростом своего питомца, отмечая все недочеты его знания, укрепляя его мысль, развивая в нем самостоятельность, инициативу и энергию в труде, постепенно раскрывая перед ним широкие горизонты научного знания, учитель поведет вперед своего ученика без принуждений, без угроз, без выставления к позорному столбу перед целым классом. Пропадет тот страх и трепет, который охватывает класс при возгласе: «Учитель идет!»; перестанут детские руки судорожно перелистывать страницы учебника в напрасном усилии сразу поглотить их содержимое, чтобы не «срезаться», не получить единицы. Класс встретит учителя без боязни, без замиранья сердца, и – дело учителя восторжествует. С таким учителем ученик охотно будет заниматься, и поощрение учителя будет для него лучшей наградой. При такой постановке дела нет надобности учителю ловить ученика на каждом промахе, каждой ошибке в ответе и оценивать этот промах соответствующим баллом в классном журнале; достаточно краткой характеристики успешности или неуспешности ученика за известный период времени за месяц или за два. Такие характеристики учитель представлял бы педагогическому собранию к сведению и для принятия мер в случаях упорной лености ученика, недостаточной подготовленности к прохождению предмета, неспособности и т. п. Пришлось бы сохранить балловую систему только на приемных и выпускных экзаменах ввиду конкурса, возможного при приеме как в низшие, так и высшие школы; да и то – как меру временную. Дай Бог, чтобы настало скорее такое время, когда двери школы были бы широко раскрыты для всех стремящихся к духовному свету образования. Пусть конкурсы отойдут в область предания, и пусть история заклеит их позором, как свидетельство нашей некультуры.

Желательно уничтожение разрядов при переводе учеников из класса в класс и в особенности при выпусках их при окончании общеобразовательного и богословского курса; делом простой справедливости было бы предоставление всем окончившим курс права поступления в духовные академии и другие высшие учебные заведения без экзамена.

По мнению защитников балльной системы, в обществе и школе сложился ложный взгляд на сущность и значение ее в учебном деле. Никакими уставами и циркулярами она не трактуется как мера наказания или награды: она есть только известный прием для оценки степени успешности ученика. Существуют 12-ти, 10-ти, 5-тибалльные системы, существуют обозначения достоинства ученического ответа словами: удовлетворительно, неудовлетворительно, хорошо, очень хорошо, весьма хорошо и пр. и пр. Дело от этого не изменяется. Баллом или словесной характеристикой учитель только оценивает качество ответа и, стало быть, вопрос сводится к тому, имеет ли учитель право делать такую оценку. Едва ли могут быть два ответа на этот вопрос. Учитель не только имеет право, но и обязан это делать; иначе ему трудно будет, почти невозможно составить себе общую схему степени успешности или неуспешности ученика, в особенности при многолюдстве учеников в классе и многочисленности самых классов, в которых он преподает. Учитель вынуждается делать такие отметки прежде для своей памяти; занесет ли он такую отметку в ученическую тетрадь (к сведению родителей), или в учительский классный журнал (к сведению педагогического собрания), или в свою записную книжку (лично для себя), это все равно: отметка останется отметкой. Что неудовлетворительная отметка повлияет на ученика, встревожит его родителей, – в этом еще нет зла. Напротив, небрежно относящегося к делу ученика она заставит встрепенуться, родителей побудит внимательнее присмотреться к занятиям детей. Что же касается хороших отметок успевающим, прилежным ученикам, ученикам, то они в них тоже увидят только оценку их трудов, и это подвигнет их на дальнейшие труды. Стало быть, все дело сводится к тому, чтобы поставленная учителем отметка была строго беспристрастной, справедливой оценкой не природных дарований и способностей ученика, а его труда и знания. Вот где источник нареканий на балльную систему. В школьниках весьма сильно развито чувство справедливости. Малейшая несправедливость, проявленная в отношении к ним, вызывает в них чувство обиды, которое иногда может иметь весьма дурные последствия. Справедливо поставленная отметка никогда не вызовет со стороны ученика нареканий на учителя, и такие учителя обыкновенно пользуются уважением учеников.

По обсуждению мнений признано желательным: а) балльную систему, как более удобную, чем словесные характеристики, для оценки степени знания учащихся, сохранить; б) постановку балла за каждый единичный ответ признать необязательной и предоставить учителю право проставлять его, согласно репетиционной системе, по удостоверению учителя в степени усвоения учеником известного круга знаний, определяемого самим учителем; такие частичные баллы, по усмотрению учителя, могут быть вносимы в классный журнал или в учительскую записную книжку; и в) обязательно представлять правлению баллы по успехам учеников периодически, по четвертям учебного года, в назначенные правлением сроки.

5. Экзамены в том виде, как они практикуются в настоящее время, если и приносят свою долю пользы учебному делу, зато крайне обременительны для учащихся и отнимают у них массу дорогого учебного времени. Экзамены, по выражению одного авторитетного писателя, есть зло, хотя и неизбежное. Желательно по возможности ослабить силу этого зла. Можно бы годовые экзамены отменить и ввести переводы из класса в класс по удовлетворительным годовым отметкам преподавателей, а малоуспевших каждого класса по одному или двум предметам – подвергать поверочным экзаменам после летних каникул; в случаях же исключительных, по особому постановлению правления, допускать к таковому экзамену и малоуспевших по трем предметам. Необходимо сохранить приемные экзамены и выпускные при окончании как общеобразовательного (в 4-м классе семинарии), так и богословского (в 6-м классе) курсов.

6. Воспитательный надзор составляет большое место нашей школы. На количество учеников от 350 до 400 человек назначается инспектор и три помощника. Возложенные на них обязанности весьма разнообразны и сложны. Наблюдая за внешним порядком и дисциплиной в классное и внеклассное время, они должны в то же время следить и за состоянием физического здоровья учеников, и за успешностью их учебных занятий, и за нравственным их поведением, и за религиозной настроенностью, и даже за политическими их убеждениями; при этом они исполняют массу канцелярской и статистической работы, на них же возлагается труд по ведению ученической библиотеки; кроме того, инспектор является помощником ректора не только по

учебно-воспитательной части, но и по хозяйственной. При такой массе работы инспектор, при всей своей энергии, педагогической опытности, усердии в исполнении своих обязанностей, не может надлежащим образом выполнить главной своей функции – воспитательного воздействия на учеников. От его внимания нередко ускользает личность ученика с индивидуальными особенностями его темперамента, характера, воли, ума, степени развития, склонностей, слабостей и пр. Не всегда удается ему ознакомиться и с семейным положением питомца и с той средой, из которой он вышел или в которой вращается. А между тем при условии именно такого знакомства с личностью ученика только и возможно воспитательное на него воздействие, воспитательный надзор. Поневоле инспекция должна ограничиваться иногда только внешним, так называемым дисциплинарным надзором, наблюдением за исполнением учениками инструкции, наложением на них взысканий, представлением о их поведении или – лучше сказать – их неблагоповедении ректору и педагогическому собранию для принятия мер к предупреждению и пресечению проступков учеников.

Чтобы поднять воспитательный надзор на желательную высоту, на которой он достигал бы своей цели, в гражданских гимназиях предпринимались некоторые меры, а за последнее время делались попытки в этом направлении и в нашей школе: это – учреждение классных наставников. Но опыт гимназий не оправдал надежд, возлагавшихся на этот институт и, кажется, потому главным образом, что роль классного наставника сведена там к роли помощника инспектора и ограничилась выполнением разных канцелярских работ, как например: выпиской из классных журналов баллов по успехам и поведению учеников, сношением с родителями об уплате денег за право учения и т. п. Поэтому чего-либо живого этот институт и не мог внести в школу. В нашей семинарии классное наставничество не могло заметным образом проявить себя главным образом вследствие неопределенности созданного для него положения. «Быть духовником мысли учащегося» – как ни красиво это звучит, но едва ли не остается красивой фразой без более точного определения круга обязанностей и соответственных прав классного наставника в его отношении к ректору, инспектору, другим классным наставникам и – что самое главное – к самим ученикам. А между тем классное наставничество могло бы сослужить добрую службу делу воспитания. Стоя в непосредственной близости к своему классу как учитель, имея к нему доступ во всякое время, входя в его нужды и интересы, являясь советником и руководителем в случаях возникновения каких-либо недоразумений с преподавателями и начальством заведения, – классный наставник мог бы быть воспитателем в лучшем значении этого слова. Ему должно быть предоставлено руководство внеклассным чтением; он следит за поведением учеников и присутствует с ними при богослужении; посещает во всякое время общежития и квартиры учеников, сносится с родителями в случаях малоуспешного неблагоповедения воспитанников. Одним словом, классный наставник исполняет все обязанности по воспитательному и дисциплинарному надзору, которые в настоящее время возложены на институт инспекции. В интересах надзора за учениками во внеклассное время могли бы быть установлены дежурства классных наставников, по примеру учительских семинарий. Быть же классному наставнику с своими питомцами постоянно, денно и ночно, «стоять над их душою» – едва ли даже и педагогично. Следовало бы побольше оказывать им доверия, больше полагаться на них; можно бы предоставлять им некоторую долю свободы в поддержании установленного внутреннего распорядка и строя ученической жизни как общественной, так и личной, и тем способствовать выработке в них людей с устойчивым характером, сильной волей, энергией, инициативой, с сознанием нравственного и гражданского долга. Все, конечно, зависит здесь от нравственного облика самого воспитателя, педагогического его опыта и такта. Само собой понятно, что деятельность классного наставника будет только тогда плодотворна, когда она будет протекать в согласии и единении с другими наставниками. Уяснение прав и обязанностей классных наставников, согласование деятельности их в отношении друг к другу и главному руководителю воспитания – ректору и его помощнику, – все это должно быть предметом предварительного самого тщательного рассмотрения и внимательного обсуждения. Во всяком случае, дело нужно поставить так, чтобы «у семи нянек дитя не оказалось без глаза». В целях объединения между собой классных наставников полезно было бы учреждение совета классных наставников, который и вырабатывал бы общие меры воспитательного воздействия и разрешал бы вопросы, касающиеся всего заведения. В качестве лица, объединяющего деятельность классных наставников, один из них мог бы быть избираем правлением семинарии, с надлежащего утверждения, с званием и правами помощника ректора

по управлению учебным заведением по всем частям. От обязанностей дежурства классного наставника он мог бы быть освобожден. Необходимо, чтобы труд классных наставников денежно вознаграждался и притом в таком размере, чтобы это вознаграждение не только избавляло преподавателей – классных наставников от необходимости искать посторонних занятий, но в то же время и служило бы для них некоторым побуждением к принятию на себя весьма трудной и ответственной работы. Таково одно мнение.

По другому мнению, учреждением института классных наставников вопрос о воспитательном надзоре не разрешается вполне. Предполагая, что одна из главнейших обязанностей классного наставника, как воспитателя, будет состоять в руководстве чтением, в беседах по поводу прочитанного и в беседах по поводу тех или других возникающих вопросов и поведения воспитанников, необходимо прежде всего, чтобы классный наставник имел для своих бесед соответствующее и вполне достаточное время. Вопрос о времени – самый трудный, но вместе с тем и самый важный, так как от решения его зависит не только успешность деятельности классного наставника, но и самая возможность их существования, как воспитателей класса. При всей своей энергии и преданности делу, классный наставник не может посвящать всего своего времени своему классу; это было бы для него физически невозможно. Как учитель, он не имеет права отнимать у своих учеников классного времени на какие-либо посторонние занятия; внеклассное время ему нужно для пополнения своего образования, так как руководство воспитанниками, особенно в старших классах, потребует от него полного и основательного ознакомления со многими областями знания и – кроме того – большого внимания и напряжения; ему нужно время для приготовления к урокам, для просмотра письменных работ, наконец, просто для отдыха. Поэтому, при настоящих условиях разъединенности внеклассной жизни наставников и воспитанников, наиболее простым и потому наиболее желательным решением вопроса явилось бы предоставление классному наставнику, помимо уроков по своему предмету, еще особого свободного часа (одного в неделю), специально назначаемого для бесед и чтения, причем тот же класс наставник может и должен посещать и во внеклассное время по своему усмотрению. Нужно, наконец, и то иметь в виду, что, в целях приобретения большего доверия со стороны воспитанника и в целях уничтожения той розни, которая существовала и существует между учащими и учащимися, необходимо, чтобы классный наставник, в случае замеченных им пороков воспитанников, а также нарушений правил дисциплины и благопристойности, действовал на воспитанников только путем разъяснений и убеждений, но отнюдь не наказанием. Ввиду всего сказанного и принимая во внимание, что поддержание установленной дисциплины, порядка и строя жизни необходимо, – одновременно с институтом классных наставников должна существовать и инспекция. Однако ограничивать деятельность инспекции одним только наблюдением за исполнением правил дисциплины и регистрацией проступков учеников отнюдь нельзя. Подобное ограничение поставило бы членов инспекции в положение крайне тяжелое и ненормальное и – кроме того – не принесло бы и существенной пользы для дела. Необходимо, чтобы члены инспекции действовали в то же время и как воспитатели, а отсюда вообще желательно, чтобы члены инспекции были лицами авторитетными, и в частности желательно сохранить и удержать в силе последние узаконения, имеющие в виду усиление авторитета инспекции, каково, например, преимущественное и даже исключительное назначение членами инспекции лиц с академическим образованием, право быть членами педагогического собрания и право быть одновременно и преподавателем. Сохраняются и удерживаются в силе также и существующие узаконения относительно числа инспекции. Наличный состав инспекции во всяком случае должен сохраниться до тех пор, пока не выяснятся результаты деятельности классных наставников.

Между членами инспекции и классными наставниками должно быть полное общение и согласие. В деле применения инспекторского надзора желательно сделать некоторые изменения соответственно возрасту воспитанников. Так, по отношению к воспитанникам младших классов инспекторский надзор должен быть более постоянным и тщательным; по отношению же к воспитанникам старших классов строгость надзора может быть до некоторой степени ослаблена.

Третье мнение, принципиально примыкая к первому, настаивает на сохранении для училища должности надзирателей, как для более постоянного наблюдения за учениками, так и главным образом для репетиторства в общежитиях.

По обсуждении мнений большинство присоединилось к первому и третьему мнению под условием введения и в семинарии института надзирателей из преподавателей в помощь

классным наставникам.

7. В связи с вопросом об инспекционном надзоре стоит вопрос об ученических библиотеках и порядке заведования и пользования ими. Библиотеки эти по большей части скудны и количеством и содержанием и потому мало интересуют учеников, и наоборот – того, что их интересует, в ней они часто не находят. Следствием этого бывает то, что ученики берут книги из других – общественных или частных библиотек или же организуют свои нелегальные, так называемые подпольные библиотеки, состав которых по качеству бывает иногда более чем сомнителен. Все усилия к искоренению этого зла обыкновенно остаются безуспешными. Было бы целесообразнее и педагогичнее допускать в ученические библиотеки книги, одобренные общей цензурой и разрешенные к приобретению в библиотеки педагогическим собранием, по представлениям преподавателей. Специальные одобрения Ученого и Учебного Комитетов следовало бы отменить, как весьма сильно тормозящие библиотечное дело. Для удобства пользования книгами библиотеку можно бы разбить по группам, соответственно возрасту учащихся и применительно к классным предметам, а ближайшее заведование этими группами поручить самим ученикам, под контролем и ответственностью классных наставников, как ближайших руководителей внеклассным чтением. Такой порядок желателен уже потому, что ученические библиотеки организуются и пополняются обыкновенно на добровольные пожертвования самих учеников.

8. Во главе семинарии стоит ректор, избираемый педагогическим собранием из лиц белого и монашеского духовенства. Помощником его в звании проректора также должно быть лицо выборное из состава наличных классных наставников или же из лиц посторонних, известных правлению своей педагогической опытностью.

Оба названные лица, по усмотрению епархиальной власти, представляются на утверждение высшего начальства.

Если духовные училища сохраняют свою самостоятельность в качестве низшей школы, то во главе их останется смотритель – лицо, избранное корпорацией преподавателей училища и членами правления от духовенства.

9. Желательно, чтобы преподаватели семинарии и училища избирались педагогическими собраниями этих учебных заведений, а в случае неимения кандидатов – Учебным Комитетом при Св. Синоде, во всяком случае – из лиц правоспособных к занятию известной кафедры, т. е. получивших соответственное образование в духовных академиях и других высших учебных заведениях.

10. Педагогическое собрание правления семинарии сохраняет существующую организацию. Желательно восстановление силы §§ 17, 113 и 114 Уст. дух. семинарий 1867 г. с соответственной отменой § 17 устава 1884 года⁷⁸. Желательно, чтобы некоторые вопросы второстепенной важности, требующие только исполнения предписаний общих государственных законов и уставных правил, решались правлением окончательно.

11. Желательно выделение хозяйственной части в семинарии и училище в особый хозяйственный комитет из лиц, не принадлежащих к семинарской и училищной корпорациям. Особенно это было бы желательно в отношении училищ, содержащихся преимущественно на средства духовенства. Учреждение хозяйственного комитета из лиц, избранных самим духовенством, устранило бы всяческие недоразумения между съездами духовенства и правлениями училищ.

12. Желательно, чтобы духовная школа была всесословною; в особенности желателен свободный доступ на богословские курсы экстернам, окончившим курс в среднеучебных заведениях гражданского и других ведомств; их можно бы принимать по дополнительному экзамену по тем предметам, которых они не изучали в своих заведениях, и освобождать от платы за право учения.

13. Весьма желательно, чтобы для предварительного обсуждения вопроса о реформе духовно-учебных заведений был собран съезд преподавателей, избранных корпорациями этих заведений из своей среды.

14. Крайне желательны постоянные периодически собираемые съезды преподавателей для взаимного обмена мнениями по вопросам, касающимся учебно-воспитательного дела.

Дополнение к соображениям о реформе духовной школы

1. Желательно, чтобы семинарии в учебном отношении подчинены были советам духовных академий и подлежали ревизии профессоров академий, по назначению советов; члены же ревизоры были бы только чиновниками особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода, посылаемыми по особым случаям, например, при возникновении несогласий в среде семинарских и училищных корпораций, при неправильном употреблении экономических сумм, при беспорядках среди учащихся и проч.

2. Желательно, чтобы институт так называемых «старших преподавателей», получающих повышенные оклады, был отменен, так как само в себе это учреждение включает элемент несправедливости в том отношении, что в учебном заведении одновременно может находиться несколько и других преподавателей, одинаково заслуживающих старших окладов. Если создана необходимость улучшения материального положения преподавателей семинарии и учителей училища, то этого можно достигнуть увеличением жалованья всем и потом через увеличение содержания по выслуге пятилетий.

3. Желательно также, чтобы должность духовника семинарии была закрыта, так как должность эта на практике не дала никаких результатов: ее нет ни в академиях, ни в духовных училищах, и они нисколько от этого не пострадали.

Мнение преподавателя семинарии П. Столыпина по вопросу об инспекции и классном наставничестве

Так как институты классного наставничества и инспекции не только не исключают друг друга взаимно, а могут с полным, конечно, удобством уживаться вместе и восполнять друг друга, то желательно сохранить в семинарии оба эти института. Вот почему, если б на собрании был возбужден вопрос и о том, не желательно ли сохранить в семинарии оба института, то я всегда ответил бы на него утвердительно. Между учениками средней, как и всякой другой школы встречаются, как известно, люди мягкие, уступчивые, поддающиеся более или менее легко, несмотря на присущую им силу воли и ума, чужому разумному слову убеждения и доверчивые; но есть, конечно, в ней люди и иного более или менее пошиба. Очевидно, на первых удобно могут оказывать желаемое влияние и во всех отношениях классные наставники, тогда как ко вторым, особенно из низших классов, чаще остается применять принудительную больше силу инспекции, имеющей право и вынуждаемой, в потребных случаях, не ограничиваться в своих отношениях к ученикам только словом убеждения, внушения. Нет при этом для инспекции большой беды в том, что ученики второй особенно категории станут или прекословить ей, или просто «увиливать» от нее, «бояться» ее, не доверяться ей, как начальству, власти, могущей им, в безвыходных коллизиях, «воздать»; при наличии всего этого инспекция должна, в великих интересах самих же учеников, продолжать вести настойчиво и весьма умеючи свое святое дело. Нельзя же совершенно во всем и всецело предоставить учеников семинарии – еще не достаточно развитой и не окрепшей воле своей, которая может поэтому у них извратиться и даже перейти в произвол, всюду нетерпимый и всюду губительный. Особенно гораздо позже, вступив уже в самостоятельную жизнь, многие из бывших питомцев школы, несомненно, скажут ей слово благодарности за то, что она так заботливо относилась к ним, выводя их в люди всеми находящимися в ее распоряжении средствами, иных спасая даже и страхом разумных, гуманных дисциплинарных репрессий и принуждением, когда не оставалось уже другого выбора. Кто знает, сколь многие легионы бывших воспитанников школы могли бы совершенно сгнать в жизни, если б школа эта без напряженной некогда борьбы с нежелательными их наклонностями выпустила их в пространство, вышвырнула бы их, как неисправимых-де, из стен своих!.. Вот почему, замечу мимоходом, без большой любви к юношеству, без огромного запаса терпения, без настойчивости, не исключающей и разумной снисходительности, нет истинной педагогики. Итак, в конце концов, приходится опять-таки сказать то же самое, что сказал я выше: желательно сохранить в семинарии и инспекцию и институт классного наставничества.

Но, уж если бы необходимо было сделать выбор между инспекцией и классным наставничеством, то я сказал бы, что лучше упразднить последнее, нежели первую, и потому именно, что функции классного наставничества могли бы исполняться, при известных условиях, совокупностью всего педагогического персонала. Но, так как эти условия многочисленны и до чрезвычайности трудно осуществимы на деле, то снова прихожу и здесь к тому положению, что лучше было бы сохранить в семинарии оба института.

Но нельзя ли функции инспекции поручить классному наставничеству? Если б это случилось, тогда упраздненная-де инспекция снова возродилась бы в семинарии в лице классных наставников, но только уже не компактной силою, а значительно рассыропленной, ослабленной, а классного наставничества не существовало бы.

№61, преосвященного Гермогена, епископа Саратовского, от 7 января 1906 года

Во исполнение циркулярного указа Святейшего Правительствующего Синода от 27 июля 1905 года, за № 8, долг имею почтительнейше представить свои соображения о желательной постановке предстоящего Поместного Собора Всероссийской Церкви, а также о желательном разрешении подлежащих его рассмотрению вопросов, в целях возможно полного и целесообразного уврачевания главнейших недугов нашего современного церковного управления и установления условий к благоприятному устроению нашей церковнообщественной жизни.

1. О составе Поместного Собора Всероссийской Церкви

Как уже и предположено многими епископами российской Церкви, чтобы состав Собора состоял исключительно из епископов, – и я со своей стороны присоединяюсь к этому мнению и считаю его вполне основательным и наиболее отвечающим назревшей необходимости разрешения церковной реформы в духе и направлении правил апостольских и вселенских соборов. В настоящее время мы переживаем, быть может, единственный в истории нашей великий момент и, чтобы достойно подготовить свою паству к сознательному вступлению в новую эру ее исторического бытия, существенно необходимо, прежде всего, оградить Собор от возможных давлений в духе современных антихристианских и противоцерковных учений и измышлений. Необходимо помнить, что в правильном решении вопроса о составе Собора таится вся судьба Собора, весь характер и содержание его постановлений, степень успеха его миссии. Необходимо также помнить, что никогда еще в нашей истории наше самооплечение и самоунижение не доходило до такой степени, как в настоящее время. Никогда еще устои и учреждения нашего отечества, порядки нашей страны, наши законы и обычаи, словом – все, чем жила и живет еще Россия и русский народ, не подвергалось такой ожесточенной и упорно-лживой критике. При этом, как и естественно должно быть при такой огульной ненависти к устоям и учреждениям русской Церкви и русской жизни, – критике и оплеванию, вместе с действительными нашими недостатками и язвами, подвергается и многое такое, что не только не заслуживает осмеяния и критики, но, напротив, составляет наше достоинство и заслугу пред другими народами и другими цивилизациями, и что давало и дает России и русскому народу силу нести и выполнять свою историческую миссию. При таких условиях упорные, не считающиеся с правилами и обычаями древней православной Церкви домогательства либеральной печати, отдельных частных лиц и некоторой части духовенства, чтобы в состав Собора входили священники и светские лица, я признаю не только незаконными, но и крайне нежелательными и даже опасными для сохранения Собора во всей чистоте учения нашей православной Церкви: незаконными, ввиду правил и обычаев древней Церкви, когда Соборы составлялись исключительно из епископов, с решающим голосом (соборы из одних лишь епископов, как соборы руководящие всероссийской поместной Церковью, оправдываются и тем рассуждением, что и отдельной частной Церковью руководит один епископ, под общим руководством Святейшего Синода – своего как бы коллективного патриарха); нежелательным и опасным подобное участие указанных лиц является потому, что представители духовенства и светских лиц своим огромным большинством будут подавлять голоса епископов, мнения которых должны составлять существенное содержание и весь смысл деятельности собора; в случае же участия названных лиц в составе Собора нам угрожает страшная опасность получить постановления Собора Всероссийской Церкви, основанные на решении не епископов, а случайного или тенденциозного подбора лиц, быть может – сторонников современного разрушительного течения общественной жизни. Иначе сказать, руководящие постановления и правила Собора Всероссийской Церкви могут быть выработаны не только помимо мнения и влияния епископов – законно поставленных святителей этой Церкви, но даже наперекор их мнениям. «Без архиерея убо не христиане», – сказал блаженный Симеон Солунский, и согласно с сим все вселенские отцы и учителя Церкви учили, что Церковь без епископов не была и быть не может. А наши сторонники участия в Соборе священников и мирян к тому и ведут, что могут составить Церковь без решающего руководства святителей Церкви. Этого мало: вторжение мнений, основанных не на правилах апостольских и вселенских соборов, а на текущих мнениях либеральной части общества, совершенно чуждой духа церковности и истинно христианского благочестия, и либеральничающей части белого духовенства, в сферу законных соборных суждений и мнений епископов российской Церкви – может произвести смуту и беспорядки, способные нарушить всю стройность деятельности Собора; следует даже опасаться, что подобное вторжение может сорвать Собор, как это часто случается в отдельных епархиальных собраниях, особенно тех, в которых принимают участие представители нашей интеллигенции. Общий дух, к сожалению, значительной части интеллигентного общества, а также либеральничающей части белого духовенства, можно определить чертами парламентаризма и республиканских стремлений. Подобные стремления совершенно противоположны, совершенно чужды духу соборной апостольской Церкви.

Я глубоко убежден, что болезнь неверия или охлаждения к вере современного российского общества, недуги духовенства, а также все вообще недочеты современной церковно-общественной жизни – может обновить и благоустроить не сибаритствующая наука, которая до сих пор притом не переставала работать часто в духе, чуждом учения православной Церкви, не внешние формы политического и общественного устройства, как бы идеальны и Образцовы они ни казались нашим либералам, социал-демократам и иным покорным послушникам «партийных» начал, не какие-либо комиссии или коллегиальные учреждения, хотя бы и тщательно созданные и учрежденные на данный случай, а только коренной и свободный мощный дух и жизнь Церкви Христовой, присущие главному и ответственному носителю этого духа и этой жизни Христовой – собору святителей.

Справка. Из правил апостольских и вселенских соборов ясно видно, что соборы церковные составлялись только из епископов: а) 5-е пр. 1 Всел. Соб.;

б) 37-е пр. св. апостолов; в) 19-е пр. 4 Всел. Соб.; г) 8-е пр. 6 Всел. Соб. и 6-е пр. 7 Всел. Собора.

2. О церковном управлении

1) О разделении русской Церкви на митрополичьи округа

Деление Всероссийской Церкви на митрополичьи округа является действительно наиболее сообразной и самой жизнью оправдываемой формой церковного управления. Округа, имеющие своих митрополитов, будут представлять отдельное соборное управление, которым вполне может пресекаться как формализм, так и непомерная волокита при производстве дел, неизбежные при слишком большой централизации церковно-административных учреждений.

Предстоящий Поместный Собор определит круг дел, могущих разрешаться компетенцией местного митрополичьего собора; из круга этих дел будут выделены дела, которые на месте может решать епархиальный епископ, и только более общие вопросы церковного управления, поскольку они касаются всей Церкви, можно предоставить патриаршему Синоду или вообще патриаршества). К сему долг имею заметить, что избрание и назначение епископов, видимо, удобнее всего предоставить высшей центральной церковной власти, не лишая при этом окружных митрополитов и епархиальных архиереев права представлять оной власти к избранию во епископа достойных по своей жизнедеятельности и нравственному авторитету на пасомых кандидатов архиерейства.

2) Местные епархиальные управления

При решении вопроса о реформе церковного управления естественно возникает вопрос, какой должен быть при епархиальном архиерее судебно-административный орган, посредством которого он мог бы руководить текущими делами по управлению епархией. Устарелость и полное несоответствие для этой цели ныне существующих духовных консисторий – для всех составляют факт, о котором двух мнений не может быть. Выработать новую более соответственную организацию, по указанию Собора, может группа сведущих лиц даже из числа самих же епископов. При этом в основу новой организации должно быть положено обязательство, чтобы епископ не был отстранен от непосредственного общения с духовенством и паствою. Необходимо, чтобы эта новая организация в корне уничтожила тот непроницаемый бюрократизм и весьма сложную (часто – непроизводительную) бумажную переписку, которыми совершенно заслоняются от епархиальной власти жизнь и нужды духовенства, с одной стороны, а с другой – возможность для епископа непосредственно обнаруживать по отношению к ним свое нравственное руководство и духовный авторитет. Этим мнением своим я не хочу утверждать того, чтобы власть епископа была неограниченной, так как, во-первых, Поместный Собор и затем местный митрополичий собор, во всяком случае, выработают известные постановления, регулирующие деятельность епархиальных архиереев, а во-вторых – печальные злоупотребления со стороны епископов своим духовным авторитетом и властью, – буде таковые найдут место в нашей среде, – могут быть кассированы тем же митрополичьим собором. Я хочу лишь рельефнее подчеркнуть свою мысль, что для великой цели – оживления душ человеческих, оживления в пастве духа братской солидарности, любви, милосердия, т. е. вообще жизни христианской – необходимо выработать такие способы и средства, при которых меньше уделялось бы внимания и времени канцеляризму с его неизбежной, часто убивающей живую мысль волокитой, больше же – самой жизни, тому источнику воды живой, которая благодатью Божией может уврачевать многочисленные духовнонравственные недуги и язвы нашей мрачной современности; чтобы – далее – судебно-административный орган (вместо нынешней консистории) на самом деле, а не в бумажном лишь производстве, действовал правильно и безостановочно; думается, что эта последняя задача может быть более правильно выполнена при том условии, если состав пресвитеров этого учреждения, назначаемый митрополичьим собором, будет достаточно обеспечен средствами, чтобы члены этих учреждений не думали о добавочных средствах существования и т. п. Если размер епархии останется прежний, а следовательно – и огромное количество дел, то нежелательно назначение в названное учреждение священников, обремененных приходскими делами, для которых оказывается положительно невозможным правильное и аккуратное ведение круга дел в данном случае – в таком первейшей серьезности учреждении, как судебно-административный орган обновленной епархиальной жизни. Если же, при ожидаемых переменах в церковном управлении, епархии будут небольшие, то участие в составе пресвитеров при епископе можно бы, думается, и не оплачивать никаким вознаграждением, так как помянутое назначение может быть для священников особо почетным служением.

3) Об отношении епископа к собранию пресвитеров епархиального судебно-административного органа; перечень дел, подлежащих решению епископа

Отношения епископа к собранию пресвитеров епархиального судебно-административного органа должны быть самые непосредственные, живые, деятельные; собрание пресвитеров находится под непосредственным руководством епископа во всех отношениях; это собрание составляет для него как бы пресвитерский совет. Я уже раньше высказал, что поместный и митрополичий соборы выделяют для епархиальных архиереев круг дел, решаемых его компетенцией. Совет пресвитеров будет в этом случае наилучшим и ближайшим помощником или советником епископа при решении тех дел. Думается, что при близком и непосредственном отношении епископа к совету пресвитеров возможны и скорое решение дел, и благотворное обнаружение епископом своего нравственного руководства и духовного авторитета как по отношению к духовенству, так и ко всей пастве.

Перечень дел, могущих решаться компетенцией епископа в совете пресвитеров, по степени их важности:

а) назначение приходских священников. Так как церковный приход во всех своих добрых сторонах и качествах не может быть установлен скоро, то, естественно, прихожане не могут знать своих лучших людей в приходе (старцев) и таким образом не могут представлять своих кандидатов; посему назначение приходских священников, а равно диаконов и псаломщиков, необходимо оставить в прежнем положении, как о том мною будет доложено ниже, в отделе «О клире»;

б) суд над приходскими священниками и вообще клиром;

в) бракоразводные дела, причем не задерживать их разрешение, как это бывает теперь, на месяцы и даже годы;

г) церковно-приходские школы;

д) построение и освящение храмов;

е) духовно-учебные заведения (о них будет подробный доклад ниже) и тому подобное.

4) Епархиальные съезды

Епархиальные съезды по своему составу и направлению не должны быть автономны и чужды руководства епархиальных архиереев – как в инициативе, так и в самом существе их деятельности, к чему заметны теперь стремления либеральничающей части духовенства. Благодаря этим стремлениям современные епархиальные съезды за последнее время утратили свое назначение и должный свой смысл. Организация и постановка съездов далеко не соответствует действительной цели их существования. К сожалению, в настоящее время нет и точных правил для деятельности съездов, существующие же – весьма устарели. Неудивительно поэтому, что епархиальные съезды в том виде, как существуют доселе, вызывают крайнее неудовольствие в самом духовенстве; бывают случаи, когда священноцерковнослужители считают себя даже оскорбленными постановлениями съезда. С другой стороны, неутверждение епархиальным архиереем какого-либо постановления съезда вносит разлад между ним и съездом. При этом необходимо заметить, что епископу весьма часто бывает затруднительно и даже невозможно читать журналы съезда в то время, когда продолжается съезд. По составлении же журналов депутаты наскоро их подписывают и уезжают по домам. Епархиальный архиерей, получивший сразу все журналы уже закончившегося съезда, не имеет возможности выяснить встречающиеся при утверждении сих журналов недоумения, неточности или ошибки, некому передать их для надлежащих дополнений или исправлений. Остается один исход – не утвердить журнал, оставить его исполнение до будущего съезда. В особенности часты эти тормозящие дело недоразумения при разрешении вопросов, касающихся обложений, сметы и т. п. Ничего подобного не было бы, если бы съезд своевременно получал надлежащие указания от епархиального архиерея, если бы отношения между епископом и съездом были – чего особенно следует желать – живые, непосредственные и тщательно выясненные. Ибо, если епархиальные съезды – учреждения церковные (а они, несомненно, таковы), то и должны находиться в строгом и определенном отношении к своим епархиальным архиереям и будущим митрополичьим соборам.

В силу выказанного, вопрос о епархиальных съездах требует особо тщательной разработки, причем, кроме урегулирования отношений между епархиальным архиереем и съездом, необходимо принять должные меры к тому, чтобы надлежаще узаконить отношения и обязательства депутатов съезда к духовенству, т. е. необходимо озаботиться тем, чтобы предметы занятий, подлежащие обсуждению епархиального съезда, предварительно предreshались в собраниях духовенства всего района, посылающего от себя на съезд депутата (например – от благочиннического округа). Этим путем депутат был бы выразителем мнения всего благочиннического округа, а не личного своего только мнения, что сплошь и рядом бывает при существующем ныне ненормальном порядке на епархиальных съездах, – и епархиальный архиерей имел бы тогда полную возможность слышать голос всего духовенства о желательном разрешении вопросов, подлежащих рассмотрению съезда, согласно с потребностями и нуждами управляемой им епархии.

3. О клире

Светская печать, представители общества и некоторой части духовенства стремятся к тому, чтобы предоставить мирянам право избрания священно-церковнослужителей. Между прочим, известная группа «32 петербургских священников» в своих суждениях дошла до того, что требует выборных епископов. Подобное суждение по справедливости следует признать положительно безумным, так как эти священники сами против себя поставляют оружие: утверждая о необходимости переизбрания епископов, их рукополагавших, они, естественно, должны утверждать и о незаконности своего рукоположения в священный сан. Правила же апостольские и церковные с положительной несомненностью утверждают, что епископы избираются только собором епископов. Правда, в былое время практиковался порядок «выбора пастырей». И этот порядок отжил естественно, т. е. потому, что омертвел. Кому же неизвестно, что и теперь (к счастью, это редко случается), для открытия – например, в селе второго штата священнослужителей, претенденты спаивают крестьян? Последние «выбирают» пастырей или поугостительнее, или погромогласнее, или подешевле, нисколько не считаясь с нравственным достоинством избираемого. И действительно, если предоставить народу избирать себе пастыря, то, принимая во внимание низкий уровень его образования и воспитания, постоянно замечаемое на собраниях светских лиц торжество более хитрых и обольстительных партий, шум и раздоры, – Церкви может угрожать постоянная опасность иметь пастырей, не удовлетворяющих своему высокому назначению. Если простой народ будет выбирать из своей среды, то несомненно, за отсутствием в селах и деревнях достаточно подготовленных к священному сану кандидатов, его избранниками чаще всего окажутся лица совершенно невежественные в делах веры, нравственности, народно-религиозного воспитания, которые могут стать жалким посмешищем в глазах иноверцев. Нужно ли доказывать, как нежелательно и даже губительно было бы при нынешнем уровне духовного состояния паствы такое положение для достоинства и блага святой православной Церкви? Индифферентная к вопросам церковности и благочестия, но более бойкая и капризная часть паствы изберет себе и пастыря, который не мог бы препятствовать ее нраву, и так далее... История же, в свою очередь, показывает, что и избранники паствы подвергались от нее гонениям, и назначенные епископом пастыри были до конца любимы своей паствой, – и последних примеров даже в современной жизни, при всех ее неурядицах, мы видим немало. Существующий теперь ход выбора священнослужителей должно признать более соответствующим современным сложившимся другим условиям. И теперь епископ имеет полную возможность и испытать и воспитать в своем клире кандидата прихода, и выслушать голос народа. Так оно и было чаще всего, даже во времена «выбора пастырей» миряне рекомендовали епископу своих кандидатов в качестве лиц, достойных сана, и те епископом утверждались в сане, если же епископ находил представленного кандидата не заслуживающим иерейского сана, он предлагал найти другое соответствующее лицо или же и сам предлагал кандидатов. Таким образом, окончательное призвание кандидата во священный сан Духом Святым объявляет носитель полноты благодати – епископ; этот порядок вырос благодатно и исторически и способен, трудами лучших носителей церковного сознания, к усовершенствованию; а потому странно было бы мечтать о воскрешении того (выборного начала), что погребено самою историей, странно было бы питаться одними пожеланиями о «выборном духовенстве» без веских данных в пользу того, что выборное начало может нравственно возвысить или улучшить пастыря.

4. Церковно-приходская жизнь

Для обновления церковной жизни на месте, в отдельных городах и селах, крайне необходимо прежде всего оживить первичную основу или ячейку церковной жизни – православный приход. Не буду распространяться о самой юридической организации этой церковно-общественной единицы, так как она, несомненно, будет и предложена и разработана на самом Соборе, на основании церковно-исторических данных и древних церковных постановлений. Как бы некоторое начало этой церковной организации можно видеть в наших церковных попечительствах; однако последние недостаточно широко и разносторонне разработаны, причем, в прямой ущерб делу, в нынешних попечительствах участие настоятеля церкви является как бы посторонним ко всей деятельности попечительства. Как бы истинное семя здоровой церковно-приходской организации уже предложено Святейшим Синодом для сеяния – это именно церковно-приходский совет под председательством настоятеля церкви. В этом духе и направлении в Саратовской епархии уже предприняты епархиальным архиереем и духовенством возможные при нынешних условиях меры, через пастырские собрания, для всесторонней разработки как вопросов об указанной организации, так и самой деятельности церковных приходов; для характеристики этой деятельности, которая у нас совершается уже около 10 месяцев, я прилагаю при сем данные из отчетов пастырских собраний и других по этому предмету распоряжений.

5. О духовно-учебных заведениях

Прискорбные нестроения последних лет в наших духовно-учебных заведениях вызывают к себе особо жгучий интерес и невольно заставляют желать скорейшего принятия мер к поднятию сих заведений на надлежащую, соответственную их целям и задачам высоту. В благоустройстве сих заведений – питомников будущих пастырей и архипастырей Церкви Христовой – все дело оживления церковно-общественной жизни России на прочных незыблемых началах. Думается, что вопрос о соответственной реорганизации духовноучебных заведений лучше всего разрешился бы, если бы этим заведениям возможно было придать характер исключительно богословских школ, в которых приготавливались бы в течение трех-четырех лет лица, действительно ищущие по призванию священного сана, лица из всех сословий без различия; это в высшей степени содействовало бы обновлению и расширению пастырской деятельности. Но такое выделение лиц, лишь по особому расположению ищущих священного сана, – в настоящее время, к прискорбию, идеал неосуществимый: пока религиозно-нравственная жизнь приходов не повышена, пока церковное понимание недостаточно развито в народе, в обществе, – нельзя рассчитывать, чтобы приходы давали для богословских школ потребное число достойных кандидатов; священников же требуется много.

Приходится поэтому искать новые удобоисполнимые пути для соответственной организации наших духовно-учебных заведений, каковые пути, в конце концов, привели бы эти заведения к одному желательному типу школ Духовного Ведомства – школам богословским, на указанных выше основаниях.

а) Духовные училища

Чтобы сделать уместным и возможным существование богословских школ, необходимо – прежде всего – преобразовать духовные училища, именно следующим образом: оставить те же, что и ныне, 4 основных класса, прибавив к ним еще 2 класса из нынешнего семинарского курса, чтобы таким образом духовные училища состояли из 6 основных классов с теми же предметами, которые преподаются и в настоящее время, за исключением древних языков: эти последние следует, по нынешним условиям, значительно сократить как в духовных училищах, так и в семинариях.

Что касается вопроса о составе учащихся, то, пока приход не дошел до высокого уровня, духовное училище можно оставить сословным – с тем лишь изменением, чтобы до 3/4 учащихся пополнялись из среды духовенства, а 1/4 – дети лучших семейств мирян. Весьма желательно предоставить духовным училищам права прогимназий – с тем, чтобы желающие могли, по окончании курса наук в духовном училище, переходить в 7-й класс гимназии без экзамена, о чем и можно будет просить Министерство народного просвещения.

Начальствующие лица в духовных училищах – смотритель и его помощник – обязательно должны быть священники или монахи в священном сане; желательно также, чтобы по возможности и другие преподаватели были в священном сане. Неизбежная необходимость сейчас высказанного желания вытекает из той истины, что воспитание со стороны начальствующих лиц, носящих духовный сан, всегда будет несравненно плодотворнее и ценнее в отношении подготовки учащихся к духовному званию. На это могут быть возражения, что подобное воспитание не встречает необходимости для тех, которые, по окончании духовного училища, пожелают поступить в гимназию. Таким и им подобным возражениям можно противопоставить самое решительное и веское положение, которое кроется во взгляде на всякого учащегося, как на христианина: если юноша получит глубокое и должное религиозно-нравственное воспитание, с истинным духовным направлением, то будет лучше как ему самому, так и той среде, в которой он будет проходить свое общественное служение. Таким образом, я признаю настоятельно необходимым оставить в духовных училищах тот же режим, который действует и в настоящее время, и даже усилить его в отношении духовных упражнений воспитанников.

Предположения в Бозе почившего митрополита Иоанникия, а также нынешних преосвященных – Волынского Антония, Могилевского Стефана и других епископов – в этом же направлении нужно считать самыми разумными и необходимыми к скорейшему исполнению, если, помимо всего, мы желаем к тому же, чтобы со стороны прихожан не было ропота или выражений крайних неудовольствий за пользование сборами с церковей на духовно-учебные заведения. Дело в том, что, как показывает опыт, усиливающиеся в настоящее время протесты прихожан против помянутых сборов получают свое основание и оправдание в направлении наших духовно-учебных заведений, которые слишком далеки теперь от истинно церковного духа.

Оказывать же преимущество и льготы духовенству принятием его детей в духовные училища, в размере 3/4 из всего состава учащихся, считаю полезным потому, что духовное сословие являет собою несравненно лучшую семейную воспитательную среду, чем общество светское. Поэтому-то и желательно воспитывать на церковные средства наибольшее число стипендиатов из духовенства, как представляющих наибольшую вероятность поступления их в духовное звание.

Подробного распределения предметов, как перенесенных из семинарского курса, так и тех, кои будут сохранены из ныне проходимых в духовных училищах, я здесь касаться не буду: об этом Собор предоставит, вероятно, особой комиссии выработать всесторонний, основанный на мнениях епископов российской Церкви, проект.

б) Богословские школы (семинарии)

Богословские школы могут состоять из остальных 4 классов семинарии с немалым, конечно, сокращением той многопредметности, которая совершенно загромождает и угашает в воспитанниках дух самостоятельности и развития религиозно-церковной настроенности: воспитанникам в настоящее время в течение всего учебного курса приходится действовать одной лишь памятью.

Касательно преподавания самого существенного отдела среди учебных предметов – именно Священного Писания Ветхого и Нового Завета – необходимо, чтобы таковое излагалось непосредственно по подлинному тексту священных книг; в этом именно должен заключаться весь учебный строй богословской школы: все богословское мышление и все учебное направление учащихся должны быть проникнуты усвоением и осмыслением подлинного текста Священного Писания, чтобы таким образом, по выходе из семинарии, воспитанники представляли из себя, так сказать, образованных начетчиков Священного Писания. Другие же предметы семинарского курса, например – нравственное богословие, догматическое богословие, желательно сократить, чтобы избежать излишней техники, не приносящей учащимся пользы. Хорошо бы, – если это возможно, – возвратиться к старинным учебникам (например, Антония Казанского), богатым и глубиной, и одухотворенностью мысли, и научностью.

Как и в отделе «О духовных училищах», должно сказать, что подробное распределение предметов составит задачу особой комиссии, по назначению Собора; я же со своей стороны могу высказаться за необходимость сохранения в семинарском курсе психологии, философии, пастырского богословия (этот последний предмет проходить в 4-м богословском классе), церковной и гражданской, преимущественно отечественной, истории и некоторых других.

Но более всего следует озаботиться в деле обновления духовно-учебных заведений их воспитательной стороной. В отношении общего направления преподавания предметов в богословских школах желательно принять за руководящее правило, чтобы оно было строго церковным; поэтому преподавателями богословских предметов, как равно ректором и инспектором семинарии, могут быть только лица, носящие священный сан; воспитательный же режим необходимо привить также на строго церковных началах по мотивам, изложенным выше, в отделе «О духовных училищах». Для лучшего укрепления в воспитанниках духа церковности они безусловно должны быть участниками, поочередно, ежедневно, всех церковных служб, как это и практиковалось во многих семинариях до нынешнего периода повальных забастовок. Как известно, в одних семинариях, где к тому представлялась возможность, воспитанники присутствовали поочередно при совершении литургии почти каждый будний день, в других же – два раза в неделю, помимо праздников и воскресных дней.

В целях религиозного воспитания будущих пастырей необходимо постоянное требование от них соблюдения церковной дисциплины, введения как обязательного обычая – говения 4 раза в году и т. д. Необходимо также и в высшей степени полезно ввести одну общую форму для воспитанников богословских школ, более всего приличествующую кандидатам священства, именно – ношение подрясников.

Что касается состава учащихся богословских школ, то он вполне может быть внесловным; при этом является уверенность, что, при хорошей постановке духовных училищ, у большинства учащихся сих школ должно укрепиться за 6 лет пребывания под испытующим руководством носителей церковного сознания, при добром воспитании в духе пастырства, неприменное желание закончить свое духовное воспитание, – и они перейдут, в преобладающем числе, в богословские школы.

К сказанному, ввиду крайне тяжелого положения переживаемого нами момента, обостряемого еще в нашей духовной среде повальными забастовками духовно-учебных заведений, каковая болезнь грозит епархиям опасностью остаться на некоторое время без достаточного числа достойных кандидатов священства, долг имею почтительнейше доложить следующее.

До указанного преобразования духовно-учебных заведений крайне необходимо теперь же, сколько возможно, хотя бы на местные средства, открыть школы начетчиков хотя бы в тех же пустующих в настоящее время зданиях духовных семинарий. В школы начетчиков можно принимать лиц, известных епархиальному архиерею или рекомендованных ему представителями

духовенства, а также благочестивыми почетнейшими прихожанами; можно также допускать в эти школы лучших псаломщиков и диаконов. Школы начетчиковизбавили бы архипастыря и его паству от тяжелого и затруднительного положения, угрожающего ныне недостатком кандидатов для замещения мест в клир: более способные и развитые, отличающиеся притом должной религиозностью и церковной настроенностью, явились бы заместителями священнических мест, остальные же — диаконских и псаломщических. Эта мера, наконец, парализовала бы хотя отчасти тяжелые, чтобы не сказать — невыносимые условия, в которые ставят православную Церковь все возрастающие — под тлетворным давлением разрушителей мира и порядка нашей родины — забастовки.

в) Духовные академии

Решение вопроса о духовных академиях в настоящее время представляется крайне затруднительным, так как вопрос этот находится в тесной зависимости от преобразований других духовно-учебных заведений, каковые преобразования пока точно не определились и не получили авторитетной санкции Собора.

Считаю, однако, необходимым высказать здесь свое мнение на предложенные вопросы лишь в отношении главного и существенного в наших школах и – прежде всего – относительно самого направления учебно-образовательной стороны в духовных академиях.

К сожалению, нужно отметить то крайне нежелательное и печальное явление, что весь почти наличный нынешний состав профессоров и часть студентов боятся духовного направления в академиях, что и является причиной забастовок в духовно-учебных заведениях, как о том будет изложено ниже. Научное же направление профессоров всегда отличается крайней односторонностью в том смысле, что каждый профессор изучает лишь один отдел своей науки, на котором и показывает всю свою способность углубляться во все мелочи научных вопросов отдела, а само содержание науки в ее целом вовсе студентам не предлагается. Такой монографический характер преподавания представляется в высшей степени скучным, и неудивительно поэтому, если студенты крайне небрежно посещают аудитории, а то и вовсе не посещают таковых, измышляя особый способ являться на лекции «по очереди». Еще извинительным было бы углубление профессора в один отдел науки, если бы он, профессор, хотя был, по крайней мере, самобытен, вносил бы личный вклад в науку; но, к прискорбию, и этого нет: в большинстве случаев весь отдел составляется по переводным источникам и потому не возбуждает к себе ровно никакого интереса.

Возвращаясь к прискорбному явлению о боязни профессоров и некоторой части студентов духовного направления в академиях, должно приложить все силы, все старание к неослабной борьбе с этим страшным злом. Ибо академии должны служить целям и интересам Церкви, и потому все направление их должно быть строго церковным: ректор и инспектор непременно должны быть в духовном сане, профессора богословских предметов – также, епархиальный архиерей должен оказывать особенное влияние на академию во всех проявлениях ее воспитательной и научно-образовательной жизни и деятельности.

Об автономиях академий не может быть и речи, так как прежде какой-либо автономии нужно освободить академии от всяких средств, собираемых на них с приходов: выше я уже имел честь доложить о замечаемом в настоящее время усилении протестов против содержания духовно-учебных заведений на счет церковных сумм, каковые протесты получают оправдание в «автономных» направлениях сих школ, особенно духовных академий.

Ввиду невозможности по отмеченной уже причине разрешения вопроса о преобразовании теперь же духовных академий, можно бы в виде временной меры предложить, как и предлагают некоторые епископы, избрать одну академию для проведения в ней строгого церковного режима. В эту академию и должны поступать студенты, действительно желающие получить и духовное образование и духовное воспитание.

Что же касается вопроса о том, как отнестись к происшедшим в текущем учебном году забастовкам наших академий, то, по моему мнению, вся вина за забастовки всецело лежит на профессорах, которые, в большом числе, сами подготовили забастовку, склонив к тому студентов. Последние только по прибытии домой, когда угас угар забастовки, и проанализировав, при помощи родных и знакомых, все «лекции» своих профессоров, поняли и сознали, – в чем я имел случай неоднократно убедиться, – что профессора посредством прекращения занятий в академиях желали выразить свой протест против нынешнего режима академий, особенно неприятного для профессоров с крайне светским направлением, и что студенты действительно как нельзя лучше послужили им удобным в этом отношении материалом.

6. О положении православной Церкви среди иноверных

Вопрос о положении православной Церкви среди иноверцев – вопрос самый существенный, обострившийся к тому же после указа 17 апреля прошлого 1905 года о веротерпимости, и Собору предстоит серьезная задача выяснить и разработать его в мельчайших деталях, особенно приняв во внимание, что массы православного люда, не знающего своей веры, могут отшатнуться от своей Церкви в старообрядчество, раскол и т. п., склоняемые к тому всевозможными агитаторами, которые не преминут выяснить простому народу, что согласно недавно изданному циркуляру Министерства внутренних дел отпадение от православия не влечет за собой потери ни гражданских, ни служебных прав.

Мое мнение таково, что православная Церковь, которую исповедует 100-миллионный русский народ во главе со своим Государем Императором, и должна быть господствующей, и ей по преимуществу должно быть предоставлено право проповеди и миссионерства; иноверные церкви в своей сфере должны быть вполне свободны, согласно помянутому манифесту, однако с необходимыми ограничениями в тех случаях, когда от дарованной свободы они (например католики) переходят к явной пропаганде, выражающейся в торжественно обставленных крестных ходах, с очевидным намерением принизить, придавить православие, и т. п. Печальные примеры на западной окраине России, а также и в Прибалтийском крае, имевшие место по обнародовании манифеста о веротерпимости 17 апреля 1905 года, послужат в этом отношении богатым материалом при разрешении сего вопроса на Поместном Соборе.

№62, преосвященного Макария, епископа Томского, от 5 января 1906 года

Русская церковь возвращается к своему, завещанному древностью, каноническому устройству. Сообразно этому устройству, все управление Церковью, вся ее жизнедеятельность должны быть основаны на соборном принципе. Принципом соборности не устраняется единоличный представитель русской Церкви – высший пастырь в лице патриарха с его резиденцией в той или иной из столиц русской империи. Высший представитель русской Церкви, удерживая за собою свои особые, ему только свойственные, связанные с представительством полномочия, имеет состоять во главе Святейшего Синода из епископов и пресвитеров, призываемых сюда порядком, определенным на Соборе. Синод с патриархом во главе должен действовать в качестве постоянного центрального учреждения, управляющего Церковью, называющего за всеми сторонами ее жизни в каждый момент времени.

Поместные и областные соборы

По мере накопления выдающихся по своей важности нужд и выдвигаемых жизнью особенных потребностей, необходимо время от времени созвание Всероссийских Поместных Соборов с самой широкой юрисдикцией по всем вопросам канонического, иерархического, церковно-богослужебного содержания, по всем запросам церковного благочиния и вообще всего строительства православно-христианской жизни. Поместный Собор должен состоять из епископов. Но, по каноническим и историческим указаниям, на Соборе могут, а при настоящих условиях и потребностях – и должны участвовать клирики и миряне с правом совещательного голоса.

При канонически-соборном устройстве Церкви возможно и необходимо восстановление присущих церковной древности областных или окружных соборов. По силе древних правил: 37-го св. апостолов, 5-го 1 Всел. Соб., 19-го 4 Всел. Соб., 8-го 6 Всел. Соб., 6-го 7 Всел. Собора, 20-го Антиох, и 27-го Карф. Соборов, епископы каждой церковной области обязаны собираться для братски-соборных между собой совещаний по делам церковным два или, по крайней мере, один раз в год. Наша русская православная Церковь, почти исключительно обнимаемая огромным пространством Русского государства, в силу географических, исторических и этнографических условий, могла бы образовать – для относительно-самостоятельного церковного управления – применительно следующие, намеченные в труде покойного протоиерея Иванцова-Платонова, области: а) Северо-Русскую или Новгородско-Петербургскую, б) Срединно-Русскую или Московско-Великороссийскую, в) Западно-Русскую и Виленско-Литовскую, г) Южно-Русскую или Киевскую, д) Восточно-Русскую или Казанскую с епархиями поволжскими и уральскими, е) Кавказскую и ж) Сибирскую, которая может быть разделена на Западно-Сибирскую и Восточно-Сибирскую. Коренное – сравнительно с древностью – изменение в условиях культурной жизни, существующие удобства в сношениях почтой, телеграфом – исключают для настоящего времени надобность созывать областные соборы так часто, как они собирались в первые века существования Церкви. Но чрезвычайная возможность таких собраний для живого общения между епископами, для обсуждения вопросов и дел, вызываемых местными духовными нуждами, требует, чтобы их созвание было осуществляемо раз в три или четыре года.

Выражено опасение, что церковно-областные автономии, возбуждая и привлекая к себе автономные вождения политического свойства, могут повредить нашему государству ослаблением и даже разрушением его единства и цельности. Опасение, по-видимому, не лишено оснований. Правда, история соборов не представляет ни одного свидетельства о противогосударственных тенденциях того или иного собора в смысле разъединения частей, из которых состояла Византийская империя, несмотря на разноплеменность населения этих частей и их раскиданность и обособленность. Но сила этого возможного указания в значительной мере может быть ослаблена объяснением, что в древности национальное сознание и соприкосновение ему стремления, говоря вообще, развиты были у народов слабо, что по преимуществу и обуславливало прочность в единстве и цельности Древнеримского и последующего Византийского государства под единством политической власти. В настоящее время, по истечении веков, дело обстоит совершенно иначе. Современность выразила обострение национального сознания не только в отдельных народах, но большое стремление к обособлению даже у разноплеменностей. В применении к нашей России тяготения, не отвечающие интересам ее единства и цельности, замечены в массах его окраин по преимуществу инородческого населения, желающих если не полного отделения от Русского государства, то, по крайней мере, зависимости от него только на федеративных началах. – Опасливое предположение о возможности, что на областных соборах выразятся политически автономные стремления, при видимой его основательности, мы должны устранить в силу следующих соображений.

1) Областные соборы явятся в значении особого органа в жизни и деятельности Церкви. Церковь преследует свои духовно-воспитательные задачи и цели, не имеющие ничего общего с задачами и целями государства. Сфера чисто политических дел чужда Церкви. Следовательно, чуждою она должна быть и даже областных соборов, как особых установлений Церкви.

2) В святом деле церковного устройства областные соборы прежде всего и больше всего будут призваны к обсуждению и решению вопросов применительно к церковным потребностям и бытовым особенностям данного края или области. Но в специальном и бытовом характере

обсуждений и постановлений нельзя усматривать никакого опасения для политического разобщения,—нельзя усматривать именно потому, что то будут обсуждения и постановления строго духовного содержания, не только не смешиваемые с политическими тенденциями, но и не имеющие к ним никакого отношения.

3) Те же областные соборы должны собираться и действовать в зависимости от патриарха, Синода и Поместных Соборов. Строго установленная и проведенная связь с высшим представителем русской Церкви и ее первостепенными учреждениями и установлениями и прямая от них зависимость послужат прочным залогом и ручательством, что названные соборы, не разрывая единство с Церковью, никогда не допустят ничего, что было бы изменой их призванию, вторжением в несоответствующую сферу суждений и дел и что хотя косвенно клонило бы к ущербу интересам государственной жизни.

4) Церковь и государство – это два совершенно особых царства. Церковь есть царство от мира сего – Царство Божие, устрояющее духовными средствами вечное спасение людей. Государство – царство земное, имеющее в виду обеспечить внешний порядок жизни, дать гражданину в его земном положении возможность спокойного и правильного удовлетворения жизненных потребностей. Но, при этой разнице в существе и задачах двух учреждений, православная вселенская Церковь, неуклонно верная учению своего Божественного Основателя и заветам святых апостолов, всегда относилась к государству с полной благожелательностью и ей свойственным благорасположением. Она усматривает в государстве необходимую форму общежития, установленную Творцом мира и Устроителем всего миропорядка. Она видит в нем защиту людей от нападения внешних врагов и опору для поддержания внешнего порядка в общежитии. Она признает за государством принадлежащие ему права законодательства, управления и суда. Она внушает своим членам неизменную верность гражданскому долгу, повиновение государственным распоряжениям и исполнение всех гражданских обязанностей. Она молится о благополучии и благосостоянии государства и ту же молитву внушает своим чадам.

В полном единении и согласии со вселенской Церковью, и русская Церковь искони дорожила государством как тем, что необходимо, что дорого ее сынам. Она одухотворяла, укрепляла и возвышала государство внесением в его жизнь святых начал правды и мира, внушением гражданам добродетелей терпения и христианской бодрости. Своим веянием она смягчила и умирала зло княжеских междоусобий. Она не допустила русского человека пасть духом за длинный тяжелый период монгольского ига. Усиленными стараниями о прекращении княжеской розни она могуче содействовала объединению Руси под державою Московских великих князей и царей. Она же, воодушевив русских людей в защиту православной веры, спасла Русь от грозившей ей окончательной гибели в смутное время самозванства. Своею духовно-нравственной поддержкой и влиянием Церковь не переставала содействовать государству в его добрых и полезных достижениях до времени реформы Петра 1, когда, ослабленная в своем течении на народные массы, парализованная в своей инициативе и широкой, свободной жизнедеятельности, привязанная к государству для почти исключительного служения только в его мирских интересах, Церковь была вынуждена к служению только формальному под указанием государственной власти и под ее велениями. Но, верная своей святой миссии насаждения среди людей правды, справедливости, мира и любви, русская Церковь всегда горела и горит желанием служить Русскому государству существенным приподнятием достоинства жизни в нем и существующих в жизни отношений. И если государство дорожило благом своего единства и цельности, Церковь, благословляя единение своих чад в союзе братского согласия, устраняя раздоры и нестроения, где бы и в чем они ни проявлялись, по отношению к единству государственной жизни не может относиться иначе, как с своим благожеланием и соответствующим содействием.

Отсюда должны падать всякие опасения на тот счет, что своим установлением областных соборов, действиями и распоряжениями на этих соборах, Церковь может поколебать Русское государство разъединением его частей, хотя бы эти части были с инородческим населением.

О духовном суде

По вопросу о духовном суде и о его преобразовании со своей стороны находил бы нужным предложить следующие соображения.

Духовный суд, опираясь в своем основании на канонические правила, с внешней стороны во многих случаях должен применяться и применяется к существующим формам и узаконениям суда гражданского. Так, в производстве следствий духовный суд пользуется всецело не только формами, но и всеми узаконениями суда гражданского, действующего согласно судебным уставам 20 ноября 1864 года. Судебные уставы 1864 года имеют целью создать и обеспечить суд скорый, правый и милостивый. В согласование с этой целью, и организация духовного суда должна бы гарантировать подсудимым лицам – прежде всего – суд скорый. Между тем крайняя медленность является отличительной чертой духовного суда. Она состоит в прямой зависимости от совершенно неудовлетворительной постановки в производстве следствий.

Производство следствий обыкновенно поручается приходским священникам. Священники эти заняты исполнением прямых обязанностей своего приходского служения и потому являются медлительными в судебных поручениях часто поневоле. В продолжение Великого поста приходский священник не может приступить к производству данного ему следствия – при всей необходимой его поспешности – потому, что не может оставить без говения сотни или тысячи прихожан. Случаи чрезвычайной занятости приходского священника повторяются не раз и в остальное время года, когда ему нужно совершить установленные в приходе крестные ходы, нужно обойти со святыми иконами не только деревни, но и дома и т. п. К этому должно присоединить еще то невыгодное для скорости следственного производства обстоятельство, что в Сибири духовные следователи для необходимых поездок получают установленные проездные бланки только на 8 месяцев. За летнюю треть года следовательно, по неимению бланков, лишается возможности производить следствие, как бы оно неотложно ни было.

Замедляются следствия в их своевременном производстве и окончании и потому, что, за неопытностью духовных следователей, консистория часто бывает вынуждена возвращать им присланные следственные дела для их восполнения и исправления. Неопытность духовных следователей в исполнении следственных поручений связана с тем, что они не получают для этого дела никакой, даже элементарной, подготовки. По Духовному Ведомству не существует особого, постоянного института духовных следователей. Согласно § 158 Уст. дух. консист., исследование судебных дел возлагается на доверенных духовных лиц, и, согласно указу Св. Синода от 5 апреля 1881 года № 5, следователи назначаются преосвященными, по личному их выбору, из бескорыстных, опытных и наиболее дельных священнослужителей. Но где взять опытных для следственного производства священников, когда для опыта в этом деле не дается никаких сведений не только в семинариях, но и в духовных академиях, и не имеется руководительных указаний даже в Уставе духовных консисторий? Исключительное пользование законами общего судопроизводства невозможно, так как духовный суд имеет свои специальные стороны. Остается пользоваться руководствами для духовных следователей, изданными частными лицами. Но руководства эти нельзя признать вполне удовлетворительными, и их издатели в предисловиях сами сознаются, что вопрос о том, какими из законов общего гражданского судопроизводства должны руководствоваться духовные следователи, доселе является открытым.

Для устранения ненормальных явлений в духовном суде необходимо:

- 1) В Уставе дух. консист. внести особый отдел о духовных следователях с точным и ясным указанием законов, которыми они должны руководствоваться.
- 2) Уравнять духовных следователей в правах со следователями других ведомств.
- 3) Внести в преподавание духовных семинарий предмет законоведения, хотя в самых общих чертах, дабы священники были ознакомлены с действующими законами нашего государства.
- 4) Для производства следствий назначать священников, по возможности более свободных от обязанностей приходского служения.

Уставом дух. консисторий и указом Св. Синода от 5 апреля 1881 г. № 5 предусматривается возможность коллективного производства следствий комиссиями из священников, известных добрым поведением. В настоящее время обязанности таких следственных комиссий легко могли бы быть перенесены на благочиннические советы, состоящие из благочинного и двух

священников, избранных духовенством благочиннического округа. Вместе с правом производства следствия, благочинническим советам можно бы предоставить и право высказывать по судебному делу свое мнение, давать по нему отзыв. Таким путем, с одной стороны, была бы устранена возможность пристрастного производства следствия, с другой стороны – епархиальное начальство приобретало бы более данных для правильного решения дела. С перенесением на благочиннические советы следственного производства, последние должны быть узаконены в качестве судебно-административных единиц общего епархиального управления с точным определением их прав, обязанностей и полномочий.

Что касается самого духовного суда, то в интересах подсудимого было бы желательно, чтобы последнему было предоставлено право давать объяснения лично при слушании его дела в консистории, что было бы вполне согласно и с § 163 Уст. дух. консистории. О своем желании присутствовать лично при слушании дела обвиняемый должен заявлять подписью в заключении следственного делопроизводства. Кроме того, ввиду большой занятости членов консистории делами по своим специальным столам, той занятости, которая нередко лишает их возможности отнестись к судному делу с надлежащей полнотой внимания, было бы не только желательно, но и необходимо присутствие при решении судных дел с правом голоса еще одного члена, избираемого на срок духовенством на общепархиальном съезде.

О необходимости оживления приходских общин

Вопрос о благоустройстве православных приходов стал неотложным особенно после Высочайшего указа Правительствующему Сенату от 17 апреля 1905 года, коим объявлена свобода вероисповеданий. По смыслу этого указа все инославные религиозные общины, а также общины старообрядческие и сектантские получают права на самую широкую внутреннюю организацию в установлении форм своей религиозной жизни. Православные приходы этих прав внутренней организации и самоуправления не имеют, находясь всецело под смотрением не только епархиальной, но и гражданской власти. Таким образом, господствующая в России Церковь и ее установления находятся в более невыгодном положении, чем инославные и старообрядческие общины.

В устранение этой слишком прискорбной ненормальности необходима прежде всего общая мера, состоящая в предоставлении всей Церкви полной, ничем не стесняемой свободы в управлении ее внутренними делами, и затем, в частности, настоятельно требуется призвать к обновленной жизни церковные общины, обнимаемые православными приходами. Пусть каждая из церковных общин живет насколько возможно более свободно и развивается из себя на святых, указуемых Церковью началах. Пусть она свободно открывает школы, устраивает из добрых и полезных книг библиотеки, созидает благотворительные учреждения, заботится о нравственном преуспевании своих членов. В последнем отношении было бы желательно, если бы община в своей среде производила нравственный суд, обличая упорство в безнравственности и исключая из общины нравственно неисправимых людей. Более подробную организацию православно-приходской общины мы наметили бы в следующем виде.

1) Каждый из православных христиан должен непременно принадлежать к какому-нибудь приходу, хотя бы по временам и не жил в районе своего прихода, – должен нести расход на содержание церкви, причта, просветительных и благотворительных учреждений. Желательно, чтобы приходов, очень больших по количеству душ, не было. Нормальный при одном священнике приход не должен превышать 1000 душ муж. пола. Священник, как пастырь, стоящий во главе прихода, обязан знать всех своих пасомых и должен вести их списки, с указанием против каждого лица рода занятий, времени рождения, крещения, бракосочетания и исполнения таинств Церкви и, в случае выселения прихожанина, с отметкой о времени и месте выселения.

2) Для ближайшего ознакомления со своими прихожанами священник возможно чаще посещает их дома для назидательных бесед. Особенно близки его сердцу должны быть больные, бедные, пострадавшие от несчастных случаев и нетвердые в вере.

3) Все общие приходские церковные дела должны обсуждаться на церковных приходских собраниях, собирающихся не менее двух раз в год (весной и осенью), а текущими делами прихода заведует церковный совет, состоящий из священника, церковного старосты и вполне благонаправленных и благонадежных лиц, выбираемых всем приходом на определенный срок. На всех собраниях и заседаниях председательствует священник, и все дела собраний и совета подлежат контролю, в чем нужно, и утверждению епархиального преосвященного.

Для благоустройства и украшения приходского храма, обеспечения в материальном отношении причта, для устройства и поддержания школы, больниц, богаделен и домов призрения бедных и сирот, а также в целях нравственного воздействия членов прихода друг на друга, в каждом приходе непременно должно быть учреждено попечительство.

Членами попечительства должны быть все правоспособные прихожане обоюбого пола. Делами его ближайшим образом заведует приходский совет. Средства попечительства состояются из членских взносов, добровольных пожертвований как от прихожан, так и от посторонних лиц. В случае экстренной нужды прихожане по взаимному согласию могут производить в своей среде денежную раскладку. Собственно церковные суммы, употребляемые главным образом на содержание духовно-учебных заведений, т. е. на подготовку пастырей Церкви, не должны быть предоставляемы в распоряжение попечительств. «Никто не присвоит церковного достояния» – завещано 2-м правилом Феофила, архиеписк. Александрийского. Указом Св. Синода от 11 октября 1868 года предписано епархиальным преосвященным внушать представителям приходских попечительств, что попечительства учреждаются для воспособления Правительству и Церкви в поддержании церковного благолепия, в обеспечении

священноцерковнослужителей, распространении духовного образования, и что они ни в каком случае не должны посягать на достояние, принадлежащее Церкви.

Вопрос о материальном обеспечении духовенства заслуживает полнейшего внимания. Ввиду того, что пастыри нынешнего времени должны употреблять все свое время на служение пастве, решительно необходимо, чтобы духовенство не было обременяемо напряженными заботами об обеспечении своих материальных нужд. Обеспечение должно быть равное, одинаковое по отношению к причтам всех приходов. Оно может совершиться или из Государственного Казначейства, или через денежное обложение прихожан. В последнем случае раскладками сборы могут производиться так, как это проектировано в правилах о финляндских приходах. Обеспечение должно быть достаточное, чтобы духовенству не было необходимости брать платы за совершение треб и таинств или, для усиления средств содержания, заниматься какими-либо несвойственными ему предприятиями торгово-промышленного характера. Установлением одинакового содержания для причтов всех приходов будет устранена одна из важнейших причин частой смены священнослужителями мест своего приходского служения.

В помощь приходским общинам в деле повышения общенародной нравственности Правительство должно бы своими распоряжениями прекратить уличное пьянство, ко вреду и соблазну слабых развившееся со времени открытия монополии.

О духовно-учебных заведениях

По вопросу об усовершенствовании в постановке духовно-учебных заведений нельзя не признать желательным, чтобы на эти учебные заведения более не возлагалась специальная задача приготовления церковных пастырей, чтобы таким образом вопрос о приготовлении духовных пастырей был отделен от вопроса о воспитании духовенства православной Церкви.

Тем не менее и духовные училища и духовные семинарии нужно оставить сословными учебно-образовательными заведениями – с допущением детей светских родителей только в том случае, когда окажутся свободными ученические вакансии.

Преподавание в духовных училищах должно быть усилено введением новых языков и предмета краткой гражданской истории.

Что касается древних языков, то необходимо: 1) начинать их изучение не одновременно, чтобы дать возможность детям сначала освоиться с одним языком и потом с большей легкостью приступить к изучению другого; 2) оживлять изучение древних (мертвых) языков ознакомлением детей с жизнью древних народов, которые говорили на тех языках. Неуспешность в изучении языков – как новых, так и древних – не делать причиной для задержания учеников на повторительный курс и тем более для исключения из училища.

По-прежнему нужно сохранить духовные училища, как самостоятельные учебные заведения, и не соединять в восьмиклассные семинарии, как это проектируется некоторыми представителями духовенства, ибо в педагогическом отношении слишком очевидна невыгода совместной жизни детей с юношами.

Для оживления учебного дела в духовных семинариях было бы чрезвычайно важно и полезно возвращение к порядкам, какие в учебном отношении установлены были уставом 1867 года, когда: а) преподавателям семинарии предоставлена была значительная инициатива и самостоятельность в исполнении возложенного на них дела, б) когда преподавание математики велось по обширной программе и в преподавании видное значение имели науки философского характера (философия, логика, педагогика).

Соответственно потребностям времени, необходимо ввести еще в круг семинарских наук: а) законоведение, б) космографию, в) краткую медицину и улучшить постановку преподавания новых языков на счет более сокращенного изучения языков древних.

Для детальной разработки программ по предметам семинарского обучения и согласования этих программ между собой, представляется безусловно необходимым поручить это дело избранным депутатам, от всех духовных семинарий, так как разработка этих педагогических вопросов отдельными лицами или корпорациями не обещает большой пользы и угрожает той опасностью, что и новый устав семинарий, составленный канцелярским способом, а не путем живого обмена мыслей сведущих людей, может пройти мимо многих запросов жизни без ответа и удовлетворения.

Особенно необходимо такое совещание для уяснения важного вопроса о воспитании в семинариях – ввиду того, что этот вопрос решается в настоящее время различно: одни желают приблизить духовно-учебное заведение к жизни и за идеал для воспитания духовных юношей берут добрую, образованную и культурную семью современного общественного уклада, другие не отказываются от мысли поставить воспитание в семинарии чуть не по образцам монастырской жизни.

Пастырские курсы

В настоящее время стало господствующим убеждение о необходимости совершенно отделить школу пастырскую от общеобразовательной школы и о воспитании детей духовенства так же, как воспитывается светское юношество в гимназиях.

Близко стоявшие к духовной школе лица высказались, что двойственность целей, какие преследовались духовными семинариями, где давалось общее образование и где приготавливались будущие служители Церкви, стала основной причиной всех неурядиц в жизни семинарии ближайшего времени.

Рассмотрев вопрос о приготовлении достойных кандидатов священства, мы пришли к следующему заключению.

Желательно для сей цели открыть двухгодичные или трехгодичные пастырские курсы из слушателей, чувствующих в себе призвание к пастырскому служению и подготовленных к слушанию полным прохождением среднеобразовательной школы.

Пастырские курсы должны составлять совершенно самостоятельное учреждение, ничем не связанное с духовными семинариями. Предназначаемые для приготовления кандидатов священства, курсы во всех отраслях и сторонах своей жизни должны подчиняться смотрению и руководственным указаниям епархиального преосвященного, от которого главным образом будет зависеть назначение на должность начальника курсов и выбор лиц в преподавательский состав.

Занятия на курсах будут состоять в изучении предметов: богословских, церковно-исторических и церковно-практических. Еврейский язык должен быть введен в качестве обязательного предмета.

Преимущественное же внимание слушателей следует обращать на изучение: а) слова Божия с его чтением по возможности на греческом и отчасти на еврейском языках и с толкованиями на основании творений св. отец и учителей Церкви; б) святоотеческой литературы с чтением, по крайней мере, в переводном тексте выдающихся произведений этой литературы. Желательно, чтобы при этом не были оставляемы в забвении и произведения русской церковно-народной письменности.

При изучении предметов церковно-практического содержания с особой тщательностью и заботливостью должно быть обставлено преподавание церковного проповедничества. Оно усиленно должно быть направлено к тому, чтобы подготовить проповедников с живым словом, а не простых составителей малодейственных писанных поучений. С целью приготовления слушателей пастырских курсов к живому в проповедничестве слову, потребуется возможно частое упражнение их в импровизации, их ознакомление с правилами декламации и вообще со всеми практическими приемами живого проповедничества под ближайшим, если найдется возможность, руководством лучшего проповедника в епархиальном городе.

Само собой разумеется, что в ряд предметов преподавания на рассматриваемых курсах должен быть непременно включен и предмет расколоведения для изучения противощерковной и сектантской литературы и способов борьбы с расколосектантами.

О приобретении церковных имуществ

Переходя к вопросу о приобретении недвижимой собственности церковными учреждениями: церквами, монастырями и архиерейскими домами, прежде всего нельзя не пожелать, чтобы действующее доселе ограничение в приобретении – каждый раз с Высочайшего соизволения – было снято. Для этого стесняющего ограничения нельзя подыскать никаких существенно важных оснований. Несомненно, оно является остатком той политики нашего Правительства, когда последнее, из опасения огромного сосредоточения в руках Церкви земельных владений, должно было оберегать интересы казны, терявшей с церковных имуществ, как имуществ привилегированных, всякую доходность. Ныне к уплате казенных налогов привлечены все владения, а потому какого-либо ущерба для государственных финансов от церковных имений ожидать уже нельзя. Если порядок церковного приобретения каждый раз с Высочайшего разрешения установлен и практикуется с целью обереечь церкви, монастыри и архиерейские дома от приобретений спорных, невыгодных и вообще экономически-сомнительных, то достижение этой цели возможно иным путем – путем обращения приобретателей к сведущим людям, в частности – к юрисконсультам, для предварительного обсуждения относительно юридической благонадежности данного приобретения.

Желательно не только снятие указанного ограничения, но и необходимо законодательное изменение в смысле большего расширения прав Церкви, ее органов, ее представителей, на приобретение имущественных владений. В настоящее время субъектами права церковного владения являются, как перечислено выше, церкви, монастыри, архиерейские дома (кафедры) и еще, пожалуй, епархиальные съезды, поскольку за ними признается право устраивать епархиальные свечные заводы и другие хозяйственные учреждения. Но жизнь предъявляет требование на большее. Она заявляет надобность, чтобы от права на приобретение собственности не было устраняемо все духовенство той или иной епархии. Для законоположения в этом смысле едва ли могут встретиться препятствия, если духовенство будет рассматриваться как сословие, как корпорация.

Мало того: было бы чрезвычайно важно и в интересах Церкви полезно, чтобы с осуществлением церковной реформы корпоративное начало в приложении к Церкви законодательством было проведено насколько возможно полнее, т. е. чтобы право имущественного приобретения было признано за всеми православными обществами – за приходом, епархией и даже за православным обществом целой области. Тогда, для покрытия различных церковно-общественных нужд, церковно-православные общины могли бы иметь свои имущественные владения в качестве постоянного источника доходности.

Епархиальные съезды

Епархиальные съезды духовенства, вызванные к жизни Уставом дух. семинарий 1867 года, в своих суждениях и решениях были ограничены узкой сферой вопросов и дел чисто экономического характера в сословных интересах. Постройка и расширение зданий для мужских духовных и епархиальных женских училищ и общежитий при них, изыскание денежных средств на усиление вознаграждения начальствующего и учащего состава при означенных; училищах и на улучшение содержания учащихся – вот чем почти исключительно занимались на своих заседаниях съезды в первые годы после своего возникновения. За последние десятилетия съезды, в своих стремлениях расширить предоставленную им компетенцию, во многих случаях расширили ее: усиленной деятельностью по устройству в разных видах взаимопомощи в среде духовенства и благотворительного обеспечения престарелых, сирот и вдов духовного звания. Во многих епархиях съездами учреждены эмеритальные И страховые для духовенства кассы, устроены приюты для церковнослужительских вдов, сирот, для покрытия разных сословных нужд, построены свечные заводы, открыты свечные лавки, и выражены, а в некоторых случаях и исполнены заботы о приобретении на приходские средства причтовых домов. Но и эта в расширенном виде деятельность съездов является все-таки деятельностью материальной в узкосословных границах. Во всяком случае, проявленная съездами большая деловая энергия доказала их полную жизнеспособность. Отсюда, не только желательно, но и прямо необходимо установить компетенцию съездов так, чтобы сюда входили не только дела материальноэкономические и сословные, но и запросы и нужды пастырского служения. Религиозно-нравственное состояние населения епархии, те или иные недостатки в этом состоянии, меры к их устранению и вообще к приподнятию религиозно-нравственной жизни, духовно-просветительное дело и дело миссионерское по отношению к расколо-сектантству, магометанству или язычеству, благотворительное дело в епархии – все это и подобное самым существенным образом должно занимать представителей съездов на их заседаниях. Должно бы предоставить съездам и некоторое канонически дозволенное участие в епархиальном управлении – избранием на духовно-административные должности в консистории и рассмотрением консисторских отчетов и т. п.

Съезды должны собираться в епархиальном городе периодически правильно, если не ежегодно, то по крайней мере раз в два года. В своем личном составе они должны определяться свободно-избирательным порядком по благочиниям, без всякого внешнего указания и давления. Для обсуждений по вопросам и предметам церковно-общественного характера желательно привлечение на съезды избранных, также по благочиниям, городских и сельских представителей от мирян.

Предметы обсуждения предстоящего съезда объявляются заранее. В своем указании и обозначении они должны исходить от епархиального преосвященного, но этим не устраняется и собственная инициатива съезда поставить на очередь тот или иной, по его мнению, неотложный вопрос. В случае участия на заседании съезда мирян, было бы лучше, если бы на нем председательствовал сам епископ. В других случаях, с согласия епископа, председательство может замещаться лицом по выбору самого съезда. В заявлении мнений и желаний каждому члену съезда должна быть предоставлена полная свобода. Но все свои заключения и постановления съезд обязан представить на благоусмотрение преосвященного, и только после его одобрения и утверждения они получают силу и значение решений к исполнению. Так непременно должно быть потому, что ответственный правитель епархии есть епископ, и никакое постановление какого бы то ни было епархиального собрания, никакое мнение большинства не может освободить его от ответственности за какую-нибудь принимаемую по епархии меру, если этой меры не одобряет его собственная мысль и совесть.

Впрочем, в случае, когда епархиальный преосвященный отказал бы в одобрении и утверждении тому из постановлений съезда, на целесообразности и полезности которого последний настаивал бы с особой энергией, нежелательный конфликт может быть передан на рассмотрение областного собора. Епархиальные съезды, поставленные в предназначенном виде, приобрели бы возможное жизненное значение вспомогательного и совещательного при епископе органа по всем вопросам и нуждам епархиальной жизни, во всей ее целокупности.

Об участии духовенства в общественных учреждениях

Вопрос об участии духовенства в общественных учреждениях в настоящую пору выдвигается с особой силой и настойчивостью.

В настоящее время постоянно приходится слышать и читать о безжизненном отношении духовенства к общественным нуждам и интересам, о том, что духовенство, являясь замкнутым и сословным, не имеет нравственной связи с обществом и надлежащего влияния на последнее. Разобщенность образованного в русском обществе класса с Церковью и самим духовенством, упадок приходов и отсутствие церковно-приходской жизни приводят к тому и делу в подтверждение таких отрицательных суждений о духовенстве.

В синодальном предложении указаны два существующих по данному вопросу противоположных мнения. По одному из них, участие духовенства в городских, земских и сельских общественных учреждениях, вводящее пастырей Церкви в круговорот мирских дел, совершенно несогласно с прямыми обязанностями и вечными началами пастырского служения. По другому мнению, участие в общественных учреждениях со стороны духовенства, которому не должны быть чужды и мирские нужды пасомых, открывает ему широкое поприще для проведения и в этой мирской области христианских начал и для утверждения своего нравственно-просветительного влияния.

С первым мнением согласиться едва ли возможно, хотя оно нередко оправдывается и каноническими указаниями и тем соображением, что духовенство участием в мирских делах, подобно католическому духовенству, выразит неуместное вмешательство в светские дела государства.

Канонические запрещения в рассматриваемом деле находят в 6-м и 81-м правилах св. апостолов и 3-м правиле Халкидонского – 4 Вселенского Собора. Но, при надлежащем истолковании и понимании этих правил, открывается, что по существу такого запрещения они в себе не содержат.

6-м и 81-м апостольскими правилами епископам, пресвитерам и диаконам запрещается участие в народном управлении того времени, т. е. в управлении языческом, которое по своему духу и строю так часто и резко противоречило евангельским и христианским началам. Что касается 3-го пр. Халкидонского Собора, то ясно, что здесь не только запрещается, но и порицается такое участие клириков в мирских делах, какое совершалось бы «ради гнусного прибытка», «из сребролюбия», с полным «небрежением о Божием служении». При истолковании этого правила знаменитый Вальсамон со своей стороны говорит: «По епископскому поручению лица духовные, не подвергаясь осуждению, могут устроить не только церковные, но и гражданские дела». При отсутствии действительных канонических запрещений, за участие духовенства в общественных учреждениях сильно и внушительно говорит практика церковно-исторической жизни.

В греческой Церкви епископам было предоставлено право заведования всеми делами общественной благотворительности и наблюдения за правильным распределением пожертвований. Там же, в греческой Церкви, высшему духовенству в городе вместе со светскими знатнейшими гражданами предоставлялась ежегодная ревизия всего управления городскими общественными заведениями и попечение, чтобы общественные недвижимые имущества не были незаконно завладеваемы, чтобы граждане не были подвергаемы каким-либо незаконным поборам, чтобы купцы не производили торговли противозаконно. Из законов Юстиниана, Юстина младшего и Ираклия можно видеть, что епископы имели даже участие в делах гражданского и уголовного суда над лицами всех состояний.

То же самое видим мы и в истории русской Церкви вплоть до синодального периода.

Русские князья, начиная со святого Владимира, сами призывали митрополитов и епископов к участию в своих государственных делах. На княжеских советах первое место после князя занимало духовенство, и здесь оно употребляло все свое влияние для лучшего государственного устройства. За время княжеских междоусобий русская иерархия являлась постоянной ходатаицей за общенародное благо, и при княжеских переговорах послы-мироотворцы из представителей духовенства были в ту пору обычным явлением.

Государственная и общественная деятельность духовенства в последующие периоды русской жизни слишком известна, чтобы о ней распространяться. Имена святителей Петра,

Алексия, Ионы, Филиппа, патриархов Гермогена и Филарета, архимандрита Дионисия, келаря Палицына и многих других в памяти истории связаны с крупнейшими патриотическими заслугами, совершенными в то время, когда и низшее приходское духовенство не переставало себя заявлять полезной земской деятельностью. При всей значительности государственного и общественного влияния русское духовенство, вопреки католическому, никогда не хотело воспользоваться силой этого влияния для того, чтобы добиться независимости от светской власти и господственно распоряжаться в той области, которая составляет область «кесареву».

Со времени Петра 1 Правительство своими распоряжениями и действиями начало все больше и больше устранять духовенство от гражданского влияния, что повело к замкнутости духовенства, его разобщенности с обществом и той его приниженности, в которой оно утратило и само желание гражданского участия.

Ненормальность такого положения дел была признана во время освободительных реформ Императора Александра 2 когда, в желаниях восстановить деятельное участие духовенства в жизни общества, «Положением о земских городских учреждениях» членам клира было предоставлено право принимать участие в этих учреждениях в качестве депутатов епархиального начальства. Но это было только началом дела, которое следует продолжить и довершить. Нужно восстановить издавна принадлежащее русскому духовенству право на самое широкое участие в гражданских и общественных учреждениях страны, начиная с Государственной Думы и кончая сельским сходом. Нужно это в великих целях нравственного и патриотического влияния и, вместе с тем, для возвышения авторитета духовенства и уничтожения его узкосословной замкнутости.

Вопросы веры, нуждающиеся в разработке и уяснении

По условиям современной жизни с многочисленными и разнообразными в ней течениями, не благоприятствующими православной вере, было бы чрезвычайно важно, если бы на предстоящем Всероссийском Соборе были обсуждены некоторые из предметов православного вероучения – для их возможно большего подтверждения в общественном сознании, уяснения и для авторитетного осуждения учений и воззрений ложных и вредных. К предметам необходимого обсуждения мы отнесли бы следующие.

Догматы веры представляют самую главную, самую важную в ней сторону. В прежнее время верующее общество видело в догматах, как основных истинах веры, самое ее существо. Верующие усматривали в догматах опору для истинного благочестия, справедливо думая, что малейшая в них погрешность непременно должна отразиться погрешностью в жизни и деятельности. В догматах люди видели непогрешимый ответ Самого Божества на вечно волнующие человеческий ум вопросы. Вот почему в споры о вере вносилось более страстного увлечения, чем во всякие другие споры. Тем же объясняется и то, почему отцы и учителя Церкви с такой точностью старались определить на вселенских соборах основные догматические истины христианского вероучения. В интеллигентной части современного общества замечается сильная склонность не предавать догматам существенного значения. Главнейшую и важнейшую сторону веры она готова усматривать и часто усматривает только в ее нравственных указаниях, как бы намеренно забывая, что нравственная сторона веры опирается на догматическую, как на свое основание. В интересах веры следовало бы на ближайшем Поместном Соборе с торжественностью подтвердить вечную силу и значение св. догматов как того, чем определяется вера во всей совокупности ее содержания и ее проявления.

На почве протестантской теологии давно уже возникло направление философского характера, по которому христианский догмат о Святой Троице не только искажается, но и совершенно отрицается. Здесь Св. Троица понимается, как три момента мыслящего духа, а именно, как 1) непосредственно еще не выяснившееся и не определившееся самосознание; 2) самосознание, определившееся через посредство рассудка, и 3) отсюда происходящее сознание единства духа с самим собою, как познающим и познаваемым (Шеллинг, Гегель, Вейсе, Штраус). Рационалистическое учение западных философов и богословов о Троице проникло в наше отечество и имеет своих горячих последователей. Граф Толстой и его сторонники-«толстовцы» в своем учении о Троице выражаются так: «Бог-Дух-разум, Бог-Отец – жизнь, Бог-Сын – разум в жизни. Три сии – едино суть». К такому воззрению присоединяются нередко так называемые передовые люди нашего общества, и среди них заметно увлекаются им люди благонамеренные, не говоря уже о молодежи. Оставлять без рассмотрения учение такого искусного художника-литератора, как Толстой, невозможно без того, чтобы не последовало еще большего увлечения заблуждением, чем какое существует в настоящее время. Необходимо рассмотреть это учение, определить его ложь и указать средства борьбы с ним.

Не меньшему искажению и извращению подвергается догмат о Лице Иисуса Христа. В богословском рационализме принимается за несомненное, что Иисус Христос был обыкновенный человек, никогда не выдававший себя за существо божественного достоинства. Если же христианство исповедует Иисуса Христа Богом, то эта вера обязана своим происхождением будто бы самим христианам, главным образом – церковной иерархии, которая облекла человека Иисуса ореолом божественной святости, благодати и милости и таким образом создала Христа-Бога. Этот взгляд рационалистов пришелся также по душе нашей увлекающейся интеллигенции и особенно по душе интеллигентной молодежи, мало вдумчивой, старающейся схватить все на лету, без разбора и критической оценки. Было бы потребно указание Собора о необходимости подробного разбора этого взгляда и его опровержения с тем, чтобы разбором и опровержением могли воспользоваться законоучительские кафедры среднеобразовательных школ.

Не меньшего внимания для обстоятельного разбора заслуживает взгляд на христианство и мессианство Ницше, этого нового провозвестника Мессии – «сверхчеловека», заслуживает внимания потому, что взгляд Ницше лег в основу социального движения, быстро охватившего весь рабочий класс, и в нашем отечестве нашел себе популяризатора в лице художника-писателя Максима Горького. К каким печальным последствиям может повести философия Ницше в своем быстром распространении и влиянии на наше общество! Достаточно указать, что ее

содержанием: а) отрицается всякая религия, как и религия христианская: «Умерли все боги, – говорит Ницше, – теперь мы хотим, чтобы жил сверхчеловек»; б) Лицо Христа Спасителя подменяется Мессией – «сверхчеловеком»; в) ниспровергается все нравственное христианское учение, ибо в сверхчеловеке «самая борьба страстей будет одушевленной и ревнивою борьбою добродетелей», и то, что мы называем жестокостью, тиранией, гневом, или страданием, унынием и т. д., в сверхчеловеке будет «совершенным и невинным движением сил, подъемом волны его жизни до небес и снисхождением до глубины земли»; и наконец, г) провозглашается анархизм с ниспровержением всякого существующего строя.

Но и независимо от такого отрицательного направления, в самом православном христианском учении следовало бы установить и более точное и более обоснованное воззрение на дело искупления Христа Спасителя. Формально-юридический взгляд, по которому сущность искупления полагается только в отплате Божию правосудию смертью Искупителя за человеческий грех, нужно бы восполнить учением о спасении в смысле «всыновления», коим предполагается не одно только внешнее удовлетворение правде Божией за грехи человечества, но и действительное восстановление духовной жизни человека. Таким образом, кроме объективной стороны, в учение об искуплении должна быть внесена и субъективная сторона, под которой нужно разуметь участие самого человека в искуплении Сына Божия исканием примирения с Богом, желанием искупления от греховной болезненности для общения с Творцом. Учение в этом смысле должно быть сформулировано ясно и точно – в противоположность одностороннему католическо-протестантскому учению об искуплении, как внешнем юридическом акте.

В тесной связи с догматом об искуплении находится учение о первородном грехе, о происхождении человека и его природе, о смерти, будущем воскресении и загробной жизни.

По библейскому учению, человек есть существо духовно-телесное. Он состоит из тела и души – двух отличных друг от друга начал, причем душа дается как бы непосредственно от Бога, а тело слагается из материальных элементов, и только в совокупности он составляет то живое существо, которое называется человек. Различение этих начал очевидно в местах Писания, изображающих смерть человеческую, как разлучение души от тела, а также изображающих воскресение мертвых под видом возвращения души в тело. Учение о двухчастном составе человека находится в неразрывном отношении к догматам: воплощения Самого Сына Божия, нашего освящения, нетления св. мощей, евхаристии, о Церкви, как теле Христовом, и о загробном состоянии душ до времени всеобщего воскресения, как том состоянии, которое для праведных является предначатием блаженства, а не полнотою блаженства, возможной только с телесным восстановлением человека. Учение о двухчастном составе не допускает пагубного материалистического воззрения на человека; им отстраняется и то мнение, по которому душа, отличная от тела, не лишена будто бы все-таки некоторой материальности и вещественности. Наряду с учением о двухчастном составе человека существуют указания на его трехчастный состав – из духа (*jtve-upa*), души (*yoxл*) и тела (*ойцос*). Точная, ясная и обоснованная формулировка учения о двухчастном составе человека в связи этого учения с вышеуказанными догматами необходима. Необходима она еще и потому, что с тем же учением неразрывно связано и учение о происхождении душ. Здесь существовали и существуют три мнения: одни допускали предсуществование душ (предестинизм) другие утверждают, что душа и тело вместе зачинаются и рождаются от родителей (традуционизм); третьи учили, что души каждый раз творятся Богом вновь (креационизм). Большинство богословов принимают смешанную теорию – в том смысле и виде, что души человеческие происходят от душ прародителей посредством и в силу творческого благословения людям: «Раститесь и множитесь» (Быт.1:28). Такой теорией устраняются недостатки других воззрений, и при ней становится удобно приемлемым догмат о распространении первородного греха от родителей на детей путем естественного рождения. Тем не менее она остается только мнением и потому для поднятия в своем авторитете нуждается в уяснении и в санкции со стороны духовного собора.

Учение о бессмертии души со своей стороны требовало бы уясненности и обоснованности. Слово Божие ясно говорит о бессмертии души, о загробном существовании души и по отделении от тела; но оно не сообщает никаких подробностей о бессмертии души в метафизическом смысле ее субстанциональной неуничтожимости и об основаниях для этой неуничтожимости. Было бы желательно уяснить и точнее сформулировать учение о личном бессмертии, тем более, что с этим учением тесно связан догмат о посмертных наградах и наказаниях. Ни один христианский

догмат не подвергался стольким нареканиям и возражениям со стороны недоверчивого ума, как догмат о вечности мучений. Многие находят, что а) учение о вечности мучений находится в прямом противоречии с божественными свойствами премудрости, правды и благодати, и что б) злое настроение и направление грешника в будущей жизни должно прекратиться на том основании, что в той жизни нет места для предметов, питающих человеческие страсти. В этом пункте православного вероучения также требуется многое уяснить, опираясь не только на первичные источники веры в Священном Писании и Предании, но и на соображения богословствующего разума.

Верная духу и заветам древней Христовой Церкви и – вместе – основываясь в своем вероучении на двух главных источниках: Священном Писании и Священном Предании, святая православная Церковь признает 7 таинств, почитает Пресвятую Деву Богородицу, святых ангелов и святых Божиих людей, обращается к святым в молитвенном призывании, чтит мощи святых и святые иконы. И если отпавшая от православия римско-католическая Церковь еще удерживает в своем одностороннем воззрении (каковое особенно сказывается в перевесе видимого, человеческого элемента над невидимым, Божественным, например, в теории таинств – *opus operatum*) многие из перечисленных догматов, то протестантство, руководствующееся везде и во всем началами разума, почти всецело их отвергает. В нашем отечестве под влиянием протестантства образовалось множество сект. Сюда относятся молокане, хлыстовцы, штундисты, толстовцы и проч., отрицающие внешнее богослужение, иерархию, таинства, клятвы, гражданские суды, войны и т. п. Ввиду сего, по указанию Собора, в православном богословии с возможно большей подробностью и обстоятельностью должно быть развито и уяснено учение о св. таинствах, благодатной силе и действенности таинств, о почитании св. ангелов, св. Божиих мужей и жен и их святых останков – св. мощей, св. икон, о молитвенном призывании святых, о молитве Церкви за умерших, о необходимости внешнего общественного богослужения, о значении клятвы и присяги и т. п.

Не излишне авторитетное от имени Церкви указание, что пастыри православной Церкви, оберегая паству от чуждых верований, заблуждений и ересей, оставаясь верными христиански братской любви, пред которой исчезают все национальные особенности народов, и молясь «о мире всего мира и соединении всех», не могут и не должны поступаться вселенской истиной, входить с инославными христианами в разные компромиссы и делать уступки чего-либо из своих верований. Не могут и не должны ни малейше поступаться истиной и в своих сношениях с сектами, образовавшимися в нашем отечестве под влиянием протестантства.

Об устройении миссионерского дела

Изданием Высочайшего указа от 17 апреля 1905 года о веротерпимости пастырство православной Церкви призывается к большей самостоятельности в деле утверждения и охранения православия, чем какой заявляло себя доселе, когда интересы господствующего вероисповедания оберегались государственными законами и гражданской властью. С устранением этой внешней поддержки пастыри должны идти в своем великом деле совершенно самостоятельно и защищать паству «от волка грядуща» исключительно сами. Отселе они призваны защищать своих чад и приумножать паству только силами постоянно бодрствующего духа, молитвы и пастырской созидательной любви. Потребуется от них в духовном делании много труда при неослабном пастырском одушевлении. Такая перемена в положении пастырства на Руси, естественно, должна отразиться и на миссионерском деле, потому что миссионерство есть тоже пастырство, тот же апостольский труд с целью наставления, ограждения и приумножения членов Церкви теми же духовными средствами.

До сих пор миссионерская деятельность по отношению к старообрядцам и сектантам в русской Церкви была возлагаема на специальных миссионеров – епархиальных и окружных. Приходские священники были освобождаемы от миссионерского дела, почему в большинстве привыкли думать, что оно их не касается, что на то имеются особые лица. Специальный миссионер обычно вел свое служение в таком виде: прибыв в селение, зараженное расколосектантством, через местную сельскую полицию собирает сельчан на беседу. Отказаться от беседы, под полицейским к ней понуждением, не всегда возможно, и идут сельчане и выслушивают с недоверием и даже с озлоблением наставления миссионера или же устраивают ему состязание в пикировке и остроумии и во всяком случае бывают рады, когда миссионер распрощается с ними после одной или двух бесед. Такие беседы малоплодны и, после указа 17 апреля, при отсутствии принуждения, едва ли и возможны. Очевидно, должен быть принят другой способ общения со старообрядцами и сектантами, способ на почве доверия и искренности собеседников. Лучшие из миссионеров Томской епархии утверждают, что наиболее плодотворный способ общения со старообрядцами и сектантами – это личное и доброе с ними знакомство. При таком знакомстве можно пригласить расколо-сектантов и на публичную беседу, можно пойти просто в дом старообрядца или сектанта и собрать сюда даже несколько семейств. Мирную и кроткую беседу, чуждую всякой официальности, с человеком хотя иных убеждений, но знакомым и приобретшим доверие, расколо-сектант любит. От такой беседы не уклонится и женщина, имеющая в расколе огромное значение. Но эти условия неосуществимы для наших епархиальных миссионеров с их официальным положением, с их громадными районами, с многочисленным населением, с их крайне редкими посещениями отдельных селений. Хожение для бесед по домам мало возможно и для благочиннических миссионеров в их округах. Оно доступно только приходскому священнику у себя в приходе. Наезжий миссионер, например, не может взять под свое руководство новообращенного, нуждающегося в дальнейшем наставлении.

Только приходский священник в своем приходе может быть истинным миссионером.

Это положение подтверждается еще тем соображением, что православные жители зараженных старообрядчеством и сектантством мест нуждаются в предупреждающем наставлении относительно соприкосновенных толков и сект. Они должны знать, как к представителям разномыслия относиться, что отвечать на их вопросы и возражения. Здесь мы должны указать тот печальный для православия факт, что старообрядцы и сектанты как везде, так и у нас, в отдаленной Сибири, в грамотности и знании по предметам веры стоят далеко выше православных. Раскольник знает, чем его толк отличается от других, сектант знает Евангелие и везде готов его читать и объяснять, тот и другой умеют по своему разумению полемизировать с православными, которые в огромном большинстве являются безответными и даже поразительно несведущими. Необходимо православных довести до того, чтобы они умом и сердцем почувствовали правоту своей веры и могли разобраться в возражениях противников. В этом – самое сильное средство борьбы с расколо-сектантством, средство, предупреждающее совражения православных, которые сами могут явиться помощниками миссионера.

Нужны непрестанные забота и деятельность для религиозно-нравственного просвещения паствы. А что в этом отношении может сделать незначительная кучка миссионеров, например, в Томской епархии с ее двухмиллионным населением на пространстве 753 тысячи квадратных

верст? Это – дело приходских пастырей. Они должны научить пасомых основным истинам веры и в этом научении предупреждать всякие уклонения от единства словесного стада. Вообще, если пастырь устроит свой приход и с внешней и с внутренней стороны, если он не будет подавать повода к упрекам в несоответствующей жизни и в небрежном исполнении богослужения, если со всей искренностью будет заботиться о том, чтобы раскрыть и показать правоту и красоту православного учения и с ним связанной нравственной жизни, то можно быть уверенным, что пасомые не уйдут от такого пастыря в страну далекую – к старообрядцам и сектантам, и никто из них не погибнет, разве сын погибельный. Если пастырю удастся в своем приходе возжечь светильник Христовой любви и благочестия, то к этому светильнику, источающему лучи божественного света и тепла, соберутся все, ищущие Христовой правды и сохранившие в своем сердце способность к ее восприятию даже из среды старообрядчества и сектантства.

Таким образом, первым миссионером должен быть пастырь в своем приходе. Высшим же миссионером всей епархии является епархиальный архипастырь, при объездах посещающий свою обширную паству, как некогда посещал ее великий Павел, для отеческого надзора за ее жизнью, для архипастырских назиданий, наставлений и предупреждений, для одушевления пастырей в ревности их служения.

Указанием ближайших деятелей миссионерства не устраняется и особый епархиальный миссионер, как научно подготовленный специалист, имеющий общее руководство в деле епархиального миссионерства и наблюдение за жизнью и развитием расколо-сектантства не только в своей епархии, но и во всей стране. Такой специалист, стоящий во всякое время в курсе дела, имеющий возможность ознакомиться с литературой предмета, явится желанным помощником для приходских пастырей – особенно в тех затруднительных случаях, когда потребуются подробные, специальные знания. Объезжая ежегодно свой район, такой специалист-миссионер может дать полную и цельную картину положения миссионерского дела в епархии.

Если ближайшим миссионером в приходе должен быть его пастырь, то для него необходима основательная, соответственная высоте и важности дела подготовка. Желательна иная, лучшая постановка миссионерских предметов в пастырских школах – не с одним заучиванием учебников и выдержек из старопечатных книг, но и с достаточным знакомством с святоотеческими творениями и произведениями древнерусской церковной письменности.

Во всяком случае, в миссионерские приходы священники должны быть назначаемы с большим разбором, особенно в те приходы, где имеются сектанты. Средства пастырской деятельности священника по отношению к старообрядцам и сектантам, конечно, во многом будут зависеть от него самого; во всей совокупности они не могут подлежать точной регламентации. Но нельзя не упомянуть, что кроме чтений, живых бесед и распространения соответственных книг и брошюр священнику может оказать большую помощь школа, особенно если он сам будет преподавать в ней предмет Закона Божия.

Для успешности в указанной деятельности прежде всего необходим подъем пастырского духа в самих священниках. Необходимо, чтобы пастыри прониклись сознанием высокой важности своего призвания и великой ответственности за души пасомых. Необходимо в их сердцах наличность пастырской ревности и самоотверженной пастырской любви.

Но истинное пастырство трудно. Оно есть подвижничество более высокое, чем иночество. Пастырю необходима поддержка в его делании возгреванием его духа. В одиночестве, без сочувствия и взаимной братской любви и участия, пастырство, как и монашество, особенно в начале подвига, является почти невозможным для слабых сил человека. В одиночестве пастырь может потерять свою ревность, опуститься умственно и нравственно. Регулярные пастырские и миссионерские съезды послужат самым действительным средством для поддержки пастырского духа. Они доставят миссионеру-пастырю и общение, и объединение со своими братьями. Обмен мыслями, впечатлениями и опытом, разбор общими силами недоуменных случаев и неразрешенных вопросов, участливое отношение всех членов съезда друг к другу и особенно к новичкам в этом деле – вот залог успеха пастырства. Без поддержки, без участия нельзя обойтись. Съезды, может быть, одушевили и поддержали бы многих из пастырей, которые в своем служении уже опустили руки. Примером одушевляющего значения съездов может служить Алтайская миссия, где миссионеры, наскучившие одиночеством в глухих углах, с великой радостью спешат к центральному пункту миссии для заслушивания годовичного отчета. Здесь вместе с общим отцом-начальником миссии они обсуждают нужды и положение миссии,

прочитывают в своей миссионерской семье отчеты и дневники каждого из деятелей миссии, обсуждают их и выводят необходимые заключения и указания для большего успеха в дальнейшем ведении трудного дела. Здесь миссионеры набираются мыслей и опыта, наслаждаются обществом своих собратий и возгревают свою ревность и одушевление, которыми так выгодно отличаются от приходских священников. На съездах пастырей- миссионеров, будут ли они собираться в епархиальном или уездном городе, непременно должен присутствовать епархиальный миссионер.

Привычка к старым обрядам, каких держались отцы и деды, в старообрядческом обществе настолько сильна, что побороть ее является делом чрезвычайно трудным. Для старообрядцев она служит серьезнейшим препятствием к соединению с православной Церковью; но сама по себе не столько она важна, чтобы из-за нее можно было устранять от общения с православием и людей немощных. Существует единоверие с сохранением старых обрядов. Да по существу эти старые обряды ничем не разнятся от новых. Поэтому для богослужебной практики православных приходов, где имеются старообрядцы, следовало бы дозволить совершение отдельных треб по старым книгам и обрядам, если священник усмотрит в том надобность в миссионерских целях. Нам приходилось слышать заявления достойнейших пастырей, что старообрядцы с охотой обращаются к православному священнику, если он делает им некоторую уступку в излюбленных обрядах.

Вообще в настоящий момент особенно своевременно подумать об единоверии и об условиях принятия в него, – особенно своевременно потому, что рано или поздно вопрос о соединении старообрядцев, по преимуществу последователей Австрийского согласия, с православной Церковью силой обстоятельств должен быть поставлен в качестве самого животрепещущего вопроса.

Имеем здесь в виду следующее. До объявления веротерпимости (17 апреля 1905 года) старообрядцы и сектанты находились в России в положении опальных. Они подвергались некоторого рода стеснениям и даже иногда преследованиям. Стеснения побуждали их к протесту, к борьбе, и тем самым приводили к стройной организации. Старообрядчество и сектантство были главным образом сильны духом своего рода исповедничества, питались и поддерживались враждой к «угнетателям», т. е. к православным. У старообрядцев – беспоповцев даже вероучение было приспособлено к этому состоянию. Свое странное положение без священства и без таинств они объясняли тем, что со времени Никона и Петра на Руси воцарился антихрист, потребивший жертву Христову и преследующий истинных христиан. Но вдруг этот антихрист прекращает свои гонения и объявляет свободу совести. Беспоповцы растерялись или, по меньшей мере, переживают состояние недоумения. Австрийщина, при своей прочно сложившейся организации, не перестает быть сильной. Несомненно, она воспользуется дарованной веротерпимостью для того, чтобы развить все средства своего внешнего заявления. Но, при отсутствии борьбы, с устранением мотивов к ней, при одностороннем и крайнем пристрастии к форме, оскудение жизни в Австрийщине неминуемо. Вообще, о расколе нужно сказать, что, самовольно отделившись от святой Церкви, он тем самым встал на путь самочиния и непослушания и потому должен придти к разложению. Уже теперь у старообрядцев наблюдается распадение на множество разнообразнейших толков, уже появляются среди них лица, не принадлежащие ни к какому толку, живущие и верующие «сами по себе», причем собственный произвол возводится чуть не на степень догмата. Весь раскол начинает уже принимать характер рационализма и приближаться к сектантству. Лучшие и более искренние люди из старообрядцев, не удовлетворенные и огорченные таким положением своих общин, будут искать истины вне их, т. е. в православии. Сюда же выразят свою склонность и последователи Австрийского согласия – особенно с того времени, когда православно-русская Церковь, оставшаяся с одними духовными средствами воздействия, поднимется в силу своего авторитета и влияния. Необходимо своевременно подготовить вопрос о принятии в единоверие не на основании только признания старого обряда, но и снятием смущающих старообрядчество известных клятв Большого Московского Собора 1666–1667 гг., что может быть совершенно Всероссийским Поместным Собором по сношении с Восточными патриархами.

Относительно миссии среди инородцев нужно сказать, что кроме целей чисто церковных эти миссии иногда преследуют и цели государственные, направленные к обрусению инородческого населения. Смешанность целей не может служить на пользу миссионерскому делу. Особенно невыгодна она там, где миссия действует по отношению к инородцам, у которых уже пробуждено

или пробуждается национальное самосознание и где наблюдается некоторое недоверие и нерасположение к русским. В этих случаях миссии могут потерять в успехе своего святого дела, если будут настойчиво проводить посторонние, несвойственные им цели. Невыгодность выступает тем очевиднее, что вслед за миссионером первыми представителями русской культуры среди инородцев нашего отечества являются не лучшие люди в религиозном и нравственном отношении, а худшие, любители наживы, проходимцы, эксплуатирующие инородцев самым беззастенчивым образом и имеющие на новообращенных развращающее влияние. От таких нежелательных элементов из русского населения много теряла и теряет Алтайская миссия. Установлением единства духовно-просветительной цели миссии не устраняется и не может быть устранено гражданское воздействие миссионеров в том смысле, что они обучают по крайней мере некоторых из обращенных инородцев русскому языку, открывают школы с преимущественным преподаванием на русском языке и приобщают инородцев к добрым началам русской жизни. Но такое воздействие не должно быть нарочито направленным к делу обрусения. Оно должно быть только сопутствующим тому святому назначению, для которого миссии учреждаются и существуют, т. е. назначению приведения инородцев к свету Христовой истины.

В частности, по отношению к Алтайской миссии было бы в высшей степени важно и желательно, чтобы представители местной светской власти, не вмешиваясь во внутренние дела миссии, нигде и ни в чем не препятствуя духовно-просветительному влиянию деятелей миссии, со своей стороны усилили заботы о лучшем устройении быта инородцев в правовом и экономическом отношениях, а также об ограждении их земель и владений от вторжения и захвата со стороны русских переселенцев.

№63, преосвященного Лаврентия, епископа Тульского, от 30 ноября 1905 года

Прежде, нежели отвечать на предложенные г. синодальным обер-прокурором вопросы, долгом считаю сказать несколько слов о причинах, вызвавших самое возникновение этих вопросов.

Мысль о восстановлении патриаршества в России и созвании Поместного Всероссийского Собора весной 1905 года быстро облетела всю Россию и почти всеми, особенно так называемыми либеральными газетами, радостно была приветствуема. Правда, и прежде случалось раза два-три слышать и говорить об этом; но прежде поговорят и замолчат; ныне не то: теперь составляется целая комиссия для разработки этого вопроса и запрашивается мнение священников по этому вопросу. Нельзя не удивляться сему. Кому не известно, что Церковь была в цветущем состоянии, когда патриархов не было в первые три века; что Иоанн Златоуст, Афанасий и Кирилл Александрийские не потому велики, что были патриархами, а потому, что были действительно велики; что наши русские митрополиты Петр, Алексей, Иона и Филипп, Стефан Яворский, Димитрий Ростовский, даже епископы: Митрофан Воронежский, Иннокентий Иркутский, Тихон Задонский, – каждый в отдельности, имели значение для России более, чем десять патриархов, взятые вместе; что даже современные нам митрополиты Московские Платон и Филарет имели более значения, чем любой из патриархов, исключая разве патриархов Филарета и Никона? Дело не в имени, а в духе и силе. То же можно сказать и о соборах: бывали соборы еретические, бывали разбойничьи; обыкновенно соборы созывались для уничтожения ересей, но ересей они не уничтожали; после Никейского Собора ересь арианская еще более усилилась; против монофизитов и монофелитов были Соборы Вселенские: 3, 4, 5 и 6, но ересь эта существует и до сего времени; иконоборство, против которого был 7 Вселенский Собор, существует и в наше время. После собора 1667 года раскол в России еще более усилился. Соборы созывались для определения правильного учения о каком-либо догмате веры, но теперь догматы все определены: ни прибавлять, ни изменять мы не имеем права. И если собор дерзнет изменить не только догматы, но даже вековые обычаи Церкви, например узаконит браки в более близких степенях родства, чем они узаконены в канонах Церкви, или станет рукополагать во епископы белых священников, хотя бы и надевая на голову их монашеский клобук, – это может привести, пожалуй, раскол. Народ, пожалуй, назовет этих епископов поддельными. Итак, где же причина того, что понравилась мысль об учреждении патриаршества и созвании Собора? Причина эта кроется в недовольстве теперешним Святейшим Синодом. Чем же недовольны Святейшим Синодом? На этот вопрос и нужно обратить самое серьезное внимание: в нем все дело.

1) Святейший Синод менее всего походит на то, что мы называем освященным собором. Это – правительственное учреждение; входите в него, – вас встречает швейцар с булавой; затем курьеры с золотыми и серебряными медалями, далее – чиновники, чиновники, чиновники без конца... и между ними 4–5 старичков-епископов, которые летом являются раз в неделю, а зимою два раза, на два часа; им предлагают по выбору несколько дел для решения, иногда и неважных. Почему бы не сделать так, как (в Римской курии) в католичестве, чтобы управляющими разными отдельными частями были епископы, обер-секретарями и секретарями – протоиереи и архимандриты, столоничальниками – иереи и диаконы и проч.? Тогда бы каждый входящий в Святейший Синод чувствовал, что он входит не в обыкновенное присутственное место, а в нечто особенное – святое место. Тогда епископы были бы у нас знающими законы. По моему мнению, в Святейшем Синоде должно быть не менее 12 епископов, по примеру св. 12 апостолов, с первоверховным во главе, который в важных случаях (а таких случаев немного: например, избрание епископа) беседует с Государем так, как например, беседовал митрополит Алексей с Димитрием Донским. Эти 12 избираются собором епископов, избираются на пять лет; чрез каждый пять лет собирается собор как для переизбрания членов Святейшего Синода, так и для ревизии дел его в последнее пятилетие. К этим 12 назначается столько же кандидатов на случай смерти кого-либо из них. Они участвуют в Государственном Совете, у них есть викарные епископы, которые в отсутствие их управляют епархией. Доколе не избавимся от чиновников, доколе о свободе Церкви говорить нечего. Один из редакторов духовного журнала говорил мне, что самые злейшие статьи против иерархии пишутся чиновниками Духовного Ведомства.

Недавно один чиновник произнес в «Обществе любителей духовного просвещения» памфлет на церковную иерархию – и по-прежнему служит в том же ведомстве. Никакой порядочный человек не станет произносить хулы на свою мать, бесчестить свой дом; этого нигде, ни в каком ведомстве не бывает, этому должен быть положен предел и в нашем ведомстве.

2) Недовольны порядком избрания во епископы, перемещением их с одной кафедры на другую, награждением их и увольнением на покой без видимой причины. Избрание во епископы должно совершаться епископами всей России. Из трех, получивших большее число голосов, один выбирается так, как это делалось в древности: клались билеты на престол, служили молебны, и затем первосвященник брал один из них: тот, чье имя написано в этом билете, считался избранным. При этом обряде не только могут, но и должны присутствовать миряне, молясь Богу, чтобы Бог указал достойного. Если в древней христианской Церкви миряне иногда участвовали в избрании епископа, то при этом в большинстве случаев происходили беспорядки, иногда выбирали еретиков в епископы; посему свв. Отцы и запретили участие мирян в избрании епископов. Епископы должны быть несменяемы. А то иной епископ епархий десять переменит: то его переведут, то сам просит перевести. Понятно, он не сживется ни с одной. Суд над епископами и следствие должны производиться епископами – не менее, как двенадцатью. Увольнение на покой должно быть по суду. Награждение орденами должно быть оставлено, как обычай для древней Церкви неизвестный. Производство в архиепископы должно производиться или чрез известное время лет, или избранием епископов. Пенсия должна быть увеличена до пенсии губернаторской.

3) Недовольны тем, что почти все дела епархиальной жизни, даже мелочи, идут на рассмотрение Святейшего Синода, и чрез это осложнилось делопроизводство и усилилась бумажная переписка. В такой обширной стране, как Россия, Святейший Синод не может сам за всем смотреть и по необходимости должен смотреть на все глазами чиновников, рассылаемых им повсюду. И двадцатой части бумаг он не может прочитать и по необходимости должен подписывать их, не читая. Отсюда иногда могут происходить даже злоупотребления; так, преосвященный Савва рассказывает, что в одном из указов Святейшего Синода Московскому митрополиту Филарету было написано не то определение, которое сделано Святейшим Синодом. Власть епархиального архиерея почти уничтожается Святейшим Синодом:

а) Семинарии взяты Святейшим Синодом в полное свое распоряжение, так что архиерей не может ни уволить наставника семинарии, хотя бы он был нигилист или развратник, ни переместить одного из них на место другого, ни определить на должность помощника инспектора или учителя училища. Семинарии наши славились, когда были под властью епархиального архиерея; они стали падать, когда подпали под власть Духовно-Учебного Управления, и совершенно упали при Духовно-Учебном Комитете. Думаю, каждый архиерей скажет, что такие академии, какой показала себя в текущем году Московская и частью Петербургская, не только не нужны для Церкви Божией, но вредны. Каких наставников они могут давать для семинарий? Каковы академии, таковы и семинарии: они не только не готовят служителей Церкви, даже не желают готовить. Наставники сами чуждаются священного сана, чтобы не сказать более. Сорок пять семинарий в нынешнем году забастовали. Ведь это ужасно, ведь этого при управлении семинариями архиереев не могло бы быть! Если у одного архиерея было худо, зато у другого хорошо; если один архиерей принял плохой учебник, зато другой его отверг. Теперь учебники рассылаются Учебным Комитетом. История вселенской и русской Церкви говорит, что обязанность готовить пастырей Церкви лежала на епархиальном архиерее, а не на Синоде (Амивросий Медиоланский, Иов Новгородский, Платон Московский и др.).

б) Церковно-приходские школы, как самое название показывает, должны быть в ведении епархиального архиерея; между тем Святейший Синод создал целое министерство для управления ими с целой массой чиновников больших и малых, для жительства которых устроил миллионное здание. Он с невниманием отнесся к старым вековым испытанным слугам Церкви, каковы о.о. благочинные – прежние поповские старосты: он учредил епархиальных и уездных наблюдателей, которые, конечно, хуже могут смотреть за школой уже по тому одному, что благочинных в уезде много, а наблюдатель один; справедливо говорил один высокопоставленный чиновник: «Каков будет обер-прокурор, а другой одним словом, одним взмахом пера может передать церковные школы в ведение земства», – чего не может быть, если церковные школы будут в ведении епархиального архиерея. Если один архиерей отдаст, зато другой душу за них положит. Правда, при архиереях школы будут бедные, зато они будут

оплотом православия и самодержавия и во всяком случае не будут иметь того разрушительного влияния, какое имеют богатые земские школы.

в) Браки совершаются по благословению епископа, по благословению епископа они должны и расторгаться; бракоразводные дела должны быть изъяты из ведения Святейшего Синода.

г) Святейший Синод устроил при себе техническо-строительный комитет, без позволения коего нельзя устроить никакого здания. Епархиальное духовенство вышло из пеленок и само может строиться; архитекторы есть в каждом городе; они учились в тех же школах, как и те, которые заседают в техническо-строительном комитете при Святейшем Синоде, и, конечно, лучше могут смотреть за постройками, чем синодальные за тысячу верст, которые приезжают на день, много на два, часа два – три осматривают постройки и дают свое решающее заключение; можно посему избавить епархиальное начальство: не спрашивать, где построить училище и как построить его; на месте это лучше видно, чем за тысячу или две тысячи верст. Слышно, что Святейший Синод хочет всячески взять в свое заведование страхование церквей и монастырей во всей империи; сколько для этого потребуется новых чиновников? Может быть, потребуется новое дорогое здание для жительства их? Сколько злоупотреблений, сколько оскорблений для архиереев, для монашествующей братии! Ведь был монастырский приказ: зачем восстанавливать его вновь? В последнее время Святейший Синод простер свое влияние и на свечные заводы и берет себе полпроцента с чистого дохода на ревизии.

д) Губернатор сам назначает редакторов губернских ведомостей, сам и сменяет их. Епархиальный архиерей не пользуется таким доверием у Святейшего Синода. Он должен спрашивать на каждый случай разрешения и утверждения. Он не может переместить дурного игумена и не может переместить с места на место плохого священника: это, говорят, разоряет священников; а что плохой священник разоряет нравственно прихожан, – это ничего. Сколько понапрасну переводится бумаги! Теперь представьте, какой простор почувствуют члены Святейшего Синода, когда все эти учреждения выйдут из его непосредственного ведения; тогда он может заниматься свободно только предметами веры и благочестия. Какую свободу почувствуют православные архиереи, когда перестанут ездить по обширной России ревизоры Учебного Комитета, миссионеры, архитекторы синодальные и привозить в Святейший Синод разные сведения об архиереях! Как сократится число чиновников, сколько сбережется денег от одних прогонов! Теперь многоэтажные здания Синода требуют многих тысяч расхода, – тогда они будут приносить доход, и проч. и проч.

1) Недовольны властью обер-прокурора Святейшего Синода (странно, что об этом вопрос в отношении г. обер-прокурора ничего не говорится, а между прочим из-за него и все дело встало), и так называемые либералы и консерваторы недовольны ею. Прокурор – глава Церкви, он управляет Церковью, он не только чиновников, но архиереев назначает, награждает, перемещает с одной кафедры на другую; он, как стена, стоит между Церковью и Высочайшей властью. Такие речи слышатся и в обществе и в печати. Если посмотреть присутствие заседания Святейшего Синода, нельзя не заметить, что всякое ничтожное дело, например, закрытие вакансии какого-нибудь псаломщика в селе, увольнение чиновника Святейшего Синода в отпуск, прибавка жалованья, назначение пособия по случаю какого-нибудь несчастья, – все совершается по воле Святейшего Синода; по-видимому так, а на самом деле не так; ни один протокол не будет представлен к подписи членам Святейшего Синода, если на нем рукой прокурора не будет написано, что он им просмотрен; ни один протокол, подписанный всеми членами Святейшего Синода, не будет приведен в исполнение, если на нем не будет рукой прокурора написано: «исполнить»; когда введен этот порядок, узаконен ли он, – я не знаю, но только это не порядок. Прокурор есть око царю; он должен следить, не противоречит ли постановление Синода гражданским законам. Объясним это примером: несколько московских священников оказали сопротивление своему архиерею, отказались произнести составленную по его поручению проповедь, мало этого – напечатали в газетах свой протест, в котором глумились над своим епископом. Если бы Святейший Синод, действительно возмущенный таким проступком, положил выселить их из Москвы, то прокурор должен бы сказать: «Нет, этого нельзя, выселять из Москвы не ваше дело, это дело светской власти; вы можете запретить им священнослужение, перевести их на места священнические в села, послать в монастырь и проч., и только». Другой пример: несколько молодых наставников Московской духовной академии напечатали возмутительно дерзкий памфлет против своего епископа. Если бы Святейший Синод, возмущенный этим, положил уволить их и запретить им преподавание во всех учебных заведениях России, в таком

случае прокурор мог бы сказать: «Нет, уволить их из академии можете, а запретить преподавание во всех учебных заведениях не можете». Один из священников изрыгает дерзкие хулы на Церковь, иерархию, на ее Божественные каноны. Если бы Святейший Синод, справедливо возмущенный этим, положил заключить нового Никиту Пустосвята в кандалы и послать в какой-нибудь Пустозерск или Соловецкий монастырь и там содержать в тюрьме, то прокурор мог бы сказать: «Нет, это было и прошло, теперь этого делать нельзя, теперь вы можете лишить его сана и больше ничего». Такова должна быть деятельность прокурора в Святейшем Синоде. История показывает нам, что были прокуроры, которые хвалились своим мнением, что нет Бога; князь Голицын рассылал мистические книги по церквям. Граф Протасов, говорят, склонен был к католицизму: он произвел ломку наших духовно-учебных заведений, приведши их к гибели; граф Толстой вводил насильственно классицизм, но епископов с одной кафедры на другую не переводил, считая это незаконным; граф Толстой сокращал приходы. К. П. Победоносцев держался других воззрений; присутствие в Синоде протоиереев он считал неканоничным, и потому их в Синоде при нем не было. Нынешний прокурор только что вступил в должность, и уже сколько перемен: в состав членов Святейшего Синода уже введены протоиереи. В октябре месяце члены Святейшего Синода полагали: об автономии академий и думать нельзя, а в ноябре мы получили указ, что автономия академиям дана. Спрашивается: кто из прокуроров поступал канонично: Победоносцев или теперешний обер-прокурор? Такая шаткость бросает тень на самую Церковь православную. При устанавливаемом образе правительства прокурор может принадлежать к партии так называемых красных. Какие беды он может причинить Церкви Христовой! Как и Церковь, он не должен принадлежать ни к какой партии; в кабинете так называемого первого министра, без которого Россия благополучно прожила тысячу лет и раздвинула свои пределы до берегов Тихого океана и при котором не может справиться с почтовыми чиновниками, он должен принимать такое же участие, как и в Святейшем Синоде; он должен следить, не сделал ли этот кабинет постановления, противного Церкви и канонам церковным, и в противном случае докладывать об этом Святейшему Синоду для доклада Государю Императору. Назначаться на должность он должен не первым министром, а самим Государем по совету с первоверховным архипастырем. Служащие в Святейшем Синоде ему не подчинены; он определяет чиновников только своей канцелярии.

Такие недостатки синодального управления, действительные или мнимые, но о которых говорит общество, духовенство и печать, эти недостатки легко может устранить Высочайшая власть. Петр Великий уничтожил патриаршество и ввел синодальное управление; один из последующих Императоров может их исправить, поручив какому-либо иерарху, как Петр Великий Феофану Прокоповичу, написать новый регламент; вот этот-то регламент рассмотрит собор епископов без мирян. При этом долгом считаю добавить, что последний патриарх Адриан умер 16 октября 1700 года, а Святейший Синод утвержден 14 февраля 1721 года; значит, более 20 лет обдумывалось дело и притом одним из замечательнейших умом своего времени; передавать дело в различные епархиальные комиссии — значит увеличивать число писанной бумаги.

Теперь скажем несколько слов по предложенным нам вопросам.

1. По вопросу о разделении России на церковные округа

Разделение России на округа, кроме неудобств политических, имеет и другие неудобства; увеличивать центры административные, судебные – значит увеличивать судебную волокиту, увеличивать судебное делопроизводство. Человек, недовольный епархиальным судом, обратится к митрополиту, недовольный митрополитом обратится к патриарху. Иное дело – ради чести восстановить древние митрополии: в Новгороде, Ростове, Вильне, Тобольске; сим митрополитам можно предоставить иметь викарных епископов, право делать внушения епископам по поручению Синода, право рукополагать соседних епископов, право производить следствия над ними. Разделение Церкви, как и государства, никак не может быть одобрено, особенно в настоящее смутное время. Пусть неблагодарная Грузия смирится, тогда посмотрим. Говорят, духовенство грузинское стоит во главе восстания. Что же – из среды его назначать католикоса? За это лишают сана. За участие в восстании казнят, а не награждают.

2. О суде церковном

Спаситель говорит: «Отец отдал суд Сыну» (ср. Ин. 5:27), а св. Златоуст добавляет: «Сын отдал суд апостолам, а апостолы – епископам». Следовательно, об отделении суда от администрации и говорить нельзя; это будет противно канонам церковным, а также и самому Евангелию.

Консистории наши не так плохи, как о них говорят; их нельзя сравнивать с окружными судами, где действуют присяжные поверенные, наживающие огромные состояния. Как ни плохи секретари консисторий, но их никто не называл прелюбодеями мысли, ни разбойниками пера, ни мошенниками печати, как называют поверенных суда и адвокатов. Иное дело – говорить об увеличении числа епископов самостоятельных, что может быть достигнуто, когда викарные будут сделаны самостоятельными.

Консистории наши страдают от множества дел. Это число сократится, когда прекратится представление Св. Синоду многих епархиальных дел, например бракоразводных; во-вторых, когда мелкие дела, споры о разделении доходов, земли церковной, взаимное оскорбление членов причта, денежное взыскание не свыше 30 рублей будут переданы на окончательное решение благочинных и благочиннических советов; когда не будут производиться дела по анонимным доносам, по жалобам третьих лиц, по проступкам которых истек срок давности; когда браки в 5-й, 6-й и 7-й степени родства и браки лиц, не достигших церковного совершеннолетия, будут совершаться священниками без разрешения епархиального начальства; это и крестьян облегчит. Страдают консистории оттого, что нет в них председателя, лица ответственного, и от произвола секретарей, из которых некоторые очень мало занимаются делами консистории. Секретари должны быть назначаемы и избираемы самими консисториями и утверждаемы архиереями, а не обер-прокурором, как это делается теперь, и выбираться из столоначальников консистории, а не из молодых студентов. Члены консистории – двое из них должны назначаться Святейшим Синодом, двое – местным архиереем, двое могут избираться духовенством. Жалованье они должны получать во всяком случае больше секретаря; дела решает члены консистории, а секретарь только пишет. Консисториям должны быть подчинены все епархиальные учреждения: братства, эмеритальные и различного рода кассы, свечные заводы, попечительства и проч.

3. Об устройстве прихода

Обыкновенно говорят о несамостоятельности приходов: это не совсем справедливо. Кто жывал в деревне, то знает, что приход принимает живое участие во всех делах церковных: нужно ли построить церковь, ограду вокруг церкви, покрасить церковь и крышу на ней, возобновить иконостас, живопись на стенах церкви, – все эти дела решаются приходским сходом. Случатся в приходе сироты, – мир разберет их по домам; а «старика и старуху купил бы» – говорят в народе: старуха за детьми присмотрит, а старик – и за огородом, и за бахчей, и за пасекой, где она есть; посему село в богадельнях не нуждается, и они там не прививаются. Что же касается до текущих церковных расходов, то приходское участие выражается в них чрез церковного старосту и представителей. Желательно, чтобы приходу предоставлено было право юридического лица, право приобретать имущество для церкви, не испрашивая Высочайшего соизволения, – довольно разрешения епархиального начальства; предоставить же право выбирать священнослужителей правила церковные не дозволяют; право заведовать свечными доходами может повести к закрытию семинарии, необходимой для приготовления пастырей Церкви; желательно построение церквей в деревнях и уничтожение тех стеснений, которые требуются Уставом консисторий при построении церквей; желательно, чтобы духовенство принимало участие в земских и городских собраниях, – это несомненно поднимет его значение в глазах народа; желательно, чтобы духовенство или семья его не лишены были права на всякий честный труд, – это поднимет его благосостояние и избавит от вымогательства; желательно, чтобы придворное и военное духовенство было подчинено епархиальному начальству наравне с приходским духовенством; коротенькие с перехватом, с узенькими рукавами рясы, воротнички и нарукавчики, стрижение волос, игра в карты, табакокурение и даже танцы, искажение церковного богослужения, несоблюдение постов, – все это введено духовенством придворным и военным, и все это должно быть уничтожено. В мирное время нет никакой нужды в отдельном военном ведомстве, а недвижимые церкви, конечно, должны быть в епархиальном ведомстве. Духовенство должно быть всесословное, а вступать в брак должно с девицами духовного звания, – это предохранит их от обычаев, неприличных духовному сану.

4. О духовно-учебных заведениях

Общее желание духовенства, особенно священников столичных, городских и богатых сельских приходов, чтобы семинарии не отличались по программам от гимназий, что давало бы семинаристам доступ в университеты и другие высшие заведения. Но семинарии существуют не для университетов и других институтов, а для приготовления пастырей Церкви, потому должны иметь особый дух и характер; в этом пункте, как и во многом другом, я совершенно согласен с преосвященным Волынским. «Благо мужу, егда возьмет ярем от юности своея», – говорит пророк. В частности: можно выразить желание закрыть должность духовника, пользы от нее не было, а унижение сана священника было; ведь духовник – не член даже педагогического собрания, его не приглашают даже тогда, когда исключают воспитанника за дурное поведение; должность инспектора также лишняя; уничтожение этой должности избавит ректора от лени и гордости; кроме того, это будет выгодно в экономическом отношении; должность инспектора охотно может исправлять старший наставник, с прибавкой ему жалованья 600 рублей в год и квартиры; должность помощника инспектора должна соединяться с должностью наставника, с прибавкой ему жалованья и казенной квартиры. Педагогические советы должны быть уничтожены: доброму ректору они связывают руки, а худого не удержат от злоупотребления; экзамены должен производить ректор, а учитель – сдавать отчет пред ректором; служить в церкви должен всегда ректор и не унижать себя просьбой оплаты за службу; само собой разумеется, что ректор должен быть монах; никогда не надо забывать, что семинарии наши цвели, когда ректорами их были монахи. Если бы не было непонятного предубеждения в высшем управлении к монашеству и вообще к епископам, и недоверия к тем, для которых семинарии дороги, как приготовляющие лиц для совместного служения Церкви и отечеству, а не чиновников, для которых все равно, где ни служить, лишь бы получать жалованье, – семинарии не дошли бы до такого плачевного состояния, в котором они теперь находятся. Учителя должны получать определенное жалованье, не менее 1200 руб.: это избавит их от захвата уроков, которых должно быть у каждого не более 18, по 3 урока в день; этот оклад должен идти и в пенсию: прибавок жалованья не должно быть; не в интересах Церкви задерживать наставников в учебной службе, в ее интересах привлекать их на служение в сане священника; что касается до педагогической опытности, то в большинстве случаев это миф. Педагогическую опытность мне мало приходилось видеть, а педагогическую рутину и гордость – часто. Прослужившие пять лет и не принявшие духовного сана освобождаются от занятий в семинарии. Через двадцать пять лет должны выходить в отставку. Следует располагать наставников к поступлению во священники в двухштатные приходы. Хорошо иметь двух–трех помощников наставников, которые помогали бы больным и престарелым наставникам или наставникам-священникам и под руководством их подготавливались к педагогической деятельности. Подобные помощники прежде были.

Что касается академий, то это – самое больное место в духовно-учебном мире. Пора нам сознаться, что в академии студенты ничего не делают: на лекции не ходят, церкви не посещают, а посему и выходят из академии без всякого знания и с убеждениями иногда противорелигиозными и антиполитическими. Пора сознаться, что и профессора мало делают, на лекции ходят только на полчаса, программ не подают, читают Бог знает что. Последнее время вместо науки стали заниматься журналистикой и газетным делом. Пора сознаться, что нельзя в один или два года при двух уроках изучить то, на что в университетах полагается несколько лет и целые факультеты; вообще, светские науки должны быть исключены из академии. Но откуда же, скажут, брать наставников для семинарий? Из тех же университетов, лицеев и из лучших воспитанников семинарий. Последние будут дорожить своими местами и заниматься усерднее, чем кандидаты академий, которые думают более о своих правах, чем об обязанностях. В училищах должны преподавать семинаристы; известно, что духовные училища до тех пор и были хороши, пока преподавали в них семинаристы. Теперь толкуют об автономии академий; автономией академии до известной степени пользуются и теперь: они выбирают профессоров – ординарных и экстраординарных, доцентов, и – что же? – выбирают родственников; в 1895–1898 гг. почти все преподаватели Московской духовной академии были родственники; преподавателя языка, например английского, иногда избирают из лиц, которые не учились и совершенно не знают этого языка; эта должность считается добавочною, и как только доцента, преподающего английский язык, сделали экстраординарным профессором, он оставляет это преподавание и

отдает это старшему доценту. Желательна ли подобная автономия? Если уже теперь наставники академии дерзко восстали на своего митрополита, то чего от них ожидать, когда дана будет им автономия?

5.Об епархиальных съездах

Это – новейшее изобретение, которого древность не знала, хотя некоторые утверждают, будто бы были съезды в древней Руси, именно в «сборное воскресенье», первую неделю Великого поста. Мне думается, что под этими собраниями нужно разумеать собрания одного епархиального города, потому что собираться духовенству Новгородской епархии, которая по пространству равнялась чуть не целой Европе, и притом в неделю, когда православный люд привык говеть, весьма неудобно. После съездов медицинских, педагогических и некоторых епархиальных, например Казанского, Томского, бывших в нынешнем году, нельзя говорить о съездах иначе как с сожалением и негодованием. Съезды не служат выражением мнения духовенства – подобно тому, как почтовые стачечники и железнодорожные не служат выражением мнения чиновников. Съездами управляют обыкновенно два-три человека; не съезды устроили свечные заводы, Завели эмеритальные и другие кассы, а преосвященные. Там, где преосвященные не принимали участия почему-либо, там лет по тридцати спорили об уставах той или другой кассы и ни к чему не приходили. А вот что сделали съезды: они построили целые корпуса с барскими квартирами для ректоров, смотрителей училищ, с приемными, швейцарскими, с кабинетами для ректора, инспектора и помощников инспектора, сборные комнаты для наставников, но не подумали, как они будут содержать эти громадные здания; они разорили церкви, обложили их непомерными налогами (умный ректор, умная начальница епархиального заведения так умели обходиться с епархиальными съездами, что они назначали налоги чуть не на покупки карандашей); налогов этих так много, что сами семинарии потеряли им счет; съезды поселили недоверие прихожан к пастырям Церкви, так или иначе способствовали усилению штунды и раскола, приучили детей своих к роскоши, возвысили плату за воспитание детей в училищах, так что не только причетники, но и диаконы не могут воспитывать своих детей в семинарии. Прежде училища считали своих воспитанников сотнями, теперь считают десятками; есть училища, в которых воспитанников всего только 70–80 человек; посещая подобные училища и припоминая то училище, в котором сам учился, невольно вздохнешь и скажешь: «Куда девались эти сотни мальчиков?» Рассеялись они по светским школам, по железным дорогам, по телеграфным станциям, по барским и купеческим конторам, и, наконец, исчезают просто в крестьянстве» погибает наше сословие – этот оплот веры и нравственности. Семинарист, в семинарии кушавший рыбу в Великий пост, а в больнице – и мясо, хотя бы болел у него мозоль на ноге, не может мириться с скромной жизнью сельского пастыря и бежит из своего сословия, а если и наденет рясу, то требует себе вольного жития, держит своих прихожан на почтительном от себя расстоянии и является вымогательным. По моему мнению, съезды, определив минимум и максимум содержания учебных заведений, должны собираться раз через десять лет; они не дешево обходятся духовенству.

Что касается отношения духовенства к раскольникам и сектантам, – мне кажется, тут регламентации неудобны; нужно поступать благоразумно и по-божески, а этому учит не наука, а опыт жизни и главное – молитва. Простые неученые монахи часто сильнее действуют на душу, чем ученые богословы. Кому не известны подобные печальные факты: пришел семинарист в академию с теплой верой сердца, а в академии и потерял эту веру. Вот почему мы желаем, чтобы в академиях наставники были все монахи или священники, чтобы степени доктора удостоивались не те, которые разрушают веру или подрывают уважение к Церкви своими мнимыми учеными исследованиями, а только лица, облеченные саном священства; нужно иметь слишком много бесстыдства, чтобы в рясе или клобуке говорить такие речи, которые часто слышим на кафедре от доцента и профессора во фраке.

Мирно и тихо живет наше духовенство по селам и уездным городам, не волнуют его разные сомнения, а если и возникает иногда какой-либо вопрос, то оно старается находить решение его в канонах соборов, или в «Учительном известии», или в Священном Писании. А то поедет к соседнему благочестивому священнику, потолкуют с ним по душе по волнующему вопросу и мирно разъедутся. Объясню примером своей пастырской иерейской практики: исповедуется у меня один мещанин, и берет меня сомнение, следует ли его допустить к св. причащению; иду я к соседнему священнику, и вместе с ним решаем этот вопрос мирно. Но что было бы, если бы я этот вопрос представил на обсуждение пастырского собрания, на котором присутствовали бы и миряне? Какой бы поднялся спор, чего бы не наговорили: и о капризах священников, и об их

властолюбии и корыстолюбии, и о моем желании отличиться, и о незнании правил Духовного Регламента, и проч. и проч., и вышли бы из собрания раздраженные. Боюсь я этих собраний, особенно в настоящее смутное время; много на них бывает шума, но дела мало. Что, если и на нашем собрании будут присутствовать миряне? Судя по газетным и журнальным статьям, многие из них враждебно настроены против божественной иерархии. Собор – дело святое, а святое дело делается не учеными людьми, а людьми веры и благочестия. «Где премудр? где книжник? где совопросник века сего?» Ужели нельзя обойтись без этих совопросников? У каждого из нас есть Евангелие и каноны Церкви. Уже раз собирали этих канонистов и юристов. И они написали такие уставы, под которыми только один архиерей подписался. Зачем повторять опыт? Много и тогда было шума, но тогда делалось дело в кабинете. Что же будет теперь, когда все будет происходить гласно? Много будет соблазна. Притом разве могут считаться приглашенные представителями Церкви? Они должны быть выборные. А как их выбирать из ста сорока миллионов? По-моему, одни епископы должны быть на Соборе. Ни миряне, ни белое духовенство не должны участвовать. Если допустим белое духовенство, то как устраним черное, наиболее чтимое народом?

Я написал то, что видел, что слышал, о чем не раз сам рассуждал. Несомненно, что я переговорил, а кое-где, может быть, и не договорил. Заклучу словами древнего летописца: «Благословите, а не кляните». «Неужели я стал врагом вашим потому, что по убеждению моему говорю истину?» (Гал.4:16).

№64, преосвященного Димитрия, архиепископа Казанского, от 12 января 1906 года Предположения Казанского епархиального начальства по вопросу о преобразовании церковного управления в русской Церкви – центрального и епархиального

1. О разделении России на церковные округа под управлением митрополитов и о высшей власти в русской Церкви

По вопросу о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов, вызываемом необходимостью передачи дел второстепенной важности из высшего управления в местные установления, признается полезным восстановить состав митрополий в каноническом его виде, т. е. в виде особой инстанции церковного управления и суда, автономно заведующей делами управления и суда в пределах митрополичьего округа. Посему в будущем устройстве русской Церкви желательно видеть разделение ее на митрополии, вмещающие в своих пределах епископии. Правда, настоящее время как будто не благоприятствует возобновлению этого древнего строя Церкви. По церковному правилу: «Аще царскою властью вновь устроен или впредь устроен будет град, то распределение церковных приходов да последует гражданскому и земскому порядку» (4Всел. Соб. пр.17-е). Теперь Русская держава не представляет такого деления, которое могло бы служить основанием к образованию митрополий в древнем из значении. Теперь нельзя сказать, что «в митрополию (область) отовсюду стекаются все имеющие дела» (Анк. Соб. пр. 9-е); в Русском государстве таковых областей нет, следовательно, нет и оснований к возвеличению того или иного епископа согласно этому правилу. Русские генерал-губернаторства или наместничества и т. п. составляют скорее исключение, уступку необходимости в общем делении империи, чем норму, как общее правило. И, тем не менее, желательно было бы создать митрополичьи округа и помимо принорования (где это, конечно, невозможно) к гражданскому делению империи.

1. Пределы русской Церкви, совпадающие с пределами Русского государства, слишком обширны, чтобы ежегодно можно было собирать «Всероссийский Собор». К тому же нельзя допустить, чтобы все епархии зараз оставались без своих архипастырей. Между тем собираться на собор митрополитам, как представителям своих митрополий со всей совокупностью входящих в них епископий, весьма легко и удобно, и ущерба для дела от этого быть не может, напротив – приобретает выгода.

2. Духовные нужды и потребности епархий не везде одинаковы. В этом отношении их можно разделить на группы. Бесспорно, потребности епархий, например, Северо-Западного края, где преобладает католицизм, нельзя приравнять к епархиям, где преобладает штунда, или раскол, или другие какие-либо секты. Такое преобладание известных сект только в известном районе может служить достаточным основанием для образования митрополий; оно даже необходимо вызывает их образование. Не может подлежать сомнению, что ежегодное составление митрополичьих соборов несравненно легче, чем «всероссийских», и епископы, руководимые своими митрополитами, могут всесторонне и глубже обсудить нужды и потребности своих епархий, не отвлекаясь другими, мало касающимися их епархий, предметами, чем как это может быть на «Всероссийском Соборе», должностующем, естественно, прежде всего и главнее всего заняться общими нуждами Церкви. Необходимость явиться на собор – как говорится – «не с пустыми руками» заставит епископов быть более ревностными к своей пастырской обязанности, входить в живое и деятельное общение со своею паствою. А если предоставить митрополитам право визитаций входящих в их округ епископий, то это еще более должно усилить бдительность епархиальных епископов. Конечно, митрополичий собор действует только в пределах своей юрисдикции, какая ему определена будет, и решает вопросы только местные, касающиеся исключительно его области. Возникающие вопросы общего свойства он предоставляет на решение высшей церковной власти, ведающей всю русскую Церковь.

Ежегодное созывание Всероссийского Собора при таком строе не представляется необходимостью; он может быть созываем чрез несколько лет, смотря по нужде. На него обязаны являться все митрополиты, как канонические представители своих округов; но это не препятствует созывать и епархиальных епископов, откуда потребует надобность. Однако все они, и митрополиты, и епископы, будут заседать на Соборе, как равноправные, с одинаковым правом голоса.

Против указываемого образования митрополий может быть сделано возражение, что оно-де может повести к государственному сепаратизму, к стремлению митрополичьих округов, как более или менее автономных в церковном отношении, выделиться из государства, иначе говоря – к разрушению государственной целостности. Однако ж при постановке такого возражения прежде всего

возникает недоумение, почему же генерал-губернаторства, наместничества и т. п. не представляют сепаратистской опасности? Почему при образовании их не возникает такое опасение? История дает основания для него, между тем как из истории православной Церкви нельзя привести примера, чтобы митрополии когда-либо и где-либо легли в основу отделения той или иной области от того или иного государства. А зачем, действительно ли здесь предполагается дарование митрополиям такой автономии, которая естественно и необходимым образом должна вести к сепаратизму? Нет, даже тени этого не предполагается. Наоборот, предполагаемые митрополичьи округа, с указанной их деятельностью, могут только противодействовать государственному сепаратизму, ибо они будут заботиться о распространении и укреплении среди верующих правил христианской православной веры и подавления всякого рода лжеучений, к каковым относятся и национально-сепаратистские и иные либеральные и антицерковные и вместе антигосударственные и антиправительственные учения. Таким образом, и с этой стороны нужно желать образования церковных митрополичьих округов, а не противодействовать им. К тому же нужно помнить, что митрополиты обязаны повиновением своим патриархам и что правила Церкви строго карают отступление их от общения с патриархом, охраняя однако ж их ревность о сохранении чистоты, целости и неповрежденное веры (Конст. Двукр. Соб., пр. 15-е). Таким образом, и занятие чисто церковными делами и взаимоотношения епископов, митрополитов и патриархов – все говорит за отклонение всякого подозрения от митрополичьих округов в сепаратистских стремлениях.

Высшей центральной церковной властью, которой обязаны повиноваться все степени иерархии, может быть патриарх с постоянным при нем Священным Синодом, но может быть и один только Святейший Синод, как теперь в русской Церкви, мыслимый, как юридическая личность, заменяющий лицо патриарха. Постоянный Синод должен состоять из митрополитов; однако ж не все митрополиты зараз должны заседать в Синоде, но только одна половина или одна треть их, смотря по количеству всех митрополитов в русской Церкви. Каждый митрополит имеет заседать в Синоде не менее двух лет, причем смена митрополитов – членов постоянного Синода происходит не разом всех чрез два, но постепенно каждый год. Таким образом лучше всего может быть сохранена непрерывность текущих дел. Могут быть вызываемы для пополнения Синода и епископы, как это практикуется в константинопольской Церкви. При таком правительственном строе Церкви полный Всероссийский Собор будет решать нарождающиеся дела наиболее важные, требующие глубокого и всестороннего обсуждения.

При решении обсуждаемых на Соборе вопросов и введении в жизнь принятых соборных решений весьма важно, чтобы посредником между церковной властью и Государем было лицо духовное, а не светское, как практикуется теперь. Без этого условия положение церковной власти в России едва ли изменится. Равным образом является крайней необходимостью, чтобы посредничество между русской Церковью и другими православными автокефальными Церквями производилось также чрез лиц духовных, назначаемых высшей церковной властью; это необходимым образом поведет и к оживлению внутренних местных сил Церкви, и к скреплению связей между православными автокефальными Церквями, и к лучшей, наиболее успешной борьбе с враждебными христианству и Церкви силами; ибо в единении – крепость и сила, в разделении же – слабость и замирание.

Примечание. Один из членов комиссии, рассматривавшей данный вопрос, профессор Казанской духовной академии И. Бердников, по вопросу о восстановлении митрополичьих округов остался при следующем особом мнении: «Разделение поместной Церкви для управления на митрополичьи округа, с принципиальной точки зрения, заслуживает полного одобрения. Институт митрополичьих округов служит лучшей формой выражения на практике основных начал церковного управления – соборности в сочетании с властью предстоятелей церковных округов. При этом порядке управления епископы стоят близко к своим паствам и подведомому духовенству и большую часть дел епископского управления вершат лично или чрез ближайших своих помощников. От этого дела епархиального управления могут вершиться скоро, без излишней бумажной процедуры. Но нужно заметить, что, в лучшую пору процветания митрополий в жизни церковной, они были очень необширны по объему территории, гораздо менее нашей нынешней губернии, а епископии – меньше нашего нынешнего уезда. Только при таком необширном районе епископии епископ мог стоять близко к своей пастве и лично вершить дела. Только при таком близком соседстве епископов им можно было легко и удобно собираться ежегодно на собор и вместе решать дела, касающиеся всей митрополии. Чтобы получить пользу

для церковной жизни от восстановления митрополичьих округов в настоящее время, нужно восстанавливать их в том виде, в каком они существовали в лучшую пору их существования, и поставить епископа в каждом уездном городе, так, чтобы каждая губерния наша представляла собою церковную митрополию, вверенную епископу губернского города, как митрополиту. Так действительно и проектируют многие, желающие восстановления у нас митрополичьих округов (например, «Церковный Вестник» 1905 г. № 11, с. 325; № 14, с. 424). Но сделать это нелегко; осуществление такого плана потребовало бы чрезвычайных усилий и большой ломки существующих церковно-правительственных учреждений. Наша комиссия остановилась в нерешительности пред осуществимостью такой грандиозной задачи и проектировала введение митрополичьих округов в существующих епархиях, разделив их примерно на 7–10 округов. При таком обширном пространстве митрополичьих округов едва ли изменится к лучшему ведение церковных дел. Епископ не станет ближе к своей пастве, чем стоит теперь. Частое созывание епископов на собор будет затруднительно по дальности пути и трате времени. Ведение дел высшего порядка, требующих утверждения центральной власти, не ускорится сравнительно с теперешним, так как собор епископов будет собираться не более одного раза в год. Но мало того, что разделение существующих епархий на митрополичьи округа, автономно управляющие делами в своих пределах (так по церковным правилам), не принесет ожидаемых улучшений в ведении церковного управления, — оно еще создаст новые неудобства. При системе окружного управления уже не будет строгого единообразия и единства в управлении, появятся разного рода отклонения от общего порядка, с которыми нужно будет считаться центральному управлению русской Церкви. Как, например, можно будет сохранить при введении автономных митрополий единство управления духовноучебными заведениями, единство кассы специальных средств Св. Синода и проч.?

Нельзя оставлять без внимания и исторической судьбы митрополитского института. В первые века христианства митрополия представляла поместную Церковь, самостоятельно управляющую делами ее (Апост. 34-е, 37-е). С разделением Византийской империи на провинции и диоцезы при Константине Великом, явилась в церковном управлении высшая инстанция и суда — патриархат, заключавший в себе по несколько митрополий. Ставши в подчинение патриархату, митрополия стала постепенно терять свою силу и вырождаться. Теперь в патриархатах сохранилось только слабое воспоминание о бывших митрополиях. В константинопольском патриархате только три митрополита имеют подчиненных себе епископов, хотя все епархиальные епископы носят титул митрополита (И Соколов. Очерки истории греко-восточной Церкви в 19 веке. СПб., 1901, с. 114; иер. Михаил. Собрание церковных уставов Константинопольского патриархата. Казань, 1902, с. 118). Митрополия в подлинном первоначальном виде в настоящее время сохраняется только в поместных автокефальных церквях православного Востока в качестве высшей инстанции управления и суда. Русская Церковь до конца 16 века была митрополией Константинопольского патриархата и управлялась по правилам о митрополиях, за исключением ежегодного собора епископов. С учреждением в России патриаршества, возник и не раз поднимался вопрос о разделении Русского патриархата, по примеру Константинопольского, на митрополии. Но всегда вопрос этот решался отрицательно, из опасения необходимости в таком случае умножения числа епископий и дробления существующих епископий на более мелкие части. Епископы русские предпочитали подчиняться прямо патриарху без посредствующей инстанции в лице митрополита. В синодальный период еще более утвердилось в русской Церкви единство и единообразие в церковном управлении. Введение в настоящее время в управление русской Церкви института митрополии было бы значительным шагом к ослаблению стройности и единства в управлении, что едва ли можно считать явлением желательным. Пример константинопольской Церкви представляет явление обратного процесса развития церковного управления. У нас же, где прежде совсем не было митрополий, подчиненных патриарху, введение митрополитского института, в качестве посредствующей инстанции управления и суда, было бы новшеством, не оправдываемым историей и, как мы выше сказали, трудно выполнимым. Чем может вызываться введение митрополитского института? Конечно, первым и самым серьезным основанием к тому могло бы служить новое административное деление Русской империи, с введением обширных административных округов, вроде генерал-губернаторств, наместничеств и пр., если бы таковое последовало, так как, по принятому каноническому обычаю (4Всел. Соб. 17-е; 6Всел. Соб. 38-е), административное деление Церкви на инстанции должно применяться к административному делению государства. Но в настоящем

случае нет налицо такового основания. Поэтому введение митрополий было бы шагом к децентрализации, который едва ли одобрит светское правительство. Быть может, введение у нас митрополий само собой предполагается соборным началом, проведение которого в жизнь церковную признается всеми в высшей степени полезным и необходимым в настоящее время. Но и этого нельзя сказать. История показывает, что и при существовании митрополий (в Византии) очень часто забывали о необходимости созывать епископов митрополии на собор (6Всел. Соб. 19-е; 6Всел. Соб. 8-е), а в русской Церкви, когда во главе ее стоял митрополит, совсем не было ежегодных соборов епископов, как это требуется правилами о митрополиях. С другой стороны, и без разделения русской Церкви на митрополии есть полная возможность и удобство созывать епископов на собор. Созвание такого собора уже предположено в недалеком будущем постановлением Святейшего Синода от 18–22 марта 1905 г., утвержденным Государем. Напрасно большинство членов нашей комиссии думает, что на предполагаемый Собор нужно смотреть, как на что-то чрезвычайное и единственное в своем роде. Собор этот может казаться чем-то из ряда вон только потому, что его давно уже не бывало в русской Церкви. Но раз будет признано полезным созывать епископов русской Церкви на общий собор время от времени, то ничто не помешает ему повторяться чрез пять, десять лет и т. д., и собор всех епархиальных епископов русской Церкви в его целом, конечно, будет компетентнее судить о делах русской Церкви, чем собор одних митрополитов и некоторых только епископов, как должно бы быть при введении деления русской Церкви на митрополичьи округа. Не может служить серьезным возражением против созвания всероссийского собора епископов указание на трудность созвания такого собора. Нет надобности каждому епископу быть на всероссийском соборе непременно лично. В случае болезни, старости и других препятствий, епископ может послать на собор своего представителя, может подать свой голос посредством письменных сношений, может присоединиться к голосу других после соборного решения и проч. Конечно, всероссийский собор будет созываться в случае особой надобности. В случаях же менее важных епископы могут быть спрошены и подать свое мнение посредством письменных сношений и телеграмм. Эта форма совместных совещаний епископов вполне может заменить голосование в личном присутствии.

Что касается рассмотрения текущих дел, не вызывающих недоумений, то и здесь можно применить соборную форму без введения митрополий. Рассмотрение их может совершаться чрез патриарший Синод. Устройству этого Синода можно придать такую организацию, что он будет представлять собой в полном смысле малый собор, состоящий из представителей всей русской Церкви. Для этого нужно к постоянным членам Св. Синода, какие есть в настоящее время (с увеличением их до 6), прибавить еще 6 членов, временно заседающих в Синоде и приглашаемых по очереди по известному списку епископских кафедр, заранее составленному, как это делается при организации состава Св. Синода константинопольской Церкви. Это постоянный Св. Синод при патриаршей кафедре, составленный из очередных епископов, имеет полное право считаться представителем полного собора епископов русской Церкви и не менее действительной формой выражения соборного начала управления, чем митрополичий ежегодный собор. Но, быть может, сосредоточие дел высшего порядка в одном центральном учреждении, каков патриарший Синод, повлечет за собой задержку в решении, очень неудобную для заинтересованных лиц, обществ и учреждений, а введение митрополий ускорило бы их рассмотрение? Но и в этом отношении сомнительно преимущество митрополичьего управления пред синодально-патриаршим. При той форме митрополий, какую проектирует большинство нашей комиссии, резиденция митрополита будет немного ближе к епископиям, ему подведомым, чем резиденция патриаршего Синода; небольшая разница в расстоянии, при настоящих путях сообщения, не особенно заметна. Потом, рассмотрение дел, подведомых митрополичьему собору, по необходимости должно откладываться на полгода – на год до времени созвания собора, которое бывает однажды в год. В патриаршем же Синоде, который заседает без перерывов, не может быть подобной остановки в рассмотрении дел. Поэтому есть основание полагать, что в патриаршем Синоде дела не должны задерживаться далее, чем в митрополичьем соборе. Кроме того, есть еще другой способ ускорить течение дел в патриаршем Синоде – это уничтожение требования перенесения многих дел епархиального управления и суда на окончательное рассмотрение и утверждение Св. Синода, которые по каноническим правилам подлежат окончательному решению епархиальной власти, например, дела о лишении сана священников и диаконов, о снятии сана по прошению, о лишении монашества за пороки и о снятии его по прошению, о возведении в сан архимандрита, протоиерея и пр. Многие дела

перестанут обременять Св. Синод сами, в силу новых законоположений, например дела о брачных разводах и др. Изъятие из ведения Св. Синода дел, поступающих в него не по своей природе, а по временным распоряжениям, значительно сократит делопроизводство в Синоде и ускорит решение дел в епархиях, где они начинаются.

Впрочем, и сам Св. Синод, кажется, не предполагает надобности в восстановлении митрополий в древнеканонической их форме, т. е. в виде церковных округов, автономно управляющихся. В его постановлении сказано, что «разделение России на церковные округа под управлением митрополитов вызывается необходимостью передачи дел второстепенной важности из высшего управления в местные установления». В этих словах нельзя не видеть намека на то, что митрополичьи округа, если бы они и были восстановлены, должны вести только дела второстепенной важности, а не все дела, касающиеся той или другой митрополии. А в таком виде, с такими ограниченными полномочиями, не стоит и хлопотать о восстановлении митрополий. Такие митрополии вполне могут быть заменены съездами местных епископов по делам, касающимся не одной, а многих епископий, находящихся в соседстве и в одинаковых условиях, например, епископий Западного края, вынужденных вести борьбу с католичеством, епископий приволжских и сибирских, заинтересованных вопросом о просвещении инородцев светом христианского учения, и т. д. Эти съезды не требуют никакой ломки существующих церковно-правительственных учреждений. А между тем они также дают епископам возможность выработать сообща образ действий в известных обстоятельствах и таким образом помогают успеху их пастырского действия. Эти съезды могут собираться или по инициативе и просьбе заинтересованных епископов, или по усмотрению патриаршего Синода; в том или другом случае они представляют свои проекты мероприятий на рассмотрение и санкцию патриаршего Синода, который со своей стороны помогает, чем может, осуществлению проектированных епископами мероприятий. Представителями этих съездов могут быть епископы старших кафедр или епископы старшие по службе, по назначению патриаршего Синода. При повторении этих съездов в разных местах может составиться традиция, могут образоваться союзы областных епископов нравственно-бытового характера, которые в указанных выше случаях и пределах с успехом могут заменить официально установленные округа, имеющие не больше полномочий, чем съезды, о которых речь».

2. О предстоящем Поместном Соборе Всероссийской Церкви и о соборах вообще

Что касается вопроса об организации Всероссийского Собора, созвание которого предположено церковной и светской властью в недалеком будущем, то этот Собор нужно считать чрезвычайным собранием, вызванным особыми нуждами времени; в обычном же порядке управления должны собираться соборы ежегодно в митрополиях, а при кафедре Всероссийского патриарха должен быть постоянный Синод из митрополитов и епископов.

Из частных, касающихся Всероссийского Собора, комиссия под моим председательством останавливалась своим вниманием на составе Собора. По моему мнению, естественными в каноническом смысле членами Собора должны считаться епископы, но, по мнению членов комиссии, могут быть допускаемы к рассуждениям соборным с совещательным голосом и сведущие люди из лиц духовных и мирян, т. е. люди, стоящие близко к церковному управлению, лица, по своему положению и занятиям знакомые с церковными вопросами, лица, заявившие себя ученой разработкой поставленных на Соборе вопросов, и проч. Сведущие люди могут быть нарочно приглашаемы для участия в соборных рассуждениях председателем Собора, могут быть представляемы Собору епископами в качестве их ассистентов; наконец, могут быть допускаемы к участию в соборных рассуждениях и по собственному их желанию и по особой просьбе к председателю. Совещания Собора ведутся закрыто; в них участвуют члены Собора полноправные и имеющие право совещательного голоса. Но допускаются присутствовать в качестве слушателей и клирики, состоящие в свите архиереев, лица духовного сана, преподаватели академий, духовных семинарий и училищ, лица, служащие при центральных духовных учреждениях; наконец, из мирян лица, известные духовной власти своим особым усердием к Церкви и ревностью о ее благе. Эти слушатели получают право входа в зал заседания Собора не иначе как с особого разрешения председателя, полученного лично. Вопросы же строго церковные (относительно богослужения и проч.), вопросы, касающиеся действий и распоряжений епископов, их чести, обсуждаются одними только епископами и совершенно закрыто.

Предметы соборных рассуждений назначаются прежде созывания Собора по инициативе церковной и государственной власти. Они могут предлагаться для предварительной разработки епархиальным архиереям, а также частным лицам, компетентным в обсуждении их. Но могут быть обсуждаемы на Соборе и такие вопросы, которые возникают на самом Соборе по связи с поставленными прежде вопросами. Наконец, Собор может, по усмотрению председателя, с согласия Собора, принимать к рассмотрению и недоуменные вопросы, представленные на рассмотрение Собора частными лицами или обществами. Постановления Всероссийского Собора в особо важных случаях представляются на усмотрение или на утверждение Государя.

3. О преобразовании епархиального управления

В качестве недостатков существующего порядка управления епархиального указывают на то, что епископы стоят очень далеко от своей паствы, мало знают подведомое духовенство, не говоря уже о мирянах, мало входят в религиозные нужды своей паствы и мало занимаются специально-просветительной деятельностью по отношению к пасомым, а управляют паствою формально, бумажным образом, посредством рассмотрения деловых бумаг епархиального управления и суда. Эти недостатки, для всех очевидные, зависят от многих причин. Укажем только важнейшие:

1. Одной из главных причин малого знакомства епископов с подведомым ему духовенством и паствою служит обширность епархий. Эта обширность есть наследие истории. Неудобство ее для правильного ведения церковного управления всегда сознавалось русскими пастырями. Но и доселе оно остается на своем месте, как тягота, которую так или иначе нужно носить на себе русским епископам. Было бы поэтому смелым проектом, если бы кто вздумал уничтожить многовековое затруднение одним росчерком пера. Но стремиться к возможному уменьшению указанного выше неудобства позволительно. Постепенные, но настойчивые усилия к достижению указанной цели могут сопровождаться более или менее значительным успехом. Этого можно достигать следующим приемом. Там, где окажутся местные средства, там, где явится у населения желание иметь кафедру епископа, можно и должно пользоваться этим благоприятным обстоятельством, чтобы учреждать кафедру уездного епископа. Уездный епископ должен пользоваться в пределах подчиненного ему уезда (можно двух или трех уездов) всеми правами епархиального архиерея, только он должен быть подведом епископу губернского города, пользоваться его советами в своей пастырской деятельности и в конце года представлять ему отчет в управлении уездной паствою. Устройство управления в епископии уездного города должно быть проще, чем в епископии губернского города. У уездного епископа консистории может и не быть; достаточно одной канцелярии. Уездный епископ может пользоваться помощью кафедрального протоиерея, ключаря и эконома, вверивши им главные отрасли епархиального управления – дела ставленнические и административные, дела хозяйственные и дела судебные. Уездный епископ может жить в монастыре и не иметь особого архиерейского дома. Указанная скромная постановка управления уездной епископией должна значительно облегчить устройство епископий в уездах.

2. Другой важной причиной малого знакомства епископа с подведомым ему духовенством и паствою служит обычай частого перемещения епископов с одной кафедры на другую в виде служебной промоции. В два-три года, в течение которых обычно епархиальный архиерей заведует известной паствою, очевидно, он не может ознакомиться с нравственно-религиозным состоянием своей паствы, с поведением и деятельностью духовенства, а тем более принять какие-нибудь меры к удовлетворению религиозных нужд паствы, к которой он временно прикомандирован. Положение епархиального архиерея, прикомандированного к известной пастве, при упомянутом обычае частых перемещений, похоже на положение приходского священника, временно заведующего приходом впредь до назначения настоящего священника. Временный пастырь может нести свое пастырство только формальным образом – может совершать необходимое богослужение и требы и вести необходимые церковные документы. Обычай частого перемещения епископов с одной кафедры на другую, – кроме того, что он крайне вреден с практической точки зрения, – совершенно противоречит духу церковной дисциплины, по которой епархиальный архиерей (или священник) с поступлением на кафедру вступает в духовный союз со своей паствою, союз нерасторжимый, не допускающий смены паствы (Апост.14-е; Антиох.21-е; Сард.1-е). Перемещение епископа с одной кафедры на другую может быть допускаемо только в виде исключения из общего правила в крайних случаях, например, в случае, если между епископом и его паствою произойдет глубокий разлад, не допускающий примирения, или если в каком-либо месте есть особые обстоятельства, требующие назначения пастыря уже послужившего и приобретшего опытность. Кроме того, столичные епископские кафедры должны быть замещаемы уже послужившими и более опытными и уважаемыми епископами. Само собой разумеется, что уездный и викарный епископ может быть переведен на самостоятельную епископскую кафедру. Во всяком случае, перевод епархиального епископа с

одной кафедры на другую может быть допущен не более одного раза для каждого епископа. Таков, между прочим, устав константинопольской Церкви в настоящее время.

3. С указанным обычаем, по мнению членов комиссии, имеет связь другой обычай – административного назначения епископов на кафедру по усмотрению церковной или церковной вместе со светской властью. Этот обычай возник в церковной практике вследствие усиления влияния государственных порядков на дела церковные. Древний же порядок назначения епископов на кафедру состоял в том, что в избрании епископа участвовала не только церковная власть, но и клир и народ того города, для которого избирался епископ. Относительное значение в деле избрания епископов составных элементов избирательного собрания выражалось в том, что городскому обществу принадлежало право указать достойного кандидата, а собору епископов – право суждения о достоинстве указанного кандидата с точки зрения умственного, нравственного и образовательного ценза. Утверждение произведенного выбора принадлежало предстоятелю поместной Церкви – митрополиту или патриарху. Нетрудно видеть относительное достоинство того или другого порядка с теоретической точки зрения. По духу церковной дисциплины, лучшим должен считаться, бесспорно, такой порядок ведения церковных дел, в котором принимают участие все составные части церковного общества: иерархия, клир и народ. Этот же порядок оказывается всего пригоднее и с практической точки зрения – как всегда, так и в данном случае. Участие церковного общества в избрании епископа с самого момента избрания зарождает в нем чувства симпатии и уважения к своему избранному. А эти чувства составляют важный естественный стимул нравственно-духовного единения пасомых со своим пастырем. Другое явление бывает, когда епископ является к своей пастве со стороны, по административному назначению. Он чувствует себя на новом месте служения среди чужих, а также и его пасомые, естественно, смотрят на него пытливо, недоверчиво. Народ не может любить того, кого не хотел иметь своим пастырем, и не доверит своих детей тому, о ком не знает, какой он жизни, нравственности и вообще – что он за человек (слова св. Афанасия Алекс., в его Апол. 4. И требуется немало времени, чтобы прошло это естественное недоверие к незнакомому лицу и установилась нравственно-религиозная связь между пасомыми и пастырем. И это еще будет самым счастливым случаем. В большинстве же случаев холодность чувств и формальность отношений пасомых к пастырю так и остаются неизменными до перевода последнего на другую паству, к великому ущербу пастырского делания. В настоящее время достаточно ясно и сильно сознана у нас необходимость сближения пастырей с пасомыми, для лучшего руководства последних в деле нравственно-духовного преуспевания. Вместе с этим ясно создано и то, что одним из лучших средств к достижению указанной цели должно служить изменение порядка назначения епископов на кафедру в смысле приближения к древней канонической норме. Остается только дать себе отчет в том, исполнима ли древняя каноническая норма избрания и назначения епископов на практике при настоящих условиях жизни.

Применяя древние правила избрания и поставления епископа к современным обстоятельствам, можно бы формулировать желательный ныне порядок в следующем виде: избрание епископа производить в епархиальном городе, где находится праздная епископская кафедра. Кандидат может быть не только местный, но и иногородний. Для производства выборов и поставления епископа назначается по распоряжению патриаршего Синода собор епископов не менее троих из соседних епархий. Собор этот, по приезде в епархиальный город, где праздная епископская кафедра, организует избирательное собрание из местного духовенства и церковного общества. В избирательном собрании епископа участвуют с правом голоса следующие лица: 1) все наличные в губернском городе священники, как приходские, так и состоящие при разных учреждениях; 2) представители иногороднего и сельского духовенства по одному от благочиния, избранные на благочиннических съездах; 3) настоятели епархиальных монастырей и иеромонахи: в епархиальном городе – все лично, и в уездных городах и селах – чрез представителей по одному из монастыря; 4) все служащие в духовно-учебных заведениях мужских и женских преподавателями и воспитателями: те, которые в епархиальном городе – лично каждый, а служащие в уездных городах – в лице двух представителей от каждого заведения; 5) все занимающие частные должности при консистории и других епархиальных учреждениях; 6) представители приходов в лице церковных старост или приходских старшин: находящихся в епархиальном городе – все лично, а в уездных городах и селах – по одному от благочиния по выбору их самих. Каждый из членов избирательного собрания имеет право предложить

письменно своего кандидата в епископы, причем обязуется представить надлежащие сведения о его происхождении, летах от рождения, воспитании, образовании, образе службы и общественной деятельности его, которые могли бы быть подтверждены впоследствии надлежащими документами, могут быть предложены кандидаты и со стороны членов епархиального собора и патриаршего Синода. После наименования кандидатов производится суждение об их достоинствах и недостатках и наводится справка о их согласии выступить кандидатами на известную епископскую кафедру. В случае же невозможности достать указанную справку о каком-либо лице в короткий срок, постановление о допущении его в число кандидатов делается предположительно, под ответственностью лица, его предложившего. По собрании всех нужных справок о предложенных кандидатах и изъявивших согласие выступить таковыми, назначается день избрания. Избрание производится в общем присутствии всех членов избирательного собрания под председательством и руководством собора епископов. Избрание производится закрытой баллотировкой. Епископы не подают избирательного голоса наряду с другими; им принадлежит суждение об избранном кандидате. Суждение это они могут сделать гласным. Если же это окажется почему-либо неудобным, они прилагают свое мнение об избранном кандидате при представлении дела в патриарший Синод на утверждение. Патриарший Синод прежде утверждения избранного кандидата должен узнать, не имеет ли светская власть препятствий к допущению избранного лица до управления епархией (Иванцов-Платонов. О русском церковном управлении. 1898, с. 3). В случае неудачи выборов назначаются выборы во второй раз. При неудаче и этих выборов дело назначения предоставляется центральной церковной власти. Избирательному собранию предоставляется право просить указаний патриаршего Синода насчет достойных кандидатов архиерейства – в случае, если само оно затрудняется найти таковых кандидатов. Кандидаты епископства должны удовлетворять всем каноническим требованиям. По образованию они должны пройти высший курс богословского образования; только в исключительных случаях могут быть поставляемы лица с семинарским образованием. Достойных кандидатов нужно искать не только среди монахов, но и лиц белого духовенства, под условием соблюдения 12-го пр. 6 Вселенского Собора.

По утверждении выборов в патриаршем Синоде, совершается наречение во епископы, а потом и посвящение тем же собором епископов, в присутствии которых произведены были выборы, в кафедральном соборе епископии.

Тем же порядком должны производиться выборы викарных епископов – с тем только различием, что в данном случае в составе собора епископов должен участвовать и епархиальный епископ и иметь значительное влияние.

Указанный порядок избрания епископов губернского города должен сохранить свои основные черты и при избрании епископов уездных – с той особенностью, что в последнем случае количество членов избирательного собрания должно сократиться соответственно уменьшению количества приходов и монастырей в уезде сравнительно с губернией. Причем духовенство уездного города приравнивается с своим избирательным правом к духовенству губернского города, т. е. участвует в выборах лично, так же, как и городские приходы. Таково мнение членов комиссии.

Я же, при всем преклонении пред жизнью и установлениями древней Церкви, не нахожу однако, чтобы возможно и полезно было в настоящее время восстановление права избрания епископов клиром и мирянами. В древней Церкви, при высоте и чистоте истинно христианской жизни, это было и полезно и удобоисполнимо. В настоящее же время, при неверии одних и религиозном индифферентизме большинства, когда люди с истинно христианской настроенностью составляют редкое исключение, предоставление мирянам права избрания епископов (предложение избирателями кандидатов на епископство, суждение о их достоинствах и качествах, каковое иногда может принять самый нежелательный характер, возможные при этом агитации, наконец – недовольство избранным со стороны предлагавших других кандидатов и пр.) легко может привести к весьма нежелательным последствиям – к умалению власти и авторитета епископов, а вместе с этим к умалению власти Церкви, ее высшего руководства жизнью людей. И в древней Церкви это право избрания епископов мирянами существовало только в то время, когда жизнь христианская стояла действительно на подобающей высоте; впоследствии же, когда право избрания епископов мирянами стало принимать нежелательный характер, оно сначала было ограничиваемо в способах своего осуществления, а потом и совершенно было отменено. И в настоящее время епископы, по моему мнению, должны быть назначаемы высшей

церковной властью, а чтобы они не были совершенно чужими для епархии – преимущественно из местных духовных лиц, достойных сана святительского.

5. Епархиальный архиерей может знакомиться с подведомственным ему духовенством и нуждами епархии при епархиальных съездах духовенства, собираемых по разным надобностям, при обозрении епархии, при освящении вновь устроенных храмов в городах, селах и пр. Между прочим, кажется, было бы полезно возобновить обычай нашей древней русской Церкви, по которому священники в урочное время собирались в губернский город к кафедре епископа для отчета в своей пастырской деятельности и получения пастырского назидания и практических советов для пастырского делания в приходах. Если бы было признано затруднительным для духовенства собираться вдруг в губернском городе, то можно созывать духовенство по уездам в уездные города при посещении их епископом. Что же касается мирян, то и с ними можно епископу знакомиться не только при обозрении епархии, но и при разных случаях, которые приводят их к епископу, например, когда они испрашивают у него разрешение на построение церквей, когда являются к нему (желательно, чтобы было так) с выборами новых членов причта для их утверждения и пр.

6. Поставленная пред будущим собором епископов задача приблизить епархиальное управление к каноническим нормам требует изменений и в определении пространства полномочий епископской власти. Пространство этих полномочий со времени Петра 1 значительно ограничено сравнительно с каноническими нормами по политическим соображениям. В настоящее время обстоятельства изменились, и центральной церковной власти не представляется надобности входить в подробности епархиального управления с целью наблюдать за их законностью и направлять в известном угодном Правительству духе.

Силой вещей это наблюдение обратилось в простую формальность, без нужды увеличивающую переписку и сильно замедляющую правильное течение дел. Ввиду указанной бесполезности излишней переписки и для ускорения течения епархиальных дел, было бы желательно уменьшить случаи сношений епархиальной власти с Св. Синодом по делам епархиального управления и суда. Именно, представляется возможным и согласным с древними церковными нормами предоставить окончательному решению епархиальной власти дела об учреждении новых приходов и изменении приходских штатов (Уст. дух. коне. § 71, 92), об учреждении монастырей и о назначении настоятелей и настоятельниц монастырей, об увольнении в отпуск членов консистории на срок свыше 28 дней... за границу (Уст. дух. коне. § 282), о награждении духовных лиц по церковному порядку (Уст. дух. коне. § 91), дела о снятии и лишении сана священнослужителей (Уст. дух. коне. § 86, 171 и 175), дела о незаконных браках и брачном разводе (Уст. дух. коне. § 229 и 256). В некоторых из указанных дел могут оказаться на практике обстоятельства, требующие сношения с центральным церковным правительством; например, при открытии новых приходов или изменении приходских штатов затрагивается вопрос о назначении вспоможения причту из Государственного Казначейства, которое находится в распоряжении Св. Синода. Значит, открытие нового прихода без сношения с Св. Синодом возможно только в том случае, если прихожане согласятся обеспечить свой причт настолько удовлетворительно, что не потребуются вспоможения из сумм Государственного Казначейства. Равным образом, свободное открытие монастырских общин и затем монастырей может быть допустимо только в том случае, когда есть налицо достаточные местные средства к их безбедному существованию, без посторонней помощи. Также представляется возможность и желательным для уменьшения канцелярской переписки освободить епархиальных архиереев от обязанности немедленных уведомлений Св. Синода о следующих случаях: о случаях проявления в духовных и мирянах неправомыслия (Уст. дух. коне. § 7), о появлении суеверий (Уст. дух. коне. § 19), о случаях совращения в раскол и другие секты (Уст. дух. коне. § 21, 23), об обращении в православие духовного лица католического исповедания при желании им сохранить право священного сана в православном исповедании (§ 30 г), о крещении малолетних евреев, магометан и язычников без согласия их родителей (§31, 1), о замечательных случаях присоединения к православию из раскола и иноверия (§ 33), о случаях замешательства и остановки в совершении богослужения, происшедших от неприличных слов и действий кого-либо из присутствующих в церкви (§37 а), о случаях уничтожения церкви пожаром и распоряжениях епархиального начальства по сим случаям (§ 53). Достаточно, если обо всех этих случаях из жизни епархии будет доведено до сведения центральной церковной власти в годичном отчете епархиального архиерея с надлежащей обстоятельностью. Впрочем, если бы в каком-либо из

указанных случаев епархиальный архиерей встретил какое-нибудь недоумение или затруднение, то, конечно, как и в других случаях, ему естественно спросить наставления у Св. Синода и добровольно отнестись к нему об этом.

7. Церковные правила предоставляют епархиальному епископу обширные полномочия по управлению епархией, граничащие с самостоятельностью. Они не видят в этом ничего неблагоприятного для церковной дисциплины. Они не предполагают, чтобы епископы, как лица, которые как в частной своей жизни, так еще более в своей пастырской деятельности обязаны жить и действовать по духу Христову, – чтобы они стали искать «своих си», допустили себе поработиться честолюбию, самовластью, произволу и другим человеческим страстям, которые столь нередки в светских чиновниках. Впрочем, если бы доверие, внушаемое церковными правилами к епископам, не оправдалось на деле, эти же правила предусматривают меры к предотвращению и исправлению неправильностей, какие могли бы допустить епископы в епархиальном управлении и суде. Средства эти – надзор высшей церковной власти, начальственная визитация и церковный суд. Средства эти вполне могут отвечать указанной цели, если бы им дать надлежащую постановку.

а) Начальственный надзор над епархиальным управлением у нас существует, составляя полномочие Св. Синода, и существует в более строгой форме, чем по древним правилам. Древние правила предоставляли епископу свободу действий в пределах установленных норм. Высшая церковная власть наблюдала только за тем, чтобы епископы не нарушали установленных норм, и для этого требовала от епископов отчета в их пастырском действовании по управлению паствой. Существующая у нас система надзора над епархиальным управлением заходит в своих задачах далее – желает совсем предотвратить уклонения со стороны епископов от существующих правил церковного управления и для этого требует, чтобы епископы в важных случаях испрашивали у Св. Синода разрешения на те или другие церковно-правительственные распоряжения. Выше мы видели неблагоприятные стороны этой системы и указали на преимущества системы, выраженной в церковных правилах. Если мы теперь возвратимся отчасти к нормам церковных правил, то от этого нельзя ожидать ущерба для церковного порядка. Обязательная ежегодная отчетность епископа пред высшей церковной властью, если она правильно будет поставлена, предохранит епископа от чувства бесконтрольности в своих действиях и от поползновения прикрыться этой бесконтрольностью. В прежнее время отчетность епископов в своих правительственных действиях производилась на митрополичьих соборах большей частью в форме устных докладов ее. В настоящее время у нас в силе письменная ежегодная отчетность. Против этой формы отчетности нельзя сказать ничего худого по существу; ей можно даже отдать преимущество пред первой в том отношении, что она позволяет дать отчет в состоянии епархии точно и самостоятельно, с приложением статистических данных. Если же она теперь страдает формализмом, то это зависит не от ее существа, а от духа времени и от людей. Очень легко у письменного отчета отнять мертвящий характер и оживить его жизненным содержанием. Для этого отчет: 1) не должен ограничиваться только приведением статистических данных о крестившихся, браком сочетавшихся, умерших в течение года и т. д., а должен стараться, кроме того, изобразить в истинном свете нравственно-духовное состояние духовенства и паствы; 2) должен быть направлен не к тому, чтобы сказать, что в истекшем году в известной епархии все обстояло благополучно, а к тому, чтобы выяснить пред высшей властью церковнодуховные нужды паствы, требующие усилий не только местной епархиальной власти, но и высшей центральной власти; 3) о деятельности пастырской он должен говорить не в смысле самовосхваления и искусственного освещения их деятельности в благоприятную сторону, а в смысле притчи Спасителя: «Жатва многа, делателей же мало», чтобы привлечь к своей пастве внимание центральной церковной власти и посильную помощь с ее стороны усилиям местных деятелей. Если бы епархиальные архиереи были неразлучны со своей паствой, которую каждому из них судил Бог получить в свое пасение, тогда годовые последовательные отчеты их за много лет, правдиво составленные, представляли бы поучительную картину жизни той или другой епархии. Тогда епархиальный архиерей в первый год по поступлении на свою епархию обрисовал бы точно и правдиво нравственно-религиозное состояние своей паствы, в каком он ее застал, а затем последовательно из года в год сообщал бы о своих усилиях к просвещению и исправлению своей паствы и средствах, употребленных для сего, а также и о результатах своих усилий и мероприятий. По прошествии примерно 25 лет вывод получился бы очень любопытный.

б) Центральная церковная власть не должна ограничиваться наблюдением над епархиальной жизнью издали, полагаясь единственно на отчеты епархиальных архиереев, подаваемые в конце года. Она должна сама присматриваться к образу действия епархиальных архиереев на месте во время самой их деятельности. Средством для этого служит право визитации – право старших епископов, состоящих во главе собора епископов, посещать время от времени подведомые им епархии для их обозрения со стороны поведения духовенства и мирян и пастырской деятельности епископов и для поправления замеченных недостатков. Институт визитации однороден с институтом ревизии, практикующимся в светском управлении. Он необходимо связан с правом высшей власти наблюдать за образом деятельности власти подчиненной. К сожалению, институт визитации у нас вышел из употребления со времени новой истории. Это зависело частью от самой организации у нас высшего церковного правительства, которое не без основания упрекают в слабости, а еще более – оттого, что у нас наблюдение за деятельностью епископов взяло на себя светское правительство. Но наблюдение со стороны светской власти имеет специальное значение, подсказываемое интересами государства. Оно, кроме того, облекалось в неприглядную форму негласных донесений. Необходимо восстановить право визитации за высшей церковной властью. Было бы ошибочной мыслью, если бы мы стали рассматривать восстановление права визитации, как нечто стеснительное и обидное для представительства епископской власти. Истина не боится света. Честный образ действий не чуждается гласности и отчетности. Сознание епископского достоинства не должно переходить в самомнение. Предстоятель поместной Церкви посещает подведомые ему епархии с тем, чтобы уведомить, все ли в той или другой епархии делается благообразно и по чину и нет ли где отступлений от сего правила. Значит, предстоятель поместной Церкви пользуется правом визитации с высокой целью охранения церковного порядка, пользуется вынуждаемый сознанием своего пастырского долга, которое говорит ему: «Горе тебе, аще не благовествуешь». Христианская благонастроенность, предполагаемая в предстоятеле поместной Церкви и в епископах епархии, которых он посещает во имя верховного Пастыря Церкви – Христа, исключает возможность неприязненных чувств и самолюбивых столкновений между ними. Визитатор и визитуемый – это два брата, старший и младший, приставленные к одному общему делу пасения стада Христова. Им ли думать о своем «я»? Им ли своими самолюбивыми счетами компрометировать дело Божье? Если у кого не достанет христианской настроенности, в том может выручить чувство такта и деликатности. Благовоспитанность – также хорошая почва для мирных братских отношений между представителями высшей иерархии. Вообще, институт визитации епископий в руках людей, христиански настроенных или проникнутых по крайней мере благородными общечеловеческими чувствами, может служить хорошим средством к обеспечению церковного порядка в епархиях и поддержанию братских отношений между епископами. При указанных выше благоприятных условиях можно достигнуть того, что визитатор будет встречаться в епархиях не как инквизитор, а как желанный гость, как соработник на ниве Христовой. Но визитации, как высший надзор, должны применяться в особо важных, исключительных обстоятельствах. Визитаторами должны быть члены Св. Синода или патриаршего Синода.

в) Наконец, последним средством против неправильных распоряжений епархиальных архиереев служит церковный суд. Без применения судебной функции власти не может обойтись никакое общежитие. Не составляет исключения из этого правила и общежитие церковное. Древние правила церковные не стесняют ни духовенства, ни мирян в праве приносить жалобы на епископов. Равным образом, не могут быть лишены этого права и подчиненные епископу епархиальные учреждения. Нетрудно понять, почему так относятся древние церковные правила к вопросу о дозволительности судебных жалоб на епископов. Чувство законности и потребность судебной защиты составляют элементарную потребность всякого общежития. Не может же церковное общежитие, превосходящее другие общежития высотой нравственных основ, отказать в удовлетворении самой элементарной потребности всякого общежития – потребности судебной защиты. Кроме того, безнаказанность злоупотреблений церковной властью, если бы ее допустить, повлекла бы за собой самое разлагающее влияние на церковное общежитие. А этого не может оставить без внимания церковная дисциплина. Но, карая церковным судом и наказанием действительные правонарушения со стороны епископов, церковные правила в то же время и ограждают их доброе имя и душевное спокойствие от несправедливых обвинений угрозой соответствующих наказаний тем, кто не докажет своих обвинений. Те же нормы должны быть

применяемы и в настоящее время. Они признаются обязательными и в действующих источниках нашей русской Церкви (Дух. Регл. Ч. 3, 3; Уст. дух. коне. § 174; опред. Св. Синода 19 января – 12 мая 1886 г.). Только в них не определен надлежащим образом порядок суда. Об этом и предстоит попещись будущему собору епископов.

4. Об органах, помогающих епископу в управлении епархией

Епископы православной Церкви всегда имели у себя помощников по управлению делами епископии из среды кафедрального клира. Тем более необходимы такие помощники ныне у нас при обширности наших епархий и при множестве дел, накапливающихся в течение года в управлении епархией. Если бы епископу следить непосредственно за течением епархиальных дел, то у него не осталось бы решительно времени для исполнения более важной обязанности – быть просветителем своей паствы и духовным врачом ее.

А) Ближайшим помощником епархиального архиерея по управлению епархией служит викарий. Должность эта с тем и создана, чтобы у главного епископа оставалось от епархиальных работ более времени для просветительной деятельности, для обращения на путь истины и веры православной раскольников, сектантов и иноверцев. Викарий может быть в каждой епархии, если того пожелает главный епископ и найдутся местные средства на содержание его. Чтобы существование викария в известной епархии действительно облегчало епархиального епископа в указанном смысле, для этого ему должна быть отделена значительная доля дел епархиального управления. Наблюдению викарного епископа может быть предоставлена большая часть дел епархиального управления, не возбуждающих сомнения по своей определенной формальной постановке, кроме вопросов, касающихся просвещения и назидания паствы, вопросов о построении церквей и назначении высших членов клира, кроме важнейших судебных дел и тех случаев, где требуется сношение епархиального начальства с Св. Синодом или с высшими государственными властями и учреждениями. Чтобы присутствие в известной епархии викария приносило епархиальному архиерею существенную помощь в его деятельности, для этого полномочия викария в указанном смысле должны быть определены нарочитой инструкцией, изданной высшей церковной властью, помимо усмотрения епархиального епископа. Равным образом, в случае продолжительного отсутствия из епархии епархиального архиерея, например, для заседания в патриаршем Синоде или в соборе для избрания и поставления кандидата на праздную епископскую кафедру, полномочия викарного епископа по управлению епархией должны быть урегулированы определенной нормой и именно опять в том смысле, чтобы не было не только остановки, но и задержки в течении епархиальных дел.

Б) Потом, неизбежным помощником епархиального архиерея по управлению епархией служит духовная консистория. Она занимает в епархиальном управлении важное место: консистория, по определению ее Устава, есть присутственное место, через которое, под непосредственным начальством епархиального архиерея, производятся управление и суд в епархии (Уст. дух. коне. § 1). Поэтому естественно, что в делопроизводстве консистории с особенной ясностью обнаруживается все хорошее и все дурное, что присуще нашему церковному управлению. Но так как дурное обыкновенно замечается легче и охотнее, чем доброе, то неудивительно, что духовные консистории сделались ныне мишенью, на которую недовольство церковным управлением направляет свои суждения и порицания. Недостатки консистории известны, и нет нужды перечислять их. Для устранения их необходима реорганизация консистории. Прежде всего нужно пересмотреть и переработать Устав консистории так, чтобы он действительно представлял кодекс действующих узаконений по епархиальному управлению.

Справедливо обвиняют духовную консисторию в сложности и медленности ее делопроизводства. Но эта медленность может зависеть, во-первых, или от неисправности личного состава канцелярии, или его малочисленности, не позволяющей ему вовремя и аккуратно справляться с делами. Малочисленность состава канцелярских чиновников консистории в сравнении с огромным количеством дел – факт, не подлежащий сомнению. И при преобразовании епархиального управления решительно нельзя оставлять без внимания вопрос об увеличении штата канцелярских чиновников при консистории. Равным образом, совершенно необходимо возвысить и содержание этим чиновникам их Теперешний оклад решительно не удовлетворяет и вполнину насущных потребностей жизни. Возвышение оклада даст возможность обзавестись и лучшим личным составом чиновников, что весьма важно для обеспечения аккуратного ведения делопроизводства. Затем, медленность делопроизводства в консисториях зависит от множества самих дел. Многочисленность дел в консисториях обуславливается обширностью епархий в нашей Церкви и многосложностью отношений, в

которых приходится действовать епархиальной власти. Указанных неблагоприятных обстоятельств нельзя устранить в скором времени. Можно предвидеть в недалеком будущем несколько благоприятных обстоятельств, могущих содействовать только уменьшению количества дел в духовных консисториях. Разумею предполагаемое деление существующих епископий на более мелкие части для управления, а также ожидаемое изъятие бракоразводного процесса из ведения консистории.

Далее, медленность производства дел в епархиальном управлении зависит еще и от самого строя управления, от порядка производства дел. Главную отличительную черту этого строя составляет то, что в епархиальном управлении обо всех, даже самых маловажных делах доводится до сведений епархиального архиерея; все распоряжения делаются не иначе как после предварительного доклада архиерею и с его утверждения. Эта безусловная централизация всех дел епархиального управления в непосредственном ведении архиерея всегда будет служить сильной задержкой в быстром течении епархиальных дел, если ему не положить некоторых границ. Между тем никакой нет надобности докладывать на усмотрение архиерея *pro forma* о маловажных делах, совершаемых на законном основании. Архиерей может доверить совершение их низшим органам епархиального управления без всякого ущерба для дела. И это не будет противоречить тому положению, какое уже занимают эти низшие органы в деле пастырства. Ибо, если священникам – приходским пастырям доверено совершение таинств, вообще дело пастырства в приходах, дело такой высокой важности, то нет оснований не доверять им и их ближайшему начальству – благочинным в том, что они будут поступать правильно в маловажных распорядительных делах, соприкасающихся с их пастырской практикой. Для примера можно указать на следующие дела. Можно прекратить обязательство испрашивать разрешение епархиального архиерея на вступление в брак в отдаленных степенях родства кровного, свойства и родства духовного, так как это испрашивание обратилось в пустую ненужную формальность. Некоторые маловажные дела можно перенести из ведения консистории в ведение благочиннических советов. Так, например, в ведение благочиннического совета можно представить: а) увольнение членов причта в отпуск в пределах епархии до 28 дней; б) разрешение мелочных расходов приходам до 150 руб. на один предмет, наблюдение над ремонтом церковных зданий, освидетельствование и приемку ремонтных работ и разрешение всех недоразумений, какие могут возникнуть по этим делам; в) рассмотрение всех жалоб на духовенство со стороны духовных и светских лиц, будут ли они касаться гражданских отношений, или неблагоповедения, неисправности по службе, бестактности в обращении с сослуживцами или прихожанами и пр., и решение этих жалоб по существующим правилам или новым, если таковые потребуются. Сюда же направляются и жалобы причта на неправильные действия или неблагоповедение церковного старосты. Если какая-нибудь сторона останется недовольна постановлением или решением благочиннического совета, то она может обжаловать это постановление или решение пред консисторией. Если признанное виновным в каком-либо проступке лицо, или присужденное к удовлетворению по гражданскому иску, не пожелает подчиниться решению благочиннического совета, последний препровождает дело в консисторию, с присовокуплением своего постановления или решения его. Так же поступает благочиннический совет, если в обстоятельствах поступившего на его рассмотрение дела или в личности прикосновенного к делу лица найдет какое-либо серьезное препятствие к рассмотрению дела. Сюда же следует передать дела о назначении просфорниц.

В консистории дела вершатся большей частью с утверждения преосвященного. Только немногие из них производятся консисторией под авторитетом одного присутствия. Это – те, которые допускаются к исполнению по докладным реестрам, без внесения в журнал или протокол. В уставе консисторий к таким делам отнесены следующие: а) дела, по которым не требуется другого исполнения, кроме принятия к сведению, приложения к делу или назначения к хранению; б) дела, по которым требуется исполнение по закону или принятому порядку, так что не представляется никакого сомнения о надобности и способе исполнения и требуется скорость исполнения, например, когда по требованию присутственного места нужно командировать увещателя для подсудимых или по резолюции преосвященного надобно представить справку о просящем священнослужительского места (Уст. дух. кон. § 317). Прочие дела консистории положено вносить в журнал или протокол и представлять архиерею на рассмотрение. Но и в числе дел, вносимых в журнал, можно найти не мало дел также исполнительного характера. К числу таких дел можно отнести, например, дела о выдаче книжек для сбора пожертвований на

построение и украшение храма в приходах и монастырях, дела о выдаче свидетельств на звание потомственного почетного гражданства, дела, в которых оформляются распоряжения и действия самой консистории, например, акт объявления подсудимому решения. Вообще к маловажным делам, вносимым в журнал, следует отнести все дела, какие вносятся в журнал на основании пунктов б, в и г 318 статьи Уст. дух. коне. Эти дела можно бы, кажется, перенести в разряд дел, исполняемых по докладным реестрам. Если же это будет признано почему-либо неудобным, то и по журналам их можно было бы исполнять без доклада архиерею, применительно к 332 ст. Уст. дух. коне. После этого из числа дел, положенных по Уст. дух. коне, ко внесению в журнал, остались бы только дела, обозначенные в п. а 318 ст. Уст. дух. коне, под именем дел, которые требуют особого рассмотрения и определительного решения. Журналы по этим делам можно было бы представлять, прежде исполнения постановлений, на просмотр преосвященного. Но и в этом нет настоятельной надобности. Устав консисторий постановления и по этим делам позволяет приводить в исполнение за подписью только членов консистории без предварительного просмотра архиереем для ускорения течения дел, с тем, чтобы они были представляемы архиереем после исполнения по прошествии месяца для освидетельствования их исправности (Уст. дух. коне. 332). Засим на утверждение архиерея будут восходить только дела, по которым положено составлять протоколы, — дела особенно сложные и важные в епархиальном управлении (Уст. дух. коне. 319). Нужно заметить, что на практике не существует точного разграничения между делами, помещаемыми в журналах и протоколах, благодаря неясности подлежащих статей Устава консистории — 318 и 319. В протоколах можно встретить на практике дела однородные или совершенно тождественные с теми, какие записываются в журнал, и которые поэтому можно бы рассматривать, решать и обращать к исполнению без представления на утверждение архиерея. Так, например, помещаются в протоколах такого рода дела: о выдаче денег по счетам (например 3 руб. за «Губ. Ведом.», о высылке денег из консистории в духовно-учебные заведения и другие учреждения, о выдаче денег на постройку церквей, о выписке журналов и газет для консистории, о ремонте здания духовной консистории, о выписке бланков из синодальной типографии, о выписке венчиков в запас и пр. т. п. Такие и подобные дела, конечно, не могут считаться сложными и важными, и поэтому они не подходят к рубрике дела, подлежащих внесению в протокол. Если же, тем не менее, почему-либо было бы признано нужным оставить без изменения указанную путаницу в группировке канцелярских дел, то, по крайней мере, следует желать, чтобы и из дел, вносимых в протоколы, были выделены дела менее важные и сложные, которые можно было бы обращать к исполнению только за подписью членов консистории.

Со введением в консисторское делопроизводство указанных выше перемен, именно с уменьшением переписки епархиального управления со Св. Синодом, с передачей маловажных дел в низшую инстанцию епархиального управления — благочиннический совет, с предоставлением консистории права вершить и обращать к исполнению менее важные дела, не касающиеся пастыря, без предварительного утверждения архиереем, — значительно сократится консисторская переписка, увеличится скорость движения дел, и облегчится для архиерея просмотр официальных бумаг с увеличением для него часов досуга, которые он может употребить на дела живого и деятельного пастырства.

Относительно личного состава членов консистории указывают в качестве недостатка на то, что в члены консистории избираются духовные лица, занятые обязанностями другой службы — по должности приходского священника, законоучителя в светском учебном заведении и т. д., и считающие консисторскую службу придаточной к главным своим обязанностям и потому занимающиеся делами консистории мимоходом, насколько позволят обстоятельства. Такое отношение членов консистории к своим обязанностям по званию членов консистории не может не отзываться невыгодно на ходе консисторских дел. И оно отзывается промедлением в течении дел, предоставлением их решения чинам канцелярии и т. п. Устранить замеченный недостаток в существующем порядке выбора лиц для состава консистории едва ли возможно в полной мере, так как члены консистории, так же как и другие помощники епархиального архиерея по управлению епархией, необходимо выбираются из наличного клира и монашества, значит — из лиц, имеющих другие обязанности кроме обязанностей, налагаемых званием и должностью члена консистории. Нужно только епархиальному архиерею стремиться при выборе кандидатов в члены консистории к тому, чтобы выбор падал на лиц, менее других занятых другими обязанностями. И об этом нужно упомянуть в 280 ст. Устава консисторий.

Секретари консистории должны назначаться и увольняться высшей церковной властью по представлениям епархиальных преосвященных. Секретари должны быть с юридическим образованием.

В) Органом низшего епархиального управления служит должность благочинного церквей. Благочинный есть доверенное от епархиального архиерея лицо, которому поручается наблюдение за жизнью и пастырскою деятельностью приходского духовенства, а также и руководство в недоуменных случаях. По Уставу консисторий (ст. 63) и инструкции (ст. 51, 52), благочинный назначается по усмотрению епархиального архиерея; на практике же нередко епархиальные архиереи предоставляют духовенству благочиннического округа самому указывать и предоставлять на утверждение их достойного кандидата. И такая практика весьма желательна, если она не ведет к ослаблению церковной дисциплины и правильного надзора за приходским духовенством. Если же епархиальный архиерей заметил бы, что избранные духовенством благочинные потворствуют духовенству и скрывают от него (архиерея) недостатки приходских причтов, то, конечно, он имеет право и обязанность восстановить назначение благочинных по своему усмотрению.

Права и обязанности благочинного определены в его инструкции. Эта инструкция требует пересмотра. В ней есть предписания уже устарелые и потерявшие свою силу, например предписание доносить духовному начальству немедленно о случаях неотдачи в школы детей духовного происхождения до 17 лет возраста (ст. 37), предписание не венчать браков удельных, казенных и помещичьих крестьян без дозволения начальства или владельцев, не венчать кантонистов, брачные союжения лиц, коим за нарушение супружеской верности по расторжении брака возбранено вступать в новый брак (ст. 18 в, д, е). Некоторые статьи инструкции должны будут измениться вследствие нового положения (проектируемого) о полномочиях благочиннического совета (например 12, 17, 25–27, 43 и др.). Некоторые статьи инструкции, трактующие об отчетности благочинного пред епархиальным архиереем, можно бы изменить в том смысле, чтобы облегчить эту отчетность; например, можно бы, кажется, освободить благочинного от обязанности доносить епархиальному архиерею немедленно об увеличении или уменьшении числа прихожан, если это не вызвано какими-либо чрезвычайными причинами, – о том, что деньги, собранные по сборной книжке, выданной известному приходу, по прошествии сборного срока записаны в церковные книги того прихода (ст. 3, 4). Инструкцию благочинного нужно дополнить внесением новых постановлений по Духовному Ведомству, касающихся прав и обязанностей благочинных, например постановлений об отношении благочинных к церковно-приходским школам, положения о благочинническом совете и пр.

Г) Устав духовных консисторий позволяет назначать благочинному помощника, когда благочиннический округ обнимает собою более 15 приходов (ст. 65). Но церковная практика признала нужным избирать в каждом благочинии не по одному, а по 2 и по 3 помощника благочинному, с тем, чтобы они участвовали в решении более важных дел на общем совете. В 1894 г. Казанское епархиальное начальство опубликовало в «Известиях по Казанской епархии» (№ 22, с. 676) «Положение о благочиннических советах», составленное к консистории, с предписанием благочинным немедленно произвести выбор членов советов на основании правил опубликованного положения. Главные основания этого положения следующие:

У каждого благочинного полагается два помощника. Помощники благочинных избираются на благочинническом съезде духовенства из числа местных священников на трехлетний срок и утверждаются епархиальным начальством. Духовенство благочиннического округа созывается для выбора помощников благочинного самим благочинным, а выбор производится под председательством лица, избранного для этой цели собравшимися священно-церковнослужителями. Тот из баллотировавшихся, кто получил большее число голосов, считается старшим помощником благочинного, а следующий по количеству избирательных голосов считается вторым помощником; затем следующие по числу избирательных голосов признаются кандидатами на звание помощников и заменяют последних по случаю болезни, перемещения и выбытия которого-либо из них.

По поручению благочинного помощник его присутствует при выборе церковных старост и вводит их в должность, присутствует при приеме и сдаче церквей и их имущества новым священникам и вводит в должность всех новоопределенных, производит освидетельствование произведенных по церквам ремонтировок и расследование об особенных происшествиях в церквах, например краже, пожаре и пр. Помощники благочинного совместно с ним производят

проверку церковных документов и помогают ему в составлении годичной отчетности, а также исполняют и другие дела по его поручению.

Д) Помощники благочинного составляют вместе с ним благочиннический совет. Место и время созыва благочиннического совета предоставляется его собственному усмотрению, но с тем, чтобы об этом было заблаговременно оповещено духовенство округа.

Ведению благочиннического совета подлежат дела административные и судебного характера.

К первым относятся:

а) Аттестация священноцерковнослужителей по клировым ведомостям.

б) Представление начальству в установленные сроки о награждении священноцерковнослужителей, отличающихся, при трезвенной и благочестивой жизни, особенною ревностью об образовании прихожан, проповеданием слова Божия, попечением о благоустройстве приходских церквей, школ и другими заслугами, выходящими из круга прямых обязанностей приходского духовенства, а также представление к наградам церковных старост и других светских лиц за заслуги по Духовному Ведомству.

в) Собрание и доставление епархиальному попечительству точных сведений о материальном и семейном положении вдов, сирот и заштатных священноцерковнослужителей, нуждающихся в пособиях от епархии.

г) Рассмотрение прошений заштатного и сиротствующего духовенства о назначении единовременных пособий из сумм Св. Синода и представление по ним сведений и заключений епархиальному начальству.

д) Рассмотрение ходатайств причтов о ремонтировке приходских храмов, о постройке и ремонтировке домов для причта на церковные суммы и представление по ним сведений и заключений епархиальному начальству.

е) Попечение о заведении в округе обществ трезвости, приходскоцерковных библиотек и библиотеки окружной, благочиннической и вообще об устройстве церквей, причтов и приходов округа.

ж) Наблюдение за точным и неукоснительным исполнением духовенством округа распоряжений высшего и епархиального начальства касательно служения торжественных вечеров с акафистами, ведения внебогослужебных бесед, действований на старообрядцев и других заблуждающихся.

з) Рассмотрение дел по особым поручениям от начальства.

К делам судебного характера, подлежащим ведению благочиннического совета, причисляются:

а) Проступки священноцерковнослужителей против должности и благоповедения, не соединенные с явным вредом и соблазном, замеченные в том или другом члене причта, прежнее поведение которого было безукоризненно, вообще проступки, за которые по закону (Уст. дух. коне. ст. 182, 192 и 197) полагаются замечания, внушения и выговоры без внесения в формулярные списки.

б) Взаимные претензии членов причта друг на друга и жалобы прихожан на духовенство.

в) Споры между членами причтов по разделу братских доходов и пользованию движимой и недвижимой собственностью, а также семейные распри.

г) Просьбы о вознаграждении за ущерб и убытки до 100 руб.

д) Жалобы по неплатежу бесспорных долгов и нарушению бесспорных обязательств на сумму до 150 руб.

е) Иски о личных обидах и оскорблениях, не соединенных с поступками, противными достоинству духовного сана, которые по силе 104 ст. и примечания к 105 ст. 16 т. Св. Зак. кн. 2 изд. 1892 г. могут быть прекращены примирением.

Дела, подлежащие ведению благочиннического совета, разбираются в нем словесно, но состоявшиеся решения записываются в особую книгу, выдаваемую на этот предмет из консистории за шнуром и печатью ее. Каждое решение подписывается благочинным, его помощниками и участвующими в деле лицами. Постановления благочиннического совета по проступкам духовных лиц, если в течение двух недель не последует по ним апелляции, приводятся в исполнение самим благочинническим советом.

В случае недовольства решением благочиннического совета, недовольная сторона объявляет об этом совету в течение суток от состоявшегося решения в подписи под ним, с

указанием причин своего недовольства, а затем в двухнедельных срок может подать апелляционный отзыв в совет, который обязан представить его в консисторию с пояснительной от себя запиской и с копией своего постановления. Консистория, рассмотрев представленную переписку, полагает окончательное решение или возвращает дело в совет для пересмотра. Если донесения и жалобы по делам, подлежащим ведению благочиннического совета, будут направлены помимо совета к епархиальному начальству, последнее оставляет их без рассмотрения и возвращает жалобщикам с надписью. Если какое-нибудь духовное лицо будет замечено благочинническим советом в предосудительных проступках до трех раз, с внесением о том в книгу, то о нем совет доводит до сведения консистории с объяснением мер, какие были приняты советом к его исправлению, и это представление принимается епархиальным начальством за основание к определению высших мер взыскания, не прибегая даже к исследованию.

В таком положении благочиннический совет является с определенными церковно-юридическими полномочиями подобно должности благочинного. Благочиннический совет возвышает самое значение должности благочинного. В сочетании с нею он является как бы отделением самой консистории, командированным из отдаленного города в соседство с подведомыми приходами. Таковым своим значением благочиннический совет значительно облегчает консисторию в ведении дел епархиального управления и суда и служит к ускорению делопроизводства.

Опыт жизни, протекшей с 1894 г., заставляет однако же желать некоторых дополнений и изменений в этом положении о благочинническом совете. Теперь является надобность несколько расширить компетенцию благочиннического совета. Например, можно предоставить благочинническому совету право разрешать церковному приходу расходование церковных сумм на ремонт церковных зданий и другие текущие расходы до 150 руб. в селах, а в городах – до 500 руб. Можно бы предоставить благочинническому совету устроить сирот и вдов духовенства на места просфорниц при церквях и проч. Порядок созвания благочиннического совета нужно сделать более определенным, ввиду важного значения, какое предстоит занять благочинническому совету в епархиальной администрации; именно, нужно постановить, чтобы благочиннический совет (кроме экстренных случаев, которые в расчет не идут) собирался обязательно не менее одного раза в два месяца. Местом собрания всего естественнее быть резиденции благочинного.

Е) Одновременно с восстановлением института благочиннического совета явились и съезды духовенства благочиннического округа. Главной задачей благочиннических съездов духовенства служит избрание помощников благочинного (они же и члены благочиннического совета), а также и самого благочинного, где практикуется выборный порядок его назначения, – выбор духовника для духовенства благочиннического округа, депутатов при производстве следствий над духовными лицами, где не введены судебные уставы 1864 г., при межевании церковных земель и пр. Кроме того, предметом занятий съездов духовенства по благочиниям служат совещания священников по вопросам, касающимся благосостояния церквей, духовенства, приходов, приходских школ и попечительств, также по случаям из пастырской практики, возбуждающим недоумение. Съезды эти происходят по инициативе и под руководством местных благочинных. Постановления благочиннического съезда, также выборы должностных лиц представляются через председателя на усмотрение епархиального архиерея. Необходимо составить подробное положение о благочиннических съездах.

Ж) Наконец, органами, помогающими епархиальному архиерею в управлении епархией, являются съезды духовенства. Эти съезды служат выражением участия церковно-общественного фактора в епархиальном управлении. Начало этим съездам было положено уставом духовных семинарий и училищ 1867 г., с которым солидарен в этом отношении и устав духовных семинарий и училищ 1884 г., доныне действующий. По уставу духовных училищ (1884 г. § 23), духовные училища вверены ближайшему попечению местного духовенства и содержатся главным образом на средства, им изыскиваемые. Для осуществления духовенством этого права и обязанности, оно и созывается на съезды по делам училищным. Эти съезды называются окружными, так как состоят из духовенства известного училищного округа. Число училищных округов в епархии соответствует количеству духовных училищ. Созвание съездов бывает по усмотрению нужды и зависит от распоряжения епархиального архиерея. Число священнослужителей для составления съездов и способы избрания их определяются

епархиальным архиереем (уст. дух. учил. § 19). В Казанской епархии в 1888 г., по распоряжению преосвященного, были составлены и объявлены духовенству для руководства постоянные правила об окружных и епархиальных съездах («Извест. Казан, епархии». 1888, № 23, с. 520–534). Главные основания этих правил следующие:

В состав окружного съезда духовенство подлежащего округа избирает по одному депутату (в сане священника или протоиерея) от каждых десяти причтов училищного округа, ныне же – от благочиннического округа; избрание производится всеми священноцерковнослужителями посредством закрытой баллотировки (опр. Св. Синода 18–20 декабря 1867 г. и 17–19 декабря 1869 г.). Депутаты могут быть избраны на один, на два и на три года, что и обозначается в акте избрания (опр. Св. Синода 3–17 июня 1868 г., 15 декабря 1869 г. и 14 января 1870 г.). Избиратели вручают избранному за своей подписью акт избрания, с которым он и является на съезд. По собрании требуемого числа депутатов (двух третей), съезд открывается старшим по службе священнослужителем. В г. Казани открытие съезда предваряется каждый раз испрошением всеми собравшимися депутатами архипастырского благословения у архиепископа. Первым актом собравшихся депутатов бывает избрание председателя съезда и делопроизводителя (опр. Св. Синода 3–30 декабря 1867 г., 17 июня – 28 июля 1870 г. и 28–31 августа 1873 г.). Избрание производится закрытой баллотировкой. Избранными признаются получившие большинство голосов. Председатель и делопроизводитель Казанского съезда утверждаются в своих полномочиях архиепископом. Председатель съезда во время занятий оного не может быть сменяем, кроме случая незаконности его действий (опр. Св. Синода 8 апреля 1868 г.). На окружном съезде обязаны присутствовать члены училищного правления от духовенства (§ 30 уст. уч.), которые, с одной стороны, доставляют съездам сведения по делам училища, какие съезд найдет нужным иметь при своих совещаниях, а с другой – предлагают съезду собственные заявления о потребностях училищ и о мерах к их удовлетворению (§ 20 уст. уч.). Члены училищного правления от духовенства в случае, если они заметят какие-либо недостатки и упущения по училищу, прежде сообщения о них съезду обязаны заявить в училищном правлении со внесением в журнал правления училища (опр. Св. Синода 9–20 октября 1870 г.). Съезд составляет список вопросов, обсуждением которых он намерен заняться. Съезд, происходящий в г. Казани, представляет этот список через своего представителя на усмотрение архиепископа (опр. Св. Синода 13–20 декабря 1867 г.).

Предметами занятий окружного съезда могут служить:

а) изыскание мер к лучшему содержанию училищ и назначение с этой целью единовременных или ежегодных пожертвований на училище как из собственных средств духовенства, так и из других источников (уст. уч. § 22 п. 1). Это положение устава училищ разъяснено в последующих постановлениях Св. Синода относительно источников и способа раскладки. Именно, раскладка пожертвований должна производиться пропорционально средствам церквей и окладам содержания членов причтов (цирк, указ Св. Синода 30 апреля 1873 г. № 18; опр. Св. Синода 15 сентября – 18 октября 1872 г. № 24 и 24 октября – 8 ноября 1873 г.). Отчисление известной части церковных доходов на содержание училища должно иметь в виду, чтобы от взимания процентов на училище не могло произойти уменьшения в сумме, определенной к ежегодному поступлению от церквей епархии в распоряжение Св. Синода на надобности духовно-учебной части вообще, и чтобы от этого взимания были освобождены церковные суммы, имеющие какое-либо определенное назначение (цирк, указ Св. Синода 30 апреля 1873 г. № 18). Доходы от продажи венчиков и листов разрешительной молитвы, возлагаемых на усопших, предоставляются в распоряжение окружного местного духовенства исключительно на содержание бедных учеников в духовных училищах, с тем, чтобы доход текущего года расходовался в следующем затем году и чтобы расходы по заготовлению венчиков и листов разрешительной молитвы были отнесены на этот же доход (Высочайшие утвержд. опр. Св. Синода 9–16 декабря 1870 г. № 1570). Выставление в церквах кружек для сбора в пользу духовно-учебных заведений воспрещается (опр. Св. Синода 15 сентября – 5 октября 1872 г. и 25 мая – 2 января 1873–1874 гг.). Точно так же не позволяется взимать с той же целью никаких особых налогов с лиц, дети которых обучаются в училищах (опр. Св. Синода 16 июня – 5 июля 1891 г.). Сумма же, собираемая за обучение детей из светских сословий, может быть употреблена на покрытие расходов по училищу с разрешения архиерея (опр. Св. Синода 18 октября – 4 января 1873–1874 гг.). Доставляя средства училищу, съезд имеет право контролировать их употребление. Съезд поверяет через особые комиссии расход по училищу в

сумме, жертвующей духовенством, по документам, и рассматривает отчет по экономической части в тех статьях сметы, на которые ассигнована сумма от духовенства (опр. Св. Синода от 30 сентября – 23 октября 1870 г.). Съезд рассматривает годовую смету на содержание училища, составленную училищным правлением, в случае нужды исправляет ее (опр. Св. Синода 30 января – 18 мая 1868 г.). Но съезд не может производить освидетельствования училищной суммы, библиотеки и имущества, в целости и наличности которых он может удостовериться через членов училищного правления от духовенства, принимающих непосредственное участие в их проверке, в положенные законом сроки (опр. Св. Синода 15 сентября – 8 октября 1872 г.);

б) определение размера ежегодной платы с учащихся в училище из других сословий;

в) избрание двух членов училищного правления и другие вопросы по предложению епархиального архиерея.

Кроме указанных выше предметов, съезд окружного духовенства не может самовольно вмешиваться в другие дела, касающиеся училища (цирк, указ Св. Синода 14 июня 1872 г. № 39). Так, например, съезд не может входить в обсуждение чьих-либо заявлений о состоянии училища в учебном и воспитательном отношениях и вообще вмешиваться в учебную часть, а равно не может вступать по учебно-воспитательным вопросам в прямые сношения с училищным правлением, но все свои заявления должен представлять на благоусмотрение епархиального архиерея (уст. учил. § 23; опр. Св. Синода 7–20 мая 1871 г.). К занятиям съезда не относится производство проверочных испытаний ученикам в знании пройденных ими предметов училищного курса; если же он пожелает иметь сведения о положении учебного дела в училище, то он может получить их от своих членов училищного правления (опр. Св. Синода 21 июня – 5 июля 1872 г.). Члены съезда училищного округа не могут присутствовать в полном составе на экзаменах, ни выделять из среды себя комиссии для той же цели (опр. Св. Синода 15 сентября – 3 октября 1872 г.). Окружной съезд не может делать постановлений о приеме учеников на казенное содержание и вмешиваться в распоряжения правления о приеме детей в училище (опр. Св. Синода 15 сентября – 3 октября 1872 г.). Судебное расследование замеченных в училищах беспорядков или упущений по учебной или воспитательной частям на окружных училищных съездах не допускается, а потому съезд не имеет никакого права требовать в свое собрание учеников для отобрания от них каких-либо показаний (опр. Св. Синода 16 июня

– 7 июля 1871 г.). К предметам занятий училищных съездов духовенства не принадлежит суждение о пригодности наличных преподавателей училища к дальнейшей педагогической деятельности (уст. уч. § 12, 50); съезд может только делать заявления по упомянутому вопросу епархиальному архиерею (опр. Св. Синода 23 апреля – 7 мая 1871 г.). Точно так же съезд не может ходатайствовать о награждении служащих в училище лиц (опр. Св. Синода 15 сентября – 3 октября 1872 г.). Решения, принятые съездом, представляются через председателя епархиальному архиерею, который делает по оным соответствующие распоряжения по своему усмотрению (уст. уч. § 23). Собрания членов окружного съезда происходят в зданиях духовного училища.

Духовенству предоставлено также право попечения о духовной семинарии и – ввиду этого – право епархиальных съездов. В состав епархиального съезда в Казанской епархии входят по одному депутату от каждого благочиния. Открытие епархиального съезда и порядок совещаний совершаются применительно к правилам об окружных съездах духовенства.

Предметом занятий епархиального съезда служат:

а) избрание через каждые три года двух членов семинарского правления от духовенства и двух кандидатов к ним;

б) ходатайство, в случае надобности, об открытии при семинарии на местные средства сверхштатных параллельных классов;

в) обсуждение вопроса о назначении духовным училищам вспомоществования из общепархиальных средств, в случае недостаточности местных средств училищных округов;

г) попечение о благоустройстве епархиального свечного завода, как одного из главных источников епархиальных средств духовенства (Высочайше утвержд. опр. Св. Синода 9–16 декабря 1870 г. № 1570).

Отношения консистории к епархиальным съездам духовенства ограничиваются распоряжениями касательно созыва съездов и определения, по указанию преосвященного, способа избрания депутатов на оные, а также приведением в исполнение утвержденных епархиальным архиереем решений съезда. Постановления же съезда не подлежат ни

пересмотру, ни отмене со стороны консистории (опр. Св. Синода 13–20 декабря 1867 г. и 11–26 мая 1868 г.).

По усмотрению епархиального архиерея могут быть созываемы съезды духовенства в лице депутатов для обсуждения и других вопросов, кроме вопросов, касающихся духовной семинарии и училищ, например вопроса о церковно-приходских школах, о построении в епархии церквей, о просвещении инородцев светом христианского учения, о деятельности против раскола, о повсеместном устройстве домов для духовенства и проч. Предметы обсуждения указываются в этих случаях епархиальным архиереем, но могут быть подвергаемы обсуждению и вопросы, возбуждаемые самим духовенством, с согласия архиерея.

Наконец, практикуются еще съезды благочинных по распоряжению епархиальной власти. На них обсуждаются по преимуществу вопросы пастырской практики, хотя, конечно, бывают случаи поручения им со стороны епархиального архиерея на рассмотрение и вопросов общего характера, подлежащих обсуждению съездом депутатов. Один из ранних примеров созыва съезда благочинных по Казанской епархии мы находим в «Изв. по Казанской епархии. 1884. №№ 19 и 20, с. 599–619 и 639–649.

Вот правила, установленные в Казанской епархии касательно съездов духовенства. Постановка съездов по этим правилам (основанным, впрочем, на общих постановлениях Св. Синода), нам представляется целесообразной и согласной с каноническими нормами. В качестве дополнения к действующей практике можно разве пожелать, чтобы общепархиальные съезды духовенства созывались ежегодно в известное время, и чтобы их рассмотрению поручались не только училищные дела, но и все вопросы епархиальной жизни, которые в данное время обращают на себя внимание с точки зрения пастырства. При этом окружные съезды с большим удобством можно было бы соединить с общепархиальными съездами, сделав их отделами последних, ибо депутаты и окружных и епархиальных съездов – одни и те же лица, и дела их (съездов) – сродные, так что одновременное решение их внесет больше единства и целостности. Хорошо было бы также, если бы высшей церковной властью было издано особое подробное положение о съездах духовенства, применительно к современным потребностям русской церковной жизни.

Предложение Казанского епархиального начальства по вопросам:

а) о благоустройстве православного прихода,

б) об улучшении быта приходского духовенства и в) об участии духовенства в гражданских делах

Православный приход представляет собой территориальную церковную общину, соединенную около своего храма и имеющую для удовлетворения своих религиозных потребностей своих собственных священно-и церковнослужителей.

Распределение границ между приходами образовалось исторически, путем жизни, и сохраняется традиционно. Поэтому всякое вмешательство в это дело по каким-либо теоретическим соображениям может оказаться не только бесполезным, но и положительно вредным, потому что может повести к нарушению важнейших не только материальных, но и нравственных интересов прихожан и самого духовенства.

Перечисление из одного прихода в другой в городах может быть допускаемо для каждого отдельного лица, а в селениях – для целых деревень.

По делам, так сказать, междуприходным, например, о совершении духовенством треб в чужом приходе или над временно пребывающими в его приходе прихожанами других приходов и т. п., представляются достаточно удовлетворительными существующие постановления и порядки. В каждом приходе, при приходском совете, должна вестись особая приходская книга с записью всех наличных членов прихода и с обозначением их общественного положения, членов их семейств и других необходимых сведений. Вести эту книгу должны члены приходского причта или сами прихожане, внося в нее сведения о себе собственноручно. Книга эта должна храниться в церковном архиве открыто для всех и служить пособием для определения числа членов в приходских собраниях, в выборах должностных лиц прихода, в устройении всяких денежных и имущественных приходских дел.

Исповедные же росписи, по своему специальному характеру, остаются у причта в качестве обязательной записи для разных справок или по собственной пастырской деятельности священников, или по запросам посторонних лиц и учреждений, которым требуются сведения о бытии человека на исповеди и у причащения.

В последние около десяти и более лет с особенной энергией был поднимался и обсуждался вопрос об оживлении вялой жизни нашего православного прихода; по этому вопросу успела создаться даже очень почтенная по объему литература и научных исследований, и практических указаний. Главными средствами к такому оживлению приходской жизни почти единодушно признаны: возвращение приходу того автономного строя, какой он имел в древнее время до 8 столетия, усвоение ему значения полноправного юридического лица, развитие в его жизни начал самого широкого самоуправления и самостоятельности и привлечение к живому участию в его делах всех его членов.

Свободное самоопределение и самостоятельность представляют, конечно, весьма желательное качество в жизни приходской общины, но лишь в известной степени, в пределах законности, канонического подчинения епархиальной власти, и в союзе со всей Церковью, которой чужды всякие проявления мирской децентрализации. Это условие нужно иметь в виду при всех рассуждениях о разных сторонах самостоятельной приходской жизни.

Как автономному до известной степени и самоуправляющемуся церковному обществу, приходу естественно должно принадлежать:

Во-первых, право выбора всех своих членов, как имеющих войти в состав приходского совета, так и приставленных к заведованию разными отдельными отраслями приходской жизни, не исключая дачи одобрений и заявлений о желательных кандидатах на священно-и церковнослужительские должности. О выборах священно-и церковнослужителей будет особая речь впереди.

Во-вторых, право непосредственного участия вместе со своим причтом и, разумеется, под ведением епархиальной власти, во всех важнейших приходских делах, в частности – право приобретения всеми законными способами церковных и приходских имуществ, право участия в их управлении, право ходатайства по приходским делам и отстаивания приходских интересов пред административными и судебными властями, а для осуществления всех этих прав – общее право юридической личности.

В процедуре приобретения недвижимых имуществ обращает на себя внимание одно довольно тяжелое неудобство – необходимость на каждый случай испрашивать на такое приобретение Высочайшее соизволение (по зак. 4 января 1819 г.). Домогательства об отмене

такого порядка со стороны Духовного Ведомства тянутся еще с 1870 г., но безуспешно. Только в 1900 г. (13 января) последовало облегчительное определение Сената: религиозным обществам и братствам Духовного Ведомства разрешено приобретать недвижимые имущества без испрошения Высочайшего соизволения. Под это определение без всякой натяжки можно подвести приходы, особенно когда они получают права юридических лиц.

Что касается, в-третьих, участия приходов или их советов в заведении церковно-приходским имуществом и доходами, то в разрешении этого вопроса всего удобнее руководствоваться, с некоторыми изменениями, правилами о церковно-приходских попечительствах, расширив для этого их значение до значения представительных от всего прихода советов и дав для их полномочий некоторые более точные указания. Одно из важнейших правил о попечительствах (1869 года) гласит, что они могут заведовать только имуществами и доходами, имеющими характер их собственных или приходских жертв, и не могут касаться достояния собственно церковного. Правила этого нельзя обойти и в определении хозяйственных полномочий приходских советов. Значит, прежде всего требуется при этом возможно точное разграничение между самыми предметами церковно-приходской экономии.

Церковно-приходская собственность разделяется на: а) церковную в тесном смысле, б) причтовую и в) собственно приходскую.

а) Постоянным церковным достоянием, обуславливающим самое существование приходского храма и его богослужебных отправлений, служат самое здание храма, вся его священная утварь, колокола, книги и проч. Забота об этом достоянии храма лежит на приходском духовенстве и на приходе в лице доверенного от прихода церковного старосты. Покупка, ремонт этих предметов, продажа изветшавших, мена на новые и лучшие производятся с общего согласия причта и прихожан по принятым правилам. При производстве всех подобных операций (кроме разве переливки колоколов) на значительную сумму – свыше 500 руб., требуется обязательно разрешение епархиальной власти, а при продаже, мене и ремонте ветхостей – археологическая оценка со стороны специалистов.

Далее, в круг предметов церковного достояния входят: недвижимые имущества храма – дома, земли, угодья и т. д., а также фондовые капиталы, пожертвованные или завещанные на содержание храма и его утвари, на богослужебные надобности (например на певчих, диакона); затем жертвы временные, крупные и мелкие, которые поступают в церковь на текущие расходы с обозначением их назначения (сборы с прихода на церковный ремонт, на покупку икон, колоколов и проч.) и без такого частного обозначения, просто на церковь; доходы от продажи свечей, сборы кружечные или кошельковые (кроме кружечных на благотворительные учреждения), часовенные; наконец, сборы особые, местные, назначаемые старостами и причтами для усиления церковных доходов, представляющие собою нечто вроде косвенных налогов на прихожан, например за купель при крещении, за вино и венцы при браках, за подсвечники и наlepки, за покровы, за звон при похоронах, прибавочные деньги за венчики и разрешительные молитвы, за иконы из церкви, носимые по домам для молебнов, и т. п.

Все эти имущества и доходы чисто церковного характера принадлежат к ведению духовной власти и находятся в ближайшем заведении причтов и церковных старост по существующим узаконениям. Приходу могут принадлежать только право и обязанность хранения их целости и наблюдения за наилучшим, более выгодным для церкви употреблением их согласно назначению. Ни приходы, ни частные лица, не исключая самих жертвователей, не вправе ни отбирать их назад, ни давать им другое назначение, кроме того, с каким они поступили в церковную собственность.

Участие прихожан в заведении этой частью приходской экономии может проявляться в очень разнообразных формах: в заботах о лучшей обработке или выгоднейшей отдаче в аренду церковной земли, в более выгодной покупке церковных вещей, в наблюдении за церковными постройками и т. д. Причты и старосты в своей экономической деятельности поэтому даже и сами должны обращаться за участием и советами к прихожанам и вести свои дела непременно гласно, с ведома прихода и даже с отчетом ему в употреблении жертвуемых прихожанами средств. Епархиальные начальства тоже с пользою могут призывать приходы к участию в приходской экономии, особенно к ревизии церковных сумм и вообще к контролю над этой экономией. Но все вообще виды такого их участия имеют не только правовой характер, вытекающий из собственных прав приходов, зависящий от степени добродетельного усердия прихожан к интересам своей церкви, или основывающийся на доверии к этому усердию со стороны духовной власти.

Некоторые из перечисленных выше сборов, представляющие собой плод одной изобретательности церковных старост для увеличения церковных средств и часто дурно действующие на религиозность прихожан, следовало бы вовсе отменить; но, так как они довольно значительны и нужны для поддержки церковной экономии, то оставить из них по крайней мере хоть только те, которые будут устанавливаемы самими приходами, а не одними старостами и причтами, а для контроля, которого над ними теперь вовсе не имеется, записывать их в особую книгу, которую могут вести причты, так как эти поборы неотделимы от совершаемых причтами треб.

б) Почти в такие же отношения приходы могут быть поставлены к церковно-приходским средствам причтовым. Средства эти состоят в пахотных землях, записанных за церквами в разное время по писцовым книгам, по генеральному межеванию из приходских дач и по другим укреплениям, в землях усадебных, в лугах, рыбных ловлях и других оброчных статьях, в церковных домах и, наконец, в денежных капиталах. Все эти статьи называются церковными и обложены правом церковной неотчуждаемости, но на самом деле имеют значение чисто причтовых. От причта церковного зависит извлекать из них выгоды как самим, так и через отдачу в аренду, в последнем случае – с разрешения епархиального начальства и с соблюдением узаконенных правил.

Приходам, очевидно, тут нечего делать. По своей обязанности пеших о благосостоянии своих причтов, они могут только наблюдать за целостью причтового достояния, за тем, чтобы причтовые земли не истощались в аренде, за более выгодной сдачей в аренду оброчных статей и т. д. Причтовые дома должны всецело лежать на попечении приходов, равно как и все другие приходские строения. Полное осведомление прихода о всех средствах и ходе церковной экономии требуется, разумеется, и по причтовой части этой экономии.

в) В полном распоряжении приходских общин и их советов остаются только те материальные средства, которые для удовлетворения церковных и приходских потребностей изысканы ими самими и не записаны в состав специальной церковной собственности. Это – те самые средства, какими, по положению о церковно-приходских попечительствах, располагают эти последние, так как с новым устройством приходов и приходских советов попечительства должны будут совершенно слиться с этими советами.

Приходские средства могут сохранять свой приходский характер, конечно, лишь до тех пор, пока приход удерживает их за собою, не записывая за церковью и жертвуя их на церковно-приходские нужды временно, на правах пользования.

Средства эти могут быть разные: денежные, вещевые движимые и недвижимые. Источником их служат добровольные пожертвования прихожан и посторонних лиц, сборы в особую приходскую кружку, обносимую в церкви, сборы по приходу по определению приходского собрания, пособия, получаемые по ходатайству прихода из казны и от Духовного Ведомства и – в случае особенной надобности – займы на имя прихода (с уплатой долга на приходский счет, а не на счет церкви и духовенства). При этом необходимо предполагается, что приходы будут иметь все права автономной юридической личности, право самообложения сборами, право совершать от своего имени всякие акты и собственную печать, особую от церковной.

Употребление или расход приходских средств – тот же, что у церковноприходских попечительств: на удовлетворение нужд церкви, на которые не достаточно ее собственных средств, на улучшение быта духовенства, на просветительные и главным образом на благотворительные потребности прихода. Покровительству и попечению приходов вверяются приходские школы, приюты, богадельни; они же заботятся об оказании пособия бедным прихода, сиротам и людям, впадшим в несчастья, принимают соответствующие меры для облегчения населения в голодные годы и во время эпидемий, пекутся о погребении бедных и о содержании в порядке кладбищ. Желание, чтобы общественная благотворительность была преимущественно сосредоточена в приходах, можно назвать если не общим, то по крайней мере господствующим желанием в нашем обществе.

Деятельность прихода пользуется полной свободой в пределах законности. Приходские советы периодически дают отчеты в своих действиях и расходах общему собранию прихожан. В конце года представляются краткие сведения о действиях приходов к сведению епархиального начальства и для представления в Канцелярию синодального обер-прокурора ко внесению в всеподданнейший отчет. Местным начальствам и обществам в городах и селениях и земствам должно быть вменено в обязанность оказывать возможное содействие правильному и успешному

ходу дел в приходских собраниях и советах. В случае нужды в содействии гражданской власти, епархиальные архиереи входят в сношения с местным губернским начальством.

Церковно-приходская экономия не мало стесняется в настоящее время тем, что к ее сборам в церквях примыкают еще разные посторонние сборы: в пользу попечительства о бедных духовного звания, на миссии среди язычников империи, на восстановление православия на Кавказе, на сооружение церквей и школ в Западном крае, на православных поклонников в Палестине, на общество попечения о больных и раненых воинах, в пользу гроба Господня и временные сборы на восстановление и сооружение разных храмов. Кружки по некоторым таким сборам обносятся даже за богослужением вместе со сбором на церковь и на приходские потребности и находятся в заведовании и на ответственности причтов и старост. Для восполнения их пустоты приходится иногда уделять для них деньги из церковных доходов, и самое обношение их за богослужением происходит в явный ущерб церковным доходам. Кроме этих кружков, в церквях помещаются еще благотворительные кружки и производятся сборы, находящиеся в заведовании разных посторонних ведомств: Императрицы Марии, общественного призрения, земских учреждений, губернской управы, призрения слепых, глухонемых, Славянского благотворительного общества и др. В этих последних сборах причты и старосты по крайней мере не участвуют и не ответственны.

В облегчение приходской экономии следует значительно сократить число подобных сборов, оставив только те из них, которые будут производиться по установлению Св. Синода, по распоряжению епархиального начальства и по установлению церковно-приходского собрания, утвержденного епархиальною властью.

Всеми делами по приходу заведуют: 1) общее приходское собрание и 2) церковно-приходский совет, представляющий собой орган первого.

На общем собрании имеет право присутствовать с правом голоса каждый прихожанин (не исключая и женщин, занимающих место главы дома), совершеннолетний, доброго поведения и участвующий в увеличении приходского имущества установленными платежами или добровольными пожертвованиями и личным трудом.

Церковно-приходский совет состоит из приходских священников, церковного старосты и выборных из остальных членов причта и благонадежнейших прихожан не моложе 30 лет, в числе 12; к участию в его заседаниях могут приглашаться и другие прихожане для представления мнений или сведений, но без права решающего голоса. Члены совета избираются на 3 года. Председательство и на общем и на советском собраниях принадлежит настоятелю прихода или, за отсутствием его, почетнейшему члену из прихода, из духовенства или из мирян. Председатель имеет при ведении дел на собраниях обычные права руководства рассуждениями членов, наблюдения за порядком, удаления беспорядочных членов и закрытия самого собрания.

Церковно-приходские собрания обязательно собираются дважды в год, весною и осенью, но могут быть собираемы и в другое время по требованию или настоятеля прихода, или приходского совета, или большинства прихожан, наконец, по требованию епархиального начальства. Совет собирается чаще, по приглашению настоятеля или по желанию не менее половины членов. Для законности общего приходского собрания требуется присутствие на нем не менее 1/3 имеющих право голоса прихожан, а для собрания совета – не менее половины членов.

Дела на собраниях решаются или единогласием, или обычным порядком – большинством открытых голосов, а по желанию кого-либо из собрания – и закрытым голосованием. Заседаниям ведутся протоколы, которые оглашаются пред всем приходом и затем хранятся в церковном архиве, где должны быть доступны благочинному и прочему духовному начальству, посещающему приход. Обжалование решений общего собрания поступает на имя епархиального начальства, а обжалование постановлений совета – на решение общего церковно-приходского собрания.

Церковно-приходское собрание производит все приходские выборы: церковного старосты, двоих представителей прихода при высылке денег из церковных кружков, членов приходского совета и членов-попечителей приходской школы и благотворительных учреждений, а в случае надобности дает одобрение о желательных для прихода священноцерковнослужителях.

Ему же принадлежит главное заведование всей церковно-приходской экономией. Оно утверждает составленные советом росписи приходов и расходов на будущий год и платежный список прихожан с указанием платежной суммы с каждого прихожанина по его имущественному

положению, определяет правила для заведования и расходования сумм и имуществ прихода и порядка ведения отчетности, изыскивает средства для содержания причта, ведет дела по сооружению и содержанию храма, домов причта, школы, благотворительных учреждений, устройства кладбища и заведования им.

В случаях чрезвычайных потребностей приходскому собранию предоставляется право заключать займы или устанавливать особые сборы на несколько лет. Дела этого рода, а также касающиеся церковных построек, продажи или изменения порядка употребления церковно-приходского имущества, доставшегося приходу с определенным назначением, и другие, указанные в существующих узаконениях, дела решаются с утверждения епархиальной власти.

На обязанности совета, как органа церковно-приходского собрания, лежат: хранение и заведование церковно-приходским имуществом, ведение отчетности, подготовка и приведение в исполнение всех распоряжений приходского собрания. Он обязан составлять раскладочный список прихожан и росписи приходов и расходов по приходу, принимать пожертвования и пособия, добровольно предоставляемые в распоряжение прихода, а также распоряжаться раскладкой и взиманием сборов, разрешенных на церковно-приходском собрании, избирать и уполномочивать поверенного представителя прихода на суд и пред другими властями, причем желательно, чтобы такими представителями приходов во всех потребных случаях были настоятели церквей, входить в церковно-приходское собрание с представлениями и проектами по особым нуждам прихода. Церковно-приходский совет назначает из своих членов казначея, которому надлежит принимать и расходовать по указаниям совета приходские суммы и вести в них отчетность. Отчетность совета представляется назначенным общим собранием ревизорам в конце календарного года к первому весеннему церковно-приходскому собранию.

Каждый член совета отвечает вместе с прочими членами за все денежные суммы, состоящие в ведении совета, но не обязан вознаграждать убытки, причиненные не по ошибке или упущению с его стороны.

Церковно-приходскому совету предоставляется право сноситься от имени прихода со всеми лицами и учреждениями, причем служебная корреспонденция (простые и денежные пакеты и посылки без цены до 1 пуда) пересылаются по почте без платы весового сбора, за присвоенную приходу печатью.

Говоря о лучшем благоустройстве православного прихода, нельзя не обратить при этом внимания и на положение среди него приходского духовенства. В качестве главных средств к улучшению этого положения указываются обыкновенно: а) сообщение членам церковных причтов выборного значения, которое должно теснее связать их с приходом, сделать их для прихода своими, родными людьми и т. д.; б) улучшение их содержания и главным образом изменение формы этого содержания, и в) усиление участия приходского духовенства в гражданских делах прихода и представительства в разных учреждениях, которое должно возвысить внешнее положение и престиж духовных лиц в обществе и государстве.

А) Право избрания членов приходского причта самими прихожанами, всегда существовавшее в практике греческой Церкви, издавна принадлежало и русским церковным прихожанам, особенно в древнее время до Петра Великого, не отменено было и Петром, подтверждалось и после, между прочим, в не очень давнем определении Св. Синода от 18 июля – 8 августа 1884 г. (№ 1514), в котором Св. Синод признал это право в смысле заявления прихожанами своего желания иметь у себя духовным отцом преимущественно известное лицо, или в смысле свидетельства о добрых качествах ищущего рукоположения лица. Но, признаваемое *de jure*, право это с 18 в. постепенно стало ослабевать *de facto* в практике епархиальной власти. С появлением духовной школы у архиереев, вместо приходских кандидатов на церковные места, во множестве явились другие собственные кандидаты, хорошо им известные и несравненно более подготовленные к церковному служению, чем первые, и стали оттеснять этих от церковных мест. Практиковать право выборов над этими новыми школьными кандидатами приходам приходилось уже редко, да было и неудобно, потому что приходы их мало знали, а без надлежащего осведомления об их достоинствах конкурс между ними пред судом прихода легко мог обращаться в простой аукцион, кто более убоготворит прихожан и меньше с них возьмет. В последнее время практика приходских выборов священно-и церковнослужителей почти вовсе прекратилась.

Восстановление или оживление этого права в настоящее время возможно, но не в виде права, действующего обязательно, а в виде права, осуществляемого лишь по мере возможности и надобности, и под известными условиями. В Казанской епархии, в частности, оно может иметь некоторое значение при замещении приходских вакансий в приходах инородческих, где, по местным условиям, требуются священно-и церковнослужители из людей, хорошо знающих местные языки и нравы, и даже прямо из самих инородцев.

При производстве выборов необходимо наблюдать, чтобы избираемые лица, кроме известных нравственных качеств, нужных для служителя Церкви, обладали еще соответствующим степени их будущего служения образовательным цензом. При настоящем порядке вещей наполнение приходских мест разными мирскими избранниками в старинном вкусе может повести духовенство к потере авторитета среди своих избирателей и к унижению пред обществом, а оно уже и так не высоко стоит, особенно во мнении нашей своеобразной интеллигенции.

Кроме воспитанников духовных школ, кандидатами на церковные места могут быть лица, получившие образование и в других школах, но с достаточной подготовкой по церковно-богословским знаниям, и известные своею преданностью православной Церкви. Для испытания таких лиц епархиальною властью могут быть назначены особые испытательные комиссии и выработаны программы с точным обозначением минимума богословских знаний, нужных особо для городского и особо для сельского, в Казанской епархии еще для инородческого духовного лица.

Самые выборы должны быть окружены по возможности торжественной и благоговейной обстановкой; они должны происходить не на улице или в мирской избе, а в храме, после молебствия, в присутствии и под руководством благочинного или другого лица, доверенного от епархиального архиерея, которые и представляют архиерею акт избрания.

На каждое место должны представляться три кандидата, из коих архиерей избирает и назначает одного, наиболее достойного. Если же избранные, по справкам и испытанию, не удовлетворяют требованиям духовного служения, архиерей делает им отвод с извещением о том избравшего их прихода и назначает на место своего собственного кандидата.

Б) Улучшение содержания приходского духовенства было предметом множества суждений и споров в литературе и разных практических мер со стороны администрации, особенно в 1860-х и 1870-х годах. Одним из первых вопросов при этом был вопрос о том, откуда могут браться средства на содержание духовенства, от казны ли или от общества – приходов, земства. Вопрос этот со стороны правительства ясно и точно решен был в 1863 г. в записке министра внутренних дел Высочайше утвержденному присутствию об улучшении быта духовенства, в которой говорилось: «При изыскании средств к улучшению быта духовенства внимание обращается почти исключительно на одни только правительственные способы. Между тем ввиду пособий, уже оказываемых Правительством, обеспечение церковных причтов составляет первоначальную обязанность самих прихожан. Дальнейшие правительственные пособия должны иметь вообще вспомогательное, добавочное свойство и оказываться преимущественно там, где приходские средства недостаточны. Надлежит иметь в виду, что дело обеспечения церковей и духовенства есть дело общественное, в котором прихожане призваны к столь же непосредственному участию, как и само Правительство. Надлежало бы только возбудить и поощрить самостоятельность и самодеятельность приходских обществ».

Способы правительственные известны; это: в разное время отведенные церквам причтовые земли и разные угодья и оклады денежного жалованья причтам, постепенно распространяющиеся по епархиям до сих пор. По своей величине и степени удовлетворительности для обеспечения духовенства, эти способы действительно имеют только «вспомогательное, добавочное свойство» к средствам общественным, приходским. Эти последние, приходские средства, за исключением некоторых особенных и редких, вроде земель, домов и других оброчных статей и денежных капиталов, пожертвованных или доставшихся причтам по завещаниям, все сводятся к поручным платежам за требоисправления и натуральным сборам духовенства по приходу. На них и следует обратить особенное внимание.

Этот нищенский и часто очень унижительный способ содержания духовенства издавна был предметом постоянных жалоб духовенства, соблазна для мирян, особенно так называемой интеллигенции, и резких суждений в литературе. Нередко против него высказывалось само Правительство, например в Духовном Регламенте Петра Великого. Здесь же, в Регламенте, находим и первый замечательный проект об отмене этой формы вознаграждения духовенства: предполагается заменить ее годовым подворным сбором с прихода, т. е. постоянным приходским жалованьем, «дабы они (духовные) совершенное по мере своей имели довольно и впредь бы не домогались платежу» за требы; «обаче сие не возбраняет доброхотным человеком подавать священнику, сколь много кто по щедрости своей похощет». Тот же проект повторен затем и в прибавлении к Духовному Регламенту с некоторыми разъяснениями и с заменой подворного сбора в пользу причтов сбором подушным, с каждого прихожанина.

При преемниках Петра проект этот был совершенно забыт. Императрица Екатерина 2 даже прямо утвердила старый способ содержания духовенства, издав унижительную для духовенства и жалкую по цифрам таксу за требы, основанную на либеральном стремлении защитить бедный народ от жадности попов и по своему святопродавческому характеру свойственную скорее грубым понятиям простонародья, чем мудрому правительству философского века. При Александре 1 такса эта была увеличена вдвое, но от этого стала, пожалуй, вдвое и хуже. Но в начале 19 столетия снова воскресла мысль Петра Великого, и на этот раз вне правительственных сфер – среди городских обществ Архангельска, Рыбинска и Одессы. Городские думы этих городов нашли непристойным для духовенства поборы при хождении по домам с крестом и определили заменить эти поборы постоянным жалованьем причтам в количестве от 50 до 500 руб., производя сбор этих денег вместе с суммами на городскую полицию. Св. Синод был доволен такими определениями и выразил надежду, что эта форма обеспечения причтов распространится и по другим местностям России.

Дальнейшему ходу этого дела помешал новый проект 1808 года обеспечения духовенства постоянным жалованьем из составлявшегося тогда духовно-учебного капитала. Проект этот, как известно, не состоялся, и духовенство осталось при своих старых средствах содержания от приходов.

Так продолжалось до 1860-х годов, когда вопрос об улучшении быта духовенства поднялся снова и с особенной энергией, и притом стал разрабатываться путем гласного обсуждения. Журналы, газеты и епархиальные ведомости наполнились массой статей и корреспонденцией, которые впервые во всей полноте раскрыли то униженное и плачевное положение, до которого

довела духовенство необходимость кормиться поборами за требы и нищенскими сборами по приходу, и вместе поразительный упадок общественного его значения, как будто дело касалось не православного русского народа, а какого-то новообращенного, которому духовенство навязано насильно и который должен кормить его, не чувствуя в нем никакой действительной надобности. Возникла оживленная полемика о том, откуда взять средства для обеспечения причтов, от общества или от казны, причем само духовенство почти поголовно настаивало на назначении ему казенного жалованья: по своему горькому опыту оно не надеялось ни на доброхотство прихожан, ни на сочувствие либеральных земств, ни на городские думы, ни на волостные правления.

Среди этой полемики, в качестве среднего мнения с особенною ясностью снова возникла знакомая мысль о замене доходов от треб и натуральных сборов общим годовым сбором с прихожан, который бы, с одной стороны, имел все свойства постоянного жалованья духовенству, а с другой – был бы даянием прихожан и, таким образом, удовлетворял всем требованиям, какие выяснились в современной полемике. Мысль эта среди духовенства принята была очень радушно. Замечательно, что при ее разработке цифра годовичного сбора с каждой приходской души показывалась весьма скромная, всего 50–75 коп. средним числом и для сельских и для городских приходов. Но духовенство не надеялось на исправное получение и такой умеренной суммы от доброхотства прихожан и требовало, чтобы сбор окладов для пущей обязательности его был отдан в руки начальства наряду с государственными и земскими сборами. По поводу этого требования возникла новая полемика со стороны лиц, отстаивавших доброхотный характер этого сбора. На том рассмотрение этого важного вопроса и остановилось, не достигнув окончательного решения.

Самый крупный пример обеспечения причтов приходским жалованьем встречаем (с 1866 г.) в Таврической епархии, где было таким образом обеспечено свыше 100 сельских причтов окладом в размере 600 руб. священнику, 400 – диакону и по 300 – причетникам. В других епархиях дело это или вовсе не пошло в ход, или шло очень вяло, хотя в нем принимали деятельное участие и многие епархиальные архиереи (епархий Донской, Томской, Вятской и др.), и даже земские собрания (Рязанское, Бузулукское, Новоузенское и др.). В Казанской епархии существует несколько (до 11) приходов в Ядринском уезде, в которых духовенство обеспечено именно таким образом – приходским жалованьем от прихожан – чуваш.

В настоящее время, когда от малой обеспеченности духовенства число поступающих священно- и церковно-служительских мест стало возрастать в особенно быстрой прогрессии, возобновление и усиление движения рассматриваемого вопроса особенно нужно. Лучшего способа содержания приходского духовенства, пожалуй, и не придется изыскать. Разработка его в подробностях требует еще много труда и разнообразных справок.

Лучшим способом практического применения предлагаемого проекта представляется подушное обложение прихожан обоего пола с 18-летнего возраста, когда мужчину или женщину, по крайней мере в сельских приходах, можно считать способными к заработку. Количество подушного обложения для каждого лица должно быть предоставлено самой приходской общине; но норму годового содержания каждого члена причта лучше определить епархиальной власти, сообразно с известными ей условиями службы в том или другом приходе. Принимая во внимание количество наличных доходов приходского духовенства, можно наметить приблизительно такие цифры приходского жалованья на причты: в селах – от 1000 руб., в уездных городах – от 1500 руб., в губернских – от 2000 руб. с оставлением за ними и настоящих вспомогательных средств – земель, угодий, арендных статей и казенного жалованья. Последнее может служить в качестве вознаграждения духовенства за его труды в интересах государства (ведение метрик, труды по разным поручениям по доставлению светским властям разных сведений и справок).

Получая приходское жалованье, причт обязан совершать уже все требы для прихожан бесплатно, за исключением так называемых добровольных, необязательных треб, к которым, по выработавшимся уже обычаям, относятся молебны, панихиды, хождение с иконами и молебствием по полям, хождение по домам с крестом, кроме крещенского и пасхального, которые обязательны.

Сбор денег на жалованье духовенству производится вместе с государственными и земскими сборами. Желательно, чтобы само духовенство могло не вступаться в это дело.

Что касается вопроса об участии духовенства в гражданских делах, то, конечно, желательно было бы, чтобы представителями от прихода на суде и пред другими властями во всех потребных случаях непременно были настоятели приходских церквей. Но непосредственное участие духовных лиц в мирских делах приходской общины (разумею собственно сельский мир) едва ли желательно и даже возможно, за исключением дел, касающихся вопросов просветительных, благотворительных и народной нравственности, в которых пастырям Церкви должны принадлежать и инициатива и главный голос.

О предоставлении духовенству участия в правительственных учреждениях теперь, ввиду предпринятых Правительством государственных реформ, трудно высказать что-нибудь определенное, кроме общего положения, что это участие нужно и во многих вопросах, касающихся Церкви, народного просвещения и нравов, даже необходимо. Самая форма этого участия может определяться, смотря по его характеру и месту, или по усмотрению и назначению духовного начальства, или по общим гражданским установлениям путем выбора наравне с прочими сословиями, или по сословному представительству по избранию самого духовенства.

С другой стороны, нельзя не пожелать, чтобы приходское духовенство было облегчено освобождением его от разных возложенных на него гражданских и полицейских обязанностей, трудно для него выполнимых, а между тем ответственных. Так:

Насколько возможно, следовало бы освободить его от представления в разные места статистических таблиц, разных справок и сведений, списков призываемых к воинской повинности, чисто медицинских показаний (в метриках) о причине смерти покойников и т. д., предоставив собиравшие подобные сведения заведующим относящимися сюда делами учреждениям.

Следует также освободить причты от тяжкой для них ответственности за некоторые ошибки по выполнению их прямых обязанностей, ошибки, за которые должны по-настоящему отвечать полицейские власти. Ошибки этого рода, при всей осторожности со стороны духовенства, могут заноситься им даже в самые важные приходские документы – метрические книги и брачные обыски. Например, по неудовлетворительности личных документов, представленных причту, и ложности свидетельских показаний, незаконнорожденное дитя может быть записано законным при фиктивных родителях, или при родителях, не состоящих в законном браке. Особенно часто могут быть ответственные ошибки при совершении браков, обставленном сложной и нелегко выполнимой для причтов массой разных предосторожностей и справок. И за все подобные ошибки отвечает одно духовенство, тогда как главная ответственность должна бы ложиться на учреждения, выдавшие нужные при требах документы, и на свидетелей, давших показания о беспрепятственности и правильности треб и метрических записей. В частности, при венчании браков, для составления акта в доказательство беспрепятственности брака достаточно было бы паспортов брачующихся под ответственностью за верность и полноту обозначенных в них показаний полицейских и других властей, их выдавших, а также давших положительные показания свидетелей, а не причтов. Впрочем, и требующиеся ныне предбрачные сведения с большим удобством могли бы быть представляемы церковно-приходскими советами.

Наконец, следует освободить священников от тяжкой обязанности, возложенной на них светской властью, нарушать тайну исповеди донесением по начальству об открытых на духу противогосударственных замыслах и народных соблазнах.

Предположения Казанского епархиального начальства по вопросу о правах монастырей и архиерейских домов на приобретение недвижимой собственности и о благоустройении монастырей вообще

Если бы вопрос о правах монастырей и архиерейских домов на приобретение недвижимой собственности поставить на обсуждение современной периодической светской печати, то с несомненностью можно утверждать, что последняя высказалась бы против расширения экономических прав монастырей и скорее заявила бы себя сторонницей отобрания у монастырей и тех немалых имуществ, которыми они сейчас владеют. В таком ответе светское общество было бы в значительной степени право, если иметь в виду, с одной стороны, ту массу нравственной и материальной возможности монастырей приносить пользу русскому народу и, с другой стороны, наличное ничтожество этих полезных результатов. Первейшее и главное значение монастырей – это светить миру молитвенными благочестивыми подвигами, указывать мирским людям путь нравственного совершенства, вернейшим образом приводящий к Богу. Но молитвенно-созерцательные подвиги, борьба со страстями и похотями составляют еще половину добродетели. Вера мертва без дел любви и милосердия; нужно, чтобы монастыри служили бедному, темному и страждущему человечеству деятельной любовью, чтобы они выступили, говоря вообще, на поприще самой широкой благотворительности. Если церкви и монастыри владеют большими средствами, то они должны эти средства, по покрытии насущных монастырских нужд, вложить в дело благотворительности и как-либо организовать это дело. Правда, некоторые монастыри, особенно в прежнее, еще допетровское время, довольно широко развивали свою благотворительность. Например, в один из голодных годов Кирилло-Белозерский монастырь кормил ежедневно до 600 душ, а Пафнутьев – до 100, Волоколамский монастырь продовольствовал в голодные годы целые округа с десятками тысяч населения, и за это, как и за строгость жизни и красоту богослужения, пользовался народной любовью. Забвение монастырями той истины, что вера без дел милосердия мертва, особенно если это забвение соединялось с упадком монастырских нравов, – и было отчасти той причиной, вследствие которой светское общество в лице светского Правительства пыталось налагать свою крепкую руку на монастырские имущества и, по возможности, отбирать их в казну. Секуляризационные стремления Правительства проявляются еще у царей Иоанна 3 и Василия 3, довольно заметно проглядывают в «Уложении» Алексея Михайловича, но высшего развития достигают в церковных реформах Петра Великого и Екатерины II.

Безошибочно можно сказать, что и ныне светское общество сильно предубеждено против монастырских земель и угодий, и недалеко то время, когда Правительство, хотя бы чрез Государственную Думу, с особенной силой обнаружит секуляризационные стремления и лишит монастыри всех их богатств, оставив им только небольшое казенное вспомоществование. Думать так заставляют и разговоры, циркулирующие в обществе, и вспышки неудовольствия на монастырскую оторванность от мира, замечаящиеся теперь нередко в современной периодической печати.

Надо скорее дать полный простор монастырям в их деятельности на поприще разносторонней благотворительности и всячески побудить их к этой деятельности.

Ввиду всего вышеизложенного, необходимы следующие мероприятия:

1. Необходимо отменить ограничение у монастырей права по приобретению ими разной недвижимой собственности и, наоборот, предоставить возможную свободу их экономическим операциям, если последние имеют целью приращение монастырского имущества не только для благоуукрашения храмов, но и для служения меньшей братии на началах христианской любви и милосердия, в форме призрения бедных, вдов и сирот, устройства больниц обучения детей, проповеди среди иноверцев и т. д.

После предоставления такой свободы, богатые монастыри сразу же получат возможность организованно выступить на служение меньшей братии, а монастыри средние по достатку и бедные – со временем, когда путем свободных экономических операций улучшат свое собственное благосостояние и будут иметь излишек средств для этого.

2. Все монастыри нужно обратить в общежительные и, в видах упорядочения хозяйственной стороны монастырской жизни, учредить во всех монастырях соборы из старшей братии (наподобие лаврских). Деятельность этих соборов должна гарантировать целостность монастырских

сумм и должное и целесообразное их употребление. Расходы до 500 руб. могут быть произведены собором без утверждения епархиального пресвященного; расходы свыше 500 руб. должны быть представлены на утверждение епархиального начальства. Если же в монастыре мало братии и должного собора не из кого составить, то ведает все хозяйство сам настоятель под руководством епархиального начальства.

Итак, расширение экономических полномочий монастырей желательно, но под неперменным условием развития в этих монастырях благотворительной деятельности. Без последнего расширение монастырских прав не будет вызываться никакой необходимостью. Общежительный же устав монастырской жизни наиболее соответствует идее монашества и особенно симпатичен современному верующему обществу и может устранить на будущее время в обществе и литературе нарекания, направленные против монастырей за их мирской образ жизни. И история нам указывает, что древние русские богатые монастыри, в которых были настоятелями последователи преподобного Иосифа Волоколамского, так называемые иосифляне, тем и стяжали себе всенародную любовь и расположение, что в них можно было находить счастливое сочетание доброй монашеской жизни по общежительному уставу и ревностное служение на пользу меньших обездоленных братий-мирян. Если такой тип жизни иосифлянских монастырей воскреснет и в современных обителях, то последние, несомненно, сохранят свое существование и вернут себе любовь и доверие не только простого народа, но и так называемого интеллигентного общества. Очевидно, реформа монастырского права на приобретение имуществ должна вызвать и реформу в пользовании ими.

3. Таким образом, необходимо развитие разносторонней благотворительной деятельности монастырей при наличии широких полномочий их в экономическом отношении; это нововведение дало бы широкий простор насельникам обители, сверх их молитвенных подвигов, прилагать свои нравственные и физические силы в той сфере труда, к какой они почувствуют большее призвание: одни захотят работать в поле и лесу, другие – кормить голодных, третьи – обучать школьников, четвертые – ухаживать за больными и т. д. и т. д. Этим путем монахи, с одной стороны, исполняли бы заповедь о любви к ближним, а с другой – избегали бы праздности, которая и в обителях, как это ни горько, часто служит матерью разных пороков, совершенно нетерпимых в монастырских стенах. Физический труд необходим для благоустройства монастырей.

4. Необходимо на вышеуказанных началах поддержать беднейшие обители. И теперь можно наблюдать факты, как некоторые бедные монастыри, руководимые умными, энергичными и хозяйственными настоятелями, поднимаются из развалин и приходят в цветущее сравнительно состояние. Эти настоятели, конечно, сделали бы еще больше, если бы имели больший простор для своей деятельности. А сколько у нас на Руси бедных, полуразвалившихся обителей! Нужно употреблять всяческие меры, чтобы их возрождать, а не упразднять, что всегда оскорбляет религиозных – лучших из православных христиан. В последнее полувековье замечается значительное количественное приращение монастырей. На пространстве одного 19 столетия основано новых монастырей и женских общин 241, из которых только на царствование Александра 2 падает 107 монастырей и на царствование Александра 3 – 74 монастыря. Понятно, что новым обителям особенно нужна экономическая свобода, всяческая поддержка и поощрение, чтобы они могли скорее, так сказать, подняться на ноги и затем уже заняться внутренним делом и служением ближним на началах христианской любви и милосердия. Все вышесказанное о монастырях в той или другой степени приложимо и к женским обителям и к архиерейским домам. Последние должны идти во главе благотворительного монастырского дела епархии, показывать пример прочим обителям.

5. Необходима реформа в управлении монастырскими имуществами. В настоящее время ясного разграничения в управлении ими нет; между тем неясность эта очень вредна для общецерковного дела. Для исправления указанного недостатка по отношению к монастырям необходимо общецерковное имущество разделить в отношении управления следующим образом:

6. Церковное имущество: церковные капиталы, богослужебная утварь, святыни, ризница; все это находится в ведении всей Церкви и ее представителя – высшего церковного управления, хотя и чрез местные епархиальные органы.

7. Братское имущество: недвижимая собственность, капиталы и другое имущество, пожертвованное или иным способом поступившее в распоряжение братии монастыря. Этой

собственностью имеет право распоряжаться братия монастыря или чрез свой монастырский собор или иным способом, смотря по обстоятельствам времени и места.

8. Имущество со специальным назначением, т. е. капиталы или иная собственность благотворительных или просветительных учреждений, находящихся в известном монастыре. Управление этим имуществом может быть разнообразно, как могут быть разнообразны уставы этих учреждений.

9. Для благоустройства монастырей необходимо:

1) Чтобы везде было введено старчество – непосредственное и постоянное руководство старцами иноков и послушников в правилах монастырской жизни.

2) Чтобы были собраны и пересмотрены все существующие монастырские уставы и, на основании их, был составлен один устав, который и ввести в монастырях для придания однообразия в монастырской жизни, – за исключением обителей, имеющих свои уставы, составляющие отличительную особенность и принадлежность их.

3) Чтобы в монастыри принимались люди с большой осторожностью.

4) Чтобы в монашество постригались лица не ранее 30-летнего возраста и по самом тщательном испытании.

Затем, желательно, чтобы епархиальные архиереи не состояли настоятелями монастырей (они суть начальники над всеми монастырями епархии и настоятели архиерейских домов), но зато желательно, чтобы увольняемые на покой архиереи назначались не в число братии, а в настоятели монастырей и по преимуществу особо важных.

Примечание. Вопрос о правах приходских церквей на приобретение недвижимой собственности решен в вопросе о приходе.

**№65, преосвященного Сергия, архиепископа Финляндского, от
18 января 1906 года**

В дополнение к представлению моему от 12 сего января, имею честь представить при сем Святейшему Синоду краткую записку о желательных церковных реформах, поданную мне, по моему предложению, причтом Выборгского кафедрального собора. К этому считаю долгом присовокупить, что я не входил в оценку высказываемых в записке пожеланий.

**Отзыв на предложение обер-прокурора Св. Синода от 28 июня 1905 года за №
100**

1. О Всероссийском Соборе

Предполагаемый Всероссийский Собор должен состоять из духовенства – монашествующего и белого – и мирян. Собор, составленный из одного духовенства, не был бы выразителем духа соборности, которым живет и крепка православная Церковь. Решения Собора из одного клира не имели бы должного авторитета в глазах верующих и, кроме того, предоставление решающего голоса одному клиру могло бы послужить семенем разлада между духовенством и пасомыми. Всероссийские Соборы должны созываться периодически, примерно – через 5 лет, что при нынешних путях сообщения и – в будущем – при привычке народа к выборам в Государственную Думу не представит особого затруднения. На Всероссийских же Соборах должны быть избираемы члены Синода на пятилетний срок: одна треть – из епископов, другая треть – из белого духовенства и третья – из мирян.

2.О митрополичьих округах и разделении обширных епархий на меньшие по объему

Разделение России на церковные округа под управлением митрополитов с предоставлением им права созывать областные соборы желательно – ввиду особых церковно-просветительных задач в некоторых местностях России, например на Кавказе, в Западном крае. Областным соборам должна быть предоставлена наибольшая самостоятельность в обсуждении и удовлетворении нужд известной церковной области. На каждом областном соборе должно быть решено, когда созвать следующий собор. Митрополичьи округа должны быть определены на Всероссийском Соборе.

Равным образом, для лучшего пастырского попечения желательно разделение более обширных епархий на меньшие по объему.

3. Об епархиальном управлении. Об епархиальных соборах и съездах духовенства

Что касается епархиального управления и суда, то орган епархиального управления должен состоять из священников (пресвитерский совет), избираемых на епархиальных соборах на пятилетний срок. Епархиальному суду должны подлежать дела лишь против должности; причем суд не должен быть формальный, и обвиняемому должно быть предоставлено право защиты. Судебный следователь по духовным делам должен быть со специальным духовно-юридическим образованием, независимый по положению от епархиальной власти, выборный и несменяемый иначе как по суду и следствию. Благочинные должны избираться самим духовенством на 5 лет.

Епархиальные соборы, для каких бы целей они ни созывались, должны состоять из выборных от духовенства и мирян поровну и должны созываться через каждые три года для рассуждения об епархиальных делах. Все важнейшие мероприятия по епархии должны предприниматься с разрешения епархиального собора. Кроме епархиальных соборов, могут быть еще епархиальные съезды духовенства по делам пастырства или своего сословия. Епархиальные съезды духовенства следует признать весьма полезными для выяснения духовных нужд епархии и для выработки мер к их удовлетворению, и потому они должны быть созываемы возможно чаще.

4. О правах и обязанностях прихода. О духовенстве

На обязанности прихода лежит устройство и поддержание в порядке и сохранности церквей и обеспечение духовенства помещением. Приходу должны быть предоставлены права юридического лица по приобретению движимого и недвижимого имущества, право контроля над церковными суммами и отчасти право распоряжения ими; именно: за покрытием расходов по содержанию духовно-учебных заведений и за отчислением в пользу епархиального попечительства, приход имеет право остаточные церковные суммы употреблять на церковные и просветительно-благотворительные нужды прихода. Приходу принадлежит право облагать себя сборами на разные церковно-приходские нужды, причем все постановления прихода, утвержденные губернатором, имеют силу закона. Приходу должно быть предоставлено право ходатайствовать за избранного кандидата в члены клира; благочиннический совет того округа, где проживает избранный кандидат, дает о нем свой отзыв; окончательный выбор принадлежит пресвитерскому совету, а архиерей утверждает это избрание.⁷⁹

Для каждой епархии должен быть установлен образовательный ценз на право избрания в священника, диакона и псаломщика, и постановления об образовательном цензе должны строго держаться.

В священники раньше 30 лет не посвящать.

Желательно, чтобы, в добавление к местным средствам содержания, духовенству выплачивалось приличное жалованье казной с таким расчетом, чтобы священник в селе получал не меньше 1200 руб., диакон – не менее 1000 руб. и псаломщик – 800 руб. (считая здесь выгоды от земли, кружечный доход и казенное жалованье).

Для обеспечения заштатного духовенства, а также вдов и сирот духовенства, кроме епархиального попечительства, обязательно должны быть открыты в каждой епархии эмеритальные кассы или одна общая касса для всероссийского духовенства.

Срок на выслугу пенсии должен быть сокращен до 30 лет.

5. О духовно-учебных заведениях для подготовки священнослужителей и псаломщиков

Для подготовки пастырей должны быть открыты специально-богословские семинарии, куда бы принимались без различия сословий все окончившие курс средних учебных заведений. Для подготовки псаломщиков должны быть открыты в каждой епархии специальные псаломщицкие школы. В епархиях, где мало средних учебных заведений, образовательный ценз для поступления в богословские семинарии может быть понижен по усмотрению епархиального управления.

6. О праве приобретения церквами и духовенством движимого и недвижимого имущества

Церквам следует предоставить право приобретать недвижимую собственность с разрешения епархиального начальства, так как представление об этом в Синод и на Высочайшее утверждение является лишь излишней, замедляющей дело, формальностью.

Белому духовенству, как сословию, также должно быть предоставлено право на свое имя приобретать движимое и недвижимое имущество для удовлетворения своих сословных нужд.

7. Об участии духовенства в общественных учреждениях

Что касается права участия духовенства в общественных гражданских учреждениях, то такое должно быть ему предоставлено, как одно из средств для проведения христианских начал в жизнь.

8. О реформе богослужебного языка и прочее

Сверх всего указанного, необходимо на предстоящем Соборе обсудить вопрос об упрощении богослужебного славянского языка и о предоставлении права, где того пожелает приход, совершать богослужение на родном языке.

О сокращении и упрощении церковного устава. Об отмене некоторых некрасивых церковных обрядов, вроде дуновения и плюновения в чине крещения. О неповторении по несколько раз одних и тех же ектений на одной и той же церковной службе, взамен чего желательно чтение вслух тайных молитв, помещенных в чине литургии.

О сокращении табельных дней, т. е. совершать молебствия лишь в дни рождений и тезоименитств коронованных Особ и Наследника престола, а также в дни восшествия на престол и коронации Государя.

Об упрощении предбрачных формальностей; именно, вместо предбрачных документов ограничиваться лишь полицейским удостоверением о беспрепятственности ко вступлению в брак.

О предоставлении духовенству права на окраинах империи, где православных меньшинство, носить светскую одежду во избежание неприятностей.

О необходимости предоставить право вдовым священнослужителям вступать во второй брак, если овдовели до 45 лет.

О том, чтобы снятие священного сана не сопровождалось ограничением гражданских прав.

Об уничтожении тюрем Духовного Ведомства, например, Суздальской и других.

О предоставлении права каждой епархии избирать себе епископа, причем епископами могут быть и лица белого духовенства без принятия монашеского сана, например, овдовевшие иереи или оставившие своих жен по добровольному с ними соглашению.

Желательно, чтобы монашествующие проживали вне городов и чтобы монастыри более обращали внимания на свою благотворительно-просветительную деятельность: открывали бы школы, больницы, богадельни, рабочие дома и т. д.

№66, преосвященного Евфимия, епископа Енисейского, от 5 января 1906 года

Вследствие указа Святейшего Правительствующего Синода на мое имя от 27 июля 1905 года, за № 8, честь имею препроводить при сем постановления организованных мною совещаний из представителей Духовного Ведомства для разрешения вопросов касательно: а) реорганизации церковного управления и суда; б) усовершенствования прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношении; в) реформы духовноучебных заведений; г) порядка приобретения церковной собственности;

д) участия священнослужителей в общественных учреждениях; е) предметов веры и ж) отношения православной Церкви к старообрядцам, сектантам и иноверцам.

Постановления изложены в двух журналах, которые явились результатом нескольких собраний, происходивших в г. Красноярске под моим председательством. К журналам приложены и те доклады шести комиссий, которые рассматривались на собраниях.

Все постановления и приложенные к ним материалы представляю на усмотрение Святейшего Правительствующего Синода – с таким своим добавлением, что я со своей стороны положительно не могу согласиться с мнением четвертой комиссии, которая находит необходимо нужным, в интересах православной Церкви, чтобы на имеющем быть Всероссийском Соборе был поднят и обсужден вопрос об изменении некоторых обрядов, а именно: 1) вопрос о богослужебной практике; 2) вопрос о чинопоследовании святейших таинств; 3) изменении в языке нашего церковного богослужения, во многих частях якобы ныне совершенно недоступного мирянам; 4) изменении в форме постов и 5) определении в точных формах поклонения святым иконам и святым мощам. Мне представляется, что всякие резкие изменения в церковной обрядности не только не послужат пользе и интересам православной Церкви, но скорее всего послужат поводом для простого народа к соращению в ереси и расколы.

Журнал первого заседания членов соединенного собрания, организованного в силу указа Святейшего Синода от 27 июля 1905 года, за № 8 I.

1. Слушали: Доклад комиссии, рассматривавшей вопрос о приходе и об усовершенствовании его в религиозно-нравственном, благотворительном и просветительном отношениях.

Член комиссии Ив. В. Фигуровский заявил, что, по его мнению, в докладе опущена мысль о распределении – более или менее равномерном – приходов. По мнению его, необходимость распределения приходов вызывается тем, что одни приходы очень многолюдны, другие – нет. Священники в первых в большинстве случаев очень хорошо обеспечены, в других приходах – очень слабо. Результатом этого является то, что священники плохих приходов, недовольные своим положением, оставляют свои места и переходят на лучшие и более хорошо обеспеченные в материальном отношении приходы.

По выслушании мнения, г. оратору заявили (прот. И. В. Рязанский, А. Оносовский и др.), что: 1) предложенный им вопрос – частный, который может быть разрешен только на месте помимо Всероссийского Собора; 2) что распределить приходы равномерно невозможно вследствие сильного роста населения путем переселений; 3) что не все приходские священники одинаковы по своим силам и дарованиям и что, в силу сего, у способных священников должны быть оставлены большие и «ответственные» приходы, а у иных – малые.

Более подробному разбору поднятый вопрос не был подвергаем.

Священник Климовский заявил, что в существующей приходской практике одним из самых тяжелых явлений оказывается крестное хождение по праздничным дням. Он заявил, что, хотя такого рода явление и выгодно для духовенства в материальном отношении, но унижительно и оскорбительно для священника при столкновении с нерелигиозно настроенными прихожанами. По его словам, священникам при обходе прихожан с крестом нередко приходится выслушивать отказы в приеме в самой грубой и резкой форме.

Некоторые из присутствовавших на собрании членов собрания (А. Смирнов и др.) заявили: а) что отказы в приеме священникам, ходящим с крестом, происходят в большинстве случаев от плохого совершения обходящими приход членами причта молебнов и т. п. треб; б) что народ часто жаждет прихода священника и, не встречая сочувствия со стороны приходских священников, охладевает в своих отношениях к Церкви.

В заключение один из членов комиссии (А. Оносовский) заявил, что поднятый о. Климовским вопрос – частный, что он касается одного Всехсвятского прихода в г. Красноярске и не должен поэтому останавливать на себе внимание собрания. Святейший Синод, которому предполагается отправить заключение комиссии с отзывом по поводу его со стороны членов собрания, не может устранить этого явления; он может быть улажен только местными средствами.

Член собрания А. Орлов заявил, что, по его мнению, комиссией очень слабо разработан вопрос о выборном начале при замещении священнических и иных мест, что выборное начало – единственное средство к оживлению прихода и что это начало следует провести с полной последовательностью.

Во время обмена мнениями по данному вопросу, один из членов комиссии (А. Оносовский) в защиту выборного начала высказал, что, если действие только возможны злоупотребления и если крестьяне выберут недостойных; кандидатов на священнические и иные места, то они очень скоро горьким опытом убедятся в том, что нужно выбирать хороших священников. В следующий раз они при выборе и при представлении епископу своих кандидатов со всем старанием и, несомненно, добросовестно отнесутся к выборам.

Один из членов собрания (свящ. Никольский) заявил на это, что намечаемый оратором процесс – болезненный и что следует найти иные, более естественные пути для проведения в жизнь выборного начала.

На поставленный вопрос о том, какие это пути, свящ. Никольский ответа не дал.

Многие из членов собрания соглашались принять выборное начало в том случае, если оно будет ограничено условием представлять епископу только лиц, получивших богословское образование.

После сего Его Преосвященством была произведена открытая баллотировка мнений по данному вопросу. При этом оказалось, что большинство согласно отвергнуть выборное начало

при замещении священнических и иных мест — ввиду возможных в этом отношении злоупотреблений.

Затем А. Орлов заявил, что, по его мнению, вопрос о школе вырешен неправильно, что школа в настоящее время своими хозяйственными заботами связывает священника и что он должен быть освобожден от обязанности вести хозяйство школы и иметь надзор за ходом обучения.

Присутствующие члены собрания заявили, что школьный вопрос очень важен и что желательно школу церковного типа сохранить, как необходимое средство для нравственного развития детей прихожан в духе христианских принципов. Хозяйственные вопросы касательно школы могут лежать на обязанности приходского совета.

Этим рассмотрение вопроса о школе и было закончено. Баллотировке этот вопрос не был подвергав.

Определили: Соединенное собрание, выслушавши доклад комиссии, рассматривавшей вопрос о приходе и об усовершенствовании его в религиознонравственном, просветительном и благотворительном отношениях, после взаимного обмена мнениями по данному поводу, большинством голосов нашло, что с постановлениями комиссии по вопросам: а) об улучшении состава духовенства путем уничтожения сословного начала и реорганизации духовноучебных заведений; б) об освобождении приходских храмов от обязанности вносить деньги на содержание духовно-учебных заведений и т. п. надобности в целях увеличения ресурсов церкви и прихода для более широкого развития просветительной и благотворительной деятельности; в) о принятии на средства Государственного Казначейства содержания реформированных духовноучебных заведений в виде духовных семинарий, духовных училищ, женских епархиальных училищ; г) о полном обеспечении духовенства определенным содержанием от казны; д) о постановке школьного дела в приходах — можно вполне согласиться; можно, по мнению собрания, признать справедливой и мотивировку вышеприведенных постановлений в том виде, в каком она изложена в докладе комиссии, рассматривавшей вопрос о приходе.

В особом положении оказался вопрос о применении рекомендованного комиссией для оживления приходской жизни выборного начала при замещении священнических, диаконских и псаломщических должностей. После оживленного обмена мнениями по данному вопросу соединенное собрание, обратив внимание на то:

1) что, хотя, с одной стороны, идея выборного начала является по существу своему очень симпатичной, но что, с другой стороны,

2) сибирское население отличается в общем очень слабой религиозностью;

3) что, при проведении выборного начала при замещении священнических и иных мест, вполне возможны всякого рода злоупотребления в виде, например, спаивания крестьян, закармливания со стороны кандидатов на священство, диаконство и псаломщичество наиболее влиятельных из прихожан и т. п. явлений;

4) что окончившие курс духовно-учебных заведений воспитанники, при незнакомстве с ними со стороны прихожан, не будут иметь возможности занять места, соответствующие их способностям, дарованиям и наклонностям;

5) что проведение выборного начала в отдаленных от города селениях встретит очень большие затруднения за отсутствием кандидатов на священство, в результате чего возможно будет представление прихожанами в священники, диаконы и псаломщики лиц совершенно без богословского образования и недостойных по качествам своим мест в церковном клире;

6) что отказ епископа от утверждения недостойных кандидатов и упорное настаивание крестьян на проведении «своих» кандидатов может вызвать разрыв в добрых отношениях между епископом и населением, причем возможно будет обнаружение в самых резких формах этого недовольства со стороны сельского населения.

Большинством голосов после открытой баллотировки постановила заявить Святейшему Синоду, что, хотя в принципе против выборного начала духовенства при замещении священнических, диаконских и псаломщических мест и нельзя высказать по существу решительных возражений, но что теперь, до оживления прихода, в Сибири нет возможности применить этот принцип ввиду неизбежных злоупотреблений, которые вызовет проведение в приходскую практику выборного начала.

Настоящее постановление свое, вместе с докладом комиссии, соединенное собрание определило отправить в Святейший Синод.

2. Слушали: а) Доклад педагогического собрания правления Красноярской духовной семинарии, содержащий в себе основные положения для преобразования духовных семинарий и училищ.

Свящ. Климовский заявил, что, по его мнению, при богословской школе, в интересах практического ознакомления воспитанников школы с пастырской деятельностью, должно быть организовано попечительство.

Оратору заявили, что вопрос об устройстве образцовых попечительств при богословских школах с трехгодичным курсом – вопрос частный; что сами богословские школы, о которых говорит доклад педагогического собрания правления Красноярской духовной семинарии, являются только предположениями и что говорить о мелких вспомогательных учреждениях при них в виде попечительств – является делом преждевременным.

О. ректор семинарии заявил, что, по его мнению, проектируемые к устройству средние школы должны значительно отличаться от существующих школ (гимназий) ведомства Министерства народного просвещения присутствием в курсе наук элементов духовного образования.

Присутствующие члены собрания нашли, что при введении в курс новой школы «духовных» предметов, «суть» существующей школы останется прежняя и не будет устранен тот коренной недостаток духовной школы, который заключается в ее сословности. Соединенное собрание нашло, что этого удобнее достигнуть путем преобразования духовных семинарий и училищ в единую среднюю школу с организацией той особой богословской школы, которая со стороны основных положений характеризуется в докладе педагогического собрания правления Красноярской духовной семинарии.

б) Доклад педагогического собрания правления Красноярского духовного училища.

Так как при обсуждении предшествующего доклада семинарского правления было со стороны большинства высказано мнение касательно того, что должна быть единая средняя школа по образцу гимназий, то один из членов собрания (А. Касаткин) высказал положение, что, по его убеждению, младшие классы в средней школе должны быть изолированы от старших, которые часто в очень нежелательном духе влияют на своих младших товарищей.

В ответ на это г. Касаткину заявили, что, наряду с нежелательным влиянием на меньшие классы со стороны старших, может быть влияние и другого рода – желательного направления. Указывали и на то, что если теперь замечается преобладание дурного влияния, то это обусловливается текущими событиями.

В заключение была высказана мысль, что в данном случае придется сообразоваться с ведомством Министерства народного просвещения. Высказывалось и то, что духовные училища в уездных городах будут представлять из себя неполные средние школы, вроде прогимназий, в которых ученики младших классов будут совершенно изолированы от старших за отсутствием последних. В общем, всеми присутствовавшими почти единогласно была принята мысль о том, что должна быть у всех единая средняя школа, которая должна предшествовать богословской школе с трехгодичным курсом.

Определили: По заслушании: а) доклада педагогического собрания правления Красноярской духовной семинарии и б) доклада Красноярского духовного училища, соединенное собрание нашло, что, в интересах лучшей постановки пастырского дела в епархии, желательно уничтожение того устройства духовных семинарий и училищ, по которому они являются сословными учебными заведениями Духовного Ведомства. Соединенное собрание нашло, что в том возрасте, в каком обыкновенно поступают учащиеся в духовные семинарии и духовные училища, нет возможности заранее определить свое призвание и что поэтому вполне можно согласиться с тем утверждением педагогического собрания правления Красноярской духовной семинарии, по которому специально богословскому образованию в особой богословской школе должно предшествовать общее образование в учебных заведениях, организованных по типу средних школ ведомства Министерства народного просвещения, с обязательным преподаванием в них Закона Божия по улучшенной программе и по улучшенным методам преподавания. При обсуждении типа этой будущей средней школы соединенное собрание нашло:

1) что существующие духовные училища в губернских городах должны быть слиты с духовными семинариями в одну среднюю школу; что же касается уездных городов и существующих в них духовных училищ, то здесь, в случае невозможности организовать полные

средние школы, должны быть оставлены реформированные духовные училища в виде теперешних прогимназий ведомства Министерства народного просвещения по новому, намеченному в Министерстве по соглашению с Учебным Комитетом при Свят. Синоде образцу;

2) при определении курса наук единой средней школы, соединенное собрание нашло желательным введение в курс новой школы природоведения, математики и физики по более широкой программе и значительного усиления философских наук – ввиду важного значения последних для умственного развития человека.

В остальном доклад педагогического собрания правления Красноярской духовной семинарии с проектом богословской школы с трехгодичным курсом и с предположительным обозначением желательных в школе предметов, а равно и положения, высказанные педагогическим собранием правления Красноярского духовного училища, соединенное собрание постановило принять и представленные проекты в подлиннике с настоящим заключением собрания препроводить в Святейший Правительствующий Синод.

3. Слушали: Доклад на имя Его Преосвященства педагогического собрания Красноярского епархиального женского училища.

По прочтении доклада, один из членов соединенного собрания высказал, что в проекте педагогического собрания обращает на себя невольно внимание многопредметность и что она нежелательна.

На это некоторые из членов указали, что многопредметность нежелательна тогда, когда каждый предмет имеет обширную программу, и что, если программы будут неширокими по объему, то вреда от многопредметности не будет.

Подробно поставленный вопрос не обсуждался, и присутствующие согласились в общем принять все те положения, которые проводились в докладе епархиального женского училища.

Определили: Проект устройства женских епархиальных училищ препроводить в Святейший Правительствующий Синод.

Постановление комиссии, рассматривавшей вопрос о приходе и обустройстве его в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях

Существующий приходский строй, сохраняющий традиционные черты старого уклада жизни, во многих пунктах и чертах своего устройства не отвечает уже современным требованиям. Жизненная практика настойчиво свидетельствует об очень многих пробелах, рельефно намечающихся теперь при прогрессивном направлении всех сторон текущей жизни.

В этом отношении невольно обращает на себя внимание отсутствие живых и теплых отношений между настоятелем храма, приходским священником и врученным ему для пастырского наблюдения и руководства приходом. Практика, к сожалению, свидетельствует о наличии в очень многих случаях сухих, официальных отношений между паствой и пастырем. Назначение священника происходит в большинстве случаев помимо всякого участия прихода и зависит почти исключительно от усмотрения епархиального начальства. Крестьяне только в очень редких и крайних случаях находят возможным обращаться к епархиальной власти с ходатайством о назначении желательного им кандидата. В результате прихожане привыкают во многих случаях смотреть на своего священника, как на лицо начальственное и не стоящее с ними в интимных сердечных сношениях, как то требуется по идее пастырского душепопечения. С другой стороны, и священники, сталкиваясь с подобным твердо установившимся взглядом и не встречая особенного сочувствия со стороны своей паствы в тех начинаниях, за которые они в начале своей пастырской деятельности энергично принимаются, скоро ослабевают в своих благих порывах и мало-помалу приучаются к обычному в очень частых случаях, сухому, официальному отношению к приходу. Они совершают требоисполнения, совершают литургии, исповедывают прихожан, отправляют и иные пастырские обязанности, но делают это довольно часто без участия сердца, хладнокровно, – так, как большинство чиновников относятся к исполнению обязанностей, возложенных на них службой. В результате между священником и прихожанами часто создается стена, которая мешает сердечности их взаимных отношений. Дальнейшим следствием является то, что священники не дорожат своим храмом и приходом. Они ждут только подходящего случая для того, чтобы перейти со своего прихода на иной, более хорошо обеспеченный и более устроенный. Эти переходы, в общем очень частые и – по идее пастырского служения – совершенно нежелательные, служат самым верным и самым точным показателем ненормального положения вещей не только в Енисейской епархии, но и повсюду во всей России, насколько можно судить об этом по газетным известиям, текущей литературе и частным сведениям, получающимся со всей России. Ясное дело, что постановка пастырства и устройство прихода во многих пунктах не отвечает своему назначению, если пастыри легко, со спокойной душой оставляют свою паству и переходят на новые, по большей части – более в материальном отношении обеспеченные места. С другой стороны, и прихожане в большинстве случаев очень равнодушно встречают известие о переходе священника и столь же хладнокровно относятся к его заместителю.

Неизбежным следствием этих холодных, официальных отношений является слабое развитие приходской жизни со стороны просветительных и благотворительных учреждений. В редких, очень редких приходах организованы так называемые приходские попечительства. К сожалению, в большинстве случаев и там, где эти приходские попечительства организованы, они преследуют не просветительные и благотворительные цели и задачи, а экономические и хозяйственные. Они ставят главной и почти исключительной задачей попечение о внешнем благоустройстве храма, церковного хора, причтовых домов и построек и т. д.

В редких, очень редких случаях деньги, собираемые приходским попечительством, идут на устройство и улучшение просветительных пунктов – в виде школ, и благотворительных – в виде богаделен, лечебниц, приютов и т. п. Например, во всей Енисейской епархии можно насчитать только три приходских попечительства, которые оказывают более или менее заметную поддержку школам, и нет ни одного, которое содержало бы на свои средства что-нибудь вроде лечебницы или богадельни для старых и неспособных к труду членов прихода. Из всех попечительств только одно городское (в г. Красноярске, при Покровской церкви) преследует благотворительные цели и более или менее заметно и серьезно их осуществляет. Оно оказывает поддержку бедным, больным, сиротам и т. п. Другое попечительство (при Всехсвятской школе)

заботится о школе и ее нуждах, удовлетворяя разные потребности школы. Прочие же попечительства очень мало действуют и слабо проявляют себя на поприщах просветительном и благотворительном. В 1902 году Енисейский епархиальный училищный совет, между прочим, разослал всем существующим попечительствам просьбы о том, чтобы они содействовали школам денежными пособиями. Несколько попечеств отозвались на эти ходатайства и заявили, что они готовы по 20–30 руб. вносить на существующие при их приходских храмах церковные школы. К сожалению, через год почти все попечительства отказались по недостатку средств от пособия школам, и их просветительная деятельность прекратилась. Словом, благотворительная деятельность приходов в общем находится в зачаточном состоянии.

Более широко поставлена просветительная деятельность приходов. Показателем этой деятельности служит широкое развитие так называемых церковных школ. Почти при всех наличных приходах имеются школы церковного типа. Количество всех церковных школ можно определить в 220 к 1 января 1905 года. В них обучалось 4795 мальчиков и 2803 девочки. Общее число всех учащихся, таким образом, может быть определено в 7598 человек. На каждую школу средним числом приходилось по 35 человек. Эти цифры можно считать вполне достаточными для того, чтобы с очень благоприятной точки зрения судить о развитии церковно-приходского дела. К сожалению, и это в достаточной степени широкое развитие просветительного дела не является результатом и естественным проявлением приходской жизни. Если обратить внимание на источники содержания церковных школ, то окажется, что главные ресурсы на содержание церковных школ поступают из сумм пособия Св. Синода, т. е. из Государственного Казначейства, и из сумм губернского земского сбора. Местные средства по сравнению с ними очень незначительны. В общем итоге к 1 января текущего года они достигали 24 000 руб. К тому же надо иметь в виду то, что они главной своей массой поступали из волостных и сельских обществ, т. е. из того источника, который не имеет собственно отношения к приходу. Строго говоря, от церквей поступило только около 2000 руб. Кроме того, нельзя игнорировать и того в высшей степени прискорбного обстоятельства, что местные средства, выплачиваемые крестьянами на местные школы, все более и более сокращаются. С этой стороны один только текущий год может доставить очень большое количество материала. Около десяти обществ отказались от взносов на содержание школ, в общей сложности до 2500 руб.

Все это, к сожалению, говорит о том, что так называемые церковно-приходские школы являются не порождением нормально развитой приходской жизни, а правительственным делом, которое держится пособием от казны. Если Правительство отняло бы субсидию от школ церковного типа, то эти последние в большинстве немедленно бы прекратили свое существование. Да нужно заметить, что и теперь, при довольно значительной денежной поддержке, церковные школы, к сожалению, должны постепенно, шаг за шагом, уступать школам других, нецерковных ведомств. И практика показывает, что крестьяне сами по себе не обнаруживают никакой энергии в деле защиты своей церковной школы от посягательств и поползновений на нее со стороны противоположных Церкви влияний.

Таким образом, и с точки зрения осуществления просветительных задач, приход в Енисейской епархии, как впрочем и в иных, оказывается очень слабо поставленным.

Все это, взятое вместе в своей совокупности, не может не побуждать ревнителей Церкви к оживлению прихода и приходской жизни в ее различных разветвлениях и к устранению тех причин, которые мешали и мешают развитию приходских общин.

Разбираясь же в этих причинах, комиссия со своей стороны находит, что главным или одним из главных обстоятельств, парализовавших в значительной степени развитие прихода, оказывается недостаточная подготовка священнослужителей к занятию приходских должностей. Приходится констатировать в качестве тяжелого и болезненного факта то, что в священники идут не по призванию, не по внутреннему влечению и чувству, а просто потому, что так складываются обстоятельства, просто потому, что иначе некуда деться. В большинстве окончившие семинарию и попавшие в нее не потому, чтобы чувствовали склонность, а потому, что они родились в Духовном Ведомстве, выносят из семинарии вынужденное убеждение в важности и плодотворности пастырского призвания. Это настроение остается у них и после того, как они оказываются служителями Церкви. В результате получается сухое и почти официальное исполнение пастырских обязанностей, сводящееся нередко к одному только требоисполнению. В результате происходит то, что кандидат священства не пользуется теми мерами, которые тысячелетней практикой выработаны для возбуждения религиозного чувства в приходе.

Проповедь приобретает сухой колорит, богослужение идет без должной теплоты и чувства, посещение прихожан с крестом является тяжелой обязанностью и т. д. Те же средства, применяемые пастырски настроенными священниками, производят совершенно обратное действие. Это, таким образом, говорит не о том, что Церковь нуждается в придумывании каких-либо новых средств влияния на приход и приходскую общину, а в живом и умелом употреблении уже опробованных Церковью средств.

С другой стороны, и отношение прихожан к Церкви не может содействовать развитию в нормальных формах жизни приходской общины. Прихожане почти совершенно лишены права активно принимать участие в жизни своего прихода. Почти всю деятельность свою в этом отношении они ограничивают участием своим в избрании церковного старосты, который является представителем прихода в делах, касающихся храма. Разумеется, это далеко недостаточно для того, чтобы можно было говорить о живой деятельности приходской общины. Правда, в некоторых случаях прихожане принимают участие при высылке денег из кружек, при ремонте храма; но опять и здесь деятельность их несколько ограничена, что не может сказаться какими-либо заметными явлениями.

Помимо этих главных причин, которые препятствуют правильному развитию религиозной жизни в приходе, можно наметить еще одну, которая в очень заметной степени тормозит развитие главным образом благотворительной и просветительной деятельности прихода. Эта причина заключается в тех громадных – по общему церковному в приходе бюджету – взносах на содержание духовно-учебных заведений в епархии, как-то: семинарии, женского епархиального училища и духовного училища, которые установились повсюду. Каждая церковь делает на этот предмет очень значительный вклад. Размеры этого взноса колеблются в зависимости от прибылей так называемого свечного дохода. Бедные церкви платят около 200 руб., более богатые – от 800 руб. и даже до 2000 руб. Деньги эти отсылаются через о. благочинного в центр епархии и расходуются согласно постановлениям и распоряжениям членов съезда духовенства, происходящего в г. Красноярске. Отлив этих значительных сумм естественно не может не стеснять просветительной и благотворительной деятельности прихода. Если бы деньги эти оставались в церквях, то на них можно бы было содержать школы, расширить размеры благотворительности путем устройства богаделен, больницы и т. п.

Наличность просветительных и благотворительных учреждений при церкви в свою очередь вызвала бы усиление религиозного чувства и содействовала бы оживлению жизни прихода в религиозно-нравственном отношении.

Вот, по мнению комиссии, те причины, которые мешают оживлению прихода в его разнообразных отношениях. Помимо этих общих причин, имеются еще чисто местные обстоятельства, которые парализуют развитие приходской жизни. Эти обстоятельства заключаются в той слабой религиозности, которой отличается чисто сибирское население. Если сравнить население европейской России и население Сибири, то окажется, что первое отличается большей приверженностью к Церкви, нежели последнее. Эта меньшая сравнительно с европейской Россией религиозность обуславливает собой и слабое развитие прихода. У сибиряка нет особенно сильного влечения к Церкви и даже к религии вообще, а потому нет влечения к расширению деятельности прихода. С этим обстоятельством серьезно приходится и придется считаться при попытках оживить приход с его религиозно-нравственной, просветительной и благотворительной функциями. В силу этого в Сибири, и в частности в Енисейской епархии, придется употреблять больше усилий, больше трудов для оживления прихода, нежели в других местах России с более религиозным прошлым.

Что же касается мер к поднятию прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях, то они должны клониться, по мнению комиссии, к устранению тех причин и обстоятельств, которые мешают развитию прихода. А так как главную и существенную причину слабости приходской жизни комиссия находит в плохой подготовке священников и прочих членов причта, то поэтому все старания к оживлению прихода должны направляться к улучшению подготовки пастырей и к тому, чтобы направить на это поприще тех, которые чувствуют призвание и внутреннее влечение к Церкви, а не тех, которые идут на эти должности просто потому, что все остальные выходы оказываются закрытыми для кандидатов на священство. Средством для этого служит реорганизация духовно-учебных заведений с улучшенной постановкой в них школьного дела и школьной дисциплины. В интересах лучшего устройства школ было бы уничтожение той сословности, которая очень заметно сказывается в

составе учеников духовных семинарий. Обыкновенно в них учатся дети духовенства и только почти одного духовенства. Прием инословных ограничен в них особой процентной нормой, ставящей преграды для инословных в их попытках проникнуть в стены духовных учебных заведений. Желательно, чтобы двери духовных учебных заведений были открыты для всех независимо от их происхождения. Среди дворян, мещан, крестьян, купцов и лиц иных профессий много можно встретить лиц, благорасположенных к Церкви и чувствующих призвание к пастырству. Почему бы не сделать открытым доступ в стены духовных школ лицам этого рода?! А так как призвание к делу редко проявляется в раннем детстве и сказывается с определенностью только тогда, когда у человека появляется достаточно опыта и средств для размышления и критической оценки разных способов деятельности и труда, то желательно, чтобы богословским школам предшествовала средняя школа, одинаковая для всех, с одинаково легким для всех способом поступить в богословскую школу. Тогда есть серьезная надежда на улучшенную постановку и пастырского дела. Тогда появится твердая надежда на то, что дело руководства прихода будет поручено лицам с действительным призванием, а не вынужденно сформированным убеждением. Священники с призванием, несомненно, с большей плодотворностью будут действовать на приходском и общественном поприще, нежели теперь. Естественным результатом их деятельности явятся школы, богадельни, больницы и т. п. Это же, конечно, оживляющим образом будет действовать и на прихожан в их религиозном настроении.

Но, чтобы это оживление было заметнее и шло с большей энергией, для этого нужно, чтобы попытки и средства к оживотворению прихода шли не только сверху, т. е. со священников и членов причта, но и со стороны самих прихожан. Желательно, чтобы и в этой среде созданы были благоприятные условия для беспрепятственного роста и качественного улучшения религиозно-нравственной жизни прихода. Конечно, оживления религиозно-нравственного настроения здесь достигнуть труднее, нежели улучшения в представителях клира. В последнем случае достаточно ограничиться изменениями в строе существующей практики, указанными выше. В первом же случае дело поставлено в гораздо более затруднительное положение, так как создавать настроение вновь – труднее, нежели выделять и направлять на пастырскую деятельность лиц нужного направления. Конечно, религиозно-нравственный пастырь может произвести значительное улучшение в приходе; он может оживить религиозное чувство, применяя те меры, которые выработаны тысячелетней практикой в виде слов, поучений, бесед, истового совершения церковных служб, крестных ходов, пастырской визитации и т. д. Но все-таки все относить к личности священника и связывать исключительно с ним одним оживление прихода – будет непоследовательно. Вполне возможны случаи, когда самый ревностный пастырь не будет иметь должного успеха, если его будут окружать нерелигиозные люди. Вполне возможна бесплодность даже таких пастырей. С этой стороны желательно, чтобы в самой приходской жизни, в самом строе приходской общины произошли некоторые перемены, которые давали бы надежду на улучшение религиозной жизни. По мнению комиссии, довольно значительное влияние в этом случае могло бы произвести привлечение мирян к выбору священника и прочих членов причта. Существующая холодность и официальность взаимных отношений в значительной степени происходит от полной отстраненности прихожан при назначении священника. Возможно ожидать, что эта холодность исчезнет, если приход будет иметь право подавать голос за того или иного кандидата. С принципиальной и даже канонической стороны против этого привлечения мирян к делу выбора священника возразить совершенно ничего нельзя. Возражения можно представить только с чисто практической, основанной отчасти на эгоистической подкладке, стороны. Возражения возможны только на почве ожидания всякого рода злоупотреблений со стороны прихода в выборах. Но стоять исключительно на почве ожидания всяких злоупотреблений со стороны прихода в деле выборов – будет признаком полного недоверия к приходу и к тем религиозным силам, которые в приходе заключаются. Принципы Христа более располагают к доверию в этом отношении, нежели к излишней подозрительности... На этом основании комиссия, после взаимного обмена мнениями, пришла к выводу о том, что такое участие мирского элемента в выборе священников и прочих членов причта должно бы было вылиться в следующие формы.

Приход имеет право представлять епископу, при замещении священнического места, желательного для прихода кандидата из лиц, получивших богословскую подготовку, или из лиц, не богословски образованных, но по испытании епископа оказавшихся годными для занятия священнического места. Конечно, епископ не может быть поставлен в полную необходимость

признать того кандидата, который выставляется приходом. Это было бы нарушением прав епископа, канонически определенных. За епископом должно быть оставлено право не соглашаться на представление прихожан и потребовать от них, с указанием причин отказа, нового кандидата. В случае, если приход не представит своего кандидата, тогда, конечно, назначение священника будет зависеть исключительно от епископа. При выборе низших членов причта, приход тоже, конечно, может принимать участие; но только в данном случае, в интересах единства деятельности клира, на избрание того или иного кандидата должно быть обязательно дано согласие местного священника. Если же предоставить приходу право принимать участие в выборе кандидата на священство и прочих членов причта, тогда, конечно, в качестве обратной стороны того же самого дела приходу должно быть предоставлено право ходатайствовать пред епископом об увольнении негодного или оказавшегося негодным священника или кого-либо из членов причта. Епископ в таком случае должен по возможности скорее обратить внимание на представленные факты и, в случае действительного несоответствия священника или иного члена причта своему назначению, без замедления удалять его от занимаемого места в том или ином приходе.

Впрочем, признавая настоящую меру, некоторые из членов комиссии высказывали мысль, что, при проведении выборного начала в настоящее время при замещении приходских должностей, следует соблюдать великую осторожность – ввиду нерелигиозного настроения населения во многих пунктах епархии, и устанавливать выборный порядок тогда, когда приходская жизнь в достаточной степени оживится.

Параллельно с проведением указанных мер, изменяющих состав священников и увеличивающих права прихожан, должно идти улучшение и прочих условий жизни приходского духовенства. Церковь нужно поставить в такие условия, чтобы она без препятствий могла проявлять свою просветительную и благотворительную деятельность. Существующее же положение вещей далеко не может быть признано беспрепятственным в этом отношении. Церковь настолько обременена налогами и взносами на духовно-учебные потребности, что о широком развитии церковных операций не может быть и речи. В этом отношении комиссия при всем своем желании не может соблюсти то условие, которое г. синодальный обер-прокурор ставит в качестве условия при изыскании мер для упорядочения и оживления приходской жизни. Условие это заключается в том, чтобы «не потрясать существующих способов содержания духовно-учебных заведений». Если соблюсти это условие, то дело улучшения и оживления прихода будет поставлено почти в невозможное положение. С одной стороны, потребуются особенная активность в проявлении благотворительной и просветительной деятельности, требующая средств, с другой – заявляется, что добываемые церковью деньги должны по существующей традиции отливаться от нее. Посему комиссия находит, что или придется поступиться расширением благотворительности и религиозного просвещения, но оставить неизменными основы выдачи денег из храма, или же поколебать существующие основы, но зато усилить разные стороны просветительной и благотворительной жизни прихода.

Комиссия находит, что в интересах дела будет оставление за церковью тех денег, которые являются в результате от продажи свечей и от прочих источников. Дело в том, что государство в настоящее время выплачивает очень значительные средства на школы, на богадельни и т. д. Так например, на церковные школы епархии казна выплачивает свыше 48 тысяч рублей и светская губернская власть – около 15 000 руб. Если бы государство целиком взяло на себя содержание существующих средних школ Духовного Ведомства, которые по проекту будут обслуживать не только Духовное Ведомство, но и прочие сословия, поскольку предполагается уничтожить сословность в духовенстве, то тогда церкви, не обязанные посылать деньги на содержание сих учебных заведений, могли бы развить широкую просветительную и благотворительную деятельность. В результате произведена была бы самая желательная конверсия отпуска денег. Казна выплачивала бы деньги на содержание средних учебных заведений Духовного Ведомства в виде духовной семинарии, епархиального училища и духовного училища, а церкви, освобожденные от взносов на духовно-учебные заведения, отнимающие самую главную массу доходов с церкви, получили бы возможность содержать начальные школы, богадельни, призывать больных и т. д. В результате, ничего кроме пользы от этой конверсии не произошло бы. Приход, видя проявления благотворительной деятельности церкви, несомненно, с большим сочувствием и интересом стал бы относиться к церкви. Все прихожане знали бы тогда, на что идут их деньги, вносимые ими в храм. Это в дальнейшем развило бы религиознонравственные

силы приходской общины. Даже государство не пострадало бы от этой конверсии. Если взять содержание семинарии, епархиального училища и духовного училища, то вряд ли бы получалась ныне та сумма, которую Казначейство дает в распоряжение Духовного Ведомства на просветительные и иные цели. Словом, комиссия с полным убеждением, что этот проект встретит сочувствие со стороны всей епархии, настойчиво предлагает совету для доклада Святейшему Синоду и дальнейшего на Соборе Всероссийской Церкви этот передел в средствах, идущих от церкви на духовно-учебные заведения и из казны на начальные школы и другие потребности. Можно с большей надеждой в этом случае смотреть и на здравый смысл представителей в Государственной Думе, которая конечно, если только не возобладает принцип отделения Церкви от государства, не воспрепятствует проектируемой конверсии в силу ее несомненной полезности.

Вопрос о способе расходования церковных денег и о контроле не может представлять особых затруднений. Так как эта мера направляется к оживлению прихода, то есть серьезные данные думать, что приход от расхода сих денег отстранять не нужно. Ведь только в этом последнем случае прихожане будут знать, куда идут деньги и как они расходуются. На этом основании члены комиссии пришли к убеждению, что при расходовании денег и для направления их в ту или иную сторону, должен быть образован под председательством священника и при обязательном участии прочих членов причта совет из прихожан. По мнению комиссии, в число членов ее вместе с председателем должно бы входить не менее 12 человек. Что же касается членов, то выбор их следует предоставить так называемому приходскому сходу. На расход денег по той или иной статье должно быть дано согласие священника. Необходимым условием должно быть поставлено также и то, чтобы деньги храма тратились только на религиозно-нравственные нужды прихода в виде школ, богаделен и т. п.

В расходовании денег должен быть представляем отчет епископу, как главному лицу в деле надзора за религиозно-нравственной жизнью приходов епархии. К нему же должны восходить и те затруднения, которые могут возникать и непременно будут возникать на так называемых церковных советах. Несомненно, что для более широкого развития просветительной и благотворительной деятельности приходу и состоящему при нем совету должны быть предоставлены права юридического лица. Это предоставление поможет приходу увеличить ресурсы приходской общины и усилить просветительную и благотворительную деятельность церкви.

При расходовании денег священником и состоящим при нем советом должно быть главное внимание уделяемо на школу. Преимущественное внимание должно быть уделяемо на этот именно пункт потому, что в школе заключаются основы религиозно-нравственного настроения. Посему, в интересах оживления приходской жизни, приход не должен жалеть средств на поддержание рассадника приходского просвещения. При заботах о наилучшей постановке школы при храме не должно останавливаться ни перед какими расходами. Они сторицей воздадутся впоследствии. Школа должна быть так организована, чтобы она вполне удовлетворяла своему назначению и превосходила постановкой учебного дела прочие школы. Существенным недостатком настоящей церковной школы служит то, что здесь замечалась при распространении школ усиленная погоня за количеством школ в ущерб их качеству. Тяжелый недостаток и печальная ошибка прошлого должны послужить уроком для будущего. Школа при храме должна быть такова, чтобы не вызывать прискорбных нареканий на нее и указаний, что, например, министерская школа много лучше церковной. Помимо этого, она должна быть сильно расширена по курсу. Не простую только грамотность должна она давать, а важные для жизни и ценные знания. В курс школы желательно ввести земледелие, промышленность, торговлю и т. п. Крестьяне должны видеть ощутительные результаты школы в виде практических важных знаний. Если крестьянин увидит, что окончивший школу честен и добр, что он живет чисто, что он умеет лучше обработать поле, нежели другой, – он не остановится перед расходами, чтобы отдать в школу своих детей. Принцип всеобщего обучения будет осуществлен тогда быстро и беспрепятственно. Вот что находит нужным сказать комиссия по поводу школ и их просветительной роли.

В заключение своего проекта, представляемого на усмотрение общего собрания, организованного в силу указа Святейшего Синода, комиссия, рассматривавшая вопрос о приходе, находит нужным сделать несколько замечаний относительно материального обеспечения священника и прочих членов приходского причта. Нет сомнения, что существующий

способ обеспечения духовенства путем взимания плат за требоисполнения не может быть признан желательным. Плата за требу, хождение с крестом с гонораром за это – принижает священника, посеивает в его сердце смущение и затем неизбежно притупляет нравственную чувствительность. Допустимо ли подобное явление?! С другой стороны, невозможен и отказ от этих установившихся обычаев. Священник не может жить без средств, не может бросить свою семью на произвол судьбы. Материальная необеспеченность явится неизбежным тормозом в деле нравственного и умственного совершенствования пастыря. Говорить же о важности этого последнего нет нужды. Это само собой понятно. Посему делом насущной необходимости является перемена в способах содержания духовенства. Желательно, чтобы деньги на содержание духовенства в достаточном размере шли от казны. Если же это будет найдено невозможным, то обеспечение духовенства в виде жалованья должна принять на себя приходская община. И это обеспечение должно быть понимаемо не в смысле маленького жалования, как это делается теперь, а в смысле назначения священнику и прочим членам причта полного оклада, достаточного для культурной жизни. Маленькое жалованье не устраним плат за требы. Оно будет только маленьким подспорьем в хозяйстве священника. Поэтому целью должно служить полное обеспечение священника и членов причта, а не частичное и мелкое. Назначение жалованья священнику не будет новым обременением народа, ибо все равно деньги на содержание причта поступают в довольно значительном размере. При назначении жалованья, равного или приблизительно равного наличным доходам, будет урегулирован только способ их поступления, и священники будут освобождены от тяжелой для многих из них необходимости брать плату за каждую в отдельности требу... В случае, если дело назначения жалованья священнику и прочим членам причта не будет отнесено на ресурсы Казначейства, тогда обязанность обеспечения и выдачи денег должна быть поставлена в обязанность местной администрации, причем сбор денег на причт должен производиться так же, как происходит сбор налогов в пользу государства, земства и т. п. Во всяком случае, получение жалованья в определенном заранее размере должно быть гарантировано священнику.

Основные положения для преобразования духовных семинарий и училищ, составленные педагогическим собранием правления Красноярской духовной семинарии в ноябре 1905 года

Желательно, чтобы пастырское служение и приготовление к нему было для всех делом свободного и сознательного выбора и чтобы в духовное звание поступали лица из всех сословий, способные и расположенные к этому званию. Опыт показывает, что далеко не все происходящие из духовного сословия обнаруживают склонность к пастырскому служению и, следовательно, не все могут быть достойными кандидатами для занятия священноцерковнослужительских должностей, хотя могут быть полезными на иных поприщах служения. С другой стороны, и в других сословиях бывают лица благочестиво настроенные, которые желали и могли бы посвятить себя в духовном сане служению Церкви Христовой с пользой для нее. В настоящее время духовенство помещает своих детей для получения образования преимущественно, если не исключительно, в духовно-учебные заведения, предназначая их к духовному званию. Но в те лета, в которые дети поступают в духовные училища (10–12 лет), слишком рано определять назначение человека к тому или другому званию или служению и тем более к пастырскому служению, как исключительно по своему положению в обществе и требующему особенных душевных качеств и расположения. Не могут и сами мальчики при поступлении в духовные училища или семинарии, т. е. в возрасте от 10 до 17 лет, заявлять безошибочно о своем расположении к духовному званию и вообще основательно судить о своих склонностях и способностях к занятию той или другой специальностью, а равно определить важность пастырского служения, которое им предстоит по окончании семинарского курса. Только по достижении зрелого возраста, получении общего образования и развитии душевных способностей, может каждый основательно судить о своих влечениях и способностях, свободно и сознательно избирать тот или другой род занятий и определять, чего требует от человека всякое общественное служение. При существующем устройстве духовно-учебных заведений, переход из духовных училищ и семинарий в гимназии в продолжение курса крайне затруднителен, равно как и поступление в семинарию из гимназии и других светских учебных заведений, вследствие большой разности в курсах наук и программах в тех и других заведениях. Поэтому поступившие в духовные училища и семинарии в юных годах, хотя бы у них впоследствии и не оказалось расположения к пастырскому служению, принуждены проходить 10-летний курс учения для того только, чтобы получить права окончивших курс. Неудивительно, что нынешние семинарии переполнены воспитанниками, которые тяготея богословским образованием и семинарским режимом, так как не чувствуют в себе расположения к пастырскому служению, и составляют бремя для самих семинарий, между тем как при другом устройстве учебных заведений они могли бы оставить их с пользой для заведения и для себя. Некоторые по окончании семинарского курса ввиду крайне стеснительных условий и даже полной невозможности поступить в университет или другое высшее светское учебное заведение, поступают без всякого расположения по необходимости на епархиальную службу и нередко оказываются совершенно недостойными носителями священного сана. Опыт показывает, таким образом, что соединение двух задач – общего образования и богословского – в современных духовно-учебных заведениях не приводит к желаемой цели, так что семинарии не дают своим воспитанникам достаточной подготовки и расположения к пастырскому служению, а также не дают и общего образования, равняющегося курсу светских среднеучебных заведений. Необходимо дать детям духовенства свободный доступ ко всякому образованию и – с другой стороны – поднять дело приготовления к пастырскому служению и призвать к духовному образованию только тех, которые свободно и сознательно определяют себя на служение Церкви. Это возможно лишь в том случае, если нынешние духовные училища и семинарии, подобно гимназиям, будут носить общеобразовательный характер, так что для воспитанников, окончивших курс в них, будет возможным свободно избирать себе дорогу, согласно со своими способностями и наклонностями, и если им даны будут права на поступление в университеты и другие высшие светские учебные заведения, одинаковые с воспитанниками гимназий. Тогда все не чувствующие призвания к пастырскому служению будут поступать в высшие учебные заведения или на гражданскую службу. Для желающих же по окончании курса общеобразовательных наук послужить Церкви в духовном звании следует учредить особые богословские курсы, куда открыть свободный доступ

всем вообще ученикам средних учебных заведений. Итак, следует общее образование в современных духовно-учебных заведениях отделить от специального – богословского и, соединив курс духовного училища с курсом духовной семинарии, образовать две совершенно отдельные одна от другой школы – общеобразовательную и профессиональную пастырскую. Первая должна представлять из себя среднее учебное заведение Духовного Ведомства, равное в отношении курса общеобразовательных наук и в отношении прав на поступление в высшие учебные заведения гимназиям. Это будет духовная гимназия или учебное заведение с другим наименованием, устроенное одинаково во всех отношениях со светским средним учебным заведением за исключением только Закона Божия, преподавание которого должно быть обязательным в духовной гимназии даже и в том случае, если этот предмет будет исключен из курса наук, проходимых в светской средней школе. Но преподавание этого предмета должно быть поставлено на лучших началах и по лучшим руководствам. Желательно, чтобы преподаватели Закона Божия знакомили учащихся с Библией, заботились об усвоении духа христианства и старались воспитать религиозное настроение в учащихся. Уроки по Закону Божию должны носить характер бесед. В частности, по Закону Божию необходимо проходить священную историю Ветхого и Нового Завета, катехизис, изъяснение главнейших богослужений, вероучение и нравоучение (краткое богословие православное – догматическое и нравственное) и церковную историю. Нынешние духовные училища, существующие в некоторых уездных городах, могут быть преобразованы в прогимназии Духовного Ведомства. Окончившие курс в таких прогимназиях свободно могут поступать для продолжения своего образования в соответствующие классы гимназии. Так как курс наук в светской и духовной гимназиях будет один и тот же, то переход из одного учебного заведения в другое должен быть совершенно беспрепятственным. Проект духовной гимназии не может быть в настоящее время разработан детально – ввиду того, что Министерством народного просвещения еще не составлен проект средней школы, по типу которой будет устроена духовная гимназия.

Вторая школа – пастырская семинария или богословские курсы – должна служить для богословского образования и специального приготовления кандидатов на пастырское служение.

В частности, богословские курсы устраиваются на следующих основаниях.

1) На курсы принимаются лица, желающие посвятить себя на служение Церкви, без различия сословий и возраста, причем окончившие курс наук в среднеучебных заведениях принимаются без экзамена, а не окончившие полного курса в этих заведениях, а равно лица с домашним образованием, – по экзамену.

2) Соответственно с указанным выше назначением, на богословских курсах преподаются следующие богословские науки: Священное Писание, история религий, богословие основное, догматическое и нравственное, общая церковная история, история русской Церкви, патристика, литургия, церковное право, пастырское богословие, гомилетика, педагогика и методика Закона Божия; кроме того, для желающих преподаются языки греческий и еврейский.

Примечание. Ныне существующие в качестве особых предметов в семинарском курсе науки – библейскую историю, историю и обличение русского раскола и обличительное богословие следует присоединить к другим предметам преподавания; так, например, историю русского раскола и сект присоединить к курсу церковной истории, основные положения борьбы с раскольниками и сектантами – к пастырскому богословию, из обличительного богословия историческую часть – к курсу церковной истории и догматическую – к догматическому богословию.

3) Все вышепоименованные науки могут быть преподаны в течение трех лет, а поэтому богословские курсы должны быть трехгодичными.

4) Преподавание вышеозначенных наук распределяется между ректором курсов, его помощником и пятью преподавателями.

5) Науки преподаются по одобренным программам, соответствующим потребностям времени; при этом преподавателям предоставляется возможно большая свобода в деле преподавания.

6) Уроков в день может быть до пяти, по 50 минут каждый.

7) При курсах состоят: ректор, его помощник и пять преподавателей. Все названные лица должны быть с академическим образованием; ректор – обязательно духовное лицо; желательно, чтоб помощник ректора и преподаватели были также в духовном сане, но без принципа

принудительности. Желательно, чтобы в деле воспитания учащихся принимали участие все преподаватели.

8) Богословские курсы, под главным управлением Св. Синода, находятся в ближайшем ведении епархиального архиерея. Непосредственное управление курсами принадлежит педагогическому совету курсов, состоящему под председательством ректора из всех преподавателей, и ректору, которому подчиняются все должностные лица курсов.

9) Все служащие на курсах лица избираются на должности и увольняются от оных педагогическим советом курсов: ректор и его помощник – с утверждения Св. Синода, преподаватели – с утверждения епархиального архиерея.

10) Ректор курсов, его помощник и преподаватели должны быть вполне обеспечены в материальном отношении. Желательно, чтобы низший оклад преподавательского жалованья был не менее 2000 руб. По выслуге каждого пятилетия служащим назначаются прибавки к жалованью в размере 1/5 штатного оклада содержания.

Доклад педагогического собрания правления Красноярского духовного училища

1. В деле усовершенствования учебной части духовных школ прежде всего является вопрос: насколько семинария и ныне тесно связанное с нею духовное училище должны быть специально богословскими школами, цель которых – готовить священнослужителей, и насколько в то же время – общеобразовательными, т. е. включающими в курс преподаваемых предметов такие, которые имеют в виду развитие человека вообще, независимо от какой-либо профессии, предстоящей питомцу школы по окончании ее? Так как

1) для всех русских людей, в видах объединения их, желательна единая средняя школа; 2) так как для священнослужителя совершенно необходимо, и прежде всего, общее образование, предназначенное служить фундаментом для всякого специального; 3) так как многие из воспитанников семинарий идут в светскую службу, – то желательно, чтобы духовная школа вообще, а следовательно и духовное училище, были в учебной части приближены, если не совсем, то отчасти, к соответствующим классам гимназии, как к таким школам, которые считаются наиболее близкими к норме общеобразовательной средней школы. Но при этом необходимо принять в соображение следующее. Гимназия в нынешнем ее виде все-таки в значительной степени отстает от идеала общеобразовательной школы: и поныне она рассматривается, в значительной степени, как только подготовительная школа к университету, и только в самое последнее время в ней происходят реформы с целью сделать ее общеобразовательной, реформы, далеко не законченные еще. Поэтому желательно, чтобы при реформе учебной части духовных училищ приноровительно к соответствующим классам гимназии дело не ограничилось слепым подражанием последним, но чтобы курс общеобразовательных наук и объем их преподавания выработан был, совместно с Министерством народного просвещения, Духовным Ведомством, имеющим в своих академиях и семинариях специальнопедагогические кафедры. Так например, многопредметность и раннее изучение иностранных языков, хотя бы и новых, прежде сносного уразумения своего родного, наблюдаемые ныне в низших классах гимназии, едва ли можно считать согласными с требованиями здоровой педагогики, имеющей в виду не узкопрактические цели, а основные свойства и потребности человека.

2. Относительно программ учебных предметов, какие будут изучаться в духовных училищах, нужно высказать следующие пожелания. 1) Они должны строго сообразоваться не только с возрастом и степенью развития учащихся подростков, но и со временем или количеством недельных уроков: лучше усвоить немного, но хорошо, чем много, да неосновательно. Поэтому «объем и размеры всякой программы должны быть рассчитаны на самое малое количество уроков и на средние способности учащегося, а не на лучшие, чтобы преподавать при самых неблагоприятных условиях, не затрудняясь проходить полный и законченный курс своего предмета». 2) Программы должны быть приноровлены одна к другой, чтобы избежать повторений, противоречий и т. п. недостатков. 3) Они должны составляться при деятельном участии практиков-учителей; только при этом условии они не будут страдать кабинетной теоретичностью и будут вполне отвечать действительным нуждам школы. 4) Они должны составляться «не канцелярским способом, а путем общего и широкого совместного обсуждения школьных вопросов на съездах и совещаниях преподавателей духовно-учебных заведений, в открытых и доступных гласности комиссиях». 5) Если программы будут составлены без излишней регламентации подробностей, то желательно, чтобы выбор учебников и учебных пособий предоставлен был преподавателям, каждому по своему предмету, или же педагогическим советам учебных заведений. 6) Так как значительное число учащихся в духовных училищах, по разным причинам, этой школой и кончают свое образование, то желательно, чтобы в ней, по возможности, был законченный курс учебных предметов, особенно если духовные училища будут преобразованы с прибавкой одного или двух годов обучения.

3. Духовная школа должна быть общесословной; чем больше будет в ней учащихся, тем более будет надежда на достаточное число кандидатов на священство, в каковых, особенно в отдаленных епархиях Сибири, замечается большой недостаток.

4. Желательно отменить переводные и выпускные экзамены для поступления из училищ в духовные семинарии, за исключением малоуспевающих учеников.

5. Для того чтобы выбывшим, по разным причинам, из духовного училища или из низших классов семинарии доставить более или менее законченное образование, или приготовить хороших церковнослужителей, или, наконец, вообще дать средства, по выходе из школы, честным трудом зарабатывать хлеб, желательно учреждение в каждой епархии, при монастырях, особых псаломщических школ, с соответствующими программами; при таких же школах желательно обучение разным ремеслам: столярному, переплетному и т. п.

6. Начальствующие лица училища избираются из среды наличных преподавателей педагогическим советом, а за неимением кандидатов – назначаются центральным управлением духовно-учебных заведений.

7. Ввиду того, что преподаватели училища в настоящее время – с таким же образовательным цензом и служебными правами, как и преподаватели семинарии, желательно учебно-воспитательное дело поставить в зависимость и единственно под руководство епархиального преосвященного и центрального управления.

8. Желательно, чтобы духовные училища в экономическом отношении к съездам духовенства находились в таком же положении, как и духовные семинарии.

9. В видах наилучшей постановки в духовных училищах дела воспитания, желательно для каждого класса иметь особое лицо, в качестве воспитателя, с высшим образованием, с надлежащим вознаграждением, при казенной квартире и столе.

Доклад комиссии по вопросу об улучшении учебно-воспитательного дела в епархиальных женских училищах

Комиссия пришла к следующим выводам:

1) Программы современных епархиальных женских училищ уравнивать с программами, имеющими быть в реформированных светских женских средних учебных заведениях, с обязательством преподавания Закона Божия для лиц православного исповедания по измененной программе и по улучшенным методам.

2) Епархиальные женские училища должны быть школами всесословными.

3) По источникам содержания необходимо, чтобы эти учебные заведения были переведены на средства общегосударственные.

4) Желательно выборное начало педагогического персонала и администрации.

5) Епархиальные женские училища должны быть открытыми с интернатом, понимая под словом «открытыми» свободу помещения детей и на частных квартирах под контролем школы.

6) Учительские должности признать штатными при минимальном окладе жалования в 2000 руб. в год и при 18 недельно-годовых уроках.

7) Желательно обучение в названных училищах бесплатное.

8) В качестве обязательных предметов, помимо существующих, ввести следующие новые: естественную историю (зоологию, минералогию и ботанику), элементарную гигиену, психологию (в связи с логикой), русскую историю, общую древнюю, среднюю и новую историю, математику (геометрию с практическими приложениями, тригонометрию, космографию и алгебру), полный курс русской литературы с сокращением древнего периода и увеличением курса новейшей литературы, правоведение, физику, иностранную литературу и новые языки – немецкий, французский и английский. Русскую церковную историю и всеобщую церковную считать не в качестве отдельных наук, а соединить с Законом Божиим.

Журнал второго заседания соединенного собрания, организованного в силу указа Святейшего Синода от 27 июля 1905 года, за № 8

1. Слушали: Журнальное постановление за № 1 комиссии, рассматривавшей вопросы, касающиеся церковного управления и суда.

Постановление комиссии относительно образования в российской Церкви митрополичьих округов, как выяснилось, со стороны членов собрания возражений не встретило. Высказывалась только мысль (ректором семинарии), что желательно было бы точно знать, на сколько именно округов должна быть распределена Россия.

Не встретило возражений и постановление комиссии о том, чтобы Сибирь, т. е. сибирские епархии, представляла из себя особый округ с г. Иркутском, как резиденцией митрополита. Впрочем, одним из членов собрания (А. Смирновым) было указано, что более удобным местом для митрополита будет г. Красноярск, так как он лежит в самом центре Сибири.

В совершенно другом положении оказался вопрос о правах и размерах власти митрополита.

Постановление комиссии о том, что митрополиту и созванному им собору принадлежит право суда над епископами округа, вызвало многочисленные возражения.

К. Успенский заявил, что теперь дела о подсудности в особо важных случаях даже священников идут к Святейшему Синоду; тем более к нему должны направляться и им решаться дела, касающиеся подсудности епископов.

И. Фигуровский и прот. Вологодский заявляют, что это право суда над епископами в древней Церкви принадлежало митрополиту и его собору.

А. Смирнов задает вопрос касательно того, какое число епископов по каноническим поставлениям необходимо для собора, который бы мог судить того или иного епископа. Прот. Вологодский заявляет, что число епископов должно достигать 12.

Члены находят, что раз нет в Сибири 12 епископов, то вопрос о древней практике Церкви оказывается совершенно неприложимым к современному положению вещей в пределах Сибири.

А. Смирнов поднимает вопрос о том, что на соборе при митрополите необходимо было бы дать место не только епископам, но и мирянам. Это предложение вызывает решительный протест со стороны большинства присутствовавших на собрании членов.

Свящ. П. Никольский находит, что собор епископов при митрополите должен заниматься не судебными процессами, а носить чисто пастырский характер и должен быть посвящен вырешению вопроса о том, как действовать в интересах лучшего проведения христианских принципов в жизнь народа.

Прот. М. Лотоцкий поддерживает мысль, что собор должен иметь в качестве одной из функций своей деятельности суд. Он заявляет, что в древней Церкви собору епископов принадлежали все дела; даже вопросы веры рассматривались на этих соборах, причем многие из еретиков осуждались на них и подвергались отлучению.

Члены собрания заявляют, что каноны древней Церкви неприложимы к настоящему положению вещей и что многие из канонических потребностями и условиями новой жизни совершенно отменены.

В окончательной форме права митрополита и его собора имеют быть, по мнению собрания, вырешены на Соборе Всероссийской Церкви.

Определили: Выслушав и обсудив постановление комиссии, рассматривавшей вопросы касательно реформы церковного управления и суда, с определением по поводу запроса Святейшего Синода о том, насколько желательно или нет распределение России в церковном отношении на митрополичьи округа, собрание согласилось с проведенной в постановлении комиссии мыслью о желательности образования в российской Церкви митрополичьих округов и о выделении всех сибирских епархий в особый митрополичий округ с городом Иркутском или Красноярском во главе. Собрание вполне согласилось с тем указанием комиссии, что это распределение российской Церкви на округа с сосредоточением определенной власти в руках митрополита будет содействовать делу объединения епископов, действующих в определенном районе, где есть общие для всех епархий потребности, и будет способствовать скорейшему разрешению разного рода дел, затягивающихся иногда на очень долгий срок ввиду направления их для окончательного решения в центральный пункт управления российской Церковью – в

Петербург, где это решение, в силу недостаточного знакомства с потребностями того или иного района, может находить не отвечающее запросам жизни решение.

При обсуждении вопроса о размерах власти митрополита в том или ином округе российской Церкви, собрание нашло, что митрополиту могут и должны быть предоставлены следующие права:

- 1) созвание соборов из епископов его района и председательствование на них;
- 2) обсуждение наряду с прочими епископами проектов об учреждении новых епархий и избрание кандидатов на епископские кафедры, причем то и другое восходит на окончательное утверждение центральной церковной власти, а постановление утвержденного обязательно митрополитом;
- 3) руководство епископов в важнейших делах в видах единообразия их действий – применительно к нуждам того или иного района, для лучшего и быстрее проведения принципов Христа в жизнь населения.

Что же касается проектированного комиссией права предоставить митрополиту совместно с собором суд над отдельными епископами, то собрание, после продолжительных и оживленных прений по данному поводу, пришло к заключению, что суд над епископом должен принадлежать центральному управлению в Церкви в виде Святейшего Синода или патриарха Всероссийской Церкви. Митрополиту и совету (собору) епископов при нем могут быть предоставлены только административного характера взыскания по отношению к епископам, виновным в каких-либо неважных и несущественных нарушениях по занимаемой ими должности епископа.

2. Слушали: а) Журнальное постановление комиссии, рассматривавшей вопросы касательно реформы церковного управления и суда, за № 2.

Первоначально собранием рассматривался вопрос о желательности увеличения епископских кафедр.

А. Смирнов поднимает вопрос о том, что количество епископских кафедр должно стоять в зависимости от числа приходов. При этом должно быть намечено точно то количество приходских храмов, которое в качестве нормы должно быть намечено для отдельного епископа. Он же указывает на то, что это увеличение кафедр вызовет расходы и что нужно знать точно тот источник, из которого они будут почерпаться.

О. ректор делает замечание, что напрасно в докладе не помечено, в какой степени надо увеличить количество епископов. Ведь это увеличение можно довести до того, что в каждом уездном городе может быть поставлен отдельный епископ. Следует ли стремиться к такому множеству епископов?!

После описанного выше обмена мнениями, на баллотировку поставлен был вопрос о том, желательно или нет – увеличение епископских кафедр. Большинство членов собрания высказалось за то, что увеличение числа епископских кафедр желательно. Вопрос был вырешен принципиально, и детального вырешения дальнейшего вопроса о том, в какой степени желательно увеличить число епископских кафедр, не было произведено.

После этого перешли к обсуждению предложенного комиссией проекта касательно организации при каждом епископе епископского совета.

При обсуждении вопроса о епископском совете А. Смирнов высказывает мысль, что епископ должен постоянно присутствовать на совете; но это мнение встречает протест в указании, что епископ должен объезжать епархию и иметь другие дела, не допускающие его присутствия на совете.

Большое разногласие вызвал вопрос о том, в каком отношении должен стоять епископский совет к епархиальному училищному совету, братству, духовно-учебным заведениям и т. п. Вопрос этот прямо предложен был для обсуждения указом Св. Синода и докладной запиской синодального обер-прокурора. К сожалению, вопрос этот был оставлен комиссией без рассмотрения.

Два члена собрания (о. ректор семинарии и А. Оносовский) настаивали на том, что епископский совет должен объединять все учреждения Духовного Ведомства и что к нему должны восходить все особо важные дела. Им возражал А. Богданов указанием на то, что объединение всех отраслей духовного управления в одном пункте будет той именно централизацией, соединенной с бюрократизмом, которая столь ненавистна в настоящее время и от которой так сильно стараются теперь избавиться.

А. Орлов заявил, что он неверно понимает централизацию и объединение. Объединение мыслимо вполне и не только мыслимо, но оно и должно быть везде даже при децентрализации. Чтобы отдельные части управления шли правильно и не действовали разрозненно, им нужно давать тон и одно направление, которое и будет сообщаться епископским советом.

К этому мнению присоединяется А. Оносовский, заявляя, что епископский совет должен – в интересах единства действий – сосредоточивать все отрасли церковной жизни в епархии. Централизацией на бюрократической подкладке объединенный способ действий будет тогда, когда каждая из частей управления в епархии не будет точно знать назначенного ей круга дел и не будет ответственна в том решении, которое она постановляет. По его мнению, каждая часть управления должна вести определенный круг дел и решать их, будучи ответственной за те постановления, которые она производит. К епископскому совету восходят только самые важные и существенные дела, требующие принципиального решения. Подобный порядок дел, улучшая управление, в состоянии будет освободить епископа от множества мелочных дел.

После означенного обмена мнений производится открытая баллотировка, которая выясняет, что все члены собрания стоят за объединение действий в епископском совете.

После этого рассматривался вопрос о канцелярии епископского совета.

Значительные разногласия вышли при обмене мнений по поводу высказанной комиссией мысли о необходимости сократить делопроизводство канцелярии и работу епископского совета.

Комиссия, в качестве средства для этого, указывает на желательность уничтожения метрических книг и брачных обысков. Ведение их, по мысли комиссии, принадлежит или должно принадлежать гражданской власти.

Многие из присутствующих на заседании членов собрания заявляют, что это освобождение духовенства от ведения метрических книг и брачных обысков будет делом весьма желательным.

Члены собрания прот. И. Рязанский и А. Оносовский протестуют против этого. Они заявляют, что если духовенство будет освобождено от всех ответственных дел гражданского отчасти характера, то естественным выводом из этого будет лишение духовенства со стороны Государственной Думы жалованья и пенсий. Это лишение будет естественным делом, поскольку духовенство не будет в деле статистики оказывать государству никаких услуг.

Мнение это было принято собранием.

После сего поднят был вопрос об исповедных росписях. Многие члены собрания находят, что они должны быть оставлены. За оставление высказываются свящ. Климовский и А. Смирнов. О. ректор семинарии говорит, что исповедные росписи должны иметь более подробный и обстоятельный вид, нежели теперь. По его мнению, в этих росписях, которые ведутся священником, должны делаться и иные пометки, касающиеся настроения прихожан и отношения каждого из них к Церкви. Против этого заявляют протест А. Оносовский и свящ. Никольский, указывая, что подобные документы не будут иметь большого значения, что они неудобны и могут вызывать значительные осложнения, попадая в руки прихожан, газетных репортеров и т. п. лиц.

б) Доклад члена первой комиссии, секретаря Енисейской духовной консистории М. Богоявленского с изложением мнений его по поводу поставленных вопросов о реформе церковного управления и суда.

Определили: По выслушании постановлений первой комиссии (в журнале за № 2), рассматривавшей вопросы касательно церковного управления и суда, и мнения секретаря духовной консистории М. Богоявленского, собрание обратило внимание на следующие поставленные комиссией вопросы: а) о желательности увеличения епископских кафедр в российской Церкви; б) об устройстве – вместо существующей консистории – особого епископского совета, о функциях и составе этого совета; в) о необходимости сократить бумажное делопроизводство в канцелярии совета.

А) При обсуждении первого поставленного комиссией вопроса о желательности увеличения епископских кафедр, соединенное собрание членов всех комиссий обратило внимание на то: 1) что увеличение числа епископских кафедр в целях сближения епископа с приходским духовенством и паствою того или иного района действительно весьма желательно; 2) что это увеличение кафедр надо понимать не в смысле создания кафедр викарных епископов, по существу совершенно несамостоятельных, подчиненных главному епископу и поэтому не облегчающих дела управления обширными епархиями, а в смысле создания совершенно отдельных и самостоятельных епископских кафедр. Но при этом собрание нашло, что создание новых

епископских кафедр наряду с существующими вызовет несомненно очень большие расходы, средств покрытия которых из определенного денежного источника собрание не в состоянии было указать, а потому собрание, после прений по данному вопросу и после открытой баллотировки, пришло к заключению, что в принципе увеличение числа самостоятельных епископов весьма желательно, но что это увеличение должно стоять в зависимости от средств, которые будут находиться в распоряжении Святейшего Синода.

Это постановление собрание и определило представить на благоусмотрение Святейшего Синода.

Б) При обсуждении вопроса об устройстве – вместо существующих ныне консисторий – епископских советов, собрание после прений по данному вопросу сочло необходимым согласиться с постановлением комиссий об образовании епископских советов в качестве постоянно действующих учреждений. Состав епископского совета в каждой из епархий намечен из трех постоянных, назначаемых епископом, членов и трех выборных, назначаемых на эту должность духовенством на съездах духовенства епархии на трехлетний срок. Этот совет при епископе ведает административные, хозяйственные и судебные дела, заботясь об улучшении религиозно-нравственного состояния епархии и помогая епископу в его пастырских заботах о населении района. Председателем этого совета обязательно состоит епископ, который по возможности неопустительно присутствует на заседаниях совета.

При этом в заседании собрания соединенные члены комиссий нашли, что проектируемый для замены существующей ныне консистории епископский совет должен объединять в своих руках все функции епархиальной жизни и все те учреждения, которые действуют в епархии помимо консистории. К числу их относятся братства, епархиальные училищные советы, духовноучебные заведения и т. п. В настоящее время все эти учреждения действуют разрозненно, причем единственным объединяющим центром является епископ. Собрание нашло, что такой порядок дел, усложняя задачи деятельности епископа, приводит к очень многим затруднениям. Дело в том, что каждое из учреждений, ведая определенный круг дел, судит о положении вещей с определенной и притом ограниченной точки зрения, причем нередко впадает в разногласие с другими учреждениями, действующими приблизительно на таких же точно началах. Епископ, не имея физической возможности уследить за всеми частными делами, не всегда может и в состоянии направить дело к единству и уничтожить разногласия. Этим делом объединения, по мнению собрания, всего удобнее заняться епископскому совету. Но чтобы достигнуть этого объединения, соединенное собрание, рассуждая о составе епархиального епископского совета, пришло к тому заключению, что на заседаниях этого совета в тех случаях, когда докладываются на нем дела, например, касающиеся братства, – присутствуют председатель братства и иные члены этого последнего по уполномочию правления братства; или, если, например, докладываются дела, касающиеся богословской школы, то в епископском совете присутствует начальник богословской школы и другие выборные члены правления школы... Собрания членов епископского совета, устраиваемые совместно с представителями других учреждений, происходят по мере надобности, т. е. по мере поступления дел из разных учреждений и соответственно той или иной спешности в текущих делах. При этом собрание, определяя функции епископского совета, нашло, что, для освобождения совета от массы материала, необходимо точно определить круг дел каждого из учреждений, сторонних по отношению к епископскому совету, вроде братства, богословской школы, епархиального училищного совета и т. п. Эти учреждения, наделенные полномочиями, окончательно решают под своей ответственностью все те дела, которые не выходят из сферы их власти. В епископский совет – на соединенные собрания оно – восходят только самые важные и существенные дела, требующие более или менее принципиального решения. В этом случае епископский совет дает тон и направление деятельности всех этих учреждений.

Что же касается подробного распределения прав и обязанностей епископского совета и других учреждений вроде братства, богословской школы и т. п., то собрание, за краткостью остающегося в его распоряжении времени, не сочло возможным заняться подобного рода работою и постановило только в качестве принципа заявить о необходимости такого распределения с указанием, что в епископский совет должны направляться только самые важные и существенные дела.

С постановлением комиссии, что при епископском совете существует канцелярия, состоящая в полном распоряжении только у одного епископа и его совета, собрание не могло не

согласиться.

В) По поводу вопроса о сокращении бумажного делопроизводства в канцелярии совета, собрание рассматривало предложение комиссии о передаче дела ведения метрических книг и брачных обысков гражданской власти и высказалось решительно против такой передачи. Основанием для подобного заключения послужило то что, хотя ведение этих документов и не касается непосредственно пастырских обязанностей, но что – с другой стороны – это ведение не настолько сложно и хлопотливо, чтобы причинять серьезный ущерб исполнению чисто пастырского служения. Это освобождение от ведения метрических записей и т. п. имело бы смысл только тогда, когда государство совершенно отделилось бы от Церкви и лишило бы Церковь денежных субсидий из своего Казначейства, а так как Церковь в настоящее время очень нуждается в этих деньгах, то отказ от ведения статистики, т. е. от записи рождений, смерти и т. п., может послужить лишним поводом к отнятию от Церкви денежных средств из Казначейства.

Собрание нашло возможным отказаться (после открытой баллотировки большинством голосов) только от ведения исповедных росписей при церквях, признав их документом, необязательным для священника.

Обсуждая дальнейшие способы сокращения бумажного делопроизводства в канцелярии епископского совета, собрание нашло, что, и при оставлении на обязанности духовенства ведения метрических книг, брачных обысков и т. п., можно значительно сократить работу канцелярии и облегчить деятельность епископа и состоящего при нем совета. Дело в том, что, по существующей практике, все или почти все даже очень неважные бумаги восходят к епископу и требуют его утверждения. Так, например, выдача метрического свидетельства производится только после составления о сем журнала в консистории и после утверждения сего журнала Его Преосвященством. По мнению собрания, таковая выдача должна производиться без всяких журналов, чисто канцелярским путем. Кроме того, как видно из доклада секретаря консистории, даже при расходе – например– 15 коп. должен составляться журнал, который идет к Его Преосвященству. Отсылка переходящих сумм идет таким же образом. Предание епитимии уже осужденного судом на нее требует тоже особых журналов и т. д. Собрание находит, что все это может идти гораздо более простым способом и не требовать епископского надзора и состоящего при епископе совета. Уничтожение обычного кругового вращения бумаг, вроде описываемого г. секретарем консистории в докладе, может серьезно облегчить дело канцелярии. Настоящее определение и заключение собрание постановило представить на усмотрение Святейшего Синода вместе с постановлениями комиссии, изложенными в журнале за № 2, и мнением секретаря Енисейской духовной консистории М. Богоявленского.

3. Слушали: Журнальные постановления за №№ 3 и 4 первой комиссии, рассматривавшей вопросы касательно церковного управления и суда.

В журналах содержатся определения: а) касательно благочиннического совета, как особого органа епархиального управления, и его состава; б) круга деятельности этого совета и в) касательно суда.

При обсуждении первого пункта относительно благочиннического совета значительное разногласие произвело проектированное комиссией выборное начало благочинных и двух других членов совета. Некоторые (прот. И. В. Рязанский) указывали, что если благочинный будет выборным, то он не будет пользоваться надлежащим авторитетом; его не будут слушать священники, которые каждую минуту могут настоять на его смещении.

При обсуждении вопроса о съездах духовенства епархии, собрание пришло к заключению, что съезды должны рассматривать не только хозяйственные дела, но и пастырские. Эти последние, по мнению собрания, должны стоять на первом месте и привлекать к себе особенное внимание духовенства.

Определили: А) По заслушании журнального постановления за № 3 первой комиссии, рассматривавшей вопросы касательно реформы церковного управления и суда, собрание первоначально остановилось на рассмотрении вопроса о благочиннических советах, как особом органе епархиального управления. Из журнала комиссии видно было, что вопрос о членах благочиннических советов вызвал разногласие среди лиц, принимавших участие в работах комиссии: одни стояли за выборное начало, другие – за назначение благочинного епископом. Подобное же разногласие произошло и в собрании членов всех комиссий.

После оживленного обмена мнениями по данному пункту члены собрания пришли к соглашению в том смысле, что, хотя принцип выборного начала, рекомендованный некоторыми

членами первой комиссии, в общем очень желателен и с идейной точки зрения не может быть отвергнут, но что теперь – до оживления состава членов приходских причтов – рано применять этот принцип и что благочинный в настоящее время, как ближайший помощник епископа, должен назначаться епископом.

Что же касается помощников благочинного, то они занимают эту должность по избранию со стороны приходского духовенства.

При обсуждении вопроса об обязанностях благочинных и благочиннических советов, в собрании членов всех комиссий произошло небольшое разногласие по поводу одного частного вопроса, а именно – о существующих ныне клировых ведомостях. По журналу комиссий эти клировые ведомости в измененном виде по новой форме ведутся в двух экземплярах, из коих один находится в епископском совете, другой – в церкви. Найдено было, что эти клировые ведомости, кроме указанных пунктов, должны находиться и в благочинническом совете, и собрание решило внести эту небольшую поправку к журнальному постановлению комиссии.

В остальном собрание вполне согласилось с мнениями первой комиссии касательно благочиннических советов и постановило определение комиссии представить на усмотрение Святейшего Правительствующего Синода.

Б) При обсуждении постановлений первой комиссии, изложенных в журнале № 3 и в дополнительном к нему журнале за № 4, относительно: а) гласного характера церковного суда, б) судебных прав благочиннических советов, являющихся первой инстанцией для дел, не влекущих за собою значительных наказаний, в) судебных прав епископского совета с особым в нем судебным отделением, которое время от времени выезжает на сессии в города подобно гражданскому суду, г) присутствия в судебном отделении двух священников в роли, соответствующей присяжным заседателям, по выбору духовенства, и

д) относительно судов чести – собрание членов всех комиссий в общем вполне согласилось с постановлениями, высказанными в журналах за № 3 (во второй половине) и за № 4.

Из прений и происшедшего по поводу означенных журналов обмена мнениями выяснились лишь следующие положения, которые и решено было в качестве дополнений и поправок внести в определения комиссии, изложенные в журналах №№ 3 и 4:

1) Судебные дела вчиняются епископским советом, который и направляет их в ту или иную сторону, т. е. или отправляя дело в благочиннический совет, или сам занимаясь разбором, или отправляя члена судебного отделения для разбора его на место, где произошел тот или иной проступок со стороны кого-либо из представителей духовенства.

2) Отправляется для разбора дел в уезды не все судебное отделение, а один из членов его, который выбирает для суда совместно с благочинническим советом двух священников, не заинтересованных в деле, и производит с ними суд по поводу того или иного проступка.

3) Выезд производится не в уездный город, как предполагала комиссия, а в тот приход, где имело место то или иное происшествие, и там, на месте действия, производит разбор и постановляет решение.

4) Выбор двух священников в роли, соответствующей присяжным заседателям, производится на съезде духовенства епархии из числа членов городского духовенства.

Во всем остальном, постановления комиссии собрание определило принять и представить их с приведенными выше поправками в Святейший Правительствующий Синод.

4. Слушали: Журнальное постановление четвертой комиссии, рассматривавшей вопросы: а) о порядке приобретения церковной собственности, б) об участии священнослужителей в общественных учреждениях, в) о предметах веры, г) об отношении православной Церкви к старообрядцам, сектантам и иноверцам. При обсуждении в соединенном собрании второго из этих вопросов возник оживленный обмен мнений. Некоторые находили (А. Богданов), что, соответственно каноническим постановлениям и в интересах независимости, Церковь должна стоять в стороне от деятельности в общественных учреждениях и не принимать в них никакого участия. Другие (например, ректор семинарии А. Оносовский) находили, что Церковь или – вернее – духовенство должно иметь самое живое отношение к общественным учреждениям. Они находили, что чем сильнее будет участие духовенства в общественных учреждениях, тем будет лучше. При этом заявлялось, что подобного рода участие в общественных учреждениях особенно необходимо теперь, когда в России намечается иной, конституционный образ правления. Чтобы отстоять свои государственные права и привилегии, духовенство должно

активно отнестись к политической жизни и принять деятельное участие в выборах в Государственную Думу.

Некоторые возражения сделаны были против вопроса о святых иконах и мощах. Указывали на то, что формы и способы поклонения иконам вполне точно определены на соборах, и заявляли, что, если что и требует разъяснения и указаний, так это те ненормальности, которые вкрались у русского народа в поклонение иконам и особенно святым мощам.

Определили: А) По заслушании постановления четвертой комиссии, рассматривавшей вопрос о порядке приобретения церквами, монастырями, архиерейскими домами и духовенством недвижимой собственности и принявшей по данному вопросу целиком мнение по сему пункту со стороны члена комиссии, секретаря духовной консистории М. И. Богоявленского, дословно процитированное в журнале комиссии (по ст. 3), собрание членов всех комиссий вполне согласилось с постановлением комиссии и с мнением секретаря консистории, а потому, принимая во внимание мотивы к таковому определению, изложенные в докладе комиссии, постановило:

1) Что хотя и нет основания совершенно отменять решительно всякие ограничения в деле приобретения церквами, монастырями и архиерейскими домами недвижимой собственности, но что право такого ограничения – в интересах ограждения церквей, монастырей и архиерейских домов от приобретений ненужных, невыгодных и спорных – должно, предоставить: по отношению к церквам – единственно юрисдикции епархиального начальства и по отношению к монастырям и архиерейским домам – Святейшего Синода, по предварительном в том и другом случае истребовании отзыва или заключения от власти гражданской (губернатора, министра), и

2) Дополнить содержание ст. 698 т. 10 ч. 1, зак. гражд. изд. 1900 г., по силе которой духовенство в деле приобретения недвижимостей не признается за юридическое лицо, предоставлением права делать таковые приобретения: «церковным причтам, духовенству округов и всей епархии».

Б) По заслушании постановления четвертой комиссии относительно участия священнослужителей в общественных учреждениях и после оживленного обмена мнениями по данному поводу, собрание в общем епархиальном совещании постановило заявить, что – в интересах усиления влияния Церкви и в интересах живого проведения в массу населения принципов и заветов Церкви православной – в высшей степени желательно и в настоящее время, при изменении существующего строя, совершенно необходимо предоставление духовенству права не только участвовать в выборах в земство или в городскую думу, но и быть избранными в гласные там и тут, а также и участвовать на сельских сходах.

В) Выслушав постановления четвертой комиссии касательно предметов веры, собрание в общем епархиальном совещании нашло, что выдвигаемые комиссией вопросы назрели и настойчиво требуют такого или иного разрешения. Собрание вполне согласилось с тем, что многие из канонов и многое в богослужебной практике уже не соответствует запросам настоящей жизни и часто вовлекает мирян в ереси, раскол или же религиозный индифферентизм. Посему собрание постановило предложить на усмотрение Святейшего Синода для суждения и разрешения на Соборе Всероссийской Церкви вопросы, намеченные комиссией в том освещении их, которое дано им в постановлении комиссии, а именно: а) вопросы об изменении богослужебного устава соответственно требованиям текущей жизни; б) вопрос об изменениях в порядке чинопоследования св. таинств (крещения, елеосвящения); в) необходимость изменений в языке церковного богослужения, г) изменения в постах – в целях найти идее поста иное выражение, более соответствующее настоящим условиям жизни; д) устранение вкравшихся в существующую практику ненормальностей в почитании святых икон и особенно святых мощей.

Г) По выслушании постановлений четвертой комиссии об отношении православной Церкви к старообрядцам, сектантам и иноверным, собрание в общем епархиальном совещании обратило внимание на то положение докладчика этой комиссии:

1) что свобода совести, объявленная манифестом, потребует обнаружения всех сил Церкви для плодотворного и успешного действия в религиознонравственной области;

2) что, для успеха в предстоящей сложной работе, необходимо произвести коренные изменения во многих сторонах церковной жизни, как например: в церковной проповеди (которая нуждается в большем оживлении и в большей беспрепятственности), в оживлении приходской общины, в изменении и улучшении богослужебного языка, в организации кружков в интересах

религиозного просвещения и в целях привлечения сектантов к Церкви православной, в изменении приемов полемики с расколом и сектантством и т. д. и т. д.;

3) что необходимо на самых широких началах организовать противомусульманскую миссию – соответственно громадному количеству мусульман в России (17 000 000);

и признало сделанные комиссией указания ценными и потому определило представить их на усмотрение Святейшего Синода для выяснения тех сторон церковной жизни, которые нуждаются в изменениях.

При обсуждении постановлений четвертой комиссии, в особом положении оказался вопрос о введении проектируемого докладчиком комиссии (ст. 5 журнала) института единоверческих епископов (в качестве викариев при самостоятельных епископах). Вопрос этот вызвал разногласие между членами собрания. Одни признавали желательным и необходимым назначение единоверческих епископов, другие отрицали всякую целесообразность в таковом назначении. Происшедший по данному поводу обмен мнениями не привел к соглашению. Протестовавшие против назначения единоверческих епископов утверждали, что православная Церковь не только ничего не выиграет от института единоверческих епископов (викариев), но еще и ухудшит свое положение, ибо тогда создается возможность и для православных переходить в единоверие. Посему собрание на общем совещании постановило этот вопрос перенести в Святейший Правительствующий Синод для такого или иного разрешения его.

Журналы первой комиссии по реформе церковного управления и суда

Слушали: Запрос Святейшего Синода о желательности образования митрополичьих округов в русской Церкви и предложение по сему вопросу г. синодального обер-прокурора К. П. Победоносцева, выраженное в докладной записке Синоду.

Постановили: Ввиду приближения нашего церковного управления к устройству древней христианской Церкви; ввиду необходимости в настоящую пору большого объединения епископов, действующих в определенном церковном районе, где есть общие для всех епархий потребности; ввиду того, что децентрализация управления будет способствовать скорейшему разрешению дел, – признать желательным учреждение в русской Церкви митрополий, причем – в частности – Сибирская митрополия с городом Иркутском во главе могла бы состоять из епархий: Тобольской, Омской, Томской с викариатством Бийским, Енисейской, Иркутской с викариатством Киренским, Забайкальской, Якутской, Благовещенской и Владивостокской. Власть митрополита выражается: 1) в созвании соборов и председательствовании на них (по пр. Антиох.20-му, 16-му; 4 Всел. Соб.19-му), причем, вследствие дальности расстояния сибирских кафедр, не настаивается на обязательности ежегодных соборов, хотя признается все же делом необходимым – по возможности выполнять на этот счет канонические постановления; 2) в обсуждении, наряду с прочими епископами, проектов об учреждении новых епархий и в избрании кандидатов на епископские кафедры, причем и то и другое восходит на окончательное утверждение центральной духовной власти, а постановление утвержденного во епископы производится обязательно митрополитом (1Всел. Соб.4-е, 6-е; Антиох.19-е; 4Всел. Соб.28-е); 3) в руководительстве епископов в важнейших делах – в видах единообразности их действий (Апост.34-е; Антиох.9-е); и 4) в суде наряду с собором епископов, над отдельными епископами (4Всел. Соб.9-е; Антиох.14-е; Карф.28-е). Но при этом необходимо, чтобы дальше указанных пределов митрополичья власть не простиралась, и чтобы все ограничения этой власти, какие установлены были канонами древней Церкви, имели силу и теперь (Апост.34-е; Антиох.9-е; 3Всел. Соб.1-е; Сард. 6-е; 2Всел. Соб.2-е; 3Всел. Соб.8-е). Опасения, как бы разделение Церкви на митрополии не повело к разрыву государственного единства, комиссии кажутся не имеющими основания, потому что в предшествующей практике церковной нельзя указать фактов, которые бы давали повод к таким опасениям.

Слушали: Запрос Св. Синода о реформе церковного управления и суда и докладную по сему вопросу записку г. синодального обер-прокурора К. П. Победоносцева.

Постановили: 1) Признать желательным увеличение числа епископских кафедр, что даст возможность епископу знать ближе свою паству. Последнее представляется делом крайней необходимости, и комиссия, сознавая эту нужду приближения епископа к миру и народу, высказывается в качестве особой меры, способствующей этому, за сокращение формального делопроизводства у епископа. 2) Органом управления при епископе становится епископский совет, заменяющий нынешнюю консисторию. Епископ является председателем этого совета, и желательно, чтобы он возможно чаще присутствовал и принимал непосредственное участие в этом совете; по всем важным делам это признается необходимостью. За отсутствием епископа, его место заменяет лицо по его назначению. Двое членов комиссии высказываются за назначение постоянного председателя из членов епископского совета. Состав совета определяется из трех членов по назначению епископа и трех к ним ассистентов с равными правами по выбору духовенства, но обязательно из священников епархиального города. При совете для делопроизводства существует канцелярия, разделенная на отделения и находящаяся под управлением секретаря, который назначается и состоит в ведении только местного епископа. Круг дел совета по сравнению с нынешнею консисторией должен быть сокращен. Желательно освобождение духовенства от ведения метрических книг и брачных обысков, которые передаются в гражданское ведомство. При церкви существует только книга для записи совершенных таинств, которая не имеет значения документа по делам гражданским. Таинства крещения и брака совершаются по запискам, выданным гражданской властью, которая и отвечает за законность таковых своих документов. При церкви, кроме сего, ведется богослужебный журнал и книга со списком всех прихожан. Против уничтожения метрик высказались три члена комиссии, указывая, что таковая практика может вызвать между пастырем и паствою разобщение. Во всяком случае, если таковые дела будут сняты с обязанности духовенства, то они тем самым выйдут из круга дел епископского совета. Кроме того, из состава дел совета необходимо исключить и передать в гражданский суд дела следственные по прелюбодеянию и разводу. В ведении епископского совета остаются дела чисто церковные (дела веры и нравственности, административные, судебные и хозяйственные). При этом маловажные дела и дела, которые ясно определяются законом, решаются непосредственно самим епископским советом и не восходят на утверждение архиерея. В этом смысле изменяются ст. 318 и 319 нынешнего консисторского Устава. Этот последний и весь подлежит коренному пересмотру, чтобы он оказался соответствующим новым потребностям церковной жизни.

Слушали: Запрос Св. Синода о реформе церковного управления и суда и докладную по сему вопросу записку г. синодального обер-прокурора К. П. Победоносцева.

Постановили: Кроме епископского совета, органом епархиального управления является благочиннический совет, который состоит из благочинного и к нему двух членов. Все они выбираются благочинническим съездом на срок от 3 до 5 лет. – Двое из членов комиссии высказались за то, что должность благочинного должна быть не выборной, а по назначению епископа – ввиду того, что благочинный служит самым доверенным человеком для епископа, и чем меньше он будет стоять в зависимости от подчиненного духовенства, тем для епископа больше уверенности, что он не станет потворствовать этому духовенству. Члены комиссии, стоящие за выборных благочинных, указывают главным образом на то, что таковой начальник будет всегда ближе к своим подчиненным, он для них будет свой человек, а не чиновник только. Во всяком случае, и утверждение выборных и увольнение от должности, если они окажутся не соответствующими возложенным на них обязанностям, предоставляется вполне усмотрению епископа. – Благочинный действует согласно инструкции, которая, впрочем, должна быть пересмотрена и исправлена. – Благочиннический совет составляет годовые и полугодовые отчеты, характеризует в них членов причтов, разбирает мелкие жалобы. – Клировые ведомости, в которых теперь благочинный делает отметки поведения, изменяют свой вид; они приближаются к формулярным спискам; желательно форму их привести к единообразию; отметок поведения и замечаний о проповедничестве, о знаниях по катехизису и другим предметам в них не должно быть делаемо. Эти сведения могут входить только в благочиннические отчеты. Клировые ведутся в двух экземплярах, из них один оставляется при церкви, другой отправляется в епископский совет. – Благочиннические съезды собираются или по требованию высшего епархиального начальства, или по просьбам самого духовенства, когда возникают в благочинии какие-либо нужды, требующие авторитетного решения. В круг деятельности этих съездов входят: 1) выборы должностных лиц (один из членов комиссии предлагает, чтобы эти съезды даже намечали кандидатов, каковые могли бы занять свободные места в епархиальном городе, и тогда духовенству облегчилась бы задача выбирать желательных членов в епископский совет); 2) рассуждения о нуждах приходской жизни во всех ее проявлениях; 3) предложения на епархиальный съезд. Свои постановления и соображения благочиннический съезд представляет епархиальному начальству, чтобы дать им дальнейшее движение. Высказывается желание, чтобы при обсуждении хозяйственных нужд на благочиннических съездах присутствовали по желанию и церковные старосты. – Кроме этих съездов, признается весьма полезным, чтобы епископ при поездках по епархии в некоторых селах назначал сборные пункты для одного или нескольких благочиний и сам лично рассуждал с приходским духовенством о всех его нуждах. Это непосредственное знакомство епископа с подведомственным ему духовенством много облегчит ему дело управления епархией. – Относительно епархиальных съездов выражается желание, чтобы они не ограничивались только рассмотрением хозяйственных вопросов, а чтобы вели обсуждение всех сторон церковной жизни: решали дела пастырские, миссионерские, регулировали религиозно-нравственную жизнь своей паствы, возбуждали вопросы общего характера о потребностях духовных школ, не вторгаясь, впрочем, во внутреннюю жизнь этих школ и не роняя авторитета пред учениками и обществом начальствующих лиц этих учреждений.

По вопросу о церковном суде высказывается общее соображение о том, чтобы этот суд был по возможности по всем делам гласным. Негласные дознания, заботящиеся о поддержании авторитета духовенства, своей цели не достигают и чаще приносят больший вред для доброго имени духовного лица, чем суд открытый. – Процессуальная сторона церковного суда намечается в таком виде. Необходимо в каждом благочинии иметь особого выборного следователя, без права самому решать дела. По мелким делам, по которым наказание не может превышать выговора или замечания, суд производится благочинническим советом, причем одни дела решаются окончательно, лишь с правом кассации, другие допускают апеллирование к высшим инстанциям. Первой такой инстанцией для благочиннического совета является епископский совет. Выражается желание, чтобы в этом совете судебное следствие производилось в присутствии сторон, с предоставлением каждой стороне иметь защитника из духовных лиц. – В епископском совете имеется специальное судебное отделение. Оно по мере надобности

выезжает в другие уездные города и устраивает там сессии для решения дел. Впрочем, по местным условиям для окраин (Туруханского, Усинского, Ангарского края и некоторых других слишком удаленных местностей крайних уездов епархии) такой суд оказывается неудобоприменимым, и возможно для этих мест сохранить прежний порядок судопроизводства.

Журнал № 4, 22 ноября 1905 года

В дополнение к журналу от 10 ноября 1905 года, комиссия постановила, чтобы при решении всех особенно важных судебных дел в судном отделении епископского совета присутствовали в качестве судей, кроме двух постоянных членов (одного по назначению епископа и другого по выбору духовенства), еще два временных члена-пресвитера в роли, соответствующей присяжным заседателям; чтобы лица, производящие суд, оценивали силу улик и делали окончательный приговор по совести, по личному внутреннему убеждению без применения теории формальных доказательств. Суд совести признан высшей формой в гражданских судах, тем более должно быть места ему в суде церковном. Кроме того, комиссия высказывается за желательность установления среди духовенства суда чести, который прежде всего может применяться на благочиннических съездах. Ввиду новой постановки церковного судоустройства, признается необходимым составление обстоятельного наказа для следователей по духовным делам и положения о церковном суде, основанного на канонических правилах и согласованного по возможности с нормами современного гражданского судопроизводства.

Мнение члена первой комиссии Богоявленского

Комиссии поручено выработать предположение (подлежащее рассмотрению епархиального совещания, для представления Святейшему Синоду на предмет обсуждения Всероссийского Собора о пересмотре законоположений о существующих органах епархиального управления и суда и преобразовании оных согласно с каноническими соборными началами. В предложении г. обер-прокурора Святейшего Синода по этому предмету обращено внимание на то:

1) что ныне епархиальным органом управления служит консистория, представляющая административно-судебное учреждение;

2) что еще 30 лет назад проектировалось выделить из консистории церковный суд, положить в его организацию начала гражданской судебной реформы 20 ноября 1864 года;

3) что трудами сказанных проектов не мешает воспользоваться и ныне;

4) что консистория имеет при настоящем своем положении недостатки: а) члены постоянно отвлекаются от епархиальных дел священнослужительскими обязанностями; б) чиновники канцелярии консистории: по числу недостаточны, обеспечены скудно, большею частью мало подготовлены к службе и, при соблюдении устаревших форм делопроизводства, обременены формальным письменным производством;

5) что в последнее время возник целый ряд новых епархиальных учреждений, обособившихся от консистории, каковы: советы и правления по делам училищным, миссионерским, епархиальных съездов, братских и др.;

6) что, при разнообразии сих учреждений, одному епископу, без посредствующего органа, который бы соображал всю совокупность дел и интересов сих учреждений, затруднительно направлять их к согласному и правильному действию;

7) что поэтому является нужда в организации такого органа епископской власти, который бы объединял в своем ведении всю область епархиального управления;

и 8) что, при настоящем положении Государственного Казначейства, ни о каком восполнении к ныне ассигнуемым суммам на содержание епархиального управления не может быть и речи.

Таким образом, из вышесказанного вытекает: нынешнее епархиальное управление неудовлетворительно и потому требует реформы, но под условием, чтобы, во-первых, власть епископа, простираясь на всю область епархиального управления (как и теперь), действовала через один орган, который бы объединял все возникшие недавно различные органы – консисторию, советы, правления и т. д., и чтобы, во-вторых, эта реформа не влекла за собою новых ассигнований из Государственного Казначейства.

Но, как бы ни было желательно организовать сказанный центральный орган при епископе, едва ли это возможно без восполнения на то средств из Государственного Казначейства. А именно: если и ныне существующая консистория неудовлетворительна, то, прежде всего, потому, что содержание ее ограничено.

Отчего, например, члены консистории отвлекаются от дел епархиального управления? Этот вопрос в предложении г. обер-прокурора объяснен: «исполнением прямых священнослужительских обязанностей». Позволительно усомниться. По этой причине могут отвлекаться приходские священники; но членами консистории состоит большинство из священнослужителей кафедрального собора; при соборе же приходов нет, значит – нет и приходских треб. А между тем отвлекаются и соборяне.

Почему же так? Отвлекают их обыкновенно не священнослужительские обязанности, а иные, как например, законоучительство в светских учебных заведениях, оплачиваемое хорошо; и обязанности эти, как и другие, они принимают на себя отнюдь не из жадности и корыстолюбия, столь щедро усвояемых духовенству, а потому, что содержание от собора и консистории далеко недостаточно, особенно для людей семейных и для жизни в городе.

Далее, хотя причину неудовлетворительности консисторской канцелярии г. обер-прокурор находит, в числе других причин, и в скудости содержания канцелярии, но, видимо, не считает ее за главную. А она-то именно и главная, так сказать – производящая другие. В самом деле, штаты консисторий существуют ни много, – ни мало – 35 лет (с 1869 г.), а за это время жизнь совершенно изменилась, усложнилась, вздорожала, почему едва ли осталось с того времени хоть одно правительственное учреждение, где бы не увеличились оклады содержания служащих.

Ведь невозможно же существовать более или менее сносно в городе и человеку семейному на такой оклад, как 500 руб. в год (регистратору, архивариусу и казначею) и 600 руб. (столоначальникам), где одна, самая скромная, квартира и отопление требуют до 300 руб. и более. О канцелярских же чиновниках и служащих нечего и говорить: они влачат существование, в буквальном смысле слова, жалкое, ибо на всех их положено всего 2000 руб. в год. А так как работы только шаблонной – непечатый край, например – число одних исходящих в иных консисториях доходит до двух и более десятков тысяч (т. е. исключая записки из дел, журналы, протоколы, всевозможные отчетные ведомости и проч. и проч.), то всяк чурается службы в канцелярии консистории, да и из служащих бежит при первой возможности⁸⁰. Отсюда прямой вывод: если и нынешняя консистория неудовлетворительна главным образом из-за ограниченности отпускаемых на нее средств, то нет никакого основания предполагать, чтобы и желаемый новый при епископе орган, да еще объединяющий всю область епархиального управления, был удовлетворительнее: он потребует большее, чем теперь, число платных работников. А если это так, то необходимость вынуждает пока отказаться от учреждения нового органа, а обратить пока внимание на то, нет ли способов к устранению несовершенств теперешней консистории.

Способы эти есть, и хотя не радикальные, но все же могут до некоторой степени улучшить положение консистории.

1) Относительно содержания. Все многообразные дела, производящиеся ныне в консистории, по роду своему делятся на: распорядительные, хозяйственные и следственные. А между тем членов и столоначальников консистории положено по штату 1869 года по 4. Не следует ли, в соответствие сказанным родам дел и по примеру штатов консисторий позднейшего времени (в Омске, Иркутске и др.), сократить изменить число штатных членов, вместо 4, на 3 и столоначальников тоже, вместо 4, на 3 – по крайней мере в консисториях необширных епархий? От такого сокращения получился бы остаток от ассигнуемых ныне на содержание консистории сумм на 1100 руб., который и можно бы распределить между остающимися штатными членами и чиновниками, пропорционально получаемым ими теперь окладам. – Во многих консисториях средства содержания служащих в них усиливаются средствами местными. Например, практикуется во многих консисториях повышение платы за бланки листов для церковных книг – метрических, обыскных, приходорасходных и проч., печатаемые в синодальной типографии и рассылаемые консисториями по церквам, – вдвое и более против цены типографии; иным консисториям отчисляется некоторый процент от прибылей по операциям свечных заводов и т. п. Не следует ли распространить эти местные средства на все консистории? Правда, это был бы налог на суммы церковные, но налог, пожалуй, менее тяжелый и несправедливый, чем отчисление из тех же сумм на содержание духовно-учебных заведений, жалование благочинным, депутатам епархиальных съездов, членам свечных заводов и др. Относительно личного состава консистории: а) Члены консисторий. При введении штатов консисторий 1869 г., с назначением содержания членам, которого они дотоле не получали, Святейший Синод, между прочим, разъяснил (указ 19 декабря 1869 г.): «При избрании кандидатов на вакансии штатных членов консисторий из лиц, удовлетворяющих условиям, требуемым § 282 Уст. коне. (по изд. 1883 г. § 280)», необходимо принимать в соображение, могут ли эти лица, по летам и здоровью, исполнять обязанности, возложенные на членов консисторий Уставом сих учреждений; ибо, при назначении некоторых из этих членов жалованья, имелось в виду, что они будут, согласно § 298 (по изд. 1883 г. § 295) Уст. коне., действительными наблюдателями за делопроизводством во вверенных им столах консисторской канцелярии и действительными распорядителями оных. Согласно с сим епархиальные преосвященные обязываются ныне же тщательно проверить, насколько наличные члены консисторий соответствуют изложенным в сем пункте условиям, и немедленно представить о тех из них, которых признано будет нужным уволить от должности или перечислить из штатных в сверхштатные члены, имея при том в виду, что членами консисторий могут быть лица, лишь постоянно живущие в губернском городе или в таком от него расстоянии, которое не затрудняло бы их являться в консисторию во все присутственные дни. Ст.ст. 306, 308, 335, 342 и 351 Уст. дух. коне, говорят о том же надзирательстве и распорядительстве в отдельных столах членов. И еще: ст. 27 т. 2 ч. 1 общ. губ. учр., изд. 1892 г., гласит: «Обыкновенные заседания начинаются в 8 часов утра и закрываются не ранее второго пополудни. Впрочем, по общему всех присутствующих согласию, дозволяется открывать заседания и позже упомянутых часов, но с тем, чтобы присутствующие по тому положению непременно уже все одно время, а не в разные

часы, проезд и выезд имели и находились в присутствии не менее узаконенных пяти часов, в случае же нужды – и долее сего времени, дабы ни малейшего в делах запущения не было». Статья эта не обязательна и для членов консисторий, ввиду 288 ст. Уст. дух. коне. – Не следует ли членам напомнить о точном исполнении вышеприведенных узаконений? Ведь раз закон предоставил им право надзора и руководства, то, в случае неисполнения этого закона, они являются ответственными за бездействие власти. Не может смущать их и ст. 296 Уст. дух. коне., по силе которой «ближайший надзор за канцелярией во всех отношениях и ответственность в правильности делопроизводства возлагается на секретаря». Секретарь отвечает за всю канцелярию вообще, каждый же член ответственен за вверенный ему стол, в частности. Что же касается вопроса о времени (часах) пребывания в консистории, то оно вовсе не так продолжительно, чтобы и девать его некуда. Каждый член, не говоря о надзоре и руководстве, прежде чем дело или дела его стола будут в известный день докладываться присутствию, должен ознакомиться с ними, так сказать – изучить, иначе он не может «объяснять» их, как говорит о том ст. 308 Уст. коне., прочим членам. И далее: кто должен в деле, рассматриваемом по журналам и протоколам, особенно судном, писать мотивированное определение? Члены. Коля скоро так, то на это надо время. – При такой постановке дела члены сняли бы с себя нарекания, что они предоставляют преобладающее значение в решении дел секретарю (Церковные Ведомости, 1905, № 11).

б) О секретаре консистории, будучи сам секретарем, воздержусь говорить, а обращаю внимание на университетские лекции профессора Горчакова (1900, с. 189–190), где он говорит об этом институте дословно так: «Секретарь, как главный начальник канцелярии, имеет ближайший надзор за всеми столами, руководит занятиями служащих и несет ответственность за исправность делопроизводства. Но значение секретаря консистории далеко не исчерпывается указанным положением его, в силу особой несоответственной постановки этой должности по отношению к консистории и епархиальному архиерею. Секретарь определяется не консисторией, а обер-прокурором Синода, и им же увольняется. Хотя он и находится под ближайшим начальством епархиального архиерея, но в отправлении своих обязанностей и относительно ответственности перед присутствием подлежит непосредственному ведению обер-прокурора Синода, как наблюдателя за законностью постановлений по Духовному Ведомству, а потому обязан исполнять все его предписания, непосредственно к нему присылаемые, и обязан представлять обер-прокурору как срочные по истечении каждого года, так и временные отчеты о ходе дел о важнейших происшествиях в епархии. Секретарь консистории не только стоит вне ответственности перед присутствием консистории, но даже имеет право входить с предложением к нему, хотя в самые обсуждения не имеет права вступать. Таким образом, он является своего рода прокурором в епархии. Он не только докладывает дела, но имеет право делать самостоятельные представления в случаях, если является разногласие в мнениях членов – с целью их согласования, и, если заметит, что члены консистории пришли к такому определению, которое, по его мнению, несогласно с законами или существом дела, он может здесь указать законы и обстоятельство, на основании которых должно состояться другое постановление. Далее, если бы состоялось решение, с которым несогласен секретарь, то он может войти с особым рапортом к епархиальному архиерею и обер-прокурору Синода и делает отметку в журнале. От него же зависит очередь докладываемых дел. Под его руководством составляются бумаги и доклады. Докладывает он лично или через другое лицо и подает по каждому делу свое заключение». К сказанному профессором Горчаковым добавляю лишь, что в словах его допущена некоторая недомолвка и неточность, а именно: секретарь консистории определяется не обер-прокурором Синода, а Святейшим Синодом (через его канцелярию); рапортует секретарь о решении членов, с которым он несогласен, одному архиерею, а обер-прокурору представляет только копию своего рапорта, поданного архиерею, а затем сообщает тоже копию с резолюций архиерея на решении членов и на своем рапорте; очередь доклада дел определяется ст. 312 Уст. дух. коне., и наконец, составляться бумаги и доклады должны бы не под единоличным руководством секретаря, а и членов; если же последнее – в некотором роде превышение власти – и бывает в действительности, то по необходимости и во всяком случае по независимым от секретаря обстоятельствам.

в) Столоначальники в делопроизводстве консисторском имеют в некотором роде доминирующее значение. Так, по ст. 305, «столоначальники, под руководством секретаря, составляют для доклада подробные записки, выводят справки и выписывают приличные

законы». Из одного уже этого видно, что столоначальники должны обладать и достаточным образовательным цензом вообще и опытом, и знанием законов в частности. А так ли и везде ли такие столоначальники в консисториях? Больше чем сомнительно. Бывает, что исполняют обязанности столоначальников не получившие даже и низшего образования, малоопытные и в законе малосведущие. Почему так, – об этом сказано выше (о средствах содержания консистории): содержать элемент людей достаточно трудоспособных – консистории не по силам. А следовало бы: столоначальникам не должны быть чужды не только знания общих законов гражданских, а и специальных, как-то: Закона Божия, канонов, Регламента и т. д. (ст.ст. 6 и 305 Уст. дух. коне.). – Вышучивают, что столоначальники (разумеется, не консисторские только) управляют Россией. Шутка злая и обидная, но, пожалуй, не только для столоначальников, сколько для других, им же ведать надлежит. Например, Щедрин (т. 1, кн. 1, с. 51) вот что говорит, между прочим, о журналах губернского правления: «(часть журнала) приказали, т. е. то место, в котором должна выразиться самобытная деятельность коллегии, бывает, по народному выражению, короче утиного носа и обыкновенно выражается в словах о содержании справки дать знать такому-то, или: предписать такому-то, чтобы поступил на законном основании». А в частности, о консисторских столоначальниках свидетельствует один из секретарей консистории так: «(они) главные работники, на них лежит вся тяжесть делопроизводства – приготовление бумаг к докладу, составление определений в окончательной форме, исполнение их и проч.» (Церковный Вестник, 1905, № 10).

г) Об обязанностях и качествах прочих штатных чиновников: регистратора, архивариуса и казначея, – смотрителя дома – довольно подробно объяснено в самом Уставе консистории и, главное, что ко всем им должно быть предъявляемо; и, если они аккуратны, точны и безусловно честны, – существо дела пострадать не может. В частности же, относительно регистратора нелишне сказать, что по Уставу консисторий на него возложены некоторые обязанности, им неисполнимые и обыкновенно не исполняемые. А именно: журнал (ст. 318 Уст. дух. коне.) должен составляться регистратором (ст. 322 там же). Но у регистратора достаточно работы и без того: ему надо принять и распределить по столам вступившие и разослать по назначению исполнительные бумаги⁸¹ главное же, он никоим образом не в состоянии принять участие в составлении докладной части журнала без столоначальника – в его распоряжении нет ни самой бумаги или дела, ни материала для справок, – да не он делает и доклад присутствию. Вся эта работа лежит и должна лежать на столоначальнике. Однородно с предыдущим и требование ст. 338 Уст. дух. коне., по которой регистратор обязывается следить за срочными представлениями, которые должны быть отправлены из консистории. Об этом естественно заботиться тем, от кого те сведения должны доставляться, как-то: столоначальникам, членам столов, казначею, архивариусу, а прежде всего секретарю, на что и указывают ст.ст. того же Устава: 306, 337, 339, 346 и 356.

• 2) Делопроизводство консистории страдает главным образом оттого, что консистории мало предоставлено самостоятельности в действиях вообще и – в частности – каждому столу; почти все, от малого до большого, должно восходить на утверждение преосвященного, а что и предоставлено компетенции консистории, то непременно должно быть разрешено всем присутствием. А отсюда и присутствие и преосвященный отягощаются многими делами маловажными. Так: по ст. 309 Уст. коне., «присутствию докладываются все поступающие в консисторию дела и бумаги». Почему именно все, – объяснить трудно. Например, есть просто уведомления о получении от консистории и вручении ее повесток, метрических свидетельств, денег, в количестве иногда коп., и т. п. Всем этим бумагам обычное по настольному реестру решение: «приложить к делу». Между тем, кроме того, что уведомление то, по букве приведенной статьи, должно быть заслушано и решено присутствием *in corpore* в сказанном смысле, – оно еще должно быть и за подписью в докладном реестре (по 321 ст. Уст.) членами в числе не менее трех. А таких бумаг за время заседания присутствия бывает обыкновенно докладываемо наполовину. И вот, присутствие томится при докладе таких бумаг, а настольный реестр переходит из рук в руки членов для сбора подписей. Не проще ли подобные бумаги просто изъять из предметов доклада присутствию, предоставив одному члену, в столе которого бумага, положить, и не выходя из канцелярии, сказанную резолюцию и за подписью ему одному? – Или: поступает прошение о выдаче метрики, например о рождении и крещении, где указаны родители, место и время события. Справкой архивариуса все эти обстоятельства подтвердились и проверены по метрической книге членом. Казалось бы, раз проситель имеет право на

получение, и, по справке и поверке, обстоятельства совпадают с объяснением просителя, то остается только выдать метрическое свидетельство. Нет, документ – важный, а по делам важным нужно составить по меньшей мере журнал (ст. 318 Уст. дух. коне.), журналы же должны восходить на утверждение архиерея. И вот, составляется журнал и представляется на архиерейское утверждение. А так как на все это надо время, если даже обойти порядок очереди в докладе дел, то метрику можно получить не ранее недели, между тем она часто бывает нужна чуть не в день же просьбы (при определении детей в учебные заведения, при браках и проч.). Но, может быть, имеет особое значение журнал и на нем подписи всех членов, секретаря и столоначальника и архиерейское утверждение? В сущности, никакого: они основываются только на справке архивариуса и члена, проверявшего акт, и, если бы последние допустили недосмотр или злоупотребление, то устранить этот недосмотр можно разве только так, чтобы каждый из подписавших журнал еще лично перепроверил удостоверенное, чего в действительности не бывает. Журналы метрические составляют около половины всех журналов по консистории. Поэтому, если бы предоставить проверку метрических актов только члену, а не то и секретарю, а затем и выдачу свидетельств (без журналов) за подписью только тех же лиц и архивариуса (а не столоначальника, как теперь), то существо дела от того не только бы не пострадало, а, напротив, выиграло бы и в то же время избавило бы от бесцельного труда и нареканий за волокиту – столоначальника, членов и архиерея, не участвовавших в проверке.

К подобного же рода журналам должны быть отнесены и все, касающиеся денежных поступлений и расходов, исключая тех, о которых говорится в ст.ст. 319 и 345 Уст. дух. коне. Ныне, по силе 318 ст. Уст., должен быть непременно составлен и утвержден архиереем журнал, хотя бы дело шло о поступлении и расходе нескольких копеек, например, – о записке на приход и о выписке в расход 15 коп., представленных на покупку паспортной книжки, 75 коп. – гербовой марки и т. п. И таких журналов не мало. Если казначей, секретарь и заведующий хозяйственным столом член вздумали бы злоупотребить суммами, то журналы тут не оградили бы от злоупотреблений, а разве дали бы еще повод прикрывать те злоупотребления. Гораздо действительнее есть иные средства: денежный настольный реестр, ведомый присутствием (ст. 343 Уст. дух. коне.), книга почтовых повесток (указ Св. Синода 31 мая 1886 г.), ежемесячное свидетельство сумм присутствием и – по окончании года – ревизионным комитетом (ст. 346 Уст. дух. коне.), представление архиерею ежемесячно ведомостей о движении сумм (указ Св. Синода 1868 г., № 24) и внезапные ревизии (указ Св. Синода 1887 г., № 3). Поэтому следовало бы совершенно прекратить составление журналов по подобного рода денежным суммам, за сказанным выше исключением, и предоставить распоряжение ими члену хозяйственного стола, секретарю и казначею под ответственностью их.

Уже и из приведенных примеров, кажется, достаточно ясно, что не всякая бумага и дело должны докладываться всему присутствию и не по всем предметам необходимо составлять журналы, о чем ныне составляются. Кроме того, даже и в тех случаях, когда действие консистории должно быть внесено в журнал (ст. 318), не представляется необходимым, вслед за составлением журнала, не обращать его к исполнению, а представлять предварительно архиерею. На это указывает ст. 332 Уст. коне. На основании ее журналы, тотчас по подписании, могут быть обращаемы к исполнению, а к архиерею могут представляться раз в месяц «для засвидетельствования их исправности».

Непроизводительная трата времени и труда со стороны консистории является и в следующих, например, случаях. Архиерей разрешает единолично, на основании примеч. к ст. 3 т. 10 ч. 1 зак. гражд., браки не достигшим гражданского брачного совершеннолетия, полагая резолюцию иногда в одно слово: «разрешается», и это разрешение (резолюция) сдается из архиерейской канцелярии в консисторию для исполнения даже и тогда, когда проситель налицо. Не проще ли было бы это решение сдать просителю под расписку прямо на руки из архиерейской же канцелярии или препроводить его из той же канцелярии непосредственно причту, имеющему венчать брак? То же нужно сказать и о многих других единоличных, без посредства канцелярии, решениях архиерея, например: об утверждении церковных старост (§ 15 инстр. церк. стар.), присоединениях к православию (ст.ст. 22 и 25 Уст. дух. коне.) и т. д. Конечно, в этих случаях труд консистории не велик – рассуждения не требует, но все-таки он есть и отнимает время, а бумага поистине волочит: ее принимает под расписку дежурный чиновник, записывает в дежурную книгу; от дежурного она передается под расписку секретарю; от секретаря сдается под расписку регистратору; от регистратора поступает в стол под расписку к столоначальнику; здесь вносится

в настольный реестр и, если не заводится по ней новое дело, то во всяком случае должна быть внесена в алфавитный реестр с отметкой, к какому общему делу относится; затем докладывается присутствию, где все решение может состоять лишь в том, что «сообщить причту резолюцию архипастыря», причем однако, как замечено ранее, такое решение (по настольному) заподписывается по крайней мере тремя членами; после этого пишется указ причту за подписью члена, секретаря и столоначальника, который сдается регистратору для внесения его в исходящий журнал и отправления по назначению, причем в докладном реестре, кроме сказанной членской резолюции, делаются отметки: когда бумага доложена, когда дана (членская) резолюция, когда исполнение сделано и № и год дела, к которому бумага принадлежит. И это, надо заметить, один из самых простейших способов исполнения и самых простейших архипастырских резолюций!

Таким образом, предоставление большей самостоятельности и самостоятельности каждому члену стола и присутствию и деятельности архиерейской канцелярии имело бы прямым своим последствием меньшее обременение бумажным делом и архиерея, и присутствия, и канцелярии консистории, да с большим успехом (скорее) удовлетворялись бы интересы и тех лиц, коих касается консисторское делопроизводство.

3) О выделении из консистории церковного суда и об организации его в соответствии с церковными канонами и началами гражданской судебной реформы 20 ноября 1864 года – вопрос не новый: он, как объяснено и в предложении г. синодального обер-прокурора, служил предметом живых обсуждений и церковной нашей иерархии и гражданского судебного ведомства еще 30 лет назад, но разрешения не получил. Ныне вопрос о судебной реформе суда духовного возбужден снова, и г. обер-прокурор предлагает воспользоваться при разрешении его тем материалом, что выработан тогда, т. е. 30 лет назад. По сводке же этих работ и материала «Орловские Епархиальные Ведомости» (см. «Енис. Епарх. Вед.» № 22, с. г.) находят возможным организовать в епархии следующие судебные инстанции духовного суда: 1) выбранный благочинием не занимающий никакой административной должности судья-пресвитер; 2) съезд судей уезда, как апелляционная инстанция на постановление судьи; 3) епархиальный суд пресвитеров, выбранных духовенством, не занимающих административных должностей, во главе с епископом. Наконец, вне епархии: 1) апелляционный суд епископов во главе с митрополитом на решение епархиального суда и 2) суд соборной поместной российской Церкви. Епархиальный суд на всех инстанциях должен быть гласный, устный, чуждый теории формальных доказательств и письменного производства». Система судостроительства стройна и совершенно в духе судебных установлений 20 ноября 1864 г.: здесь и мировой судья, и съезд мировых судей, и окружной суд, и судебная палата, и Правит. Сенат (с апелляционными и кассационными инстанциями). Но осуществима ли? Подлежит большому сомнению. Прежде всего, возникает вопрос: где на то средства? Ведь как-никак, а и при этих судах гласных (не бумажных) без канцелярии не обойтись, и, пусть они будут доведены до максимальной простоты и дешевизны, все-таки чего-нибудь да будут стоить. Народится же их немало: при каждом судье-пастыре, при съездах судей уезда и т. п.? Не могут не отразиться съезды и разъезды пастырей и на интересах приходов в отношении исправления богослужения и треб в них и даже церковного хозяйства: нет службы в церкви, нет и дохода. Да нужно будет, само собою, положить вознаграждение судьям и за труд и ущербы по упущениям в собственном хозяйстве, когда они из сельских землеробов. Это – одна сторона дела. А вот и другая. Суду епархиальному подсудны дела священнослужителей и псаломщиков о проступках и преступлениях против должности, благочиния и благоповедения. В количественном отношении, слов нет, их много; но в отношении квалификации преступлений и проступков, таких, которые бы влекли за собою самые тяжкие меры взыскания, каковы: для священнослужителя – лишение сана и для псаломщика – исключение из Духовного Ведомства, – во всех епархиях, даже больших, они наперечет. Кроме того, так как большинство дел, влекущих за собой сказанные последствия, – дела характера уголовного и, как таковые, ведутся в суде гражданском в общем порядке уголовного судопроизводства, то, исключив эти последние, на долю суда епархиального и вовсе немного останется дел, для которых являлась бы необходимость заводить столь громоздкое судостроительство. Да везде ли оно существует (судостроительство по началам 20 ноября 1864 г.) в полном объеме и в судах гражданских? Далеко нет. Пример тому – реформированные суды здесь, в Сибири, где судьи не выборные, а коронные, где ни института съезда мировых судей, ни присяжных вовсе нет, где следствие в некоторых случаях то же

бумажное с допросом свидетелей под присягой, что и в судах дореформенных, где, опять-таки, в некоторых случаях, явка к суду сторон (обвинителей и даже обвиняемых) и свидетелей и состязание на суде необязательны, а апелляционная и кассационная инстанция для некоторых дел кончается судебной палатой, не доходя до Сената.

По изложенным данным и соображениям, не достаточно ли будет, по крайней мере для епархий немногочисленных, но с территорией в несколько тысяч, дело судопроизводства и судоустройства поставить так. 1) Избирать для благочиннического округа года на три судья-пастыря, а если благочиние большое по числу церквей и духовенства, то и помощника к нему, предоставив разбирать и решать дела духовенства между собой и мирянами небольшой важности, притом одни в окончательной форме и другие с правом апелляции. Он же, судья-пастырь, должен быть и следователем по делам, подлежащим юрисдикции консистории, причем мог бы поручать производство следствий и своему помощнику, но под своим надзором и руководством и с тем, чтобы в некоторых случаях, например, при дальности расстояния от консистории (до 200 в.), когда явка их в консисторию затруднительна, показания свидетелей отбирать за присягой. 2) Предоставить консистории ведать дела большей важности, причем с тем, чтобы: во-первых, дела рассматривались и решались ею в составе штатного члена (судного стола) и двух членов выборных сверхштатных, при секретаре и столоначальнике; во-вторых, чтобы к судебному следствию – устному, состязательному – вызывались стороны и свидетели, но, однако же, неявка их, при дальности расстояния и по другим законным причинам, не должна быть поставляема им в вину и не останавливать ход дела. От обязательной явки свободны и обвинители – должностные лица (например благочинный). Неявившаяся сторона может вместо себя послать доверенного из лиц духовных; в-третьих, чтобы приговоры консистории были – одни в окончательной форме и другие с правом апелляции и основывались не столько на формальных доказательствах, сколько на внутреннем убеждении судей о вине или невинности подсудимого; и в-четвертых, судопроизводство непосредственно архиерейское (ст. 155 Уст. дух. коне.) должно остаться без изменения, как суд нравственного порядка.

Из дел, подсудных епархиальному начальству о людях мирских, следовало бы передать в ведение суда гражданского дела о нарушении святости брака прелюбодеянием – по крайней мере в той части их, которая касается установления самого факта супружеской неверности, т. е. часть судебно-следственную, как вызывающую многие, хотя и несправедливые, нарекания на суд духовный.

Журнал четвертой комиссии, составленной для обсуждения вопросов:

а) о порядке приобретения церковной собственности;

б) об участии священнослужителей в общественных учреждениях;

в) о предметах веры и г) об отношении православной Церкви к старообрядцам, сектантам и иноверцам..

1. Слушали: Доклад М. И. Богоявленского по вопросу о порядке приобретения церковной собственности такого содержания:

«По вопросам, подлежащим обсуждению Всероссийского Собора, касательно пересмотра законов о порядке приобретения Церковью собственности, в определении Св. Синода 18–22 марта сего 1905 года замечено, что предмет этот не сложен. А г. обер-прокурор Св. Синода в своем предложении от 28 июня того же года объясняет, что в настоящем случае, очевидно, возбуждается вопрос об отмене того ограничения права приобретения недвижимой собственности не только церквами, но и монастырями и архиерейскими домами, которое состоит в том, что, по законам гражданским и о состоянии, названные установления могут приобретать недвижимость путем купли, дара или пожертвования не иначе как с Высочайшего соизволения.

Вместе с сим, г. обер-прокурором обращается внимание на ст. 698 т. 10 ч. 1 зак. гражд., по которой за духовенством не признается прав юридического лица по приобретению недвижимого имущества, почему, когда является надобность приобрести духовенству, для его нужд и на его средства, недвижимое имущество, то последнее приходится укреплять не за действительным приобретателем, а за фиктивным – епархиальным начальством или учебными заведениями, имеющими право юридического лица. Отсюда поставляется вопрос: желательна ли отмена существующих: а) ограничения и б) аномалии, вытекающей из ст. 699 зак. гражд.?

А) Указываемое обер-прокурором ограничение в праве приобретения архиерейскими домами, церквами и монастырями недвижимых имуществ изложено в ст.ст. 778, 985 и 1429 т. 10 ч. 1 зак. гр. изд. 1900 г. и 443 т. 9 зак. о сост. изд. 1899 г.

Цель этого ограничения, по объяснению г. обер-прокурора, – ограждение церквей и монастырей от приобретений ненужных, невыгодных, спорных и т. п.

Под ненужными приобретениями, конечно, надо разуметь здесь приобретения, не соответствующие целям церквей, монастырей и архиерейских домов, или приобретения сверх насущных потребностей сих установлений (что имело место особенно в давнее время, когда, например – в царствование Ивана 4, целая треть государственных земель оказалась в руках церквей и монастырей. Макарий. История . Т. 8, 229–242).

Под невыгодными приобретениями разуметь надо, прежде всего, те, которые вместо пользы могут приносить иногда и сим установлениям вред (например монашествующих вовлекать в многосложный мир житейских забот, в жизнь недостойную звания и т. п.) и косвенным образом отягощать и общество (например, с переходом недвижимости в собственность церквей, монастырей и архиерейских домов, недвижимость та в большинстве случаев освобождается от государственных податей и повинностей. Секуляриз. проф. Павлова и лекции по церковному праву проф. Горчакова).

Под спорными же – те, когда приобретается недвижимость от таких лиц, которые сами не имеют на нее права собственности, или хотя и собственники, но иногда не дееспособны; когда само имущество по свойству своему – из таких, что не может быть, с одной стороны, отчуждаемо, а с другой – приобретается; когда нарушаются интересы третьих лиц и т. п. Приобретения подобного рода влекут за собой одно обременение судов напрасными тяжбами, а тяжущиеся несут судебные и за ведение дела издержки.

Вот те главные причины, которыми можно объяснить предъявление к церквам, монастырям и архиерейским домам требования приобретать недвижимость не без ведома и не без соизволения Государя.

Настоят ли необходимость, чтобы и ныне Государь Император принимал непосредственное наблюдение за приобретениями недвижимостей церквами, монастырями и архиерейскими домами? На этот вопрос дает прямой ответ в смысле отрицательном все больше и больше теперь повсеместное стремление к децентрализации государственной власти и предоставлению самоуправления местного.

В самом деле, если теперь и возможны где-либо и почему-либо сказанные ненужность и невыгодность приобретений для церквей, монастырей и архиерейских домов, то исследовать и установить факт: нуждается или нет церковь, монастырь и архиерейский дом в данном приобретении и не будет ли кому вреда и ущерба от того приобретения? – ближе и вернее,

разумеется, никому иному как местному епархиальному начальству. Коррективом такого исследования и установления может до некоторой степени служить, тоже местная, власть гражданская. Что же касается ограждения установлений Духовного Ведомства от приобретений спорных, то достигнуть этого едва ли трудно, если епархиальное начальство будет в точности следовать разъяснению общего собр. кассац. департ. Правит. Сената от 19 сентября 1877 г. и определению Св. Синода от 19 мая— 10 июня 1878 года за № 806, где достаточно подробно объяснены порядок и условия, как в отношении жертвователей или продавцов, так и документов и сведений о жертвуемой или продаваемой недвижимости, гарантирующие бесспорность.

Особенно бесполезны и нежелательны какие бы то ни было ограничения в деле приобретения для церквей сельских и вообще бедных. Церковь, разумея под этим именем церковную общину (приход), имеет очень много нужд. Она нуждается, прежде всего, в храме Божиим и само собою, благоприличном, прочном, поместительном, снабженном достаточно утварью, ризницею, богослужебными и веронравоучительными книгами, звоном и т. д.; нуждается в поддержании своего храма и его имущества в целости и благоприличии ремонтом, отоплением, освещением, окарауливанием, обновлением и восполнением утвари и проч., нуждается в церковном причте с обязанностью содержать последний (денежно, домами и землей или ругой), нуждается в благотворительных и просветительных учреждениях при храме (школе, богадельне и проч.). Обязанность удовлетворять все эти нужды лежит *de jure* на всех членах приходской общины и притом в одинаковой мере, *de facto* же бывает так редко. Во-первых, члены приходских общин не все одинакового достатка, а часто и вся община бедна настолько, что ей не по силам нести и самые насущные приходские обязанности; и во-вторых, бывает и то, что скопляются — долго ли, коротко — наличные при церкви деньги, а домов или земли для причта нет, нет здания для школы и т. д. Но, вот, на помощь и на счастье бедной церкви является иногда благотворитель-жертвователь, а при наличности капитала, но при отсутствии нужной недвижимости представляется случай приобрести подходящую и выгодно недвижимость. Казалось бы, чем скорей, тем лучше осуществить приобретение. Но дело должно идти и пошло по инстанциям и, разумеется, не без задержек то здесь, то там. Между тем за это время волокиты сплошь и рядом случается, что жертвователь охладевает в своем намерении или теряет так или иначе, что предлагал в дар и т. п., а продавец утомляется ждать и находит другого покупателя, более выгодного, и вот получилось разрешение принять дар или купить, но ни жертвователя, ни продавца уже и налицо нет.

По изложенным данным, а также принимая во внимание впервых определение Св. Синода от 18 марта 1904 года за № 1533, о передаче некоторых дел из центральных и высших правительственных установлений в учреждения местные, и во-вторых — то обстоятельство, что и такие юридические единицы Духовного Ведомства, как например братства, приюты и проч., имеют право приобретать и отчуждать недвижимости, не испрашивая на то Высочайшего соизволения (опр. Правит. Сената «Церковные Ведомости», 1901, № 10), а с разрешения лишь или власти епархиальной, или Святейшего Синода, — и полагал бы по вопросу об ограничении желательным следующее: ограничение в порядке приобретения и отчуждения недвижимостей не отменять, но право такого ограничения предоставить: по отношению к церквам — единственно юрисдикции епархиального начальства и по отношению к монастырям и архиерейским домам — Святейшего Синода, по предварительном в том и другом случае истребовании отзыва или заключения власти гражданской (губернатора или подлежащего министерства).

Б) Содержание ст. 698 т. 10 ч. 1, зак. гражд. изд. 1900 г., по силе которой духовенство в деле приобретения не признается за лицо юридическое, таково: «Все прочие имущества (исключая государственные и удельные), по различию самых имуществ, могут приобретать: 1) члены Императорского Дома; 2) дворцовые управления; 3) казна; 4) дворянские общества, а также земские учреждения; 5) епархиальные начальства, монастыри и церкви; 6) кредитные установления; 7) богоугодные заведения; 8) ученые и учебные заведения; 9) частные лица; 10) сословия лиц, как-то: товарищества, компании, конкурсы». Почему по изложенной статье в числе лиц юридических нет духовенства — объяснить трудно. Исключить его можно по тем же соображениям, что сказано выше об ограничении приобретать недвижимость церквами, монастырями и архиерейскими домами не иначе как с Высочайшего соизволения (например: духовенство, обременяя себя недвижимостями, может отвлекаться от прямых своих обязанностей пастырских), или по предположению, что духовенство как отдельного прихода (церкви), так и целой епархии составляло в том и другом случае только часть целого прихода

или епархиального начальства. Но ни соображения первого рода, ни предположения о неразрывности с целым едва ли имеют достаточное основание на подобное исключение. Соображения о сказанном ограничении, как говорено ранее, не имеют уже ныне особой силы; материально же духовенство в некоторых случаях совершенно независимо от прихода и епархиального начальства. Так например, бывают пожертвования именно в пользу причта капиталом и недвижимостями, на вечное поминовение жертвователей, и пожертвованиям этим не может дать иное назначение ни приход, ни епархиальное начальство: они составляют неотъемлемую собственность только причта и никого другого. Или: духовенство всей епархии или данного округа, в заботах об образовании своих детей, добровольно облагает себя взносами на постройку или покупку земли и зданий для учебных заведений, чтобы открыть в них параллельные или старшие классы, или даже открыть учебное заведение новое. Кто почтется хозяином этих приобретений? Естественно, что покупатель, строитель – духовенство епархии или округа. Даже епархиальное начальство здесь ни при чем: оно может разве только не разрешать почему-либо открытия заведения или классов при существующих. Ввиду таковых данных, я полагал бы выразить желание, чтобы п. 5 ст. 698 т. 10 ч. 1, зак. гражд. изд. 1900 года, был дополнен предоставлением права приобретать недвижимые имущества: церковным причтам, духовенству округов и всей епархии».

Постановлено: Предположение г. Богоявленского об изменении порядка приобретения недвижимости церквами, монастырями и архиерейскими домами признать заслуживающим уважения и представить таковое на рассмотрение общего епархиального совещания по обсуждению вопросов, предложенных указом Святейшего Синода от 27 июля сего 1905 года.

2. Слушали. Доклад А. Г. Смирнова по вопросам об участии священнослужителей в общественных учреждениях и о предметах веры следующего содержания:

1) В переживаемое нами время вполне сознана необходимость в наиболее близком, в наиболее тесном соотношении между пастырем и паствою, настолько, чтобы внешние условия жизни паствы были близки пастырю и наоборот. Вместе с этим сознана необходимость в наибольшем проникновении общественной жизни христианскими началами. Нельзя при этом опустить из вида, что в сельских приходах священник и теперь – выдающаяся интеллигентная сила, а при нарождающихся условиях наиболее законной общественности желательно, чтобы положение священника, как выдающейся интеллигентной силы, опирающейся на начала высокой морали, не только не колебалось, но, чтобы предстало пред обществом еще более устойчивым. Поэтому полагаю вполне целесообразным предоставить священно-и церковнослужителям широкую возможность быть деятельными членами в общественной жизни, с правом не только участвовать в выборах в земство или в городскую думу, но и быть избранными в гласные там и тут, а также участвовать и на сельских сходах. Чем больше в этих учреждениях будет людей, в слове и в деле опирающихся на высокие нравственные принципы, тем лучше. Это вполне отвечает задачам Церкви. Слово имеет цену, а дело – несравненно большую. Находясь в водовороте жизни среди своей паствы, священник обладает наибольшей возможностью наблюдать за тем, чтобы в его словесное стадо не ворвался с какой-либо стороны волк. Пастырь, стойкий в мирских делах и отстаивающий право и правду, будет наиболее авторитетным и на своей кафедре. К тому же, знание жизни даст проповеди его наибольшую жизненность и наибольший интерес.

2) Г. обер-прокурор Св. Синода предполагает, что каноническому обсуждению Собора будут подлежать и предметы веры. Не подлежит сомнению что в этой области предметом обсуждения может быть не содержание догматов веры, которые неприкосновенны, а лишь обряд церковный. Можно предполагать, что Собор будет иметь суждение о том, насколько каноны Церкви и богослужебная практика отвечают запросам настоящего времени. Нередко случается, что мирянин, смущенный несоответствием жизни с требованием законов, впадает в раскол, в ересь или в индифферентизм. Очень может быть, что Собор и из этой области примет к своему разрешению, по крайней мере, некоторые вопросы. К их разряду возможно, например, отнести следующие: а) Вопрос о богослужебном уставе. Круг общественного богослужения распадается на 9 частей, из которых каждая приурочена к известному часу, но в действительности, например, в приходских церквах, богослужение состоит только из двух частей. Нельзя не видеть здесь нарушения устава. Поэтому считаю бесполезным создать для приходских церквей такой устав, который в составе богослужебных молитв и песнопений сохранил бы все существенное из настоящего устава, как наследие древней Церкви, но расположил бы чтения и песнопения в

соответствии с частями и характером службы, б) Вопрос о чинопоследовании св. таинств. Прежде всего, предваряющий крещение чин оглашения возможно, полагаю, перенести на время сознательной жизни дитяти, например, ко времени первой исповеди, и самую форму отрицания от сатаны упростить. При говеньях многих сот человек зараз, чтобы избежать неизбежного при данных условиях формализма в деле исповеди, возможно допустить чин общей исповеди. В интересах благоговения возможно назначать для причащения детей совершение особой литургии, где то возможно. Жизнь указывает на необходимость сделать в чине елеосвящения изменение в смысле совершения этого таинства одним священником, в) Язык наших богослужебных книг требует тщательного исправления, чтобы он был вполне доступен пониманию. Но это не должно значить того, чтобы богослужебные книги были непременно переведены на русский язык. Против этого говорят, как любовь русского народа к славянскому языку, так и значение его в деле соединения всех славянских племен в родной православной вере. Это значит только то, чтобы путем исправления богослужебных книг сделать язык их (славянский) понятным и для не учившихся славянской грамоте. Исправленные книги вводиться в употребление должны с разумной постепенностью, и они не должны умалять и упразднять существующих ныне, г) Жизнь вызывает авторитетное слово и по вопросу о постах. Необходимо идее поста найти иное выражение, более соответствующее настоящим условиям жизни, д) Необходимо увеличить число храмов. При этом забота о благолепии храма должна уступить потребности христианской общины в общих для молитвы собраниях. Пусть помещения для этих собраний будут самые скромные по размерам и обстановке; пусть не опускается из вида, что Дух Святый сошел на апостолов не в великолепном храме, а в горнице. Только таким путем, при ограниченности народных средств, возможно будет питать духовною пищею русский деревенский народ, е) В народе простом очень нередко замечается совершенно неправильное отношение православных к святым иконам. Отсюда обвинение православных в идолопоклонстве, а отсюда соблазн православных и затруднение мятущейся совести, как примирить два таких положения, что, во-первых, «взирающие на иконы побуждаемы бывают воспоминать и любить первообразных им и чествовать их» и что, во-вторых, должны «чествовать их лобзанием и почитательным поклонением», и по этому предмету требуется авторитетное и вполне определенное постановление Собора, а также и по вопросу об отношении к святым мощам.

Постановлено: Доклад г. Смирнова по изложенным вопросам признать во всех частях его заслуживающим уважения и представить таковой на рассмотрение общего епархиального совещания по обсуждению вопросов, предложенных указом Святейшего Синода от 27 июля сего 1905 года.

3. Слушали- Доклад А. М. Мышкина по вопросу об отношении православной Церкви к старообрядцам, сектантам и иноверным следующего содержания:

«Манифест 17 апреля 1905 года, объявивший «свободу верования и молитв по велениям совести», подобно утреннему рассвету возвестил близость трудового дня для православной Церкви. Совершилось великое раскрепощение. Объявлена свобода совести, которая по самой природе своей ничего не имеет общего с внешним принуждением. Конец двухвековой системе отношений к иномыслию и иноверию, системе не оправданной историей, несправедливой, вредной и совершенно неуместной в области религии и Церкви. Сфера действий последней – область совести. Спали золотые цепи с Церкви, которые были тяжелым ярмом – по откровенному признанию митр. Антония – для деятелей – на ниве Христовой. Слова манифеста: «призывая благословение Всевышнего на это дело мира и любви и уповая, что оно послужит к вящему возвеличению православной веры, порождаемой благодатию Господней, научением, кротостью и добрыми примерами», эти слова возвращают Церковь к тому высокому призванию, к которому она и была предназначена ее Божественным Основателем. Она призвана к борьбе и подвигам, что составляло всегда ее подлинную жизнь. К глубокому сожалению, при существующем укладе церковно-юридического строя и быта, господствующая православная Церковь не может надлежащим образом выполнить свое назначение. Было б непростительной ошибкой возлагать надежды на крупные успехи существующей миссионерской организации. Поэтому акт веротерпимости да послужит преддверием целого ряда других церковных реформ, потому что только при таких условиях и в такой обстановке может получить надлежащее направление и плодотворное разрешение и вопрос о миссии Церкви. Миссия Церкви стоит в тесной, органической связи со всей церковной жизнью, она есть только ветвь на великом древе, для оздоровления которой необходимо поднятие общерастительной жизни дерева.

Одним из первых вопросов предстоящего Всероссийского церковного Собора должен быть вопрос о необходимости предоставить ей больше самостоятельности, по крайней мере в тех размерах, в каких она дана уже иноуму и иноверию. Автономия последних такова, что ставит упомянутые общества в более благоприятное положение, чем то, в каком находится ныне признаваемая господствующая Церковь православная. Ведь для Церкви важнее сознания своей правоты пред внешними должно быть сознание правоты своей внутренней. И только Церковь свободная в исповедании полноты своего самосознания, во внутреннем строе своем, в служении слова своего, в управлении всех дел своих, только свободно самоуправляющаяся Церковь может поддержать в чадах своих полную, чистую веру в себя. Теперь нужно вызвать к жизни все спавшие доселе духовные силы народа, теперь нужны «явления духа и силы», подъем религиозно-нравственных сил во всем теле Церкви. Вся Церковь, всякий верующий, иерарх и мирянин – должны нести теперь посильную лепту на миссионерское дело Церкви.

Обращаясь к этому последнему, необходимо здесь вдохнуть жизнь в то, что умирало, оказать поддержку тому, что упало, уничтожить то, что уже отжило. Церковь должна собрать, объединить, подыскать всех борцов – миссионеров.

Если таких людей мало, она должна обратить серьезное внимание на подготовку, воспитание их, на реформу настоящей духовной школы. Эта реформа должна состоять в сообщении изучению расколо-сектантства и инославия жизненности, свободы, что требуется подвижностью, текучестью самых этих религиозных течений. Изучение это должно быть чуждо улицы, а потому необходимо снять с будущих воспитанников духовной школы обязательство принимать участие в публичных беседах.

Институт специальных миссионеров – епархиальных, окружных, участковых – должен пока остаться ввиду необходимости иметь людей – экспертов, знатоков. Им принадлежит руководство миссионерским делом.

Но самое делание является теперь первой и главной обязанностью приходской миссии. Только приходский священник и его пасомые в состоянии не только возбудить своим словом мысли и чувства слушателей, что делают специальные миссионеры, но и доказать делом. Кому, как не приходскому священнику, сподручнее дело миссии, налагающей обязанности прежде всего понять психику заблуждающегося, понять те сомнения и вопросы, какие мучат последнего, уловить тот идеал, который предносится его сознанию, и начать вместе с ним искать истину и языком понятным показать ее наличность в православной Церкви?

Из широкой области миссионерского делания предстоящему церковному Собору особенное внимание следует обратить прежде всего на проповедническое слово. Настоящее жалкое, тяжелое положение его неоспоримо. Необходимо придать ему жизненный авторитет, которым в такой степени владеют старообрядческие и сектантские проповедники. А для этого необходимо, между прочим, отменить 9 и 12 ст. Уст. дух. коне. Слово церковное должно быть свободно, Церковь сама охраняет и будет охранять свое учение. Авторитет пастыря и проповедника несомненно тогда возвысится. Оставлять в данном случае настоящий порядок – было бы делом и несправедливым ввиду признания свободы проповедания за расколо-сектантством и инославием. Необходимо повсеместное распространение и качественное улучшение посредством катехизаторского метода внебогослужебных и внецерковных собраний, которые могут явиться хорошим противодействием сектантским собраниям.

Большая будущность в деле внутренней миссии принадлежит печатному слову. Необходимо дать ему определенное, беспристрастное, искреннее, свободное употребление и поддержку. Желательно также, чтобы изменился и шаблонный характер приемов полемики, где аргументация защитников православия низводится до степени раскольнического буквализма.

Публичные беседы в деле миссии должны иметь второстепенное значение. Слабую сторону их составляет теоретичность, недостаточное обнаружение тех положительных начал, которыми одушевляется Церковь как целое. Метод аккомодации, приспособительной аргументации должен постепенно измениться. Со словом любви, как средством миссии, связывается дело любви. Необходимо всестороннее возвышение приходской жизни, что особенно требуется тем обстоятельством, что причиной некоторых сектантских заблуждений являются темные стороны народной жизни. Этой цели должна служить реформа, исправление нашего богослужения через внесение в него живой ревности о Господе и перевод или – в крайнем случае – исправление текста богослужебных книг. Необходимо призвать прихожан к активному участию в богослужении. Той же миссионерской цели должны служить кружки из

народа просветительного и собственно миссионерского характера, братства. На эти средства миссии следует обратить самое серьезное внимание ввиду громадного значения их в расколо-сектантстве. Для объединения миссионеров-деятелей должны служить возможно частые миссионерские курсы, съезды и существовать постоянные епархиальные советы по миссионерским делам, по примеру недавно открытого Харьковского Совета.

Особым вопросом, возникшим на почве объявленной манифестом свободы совести и подлежащим разрешению церковной власти, – вопросом, который требует не келейного, а осмотнительного «по мнозе совете» разрешения, является вопрос о единоверцах, точнее – о той статье в правилах единоверия, которой запрещен переход из православия в единоверие, и относительно просьбы дать единоверцам особого единоверческого епископа. Ввиду искреннего и настойчивого заявления последними своей связи, единства с православной Церковью, желательно иметь такого епископа, который в общем управлении епархией был бы на правах викарного, желательно, чтобы оба эти вопроса получили положительное разрешение. Прежнее опасение по этому поводу теряет силу убедительности. Каноническая ссылка неприменима сюда. С учреждением единоверческого епископа создается только самостоятельная Церковь, а не Церковь в Церкви. Желательность положительного разрешения вопроса усиливается от того еще, что единоверие может тогда парализовать развитие «австрийской иерархии».

Все сказанное о миссии среди расколо-сектантства должно найти применение и к инославию. Не может не обратить внимание предстоящий церковный Собор на жалкое положение противоязыческой и противомусульманской миссии и особенно последней. Панисламическое движение, особенно усилившееся в последнее время под влиянием арабской и турецкой печати, одинаково захватывает также и чуваш-черемис язычников. И в то время, как инославные миссии тратят громадные средства для борьбы с исламом, в то время, как у нас насчитывается более чем 17 000 000 мусульман, – мы не имеем, собственно говоря, противомусульманской миссии. Против 17 000 000 мы выставили всего двух трех противомусульманских миссионеров, которые обязаны еще миссионерствовать среди язычников. Необходимо поэтому организовать противомусульманскую и противоязыческую миссии. Необходимо образовать, воспитать инородческих миссионеров, для чего подвергнуть реформе миссионерские курсы и миссионерское отделение при Казанской духовной академии, как единственные учебные заведения, дающие в настоящее время противомусульманских и противоязыческих миссионеров. Необходим специальный противомусульманский и противоязыческий печатный орган, который знакомил бы с новейшими религиозными течениями как в том, так и в другом лагере, с жизнью, историей и бытом русских инородцев».

Постановлено: Признав доклад г. Мышкина заслуживающим уважения, представить таковой на рассмотрение общего епархиального совещания по обсуждению вопросов, предложенных указом Святейшего Синода от 27 июля сего 1905 года.

**№67, преосвященного Питирима, епископа Курского, от 21
января 1906 года**

По вопросу о епархиальных съездах

Епархиальные съезды представляют собою единственную форму, в которой выражается общинная самостоятельная жизнь духовенства и активное участие его в суждениях по вопросам о его собственных сословных, имущественных делах и нуждах. Происхождение названных съездов стоит в связи с реформами царствования Императора Александра 2, даровавшего свободу самоуправления всем сословиям в государстве, в частности же с реформой духовно-учебных заведений, новые уставы которых Высочайше утверждены 14 мая 1867 года.

По широким началам реформы духовно-учебных заведений 1867 года, епархиальное духовенство было призвано к непосредственному участию в обсуждении вопроса об улучшении на счет местных источников экономического быта сих заведений. Епархиальные архиереи, заботясь об экономических улучшениях в местных духовно-учебных заведениях, часто составляли из лиц епархиального и учебного ведомства особые комитеты для изыскания мер, какими можно вывести духовно-учебные заведения из их бедственного экономического положения, или предлагали этот вопрос на общее обсуждение всего приходского духовенства в разрешенных для сей цели священнических съездах. Возникшие по указанным побуждениям, епархиальные съезды только с течением времени стали расширять узкие рамки своей деятельности. Во многих епархиях охотно поощрялось епископами введение в круг рассуждений и совещаний съездов разных других вопросов существенной важности, каковы вопросы: о средствах и учреждениях для призрения вдов, бедных, сирот, престарелых и больных духовного звания, об учительско-воспитательном призвании духовенства в народных школах, об устройстве церковных библиотек, приходских школ, о мерах к распространению доброй нравственности между прихожанами и т. п. Будучи созываемы для решения вышеуказанных вопросов, епархиальные съезды духовенства не имели характера и значения официального учреждения – судебного или административного. Те из постановлений съездов, которые утверждены епархиальным преосвященным, для местного духовенства имеют руководственное значение в потребных случаях и силу обязательных правил.

В течение почти сорокалетнего своего существования, епархиальные съезды своей разнообразно-просветительною деятельностью, если не считать отдельных случаев выборной агитации и выходов против епархиального начальства, показали свою делеспособность и пригодность служить общепархиальному делу и во многих достаточно епархиях оправдывали возлагавшиеся на них надежды и то доверие, с каким отнеслись к ним правящие сферы при их учреждении. «Можно надеяться, – писал в своем отчете за 1866 г. обер-прокурор Святейшего Синода, – что при таком направлении, при постоянном и просвещенном руководстве архипастырей, съезды, сблизив духовенство в интересах пастырского служения, будут со временем весьма важным пособием для епархиальных начальств в их заботах о религиознонравственном преуспевании своих паств. Несмотря на недавность учреждения съездов, они приносят уже добрые плоды». Существующие в епархиях эмеритальные и другие кассы, приюты для сирот, богадельни для престарелых и больных лиц духовного звания, свечные заводы, епархиальные и благочиннические библиотеки, здания духовно-учебных заведений, ассигнование специальных сумм в пособие учащимся, учреждение стипендий, содержание параллельных классов в семинариях, женских и мужских духовных училищ – все это служит показателем полезности епархиальных съездов и дает им право на расширение их компетенции для будущей деятельности.

В настоящее время, когда в России разрешается вопрос о реформе церковного управления, нельзя оставить и епархиальные съезды при одних вопросах о сооружениях, ассигнованиях, при их свечных и других торговых операциях; нужно предоставить им обсуждение вопросов чисто пастырских. В древней Руси священники по установившемуся обычаю ежегодно, в первое воскресенье Великого поста («по чистей неделе на собор», 1 Новгородская летопись 1178 и 1230 гг.), собирались в кафедральный город к своему епископу на собор. Собравшиеся священники не только участвовали вместе с епископом в торжестве православия, но принимали от него архипастырское наставление, распоряжения, и рассуждали с ним о всякого рода своих нуждах. О действиях древнерусских соборов в этом направлении весьма выразительно говорит 4 Новгородская летопись под 1409 годом: «Приспевшу сбору всегодищному, многолетствовахом пастырю и учителю своему: в понедельник же учение слышахом и некая исправления от

законных дел, после же всем прощение и благословение, и отъидохом в свояси». Впоследствии времени, хотя изменялись сроки для соборов и даже ослабевал обычай их созывания, но все же удержалось воззрение на них, как на действительное средство для архипастырского наставления. Ростовский архиепископ Феодосий в окружной грамоте, укоряя духовенство за неявку в течение четырех лет к соборной церкви «для научения любомудрию», созывал оное на собор к празднику Крещения Господня «под угрозою лишения священства».

Воспроизводя собою древнерусские соборы, епархиальные съезды нашего времени, кроме совещательного, могли бы иметь и административное, а в некоторых случаях и судебное значение (исправление слабостей и нравственных недостатков между священнослужителями, примирение враждующих). Особенно таким съездам можно бы предоставить решение более важных вопросов из области церковно-приходской жизни и пастырской деятельности. Там же могли бы быть делаемы сообщения о разных бедствиях, нестроениях в приходах, например аграрных, о сектантских брожениях среди паствы и проч. На епархиальных съездах необходимо председательствовать самому епископу. Рассуждения на предложенные епископом вопросы касательно церковного учения и пастырской практики должны вестись свободно, без всякого стеснения, но утверждение оных должно составлять прерогативу епископа, так как епископ есть главный правитель церковных дел в своей епархии; ему вверена от Бога паства, и он отдаст ответ пред Богом о душах своих пасомых (Апост. пр. 39-е). Можно пожелать, чтобы раньше составления съезда епископ по мере надобности посылал тот или другой вопрос известным своею образованностью лицам, которые бы письменно его разрабатывали и представляли результаты своих исследований в форме рефератов соборному обсуждению. Выработанные таким образом постановления, утвержденные епископом, для всего епархиального духовенства должны иметь обязательную нравственную юридическую силу. Для ознакомления паствы через депутатов с состоянием епархии и выдающимися явлениями ее внутренней и внешней жизни весьма уместно читать на съезде годичный отчет об этом состоянии, а для сохранения историко-генетической связи между епархиальными съездами и для знакомства новых членов съезда с деяниями предшествующих – печатать эти постановления и издавать особыми оттисками в возможно большем количестве экземпляров, рассылая оные во все библиотеки и учреждения епархии и отдельным лицам. Необходимо также, чтобы на епархиальные съезды являлись не только благочинные и другие депутаты-священники, а и диаконы, равно как и миряне. Это дало бы возможность епископу обращаться со своим наставлением к большому кругу своей паствы и лично познакомиться со многими из пасомых. Посему должны быть отменены те синодальные определения, коими усвоится право присутствия на съездах в качестве депутатов только священникам. Это личное знакомство архипастыря с подведомым ему клиром и с некоторыми из мирян будет расширяться по мере ежегодного обновления личного состава епархиальных съездов. Посему необходимо на съезды ежегодно присылать новых депутатов. Наконец, как и для всякого учреждения, служащего известной цели, епархиальным съездам необходима более подробная регламентация их деятельности и области их компетенции, времени их созывания и состава.

**№68, преосвященного Николая, архиепископа Карталинского и
Кахетинского, экзарха Грузии, от 26 ноября 1905 года**

**Ответы преосвященного Леонида, епископа Имеретин, на нижеследующие
вопросы, циркулярно предложенные обер-прокурором Св. Синода
относительно церковных реформ**

Первый вопрос: о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов

Такое предположение имеет в виду тот церковный строй, при котором всеми православными Церквями в пределах России управляет одно лицо (например патриарх) или одно центральное учреждение (например Св. Синод). Но такая система церковного управления в основе противоречит сущности православного воззрения на церковное управление, составляющего наиболее характерную его особенность в отличие от католической системы управления – папства и других инославных Церквей. По этому воззрению, сложившемуся в век апостольский, в основе церковного управления лежит выборное начало и соборное решение всех церковных дел. Кроме того, по сему воззрению все апостолы, а следовательно – и их преемники-епископы, совершенно равны между собою, и начальствование одного епископа над другими недопустимо, как немыслимо начальствование одного апостола, хотя бы и верховных апостолов (Петра и Павла), над другими. Верховные апостолы являлись первыми между ними, но в то же время совершенно равными им. Практика последующих веков жизни православия также была непрерывным воплощением того же принципа церковного управления. Несмотря на возвышение одного епископа над другими, являвшееся следствием каких-либо внешних благоприятных условий (например, епископы столичных, или священных, или исторических городов, получившие название архиепископов, а впоследствии и патриархов, епископы же больших богатых городов – название митрополитов), все они, – патриархи, архиепископы и митрополиты, – по власти признавались церковными канонами совершенно равными с простыми епископами: даже патриархи, не исключая и римских пап до разделения Церквей, не иначе титуловались от самих вселенских соборов, равно как и канонами сих соборов, как первыми между равными по власти. Иначе и быть не могло, ибо православие немыслимо при неравенстве епископов по власти; в противном случае получается церковный абсолютизм, зловещее папство, тяготеющее над западной Церковью и сковывающее естественную свободную ее жизнь, – получается все то, что так отталкивает нас, православных, от папизма. Нечего и говорить, что такой строй совершенно противен постановлениям всех Вселенских и Поместных Соборов, которыми должна управляться Церковь, жизнь которой, по евангельскому и апостольскому учению, должна быть регламентирована соборными постановлениями, а не указами отдельных лиц. При всяком, даже слабом, уклонении от этого основного православного принципа создается та самая пагубная бюрократия, которая так жестоко осмеяна всей мыслящей Россией.

После всего сказанного нечего говорить о том, что идея учреждения патриаршества в смысле абсолютного верховного начальника над всеми православными церквями в пределах России является опасной для православия затеей, угрожающей русской Церкви папизмом, чего так боялся еще Петр Великий, отменивший патриаршество, и чего так страшатся и ныне все правители мирские и благоразумные члены общества, не говоря уже об истинно-православных людях, чуждающихся всего, что только напоминает папизм. Проект учреждения патриаршества может быть принят только в том смысле, если патриарх будет поставлен в те самые рамки, в какие ставят его каноны вселенских и поместных соборов и практика древних православных Церквей (в том числе и грузинской католикосской Церкви), а именно, чтобы он был не начальником над другими епископами и Церквями, а первым между равными, по примеру апостолов, лишь как верховный наблюдатель над всеми епископами в роли защитника единства Церкви и церковного управления, так сказать – верховного ревизора, который, однако, отнюдь не вмешиваясь во внутреннее управление отдельных епархий и епископов в смысле распорядителя и повелителя, оставался бы надежным советником и добрым руководителем во всех недоуменных случаях управления епархиями отдельных епископов.

Даже в том случае, если бы епископы, не приняв его советов, значительно отступили от установленных православием порядков, патриарх не вправе самолично судить их за это, – но имеет власть отдать таковых на суд собора; только явным еретикам из епископов он может временно воспретить священнодействовать и управлять, доводя о сем до светской власти и затем церковного собора для суда над ними. На этих соборах, устраиваемых два раза в год, патриарх председательствует.

Совершенно такое положение по отношению к другим епархиям занимали католикосы или патриархи грузинской Церкви, управлявшие на основании священных традиций первых времен

христианства и канонов церковных.

Переходя засим к разрешению вопроса, поставленного циркуляром Св. Синода за № 8 о разделении России на автономные митрополии, не трудно усмотреть, что, после всего сказанного, таковые автономии, во главе назначаемых от патриарха и подчиненных ему же, как главе и начальнику, митрополитов, которые в свою очередь назначают подчиненных епископов и начальствуют над епархиями подведомственных епископов, – совершенно противны православно-церковному строю и граничат со столь ненавистным папизмом. Что же касается, в частности, православной грузинской Церкви, то по отношению к ней может быть речь не об автономном митрополичьем управлении, а лишь о восстановлении католикосата во всем его объеме, целости и чистоте. Этого требует не только разочарованный столетним опытом экзаршего управления грузинский народ, но и историческая правда, имеющая за собой пятнадцативековое славное католикосское управление, вынесшее знамя православия целым и невредимым из непрерывного многовекового огня врагов христианства и сохранившее грузинскую Церковь, благодаря внутренней мощи мудрого церковного управления, от всякой ереси и расколов, в совершенной чистоте древнего православия. Скажем более: порядки древней восточной Церкви ни в одной из православных Церквей не сохранились столь чисто, как в грузинской, не только в церковных нравах и обычаях народа, но и в богатых (хотя, к сожалению, ученому миру еще вовсе неизвестных) письменных памятниках. Все это представляет драгоценнейший материал для изучения строя православно-христианской жизни в первые века христианства, ибо христианство Грузии, окончательно восторжествовавшее, как государственная религия, в 4 веке, несомненно существовало, – в некоторых частях Грузии даже процветало, – в первые же века христианства.

К величайшему сожалению для прямых интересов русской Церкви, не говоря уже о грузинской, с упразднением католикосата Грузинского русские экзархи, управлявшие почти сто лет грузинскою Церковью, против своей воли оказывались всецело чуждыми всего местного церковного: они не знали языка народа, ни его церковных и светских обычаев и нравов, ни местной Церкви с особенностями ее строя, ведущего начало от первых веков христианства, незнакомы были даже с прямыми своими помощниками – грузинским духовенством, не говоря уже о высших влиятельных классах общества, – словом, не располагали ни одним из тех средств, которые составляют необходимое условие для более или менее успешного выполнения миссии экзархов в Грузии. Это несчастье еще более усиливалось тем обстоятельством, что экзархи быстро менялись: средним числом каждый экзарх управлял менее шести лет, – и можно сказать, что ни один экзарх не мог ознакомиться с паствой, тем более, что сами они не задавались этим вопросом, так как заводили у себя приближенных, которые служили им очами и ушами и которые в сущности и управляли Церковью: но эти лица по своим личным качествам всегда стояли низко в нравственном отношении. Эти были льстецы, эгоисты, сребролюбцы и честолобцы, умевшие искусно скрывать свои недостатки и подделываться под взгляды экзархов и исподволь вооружавшие их против всего грузинского, – ибо этот путь оказывался всегда верным путем для того, чтобы забрать в руки душу правителей для своих личных целей.

При таких условиях, экзархи являлись не действительными правителями и отцами народа, а только номинальными главами Церкви, ведавшими ею лишь через свои канцелярии и контору. Активное же выражение власти экзархов главным образом проявлялось в гонении всего грузинского, что, постепенно раздражая умы, породило в народе сначала недоверие к ним, перешедшее потом в нелюбовь, затем охлаждение к духовенству вообще, далее индифферентизм к религии, наконец разразившееся неверием и даже преследованием всего того, что напоминает православие, с порыванием в другую веру. Народ до сих пор живо помнит несколько характерных примеров такого рода. Ряд экзархов преследовал в грузинских церквях изображения священных лиц на камнях и дереве, приказывая таковые уничтожать; не терпели они также низких иконостасов в церквях, каковые разрушались по их распоряжениям, чтобы на их месте поставить русские многоярусные иконостасы. В нескольких церквях каменные дорогие иконостасы спасены благодаря тому, что разные изображения на них ликов святых, по распоряжению настоятелей, замазывались глиной, а грузинская фресковая живопись – известью; грузинские надписи на ликах святых над фресками по приказанию экзархов стирались, чтобы заменить их славянскими. Некоторые экзархи преследовали даже настоятелей, у которых оказывались грузинские рукописи. В печати обнародован факт, что настоятель Ларгвисского монастыря в Карталинии, услышав о приближении экзарха Евсевия к монастырю, будучи знаком

с воззрениями его, пришел в трепет при мысли, что неизбежно подвергнется гневу владыки, когда последний заметит на полках монастырской библиотеки массу древнейших пергаментных, дорогих в археологическом отношении, рукописей, и впопыхах приказал зарыть их в яму, где эти драгоценности гниют и поныне по неизвестности местонахождения за смертью двух единственных свидетелей этого печального события. Вообще экзархи Грузии, при таких условиях и побуждениях, допускали ряд грубейших ошибок.

Все это, вместе взятое, в основе потрясло в народе доверие к русским экзархам и вообще русскому духовенству и отшатнуло население от самого православия, искалеченного с изгнанием из грузинской Церкви всего церковно-национального, и даже – к ужасу искренних ревнителей православия – породило в грузинах мысль о совершенном отделении от православия с объявлением русской Церкви раскольнической или о переходе в католическую унию.

При таком положении православия в Грузии, единственным верным средством к спасению его является восстановление автокефалии грузинской Церкви во всем ее объеме чистоте и целостности, с восстановлением всего строя автокефального церковного управления.

Восстановления этого управления требуют историческая правда и каноны вселенской Церкви, ибо автокефальное или самостоятельное, независимое управление грузинской Церкви, установленное собором антиохийской Церкви в 488 году, санкционировано всеми вселенскими патриархами и 5 и 6 Вселенскими Соборами (553 г. и 680 г.), а в 751 году грузинская Церковь освободилась и от последней тени внешней зависимости от Антиохийского патриархата при Антиохийском патриархе Феофилакте в царствование императора Константина Копронима определением Антиохийского собора с выдачей грузинской Церкви разрешительной хартии (протрептикон), как обо всем этом свидетельствуют церковные рукописи 10 в. и гражданские летописи Грузии, Антиохийские хронографы, дошедшие до нас в переводе на грузинский язык в рукописях 11 и 12 веков, знаменитые каноники вселенской Церкви 11– 12 вв.: Вальсамон, впоследствии патриарх Антиохийский, Кедрин, Кодин, недавно найденный «Список повременных патриархов Антиохийских», а равно и автор труда «Иерархия Всероссийской Церкви» Н. Д. (М., 1892, с. 186) и многие другие документы, сохранившиеся в грузинской литературе.

Автокефальная грузинская Церковь свыше 1300 лет признавалась таковою всеми патриархами вселенской Церкви, в том числе и русской. Патриарх Иов в грамоте на имя католикоса Николая титулует его католикос-патриархом, или – что тоже – вселенским патриархом.

Вот на каких незыблемых исторических основаниях зиждется автокефалия грузинской Церкви; а если к этому прибавить еще и то, что в течение тринадцати веков все восточные патриархи бесспорно признавали ее автокефальной, то станет совершенно понятным сильное недоразумение, царящее в грузинском народе относительно незаконного, совершенно произвольного, антиканонического упразднения автокефалии при добровольном вступлении грузин в братское единение с Русской державой. Этот ужасный акт исторической ошибки русского Правительства в течение столетия, как и следовало ожидать, нанес грузинской Церкви, как уже и выше сказано, столько тяжелых ударов, что в настоящее время православие в Грузии, переживая последний кризис, вопиет о помощи и спасении путем восстановления прежних церковных порядков, о чем уже официально высказались съезды духовенства всех епархий Грузинского экзархата, дворянские собрания, городские самоуправления и сельские общества. – Обстоятельные исторические справки о Грузинском католикосате и о порядках автокефального управления грузинской Церкви имею долг при сем приложить.

В ответ на поставленный тем же синодальным циркуляром № 8 вопрос, не будет ли автокефалия грузинской Церкви находиться в противоречии с началом государственного единства, способствуя возрождению идеи о культурной и политической обособленности Грузии, – скажем следующее: самая история присоединения Грузии к России является красноречивейшим опровержением этого возражения. Мысль о присоединении Грузии к России зародилась в то время, когда Грузия пользовалась благами политической, церковной и культурной самостоятельности; но сознание в народе своей слабости ввиду его малочисленности и тяготение его к единоверной державе было так велико, что цари и правители Грузии (не говоря уже о духовенстве) добровольно снимали венцы свои, чтобы возложить их на головы единоверных русских монархов во имя идеи защиты самобытности нации и неприкосновенности церковных порядков. Та же самая мысль господствует в грузинском народе и в настоящее время; и если появилось брожение против русского режима во всех слоях общества, возросшее до

отчаянной мысли отделения церковного, то это вызвано именно разочарованием в тех надеждах и ожиданиях, которые соединили его с русским народом, именно: гонение национальности, дошедшее до крайних пределов, постепенное ниспровержение порядков, традиций и нравов грузинской древнеправославной Церкви, хранящей в своих традициях и обычаях церковные порядки первых веков христианства, заслуживающие абсолютного, благоговейного уважения каждого христианина, а тем более каждого ученого, как исследователя древности. Следовательно, об опасении возрождения идеи политической обособленности Грузии не может быть и речи по восстановлении автокефальной грузинской Церкви. Напротив, если национальные и местно-церковные интересы Грузии не будут попираемы русской властью с целью полного уничтожения национальности, то каждый грузин почувствует себя истинным русским гражданином, воодушевляясь всеми теми идеями, которыми живет русский народ. Иначе и быть не может.

Что же касается опасения относительно культурной обособленности грузин с восстановлением автокефалии, то в такой обособленности, если даже она и последует, не только нельзя усмотреть чего-либо противного общегосударственным интересам, но даже всеми силами следует стремиться к ней, как к одному из наиболее могущественных средств процветания в государственной жизни. Чем разнообразнее и своеобразнее в государстве культура (в отдельных ли частях государства, губерниях ли, уездах или даже волостях), тем сильнее бьет пульс государственной и промышленной жизни, тем оживленнее мена произведений, торговля государства, тем могущественнее само государство.

Итак, восстановление в Грузии автокефалии Церкви должно быть совершено в интересах самого государства, и никакого вреда от нее, кроме величайшей пользы для Грузии и самого государства, ожидать нельзя.

Второй вопрос: о преобразовании церковного управления и суда

Вследствие пятнадцативекового непрерывного действия католикосского управления в Грузии, порядки прежнего управления вошли – так сказать – в плоть и кровь народа, наполнив терминами его язык и разнообразив его церковную жизнь. Оно и по настоящее время живо хранится в памяти народа и входит в его общее мировоззрение. Столетнее чуждое управление, поколебав религиозное чувство, не могло, однако, выжечь из народной памяти того, что создано, утверждено и жило в нем долгие века.

Посему никакое другое управление и никакая другая форма суда не может быть привита к грузинской Церкви, кроме той, которая действовала в Грузии тысячелетиями при католикосском управлении и мудрость которой засвидетельствована продолжительным временем.

Автокефальное управление, равно и суд, функционировали в грузинской Церкви вплоть до присоединения Грузии к России при следующей организации:

1) Католикос

Он есть глава Церкви, но не в смысле абсолютного начальника над другими епископами, а первый между равными епископами подведомственному епархий. Он – только блюститель, так сказать – ревизор, руководитель, объединитель взглядов, но без всякого полномочия единоличного распорядителя по вопросам Церкви.

2) Периодические соборы

Все управление католикосатом, равно как и отдельными епархиями, совершается при помощи соборов, причем католикосат управляется собором епископов под председательством католикоса, а за его отсутствием, архиепископа, как помощника его, при участии лучших мирян и представителей низшего духовенства с совещательным голосом, каковые соборы устраивались два раза в год в определенные дни. Епархии же управлялись епархиальными преосвященными соборным же порядком под их председательством из всех священников епархии и представителей народа и монастырей. Собор созывался по два раза в год.

3) Постоянные соборы

Вторым органом управления служил постоянный собор а) для управления католикосатом: из самого католикоса, архиепископа и одного из очередно вызываемых из каждой епархии епископов или хореепископов при участии управлявших церковными имениями и б) для управления отдельными епархиями такой же постоянный собор из епархиального епископа, хореепископа, как помощника его, и очередно вызываемых двух священников при участии управлявших церковными имениями.

Эти соборные постановления крайне редко вносились в письменные акты, а производились обыкновенно устно. Отсюда необыкновенная простота письменоводства, быстрота решений дел и почти совершенное отсутствие расходов по содержанию органов управления. На этих соборах, постоянных и периодических епархиальных и общих для всего католикосата, решались всякого рода и вида дела, как духовно-административные, так и духовно-судебные и церковно-имущественные.

Каждая епархия в своем управлении, будучи совершенно независима от католикоса (он только обзирал епархии, действуя советами и отеческими указаниями, а отнюдь не приказаниями), подчинялась лишь собору епископов. Также и отдельные епископы.

Соборы периодические и постоянные ведали всеми церковными делами и в том числе производили суд.

Но, кроме суда католикосских и епархиальных соборов, был еще специальный церковно-народный суд, который поручался епископам двух кафедр: Чкондидской – для западной Грузии и Самтавской – для восточной. Епископы этих кафедр имели право и обязанность вступать во все епархии с преднесением длинного креста, обходили все деревни и волости. Остановливаясь в каком-нибудь месте, крестоносец втыкал крест в землю, трубачи трубили, призывая народ, устраивался публичный суд, народ и духовенство должны были указать всех тех, которые согрешили против церковных установлений за время после последнего посещения Самтавского и Чкондидского епископа. Тут же делались виновным внушения, назначались епитимии, взимались положенные Церковью штрафы и т. п. Этому суду подвергались и те, которые уже подверглись суду на соборах католикоса и епархиальных епископов. Впрочем, последний суд носил характер не столько карательный, сколько увещательный и исправительный.

4) О порядке избрания католикоса, епископов и священников

Все священнослужители избирались собранием народа и духовенства, причем в выборе католикосов деятельное участие принимали царь и царица, бояре и чиновные люди вместе с епископами. После избрания кандидатов от последних отбирали отзыв – согласны они или нет принять предлагаемый пост. При нескольких кандидатах, в случае резкого разделения голосов, бросали жребий. Замечательно то, что архиепископы, эти помощники католикосов и первые лица после них лишены были права быть кандидатами на занятие католикосской кафедры, хотя, впрочем, бывали исключения из этого правила.

Приблизительно такой же порядок соблюдался при избрании епископов, в каковом избрании принимало деятельное участие население епархии вместе с духовенством без всякого прямого вмешательства в избрание самого католикоса. Только в случае избрания нескольких кандидатов и разделения голосов, прихожане, вместо жребия, часто прибегали к католикосу, предлагая ему сделать выбор из представленных кандидатов.

Священники избирались прихожанами, которые представляли обыкновенно трех кандидатов, из коих выбор предлагали епархиальному преосвященному, у которого, однако, оставалось право, если находил к тому основания, не принять избранных кандидатов, а предложить народу своего кандидата, которого и рукополагал. Однако негодное народу лицо обязательно вычеркивалось из списка кандидатов на священство.

Перевод епископов и вообще священнослужителей строго воспрещался. Только в крайне редких случаях – и то непременно с разрешения собора епископов – это допускалось, но всегда с оговоркою. Никакие внешние отличия священнослужителей и епископов не допускались, хотя, с начала 18 века, под влиянием порядков российской Церкви, вошедших в практику при синодальном управлении, случаи перевода священников и епископов и даже награждения их знаками отличия участились – к величайшему вреду для интересов Церкви и прихожан.

5) Об усовершенствовании духовных школ

Духовные училища и семинарии в том виде, в каком он существовали при экзархах Грузии, были безусловно вредны для Церкви, воспитывая в стенах своих отщепенцев от веры, от народа и от Церкви. Прежде всего, первое зло – что в них учителями являлись почти исключительно природные русские, незнакомые ни с грузинами, ни с особенностями грузинской Церкви, бездушные формалисты, не имевшие любви к грузинским детям, на каждом шагу старавшиеся осмеять их нравы, обычаи и даже физиономию, выругать их прошлое и настоящее, учинить им неприятности, блеснуть пред своим начальством ложными доносами или, по крайней мере, жестокими нападениями на воображаемый грузинский сепаратизм (какового никогда не было и ныне нет). Все это разрывало связь между учащими и учащимися и прекращало всякое нравственное воздействие первых на последних, создавая в заведении два противоположных враждебных лагеря. На такой почве вырастают всякого рода и вида плевелы, которыми заглушается святое семя евангельской любви и братства.

Второе зло – схоластика в сих заведениях. В древних грузинских монастырских школах дети (обыкновенно уже юноши) воспитывались на чтении отцов Церкви при участии в церковном богослужении (чтение, пение), проникаясь страхом Божиим, который есть начало всякой премудрости. В семинариях же периода экзаршеского управления, отцов Церкви вовсе скрывали от учащихся (которых знакомили только с биографией их и названиями их творений, не показывая самих сочинений); взамен отцов Церкви дети изучали сухие схоластические учебники, из которых выветрено все религиозное или оно лишено жизненного религиозного влияния.

Третье зло: религиозное настроение схоластическое начальство старалось воспитать в детях путем наказаний, долговременных неподвижных стояний в церкви, низкими баллами, кондуитами, лишениями разных выгод, удобств и даже вещей первой необходимости (например пищи, одежды, казенного содержания) и т. п. мерами, которыми, пожалуй, можно дрессировать молодое поколение и приучить его к внешнему порядку, но не иначе как предварительно убивши в нем дух живого религиозного чувства, выветривши из души религиозное содержание с оставлением лишь одной внешней религиозности, одной формы без содержания, тела без души. Какими же пастырями Церкви могли быть эти духовно обнищавшие, но дрессированные, бездушные выходцы из схоластической школы? Однако значительная часть молодого поколения, не поддавшаяся дрессировке, выходила из заведения, вынося оттуда дух презрения ко всему церковному и особенно к духовному сану, к духовенству, к монашеству и даже к той религии, во имя изучения которой их подвергали вышеуказанного рода пыткам, объявляли себя явными атеистами, с проклятием оставляли духовное ведомство, искали места службы в светских учреждениях, в светских учебных заведениях, заноса всюду заразу проповеди антидуховенства и даже антирелигии. Но те из них, которым не удавалось разорвать связующие их оковы принадлежности к духовному званию и поступить в светские учебные заведения или добыть себе кусок хлеба вне духовного ведомства, – волей-неволей принуждены были принимать сан и вступить в священный алтарь. Но каково положение атеиста и кощуна, принужденного священнодействовать?! А ведь десятками и даже сотнями пускались такие атеисты в Божий храм осквернять алтари! Каких плодов можно было бы ожидать от их службы в приходе, кроме позора для Церкви и примеров величайшего соблазна для верующих в простоте сердца? Такого рода «курсовники» или «студенты» семинарии доходили до того, что в течение года всего 2–3 раза служили литургию, проводя время разгульно и творя всякие непотребства.

Четвертое зло: учащиеся в духовно-учебных заведениях отвыкали говорить по-грузински, так как все предметы преподавались на русском языке, а о богословских предметах на грузинском языке они вовсе не могли рассуждать, так как ни один из богословских предметов не преподавался на грузинском языке. Нечего говорить, о том, что семинаристы, наловченные в импровизации на русском языке, оказывались вовсе незнакомыми с такими необходимейшими богословскими терминами на грузинском языке, каковы например: промысл, предопределение, распятие, троица, ипостась, естество и т. п. Конечно, они вовсе не были способны произносить проповеди на грузинском языке, а если их принуждали к тому, то они ограничивались чтением по тетради дословно списанных готовых проповедей; в приходах же, с умножением священников из семинаристов, церковная проповедь совершенно прекратилась.

Пятое зло: воспитанники духовно-учебных заведений не обучались (до 1883 года) даже простому чтению церковно-грузинского шрифта. Можно себе представить ропот прихожан при виде еле разбирающих Евангелие молодых священников из «курсовников», которые принуждены были волей-неволей прибегать к славянской службе в грузинских приходах к ужасу простолюдина. А сколько было случаев, что прихожане вовсе запирали церкви, объявивши таким «курсовникам»: «Батюшка, поезжай туда, откуда приехал, научись прежде читать Евангелие, а потом пожалуйста сюда служить в церкви».

Шестое зло – это совершенное незнакомство «курсовников» с местными церковными обычаями и особенностями. Кичась своим образованием, они становились наперекор народным религиозным обычаям, отвергая все, что не написано в семинарском учебнике или в славянском Служебнике или Требнике. Непрестанные недоразумения по этому вопросу между батюшками-курсовниками и прихожанами, восходившие до архиереев, оставлялись последними без внимания, но народ часто изгонял или, вернее, вытеснял из своей среды таких «курсовников», пока этот народ, под долговременным воздействием таких влияний, сам не сделался индифферентным ко всему церковному и религиозному. В некоторых же частях Грузии (у горцев-грузин) наряду с правительственными или официальными священниками народ сам поставил для себя «неофициальных протоиереев» (деканозы), и, к величайшему сожалению, «неофициальные священники» оказывались во сто крат религиознее, честнее и исправнее, чем «официальные попы», пользующиеся недоброй славой.

Седьмое зло – маловерие «курсовников», составляющее плод указанных влияний. «Если соль обуюет, чем ее посолить?» Если сам батюшка слаб в вере (не говоря о нравственности), как может он других сделать верующими?

Все сии недостатки современного духовенства вопиют о скорейшем преобразовании духовно-учебных заведений. Проект преобразования духовных учебных заведений Грузии, выработанный духовенством Имеретинской епархии, уже представлен экзарху Грузии, и нет надобности повторять его здесь.

Все сказанное выше относительно власти и взаимоотношений патриарха, митрополитов и епископов, порядка церковного управления, выборов духовных лиц высших и низших степеней и прочее подтверждается следующими постановлениями вселенских и поместных соборов, служащими развитием «Апостольских Правил».

Патриарх в «Апостольских Правилах» называется не патриархом и даже не архиепископом, а просто епископом (пр. 34-е), но «первым между епископами» (ibid.), которого остальные епископы должны «признавати яко главу и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения... но и первый (патриарх) также ничего да не творит без рассуждения всех». Таким образом, «Апостольскими Правилами» установлен тот порядок, по которому все недоуменные церковные вопросы, превышающие власть отдельных епископов, должны решаться не самолично (распоряжением хотя бы патриарха), а непременно сообща, соборно («ибо тако будет единомыслие»), как это было и при апостолах (Апост. Собор 50 г. Деян.15:1–3). Только председательство на соборах присвоилось «главе епископов». Что же касается обыкновенных епархиальных дел, выходящих из предела недоуменных вопросов, превышающих власть отдельных епископов, то они решаются каждым епархиальным епископом вполне самостоятельно без всякого вмешательства во внутреннее управление епархией патриарха или митрополита, как это ясно выражено в том же апостольском правиле, гласящем: «...творити же каждому (отдельному епископу в пределах своей епархии) только то, что касается до его епархии и до мест к ней принадлежащих» (слич. Антиох.7-е, 9-е), и как это со всею ясностью раскрыто в правилах последующих соборов (1Ник.6-е; 1Конст.3-е; Еф.8-е; Халк.28-е, 17-е; Двукратн. Соб. Констант. § 15; Карф. 48-е и др.), которыми ясно регламентированы права и обязанности епископов столичных городов (или патриархов), епископов областей (или митрополитов), и их отношения к подведомственным епископам. Вселенские соборы решительно отвергали начальственное преимущество патриархов в смысле власти, а потому отвергли притязание некоторых патриархов присвоить себе титул «экзархов иереев», или «верховных священников» и т. п., определили именоваться им «только епископом первого престола» и довольствоваться только этой «честью» или преимуществом чести, но не власти (Карф.48-е). Но, чтобы и эта «честь» не могла порождать притязаний на «преимущество власти», то отцы Вселенских и Поместных Соборов неоднократно разъясняют, что и это «преимущество чести» присвоается им по «обычаю» (1Ник.6-е; Халк.17-е) и притом за то, что они занимают кафедры в столичных

городах. «Преимущество (честь) этому Риму дано за то, что то был царствующий град», равно и Константинопольскому епископу – за то, что это «новый Рим, получивший честь быть градом царя» (Халк.28-е; Конст.3-е; 1Ник.6-е, 1-е; 6Всел. Соб.36-е).

При этом сравнительное «преимущество чести» отдельных патриархов соборами приноровлено к сравнительной важности тех городов, где они имели престол: первый по «преимуществу чести» патриарх есть епископ города Рима, второй – Константинополя, третий – Александрии, как богатого и славного города, четвертый – Антиохии и пятый – Иерусалима (Халк.28-е; 1Ник.6-е; 1Конст. 3-е; 3Константиноп.36-е). Этим приноровлением сравнительной части патриархов к сравнительной важности городов соборы выразили ту же мысль, что титул патриарха не заключает в себе никакого преимущества иерархической власти. Та же мысль о том, что патриархи не имеют никакого преимущества власти пред митрополитами и епископами, ясно видна и в постановлении Двукратного Констант. Собора (пр. 15-е): «Что определено о пресвитерах и епископах, и митрополитах, то самое, и наипаче, приличествует патриархам», т. е. что у патриархов пред последними преимуществ власти нет.

Как епархиальный архиерей, патриарх не имеет никакого преимущества пред другими епископами; но, как епископ столичного города, он естественно сделался главою или главным епископом в пределах тех областей, которые в гражданском отношении подчинялись этим городам, потому что эти центральные для подведомственных епархий города естественно чаще посещались областными или провинциальными епископами, а посему и епископы сих главных городов естественно сделались центрами, около которых группировались епископы окружающих районов. Вот почему, когда возникал вопрос о месте составления соборов, то вопрос этот, естественно, всегда решался в пользу главных городов (гражданских центров), а впоследствии это вошло в обычай и наконец получило соборное узаконение, чтобы кафедры вышеназванных городов были признаваемы центрами церковных управлений, чтобы там собирались соборы, чтобы оттуда исходили грамоты о созыве собора для решения вопросов веры, суда и т. п. Таким образом, епископы этих городов (патриархи) естественно сделались председателями соборов, устраивавшихся из епископов областей или округов, а отсюда получили особенное значение и преимущественное фактическое влияние на дела церковного управления: как председатели соборов, они назначали время и место соборов, посылали грамоты с извещениями о созыве соборов с указанием предметов соборного обсуждения, принимали жалобы на подведомственных окружных епископов, апелляционные дела на решение окружных епископов (митрополитов), имели верховный надзор за окружными епископами, давая им указания, но не вмешиваясь в управление отдельных епархий, а привлекая к суду не повинующихся церковным установлениям (Халк.9-е; 3Конст.11-е; Халк.17-е; Кирилл1-е); они же, как главы областных епископов, рукополагали последних (избранных собором своих епископов) и т. п. Но патриархи не имели права самолично решать, все вопросы предлагали на обсуждение и решение собора (Халк.28-е, 17-е, 9-е). Как верховный наблюдатель (но не начальник) и объединитель епископов во взглядах, патриарх иногда называется «экзархом великия области» (Халк.9-е, 17-е). – Итак, патриархи, будучи равны по власти с простыми епископами, пользовались лишь преимуществом чести и большим фактическим влиянием на церковные дела, как председатели соборов, а не как самостоятельные распорядители и начальники над епископами, как о себе думали русские патриархи Филарет, Никон и др., изображавшие из себя начальников над всеми епископами и даже светскими лицами (с титулом «великого государя»), граничась с папскими воззрениями на церковное управление. Таковое неправильное воззрение русских патриархов на свою власть принесло горькие плоды, ибо породило раскол и вызывало столкновения с гражданской властью, кончившиеся совершенным уничтожением патриаршества и учреждением вместо него коллегиального церковного управления – Святейшего Синода, управляющего церквами не на основании только правил соборов, но главным образом на основании Регламента Петра Великого.

Чтобы охарактеризовать взгляд отцов Вселенских и Поместных Соборов на ограниченность патриаршей власти, укажу на то, что патриархам воспрещено вмешиваться во внутреннее управление областных епископов (Халк.28-е; 1Конст.2-е). И когда Ефесскому Собору доложили, что Антиохийский патриарх поставлением епископа для Крита вмешался в церковное управление Критской областью, которая «по древнему обычаю» поставляла своих митрополитов чрез своих епископов, то весь Собор засвидетельствовал, что это «противно постановлениям церковным и правилам св. апостолов», что дело это есть «нововведение, посягающее на

свободу всех» (епископов и митрополитов), что это есть «общественное зло» или «общественная болезнь, требующая сильнейшего врачевания, яко больший вред приносящая». Собор навел справки, и оказалось, что поступок Антиохийского патриарха, поставившего для критской Церкви областного епископа, не согласен и «с древним обычаем», поставившим критскую Церковь в независимое положение от кафедры Антиохийского патриарха, а потому учинил такое постановление: «начальствующие (т. е. епископы) во святых кипрских Церквях да имеют свободу, без притязания к ним (со стороны Антиохийского патриарха) и без стеснения их, по правилам святых отцов (например) и по древнему обыкновению сами собою совершат поставление епископов. То же да соблюдается и в иных (т. е. во всех остальных) областях и повсюду епархиях, дабы никто из боголюбнейших епископов не простирает власть на иную епархию, которая прежде и сначала не была под рукою его или его предшественников, да не вкрадывается надменность... да не утратим тоя свободы, которую даровал нам Господь»... Святой гнев отцов Собора против незаконных притязаний патриарха был столь велик, что Собор обязал митрополитов, взяв копии с настоящего постановления, руководствоваться последним на будущее время в деле ограждения от незаконного вмешательства патриархов (Ефес. 8-е). Мало того, опасаясь притязаний патриархов, Собор постановил считать недействительными всякие несогласные с этим постановления, какие могут быть предложены на будущих соборах (ibid.).

Были даже такие случаи, когда соборы не признавали за патриархами и тех прав, которые им присвоены прежним церковным законодательством, но по местным условиям неудобноисполнимы. Так например, Карфагенский Собор объявил лишенными общения тех епископов, которые, не довольствуясь судом соборов из местных епископов, перенесут дело «за море» или «по ту сторону моря», то есть к Римскому патриарху (Карф.37-е и 139-е). – Единственный случай законного вмешательства патриарха во внутреннее управление отдельными епархиями – это тот, если какой-либо епископ, вопреки постановлению соборов, не назначит эконома для управления церковным имуществом: после безуспешных напоминаний, патриарх сам назначает эконома в такие епархии (7Всел. Соб.11-е).

Митрополиты (т. е. епископы главных городов отдельных областей), как и патриархи, отличались от простых епископов только «преимуществом чести», а не власти (Антиох.7-е, 9-е; Халк.12-е), каковое преимущество они получили (как и патриархи) благодаря лишь тому обстоятельству, что, будучи епископами центральных городов, в которых сосредоточивались все судебноадминистративные учреждения отдельных областей (вроде наших губернских городов), тем самым естественно делались главными, самыми влиятельными, ближайшими к начальству и даже остальным епископам особами, ибо остальные епархии окружали митрополичью. Ввиду этого епископы других городов, приобретая название митрополитов, естественно сделались председателями соборов, центром, откуда общие для области церковно-административные распоряжения исходили и куда восходили. Он есть «первый или глава епископов области» (Апост.34-е); но он, «будучи почтен именованием митрополита (по названию главного города митрополии), единою честью да довольствуется» (Карф.13-е, 24-е; Халк.12-е). Он, как председатель окружного собора, назначает время и место его (Карф.87-е; 6Всел. Соб.8-е и 7Всел. Соб.6-е); грамотами вызывает епископов на собор (Халк.19-е); соборы, составленные без его участия, признаются «несовершенными» (Антиох.16-е), а при избрании епископов он непременно должен председательствовать (1Ник.6-е); областные епископы, не явившиеся на собор, или уезжающие в столичный город, или отлучающиеся на долгое время, обязаны извещать о сем митрополита, брать от него отпустительные грамоты (Карф.87-е, 32-е; Лаод.6-е; Халк.19-е; Антиох.19-е; Карф.28-е); он же принимает жалобы и апелляции для доклада собору (Карф.28-е); у него же хранятся соборные акты и другие дела (Карф.87-е; Двукрат. Соб.13-е, 14-е и 15-е, 2-е; Ефес.8-е). Он приводит в исполнение или утверждает состоявшееся постановление собора относительно, например, поставления подведомственных епископов и др. (1Ник.4-е)⁸². Словом, все преимущество митрополита над другими епископами, охарактеризованное в актах соборов «преимуществом чести» (но не власти), строго ограничивается правами председателя («главы») соборов, дающими ему сравнительно большее фактическое влияние на решение церковных дел. Даже в роли приведения в исполнение соборных определений, он строго ограничен пределом своей митрополичьей епархии и формальным делопроизводством (хранение дел соборов, сообщение соборных определений другим епископам). Во всем остальном он так же, как и все епископы его области, подлежит суду местного собора: его судят епископы его же округа, они же его поставляют и низвергают (6Всел. Соб.8-е; Ефес.1-е; 7Всел.

Соб.6-е; Халк.28-е; Антиох.9-е, 19-е. См. еще «Послание 3 Всел. Собора к собору Памфилийских епископов», низложившему своего митрополита Евстафия и поставившему на место его Феодора. Вселенский собор утвердил это низложение. Прав., с.50). Даже в самой роли председателя соборы ограничивают права митрополитов, ибо соборы могут быть устроены и без митрополита, и только «совершенный собор есть то, в котором присутствует митрополит» (Антиох.16-е).

Что касается управления отдельными епархиями, то митрополиты без соборных определений лишены всяких прав вмешательства в управление. Такой взгляд церковного законодательства на ограниченность прав митрополитов особенно ясно выражен в девятом правиле Антиохийского Собора, гласящем: «Так как в митрополию отовсюду стекаются все имеющие дела, посему (а не потому, что будто митрополиту предоставляется преимущественная власть в Церкви) рассуждено, чтобы епископ того города (митрополии) и честью преимуществовал и чтобы прочие епископы ничего важного не делали без него, кроме того токмо, что относится до епархии. Ибо каждый епископ имеет власть в своей епархии и да управляет ею... да имеет попечение о всей стране и да разбирает все дела с рассуждением. Далее же (епархиальных дел) да не покушается что-либо творити без епископа митрополии, а также и сей (т. е. митрополит) без прочих епископов (Антиох.9-е, 6-е). Самостоятельность каждого епископа в пределах своей епархии простиралась до того, что даже неправильно отлученные епископом члены клира не могли быть приняты на службу другими епископами, ни митрополитом без согласия отлучившего, и только собор мог судить о неправильности действий епархиального епископа (Антиох.6-е; Ник.8-е), не говоря уже о том, что митрополит самолично не имел права судить не только епископов, но даже и клир церковей других епархий (Антиох.20-е; Карф.37-е; Ефес.5-е; Халк.17-е; 2Конст. 6-е).

Таким образом, по законам Вселенских Соборов митрополиты (как и патриархи), не имея никакой преимущественной власти пред остальными епископами области, пользовались лишь «честью» председателя соборов и поминания в молитвах со стороны епископов подведомственной области (Апост.34-е). После всего сказанного нетрудно усмотреть несообразность учреждения автономных митрополий во главе назначаемых от патриарха или Свят. Синода митрополитов, вооруженных начальственной властью над епископами. Говоря словами 3 Вселенского Собора (пр. 8-е), это будет «нововведение», «противное постановлениям церковным, посягающее на свободу всех епископов», ибо отнимает у епархиальных архиереев дарованную им свободу: «да не преступаются правила отец, да не вкрадывается, под видом священнодействия, надменность власти мирския: и да не утратим помалу, неприметно, тоя свободы, которую даровал нам кровию Своею Господь наш Иисус Христос, освободитель всех человеков. И так святому и вселенскому собору угодно, чтобы всякая епархия сохраняла в чистоте и без стеснения, сначала принадлежащая ей (по церковным законам) права. Аще же кто предложит постановление противное тому... да будет оно недействительно», – ибо всякое иное постановление ведет к пагубному папизму, церковной бюрократии, совершенно противной православно-христианской системе церковного управления, жидущейся на авторитете соборов и исторической правды, и угрожающей ужасными бедствиями всему православию.

Соборы. После всего сказанного едва ли следует распространяться о роли и значении соборов в церковном управлении, ибо по принципу православно-церковного управления все общие недоуменные вопросы должны решаться на соборах поместных, областных, «больших» (Карф.43-е; Антиох.12-е; П Конст.6-е) и Вселенских (1Конст.2-е; Антиох.37-е; 2Ник.6-е; Антиох.20-е). – Отвержение этого принципа есть отвержение самого православия. Замечу только то, что синодальная форма управления, основанная на коллегиальном начале, не есть соборная, а потому и не может быть признана православной формой управления. Ибо церковные дела должны решать собрания всех епископов (1Ник.5-е; Халк.19-е и др.), а в случае отсутствия некоторых – их заместители или уполномоченные (Карф.27-е, 87-е; Сард.5-е), а не постоянные члены, назначаемые светским начальством или во всяком случае не собором епископов, и даже вне всякого влияния епархиальных архиереев на избрание оных членов. Очевидно, что существующая коллегиальная форма правления в самом корне противоречит соборному началу церковного управления, по коему все дела решаются собором епископов или их уполномоченных, которых выбирают на частных собраниях: до открытия созванного собора «составляются собрания их (епископов) и от каждого из сих частных собраний (составляемых из представителей епархиального духовенства) поочередно избираемые неотменно да придут ко

дню собора» (Карф.87-е). В другом соборном каноне говорится, что «от (частных) соборов (следует) посылать двух или сколько изберут епископов в местоблюстители, дабы составившееся таким образом собрание могло иметь совершенное полномочие» (Карф.27-е). В грузинском номоканоне, который отличается особенно полнотою и чистотою текста (ибо номоканоны дошли в рукописях 11 и 12 веков), к этому (пр. 87-е) еще прибавлено, что на этих частных собраниях и совещаниях «епископы каждого собрания должны твердо установить и вопросы, подлежащие обсуждению на предстоящем общем соборе, и, явившись на собор, вступать в горячий спор относительно заранее заготовленных вопросов, дабы совершенно выяснилась истинность или ошибочность их» (лист 64об.).

Из приведенных мест делается очевидным, что члены коллегиального синодального управления, как лишенные полномочия от епископов российской Церкви, не могут себя считать полномочными (в смысле православном) правителями всероссийской православной Церкви.

Остается сказать несколько слов о том, могут ли участвовать на соборах неепископы – низший клир и светские. Церковное управление всецело возложено на епископов; но, тем не менее, как мы уже видели, епископы местосебя посылали на собор иногда и простых пресвитеров, с правом голоса, как полномочных местоблюстителей (Сард.5-е). – Но с правом совещательного голоса на соборах присутствовали члены низшего клира и даже играли роль (например диакон Афанасий Великий), и даже светские (см. например «Чтения общ. любителей дух. просвещ.», 1879 г. июль и сентябрь – статью: «Государственные сановники на вселенских соборах»)⁸³.

Каждый епископ с собой возил по своему личному усмотрению наиболее пригодных при решении «недоуменных вопросов» лиц из клира и даже из светских особ, которые присутствовали на соборах с совещательным голосом. Об этом свидетельствуют исторические акты вселенских соборов и история сих соборов. Но и в церковных канонах можно находить указания, подтверждающие справедливость сказанного. Известно, что суд над епископами и апелляция на епископский суд, равно и избрание епископов, происходили на соборе из епископов. Однако каноны церковные, умалчивая об юридическом праве народа и духовенства в участии в соборных рассуждениях, нередко свидетельствуют о фактическом их участии на сих соборах с совещательным голосом. Например, 87-е правило Карф. Собора в грузинском номоканоне заключает дополнение: «от каждого (частного) собрания епископов да будут наперед указаны для исследования (предположенных для исследования на общем соборе вопросов) лица, которых (епископы) да привезут ко дню собора». Тот же Собор свидетельствует (пр.61-е), что избрание епископов, совершавшееся на соборе, должно происходить «при народе, к которому избираемый имеет быть поставлен, да будет исследование... пред лицом народа». Самое исследование состояло именно в участии клира и светских лиц в публичном указании достоинств и недостатков избираемых (ibid.), что в грузинских номоканонах названо народным судом (вм. слав.русс. номоканона: «пред лицом народа»). Этот народный суд или, вернее, активное участие народа в избрании священных лиц, оставил следы и в современном последовании посвящения в иерархические степени, когда епископы провозглашают: «Достоин!» (аксиос), а народ (ныне только певчие) отвечает: «Достоин!», изъявляя тем свое согласие на предложение архиерея. О народном участии в избрании клира и епископов, кроме Деяний свв. апостолов (6:1–6), говорят и другие Соборы (Антиох.20–21-е; Сард. 2-е и др.). В грузинских номоканонах помещены выдержки из книги «Неарон», заключающей свод византийских гражданских законов. Во 2 гл. названной книги говорится: «Если в продолжении шести месяцев прихожане вдовствующей Церкви не изберут епископа (на место вышедшего), то пусть митрополит рукоположит для них епископа по своему усмотрению» (слич. Халк.25-е). В 1 гл. названной книги читается: «Рукоположение во епископа да совершается пред лицом всего народа и церковного клира, чтобы все желающие могли возражать» (против нравственных качеств ставленника). В случае серьезных возражений рукоположение отлагалось и дело предавалось следствию. «Такой же порядок да соблюдается при поставлении членов клира», – говорится в той же книге, подтверждающей участие народа и низшего клира в соборном избрании и поставлении епископов и клириков. Акты соборов также свидетельствуют, что поставленные без согласия народа епископы нередко изгонялись народом, который иногда самовольно избирал для себя епископа. Подобного рода дела нередко восходили до соборного разбирательства и оставили следы в правилах соборных, определивших: «восхититель престола» (т. е. самовольно, по приглашению народа, без согласия собора, занявший кафедру)

да будет низвержен, хотя бы его избрал весь народ (Антиох.15-е). Сардикийский Собор (пр.6-е) определяет: «...собравшееся же множество людей будет просити, да поставится требуемый ими епископ... подобает удовлетворити желанию народа» (сличи с пр. 2-м того же Соб.). Не покорившемуся Собору епископу Максимилиану Собор (Карф.99-е) предписал «оставить епископство», а к пасомым послал грамоту, «чтобы они искали себе другого», – тем самым, очевидно, признавая фактическое участие народа в избрании своих епископов. То же написано собором народу вдовствовавшей иппонской Церкви, куда из собора посланы были 20 епископов с инструкцией поставить им угодного народу епископа, а если партии не примирятся, «да не препятствуют избранию предстоятеля» (Карф.89-е); очевидно, собор признает участие народа в избрании и, только в случае резкого страстного разделения народа на партии, советуется епископам самим избрать им епископа. О том же говорят многочисленные указания соборных правил на то, что посланные в епархии епископы не были приняты народом (Апост.36-е; Антиох.17-е и 18-е; Анк.18-е; Лаод.13-е; Карф.35-е), что некоторые искатели епископских кафедр, опираясь на народ, возбуждали чернь, чтобы «их самих поставили правителями» (т. е. епископами). Осуждая такой образ действий, соборы указывают не на отсутствие прав у народа принимать фактическое участие в избрании своих епископов, а на непристойный образ действий искателей архиерейских кафедр привлечением к себе людей заторного жития... опираясь не на народ, а на толпу (или «сборище народа») и уклоняясь от собора (Карф.64-е; слич. Лаод. 13-е; Сард.2-е). Таким же образом, когда собор осуждает и даже извергает епископов, «захвативших престол с помощью сильных мира сего» (Апост.30-е; 2Конст.3-е), то тут осуждается именно «захват» кафедры вопреки установленному церковными законами и обычаем избранию епископов при участии народа собором, а не отрицание права народа принимать живейшее участие в избрании своих епископов, но отнюдь не в смысле власти, а в смысле фактического участия и содействия епископам избрать наиболее подходящих кандидатов. Указанные народом кандидаты, конечно, могли быть не приняты собором окружных епископов, но это только при особенно явных недостатках кандидатов, ибо, как мы видели, соборы старались мудро приравниваться к желанию населения.

В дополнение и заключение я укажу еще на один веский факт. В «Протрептиконе» или разрешительной грамоте, которую Антиохийский патриарх Феофилакт, на основании соборного постановления, дал грузинской Церкви (в 750 г.) относительно поставления на месте католикосов иверской Церкви, говорится: «Пусть местные епископы сами рукополагают, кого им укажет благодать Духа Святаго, ближние той (грузинской) Церкви и епископы». Очевидно, под «ближними», которым этим актом дается право участия в избрании католикоса, надобно разуметь не одних клириков, но и лучших представителей от пасомых (см. Ф. Жордания. Хроники, т. 1, с. 75–77).

После всего сказанного нетрудно представить себе всю незаконность практикующегося в российской Церкви порядка избрания епископов и клира, остановившего нормальную жизнь Церкви к великому вреду для православия.

Но нельзя не указать и на другое, резко бросающееся в глаза, отступление синодального церковного управления от церковного законодательства, санкционированного вселенским собором. Разумею практикующиеся в русской Церкви с Петра Великого столь обыкновенные перемещения священнослужителей (особенно епископов) из приходов и епархий в лучшие приходы и епархии, с присовокуплением еще к сему злу нового зла, развивающего в духовенстве особенно опасное для пастырей Церкви славолубие, честолубие и корыстолюбие со всеми смежными с этими пороками нравственными недостатками, – установление знаков отличия (набедренники, скуфии, камилавки, ордена и др.). Почти на всех соборах составлялись определения, строжайше воспрещающие переводы и перемещения духовенства, мотивируя такие правила тем соображением, что переводятся те, которые «пламенною страстью многостязания и гордости более работают, да получают большую честь» (Сард.1-е); перевод воспрещен даже в том случае, «если скопище народа прислало к нему (т. е. к просящему перевода) послание... аки бы желая иметь его епископом» (Сард.2-е; Антиох.21-е; слич. Антиох.14-е, 15-е; Ник.15-е, 16-е; 6Всел. Соб.17-е, 18-е, 20-е; Антиох.13-е и 21-е, 3-е, 23-е; Халк.5-е, 10-е, 20-е, 13-е; Сард.1-е, 2-е, 15-е, 17-е; Карф.54-е, 59-е, 90-е, 23-е, 71-е; Лаод.41-е, 42-е; Конст.2-е). Когда епископ или священник уверен, что он до конца жизни должен остаться в том приходе и епархии, в которую он первоначально послан, то он, конечно, всецело отдастся служению выпавшему на его долю народу, не раесяваясь исканием лучших приходов; равно и

народ с доверием и уважением будет относиться к батюшке, который должен до смерти служить ему. Посему понятен глубокий смысл соборных определений и великое зло для Церкви, происходящее от несоблюдения сих основных правил. Нечего говорить о неразумии возбуждения в духовенстве честолюбивых помыслов знаками отличий. В погоне за оными обыкновенно забываются прямые обязанности пастырей, воспитывая в последних дух гордости, зависти, нетерпения и нелюбви к более счастливым соперникам, опередившим в наградах менее ловких сослуживцев. Отцы же Церкви не только отвергали награды, но и предписывали священнослужителям презирать всякие отличия (ученость, известность, богатство, лучшие приходы или богатые епархии, происхождение и т. п.) при определении порядка местостояний во время общего богослужения, определивши в таких случаях держаться только порядка старшинства посвящения в сан (Лаод.). Несоблюдение сих мудрых правил Вселенских Соборов привело к тому, что «досточтимое в народе имя священника (ныне) подверглось пренебрежению» (Сард. 19-е).

С установлением в русской Церкви коллегиального (синодального) управления по Регламенту и под надзором светских лиц, присвоивших себе неподобающую власть, постепенно игнорировалось и другое мудрое правило вселенской Церкви, лежащее в основании древней формы церковного управления, а именно руководство – вместе с писанными правилами – и обычаями местных Церквей: «Да будут соблюдаемы обычаи каждой Церкви», – гласит вселенская Церковь (6Всел. Соб.39-е). «Подобает исполнять обычаи каждой Церкви», – повторяет африканская Церковь (Карф.81-е). «Да сохраняется право первенствующих епископов Нумидии и Мавритании на основании нумидийского письменного хранилища» (Карф.97-е). «Число диаконов в той или другой Церкви да будет определяемо сообразно древним обычаям сих Церквей» (кн. «Неарон» гражд. законов). «Да соблюдаются обычаи Церквей, ибо иные дела вершаются на основании (церковных) канонов, а другие на основании обычаев местной Церкви» (из постановлений карфагенской Церкви по грузинскому номоканону, не вошедших в славянский номоканон). Мы выше описали, как отнесся Вселенский Собор (Ефес.8-е) к поступку Антиохийского патриарха, который, презрев обычай кипрской Церкви, предоставлявший епископам названной Церкви право самостоятельно посвящать областного епископа собором своих же епископов, сам поставил им епископа. Когда кипрские епископы Зинов и Еварий довели о таком противном обычаям местной Церкви вмешательстве Антиохийского патриарха в дела кипрской Церкви, то отцы вселенского собора, признав такое нарушение «древняго обыкновения» неправильным и даже опасным «нововведением», «посягающим на свободу всех», подтвердил кипрской Церкви и впредь «по правилам св. отец, и по древнему обыкновению» самостоятельно избирать и ставить своих епископов и прибавил: «дабы никто из боголюбивейших епископов не простирал власти на иную епархию, которая прежде и сначала не была под рукою его, ни его предшественников: но аще кто простер, и насильственно какую епархию себе подчинил, да отдаст оную (в груз. номоканоне: «да освободит оную»): да не преступаются правила отец: да не крадывается, под видом священнодействия, надменность власти мирския: и да не утратим помалу, неприметно, тоя свободы, которую даровал нам кровию Своею Господь наш Иисус Христос, освободитель всех человеков. И так святому и вселенскому собору угодно, чтобы всякая епархия сохраняла в чистоте, и без стеснения, сначала (т. е. от древняго времени по обычаю) принадлежащая ей права, по обычаю издревле утвердившемуся» (Ефес. Всел. Соб. пр.8-е).

Таковыми ясными постановлениями во всей силе обличаются незаконные антицерковные распоряжения Свят. Синода, посягнувшие на свободу автокефальной грузинской Церкви, «по обычаю издревле утвержденную».

Автокефальных прав иверской Церкви никакая другая Церковь, по прямому смыслу сего голоса вселенских соборов, не могла коснуться и в том случае, если бы эти автокефальные права утверждались только на «древнем обычае» местной Церкви при отсутствии всяких иных оснований. А когда, как это видно из прилога к сей записке, названная автокефалия коренится на массе непоколебимых исторических оснований и распоряжений патриархов, императоров, поместных и вселенских соборов при свидетельстве пятнадцати веков, то насильственное упразднение автокефалии грузинской Церкви является, говоря словами отцов Церкви, актом «под видом священнодействия и надменности власти мирския... посягающим на свободу всех Церквей», опасным для православия «нововведением», противоречащим основным принципам православной вселенской католической Церкви. А посему, по точному смыслу определения того

же вселенского собора, насильственно, без изволения соборного определения восточных патриархов, отнятые автокефальные права иверской Церкви должны быть восстановлены во всей целостности и чистоте. «Ибо так святому и вселенскому собору угодно, чтобы всякая епархия сохраняла в чистоте и без стеснения сначала принадлежащим ей права, по обычаю издревле утвердившемуся» (Ефес.8-е).

Вместе с автокефалией грузинская Церковь синодальным управлением обнажена от всех местных церковных обычаев, имеющих своим источником первые века христианства, а потому достойных не только почитания и уважения, но и научного изучения. В интересах же православия и славы русского народа, настает первая необходимость возвратить грузинской Церкви все принадлежавшие ей права и тем успокоить соседние православные восточные народы, со страхом и ужасом отворотившие свои симпатии от Русской державы, видя (на примерах грузинской Церкви) посягательство русского начальства не только на национальность, но даже на самые коренные и священные человеческие права в области веры и совести, и извлекая из всего этого уроки для установления своих собственных отношений к сему народу в ожидании решения будущих судеб Востока.

Заключение

1. Необходимо учреждение патриаршества, но только с вышеизложенными, ограниченными постановлениями соборов, правами (он – председатель Всероссийского Собора).
2. Учреждение в 12 важных центрах – митрополий или областных епископских кафедр с такими же ограниченными правами (председателя областных соборов или собраний), с упразднением всякой субординации.
3. Восстановление полной автокефалии грузинской Церкви во всей чистоте.
4. Предоставление полных прав всем епархиальным архиереям в пределах своих епархий.
5. Воспрещение перемещений епископов и священников, каковое возможно допустить в крайнем случае с одобрения Всероссийского Собора (в России – патриаршего, а в Грузии – католикосского).
6. Учреждение по крайней мере в три года раз патриарших или Всероссийских Соборов, а в Грузии – общеиверских.
7. Ежегодные областные (митрополичьи) соборы или собрания.
8. Ежегодно не менее двух раз епархиальные съезды духовенства, с привлечением светских (по приглашению епископов) с совещательным голосом.
9. Восстановление древнего порядка избрания епископов и членов клира, с упразднением знаков отличий, с привлечением к избранию представителей от народа по приглашению соборов (в округах) и епископов (в отдельных епархиях) с совещательным голосом.
10. Упразднение духовных консисторий, синодальной канторы, с оставлением малого штата епископских канцелярий, во всем подчиненных лично епископу.
11. Возможное упразднение во всем канцелярщины и формалистики.
12. В деле организации судебных разбирательств возвыситься до порядков вселенской Церкви, завести суд соборный на епархиальных съездах, областных собраниях или соборах и патриарших соборах (высший суд), с допущением третейского суда по правилам соборов и, конечно, суда епископского, ибо епископ есть главный судья по церковным делам в пределах своей епархии, а соборы разбирают только жалобы на неправильность словесного (т. е. без формальностей) епископского суда, основанного как на личном разборе дел, так и уполномоченными с его стороны лицами, с практикованием указанных правилами вселенских и поместных соборов исправительных мер (отлучение, прекращение общений, прещение, внушение, епитимии и другие судебные штрафы).
13. Упразднение знаков отличий и введение старшинства службы при установлении порядка занятия мест во время общего богослужения и др.
14. Коренная реформа духовно-учебных заведений и церковно-народных (приходских) школ.

Краткие исторические сведения об автокефалии грузинской Церкви (Брошюра Ф. Жордания)

В Грузию христианство проникло из Антиохии. Знаменитый Антиохийский патриарх, ученый и святой муж Евстафий, лично ездил в Грузию (в 326 г.) для устройства обращенной в христианство святою Ниною страны. Вот почему, согласно обычаю древней Церкви, грузинская Церковь, как получившая христианскую веру из Антиохии, вошла в состав Антиохийского патриархата, где получали посвящение архиереи вновь обращенного народа; архиепископ же Мцхетский назначался из греков по выбору самого Антиохийского патриарха.

Однако такой порядок держался не более полутора столетий: архиепископы из греков, незнакомые с нравами и обычаями народа и местной Церкви, оказались плохими правителями. Вот почему известный своими завоеваниями грузинский царь Вахтанг 1 (434–499 гг.), при заключении мира с византийским императором Львом Великим (ок. 460 г.), выговорил для грузинской Церкви независимого католикоса, которого и указал в лице строгого ревнителя веры и бесстрашного обличителя самого царя – блаженного Петра. Так говорят гражданские и церковные летописи Грузии (см. Brosset. *Hist. de la Georg.*, т. 1, р. 190). То же подтверждает и известный ученый исследователь «Иерархии Всероссийской Церкви» Н. Д. (Москва, 1892, с. 186), который пополняет грузинские летописные сведения важным сообщением, что это было при Константинопольском патриархе Анатолии около 458 года.

Несмотря, однако, на разрешение поставить для грузинской Церкви независимого католикоса в лице блаженного Петра, царь Вахтанг не мог тогда осуществить этого своего заветного намерения, так как военные действия вовлекли его в опасную и долголетнюю борьбу с персами, а затем втянули его в войну персов с Индией, откуда царь возвратился не раньше 485 г. Возвращаясь с похода, царь послал послов в Грецию с просьбою прислать испрошенного католикоса Петра (*Hist. de la Georg.*, р. 190).

Между тем Мцхетский архиепископ Михаил, родом грек, узнав, что царь возвратился с похода с твердым намерением поставить во Мцхете католикоса Петра, минуя его, не мог примириться с мыслью, что он, глава грузинской Церкви, с учреждением католикосата должен играть второстепенную роль в иверской Церкви. Снедаемый завистью, он проклял царя. Однако последний смиренно посетил архиепископа, и когда, по тогдашнему обычаю, приложился ко кресту, вышитому на туфлях архиепископа, то последний, обезумев от ярости, ударил ногою по лицу царя и вышиб у него зуб (*ibid.*, р. 191). Это обстоятельство ускорило развязку: царь немедленно послал дерзкого архиепископа на суд Константинопольского патриарха, прося его прислать Петра на должность католикоса, а Самуила – для занятия праздной архиепископской кафедры. Тогда Константинопольский патриарх заточил виновного в монастырь «неусыпающих». Что же касается посланки католикоса и архиепископа в Грузию, то греческий император и патриарх, руководствуясь обычаем всеенской Церкви относительно «первенства», направили поименованных кандидатов в Антиохию, откуда христианство окончательно проникло в Грузию при св. Нине, прося Антиохийского патриарха поставить для грузинской Церкви самостоятельного католикоса (*ibid.*, р. 190).

Это сказание грузинской летописи, подтвержденное недавно найденным в рукописи 10 века сокращенным отрывком древней церковной летописи Грузии, совершенно согласуется со сведениями выше указанного автора «Иерархии Всероссийской Церкви», дополняющего летописные сказания местной Церкви новыми данными о том, что это событие имело место около 488 года и что Антиохийский патриарх, признавший Петра в звании самостоятельного независимого грузинского католикоса, был Палладий (с. 186).

Для вновь учрежденного автокефального католикоса царь Вахтанг воздвиг обширный, до сего времени сохранившийся, храм во Мцхете над «Животворящим столбом». Архиепископу же оставил кафедру в старой Самтаврской церкви. Последний, подчиненный католикосу, был, однако, первым между всеми епископами после католикоса, его помощником и заместителем в нужных случаях.

Нужно заметить, что вновь поставленный католикос, хотя и признан автокефальным, однако не был вполне независимым от Антиохийского патриарха: вновь избираемые католикосы должны были ездить в Антиохию за посвящением. Как видно из дальнейших событий, не только посвящение, но и самое избрание католикоса в значительной степени зависело от Антиохийского

патриарха. Совершенно так характеризует отношение католиков Грузии к Антиохийскому престолу ученый Вальсамон, имеющий в виду именно католиков этого времени, а не последующих католиков, в середине 8 века совершенно освободившихся, как увидим ниже, от всякой зависимости. В толковании на 2-е пр. 6 Всел. Собора Вальсамон говорит, что «во времена святейшего патриарха Антиохийского, господина Петра, по соборному определению, постановлено иверской Церкви быть самостоятельной и автокефальной, но в духовной зависимости от Антиохийских патриархов» (Hist, de la Georg, par Brosset, 1.1, p. 192–193, not. 2)⁸⁴ По разъяснению ученого академика Броссе, упоминаемый здесь патриарх Петр есть известный в истории Петр Фулон, и посвящение первого Грузинского католика имело место между 475–488 годами (Brosset, *ibid.*, not. 2). Кажущееся несогласие между указанием Вальсамона, полагающего, что грузинская Церковь приобрела самостоятельность при патриархе Петре, и выше названного автора «Иерархии Всероссийской Церкви», полагающего, что первый Грузинский католикос «признан в этом сане Антиохийским патриархом Палладием», не только не затемняет вопроса, но еще более уясняет его, представляя дело в трех фазах его постепенного естественного развития, а именно: 1) в 458 году царь Вахтанг от императора Льва и Константинопольского патриарха Анатолия выговорил грузинской Церкви самостоятельного патриарха, но, вовлеченный в продолжительную войну в Персии и Индии, не имел возможности привести в исполнение своего намерения; 2) возвращаясь из индийского похода, царь напомнил императору через послов об исполнении данного обещания, почему патриарх Антиохийский, Петр Фулон, в 475–488 гг. соборным определением утвердил самостоятельность грузинской Церкви «при духовной зависимости от Антиохийских патриархов». Однако католикос еще не был поставлен, так как избранный кандидат не являлся на место; 3) наконец, около 488 г., при преемнике патр. Петра Фулона, Палладии, в Антиохию прибыл для посвящения в сан католика Грузии избранный царем Вахтангом кандидат в лице блаженного Петра, который был послан туда, по просьбе царя Вахтанга, императором византийским и Константинопольским патриархом для посвящения в сан автокефального католика.

Таким образом, повествования об этом событии туземных церковных и гражданских летописцев совершенно согласуются со сведениями не туземных источников: последние только подтверждают и дополняют первые новыми данными.

Прибытие в Грузию первого Грузинского католика туземные летописи (и в том числе церковная летопись в рукописи 10 в.) полагают около 493 г. С учреждением католикосата грузинская Церковь постепенно получает ту организацию, которая в кратких чертах будет очерчена ниже.⁸⁵

С середины 6 века, при царе Парсмане, император Юстиниан Великий, в благодарность за оказанную ему грузинами услугу в деле покорения тавроскифов, особой хартией даровал грузинской Церкви право избирать кандидатов на католикосский престол из туземцев, но для посвящения в этот сан они все таки продолжали ездить в Антиохию (см. Ф. Жордания. Хроники. Т. 1, с. 52, прим. № 114; Brosset. Hist, de la Georg. Т. 1, р. 202, not. 6). По туземным источникам это было около 549 г. (*ibid.*). По свидетельству же автора вышеуказанного исследования «Иерархия Всероссийской Церкви» это событие имело место в 542 г. при патриархе Мине. В этом последнем сочинении мы встречаем подробности, неизвестные грузинским летописцам, а именно, что в этот год (542) «грузинская Церковь признана автокефальной или независимой – хартией императора Юстиниана и патриарха Мины с согласия всех восточных епископов; это постановление утвердил шестой (пятый?) Вселенский Собор. До 545 года католикосы назначались из греков», а с этого времени они избирались из природных грузин (с. 186; слич. Hist, de la Georg. Т. 1, р. 302, not. 2–6). Такое распоряжение императора и восточных патриархов, несомненно, имело основание и в том обстоятельстве, что именно в это время (по грузинским источникам в 539 и 542 гг.) армянская Церковь склонялась к окончательному отпадению от православия (каковое отпадение совершилось в 551 г.), и радетели православия позаботились противопоставить армянской ереси в защиту православия совершенно независимого борца, облеченного во всеоружие власти, каковыми действительно оказались все католикосы 6 века, начиная с Саввы (первого католика из природных грузин) и кончая Симеоном или Кирионом (потом патриарх Александрийский), блестяще завершившим борьбу в защиту православия в Грузии от напора монофизитской ереси.

Видимое разногласие между туземными и не туземными источниками легко примиряется тем соображением, что в 542 г. только утверждена признанная в 488 году Антиохийским патриархом

автокефалия грузинской Церкви законным порядком через отобрание согласия на это всех патриархов и представление на утверждение 6 Вселенского Собора, а в 545 или 549 году поставлен первый католикос из природных грузин. Известный ученый каноник 12 в. Вальсамон (впоследствии Антиохийский патриарх) подтверждает мысль об утверждении автокефалии грузинской Церкви при Юстиниане, когда пишет: «Юстиниан учредил несколько автокефальных или независимых Церквей и в том числе иверскую» (см. «*Canones s.s. Apostolorum...*» Gentiano interprete. Paris, 1620, p. 305. Hist. de la Georg. par Brosset, 1.1, p. 202, n. 6). Несомненно, что здесь под словом «учреждение» разумеется законодательное санкционирование того, что ранее было учреждено, но не утверждено другими патриархами и Вселенскими Соборами 533 г. и 680 г. Приведенное свидетельство Вальсамона важно главным образом потому, что оно исходит из уст самого Антиохийского патриарха, жившего в отдаленную эпоху (12 в.).

Хотя, таким образом, при Юстиниане автокефалия грузинской Церкви получила санкцию вселенского собора при согласии всех патриархов, тем не менее грузинская Церковь и в последующее время до середины 8 в. продолжала находиться в духовной связи с Антиохийскими патриархами. Связь эта выражалась в том, что избранные в Грузии католикосы по-прежнему продолжали ездить в Антиохию за рукоположением, хотя во всем были самостоятельны и независимы от него. Кроме того, Грузинские католикосы должны были каждые 3 года доставлять Антиохийскому патриарху значительную сумму за святое миро, которое до 6 Вселенского Собора все Церкви тогдашнего мира (и в том числе грузинская) получали из Антиохии. Хотя после 6 Вселенского Собора святое миро стали варить и при Мцхетской церкви для всех церквей Армении и Грузии при главном участии армянского митрополита (при грузинском царе Арчиле и архиепископе Михаиле, уже нам известном из его преступного деяния с царем Вахтангом Горгасланом), но раз положенная за св. миро денежная повинность в пользу Антиохии всегда признавалась Грузией или, вернее, грузины и в следующие века продолжали отправлять в Антиохию доходы в размере «1000 драканов» с тех 100 поселков, которые еще при царе Мириане были пожертвованы Антиохийскому престолу в виде цены за миро.

Однако и эта фиктивная внешняя зависимость, вследствие нижеуказанных политических событий, скоро прекратилась сначала фактически (ок. 609 г.), а потом и юридически (в 751 г.).

Причиной этого явления были политические перевороты, совершенные арабами. Последние, покоривши Малую Азию, разорвали связь грузинской Церкви с Антиохией, так как ездить туда через страны, занятые врагами Грузии, стало опасно, а морской путь также был прекращен арабами-пиратами. Вот почему с конца 6 века (по указанию нижеприведенных Антиохийских хроник – с 609 г.) до 751 года (в течение около полутора столетий) ни один из Грузинских католикосов не ездил в Антиохию за посвящением: все они (16 католикосов) получали посвящение во Мцхете собором местных архиереев⁸⁶. Об этом свидетельствуют помещенные ниже отрывки из Антиохийских хроник. Когда же продолжительная и кровавая летопись борьбы грузин с арабами к середине 8 века кончилась утверждением арабского владычества в восточной части Грузии (Тифлисской губ.), то открылась возможность сношения с Антиохией. Тогда из Грузии были отправлены в Антиохию 2 монаха, для рукоположения одного из них, а именно Иоанна, в сан католикоса Грузии с посланием грузинского царя на имя Антиохийского патриарха, в котором царь сообщал патриарху о трудностях сообщений с Антиохией по причине сарацин и просил разрешить впредь посвящать избранных католикосов в Грузии же собором местных епископов, в мцхетском храме. Хотя, как сказано, еще хартией Юстиниана Великого и постановлением Вселенского Собора 553 г. это право юридически уже даровано грузинской Церкви, тем не менее Грузия, держась прежнего обычая, отправляла избранных в Грузии католикосов в Антиохию, пока после арабских нашествий и эта тень внешней зависимости не исчезла окончательно. Сам собою совершился факт освобождения грузинской Церкви от всякого влияния Антиохийского патриарха.

Вот почему Антиохийский патриарх Феофилакт, получив вышеуказанное послание грузинского царя, исполнил все пункты его просьбы, а именно: созвал собор местной Церкви и на этом соборе составил «протрептикон» или разрешительную грамоту, которою подтвердил право грузинской Церкви о том, чтобы впредь избираемые грузинским народом католикосы не ездили за посвящением в Антиохию, а получали бы посвящение в Грузии от местных епископов. Рукою вновь посвященного католикоса Иоанна названное постановление собора с разрешительной хартией Феофилакта было отправлено в Грузию с пояснением, что Грузинский католикос, будучи совершенно независим, обязан, однако, почитать имя Антиохийского патриарха; следуемые же

за мирю доходы с пожертвованных царем Мирианом имений (в размере 1000 драканов) посылать в Антиохию в каждые 3 года через правителей сих имений, назначаемых Антиохийскими патриархами. Но в конце десятого века, при императоре Василии, эти доходы в пользу Антиохии с согласия Антиохийского патриарха Иоанна навсегда переданы Орестию, патриарху Иерусалимскому. Поэтому с начала 11 века и эта последняя тень зависимости грузинской Церкви от Антиохии совершенно исчезла.

Вышеописанные обстоятельства изложены в «Антиохийских хрониках», откуда сведения сии, по предложению Грузинского католикоса Иоанна, в конце 11 века списал с переводом на грузинский язык известный ученый грузинский монах Ефрем Мцире, подвизавшийся в грузинском монастыре при Антиохии (св. Симеона Столпника). Письмо этого Ефрема, в котором помещены эти выписи, найдено в рукописи 12 века (церков. муз. Груз, экзар. № 24) и издано в «Хрониках» г. Жордания, т. 1, с. 75–76. Эти выписки из антиохийских хроник подтверждаются недавно открытыми сведениями, в переработке помещенными в «Списке повременных патриархов Антиохийских», составленном около 1767 года на основании исторических данных антиохийской Церкви (напечатан в «Трудах Киевской духовной академии» 1874 г., июнь). Ввиду важности обоих документов, печатаем их параллельно, для удобств в сличении. Достаточно самого поверхностного анализа их, чтобы убедиться в том, что выписи Ефрема из «Антиохийских хроник» буквальны, а в «Списке повременных событий» сведения «антиохийских хроник» подверглись обработке: сведения эти несколько расширены и в некоторой степени искажены, хотя существо оставлено без изменения.

Вот тексты обоих документов:

Выпись в письме Ефрема из «Антиохийских хроник»:

«А потом, когда (грузины) начали сами посвящать (избранных католиков), не вопреки канонам и повелению (церковной власти), я нашел следующее (сведение) в антиохийских хронографах, в коих написано:

«Во дни Константина Спора⁸⁷, в патриаршество в Антиохии Феофилакта (управлял 744–751 гг.), в Антиохию прибыли из Грузии в качестве послов два монаха⁸⁸ и рассказали блаженному Феофилакту, что христиане Грузии находятся в великом стеснении, ибо со дня (смерти) священномученика Анастасия, патриарха Антиохийского⁸⁹, ни один из архиепископов-католиков не получал посвящения (от руки Антиохийского патриарха) по причине трудности сообщений, ибо невозможно ездить (в Антиохию) из страха от сарацин. Он же, подвергнув все это суду собора из митрополитов и епископов под своим председательством, даровал грузинам протрепстикон или, иначе, разрешение на то, чтобы впредь (Иверские) католики рукополагались местными епископами из лиц, которые окажутся избранными по указанию благодати Божией и свидетельству членов оной (иверской) Церкви при участии епископов, согласно церковным канонам. И он (патриарх) приказал написать и дать хартии о сем от своего имени, равно и от имени созванного тут (в Антиохии) собора. И рукоположил одного из двух присланных к нему монахов, по имени Иоанна, в сан католика над ними (грузинами)».

«Список повременных патриархов»:

«До него (т. е. до Феофилакта) в Грузии с той поры, когда уверовали во Христа... держался обычай, что, по смерти какого-либо епископа (т. е. католикоса), избранный на место его (католикос) ездил в Антиохию за рукоположением⁹⁰. Так и во дни патриарха Феофилакта грузины послали к нему 12 иереев, избранных царем их Давидом⁹¹, дабы они, после рукоположения в сан архиерейский, возвратились на места свои. На пути шайка сарацинских разбойников убила десять из них со всеми спутниками, отняв все подарки, какие они несли к патриарху, и собственные деньги их; бегством спаслись только два из них. Они-то, достигнув Антиохии, уведомили Феофилакта о всем случившемся с ними. А патриарх сей, собрав своих архиереев, поведал им все, что касалось этих иереев и что случилось с ними, и присовокупил, что, по причине отдаленности отечества их и небезопасности путей, надо устроить церковное дело их иначе⁹². Тогда отцы сего поместного собора, вместе с поименованным патриархом, решили рукоположить одного из оных двух иереев и поставить его католикосом и дать ему власть рукополагать там по необходимости епископов и митрополитов, которые и обязаны поминать его в священных службах своих, а он да поминает имя патриарха Антиохийского. После смерти же его да собираются архиереи, избрав другого вместо него, пусть рукополагают его; а в каждое трехлетие посылают Антиохийскому патриарху надлежащие доходы патриаршей кафедры с наместником, какого пошлет к ним патриарх для разбирательства и упорядочения дел их».

Таким образом оба документа подтверждают, что в середине 8 века (ок. 751 г.), при патриархе Феофилакте и императоре Константине Копрониме (741–775 гг.), вновь подтверждена автокефалия грузинской Церкви с освобождением последней от последней тени зависимости, оставленной хартией Юстиниана и собором 553 г. С этого времени католикосы не только избирались, но и рукополагались в Грузии же. Особенно же важное значение следует дать первому документу, так как он представляет буквальную выписку из утерянных «Антиохийских хроник», на основании которых в 8 в. составлен второй документ, подвергшийся, как видно из сличения, хотя и незначительному, изменению. Высокое достоинство первого документа устанавливается, кроме того, тем обстоятельством, что выписки эти, как сказано, дошли до нас в древних, почти современных самому Ефрему Мцире, двух манускриптах начала 12 в. (Ефрем жил в Антиохии ок. 1066–1116 гг.), не говоря уже о том, что в них мы имеем больше фактических данных, чем во втором документе.

В начале 11 в., при Антиохийском патриархе Петре (+ 1042 г.), еще раз подтверждена автокефалия грузинской Церкви по следующему случаю. В конце 10 века так называемые «греческие армяне» (в отличие от армян-монофизитов, имевших особого католикоса на персидской территории), имевшие особого православного католикоса, несмотря на несколько соборов, устроенных царем Грузии Багратом 3 в Артануджской области и Тао с целью удержать армян в православии, стали открыто склоняться к монофизитской ереси, а в начале 11 века сам православный армянский католикос уклонился в ересь и увлек с собою многих. Однако значительная часть армян не последовала примеру своего католикоса и продолжала твердо стоять в православии. Тогда возник вопрос: эти православные армяне в чью паству должны войти? Антиохийский патриарх простирал на них свои виды, но Грузинские католикосы (Окропир, а потом Иларион) домогались причислить их к пастве Грузинского католикоса. С этой целью Грузинский католикос ездил в Константинополь к императору Константину (+ 1028 г.) и оттуда в Антиохию к патриарху Петру, прося последнего оставшихся в православии армян причислить к пастве Грузинских католикосов. Патриарх созвал собор местной Церкви, который причислил православных армян к грузинской Церкви и в то же время подтвердил автокефалию иверской Церкви. Сведения грузинских источников подтверждаются свидетельством византийского историка Кедрина, сохранившимся в вышеуказанном «Списке повременных патриархов Антиохийских», где говорится: «Кедрин пишет о патриархе Петре следующее: когда пришли к нему грузины, дабы получить от него рукоположение по древнему обычаю, и когда он узнал от них, что они претерпевают беды и большие ущербы от господствовавших тогда над ними языков, созвал собор архиереев своих и рукоположил им другого католикоса вместо католикоса Армянского, уклонившегося от нашего догмата, и установил, чтобы он рукополагал епископов в те страны (армянские) и был бы самоглавен, но в молитвословиях воспоминал бы Антиохийского патриарха, как это делал и первый католикос (Иоанн), рукоположенный для иверцев».

Антиохийским патриархом Феофилактом, о чем мы говорили выше» (Труды Киевской духовной академии, июнь 1874 г.).

Вот на каких незыблемых основаниях зиждется историческая правда о полной автокефалии грузинской Церкви⁹³, не говоря уже о безмолвном свидетельстве длинных рядов веков о том, что автокефальные права иверской Церкви ни патриархами, ни соборами, ни отдельными Церквями и учреждениями не отрицались, а напротив, всеми и всегда признавались. Русские цари и патриархи в переписках всегда титуловали Грузинских католиков блаженными католикосами-патриархами иверской Церкви (см. послание патриарха Иова на имя католикоса Николая); так же титуловали их восточные патриархи в посланиях Иверскому архиепископу-католикосу: «Блаженнейший всея Иверии страны первоначальный (autokefalos) архиепископ в Дусе Святе возлюбленный брате наша мерности». А на конце: «Здравствуй о Господе, святейший владыко, возлюбленный брате и сослужителю» (см. «Описание четырех вселенских патриарших престолов». СПб., 1784, с. 44; «Краткая история груз. Церкви» П. Иоселиани, изд. 1843, с. 144). – Никем и никогда не было выражено сомнение относительно автокефалии грузинской Церкви. Сомнение высказано только в статье архим. Никадра, помещенной в газете «Кавказ» (1905, № 148), перепечатанной «Духовным Вестн. Груз. экз.». Но выставленными настоящей статьей доводами устранены все основания к сомнениям насчет исторической правды автокефалии иверской Церкви, кроме того единственного, указываемого о. Никандром, довода, что Антиохийский патриарх Макарий, в бытность его в Грузии в 1665 г. (проездом через Грузию в Москву, куда он был вызван для суда над Никоном вместе с архиепископом Иосифом Саакадзе, местоблюстителем Грузинского католикоса), будто бы распоряжался в Грузии, как полномочный начальник иверской Церкви, творя суд и расправу. Однако из записи патриарха, на которую ссылается архим. Никандр, ничего такого усмотреть нельзя. Напротив, эта тенденциозная путевая записка, поносящая порядки грузинской Церкви, красноречиво доказывает то, что автор ее, патриарх Макарий, никакого влияния не имел на грузинское духовенство и на порядки иверской Церкви, намеренно представленной им пессимистически в ложном свете в видах доказательства того, что независимое от Антиохии существование грузинской Церкви вредно для ее надлежащего процветания. Что Антиохийские патриархи с начала 16 века, когда от Грузинского царства отпала значительная часть его – нынешняя Ахалцхская, Ардаганская, Карсская и Батумская области, помогали эти отпавшие части Грузии приобщить к Антиохийскому патриарху и для чего не останавливались ни пред какими средствами, об этом говорят многочисленные исторические акты, в подлинниках дошедшие до нашего времени и обнародованные в «Хрониках» Жордания (т. 2, с. 267–268, 315–318, 335 и др.); но все эти домогательства Антиохийских патриархов, несмотря на поддержку гражданских правителей сих областей, в том же веке кончились неудачно: интриганы из Антиохии должны были оставить эти области, и власть католиков на церковные дела отпавших в политическом отношении территорий признавалась всеми епископами, пока население не было силой меча отсечено от православной Церкви и вовлечено в мусульманство (ibid., с. 346, 355). Что Антиохийский патриарх Макарий не чужд был идеи водворения его власти в грузинской Церкви, это несомненно, ибо идея эта читается между всеми строками его тенденциозной записки; но уже одно то, что эту идею он скрывает между строками, красноречиво говорит о том, что сильно заинтересованные против автокефалии грузинской Церкви Антиохийские патриархи не смели явно отрицать полной автокефалии иверской Церкви ввиду неопровержимых исторических фактов, на которых эта автокефалия утверждена. Нечего говорить о том, что, если бы даже патриарх Макарий в своих путевых записках отвергал автокефалию иверской Церкви, его голословное отрицание веками присвоенной грузинской Церкви власти, как заинтересованной стороны, решительно никакой цены не может иметь.

В дополнение скажем несколько слов о так называемых «Абхазских католикосах», управлявших церквами западной половины Грузии (Имеретин, Мингрелии, Сванетии, Гурии, Абзасии) в те века, когда эти области отпали от политического единства с восточной Грузией.

В конце 18 в. арабы окончательно утвердились в восточной части Грузии, но западная ее часть осталась независимой. К этому времени абхазские эриставы, принявшие титул царя, усилились при помощи хазар и греков и стали принимать участие в военных предприятиях против арабов. Такая разница в политическом положении двух половин Грузии вызвала церковный сепаратизм: католикосы Мцхетские, находившиеся под политическим влиянием арабских эмиров, не могли управлять имеретинскими и абхазскими церквами, находившимися

под влиянием враждебных мусульманскому владычеству абхазских царей, тем более что при таких обстоятельствах крайне затруднялось сообщение между этими неодинаковыми по условиям политической жизни половинами Грузии, управлявшимися множеством враждебных друг другу мелких правителей. Условие это навело абхазского царя Баграта 1 на мысль учредить для западной Грузии особый католикосат в 820 г. в орошенной кровью св. Симона Кананита области Абхазии – в городе Пицунде. Сделано ли это с согласия Мцхетских католикосов и восточных патриархов, – неизвестно; но в многочисленных исторических документах грузинской Церкви не сохранилось следов борьбы между Мцхетскими и Абхазскими католикосами, ни притязаний патриархов на абхазскую Церковь. Из этого видно, что Мцхетские католикосы, в сознании силы непреодолимой необходимости, находили нужным для блага Церкви примириться с мыслью о временном разделении иверской Церкви на два католикосата.

Разделение грузинской Церкви на два католикосата, вызванное политическим сепаратизмом, прекратилось в 985 году с политическим объединением обеих частей Грузии при царе Баграте 3. Но в 13 веке западная Грузия опять отпала в политическом отношении от восточной ее половины, а в 14 веке, при нашествии Тамерлана, снова разделились эти две половины царства, на короткое время соединившиеся. Этот политический сепаратизм породил церковный сепаратизм: в 1390 г. был поставлен в Пицунде Абхазский католикос (Арсений); но он, как видно, преемников не имел, ибо с 1390 г. до 1470 г. в актах не встречается ни одного имени Абхазского католикоса. В конце 15 века от Грузии отпали, кроме Имеретин и Абхазии, области Ахалцихская, Батумская, Ардаганская и другие. Ряд попыток царей к объединению Грузии не увенчался успехом, и в 1469 г. Грузия официально разделилась на два царства – Имеретинское и Грузинское. К этому времени относится поставление первого официально признанного Абхазского католикоса Иоакима, которое имело место между 1470 и 1474 гг. В это самое время Антиохийские патриархи, пользуясь анархией в стране, употребляли все свое влияние на отпавших от Грузии правителей и туземное духовенство с целью подчинить православные церкви отпавших областей (Ахалцихской, Батумской, Имеретинской) Антиохийскому престолу. Ряд актов, хранящихся в церковном музее грузинского духовенства, свидетельствует об этой незаконной (воспрещенной Никейским Всел. Собором, пр. 8-е) попытке Антиохийских патриархов, как об этом и выше говорено. Впрочем, благодаря усилиям Мцхетских католикосов, попытки эти не удались. Но Абхазское католикосство с этого года (1470) навсегда отпало от единства с Церквями восточной Грузии, так что после Иоакима ряд католикосов Абхазских не прекращался до самого присоединения Имеретинской области к России. Вот полный список сих католикосов:

1. Иоаким 1470–1518; 2. Малакия (Абашидзе) 1519–1548; 3. Евдемон (Чхетидзе) 1548–1578; 4. Евфимий (Сакварелидзе) 1578–1616; 5. Малакия 2 (Гуриели) 1616–1629; 6. Григорий 1629–1639; 7. Максим (Мачутадзе) 1639–1656; 8. Захарий (Квариани) 1656–1659; после него католикосы Абхазские жили не в Пицунде, а в Гелати; 9. Симон (Чхетидзе) 1659–1666; 10. Евдемон 2 (Сакварелидзе) 1666–1673; 11. Давид (Немсадзе) 1673–1696; 12. Григорий (Лордкипанидзе) 1696–1742; 13. Герман 1749–1751; 14. Виссарион (Эристов) 1751–1768; 15. Иосиф (брат царя Соломона) 1769–1776; 16. Максим (Абашидзе) 1776–1796, последний Абхазский католикос. Он кончил жизнь свою в Киеве 1796 г. 30 мая. После него обеими Церквями управлял уже один католикос (Мцхетский) до 1811 г., когда Грузинский католикосат вовсе упразднен вопреки смыслу 8-го пр. 3 Вселенского Собора.

Более подробные сведения об этом предмете – см. мою брошюру «Абхазские католикосы» 1893 г., Тифлис.

Протокол совещаний педагогического собрания Тифлисской духовной семинарии по вопросу о реформе духовно-учебных заведений

1. О желательном типе духовно-учебных заведений

При суждении о желательном типе духовно-учебных заведений все члены педагогического собрания признали желательным, чтобы 4 класса духовного училища и 4 первых класса семинарии представляли из себя по курсу изучаемых наук учебное заведение, подобное классической гимназии современного типа, и чтобы таким образом воспитанники, кончившие 4 класса семинарии, заканчивали курс общеобразовательных светских наук, изучаемых в гимназии и дающих воспитанникам последней право на получение аттестатов зрелости, с вытекающими отсюда правами в отношении поступления в высшие светские учебные заведения. Большинство членов собрания высказалось за сохранение в реформируемой семинарии богословского элемента, который должен выразиться в преподавании священной истории, катехизиса и церковного устава в духовных училищах (прогимназиях) и Священного Писания Ветхого Завета – в первых четырех классах духовной семинарии (в 5–8 классах проектируемой), причем курс этого предмета может быть сокращен в 1-м и 2-м классах семинарии, в которых изучаются законоположительные и исторические книги Ветхого Завета; преподавание библейской истории должно быть вовсе исключено из курса семинарского обучения; все прочие богословские предметы должны быть перенесены из первых четырех классов семинарии в 5-й и 6-й классы ее (богословские классы), и в семинарии должно быть внесено изучение обзора философских учений, даже и в том случае, если этого предмета не будет в числе предметов гимназического обучения. Означенное большинство членов собрания свое мнение о необходимости сохранения богословского элемента в семинарии основывало, с одной стороны, на том соображении, что семинария должна готовить кандидатов священства, искренне расположенных к последнему (см. § 1 Уст. духовной семинарии), а такие лица возможны при известной системе и духе воспитания и обучения; с другой стороны, курс богословских наук настолько обширен и серьезен, что для его успешного усвоения необходима соответствующая предварительная подготовка.

Священники К. Цинцадзе и И. Чиджавадзе (члены правления семинарии от духовенства) и преподаватель И. Перадзе находили желательным полное уподобление четырех классов духовных училищ и первых четырех классов семинарии курсу реальных гимназий среднего типа – без классических языков и богословского элемента, но с тем, чтобы касательно прав поступления воспитанников, кончивших эти гимназии, в высшие светские учебные заведения было возбуждено соответствующее ходатайство. По этому поводу инспектор семинарии М. Добронравов высказался, что, реформируя духовноучебные заведения, имеется в виду, между прочим, облегчить воспитанникам семинарии поступление в высшие светские учебные заведения, каковая цель не может быть достигнута преобразованием ее в реальное училище, не дающее в настоящее время права поступления в университет. С этим мнением согласилось вышеозначенное большинство членов собрания.

2. О богословских классах

Упомянутое большинство членов собрания высказалось за сохранение 4-го и 6-го классов семинарии с преподаванием в них исключительно богословских наук и за то, чтобы эти классы вместе с первыми четырьмя классами семинарии составляли одно учебное заведение. Предметами богословских классов должны служить богословские предметы нынешнего семинарского курса, кроме обличительного богословия, которое, как входящее в курс догматического богословия, в качестве самостоятельного предмета должно быть уничтожено, – и истории раскола, сведения по которой могут быть сообщены в достаточной степени в курсе русской церковной истории. Помимо богословских предметов, в 5-м и 6-м классах следует преподавать дидактику и гигиену, а по мнению ректора семинарии архим. Григория – греческий язык, вместо гигиены. Примерное распределение уроков в богословских классах (в 5-м и 6-м классах семинарии) может быть представлено в следующем виде:

1 Священное Писание	5 класс	46 класс	4
2 Гигиена (или греч. язык)	1		1
3 Церковная история	6		4
4 Сektантство	4		3
5 Догматическое богословие	3		4
6 Литургика	2		2
7 Гомилетика	2		2
8 Основное богословие	3		2
9 Нравственное богословие –			3
10 Практическое руководство	2		2
11 Дидактика	1		1
12 Церковное пение	1		1

Итого 29 29

По вопросу о поступлении в богословские, а равно и в другие классы реформируемой семинарии воспитанников из средних светских учебных заведений то же большинство членов собрания высказалось, чтобы таковые воспитанники принимались в соответствующие классы по экзамену из тех предметов, которых они не изучали в поименованных заведениях, и под условием благоприятных отзывов от их прежнего учебного начальства. По вопросу о принятии кончивших курс учения в семинарии в состав курса духовной академии то же большинство было того мнения, чтобы всем воспитанникам, кончившим семинарский курс, было предоставлено право поступить в духовную академию без ограничения разрядами, причем рекомендованным педагогическим собранием – без экзамена.

По вопросу о богословских классах священники К. Цинцадзе и И. Чиджавадзе, преподаватели И. Перадзе и В. Воскресенский высказались в том смысле, чтобы они, под именем «богословских курсов», были выделены из состава классов семинарии в совершенно самостоятельное учебное заведение, но с тем, чтобы обучение в них продолжалось не менее трех лет (по мнению Воскресенского достаточно будет двух лет) и преподавателями были по преимуществу лица, имеющие священный сан, и все преподавание было приноровлено к местным условиям. Эти курсы как по программам, так и по строю и порядкам жизни, должны быть специальными, особыми. Они должны иметь своей целью воспитывать и обучать юношей, свободно и с сознанием избирающих духовное поприще. Свое мнение означенные члены собрания основывали на следующих соображениях. В светских учебных заведениях встречаются воспитанники, отличающиеся благочестием и верой, которые могли бы с пользой служить Церкви Христовой. Таким воспитанникам должен быть облегчен доступ в состав богословских курсов без экзамена. Нельзя полагаться на призвание, насильственно навязанное известной системой воспитания. Такое призвание, хотя и имеет значение в деле определения будущего общественного служения человека, но не сопровождается искренностью и силой внутреннего убеждения, что часто обнаруживается и не остается незамеченным народом. Только то призвание можно назвать искренним и прочным, которое появляется в юношеские годы, когда развиваются умственные способности и юноша ясно определяет естественное расположение к тому или другому роду деятельности. Тогда юноша в состоянии судить безошибочно о том, какие требования предъявляет человеку то или другое общественное служение и к какому роду

деятельности он имеет естественное расположение. Такие юноши могут быть во всех средних светских учебных заведениях, а не только в одной семинарии. Обычная семинарская система и обычный семинарский дух воспитания едва ли кого-либо делают религиозно-нравственными, напротив – они способствуют развитию религиозного индифферентизма в питомцах, на что неоднократно указывала, между прочим, и печать. Воспитывать и обучать в одном и том же учебном заведении, в одном и том же духе, воспитанников, желающих поступить в высшие светские учебные заведения, вместе с воспитанниками, желающими послужить Христовой Церкви, едва ли целесообразно. Нет сомнения, что одна и та же система религиозно-нравственного воспитания, пропитанная строгими принципами церковности, одинаково применяемая к воспитанникам двух противоположных направлений, если и будет встречать сочувствие среди воспитанников набожных, не может не вызывать справедливого недовольства среди воспитанников, не отличающихся особенно набожностью. Противоположная постановка дела может вызывать справедливое недовольство среди воспитанников набожных. Таким образом, на почве системы религиозно-нравственного воспитания в проектируемой большинством членов собрания семинарии, без сомнения, будут возникать нежелательные явления, которые могут нарушить спокойное течение семинарской жизни и вредно отразиться на общем ходе учебно-воспитательного дела в ней. В состав богословских курсов должны быть принимаемы все юноши, успешно кончившие курс учения в светских средних учебных заведениях, свободно и с сознанием чувствующие в себе призвание к пастырскому служению. Для изучения богословских предметов на курсах в том объеме, в каком они нужны пастырю, совершенно достаточно трех лет. Окончившим полный курс учения на богословских курсах должно быть предоставлено право поступления в духовные академии без ограничения разрядами и экзамена, причем рекомендованным начальством курсов следует давать предпочтение перед не рекомендованными. О неудобствах объединения богословских классов с общеобразовательными классами высказался также инспектор семинарии М. Добронравов, по мнению которого, в таком случае неизбежно придется воспитывать при одинаковых условиях лиц, преследующих не одинаковые задачи. Если он высказался за их соединение, то потому, что, по его мнению, в противном случае для богословских курсов не найдется достаточно подготовленных и религиозно настроенных лиц, так как он не находит возможным рассчитывать на светские учебные заведения.

3. О продолжительности уроков и их ежедневном количестве

Ввиду неизбежности увеличения числа предметов, собрание признало желательным иметь ежедневно, за исключением субботы, по 5 уроков с продолжительностью в 50 минут каждый, а всего 29 уроков в неделю.

4. О переводных, выпускных и приемных экзаменах

Переводные экзамены, по мнению собрания, должны быть вовсе отменены для успевающих учеников, а выпускные – сохранены для 4-го и 6-го классов семинарии. В первый класс нынешней семинарии (в 5-й проектируемой) следует принимать без экзамена всех учеников, успешно кончивших курс в духовных училищах, по рекомендации училищных правлений. По мнению священника Цинцадзе, следует принимать в упомянутый класс всех учеников без экзамена, независимо от рекомендации правления училища, а рекомендованным следует давать предпочтение.

5. Вопрос об участии врача в заседаниях педагогических и экономических с правом голоса

Вопрос этот решен в положительном смысле.

6. О внеклассном чтении книг, журналов и газет

По данному вопросу большинство членов собрания высказалось в том смысле, чтобы сила практикующейся до настоящего времени в семинарии учительской рекомендации читать или не читать ту или другую книгу и впредь была сохранена, дабы этим дать возможность всем ученикам вообще, а в особенности ученикам младших классов семинарии, читать все, что действительно полезно, и не тратить времени на чтение книг, не соответствующих степени умственного развития каждого из них и задачам их нравственного воспитания. Впредь до составления подробного и полного каталога для ученических библиотек Учебным Комитетом при Св. Синоде (что особенно было бы желательно), следует поощрять чтение всех книг, имеющихся в ученической библиотеке, а чтение книг и периодических изданий из семинарской фундаментальной и посторонних библиотек может быть допускаемо по рекомендации и с одобрения начальствующих и наставников.

Священник К. Цинцадзе и преподаватели Н. Махатадзе и И. Перадзе высказали по данному вопросу следующие соображения:

Воспитанники в том факте, что учитель не порекомендует читать ту или другую книгу и периодическое издание, могут усмотреть запрещение – не читать книг и изданий, содержание которых от них преподаватель заведомо скрывает. Между тем запрещение, как показывает практика, цели не достигает в огромном большинстве случаев. Оно вызывает недовольство и – что самое главное – делает запрещенное сладким, привлекательным. Воспитанник, по велению любознательности, с жадностью читает то, чего учитель не рекомендовал, – и не только сам читает, но советует читать то же и своим товарищам. Поэтому-то, избегая предварительного запрещения по вопросу о чтении, начальствующие и учащие должны возвысить прежде всего свой авторитет в глазах учащихся и, по мере встретившейся надобности, в тех, например, случаях, когда воспитанники читают то, чего, по мнению руководителей, они не должны читать, давать мотивированные советы о том, что читать и чего не читать. Такие советы будут иметь существенное значение и во всяком случае больше воздействуют на них, чем запрещение. Такая постановка дела чтения даст больше положительных результатов, чем постановка другого рода, тем более что воспитанники, несмотря на запрещение, читали до сих пор скрытно периодические издания, а за каникулярное время – много таких книг, чтение которых было воспрещено. Поэтому, по мнению священника Цинцадзе, Н. Махатадзе и И. Перадзе, следует воспитанникам при чтении книг, журналов и газет предоставить полную свободу.

7. Уравнение прав служащих в духовно-учебных заведениях с правами служащих в гимназиях Министерства народного просвещения в отношении получаемого содержания, пенсии и срока выслуги последней

Уравнение это собранием признано своевременным и желательным, с распространением действия этого закона и на лиц, уже состоящих на службе.

8. Участие духовенства в заведовании хозяйственными делами семинарии

Собрание признало желательным и в состав распорядительного собрания семинарии ввести не менее трех членов от духовенства, но с тем, чтобы они принимали непосредственное участие в ведении экономической части (ежедневном осмотре провизии, определении доброкачественности материала для экипировки учащихся и т. п.).

9. О выборе ректора и инспектора

Собрание признало желательным, чтобы ректора и инспектора избирало педагогическое собрание.

Примечание. Мнение священника К. Цинцадзе и И. Перадзе по данному вопросу изложено в пункте 19 сего протокола.

10. Отношение правления семинарии к Учебному Комитету при Св. Синоде

Собрание признало желательным, чтобы правлению семинарии было предоставлено право входить в Учебный Комитет с разьяснениями о неудобствах исполнения тех или других его распоряжений по учебно-воспитательной части, предварительно приведения в исполнение этих распоряжений.

11. Насколько желательно сохранить тип закрытого учебного заведения в духовно-учебных заведениях

По данному вопросу мнения членов собрания разделились. Большинство членов высказалось в том смысле, чтобы своекоштным воспитанникам было предоставлено право жить на частных квартирах, удовлетворяющих гигиеническим требованиям, у лиц благонадежных – по удостоверению родителей учащихся и членов инспекции, и каждый раз с разрешения семинарского правления. Казеннокоштные воспитанники обязательно должны жить в общежитии. Члены собрания: М. Добронравов, И. Гортинский, В. Воскресенский, С. Мураховский, А. Вербицкий, И. Кленов и А. Ржавенский и помощники инспектора В. Доброгаев и А. Смирнов, соглашаясь с вышеприведенными положениями о разрешении своекоштным воспитанникам жить на частных квартирах, относительно казеннокоштных воспитанников высказали то мнение, чтобы тем из них, которые по засвидетельствованию семинарского врача, вследствие болезненного состояния организма, не переносят условий жизни в закрытом учебном заведении, было позволено, в виде исключения, жить на частных квартирах с выдачею стипендиатских денег на руки, но с тем, чтобы врач обязательно письменно удостоверил правление, что новые условия жизни более благоприятствуют улучшению их здоровья, чем жизнь в пансионе. Члены собрания священник К. Цинцадзе, Н. Махатадзе и И. Перадзе признали желательным разрешить и всем казеннокоштным воспитанникам жить на частных квартирах с выдачею им стипендиатских денег на руки и соблюдением всех вышеизложенных требований о благонадежности домохозяев и гигиеничности квартир.

12. Об изменении пункта 1 § 32 устава семинарий в смысле расширения полномочий инспектора и членов педагогического собрания, по которому (пункту) «воспитанники не могут обращаться с просьбами в правление прямо от себя или чрез посредство инспектора ши кого-либо из членов правления»

Собрание признало желательным изменить этот пункт в том смысле, чтобы не только инспектор, но и каждый член собрания мог входить в правление с письменными предложениями по вопросам учебного воспитательного характера, но предварительно ознакомив с содержанием их ректора семинарии, как председателя правления.

13. О возложении воспитательских обязанностей на преподавателей и отношениях последних к ректору и инспектору

Собрание признало желательным упразднить должность помощников инспектора с возложением их обязанностей на преподавателей, но с тем, чтобы каждый класс имел своего особого воспитателя и чтобы последний, имея не более 12 уроков в неделю, получал за несение воспитательских обязанностей 900 руб. в год, сверх получаемого им содержания за преподавание. Должность инспектора семинарии признано желательным и впредь сохранить, с увеличением настоящего оклада его содержания. Воспитатели действуют во всем в согласии с ректором и инспектором.

По мнению священника К. Цинцадзе, следует упразднить вовсе должность инспектора, с возложением его и его помощников обязанностей на ректора и педагогическое собрание, которое являлось бы ответственным не только по учебной, но и воспитательной части.

Примечание. Подробности отношений учителей-воспитателей к ректору и инспектору, а равным образом – отношений ректора, инспектора и преподавателей к исполнению своих обязанностей и ученикам, определяются особой инструкцией, выработанной педагогическим собранием.

14. Музыка. Пение. Литературно-вокально-музыкальные вечера. Гимнастика и игры. Экскурсии

Собрание признало желательным поставить на надлежащую высоту обучение музыке и пению и приобрести на казенные средства музыкальные инструменты.

Устройство литературно-вокально-музыкальных вечеров собрание признало весьма желательным, но с тем, чтобы эти вечера происходили по программе, утвержденной семинарским начальством.

Для обучения гимнастике следует иметь особого учителя с приличным вознаграждением.

Игры разных видов следует поощрять в видах физического развития учащихся. Образовательные экскурсии признаны собранием весьма желательными в видах обогащения учащихся разными сведениями и расширения их умственного кругозора.

15. О посещении театральных представлений, концертов и вечеров

По мнению собрания, не следует воспитанникам воспрещать, с разрешения ректора и инспектора, посещать такие театральные представления, концерты и вечера, которые способствуют развитию их этического и эстетического чувства.

16. О товарищеских судах

Товарищеские суды, по мнению большинства членов собрания, нежелательны, так как на практике, где только они начали функционировать, дают отрицательные результаты, расширяя те полномочия, которые входят в круг их деятельности, внося в товарищескую среду раздоры и отнимая у членов суда из учеников массу дорогого для обучения времени.

По мнению священника К. Цинцадзе и преподавателя Перадзе, на основании того, что товарищеские суды дают в настоящее время отрицательные результаты, вовсе не следует делать выводов об их нежелательности. Товарищеские суды – учреждение сравнительно новое и потому не лишенное некоторых недостатков. Напротив, товарищеские суды весьма желательны; стоит только строго разграничить вопросы, решение которых входит в круг их компетенции. Поэтому следует урегулировать эти суды и передать в их компетенцию проступки учеников против требований благоприличия и исполнения ученических обязанностей. Член собрания Н. Махатадзе, соглашаясь с мнением священника К. Цинцадзе и И. Перадзе о товарищеских судах, признал желательным, чтобы эти суды происходили под руководством одного из преподавателей, по выбору председательской корпорации.

17. О кружках с целью самообразования

Вопрос этот решен собранием в положительном смысле.

18. Об ученической кассе взаимопомощи

Большинство членов собрания высказалось против ученической кассы взаимопомощи. По их мнению, нельзя поручиться, что кассовые суммы будут всегда идти на удовлетворение действительно неотложных нужд учеников. Притом сами ученики бедны (взносы в кассу могут быть слишком ничтожны). Для удовлетворения нужд бедных питомцев семинарии, имеются при большинстве семинарий общества вспомоществования недостаточным воспитанникам. По мнению священника К. Цинцадзе и преподавателей Н. Махатадзе, И. Перадзе и В. Воскресенского, учреждение ученической кассы взаимопомощи на товарищеских началах желательно: голос всех учащихся, желающих учредить такую кассу, доказывает, что вполне назрел вопрос об ее основании, и с этим голосом нельзя не считаться.

19. Участие духовенства в управлении и ведении учебно-воспитательного дела в проектируемых духовно-учебных заведениях

Член собрания, священник К. Цинцадзе, внес следующее предложение: «В состав педагогических собраний духовно-учебных заведений должны быть избираемы духовенством членами известные педагогической опытностью лица с высшим светским и богословским образованием в количестве, равном $\frac{2}{5}$ всего наличного состава педагогического собрания, но с тем, чтобы им было предоставлено право, наравне с прочими членами собрания, посещать уроки, контролировать преподавание и о результатах своих наблюдений и впечатлений докладывать педагогическому собранию; они же принимают участие в выборе преподавателей и начальствующих лиц, последних – сроком на 5 лет».

К этому предложению присоединился и преподаватель И. Перадзе.

Преподаватель В. Воскресенский высказался в том смысле, что, если духовно-учебные заведения будут корпоративными, то духовенство вправе следить за общим направлением обучения и воспитания и ведением хозяйственной части, но с ограничениями в отношении контроля в учебном отношении, где контроль можно предоставить только компетентным лицам.

Преподаватель И. Кленов высказался, что духовенство может наблюдать за физическим воспитанием (например, наблюдать за играми, за времяпрепровождением после обеда и т. д.).

Все прочие члены собрания, не имея ничего против расширения прав участия духовенства в педагогических заседаниях, не согласились с заявлением священника К. Цинцадзе, как могущим вызвать много нежелательных явлений в жизни учебного заведения: возможны личные счеты, интриги, возможны и контролеры не компетентные, могущие внести в классные уроки много неурядиц; помимо того, преподаватели семинарии, как лица с высшим образованием, не нуждаются в других контролерах, имея их в лице ближайшего начальника – ректора, епархиального архиерея и периодически посылаемых членов – ревизоров Учебного Комитета. По их мнению, следует признать желательным участие духовенства в педагогических заседаниях в лице избранных им членов из духовных лиц, числом до $\frac{2}{5}$ всего наличного состава педагогического собрания. По мнению ректора семинарии, достаточно иметь в правлении четырех духовных лиц от духовенства, а по мнению инспектора М. Добронравова, преподавателя Е. Мураховского и помощника инспектора М. Омеляновича, число членов от духовенства должно равняться $\frac{1}{4}$ всего наличного состава правления.

Предложение священника К. Цинцадзе о выборе преподавателей большинство членов собрания нашло практически неосуществимым и с точки зрения учебно-воспитательной нежелательным.

20. О § 3 семинарского устава: «семинария, под главным управлением Св. Синода, находится в ближайшем ведении епархиального архиерея»

Большинство членов собрания высказалось за сохранение точного смысла этого параграфа устава, так как, с проектируемым увеличением числа членов от духовенства, последнее достаточно представлено в педагогическом собрании.

Священник К. Цинцадзе и преподаватели Н. Махатаддзе и И. Перадзе находили целесообразным изменить этот параграф в таком виде: «Семинария находится в ведении духовенства с архиереем во главе». М. Добронравов высказался, что семинария должна находиться в ближайшем ведении епархиального архиерея.

21. Предложение ректора семинарии о том, считать ли семинарию бессословным или сословным учебным заведением

Все члены собрания высказались по данному вопросу в том смысле, чтобы семинария не была узкосословным учебным заведением, но с тем, чтобы в нее принимались прежде всего дети духовенства, а на оставшиеся вакансии – и дети из других сословий.

22. Вопрос о двух семинариях – грузинской и русской – в Закавказье

Большинство членов собрания нашло нужным основать две самостоятельных духовных семинарии: одну – для учеников-грузин, а другую – для русских, греков, айсоров, осетин и других. Организация учебного дела в грузинской семинарии, применительно к вырабатываемому плану, должна быть предоставлена грузинскому духовенству под контролем подлежащей власти. Основаниями для учреждения двух самостоятельных семинарий – грузинской и русской – служат, во-первых, по мнению собрания, то обстоятельство, что преподавание богословских предметов для грузин следует вести на их родном языке, а это практически неосуществимо в одном и том же учебном заведении, при смешанном национальном составе учащихся; во-вторых, в семинарской церкви для учеников-грузин богослужение следует совершать на грузинском языке, а при наличии одной семинарии воспитанники других национальностей лишены будут возможности сколько-нибудь сознательно участвовать в богослужении, и таким образом богослужение, как один из важнейших факторов религиозно-нравственного воспитания, потеряет свое значение; в-третьих, то обстоятельство, что в последнее время крайне обострились отношения между грузинами с одной и русскими и греками – с другой стороны, о чем недавно было заявлено ректору семинарии отдельными группами учеников и от русских и от греков и что подтверждается непосредственным наблюдением правления семинарии; в-четвертых, русская семинария для Закавказья необходима, так как в крае насчитывается до 300 русских приходов, а с греческими – даже до 400. Кроме того, и Владикавказская епархия, как не имеющая своей епархиальной семинарии, принуждена оставлять оканчивающих курс во Владикавказском духовном училище без дальнейшего богословского образования, так как Тифлисская и Ставропольская семинарии, куда они доселе беспрепятственно поступали, их не принимают за недостатком вакансий; в-пятых, вторая семинария необходима в Закавказье еще и потому, что с 1894 года здесь существовали две семинарии: Тифлисская и Кутаисская; последняя была закрыта в 1904 году. Вопрос о необходимости открытия другого подобного же учебного заведения в Закавказье для приготовления пастырей признается, насколько собранию известно, желательным в высших духовных сферах и, наконец, пока не продано старое здание Тифливской духовной семинарии, значительно упрощается дело открытия другой семинарии.

Служащие по духовно-учебному ведомству в пределах Закавказья должны быть сравнены – в отношении штатных окладов, гонорара за добавочные уроки, выслуги прибавок к штатным окладам, квартирных денег, пенсии и сроков ее выслуги и получения на службе – со служащими в мужских гимназиях Министерства народного просвещения в Закавказье.

При постановке этого вопроса присутствовал священник К. Цинцадзе, но при обсуждении его не высказывался, предполагая, что вопрос этот будет окончательно решен на следующем заседании. По мнению преподавателя И. Перадзе, собрание имело целью обсудить вопрос о желательных изменениях в существующих духовно-учебных заведениях, но не об учреждении новой семинарии. Да и работу всего собрания он считает подготовительной со стороны правления семинарии для предполагаемого съезда представителей духовенства всего Грузинского экзархата, каковой съезд и выскажется окончательно по вопросу о желательном типе духовно-учебных заведений.

Рапорт правления Тифлисского духовного училища

Правление Тифлисского духовного училища признало целесообразными следующие основные положения желательных для духовных училищ реформ:

1. Учебный курс в четырех классах духовных училищ и в четырех классах нынешних духовных семинарий как в программах, так и в предметах и распределении предметов по классам, изменить соответственно учебному курсу реформированных гимназий ведомства Министерства народного просвещения.

2. Богословские предметы, подготовляющие к пастырскому служению, преподавать в отдельных от общеобразовательных реформированных духовных школ специально-богословских классах.

3. Для более успешного ведения и постановки учебно-воспитательного дела в реформированных духовно-учебных заведениях, желательно, чтобы каждая национальность в Закавказском крае имела свои духовно-учебные заведения с преподаванием предметов в четырех низших классах на родном языке учащихся, за исключением русского языка с его словесностью и литературой, географии и истории России, а в четырех высших классах преподавание должно быть на русском языке, за исключением родного языка с его словесностью и литературой, географии и истории родного края. В богословских же классах все предметы должны быть преподаваемы на родном языке.

4. В отношении лиц управления в реформированных школах желательно ввести выборно-коллегиальное начало.

Проект о церковном приходе, выработанный комиссией Грузинской епархии

Общее понятие

§ 1. Православный приход является собранием христиан православных известной местности под покровом приходского храма, под главным руководством священника, для целей религиозно-нравственного характера.

Состав прихода

§ 2. Район прихода, его численность, определяется или ранее существующими распределениями или, где нет, сами священники раньше организуются, а потом епархиальная власть санкционирует, при предоставлении самим православным, по своему желанию, права записаться в тот или иной приход (в городах).

Примечание 1. Прихожанам не возбраняется оставлять свой приход, но не иначе, как с ведома священника, для должной отметки в приходских книгах.

Примечание 2. Лица, живущие в районе известного прихода, но не принадлежащие к нему, равно и лица инославных вероисповеданий, не входя в состав прихода по своим религиозным нуждам, с их согласия, могут быть привлекаемы к благотворительной деятельности данного прихода.

§ 3. Каждый приход имеет у себя личные списки своих членов с обозначением сведений о семейном и общественном положении; списки, составленные тщательно, ежегодно должны быть проверяемы и дополняемы.

О церковном причте

§ 4. Ввиду того, что приход есть община, соединенная исключительно для целей религиозно-нравственного характера, первенствующая роль в деле должного направления приходской жизни принадлежит настоятелю прихода.

§ 5. Выбор настоятеля прихода делается самим приходом. Избранное лицо, если оно отвечает – по нравственным качествам и образованию – этому сану, утверждается епархиальным архиереем. Епархиальный архиерей, по достаточной мотивировке, может отклонить избрание и назначить новые выборы, рекомендуя известных ему кандидатов.

§ 6. Второй священник, диакон (в тех приходах, где существуют благотворительные учреждения – Деян.6:2–6) и прочие члены причта избираются советом прихода и утверждаются епархиальной властью.

Примечание. В случае ненахождения приходом кандидатов на священство в течение 6 месяцев и заявления об этом прихожан, епархиальный архиерей назначает таковых своей властью. Порядок выбора священника в той или иной епархии, сообразно местным условиям жизни, определяется особою инструкцией епархиального архиерея.

О приходских собраниях

§ 7. Настоятелем прихода, а за его отсутствием – попечителем прихода, устраиваются не менее двух раз в год приходские собрания, на каковых правом голоса пользуются все прихожане, достигшие совершеннолетия и записанные в приходскую книгу.

§ 8. На приходских собраниях, которые происходят под председательством настоятеля прихода, обсуждаются вопросы о религиозном влиянии на инославных, о наблюдении над жизнью членов прихода, об образовании подрастающего поколения, об обеспечении в материальном отношении бедных своего прихода, о способах воздействия на лиц, грубо нарушающих христианские правила жизни, и обо всех материальных нуждах прихода.

К обязанностям общего собрания прихожан относятся также выборы настоятеля прихода, каковые происходят под председательством попечителя прихода, а также выборы членов приходского совета, церковного старосты, представителей прихода и выборных для общего епархиального съезда.

Примечание. Воздействие не должно иметь какого-либо внешне принудительного характера.

§ 9. Приходское собрание, ввиду указанных целей, может организовать из прихожан особые кружки: миссионерские, просветительные, благотворительные и т. п., снабжая их известными полномочиями и обязывая их о деятельности своей докладывать совету прихода.

§ 10. Приходские собрания изыскивают на нужды прихода необходимые средства для образования – путем самообложения, добровольных пожертвований, эксплуатации приходских имений, кружечного сбора – собственно приходской кассы; ежегодно рассматривают и утверждают смету прихода и расхода, составляемую советом прихода.

§ 11. Все церковные поступления находятся сообразно существующим узаконениям, в непосредственном ведении высшей местной епархиальной власти и в приходском храме; ответственными лицами являются за правильное ведение расходов и правильную запись приходов причт, церковный староста и выборные от прихожан.

§ 12. В начале каждого отчетного года в случае остатков церковных сумм, об этих остатках оповещаются прихожане на общем первом приходском собрании, каковому дается право судить о наиболее насущном употреблении этих остаточных денег, и составленное в этом духе постановление приходского собрания приводится в исполнение не иначе, как с разрешения епархиального начальства.

§ 13. Приходский храм должен быть предметом особливых попечений прихожан.

§ 14. Безбедное существование причта является насущной задачей прихода; приход обязан заботиться о содержании причта – обязательной ли поручной платой за требоисправление, или же определенным взносом с семейства (дыма) до известного, по каждой местности особого предела, или иным способом. Дома священноцерковнослужителей должны быть выстроены приходом и поддерживаться в должном виде.

§ 15. Образование подрастающего поколения является обязанностью прихода. Казенные вспомоществования и должны быть рассматриваемы, как таковые; главные же расходы приход должен брать на себя.

§ 16. Приходская благотворительность должна быть поставлена в возможно больших размерах и вестись в чисто церковном духе, распространяя свое влияние не только на членов прихода, но и на всех живущих в районе прихода, не исключая и инославных. Диаконская степень должна быть рассматриваема, как обязывающая вести дело церковной благотворительности. Где нет диакона, желательно возрождение института диаконисе.

О совете прихода

§ 17. Исполнительным органом деятельности приходских собраний является совет прихода.

§ 18. В состав совета прихода входят в качестве непременных членов все члены причта, церковный староста, попечитель прихода и выбранные общим собранием прихода в количестве, не превышающем количества непременных членов.

§ 19. Председатель совета прихода – настоятель прихода, а за его отсутствием – избираемый приходом попечитель прихода.

§ 20. Совет прихода избирает из своей среды казначея и делопроизводителя.

§ 21. Попечитель прихода, избираемый приходом из лиц, наиболее преданных Церкви и известных своей благотворительностью, имеет своей обязанностью заботы о наилучшей материальной постановке всех приходских учреждений.

§ 22. Как исполнительный орган приходских собраний, совет прихода должен пользоваться правами юридического лица и по постановлению приходских собраний совершает все дела по приобретению собственности, закладов приходских имений и проч.

§ 23. Совет прихода имеет свою печать.

§ 24. Совет составляет списки прихожан, ежегодно таковые проверяет, распоряжается в пределах сметы приходскими суммами и заведует приходским хозяйством. О своей деятельности ежегодно представляет отчет приходскому собранию; он же составляет смету прихода и расхода и представляет ее на рассмотрение и утверждение приходского собрания.

§ 25. Для объединения деятельности приходов, по характеру местности, обычаям, занятиям имеющих сходные интересы, должны быть устраиваемы не менее двух раз в год совместные приходские собрания.

Примечание. Время и место совместных приходских собраний указывается епархиальным архиереем, членами совместного собрания являются местные настоятели, попечители прихода и церковные старосты, как уполномоченные своих приходов.

§ 26. Для большей производительности работ совокупности приходов, желательно присутствие на этих собраниях епископа; почему увеличение епископских кафедр является главнейшим условием развития приходской жизни. За отсутствием епископа, председатель избирается из наличных священников.

§ 27. Выработанные постановления совокупности приходов приводятся в исполнение с утверждения епархиального архиерея. Постановления, касающиеся интересов всей епархии, приводятся в исполнение не ранее одобрения этих постановлений на общепархиальном приходском съезде, членами которого, кроме избранных приходских священников, являются и выбранные для этих съездов миряне с правом голоса.

§ 28. Как в приходском совете, в общем приходском собрании и собраниях совокупности приходов, так и в общепархиальном съезде председателем является непременно лицо священного сана.

§ 29. Общепархиальные постановления входят в силу после утверждения этих постановлений епархиальной властью. Постановления приходских собраний и советов прихода (кроме выборов священнослужителей прихода) имеют окончательную силу; но все постановления должны быть аккуратно записаны с должными подписями в особую книгу.

Мнение комиссии по вопросу об участии духовенства в общественных учреждениях

Царство богоизбранного народа первоначально было царством теократическим. Здесь, употребляя привычные термины, Церковь сливалась с государством, и служители Божии были в то же время служителями государства, активно участвуя в законодательстве, управлении и суде, в делах мира и войны, в общественных и частных. Замена теократии государственным строем, «как у прочих народов», т. е. с отстранением служителей Божиих от непосредственного активного участия в государственных делах, с неким видом отделения Церкви от государства, была грехом народа Божия (1Цар.12:17,19), напоминавшим богоотступничество (1Цар. 8:4–9), что и не замедлило сказаться на первых же порах весьма печальными последствиями. Господь уступил жестоковейному народу, но дал понять определенно, что устранение теократического принципа из государственного устройства есть уклонение в сторону государственного принципа, «как у прочих народов», т. е. языческого. Но благостная десница Вышнего, попустив грех, указала и средство от него – это не отступать от духа теократических начал и «служить Господу всем сердцем» (ibid. 13:20 и след.). Носителями и проводниками этих начал остались все те же служители Божии. Новый уклад государственной жизни не освободил их от обязанностей прежней теократии, а только видоизменил их несколько. Помазав царя, Самуил первый же сказал новым монархистам не только то, что он не перестанет молиться за них, но и это: «...буду наставлять вас на путь добрый и прямой» (1Цар.12:23), и этой миссии остался верен, доколе это было возможно. Не боясь прослыть опасным провокатором и заслужить упрек, что он вторгается не в свое дело, Самуил, вместе с молитвой о народе (1Цар.12:23), не упускал из виду государственной жизни и активно вмешивался в ход ее: он говорил перед правительством речи, которые теперь обозвали бы опасным радикализмом крайней левой и даже прямо революционными, он принимал участие в вопросах о войне и мире и даже пытался влиять на распорядок самой военной кампании, но во всех случаях не как беспокойный оппозиционер, а как представитель теократического принципа жизни. Вся история еврейских государств до конца их ознаменована активным участием в их делах носителей и хранителей теократических начал.

Созидавая царство благодати, Христос вовсе не хотел своих последователей поставить вне установившихся форм людского общежития, так чтобы они были только безучастными зрителями происходящего в мире; напротив, Он прямо сказал в своей первосвященнической молитве об учениках, что Он не молится о том, чтобы они были взяты от мира, но, чтобы Отец Небесный сохранил их только от зла (Ин.17:15), ибо задача их жизни – не устраняться от мира, но пребывать в этом мире в качестве посланников Христа и деятельно участвовать в жизни мира во имя вечных идеалов любви и правды – «да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин.17:21 и след.). Вообще в первосвященнической молитве, несмотря на всю внемирность ее идеалов, предполагается для христиан без различия их иерархического положения самая широкая активная мировая деятельность, а не одна созерцательная.

Что касается – в частности – государства, то Господь не отвергнул его, напротив – повелел воздавать «кесареву кесарю, а Божие Богу» (Мф.22:21). Под кесаревым здесь разумеется сумма всех государственных обязанностей, а не одна, конечно, дань, которая служила в данном случае их символом. И если вторая половина текста обязывает всякого христианина к деятельному служению Богу, то и первая половина обязывает к деятельному служению государству.

В изречении Христа: «воздадите кесарево кесарю» и проч. еще чувствуется обособление Церкви от государства, обязанностей поклонников Божиих – от обязанностей подданных кесаря; но это понятно. Христос имел в виду государство с языческим укладом жизни, основанным на внешнепринудительных, полицейско-деспотических началах. Как тот уклад жизни, так и эти начала резко противоположны христианству; поэтому последнее и первые не могли слиться в гармоническое единство, – между ними возможен лишь компромисс на принципе терпимости. В последнем же итоге Церковь Христова по необходимости противопоставлялась государству, как царство не от мира сего – царству от мира сего; ее роль в общественных учреждениях была пассивной. Но это – до времени, пока не сгладилась резкая противоположность между государством и Церковью. И Христос не преминул указать возможность других между ними взаимоотношений, когда государство не противопоставляется, а приближается к Церкви. «Цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетели называются»: в этом – сущность и

идеал языческого государства. «А вы не так, – добавил Христос: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий – как служащий» (Лк.22:25, 26; Мф.20:25, 26). Это – идеал христианского государства с «начальствующими» из христиан и с широким активным влиянием на них и дела их церковных идеалов. Языческое государство характеризуется резким делением на правящие классы со всеми прерогативами власти и бесправными «народами», и все в нем основано на принудительном господстве и власти, т. е. на деспотическополицейских началах, при которых отношение подчиненных к правителям лучше всего, как у апостола Павла, определяется словом: «повинуйтесь», и в этом, по слову Христа, только и видится государственное благо (Лк.22:25). Не «так» в христианском государстве, а по подобию Церкви. Здесь также есть власть, но государственное благо создается не внешним авторитетом власти, наводящей «страх», по выражению апостола Павла, но свободным благом самоопределением, «за совесть», всех членов государства, дружно участвующих без различия званий и состояний в созидательной государственной работе. Здесь есть и «начальствующие», но начальство их мыслится как служба обществу, служба, не гнушающаяся спускаться с верхов иерархического чиновничества до самой черновой, рабской работы. Подобная полезная работа «слугу» делает «большим», «раба» – «первым» (Мф.20:26, 27) и не в нравственном, конечно, только смысле.

В этом царстве воцерковления и возрождающихся начал теократии деятельность служителей алтаря по необходимости должна – по примеру Самуила – расширяться, выйти из сферы специально церковной в сферу государственных установлений, поскольку они являются формами христианскоцерковного духа. Христос не дал на этот счет пунктуальной регламентации, как не давал ее и ни на какой другой счет, но Он дал слишком определенные общие принципы, чтобы возможно было из них прийти к другим заключениям. Христос ясно сказал: «Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почитает Отец Мой» (Ин.12:26). Всякому известно, что значит – служить Христу: значит – служить своим ближним. И вот! Служить нужно не издалека, как бы боясь загрязниться или уронить свое положение, но быть «там» – на месте, если того требуют обстоятельства. Этот долг может очень далеко увлечь пастыря из сферы так называемых «прямых» пастырских обязанностей; но что же делать, если мы хотим любить ближнего «не словом или языком, но делом и истиною» (1Ин.3:18).

Апостол Павел не задумывался пожертвовать ради спасения Израиля даже своим вечным спасением, а не то что выйти из сферы своих «прямых» пастырских обязанностей. Златоуст говорил, что, если и Христос повелел, но видишь брата твоего от него повреждающимся, оставь на время и не сотвори по повелению Его. Подобная смелость расположений и советов, непонятная с точки зрения сухой формальной логики, вполне оправдывается высшей логикой христианской любви, которая готова все покрывать, все перенести (1Кор.13:7.), лишь бы привести нас к обители Отца Небесного.

Исходя из этого принципа, апостол Павел так характеризует пастырское дело «для Евангелия» (1Кор.9:23): «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся (2Кор.11:29)... Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона, для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1Кор.9:19–22).

Любопытно в параллель с этим привести следующее рассуждение профессора Озерова:

...Не отрицание культуры должно быть положено в основу условий пышного расцвета религиозного творчества, а признание ее, но только надо сгладить некоторые темные стороны ее. И необходимы известные общественные и политические условия, обеспечивающие эту свободу творчества, и все это должно быть обеспечено твердым правовым строем.

...Христианство слагалось при известном хозяйственном строе, далеко отстоящем от современного по товарному обмену, и зависимость людей была незначительна. При широком развитии натурального хозяйства, этой зависимости друг от друга часто не было, и каждый сам был ответствен за свои поступки, и потому идея самоусовершенствования имела вполне свой *raison d'être* в христианстве. Она соответствовала тогдашнему экономическому строю.

В настоящее время мы живем при другой хозяйственной системе, так связаны друг с другом, что результат нашей деятельности далеко не определяется работой только каждого в

отдельности, а зависит от деятельности других. Это метко выразил Лассаль в словах: «При современном хозяйстве каждый отвечает за то, чего он не делал, и нередко не отвечает за то, что он сделал». Мы – только винтики, колесики в грандиозной машине современного капиталистического производства.

Вот почему для осуществления царства Божия на земле тогда, при известной системе хозяйства, могла выдвигаться идея самоусовершенствования; к политической и общественной жизни религия относилась индифферентно по принципу: кесарево – кесареви, Божие – Богови.

В настоящее время, при связанности людей, при системе хозяйства, покоящейся на широком развитии обмена, «самоусовершенствование», как средство достижения царства Божия на земле, недостаточно; здесь должны быть, сообразно новым условиям, применимы и новые средства воздействия на общественный строй. Если человек превратился в винтик, – очевидно, его существование находится в тесной связи со всем ходом и устройством машины; следовательно, нужна широкая коллективная и общественная деятельность, чтобы водворить царство Божие на земле; нужно предварительно создать известные общественные условия, при наличии которых только и может получить полное развитие свободное религиозное творчество.

В момент общественного подъема всегда религия приобретала известный оттенок извне. Так, во Франции в 40-х годах, в Англии в 30–50-х, под влиянием зарождения рабочего вопроса, появляется так называемый духовный социализм, оказавший в Англии очень сильное влияние на общественную жизнь того времени, особенно на развитие рабочего законодательства, кооперацию и т. д. Представители его изучали жизнь рабочего населения и яркими картинками били общество по нервам, и тем пробуждали творческую любовь в последнем.

Мы переживаем такой же момент, и если мы хотим сделать религиозное творчество и религиозное настроение доступными большим массам, то мы не должны чураться своего времени и жгучих задач, выдвигаемых им.

Помимо того, нужно воспользоваться религиозным настроением массы (а у нас это настроение сильно) и попытаться придать ему другое русло. Религиозность – громадная сила, и надо только уметь использовать ее. Это – громадная масса горячего материала, посредством которого легко можно приводить в движение миллионы голов и сердец, и нельзя игнорировать эту силу: с нею можно мир перевернуть».

За всеми ошибками догматического и нравственно-практического свойства, основанная идея автора верна: «...если мы хотим сделать религиозное творчество и религиозное настроение доступными большим массам, то мы не должны чураться своего времени и жгучих задач, выдвигаемых им».

Ученый и апостол сходятся. Пастырское воздействие на массы не должно быть отрешенным от той реальной среды, на которую оно хочет действовать, – как бы с неким оттенком нравственно-практического деизма; напротив, должно быть снисхождением к немощам, верованиям, понятиям и укладу жизни пасомых, как воплощение Слова было снисхождением Бога к людям, приближением неба к земле. Пастырь не должен «чураться жгучих задач» своего времени, напротив – «воспламеняться» с тем, кого они вводят в соблазн, разделять бремя изнеможения с тем, кто от них «изнемогает» и немоществует, «так чтобы вместе и умереть и жить» (2Кор.7:3). Те, которые смутятся от такого положения пастыря, от загрязнения его «мирскими обязанностями», пусть помнят слова пастыря, апостола Павла: «...смерть действует в нас (пастырях), а жизнь в вас (пасомых)... Ибо все для вас» (2Кор.4:12,15). То есть доля пастыря – выносить все невзгоды, впутываться во все соблазны мира, как бы даже умирать духовно вместе с немощными и соблазняющимися, чтобы дать «жизнь» пасомым. Но в этом – залог спасения и самих пастырей.

В заключение своего пастырского наставления апостол Павел утешает пастырей, «зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит чрез Иисуса и нас и поставит пред Собою» вместе с пасомыми.

Если, когда, то именно в наши дни пастырское служение должно воспринять в себя характер, начертанный ап. Павлом. Как это ни странно, но в наш век концы мировой христианской истории как бы сходятся. Духовный склад и мировоззрение нашей эпохи удивительно напоминают ту эпоху, когда трудился апостол Павел, с той лишь разницей, что теперь люди стали еще немощней, еще более падки на соблазны. Это явление давно подметили многие философы и вдумчивые публицисты наших дней. Следовательно, начертанный

апостолом симбиоз, как средство пастырского воздействия, тем большее должен иметь применение.

Боязнь выступить из сферы своих христианских обязанностей в неподобающий для христианина круг мирских обязанностей и через то как бы оскверниться с опасностью потерять спасение – всегда была в Церкви; но она всегда получала достойное исправление от о.о. Церкви. Хорошо поучал на эту тему Григорий Богослов: «Лучше очернить себя иногда несколькими мирскими обязанностями, нежели совершенно лишиться благодати; как лучше, думаю, получить иногда выговор от отца и господина, нежели быть от него вовсе отринутым; и лучше озаряться несколькими лучами, нежели быть в совершенной тьме. Праведный и человеколюбивый Судья наших дел всегда ценит заслуги наши, соображаясь с родом жизни каждого, и неоднократно тот, кто, живя в мире, успел в немногом, брал преимущество перед тем, кто едва успел не во всем, живя на свободе. Так как, думаю, большее заслуживает удивление – в узах идти медленно, нежели бежать, не имея на себе тяжести, и, идя по грязи, немного замараться, нежели быть чистым на чистом пути» (Твор. Григория Богослова. Т. 3, с. 290). «Добродетель непобедима, и ничто не может быть для нее препятствием», – добавляет к этому Златоуст.

И мы знаем из агиографии, что некоторые святые пастыри, убеленные сединами, покрытые черною монашескою мантией, считали святою обязанностью спускаться, например, до последней грязи человеческого общежития, где человек становится хуже животного, – спускаться до притонов гнуснейшего разврата, вменяться с блудниками и прелюбодейцами, дабы спасти тварь Божию, падшую ниже скотоподобия. А у нас, – к слову заметить, – организуются общества и приюты спасения падших женщин; полиция измышляет меры к ограничению зла, но энергичного вмешательства духовенства здесь мы не видим. Мы слышим лишь его далекие, одиночные возгласы, которые скорее напоминают недовольство благопристойного обывателя, возмущенного непотребным шумом с соседней усадьбы.

Обращаясь теперь к истории Церкви, мы должны сказать, что в общем широта сознания церковного о трактуемом вопросе никогда в принципе не спускалась ниже учения Откровения и св. отцов. Христианская Церковь – как в Римской империи на востоке и западе, так и русская – стояла в самых тесных отношениях к государству. Первосвятители их величались отцами государей и не напрасно. Они вместе с другим высшим духовенством участвовали в совете государя, во всевозможных государственных делах. Юрисдикция святительского суда была огромна и выходила далеко за пределы чисто духовных дел. Отдельные пастыри не почитали не своим делом, не боялись уронить свое святительское достоинство – и самоотверженно кидались в самый омут анархии и революций, в борьбу политических партий, придворных интриг и деспотизма, губивших государство. И это не к посрамлению их служило, а к бессмертию и славе их святого имени. Вспомним Златоуста, Гермогена, Филарета, Филиппа и пр. и пр.

Но нигде не замечалось такой внутренней близости между Церковью и государством, нигде церковная власть и государственная не были в таком родственном единении и солидарности, как в донетровской Руси. Недаром тогда Русь величала себя Русью православною. Это означало не то только, что ее население было православным по преимуществу, но главным образом то, что стихия православной церковности глубоко внедрялась в ее гражданский строй без малейшей тени клерикализма. Здесь священство и царство не отождествлялись, но мыслились как нечто единое, заправляющее одним делом Божиим без узурпации и посягательств друг на друга.

Глубоко антицерковные, индивидуалистические и сепаративные протестантские начала Запада снова действовали разъединяюще между «Божиим» и «кесаревым». Петр 1, в зависимости от некоторых местных временных обстоятельств, подпал влиянию этих начал и то разъединение внес в государственно-церковную жизнь России вопреки заветам родной истории и без всякой необходимости. Чем больше развивался наш государственный строй на нерусских началах, тем сильнее обозначалось это разъединение. Правда, образ прежнего единения сохранился и даже старались сохранить, но силы его отверглись. Давным-давно не видать присутствия и не слышать голоса духовенства ни в совете государя, ни в других учреждениях государства. Напротив, постарались как можно дальше поставить духовенство от всего этого, замкнув его в круг чисто духовных дел. На гражданские дела оно, казалось бы, могло влиять посредственно – через слово на пасомых. Но и в эту сферу вторглись и свободе пастырского слова поставили такие условия, что нужно обладать большим героизмом, чтобы решиться при свете религии оценивать текущую государственную действительность. Разрешается оценивать

жизнь и отношения к власти управляемых, но никак не отношения первой к последним. Речам в духе Самуила, Филиппа, Гермогена не осталось места. Между тем всякому ясно, что, если погрешают управляемые, то не без греха и управители. Оценивание же жизни вполнину отдавало бы и фарисейством и нечестностью, на которые не все способны. При таких условиях, пастырское слово разрешилось в оторванную от жизни проповедь на общие благочестивые темы, годную для анахоретов разве и во всяком случае для «мужа совершенна», каковыми не суть миллионы пасомых. Миллионы пасомых таковы, что с ними, как Христос с простым народом, нужно начинать со злободневных вопросов и постепенно возводить в область чистой христианской идеи. Тогда и проповедник станет симпатичен, и речь его о небесном на основе земных отношений понятна, интересна и авторитетна. Но, при отмеченных условиях, проповедники могут действовать лишь, так сказать, сверху, едва касаясь земли. С людьми, привыкшими говорить «дольным» языком, они стали говорить исключительно языком «небесным», и получается обоюдное непонимание. В довершение беды, то – не язык «учащих со властью». Чтобы витать мыслью в чистой сфере небесного, для этого нужно быть самому небесным, тогда слово проповедника будет «со властью», а иначе слово превратится в шумиху громких фраз, а проповедник – в кимвал бряцающий или, выражаясь языком Макария Египетского, в книгу, составленную из разных авторов: расставьте по полкам этих авторов – и останется одно пустое место. Вот это и случилось с проповедующим духовенством наших дней. Оно в большинстве своих членов – обыкновенные люди, а взялись они говорить исключительно о необыкновенном, и речи их превратились в более или менее удачную риторику, а кафедра их – в пустое для народа место, и народ пошел к иным пророкам, иным проповедникам. Дело началось с интеллигенции, прежде всех утратившей не только разум, но и инстинкт церковности. Необразованные классы, как еще не утратившие по крайней мере инстинкта религиозности, еще вздыхают, слушая не совсем понятные речи, в коих им чудится нечто хорошее: но по мере ослабления этого инстинкта, – что всегда должно случиться при отсутствии разумной религиозной дисциплины, – и простые классы начинают тяготить малопонятные речи духовенства; они все более и более смотрят «на страну далече». Пастырь, если не стал чуждым, то не «своим» пасомым.

Особенно за последнее время в сознании духовенства старательно культивировалась чуть не теория о непристойности для духовенства вмешательства в мирские дела и о пристойности заниматься только своими «прямыми» пастырскими обязанностями. В этом духе ведется и воспитание духовного юношества: духовно-учебным заведениям придали облик анахоретских учреждений, куда и заперли полных сил молодых людей, тщательно оберегая их от соприкосновения с жизнью и от здорового понимания ее; на каждом шагу – одна теория и едва стоящие внимания крупинки христиански полезных навыков, а житейско-полезных навыков совсем никаких; даже ручному труду не учат, все делается от казны и руками наемных слуг. Как бесполезно учить физике, не упражняя в физических опытах, так и бесполезно воспитывать в христианских началах, не упражняя в опыте христианского добродетельного поведения; нельзя людей готовить к служению обществу, разобщая от него в самые золотые годы воспитанника; нельзя готовить к жизни в мире, не сообщая элементарных навыков, полезных в этой жизни. Молодые люди выходят из духовноучебных заведений подобные институткам – с болезненно-развитым воображением и наивным пониманием жизни. Они гвоздя не сумеют вбить, а не то что дать мало-мальски умный совет в подлежащем случае жизни вообще, христианской – в частности. У них, пожалуй, на все есть хорошие общие схемы; но схемы эти очень широки, а случаи жизни узки; схемы эти «духовны», а случаи жизни «плотяны». Поэтому нужно не только обладать схемами, но и хоть маленьким навыком применять их. А этого-то и не дается школою. Такой субъект попадает в пастыри Церкви. Что может он дать обществу? А то, чему его научили, – священнодействие и разглагольствие на общие схемы. Он может говорить «языками ангельскими»; но, раз не привили ему практически-жизненного начала, он является лишь «медью звенящею или кимвалом бряцающим» (1Кор.13:1); в лучшем случае он «чешет слух», но не сердце, а в худшем – становится нестерпимым «книжником», который с легким сердцем на других возлагает «бремена неудобноносимые», а сам не имеет ни охоты, ни умения и «перстом пошевелить» в этом направлении. Этого ли хотели? Если этого, то вполне достигли цели. Таким пастырям нечего и запрещать касаться общественных дел; они сами не коснутся их, ибо и не умеют и не развили к ним охоты, а пасомые сами от них отвернутся. Можно сказать – на днях, в правящих сферах пошла было в ход тенденция, по которой выходило вроде того, что

православная религия есть *religio rusticorum*. По крайней мере, одно время очень усиленно стали проводить в пастыри недоучек с явным предпочтением их кандидатам не только с семинарским, но и академическим образованием. Делалось это как будто в благочестивых целях, в чисто религиозных интересах, но выходило кстати: из умножившихся пастырей-недоучек, а то и совсем без образования, выходят практические мелкие дельцы, но безопасные в широких вопросах общественности, зато совсем роняющие идеальное значение пастырей в практической жизни.

Но мы остановимся на тех пастырях, которые, получив среднее и высшее образование, идут в духовное звание. Эти идут в жизнь не с пустыми руками; они искренно решились провести в жизнь «добра и правды чистые учения», не считаясь с условным отъединением круга ведомств тех или других учреждений. Но им властно говорят: «Перестаньте! Вы выходите из круга своих прямых пастырских обязанностей и вмешиваетесь не в свое дело».

Эти так называемые «прямые» пастырские обязанности в подавляющем большинстве случаев понимаются в наши дни чрезвычайно криво и в удивительно недостаточной полноте христианской всеобъемлемости.

Накормить голодающих – бесспорно прямая обязанность пастыря (Деян.11:27 и след.). В век апостольский это легко было сделать, не выходя из круга «прямых» пастырских обязанностей. Случился голод: антиохийские христиане собрали «пособие» и послали его в Иерусалим «к пресвитерам». Так просто! Но в наш век колоссального народонаселения и осложнившихся условий жизни – это не так просто сделать. Помощь голодающим превратилась в огромное «продовольственное дело», подлежащее ведению массы учреждений, до верхов административной лестницы. Частная благотворительность здесь далеко не все значит, а главным образом – ссуда казны, правильно и рационально распределяемая. Спрашивается: выйдет ли пастырь (не единичная личность, а собирательная) из своих «прямых» пастырских обязанностей, если он не ограничится организацией частной благотворительности, но и станет у кормила продовольственного дела – в крестьянских присутствиях, в губернских управлениях и пр. и силою своего знания и авторитета спасет тысячи от разорения и страданий? Думается, что утвердительный ответ может дать лишь тот сорт людей, которые осудили учеников Христа за срывание колосьев в день субботний. Но их «благочестие» по букве закона получило уже достоподобный ответ от Господина субботы.

Молиться «о мире всего мира» – бесспорно прямая пастырская обязанность. Должны ли мы соблазняться, если свою молитву эту пастырь подкрепит делом, т. е. станет у кормила того, где решается вопрос о нарушении этого мира, и с помощью Божией предотвратит ужасную, несправедливую войну и спасет отечество от разорения, потоков крови и слез? Соблазниться этим опять могут те люди, которые готовы были сгубить человека, субботы ради. Но праведен суд на таковых.

Не будем удлинять подобных примеров, коих можно привести множество. Заметим лишь, что, если пастырь с крестом в руке позволительно быть в земном аду человеческого озверения – на поле брани, то почему неуместно ему быть с тем же крестом, повитым пальмою мира, на всех поприщах государственной жизни, где борение страстей отражается на обществе губительнее даже, чем самая смертоносная война? На основании всего вышеизложенного мы полагаем, что участие духовенства в общественных учреждениях не только желательно, но и должно почитаться желательным долгом, налагаемым на него широтою Евангельской любви и пастырского служения. Важно только, чтобы всякий пастырь на поприщах государственной службы создавал себя не чиновником, а пастырем: «Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его... чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1Кор.9:23, 22).

Доселе пастырь иногда только, и то случайными урывками, участвовал, а вернее – вторгался в государственную жизнь, как *deus ex machina*, встречая то одобрение, то порицание. Пусть лучше он правомерно участвует в этой жизни, огражденный в своей Евангельской «свободе» не только законами Божескими, но и человеческими.

То правда, что и пастырь – человек, и он может забыться и разменяться в сутолоке жизни, забыть идеальную сторону своей деятельности. Но регулировать это – уже долг архипастырей. Профилактической мерой может служить выборное начало, производимое всеми членами Церкви, которые сумеют избрать достойных и спасти государство от повторения истории вредного католического клерикализма.

Выборное начало установлено апостолами. Так поступили апостолы, когда их облегли житейские нужды их маленькой общины. Для урегулирования и удовлетворения этих нужд они

повелели общине самой избрать из себя доверенных людей. Замечательно, что апостолы народных избранников не оставили в мирском чине, но через возложение рук возвели их в причт церковный и тем показали, что добродетель духовных может быть славна и непобедима, выражаясь словом Златоуста, на всех поприщах жизни.

Учреждения, в коих должно участвовать духовенство

1. Государственный Совет

Присутствуют высшие иерархи Церкви (патриарх, если он будет, с «освященным собором») и выдающиеся лица из среды высшего столичного духовенства.

2. Государственная Дума⁹⁴

Если вся Россия будет разделена на митрополичьи округа, то от каждого округа – по одному представителю. Представители на равных правах с прочими членами Думы участвуют в обсуждении и решении всех государственных вопросов. Представители духовенства получают от казны жалованье, как и другие члены Думы.

3. Земство

Духовные могут быть избираемы в гласные уездные и губернские. Широкое участие здесь духовенства весьма желательно, особенно по части народного просвещения, по продовольственному делу, по организации борьбы с эпидемиями и пр.

Духовенство выбирает двух представителей в губернское земское собрание, где они участвуют во всех вопросах, а не одних касающихся Духовного Ведомства.

4. Сельские учреждения

Священник участвует в сельских сходах наравне с прочими пасомыми. Для его пастырского воздействия открывается здесь благодарная почва, в чисто евангельском духе. Так, по 9 т. Свода Законов, ведению сельских сходов, между прочим, подлежит: 1) Удаление из крестьянского общества тех из проживающих в его среде членов оного, дальнейшее пребывание коих в этой среде угрожает местному благосостоянию и безопасности (ст. 62 и 63). Сколько тут злоупотреблений бывает! Священник может спасти не одного невинного. 2) Назначение опекунов и попечителей, проверка их действий (пункт 6); совещания и ходатайства об общественных нуждах, благоустройстве, призрении и обучении грамоте (пункт 11). Это уже прямо относится к пастырским обязанностям, особенно когда этот пункт мы снесем с § 361 и 469 того же тома. В этих параграфах в дополнение к цитированному пункту говорится, что к мирским повинностям относится: «призрение престарелых, дряхлых и увечных членов общества, не могущих трудом приобретать пропитание, у которых нет родственников или же у которых родственники не в состоянии содержать их; призрение круглых сирот». 3) Дела по отбыванию воинской повинности. Священник, как более всех посвященный в семейную жизнь прихожан, всегда скажет здесь веское слово. 4) Разрешение семейных разделов. Применительно к § 40 того же тома по вопросу о разделе обсуждается: существует ли основательный повод к разделению семьи, а согласно с § 39 удостоверяются: последовало ли на раздел согласие родителя или старшего члена семьи и не служит ли поводом к разделу расточительность и безнравственное поведение домохозяина, способны ли новообразующиеся семейства к самостоятельному ведению хозяйства; если предположенный раздел не удовлетворяет указанным условиям, то по § 41 он возбраняется. Не нужно выяснять, как в этом деле безусловно полезно участие священника.

Священник участвует в волостных сходах, компетенция коих аналогична с сельскими сходами, но касается целой волости.

Священник имеет право ходатайствовать пред сельским судом за судимых членов общества, если находит к тому христиански уважительный мотив.

5. Суд

Священник имеет право быть выбранным в присяжные заседатели.

Надлежит смягчить 431 ст. раздела 2 тома 9 законов о состояниях, где говорится: «Права белого духовенства по заключению обязательств и договоров подвергаются следующим ограничениям: никто из них не может быть ходатаем и поверенным по чужим делам, кроме тех дел, в коих они ходатайствуют за Духовное Ведомство, или за жен и детей своих, а также за питомцев, находящихся у них на попечении». Из этого правила нужно было бы допустить исключение. Бывают случаи в темной крестьянской среде, когда в указанном отношении вызываемое нуждою участие священника равносильно спасению ближнего от страшной беды. Почему с разрешения духовного начальства священнику не взять на себя возбраняемого теперь законом дела?

6. Городское самоуправление

Духовенство с соответствующим имущественным цензом, а равно удовлетворяющее тем требованиям, какие могут быть впоследствии предъявлены к выборщикам, участвует в выборе гласных в городскую думу, и духовные лица могут быть избираемы в городские гласные.

Духовенство выбирает из своей среды представителей в городскую думу, которые участвуют в обсуждении дел, не только касающихся Духовного Ведомства, но и всех вообще городских дел.

Духовное Ведомство, как крупный имущественный собственник (церкви, школьные здания, свечные заводы и пр.), участвует в выборах гласных в городскую думу и выбирает двух представителей от себя туда же.

Мнение комиссии по вопросу об устройстве противосектантской миссии в России

Результаты противосектантской⁹⁵ миссии, несмотря на довольно значительное время ее существования, менее чем скромные. Количество сектантов не только не уменьшилось, а даже увеличилось в огромном числе; секты ежедневно плодятся и множатся. В епархиях с наиболее удачным подбором миссионеров за двадцатипятилетие наибольшего подъема миссионерской деятельности число обращенных колеблется около 0,21 % общего количества сектантов в епархии, тогда как естественный прирост сектантов, не считая уклонения, выражается в ежегодной цифре 1,32% , т. е. один сектант обратится в православие, а на его место родится 6–7. Но печалат не столько эти цифры, сколько то, что ничто не предвещает более светлого в близком будущем. Не следует утешаться официальными миссионерскими заявлениями, что сектантство «заметно расшатывается и слабеет; оно не так стало фанатично». Эти заявления далеко не имеют того утешительного смысла, какой вкладывают в них. Сектантство действительно «расшатывается и слабеет» в своем укладе и фанатизме, но главным образом от духа времени – всеобщего упадка религиозности и выродившегося отсюда некоего эклектизма народно-религиозной мысли, которая вследствие того слабее держится унаследованной традиции и делается падкой до иных учений, только – к сожалению – не православного, воинствующего сотнями миссионеров и миссионерских учреждений. Одно уже это говорит, а в связи с жалкими миссионерскими результатами ясно показывает, что в нашей миссии что-то неладно.

1. Наша миссия организована односторонне

На секту можно смотреть или более как на заблуждение ума, или более как на заблуждение воли. Смотря по тому, какой взгляд практически перевешивает, такой характер принимают и миссионерские мероприятия. К сожалению, у нас фактически перевешивает первый взгляд. Отсюда в вопросах противосектантских мероприятий – первый вопрос о «беседах», отсюда наши «беседы» с характером средневековых схоластических диспутов; отсюда тип миссионера, который прежде всего мыслится как человек, разъезжающий по селам и городам – иногда с огромным возом огромных книг, чтобы делать известных людей «безответными», словом – тип диспутанта-спорщика; отсюда в кандидатах священства на приходы с сектантской примесью гнетущее чувство беспокойства и первый вопрос, что им сказать в опровержение сектантов (как будто идут на экзамен); отсюда чем занимаются наши миссионерские братства? – заведением миссионерских школ (это хорошо в особенности), организацией «бесед», распространением противосектантской литературы, содержанием и направлением миссионеров, делающих людей «безответными»; отсюда вся наша противосектантская литература что представляет? – коллекцию сухих академических безжизненных брошюр, рассчитанных на сухой педантический рассудок, в которых напрасно искать того, что невольно пленяет воображение и сладко волнует сердце высокими картинами христианской любви и братолюбного единения во Христе, Спасителе нашем. Все это говорится не к тому, что не надо специального опровержения сектантства, что не надо лиц и книг, специально занимающихся этим, но для показания, как при односторонне понятом принципе сами по себе хорошие вещи занимают недолжное место, приобретают не такой, какой следует, характер, и потому являются малопродуктивными. Сейчас это выяснится. А прежде – о втором понимании сектантства, как заблуждении воли.

Этому научает нас Сам Христос, который брата, отрицающегося Церкви, называет «мытарем», т. е. нравственно погибшим человеком, – и апостол Павел, который ереси и расколы относит к делам плотским, т. е. прежде всего к поведению (Гал.5:20). Всякая вероисповедная рознь не есть только разномыслие, но в то же время и вражда, так что в этом случае «и враги человеку – домашние его» (Мф.10:36). А так как уму «диктует сердце», то и надо прежде всего примирять не разномыслие, а сердечную рознь, врачевать волю и сердце сектанта и уже вместе с этим – голову. А мы больше лечим голову его, забывая, что он весь болен и упорнее всего волею, сердцем, и – значит – надо лечить всего человека, а не один ум. Сердце же и воля человека лечатся не столько беседами, сколько целой системой воспитывающих средств и мероприятий. Побеждающее миссионерское значение христианской проповеди апостол Павел полагал «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1Кор.2:4). Нам не дано апостольской власти творить чудеса, но в нашей воле проявлять дух и силу христианства, т. е. в этом духе творить дела, которые дадут силу, побеждающую сектантство. Отсюда борьба с сектантством должна превратиться в организованное служение среди сектантов.

В своих отношениях к сектантам мы живем некоторым анахронизмом. Пора оставить касательно них выражения «отщепенец», «заблудший», «уклонившийся» и т. п. и на этом строить к сектантам свои отношения. Помянутые термины – относительно характерны, да и то для ничтожного теперь числа случаев. Они характерны для тех, кои ушли в секту на наших, так сказать, глазах, но совсем неверны в применении к многомиллионному сектантскому миру, насчитывающему сотни лет своего существования и воспитавшему в своих началах множество поколений. Об этих миллионах людей нельзя уже сказать, что они «от нас изыдоша, но не от нас беша». Нет, это особый мир, который, хотя исторически и имеет родственные нам корни, но по времени пустил свои корни и должен быть рассматриваем к нам приблизительно в тех же отношениях, как еврейско-языческий мир к появившемуся христианству. Это говорится к тому, что спроектированное отношение к сектантам как будто противоречит тем резким отзывам Христа, апостолов и св. отцев, какие они употребили относительно уклонившихся от единства церковного. Но в этих отзывах имелись в виду еретики и пр., только что уклонившиеся в ересь и пр., больше родоначальники заблуждения, но не те, которые столетиями воспитались в заблужденных отеческих понятиях и не испытали иных понятий и жизни. Последним людям, коими были все евреи и язычники, Христос и Его сподвижники служили и словом и делом. Поэтому и мы сектантскому миру Должны служить также не словом только, но и делом.

Это же подсказывает и сама жизнь. Вот несколько примеров. Раскольница Ш. присоединилась к православию «по своему искреннему убеждению», а незаконнорожденную дочь свою отдала в усыновление раскольнику и отказалась присоединить ее потому что, как она объяснила, «я для себя одной с трудом нахожу хлеб, а когда взять к себе дочь, то вовсе я буду иметь нужду». В 1895 году этой девочке минуло 12 лет. Священник хочет вернуть ее в православие; та, очевидно – с чужих слов, говорит, что она «своего воспитателя никогда не оставит; а если силою принудят принять православие, наложит на себя руки». Передавая этот случай, священник Н замечает: «Починок (где было дело) посредством таких усыновлений наполовину сделался жилищем раскола с недавних годов».

Афанасий К. – нищий. Жил он, питаясь подаянием, и побирался он преимущественно в своих местах, среди раскольников, которые, по словам местного священника П., «православным в подаянии почти всегда отказывают». Сыновья же старика не кормили и давно не заботились о судьбе его. И К. уклонился в раскол. Пред смертью К. пришел на исповедь и был принят в общение «секретно». Умер – два сына похоронили его по-раскольничьи. В оправдание его о. П. замечает: «Вообще, участь православного, даже хорошего домохозяина, не то, что такого бедняка-горемыки, каким был Афанасий К., среди раскольнического населения достойна всякого сожаления».

Другой К., Агап, присоединился из даниловщины и хочет жениться на Л. – «Смотри ты, – кричит проезжающему священнику один раскольник, – не венчай Агапа с Дарьей! Нам в деревне не надо мазаного и венчанного в вашей церкви»... Батюшка однако повенчал Агапа. 10 человек раскольников и среди них сотский с бляхою врываются к Агапу и начинают бить смертным боем, подостренной палкою тыкают между ребер и наконец бросают, когда замечают, что человек не дышит. Агап очнулся в доме священника. Целый день он был не в себе; бессознательно водил мутными глазами и при каждом стуке вскрикивал: «Ой, убили! ой, убили!» Священник, доносивший об этом, говорит, что в продолжение 16 дней невозможно было добиться, чтобы полицейские чины обратили на это дело внимание: «в починках, где раскольников больше, чем православных, последние в угнетении всегда». И мы после этого удивляемся, что люди уклоняются в раскол, а все наши «беседы» и «увещания» остаются бесплодны! Как иначе? Люди по рукам и ногам связаны тысячами пут, а мы увещеваем: «Бегите к нам», да еще грозим, что, если не послушаются, то «во озеро огненное ввержени будут». У человека подостренной палкою подсчитывают ребра, а мы подсчитываем ему листы, по силе коих он должен присоединиться к нам... Трудно рассчитывать на успех.

В большой нерусский город Т. заехал православный рабочий. Сошел с вокзала, ни знакомых, ни рабочего места, ни денег. Повстречали молокане, приютили, дали работу и... православный стал молоканином, где и поднесь пребывает.

В большой духовоборческой деревне С. мать семейства – старуха. – «Ты откуда же, бабушка?» – «Из Тамбовской. Я, милый, – поясняет словоохотливая старушка, очень симпатичная, – я родилась-то в Церкви. Да матушка отдала меня на воспитание к ним. Ну я и выросла, и пошла с тех пор по духовному братству. Давно было!..»

Таких фактов можно привести множество. Они ясно говорят о том, что недостаточно в мире раскола и разных сект беседовать только известным образом с людьми, но и надо сделать нечто для них, создать жизненные условия, гарантирующие одних от уклонения, помогающие другим выбраться из тьмы заблуждения.

Применение этого принципа должно резко изменить характер нашей миссии. И даже то, что останется в ней от старого, примет другой облик. Возьмем пресловутые публичные «беседы» и миссионеров-спорщиков; разумею не присяжных только миссионеров, а вообще всех, полемизирующих с сектантством.

Прежде всего, пресловутые «беседы» должны перейти с привилегированного положения на более (видимо) скромное и принять другой характер. Они должны быть беседами в собственном смысле задушевными и мирными, какое, к слову сказать, название не совсем теперь идет к их полубоевому характеру. По крайней мере, при всей тактичности миссионера раскольники, например, нередко заявляют перед беседами в посте Великом: «Оно бы теперь не время беседовать. Теперь пост; каяться и смиряться надо, а не спорить». Значит, пресловутая «беседа», с каким бы тактом ни велась и уже давно знакомым миссионером, в сознании раскольника является все же деянием, предполагающим наличность чувств, несовместимых с покаянием и смирением. Они не должны носить характера диалогов исключительно на

полемикоапологетические темы, но быть в народном духе речами на тему о «божественном» вообще, но приспособленными к полемико-апологетическим целям. При этом школьная сухость, мертвенность и педантичность должны быть из них изгнаны; они должны быть интересны, конкретно образны и задушевные. В этом отношении надо упрекнуть наших полемистов, что они почти совсем или неумело пользуются историей и агиографией. Если миссионер для оправдания известного своего положения делает сухую ссылку на пример такого-то святого, – это не значит пользоваться агиографией, и во всяком случае пользование подобное – неумелое. Иное дело, если миссионер мастерски передает историю этого святого и при этом ввернет нужную цитату. Пусть не опасается он, что, передавая житие святого, он передает много лишнего, не имеющего отношения к прямой теме; зато он заинтересует слушателей, а вместе с этим интересом передает интерес и нужной цитате.

Тема противосектантских бесед должна быть строго сообразована с настроением слушателей, с тем, что в данное время их интересует и волнует, а не так, как теперь. В деревне голод, дети мрут от эпидемии, падеж скота, обгорелые дома... Приехал миссионер и... начал сыпать текстами о необходимости иереев, о почитании икон, об аллилуйи и пр. Сектант будет все это слушать и даже горячо станет, при случае, спорить, но не туда его тянет сердце, не то хотел бы он слышать. И если он спорит, спорит даже с ожесточением, то, сам того не замечая, спорит не для выяснения истины, а в сущности для того лишь, чтобы забыться в хмелю спора, чтобы сорвать на ком и на чем-нибудь едкую обиду жизни. При таком настроении трудно столкнуться.

Нашей миссии бесполезно в этом случае поучиться у пропагандистов сектантства, которые успешнее и прочнее насаждают последнее, чем миссионеры православие. Пропагандисты обыкновенно всегда начинают с маленького общества и не только из боязни полиции, но главным образом потому, что прекрасно понимают, что влиять на большую толпу, как у нас практикуется, могут только исключительные личности. Поэтому пропагандисты проникают в отдельные семьи и здесь в тесном кружке лиц ведут пропаганду, мало-помалу привлекая соседей. Пропагандист никогда не приступает к своему делу *ex abrupto*. Нет, он прежде всего старается поселить к себе доверие. Неизменно он старается выказать сочувствие горестям и радостям своих хозяев, оказать им мелкую услугу. Как человек бывалый и знающий, в свободное время он тешит рассказами о своих путешествиях по святым местам, о чудесных случаях и пр. в этом роде, что так любит наш народ. Пропагандист овладел вниманием слушателей, приобрел авторитет, ему верят. Это и нужно. Дальше он переходит к чтению книг религиозно-нравственного содержания. То обыкновенно не бывают книги сухого, скучного содержания, вроде изложения наших «свидетельств» о имени Иисус, перстосложении, водном крещении и в этом неинтересном роде, что мы так усердно пускаем в миссионерский обиход. Только там, где никогда не ступала нога миссионера и не раздавался его голос (а таких мест по России очень мало, хотя на Кавказе еще довольно), подобные сухие сводки еще могут производить впечатление; но в местах, где неоднократно слышали беседы миссионеров, подобные сводки почти не производят никакого заметного впечатления. В последнее время сектанты не раз заявляли: «Вашими беседами о Церкви, иерархии и пр. вы все уши нам протерли, как сказкой про белого бычка. Вы почитали бы нам о божественном. Мало ли чего там есть»... Пропагандисты прежде нас угадали эту жажду народную. Поэтому они обыкновенно читают рассказы о святых местах, угодниках Божиих, о временах давно минувших, т. е. то, что особенно нравится народу. Чтение книжек пропагандист сопровождается своеобразными комментариями, приспособленными к целям пропаганды, обычно сначала несколько туманно-загадочными и как бы вскользь. Сухим доктринерством, холодной выучкой отдают беседы большинства наших миссионеров. Пропагандист же как в чтении, так и в комментарии вкладывает весь свой запас религиозного чувства, натурального и напускного. Оно выступает у него и в интонации голоса, и в сокрушенных вздохах, и вообще в каждом жесте. Расчет верный – покорить не столько голову, сколько сердце, которое повлечет за собою и голову. Набожный человек, услужливый гость, занимательный чтец и рассказчик, пропагандист становится желанным сведущим человеком, которому можно верить и обратиться за разрешением недоуменных вопросов. Изба хозяина начинает переполняться слушателями. Вот после такого пролога пропагандист уже обычно приступает к главной своей задаче, и то не вдруг. Сокрушенно ведет он речи о «тугих временах», жалостливыми рассказами он не в один день истерзает сердца своих невзыскательных, но доверчивых слушателей, и потом уже осторожно сходит на прямую пропаганду своего учения.

Таким образом, пропагандист ведет дело почти обратно тому, как ведет его миссионер. Последний начинает с сухого анализа, первый – с сочного синтеза; последний вращается в области отвлеченных рассудочных положений, первый – в области живых картин и ярких образов. И у первого замечается больше знания народной психологии, чем у последнего. Первый хорошо догадывается, что ловкость диалектики и тонкость анализа отвлеченных вопросов и запутанных текстов – не для большой публики: она плохо во всем этом разбирается, и для нее все это неинтересно, – что толпа требует «зрелищ», т. е. того осязательного и реального, что бьет по нервам и сердцу. На нервах и сердце хитрец и разыгрывает свои пьесы и очень удачно. Примеров этого можно привести множество, как и того, что публичные беседы лучших миссионеров в итоге или ничего, или почти ничего не дают. Отсюда вывод:

1. Публичные «беседы» с массой сектантов должны иметь место в исключительных случаях. Всегда надо помнить, что публичная «беседа» в сущности не беседа, а всегда прежде всего спор, диспут, на котором вместе с истиной производится экзамен авторитету и выучке диспутантов. Последний элемент придает этому экзамену характер мучительный и тяжелый в прямой пропорции с размерами публичности и обстановочной помпы. Недаром даже искусившиеся миссионеры пред публичной беседой лишаются аппетита и сна. Не меньше мучений переживают и диспутанты-сектанты. А при таких условиях о какой задушевности и дружеском характере может быть речь! За всеми речами спорщиков об объективной истине назойливо жужжит голос страсти не уронить себя, не срезаться, не оскандалиться. Отсюда ловкие выпады завязых дуэлистов, правда иногда красивые, но не поучительные; отсюда резкости и наконец, в случае неустойки, те прискорбные инциденты, чтобы замаскировать свою несостоятельность, которыми так богата собеседовательная практика. Настроение это невольно передается слушателям, и большая доза убедительности пропадает даром.

И с тем надо считаться, что неразвитый ум сектанта усвоить доказательства может только весьма малыми дозами, и над каждой дозой ему надо дать подумать, не раз повторить и вдолбить в голову, как посредственному ученику сложный урок. Тогда он может понять. Но публичная «беседа» всего менее благоприятствует этому. Большая толпа, трескотня перекрестных мнений, уклонение собеседников в сторону, масса сменяющихся доказательств, опровержений, возражений и т. д. мешают большинству сосредоточиться и вдуматься. При большой толпе одно не разобрал, другое не дослышал или не понял, надо бы переспросить, но как-то неловко, а собеседники не ждут. Вот почему нередко на «беседах» можно наблюдать, что один дремлет (особенно на продолжительных беседах и в духоте), у другого на язык просится возражение, и он тихонько уже сообщил его своим соседям, те локтями подталкивают его говорить, но он стесняется, в смущении говорит: «Не надо» – и стушевывается. Вот почему одни уходят с «бесед», ничего не вынеся, другие – со смутным общим впечатлением, и только немногие, более смысленные, уразумевают суть дела.

Всего менее отмеченные неудобства возможны в частной, неофициальной беседе в тесном семейном кружке сектанта. Разыгаться самолюбию и страсти здесь тесно да и поводов меньше, сосредоточиться на вопросе удобнее и т. д. Поэтому надо заботиться о широкой организации частных бесед в тесном семейном кругу сектантов⁹⁶.

1. Миссионер-диспутант, спорщик, с которым сектанту боязно и говорить, должен перестать считаться идеалом миссионера, и пора перестать судить о достоинстве миссионера по числу им веденных бесед и количеству им оставленных «безответными», но судить о его достоинстве по числу им обращенных или мало-мальски примиренных им с Церковью.

Тип миссионера-спорщика сослужил свою историческую роль и теперь должен быть оставлен только про запас, на случай нужды. Он возник в ту пору, когда не только люди со средним образованием, но и с высшим едва о сектантстве слышали, а в полемике и вовсе ничего не смыслили, потому что ее и не было, – когда апологеты сектантства чувствовали под собою девственную почву и открыто царили, не встречая себе оппонентов. Сбить их спесь, поднять престиж церковного учения и нужны были миссионеры-спорщики, нужны были преимущественно всенародные диспуты, чтобы всенародно показать ничтожество апологетов сектантства и оставить их безответными. И тогда это было очень удобно и ко времени. Тогда вопросы полемики дышали интересом и свежестью новизны. Сектанты, особенно раскольники, валом валили на «беседы»; собиралось народу чуть не тысячи; бойцы-сектанты и бойцы-миссионеры нарочито выписывались издалека; публике эти бои доставляли удовольствие, не хуже кулачных. Ныне уж не то. Бои эти теперь почти утратили свой захватывающий интерес, к

ним привыкли, их видали и знают. Сектанты даже неохотно идут на них, а придут – то плохо и разговаривают, и «беседы» по необходимости превращаются в монолог или проповедь миссионера. Современное сектантство по части полемики стало, как улитка, уходить в свою скорлупу, – лучше сказать, как неприятель, укрываться в недоступные для выстрелов казематы: артиллерийский бой полемики над ним шумит, а он лежит себе, ворча и проклиная махинации «слуг антихриста». Это не то значит, что не надо громов полемики и миссионеров-диспутантов, но значит только то, что тип миссионера должен видоизмениться несколько.

Во-первых, центр тяжести должен быть перенесен на миссионера более скромного масштаба, чем нынешние. То есть, важнее будет миссионер, оперирующий не над целой епархией, уездом и даже благочинием, а над деревней и семьей, вообще над минимальной сектантской ячейкой. При этом, во-вторых, – и «это важнее всего, – такой миссионер не должен быть, как нынешние миссионеры, непоседливым, только по временам отгащивающим, как бы гастролирующим у сектантов: ныне он провел беседу, а потом ближе как чрез год ему ни удосужиться опять приехать; важно, чтобы миссионер всегда был на месте и незаметно, потихоньку истачивал сектантство.

Откуда же набрать контингент таких миссионеров и, как видится, в немалом числе? Первое, конечно, священники, которые по возможности должны быть изъяты от посторонних обязанностей. Второе – псаломщики, непременно из обученных миссионерскому делу. Третье – учителя церковных и миссионерских школ, а равно и других школ за известную субсидию. Четвертое – церковники из обученных миссионерскому делу. Пятое – сборщики от монастырей. Где не встретишь сборщиков от монастырей? Почто они делают, бродя по миру, кроме выпрашивания денег? Между тем, это мог быть хороший материал для миссионерских целей. Обличьем и повадками они – точь-в-точь те же, например, раскольничьи «странники», что бродят из деревни в деревню, усердно и успешно сея раскол, – они обладают способностью последних проникать всюду и овладевать вниманием наивных слушателей. К сожалению, их никто не подготовил к более идеальным задачам, чем коммерческие. В войсках существуют «учебные команды», где невежда-крестьянин превращается в грамотного. Почему бы подобным командам не быть в воинстве монашествующих? Не знающие, куда израсходовать свою молодую энергию, монастырские послушники являются прямо балластом в аскетической дисциплине, который лишь вредоносно переполняет корабль Божий. Почему не утилизировать его для миссионерских целей? Шестое – епархиальное миссионерское братство должно создать институт книгонош, обученных миссионерствованию.

Епархиальный и окружные миссионеры должны остаться, но их роль должна быть не столько собеседовательная, сколько регулирующая, помогающая и контролирующая. Они могут и должны вести беседы, но при этом не вторгаться в известный район, как *deus ex machina*, когда местные работники с приездом таких миссионеров отступают на задний план и сокращаются до миссионеров низшего разряда.

Все эти разнообразные миссионеры прежде всего должны заботиться не о том, что они скажут, а о том, как они должны жить среди сектантов, т. е. на первом плане у них должно стоять проведение в жизнь и развитие миссионерско-благотворительного принципа миссии, и уже с ним вместе – миссионерско-просветительного.

Кроме односторонности, наша миссия страдает и другим недостатком, это миссионерами. Большинство наших миссионеров лишены печати апостольства. Это в лучшем случае – исправные и рачительные чиновники, которых отрывают от живого дела массой канцелярского, ежегодным писанием никому не нужных отчетов, которые должны писаться уж никак не миссионерами, а секретарями братств и комитетов. Да и откуда взять миссионерам печать апостольства? Для сего нужно специальное воспитание, коего у нас нет. Ужели за серьезное можно считать то, что молодой человек пройдет в семинарии в один год курс обличения сектантства? У католиков существуют целые институты для воспитания миссионеров, с тонко разработанной методикой, не полемики только, а и миссионерского поведения. При институтах богатые музеи для миссионерских целей. Здесь вы найдете и портреты и реликвии знаменитых миссионеров, орудия пытки, от которых погибали провозвестники евангельской истины, и образчики той обстановки, суровой и неприглядной, в какой прилучается быть миссионеру, и т. д. На всем этом воспитывают молодых людей и наэлектризованных выпускают на дело миссии. И эти люди переплывают моря и океаны, мирятся со всякой обстановкой, лишь бы приобрести овцу в стадо Христово. От католичества не отстают и другие исповедания Запада и Америки. А у нас год поучит историю сектантства, год – полемику, – и миссионер готов. Дальше он обзавелся семьей и... Результаты плачевные.

Необходимо создать миссионерский институт

В Вятке протоиерей Кашменский создал школу для образования миссионеров из народа. Школа приносит пользу. Но подражание она встречает слабое. Полезно создать такие школы на каждую епархию.

Профилактической мерой против заражения сектантством православных, конечно, является неустанное воспитание ума и сердца последних в православно-христианских началах. Средством для этого служит, между прочим, проповедь и внебогослужебные собеседования. Но то и другое обставлено у нас не так, как следует. У нас обставлено так, что пасомые являются только слушателями, но не принимают сами деятельного участия в беседах, как это, наоборот, замечается у сектантов. На беседах у нас, например, не считается приличным переспросить, задать вопрос, поставить возражение и пр. Между тем, еще преосвященный затворник Феофан неоднократно выражался по поводу развития у нас штунды, что нам давно бы следовало завести свою православную штунду, разумея приходские религиозные братства с их праздничными собраниями. Поэтому необходимо нашим внебогослужебным беседам придать характер именно бесед, т. е. чтобы говорил не один священник, а прочие только слушали, но чтобы был живой непосредственный обмен мыслями между проповедником и слушателями по затронутому вопросу.

Наша миссия поразительно скудна средствами материальными. При таких средствах благотворительно-миссионерский принцип проведен быть не может, а без него миссия останется при жалких результатах. На основании сказанного, устройство миссии нам представляется в следующем виде.

Проект устройства миссии

1. Епархиальное миссионерское братство

1. Во главе епархиальной миссии стоит миссионерское братство, с председателем— епархиальным преосвященным. Братство собирается по полугодиям.

2. Число членов братства из лиц православных обоего пола неограниченное. В члены братства поступают по простому заявлению послужить делу миссии или денежными, или имущественными пожертвованиями, или личным трудом.

3. Из общего числа членов избирается 12 (могут выбираться и женщины), которые составляют совет братства, под председательством духовного лица, не обязанного постороннею службою.

4. Совет братства есть исполнительный орган миссионерских предназначений братства. Совет на обсуждение братства предлагает и свои миссионерские проекты.

2. Деятельность братства

А) Миссионерско-благотворительная

1. Братство организует братскую кассу, состоящую из добровольных пожертвований членов братства и вообще из средств, изыскиваемых братством всяким законным путем, с субсидией от Синода.

2. На средства кассы или посторонних благотворителей братство:

- а) субсидирует в миссионерских начальных школах бедных учащихся;
- б) устраивает при школах приюты;
- в) устрояет богадельни для дряхлых, увечных, круглых сирот, – для православных и обратившихся в православие;
- г) оказывает помощь вновь обратившимся в православие, не только материальную, но и нравственно-юридическую, где это требуется;
- д) помогает православным и обратившимся в православие в случаях эпидемии, пожаров, неурожая и других общественных бедствий;
- е) во время голода устрояет столовые на братский счет, раздачу хлеба, одежды и пр., причем во всех этих случаях действуют члены братства, способные послужить слову;
- ж) ссужает нуждающихся православных и обратившихся деньгами заимообразно на известный срок без процента;
- з) помогает семьям обратившихся в случае болезни единственного работника в семье, не имеющей возможности без него существовать;
- и) подыскивает работу для безработных крестьян из обратившихся и организует кооперации;
- й) в селения, отдаленные от врачебных пунктов, где есть священники или члены братства, более или менее сведущие во врачебной помощи, высылает аптечки с медикаментами для подачи первоначальной помощи и для лечения общеизвестных недугов и лечебники;
- к) содержит приемные покои, где в этом есть нужда;
- л) в больницах содержит сиделок на свой счет, могущих послужить целям миссии;
- м) противодействует усыновлению православных детей сектантами и батрачеству малолетних православных у сектантов;
- н) призреваемым детям, православным и сектантам, смотря по их способностям, дает дальнейшее образование, для чего имеет стипендии в подлежащих учебных заведениях;
- о) субсидирует всех своих сотрудников по миссии.

Б) Миссионерско-просветительная деятельность братства

- а) Братство открывает начальные школы в местностях, зараженных сектантством, и воскресные школы; организует рукодельные классы;
- б) организует миссионерские народные чтения и внебогослужебные собеседования с православными вне храма;
- в) распространяет книжки противосектантского и вообще религиознонравственного содержания, чрез книгонош;
- г) организует собеседования с сектантами;
- д) заботится о благолепии храмов и служб церковных;
- е) не оставляет без христианского увещания всех сектантов, имеющих то или иное соприкосновение с благотворительными институтами братства; имеет своих деятельных агентов на фабриках и заводах и т. п. местах.

3. Отделения епархиального миссионерского братства

1. Желательны открытие и организация отделений епархиального миссионерского братства в каждом приходе, зараженном сектантством; но там, где несколько смежных приходов, зараженных сектантством, там, по обоюдному согласию селений, учреждается одно отделение братства для этих приходов.

2. Число членов отделения неограниченное, обоего пола и православные, как и в братстве.

3. Председатель братства – духовное лицо; где несколько приходов организуются в одно братство, там председатель выбирается членами путем голосования.

4. Отделение ведаёт братские учреждения, какие прилучатся в его районе.

5. Отделение организует свою кассу для миссионерских целей и в своей деятельности руководствуется общим уставом братства, под руководством последнего.

6. О своих нуждах и предположениях отделение докладывает совету братства для докладывания с его заключением на общее собрание братства.

4. Миссионеры

Епархиальный миссионер

1) Епархиальный миссионер состоит неперменным членом братства и его совета.

2) Епархиальный миссионер, как член совета, способствует правильному осуществлению предначертаний братства. Для этого он возможно чаще объезжает епархию, вникает в детали миссионерского дела, оказывая поддержку и давая советы местным деятелям.

Нежелательно, чтобы епархиальный миссионер, как наблюдается теперь, главную суть дела полагал в личном ведении бесед при объезде епархии. Он ведет беседы там и в тех случаях, где представляется к тому действительная надобность, по приглашению, например, отделений или по просьбе окружного миссионера и по своему усмотрению (например, усиление пропаганды, влекущее за собой частые случаи отпадения, появление известного сектанта- пропагандиста).

3) Объезжая возможно чаще пункты епархии, зараженные сектантством, и вникая на месте в ход миссии, епархиальный миссионер предлагает совету братства соответствующие мероприятия к улучшению или исправлению миссионерского дела.

4) Епархиальный миссионер обязательно посещает миссионерские благотворительно-просветительные учреждения братства, следит, чтобы они не уклонялись от своего миссионерского назначения; если, по его мнению, надлежит сделать в них какие-либо улучшения или исправления, или учредить новые, то предлагает это сделать отделению, если позволяют средства последнего, иначе – совету братства для доклада последнему.

5) Епархиальный миссионер ревизует отделения со стороны их миссионерской деятельности и расходования отделенских и братских сумм, для чего ревизует приходо-расходные книги отделений и дает соответствующие советы.

Окружные миссионеры

Епархия делится на известное число миссионерских округов. В округе действует окружной миссионер. Он является помощником епархиального миссионера, действуя с его согласия и по его указаниям. Главная обязанность окружного миссионера – оживлять миссионерско-просветительную деятельность братства. Он следит за тем, чтобы миссионерская проповедь не умолкала в устах местных деятелей. Дает последним советы и указания. Ведет сам совместно с ними беседы.

На собрание братства окружные миссионеры обязательно являются для совещания.

О Кавказском Обществе восстановления православного христианства

Это Общество должно быть реорганизовано радикально. Оно совершенно не отвечает своему назначению и не заслуживает своего имени. Первоначальной целью его основания было – вернуть в православие народности христианские Кавказа, уклонившиеся в мусульманство, и вообще распространить христианство на счет ислама. Но теперь все громадные средства Общества тратятся на те местности, население коих искони состоит в православном христианстве; а если христианство этого населения – с большой примесью суеверий, то это еще не дает права этому населению на субсидию Общества. Иначе добрые две трети России, деньги которой главным образом и обогащают Общество, имеют все права на опеку этого Общества. Местностям с населением из ренегатов христианства или попадают от Общества крохи, или ничего не попадает (Борчалинский уезд, Карсская область). Противомусульманская миссия с ее миссионерами – пародия на миссионерский институт, дело бумажное (да и то слабое), а не живое. Обществу необходимо организовать солидную миссию против ислама, обзавестись солидными миссионерами против него, создать руководства для обличения ислама (чего к стыду своему не сделала до сих пор Казанская академия, более полстолетия ведающаяся с исламом), поручить опытным людям составить популярные брошюры обличительного свойства по разным пунктам мусульманской догмы и нравоучения, эти брошюры перевести на туземные языки и раздавать населению, создавать школы не среди христиан, а мусульман и христианских сектантов, для которых Общество только начинает кое-что делать. Мусульмане Закавказья, вследствие ли слабой организации их церковной жизни, или же оттого, что в них еще живет христианская кровь с ее традициями, не отличаются фанатизмом; напротив, очень терпимы и к христианству относятся уважительно. Если Общество умело возьмется, оно действительно принесет большую пользу и заслуженно будет носить присвоенное ему наименование.

**№69, преосвященного Аркадия, епископа Рязанского, от 29
января 1906 года**

Первая докладная записка – по вопросам: а) о созвании Поместного Собора Всероссийской Церкви и его составе; б) о разделении России на митрополичьи округа

А) Всякая автокефальная Церковь, по канонической норме, управляется поместным собором епископов (пр. св. Ап.34-е); поэтому созвание Поместного Собора русской Церкви является делом первой необходимости, как главного средства к возвышению духовной власти и оживлению церковной жизни. Поместный собор есть полновластный официальный орган высшей церковноуправительственной власти и, как таковой, по канонам Церкви, должен быть созываем дважды или однажды в году (1Всел. Соб.5-е; 4Всел. Соб.19-е; 6Всел. Соб.8-е; 7Всел. Соб.6-е). Будет великим благом для русской Церкви, если, по вниманию к различным затруднениям, такой собор будет созываться хотя бы один раз в 3 года.

Что касается состава Собора, то в последний прежде всего должны будут войти епархиальные архиереи или их заместители и – сверх того – представители от клира и мирян. В пользу участия клира и мирян, как верных членов Церкви, в составе предстоящего Собора имеются как канонические, так и исторические основания.

В деяниях древних канонических соборов наблюдается тот факт, что число епископов почти всегда обозначается точной цифрой и что определения соборов подписывались только епископами. Однако отсюда отнюдь не следует, что участие клира и мирян на соборах недозволительно с канонической точки зрения. Недопущение клира и мирян в состав собора противоречило бы основной идее христианской Церкви, именуемой соборной Церковью. Церковь есть религиозно-нравственное общество всех верующих во Христа, живой организм, тело Христа (1Кор.12:20–29; Ефес.4:12–16). В этом обществе епископы, хотя и имеют важное значение, но ни в каком случае не составляют собой всей Церкви. Ни клира, ни мирян из состава Церкви, которую и представляет собой, так сказать – в сокращении, собор, исключить таким образом нельзя. Восточные патриархи в своем окружном послании (1848 г.) говорят, что хранителем православия на Востоке является сам народ. А одним из внешних условий признания соборных определений обязательными для всех членов Церкви считается принятие этих определений, как выражающих истинное церковное сознание, всеми православными членами Церкви, то есть и клириками и мирянами. Это участие клира и мирян на соборах древней вселенской Церкви подтверждается многими достоверными свидетельствами истории. В составе апостольского Иерусалимского собора по вопросу о значении Моисеева закона, кроме апостолов, были старцы (пресвитеры) и братия. В 3 веке в африканской Церкви, когда возник вопрос о том, как поступать с отрекшимися от Христа во время гонений, св. Киприан, архиепископ Карфагенский, потребовал «составить общий собор с епископами, пресвитерами, диаконами, исповедниками, твердыми в вере мирянами, рассудить о деле падших». На Поместном Эльвирском Соборе (309 г.) было 10 епископов, 26 пресвитеров, диаконы и великое множество народа. На поместном Константинопольском Соборе (536 г.) при патриархе Мине в составе Собора был и весь клир столицы. На 1 Вселенском Соборе (325 г.), кроме 318 отцов, т. е. епископов, присутствовали многие клирики (например известнейший св. Афанасий Великий) и миряне. Были на соборе даже и языческие философы. На 7 Вселенском Соборе, кроме епископов и представителей, государственного управления, было множество благоговейнейших архимандритов, игуменов и монахов. На соборах русской Церкви в допетровскую эпоху клирики и миряне принимали деятельное участие, как это несомненно из исторических свидетельств о Стоглавом Соборе 1551 г., о Киевском Соборе 1640 года при Петре Могиле и о Соборе 1666–1667 гг.

Таким образом, участие клира и мирян на соборе нужно признать не только допустимым, но и канонически законным. Поэтому желательно – особенно в настоящее время – широкое участие клира и мирян в обсуждении всех вопросов на соборе; формулировка же определений собора и подпись их предоставляется только епископам.

Если будущий Собор русской Церкви составит не из одних епископов, но вместе из клириков и мирян, то желательно, чтобы на Собор были избраны лучшие представители духовенства, отличающиеся духом истинного пастырства. Из мирян желательны на Соборе люди, крепко связанные с Церковью, радующиеся ее радостями и болеющие ее скорбями, а также представители богословской науки и те из мирян, кои в своей просветительной и литературной деятельности потрудились на благо святой Церкви и несомненно сами пожелали

бы быть на Соборе (Киреев, Папков, Новоселов и др.). Порядок избрания клириков и мирян для участия в предстоящем Всероссийском Поместном Соборе можно проектировать следующий: приход, во главе со своим пастырем, в храме после литургии избирает несколько представителей. Эти лица, среди которых могут быть и низшие члены причта, во главе со своим священником, отправляются на благочинническое собрание. Там они (опять же в храме) выбирают из себя, представителей, например, двух-трех или более, от каждого благочиния. Эти лица, среди которых непременно должен быть священник, отправляются на епархиальный собор. Последний, составившись таким образом из священников, других членов клира и мирян от всех благочиний епархии, под председательством местного епископа, происходит в епархиальном городе и избирает представителей из клира и мирян на Всероссийский Собор, на который и отправляются во главе со своим епископом. Число представителей указать трудно; это будет зависеть от числа приходов епархии и от предполагаемого числа участников Собора.

Б) В связи с установлением соборного начала в русской Церкви стоит разделение России на церковные округа под управлением митрополитов с предоставлением им права созывать областные соборы. Такой порядок предусматривается многими канонами православной Церкви, и Церковь русская, если желает оставить за собой право именоваться соборною, должна следовать сему порядку управления. Соборность должна проникать собою всю церковную жизнь: приход, епархию, область и, наконец, всю российскую Церковь. В России доселе не было деления на области в церковном отношении, потому что вся российская Церковь некогда была одною из областей Константинопольского патриарха. Но ныне русская Церковь развилась и расширилась далеко более всех восточных патриархатов и, сообразно канонам Церкви, давно должна быть разделена на особые автономные области или округа. Опасение, что установление автономных церковных округов в некоторой степени может способствовать разрушению государственного единства, устраняется по следующим основаниям: а) в законодательном отношении все митрополичьи округа должны быть подчинены одной центральной власти – Поместному Собору, при этом каждому округу могли бы быть предоставлены права законосовещательного учреждения, например: право составления проектов законов и представления их центральной власти; б) в административном отношении округу могло бы быть предоставлено право разъяснения существующих церковных законоположений и проведения их в жизнь, и в) в судебном отношении округ должен подчиняться высшей центральной инстанции – Поместному Собору, к которому недовольные и могли бы обращаться со своею апелляцией. Округа могут быть намечены следующие: 1) Петербургский, как центральный (в административном отношении), имеющий во главе первенствующего среди митрополитов, т. е. патриарха, как епископа царствующего града, объединяющего в своем лице управление, всю церковную жизнь России и представляющего российскую Церковь за пределами России.

2) Московский округ; его задача – внутреннее развитие православия в России в отношениях научном, богослужебном, жизненно-практическом. 3) Киевский; его задача – развитие православия на Западе и охранение его от напора католицизма. 4) Кавказский; его задача – объединение всех племен и народностей Кавказа под сенью православия. 5) Казанский; его задача – развитие и охранение православия среди ислама. 6) Западно-Сибирский; его задача – просвещение инородцев Сибири светом Христовым и укоренение и сохранение православия среди переселенцев. 7) Восточно-Сибирский; его задача – борьба с восточным буддизмом и ламаизмом. Но возможно установление и большего числа округов, по мере, могущей открыться надобности.

Вторая докладная записка – по вопросу о реформе и организации духовного суда

Для обсуждения реформы нашего духовного суда, еще в семидесятых годах прошлого столетия учрежден был особый Комитет, по отзыву которого существенные недостатки этого суда заключаются в следующем: а) в смешении судебной власти с административной; б) в канцелярской тайне судопроизводства по письменным актам следственного производства; в) в стеснении убеждения судей формальными доказательствами и г) в централизации судопроизводства.

1. Для устранения означенных недостатков полезно было бы принять следующие меры: а) отделить судебную власть от административной, б) установить публичность заседания с заменой письменного производства устным и с отменой теории формальных доказательств, и в) учредить суды, близкие к подсудимым.

Власть административная и судебная должна соединяться только в лице епископа, как средоточия церковной власти во всех ее отношениях. По канонам Церкви, судебная власть от него неотъемлема (Апост. пр.31-е, 39-е, 55-е и пр.). Вообще же, желательно отделение администрации от суда.

Все судебные дела епархии должны решаться епархиальным судом (первая инстанция суда), который под председательством епархиального архиерея может состоять из коллегии пресвитеров, избираемых епископией и находящихся при епископе. Число пресвитеров-судей должно быть не менее трех. Ввиду невозможности – при современном положении епископов – справиться со всеми судными делами, желательно увеличение количества епархий; но в настоящее время число епархий еще не может быть определено с точностью.

Б) Суд должен быть публичный, гласный, состязательный, гарантирующий полную равноправность сторон.

В) Суды должны быть учреждены близкие к подсудимым. Желательно, чтобы они были не духовные (сословные) только, а церковные. Такому церковному суду должны быть подсудны лица не только духовные (приходское духовенство), но и монашествующие, равно как и миряне, – по проступкам и преступлениям против веры и нравственности. В случае суда над лицами монашествующими и при решении дел, касающихся монастырей, должны присутствовать при судебном производстве и депутаты от монастырей с правом голоса.

2. Вторая инстанция суда – суд апелляционный епископов во главе с митрополитом на решение епархиального суда.

3. Третья инстанция духовного суда – суд соборной поместной российской Церкви.

4. Суду непосредственно архиерейскому, без участия судей-пресвитеров, подлежат проступки, означенные в ст. 155 Уст. дух. консисторий.

5. Для решения менее важных и мелких дел, по обоюдному желанию тяжущихся, желательно учреждение «братских иерейских советов», члены которых должны выбираться по благочиниям (благочиннические советы ныне). Деятельность этих советов должна быть только примирительной.

Третья докладная записка – по вопросу о благоустройстве православного прихода

При рассуждении о возрождении прихода и его благоустройстве необходимо сначала указать недостатки в жизни современного прихода и неблагоприятные условия для развития этой жизни. Главные из них следующие:

1) Отсутствие непосредственного надзора епископа за приходской жизнью. Вследствие обширности епархии, епископы очень и очень редко могут бывать в приходах и непосредственно оказывать свое благотворное влияние на оживление приходской жизни. 2) Отдаленность многих храмов от деревенских жителей, отчего многие, особенно из подрастающего поколения, не могут удовлетворять своих религиозных потребностей, а некоторые побуждаются искать этого удовлетворения в сектантских сборищах. Тому же способствует недостаточно истовое и не вполне благоговейное совершение богослужения клириками, равно и малопонятность для простых крестьян богослужебного языка.

3) Недостаток у крестьян даже начального образования и достаточного умственного развития, коим обусловливается более или менее сознательное отношение к делам веры и благочестия. 4) Безучастность церковно-приходской общины в наблюдении в пределах прихода за чистотою веры и нравов, в призоре за детьми бедных и сиротами, равно отсутствие, за редким исключением, в приходе благотворительных учреждений, отчего, с одной стороны, безнаказанно господствуют в приходах различные пороки, например, пьянство воровство, сквернословие, разгул молодежи и т. п., с другой – развивается так называемое бродячее нищенство, вредно влияющее на низшие классы населения. 5) Экономическая бедность крестьян, вследствие коей они не в состоянии не только строить и содержать различные благотворительные учреждения, но часто не могут содержать даже начальной школы. 6) Недостаток в хорошо подготовленных и ревностных пастырях, так как духовная школа, откуда выходят кандидаты священства, при кастовой замкнутости духовенства, при мало соответствующей пастырским целям постановке в ней учебно-воспитательного дела, мало дает подобных пастырей. Кроме того, забота клириков о своем материальном обеспечении, начиная с устройства домов для себя при самом поступлении в приход, постоянная – далее – материальная зависимость их от прихожан, разные унижительные для клириков поборы натурой и т. п., с одной стороны, охлаждают пастырские идеальные стремления и порывы, с другой – убивают искренность и сердечность в отношении прихожан к пастырям и роняют нравственный авторитет духовенства в глазах населения, что выражается даже в созданных народом разных поговорках и присказках по адресу клириков. 7) Вообще, в приходской жизни не видно взаимного участия пастыря с пасомыми в устройении своей жизни внутренней, религиозно-нравственной и даже хозяйственной, что было в приходах древней Церкви первых веков христианства, – как это видно из кн. Деяний и наставлений св. апостолов (Деян. 2:44–46; 4:34–35; 6:1–5; 1Фес. 5:11–14; Евр. 3:12; 13:16–17; Флп. 2:3–4; 2Фес. 3:14–15; 1Кор. 12:14–27; Ср. Рим. 12:4–5. Ср. Ефес. 4:3–16 и т. п.) и сочинений отцов и учителей Церкви, – и в древнерусском приходе (см. статьи Пешкова. Древнерусский приход / Богословский Вестник. 1897), что должно быть и по самому понятию о приходе, как первичной и основной части Церкви поместной и вселенской, который есть в своем роде малая Церковь, в коей жизнь должна основываться на соборном начале, как и в Церкви вселенской. Не участвуя или совсем мало участвуя в устройении внутренней приходской религиозно-нравственной жизни, церковно-приходская община, в частности, не принимает в настоящее время никакого участия в избрании клириков, отчего бывают нежелательные явления для прихода, например: в приход с большим и величественным храмом назначается клирик со слабым голосом, в приход сектантский назначается, например, на псаломщическое место штрафованный священник к соблазну православных и неправославных, или диаконом и псаломщиком назначается лицо, явно враждебное священнику прихода, и т. п. Далее, заведование церковными суммами и имуществом производится в настоящее время в большинстве приходских церквей без представителей от прихожан, которые, не составляя правильного контрольного органа, не участвуя в ведении расходов, совершенно уклоняются от ответственного для них контроля, не желая играть в этом деле пассивную роль. Заведование церковными суммами и имуществом чаще всего принадлежит одному церковному старосте даже без ведома о. настоятеля прихода; нередко церковное хозяйство ведется неправильно, незаконно и даже с ущербом для интересов

церкви. Сознательная утайка сумм и явная неправда в записях приходо-расходных книг хорошо известны клирикам и о.о. благочинным, которые своими ежемесячными и годовыми подписями как бы узаконяют этот ненормальный для церкви порядок ведения церковного хозяйства. 8) Так называемые приходские попечительства при православных церквях по положению 1864 г. не оживили хозяйственной жизни прихода, главным образом – по экономической бедности крестьян, не могли оживить и внутренней религиозно-нравственной жизни, так как в задачу их входят почти исключительно хозяйственно-строительные нужды, а не религиозно-нравственные. Братства по положению того же 1864 года мало распространяются, так как для открытия их должен быть составлен в каждом отдельном случае устав, а это весьма затруднительно.

Указать недостатки в жизни современного прихода и неблагоприятные условия для развития этой жизни, можно сказать, что необходимо для возрождения и обновления церковно-приходской жизни. Для сего необходимо:

1) Приближение епископа к приходу: чем ближе епископ будет стоять к приходу, чем чаще посещать его, тем лучше; по крайней мере, на каждые 200–250 приходов должен быть отдельный епископ, который бы в 2–3 года мог посетить все приходы епархии.

1) Доступность храма Божия для прихожан, живущих в деревнях от сел на 6–9, 10–15 и даже более верст, что можно достичь или образованием новых приходов или только переселением некоторых причтов в деревни, с устройством новых храмов, или устройством в деревнях церквей-школ, в которых могли бы служить вторые и третьи священники прихода. Вообще желательно, чтобы приходский храм был в расстоянии 4–5 верст, не более, от самой дальней деревни прихода. В связи с приближением храма к прихожанам, необходимо приблизить к пониманию простых крестьян и богослужение, очистив текст его от непонятных и часто нескладных слов, выражений и неудачных грамматических конструкций, в коих и образованному человеку трудно уловить мысль.

2) Посылать в приходы возможно более подготовленных к пастырскому делу священников, принимающих священный сан по призванию. «Каков поп, таков и приход», – гласит народная мудрость. Воспитайте хороших кандидатов священства, дайте их приходу, – будет и приход более благоустроен. То же нужно сказать и о других клириках.

3) Усилить народное просвещение, сделать образование для народа общественным, чтобы прихожане могли более сознательно относиться к делам веры и благочестия.

4) Запретить в государстве бродячее нищенство, развращающее бедные классы населения своим соблазнительным дармоедством; организовать благотворительность для таковых на местах их жительства, в приходах, устроив – кроме богаделен, приютов и т. п. – дома трудолюбия с пособием к местным средствам из общегосударственной казны, установив также правильные сношения одного прихода с другим по делам благотворения и призрения бедных.

5) Улучшить экономическое состояние крестьянства, от благополучия коего зависит безбедное содержание всех учреждений прихода, что теперь уже делается по Высочайшему манифесту от 3 ноября 1905 года.

6) Создать, наконец, такую организацию церковно-приходской общины, которая обеспечивала бы прихожанам возможно широкое участие в устройении церковно-приходской жизни, предоставляла бы церковно-приходской общине возможную свободу и самостоятельность, т. е. дать приходу общинное устройство на началах автономии. Эта организация необходима после Высочайшего указа от 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповеданий, по смыслу которого все инославные религиозные общины, также старообрядческие и сектантские, получают право на самую широкую внутреннюю организацию в своей жизни.

7) Для организации автономного прихода необходимо выработать обязательный для всех приходов «устав православного прихода» с изложением всех подробностей более или менее существенных. При существовании этого «устава» и действии его в приходах приходские попечительства и братства по положению 1864 года уже излишни. По «уставу» могло бы быть допущено участие прихожан в деле избрания приходских священников и прочих клириков в пределах, указанных канонами, причем, в исключительных случаях, епископ своею властью может назначить священника и независимо от свидетельства и рекомендации прихода. Должно быть допущено участие прихожан в заведовании церковными суммами и имуществом через правильно организованный контрольный орган (церковно-приходский совет) с правом распоряжаться имуществом и деньгами по особым разрешениям епископа. Безусловно

необходимо привлечь церковно-приходскую общину к участию в наблюдении за религиозно-нравственным состоянием прихода, что не предусмотрено ни положением устройства приходов в Финляндии, ни проектом Папкова, а что весьма важно и согласно с устройством приходов в древней Церкви.

О составе клира, материальном обеспечении его, обеспечении вдов и сирот духовенства

Желательно, чтобы клир одноштатного прихода состоял из трех лиц: священника, диакона и псаломщика. Дьякон нужен для большего благолепия богослужения, нужен и как помощник священнику во время богослужения и в проповедании слова Божия. Поэтому образовательный ценз диаконов не должно понижать, а по возможности возвысить и приблизить к образованию пастыря-священника. К сожалению, не все приходы, по бедности своей, могут иметь диаконов. Тогда желательно иметь в этих приходах псаломщиков в сане диакона, так как в большинстве приходов настоящего времени, при достаточном развитии начального образования, почти всегда можно найти чтецов и певцов из мирян для богослужений в дни праздничные. Желательно, чтобы дьякон был освобожден от учительства в школе, но не вполне. Дьякон, будучи помощником священника в храме при богослужении и требах, должен быть помощником и в школе на уроках Закона Божия, а также учителем церковно-славянского языка и церковного пения. При необременительном количестве уроков (8–10 в неделю), дьякон и в будничные дни может служить в храме и даже требы исполнять в учебные часы. Тогда в клире не будет недовольства из-за отсутствия диакона при богослужении и требах, в доходах от коих он, однако, участвует.

Одним из сетований современного православного общества является жалоба на не истовое отправление богослужения, в частности – на неумелое, спешное и механическое чтение, на искажение псаломщиками церковных напевов. Ввиду этого желательно, чтобы было обращено самое строгое внимание на поднятие ценза псаломщика, как чтеца и певца церковного. Одна из причин, извиняющих неисправность псаломщика в истовом чтении и пении, была усмотрена в трудности, а иногда невозможности для одного лица надлежало править церковную службу на клиросе. Это бывает особенно в дни Великого поста, когда по несколько часов в день одному псаломщику приходится читать и петь, петь и читать, так – изо дня в день – несколько недель. В облегчение псаломщику желательно восстановить прежних пономарей из числа церковников или мирян, благонадежных по поведению и способных к церковному пению и чтению. Особого вознаграждения для них не потребуется, если они будут прислужниками в храме и охранителями храма ночью, которые в настоящее время содержатся на мирской счет.

Причт церковный обязательно должен получать определенное вознаграждение, как основу его содержания, от казны. Для священника необходимо вознаграждение в год не менее 900 руб., для других – пропорционально. При этом условии совершение всех таинств, погребения и молебнов на Пасху, Рождество Христово, Крещение и главный храмовый праздник (может быть, лучше и во все храмовые местные праздники) должно быть безвозмездно. Всякие сборы натурой, в смысле обязательного обложения, должны быть отменены; но добровольные даяния натурой при требах едва ли могут быть запрещены, особенно в сельских приходах, так как непринятие добровольных даяний может быть обидным для прихожан. За требы необязательные причты должны довольствоваться добродетельными даяниями от прихожан.

Церковная причтовая земля, как одно из видимых связующих звеньев между прихожанами и причтом и как одно из необходимых условий деревенской жизни, должна быть оставлена причту, хотя бы и в меньшей норме, чем это теперь. Без земли члены причтов, даже имея деньги, могут оставаться без хлеба и других продуктов при настоящих условиях деревенской жизни и дороговизне ее даже в глухих селениях.

Необходимо, далее, в каждом приходе иметь дома для причтов, устроенные вместе с необходимыми службами на средства церковно-приходской общины. Всем известны неудобства, какие бывают при переходе в другие приходы членов причта, имеющих собственные дома. Само собой разумеется, общественные дома должны быть устроены поместительными и вполне приличными для духовных лиц.

В связи с этим стоит вопрос о вдовах и сиротах умерших клириков. Ведь если кто-либо из клириков умрет, то семья его уже не может проживать в общественном доме и должна освободить дом для преемника умершего. Куда же девать вдов и сирот и чем им жить? Для таких вдов и сирот необходимо устроить на средства церковно-приходской общины домики на земле при храме или на усадьбе причтовой или общественно-крестьянской. Для обеспечения же вдов с сиротами продуктами, желательно было бы отвести в пользование их 1–1/2 десятины полевой причтовой земли, где они могут сеять для себя, что нужно. При отсутствии в приходе

сирот, эта «сиротская земля» могла бы сдаваться в аренду, а вырученные деньги поступают в сиротский приходский фонд для вдов и детей духовенства.

В настоящее время духовенству закрыт доступ к земскому, городскому и сельскому самоуправлению (за исключением депутатства на земских собраниях и в городских думах). Земское и крестьянское самоуправление, несомненно, немало потеряло, лишившись в лице священников сведущих и полезных помощников. Если бы священники принимали деятельное участие в земской жизни, то, быть может, в ней меньше было бы промахов и ошибок, имеющих своим источником недобросовестность некоторых земских и крестьянских заправил. Если бы священники только присутствовали (не говорим уже об участии) на крестьянских сходах, то, несомненно, на этих сходах не получили бы такого развития пьянство, притеснения и обиды в отношении к слабым. При настоящем положении священник, если его не пригласят, не имеет права явиться на сход. Священник знает, например, что через несколько домов от его квартиры сельский сход совершает вопиющую несправедливость, обирает, опивает или изгоняет кого-либо из своей среды, и он не может прийти и устыдить людей, так как сельский староста всегда может попросить его удалиться. Такое положение духовенства в высшей степени ненормально, и ненормальность эта уже признана Правительством. Еще в Высочайшем манифесте 26 февраля 1903 года выражалось желание «усугубить плодотворное участие священноцерковнослужителей в духовной и общественной жизни паствы», а также сблизить общественное управление с деятельностью приходских попечительств при православных церквях.

Ввиду этого участие в общественных учреждениях пастырей Церкви, сердцу которых близки и мирские нужды своих пасомых, не только желательно, но и необходимо, так как это участие открывает широкое поприще для проведения и в этой области чистых христианских начал и способствует утверждению нравственно-просветительного влияния духовенства на мирян.

Наконец, желательно, чтобы духовенству, как сословию, были предоставлены права юридического лица по приобретению недвижимого имущества.

Четвертая докладная записка – по вопросу о преобразовании епархиального управления

Соответственно началу соборности, которое, предполагается, должно проникать собою все епархиальные учреждения, современное епархиальное управление должно быть преобразовано в таком виде. Духовную консисторию могут заменить два органа: временный епархиальный собор и постоянный совет пресвитеров при епископе. Присвоить значение действенного епархиального органа епископской власти нынешним епархиальным съездам, как это намечается сделать в предложении г. обер-прокурора, не представляется удобным – в виду узкословного, специально-экономического характера деятельности этих съездов. Так как высший авторитет и высшая власть каждой поместной епархиальной Церкви принадлежит всей Церкви, т. е. епископу, клиру и народу в их совокупности (Мф.18:17–20; Ефес.4:16; 1Кор.12:21; Деян.15:22; Мк.10:42–45), то и ближайшим носителем, и представителем всей полноты этой власти является в каждой епархии епископ, совместно с епархиальным собором, действующим в теснейшем союзе с местным епископом и под его ближайшим контролем и руководством.

Частнее это может быть выражено в следующих положениях: 1) Епархиальный собор состоит из выборных представителей клира и мирян поровну.

2) Епархиальному собору, возглавляемому и руководимому епархиальным епископом, как высшему органу местной епархиальной власти, должно принадлежать: а) право издания и утверждения местных правил и инструкций в развитие и применение общих правил и постановлений православной русской Церкви; б) право принимать апелляции на все подчиненные собору органы епархиальной власти; в) право надзора за всем течением епархиальной жизни и г) право выбора и назначения всех должностных лиц епархиального ведомства, подчиненных собору.

Примечание. В случае смерти епископа или ухода его с кафедры, собору принадлежит право участвовать в выборе нового епископа.

3) Для постоянного заведования отдельными сторонами епархиальной жизни, при епископе и соборе образуются постоянные управления, как-то: а) по делам веры, б) по делам учебным, в) по делам судебным, г) по делам хозяйственным, д) по делам благотворительности и т. д., по мере надобности.

4) Представители управлений, избираемые самими же управлениями, совместно с определенным числом уполномоченных от епархиального собора лиц, составляют при епископе постоянный совет.

5) Совету принадлежит право участия во всех делах – как в тех, которые в него вносятся по личному желанию епископа, так и в тех, которые передаются ему собором.

6) Все епархиальные дела, соответственно степени их важности, делятся на три разряда, причем одни из них получают окончательное разрешение в соответствующем управлении, другие через соответствующие управления восходят на утверждение епископа, третьи, самые важные, решаются собором, возглавляемым и руководимым епархиальным епископом, или советом, если последний будет уполномочен на это от собора.

Примечание. К рассмотрению дел, восходящих на утверждение епископа, последний может привлекать, по своему усмотрению, совет.

7) Разногласие епископа с управлениями, а в известных случаях – и с советом, после вторичного их рассмотрения, разрешаются личными указаниями епископа. Разногласия же епископа с епархиальным собором разрешаются на соборе областном – митрополичьем.

8) При разногласиях по делам, не терпящим отлагательства, во избежание могущих последовать от промедления вредных последствий, епископ, впредь до окончательного решения дела, принимает соответствующие временные меры за своей ответственностью.

9) Члены совета и управлений избираются епархиальным собором на определенный срок, а утверждаются епископом.

10) К членам совета при епископе избираются собором же кандидаты в числе, равном членам совета.

11) Лица, не имеющие священного сана, участвуют на соборе, в совете и управлениях на правах полноправных членов.

12) Епархиальному собору предоставляется право назначать или утверждать избранных управлениями лиц для ревизий по всем сторонам епархиальной жизни.

13) Благочинные должны быть оставлены, но должность благочинного должна быть выборною, а инструкция для них должна быть изменена.

Преобразованное на таких началах, епархиальное управление должно быть поставлено в соответствующие благоприятные условия. К числу таких условий могут быть отнесены следующие:

1) В возможной степени автономность прихода.

2) Образование окружных смешанных и чисто пастырских советов для братского и третейского рассмотрения и решения дел округа.

Примечание. В случае нужды, этим советам могли бы быть предоставлены и права низшей судебной и административной инстанции.

- 1) Раздробление теперешних епархий на более мелкие, и притом в возможно большем количестве. В этих видах желательно было бы уездам и округам, изыскавшим средства в обеспечение постоянного существования в округе епископской кафедры, предоставить право самим возбуждать вопрос об открытии у них епископий.

- 2) Допущение – наряду с общими правилами и законами – правил и законов сепаратных, применительно к особенностям и потребностям той или другой области, той или другой епархии, того или другого округа и даже отдельного прихода.

Пятая докладная записка по вопросу о реформе духовно-учебных заведений

Главный недостаток нашей духовной школы заключается в двойственности ее назначения: эта школа одновременно должна служить и интересам духовенства (как школа сословная) и интересам Церкви (как школа профессиональная). Между тем для всякого очевидно, что те и другие интересы далеко не всегда совпадают: Церковь требует, чтобы духовная школа готовила просвещенных священнослужителей (§119 уст. дух. сем.), а духовенство в большинстве случаев желает, чтобы она давала общее образование и вместе с тем право на поступление в высшие светские учебные заведения. Здесь-то, в этой двойственности назначения духовных школ, и кроется главный источник всяких нестроений в них. Чтобы уничтожить эти нестроения, необходимо отделить интересы духовного сословия от интересов Церкви и особо удовлетворить те и другие.

Применительно к этому основному положению, можно наметить следующий проект духовных школ. Духовное училище и первые четыре класса семинарии объединяются в среднее общеобразовательное восьмиклассное училище, причем соединять воспитанников всех восьми классов в одном общежитии – не необходимо; напротив, с педагогической точки зрения более желательно, чтобы воспитанники четырех младших классов жили, как и ныне, совершенно отдельно от воспитанников старших классов и чтобы дисциплинарные меры по отношению к тем и другим, соответственно их возрасту, были различны. Каждый класс поручается особому воспитателю. Что касается учебного курса, то в этом отношении восьмиклассное духовное училище приравнивается к гимназиям Министерства народного просвещения – с той лишь разницей, что в нем в более широких объемах, чем в гимназиях, преподается Закон Божий, который проходит в связи с чтением священного текста Библии и по своей постановке в высших классах приближается к ныне существующей в семинариях науке основного богословия, а также церковное пение; кроме того, в нем обязательно преподаются греческий язык (хотя и с сокращенным числом уроков), философия и психология; желательно также преподавание искусств и ручного труда. Начальником училища должно быть лицо духовное; учителя должны быть с высшим образованием, преимущественно академическим; содержание их должно быть приравнено к содержанию учителей гимназии. В восьмиклассное духовное училище принимаются дети православных родителей из всех сословий, но, в случае недостатка вакансий, предпочтение отдается детям духовенства. Особая плата за учение инородных не взимается.

Окончившие восьмиклассное духовное училище получают право поступать во все высшие учебные заведения на общих основаниях, а те из них, которые чувствуют интерес к богословским наукам и призванию к пастырскому служению, поступают без экзамена в специальную богословскую школу – семинарию, прямая цель которой – приготовление кандидатов священства. Кроме окончивших восьмиклассное духовное училище, в семинарию принимаются и другие лица с образованием не ниже среднего. Учебный курс семинарии – трехлетний, причем первые два года посвящаются преимущественно теоретическому изучению богословских наук, а третий год – преимущественно практической подготовке к священнослужительским обязанностям. Последний (практический) курс для тех, кто имеет в виду продолжать свое образование в духовной академии, не обязателен. Теперешняя учебная система, с ее формализмом и излишним дроблением наук, в семинарии не должна иметь места. Система преподавания там должна быть предметная и лекционная. Воспитание также должно быть чуждо формализма. Инспекция в нынешнем ее виде должна быть уничтожена: инспектору (префекту) должен быть предоставлен надзор лишь за внешним порядком и хозяйственной частью семинарии, собственно же воспитательские обязанности должны быть поручены классным воспитателям, которые и являются в совете семинарии представителями и выразителями нужд и законных желаний своих питомцев. Вообще, по внутреннему своему строю, семинария должна иметь характер братства. Начальником семинарии должно быть обязательно лицо духовное; учителя могут быть и светские, но, конечно, предпочтительнее были бы духовные. В административном отношении духовные школы (училища и семинарии) устроятся по принципу общецерковной (соборной) жизни, т. е. управляются епископом соборно с представителями пасомых, согласно церковным канонам. Внутренняя жизнь каждой школы направляется ее советом.

Для образования низших членов клира должны быть учреждены особые с двухгодичным курсом училища, в которые могли бы поступать лица, окончившие не менее четырех классов общеобразовательной школы или выдержавшие соответствующий экзамен.

Что касается женских епархиальных училищ, то их по учебному курсу и по правам необходимо приравнять к женским гимназиям, прибавивши седьмой и восьмой (педагогический) классы, и ввести в них церковность в обучении и управлении.

Ректор и духовник семинарии, начальник мужского училища и начальница епархиального женского училища избираются епархиальным собором, при участии корпорации учащихся, под личным председательством епископа, а преподаватели и лица прочих должностей – советом семинарии или училища и утверждаются епископом.

Для всех духовных школ должен быть выработан общий нормальный устав.

Шестая докладная записка – по вопросу «о предметах веры, в обширной области которых ожидается разрешение высшей церковной власти на многие вопросы»

1) В разрешении со стороны высшей церковной власти настоятельно нуждаются не только многочисленные отдельные вопросы веры, но и вопросы более общего характера, составляющие собою целые отделы догматики, как-то: об искуплении, об оправдании, о Церкви, о таинствах. С надлежащим разрешением и уяснением этих общих вопросов, большинство частных, можно думать, разрешится без особого затруднения. Тогда же, можно надеяться, в достаточной степени уяснятся и те начала, которые должны лечь в основу как практических отношений ко всем пребывающим вне православной Церкви Христовой, так и полемики с ними.

2) Частнее, приходится отметить такого рода явление. На католиков, протестантов и русских раскольников и сектантов, на совершаемые в их обществах таинства и на возможность для умерших в сих обществах получить вечное спасение – в православном русском обществе существуют разные взгляды, доходящие иногда до полной противоположности. Очень многие идут и дальше того: они утверждают, что вечное спасение возможно получить даже умершим в язычестве. Ввиду этого, желательно было бы получить соборное решение по следующему вопросу: как понимать то общеизвестное положение, что вне Церкви нет спасения?

2) К пастырям православной Церкви часто обращаются с просьбами помолиться за лиц, не принадлежащих к православной Церкви. Отказ в этом огорчает просителей. Указывают: а) на то, что все люди – дети Божии, за всех пострадал Христос и всем людям Бог желает спасения, и б) на то, что за некоторых высокопоставленных особ инославного исповедания православная Церковь молится даже по предписанию Святейшего Синода. Ввиду этого желательно было бы иметь соборное разъяснение по вопросу о том, возможно ли, и если возможно, то в какой форме и при каких условиях, моление за инославных.

3) Надлежащее совершение исповеди при множестве исповедников часто оказывается физически невозможным. Ввиду этого представляется желательным иметь соборное решение по вопросу о том, допустима ли в некоторых уважительных случаях и по отношению к некоторым, по крайней мере, лицам общая исповедь.

4) Ввиду свободного отношения очень значительной части православного общества к постам, желательно было бы точнее выяснить отношение православной Церкви к постам и их нарушителям.

Вторым важным вопросом, по которому можно желать разъяснения Собора, является вопрос о положении православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверцам по издании Высочайших указов от 17 апреля и 17 октября 1905 года. Здесь желательно было бы иметь указание со стороны Собора по следующим пунктам: а) по вопросу об австрийском священстве, б) по вопросу о беглых попах и их священнодействиях у раскольников и в) по вопросу о смешанных браках православных с иноверцами и особенно с теми из раскольников, которые к православной Церкви и совершаемым в ней таинствах относятся с самым крайним отрицанием.

Сверх сего, разрешения Собора требует вопрос о современном богослужебном языке. Совершение богослужения на общедоступность и понятном для всех языке является одним из самых могучих воспитательных религиознонравственных средств. Рационалистические сектанты тем, между прочим, и увлекают православных, что богослужение у них совершается на понятном для всех языке. Ввиду этого крайне желательно было бы поставить на будущем Соборе вопрос об исправлении и упрощении современного богослужебного языка.

**№70, преосвященного Мефодия, епископа Забайкальского, от 24
января 1906 года**

О составе и организации предполагаемого Поместного Всероссийского церковного Собора

Собор должен состоять из епископов всех епархий, выборных представителей белого и черного духовенства и мирян. Все важнейшие церковные реформы должны быть произведены не только по воле епископов, но и с согласия всех чад православной российской Церкви. Так действовали св. апостолы в благоустроении Церкви – примеры общеизвестны; так должны действовать и мы.

Участие на Соборе церковного клира и мирян вызывается и господствующим духом времени. Хотя бы собор одних епископов постановил и правильные и разумные решения, эти решения весьма многих не удовлетворяют, и прежде всего – белое духовенство, со стороны которого собор возбудит ожесточенные нарекания, а это обстоятельство может крайне вредно влиять на успешное проведение в жизнь церковных реформ. Нельзя также отрицать и того, что суждения и постановления собора одних епископов будут – по весьма понятным причинам – односторонними, что послужит основанием кажущейся справедливости нареканий.

Кроме выборных от духовенства и мирян, на Собор приглашаются, по усмотрению Собора, лица известные своей ученостью и преданностью Церкви или особенно благочестивою жизнью. На Соборе присутствуют также представители духовно-учебных заведений: половина – избранные корпорациями, половина – назначенные епископами. От духовных академий могут быть по два представителя: один – избранный корпорацией, другой – по назначению местного епископа. Духовные семинарии и училища от каждой епархии посещают тоже по два представителя: один избирается корпорациями, другой назначается местным епископом.

Заключительный, решающий голос всех совещаний Собора должен принадлежать епископам. Представителям духовенства и мирян может быть предоставлено только право совещательного голоса.

Совещания епископов должны быть отдельны от совещаний клириков и мирян и происходить после того, когда данный вопрос будет обсужден и выяснен на совещании клириков и мирян.

На Собор могут быть допущены и представители различных, хотя бы и сумасбродных мнений, касающихся с какой-нибудь стороны жизни Церкви, но допущены с крайнею осторожностью, и только по решению Собора. В настоящий век упадка веры и нравственности может даже случиться, что иные заявят желание защищать свое мнение перед Собором с единственной лукавой целью изблевать на Церковь Божию какую-нибудь хулу или кощунство.

Наконец, на Собор должны быть приглашены представители греческой православной Церкви, а может быть – и Церквей армянской, англиканской и католической.

Совместное присутствие на Соборе представителей белого и черного духовенства и мирян весьма важно. Белое духовенство не чуждо будет сословных и мирских домогательств, доходящих до забвения прямых интересов Церкви; монашеское духовенство будет прежде всего блюсти интересы Церкви Божией и будет в более близком духовном единении с епископами, чем белое духовенство. Присутствие мирян необходимо для полноты беспристрастного решения вопросов Собора. Голос мирян будет далек от ригоризма, свойственного монашествующим, но он будет также далек и от сословных претензий белого духовенства. Миряне, например, будут рассуждать, что духовно-учебные заведения, содержащиеся на церковные деньги, должны прежде всего служить для приготовления служителей Церкви Божией, а не для образования детей белого духовенства. Спросят миряне, конечно, и о том, по какому праву белое духовенство бесцеремонно берет, сколько потребуется, церковные деньги на воспитание своих дочерей⁹⁷.

На Соборе, несомненно, возникнет вопрос о материальном обеспечении духовенства; решение этого вопроса, очевидно, будет зависеть от мирян.

Совместное присутствие представителей от духовно-учебных заведений, избранных корпорациями и назначенных местными епископами, тоже весьма важно. Избранные корпорациями будут действовать больше в пользу секуляризации духовной школы, избранные епископами в решении вопроса о духовной школе будут преследовать главным образом интересы Церкви.

Предварительно созыва Собора должны быть предприняты подготовительные работы, к которым должны быть привлечены все силы православной российской Церкви: епископы, белое

и монашествующее духовенство и миряне. Мне кажется, порядок этих подготовительных работ должен быть такой. Учрежденная при Святейшем Синоде комиссия для рассмотрения проектов реформ должна терпеливо дожидаться отзывов и мнений о реформах всех епископов; пусть это займет больше времени, чем предполагалось вначале, но зато дело будет сделано основательно и разумно. По получении отзывов комиссия делает свод всех мнений и составляет свое общее по ним заключение. Свод мнений епископов и свое по ним заключение комиссия рассылает епископам, которые в свою очередь рассылают это по церквам и монастырям своих епархий, подведомым им учреждениям и лицам, а также и мирянам, известным епископам своей преданностью Церкви и интересующимся церковными вопросами. Приходские священники, по получении свода мнений и проектов церковных реформ, совместно с прочими членами причта осведомляются сами с этим предметом, осведомляют с ним и своих прихожан, обращая главное внимание на те вопросы, в разрешении которых миряне должны принять участие на Соборе; это – вопросы о материальном обеспечении духовенства, содержании духовно-учебных заведений и епархиального управления. Обнаружатся со временем, без сомнения, и другие вопросы, в разрешении которых миряне должны будут принять ближайшее участие.

После приходского обсуждения вопросов реформы духовенство в составе всего причта собирается на окружной съезд, куда собираются и избранные из мирян – по одному от каждого прихода – представители приходов. По обсуждении вопросов на окружном съезде избираются депутаты от духовенства и мирян на епархиальный съезд, который составляет заключительное мнение по вопросам реформы и избирает представителей от духовенства и мирян на Собор. На епархиальном съезде, конечно, присутствуют депутаты от монашествующего духовенства, избирающие своего представителя на Собор.

Помимо этих административных подготовительных работ, должно быть немедленно предпринято издание популярных брошюр по тем вопросам, которых будут касаться церковные реформы, например: что такое Церковь Христова, церковный собор, патриаршее управление, краткая история соборов и проч. Но, кажется, в этих брошюрах следует воздержаться от изложения излишних проектов церковных реформ. Нужно помнить, что брошюры назначаются для простого народа, который требует еще только самых элементарных сведений по вопросам церковным; разные проекты, иногда прямо произвольные, будут только сбивать его с толку. Приходские священники распространяют брошюры среди своих прихожан, устраивают чтения по церковным вопросам и частные беседы с наиболее развитыми и влиятельными прихожанами.

Если изложенный в общих чертах проект будет принят, то детальное применение всего, сообразно местным условиям, может быть поручено епархиальным епископам.

Вопрос об организации Собора есть вопрос чрезвычайной важности; те принципы, которые будут положены в организацию Собора, должны лечь в основу организации центрального церковного и епархиального управления, а также в основу организации церковно-приходской жизни. Правильное разрешение вопроса об организации Собора будет правильным предположением всех фундаментальных вопросов, касающихся церковной реформы.

Что касается времени созыва Собора, то с этим делом спешить не только бесполезно, но и прямо вредно. Необходимо прежде всего, чтобы вопросы, касающиеся реформы, выяснились в общем сознании верующих. Идеи, самые простые и очевидные, сначала кажутся неясными, и нужен известный психологический период времени для внутреннего усвоения идеи как бы самым существом души. В учебном деле предмет при повторении кажется всегда живее, чем при первоначальном ознакомлении. Кто ныне станет возражать против пользы передвижения по железной дороге? Однако, когда был изобретен первый локомотив, движение по железной дороге встретило возражение со стороны даже ученых лиц.

Затем необходимо, чтобы определенно выяснилось течение государственной и общественной жизни, с которым в той или другой степени должны сообразоваться церковные реформы. Нам кажется, что ближайший срок созыва Собора должен быть не ранее второй сессии Государственной Думы, когда с достаточною полнотою определится положение в государственном управлении этого нового учреждения, и церковная власть успеет уяснить свои отношения к нему, – а это необходимо ввиду того, что реформы будут соприкасаться с государственной и общественной жизнью. Государственная Дума может возбудить вопросы, касающиеся церковной жизни, и в первую сессию; но тогда центральная церковная власть должна будет ходатайствовать, чтобы рассмотрение этих вопросов было отложено до созыва

Собора, на котором, предполагается, будут присутствовать и миряне, т. е. лица той же среды, из которой будут и выборные члены Государственной Думы.

№71, прибавление к отзыву преосвященного Арсения, епископа Псковского, напечатанному выше под № 35 Мнения Псковского епархиального съезда 1905 года по вопросам о необходимых реформах в церковно-приходской жизни

Съезд духовенства Псковской епархии, происходивший в декабре 1905 года, обсудив вопрос о реформе церковной жизни, сделал следующие заключения.

1) Права и обязанности епархиальных съездов должны быть расширены: а) епархиальные съезды должны быть ежегодно собираемы в определенное раз навсегда время; б) епархиальный архиерей не должен участвовать в рассмотрении дел съезда; в) в состав епархиального съезда должны входить избранные от округов священники и миряне по одному от округа; большинством 30 голосов против 10 решено допустить участие в заседаниях съезда и низших членов клира в лице избранного от округа псаломщика или диакона; г) епархиальным съездом духовенства решаются все вопросы епархиальной жизни и пастырской практики, возбужденные благочинническими собраниями и отдельными приходами и лицами; д) все определения епархиального съезда имеют силу лишь по утверждении их епархиальным архиереем. Причем ни одно общеeparхиальное распоряжение, издаваемое епархиальной властью, не может быть проведено в жизнь помимо его обсуждения и заключения со стороны епархиального съезда. Вопросы экономического характера решаются духовенством окончательно и, в случае несогласия с решением их епархиального епископа, вторично рассматриваются епархиальным съездом; причем вторичное постановление должно быть обязательно к исполнению. Вопросы, с решением которых епископ не соглашается, на основании канонических правил, передаются на рассмотрение высшей инстанции – Поместного Собора.

2) Подлежит реформе духовный суд. Духовный суд подразделяется на две инстанции: первая инстанция – суд благочиннического пастырского собрания и вторая инстанция – суд совета пресвитеров при епископе.

В состав суда благочиннического пастырского собрания входят три священника, один представитель от низшего клира и один мирянин; все эти лица избираются на известное количество лет благочинническим пастырским собранием; в решении поступающих на рассмотрение этого суда дел участвуют все лица суда, если разбираемое дело касается и мирян, и исключается от участия в решении дел представитель от мирян, если разбираемое дело касается только духовных. На решение суда благочиннического собрания поступают все дела о преступлениях и проступках лиц духовного звания, и суд решает явочным порядком окончательно дела незначительные, кляузного характера и вообще дела, за которые виновный не подвергается лишению сана или места, причем такие наказания, как штрафы, низведения на низшие должности, поклоны и монастырское подначалие, как унижающие достоинство священно-церковнослужителя и профанирующие религию, должны быть совершенно исключены из уложения о наказаниях духовенства. Решения же пастырского суда по преступлениям, влекущим наказание лишением сана или места, представляются на рассмотрение суда совета пресвитеров при епископе. – В состав суда совета пресвитеров при епископе входят три бесприходных священника и один мирянин, по возможности с юридическим образованием, – под председательством местного епископа; все лица суда совета пресвитеров при епископе избираются епархиальным съездом на неопределенное время; решению суда совета пресвитеров при епископе подлежат все дела, влекущие вышеозначенные последствия – лишение сана или увольнение от должности. В случае несогласия кого-нибудь из заинтересованных лиц с решением этого суда недовольному предоставляется право перенести это дело на рассмотрение высшей инстанции.

3) По вопросу о мерах, могущих способствовать оживлению приходской жизни в религиозно-нравственном и просветительном отношениях, духовенство полагает, что во главу всех мер к оживлению приходской жизни в религиозно-нравственном и просветительном отношениях нужно положить: а) всеобщее обучение за счет государства, при непременном обеспечении тружеников на этом поприще; б) открытие по возможности бесплатных при церквях библиотек, устройство которых лежит на обязанности приходских советов; в) расширение прав приходской общины, как гражданской единицы; г) совершение богослужения на русском общепонятном языке, а в местах

с инородческим населением – на языке преобладающем; д) усиление проповеди – как устной, так и письменной – с уничтожением духовной цензуры, и е) возможно частое приобщение Св. Таин всех христиан.

4) Для устранения существующей ныне отчужденности православной паствы от пастырей и к возвышению нравственного авторитета пастырей необходимо: а) прежде всего устранить те законы, которые исключают всякую самостоятельность пастыря в области приходской общины; б) вменить в священную обязанность каждого пастыря посещать своих прихожан не только при требоисправлениях, но – что лучше всего – во всякое другое время; в) совершенно устранить всякую зависимость пастыря от пасомых в материальном отношении и тем самым устранить те путы, которые связывают священника по рукам и ногам, и открыть уста говорить всякому то, что пастырь находит нужным по своему глубокому убеждению; г) допустить пастыря к участию во всех гражданских учреждениях, начиная от волостных правлений до Государственной Думы включительно, и предоставить право быть гласными по выборам в земских и городских собраниях; д) возбудить ходатайство об установлении права священников кредитоваться в банках, и е) уничтожить все награды для духовенства (как духовные, так и гражданские), как унижающие некоторых, никакого отношения не имеющие к высоте пастырского служения и не достигающие цели – подъема нерадивых иереев, а напротив, поселяющие вражду и зависть сред них. Из наград оставить только сан протоиерея, а скуфью – как принадлежность иерейского сана в гигиенических видах.

5) Существующий ныне способ обеспечения духовенства не только унижает нравственный авторитет и пастырское звание священнослужителей, но и отдаляет многих достойных лиц от принятия на себя священного сана. Единственная возможность избежать зависимости духовенства от пасомых заключается в том, чтобы духовенство было обеспечено от государства в размере: для сельских священников – 900 руб. и псаломщиков – 300 руб. в год, при условии соблюдения за ними земельных наделов, а в случае отнятия земли (за исключением 4–6 десятин для усадьбы), – чего духовенство очень желает, – для священника – 1200 руб. и псаломщика – 500 руб.; для уменьшения расходов по содержанию духовенства следует закрыть вакансии штатных диаконов, предоставив право настоящим диаконам доживать свой век на прежнем основании: диаконские вакансии оставить только при соборах. Для градского духовенства жалование должно быть назначено в размере 1500 руб. для священника, 1000 руб. для диакона и 600 рублей для псаломщика. Срок для выслуги пенсии в размере половины получаемого жалования равняется 25 годам. При церквях желательно устроить на средства общины дома для причта, а существующие собственные дома членов причта по оценке их особою комиссией должны быть приобретены за счет церкви; следует уравнивать приходы по количеству душ, приняв за норму 1000 душ на одного священника; причт должен – с назначением ему жалования – совершать безвозмездно все таинства и обряд погребения, а для служения молебнов по домам должен посещать прихожан не менее двух раз в год, прочие же требы совершать по добровольному и добросовестному обоюдному согласию.

6) Необходимо объединить церковно-приходские попечительства с церковными советами и расширить их права, дав им права юридического лица и права волостных правлений по составлению приходских приговоров.

7) Ввиду того, что в настоящее время крайне разнообразно решается вопрос о поименовании иноверцев православной Церковью, духовенство полагает необходимым, чтобы этот вопрос был рассмотрен Поместным Собором.

8) По вопросу об упрощении способа приобретения церквями, как юридическими единицами, недвижимой собственности, духовенство ходатайствует об отмене закона, по которому на приобретение церквями и духовенством недвижимого имущества требуется всякий раз разрешение Высочайшей власти.

9) Лицам белого и монашеского духовенства, добровольно снимающим с себя сан, необходимо предоставить права государственной и общественной службы с зачислением службы в духовном звании на выслугу пенсии; в послужных списках о таких лицах только отмечать: «служил в Духовном Ведомстве». Желательно, чтобы вопрос о второбрачии вдовых священников был возбужден на имеющем быть Всероссийском Поместном Соборе, как вопрос, вызываемый самой жизнью.

**№72, преосвященного Димитрия, архиепископа Казанского, от 9
февраля 1906 года**

Предположения Казанского епархиального начальства по вопросу о реформе церковного суда

Необходимость преобразования церковного суда в русской Церкви давно признана, и высшей властью церковною и гражданскою предпринимались меры к усовершенствованию его, но им не суждено было осуществиться. Было бы слишком долго, да и излишне, излагать все недостатки церковного суда, а равно и мероприятия к его реорганизации, ибо это хорошо известно. Занимавшаяся разработкой данного вопроса комиссия, под моим председательством, подробно и тщательно обсудив современное состояние церковного суда и все то, что доселе предпринималось к его преобразованию, полагала бы такую организацию церковного суда.

Глава 1. Общие правила

1. Духовный суд в русской Церкви производится: благочинническим советом – в пределах благочиния, епархиальным судом – в целой епархии, судебным отделением Св. Синода и общим собранием Св. Синода – во всей русской Церкви.

Примечание. Епархиальному архиерею лично принадлежит право дисциплинарного суда и взыскания в пределах, указанных в 155 ст. Устава духовных консисторий.

2. Все перечисленные духовно-судебные установления производят суд коллегиально. Следствия по делам, подсудным епархиальному суду, производятся духовными следователями, а по прочим – духовными лицами, особо назначенными Св. Синодом.

3. При духовно-судебных установлениях состоят канцелярии для письмоводства.

Глава 2. Совет благочинного

1. Низшую инстанцию духовного суда составляет совет благочинного. Ему подсудны дела, за которые виновные подлежат замечаниям, выговорам и денежным штрафам без внесения судимости в послужной список (подробности указаны в отделе об епархиальном управлении).

2. Совет благочинного состоит, под председательством благочинного, из двух его помощников и члена-судьи, избираемых духовенством благочиннического округа на три года и утверждаемых в должности епархиальным архиереем.

3. Совет благочинного по делам судебным созывается, по приглашению благочинного, не менее одного раза в месяц.

Глава 3. Епархиальный суд

1. В каждой епархии, отдельно от консистории, учреждается епархиальный суд.
2. Епархиальный суд состоит из коллегии пресвитеров под председательством епархиального архиерея. Фактически, однако же, председательские права и обязанности поручаются архиереем его местоблюстителю из лиц пресвитерского сана.
3. Присутствие епархиального суда должно состоять из председателя и трех членов.
4. Члены епархиального суда избираются епархиальным съездом депутатов духовенства и по представлению епархиального архиерея утверждаются в должности Св. Синодом.
5. В члены епархиального суда избираются состоящие в епархии лица пресвитерского сана, по преимуществу с высшим богословским образованием, прослужившие в должности священника не менее десяти лет или в должности судебного следователя не менее трех лет.
6. Служба члена епархиального суда бессрочна. В случае нужды она может быть совмещаемая с обязанностями приходского священника.
7. В случае крайней необходимости может быть организовано на время заседание епархиального суда и в другом месте, кроме епархиального города.
8. В случае болезни или отсутствия местоблюстителя епархиального архиерея по епархиальному суду председательство в заседании суда переходит к старшему по службе члену суда. В случае недостатка в членах суда может быть командирован на время епархиальным архиереем для участия в заседаниях суда один из священников епархиального города.

Глава 4. Судебное отделение при Святейшем Синоде

1. При Святейшем Синоде состоит судебное отделение оно же для рассмотрения и решения апелляций и протестов на решения епархиальных судов и для решения дел, касающихся лиц архиерейского сана.

2. Судебное отделение при Св. Синоде состоит из епархиальных архиереев, вызываемых Св. Синодом, с Высочайшего соизволения, на два года, под председательством одного из постоянных членов Св. Синода.

3. Присутствие судебного отделения Св. Синода для решения дел должно состоять не менее как из трех членов, считая в том числе и председателя.

4. Для рассмотрения дел по жалобам на приговоры судебного отделения Св. Синода, постановленные оным в качестве первой инстанции, и для суда над членами и присутствующими Св. Синода составляется общее собрание членов Св. Синода и судебного отделения оно же, под председательством первенствующего члена Св. Синода.

Глава 5. О канцеляриях духовно-судебных установлений

1. Канцелярия епархиального суда состоит из секретаря по назначению председателя суда и из необходимого числа писцов по найму.

2. Канцелярия судебного отделения при Св. Синоде состоит под ведением обер-секретаря с необходимым количеством помощников и писцов, назначаемых председателем отделения.

Глава 6. О внутреннем устройстве духовно-судебных установлений

1. Наблюдение за аккуратностью и правильностью делопроизводства в каждом духовно-судебном месте и охранение порядка в заседаниях суда возлагаются на председателя.
2. Заседания духовных судов разделяются на распорядительные и судебные.
3. Судебные заседания для решения дел происходят публично. Право входа в публичное заседание суда дается по усмотрению председателя посредством выдачи именного билета. Случаи, в которых к сим заседаниям не должны быть допускаемы лица посторонние, определяются в законе.
4. Каждое решение духовного суда, состоявшееся в публичном заседании, может быть напечатано и обсуждаемо на основании общих постановлений о печати.
5. Члены судебного отделения при Св. Синоде имеют ежегодно три месяца вакантного времени.

Глава 7. О наказах и отчетах

1. Правила, относящиеся до внутреннего распорядка в духовно-судебных местах, определяются самими судебными установлениями в наказах, утверждаемых судебным отделением при Св. Синоде.
2. Отчеты о движении дел в духовно-судебных местах представляются по инстанциям: благочинническим советам – в епархиальный суд, а последним – в судебное отделение при Св. Синоде.
3. Отчеты духовно-судебных установлений могут быть публикуемы в печати.

Глава 8. О правах и преимуществах лиц, принадлежащих к составу духовно-судебных установлений и об ответственности их

1. Члены духовно-судебных установлений и судебные следователи получают содержание по особому положению.

2. Духовные следователи и члены духовно-судебных установлений не могут быть ни увольняемы без прошения не только от должности судебной, но и от должности священнослужительской, ни переводимы из одной местности или прихода в другие. Временное устранение от должности допускается только в случае предания их суду, а совершенному удалению или отрешению от должности они подвергаются не иначе, как по приговорам суда.

Глава 9. О надзоре за духовно-судебными установлениями

- 1. Надзор за духовно-судебными установлениями принадлежит высшим в порядке подчиненности судебным местам, а именно: судебному отделению Св. Синода – за епархиальными судами, а епархиальному суду – за благочинническими советами.

О судопроизводстве в духовных судах

Главными отличительными особенностями уголовного процесса по судебным уставам 1864 года служат: 1) непосредственность оценки уголовных доказательств, 2) гласность производства, 3) равноправность сторон на суде и

4) отмена теории формальных доказательств. Все эти начала нового процесса легко и удобно могут быть перенесены и в судопроизводство духовных судов. Непосредственность оценки уголовных доказательств требует, чтобы стороны и свидетели лично присутствовали на суде и давали свои показания прямо пред судом без всякого посредства, чтобы суд по личным впечатлениям непосредственно мог составить себе убеждение в виновности или невиновности подсудимого. Это имеет своим необходимым последствием разделение следствия на два момента: следствие предварительное и следствие судебное в собственном смысле, производимое в заседании суда. Предварительное следствие есть действие, подготовительное к судебному следствию. Оно имеет целью собрать фактические данные для разрешения вопроса о предании суду заподозренного, а также собрать и хранить до суда все те доказательства, которые необходимы для всестороннего обсуждения дела.

Насчет публичности и гласности можно заметить, что нет надобности доводить ее до крайности. Гласность имеет значение обеспечения правильного и беспристрастного ведения дела на суде. Значит, для целей обеспечения правосудия достаточно того, чтобы на суде были посторонние люди, которые могли бы поведать публике о неправильном ведении дела, если бы был подан к тому какой-либо повод, а вовсе не требуется, чтобы присутствие суда обращалось в место театральных зрелищ. Известное ограничение доступа для посторонних в залу заседания духовного суда желательно в видах сохранения порядка во время заседания суда и в видах ограждения провинившихся духовных лиц от излишнего позора и злорадного издевательства над ними нескромной толпы. В этих видах и проектируется в отделе об организации духовно-епархиального суда правило, чтобы посторонняя публика допускалась в зал заседания епархиального суда не иначе как по билетам, выдаваемым по усмотрению председателя суда.

Ввиду несомнительности вопроса о применимости к духовному суду начал уголовного процесса, принятого в судебных уставах 1864 года, мы ограничиваемся в данном случае изложенными немногими замечаниями и не будем развивать желаемый порядок судопроизводства в параграфах устава. Подобный опыт уже был сделан в свое время проф. Лавровым. Этот проект можно принять с небольшими исправлениями в частностях.

О церковных наказаниях

Принимая во внимание церковные правила и практику, а также и все соображения, высказываемые по сему вопросу сведущими людьми, мы считаем целесообразным предложить следующую лестницу наказаний для духовных лиц, налагаемых по приговору церковного суда:

- 1) Выговор с внесением в послужной список.
- 2) Денежное взыскание до 50 руб.
- 3) Перемещение от приходской церкви к бесприходной.
- 4) Удаление от места с правом приискания другого места.
- 5) Вычет из времени службы, дающей право на получение наград, пенсий и знаков отличий беспорочной службы, от полугода до года (Улож. о нак. 68).
- 6) Заключение в монастыре во исполнение приговора уголовного суда.
- 7) Временное запрещение священнослужения до трех месяцев, без отрешения от места, с проживанием в монастыре.
- 8) Временное запрещение священнослужения до 6 месяцев, с отрешением от места, с правом временного занятия должности псаломщика по усмотрению епархиального архиерея.
- 9) Запрещение священнослужения навсегда, с правом снятия сана и выхода из духовного звания.
- 10) Лишение сана с правом оставаться по доброй воле в духовном звании на низших должностях или в монастыре на послушании – с надеждой пострижения в монашество в случае исправления.
- 11) Лишение священного сана с обязательным исключением из Духовного Ведомства.
- 12) Отлучение от Церкви лиц, которые, по лишении священного сана, остаются в неисправлении или не покорятся приговору церковного суда (Апост. 5-е, 28-е, 51-е, 58-е, 59-е).
- 13) Псаломщик подвергается тем же мерам наказания, что и священник и диакон, со следующим различием: вместо временного запрещения священнослужения (ст. 7 и 8), псаломщик посылается в монастырь в клиросное послушание или в черную работу; вместо лишения сана, исключается из Духовного Ведомства.

Упомянутые выше меры взыскания применяются к разным видам проступков и преступлений следующим образом:

Отлучению от Церкви подлежат те духовные лица, которые, по лишении священного сана, остаются в неисправлении или заявят непокорство церковному суду (Апост. 5-е, 28-е, 51-е, 58-е, 59-е).

Лишению священного сана с обязательным исключением из Духовного Ведомства подвергаются священнослужители, которые обличены в уголовных преступлениях и присуждены к такому наказанию уголовным судом (Уст. кон. 177), или которые обличены в нарушении целомудрия или святости брака (Уст. кон. 185).

Лишению священного сана, с предоставлением права оставаться по желанию в Духовном Ведомстве на низших степенях или в монастырском послушании, подлежит священнослужитель, бьющий кого-либо рукой или орудием в церкви во время богослужения, или произведший в церкви словами или действиями соблазн или замешательство, от которого последовала остановка богослужения, или дерзнувший совершать божественную литургию в нетрезвом виде, или совершивший другое тяжкое грехопадение, нетерпимое в духовном сане (Уст. кон. 179, 180, 181). В случае если эти лица не окажут исправления по оставлении в Духовном Ведомстве, то они исключаются из Духовного Ведомства и отсылаются в местное губернское правление с подробным объяснением вины, за которую лишены священнослужительского сана (Уст. о пред. и пр. пр. 179).

Священнослужитель, оказавший неприличными словами или действиями неуважение к храму Божию и освященным вещам онаго, подвергается запрещению священнослужения на три месяца без лишения места, с прохождением епитимии в монастыре, а при повторении подобного проступка лишается священнослужения навсегда, с правом выхода из Духовного Ведомства (Уст. кон. 182).

Священнослужитель, дерзнувший совершать в церкви или вне оной в священном облачении богослужение (кроме литургии) или требоисправление в нетрезвом виде, в первый раз отрешается от места с правом приискания другого места, во второй раз подвергается

запрещению священнослужения до трех месяцев с прохождением епитимии в монастыре, в третий раз подлежит запрещению священнослужения навсегда, с правом оставаться в Духовном Ведомстве на низших степенях, и в монастыре на послушании, или же, по желанию, выйти из Духовного Ведомства (Уст. коне. 181).

Священник, по нерадению об исправлении своей обязанности допустивший умереть младенцу без св. крещения или больному без просимого им напутствования таинствами, подлежит переводу из приходской церкви к бесприходной (Уст. коне. 143). Священнослужитель, уличенный в вымогательстве платы за требоисправление, в первый раз присуждается к годичному вычету из срока на пенсию, а при повторении того же проступка отрешается от места, с правом по прошествии трех месяцев искать места у церкви бесприходной. Причетник за то же преступление в первый раз отрешается от места с прохождением клиросного послушания в монастыре до трех месяцев, а при повторении того же проступка исключается из духовного звания.

Священнослужитель, обличенный в причинении кому-либо вне церкви оскорбления неприличными словами, подвергается денежному взысканию в пользу сирот Духовного Ведомства до 50 рублей, а учинивший оскорбление тяжкое отрешается от должности на три месяца с правом занять в это время место псаломщика. Церковные причетники за причинение обиды словами подвергаются денежному взысканию или епитимии в монастыре, смотря по обстоятельствам, а за причинение тяжкой обиды – наложению епитимии в монастыре или исключению из духовного звания (Уст. коне. 186).

Священнослужитель, замеченный в склонности к нетрезвой жизни, подвергается в первый раз запрещению священнослужения на три месяца, с правом исправлять обязанности псаломщика; во второй раз – отрешению от места с запрещением священнослужения впредь до исправления, с правом исправлять должность псаломщика. Если же и после сего он не окажет исправления и будет продолжать вести нетрезвую жизнь, соблазнительную для прихожан, то вместе с лишением сана исключается из Духовного Ведомства. Причетники, следствием обнаруженные в нетрезвости, в первый раз посылаются в монастырь на послушания и труды, а во второй или третий – исключаются из духовного звания и передаются в распоряжение губернского правления (Уст. коне. 187; Уст. о пред. и пр.пр. 178, 179).

Священнослужители и причетники за повенчание незаконных браков, если они не употребили должных мер предосторожности, наказываются в первый раз выговором с внесением в послужной список, во второй раз – денежным взысканием не свыше 50 руб., в третий раз – вычетом от шести до двенадцати месяцев из срока службы на пенсию.

Военный священник за повенчание браков лиц, не принадлежащих к приходам военных церквей (Инстр. протопр. 1890 г. ст. 44), также приходский священник, повенчавший брак прихожан другого прихода без согласия их приходского священника, наказываются денежным взысканием не свыше 50 рублей с внесением в послужной список.

Священнослужители и причетники, которые, по жалобам прихожан, оказываются виновными в неисправности по совершению богослужения и треб и в немирлоубии, удаляются от места, с предоставлением им права поступить в другой приход или к бесприходной церкви (Уст. коне. 191).

За неисправное ведение книг прихода-расходных, метрических, обыскных и исповедных росписей, вообще – приходских документов, священнослужители и причетники наказываются выговором или денежным штрафом не свыше 50 руб., смотря по степени неисправности. Впрочем, неоднократно замеченная в сем неисправность, соединенная с явным нерадением или неблагонамеренностью, подвергает виновных более строгим мерам взыскания (Уст. коне. 192:193).

За неисправное ведение годичной отчетности по церкви и приходу пред епархиальным начальством, если эта неисправность не есть дело случая или явление единичное, члены причта, особенно настоятель церкви, штрафуются выговором или денежным взысканием.

Немирлоубие, сутяжничество с членами церкви или с прихожанами со стороны священника, диакона или псаломщика наказывается, смотря по обстоятельствам дела и степени виновности, выговором, денежным штрафом или предложением перейти на другое место.

Самовольная отлучка без паспорта благочинного или епархиального начальства наказывается выговором или денежным штрафом.

Сознательное и демонстративное неисполнение распоряжений благочинного или епархиального начальства наказывается, смотря по обстоятельствам дела и важности вины, выговором, денежным штрафом или удалением от места.

Неблагодарность, непочтительность и дерзкое отношение к начальству ближайшему и епархиальному наказывается, смотря по важности вины, выговором, денежным штрафом или удалением от места.

Злословие, злонамеренно распускаемое про начальство епархиальное открыто на словах или путем печати, наказывается денежным штрафом или удалением от места, а в случае повторения проступка – временным запрещением священнослужения.

Неблаговидное свободомыслие по вопросам веры, церковной дисциплины и общественного строя, обнаруженное в проповеди, публичной речи или путем печати, наказывается, смотря по обстоятельствам дела и важности вины, выговором, денежным штрафом, удалением от места, а при повторении проступка – удалением от должности с временным запрещением священнослужения.

В случаях, которые не означены в сем уставе, надлежит применяться к указанной выше постепенности взысканий, а в тех случаях, которые упоминаются в церковных правилах или в Своде Законов Российской империи, следует руководствоваться церковными правилами и Сводом, в особых же случаях – испрашивать разрешения Св. Синода (Уст. коне. 195).

Заштатные священнослужители и причетники в поведении своем подлежат общему порядку надзора и суда (Уст. коне. 79).

Монашествующие за проступки, подходящие под вышеизложенные статьи, наказываются по тем же правилам: иеромонах и иеродиакон – как священник и диакон, а монах и послушник – как причетник. Кроме того, монахи, занимающие в монастыре какую-нибудь почетную должность, например, настоятеля, казначея и пр., могут наказываться лишением этой должности, а простой монах – лишением права избрания в таковую должность. Может быть употребляем в виде меры исправительного наказания и перевод монаха из одного монастыря в другой, но только в случае возникновения каких-либо неудовольствий между этим монахом и остальной монашеской братией, которые трудно прекратить другим способом. Может быть употребляем вычет из жалованья. По проступкам, подлежащим внутренней монастырской дисциплине, монахи подвергаются мерам исправления, указанным в монастырских уставах, в завещаниях для инока, преданных св. Василием Великим во второй части Кормчей, в Номоканоне при В. Требнике и в Духовном Регламенте (Уст. коне. 196).

Церковный суд при наложении церковных наказаний должен иметь в виду, кроме важности проступка или преступления, еще общие правила о вменении преступлений и об обстоятельствах, увеличивающих или уменьшающих вину и наказание, изложенных в Уложении о наказаниях (ст. 90–135). Особенное внимание должен обращать церковный суд на нравственное состояние судимого духовного лица, на степень его раскаяния, на то, который раз он судится, на то, не подвергался ли он прежде суда административным взысканиям. Искреннее сознание в грехе и сожаление о его совершении должно высоко цениться на суде, как обстоятельство, смягчающее вину и наказание, особенно когда грехопадение совершено лицом безукоризненного поведения при каких-либо особых обстоятельствах и носит случайный характер. В подобном случае суду надобно предоставить право оказывать полное снисхождение, по правилу: «Хвалится милость на суде». В случаях же обратного характера, в случаях неискренности и нравственной потерянности, церковный суд принимает меры строгости, чтобы избавить церковный клир от совершенно негодных членов, позорящих его и приносящих существенный вред церковной пастве. Также по всей строгости должны быть наказываемы случаи горделивого самомнения, упорного неповиновения распоряжениям власти и недостойного интриганства.

Кроме мер взыскания, налагаемых по суду, существуют еще взыскания за преступления и проступки по службе, налагаемые в административном порядке. Одни из них налагаются по распоряжению непосредственного начальства виновного; это именно – замечания и выговоры без внесения в послужной список. Другие назначаются по распоряжению начальства, от которого зависит назначение к должности, занимаемой виновником: это – вычет из жалованья, перемещение с высшей должности на низшую, удаление от должности и арест до семи дней (Улож. о нак. 69 и прим.). Это право принадлежит и церковному начальству. Первые два наказания – замечание и выговор – могут быть налагаемы на духовных лиц благочинным (Инстр. благ. 49) и благочинническим советом, а прочие – в известной мере епархиальным архиереем.

Между прочим, Уставом духовных консисторий предоставлено епархиальному архиерею право увольнять за штат священнослужителей и церковных причетников в случаях достоверно дознанной неспособности их к дальнейшему прохождению службы по преклонной старости или болезням (Уст. коне. 78). Епархиальному архиерею предоставляется право переводить духовных лиц с одного места на другое по просьбе об этом со стороны прихожан вследствие их недовольства на кого-либо из членов причта (Уст. коне. 191), а также и в других случаях необходимости принять эту меру, особенно в целях миссионерских, или в случае возведения священника на высшую степень, например протоиерея. Это широкое полномочие может нередко подать повод к злоупотреблениям со стороны епархиальных преосвященных. Св. Синод предостерегает епархиальных преосвященных от подобных злоупотреблений, обязывая их в годичных отчетах об управлении епархиями упоминать о числе священников, перемещенных в продолжении года без собственных их прошений (Журнал. Прис. по д. пр. дух. 28 марта 1869 г. 5). Но и эта слабая гарантия против возможных злоупотреблений со стороны епархиальных архиереев упомянутым правом парализована позднейшим указом Св. Синода (21 декабря 1892 г., п. 6, г), дозволившим епархиальным архиереям переводить неисправных духовных лиц из приходов, зараженных сектантством, с лишением их права жаловаться на такие перемещения. Это распоряжение должно быть уничтожено в целях правосудия и защиты могущих пострадать невинно от поспешных распоряжений епархиальной власти. Устав духовных консисторий предоставляет также епархиальному архиерею право или даже вменяет в обязанность устранять от священнослужения духовных лиц, подпавших следствию и суду в тяжких преступлениях (Уст. дух. коне. 159). Наконец, епархиальный архиерей может по непосредственному своему суду в указанных случаях наложить на духовное лицо епитимию (даже запрещение священнослужения) до двух недель с прохождением ее на месте службы или в архиерейском доме (Уст. коне. 155). Все эти административные полномочия должны быть сохранены за епархиальным архиереем (с указанными ограничениями) и после реформы епархиального суда.

Взыскания, наложенные на духовных лиц в административном порядке, не вносятся в послужной список виновных. Замечания и выговоры и денежные штрафы благочинных и благочиннических советов вносятся в особую кондуитную книгу, находящуюся в ведении благочинного, а административные взыскания епархиальной власти, не исключая и выговоров, вносятся также в кондуитную книгу, находящуюся в консистории. Сведения об административных взысканиях органов епархиального управления приводятся на справку или конфиденциально принимаются во внимание в потребных случаях епархиальной жизни. Сведения эти принимаются во внимание и в случае суда над лицами, подвергавшимися административным взысканиям, для оценки нравственного облика судимого лица.

**№73, преосвященного Никодима, епископа Приамурского и
Благовещенского, от 17 ноября 1905 года**

1. О разделении России на церковные округа под управлением митрополитов

Деление России на церковные округа и введение в них особого, подчиненного Всероссийскому Синоду, управления церковного, с митрополитами во главе, составляет в настоящее время насущнейшую и неотложную потребность церковной жизни в нашем православном отечестве. Потребность эта прежде всего, конечно, зависит от той широты и разнообразия этой жизни в нашем отечестве, при которых Святейшему Синоду, как главному и притом исключительному органу управления Церковью, нет никакой, даже просто физической, возможности рассматривать и решать, как должно, многие тысячи дел, поступающих на его рассмотрение. Члены Синода, весьма притом ограниченные в своем числе, имея в своем рассмотрении такое великое множество дел, что их часто на одно двух–трехчасовое заседание приходится до 30–50, естественно не могут ни прочитать всей переписки по каждому делу, ни надлежаще вникнуть в доводы и причины, приводимые представившим его епархиальным начальством или другим каким учреждением, в пользу своего ходатайства. Посему они дела сии, в силу необходимости, должны выслушивать в извлечениях, в том виде, в каком они докладываются подлежащим секретарем или обер-секретарем, которые, в свою очередь, не всегда и не во всей полноте сами делают эти общие извлечения из дел. Словом, дело может решаться часто так, как посмотрит и оттенит сущность и детали его канцелярия, далеко недостаточно знакомая с нуждами и обстоятельствами и запросами церковной жизни той или иной епархии. Не говорю уже здесь о чисто формальных иногда препятствиях, поставляемых канцелярией к удовлетворению того или иного ходатайства. Вследствие сего весьма часто дело или тянется в течение нескольких лет – и благоприятные обстоятельства к его осуществлению исчезают, или решается не так, как требует того жизнь епархии и неотложная нужда, или же, вопреки неотложнейшей нужде, оно и совершенно отклоняется, повергая епархиальные начальства часто в недоумение, часто в скорбь, а нередко и в необходимость делать всевозможные ухищрения к обходу состоявшегося, не удовлетворяющего назревшей и неотложной потребности, определения Святейшего Синода, с риском подвергнуться ответственности за такой, с формальной стороны неблагоприятный, образ действий. В отношении же проектов об улучшении и развитии церковной жизни в епархии вообще, или в епархиальных учреждениях в частности, бывает нередко и еще того хуже: они прямо откладываются – за недостатком времени для их рассмотрения или вследствие несоответствия их в некоторых частях с установившимся порядком в управлении, для изменения которого потребовались бы более или менее сложные действия. Затем, и сами члены Святейшего Синода, в целой своей половине являющиеся людьми временными и часто случайными, несмотря на глубокий опыт в управлении Церковью старейших и постоянных членов – митрополитов, не могут надлежащим образом и в необходимой для решения подробности знать все условия церковной жизни отдаленных от их местопребывания епархий, а посему естественно являются склонными решать возникающие дела по урегулированию и улучшению жизни и состояния таковой епархии сообразно со сложившимися у них воззрениями по условиям жизни своей епархии. Отсюда также весьма нередко возникают и неудовлетворение ходатайств, несмотря на неотложную нужду дела, и решение, неприменимое во всей точности к жизни епархии. Между тем, при развивающемся сектантстве и свободомыслии, при пробуждающемся религиозном сознании сельской паствы, с стремлением к улучшению и вообще реформированию своей жизни, и при страшной путанице отношений и мнений, вызванных законом о так называемой веротерпимости, грозящей Церкви неисчислимыми трудностями и осложнениями, современное состояние церковной жизни требует не только большей быстроты в решении церковных вопросов и дел, но и – главным образом – тщательной приноровленности этих решений к требованиям данного момента и условиям местной жизни, чтобы, с одной стороны, своевременным удовлетворением назревшей потребности и нужды установить известный необходимый порядок и предупредить раздраженность и шатания в сторону, а с другой – быстро и надлежаще использовать имеющиеся в наличии благоприятные условия к осуществлению предпринятого дела, во избежание того, что, при замедлении, они могут исчезнуть и вновь не повториться. По состоянию современной церковной жизни иногда требовалось бы, может быть, быстро открыть приход там, где его доселе не было, для целей миссии и благотворительности организовать иноческую общину, открыть скит, временно увеличить или сократить причт, сделать заем денег из

епархиального попечительства на необходимое учреждение в епархии, прибавить временно одного члена консистории, заместить секретаря другим способным лицом из местных деятелей, обратить часть причтовой земли в известном приходе в оброчную статью и т. п. и т. п.; и однако все это, по настоящему положению, сделать скоро нельзя, потому что требует возбуждения ходатайства пред Святейшим Синодом и, осложняясь нередко продолжительною перепискою о доставлении должных и разъяснительных сведений, часто задерживается решением на более или менее продолжительное время, или же решается односторонне и притом со всевозможными ограничениями, вызванными часто простою только формальностью и взглядами издалика, но однако крайне вредными для означенного дела.

Все эти неудобства и неблагоприятные обстоятельства в развитии и усовершенствовании церковно-епархиальной жизни единственно и могут быть устранены только предположенною определением Святейшего Синода, от 18–22 марта, децентрализацией власти Святейшего Синода в управлении нашей православно-русской Церковью, посредством разделения православной России на церковные округа. Из изложенных причин, выясняющих такое деление на округа, как необходимую и неотложную потребность в управлении Церковью, само собой уж открывается, что таковое не должно быть ограничено только выделением в особые округа Западного края, Кавказа и Сибири, как местностей, нуждающихся в том по своим специальным историческим и религиозно-бытовым условиям, но должно простираться на все местности православной России, так как и сии последние не менее, если даже не более, вследствие полноты и разнообразия церковной жизни, нуждаются в ближайшем органе церковного управления, для быстрого или даже только для своевременного удовлетворения ходатайств и для осуществления возникших дел по устройению, улучшению и ограждению от неблагоприятных условий и враждебных действий иноверцев порядков церковной жизни. Таким делением на церковные округа именно всей России, кроме непосредственной пользы и удобства иметь в каждой сравнительно ограниченной местности ближайший и компетентный орган высшего церковного управления, едва ли не вполне устранится высказанное в предложении г. синодального обер-прокурора опасение относительно того, не будут ли дарованные Западнему краю и Кавказу церковные автономии способствовать возрождению там идей о культурной и политической обособленности сих наших окраин. Когда вся Россия будет разделена на такие же церковные округа, какие будут и в Западном крае, и на Кавказе, тогда сим последним уже не будет ни мотивов, ни твердых оснований стремиться к политической обособленности – именно в силу того, что они имеют до известной степени автономное церковное управление, так как и все округа будут иметь нечто таковое же. Впрочем, по разделении России на округа, в самой организации управления этими округами должна быть твердо и ярко проведена идея, что этот округ не есть что-либо автономное в церковном отношении, даже с точки зрения управления им и решения в нем дел, чтобы тем самым прочно и всегда ограждалось единство церковной власти в нашем политически едином и твердо сплоченном отечестве.

Переходя к этой стороне в вопросе о разделении России на округа – именно к организации управления или чрез, или – точнее – в лице митрополитов, я с своей стороны полагаю совершенно необходимым постановить твердым и ненарушимым принципом, чтобы митрополит округа не был начальником в собственном смысле всех епископов епархий, входящих в состав его округа. В противном случае, это противоречило бы принципу соборности, к возрождению которого, видимо, стремится и Святейший Синод и вообще следует стремиться, следуя историческим примерам строения Церкви и управления ею; а главное, это было бы несогласно с церковными канонами, утверждающимися на прямом учении Евангелия, так как одному епископу, хотя бы и облеченному преимуществом чести, усвоило бы власть над другими епископами и унижало бы сих последних. Конечно, при установлении такового принципа, сами особою возникают вопросы: в чем же именно должно выразиться управление митрополитом округа, если он будет лишен права единоличного распоряжения по отношению к епископам его округа, и как именно должно быть устроено таковое управление, чтобы оно во всей полноте, или хотя бы в значительной степени, отвечало принципу соборности и ненарушимости прав входящих в состав округа, самостоятельных епископов, когда по основному принципу не может быть допущено, чтобы одни только епископы – викарии митрополита соучаствовали с ним, во имя принципа соборности, в рассмотрении и решении дел, когда известно, что для сего не могут быть назначены также и епископы, свободные от управления епархиями? В разрешение сих вопросов, со своей стороны я полагал бы возможным провести в жизнь Церкви следующую организацию

управления церковными делами по церковным округам под руководством и управлением митрополитов. Каждый округ церковный должен непременно заключать в себе не менее десяти (и только в крайнем случае – семи) епархий, с епархией митрополита включительно. Такое количество епархий в церковном округе необходимо для того, чтобы митрополит имел возможность вызывать к себе, для решения возникших и поступивших в известное время дел из подчиненных епархий, каждый раз не менее трех епископов, а в округе из семи епархий – не менее двух. Большее количество епархий в округе, будучи – может быть – удобно в отношении большого количества призываемых для решения дел епископов или более редкой очереди для них, было бы бесполезно и неудобно в отношении большей раскинутости района округа, а через то – меньшей однородности условий церковно-приходской жизни и быта между епархиями округа, а также и в отношении большей отдаленности для поездок епископов к митрополиту на решение дел, с чем необходимо серьезно ведаться. При таком составе округа все дела, выходящие из области компетенции епархиального епископа и подлежащие решению высшего органа церковного управления, направляются к митрополиту округа, который не решает их сам единолично, а только подготавливает к решению, делая предварительные распоряжения по изучению и обследованию вопроса, если то потребуется. Для решения же их им вызываются трое из девяти епископов его округа, которые вместе с ним и рассматривают дела и постановляют решения. Чтобы вызовы эти не были произвольными со стороны митрополита и не касались одних епископов чаще, а других реже, должно быть установлено за правило, чтобы каждые три епископа при этих вызовах были в определенном порядке чередуемы, так чтобы все епископы округа без исключения, в известное определенное время для каждой очереди, непременно участвовали в рассмотрении и решении возникающих дел. Чтобы таковые очередные поездки епископов округа к своему митрополиту для решения дел не были соединены с продолжительной отлучкой из своей епархии и чрез то не устранили их от личного управления делами епархии на более или менее продолжительное время – с передачей дел консистории или викарию, могло бы быть установлено, чтобы очередные епископы собирались к митрополиту для решения дел не на определенное и значительное количество времени в году, а только по мере накопления дел в продолжение примерно одного–двух месяцев, и на столько времени, сколько такового потребуется на решение имеющихся на рассмотрении за это время дел. Поставленные так поездки не могут быть часты, а равно и не могут вызывать продолжительных отлучек из епархий. Самое большее, каждому епископу привелось бы съездить к своему митрополиту для решения дел два-три раза в год и каждый раз провести у него для сего времени 10–15 дней, если не того еще менее, имея в виду сравнительно небольшое количество могущих возникнуть дел в 7–10 епархиях округа, при предстоящем расширении компетенции власти епархиального епископа в решении второстепенных дел церковной жизни. Не могут быть также и обременительны эти поездки, если принять во внимание все удобства нынешних передвижений. Не препятствуя епископам в управлении собственной епархией и не будучи обременительны, эти поездки и постоянное участие во время их в рассмотрении и решении дел, возникающих в соседних епархиях, были бы в то же время весьма полезны для всех епископов округа как в отношении расширении знания ими церковной жизни, так и в приобретении такта в решении дел и в управлении епархией, обогащая их опытом от других своих собратий; а вообще, для всей православной российской Церкви – были бы необыкновенно драгоценны в том отношении, что сплачивали бы высших церковных деятелей воедино, приучая их к единомыслию во взглядах на церковную жизнь и порядки и к единодушию в мероприятиях по устройению епархий и, наконец, воодушевляя к единодушной, энергичной и неустанной борьбе с враждебным Церкви направлением. Такая деятельность епископов была бы, так сказать, постоянной практической школой в усовершенствии их епископской деятельности. Конечно, при таком порядке рассмотрения дел в митрополичьем округе значение митрополита будет сводиться к званию простого председателя в совете собирающихся к нему для решения дел епископов, и собственно значения управляющего округом он в данном случае как бы не будет иметь. Но устроить что-либо иное, без нарушения существенных, установленных канонами, прав епархиальных епископов, входящих в состав округа, едва ли возможно и едва ли полезно для дела. Притом в действительности конечно будет несколько иначе. Как постоянный руководитель в решении всех дел по округу, митрополит конечно будет, по сравнению с другими епископами, обладать обширным знакомством как с самой церковной жизнью округа, так и со всеми законоположениями и способами решения, почему и будет всегдашним полномочным и до

известной степени властным советником и нравственным судьей своих собратий – епископов своего округа. В особенности же будет высоко его значение и влияние, как главы окружного собора епископов. Здесь он будет главным инициатором направления деятельности собора и полномочным, важным исполнителем его определений, касающихся как целого округа, так и – в частности – каждой епархии и каждого епархиального епископа. Правда, собор будет и органом церковным, ограничивающим и его самого, и его власть, но это так и должно быть по идее и правде евангельской. Во всяком же случае, как глава собора, он будет иметь право и власть требовать от каждого епархиального епископа исполнения предоставленных ему собором полномочий, увещевать братски впавшего в ошибки и превышение власти в своей деятельности епископа и требовать суда соборного над неисправимым, строптивым и не желающим подчиниться установленному собором порядку. Словом, митрополиту, как главе окружного собора, должен принадлежать братский надзор над собратиями-епископами, входящими в состав его округа, и право братского увещания. К нему же, как постоянному главе собора, епископы обращаются за разъяснениями разных непредвиденных или не точно определенных собором недоумений и представляют свои предположения по разным вопросам к очередному окружному собору. В каждом митрополичьем округе должен быть ежегодно и неуклонно собираем общий окружной собор епископов, на котором и должны быть решаемы дела и вопросы, возникшие в течение года. Кроме ежегодных окружных соборов, могут быть собираемы митрополитом соборы и экстренные по особо важным, не терпящим никакого отлагательства делам. К каждому собору митрополит рассылает, за несколько времени, всем епископам округа список подлежащих обсуждению и решению вопросов, для предварительного ознакомления и возможной, в случае надобности, подготовки. Решения собора приводятся в исполнение митрополитом.

2. О преобразовании церковного управления и суда в епархии

В настоящее время в каждой епархии, рядом с епископом – полномочным представителем церковной власти, стоит консистория, как второй, низший орган епархиального управления и суда. По идее строения епархии, как частной Церкви Божией, консистория должна бы быть советом пресвитеров при епископе, соразделяющим с ним бремя церковного управления и суда и находящимся с ним в постоянном единомыслии в постановке жизни епархии и решении дел. В действительности же дело стоит далеко не так – и юридически и фактически. Юридически консистория поставлена так, что она является учреждением как бы до некоторой степени самостоятельным, с правами независимого и самостоятельного суждения и решения в отдельности от епископа, который только рассматривает ее решения и соглашается или не соглашается с ее решениями, или «утверждает» ее определения, или же полагает взамен ее определений свои решения. Фактически же дело обстоит чаще всего еще хуже и неудовлетворительнее. Консистория рассматривает дело и вырабатывает свои решения всегда на основании рассмотрения самых документов дела, имея пред своими глазами даже самомельчайшие его частности и всевозможные справки даже из прежнего времени; имеет она пред глазами своими во время этого рассмотрения и все разнообразные законоположения, к делу относящиеся, с бесчисленными их разъяснениями и дополнениями и сепаратными указами. Следовательно, она и в суждениях, и в решениях является во всеоружии знания существа и частных дел, законов и способов их применения, а посему может полагать и построить протоколы и журналы решений, как ей угодно и удобно. Между тем епископ, читающий в большинстве только протоколы изложения и решения дел, ходит, – в отношении существа дела и правильности применения всей совокупности законоположений, относящихся к делу, – в положительных потемках, не зная точно, по всей ли справедливости и вполне ли беспристрастно решено дело. Правда, по местам ему предоставляются, вместе с протоколами, и самые дела, но это не может улучшить дела, так как одному епископу нет никакой возможности прочитывать все то, что в консистории прочитывается по частям тремя членами. Может он, конечно, требовать точного изложения дел в протоколах; но требования часто остаются требованиями, а дело излагается опять и всегда так, как это желательно тем, которые заведуют этим изложением. При таком положении дела епископу, несмотря иногда даже на внутреннее убеждение, что дело решено не надлежаще справедливо и беспристрастно, ничего более не остается, как быть послушным утвердителем воли консистории и писать бесконечно: «утверждается», «исполнить», «согласен». Делавшиеся и делаемые нередко некоторыми архиереями попытки выйти из такого строго запечатленного круга формальных резолюций и решать дела более или менее сознательно, с позволением себе давать иные, или вполне, или отчасти несогласные с определениями консистории, резолюции, преследуются последнею со всей энергией и часто беспощадностью, выражаясь в последующем течении дел подачей таких умело и лукаво составленных определений, с прописанием в основу оных означенной самостоятельной резолюции самого же преосвященного по аналогическому делу, что ему самому же приходится или краснеть за свое предыдущее решение, или же полагать новую даже противоречивую резолюцию, иногда даже не вполне согласную с какою-либо частностью в законоположении. Истинными бичами епископов в этом случае являются в особенности секретари, считающие себя «оком» обер-прокурора Святейшего Синода и, следовательно, стоящими выше епископа в решении дел. Допустив епископа, в его стремлении к самостоятельности, сделать два-три незначительных отступления от каких-либо частных в законе, вследствие искусно составленных решений в протоколе, секретарь делается уже постоянным страшилищем для епископа, забрасывая его всегда подходящими и неподходящими статьями и угрожая перенести дело «во имя правды и закона» на воззрение г. обер-прокурора. И склоняется беспомощно епископ, чувствуя свою виновность, и утверждает дела без малейшего изменения так, как изложила их в протоколе и решила консистория или – точнее – секретарь. Только епископы, предшествующей жизнью и деятельностью подготовившиеся к решению бумажных дел и посему часто читающие между строк изложенного в протоколах и журналах, а в особенности приобретшие навык понимать общий дух закона и на основании его определять существование частных его положений, намеренно или ненамеренно пропущенных в протоколе, могут отвоевывать и действительно отвоевывают себе иногда некоторую самостоятельность и

сознательность в решениях дел – при существующем строе церковного управления и взаимных деловых отношениях епископа и консистории с ее секретарем. Но и в этих случаях пользы для церковного дела бывает мало, так как силы и энергия расходятся, главным образом, на борьбу, которая в свою очередь вызывает в духовенстве и пастве шатания то в ту, то в другую сторону и, следовательно, порождает едва ли не еще большие нестроения в церковно-епархиальной жизни, чем при послушном и всегдашнем согласии епископа с определениями консистории.

Чтобы уничтожить таковой, долее не терпимый, порядок в управлении епархией, необходимо, чтобы консистория, в соответствии началам церковной жизни во времена апостольские и последующие первые века христианской Церкви, была советом иереев (пресвитеров) при епископе, совместно с ним принимала участие в рассмотрении церковных дел и в решении их всегда была в ненарушимом единомыслии с ним. Члены этого совета при епископе должны сами непосредственно знакомиться с каждым порученным им делом, а не из докладов столоначальников и секретаря, как это установлено в настоящее время. Для сего они обязываются следить за его ходом, устранять медлительность в соборании необходимых для решения сведений; по поступлении сих последних, оные рассматривать, группировать и включать в особую ведомую по делу записку, а по окончании соборания всех сведений, эту записку в законченном виде, вместе со всей перепиской, вносить на прочтение всем советом, а затем на обсуждение и решение в том же совете под непосредственным председательством и руководством епископа. Веденная по делу членом записка, как исторически последовательное изложение всех обстоятельств дела, с присовокуплением на полях личных воззрений ведшего ее члена на значение фактов по отношению их к общей сущности дела, их соответствие или несоответствие с выступающей из всего дела правдой и т. п., служит и протоколом этого дела, на котором и полагается самое решение, устраняя совершенно излишнюю в настоящее время переписку по изготовлению особых протоколов и журналов. При решении таким способом дел, епископ выслушивает чтение, веденной членом записки, справляется о возникающих сомнениях в самой переписке по делу, выслушивает мнения других членов по разным вопросам и частностям сего дела, противоречивые мнения старается привести к единомыслию, выслушивает перечень статей закона, относящихся к делу, вникает в их значение по их совокупности, формулирует и ставит вопросы для обсуждения и решения и, по отобрании мнений членов относительно решения, высказывает, применительно к таковым, собственное решение, которое, по занесении в записку по делу, и подписывается всеми. В этом виде оно и должно являться окончательным решением. Такой способ решения дел, в так организованном совете в личном присутствии епископа, несомненно, обеспечивает и всесторонность рассмотрения, и беспристрастие и справедливость, и быстроту в решениях, а главное – осуществляет до известной степени основной принцип церковного управления – соборность решений. Само собой понятно, что, при такой организации, в решении дел по церковному управлению уже не может быть места для секретаря, как особого блюстителя законности постановляемых в совете решений, так как епископ и члены совета уже своей совестью и своим служебным положением достаточно ручаются за таковую законность, потому что отвечают за нее и пред Богом, и пред Церковью, и пред гражданским законом. Вместо секретаря, на определенное по штатам для одного жалованье, полезнее для дела прибавить к существующим трем членам консистории еще одного члена, ввиду усложнения обязанностей членов по ведению дел в совете сравнительно с теперешними их обязанностями и ввиду необходимости для них, при новой организации и по упразднении секретаря, ведавшего извлечение справок из законоположений, более тщательно знакомиться с законоположениями, относящимися к церковному управлению. Было бы, может быть, полезно и весьма уместно, для усиления элемента соборности в проектируемом совете, вызывать в оный по очереди двух-трех благочинных епархии, в особенности при решении более важных, касающихся общего порядка церковной жизни епархии, или в известном районе ее, церковных дел, каковые благочинные, со своим близким знакомством с сельскими пастырями и паствой и приобретенною в администрировании опытностью, были бы в совете весьма полезными советниками. Но это, конечно, едва ли осуществимо, так как на это потребовались бы немалые денежные средства, а таковые и без того придется изыскивать, и притом в значительной степени, на удовлетворение жалованьем членов консистории (или совета), так как должно быть установлено за неизменное правило, что оные члены не будут не только приходскими священниками в городе, но и не будут занимать каких-либо других посторонних должностей – ввиду серьезности и трудности служения в должности члена совета при епископе.

Нет и не может быть оснований опасаться, что, при такой организации церковного управления в епархии, личность епископа и его значение в деле управления умалится и будет низведена до значения простого председателя в епархиальном совете по управлению епархией. Прежде всего, и при такой организации часть дел по управлению останется, как и теперь состоит, в единоличном его ведении и распоряжении, не завися совершенно от рассмотрения в совете. Затем, руководство его в решении дел в совете не низводится и не может быть низведено всецело до председательского только значения, определяемого правом на полтора или два голоса при счете голосов в постановке решения; но за ним, по самой высоте его положения в Церкви, как преемника апостольской власти, всегда должно оставаться право власти решающей, независимо от количества голосов, стоящих за известное решение, так что им, и при проектируемой организации, как и в настоящее время, может быть всегда утверждено своим голосом решение меньшинства, а иногда даже положено и свое собственное решение, хотя бы все члены совета и склонялись к иному решению, в особенности когда им будет усмотрено, что сие последнее несогласно со справедливостью и беспристрастием, или противоречит началам христианского милосердия, снисхождения и любвеобильности. В сем случае, для ограничения беспричинного произвола епископа, можно потребовать только разве того, чтобы его собственное решение, совершенно отвергающее решение членов совета, было непременно точно и подробно мотивировано. Но несомненно, что такие случаи будут необыкновенно редки, потому что трудно допустить, чтобы иереи – члены совета позволили себе часто и притом в присутствии епископа быть пристрастными, несправедливыми и легкомысленными, а равно и епископ мог проявлять в присутствии своих ближайших сотрудников в строении Церкви Божией те же, ему еще менее свойственные и приличные, неодобрительные качества. Так как в церковной жизни вообще, и в системе епархиального управления – в частности, не все дела одинаковы по своей важности и значению в течении и благоустройении церковной жизни епархии, и одна – притом весьма значительная – часть их в своем происхождении имеет характер чисто формальный, свидетельствуя часто только о том, что дело подлежит ведению епископа, а решение его не может быть иное, кроме определенного законом или общим строем и укладом церковной жизни, а другая – и также очень значительная – касается проверки и выдачи разных церковных по приходу книг и разрешения мелкого ремонта по церкви и церковным домам, или же собрания сведений по текущим делам и т. п., то посему было бы несообразно с высотой и великими задачами служения епископа привлекать его к участию в рассмотрении и решении всех без исключения дел, производящихся и возникающих в совете, заваливая его мелкой работой и через то отвлекая его от великой напряженной работы в области изыскания лучших мер и способов к устройению церковной жизни епархии через знакомство с литературой по церковным вопросам, через личное общение и беседы со своими сопастырями во время их посещений его, а равно и через личное их руководство в устройении церковноприходской жизни на месте, во время обозрения приходов и церквей и присутствования в это же время на благочиннических собраниях духовенства, что должно бы составлять наисущественнейшую его обязанность. Ввиду этого при организации рассмотрения и решения дел в совете пресвитеров при епископе все дела должны быть точно распределены на три группы: важные и существенные, второстепенные и маловажные или – точнее – дела, имеющие формальный характер. Первые из сих дел должны быть рассматриваемы и решаемы в совете непременно в личном присутствии епископа и под его непосредственным руководством и утверждаемы в окончательном постановлении по ним его личною подписью. Дела второстепенные должны быть рассматриваемы и решаемы в присутствии и под непосредственным руководством епископа-викария, должность какового должна быть учреждена непременно и обязательно в каждой епархии. Дела третьего рода могут быть рассматриваемы и решаемы самим советом, без участия епископов, под личной ответственностью за правильность и законность решений членов совета. А так как, при таком положении дела, большинство дел и решения по ним естественно не будут известны епархиальному епископу, что будет несомненно вредно в том отношении, что он не будет иметь общего, целостного представления о течении и состоянии церковной жизни в управляемой им епархии и через то лишится возможности правильно вырабатывать и систематизировать общие административные меры к благоустройению епархии, посему, для устранения сего, может и должно быть поставлено за правило, чтобы обо всех делах, решенных советом не в его присутствии, ему была подаваема ежемесячно краткая перечневая ведомость, с показанием в ней самых кратких изложений существа дела и состоявшегося по оному решения. Этим для

епископа будет обеспечено не только общее знакомство с течением и характером дел, возникающих в епархии, но и некоторый контроль, насколько правильно и сообразно с общей его системой управления епархией решаются дела в совете.

При такой организации управления церковною жизнью епархии, когда сам епархиальный епископ участвует в рассмотрении и решении дел, непосредственно сам руководя сим делом рассмотрения, естественно сам собой устраняется вопрос об изъятии суда над духовенством из ведения совета при епископе и об организации особого судебного органа, отдельно от совета, как то проектировано было 30 лет назад во время разработки плана известной духовно-судебной реформы. Епископ, по званию преемника апостольской власти в Церкви, имеет преимущественное право суда над пресвитерами и клириками, а посему, если он сам непосредственно руководит в совете при нем делами управления паствы, то и дела суда уже ни в каком случае не могут быть изъяты из его непосредственного ведения, так как они всецело самой жизнью Церкви включаются в сферу управления Церковью. Впрочем, об этом едва ли и нужно говорить, потому что даже самые ярые сторонники отделения власти судебной от административной едва ли будут утверждать, что епископ, как главный представитель административной власти в Церкви, в силу этого только должен быть освобожден от власти судебной, если только они не будут стоять вне церковных начал жизни. Если же епископ остается и останется всегда с неотъемлемым от него правом суда и через то будет совмстителем в себе и судебной и административной власти, то формирование, помимо административного совета, еще нового судебного совета, в котором рассмотрением и решением дел естественно будет руководить один и тот же епископ, будет уже полной бессмыслицей. В Церкви Божией, каковой является епархия, между административной и судебной властями не может и не должно быть ни борьбы, ни противоречия, так как и та и другая стремятся к одной цели – созданию благочестия чад Церкви. Несомненно, конечно, и опытом двух столетий неопровержимо установлено, что рассмотрение и решение судебных дел в консисториях отличались и отличаются страшною медлительностью, бумажным формализмом, отсутствием гласности, формальностью доказательств, отдаленностью и заглазностью производства дела от обвиняемого, отсутствием защиты и тому подобными несовершенствами. Но несовершенства эти вовсе не зависели от того, что суд производился именно в консистории и что она, по положению, совмещает в себе функции и административной и судебной власти; но всецело – от неудовлетворительности, устарелости и несоответствия с жизнью самой организации суда. Пусть будет отдано дело суда с такими формами каким угодно лицам и каким угодно корпорациям, вроде даже наших современных, не в меру прославляемых, светских судов, – и результаты получатся одни и те же, что и от суда консистории. Если судная волокита часто обуславливалась и обуславливается еще иногда и взяточничеством, то и этому причиною – с одной стороны – те же опять мертвые формы суда, а с другой – ужасная нищета консисторских чиновников. Но отсюда с неотразимой необходимостью вытекает только то, что должны быть изменены формы и условия суда и уничтожены все причины, производящие волокиту и неудовлетворительность его, а вовсе не отделение судебной власти от административной, совмещение которых во всей этой неудовлетворительности совершенно непонятно. Во всяком случае, проектируемое здесь непосредственное участие и руководство в рассмотрении и решении судебных дел в совете самого епископа будет в состоянии устранить всяческие опасения за правильность и беспристрастие суда даже и в тех людях, которые, вопреки правде и беспристрастию, были бы упорно и бесповоротно убеждены, что всякий иерей, облеченный административной властью, есть непременно недобросовестный судья и добросовестным быть не может. Если же по этой причине считать неспособным к добросовестному суду и епископа, как главного администратора в епархии, то тогда в Церкви Божьей уж и верить никому нельзя и не будет гарантии, что и иерей, облеченный только судебной властью, будет непременно добросовестным судьей. Таким образом, все дело в отношении улучшения духовного суда должно заключаться в том, чтобы из него устранены были: бумажный формализм, отсутствие обвиняемого при разбирательстве и исключительная сила формальных доказательств, а также обеспечена возможность иметь защитника на суде и во время следствия. Все это и может быть до известной степени достигнуто соответствующей организацией суда, без ненужного отделения судебной власти от административной. Сообразно с вышеупомянутыми требованиями, организация судебных инстанций и судебного производства и разбирательства может быть такова. Высшей и главной инстанцией епархиального суда должен быть и оставаться всегда совет пресвитеров при

епископе в епархиальном городе, руководимый и возглавляемый в делах судебных, как и в административных, самим епархиальным епископом. Второй, низшей судебной инстанцией в епархиальном суде должен быть – по отношению к каждому уезду – уездный духовно-судебный совет, учрежденный в каждом городе и составляемый из лучших священников города. Этими двумя инстанциями можно бы и ограничиться, так как их вполне достаточно, при не особенной многочисленности судебных дел в епархии и при возможности апеллировать суду епископов при митрополите. Но в жизни бывают случаи, когда обиженные или тяжущиеся по делам материальным не желали бы формально-судебного производства, а хотели бы кончить дело без шума и огласки, более или менее миролюбиво и исключительно по совести, а не на основании существующих правовых норм и законоположений. Для таковых дел и должен быть учрежден суд совести из избранных трех иереев ближайшего района – совет при благочинном, под его председательством и руководством. Лица, пожелавшие судиться в этом суде, должны быть предупреждаемы, что решения сего суда апелляции не подлежат, приговор этого суда по делу считается окончательным и судившиеся лишаются права апеллировать. В сих трех инстанциях и должен сосредоточиваться весь епархиальный суд, причем должно быть точно установлено, какие именно – по роду и характеру – дела должны входить в область ведения каждой из них. В общем же, в этом отношении следует принять за правило, что первая, высшая инстанция суда – совет при епископе – рассматривает и решает дела важнейшие: в отношении духовенства такие, по которым полагаются высшие меры наказания – епитимии и подначалие при монастырях и церквях, отрешение от места, запрещение в священнослужении, низведение на низшие служебные должности и лишение сана, а в отношении мирян – расторжение брака, предание епитимии, отлучение от причащения и временное отлучение от Церкви (с утверждения высшего церковного суда). Вторая, низшая инстанция – уездный духовно-судебный совет – ведает и решает дела, по которым наказания полагаются следующие: порицание, замечание, отдача под надзор и усугубление его, выговор без внесения в послужной список и выговор с внесением, денежный штраф и т. п. Суд совести – совет при благочинном – рассматривает и решает дела, кончающиеся удовлетворением потерпевшего нравственным (т. е. извинением) и материальным (т. е. уплатой убытка, задержанного дохода или долга и т. п.). В случаях подачи прошений в неподлежащую инстанцию, согласно установленного разделения между ними дел, прошение пересылается в инстанцию подлежащую. Вообще же, в отношении направления прошений и дел должен быть установлен следующий порядок: все прошения, не подлежащие решению в суде совести при благочинном, направляются в уездный духовно-судебный совет, который, если по ним не потребуются исследования на месте, вызывает тяжущихся и, в присутствии их, рассматривает и решает дело, основываясь на их взаимных прениях и показаниях приглашенных ими самими свидетелей. Если же дело требует исследования на месте, тогда судебный совет поручает по оному производство судебного следствия избранным для сего в каждом благочинническом округе следователю и его товарищу, причем последний обязывается при следствии быть всецело защитником подсудимого, со всем тщанием направляя свои усилия к изысканию обстоятельств, оправдывающих обвиняемого, для чего ему должно быть предоставлено право, с согласия следователя, предлагать вопросы свидетелям сообразно с его специальной целью и назначением, требовать специальных осмотров документов и места происшествия, просить о допросе других свидетелей или о передопросе уже опрошенных, и вообще чинить все, что в пределах установленного законом может клониться к пользе, оправданию или смягчению вины обвиняемого. При таком значении товарища следователя, главной задачей следователя при следствии уже должно быть по преимуществу изыскание и открытие обстоятельств, обвиняющих ответчика. Таким образом, уже в самом производстве следствия будет положена гарантия всестороннего исследования дела, с энергичной защитой интересов обвиняемого. Это и будет до известной степени заменять в нашем суде существующее в светских судах публичное судебное следствие, установление которого в нашем суде едва ли возможно, вследствие полной невозможности вызывать в судебное заседание весьма большое иногда количество свидетелей и крайней убыточности такового вызова для самого же обвиняемого, обязанного по закону платить сим свидетелям путевые и продовольственные деньги в случае обвинения. Для обеспечения большего беспристрастия в изыскании обстоятельств, обвиняющих подсудимого, следователь должен быть назначаем из соседнего или ближайшего благочиннического округа, чтобы он ни на одну минуту не чувствовал своей зависимости от обвиняемого, являющегося в своем округе выборщиком на должность

следователя; а для большего усердия в деле оправдания или защиты следователь-защитник должен быть, наоборот, назначаем непременно из избранных следователей округа обвиняемого, чтобы он каждую минуту чувствовал свою нравственную обязанность к сему последнему, своим избранием его в следователи вверившему ему и свою честь, и свое служебное положение, и спокойствие своей семьи. С этой точки зрения, избранные духовенством в каждом благочинническом округе следователь и товарищ его, по отношению к судебным делам своего округа, должны всегда и непременно быть защитниками, а по отношению к делам судебным соседнего округа – следователями, с обязанностью обвинения. По производстве таким образом следствия, следователь составляет из данных следствия обвинительную записку и представляет вместе с делом в судный уездный совет, а защитник составляет записку защитительную, для произнесения защиты в совете, когда будет назначено разбирательство дела. Совет, получив дело, рассматривает дело и решает вопрос о его подсудности. Если по обстоятельствам дела оно будет подлежать всецело его разбирательству и решению, тогда он вызывает обвиняемого и защитника и в присутствии их, по выслушании обвиняемого, обвинителя (которым может быть один из членов совета) и защитника, постановляет свое решение, которое тотчас и объявляется, чтобы обвиняемый или его защитник могли сделать заявление о подаче апелляции, если останутся недовольны решением. Если же совет найдет дело себе неподсудным, то препровождает оно в совет при епископе, где оно и рассматривается и решается тем же порядком, с выслушанием обвинения и защиты, как и в уездном судном совете. В том и другом случае обвиняемому может быть предоставлено право лично и не присутствовать, если он найдет возможным ограничиться представительством за себя при разборе дела одного защитника. Конечно, здесь возникает вопрос о материальных средствах на содержание следователей-защитников по благочинническим округам и возмещение их расходов по поездкам для защиты; но это – уже другой вопрос. Во всяком случае, такая организация нашего суда будет гораздо дешевле организации судов светских, а между тем оный в такой форме едва ли многим будет хуже последних.

Что касается, наконец, возбужденного предложением г. синодального обер-прокурора вопроса об организации такого действенного органа епископской власти, который объединял бы в своем ведении всю область епархиального управления и приводил в стройную систему и единство действия и задачи различных епархиальных учреждений – советов и правлений по делам епархиально-училищным, миссионерским, братским, епархиальных съездов, свечных заводов и др., то вопрос этот, по моему мнению, может быть решен довольно просто и притом довольно удовлетворительно для тех целей, которых предназначен достигать проектируемый орган епископской власти. Для сего стоит только учредить особый совет при епископе из представителей всех существующих в епархии духовных учреждений, под личным председательством и руководством епископа. Совет этот может быть или постоянным, или же временно, в строго определенные сроки, собирающимся. В совет этот и должны поступать через епископа ходатайства от каждого епархиального учреждения о его нуждах и сообщения о его предприятиях и действиях – на предмет как удовлетворения этих нужд, так и для обсуждения степени согласованности их действий и предположений с интересами всех других учреждений и вообще с интересами всей епархии. Никаких особых расходов на содержание такового совета, само собою понятно, не потребуются, кроме разве небольшой суммы на содержание одного писца и на приобретение канцелярских принадлежностей. Практическая полезность такового учреждения доказана уже отчасти опытом, так как в последнее время некоторые из епархиальных епископов уже пользовались и пользуются такими общими собраниями представителей всех существующих в епархии епархиальных учреждений.

3. Об усовершенствовании духовных школ: семинарий и училищ

Главными и существеннейшими недостатками означенных духовных школ, которые делают их в настоящее время совершенно не отвечающими своему назначению – приготовлению пастырей и служителей Церкви и требуют немедленного своего устранения, являются следующие:

1) Семинарии и училища, имеющие по идее своего существования своей главной и основной задачей – готовить для Церкви пастырей и служителей, самым учебным курсом своим и составом изучаемых предметов перестали служить этой своей главной цели и сделались, вместо сего, заведениями с общеобразовательным курсом, имеющим главной целью – давать образование детям духовенства и готовить их к жизненному положению, независимо от того, какой род служения обществу будет ими избран. Следствием этого – в учениках с самых первых лет зарождается и возрастает убеждение, что с их достаточным для разных других жизненных поприщ образованием нет и не может быть нужды останавливаться в выборе жизненного положения исключительно на служении Церкви в звании священноцерковнослужителей, а напротив, есть полная возможность желать и искать положения, внешне – гораздо лучшего и более обеспеченного, чем положение его родителя, а главное – не столь ответственного и стеснительного в отношении самого служения и удовольствий жизни. Отсюда – неудержимое бегство из семинарии не только способных, но даже часто и заурядных учеников.

2) Семинарии и училища, усвоив себе эту цель главным образом, по необходимости в организации своего учебного курса должны были ввести у себя многопредметность и широкие программы изучаемых предметов, так как требовалось для сей цели, независимо от предметов церковно-богословского курса, изучить и из общеобразовательных предметов все то и в таком объеме, что и в каком нужно было для полного сравнения общего образования, даваемого в семинарии, с таковыми же, даваемым гимназиями. Следствием этого получилось то, что учебный материал своей массой окончательно подавляет учеников, и они, как опытом многих лет уже дознано, совершенно не успевают даже готовить к каждому дню все даваемые им уроки, а посему, готовя их только часть, всю силу своих способностей направляют только на то, чтобы не попасться учителю с своим незнанием в известный день, для чего часто убегают из класса, уходят в больницу и т. п. А отсюда в свою очередь происходит то, что ученики получают обрывки знаний, не имеют ни умственной возможности, ни времени осмыслить эти свои жалкие познания и отличить в них существенное от несущественного, что, в связи с сознанием физической невозможности изучать надлежало все преподаваемое, порождает в них апатию к делу, а в большинстве – и полное отвращение, с глухим внутренним раздражением на неудовлетворительность постановки образования. Отсюда также – и постепенно растущая в более чутких и живых натурах в течение всего курса ненависть к духовной школе, переносимая ими почти всегда и главным образом на богословскую науку, как такую в их представлении, в которой все жалко, все не досказано, все неопределенно и туманно, причем, вследствие указанной обрывочности своих в ней познаний, они, бедные, конечно и не подозревают, что все эти эпитеты относятся исключительно только к их собственной голове, а не к богословской науке. Следствием этой же многопредметности, рассчитанной на всесторонность общего образования и в то же время не сообразованной с достаточным временем для изучения, является и то, что ученики не имеют возможности с большей тщательностью и вниманием отдаться изучению предметов, необходимых для пастырского служения, в особенности ввиду того, что все предметы – и богословские и общеобразовательные, до языков включительно, в своем значении при переходе из класса в класс совершенно сравнены. Печальным же последствием сего последнего обстоятельства часто бывает то, что ученик, способный к прохождению церковно-богословских предметов, вынужден бывает оставлять семинарию до окончания курса по недостатку природной способности к прохождению, например, алгебры, геометрии и древних языков. Таким образом, из-за незнания алгебры и языков, в которых нет особой нужды пастырю, Церковь теряет часто способного, убежденного и ревностного кандидата на пастырское служение, бросая его на распутья жизни и нередко разрушая все его жизненное положение.

3) Главные начальствующие лица духовных школ – в семинарии ректор и инспектор, а в училище смотритель и его помощник – находятся в постоянной, почти непрерывной и часто ожесточенной борьбе между собой. Инспектор почти постоянно мечтает со временем сделаться

ректором, а помощник – смотрителем. Отсюда – постоянное скрытое взаимное недоброжелательство, а иногда и открытая борьба во всех делах по управлению заведением, часто переходящая в борьбу партий, так как и те и другие начинают неизбежно искать себе поддержки в преподавателях, всеми возможными способами вербуя себе сторонников в проведении известных мер и решений дел по управлению заведением. А отсюда – потворство слабостям и неисправностям преподавателей, вредные для дела компромиссы во взглядах, искание у преподавателей и даже у учеников дешевой популярности и похвал и тому подобные, разлагающие здоровую жизнь заведения, явления. По семинариям и училищам явление это – почти повсеместное. Многочисленные факты несомненно запечатлены даже и в отчетах ревизоров Учебного Комитета, несмотря на то, что под их взор таких фактов попадала и попадает едва ли одна двадцатая часть. Все богатство этих фактов хранят в себе, конечно, местные преосвященные; но они, конечно, не трубят о них, а только скорбно вздыхают, сознавая свою полную беспомощность и бессилие в устранении их, так как они – эти факты – лежат в самом характере взаимных служебных отношений сих начальствующих лиц, установленных уставом. В училищах помощник смотрителя до некоторой степени еще поставлен в подчиненное положение смотрителю по уставу, так как без смотрителя по воспитательной части, которой он главным образом заведует, он не может делать каких-либо самостоятельных распоряжений, а если бы позволил сделать, то всегда может быть обвинен и уличен в превышении своих прав, хотя это и не удерживает его от интриг, борьбы и составления партий против смотрителя. Инспектор же семинарии, наоборот, по самому духу устава есть как бы начальник отдельной части в заведении и, если чувствует некоторую подчиненность свою, то более пред правлением, чем пред ректором, откуда получается уже полная свобода борьбы, с составлением партий. Частые же или – точнее – почти постоянные примеры назначения инспекторов ректорами и помощников смотрителя смотрителями в те же заведения даже в тех случаях, когда ректор и смотритель перемещаются и устраняются от должности или по причине, или при существовании борьбы между ними и инспектором и помощником, еще более развили наклонность в сих последних к таковой борьбе. Такое положение дела весьма печально и деморализующе отражается на настроении учеников и часто приучает их принимать участие в этой возмутительной борьбе, перебегая в своих сношениях и просьбах от ректора к инспектору и наоборот. Мне лично известен даже такой случай, что ученики, по наущению инспектора, готовились устроить в семинарии бунт, чтобы удалить строгого ректора и расчистить тем дорогу к ректорству мягко, ради противоположности, обращающемуся с ними инспектору. А угрозы ректора ученику сказать о его поступке инспектору, а со стороны инспектора – сказать о таковом поступке ректору, это – такие постоянные явления, которые известны всякому ученику в любой семинарии.

4) Преподаватели семинарии почти все без исключения слишком холодно и совершенно механически относятся к преподаванию. В погоне за развлечениями и побочными занятиями, они в большинстве бывают заняты до того, что не имеют решительно времени приготовляться к своим ежедневным урокам, и дело доходит почти всегда до того, что урок учителя бывает не чем иным, как простым перефразированием учебника. Ученики, видя, что урок преподавателя есть простое пересказывание учебника, перестают не только интересоваться его преподаванием, но и просто даже слушать его, предпочитая или дремать, или – в лучшем случае – читать какой-либо роман, справедливо полагая, что они от сего ничего не потеряют и могут с большим удобством прочитать урок по учебнику, если только наступила очередь быть спрошенными. Отсюда – мертвенность настроения на уроках, тоска, а в более живых и впечатлительных натурах – отвращение к классу, глухое раздражение и даже ненависть. Само собой понятно, что, при таком преподавании, учителя никакого умственного влияния на учеников не оказывают, и последние, проучившись в семинарии или училище целый курс, выходят из за

ведения тем, чем создало их самостоятельное прочитывание учебников к предстоящему ответу и к экзамену, т. е. с отрывочными и крайне смутными познаниям, при полном неумении разобраться в них, критически осмыслить в нужную минуту и применить в практической своей деятельности. Прежняя дореформенная школа тем и отличалась от нынешней, что на учениках отпечатлевалась личность преподавателя со всем его умственным складом и приемами в мысли и суждениях. Этого в современной школе и в помине нет, да и не может быть при таком всеобщем индифферентном отношении со стороны преподавателей к делу. В большинстве случаев нынешнего преподавателя с удобством могли бы заменить фонограф-преподаватель и

балло-отметочная машина, если бы таковые были изобретены. Причиной такого печального отношения преподавателей к своему делу является предоставленная им уставом полная неответственность за качество преподавания, за успехи и умственное развитие учеников. Как бы дурно, неумело и небрежно ни преподавал нынешний преподаватель, он спокойно сидит на своем месте, получает свое жалование и знать никого не хочет, будучи совершенно искренно убежден, что он ни мало не ответствен за дурные успехи учеников. Ни ректор, ни смотритель в этом случае никакого импонирующего влияния на него иметь не могут, потому что ничего более осязательного, кроме простого увещания, сделать ему не имеют права, за какое, однако, он не преминет отплатить им оппозицией или интригой в противной партии. Могут, пожалуй, они доложить о его дурном преподавании правлению; но сие последнее состоит из тех же преподавателей, а ныне даже превращено опять в учебный парламент, который сам себя судить, конечно, мог бы, но не будет, когда почти все преподаватели к делу преподавания крайне индифферентны. Могут, конечно, донести затем преосвященному; но и он не властен сделать сему преподавателю ничего, кроме внушения, предупреждения, поставления на вид и прочих невинных, жалких мероприятий, от которых и разложилась наша духовная школа. Допустимо, что преосвященный донес бы о таком преподавателе Учебному Комитету; но для этого, во-первых, нужно иметь слишком много официальных данных, иначе можно быть обвиненным в пристрастии, в нападках по наущничеству, в личной неприязни и т. п., а затем, в самом худшем для преподавателя случае, его переведут в другое место, где он будет преподавать немногим лучше, а жалование будет получать такое же. Это преподаватели отлично сознают и потому остаются и будут оставаться такими же, занимаясь только постановкой двоек и единиц, пока, для побуждения их к лучшей деятельности, не будет отыскано средство, чувствительно касающееся их преподавательской чести и материального благосостояния.

5) Преподаватели духовных школ совершенно устранили себя от нравственного воспитания учеников, как от такого дела, которое для них, как учителей известных порученных им предметов, совершенно постороннее. О том, что они при преподавании предметов могли бы, в целях хотя бы отдыха мысли и оживления в классе, обращать мысль учеников от некоторых сообщаемых на уроке сведений к степени применимости их в области нравственной деятельности в жизни, к способам воспитания в себе тех или иных нравственных навыков, к степени ценности их в жизненной деятельности и т. п., – об этом преподаватели как будто даже и представления не имеют. Изучать психический склад каждого ученика, сообразно с оным влиять на него в сторону нравственного воспитания и настроенности – представляется для преподавателей делом совершенно посторонним, не входящим в состав их обязанностей. Еще того менее они считают для себя обязательным и удобным делать обзоры пред учениками совершающихся общественных явлений, оценивать их значение с нравственно-христианской точки зрения и определять и уяснять способы пастырского действия при наличии таковых явлений и в соответствии с тем или иным складом общества. Установилось даже так, что преподаватель, например, математики не только будто бы не должен, но и не может ничем помогать воспитанию, за отсутствием материала для сего в самом преподаваемом им предмете. Так же смотрят и на преподавателей языков и других не богословских предметов. Отсюда воспитание учеников мыслится всецело и исключительно обязанностью ректора, инспекции и отчасти преподавателей богословских предметов. Что касается воспитания личным примером, то его не только совершенно нет со стороны преподавателей, но, наоборот, своим личным примером некоторые преподаватели скорее развращают, чем воспитывают. Непосещение богослужений, холодное, с барскими замашками и выражением лица, стояние в храме, открытое несоблюдение постов и даже бесцеремонная везде и всюду либеральная критика церковных установлений, открытая страсть к развлечениям, участие иногда в любительских публичных спектаклях и концертах, а иногда даже всем известное незаконное сожитие с женщинами – самым разлагающим образом влияют на нравственность воспитанников, подавая губительные примеры и подрывая всякое уважение к личности и слову преподавателей. Причиной такого нравственного состояния большинства самих преподавателей, в особенности неженатых, является полное отсутствие контроля над их частной жизнью, а также и главным образом отсутствие в уставе не только каких-либо мер к ограничению их таковой полной свободы в частной жизни, но даже и малейшей идеи возможности какого-либо действия на них в сем случае со стороны не только ректора, но даже и архиерея. Частная жизнь и поведение преподавателя считаются совершенно не

подлежащими ведению начальства, и, каковы бы они ни были, они не влияют на его служебное положение и на пребывание в семинарии в качестве учителя.

б) Восстановленное ныне право участия всех преподавателей в составе правления в качестве его членов, с решающим голосом, превратив правления в парламенты в истинном смысле, всецело убило власть ректора, сделало его совершенно бессильным и беспомощным в направлении жизни заведения и из начальника превратило в подчиненного, которого в собраниях преподаватели судят и травят за все непорядки и неприглядные стороны в жизни и поведении учеников. Результат – приниженность ректора и смотрение сквозь пальцы на опущение учителями уроков, на сидение в учительской 30–35 минут, когда нужно идти в класс на урок, на их неблагоприятную частную жизнь и т. п.

В устранении всех сих и им подобных недостатков и должно заключаться, по моему мнению, усовершенствование духовных школ и приведение их в полное соответствие с их задачами – воспитывать священнослужителей Церкви Божией – и с незыблемыми основами церковной дисциплины. Посему необходимо:

1) Создать из них специальные церковные заведения с таким курсом, который прямо и исключительно был бы рассчитан на приготовление пастырей Церкви, так чтобы всякий поступающий в них наперед знал, что его образование в сем заведении дает ему возможность быть надлежаще приготовленным только к пастырскому служению, а для других профессий, если бы он пожелал избрать иной путь по выходе из заведения, это его образование приспособлено крайне мало и не дает ему возможности поступать в другие учебные заведения. Такой характер сих церковных заведений, конечно, опять вызовет возражения, не сходящие со страниц наших либеральных духовных журналов:

а) куда же должны быть помещаемы дети духовенства тех родителей, которые не пожелали бы вести своих детей по пути пастырского служения в жизни? и

б) каким образом предрешать заранее службу детей в жизненном поприще, когда в них самих не пробудились еще способности и призвание к тому или иному образу деятельности? Возражения эти решаются легко и просто. Те родители, которые не пожелали бы отдавать своих детей в церковно-пастырские заведения, могут свободно, как это делают и теперь, помещать их в светские гимназии и другие заведения со специальным характером. У кого есть средства, тому пусть будет в эти заведения открыта широкая дорога. Церковь не желает никого привлекать насильственно к пастырскому служению, а в особенности детей от таких родителей, которые, очевидно, и сами не любят своего сана и служения, тяготятся создаваемым ими общественным положением и тяжелыми условиями и несомненно, хотя невольно, и в детях залагают и воспитывают эту нелюбовь и отвращение к пастырскому служению. Потеря таких детей для церковно-пастырских заведений – не потеря, а приобретение, не печаль, а радость (от добровольного удаления таких питомцев из духовной школы). Родители же бедные, сознающие по своей бедности невозможность дать своим детям иное направление в жизненном служении, уже в силу этого должны настойчиво воспитывать в своих детях любовь к пастырскому служению, спокойное отношение к тяготам его и не развивать в них беспочвенного тяготения к лучшему материальным жизненным карьерам, твердо помня, что Церковь не обязана тешить их чадолюбивые вожелания. Не очень давно еще миновало то время, когда скромное, трудящееся духовенство России высшим вожеланием своим имело – увидеть сына на своем месте, и верхом милости и благодати Божией – когда сын делался священником; а между тем тогда священникам жилось хуже, и они были гораздо приниженнее и в служебном и общественном положении. Значит, скромность, трудолюбие и нужда создавали и обычаи и вожелания. Пусть у бедных родителей из духовенства будет и теперь действовать тот же принцип в деле воспитания в своих детях воззрений на жизнь. Нет средств у родителей и принимай от Господа тот жребий, который Он приуготовил их детям жизнью и положением их родителей. Утрата этого-то принципа духовенством и создала в нем и его детях болезненную погоню за высокими жизненными карьерами. Если же бы сын бедных родителей, окончив учение в церковно-пастырском заведении, вдруг, вопреки настойчивым воспитательным действиям родителей, возмечтал о какой-либо светской карьере, то ему в этом никто не может воспрепятствовать, и он пусть идет, неся сам все последствия сего, при недостаточности своего образования для других карьер. Если ему будет это трудно, скорбно и проч., то нужно помнить, что Церковь не может же создавать своих заведений применительно ко вкусам и вожеланиям мечтателей, в ущерб и поправление своих жизненных интересов. Что касается, затем, мнения о невозможности

предрешения жизненного служения детей до развития в них особого «призвания», то таковое мнение есть или простое недоразумение, или ложный аргумент либеральных иереев, желающих на средства Церкви воспитывать своих детей для светской жизненной карьеры. Ведь факт налицо: прежнее духовенство предрешало же участь своих детей, отдавая их исключительно в духовные школы, – и однако выходили пастыри хотя не очень образованные, но любящие свой сан, свое дело, свою паству. Предрешают же жизненное направление детей и другие сословия, отдавая своих детей в разные отдельные и профессиональные заведения, – и однако никто не настаивает на введение в сии заведения полного общеобразовательного курса. Обычно в сем случае говорят, что пастырское служение – особое, и для его прохождения нужно «особое призвание». И опять, если не заблуждение, то – тенденциозное преувеличение. От истинного пастыря не требуется более того, что требуется от истинного, ревностного христианина, с присоединением ревностного исполнения своего долга, что требуется даже от всякого служащего гражданина. Неужели же быть добрым, честным, кротким, ревностным и исполнительным по службе, т. е. что требуется от пастыря, – не всякий христианин обязан развивать в себе, и будто для сего требуется иметь «особое призвание»? Если будет сказано, что здесь – особые способы служения и особые условия, то ведь для этого и существует духовная школа, заранее знающая, хотя бы только теоретически, со всем сим и таким образом подготовляющая к служению и облегчающая тяготу его. Впрочем, и здесь можно сказать опять то же, что сказано о детях бедных родителей, желающих идти на светскую службу: не воспитавшие в себе «особого призвания» могут свободно отказаться от поступления на пастырскую службу; никто препятствовать им не будет. Нельзя думать, чтобы таких «не имеющих призвания» в специально духовных школах было много, если воспитание учеников в духе церковном будет поставлено правильно и строго. Наконец, призвание есть результат настроения, а настроение воспитывается; против сего никто спорить не будет. Следует только принять меры, чтобы в жены священников не попадали девицы с улицы и нерелигиозных домов, что в настоящее время наблюдается почти постоянно. Итак, ничто не препятствует сделать духовную школу специальной или – точнее – профессиональной. Сообразно с таким ее характером должен быть организован и учебный курс ее. Из общеобразовательного курса нынешней школы поэтому может быть оставлено только то, что необходимо для всякого хоть сколько-нибудь образованного человека, и исключено все то, в чем не представляется никакой нужды для прохождения пастырского служения во всю жизнь и что не необходимо при прохождении курса богословских наук. Так, с полным удобством и за полной ненужностью могут быть исключены из училищ и семинарий латинский и греческий языки, причем последний может быть оставлен разве в качестве необязательного только в семинарии, по 2 урока в течение двух лет, в целях дать возможность ознакомиться с ним поступающим в академию. Затем, в семинарии должны быть исключены алгебра и геометрия, как совершенно ненужные для пастыря. Впрочем, инструментальная геометрия может существовать в семинарии, как занятие внеклассное и для всех не обязательное. Всеобщая история должна быть значительно сокращена в объеме курса, так что древняя и средняя история должны быть проходими в общем кратком изложении, энциклопедически. Разумное сокращение истории литературы, полагаю, весьма возможно без ущерба в познаниях, необходимых для изучения богословского курса. Какие сокращения можно сделать в изучении некоторых других предметов, не исключая даже и богословских, – это уже дело специальных для сего комиссий; но что эти сокращения возможны, – в этом, думаю, нельзя сомневаться. Взамен исключаемых из теперешнего курса духовных школ и сокращаемых в объеме для изучения предметов должно быть усилено до самой высшей степени и возможности прежде всего изучение Священного Писания. По моему мнению, изучение это должно быть начато с самых низших классов даже училища. В этих классах оно могло бы выразиться в твердом заучивании подлинного текста Евангелия и, если успеется в установленный училищный курс, то частью и посланий апостольских. Если сотню лет признавалось возможным заставлять маленьких детей заучивать массу слов и речений непонятных им классических языков и действительно достигать значительных в этом отношении результатов, то тем более оснований – привлечь детей, по освобождении их от изучения этих языков, к изучению из слова в слово Божественного слова и надеяться достигнуть в этом блестящих результатов. Само собой разумеется, что заучивание это не должно быть чисто механическим, но непременно должно сопровождаться кратким изъяснением смысла выученного. Такое изучение священного текста Нового Завета сразу введет учеников в сферу мыслей и языка Священного Писания и будет неотразимо и могущественно

влиять на весь духовный склад их природы, создавать образы, стремления, чувства и уклад жизни по Писанию. Это же изучение текста слова Божия даст им величайшее облегчение в прохождении священной истории Нового Завета; но в особенности оно будет драгоценно при изучении катехизиса, потому что тогда явится полная возможность не навязывать только механически, как теперь, уму и памяти детей различные положения и определения учебника катехизиса, а извлекать истины веры из богатого запаса собственных познаний в слове Божиим самих учеников, умело помогая только им самим осмысленно отыскивать необходимые данные для формулирования этих истин из имеющихся у них знаний слова Божия. Переходя с таким богатым знанием священного текста в семинарию, и притом со знанием довольно осмысленным, ученики сразу окажутся в своей привычной им сфере мыслей и идей при изучении всех богословских предметов; а посему изучение их не будет для них тем тяжелым бременем, каким оно является в настоящее время, как покоящееся на изучении только изложенного в учебниках, но будет самостоятельным и дальнейшим, при помощи учителей, развитием тех знаний, которые они приобрели и несколько уже осмыслили ранее в училище. В семинарии же, когда это знание священного текста у них еще более увеличится через продолжение его изучения и будет подробно уяснено и освещено правильным экзегезисом, они получат уже полную возможность легко, живо и до известной степени совершенно самостоятельно богословски мыслить о предметах веры и христианской нравственности, при развитии каковой способности изучение богословских предметов будет для них соединяться непременно уже с внутренним психическим наслаждением, так как будет сопровождаться собственным творчеством в области богословской мысли, черпающей свою силу и содержание из богатого знания священного текста, освещенного экзегезисом и научными данными психологии, философии и истории. Говоря это, пишу не фантазии. Мое личное трехгодичное знакомство с сектантами показывает мне, что обширное знание сектантами священного текста, осмысленное только простым их неразвитым разумом, при полном отсутствии у них всякого, даже малейшего научного образования, дает им, однако, возможность упорно состязаться с нашими православными священниками, как известно – почти совершенно не знающими священного текста. Мой личный также опыт трехгодичного состязания с ними ярко убедил меня, насколько быстро могут возрастать богословские познания даже у простого малограмотного человека, имеющего обширное знание текста Священного Писания. Отсюда – мое искреннее убеждение, что в наших духовных школах изучение на память священного текста и тщательное, умелое изъяснение его должно быть главным, центральным учебным предметом, на котором должна покоиться вся учебная часть сих заведений; ему должны служить все прочие предметы курса, а богословские – почерпать из него всецело свое содержание, при преподавании посредством извлечения выводов и положений непосредственно из самого текста. Только при строгом и неуклонном проведении этого принципа в новой организации нашей духовной школы она будет школою богословско-пастырскою в истинном смысле и будет истинным питомником христиански просвещенных и благочестно и ревностно настроенных пастырей. Вторым предметом, который следует поставить на место упраздненных классических языков, должно быть тщательное изучение святоотеческой литературы, совершенно оставленное в теперешних наших семинариях или замененное отрывочными фразами при изучении богословий. В училищах же, по моему мнению, следовало бы, наряду с изучением наизусть текста священного Евангелия, ввести обязательно ознакомление учеников с житиями святых. Такое чтение богато питало бы впечатлительную детскую душу образами христианской жизни, давая им полное удостоверение, что изучаемое ими слово Христово не есть только простое собрание трудно применимых к жизни правил о том, как нужно жить хорошо и благочестно, но что оно в лучших благочестных людях некогда глубоко проникало в их душу, воплощалось в самую жизнь их, служило для них светом и радостью и подвигало их на великие подвиги. Такое чтение, запечатлев с детства образы благочестивой христианской жизни в памяти детей, впоследствии, когда они сделались бы пастырями, давало бы им богатый и глубоко любимый простым народом (как вполне ему доступный по своей живой образности) материал для назиданий и поучений своей паствы, какового материала в настоящее время у современных пастырей, к глубочайшему прискорбию и ко вреду пастырского дела, совершенно нет. Бояться нареканий светского общества за введение в образование в духовных школах такого, по мнению этого общества, монастырского оттенка – значило бы приносить в жертву мнению людей «века сего» дело церковного пастырства, нуждающегося в таких пастырях, которые хорошо и твердо

знали бы христианскую жизнь в ее высших, светлых образцах, явленных Духом Божиим во святой Христовой Церкви.

2) Чтобы угасить и навсегда совершенно прекратить существующую почти во всех семинариях борьбу инспекторов с ректорами, вытекающую, как выше сказано, из желания первых занять место ректоров или из желания совершенно равноправного соуправления семинарией, необходимо во главе семинарии поставить более авторитетное лицо и притом такое, положение которого не было бы доступно всякому инспектору. С этой целью ректором семинарии, всего лучше и даже всего соответственнее делу воспитания пастырей, может быть епископ, второй викарий епархиального епископа. Как епископ, он будет пользоваться и большим уважением со стороны всей корпорации, и будет вне всякой конкуренции в отношении искательств в занятии его места со стороны кого-либо из этой корпорации, и будет, наконец, иметь более влияния на учеников в деле воспитания и приготовления их к пастырскому служению. Ректор-епископ всецело должен быть освобожден от обязательного преподавания какого-либо предмета, и его делом исключительно и всецело должно быть руководство всех преподавателей в исполнении ими начертанного уставом преподавания и воспитания учеников, а равно личные непрестанные беседы с учениками, во время постоянных посещений классов, по вопросам веры, науки и жизни. Это скорее и более должен быть отец пастырского питомника, любовно называющий за умственно-нравственным ростом своих детей и с любовью же и отечески исправляющий и восполняющий советами и назиданием все замеченные недостатки и нестроения в этом отношении, чем начальник, следящий за строем заведения и строго наказывающий неисправных и нарушителей установленного порядка. В помощь ректору-епископу должны быть учреждены два помощника ректора из лучших преподавателей, из которых один тщательно следит за административно-хозяйственной частью семинарии, а другой – за воспитательно-дисциплинарной, причем тот и другой получают указания в деятельности, независимо от составленных инструкций, от преосвященного-ректора и ему же дают отчет в исполнении своих обязанностей и поручений. Эти помощники ректора избираются, по приглашению и добровольному соглашению, преосвященным-ректором на определенное количество лет и утверждаются епархиальным епископом. Конечно, как обязанности преосвященного-ректора, так и его помощников, а равно и их взаимные отношения должны быть строго и подробно регламентированы. При такой организации состава начальствующих лиц семинарии, само собою понятно, уже немыслимы будут ни совершающаяся теперь почти повсеместно борьба между начальствующими, ни происходящие отсюда намеренные разделения во взглядах на мероприятия в постановке учебно-воспитательного дела, так как самый главный и жгучий мотив к таковым раздорам и разделениям – вождение инспекторов относительно ректорства и полноправного соправительства – будет совершенно упразднен как высоким саном ректора, так и зависимостью от него в избрании на должность его помощников.

В училище во главе заведения должен быть поставлен смотритель непременно протоиерей или инок в сане игумена или архимандрита. Он так же, как и ректор семинарии, должен быть освобожден от преподавания какого-либо предмета, и деятельность его по училищу должна быть точной копией деятельности ректора семинарии, с той только разницей в положении, что ему помощник полагаться должен только один, но непременно и избираемый и утверждаемый таким же порядком, как и помощники ректора. В устранение же того, чтобы и таким способом избираемый помощник не возымел намерения бороться со смотрителем с целью занять его место, должно быть поставлено за правило, чтобы вступивший в таковую борьбу, в случае устранения смотрителя, ни в каком случае не был назначаем на его место.

3) Чтобы преподаватели относились к делу преподавания со всем усердием и ревностью, а не механически и халатно, как в настоящее время,—необходимо установить точно задачу преподавания, а затем полную ответственность преподавателей за качество преподавания, с известными последствиями в служебно-материальном отношении. С этой целью должно быть установлено, чтобы преподаватель не преподавал только посредством простого пересказа материала, потребного к изучению, но и тщательно заботился о развитии учеников, так чтобы последние могли отвечать не на вопросы только учебного руководства, но и на вопросы посторонние, могущие быть выведенными из изученного. Обучение должно быть направлено каждым преподавателем в преподаваемой науке так, чтобы ученик мог всегда до известной степени отстоять известное усвоенное научное положение даже против мнения противоположного, если бы таковое было высказано. Затем должно быть постановлено за

правило, чтобы за большое количество неудовлетворительно учащих учеников считался ответственным и преподаватель, если по исследованию не окажется, что это печальное явление зависит от случайного сочетания в сем классе большого количества малоспособных учеников. В отношении мер к ограничению и совершенному прекращению индифферентизма, механичности и небрежности в преподавании, должно быть твердо установлено, что преподаватель, замеченный в сем, в случае недействительности мер увещания, подвергается последовательно или денежному штрафу, или перемещению из высшего учебного заведения в низшее, или понижению оклада жалованья, или отметке в формуляре о неисправности по службе, или, наконец, увольнению от службы. Само собою понятно, что меры эти должны быть применяемы со всей осмотрительностью и по надлежащем строгом и гласном исследовании дела, причем, обвиняемому преподавателю должны быть предоставлены в самой широкой степени все способы защиты от обвинения. В соответствии с сим лучшие и ревностнейшие преподаватели должны быть поощряемы и награждаемы за свое отличное преподавание и отметками в формуляре, и чинами, и денежными наградами, и повышением оклада жалованья, и орденскими знаками. Для надлежащего контроля за ведением преподавателями дела преподавания, кроме постоянных наблюдений в семинарии преосвященного-ректора, обязанного ежедневно бывать у кого-либо из преподавателей на уроке (а в училище – смотрителя), а также ежедневных и третних отметок, должны быть установлены в конце каждой трети года краткие репетиции учеников того или иного класса или же и всех, с целью определения, насколько деятельно ведется преподавателем дело развития учеников. Само собою понятно, что экзамены будут и должны быть также показателем усердия или небрежности преподавателя в деле преподавания. Большое количество переэкзаменовок должно служить ясным признаком, что преподаватель далеко не усердно вел свое дело в течение года, что в настоящее время, к изумлению, вовсе не влияет на репутацию преподавателя, почему некоторые из них даже любительски занимаются увеличением количества таковых переэкзаменовок, а иногда даже употребляют их как бич за какую-либо сделанную против преподавателя вину.

4) Чтобы совершенно прекратить устранение себя преподавателями от дела воспитания учеников и заставить их деятельно и энергично относиться к сему дорогому для духовной школы делу, недостаточно одного только регламентирования этой их обязанности в уставе, и притом в виде скорее простого пожелания, как это видим теперь, но требуется возложить на них это, как непрременную обязанность, как служебный долг, с тою или иною, более или менее строгой и притом обязательно ощутимой ответственностью. Для сего следует, разделив преподавателей на группы, возложить на них обязанность быть воспитателями и руководителями учеников в нравственно-религиозной жизни известного класса, постановив за правило, что дурное настроение и поведение известного класса даже в единичных незначительных случаях непременно должно бросать тень на степень успешности и усердия в деле воспитания и той группы преподавателей, которая назначена для воспитательного действия в этом классе. В случаях же, когда будет замечено положительное в этом отношении небрежение со стороны преподавателей, имевшее своим последствием более глубокое разложение нравственного настроения и поведения учеников известного класса, то воспитывающие преподаватели должны быть привлекаемы уже к более серьезной служебной ответственности, не исключая даже и отстранения от должности. Ничего несправедливого и особо тяжелого в таких репрессалиях по отношению к преподавателям усматривать нельзя, так как таковым репрессалиям издавна подвергались и доньше подвергаются за неудовлетворительную постановку воспитательного дела ректоры и инспекторы, и притом всегда они одни исключительно, хотя по уставу и преподаватели призваны заниматься делом воспитания и хотя иногда преподаватели-то главным образом и виноваты в разложении нравственного поведения учеников, дурно и вредно влияя на них и умственно, и примером. Воспитывать учеников преподаватели должны прежде всего умственно, пользуясь всеми поводами в преподаваемом учебном материале, чтобы обращать мысль и чувство учеников к нравственной жизни и деятельности, строя свою речь в данном случае с самой сильной и точной аргументацией и с опровержением существующих в светском обществе по этому предмету ложных мнений и возражений. За сего рода воспитательную их деятельность тщательно следит преосвященный-ректор во время частых посещений им преподавательских уроков, поощряя всевозможными способами особо ревностных в сем отношении и указывая нерадивым их опущения, промахи и небрежность. Но главным образом преподаватели должны воспитывать учеников нравственно собственным примером. Для сего они

обязываются вести трезвую, нравственную жизнь, исполнять неуклонно все правила Церкви: о молитве, посте, посещении богослужения, благоговейном и степенном стоянии в церкви, говение, а равно и избегать всячески участия в устройстве публичных увеселений характера театрального. Замеченные в соблазнительно-развратной жизни должны быть немедленно увольняемы со службы. Конечно, всего этого в личном поведении преподавателей в настоящее время, при расшатанном их нравственном поведении и увлечении светской разгульной жизнью, достигнуть трудно, а поэтому лучше бы было, чтобы преподаватели были по возможности все в священном сани; но это пока надолго, может быть, останется благим только пожеланием.

5) Наконец, необходимо снова и совершенно уничтожить восстановленное право всех преподавателей быть членами правления с правом решающего голоса, превратившее правление в парламент, где ректор или инспектор являются теперь почти везде в положении жалких подсудимых. Пусть лучше будет дано право преподавателям выбирать из своей среды известное количество членов в состав правления. По моему мнению, в составе правления должны быть: ректор-преосвященный, два его помощника и три лучших преподавателя, из которых один избирается преосвященным-ректором, а двое – корпорацией преподавателей, каковые члены и утверждаются епархиальным епископом. Таким образом будет соблюдена и равномерность голосов и удовлетворены права преподавателей на участие в делах правления.

4. О благоустройстве прихода

В строе жизни современного церковного прихода можно указать два общих недостатка, коими главным образом и вызывается необходимость реорганизации церковных общин. Это: крайняя ограниченность сферы их действия и влияния и разобщенность, или – даже более того – почти полное отрешение от общеприходской жизни членов прихода.

Область церковного действия и влияния в приходах весьма сужена. Церкви, как общине, возглавляемой пастырем, предоставлено почти исключительно то, что касается в собственном смысле религиозного служения Богу: пастырю – богослужение, проповедание слова Божия и совершение таинств и треб, а пасомым – участие в молитве, принятие таинств и слушание пастырских поучений. Прочие же многообразные стороны жизни ведению Церкви мало или вовсе не подлежат. Например: блюстителем нравственного правопорядка в приходе в лучшем случае является только пастырь, но не вся община церковная, которая часто или почти всегда совершенно не ведает, что творится в приходе, а если и ведает, то не может подавать своего голоса, как не призванная к тому. Только в резких, выдающихся случаях она подает свой голос, но и то уже как только мирской сход. То же самое наблюдается и в области благотворительности. Если нужно помочь бездомным сиротам, вдовам, старцам, больным и нищим, то это является личным делом отдельных добрых людей, или, как редко бывает, мирского схода, но не церкви, как собрания всех членов данной церковной общины. Если голод в деревне, – борется с ним сельское, но не церковное общество. Злонамеренные люди распространяют в приходе вредные для Церкви и государства мысли, – пресекать это зло – дело полиции, но сама церковная община не старается доступными ей средствами искоренить зло в своей среде, потому что считает себя не вправе. Таким образом, в делах земных, где Церковь особенно и более всего нужна со своим благотворным и морализирующим влиянием, она оттеснена и безмолвствует, обязанная действовать уже только на самом краю – там, где земля уже соприкасается с небом. Из такового положения, когда многие стороны жизни стоят вне влияния и ведения данной церковной общины, уже естественно и неизбежно является полная разобщенность членов приходской общины. Приход соединен общностью интересов лишь в делах чисто религиозных: в общей молитве и таинствах и отчасти в заботах о храме и духовенстве. Но так как жизнь выдвигает и другие необходимые и вполне законные требования, а церковный союз сторонится их, то, понятно, члены оного решают задачи жизни или самолично, или составляют внецерковные союзы. При этом одни справляются с этими задачами довольно удовлетворительно, а другие падают и страдают под тяжкою жизненною ношей. Всякий в отдельности строит свое благополучие теми способами и средствами, кои он лично признает наиболее верными, причем нередко даже самое понятие о благе у него может быть своеобразное; но он в этом случае не считает нужным сообразоваться с общественными интересами и понятиями, и никому до сего никакого дела нет. Таким образом, в приходской общине мы видим отдельных лиц и целые их группы, которые чувствуют себя настолько самостоятельными, что для них общества как бы и не существует; они часто попирают его идеалы и честь, и над ними нет никакого суда. Так, например, пьяница живет своей отдельной, хотя и пьяной, жизнью; и все о нем говорят: «Это – не наше, а его дело». Или вот развратник тоже живет своей отдельной, хотя и возмутительной, жизнью, и спокойно оправдывает себя: «Никому до этого дела нет; это – мое дело!» Подобным образом бывает «не наше, а его дело» и в прочих добрых и худых явлениях приходской жизни. Такой строй и порядок церковно-приходской жизни в высшей степени ненормален и противоречит основному духу христианской общины, как малой Церкви. Прежде всего, нельзя заключать земную воинствующую Церковь (хотя бы то и маленькую, в пределах данного прихода) исключительно в области того, что касается в собственном смысле религиозного служения Богу, ибо в таком случае все прочие, не подлежащие Церкви, но влияющие на ее жизнь, дела христианского общества будут лишены надежного нравственного контроля и могут уклоняться и решаться в дурном направлении. А многие и слабосильные члены общества на различные требования жизни в состоянии будут отвечать лишь воплями страданий; и многие будут сторониться церковного союза, как не отвечающего запросам их земного существования. Все это, сколь нежелательно для общества, как гражданского учреждения, столь же не отвечает и прямым задачам Церкви. А потому последняя, как бы то ни было, должна проливать свет и на все даже малейшие и, по-видимому,

даже далекие от нее области жизни. Она сообщит им строго нравственный отпечаток, а это и послужит для христианина залогом блага не только здешнего, а – в прямых интересах Церкви – и блага вышнего. Таким образом, область церковного ведения и влияния в приходе должна быть расширена настолько, чтобы по возможности все стороны и явления приходской жизни, раз они хотя бы то косвенно задевают духовные интересы христианина, находили освящение и направление со стороны Церкви, как нравственного союза всех членов данной общины. Сюда должны войти: забота об охране прихода от заноса ложных религиозных учений, попечение о просвещении, о нравственности, о благотворительности, суде общественной совести, улучшении материального быта не только церковных лиц и учреждений, но по возможности и нуждающихся мирян – членов общины. Как бы ни далеким казалось известное дело от прямых задач Церкви, тем не менее оно не должно быть ей чуждо, ибо в сущности нравственно-безразличных для нее дел быть не может; все они по характеру своему распадаются только на две группы: одни из них – церковные, другие – противочерковные; и те, и другие должны быть предметом внимания церковного: первая – для поощрения, а последняя – для противодействия и борьбы с ними. А в отношении так называемых мирских дел нужно здесь заметить следующее. Не обязана ли в самом деле приходская община заняться, например, улучшением материального положения тех из членов своих, которые под гнетом нужды готовы перейти в сектанство или пуститься на страшные преступления и таким образом быть потерянными и для самой Церкви? Возьмем и еще одно из самых, что называется, «мирских» дел в селе – раздел земли между членами общества. Здесь часто бывают всякие злоупотребления, жертвою коих падают наиболее забытые нуждою люди. Не должна ли церковная община и здесь употреблять все свое освещенное божественною правдою влияние, чтобы уничтожить злоупотребления и обиды, не устраняя конечно действия в сем случае законных сельских властей, а только мощно им содействуя своим указанием и компетентным свидетельством. Словом, всякая церковная община должна заботиться не только о духовных, в широком понимании сего слова, но и житейских нуждах своих членов, конечно так, чтобы конец всему было небо. И мы видим, что апостольская Церковь поставляла себе в обязанность заботиться и о ежедневном раздаянии потребностей, находила к тому средства, так что никто не нуждался, а все имели возможность ежедневно пребывать в молитве, не вздыхая о своих телесных нуждах. Столь же вредно отражается на благоустройстве прихода и разрозненность всех наличных сил его, слабое сознание и охранение начал «общественности». Всякое общество, а тем более нравственно-благодатный союз церковных людей, должно бы, например, ревниво оберегать свои, указанные его назначением, идеалы. Каждый член обязан бы сообразоваться с ними, действовать так, чтобы не страдала честь всего общества. А между тем это элементарное для всякого общежития условие не нашло себе применения в союзе церковных людей. Здесь каждый волен действовать по-своему, часто попирая интересы всех, – и церковная община остается к этому безучастной, за что и платится ценой больших жертв. Например, над пьяницами и блудниками нет хотя бы то суда общественной совести, и за то они дарят обществу целые поколения алкоголиков и полуразрушающихся организмов. Действуя в розницу, члены приходской общины, далее, лишаются в духовной и обыденной жизни того знания, опыта, наблюдения и воздействия, кои они могли бы передать друг другу при взаимообщении. Не говорю уже о том, что, не располагая, вследствие полной своей разобщенности, общественным капиталом, приход лишен возможности основательно поставить дело образования народного, призрения нищих, больных, вдов, сирот, бедных рожениц, детей и проч., за что опять-таки часто и весьма дорого сам же платится: случается, летом целые села выгорают потому, что негде приютить детей, родители коих уходят на работу; оставленные одинокими, дети шутят с огнем, пока не подожгут своей хижины, а оттуда огонь идет и дальше. Случается также, что роженицы гибнут в цвете лет, не имея по крайней бедности удобных и теплых помещений на время родов. Итак, ради своего и общего блага – временного, а через то и вечного, члены прихода должны быть сплочены и должны сообща и дружно служить делу Божию, помня, что в единении – сила. Как в обыкновенном теле нет разделения, а все члены заботятся друг о друге, так и в теле Церкви, страдает ли один член, страдают с ним и все члены; славится ли один член, с ним радуются и все члены. Лишь таким образом, нося тяготы друг друга, христиане исполняют закон Христов, а в том найдут и свое благополучие земное. Если служение Церкви в каждом отдельном приходе будет обнимать собою многообразные и многоразличные стороны жизни, то, можно надеяться, этим самым уже будет положено начало к единению и совместной работе всех наличных сил приходской общины,

ибо все члены оной будут соединены общностью интересов не только религиозных, но и прочих, о коих сказано выше. — По всем сим основаниям, реорганизация церковной общины, или прихода, сознается в настоящее время неотразимо необходимой решительно всеми мыслящими христианами — как пастырями, так и пасомыми. И чем больше будет дано прихожанам право участия в церковных делах, тем более можно будет ожидать для Церкви плодотворных результатов. Ныне существующие правила об участии прихожан в делах церковных — устав о приходских попечительствах и инструкция церковным старостам, изданная в 1890 году, — не могут осуществлять целей возрождения и тесного единения прихода. Они страдают настолько большими для сего недостатками, что одно устранение оных не сделает этих правил жизненными. Так, они отличаются крайне узкой формальностью и не дают простора самостоятельности приходской общине в церковно-правовой, просветительной и благотворительной областях, а равно права вразумления или заблуждающихся или порочных своих членов, ограничиваясь в большинстве случаев чисто денежной, материальной стороной дела — построением церквей, причтовых домов, уплатой вознаграждения священноцерковнослужителям за исполнение треб. Несомненно, и это дело — первостепенной важности, и оно ни в каком случае не должно быть поколеблено; но им менее всего должно все исчерпываться. Необходимо, как уже выше сказано, расширить сферу действия прихода и сплотить всех членов его во единое действие на пользу общую. А для сего необходимо предоставить приходской общине, чтобы поднять ее интерес как к делам веры, так и к явлениям в области христианской нравственности, право надзора за заносом в приход вредных учений — раскольнических и сектантских всех родов и видов и применения разных средств борьбы с ними, не прибегая, конечно, ни к каким формам насилия (что не только бесполезно, но даже вредно), а также и с людьми порочными, производящими своим поведением соблазн и, таким образом, дурно влияющими на общественные нравы. В видах же большего укрепления в общине начал веры и нравственного оздоровления, предоставить ей в самых широких размерах все способы воздействия на членов общины, одобряемые Церковью и Правительством.

При настоящем состоянии церковно-приходской жизни самым больным местом в приходах являлось отсутствие истинно христианской общественной благотворительности, что повергало многих нетвердых духом в отчаяние и способствовало их отпадению от Церкви в различные враждебные ей по религиозным убеждениям общества, в которых в большей степени практиковалась общая благотворительность. Надлежит этот недостаток устранить во что бы то ни стало, возложив на обязанность приходской общины иметь особое любовно-братское попечение о бедных прихода, не только моральное, но и главным образом материальное. Когда не будет вопиющей нищеты, тогда уменьшатся и соблазны и поводы слабосильным отпадать по этой именно причине от святой веры.

Но все перечисленные меры к поднятию и возвышению в прихожанах интереса к делам веры и нравственности суть только меры, которые будут, конечно, приносить свои плоды; но, несомненно, в каждой общине, много ли, мало ли, но найдутся всегда такие люди, которые или будут противиться означенным мерам, или не поддаваться их влиянию. Приходская община должна обладать поэтому и юридическою силою, т. е. правом суда над теми и другими отрицательными элементами. В противном случае все проектируемые меры не приведут к достижению намеченной практической цели.

Рассмотрев присланный мне к руководству проект Высочайшего постановления о церковно-приходском собрании и церковном совете православных приходов в Финляндии, я признаю со своей стороны возможным оставить его во всей целостности и для устройства и урегулирования церковно-приходской жизни всех приходов империи. Достоинство этого проекта, помимо стройности организации церковной общины во всех ее сторонах, не оставляющей желать лучшего, по моему мнению, заключается в том, что его предположено издать как государственный закон, с известными обязанностями для всех членов церковной общины. Только в качестве такового он может иметь жизненное значение и в состоянии будет положить начало новой плодотворной жизни народа в религиозно-нравственном отношении. Иначе он останется мертворожденным, как остались мертворожденными правила о церковно-приходских попечительствах, когда в них положено было, как основное начало, только добровольное участие в делах прихода каждого его члена. Наш народ, в течение целых столетий отторгнутый от деятельного участия в церковных делах, в целом роде поколений усвоил себе идею непричастности к церковным делам, а потому трудно подвинется на принятие этого участия, в

особенности, когда это будет соединено с ежегодными и притом обязательными немалыми расходами из его тощего кошелька. Можно быть уверенным заранее, что, даже и как государственный закон, он, по этой причине, многими и во многих приходах будет встречен далеко не дружелюбно и часто и долго будет вызывать различные возражения и даже нарушения. Тем не менее как государственный закон, неуклонно настаивающий на исполнении, он возьмет свое и прочно со временем войдет в жизнь, в особенности при развитии религиозного просвещения. Что касается частных этого проекта, то я со своей стороны полагал бы нужным дополнить таковой, сообразно высказанной мной точке зрения об устройстве православных приходов вообще, некоторыми положениями, расширяющими права и полномочия приходской общины. Так, в главе 2 (о церковно-приходском собрании) § 23 п. 2 упомянутого проекта изложить следующим образом: «...разрешать (собранию) сборы и постановлять решения о займах на удовлетворение общих потребностей прихода, а равно и руки духовенству, доставление натурой или подрядным способом отопления для церквей и причтовых домов в мере действительной надобности, также устанавливать необходимые правила касательно раскладки и взимания приходских сборов». П. 6 того же параграфа под лит. «в» дополнить предоставлением права приходскому собранию открывать и содержать детские церковноприходские школы по программам, одобренным Св. Синодом, до двухклассных школ включительно. Кроме того, § 23 дополнить следующими пунктами: п. 9 – «церковно-приходскому собранию надлежит принимать меры борьбы с заносом в приход вредных православию религиозных учений – раскольнических, сектантских и иных и относительно господствующих в приходе пороков»; п. 10 – «учредить в случае надобности миссионерские кружки для активной борьбы с существующими уже и вновь заносимыми вредными святой вере учениями и общества трезвости»; п. 11 – «устроить приходские библиотеки, с читальнями при оных, и организовывать религиозно-нравственные чтения для прихожан»; п. 12 – «устроить детские приюты (ясли), приемные покои для ухода за тяжело больными, страдающими заразными болезнями, и бедными роженицами»; п. 13 – «образовывать специальные фонды для оказания помощи бедным прихода и погребения странных»; п. 14 – «лишать членов общины упорно-порочных права голоса на собрании».

В главе 3 (о церковном совете) § 46 дополнить такого рода рубриками: «Церковному совету принадлежит право наблюдать за религиозно-нравственным состоянием прихожан и заносом в приход лжеучений. Людей порочных, как-то: пьяниц, блудников, расточителей и других – увещавать в случае недостаточности сей меры, высказывать им порицания и делать выговоры, а относительно упорных докладывать церковно-приходскому собранию. Церковному совету принадлежит право избирать и назначать из своего состава в каждой деревне особых блюстителей религиозно-нравственной жизни, на обязанность которых возложить сообщение о всех производящих своим поведением соблазн или заносящих лжеучения. Церковный совет избирает кандидатов и кандидаток на должности заведующих приходской библиотекой и соединенной с ней читальней, детскими приютами (яслями) и приемными покоями для больных и бедных рожениц, каковые утверждаются в своих должностях общим собранием прихожан; имеет наблюдение за религиозно-нравственными чтениями, устрояемыми в читальнях, если таковые совершаются лицами, хотя и по поручению общего собрания прихожан, но не принадлежащими к составу церковного совета, с правом, в случае их вредного направления, делать им к обязательному исполнению соответствующие указания, или немедленно прекращать таковые чтения. Наконец церковному совету предоставляется суд совести по всем делам, касающимся семейных нестроений, взаимных обид, бесспорных долгов, нарушения общественных приличий и т. п.».

Самым тяжелым и беспокойным вопросом при новой организации прихода на новых началах будет, несомненно, вопрос о заведовании церковными суммами. Означенный проект заведование церковными суммами совершенно изымет из ведения прихода. Это будет постоянным источником препирательств церковных общин с епархиальным начальством, так как трудно и почти невозможно будет вложить в сознание прихожан, что приобретаемые в их церкви, чрез торговлю свечами и чрез пожертвования от них самих, денежные средства не могут быть в их ведении и распоряжении, а тем более могут быть расходуемы без их согласия на дела, для них совершенно невидимые и к их приходу мало, по их мнению, относящиеся. И теперь церковные старосты и уполномоченные от прихожан по местам часто враждуют из-за сего с церковными причтами, и сии последние едва-едва отстаивают существующий порядок. Тогда же

пред церковными причтами и епархиальным начальством будет в каждом отдельном случае целый приход во всеоружии своей сплоченности и силы. Поэтому этот вопрос нужно решить при самой организации прихода более практически основательно, не ограничиваясь одной статьей правил об отнятии у прихода права заведовать церковными доходами, против которой у прихожан будет всегда ропот и домогательство к уничтожению, чего, при настойчивости всех российских приходских общин, они несомненно и достигнут, судя по нынешним опытам народной настойчивости. Чтобы выйти из этого трудного положения и не лишить духовно-учебные заведения содержания от церковных доходов, по моему мнению, не следует налагать впредь на церковь какого-либо взноса – именно как взноса на учебные заведения, но следует предписать всем епархиальным съездам ежегодно устанавливать цену каждого пуда свеч не по стоимости только его производства с известною прибылью, но и с присоединением к сему той суммы, какая причтется на каждый пуд по раскладке всех взносов на содержание духовно-учебных заведений, и продавать, например, пуд свеч с завода не по 30–32 руб., как теперь, а по 50–52 руб. При такой системе приходу будут казаться свечи дорогими, но и только. Придется только роптать на предоставленную епархиальной Церкви вообще монополию продажи свеч, а не на «обирание церквей», как ныне грубо и резко выражаются и многие старосты, и газетные глашатаи, в непонимании того, что епархиальная Церковь должна же воспитывать и образовывать себе пастырей и несомненно имеет поэтому право употреблять на сие поступающие от служения в частных приходских церквях средства. По установлении такого порядка, полагаю, совершенно безопасно можно ввести в число прав приходской общины и заведование церковными суммами, но без нарушения прав епископа и вообще епархиального управления в распоряжении сими суммами, присвоенных им каноническими правилами. Это удовлетворит приход, прекратит общее недовольство и пререкания и, в свою очередь, несомненно усилит приток средств в церковную казну.

5. О порядке приобретения церковной собственности

В порядке приобретения церковной собственности в настоящее время, как известно, существующими гражданскими законоположениями постановлены значительные стеснения. На каждое приобретение таковой собственности посредством ли дара, завещания или покупки, требуется всякий раз ходатайство пред Св. Синодом об испрошении Высочайшего соизволения. Хотя в предложении г. синодального обер-прокурора Св. Синоду по этому поводу и говорится, что на протяжении многих лет нельзя припомнить случая, когда бы вышеупомянутое требование являлось препятствием к совершению актов на приобретаемое имущество, тем не менее, однако оно в сотнях случаев бывало причиной того, что духовенство не имело возможности приобрести нужных ему и весьма выгодных и полезных для дела имуществ. Главным препятствием в этом случае являлась продолжительность переписки, с требованием дополнительных сведений, продолжительное лежание дела в канцеляриях епархиальной и синодальной, а главное – отсутствие полной уверенности, что ходатайство будет непременно удовлетворено. Поэтому всякий желающий продать, например, имущество, при одном заявлении ему, что это дело может тянуться целый год или даже более, а в худшем случае – и не состояться, прекращает всякие переговоры с духовенством о продаже и ищет себе иных покупателей, так как ему нужно скорее продать, – и духовенство таким образом лишается необходимой и выгодной покупки. Если бы на всем протяжении существования этого ограничительного закона о покупке сосчитать, сколько вследствие оного упущено церковным ведомством случаев выгодной покупки, и представить себе, если бы все это упущенное в свое время было куплено этим ведомством, то нет никакого сомнения, что количество имений, земель и разного рода угодий у него было бы в настоящее время весьма большое. А это в настоящее время, когда наше отечество в укладе своей жизни перестраивается и когда православная Церковь из господствующей превращается в одну из многих в государстве, с риском, может быть – в весьма непродолжительном времени, лишиться даже всяких привилегий в наделении землями и угодиями и во всем прочем, а равно и денежных субсидий от казны, было бы в высшей степени драгоценно для Церкви и ее многочисленных учреждений, не только существующих, но и имеющих возникнуть, вследствие предстоящей острой борьбы с враждебными силами и элементами в современном русском обществе, посягающем на ее целостность и благосостояние. Ввиду этих-то именно уже наступивших и грядущих тяжелых обстоятельств в жизни православной Церкви не только желательно, но даже необходимо энергически добиваться отмены со стороны гражданского правительства, означенного ограничительного закона относительно приобретения церковными учреждениями земель, угодий и имуществ разного рода. Со стороны же церковного управления, как высшего, так и епархиального, не только должно быть разрешено всем церквам, причтам и разным епархиальным учреждениям беспрепятственное приобретение всеми дозволенными законом способами разного рода выгодных и полезных для дела имений, но даже особенно рекомендовано заботиться об этом, взамен практикуемого в настоящее время превращения свободных капиталов в вечные вклады, дающие ничтожные проценты. В особенности такое усиленное и настойчивое приобретение недвижимого имущества и всевозможного рода выгодных оброчных статей необходимо ввиду предстоящего возрождения прихода, с имеющими явиться в жизни последнего разными просветительными и благотворительными учреждениями, без которых немыслимо как самое возрождение прихода, так и его совершенствование. На эти заведения потребуются немалые средства и, конечно, тех жалких на первое время сборов и ничтожных процентов на вложенный в кредитные учреждения свободный, обыкновенно небольшой у каждой церкви, капитал, на их прочную постановку и безбедное содержание будет совершенно недостаточно, а посему эти учреждения будут умирать едва ли не в день своего зарождения. Совершенно иное может быть по приобретении оброчных статей, угодий и имений. При умелом ведении хозяйства и эксплуатации сих оброчных статей они могут давать 10–20%, а по местам и более; главное же, они будут непрестанным всегдашним источником средств, если умело и разумно будет предусмотрена, при покупке их, всегдашняя доходность. Точно определить таковую доходность их, а с тем вместе и выгодность покупки, естественно могут только местные деятели, имеющие возможность на месте видеть все качества продаваемой оброчной статьи и имена и сообразить условия ее эксплуатации с местными условиями оплаты труда, потребности и сбыта их произведений и т. п. Поэтому, естественно, и самая покупка в собственность Церкви

того или иного имущества должна быть предоставлена этим местным деятелям: причту, церковному старосте и приходскому попечительству, если таковые будут объединены в деле заведования церковным хозяйством, под их личной нравственной и, пожалуй, даже юридической ответственностью за качество, целесообразность и неубыточность покупки. Вводить в этот процесс покупки имущества предварительное рассмотрение условий выгодности предполагаемой покупки, как это установлено было доселе, в церковно-хозяйственном органе епархиальной власти – было бы крайне бесполезно для существа дела и было бы только излишним тормозом в этом деле, могущим весьма часто даже расстраивать подобные сделки о покупке. Прежде всего, этот церковно-хозяйственный орган епархиальной власти лишен даже возможности лично быть компетентным в суждении о выгодности условий покупки, так как все сведения свои черпает и может черпать только из бумажных донесений самого же причта и благочинного, который нередко сам опирается на свидетельство и заключение того же причта. Значит, все дело в данном случае будет сводиться только к обозрению тех условий, которые описаны на бумаге. А эти условия и рассматривать нечего, потому что они зависят от тех, кто покупает. Естественнее поэтому, с этой точки зрения, и решающее действие предоставить лицам покупающим. С другой стороны, это предварительное рассмотрение дела в церковно-хозяйственном епархиальном управлении как совершающееся лицами, существенно в этом не заинтересованными или заинтересованными только с формально-служебной стороны, естественно не будет иметь необходимой быстроты, а отсутствие таковой, как уже и сказано, может расстраивать предполагаемые сделки о покупке, нанося вред церквям, и в епархиальном управлении накапливая бесплодную переписку. Единственное, что следует установить за правило, в интересах контроля за правильностью и выгодностью таких покупок со стороны причтов и церковных старост, – это личный осмотр покупаемого на месте благочинным и составление акта за подписью его и всех участвующих в совершении покупки о неубыточности и полезности для церкви этой предполагаемой покупки, с точным прописанием всех условий выгоды и пользы, каковой акт и должен быть представляем в церковно-хозяйственное епархиальное управление с копией купчей крепости. Необходимость такого непременно личного контроля подобного рода покупок со стороны благочинного обуславливается еще и тем, чтобы покупки не совершались в долг или же в крайний ущерб благолепию церковному, или – наконец – в совершенное ослабление ресурсов церкви по уплате установленных взносов на содержание духовно-учебных заведений, приготавливающих для церкви священнослужителей. Только в тех случаях, когда покупаемое имущество оценивается в большую сумму – в несколько тысяч рублей, должно быть непременно установлено предварительное обозрение выгодности покупки епархиальным органом церковно-хозяйственного управления. В таких случаях, как исключительных, сие последнее несомненно не будет затягивать дело решением. Право приобретения имущества должно быть предоставлено всем церковным учреждениям, не исключая и епархиального духовенства, как корпорации, на деле давно уже превратившегося в юридическую личность и только по закону, формально, не пользующегося этим правом. Право это должно быть непременно исходатайствовано.

6. О епархиальных съездах

Епархиальным съездам, при их возникновении и учреждении, усвоена была деятельность главным образом по вопросам материального обеспечения епархиальных учебных заведений, а с течением времени съезды эту свою деятельность по материальным вопросам расширили и в круг ведения своего включили и всю церковно-хозяйственную часть епархии. С этой задачей, как показывают результаты деятельности съездов за все истекшее время, они справились прекрасно, хотя, может быть, по местам и не без ошибок. По справедливости, можно сказать, что без этой деятельности съездов епархиальная жизнь в нашем отечестве была бы теперь мертвой пустыней, если бы в деле ее материального устройства при епископе действовали только одни консистории с их хозяйственными столами. Этой своей деятельностью епархиальные съезды весьма ярко засвидетельствовали, что они, как сотрудники епископа в устройении церковной жизни, – весьма ценные, энергичные и никем незаменимые, и притом такие, которым в желании работать далеко мало того дела, которое им отведено и поручено для делания. Это последнее сказалось в их деятельности почти с самого начала, и они от вопросов материальной жизни быстро начали переходить и к рассмотрению и решению вопросов общецерковной жизни. К сожалению, скоро оказалось, что, при своей большой энергии и рвении по устройению церковной жизни, они не сумели соблюсти меру и границы своей компетенции. Им показалось, что они, как некий собор, могут даже управлять всеми делами епархии, влиять импонирующе даже на самого епископа и ограничивать его деятельность. Это-то направление и сгубило в самом начале их возможную плодотворную деятельность во всех областях церковной жизни епархии. Они были ограничены и втиснуты в указанные им рамки материальных вопросов. Но правоспособность к деятельности в этом отношении, конечно, не уменьшилась и, очевидно, имела и могла иметь большую ценность для благоустройства церковной жизни епархии, так как многие епископы не переставали и не перестают пользоваться их работами и в этой области, и по настоящее время, предоставляя на их обсуждение и решение некоторые вопросы церковной жизни и нематериального характера. И это весьма естественно, так как они в лице депутатов, как лучших представителей епархиального духовенства, обладают всем богатством знания фактической живой церковной жизни епархии, которое в такой полноте недоступно ни епископу, ни консистории. Если же так, то, само собой понятно, они не только могут, но и должны быть привлечены к деятельности в области устройства религиозно-церковной жизни епархиальной паствы. Зная силу и ее способность, нельзя оставлять ее в бездеятельности, когда в этом настояла нужда. А нужда эта настояла, и в особенности в настоящее, тяжелое и тревожное для Церкви время. Изданный закон о так называемой свободе совести и веротерпимости в умах православного простого народа, привыкшего мыслить свою святую Церковь господствующей и видеть ее всегда защищаемой со стороны всякого начальства, произвел и производит страшное смущение. Малопросвещенный народ не может понять, как это для Царя и начальства все веры стали равны и всякому свободно дозволяется выходить из православной Церкви и выбирать любую веру, которая для него удобнее, и, не понимая, полагает, что, должно быть, новые времена настали, когда все возможно и все позволено; а отсюда, для слабых и темных, уже один шаг до отпадения, в особенности при расширившейся, вследствие этого закона, свободе пропаганды со стороны всяческих сектантов и лжеучителей. Сельская паства, таким образом, выбита из спокойной колеи привычной церковной жизни и мятется, требуя от церковной власти самых энергичных мер и неусыпной бдительности к охранению ее от увлечений, волнений и отпадений. По всей вероятности, такую же разрушительную и губительную силу на строй религиозно-церковной жизни сельской паствы будет иметь и открытие манифестом 17 октября свободного входа в нее нашим революционерам, устремляющимся теперь в села для развития в простом народе новых политических идей. Очевидно, Церкви православной отныне предстоит или долгая, или нескончаемая борьба. Никакие административные меры со стороны епископа, как бы они прекрасны ни были, и никакие начальственные распоряжения не помогут ему одолеть эти темные силы и охранить паству, без энергичной, неустанной деятельности местных сельских пастырей. Но и они, разбросанные по приходам и разъединенные между собой и, вследствие сего, смущенные и смятенные непривычным состоянием паствы и отсутствием опыта в выработке способов борьбы с этими темными силами, будут бессильны в предстоящей борьбе. Нужны сплоченность, единомыслие, единодушие и взаимная поддержка; нужно общее

напряжение и творчество в выработке способов борьбы и устройстве учреждений, могущих парализовать враждебные силы и охранять паству от увлечений. Для всего этого необходимы в епархиях прежде всего, конечно, частые съезды благочиннические, и затем – и в особенности – съезд епархиальный, как объединительный орган всех пастырских сил епархии, вырабатывающий общие способы пастырского действия и способы борьбы, с устройством для сих целей различных просветительных и благотворительных учреждений, под руководством своего епархиального епископа. В особенности же драгоценны будут услуги и деятельность съездов епархиальных в предстоящем возрождении прихода, как церковной общины. Епископу и состоящему при нем органу епархиального управления – совету священников (или консистории) – одним ни под каким видом не справиться с этим громадным, по своему значению для жизни Церкви, и в то же время в высшей степени сложным и трудным для осуществления делом. Приход, как церковная община, призванная к самостоятельной работе в созидании своей церковной жизни, должен быть поставлен в этой своей деятельности прежде всего, конечно, на одни твердые и определенные начала, одинаково применимые ко всем селениям и местностям епархии. Это установить, конечно, не так еще было бы трудно и для одной административной власти, пользуясь общими нормами или общим укладом жизни селений, или – по крайней мере, – до известной степени возможно, без значительных ошибок. Но сообразовать эти начала, в их применении к жизни, со всеми разнообразнейшими условиями многочисленных селений епархии, приводить эти последние в систему и утилизировать с целью поступательного развития церковной жизни во всех приходах – это, несомненно, доступно и возможно только самому духовенству, и притом не отдельным его личностям по каждому приходу, а целой группе лучших представителей его, энергичных, способных к систематической работе и творчеству в разработке и развитии условий для процветания церковноприходской жизни. Таковыми и могут быть только избранные самим духовенством депутаты епархиального съезда, в их общей единодушной работе. Так организованный епархиальный съезд даст епископу всю полноту знания всех условий приходской жизни епархии и все разнообразие тех мер, приемов и способов, которые употребляются пастырями на месте и в борьбе с противными силами, и в устранении всех неблагоприятных условий, и в использовании наличных материальных средств и источников, и в изыскании лучших условий к строению церковной жизни, сообразно с намеченными целями. Словом, епархиальный съезд явится для епископа самым лучшим, деятельным и в высокой степени компетентным органом в устройении религиозно-церковной жизни епархии и широком удовлетворении религиозно-нравственных нужд паствы. Нужно только, чтобы эти епархиальные съезды в их работе и вспомоществовании епископу по устройению церковной жизни епархии были, по самому положению об их деятельности и ее пределах, в самом же начале твердо и определенно поставлены в такие условия, чтобы они не повторили исторической ошибки своей в начале учреждения их (от 65 до 80 г.), когда они, вместо плодотворной, зидательной деятельности в области строения Церкви, вступили в борьбу с епископами, добиваясь, чтобы епископы обязаны были безмолвно и послушно утверждать постановления их, даже и такие, которые касались управления епархии (что канонически принадлежит только епископу) и даже ограничения власти епископа до самой последней степени, возводя самих себя в какие-то полномочные и неограниченные советы пресвитеров, с неограниченной в епархии властью, которой безмолвно и послушно должен подчиняться и епископ. От такого рода деятельности съездов да избавит Господь Бог нашу православную Церковь! Для устранения такого направления в деятельности, должны быть точно определены те вопросы, по которым съезды могут делать обязательные постановления для епархиального духовенства, не нарушая прав епископа, как предстоятеля епархиальной Церкви. Впрочем, лучше всего было бы, чтобы съезды в принципе признаны были исключительно только совещательным органом епископа, при устройении им церковной жизни.

Для более правильной и, по возможности, всесторонней деятельности съездов по устройению церковной жизни епархии и для того, чтобы голос съезда был в действительности голосом духовенства всей епархии, должно быть установлено за правило, чтобы вопросы, обсуждаемые на епархиальном съезде, были рассмотрены каждый по возможности предварительно на благочиннических съездах, где по оным мог бы высказаться каждый священник и даже каждый член причта, так чтобы заключение благочиннического съезда было обязательно представляемо на просмотр, прочтение и обсуждение епархиального съезда. Чтобы во всех возбуждаемых и обсуждаемых на благочиннических съездах вопросах установить систематическую группировку,

столь необходимую для облегчения работ собирающегося сравнительно на короткое время епархиального съезда, должна быть учреждена в епархиальном городе особая по делам епархиальных съездов комиссия, в которую и должны быть присылаемы работы по означенным вопросам благочиннических съездов месяца за три, по крайней мере, до открытия съезда. В эту же комиссию могут присылать свои заявления и возникающие вопросы и недоумения по устройению церковно-приходской жизни и частные лица из членов причта того или иного прихода, в особенности, когда их мнения и заявления не были в свое время приняты во внимание при обсуждении на благочинническом съезде. Комиссия, получив означенные работы благочиннических съездов и заявления и записки частных лиц из епархиального клира, систематизирует изложенные в них вопросы, составляет по ним программу вопросов для обсуждения епархиального съезда и печатает оную в «Епархиальных Ведомостях» во всеобщее сведение, с краткою отметкою предложенных благочинническим съездом решений, чтобы духовенство, а в особенности депутаты съезда могли заблаговременно, на месте и на свободе, продумать все подлежащее обсуждению на съезде, заручиться соответствующими полномочиями и запастись необходимыми фактами и аргументацией. При таком же способе все епархиальное духовенство будет сознательно относиться к обсуждению и решению общепархиальных дел, а равно и епархиальный епископ будет иметь возможность знать во всей полноте, что будет обсуждаться на съезде, и со своей стороны запастись теми или иными данными для правильного суждения о предстоящих работах и решениях.

7. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях

Чтобы дать тот или иной, более или менее правильный, отзыв по сему вопросу, по моему мнению, следует бросить хотя бы беглый взгляд в прошедшую историю религиозно-церковной жизни нашего православного народа. По этой справке с историей церковно-общественной жизни народа и деятельности в ее области православного духовенства, оказывается, что пастыри Церкви – приходские священники – всегда жили с народом нераздельной жизнью, были среди него всегда и во всех без исключения делах полноправными членами, принимали деятельное участие даже в общественно-экономических делах, а иногда, смотря по степени влияния и особенной способности, некоторые были мощными вершителями мирских дел в приходе, в кот. совершали свое служение. Это последнее зависело гл. образом от того, что жизнь рус. народа слагалась всецело под влиянием религиозных начал, и эти начала глубоко и, так сказать, насковозь проникали всю его жизнь, а посему, естественно, пастыри являлись и в ее строении, и в происходивших нестроениях самыми компетентными, властными и решающими личностями. Посему-то масса дел даже из общественно-семейной жизни подлежала суду духовному, суду пастырей церковных, которые сим самым еще более выдвигались и становились в положение передовых деятелей во многих делах общественных. Такое положение до того срослось с убеждением и взглядами народа, что трогательный обычай обращения к суду священника оставался даже еще каких-нибудь сорок лет назад, – и это несмотря на то, что духовенство юридически давно уже, более двух столетий, не имело этого права, будучи отодвинуто в этом отношении от народа и его общественных дел водворенным на Руси крепостным правом, отдавшим все дела народа во власть помещиков и их бурмистров, и бюрократическим петровским строем государственной жизни, сковавшим духовенство в его даже духовной деятельности, не говоря уже о совершенном упразднении его значения и влияния в общественно-народной жизни. Таким образом, в исторической жизни нашего православного народа есть глубокие корни и основания к тому, чтобы священнослужителям предоставлено было полное участие в общественных учреждениях. Но несравненно сильнее и рельефнее этих исторических оснований из далекого прошлого доказывает не только возможность, но даже и положительную необходимость этого тот глубоко печальный результат, который получился от продолжительного устранения приходских пастырей от участия в общественных делах своего прихода. Известно, что пока строгий помещичий режим держал народную жизнь в своих суровых руках и, ради собственных своих владельческих и материальных интересов, заставлял ее следовать нужным ему некоторым общественным установлениям и соблюдать традиционный порядок, кое-какая правда, система и порядочность еще сохранялись в общественной жизни народа. Но, когда народ был освобожден от этого властного режима, получил полную свободу в своих общественных делах, а во главе его стали безграмотный старшина и вечно полупьяный писарь, а суд вручен был волостным судьям, руководимым тем же полупьяным писарем из вольно практикующих крючкотворов, картина жизни народной сразу изменилась. Вековые традиции строгого уважения и подчинения старшим в семье и на сходах рухнули, заменившись – на сходах – влиянием ораторов из общественной гольтыбы, а также быстро развившимся влиянием мироедов из богатых людей, а в семье – более бойкими из членов семьи. В волостных правлениях властным сделался, при неграмотном и неразвитом старшине, писарь, решавший дела сообразно с мерою данной взятки или предложенного угощения; в волостных судах мерилом справедливости и количества, отпускаемых розгою ударов, сделалось также угощение. Неудовлетворение жалоб родителей на непокорных детей, широкая свобода разделов, с явной иногда обидой в разделе одной стороны, злоупотребления при распоряжениях общественными землями и угождениями на сходах и т. п. сделались заурядными явлениями. И все это – потому, что во всех общественных учреждениях голос пастыря духовного отсутствовал. Можно с уверенностью сказать, что целой половины тех безобразий и несправедливостей в общественных делах и того разложения в сельской общине, какое видится теперь, не было бы, если бы священник во всех общественных учреждениях, ведающих теперь народную жизнь и хозяйство, был непременно членом, с правом решающего голоса наряду с прочими, а именно: на общественных сходах селений своего прихода, в административном совете волостного правления (которые должны бы быть учреждены повсюду) и в волостных судах по делам своих прихожан, а также и в земских собраниях по особо установленному порядку избрания.

Современное положение общественной жизни, с народившимися и вновь нарождающимися особыми условиями, еще более и настойчивее выдвигает необходимость предоставления священнослужителям участия в общественных учреждениях. Все более и более пробуждающееся народное самосознание, с безотчетным исканием новых форм и порядков для переустройства своей устаревшей в формах жизни, тлетворный дух современной цивилизации, настойчиво проторгающийся в народную жизнь и побуждающий критически, и даже как бы брезгливо, относиться к существующему укладу жизни, и, наконец, широко теперь открытые Правительством двери для хождения в народ зловерным пропагандистам разрушительных идей, которые не преминут, под видом разных предпринимателей и торговцев и даже, пожалуй, земледельцев, проникнуть в сельскую общину и забрать власть над ней в сельских учреждениях, – непременно требуют присутствия в сих последних сильного и авторитетного голоса духовного пастыря, который всегда был бы ревностным борцом за Божию и народную правду и тем самым наклонял бы решение сообразно религиозно-церковным началам и, если не всегда достигал бы согласия со своим мнением, то и не давал бы всегда торжествовать неблагонадежным и нечестным личностям, представляя из себя всегда живую нравственную оппозицию, с которою необходимо сильно ведаться. Такое участие пастырей церковных в общественных учреждениях особенно необходимо в городах, где неверие, безнравственность и разрушительные начала скоро, кажется, завладеют всеми умами, а истинно верующих и нравственно настроенных, любящих Церковь и строй ее людей останется небольшая горсточка, из которой даже едва ли кто и войдет в состав общественных учреждений, так что сии последние по местам даже во всем своем составе могут оказаться враждебно настроенными против Церкви и проведения в жизнь ее начал. Борьба с таким направлением в общественной жизни народа и в особенности в деятельности общественных учреждений со стороны пастырей церковных одним призыванием всех к общей молитве, одной церковной проповедью и частными беседами в домах во время посещения их для треб – едва ли даст много пользы и благоприятных результатов даже и в селах, так как в храм на общую молитву и для слушания церковной проповеди являются далеко не все и притом только усердные и горячо верующие; а домашние беседы и не часты, и не всегда могут быть обращены к тем лицам, которые участвуют в общественных учреждениях, за отсутствием или намеренным уклонением их из дома во время посещения священника. В городе же этот способ борьбы может быть еще менее действителен, так как там общественные деятели, как мнящие себя высокообразованными, считают ниже своего достоинства бывать за богослужением, кроме дней торжественных, а тем более выслушивать поучительное или обличительное церковное слово пастыря; а для частных бесед пастыря на дому они, вследствие строго установленного городского этикета, уже совершенно недоступны, кроме разве самых исключительных случаев или же в час их смертный. Только в составе лиц, входящих в известное общественное учреждение, пастырь может свободно и со всей силой проводить религиозно-нравственные начала в сознание городских деятелей, парировать их либеральные воззрения и мероприятия и ставить на общественный суд их несостоятельность и вредные последствия при проведении в жизнь. Сторонники мнения из числа представителей церковного управления и богословской науки об устранении пастырей от деятельности в мирских общественных учреждениях, как совершенно, по их мнению, несогласной с прямыми и вечными началами пастырского служения, очевидно, увлекшись высоким идеалом служения пастырей, упустили из виду, что в жизни Церкви могут быть такие моменты и целые периоды времени, когда борьба с темными силами ада посредством одного только крайне медлительного воспитания всех отдельных личностей в христианских началах может наносить губительный вред Церкви именно этою медлительностью, когда противные Церкви силы выставляют на борьбу тесно сплоченные учреждения, ими крепко опутывают душу и жизнь народа и властно дают ей вредное Церкви направление чрез воспитание молодых поколений. В этих случаях борьба должна быть грудью с грудью пламенным мечом слова Божия и науки и на аренах общественных. Пусть эти общественные арены будут для пастырей теми форумами и амфитеатрами, где некогда мученики Христовы, пламенно и восторженно исповедуя свою веру во Христа, мужественно, мощно и победоносно поражали врагов вечных и спасительных начал Христовых.

8. О предметах веры

Вопрос о порядке возбуждения на предстоящем Соборе суждений о предметах веры, по моему мнению, должен быть оставлен открытым до времени созвания Собора. Только по вступлении епископов в личное общение на Соборе и по всестороннем обмене мыслей и сведений, можно с безопасностью и безошибочностью касаться предметов веры. На Соборе, когда выяснится необходимость обсудить и решить какой-либо вопрос веры, отцы Собора могут отдать оный на предварительное рассмотрение ученых богословов-специалистов, а также и сами у себя в епархиях на свободе и вне соборного времени тщательно заняться его рассмотрением. Только после такового предварительного обсуждения и рассмотрения их такие вопросы могут быть представлены к обсуждению на следующем Поместном Соборе.

№74, преосвященного Михаила, епископа Гродненского, от 20 февраля 1906 года

Во исполнение указа от 27 июля 1905 г., честь имею доложить, что по вопросу о желательных реформах в устройстве и управлении православной российской Церкви я присоединяюсь к мнению преосвященного Стефана, епископа Могилевского, почти по всем пунктам. Сомневаюсь только в возможности и необходимости разделения поместной российской Церкви на церковные округа под управлением митрополитов. В настоящее время, при незначительном количестве епископов в нашей Церкви и при огромных, по пространству или по количеству церквей, епархиях, весьма затруднительно организовать даже 7–9 митрополичьих округов. Разделение российской Церкви на округа в едином цельном, не раздробленном еще Русском государстве не вызывается, по моему мнению, никакими внешними причинами и было бы совершенно искусственным, насильственным. Во внутреннем же управлении Церковью, вместо нынешних простоты (сравнительной) и единства, наступили бы разнообразие, путаница, осложнения, чрезмерное развитие канцелярщины и крайняя затяжка в решении дел. Гораздо проще, удобнее и скорее каждому епархиальному епископу сноситься непосредственно, а не через митрополита, с патриархом и его Синодом и прямо от них получать указания и распоряжения. Существование в некоторых местностях России «особливых задач» для церковного управления тоже, по моему мнению, не требует с необходимостью учреждения во всей России митрополичьих округов. Время от времени, по мере надобности, епископы этих местностей, вместе с выборными от клира и мирян, могли бы составлять областные соборы или съезды для обсуждения и решения назревших вопросов.

**№75, преосвященного Алексия, архиепископа Тверского, от 20
февраля 1906 года**

1. О соборе

Ожидаемый желанный Собор Всероссийской Церкви в настоящее беспокойное время революционной смуты, при объявленных свободах совести, слова, союзов, невольно вызывал тревогу и опасение в сердце ревнующих о чести и славе православной отечественной Церкви, как некогда, в подобные же времена, соборы вызывали тяжкие беспокойства в сердце великого святителя Григория Богослова (твор. Григория Богослова, т. 6, с. 179, 107 и 55).

Но учрежденная Святейшим Синодом подготовительная к Собору комиссия, в составе авторитетных представителей отечественной Церкви и богословской науки, устраняет в сильной степени эти опасения. Самый спорный вопрос о составе Собора при этом уже теряет в значительной степени свою остроту, так как к рассмотрению вопросов Собора для важнейшей подготовительной и созидательной работы призваны, кроме высших и известнейших представителей из епископов, не только лица пресвитерской степени, но и светские представители в лице известнейших профессоров духовных академий и других ученых.

Такая авторитетная комиссия может без всякой поспешности, с полным спокойствием уяснить недоразумения, устранить споры и несогласия, которые с такою горячностью высказываются в современной печати, и дать проект положительного разрешения насущных вопросов в полном согласии с канонами Церкви и в удовлетворение потребностей церковной жизни.

Этот первый, так сказать, акт деяния Собора в значительной мере может предотвратить опасности со стороны врагов Церкви на последнем священном акте Собора.

Состав собора

В состав самого Собора, кроме епископов, также могут быть призваны лица пресвитерской степени и миряне – способом, указанным предположением преосвященного епископа Могилевского Стефана; но право решающего голоса по всем вопросам, как доказывается практикой и канонами Церкви, должно быть предоставлено исключительно епископам, прочие же участники Собора должны иметь совещательный голос. Голос белого духовенства и мирян, наиболее осведомленных в вопросах веры и Церкви, теперь, в подготовительной к Собору комиссии, имеет все средства и способы для своего выражения.

Должно блюсти всемерно, чтобы суждениями на Соборе, даже в подготовительной комиссии, не оттолкнуть в раскол тех многочисленных у нас верующих чад Церкви, которые теперь гласно возмущаются вольнодумными и опрометчивыми суждениями и постановлениями некоторых епархиальных съездов духовенства, под видом пользы Церкви, объявляющих требования чисто мирского характера. Религиозное чувство в простоте верующего народа и преданность его свято-церковному преданию необходимо любовно почитать. В высшей степени было бы желательно также, чтобы еще до Собора выразилось определенное отношение наших старообрядцев к обсуждаемым вопросам веры и Церкви. Нужно призывать теперь всех чад православной Церкви к общей молитве, чтобы Господь, чрез предстоящий Собор Всероссийской Церкви, охранил достоинство Свое от пагубного разделения, сект и расколов, и призвал в лоно святой Церкви и сущих ныне вне общения с ней верующих.

Высшее церковное управление Патриаршество

Патриаршество должно восстановить в России, как увенчание нашего церковного самосознания, как первосвященство в Церкви и воплощение совести для власти земной, которая должна в потребных случаях слышать голос Церкви через ее представителей, наконец – как видимое проявление величия российской Церкви среди других православных Церквей.

Патриаршее управление

При патриархе, место коего – в одном из царствующих градов, должен действовать постоянный освященный Собор, в коем шесть (6) епископов – постоянные члены во главе с патриархом, и шесть (6) членов – присутствующих по очереди. Постоянные члены могут и не иметь епархий; они избираются из послуживших и известных благочестием и мудростью святителей. Представители пресвитерской степени в числе двух приглашаются по избранию священного Собора сверх 12-ти членов. Представитель государственной власти, по воле Государя Императора, может быть и не быть в сем Соборе (Синоде).

О епархиальном управлении

О преобразовании епархиального управления при сем прилагается записка, составленная комиссией духовенства города Твери.

К записке и по поводу сказанного в ней добавлю, что вообще недостатки нынешних консисторий слишком преувеличены.

По прилагаемому проекту записки, консистории заменяются пресвитерскими советами. По моему мнению, сии советы приличнее называть нужно просто – епархиальными управлениями. Они должны состоять под председательством архиерея епархиального, с участием викарного, как непрямого члена, по примеру синодальных контор.

Однако исполнительная работа управления, как и в консистории, по-прежнему сосредоточится в канцелярии, в состав которой безразлично могут входить духовные и светские лица.

О суде

Суд над духовенством должен остаться в главных чертах в руках епископа, но множество мелких дел необходимо передать в благочиннические советы. Апелляции на решения сих советов должны восходить в епархиальное управление. В епархиальное же управление, минуя советы благочиннические, сразу поступают на рассмотрение все обвинения против лиц духовных, влекущие за собой лишение сана, запрещение священнослужения и немедленное удаление из прихода.

О делении на округа

Округа, в епархиальном управлении России во главе с митрополитами, были бы полезным учреждением Церкви. Правда, ныне, при развитии почтовых и телеграфных сношений, при легкости путей сообщения, в учреждении сих округов не видится, кажется, такой надобности, как в прежние времена; тем более в центральных епархиях они могут представляться лишними учреждениями с лишнею канцелярией. Но зато в отдаленных епархиях они были бы необходимы. Во всяком случае, учреждение округов в значительной мере облегчило бы деятельность центральной власти российской Церкви.

Желательно, чтобы окружные соборы епископов при митрополите собирались только по мере надобности, иначе они могут обратиться в форму и потерять свое значение, не говоря уже о том, что потребуют много средств и будут отвлекать от прямых обязанностей епископов, присутствие коих нужно на месте их служения.

Учреждение округов могло бы совершаться постепенно по мере их надобности для пользы дела, и во всяком случае – после окончания организации гражданского управления.

Записка по вопросу о пересмотре законоположений о существующих органах епархиального управления и суда и преобразовании оных согласно с каноническими соборными началами

По учению слова Божия, по учению православной Церкви и ее канонам, высшая власть в епархии и, в частности, право управления и суда принадлежит епархиальному епископу. Но если обратить внимание на обширность современных русских епархий, на множество дел судебных, хозяйственных и других, на невозможность поэтому одному, даже самому добросовестному и талантливому труженику все видеть, все знать, все рассмотреть и решить, то естественно возникает мысль о необходимости для епархиального епископа разного рода помощников как по делам управления епархией, так и для производства суда над лицами, совершившими те или другие проступки, так или иначе уклонившимися от требований правил и законов церковных и гражданских, будут ли эти уклонившиеся принадлежать к лицам белого или монашеского духовенства. По свидетельству истории древней вселенской Церкви, а также нашей русской Церкви, таковыми помощниками епископов в управлении епархией являлись обыкновенно и большей частью пресвитеры. Входить в исторические исследования касательно этого вопроса нет необходимости. Труды канонистов нашей русской Церкви, как например, профессоров Н. Соколова, Бердникова, Заозерского и других, совершенно достаточно уясняют это. Поэтому обратимся прямо к современному положению дела. В настоящее время органом епархиального управления служит духовная консистория, представляющая административно-судебное учреждение. Но кому неизвестно, как смотрят на консисторию и общество и духовенство? Суд консисторский и распоряжения его не пользуются расположением и доверием. О консисториях не иначе пишут и говорят, как с неудовольствием, насмешками, даже иногда презрением. Высшее духовное начальство признает также несовершенство устройства консисторий, медленность производства в них дел, излишний формализм в этом производстве и т. п., хотя все это зависит не от самих консисторий, а от устава их и распоряжений, которых консистории не могут игнорировать. Крайне желательно поэтому, чтобы нынешнее время, богатое реформами во всех сферах жизни, коснулось также епархиального суда и администрации. Не задаваясь широкими планами, комиссия полагала бы прежде всего сократить число дел, производящихся в консистории. Консистория теперь должна рассматривать даже маловажные дела духовных лиц по их взаимным обидам и оскорблениям, о разделе доходов между членами причта, о пользовании усадебной землей и т. п. Вообще ввиду того, что: 1) более чем 1/4 дел, теперь сосредоточиваемых в консистории, по самому существу своему не требуют строго юридического расследования; 2) что сосредоточение множества дел в одном учреждении замедляет их решение, и 3) что для лиц, прикосновенных к данному делу, поездка в губернский город, иной раз значительно отдаленный от местожительства жалобщика или просителя, является обременительной, – комиссия полагала бы предоставить все маловажные дела другой инстанции и таким образом произвести как бы децентрализацию.

В каждой епархии, по мнению комиссии, желательное существование: 1) благочиннического совета в каждом благочинническом округе из трех выборных членов и 2) в губернском городе – совета пресвитеров – из лиц, входящих в состав епархиального ведомства. В каждой из вышеуказанных инстанций суд желателен устный, гласный, в присутствии истца и ответчика, с приглашенными той и другой стороной свидетелями. Тяжущиеся стороны имеют право: а) приглашать адвокатов из лиц православного исповедания, б) отводить судей и в) с общего согласия обращаться к третейскому суду, причем последний считается безапелляционным.

Что касается круга дел и общего порядка судопроизводства в низшей судебной инстанции, т. е. в благочиннических советах, то их суду, по мнению комиссии, должны бы подлежать следующие дела:

1. Споры между членами причтов по разделу братских доходов и пользование церковной движимой и недвижимой собственностью.

2. Дела по удовлетворению просьб заштатных священноцерковнослужителей, вдов и сирот духовного звания о выделе им усадебной и полевой земли и о пользовании принадлежащими им по праву собственности или по наследованию, но находящимися на церковной земле строениями.

3. Проступки духовных лиц против должности, благочиния и благоповедения, не требующие формального исследования, и за которые по закону определяются замечания, внушения и выговоры без внесения в формулярные списки, или денежные штрафы не свыше 5 рублей.

4. Просьбы о вознаграждении за убытки и ущербы.

5. Жалобы о неуплате по беспорным обязательствам.

Примечание. Компетенции благочиннических советов, означенные в пп. 4 и 5 дела, подлежат в том только случае, когда сумма чека не выше 100 руб.

6. Иски о личных обидах и оскорблениях, не соединенных с проступками, унижающими духовный сан, которые, по закону (т. 15, ч. 2, ст. 104), могут быть прекращаемы взаимным примирением.

7. Жалобы прихожан о неудовлетворении священноцерковнослужителями их просьб о совершении обязательных треб и невыдаче выписей из церковных документов и свидетельств.

8. Рассмотрение дел по особым поручениям высшей инстанции – епархиального суда и администрации.

Примечание. Решения благочиннических советов по делам, порученным высшей епархиальной инстанцией, представляются на рассмотрение и утверждение данной инстанции.

Благочиннические советы могут определять следующие взыскания: 1) удовлетворение обиженного восполнением его убытков, 2) замечание, 3) выговор, 4) денежные пени в пользу попечительства о бедных духовного звания от 1 руб. до 5 рублей.

Решения благочиннического совета следовало бы считать окончательными и приводить в исполнение, по возможности, без замедления по объявлении приговора. Но так как, по многим соображениям, допустить это затруднительно, то недовольным решениями благочиннических советов допускается апеллировать в следующую инстанцию в течение одного месяца со дня объявления приговора, но при этом, во избежание развития сутяжничества, апеллирующей стороне внушается, что, в случае утверждения приговора благочиннического совета, виновные подвергаются двойной ответственности и взысканию в пользу попечительства о бедных духовного звания.

Разбор дел по словесным и письменным жалобам совершается в благочинническом совете словесно, а решения его кратко записываются в шнуровую книгу, скрепленную печатью епископа, и утверждаются подписью председателя и членов совета, а также подписью сторон.

Заседания благочиннического совета бывают не менее одного раза в месяц.

Примечание 1. Дела, подлежащие ведению благочиннического совета, равно как и жалобы по этим делам до их решения в благочинническом совете, не должны быть принимаемы никакой другой высшей инстанцией, т. е. ни советом пресвитеров, ни епископом.

Примечание 2. Анонимные или подписанные вымышленными именами и фамилиями письма и прошения должны быть оставляемы без всяких последствий.

Второй и последней инстанцией – судебной и административной – является в пределах епархии совет пресвитеров, существующий при каждом епархиальном епископе. Совет пресвитеров состоит из председателя и четырех членов, избираемых съездом духовенства из священников данной епархии (или монашествующих) с высшим или средним образованием, не менее 30 лет от роду, прослуживших в сане священника не менее 5 лет. Избранные члены утверждаются епископом, а увольняются только по суду. Так как в члены совета пресвитеров могут быть избраны лица и не из числа городского духовенства, с другой стороны – одновременное исполнение обязанностей приходского священника и члена совета не всегда удобно, то желательно, чтобы члены совета пресвитеров не состояли приходскими священниками, а причислялись к соборному духовенству, без несения обязанностей последнего, и получали определенное по должности жалованье, не менее 2000 руб. в год. Делопроизводство в совете пресвитеров сосредоточивается в его канцелярии, состоящей из нескольких делопроизводителей (по числу отдельных экспедиций данного учреждения), светского или духовного звания (делопроизводители духовного звания не могут состоять на службе в приходе или в соборе), и из писцов, которые должны быть обязательно светскими лицами ввиду неудобств при замещении указанных должностей лицами духовного звания.

Суду совета пресвитеров подлежат священноцерковнослужители и монашествующее духовенство: а) за все преступления и проступки, которые преследуются церковными правилами и законами, но не преследуются гражданскими законами, б) за некоторые преступления и проступки, предусмотренные, кроме духовных, и светскими уголовными законами, если они не ведут за собой наказаний, соединенных с лишением или ограничением прав состояния, а именно: аа) за преступления и проступки против должности священно и церковнослужительской, духовно-судебной и духовно-административной (Улож. о наказ, ст 182, 185, 188, 190, 192, 207, 208, 209, 329–331, 335–337, 341, 343, 344 ч. 1, 347, 348 ч. 1, 349–352, 354 ч. 1 и 2, 356, 357, 360, 364 ч. 1, 369–372, 380, 381, 383–388, 389 ч. 2, 390–394, 397–407, 409–423, 426, 427, 429–431, 432 ч. 1, 433, 434, 470–575, 476 ч. 1, 477, 478 ч. 1, 479 ч. 1, 480 ч. 1, 483, 484, 486–491, 492 ч. 1, 494, 496, 497 ч. 1, 498, 499, 501–504, 859, 978 ч. 1, 956, 1442, 1552 ч. 1, 1557 ч. 1, 1569, 1572, 1577 и 1003 ч. 1; бб) за проступки против благочиния в церкви и вне ее и против благоповедения (Уст. о наказ. ст. 35, 36, 42, 43) и вв) за оскорбления чести, наносимые духовным и светским лицам, угрозы и насилия (Уст. о наказ, ст. 130–141).

Совет пресвитеров может налагать следующие наказания: 1) перемещение от приходской церкви к бесприходной или с настоятельства в положение подчиненного священника, 2) выговор с внесением в послужной список, 3) удаление от места, причем от усмотрения епархиального епископа зависит, при раскаянии провинившегося, вновь дать место при бесприходной церкви, или и при приходской, но вдали от прежнего места службы, 4) увольнение от служения Церкви с предоставлением права, по снятии сана, искать службы в гражданском ведомстве или других частных занятий, 5) лишение сана с оставлением в духовном ведомстве на низших должностях и 6) лишение сана с исключением из духовного ведомства⁹⁸

Что касается лиц монашествующих, то первой инстанцией суда для них могут быть настоятель со старшей братией и потом благочинный монастырей. В качестве второй инстанции суда для лиц, монашествующих комиссия полагала бы назначить тот же совет пресвитеров, но при соблюдении следующих условий: а) дела о лицах, монашествующих должны рассматриваться при закрытых дверях и б) при обязательном присутствии с правом решающего голоса лиц монашествующего духовенства по назначению епархиального епископа, если найдутся такие лица.

Дела бракоразводные комиссия считает вполне возможным, а в некоторых случаях прямо необходимым – о расторжении браков по нарушению супружеской верности – передать суду светскому, но с тем, чтобы суд светский только устанавливал факт необходимости расторжения брака, самое же расторжение должно подлежать суду совета пресвитеров, равно как и увещание о продолжении супружеской жизни пред началом бракоразводного дела.

Коренной недостаток современного консисторского судопроизводства – это так называемое предварительное следствие. Веденное лицом, хотя и специально для того назначенным, но в большинстве случаев малоопытным, не имеющим никаких законоположительных

руководственных предписаний (недостаток, не восполняемый неофициальными пособиями ввиду их противоречивости) и даже надлежащей юридической санкции, оно является не всегда соответствующим своей цели и поставленным ему задачам. Далее, следователем является приходский священник, а потому он, отвлекаемый своими приходскими делами, не всегда может вести следствие с должной быстротой, чем без нужды задерживается и самое судопроизводство. Наконец, следователь не только почти безвозмездно исполняет свои обязанности, но даже несет некоторые материальные лишения (в деревнях в рабочую пору), а потому эта должность слишком тяжела и неблагоприятна для ее исполнителя. Естественным выходом из данных затруднений является назначение на должность следователя особых лиц (по одному на уезд), выбираемых съездом духовенства и утверждаемых епархиальным епископом, с определением их в соборные священники, разумеется, номинально. Права духовного следователя и его вознаграждение должны быть уравнены с правами и вознаграждением следователей светских, равно как должны законодательным порядком быть выработаны и официально утверждены формы и правила производства следствий, по возможности упрощенные.

В настоящее время, когда объявлена свобода совести, не может быть и речи о действительном применении статей устава о наказаниях, карающих лиц, уклонившихся от Церкви, или так или иначе нарушающих ее постановления, известными ограничениями прав их в гражданской жизни. Но Церковь не может равнодушно смотреть на подобных своих членов. Поэтому каждый более или менее выдающийся проступок или преступление в деле веры, совершенные ее членом, должны сопровождаться известными последствиями для него в сфере церковных отношений. Первым судьей в данном случае является тот пастырь, в приходе которого состоит нарушивший церковные постановления, и который должен употребить все меры нравственного воздействия для обращения его на путь истины. Если пастырь потерпит неудачу, то согласно заповеди Спасителя (Мф.18:15–17), он должен обратиться к содействию и суду совета пресвитеров, который должен руководствоваться в подобных случаях соответствующими церковными законоположениями, смягчая присущую им строгость.

Так как преступления по пастырскому служению не всегда удобно подвергать гласности и обычному суду, а с другой стороны – они требуют иногда не столько внешне-юридического наказания, сколько нравственного воздействия или очищения совести иерархическим действием епископа, то является необходимость наряду с судом совета пресвитеров поставить непосредственный епископский суд, ведению которого подлежали бы: а) проступки неведения и нечаянности, требующие очищения совести священнослужительской, и б) жалобы, приносимые именно с тем, чтобы неправильно поступившего исправить архипастырским судом и назиданием без формального делопроизводства. Наказания, налагаемые по этому суду, подлежат непосредственно воле епископа, но они не должны сопровождаться никакой гласностью.

Обращаясь далее к делопроизводству в совете пресвитеров, комиссия, не считая себя компетентной в указании всех его сторон, находит нужным отметить только самые необходимые изменения в существующей ныне практике, а именно: 1) бумаги входящие должны быть вскрываемы дежурным членом совета пресвитеров, 2) бумаги должны составляться по возможности кратко, что особенно должно применяться к протоколам, 3) никаким анонимным или подписанным вымышленными фамилиями бумагам значения не придавать и следствия по данному поводу не назначать, 4) следствие должно вестись только по данному преступлению, послужившему причиной его назначения, не уклоняясь для расследования в сторону для открытия новых преступлений и проступков, совершенных этим или иным лицом когда-то, в давние времена, хотя бы про то и было упоминаемо в поданном прошении.

По вопросу об епархиальной администрации первое обстоятельно, которое обращает на себя внимание в данном случае, это – отсутствие единства в епархиальном управлении. Наряду с консисторией, ведающей управление белым и монашествующим духовенством, равно как и церковное имущество, существует целый круг особенных учреждений, заведующих просветительными и материальными сторонами жизни епархиальной, каковы, например: советы и правления по делам епархиально-училищным, миссионерским, братским, вспомогательных и епархиальных касс, свечных заводов и других учреждений, стоящих независимо от консистории и подчиненных в большинстве случаев епархиальным съездам. Отсюда естественно возникает вопрос: не следует ли их подчинить совету пресвитеров? За данный порядок говорит та мысль, что в таком случае будет единство действий; но против него можно сказать очень многое. Каждое из вышеуказанных учреждений имеет свой специфический характер, дела, подлежащие их ведению, настолько отличны друг от друга, что, при объединении их, они все-таки должны выделиться в особые экспедиции, и слияние их будет чисто внешнее. Подчинять их контролю совета пресвитеров точно так же неудобно. Контроль фактически осуществляется в рассмотрении и утверждении журналов данного учреждения и в ревизии отчетов его. Против первого должно заметить, что это без нужды осложнит дело. Лицо, незнакомое специально с кругом дел, подлежащих ведению того или другого учреждения, рассматривая журнал, самое большее, что может сделать, это – проверить его законосообразность, т. е. согласие его с требованием устава известного учреждения. Но полезно ли ради этого осложнять дело? Осложнение же неизбежно при таком порядке. Каждый из данных журналов до своего утверждения должен будет пройти через две инстанции (совет пресвитеров и епархиальный епископ), на что потребуются минимум неделя, а если положить еще дня два для написания журнала, то со дня постановления до дня утверждения пройдет около 10 дней, что вряд ли желательно. Ежегодная ревизия – проверка отчетов – тоже вряд ли полезна. В данном случае проверяются только документы и согласие с ними книг; фактическая же проверка невозможна, а проверка целесообразности расходов обыкновенно ведет к мелочной придирчивости. Отсюда ясно, что помянутые учреждения не должны ни объединяться с советом пресвитеров, ни подчиняться ему. Таким образом совету пресвитеров в административном отношении должны быть подчинены: а) духовенство белое и монашествующее, б) церковные старосты с приходскими советами, если таковые будут, и в) церковное имущество. В видах удобства и большей целесообразности, административные дела в совете пресвитеров желательно видеть выделенными из судебных и порученными отдельным лицам (таковых лиц может быть два из пяти членов совета пресвитеров).

Посредствующей инстанцией между советом пресвитеров и подчиненными ему лицами является благочинный со своим советом. Благочинные, по мнению комиссии, должны быть выборными. Им принадлежит право наблюдения и нравственного руководства, но не суда. Принимая в соображение, что существующая инструкция благочинным во многих своих частях устарела, необходимо выработать новую с тем, чтобы в ней исключены были параграфы, оскорбительные для священнослужителей и церковнослужителей (как например, § 49), неисполнимые (§§ 8, 22, 23 и др.) и отличающиеся крайней мелочностью (§§ 29, 37, 38 и т. д.). Аттестацию священноцерковнослужителей и их семейств в клировых ведомостях (§ 44 п. 2 Инстр. благочин.) желательно уничтожить. § 31 об отпусках желательно изменить следующим образом: отпуска краткосрочные, от 10 дней до 2-х недель, разрешаются благочинным, долгосрочные – епархиальным епископом. Соответственно вышеизложенному желательно, чтобы был выработан новый устав вместо теперешнего устава консисторий.

1. По вопросу об устройстве прихода Мнение комиссии по вопросу о благоустройстве православного прихода в Тверской епархии в религиозно-нравственном, благотворительном и просветительном отношениях

Комиссия, по ознакомлении и обсуждении имеющегося в современной литературе материала по данному вопросу, признала желательным нижеследующее:

1. Считать, что «православный приход такой-то церкви» должен состоять из клира этой церкви, купно со всей его паствой, тесно между собой связанных и составляющих одну нераздельную духовную общину. Эта церковная община есть собственник и хозяин церковного достояния и приходского имущества и всех церковно-приходских учреждений местного храма. В состав этой общины или прихода входят: а) в сельских церквах – прихожане как те, которые живут в селах и деревнях, причисленных к известному храму и обращаются за совершением церковных треб к причту этого храма, так и те, которые, хотя и выбыли в столицы города, места фабрик и заводов, но не прервали еще связей с прежним приходом, помогая приходу своими посильными пожертвованиями; прекратившие же всякие сношения с храмом, клиром и приходом должны быть исключены из списков покинутого ими прихода; б) в городских приходах прихожанами должны считаться как те православные домовладельцы и квартиранты, которые числились издавна состоящими в приходе той или другой церкви, так и те из православных, которые, хотя и проживают в других приходах, но пожелали бы приписаться к избранному ими приходу; при этом причты церквей обязаны предварительно опрашивать таких лиц о желании их быть внесенными в списки прихожан известного прихода, после чего священноцерковнослужители этого прихода ответственны за опущения в совершении для таких лиц необходимых и неотложных церковных треб.

Устройство церковно-приходского управления могло бы быть следующим:

2. Церковно-приходской общиной и приходом управляет под руководством и наблюдением высшей церковной власти поставленный к нему епископом настоятель-священник при сотрудничестве остальных членов клира, на котором лежит преимущественная обязанность заботиться об удовлетворении духовных нужд прихода, и при содействии приходского попечительства (церковно-приходского совета), выбранного приходским собранием, обязанного преимущественно пещись об удовлетворении всех хозяйственных нужд церкви, причта и прихода и ответственного перед епархиальным начальством, принимающего в то же время живое и деятельное участие в помощи священнику и клиру в религиозно-нравственном и просветительном отношениях (и делах благотворительности).

3. Церковно-приходское собрание состоит, под председательством настоятеля церкви, из всего клира и прихожан, достигших 21-летнего возраста, не различая сословного, общественного и имущественного положения. Меры и виды участия лиц женского пола в приходских собраниях и делах определяются самим приходом, соглашением настоятеля с прихожанами.

4. Приходское попечительство состоит из священноцерковнослужителей приходской церкви и лиц, выбранных церковно-приходским собранием из числа прихожан. Председателем попечительства может быть, по выбору приходского собрания, священник (только) или другое лицо. В члены приходского попечительства могут быть избираемы собранием или самим попечительством посторонние, т. е. не живущие в приходе лица, но они должны быть православными и общее число их не должно быть более половины остальных выбранных его членов.

5. Церковный староста и доверенные избираются церковно-приходским собранием и действуют совместно с попечительством, членами которого они состоят по своей должности.

6. Церковный староста, доверенные и члены попечительства избираются на три года и утверждаются епархиальной властью.

7. Приходские собрания и попечительство ведают все церковные и общественные дела прихода и распоряжаются церковным имуществом в пределах собственности храма и прихода; суммы же, отчисляемые и собираемые на общецерковные, государственные и общепархиальные нужды, подлежат распоряжению и контролю высшей духовной власти; за отменой же этих отчислений и сборов таковые суммы расходуются прежде всего на нужды храма, а остатки – на благотворительные и просветительные учреждения прихода.

В

Храм, находящиеся в нем святые иконы, ризница и священная утварь – неотчуждаемы, и пользование ими зависит от благословения настоятеля. Предметы церковной утвари и ризницы могут быть жертвуемы и приносимы в дар нуждающимся в них другим церквам с общего согласия причта и прихожан и разрешения епархиального начальства.

Ввиду опасности нарушения государственного, общецерковного и гражданского единства, комиссия не находит возможным допустить автономного, самоуправляющегося положения прихода, как земской единицы, но в то же время, в видах возбуждения большего сочувствия и поощрения к усердию, желала бы, чтобы приход признан был юридической единицей, с правом заключать акты не только на имя храма, как это существует ныне, но и на имя прихода, испрашивая разрешение епархиального начальства в тех случаях, когда совершенный акт значительной стоимости не может быть удовлетворительно обсужден приходом за отсутствием лиц, хорошо знакомых с предпринимаемым делом.

Д

Точно так же комиссия не находит возможным предоставить приходу выбор кандидатов на ту или другую священноцерковнослужительскую должность по следующим соображениям: а) такой выбор не был бы согласен с ясным учением слова Божья (1Тим.5:22; Тит.1:5), церковными канонами (3-е пр. 1Всел. Соб., 13-е пр. Лаод. Соб.), многовековой практикой православной русской Церкви; б) едва ли возможен, по незнакомству, в большинстве случаев, избирателей с лицами избираемыми, их поведением особенно по выходе лиц из того или другого учебного заведения; в) такой выбор повел бы к образованию партий в приходе, взаимному раздору между прихожанами, проложил бы широкий путь к искательству со стороны избираемых, подкупу избирателей и другим вредным последствиям, нежелательным в таком важном деле, каково избрание руководителей в вере и благочестии. – Ввиду вышеизложенного комиссия полагала бы: а) чтобы назначение священнослужителей по-прежнему оставалось во власти епархиального архиерея, избрание же прихожанами, местным клиром и уполномоченными от клира благочиннического округа кого-либо из членов причта считалось бы лишь одобрением (прежняя заручная запись), каковые одобрения принимались и принимаются во внимание и в настоящее время; б) чтобы ограничены были перемещения пастырей Церкви с одного прихода на другой, за исключением тех случаев, когда это перемещение вызывается неотложными нуждами прихода или личными желаниями священноцерковнослужителей, в первом случае – непременно с согласия перемещаемого; в) чтобы на должности священников назначались лица, получившие образование не ниже духовных семинарий или среднеучебного заведения, в последнем случае – после испытания в знании богословских предметов; на должности же дьяконов и псаломщиков – с меньшим образовательным цензом.

Чтобы поставить причты приходов в средствах к своему содержанию в менее зависимое от прихожан положение, во многих случаях приниженное, а нередко и обременительное для бедных в приходе, желательно: а) скорейшее осуществление намерений Государей Императоров: Александра 2, Александра 3 и Николая 2 – обеспечить духовенство казенным жалованьем в достаточном количестве с обязательством бесплатно совершать необходимые церковные требы; б) другие же церковные требы, как-то: молебны, сорокоусты и т. п. – желательно, чтобы совершались за плату, по взаимному соглашению клира и прихода, как это ныне и практикуется в большинстве сельских приходов Тверской епархии.

Совершенно неосновательные жалобы, нарекания и заведомо ложные обвинения духовенства в бесконтрольном будто бы и своекорыстном распоряжении церковным имуществом, отчислениями и сборами побуждают к немедленному учреждению церковно-приходских попечительств и ежегодных церковно-приходских собраний. В основу и руководство при учреждении церковно-приходских попечительств должны быть положены, несомненно, «Положение о приходских попечительствах» и «Инструкция церковным старостам» (1864 и 1890 гг.), как Высочайше утвержденные; для церковно-приходских же собраний – проект приходского самоуправления, принятый собором Рижской епархии и напечатанный в № 21 «Рижских Епархиальных Ведомостей» за 1905 г. Этот же проект, за исключением некоторых предположений, приложим и к благоустройству приходов Тверской епархии.

Так, кроме уже принятых 2–7, нижеследующие параграфы этого проекта могут содействовать осуществлению предположенной цели – благоустройству приходов:

8. Церковно-приходское собрание созывается настоятелем Церкви не через три года, как это в большинстве случаев практикуется ныне, но ежегодно, и притом не менее двух раз в год. Первое годичное собрание созывается в конце года, в декабре месяце: а) для рассмотрения и утверждения на предстоящий год сметы доходов и расходов приходского попечительства и подведомственных ему заведений (школ, библиотеки, больницы, богадельни, странноприимного дома, трапезы для бедных и т. п.), а также доходов, находящихся в непосредственном распоряжении попечительства (суммы, пожертвованные на нужды попечительства). При этом сообщаются собранию сведения о приходе и расходе и тех сумм, которые предназначены на удовлетворение нужд общегосударственных, общецерковных и общепархиальных; б) для выбора членов проверочной комиссии в числе, определяемом самим собранием, для проверки хозяйственных отчетов попечительства и других приходских учреждений за истекший год, а также для поверки наличности всего приходского имущества. Второе годовое собрание созывается весной, в марте или апреле месяцев: а) для утверждения упомянутых отчетов, которые вносятся попечительством в собрание, с заключениями проверявшей их комиссии и со своими по этим заключениям объяснениями, и б) для выбора председателя и членов попечительства, если они прослужили три года. – Сверх поименованных дел, обсуждению и решению собраний попечительством могут быть предлагаемы и другие вопросы, и дела, касающиеся религиозно-нравственных и хозяйственных нужд приходской общины.

9. Кроме обыкновенных собраний, в важных случаях, по усмотрению настоятеля и попечительства, могут быть созываемы чрезвычайные церковноприходские собрания, как это бывает и в настоящее время во многих приходах Тверской епархии.

10. О дне и месте такого чрезвычайного собрания и цели его священник извещает прихожан, объявляя о том в церкви при стечении народа в три предшествующих собранию воскресных и праздничных дня; попечительство же со своей стороны принимает доступные ему меры для оповещения. Собрание считается состоявшимся, если явилась одна десятая часть, а при обложениях – не менее половины имеющих право участвовать в нем прихожан.

11. Проекты и сметы на постройку, перестройку, обновление и поновление здания самой церкви, по одобрении их собранием, представляются попечительством благочинному, который в потребных случаях (например, когда предполагается постройка нового здания храма и др.), в свою очередь, со своим заключением, представляет на благоусмотрение и утверждение епархиального архиерея.

12. При недостаточности средств на удовлетворение приходских нужд, собрание может установить обязательный сбор с прихожан и произвести раскладку этого сбора, сообразуясь с достатком и платежной способностью лица, но при этой раскладке в собрании должно присутствовать не менее половины прихожан, имеющих право голоса.

13. Для осуществления таких касающихся церковно-общественной жизни прихода задач, которые непосильны одному приходу, несколько соседних приходов, или приходы целого благочиннического округа, могут соединиться вместе и иметь общие учреждения, управляемые лицами, избираемыми от приходских попечительств тех приходов, на средства которых они содержатся.

14. Приходское попечительство обязано иметь постоянную заботу об исправном содержании и благолепии приходского храма и приходских кладбищ и о возможно полном удовлетворении хозяйственных и духовных нужд духовенства и прихода.

15. Члены приходского попечительства избираются собранием в потребном числе, по соображению с размерами и разными видами деятельности попечительства и приходского хозяйства, их способностью работать с пользой для прихода.

16. На попечительстве лежит обязанность своевременного составления и представления общему собранию сметы и отчетов.

17. Всем лицам, имеющим право участвовать в приходском собрании, должен быть составлен и содержим в исправности приходским попечительством особый список. Первоначально, до образования попечительства, список сей составляется священником-настоятелем церкви, при содействии приглашенных им для сих прихожан. Приходский список должен содержать в себе сведения о возрасте, составе семейства, служебном и имущественном положении, промысле или занятии каждого члена приходского собрания и о том участии, какое он и члены его семейства принимают в приходской жизни. С перечислением прихожанина в другой приход все вышеуказанные сведения сообщаются этому приходу или по желанию самого перечисляющегося прихожанина, или же по запросу нового прихода.

18. В приходах, в коих учреждение попечительства из нескольких членов (как о том сказано в §§ 4 и 14) может оказаться неприменимым (во многих приходах Тверской епархии) по малому числу прихожан, их отсутствию из пределов прихода за отхожими промыслами или по некоторым другим уважительным причинам, – обязанности попечительства могут быть возлагаемы на клир, церковного старосту и доверенных, с утверждения епархиального начальства, по предварительному докладу о том, что в иных форме и виде попечительство не может быть учреждено (§ 15 «Положения о приходских попечительствах при православных церквях»).

Временные правила для приходских собраний и церковных советов (составленные в общем собрании духовенства гор. Твери)

§ 1. Общие приходские собрания для суждения о способах удовлетворения нужд прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях.

Примечание. Принимая меры к усовершенствованию и возвышению церковно-приходской жизни, собрания, в частности, заботятся:

А) В религиозно-нравственном отношении: а) о нравственном воздействии на всех членов, составляющих приходскую общину, и особенно на молодежь, к неопустительному посещению храма Божья в воскресные и праздничные дни и к достойному, истинно христианскому времяпрепровождению праздников и событий в семейной жизни – крещения детей, бракосочетания, погребения и т. п.; б) о своевременном и благолепном совершении богослужения в храме, об улучшении в нем чтения и пения, о заведении всенародного пения общеизвестных молитв и песнопений церковных, о чистоте и порядке храмов Божиих и кладбищ; в) об охране своих членов от вредных влияний и искоренении пьянства, разврата и сквернословия, и г) об учреждении религиозно-нравственных чтений и беседований как в храмах, так и вне оных.

Б) В просветительном отношении: а) об открытии и благоустройстве местных школ и установлении возможного надзора за направлением в них обучения; б) об учреждении библиотек, читален, устройении народных чтений в школах, волостных правлениях и частных домах для сообщения сведений по сельскому хозяйству и другим общепользовным отраслям знаний.

В) В благотворительном отношении: а) об удовлетворении постоянно или временно нуждающихся членов приходской общины выдачей пособий деньгами и продуктами; б) о приискании работы безработным, призрении нищих, увечных, бездомных стариков, старух и круглых сирот; в) о поддержании нуждающихся учреждением кассы взаимопомощи, и г) устройстве приютов, богаделен, яслей и т. д.

§ 2. Право участия в приходских собраниях принадлежит всем лицам, достигшим гражданского совершеннолетия, указанным в § 9 «Положения о приходских попечительствах» и в § 8 «Инструкции церковным старостам».

Примечание. На равных правах с лицами мужского пола в приходских собраниях и в решении вопросов церковно-приходской жизни участвуют и лица женского пола, достигшие гражданского совершеннолетия и обладающие в пределах прихода недвижимой собственностью или обнаруживающие особенное усердие к Храму Божию и к благоустройству приходской жизни.

§ 3. Право участия в приходских собраниях есть личное и не может быть передаваемо по доверенностям.

§ 4. Для точного определения числа лиц, имеющих право участвовать в приходских собраниях, при каждой церкви должен быть заведен список прихожан по общему для всех приходов выработанному образцу.

Примечание 1. Список лиц, входящих в состав прихода, составляется настоятелем церкви, при участии членов причта и почетных прихожан (§ 10 «Полож. о прих. попечит.»).

Примечание 2. При перемещении из одного прихода в другой каждый член приходской общины должен сделать своевременно заявление настоятелю церкви для соответственной отметки в списке.

§ 5. Порядок занятий первого общего собрания вырабатывается предварительно причтом с участием почетных и других деятельных прихожан, могущих оказать пользу в деле устройства церковно-приходской жизни.

Примечание 1. Желательно, чтобы на этом предварительном собрании приход был разделен на участки, с поставлением в главе каждого участка наиболее деятельного прихожанина, выработаны были способы изучения прихода и составлены вопросы, подлежащие обсуждению первого приходского собрания.

Примечание 2. Для более успешного и, по возможности, точного изучения прихода, на предварительном собрании составляется опросный листок, соответствующий данным, необходимым для составления посемейного списка, упомянутого в § 4 сих правил.

§ 6. Общие приходские собрания созываются настоятелем церкви посредством рассылки именных повесток, устных оповещений с церковного амвона и письменных объявлений, вывешиваемых в притворе храма.

§ 7. В повестках и объявлениях точно указывается место, время и цель приходского собрания.

Примечание 1. Местом приходских собраний могут служить частные помещения, помещения общественных учреждений и храм. Желательно, особенно на первых порах, чтобы храм был избираем для приходских собраний в том только случае, если не представится возможности заменить его другим помещением.

Примечание 2. Об общих приходских собраниях дается знать к сведению полиции.

§ 8. Приходскими собраниями руководит настоятель церкви, и все вопросы, предложенные на обсуждение собрания, решаются простым большинством голосов.

§ 9. Исполнительным органом приходских собраний является церковный совет, члены коего избираются на три года в общих собраниях, причем число членов совета от мирян не должно превышать 12 лиц.

Примечание 1. Членами церковного совета могут быть лица как мужского, так и женского пола.

Примечание 2. О лицах, избранных на приходском собрании в члены церковного совета. Согласно п. 2 Высочайшее утвержденное «Положения о приходских попечительствах при православных церквях», доводится до сведения епархиального архиерея.

Примечание 3. Члены причта, церковный староста и представители от прихода входят в церковный совет, как неперенные его члены.

§ 10. Церковный совет действует под руководством и председательством настоятеля церкви.

§11. Члены церковного совета избирают из своей среды, не исключая и неперенных членов, делопроизводителя и казначея.

§ 12. Члены церковного совета могут быть приглашаемы причтом и церковным старостой к участию в заведовании церковным хозяйством.

§ 13. Каждый член церковного совета, принимая участие в общей деятельности, избирает для себя, с одобрения совета, какую-либо определенную цель, направленную к устройению приходской жизни, и группирует около себя других лиц, сочувствующих избранной им цели.

§ 14. На первых порах своей деятельности церковные советы, имеющие открыться вместо приходских попечительств, где их нет, руководствуются Высочайше утвержденным 2 августа 1864 г. «Положением о приходских попечительствах при православных церквях» и настоящими правилами.

§ 15. Изменение и дополнение настоящих временных правил предоставляется свободному почину приходских собраний, согласно общим указаниям и с одобрения епархиальной власти.

Временные правила для пастырских собраний

§ 1. Пастырские собрания имеют целью взаимообщение духовенства на основах пастырских задач, вызываемых современным положением русской православной Церкви и требующих неотложного разрешения.

§ 2. Членами пастырских собраний считаются все священноцерковнослужители благочиннического округа, и все они принимают участие в обсуждении и решении дел на равных правах.

Примечание. На пастырские собрания могут быть приглашаемы, если представится надобность, церковные старосты и миряне из числа лиц, входящих в состав церковных советов, приходских попечительств и братств.

§ 3. Пастырские собрания происходят ежемесячно, в определенный день, назначенный духовенством по взаимному соглашению.

§ 4. Кроме очередных собраний, могут быть пастырские собрания экстренные в особо важных случаях или по заявлению не менее трех членов председателю.

§ 5. Место и время последующего пастырского собрания назначается на предыдущем, по взаимному соглашению членов.

Примечание. Собрание считается состоявшимся при наличном числе членов.

§ 6. Председатель пастырских собраний, его заместитель и делопроизводитель избираются на год из священнослужителей церковью благочиннического округа.

§ 7. Председатель руководит собранием, следит за обменом мыслями и ставит вопросы на решение собрания; делопроизводители же записывают результаты совещаний и в потребных случаях составляют журнальные постановления.

§ 8. Предметами занятий пастырских собраний могут быть все вопросы пастырского служения, жизни Церкви и положения прихода и духовенства, а именно:

а) обсуждение мероприятий к обучению безграмотных и малограмотных прихожан начаткам христианского вероучения и нравоучения;

б) желательная постановка современного церковного проповедничества, внебогослужебных беседований и религиозно-нравственных и церковноисторических чтений;

в) вопросы об организации приходской миссии в приходах, зараженных расколом и сектантством;

г) вопросы, касающиеся постановки преподавания Закона Божия в средних и низших учебных заведениях;

д) вопросы об усовершенствовании форм церковной жизни в духе канонических правил и применительно к современному положению Церкви и духовенства;

е) желательное направление пастырской деятельности при тех или других обстоятельствах общественной жизни;

ж) обсуждение мероприятий к охранению паствы от вредных влияний и противодействию разрушительных стремлениям людей, подстрекающих ко всяким насилиям;

з) вопросы церковно-богослужебной практики и обсуждение выдающихся событий и явлений церковно-общественной жизни.

§ 9. Каждый член собрания может заблаговременно заявить председателю о своем желании поставить тот или другой вопрос на обсуждение пастырского собрания, каковой вопрос и вносится в программу ближайшего пастырского собрания

Примечание 1. Каждый член пастырского собрания может, по своему собственному желанию, избирать темы для рефератов по вопросам текущей церковной жизни и предлагать вниманию собрания. Рефераты эти, по постановлению собрания, могут быть печатаемы на страницах «Епархиальных Ведомостей».

Примечание 2. Независимо от сего, пастырские собрания могут выделять из числа своих членов особые комиссии для разработки тех или других вопросов текущей церковной жизни и для ознакомления собрания с литературой этих вопросов.

§ 10. Все вопросы решаются на пастырских собраниях в духе христианской любви и братства, по возможности – единогласно и открытой подачей голосов; особые мнения представляются письменно и не позже следующего собрания.

§11. Постановления пастырского собрания, одобренные единогласно и подписанные всеми членами, как бывшими в заседании, так и отсутствовавшими по каким-либо причинам, становятся для всех обязательными и, с благословения архипастыря, проводятся в жизнь самим собранием.

§ 12. О результатах пастырских совещаний ведется делопроизводителями в особой книге обстоятельная запись – о времени, участниках, предмете обсуждений и т. п.

§ 13. Только в особо важных случаях составляются журнальные постановления, которые, по решению собрания, представляются на усмотрение архипастыря.

§ 14. Настоящие правила, по требованию обстоятельств и времени, могут быть изменяемы и дополняемы.

1. По вопросу о духовно-учебных заведениях

По вопросу о духовно-учебных заведениях честь имею представить семь (7) записок, составленных корпорациями преподавателей: а) семинарии, б) Тверского, в) Новоторжского, г) Осташковского, д) Кашинского, е) Старицкого и ж) Бежецкого духовных училищ.

Из них записка Новоторжского училища отличается своей широтой, обдуманностью и оригинальностью. Не вдаваясь в оценку представляемых проектов, я долгом считаю сказать, что, после состоявшегося – в удовлетворение общих желаний духовенства – Высочайшего соизволения на право поступления воспитанников семинарии в высшие светские учебные заведения, не представляется большой нужды в радикальной ломке строя духовных семинарий, нет нужды прибегать к компромиссам с точными приспособлениями к программам и режиму светских средних учебных заведений, для преобразования которых до сих пор еще окончательно не выработан проект.

Составленные Учебным Комитетом новые программы с изменениями, по мнению члена Учебного Комитета Д. И. Тихомирова, могут устранить нужду в компромиссах. Такой проект можно применить с начала нынешнего учебного года.

В настоящее время, когда слышатся голоса о замене кафедры богословия преподаванием истории религии в университете и уничтожении уроков Закона Божия в гимназиях (что имело место в Тифлисе по петициям воспитанников), духовно-учебные заведения более, чем когда-либо, должны иметь исключительные цели образовать юношество в духе православной Церкви и подготовку юношества к служению Церкви Божией, будут ли воспитанники сих заведений по выходе из своей школы в духовном сане, или же будут светскими людьми. Аще же соль обуюет, ним оголится? (Мф.5:13).

Предстоящий Собор Всероссийской Церкви своим авторитетом может настоять, чтобы в программах наших и светских учебных заведений не сокращался учебный материал по Закону Божию, но скорее приближался к программам духовно-учебных заведений, так как Закон Божий бесспорно должен стоять во главе других общеобразовательных предметов. Осуществление такого желания много способствовало бы уничтожению той розни, какая существует между светскими и духовными учебными заведениями.

Духовные мужские училища, при общеобразовательном характере, не должны терять, – как в учебной программе, так и в воспитательном отношении, церковного направления. Ученики духовных училищ воспитываются в сознании, что цель их – продолжение образования в семинарии, для посвящения себя духовному званию.

Нельзя не приветствовать выраженного во многих проектах желания, чтобы духовные училища были не только пятиклассные, но и шестиклассные, а семинарии – с 4-мя классами. При условии всесословности, первые заведения принесли бы громадную услугу образованию детей не только духовенства, но и всего народа. В наших уездных городах появились бы среднеучебные заведения – к счастью семьи провинциального населения⁹⁹.

Не желающие продолжать образование в семинарии, по окончании курса шести классов училища, должны иметь право поступать в 7 класс гимназии без экзамена.

При сокращении числа духовных училищ в Тверской епархии можно было бы, без увеличения средств, открыть в Твери – для приготовления выходящих из 6-го класса училища в высшие заведения – особое заведение с 7-м и 8-м классами гимназии.

В духовных семинариях должны оставаться нынешние последние четыре (4) класса, с преподаванием по вновь составленным Учебным Комитетом программам. Духовные училища должны быть самостоятельными заведениями, вне зависимости от духовных семинарий.

В семинариях ректор и инспектор, равно как и в училищах – смотритель и большая часть преподавателей, по крайней мере богословских наук семинарии, должны быть в священном сане.

В семинарию могут поступать по дополнительному экзамену окончившие курс второклассных школ, церковных и министерских учительских семинарий и 6-ти классов гимназий.

Для не изучавших древних языков прохождение таковых необязательно в семинарии; но эти воспитанники не могут поступить в духовные академии, пока не выдержат дополнительного испытания по языкам. Само собой, разумеется, что окончившие курс семинарии и изучавшие

древние языки должны иметь право поступать в университет без экзамена, а не изучавшие языков – по дополнительном испытании.

Воспитанники семинарии поступают в духовные академии без экзамена, но поступают те, кои преимущественно имеют принять священный сан. Лица же, уже имеющие священный сан, пользуются преимуществом при поступлении в духовные академии безразлично – будут ли они из черного или белого духовенства. Выборное начало, как ясно показывает практика прошлого, ничего хорошего не дало для учебных заведений. То искательство, или, по выражению корпорации Новоторжского духовного училища, то «пронырство», которого опасаются при назначениях начальствующих лиц, в значительной степени увеличится при избирательной системе. Можно допустить право со стороны съездов духовенства представлять на вакансии по два кандидата.

Категорическое решение уничтожить все общежития при училищах и семинариях неудобоприемлемо. Так как в этом деле имеют немаловажное значение интересы чисто экономические, то решение вопроса относительно общежития в каждом учебном заведении нужно предоставить родителям учащихся, съездам духовенства. Это – их дело и интересы. Иначе, уничтоженные при школе общежития возникнуть вне ее в виде конвиктов, которые создадут сами родители в целях сокращения расходов на содержание детей, но уже без всякого воспитательного воздействия школы.

Проект преобразования духовных семинарий, составленный педагогическим собранием правления Тверской духовной семинарии

Духовно-учебные заведения уже давно переживают серьезный кризис, являющийся следствием больших перемен в быте русского духовенства. При прежнем положении духовенства, когда даже выход для детей духовенства из духовного сословия обуславливался согласием епархиального начальства, под властью которого находились не только сами священноцерковнослужители, но и их дети, духовная школа вполне естественно предназначалась для воспитания детей священноцерковнослужителей главным образом «в надежду священства». Тогда только некоторые питомцы духовных семинарий могли попадать в светские учебные заведения, если это не противоречило воле местного преосвященного или если это вызывалось требованием светской власти. В эпоху освободительных реформ в нашем отечестве были эмансипированы из-под власти местного епископа все дети священноцерковнослужителей. С этого времени все духовные школы должны были нести уже двойную службу: давать общее образование детям священноцерковнослужителей и готовить будущих пастырей православной Церкви. Духовная школа доселе ничего не сделала для приспособления к изменившимся условиям в жизни духовенства: она по-прежнему считает своей единственной задачей – готовить пастырей Церкви и поэтому заставляет всех своих питомцев, несмотря часто на полное отсутствие склонности к пастырской деятельности, проходить курс ее во всем объеме и заканчивать свое образование изучением богословских наук. Отсюда – все нарастающее недовольство среди воспитанников духовно-учебных заведений. Воспитанники семинарии, придя в сознательный возраст и не находя в себе призвания к пастырской деятельности, не могут уже помириться с необходимостью детального изучения богословских наук, так мало приложимых к их будущей деятельности и дальнейшему образованию в светских учебных заведениях. Из вышеизложенного ясно, что, для окончательного уничтожения давно уже кроющегося недовольства среди воспитанников духовно-учебных заведений, духовная школа должна точно разграничить выполнение своих двух задач: общеобразовательной и специально-богословской, т. е. отделить общеобразовательную школу от специально-богословской. Сохранение духовно-учебной школы в качестве общеобразовательной необходимо ввиду бедности духовенства и издавна установившегося в этой школе принципа бесплатного обучения. Уничтожить духовную школу в качестве общеобразовательной – значит лишить среднего образования большинство детей священноцерковнослужителей. Сохранение духовной школы в качестве общеобразовательной желательно кроме того и потому, что она представляет собой особый тип средней школы, не уступающий, если не превосходящий все другие типы ее. Установившееся здесь издавна довольно широкое изучение Священного Писания и философских наук дает воспитанникам этой школы способность к отвлеченному мышлению и умение разбираться в сложных вопросах знания. Исстари же установившийся в духовной школе обычай усиленно упражнять воспитанников в писании сочинений почти по всем проходимым ими наукам и этим приучать их к умению сознательно разбираться в массе приобретаемых ими сведений – вырабатывает в воспитанниках ее способность к сознательной научной работе, не говоря уже о навыке владеть правильной литературной речью. Все это говорит за необходимость удержания общеобразовательной духовной школы в виде особого, уже давно зарекомендовавшего себя типа школы.

Так как отделение духовных училищ не вызывается в настоящее время никакой необходимостью, то представляется вполне желательным соединить духовные училища, находящиеся в губернских городах, с духовными семинариями в одно учебное заведение, обратив остальные духовные училища в просеминарии по образцу прогимназий Министерства народного просвещения, причем всякая зависимость просеминарий от правления семинарии должна быть уничтожена.

Общеобразовательную школу в семинариях необходимо сделать восьмиклассной (четыре года в училищах и четыре года семинарских) – с тем, чтобы воспитанники семинарии, по окончании курса в восьмом классе ее, могли поступать в светские высшие учебные заведения на одинаковых правах с окончившими курс в гимназиях. Из двух последних классов нынешних семинарий, 5-го и 6-го, необходимо образовать особую специально-богословскую школу, отнеся в курс ее все богословские предметы. Изучение катехизиса, священной истории в просеминарии,

Священного Писания и церковной истории в четырех последних классах семинарии – должно заменить собой преподавание Закона Божия в гимназиях и реальных училищах. В специальнобогословскую школу, курс которой должен быть не более двух лет, поступают без экзамена воспитанники семинарий, окончившие курс в восьмом классе, желающие продолжать свое богословское образование в академиях или подготовиться к пастырской деятельности, при склонности их к таковой. В эти классы могут поступать и окончившие курс учения в других общеобразовательных школах, имеющие призвание к пастырской деятельности¹⁰⁰.

Во главе общеобразовательной школы должны стоять директор и его помощник. Директор школы может быть избираем из лиц светского звания или белого духовенства, а его помощник должен быть светское лицо. Во главе специально-богословской школы должны стоять ректор и его помощник. Ректором специально-богословской школы должно быть лицо, облеченное в священный сан. Специально-богословская школа, сообразно со своим прямым назначением, должна находиться под непосредственным наблюдением местного епископа в ведении Учебного Комитета при Святейшем Синоде. Местный епископ может во всякое время входить в правление ее со своими предложениями по учебно-воспитательной части. Общеобразовательная школа состоит в непосредственном ведении Учебного Комитета при Святейшем Синоде, соответственным образом реформированного.

В обеих этих школах необходимо самое широкое приложение выборного начала при избрании начальников, помощников их, преподавателей и всех других лиц педагогического персонала, как то было по уставу духовных семинарий 1867 года. Материальное положение преподавателя должно быть настолько обеспечено, чтобы он мог иметь не более 18 уроков в неделю в своей школе и не был вынужден искать занятий в других учебных заведениях. Желателен нормальный оклад жалованья преподавателю в 1200 рублей в год за 12 уроков с периодическими прибавками к этому окладу через каждые пять лет. После разделения семинарии на две школы в специально-богословской школе возможно будет установить особый режим, необходимый для подготовки ее питомцев к пастырской деятельности, попытки приложения которого в семинариях, вследствие смещения специально-богословского образования с общим, часто не давали ничего, кроме отрицательных результатов, и иногда приводили воспитанников семинарий в озлобленное настроение против их непосредственных руководителей.

Так как в свободном государстве, каким стала Россия после манифеста 17 октября 1905 года, нет и не может быть места несвободной школе, поэтому обе школы – и общеобразовательная и специально-богословская – должны быть автономными. В обеих школах как определение, так и увольнение учеников и лиц, служащих в школе, должно принадлежать только самой школе.

В видах объединения деятельности всех членов корпорации и ознакомления с нею, каждый член корпорации должен обладать правом посещать уроки каждого из своих сочленов. Всякая другая посторонняя власть, будет ли то центральная, или епархиальная власть, или епархиальный съезд духовенства, или совещание родителей, могут только поставить вопрос об увольнении того или другого ученика или преподавателя, начальника или воспитателя, обстоятельно мотивировав свое предложение; самое же увольнение может состояться только по постановлению большинства членов педагогического совета специальной богословской школы, семинарии или просеминарии¹⁰¹.

Педагогические советы просеминарии, семинарии и богословской школы представляют отчет в своих действиях как по экономической, так и учебновоспитательной части собраниям родителей или съездам духовенства при участии родителей инословных учеников, причем эти собрания и съезды могут входить в педагогические советы со своими предложениями.

Относительно круга наук, которые необходимо преподавать в общеобразовательной восьмиклассной школе, нельзя не согласиться с заключением Учебного Комитета при Святейшем Синоде о необходимости исключения из этого круга библейской истории, как совершенно лишней, ввиду изучения священной истории в младших и Священного Писания в старших классах ее. Нельзя не согласиться с заключением того же Комитета о необходимости расширения преподавания математики, а именно: алгебры, геометрии с присоединением курса тригонометрии, космографии и с увеличением объема преподавания физики, а также с необходимостью введения в преподавание одного из новых языков в качестве обязательного предмета. Но этим не может ограничиться изменение программ общеобразовательной школы.

Кроме преподавания указанных предметов, необходимо ввести в круг изучаемых в ней наук естествоведение, отечествоведение в связи с изучением соседних с Россией государств, законоведение и гигиену. В качестве необязательного предмета желательно бы ввести преподавание политической экономии, хотя во внеклассное время, ввиду настоятельных запросов времени на сознательное понимание политико-экономических вопросов. Преподавание латинского языка необходимо подвергнуть еще большему сокращению, чем-то предположено Учебным Комитетом при Святейшем Синоде, а именно: вместо 22 уроков следует назначить 12 или 14 и начинать изучение этого языка не ранее 2-го или 3-го класса. Изучение греческого языка следует оставить в курсе общеобразовательной школы в качестве необязательного предмета. Обязательное изучение его нужно ввести в курс специально-богословской школы. Ввиду расширения круга наук в общеобразовательной школе необходимо увеличить число уроков в старших классах ее, начиная с 4-го, так, чтобы число уроков во все дни недели (кроме субботы) было не менее 5. Уроки при этом должны продолжаться, вместо часа, не более 40–50 минут. В курс специально-богословской школы, если окажется, то возможным, желательно включить преподавание сельского хозяйства. Отнеся в курс ее подробное изучение всеобщей и русской церковной истории, литургику и введение в богословие, нельзя не признать безусловным желательным соединением нравственного богословия догматическим в один нераздельный предмет. Преподавание всех предметов в специально-богословской школе могло бы быть лекционным, ввиду достаточной подготовленности к этому методу окончивших курс в общеобразовательной школе. Деление воспитанников на разряды – и во время прохождения курса и по окончании его – должно быть уничтожено, как не вызываемое никакой необходимостью. Преимущества, даваемые окончившим курс семинарии по первому разряду, необходимо распространить на всех окончивших курс в специально-богословской школе; окончившие курс в общеобразовательной школе должны быть уравнены в правах с окончившими курс гимназий. Экзамены необходимо оставить только в 8-м выпускном классе общеобразовательной школы, введя в курс 8-го класса историю, литературу и математику. Всем окончившим курс в специально-богословской школе необходимо предоставить право поступать в духовную академию без экзамена. Экзамены при поступлении в академию должны быть оставлены только для желающих поступить на полное казенное содержание и притом должны быть только письменные. В специально-богословской школе необходим только один выпускной экзамен при прежнем методе преподавания, и ежегодный – при лекционном методе. Учебный год и в общеобразовательной и в специально-богословской школе должен продолжаться с 16 августа по 20 мая.

Доступ в общеобразовательные школы необходимо открывать для всех желающих без всякого ограничения какими-либо процентными нормами для иносословных; обучение в них должно быть для всех одинаково бесплатное.

При выработке учебных программ по предметам преподавания в обеих школах не следует задаваться целью определить содержание курса по тому или другому предмету до малейших подробностей, связывая тем учителя и уничтожая всякую инициативу с его стороны. Чтобы и в этом самом главном деле школы избежать все мертвящего формализма, следует ограничиться указанием только основных пунктов по той или другой науке, предоставив определение подробностей самой школе, ее педагогическому персоналу. При оценке знаний учеников желательно бы было уничтожение балловых отметок. Их с полным успехом можно заменить общей оценкой удовлетворительности или неудовлетворительности занятий ученика. Относительно метода преподавания нужно установить, чтобы в трех младших классах ученик выходил из класса с полным знанием заданного к следующему дню урока. В следующих классах нужно постепенно приучать воспитанников к самостоятельной работе при приготовлении уроков, но всегда устное объяснение учителя должно предшествовать этой самостоятельной работе.

Относительно количества учеников в отдельных классах общеобразовательной школы необходимо установить, чтобы в первых четырех классах ее было не более 30, в 5-м и 6-м – 35, в 7-м и 8-м – не более 40.

Сообразно с духом времени и крупными общественными реформами последнего времени, необходимо переустроить и воспитательную часть в общеобразовательной и специально-богословской школах.

Воспитательная часть в семинариях, или инспекторский институт, давно уже требует самой коренной реформы. Семинарская инспекция исстари ставила своей целью следить не только за

внешней дисциплиной и распорядками, определяющими строй жизни ученика, но и за внутренним складом его убеждений, его общей настроенностью, благонадежностью с точки зрения главной задачи школы – приготовления к пастырскому служению. Понятно, при таких функциях своих инспекция не могла достигать какого-либо сближения с воспитанниками с целью воспитательного на них воздействия. Воспитанники изобретали всевозможные ухищрения, чтобы укрыться от бдительного инспекторского надзора и доходили до виртуозности во лжи и обмане, когда укрыться не удавалось. Со своей стороны, инспекция употребляла все усилия, чтобы накрыть преступников на месте преступления, и доходила даже до обнюхивания учеников с целью открыть запах спиртных напитков или курения табака. Развившееся на этой почве недоверие между учениками и инспекцией вынуждало инспекцию становиться почти всегда на чисто формальную точку зрения. Ученик опоздал на молитву или на урок: все, что ни говорит он в свое оправдание, с инспекторской точки зрения – ложь, и воспитанник подлежит наказанию. К такому безотрадному положению приводил инспекторский надзор – смешение полицейских инквизиторских целей с воспитательными. Чтобы окончательно уничтожить возможность такого полного крушения инспекции, какое она переживает в настоящее время, нужно оставить за инспекцией только воспитательные задачи без всякого следа какого-либо сыска, в корне уничтожающего в учениках всякое доверие к инспекции. Вместо инспектора следует назначать помощника ректора, а помощников инспектора заменить воспитателями. Задачей воспитателей необходимо поставить непосредственное воспитательное воздействие на учеников и руководство и помощь ученикам при приготовлении уроков и письменных работ, при выборе книг для чтения и др. Какие-либо наказания, штрафы не должны налагаться на учеников ими, чтобы не уничтожить доверия к ним со стороны последних. При такой постановке воспитательного дела в семинариях оно, несомненно, будет приводить к лучшим результатам, чем то было доселе. Воспитатель-друг будет иметь неизмеримо большее воспитательное влияние, чем воспитатель-сыщик и каратель. Так как в четырех младших классах необходим особо бдительный надзор за воспитанниками, находящимися еще в таком возрасте, когда возможно насилие над другими, драчливость, то для наблюдения за воспитанниками этих классов необходимо иметь особых надзирателей. Устройство интернатов желательно – и в общеобразовательной школе, и в специально-богословской – только в видах облегчения содержания сиротам и детям бедных родителей. В каждом интернате должна быть заранее определена высшая норма количества учеников, которая может быть допущена для проживания в нем без всякого нарушения гигиенических требований. Поступление в интернат ни в каком случае не должно быть обязательным или принудительным, и при помощи его не следует делать попыток обратить школу в закрытые учебные заведения.

В видах полного переустройства воспитательной части в общеобразовательной школе, кроме того, необходимо:

1. Так как школа должна иметь своей задачей развить в учащихся любознательность, навык к самостоятельной научной работе, то общеобразовательные духовные школы должны содействовать образованию среди воспитанников старших классов кружков самообразования.

2. Книги для ученической библиотеки выписываются по спискам их, составленным самими воспитанниками; хранение книг, проверка наличия их, библиотечные средства и т. д. должны быть в ведении педагогического совета при участии выборных от воспитанников.

3. Отменить вовсе балловые отметки по поведению; отменить также существовавший ранее порядок как официальных, так и конфиденциальных сообщений каким бы то ни было лицам и учреждениям об успехах и поведении учеников как не окончивших, так и окончивших курс. Такие сообщения могут быть делаемы только родителям и опекунам воспитанников.

4. Разрешить воспитанникам устраивать, с ведома начальства, собрания для обсуждения школьных вопросов в здании семинарии в не учебное время без присутствия сторонних лиц. Начальству семинарии должно быть сообщаемо о времени и предметах собрания¹⁰²

5. Избранным депутатам от воспитанников предоставить право являться в педагогические собрания, с разрешения председателя, и сообщать о своих нуждах и желаниях. Постановления собрания по поводу этих заявлений передаются воспитанникам начальником школы.

6. Увольнение воспитанников из духовных школ может состояться только после предварительного объяснения педагогическому собранию учеником или его родителями причин, побудивших ученика совершить тот или другой проступок.

7. Обратить серьезное и неослабное внимание на религиозно-нравственное, эстетическое и физическое воспитание учащихся. Для достижения этих целей необходимо: а) путем убеждения и нравственного воздействия и собственным примером воспитателей располагать учеников к отправлению религиозных обязанностей; б) дать возможность всем ученикам обучаться музыке, пению, танцам и др.; в) поощрять устройство воспитанниками вокальномузыкальных, литературных, драматических, танцевальных вечеров с правом приглашения гостей; г) не препятствовать устройству воспитанниками судов чести, выборов старост и т. п.; д) так как до сих пор гимнастика поставлена во всех средних школах очень неудовлетворительно за отсутствием главным образом особо устроенных для этой цели помещений со всеми необходимыми приспособлениями, то необходимо озаботиться устройством особого помещения со всеми приспособлениями для всех школ того или другого города. Говоря о способах проведения в жизнь предстоящей реформы семинарии и духовных мужских училищ, нельзя не признать безусловно необходимым, чтобы на этот раз была уничтожена всякая «канцелярская прикосновенность предначертаний», чтобы об этой реформе нельзя было сказать, как о предыдущих, что «где-то, кто-то и когда-то собирались, о чем-то и что-то поговорили и... явились новые правила, новые программы и чистенький устав». В настоящее время преподаватели семинарий должны иметь голос в этом столь близком их сердцу деле обновления духовной школы, и им нельзя не дать этого голоса, – их мнения и указания в этом деле являются едва ли не самыми ценными, так как они ближе всех стоят к школьному делу. Корпорация Тверской семинарии¹⁰³ еще в апреле месяце 1905 г. указала, как самый верный и лучший способ как выработки, так и проведения в жизнь давно назревшей реформы духовной школы, съезд свободно избранных корпорациями из своей среды делегатов. К этому мнению корпорации Тверской духовной семинарии присоединилось уже немало лиц духовно-учебного преподавательского персонала, а лучший академический орган до сих пор настаивает на этом пути, как самом верном. Если к делегатам из преподавателей добавить выборных от лиц духовного звания, при непременно условии, чтобы у выборных из духовенства были дети, учащиеся в семинариях или духовных училищах, то такой съезд объединит в себе всех заинтересованных в этом важном деле. Действительно, только такой съезд самым всесторонним и полным образом будет знаком с учебно-воспитательным делом в духовных заведениях, только такой съезд и может сделать на основании данных опыта необходимые указания относительно назревших вопросов по реформе их. Поэтому мы¹⁰⁴ еще раз настаиваем на необходимости передачи всех составленных и составляющихся проектов реформы духовной школы на обсуждение и заключение такого съезда. Вызов к обсуждению реформы «лучших» (?) представителей школы по указанию центрального ведомства является только паллиативной мерой и не может заменить собой преподавательского съезда, представляя собой лишь слабую тень истинного представительства в таком важном и неотложном деле.

Осуществление выработанной таким образом реформы должно начаться с переизбрания путем закрытой баллотировки начальников и помощников начальников всех духовно-учебных заведений на определенный срок, причем съезд должен избрать членов Учебного Комитета на определенный срок.

Съезд преподавателей и родителей необходимо собрать в возможно скором времени, чтобы духовная школа могла как можно скорее войти в свое нормальное положение. Только самая всесторонняя реформа духовной школы, основанная на решении близко стоящих к школьному делу лиц, может дать духовной школе то спокойствие, которого она так давно жаждет.

Примерное расписание учебных предметов, с указанием числа уроков по каждому из них

а) в общеобразовательной школе:

Название предметов	Классы								Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	
Священное Писание	–	–	–	–	4	3	3	4	14
Священная история	4	3	–	–	–	–	–	–	7
Катехизис с объяснением богослужения				4	3				7
Церковная история	–	–	–	–	–	–	2	2	4
Русский язык с церковно-славянским	8	6	4	4					22
Словесность и история литературы					6	6	2	3	17
География	–	3	3	3	–	–	–	–	9
Отечественное	–	–	–	–	–	3	2	–	5
Гражданская история	–	–	2	2	4	3	2	2	15
Логика	–	–	–	–	–	–	3	–	3
Психология	–	–	–	–	–	–	3	–	3
История философии	–	–	–	–	–	–	–	5	5
Арифметика	5	3	3	2	–	–	–	–	13
Алгебра	–	–	–	2	3	2	–	–	7
Геометрия и тригонометрия	–	–	–	–	2	3	2	2	9
Физика и космография	–	–	–	–	–	–	3	4	7
Естествоведение	–	3	2	2	2	–	–	–	9
Законоведение	–	–	–	–	–	3	2	2	7
Гигиена	–	–	–	2	2	–	–	–	4
Французский и немецкий языки	–	–	–	3	3	3	3	3	15
Латинский язык	–	2	2	2	2	2	2	2	14
Чистописание и рисование	4	2	3	–	–	–	–	–	9
Пение	4	3	2	1	1	1	–	–	12
Итого	25	25	25	26	29	29	29	29	217

б) в богословской школе:

Название предметов	Классы		итого
	1	2	
Священное Писание	4	4	8
Введение в богословие и догматическое богословие	6	5	И
Литургика, каноника и гомилетика	5	6	11
Церковная история общая и русская, с историей и обличением старообрядчества и сектантства	6	7	13
Методика	2	1	3
Греческий язык	3	3	6
Практические занятия в школе	2	2	4
Церковное пение	2	2	4
Итого	30	30	60

Предположения о некоторых изменениях в строе духовных училищ, выработанные педагогическим собранием правления Тверского духовного училища

1. Желательно преобразовать духовные училища приблизительно к типу общеобразовательных низших классов средней светской школы, с сохранением за ними подготовительного значения по отношению к семинарии.
2. Ограничение приема иносословных на свободном после приема детей духовенства вакансии 10% нормой и взимание платы за обучение иносословных в училищах, в случае содержания училищ на общегосударственные средства, отменяется.
3. Во избежание переполнения некоторых духовных училищ детьми инопархиального и иноокружного духовенства, существующие на этот предмет ограничительные меры остаются в силе и на будущее время.
4. Училища имеют 4 класса, с годичным курсом в каждом, и сохраняют отдельное существование, не сливаясь с семинариями в одно среднее общеобразовательное заведение, так как совместное обучение и жизнь учеников разных возрастов окажет в воспитательном отношении нежелательные результаты.
5. Училища находятся под ближайшим наблюдением епархиального архиерея, который, в случае нужды, для рассмотрения наиболее сложных и важных дел, учреждает при себе особый училищный комитет, в состав коего в том или другом числе входят избранные духовенством священнослужители епархиального города и избранные училищными корпорациями начальствующие и учащие губернского духовного училища.
6. Избрания на окружные училищные съезды («родительские собрания») удостоиваются предпочтительно священнослужители, обучающие в училище детей. На съездах на равных правах с духовенством присутствуют члены училищной корпорации.
7. Предметы занятий съездов расширяются обсуждением доставляемых правлениями сведений о состоянии училищ в учебном и воспитательном отношениях.
8. Для участия в педагогических собраниях правления училища, исключительно из родителей учеников избираются трое священнослужителей (двое из них состоят членами и распорядительных собраний), представляющие в своем лице как бы постоянный училищный «родительский комитет».
9. Духовные училища по учебно-воспитательным вопросам самостоятельны и ни в каком отношении не подчиняются семинариям.
10. Делопроизводство в училищах сокращается отменой составления и представления преосвященному на утверждение журналов по производству расходов в пределах сметных исчислений, ежемесячному освидетельствованию сумм и пищевых продуктов, рассмотрению успехов и поведения учеников, принятию учеников на церковно-коштное содержание, выдаче им денежных пособий, по заслушанию предписаний высшего начальства и проч. Журнальная форма делопроизводства в исчисленных и других подобных случаях заменяется простыми представлениями и ведомостями.
11. В вознаграждение за делопроизводство назначается не менее 150 руб. в год.
12. Непосредственное управление училищем по всем частям, под ближайшим наблюдением епархиального архиерея, принадлежит смотрителю училища. Смотритель назначается высшей церковной властью из лиц испытанной педагогической опытности, приобретенной продолжительной службой. В делах учебно-воспитательных ему содействуют все училищные преподаватели, как члены педагогических собраний правления, а в делах хозяйственных – распорядительные собрания, состав коих оставляется на прежних основаниях.
13. В училищах с общежитиями труды смотрителя по заведованию хозяйственной частью оплачиваются особым вознаграждением.
14. Помощник смотрителя также назначается высшей церковной властью. Разделяя труды смотрителя по всем частям училищного управления, он главной своей обязанностью поставляет попечение о нравственном и физическом воспитании обучающихся в училище. Круг его деятельности по прочим частям училищного управления определяется особыми указаниями устава.

15. Должности надзирателей, по рекомендации смотрителя и его помощника, кроме студентов семинарии, замещаются епархиальным преосвященным и окончившими семинарский курс по второму разряду. Трехлетний срок службы для надзирателей обязателен.

16. Учителя училищ из лиц с академическим образованием назначаются центральным управлением духовно-учебного ведомства.

17. В целях улучшения подготовки к учительству, при духовных академиях читаются методики преподаваемых в училищах предметов, и студенты выпускного курса некоторое время посвящают на посещение уроков преподавателей училища академического города.

18. Начальствующие в училищах, преподаватели и надзиратели в своих правах и преимуществах сравниваются с учителями общеобразовательной средней школы. Оклады содержания устанавливаются для них те же самые, какие существуют для соответствующих должностей по гражданской школе, с теми же затем прибавками за пятилетие службы и с той же пенсией, как в светской школе.

19. Приемные испытания в училищах производятся как перед началом учебного года, так и перед наступлением летних каникул.

20. В училищах преподаются предметы, исчисленные в журнале Учебного Комитета при Св. Синоде от 8 июня 1905 г., но с дополнением обязательного изучения каждым учеником в урочное время, под руководством опытных учителей или учительниц, по возможности – природных французов и немцев, одного из новых языков. Для преподавания языков отводится 6 уроков в неделю: в 1-м классе 2 урока, во 2-м – 2 (1 урок отнимается от чистописания) и в 3-м и 4-м – по 1 уроку; за преподавание новых языков из казенных сумм отпускается по 300 руб. в год.

21. Курсы учебных предметов в духовных училищах, программы и учебники, по возможности, соответствуют курсам тех же предметов, программам и учебникам общеобразовательной светской школы.

22. В частности же, ввиду недостатка времени, сокращаются составленные Учебным Комитетом новые программы древних языков, отменяются письменные домашние и классные работы по этим языкам и издаются новые учебники, вполне соответствующие программам. Из проектированной программы русского языка исключается отдел о периоде, изучение коего неблагоприятно отзывалось на качестве письменных работ учеников, на правильности, чистоте и ясности их речи. Программа же по церковному пению, ввиду того, что предлагаемая в ней теория пения слишком специальна для низшей школы, пересоставляется вновь.

23. К вакационному времени относятся и последние 4 дня сырной недели с первой неделей Великого поста, с предоставлением попечения о говениях учеников на этой последней неделе родителям.

24. Перевод учеников из класса в класс производится по годовым успехам. Перед рождественскими каникулами и окончанием учебного года признаются полезными репетиции. Ученики, не успевшие более, чем по двум предметам, оставляются на повторительный курс и до испытаний после каникул не допускаются. Экзамены остаются только для всех учеников выпускного класса.

25. Деление учеников на разряды подлежит уничтожению.

26. Выбор книг для ученической библиотеки расширяется книгами, одобренными Министерством народного просвещения для низших классов среднеучебных заведений. За заведование библиотекой полагается особое вознаграждение.

27. Воспитание в училищах направляется в духе церковности, и питомцы училищ готовятся к усвоению мысли и намерения продолжать образование в семинарии.

28. В училищах устанавливается система ответственного классного руководства преподавателями, в качестве классных наставников-воспитателей, с особым за это вознаграждением.

29. Устройство для учащихся литературно-музыкально-вокальных вечеров, всякого рода игр и экскурсий с образовательной и гигиенической целью, чтений, бесед и т. п. составляет предмет особой заботливости училищного начальства и преподавателей.

31. В общежитие без взноса платы за помещение и содержание принимаются не только сироты и дети бедных родителей духовного звания, но несколько вакансий предоставляется и сиротам светского происхождения, лучшим по своим успехам и поведению.

32. Замещение свободных в общежитиях вакансий пансионерами должно быть чуждо принудительного характера. Плата с пансионеров, без различия того, будут ли они детьми

священническими, диаконскими, псаломщическими или инословных родителей, взимается одинаковая и без всякого воспособления детям духовенства из церковных средств.

33. Учреждение должности эконома при училищах с общежитиями обязательно. Круг его деятельности сравнивается с обязанностями экономов в семинариях.

34. Одежду ученики носят однообразную.

35. Выбор квартир для учеников и наблюдение за их внешкольной жизнью и поведением относятся к обязанностям училищной инспекции.

Особое мнение священника Н Флерова

Член правления училища от духовенства, священник Н. Флеров, не может согласиться с предположениями, изложенными в пунктах 6, 8, 30 и 31, по следующим соображениям:

Предположения пунктов 6 и 8 чрезмерно ограничивают права духовенства в отношении свободного избрания из своей среды лица, долженствующего быть достойным представителем интересов духовенства и выразителем мнений и взглядов лиц своего округа. С расширением прав для инословных, проект изменений суживает и стесняет права духовенства, внося нежелательные ограничения в отношении участия духовенства в обсуждении и решении дел училища. Если все священнослужители одинаково участвуют в содержании училища, то нет оснований лишать их права обсуждать дела училища только потому, что у них нет детей, обучающихся в училище. Съезд духовенства известного округа училищного никоим образом нельзя смешивать и отождествлять с родительским собранием; между ними большая разница. Съезд духовенства для решения дел училища безусловно необходим, а родительское собрание только может быть допустимо и желательно. Кроме того, обидно, если священнослужитель, часто не обладающий достаточным авторитетом и компетентностью в делах училища, только потому и преимуществует перед своими собраниями в получении должности члена съезда или правления, что имеет детей, обучающихся в училище. Это – не свободный выбор, а назначение. При этом бывают такие округа, в которых вовсе нет священников, имеющих детей в училище. Это – с формальной стороны. А по существу такой проект может иметь вредные последствия для духовенства. По-видимому, родители лучше должны знать состояние училища и учащихся; но это знание часто бывает одностороннее и даже неправильное, а потому и вредное, в смысле совместного достижения лучшего положения училища. Есть серьезное основание опасаться, что родители учеников, состоя в должности членов съезда или правления, будут находиться в стесненном положении при выражении и проведении взглядов – в том соображении, что все их действия и отношения к училищу могут неблагоприятно отражаться на их детях. Если эти члены-родители будут являться как дополнение к существующим по выбору духовенства членам правления съезда, то дополнение в таком смысле желательно.

Предоставление свободных вакансий в общежитии детям светского происхождения (п. 30) возможно только при условии общегосударственных средств (п. 2).

Записка корпорации преподавателей Новоторжского духовного училища

Духовные школы в России исторически возникли с целью доставления духовенству возможности готовить своих детей к священническому служению. При сословности всех интересов приходского духовенства, при его кастовой обособленности (особенно в 18 и первой половине 19 века), и духовная школа также носила замкнутый, кастовый характер. Ее целью было подготовка пастырей Церкви или – точнее – приготовление кандидатов на приходские должности и при этом непременно из среды самого духовенства. Право на священство мыслилось, как неотъемлемая принадлежность детей духовного знания. А духовная школа мыслилась, как путь к священству. Эти же принципы сословности и специализации положены в основу духовноучилищных уставов как 1867 года, так и особенно 1884 года. § 1 семинарского устава выражается, что «духовные семинарии суть учебно-воспитательные заведения для приготовления юношества к служению в православной Церкви». А § 1 училищного устава (1884 года) гласит: «Духовные училища суть учебно-воспитательные заведения для первоначального образования и приготовления детей для служения в православной Церкви». Итак, по уставам 1867–1884 годов задача духовной школы – не в том, чтобы дать образование вообще, а в том, чтобы «подготовить» учащихся юношей к определенному роду общественного служения. В частности, какое именно имеют назначение семинарии, ясно говорит § 119 семинарского устава: «Цель семинарского обучения – образовывать просвященных священнослужителей». При этом, хотя неопределенные выражения семинарского и училищного устава 1884 года: «для образования юношества», для «для приготовления детей» – по-видимому указывают на бессословный характер духовной школы, но уже § 8 устава духовных училищ, устанавливающий бесплатное обучение детей духовенства и вместе узаконяющий плату за обучение с иносословных, дает понять, что духовная школа сословна. А установление 10% нормы для иносословных окончательно закрепило за духовной школой характер сословности.

Предоставляя духовенству возможность при незначительных затратах давать образование их детям, духовная школа всегда имела полный комплект учащихся. Духовенство преимущественно стремилось отдавать своих детей в духовную школу и не только потому, что оно желало видеть своих детей непременно священниками, но еще более потому, что духовная школа доступнее гимназии и реальных училищ: в ней меньше конкуренции и дешевле содержание. Однако соединение в духовной школе сословности с резко выраженной специализацией ее повело ко многим ненормальным явлениям, потребовавшим полного и коренного переустройства всего духовно-учебного строя. Нет нужды касаться всех этих ненормальностей (так как о них много уже писали, да и теперь еще продолжают писать в периодической печати). Но тот несомненный факт, что кончающие семинарию студентами (т. е. по 1-му разряду) предпочитают уходить в университеты и только второразрядники идут на службу в Духовное Ведомство, показывает с очевидностью непригодность сословного начала в деле приготовления «просвященных пастырей». Так как семинаристы, попавшие в духовную школу не по собственному побуждению, а в силу внешних обстоятельств, рвутся вон из Духовного Ведомства, а детям иносословных родителей затруднен доступ в духовные школы, то Духовное Ведомство стоит накануне такого момента, когда оно может остаться и вовсе без «образованных» священников или с незначительным числом их. Предотвратить это можно только уничтожением сословного характера духовной школы. Духовно-учебные заведения должны быть доступны в равной мере как детям духовенства, так и детям иносословных родителей, 10% норма для иносословных, как явно несправедливая, должна быть отменена. Что же касается наплыва недуховных и возможного недостатка свободных мест в училищах, то для избежания последнего можно употребить весьма простое и удобное средство: упразднение общежитий сразу же дало бы возможность удвоить комплект учеников во всех классах. И такая мера, открывая широкий доступ недуховному элементу раскрепостила бы сословную духовную школу и приблизила бы ее к православному русскому народу, что сейчас особенно ценно.

Но если духовная школа должна быть бессословною, то должно ли придать ей характер школы, специально и только приготовляющей «просвященных священников», как выражается семинарский устав (§ 119), или же она должна быть вместе и школою общеобразовательною?

Что касается низшей школы – духовных училищ, то они и теперь являются школами преимущественно общеобразовательными, только классического, а не реального типа. Этот же

общеобразовательный характер за ними конечно, должен сохраниться и после преобразования, лишь с ограничением классического элемента. По отношению же к духовным семинариям, вопрос об их специализации может быть разрешен двояко. Во-первых, можно все классы семинарии заполнить богословскими предметами, сокращая общеобразовательный элемент на счет специального; или, во-вторых, наоборот, отделить общеобразовательные классы от богословских, каковой порядок, между прочим, был узаконен уставом 1867 года. Корпорация Новоторжского духовного училища склоняется к последнему решению, полагая справедливым первые классы семинарии общеобразовательными, а два последние – богословскими.

В самом деле: твердое, сознательное и искреннее призвание к священству может укрепиться только у человека, вполне сложившегося и умственно и нравственно. В период душевного кризиса, какой обычно переживает учащееся юношество в возрасте 18–22 лет, нельзя от человека требовать такого спокойствия и обдуманности, какие должны быть у всякого желающего принять сан священства. У многих юношей в это время просыпается жгучая жажда учения, почему семинаристы, несмотря на многие затруднения, массами идут в доступные для них университеты, – и не семинария, а уже университет определяет их жизненную дорогу. Было бы жестоко лишать учащееся юношество возможности продолжать свое образование в высших учебных заведениях. Расширение же богословского элемента в низших классах семинарии и – соответственно этому – сокращение общеобразовательных элементов для лиц, которые, может быть, уйдут на другую дорогу, имеет свои невыгодные стороны. Специальные познания в богословских предметах (например ветхозаветной исагогике), приобретенные учащимися в духовной школе, вне ее оказываются непригодными знаниями и не могут быть утилизированы. Поэтому обучение в низших классах семинарии богословским наукам есть непроизводительная трата времени и сил как со стороны ученика, так и со стороны учителей. Гораздо целесообразнее израсходовать это время на общеобразовательные предметы. Помимо экономии ученических сил, этот порядок даст возможность будущим пастырям быть вполне «просвещенными священниками», так как они пройдут через всю общеобразовательную школу. А при современном состоянии общества и в ближайшем будущем всесторонне образованные пастыри будут особенно нужны.

Если же духовная школа должна быть бессословной во всех классах, в восьми первых классах – общеобразовательной и только в последних классах – богословской, то есть ли основания для выделения из состава общеобразовательной школы, представляемой в настоящее время гимназиями и реальными училищами, особой духовной школы? Нужно ли сохранить духовную школу во всем ее объеме, или достаточно ограничиться только последними богословскими классами, предоставить духовенству давать общее образование своим детям в министерских средних школах? Ответ может быть один. Закрытие духовных училищ и общеобразовательных классов в семинариях создаст громадные затруднения для духовенства, так как вызовет еще большую конкуренцию при поступлении в министерские средние школы, и теперь уже переполненные. Это особенно чувствительно скажется на положении детей низших членов причта. При недостатке мест в гимназиях и реальных училищах для всех желающих, весьма ощутимом и в настоящее время, уничтожение 250 учебных заведений Духовного Ведомства – потеря для православного общества и, в частности, православного духовенства невознаградимая. В особенно плачевном положении окажутся сироты духовного звания, для коих теперь духовные училища и семинарии суть наиболее доступных учебных заведений. Есть и еще сторона, заслуживающая особенного внимания. Современная министерская общеобразовательная школа, выдвинув реальное направление вместо классического, при изменившемся политическом строе станет «свободной» школой, т. е. такой школой, где религиозному элементу или религиозному воспитанию будет уделено весьма незначительное место. Может быть, Закон Божий и останется предметом обязательным, но его значение сведется на нет. А при подобных условиях трудно будет ждать, чтобы светская «свободная» школа смогла сберечь тот запас религиозности, какой принесут учащиеся из семьи. Восполнить этот недостаток светской школы может только духовная школа и в том только случае, когда она, сохраняя в полной мере гуманитарные и реальные науки, поставит своей основной задачей – не заглушить, а, напротив, как можно сильнее укрепить религиозное чувство в учащихся, преданность православной Церкви и добрые христианские навыки. Таким образом, духовная школа, будучи общеобразовательной школой по изучаемым предметам, будет отличаться от светской лишь своими воспитательными задачами. Светская школа стремится к тому, чтобы дать учащимся

гуманитарное воспитание, культивируя идеи человеческой личности, как самоценного блага, и человеческого достоинства, как естественного критерия, определяющего человеческое поведение. Духовная школа должна дать религиозное воспитание не только как сумму религиозных идей, но и как положительную религиозную настроенность, при которой идея самоотверженного служения Богу и ближнему поглотила бы всякие узко-уличные мотивы и послужила бы исходной точкой всей дальнейшей деятельности воспитываемого лица по выходе его из духовной школы. Если светская школа желает воспитать человека – как человека и гражданина, то духовная школа должна воспитать не только человека и гражданина, но еще более и – прежде всего – православного христианина, который в своей жизни стремился бы осуществить нравственные идеалы, лежащие выше человеческого горизонта и возведенные Самим Богом. Такое резкое различие воспитательных задач духовной школы от воспитательных идеалов школы светской придает всему педагогическому делу духовной школы особую окраску, а самим духовноучебным заведениям – особое положение. Духовная школа, давая образование – подобно светской школе – гуманитарно-реальное, воспитание будет давать в духе христианства и в строгом соответствии с догмой и моралью православия. Эти особые воспитательные задачи – главное основание для сохранения духовной школы, хотя и общеобразовательной в восьми классах. В этом – оправдание ее существования рядом и параллельно с реальными училищами и гимназиями, это – ее *raison d'être*.

Для выполнения своей задачи – дать на общеобразовательной основе воспитание учащимся в духе православно-церковном, духовная школа должна быть реорганизована во многих существенных частях. Она должна быть, как уже не раз замечалось, общеобразовательной. До сей поры в духовной школе общеобразовательный элемент представлен или слабо, или односторонне. Главное место уступлено классическим языкам (32 урока в духовном училище и 28 в семинарии); меньше всего уделено места наукам реальным (естествознания нет вовсе, география – 6 уроков, физика – 3 урока). Но увлечение классицизмом уже прошло, и теперь нет основания уделять ему такое огромное число учебных часов, хотя, с другой стороны, нельзя и вовсе оставить духовную школу без классических языков, особенно без греческого. Изучение Св. Писания и богословских дисциплин без греческого языка в православном исповедании едва ли мыслимо; все наши особенности православия находятся в греческом первообразе и греческом толковании. Все важнейшие богословские термины выработаны греческой мыслью, и для отчетливого понимания их знание греческого языка необходимо. Но, включая классические языки в круг предметов, изучаемых в духовной школе, нельзя забывать, что они здесь имеют не самостоятельное, а служебное значение. А потому и число часов, какое может быть уделено на них, должно быть ограничено. Равным образом, и грамматический способ преподавания, господствующий в настоящее время, должен быть заменен другим, при котором бы главное внимание обращалось на умение бегло переводить с классических языков на русский.

Духовная школа (исключая высшую – духовные академии) в настоящее время разделяется на духовные семинарии и духовные училища. Первые имеют шестилетний курс, а последние – четырехлетний. Духовные училища суть низшие учебные заведения, откуда кончившие могут поступать в духовные семинарии. Такое разделение духовной школы на среднюю и низшую имеет свои удобства и должно быть сохранено. Только деление 10-летнего курса на две части, причем на долю духовных училищ приходится 4 года, а на долю семинарии – 6 лет, должно быть изменено. Один класс из семинарии непременно должен быть перенесен в училище. Тогда духовные училища, как и духовные семинарии, будут иметь одинаково 5-летний курс. Такое перенесение вызывается соображениями как педагогического, так и экономического характера. Оно избавит теперешние семинарии от переполнения, избавит духовенство от изыскания средств на параллельные отделения, а главное – даст более естественную группировку учащихся, так как теперешние семинаристы 1-го класса по возрасту и душевному складу более подходят к ученикам училища, чем к семинаристам старших возрастов. С другой стороны, увеличение училищного курса лишним годом придаст ему более серьезное значение. Если теперь духовные училища являются школою более и менее законченной и резко обособленной по своим программам от семинарий, то при 5-летнем курсе духовные училища потеряют свою обособленность и вместе с тем получат характер школы подготовительной по отношению к семинарии, – школы, непосредственно к ней примыкающей по своим задачам и учебным программам. Нельзя представлять себе духовные училища таким учебным заведением, которое дает кончившим некоторое элементарное образование и права по службе и, следовательно, как

бы делает не для всех кончивших обязательным поступление в семинарию. Такой взгляд должен быть бесповоротно оставлен. Средняя общеобразовательная школа, т. е. 5 классов училища и 3 класса семинарии, должна представлять собой единое целое. Каждый учащийся должен стремиться окончить все 8 классов. Только окончание 3-го класса семинарии (который равняется 8-му классу гимназии) должно давать права и какие-нибудь преимущества служебного характера. Кончающий же только духовное училище переводится в семинарию подобно тому, как оканчивающий 5-й класс гимназии переводится в 6-й класс ее. Перенесение одного класса из семинарии в духовное училище может быть совершено без всякой ломки и затруднений в педагогическом, учебном или материальном отношении; следовательно, и с этой стороны оно не может быть подвергнуто серьезным возражениям. Положительные стороны этого перенесения слишком очевидны, чтобы о них нужно было еще распространяться.

Пятиклассные училища и пятиклассные семинарии, преследуя одинаковые воспитательные цели, однако должны представлять собой учебные заведения с характером самостоятельности в отношениях учебном и воспитательном. Подчинение всех духовных училищ одной епархии духовной семинарии, проведенное в духовно-училищных уставах 1884 года, предоставление семинарскому правлению некоторых весьма важных прав по отношению к духовным училищам, например, право рассматривать отчеты смотрителей по учебно-воспитательной части, избирать из своей среды ревизоров для училищ (хотя последнее и по предложению архиерея) и т. п., – весь этот порядок представляет собою продукты того странного, чтобы не сказать более, недоверия по отношению к училищным преподавателям, которое проникает уставы 1884 года и которое не имеет под собой решительно никаких ни логических, ни практических оснований. Педагогическое дело, требующее инициативы, простора и свободы, может быть продуктивно лишь в том случае, когда оно основано на доверии к обучающим. Преподаватель, стесненный мелочными формальностями, окруженный всеобщим недоверием, легко превращается в ремесленника и педанта. А это грозит смертью педагогическому делу; оно калечит учителей, а еще более – учащихся, которые приносятся в жертву школьному формализму.

Если и вообще нежелательно влияние правления семинарии на нормальное течение училищной жизни, то назначение преподавателей семинарии ревизорами есть мера безусловно вредная. Предоставление обширных полномочий – своего рода педагогической диктатуры – лицу, которое всю свою жизнь состояло, может быть, учителем семинарии и незнакомо с бытом и требованиями учеников младшего возраста и которое тем не менее, в силу своих особых, хотя и случайных, полномочий, имеет право все критиковать, предъявлять свои требования и которое, наконец, косвенным образом может влиять даже на увольнение некоторых лиц училищного персонала, – такое суммирование власти – при этом совершенно бесконтрольной – у одного лица по отношению к целому учреждению никакими благими целями не может быть оправдываемо. Педагогический строй должен покоиться на равноправности всех учащихся; школа не должна быть ареною карьеризма и чиновничества. В ней не должно иметь места предоставление одному лицу власти над другим лицом, а тем более – над совокупностью лиц или целым учреждением. Педагогическое дело должно вестись коллегиально, а не единолично, местными силами данного учебного заведения, а не посторонними элементами. Духовное училище должно отвечать пред обществом и духовенством за состояние учебно-воспитательного дела, но оно должно вести его свободно, без вмешательства духовных семинарий. Ни поощрений, ни порицаний, а тем более ревизий, правление семинарии не должно посылать в духовные училища. Этим, конечно, не отнимается у семинарии возможность делать какие-либо представления учебно-воспитательного характера педагогическим советам училищ; только эти представления не имеют силы обязательного закона и подлежат рассмотрению в педагогическом совете училища, который может их принять или отвергнуть. Таким образом, и польза учебного дела и достоинство учащихся лиц одинаково требуют уничтожения того подчиненного положения, в каком находятся духовные училища по отношению к духовным семинариям.

Другим внешним агентом, влияющим на духовно-учебное дело уже не только в духовных училищах, но равным образом и в духовных семинариях, является епархиальный архиерей. По уставу 1884 года ему принадлежит широкая распорядительная власть по всем важнейшим сторонам учебно-воспитательного дела как в семинариях, так и в училищах. Так, он представляет в Св. Синод кандидатов на места ректора и инспектора семинарии, смотрителя училища и его помощника. Он имеет наблюдение за направлением преподавания, воспитанием учащихся и вообще за исполнением духовно-учебных уставов; он имеет право удалять от

должности любого учителя, предлагать духовно-учебным заведениям к исполнению свои письменные предложения; он же, наконец, утверждает все журналы семинарского и училищного правлений как по учебно-воспитательной, так и экономической части. Соединение в одном лице высших распорядительных прав и – вместе – высшего надзора по отношению к духовно-учебным заведениям поставляет последние в сильную зависимость от местного епархиального епископа, в его почти бесконтрольное распоряжение. Здесь мы встречаем новое выражение глубокого недоверия к учащим в средней школе, еще лишнее стеснение свободы обучения, причем в руках одного лица сосредоточивается широкая бесконтрольная власть. Здесь по усмотрению одного человека, имеющего притом же массу других дел, бесконтрольно вверяется громадное педагогическое дело, которое, между тем, постоянно движется вперед и вперед, выдвигая новые и новые запросы, и силами одного лица не может быть разрешено. Этот не педагогический порядок должен быть изменен. Функции надзора предоставляются епархиальному епископу, но распорядительная власть должна целиком сосредоточиваться в самих учебных заведениях. Педагогическое дело – не машина, которую нужно направлять извне посторонними толчками. Духовные семинарии и духовные училища должны сами в себе носить весь запас энергии инициативы, потребной в воспитательном деле. Контролировать их деятельность должна не единоличная власть, хотя бы и архиерея или ревизора, а та общественная среда, которая вверяет им воспитание своих детей. Нужно открыто признать ту часто забываемую истину, что школа существует для детей, а не дети для школы, и что в надлежащем воспитании детей ближе всего заинтересованы сами родители, а не посторонние лица. Нельзя жертвовать целым поколением учащегося юношества в угоду единоличных распоряжений начальства; нельзя живое и разнообразное дело подчинять бюрократическому усмотрению; нельзя, наконец, школу, а тем более – духовную, делать орудием проведения каких-либо односторонних тенденций. А потому должно предоставить духовным семинариям и духовным училищам свободу по всем частям учебновоспитательного дела, подчинив их общественному контролю духовенства и родителей учеников. Этот контроль, с одной стороны, устранил вредное влияние на духовную школу единоличного усмотрения, а с другой – он сблизит духовную школу с православным обществом. Духовные школы уже будут не столько школами Духовного Ведомства, сколько школами самого православного общества, будут считаться с его потребностями и запросами и отвечать нужде в общеобразовательной школе православно-церковного типа. Ближайшая связь духовенства и духовной школы выразится во многих частностях, касающихся самой организации духовно-учебных заведений.

В основу всей организации духовной школы, по мнению корпорации Новоторжского духовного училища, должны быть положены: 1) принцип коллегиальности управления, при условии полной равноправности всех учащихся, и 2) выборное начало.

Принцип избрания должен применяться ко всем лицам, служащим в духовной школе, начиная с ректора, смотрителя и начальницы женского епархиального училища, и кончая учителями. Что же касается организации этих выборов, то корпорация Новоторжского духовного училища пришла к тому выводу, что ректоры семинарий и смотрители училищ должны выбираться духовенством совместно с корпорацией, а прочие члены педагогического персонала (инспектор семинарии, помощник смотрителя и преподаватели) должны избираться самими корпорациями – семинарской или училищной.

Если духовная школа должна быть близка православному обществу и – в частности – православному духовенству, то нельзя в таком акте, как избрание ректора или смотрителя, игнорировать интересы и желания духовенства. Только при предположении полного индифферентизма к делам духовной школы и глубокого безразличия к ее строю и порядкам со стороны духовенства, можно узаконить систему назначения, а не выборов главных начальников духовной школы. Назначение на более видные должности, особенно соединенные с преимуществами служебного характера, не должно иметь места в школе, а тем более духовной. Повсюду искание служебных преимуществ и власти развивает дух карьеризма, а вместе с этим подбострастия и пронырства. Внесение в школу таких посторонних элементов вызывает разлад в воспитательном деле, создает начальников и подчиненных там, где должны быть все равны, усиливает формализм, убивает инициативу. Человек, получивший место ректора или смотрителя по назначению, может из личных выгод тормозить все благие начинания его подчиненных, может игнорировать потребности учащихся и, с мелочною тщательностью следя за исполнением

циркуляров и распоряжений начальства, может совершенно обезличить и обесцветить школу и свести на нет ее образовательное значение.

Вот почему следует отдать решительное предпочтение выборному началу, которое должно быть проведено последовательно через всю духовную школу. Но при этом, если духовная школа должна подлежать общественному контролю духовенства, то, для установления теснейшей связи между духовной школой и обществом, нужно предоставить избрание ректора семинарии, начальницы и смотрителей училищ – соединенному собранию корпораций и духовенства. Избрание данного лица коллективно и при этом обеими сторонами, заинтересованными в учебном деле (и преподавателями и духовенством), будет служить гарантией наилучшего выбора, внесет единодушие в деятельность корпорации и гармонию в отношения школы и духовенства.

Что же касается избрания инспектора семинарии и помощника смотрителя училища, то, ввиду их второстепенного значения, избрание на эти должности должно предоставить самим корпорациям.

С понятием о выборах всегда соединяется представление об их срочности. Срочность выборов имеет свои хорошие стороны. Там, где общественная работа совершается выборными людьми, последние всегда выбираются на срок. И это вполне понятно. Избранные, пользуясь доверием со стороны избирателей, должны, однако, доказать на деле свою пригодность к исполнению возложенных на них обязанностей. И если бы оказалось, что они (избранные) тем не менее не удовлетворяют ожиданиям и не оправдывают надежд, то такая ошибка при срочности выборов была бы поправима: на следующий срок такие лица не были бы избраны. Таким образом, выбранные на срок работают под общественным надзором и контролем. С окончанием срока их деятельность подвергается общественной оценке: если результаты этой оценки благоприятны, то выборное лицо сохраняет свой пост, если не благоприятны, то оно уступает свое место другим. Эти общие рассуждения о выгодах и преимуществах срочных выборов вполне применимы и к выборам на должности ректора семинарии и смотрителя училища. И здесь выбранные будут работать, так сказать, на виду у общества, будут подлежать в своей деятельности общественной оценке духовенства и родителей. Срочные выборы дадут возможность привлекать на эти места свежих лиц, выделившихся теми или иными, необходимыми для школы, талантами. Срочность выборов будет поддерживать связь между школой и духовенством, так как, избрав то или иное лицо на указанные должности, духовенство должно будет так или иначе следить за деятельностью избранного и производить ей оценку перед новыми выборами. Этот общественный контроль, лишая духовную школу замкнутости и обособленности, придаст ей общественный характер, чего она в настоящее время не имеет.

При обсуждении вопроса о срочности выборов большинство (4 члена) членов корпорации Новоторжского духовного училища высказалось за срочное избрание и именно на 5 лет – в соответствие 5-летнему курсу проектируемой духовной школы, а меньшинство (3 члена) – за выборы бессрочные.

Принцип избрания должен быть проводим не только по отношению к указанным должностям, но и по отношению ко всем учителям духовной школы: сами корпорации должны выбирать преподавателей на освободившиеся места. И этот порядок имеет под собой веские основания. В воспитательном деле не могут и не должны иметь место рознь и разногласие. Если где, так именно здесь сила – в единодушии. Только при солидарности и взаимной поддержке всех членов корпорации, только при дружной работе всех в одном направлении, школа в состоянии не только сообщить те или иные знания, но и дать воспитание. Воспитание предполагает единство: единство действий, единство цели, единство средств. Там, где каждый педагог будет вести свою линию, не считаясь с мнением других и игнорируя общие интересы, там педагогическое дело будет разрушено в самом корне. Для избежания разногласий и сохранения единодушия в деятельности педагогических советов надо признать за семинарской и училищной корпорацией право самопополнения. Пусть корпорация сама привлекает в свою среду тех лиц, которых она считает необходимыми или полезными в духовной школе. Если же какое-либо лицо только начинает педагогическую службу, то, для выяснения его учительских талантов, педагогическим советам семинарий и училищ вменяется в обязанность требовать, чтобы ищущий учительской должности дал два пробных урока в присутствии представителей корпорации. Избранный после этих уроков в преподавательскую должность становится полноправным учителем и, при переходе из одного учебного заведения в другое в пределах Духовного Ведомства или с одного

предмета на другой (конечно, если преподавать этот предмет он по своему образованию правоспособен), уже не подвергается новым испытаниям посредством пробных уроков. Только по прошествии 25 лет службы на педагогическом поприще каждый член педагогического персонала подлежит переизбранию на следующее пятилетие, и такое переизбрание должно повторяться и дальше через каждые 5 лет службы. Эта мера будет способствовать обновлению корпорации свежими силами, так как все педагоги, не отвечающие новым потребностям школы, устаревшие или обленевшиеся, должны будут покинуть школу. С другой стороны, заслуженным преподавателям, оставленным корпорацией на следующее пятилетие, справедливо было бы за выслугу лет предоставлять добавочное вознаграждение в размере 20% получаемого ими содержания.

Ректором, инспектором, смотрителем, его помощником и преподавателями исчерпывается педагогический персонал духовной школы. Существующие в настоящее время должности помощников инспектора в семинариях и надзирателей в семинариях и училищах должны быть упразднены. Эти должности имеют значение только при существовании общежитий; но так как общежития должны подлежать закрытию, то и сохранение указанных должностей не имеет под собой никаких оснований. Воспитательное дело не должно быть отделяемо от учительского; каждый преподаватель должен быть и воспитателем. В этих целях вводится обязательное для учителей классное наставничество за особое вознаграждение. Классные наставники полагаются для всех классов училища и двух первых классов семинарий. Ученики же последнего общеобразовательного класса семинарий и обоих богословских классов должны быть освобождены от надзора классных наставников.

Что касается подготовки к преподавательскому делу, то и здесь желательно проведение некоторых весьма важных мер. В настоящее время главный контингент учителей составляется из кандидатов богословия. Но, подготавливая ученых богословов, духовные академии совершенно не готовят педагогов. Почти все кончающие академию в ее теперешнем виде, при поступлении на учительские места оказываются весьма неподготовленными не только к практическому ведению учебного дела, но даже и в теоретическом отношении. Многим приходится быть преподавателями таких предметов, каких в академии не преподают. Все это тормозит учебное дело, заставляя преподавателя изыскивать свои методы преподавания, иногда неудачные и даже сданные в архив, ощупью идти там, где путь совершенно расчищен. Для предотвращения этих явлений желательно, чтобы академии давали не только высшее богословское, но и педагогическое образование своим питомцам, из которых большинство попадают в учителя духовной школы. В этих видах желательно, чтобы при академиях были учреждены педагогические курсы, которые давали бы теоретическую подготовку будущим педагогам и на которых бы читались методики предметов, преподаваемых в духовной школе. Но одной теоретической подготовки еще недостаточно. Нужно, чтобы будущие учителя ближе познакомились с духовной школой, присмотрелись к живому учебному делу и попробовали свои силы на педагогическом поприще. Для этого желательно, чтобы оканчивающие духовную академию для приготовления к учительству были причисляемы к духовно-учебным заведениям в качестве учительских кандидатов. Такие кандидаты могли бы занимать свободные уроки преподавателей, отсутствующих по болезни или иным причинам. При обилии отделений, особенно в многолюдных семинариях, учительские кандидаты могли бы исполнять обязанности классных наставников за соответствующее вознаграждение. Получив таким путем педагогическую подготовку, теоретическую – в академиях, а практическую – при том или ином учебном заведении, такие учительские кандидаты, при достижении ими учительского места, в состоянии были бы сразу же стать на твердую почву и повести свое дело как следует, без колебаний и ненужных экспериментов. Для каждого понятно, что от этого педагогическое дело только бы выиграло.

Проводя выборное начало через всю среднюю и низшую школу, корпорация Новоторжского духовного училища полагает, что одного этого еще недостаточно для того, чтобы придать духовной школе надлежащий вид. В основу школьного строя, рядом с выборным началом, должен быть поставлен принцип коллегиальности на почве полного служебного равенства всех членов корпорации. Должности ректора и смотрителя не должны носить характер начальнических должностей. Все служащие в духовной школе, кроме ректора семинарии, должны быть уравнены в правах: все они должны состоять в одном классе должности и иметь по выслуге лет право на одинаковую пенсию. Даже материальное положение их должно быть более или менее уравнено.

Только при условии такой равноправности, устраняющей всякие поводы и даже возможность развития карьеризма, отношения между членами корпорации будут носить характер равенства, которое не везде имеет место в теперешней духовной школе, подчиняющей всех учителей одному начальнику – ректору и смотрителю. В теперешней духовной школе это неравенство часто ведет к борьбе между преподавателями и начальствующим лицом, и такая борьба еще более расшатывает духовно-учебное дело. Принцип коллегиальности в духовной школе выражается в том, что заведование всеми сторонами учебно-воспитательного дела в семинариях и училищах вверяется не отдельному лицу, а всему наличному составу учителей. Все учителя данного учебного заведения образуют из своей совокупности педагогический совет. В семинарии педагогический совет собирается под председательством ректора, а в духовных училищах – под председательством смотрителя. Ведению этого педагогического совета будут подлежать все вопросы, касающиеся учебной и воспитательной стороны, как-то: дела о приеме учеников, о переводе их из класса в класс, их успехах и поведении, об их увольнении, изыскание и обсуждение воспитательных мер, как общего характера, так и применения к особым случаям, обсуждение методов преподавания, рассмотрение годичных отчетов преподавателей по отдельным предметам и ректора и смотрителя – по всему учебно-воспитательному делу и т. д. Словом, всякая мера общего характера – учебная ли то, или воспитательная – должна проходить через педагогический совет и с его согласия приводиться в исполнение. Таким образом, центр тяжести в школьном управлении должен быть перенесен с ректора, начальницы и смотрителя на педагогический совет. Ректор же и смотритель будут иметь, так сказать, исполнительную власть; они же будут вести канцелярию, подготавливать материалы для педагогического совета, назначать дни его заседания, быть представителями духовно-учебного заведения там, где это потребуется, но начальнических прав по отношению к другим сочленам будут лишены.

Расширяя значение педагогического совета в училищном строе, корпорация Новоторжского духовного училища вместе с сим полагает безусловно необходимым участие в этом совете родителей учеников. При детальном обсуждении этого пункта выяснилось, что наиболее удобный способ введения в школу родительского элемента состоит в том, что всякий раз в начале учебного года общее собрание родителей избирает из своей среды представителей в педагогические советы. Для большинства духовных училищ и семинарий достаточно двух представителей. В многолюдных же училищах и семинариях число представителей от родителей учащихся должно быть пропорционально увеличено (например, по одному представителю на 4 члена корпорации). Будучи представителями от родителей, эти депутаты должны иметь в педагогическом совете право решающего голоса наравне с другими членами его. Но теперь по действующему училищному уставу, в семинариях и духовных училищах имеются депутаты духовенства. Но они избираются окружными или общепархиальными съездами духовенства в числе только двух человек и большей частью из тех лиц, дети которых в духовной школе не обучаются. Этот порядок должен быть видоизменен в указанном выше смысле. Нельзя оспаривать того несомненного факта, что родители всегда глубоко заинтересованы в воспитании своих детей. Всякий родитель, вдумчиво относящийся к своим родительским обязанностям, понимает, что воспитание своего сына в школьном возрасте не может быть предоставлено школе бесконтрольно. Школа, властвующая над учениками без контроля родителей, может пойти по ложному пути. Она может сделаться слишком формальной, может безучастно относиться к судьбе учеников. А что это бывает сплошь и рядом, – показывают массовые увольнения учащихся из духовных семинарий. Педагоги, не справившиеся со своей задачей – воспитать юношество, прибегают к усиленной фильтрации учащихся, игнорируя то обстоятельство, что все исключенные приносят родителям муки и страдания. Для того, чтобы педагогический совет имел всегда в виду интересы родителей, нужно в состав его ввести не вообще представителей от духовенства, а представителей именно от родителей учащихся. Такое представительство будет способствовать сближению интересов школы с интересами семьи, будет более или менее предохранять школу от излишнего формализма и выражать собою тот принцип общественности, какой должен быть придан духовной школе.

Но если, при обычном нормальном течении дел в духовной школе, достаточно участия в трудах педагогического совета лишь представителей от родителей учеников, то в экстраординарных случаях, например, при волнениях, забастовках, при необходимости массовых исключений и т. п., должны назначаться экстренные собрания родителей и корпорации, и то или

иное решение должно приниматься уже после совместного обсуждения дела и с согласия родителей.

При обсуждении тех или иных вопросов педагогический совет в одних случаях может прийти к согласному решению, в других случаях мнения его членов могут не сойтись. Единогласные постановления педагогического совета должны считаться окончательными. Если же возникают разногласия, то члены, остающиеся в меньшинстве, подают письменное мотивированное отдельное мнение; общее постановление и отдельные мнения передаются на рассмотрение особого епархиального учебного совета, который, стоя вне духовной школы, будет центром, объединяющим деятельность духовной семинарии и духовных училищ данной епархии. Этот совет состоит при епархиальном архиерее: 1) из представителей духовенства, преимущественно с высшим образованием, избираемых на общеeparхиальном съезде на известный срок, и 2) из равного числа представителей духовно-учебной корпорации. Председателем этого совета будет или сам архиерей, или один из членов совета по утверждению архиерея. Этот совет будет следить за общим ходом учебно-воспитательного дела в данной епархии; он будет рассматривать вопросы, по которым вышли у членов педагогического совета разногласия, он же будет рассматривать годовичные отчеты по учебно-воспитательной части как по семинарии, так и по духовным училищам данной епархии. Будучи по своей организации учреждением коллегиальным и выборным, а по составу – духовным, этот епархиальный учебный совет будет представлять собой высший в епархии орган общественного надзора за деятельностью духовных школ.

Под общественным контролем должно вестись и хозяйство духовноучебных заведений. Для заведования хозяйством нет необходимости привлекать всех членов педагогического персонала. Распорядительное собрание, ведающее экономическую часть, должно быть немногочисленно: достаточно для этой цели трех членов корпорации и двух представителей от духовенства, избираемых в духовные училища окружными съездами, в семинарии – епархиальным съездом духовенства. Эти же съезды будут рассматривать экономические отчеты по духовно-учебным заведениям и утверждать сметы, если, конечно, содержание духовных школ будет лежать на духовенстве.

На содержание духовно-учебных заведений в настоящее время, между прочим, поступает 25% сбора с приходских церквей. При реформе прихода подобный взнос на содержание духовно-учебных заведений будет производиться только с согласия прихода (приходского совета). Но уже теперь раздаются голоса за то, чтобы на духовные школы церковных денег не платить, так как-де это – школы только для детей духовенства, а потому пусть-де оно само содержит их на свои личные, а не церковные средства. Для предотвращения подобных отказов и для сохранения, и на будущее время теперешнего порядка, кроме уничтожения 10% нормы желательно, чтобы от платы за обучение были освобождены дети не только духовного звания, но и инословных родителей. Равным образом желательно, чтобы, и по преобразовании духовной школы, сироты и дети бедных родителей духовного звания пользовались казенными стипендиями. Такие стипендии могли бы быть предоставляемы и тем детям инословных родителей, которые заслуживают этого по своим успехам и поведению. Казенные стипендии будут выдаваться ученикам старших возрастов на руки, а для учеников младших классов – квартирным хозяевам. Существующие же при духовно-учебных заведениях общежития должны быть закрыты. Скопление в общежитиях немалого числа оторванных от семейной обстановки детей и юношей всегда было и будет ареной постоянной борьбы между учащимися и воспитателями и – вместе – источником всяких волнений и протестов. Кроме того, общежития стирают индивидуальность и накладывают печать бурсализма на всех в них живущих. Грубость нравов и отношений – господствующая черта во всех общежитиях. Делу воспитания общежития поставляют большие преграды. Здесь воспитатель принужден иметь дело и бороться со всей массой учащихся, живущих в общежитиях, так как его влияние на отдельного воспитанника парализуется массовым воздействием товарищества, всегда отличающегося в более или менее устойчивые, хотя и не всегда желательные формы. Поэтому в целях лучшего воспитательного воздействия на учеников желательно избежать массового скопления учеников и разместить их по квартирам, а общежития обратить в классы и комнаты для вспомогательных внеурочных занятий (опыты, искусства, ремесла и всякие рукоделия).

Что касается общей постановки учебного дела в духовных школах, то необходимо каждому преподавателю дать полную возможность вести свой предмет так, как он сочтет наилучшим.

Доверие к нему должно быть проявлено в полной мере. Между тем, теперь учителя духовной школы связаны программами и учебниками. Программы предметов духовной школы отличаются особенной детальностью. Они предусматривают не только все вопросы, какие должны быть пройдены, но даже самый порядок их прохождения. Применительно к этим программам печатаются и учебники. Круг учебников, одобренных Учебным Комитетом для употребления в духовной школе, ограничен весьма небольшим числом. И при этом некоторые авторы приобрели чуть ли не монополию в деле издания учебников духовной школы. Например, учебники географии Смирнова и Лебедева, несмотря на свой чуть ли не 30-летний возраст, отсталость и полную непригодность для изучения в школе, все еще переиздаются для духовных училищ, хотя на книжном рынке давно уже появились прекрасные учебники, отвечающие и состоянию науки и новым задачам преподавания географии. Благодаря искусственным преградам в виде детальных программ и обязательных учебников, преподаватель духовной школы не в состоянии идти в уровень с методической литературой, а всегда должен оставаться в хвосте, довольствуясь старьем и хламом. И это применимо не только к такой науке, как география, но и ко всем наукам, проходимым в духовной школе. Поэтому желательно, чтобы учебные программы были общего типа и не загромождались излишними подробностями. Равным образом, и в выборе учебников надо предоставить учителям большую свободу.

Ввиду того, что проектируемая духовная школа в своем общеобразовательном отделе приближается к школе светской, необходимо дать учителям духовной школы полную возможность употреблять все те учебники, какие разрешены к употреблению в учебных заведениях Министерства народного просвещения. Единственным ограничением здесь должно быть то, что новый учебник вводится с согласия педагогического совета и не может быть заменен другим ранее трех лет.

Распределение уроков по классам в духовной школе должно быть аналогично с распределением их в мужских гимназиях Министерства народного просвещения, и это – для того, чтобы сделать возможным и удобным переход из любого класса духовной школы в светскую.

Как и в светской школе, каждый урок в духовной школе должен продолжаться 50 минут. Переход к 50-минутным урокам – *conditio sine qua non* нового порядка. При увеличении программ общеобразовательных предметов должно увеличиться и число учебных часов. Но часовые уроки слишком велики для учеников, особенно в младших классах. Внимание учеников уже на половине урока ослабевает, и последние минуты, обычно посвящаемые объяснению следующего урока, пропадают бесследно, особенно на последнем уроке. Разумнее и педагогичнее сократить урок на 10 минут и ввести лишний урок в день. В школах Министерства народного просвещения, впрочем, это уже практикуется и теперь.

Переходные экзамены из класса в класс, отмененные в учебных заведениях Министерства народного просвещения, должны быть отменены и в духовной школе. Останутся только выпускные экзамены. Эти экзамены должны производиться: 1) при окончании духовного училища, 2) при окончании 3-го класса семинарии (который равняется 8-му классу гимназии) и 3) при окончании семинарии. Окончивший 3-й класс семинарии, если желает, может поступать в университет или другие высшие учебные заведения (кроме духовных академий). Но в этом случае он должен, кроме общих переводных экзаменов из 3-го класса в 4-й, сдать еще при семинарии дополнительный экзамен по церковной истории в объеме гимназического курса, чтобы познания семинаристов были не ниже, чем знания по этому предмету гимназистов и реалистов. Впрочем, эпизодический курс церковной истории может быть изучаем при уроках всеобщей и русской истории; а систематическое изучение Священного Писания Нового Завета, имеющее составить отличительный духовный признак нашей школы, даст такое знание Закона Божия, которое сделает излишней мысль о «дополнительном испытании» для семинаристов, оставляющих семинарию по окончании общеобразовательных классов.

Разряды и разрядные списки должны быть уничтожены, как излишние. Нет основания к сохранению системы баллов. Достаточно оценивать ответы учащихся плюсом и минусом или выражениями: «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». Задача обучения сводится к тому, чтобы сообщить учащимся известные знания и дать развитие их умственным силам. Достижение учениками знаний и развития или недостижение – и должны быть отмечены; а то, кто именно из учеников успевает более своих товарищей, может иметь серьезное значение для одного лишь преподавателя. Между тем погоня за пятерками очень часто развивает у учеников

болезненное самолюбие, претенциозность, вызывает недовольство учителями и служит нередко яблоком раздора между лучшими учениками и остальным классом. Представляя обоюдоострый педагогический прием, баллы должны быть отменены. Это сразу же уничтожит один из весьма важных поводов к разладу между учениками и учителями. А к достижению гармонии между двумя этими элементами, до сей поры представляющими два враждебных лагеря, надо стремиться всеми силами. Отмена балловой системы и уничтожение разрядов дадут возможность поступать в духовные академии каждому кончившему богословские классы семинарии. При этом справедливо требовать от гимназистов, желающих учиться в духовных академиях, чтобы они пробыли два года в богословских классах семинарии.

Вопрос о материальном обеспечении учителей заслуживает особого внимания. Для привлечения лучших сил на службу в духовную школу, для предоставления для служащих в ней возможности с большей энергией предаться своему делу, надо улучшить материальное положение учителей Духовного Ведомства. При общей дороговизне жизни, особенно в населенных и губернских городах, теперешнее обеспечение учителей надо признать недостаточным. При этом оклады учителей резко колеблются. Один, например, попадает на 750 руб., а другой – на 1300–1500 руб. Эти резкие колебания вызывают погоню за более доходными предметами и нежелание поступать на предмет менее обеспеченный. Рядом с этим возникает еще новое нежелательное явление. Педагог, получающий 750–900 руб., особенно если он человек семейный, обычно ищет себе постороннего заработка и таким образом свое время и силы делит между двумя разнородными делами. Такой человек уже не может отдаться всецело одной духовной школе, так как она не обеспечивает его в достаточной мере. А раздвоение интересов и разбрасывание своих сил для педагога нежелательно: они у него должны быть посвящены одному педагогическому делу. Выходом из такого положения может быть только улучшение материального обеспечения учителей и уравнивание этого обеспечения. Жалование учителей духовной школы должно быть независимо от числа уроков. Для всех преподавателей оно должно быть одинаково и повышаться по выслуге лет. Но и число недельных уроков у каждого преподавателя должно быть возвышено до 20. Двадцать уроков – это средняя норма, которая допускает отклонение в ту или иную сторону. Такое число уроков нельзя считать обременительным для учителя; 20 уроков по 50 мин. равняются 17-ти часовым урокам. Основное жалование должно быть не менее 1200 руб., считая при 20 уроках годовой урок по 60 руб. Повышение должно идти через каждые три года в размере 10% , т. е. в 120 руб. Такая прибавка прекращается после 15 лет службы, когда жалование дойдет до 1800 рублей. В это именно время у большинства учителей подрастают дети, которых надо воспитывать в высшей или средней школе и когда средства особенно нужны. В это критическое время посторонние заработки преподавателей бывают неизбежны, и нужно к этому именно времени их материальное положение обеспечить в достаточной мере максимальным окладом.

В пособие к жалованию должно быть выдаваемо особое вознаграждение за классное наставничество в размере 300 руб. каждому классному наставнику. В губернских городах, где жизнь более дорога, плата за классное наставничество должна быть возвышена до 400 руб. Что же касается выборных должностных лиц, как-то: ректора и смотрителя, инспектора и помощника смотрителя, то они получают вознаграждение как учителя и – кроме того – добавочное вознаграждение по должности, а также готовую квартиру с отоплением или же квартирные деньги. Так как инспектор семинарии и помощник смотрителя классными наставниками не состоят, то вознаграждение им не должно быть менее вознаграждения за классное наставничество. Ректор и смотритель должны получать вознаграждение за ректуру и смотрительство несколько высшее, чем инспектор и помощник смотрителя. Ректор, инспектор, смотритель и его помощник, как несущие немало особых трудов, могут иметь уроков меньше 20, но не менее 6. При уравнивании обеспечения, материальное положение ректора и смотрителя, хотя и будет представлять собой некоторые выгоды, но не столь значительные, как в настоящее время. С другой стороны, этот порядок сделает не очень чувствительным и безобидным возвращение на учительское место с места ректора или смотрителя. Обеспечивая всех учителей достаточным жалованием, духовная школа должна давать и достаточную пенсию за 25 лет службы. Как ректору, так и смотрителю, так и всем учителям пенсия должна идти одинаковая, но зато она должна быть возвышена. Надлежащее обеспечение учительского персонала, служащего в Духовном Ведомстве, удержало бы на этом поприще немало талантливых лиц, которых существующая теперь необеспеченность часто побуждает искать лучшей доли на других

жизненных дорогах и под давлением материальной нужды изменять своему педагогическому призванию.

Объединение учебно-воспитательного дела епархии в выборном епархиальном совете также будет содействовать обеспечению правового положения учителей, деятельность которых может получать справедливую оценку от авторитетного местного учреждения, члены которого могут быть действительно осведомлены о положении учебно-воспитательного дела и достоинстве деятелей.

Примечание. Учебный совет будет отделением того выборного епархиального совета, который имеет существовать при каждом епархиальном архиерее для заведования, во-первых, делами административными, во-вторых – делами судебными и в-третьих – делами учебными в пределах епархии.

Общеобразовательные классы духовной школы:

Примечание: Ручной труд и французский язык – во внеучебное время.

Положения об устройстве духовной школы – низшей и средней, выработанные корпорацией Новоторжского духовного училища

1. Духовная школа должна давать образование и воспитание учащимся детям и юношам православного исповедания в духе церковности.
2. Духовная школа должна быть общедоступной во всех классах, общеобразовательной – в 8-ми первых классах и богословской – в двух последних классах.
3. Духовная школа сохраняет оба древних языка в размере, необходимом для общего образования и для изучения богословских предметов.
4. Духовная школа разделяется на духовные училища и духовные семинарии. Духовные училища сохраняют подготовительное значение по отношению к семинарии.
5. Как духовные училища, так и духовные семинарии имеют пятилетний курс, причем в духовном училище все классы имеют общеобразовательный характер, а в духовных семинариях первые три класса имеют общеобразовательный характер, а два последних класса – богословский.
6. Духовные училища по учебно-воспитательным вопросам самостоятельны и не подчинены семинариям.
7. Епархиальному архиерею по отношению к духовным училищам и духовным семинариям принадлежит власть в порядке надзора, а не распоряжения.
8. Ректор духовной семинарии, смотритель духовного училища и начальница женского епархиального училища выбираются особым избирательным съездом духовенства. Ректор и начальница – общепархиальным, а смотритель – окружным. На съездах на равных правах с духовенством присутствуют члены корпорации семинарской и училищной по принадлежности. (Ректор, смотритель и начальница епархиального училища епархиальным училищным советом представляются на утверждение Св. Синоду.)
9. Инспектор семинарии и помощник смотрителя духовного училища избираются одними корпорациями: инспектор – семинарской, а помощник смотрителя – училищной.
10. Ректор и инспектор семинарии, начальница епархиального училища, смотритель и его помощник избираются срочно на пять лет (мнение 4 членов) или бессрочно (мнение 3 членов).
11. Преподаватели семинарий и духовных училищ избираются соответствующими корпорациями из лиц с высшим образованием. Начинающие педагогическое поприще должны дать два пробных урока в присутствии представителей корпорации.
12. Каждый член педагогического персонала по истечении 25 лет службы подлежит переизбранию на следующее 5-летие, причем выбранный получает добавочное вознаграждение в размере 1/5 получаемого им содержания. Переизбрание повторяется через каждые пять лет.
13. Должности помощников инспектора семинарии и надзирателей в духовных училищах подлежат упразднению, а вместо них учреждается институт классных наставников. Классными наставниками состоят обязательно преподаватели семинарий и училищ за особое вознаграждение. При обилии отделений, классное наставничество может быть предоставляемо учительским кандидатам за особое вознаграждение. Для трех старших классов семинарий классных наставников не полагается.
14. В целях улучшения подготовки к учительскому делу желательно: во-первых, чтобы при духовных академиях были учреждены педагогические курсы и читались методики тех предметов, кои преподаются в семинариях и училищах; во-вторых, чтобы к духовно-учебным заведениям были прикомандировываемы для приготовления к преподавательскому делу учительские кандидаты из лиц с высшим образованием. Таким кандидатам могли бы быть предоставляемы свободные уроки по тому или иному предмету в случае болезни или отсутствия учителя, за поурочное вознаграждение.
15. Все служащие как в духовных семинариях (кроме ректора), так и в духовных училищах состоят в одном классе должности и получают одинаковую пенсию за выслугу лет.
16. Заведование всеми сторонами учебно-воспитательного дела в семинариях и училищах возлагается на педагогический совет, состоящий из всех членов корпорации под председательством ректора семинарии или смотрителя училища.
17. В педагогическом совете с правом решающего голоса должны участвовать представители от родителей, для немногочисленных училищ и семинарий – в числе двух человек,

избираемых в начале учебного года общим собранием родителей. Через этих представителей родители учащихся могут передавать на обсуждение педагогического совета свои соображения, касающиеся учебно-воспитательного дела в духовных школах.

18. В особо исключительных случаях, например, при волнениях семинаристов, при забастовках, в случаях необходимости массовых исключений, желательно совместное обсуждение дела корпорацией и родителями учащихся.

19. Постановления педагогического совета считаются окончательными, если они постановлены единогласно. В случае разногласия между членами педагогического совета спорный вопрос передается на решение епархиального учебного совета.

Примечание. Увольнение ученика из школы в течение учебного года или по окончании его может состояться по постановлению педагогического совета с указанием оснований и с согласия епархиального учебного совета.

20. По окончании учебного года ректором семинарии и смотрителем училища составляется отчет по учебно-воспитательной части, который, после рассмотрения его педагогическим советом, представляется в епархиальный учебный совет; последний общие сведения о состоянии и деятельности духовных учебных заведений епархии представляет Святейшему Синоду.

21. Епархиальный учебный совет состоит при каждом епархиальном архиерее (под его председательством). Совет составляется из выборных представителей в равном числе: во-первых – от епархиального съезда, и во-вторых – духовно-учебных заведений епархиального города, по избранию всех корпораций школ епархии. Члены учебного совета избираются на пять лет, с правом переизбрания на новый срок. Постановления учебного совета по учебно-воспитательным вопросам должны иметь значение предложений, а не распоряжений. Члены учебного совета получают добавочное вознаграждение за исполнение своих обязанностей. Учебный епархиальный совет подчинен Святейшему Синоду, которому могут быть приносимы просьбы о пересмотре состоявшегося решения.

22. Заведование хозяйственной частью в духовных семинариях и духовных училищах возлагается на распорядительные собрания, в состав которых входят три члена корпорации и два члена от духовенства.

23. Экономическая отчетность по духовному училищу будет рассматриваться окружными собраниями духовенства, а по духовной семинарии – епархиальными съездами, с представлением отчетов Святейшему Синоду.

24. Как дети духовенства, принятые в духовную школу, обучаются бесплатно, так желательно, чтобы и дети инословных родителей обучались бесплатно.

25. Сироты и дети бедных родителей духовного звания пользуются казенными стипендиями. Такие стипендии могут быть предоставляемы и сиротам инословным под условием хороших успехов и поведения.

26. Общежития училищ и семинарий подлежат упразднению.

27. Форменное платье для учащихся должно быть отменено. Для учителей оно необязательно.

28. Деление учеников по разрядам подлежит уничтожению. Балловая система должна быть отменена. Успехи учеников имеют две оценки: «удовлетворительно» и «неудовлетворительно».

29. Переводные экзамены из класса в класс отменяются. Остаются выпускные экзамены, а именно: по окончании 5-го класса духовного училища, 3-го класса семинарии и 5-го класса семинарии.

30. Летний вакал начинается с 1-го июня.

31. Распределение уроков в классах в духовной школе должно быть аналогично с распределением уроков в школе общей, чтобы можно было переходить из духовной школы в светскую без потери времени.

32. Каждый урок продолжается 50 минут. Число их ежедневно должно быть не менее 4-х и не более 5 в низшей школе и до 6 в средней.

33. Учебные программы общеобразовательных предметов в семинариях и училищах должны быть одинаковы с программами тех же предметов для гимназий и реальных училищ. Сами программы должны быть общего характера, без излишних подробностей.

34. Учителям предоставляется свобода выбора учебников с согласия педагогического совета. Каждый выбранный учебник не может быть заменен другим ранее 3-х лет.

35. Все учебники и учебные пособия, разрешенные к употреблению Министерством народного просвещения, могут быть употребляемы в духовной школе беспрепятственно.

36. Каждый кончивший 3-й класс семинарии может поступать в университет и другие высшие учебные заведения, кроме духовной академии.

37. Учителя получают вознаграждение независимо от числа уроков. Каждый преподаватель должен иметь в среднем около 20 уроков еженедельно.

38. Каждый преподаватель получает вознаграждения 1200 руб. в течение первых 3-х лет службы. Через каждые три года службы жалование возвышается на 10%, т. е. на 120 руб. По истечении 15 лет службы преподаватель получает 1800 руб., и возрастание жалования прекращается.

39. Ректор и инспектор семинарии, начальница училища, смотритель и его помощник получают добавочное вознаграждение, инспектор и помощник смотрителя – не менее 300 руб., и все пользуются казенной квартирой с отоплением.

40. За классное наставничество полагается вознаграждение не менее 300 руб. в год в уездном городе и 400 руб. в губернском.

41. Пенсия идет по выслуге 25 лет, в размере 900 руб. в год.

42. Устранение от должности и увольнение учителя от службы по обстоятельствам, не требующим промедления, может состояться, по представлению педагогического совета, постановлением епархиального учебного совета, с донесением каждый раз Святейшему Синоду. Точно так же епархиальный учебный совет доносит Святейшему Синоду о каждом случае переизбрания или неизбрания на новое пятилетие ректора семинарии, смотрителей училищ и начальниц женских училищ.

43. В каждой епархии желательно учреждение профессиональной с низшим образовательным курсом школы для детей духовенства, оказавшихся по решению педагогических советов недостаточно способными к прохождению общеобразовательного курса в духовной школе.

44. Женские епархиальные училища имеют общеобразовательный курс, дающий возможность получать высшее образование в специальных школах.

Проект некоторых изменений в строе духовных училищ, выработанный педагогическим собранием Осташковского духовного училища

Приняв в основание при суждении о предполагаемых изменениях в существующем строе духовных училищ проект Учебного Комитета по сему вопросу, объявленный в №46 «Церковных Ведомостей» за 1905 год, и не находя основательных причин к коренной ломке существующего строя духовноучебных заведений, как, по справедливому замечанию Учебного Комитета, учреждений исторически сложившихся и оправдавших при существующем коренном строе свое назначение, корпорация Осташковского духовного училища с своей стороны находила бы необходимым сделать лишь следующие к названному проекту Учебного Комитета дополнения и изменения относительно духовных училищ:

1. Духовные училища должны иметь общеобразовательный характер и быть доступными для православных детей всех сословий без процентного их ограничения.

2. Дети духовенства и служащих в духовно-учебных заведениях и церковно-приходских школах должны обучаться бесплатно, а дети прочих сословий – с платой, устанавливаемой окружным духовенством, причем число освобождаемых из них от платы не должно превышать 20%.

3. В курс училищных предметов, кроме теперь существующих и вновь вводимых по проекту Учебного Комитета, ввести как обязательные предметы – природоведение, вместо вводимого по этому проекту в курс географии отдела о важнейших явлениях природы, и языки: французский и немецкий (по выбору учащихся), и как необязательные – черчение и рисование. Преподаванию новых языков придать характер по преимуществу практический.

Примечание. В случае неимения учителей преподавание новых языков дозволить и лицам женского пола, имеющим на то право.

4. Количество уроков по древним языкам должно быть сокращено наполовину сравнительно с ныне существующим, и вообще древние языки оставить в размере, необходимом лишь для общего образования и для изучения богословских предметов, с одним преподавателем для обоих языков. Равным образом, и уроки по русскому языку с церковно-славянским сократить до 17 уроков в неделю, причем курс славянского языка должен отличаться общим, кратким характером.

5. Деление учеников по разрядам, балловую урочную оценку их ответов и переводные экзамены в 1, 2 и 3 классах отменить.

6. Программы учебных предметов в училищах должны иметь общий характер, без излишних подробностей, и по возможности должны быть приноровлены к программам гимназий и реальных училищ как в общем, так и в частном распределении материала по классам.

7. Выбор учебников по тому или другому предмету предоставляется усмотрению самих преподавателей, под условием соглашения на это педагогического совета. Каждый введенный в употребление учебник не может быть заменяем новым учебником ранее окончания по нему всего училищного курса.

8. Каждый урок продолжается 50 минут. Число их ежедневно должно быть не менее 4-х и не более 5-ти.

9. Занятие уроков отсутствующего по болезни или какой-либо другой причине преподавателя должно быть платным. В случае долговременной болезни и вообще долговременного отсутствия преподавателя и затруднительности или какого-либо неудобства поручить уроки такого преподавателя кому-либо из наличных наставников, правлениям духовных училищ предоставляется право приглашать временно для занятия таких уроков преподавателей других учебных заведений и вообще лиц сторонних, известных педагогической опытностью (например из находящихся в отставке).

10. Летние каникулы для учеников первых трех классов училища начинаются с 20 мая, а для учеников 4 класса – не позднее 1 июня.

11. Духовные училища находятся в ведении епархиального архиерея, при ближайшем попечении со стороны окружного духовенства, и по учебновоспитательной части не подчиняются семинариям.

12. Делами по учебно-воспитательной части в духовных училищах заведует педагогический совет, а хозяйственной частью – распорядительное правление. В состав первого входят, кроме

смотрителя и его помощника, все преподаватели и надзиратели училища, классные наставники, если таковыми будут отдельные лица, и три члена от духовенства, избираемые окружным училищным съездом духовенства на срок, устанавливаемый самим съездом; в состав последнего входят: смотритель училища, его помощник, один преподаватель по избранию педагогического совета и 2 члена от духовенства, избираемые педагогическим советом из числа своих членов от духовенства.

Примечание. Делопроизводством по совету и правлению заведует один из преподавателей училища, по избранию совета, с платой не менее 300 руб. в год из сумм духовно-учебного капитала.

13. Общежития при духовных училищах не обязательны. Желательно во всяком случае избегать того типа их устройства, какой принят для них в настоящее время, а устраивать их совершенно отдельными зданиями с помещением для 10–20 воспитанников. Сироты и дети бедных родителей, не пожелавшие жить в существующих общежитиях, пользуются ассигнованными на их содержание в общежитии суммами в виде стипендий.

14. Смотритель училища избирается окружным духовенством совместно с педагогическим персоналом училища, а помощник смотрителя – только последним; и тот и другой – бессрочно.

15. Преподаватели училища избираются училищной корпорацией из лиц с высшим образованием. Лица, начинающие педагогическое поприще, должны дать два пробных урока в присутствии представителей корпорации, причем в случае каких-либо затруднений, например, дальности расстояния, им предоставляется, с согласия избирающего учреждения, право сдать пробные уроки в ближайшем от их местопребывания училище. Пробные уроки обязательны и при переходе преподавателя с одного предмета на другой, хотя бы и в одном и том же училище.

16. Избранные на ту или другую должность лица утверждаются центральной духовной властью.

17. О свободных вакансиях в духовно-учебных заведениях должно быть своевременно объявляемо не только в церковных, епархиальных и губернских ведомостях, но и в других периодических изданиях, издаваемых при духовных академиях и семинариях, а также и в более распространенной ежедневной газете.

18. Каждый член педагогического персонала по истечении 25 лет службы подлежит переизбранию на следующее пятилетие.

19. Желательно введение при духовных училищах института классных наставников. Классными наставниками состоят по преимуществу преподаватели училища за особое вознаграждение.

20. Первоначальный оклад каждого преподавателя должен быть не менее 1000 руб. в год за 12 недельных уроков, каковой оклад затем чрез каждое пятилетие, в течение 25 лет, увеличивается на 20%. За каждый добавочный, сверх 12-ти недельный урок полагается особое вознаграждение по расчету из 75 руб. годовых. Соответственно сему должно быть увеличено содержание и лицам начальствующим: смотрителю и его помощнику.

21. За классное наставничество полагается вознаграждение не менее 300 руб. в год.

22. Плата за уроки отсутствующего преподавателя производится или из суммы, ежегодно отпускаемой на сей предмет из Хозяйственного Управления, или из суммы, получаемой за право обучения инословных воспитанников.

Примечание. Вообще желательно, чтобы из суммы, поступающей за обучение инословных учеников, по крайней мере половина ее отчислялась в специальные средства училища, находилась бы в полном распоряжении училищного правления и назначалась для выдачи единовременных пособий и наград служащим при училище.

23. Пенсия за 25-летнюю службу должна быть возвышена, и во всяком случае – не менее 1000 руб. преподавателю. Смотрителю и его помощнику она должна быть также соответственно возвышена.

24. Каждый член училищной корпорации, через 25 лет службы, в случае продолжения ее, получает сверх присвоенного должности жалованья и выслуженную пенсию.

25. Весьма желательно сокращение училищного делопроизводства. В этих видах:

а) предоставить, например, правлениям духовных училищ право производить расходы в пределах сметных исчислений, согласно раз утвержденным сметам, без испрошения на каждый частный ежемесячный расход особых разрешений епархиальной власти, и таким образом отменить составление и представление на утверждение ежемесячных с подробными справками

журналов о приходе и расходе сметных сумм и ежемесячных ведомостей о движении училищных сумм, как не достигающих своей цели – дать возможность епархиальному начальству следить за правильностью поступлений и записи их;

б) отменить излишние формальности при производстве испытаний на звание учителя церковно-приходской школы, как например: журнальные постановления о допущении к испытанию, составление подробных протоколов по каждому предмету испытания с прописанием даже отдельных вопросов, предлагаемых испытуемому, подробные журнальные с многочисленными справками представления о результатах испытания и т. п., заменив все это представлением общего протокола об удовлетворительной или неудовлетворительной сдаче испытаний;

в) заменить журнальные представления о производстве в чины за выслугу лет одним лишь представлением с приложением требуемых документов и т. п.

В целях улучшения подготовки к учительскому делу желательно, чтобы при духовных академиях были учреждены педагогические курсы, на которых будущие педагоги могли бы знакомиться с методиками предметов, преподаваемых в духовных семинариях и училищах.

Мнение Кашинского духовного училища, по вопросу о реформе духовных училищ

Глава 1. Общие положения

§ 1. Духовные училища суть учебно-воспитательные заведения для первоначального образования и приготовления детей к служению православной Церкви, а также и для распространения религиозного образования в обществе. – Духовные училища всегда были общеобразовательными учебными заведениями. В настоящее время духовные училища желательно преобразовать наподобие мужских прогимназий с таким же курсом, но только с большим количеством уроков по богословским предметам. Такое преобразование отвечало бы заявленным в печати требованиям духовенства и общества. Этому также требуют и самые интересы Церкви: пастыри должны быть на высоте современного образования.

§ 2. Духовные училища содержатся – при пособиях из сумм Св. Синода и казны – на средства, изыскиваемые духовенством каждой епархии, земствами и городами. – В случае открытия доступа всем в духовные училища, само собой предполагается участие городов и земств в содержании таких училищ, так как в этом случае неизбежно придется открывать при училищах параллельные отделения; училища духовные тогда могут заменять собой в уездных городах прогимназии. Желательно, чтобы обучение в духовных училищах было для всех бесплатное; в случае недостатка средств, может быть установлена небольшая плата (20–10 руб.).

§ 3. Духовные училища, состоя под главным управлением Св. Синода, вверяются ближайшему попечению местного духовенства и общества, под общим руководством епархиального архиерея.

§ 8. В духовные училища принимаются дети православного духовенства и из других сословий на равных основаниях. – Представляется нерациональным и обидным – родителям разных сословий, желающим воспитывать детей в религиозном духе, препятствовать помещать детей в духовные училища.

§ 9. Духовные училища могут быть четырехклассные и шестиклассные. – Шестиклассные училища хорошо было бы открывать в тех епархиях, где многолюдные семинарии, в видах сокращения числа учащихся или же по желанию местного духовенства и общества. Учреждение шестиклассных училищ устранило бы существенный недостаток современных семинарий, заключающийся в том, что учащиеся там, несмотря на их большое различие по возрасту и развитию, подчиняются одному и тому же режиму, а затем в таких училищах оканчивающие курс получали бы более законченное образование.

Примечание. При шестиклассных училищах могут быть образуемы, по местным потребностям, педагогические курсы для приготовления учителей для начальных школ, а также и псаломнические классы.

Глава 2. О власти епархиального архиерея в отношении к училищам

§ 11. В видах устранения замечаемых недостатков или улучшения той или другой части училищного устройства, преосвященный дает на обсуждение педагогического собрания правления училища свои предложения и указания, на основании которых педагогическое собрание принимает меры или входит с соответствующими представлениями. – Предполагаемое изменение § 11, не уменьшая власти епархиального архиерея по отношению к училищам, давало бы возможность обсуждать все вопросы об улучшении училищной жизни соответственного местным условиям.

Глава 3. Об отношении епархиального духовенства к училищам

§§ 19–23. Подробную организацию съезда духовенства педагогическое собрание считает делом самого духовенства.

На съездах духовенства обязательно присутствует представитель от училищной корпорации с правом решающего голоса и особого мнения. – Представительство на съездах одних членов правления от духовенства, как лиц, не имеющих права решающего голоса, и как избранников самого духовенства, не достигает своей цели.

Глава 4. Об отношении семинарского правления к училищам

§ 24. В административном отношении духовные училища независимы от семинарий. – По действующему уставу, отношение семинарии к училищам имеет почти формальный характер и, как таковое, кажется, одинаково унижает достоинство семинарий и училищ.

Примечание. Независимость духовных училищ не препятствует духовным училищам входить в духовные семинарии за мнениями по вопросам принципиального характера.

§§ 25, 29 и 39 отменяются.

§ 26. Примечание. Выбор учебных руководств предоставляется педагогическим съездам представителей духовно-учебных заведений епархии.

Глава 5. Об училищном правлении

§ 31. В состав педагогического собрания правления училища желательно включить еще училищного врача и надзирателей, если после реформы институт надзирателей не будет уничтожен. – Включение надзирателей в состав педагогического собрания желательно в целях необходимости ознакомления их с общим ходом училищной жизни. Выбор члена от учителей в распорядительное собрание правления училища предоставить педагогическим собраниям. – При таком порядке в члены распорядительного собрания будут поступать всегда лица, изъявившие сами желание нести обязанности названной должности.

§ 37. Желательно предоставить педагогическому собранию относительно выписки книг для ученической и фундаментальной библиотеки те же права, какими пользуются духовные семинарии. – В настоящее время очень трудно понять, почему семинарии пользуются самостоятельностью при выписке книг, а училища не имеют права выписать ни одной книги без разрешения семинарии.

§ 38. Желательно сократить и упростить делопроизводство училищного правления (в своем настоящем виде училищное делопроизводство в значительной части представляет излишний труд для училищных канцелярий и напрасное бремя для епархиальных преосвященных) в духе статьи: «О сокращении делопроизводства в духовно-учебных заведениях» («Богословский Вестник», 1905, № 11), а именно:

1. Предоставить правлению училища право расходовать суммы в пределах утвержденных смет без особого испрашивания на каждый раз разрешения епархиального архиерея журналами.

2. Уничтожить представление ежемесячных ведомостей о движении сумм, вместо чего можно обязать ревизионные комитеты чаще (раз шесть в год) ревизовать прихода-расходные книги, документы и наличность кассы.

3. Все дела справочного характера заканчивать на местах, т. е. исполнять канцелярией и поверять правлением училища.

4. Журналы правления составлять только при решении принципиальных вопросов или в каких-либо исключительных случаях.

5. Вместо обычных педагогических журналов, писать только ведомости об успехах и поведении учеников и представления о ходе училищной жизни.

6. Журналы о переводе учеников заменить особыми списками в виде ведомостей.

7. При испытании на должность учителя церковно-приходской школы ограничиваться балловыми ведомостями и протоколом об удостоении учительского звания.

8. Точно так же протокольными постановлениями заменить журналы о представлении к чинам служащих при училище.

§ 41. Соединение должности члена правления от учителей с должностью делопроизводителя считать не обязательным; в случае отказа преподавателей, делопроизводство может быть поручаемо лицу постороннему. – Обязательное соединение указанных должностей для многих лиц является очень тяжелым бременем. Для успеха же каждого дела требуются любовь и особая способность.

Глава 6 и 7. О смотрителе и его помощнике

§§43 и 58. Большинство членов педагогического собрания признало целесообразным установление следующего порядка:

1. На местах ежегодно в определенное время избираются кандидаты, правоспособные к занятию должностей начальствующих лиц во всех учебных заведениях. Способ такого избрания требует особого определения. В этом избрании могут и должны равномерно участвовать корпорации учебных заведений и духовенство.

2. Списки избранных кандидатов, с краткими о них биографическими служебными сведениями, от каждой епархии к определенному сроку препровождаются преосвященными в Учебный Комитет при Св. Синоде.

3. Местные преосвященные могут давать свои заключения о достоинствах избранных кандидатов, но не могут вычеркивать из списков, избранных кандидатов и представлять своих кандидатов.

4. Учебный Комитет, при открытии вакансий, из представленных кандидатов избирает на должности начальствующих лиц – достойнейших.

Предлагаемый способ избрания лиц управления имеет за собой многие достоинства:

1. При этом способе избрания будут принимать участие все заинтересованные в деле лица и учреждения.

2. При этом способе определения неизбежно будут парализоваться разные случайности избрания начальствующих лиц и в значительной степени ослабится развитие избирательных страстей с их вредными последствиями.

3. При этом способе избрания возможно установление единообразной системы в назначении начальствующих лиц. Учебный Комитет определяет порядок избрания и, в видах установления системы, может издавать обязательные руководственные правила относительно избрания кандидатов на местах.

4. При этом способе избрания все служащие в духовно-учебных заведениях будут гражданами не одной какой-либо губернии, а равноправными гражданами всего государства, на что все граждане имеют полное право.

5. Избранные указанным порядком начальствующие лица будут вступать в свои должности свободными от сложившихся в свое время и крайне вредных для дела общежительных симпатий и антипатий.

6. Сами преосвященные освободятся от излишнего покровительства своим не всегда удачным избранныкам.

7. При этом способе избрания всегда возможны будут перемещения начальствующих лиц в видах служебной необходимости, а также по климатическим, семейным и другим условиям жизни, в чем отказывать всем педагогам было бы крайней несправедливостью и ничем не оправдываемой жестокостью.

Мнение протоиерея В. Рождественского, священника А. Малиновского и священника 77. Романовского: Смотритель и его помощник определяются Св. Синодом по представлению епархиального архиерея, причем училищной корпорации вместе с окружным духовенством предоставляется право ходатайствовать о своем кандидате.

Мнение священника М. Некрасова: Порядок замещения должностей смотрителя училища и его помощника желательно сохранить ныне действующий.

Мнение учителя А. Тарелкина по § 48 п. 1: Желательно, чтобы право посещения уроков было распространено и на преподавателей по их взаимному соглашению, – в целях ближайшего знакомства с методою преподавания и объединения хода учебного дела.

§ 47 п. 1 устава духовных училищ о посещении уроков преподавателей единолично смотрителем, по мнению всех остальных членов училищного совета, должен оставаться в силе. – Это представляется необходимым для поддержания единства власти.

§ 50. О правах смотрителя – остается без изменения. – Предполагаемое ниже ограничение прав смотрителя представляется неприемлемым, так как таковое ограничение может вести к излишним осложнениям во вред взаимным общежительным корпоративным отношениям. Увольнение служащих есть великое нравственное бремя, своего рода крест всех начальствующих. Увольнения преподавателей в духовно-учебном ведомстве бывают очень

редко и всегда производятся с большой осторожностью, а потому привлекать других лиц к разрешению вопросов об увольнении служащих представляется делом излишним, а также крайне вредным и жестоким для общественного положения виновных.

Мнение учителей В. Соколова, П. Вышеславцева, А. Тарелкина, священника П. Романовского, К. Бойкова и П. Соколова: При необходимости уволить кого-либо из учителей по неспособности или другой какой-либо причине, смотритель делает представление о том епархиальному архиерею с мнением по сему вопросу педагогического собрания. – Указываемый порядок мог бы содействовать всестороннему и более беспристрастному расследованию такого важного дела, как увольнение учителя, и находил бы для себя основание в § 55 ныне действующего устава.

§51. Примечание. Ректор семинарии ежегодно в определенный срок представляет епархиальному преосвященному списки смотрителей училищ для суждения об их награждении. – Этим устранялось бы то ненормальное явление, что смотрители училищ в настоящее время в отношении наград идут ниже преподавателей семинарий и даже преподавателей училищ.

Глава 8. Об учителях

§ 63. Желательно установить прогрессивное и для всех педагогов, независимо от их образовательного ценза, одинаково доступное увеличение жалованья, с первоначальным окладом не менее 1000 руб. в год за 12 недельных уроков, каковой оклад увеличивался бы через каждое пятилетие в течение 25 лет на 20% первоначального оклада. Соответственно должно быть увеличено жалованье и начальствующим лицам. – Существующие оклады, не соответствуя ни повсеместно возрастающей дороговизне жизни, ни труду и положению педагогов, обрекают последних на постоянную борьбу с нуждой и заставляют их при всяком удобном случае невольно менять свою педагогическую службу на другую более выгодную и часто не соответствующую ни их образованию, ни их призванию.

Высказываемое мнение совпадает с мнением, высказанным членом-ревизором Учебного Комитета Д. И. Тихомировым («Церковные Ведомости», 1905 №47) и с мнением, выраженным в печати («Христианское Чтение», 1906 январь: «Реформа духовно-учебных заведений и в частности духовных училищ», Ф. Макарьев).

Предлагаемый членом-ревизором Учебного Комитета Д. И. Тихомировым проект о вознаграждении особыми окладами всех лиц педагогической службы, принимающих священство, представляется желательным и по своим последствиям плодотворным.

Желательно, чтобы начальствующие лица и учителя также не встречали препятствий к поступлению в священники в малые приходы.

Временное прохождение педагогами всех учебно-воспитательных должностей должно быть оплачиваемо без всяких ограничений. – Справедливость требует, чтобы всякий труд оплачивался на всех должностях.

Глава 10. О обучении в училищах

§ 77. Желательно, чтобы при изменении училищного курса были введены все науки, какие преподаются в гимназиях, и при распределении наук по классам были приняты во внимание проекты, предложенные членом-реvisorом Учебного Комитета при Св. Синоде Д. И. Тихомировым («Церковные Ведомости», 1905, № 47) и смотрителем Оренбургского духовного училища Макарьевым («Христианское Чтение», 1906, № 1). – Указываемые проекты училищного курса являются наиболее соответствующими современным потребностям.

При этом желательно, чтобы уроки по церковному пению были введены в расписание предметов, преподаваемых в классное время, а не после обеда, и чтобы число уроков по пению было сохранено прежнее чрез сокращение количества уроков по новым и древним языкам. Также желательно не отнимать у преподавателей церковного пения только что Высочайше дарованных прав государственной службы.

§ 78. Желательно, чтобы в каждом классе училища было не более 35 учеников. – Это требуется для более успешного ведения учебного дела.

§ 85. Баллы для обозначения успехов и поведения учеников оставить в прежнем их виде. – Существующая балловая система определения успехов и поведения учеников имеет многие незаменимые педагогические достоинства:

1. Эта система вполне отвечает душевным потребностям детей-учеников всегда определенно знать цену своих трудов.

2. Баллы служат благородным средством поощрения в занятиях (от детей нельзя требовать вполне сознательного стремления, какой-то особенной любви к науке).

3. Эта система дает возможность начальству и родителям всегда следить за успехами учеников и своевременно принимать нужные меры.

4. Эта система представляет незаменимые удобства в оценке трудов учеников и для самих преподавателей, особенно при большом составе классов и при существующей предметной системе преподавания.

5. Балловая система прекрасно охраняет права учеников от всяких случайностей, тогда как при отмене балловой системы ученики будут всегда чувствовать себя бесправными.

6. Отмена балловой системы неизбежно поведет к излишнему осложнению и запутанности в отчетности, особенно при перемене преподавателей. Мнение преподавателей А. Тарелкина, П. Вышеславцева и В. Соколова: Балловую систему желательно уничтожить и заменить ее общей оценкой – на педагогических собраниях – познаний учеников в таком виде: «удовлетворительно», «неудовлетворительно». – При господстве балловой системы ученики привыкают ценить не свои познания, а баллы, и стремятся не к приобретению познаний, а к получению всеми способами хороших баллов. С уничтожением балловой системы, преподаватели будут вынуждены тщательнее заниматься характеристикой каждого ученика.

П. 3. Разряды учеников по успехам желательно отменить. – С разрядами в духовных училищах в настоящее время не соединяется никаких прав.

§ 86. Экзамены производятся:

А) Обязательно: 1) всем ученикам, оканчивающим курс; 2) при переводе учеников из класса в класс по окончании или какой-либо науки (например, священной истории), или какого-либо законченного курса науки (например, по русскому языку – при окончании этимологии); 3) при переходе учеников от одного наставника к другому.

2. В остальных случаях – по усмотрению педагогического собрания правления училища, например: 1) всем ученикам известного класса – по тому предмету, по которому во время годичных занятий ученики оказывались рассеянными, небрежными и грубыми; 2) всем ученикам, недостаточно успевшим, по тем предметам, по которым они окажутся не успевшими; 3) некоторым ученикам в особых исключительных случаях (например в случае жалоб со стороны родителей на неправильную постановку баллов – хороших или худых). В таких случаях экзамены производятся 5–10 ученикам на выборку, по усмотрению смотрителя училища.

Такой порядок, не уменьшая значения экзаменов, уменьшил бы количество и напрасную тяжесть их и в то же время способствовал бы возвышению прилежания в учениках. Трудно не согласиться с мнением о пользе экзаменов, высказанным в циркуляре по духовно-учебному

ведомству (№ 10, с. 26—41). Во всяком случае вековые порядки, всегда приводившие к хорошим результатам, нужно отменять с большой осторожностью.

Мнение преподавателей А. Тарелкина и В. Соколова: Экзамены отменить, кроме выпускных и приемных, и ограничиться репетициями. — Экзамены осуждены и обществом, и печатью, и самою школой в лице многих ее представителей. Поставленной им цели экзамены не достигают и доставляют только лишние мучения ученикам.

§ 89. Желательно заведование фундаментальной и ученической библиотеками, вместо смотрителя училища и его помощника, поручить за особую плату кому-нибудь из преподавателей по желанию или же лицу постороннему; на помощнике смотрителя оставить только заведование учебниками и учебными пособиями. — Заведование библиотеками — труд чисто механический, который не соответствует общим обязанностям смотрителя училища и его помощника.

Глава 11. О воспитании в училищах нравственном и физическом

§ 95. Желательно, чтобы ученики в Великий пост посещали преждеосвященную литургию только в один какой-нибудь день недели: среду или пятницу. – Для поддержания в учениках религиозно-нравственного настроения достаточно посещения ими литургии однажды в неделю; посещение же ими литургии дважды в неделю неизбежно сопровождается некоторым расстройством учебного дела.

§ 96. Желательно, чтобы ученики говели в первую неделю Великого поста дома, при своих родителях. – При исполнении долга исповеди и св. причастия нет никаких оснований отрывать детей от семьи.

Глава 12. О помещении и содержании учеников училища

§ 103. Ученические общежития нежелательны или, по крайней мере, необязательны. При существующих средствах невозможно держать общежития в опрятности как в отношении самого помещения, так в отношении прислуги. Общежития развивают больше пороков, чем добродетелей, и способствует ученическим стачкам. Если же принять во внимание капиталы, затрачиваемые на постройку зданий под общежития, расходы по ремонту и содержанию их, то и дешевизну содержания учеников в общежитиях, сравнительно со стоимостью содержания их на квартирах, должно признать только кажущейся.

Глава 13. О правах и преимуществах духовных училищ

§ 123, 1. Для обсуждения общих педагогических вопросов в епархии периодически учреждаются педагогические съезды представителей духовно-учебных заведений.

2. В отношении получения наград преподаватели духовных училищ уравниваются с преподавателями духовных семинарий: получают награды по пропорции 1:8. Существующая наградная пропорция (1:20) является анахронизмом. В настоящее время преподаватели училищ с высшим образованием уже сравнены с преподавателями семинарии в классе должности, окладах содержания и правах на чины, а должность смотрителя училища даже одним классом поставлена выше класса должности преподавателей семинарии.

3. Преподаватели духовных училищ с высшим образованием имеют право на получение орденов до ордена св. Владимира 3-й ст. включительно, а смотрители училищ – право на получение на службе чина действительного статского советника. Это желательно в целях возвышения служебного положения педагогов в духовных училищах.

4. Желательно при Учебном Комитете при Св. Синоде на чисто экономических основах учреждение кассы взаимопомощи всех служащих в духовно-учебных заведениях, фонды каковой кассы могли бы быть образованы из источников, указанных в статье: «К вопросу о лучшем материальном обеспечении лиц, служащих в духовно-учебном ведомстве» («Богословский Вестник», 1904, октябрь). Положение о кассе должно быть выработано особо. Устройство такой кассы представляется безусловно необходимым: 1) служащие в духовно-учебных заведениях не получают никаких денежных наград, получение каковых наград представляет в других ведомствах нормальное явление; 2) многосемейным служащим не дается никаких пособий на воспитание детей; 3) нет пособий в несчастных случаях; 4) у служащих нет попечительства или опеки для сирот; сироты педагогов в другие опеки или попечительства не принимаются.

О ревизии духовных училищ

§ 28. Желательно, чтобы для духовных училищ были при Учебном Комитете особые ревизоры из лиц, прослуживших много лет в училище, ввиду необходимости для ревизора специального знакомства с училищной жизнью; при этом желательно, чтобы ревизоры свои заключения делали непосредственно после ревизии в педагогических собраниях – в видах спокойного течения училищной жизни, скорейшего исправления в ней недостатков и во избежание нежелательных недоразумений и случайностей. Преподаватели семинарий едва ли могут быть ревизорами, полезными для училищ, ввиду того, что недостаточно знакомы с училищной жизнью и не могут приобрести опытности путем практики, так как посылаются на ревизии редко и притом разные.

О реформе духовных семинарий

О реформе духовных семинарий, за краткостью времени, особого мнения не высказывается. Во всяком случае желательно, чтобы специальное богословско-пастырское образование было отделено от общего образования. Основания для отделения специального богословско-пастырского образования от общего хорошо выяснены в печати.

Соображения об изменениях в уставе духовных училищ, выработанные правлением Старицкого духовного училища

1. Духовное училище должно давать общее образование и воспитание учащимся детям православного исповедания в духе церковности.

2. Духовное училище, сохраняя подготовительное значение по отношению к семинарии, должно дать своим питомцам возможность беспрепятственного перехода в соответствующие классы светских общеобразовательных средних учебных заведений. Ввиду этого весьма желательно скорейшее введение, не позднее начала будущего 1906/07 учебного года, реформы духовных училищ по проекту члена Учебного Комитета при Св. Синоде г. Тихомирова, изложенному в № 47 «Церковных Ведомостей» за 1905 год.

Примечание. Желательно, если это окажется возможным, увеличение количества классов училища до шести, с программой учебных предметов (в 5 и 6 классах) в духе проекта г. Тихомирова.

3. Духовное училище по учебно-воспитательным вопросам должно быть самостоятельно и не подчинено правлению семинарии.

4. Епархиальный архиерей, как главный начальник духовно-учебных заведений епархии, имеет высшее наблюдение над духовным училищем, но, в случае несогласия с постановлением училищного правления, предлагает дело на новое рассмотрение правления; если же правление и по пересмотре останется при прежнем постановлении, то вопрос для окончательного решения передается в Св. Синод.

5. Смотритель духовного училища должен выбираться окружным съездом духовенства; на съезде на равных правах с духовенством должны присутствовать два члена училищной корпорации.

Примечание 1. Правление училища должно иметь право рекомендовать особому вниманию съезда достойных кандидатов на должность смотрителя училища.

Примечание 2. Смотритель училища должен выбираться или из лиц светских, или из белого духовенства.

6. Помощник смотрителя должен избираться правлением училища.

Примечание. Необходимо точно определить права и обязанности смотрителя и его помощника.

7. Смотритель и его помощник должны избираться бессрочно.

8. Учителя духовного училища должны избираться из лиц с высшим образованием епархиальным учебным советом.

9. Должен быть введен институт классных наставников из учителей училища за особое вознаграждение.

10. Все служащие в духовном училище должны получать одинаковую пенсию за выслугу лет.

11. Заведование всеми сторонами учебно-воспитательного дела в училище должно быть возложено на педагогические собрания правления, состоящие из всех членов корпорации и трех членов от духовенства (по выбору окружных съездов), под председательством смотрителя училища.

Примечание. Для сближения училищной корпорации с родителями учащихся желательно образование при училище родительских собраний, имеющих своей задачей обсуждение, совместно с корпорацией, учебно-воспитательных вопросов, и необходимо участие на съездах духовенства по училищным делам не менее двух представителей училищной корпорации – на окружных и не менее одного – на епархиальном, с правом голоса.

11. Постановления педагогического собрания правления должны считаться окончательными, если они постановлены единогласно.

Примечание 1. Для сокращения излишне обременительной переписки, журналы правления приводятся в исполнение непосредственно правлением, и только в исключительных случаях, при разногласиях между членами или недоумениях, должны представляться на утверждение епархиального епископа.

Примечание 2. Увольнение ученика из училища в течение учебного года или по окончании его может состояться по постановлению педагогического собрания правления, с указанием оснований и с утверждения епархиального преосвященного.

12. По окончании учебного года, составленный смотрителем училища и рассмотренный в педагогическом собрании правления отчет по учебно-воспитательной части должен представляться в епархиальный учебный совет.

13. Епархиальный учебный совет состоит при каждом епархиальном архиерее; совет составляется из выборных представителей в равном числе: во-первых, от епархиального союза, и во-вторых – служащих в духовно-учебных заведениях, преимущественно епархиального города, по избранию корпорации всех школ епархии. Члены учебного совета избираются на 5 лет. Постановления учебного совета по учебно-воспитательным вопросам должны иметь значение предложений; учебный епархиальный совет подчинен епархиальному архиерею. В ведение епархиального учебного совета должны перейти все те вопросы по учебно-воспитательной части в духовных училищах, право обсуждать которые ныне предоставлено правлениям духовных семинарий, и, сверх сего, этому же совету должно быть предоставлено право избрания учителей духовного училища.

Примечание. Необходимо учреждение периодических епархиальных съездов преподавателей в целях объединения и усовершенствования учебно-воспитательного дела, а также для обсуждения профессиональных нужд, с участием депутатов со стороны духовенства с правом голоса; эти съезды должны и избирать из своей среды членов учебного совета, но уже без участия депутатов духовенства.

14. Заведование хозяйственной частью в духовном училище должно быть возложено на хозяйственные собрания правления, в состав коих входят: смотритель, его помощник, учитель по выбору корпорации, почетный блюститель по хозяйственной части училища и 3 члена по выбору окружного съезда духовенства.

Примечание. Занятие делопроизводством по училищу должно быть необязательно для члена правления от учителей; обязанности делопроизводителя могут быть поручаемы и другим лицам училищной корпорации, а также, в случае нужды, и местным священноцерковнослужителям. Делопроизводителю предоставляется по своему усмотрению нанимать писцов.

15. Экономическая отчетность по духовному училищу должна рассматриваться исключительно окружными съездами духовенства и избираемыми ими ревизионными комитетами.

Примечание. Хозяйственные журналы правления, как домашние, исполняются правлением без предварительного их утверждения епархиальным преосвященным. Доступ в духовное училище должен быть открыт для детей всех сословий без всякого процентного ограничения для какого-либо из них; обучение в училище для всех учеников должно быть бесплатным.

16. Сироты и дети бедных родителей, без различия сословий, под условием хороших успехов и поведения, могут пользоваться всеми благотворительными суммами, находящимися на предмет оказания пособий в распоряжении правления.

17. Духовные училища должны быть объявлены открытыми учебными заведениями, с оставлением общежитий только для сирот и детей заштатных и неизлечимо больных отцов духовного сословия.

Примечание. Для надзора за учениками, живущими в общежитии, должность надзирателей желательно сохранить, предоставив одинаковые права службы как студентам, так и окончившим во 2-м разряде курс семинарии; надзиратели могут быть приглашаемы в заседания педагогического собрания правления с совещательным голосом.

18. Форменное платье для учащихся должно быть обязательно.

19. Деление учеников по разрядам подлежит уничтожению. Балловая система должна быть или отменена, или сокращена.

20. Переводные экзамены из класса в класс должны быть отменены, оставлены же должны быть только выпускные экзамены.

21. Продолжительность учебного года должна быть ограничена временем от 16 августа по 15 мая.

22. Каждый урок продолжается 55 минут.

23. Учителям предоставляется право выбора учеников, с разрешения всякий раз педагогического собрания правления.

24. Все учебники и учебные пособия, разрешенные к употреблению Министерством народного просвещения, могут быть употребляемы и в духовных училищах.

25. Учителя должны получать вознаграждение независимо от числа уроков. Каждый учитель должен иметь в среднем 20 уроков еженедельно.

26. Каждый учитель должен получать вознаграждения 1200 руб. в течение первых трех лет службы. Через каждые три года службы жалование возвышается на 10%, т. е. на 120 руб. По истечении 15-ти лет службы учитель получает 1800 руб., и возрастание жалования прекращается до выслуги 25 лет.

27. Смотритель и его помощник, получая учительский оклад содержания соответственно количеству лет службы (при ограниченном количестве недельных уроков, не более 6) имеют сверх сего добавочное вознаграждение не менее 300 руб. в год и пользуются казенной квартирой с отоплением.

28. За классное наставничество полагается вознаграждение не менее 300 руб. в год.

29. Каждый член педагогического персонала, по истечении 25 лет службы, получает добавочное вознаграждение в размере $\frac{1}{5}$ получаемого им основного оклада содержания, т. е. 360 руб. ($1800:5=360$).

30. Пенсия должна назначаться по выслуге 25 лет в размере 900 руб. в год.

31. Устранение (временное) учителя от службы по обстоятельствам, не допускающим промедления, может состояться по представлению педагогического собрания правления постановлением епархиального учебного совета, с донесением каждый раз Святейшему Синоду; увольнение же от службы может состояться лишь по производстве законного обследования вины учителя.

32. Весьма желательно дарование приготовительному классу училища соответствующих прав на равных условиях со штатными классами.

33. Желательно, наконец, учреждение низших общеобразовательных (профессиональных) школ для детей духовенства, оказавшихся недостаточно способными к прохождению курса в духовном училище.

К вопросу о реформе духовной школы (проект педагогического собрания Бежецкого духовного училища)

Цель духовной школы – приготовить юношество к достойному прохождению служения православной Церкви вообще и пастырского служения в особенности. Первое и необходимое условие достойного прохождения пастырского служения – искреннее, добровольное и сознательное желание посвятить себя этой деятельности. Но, конечно, нельзя говорить о сознательности в мальчике десяти лет, только что поступившем в духовную школу. А между тем учебные программы духовных училищ и особенно семинарий специализированы применительно к этой цели. Благодаря этому учащийся с раннего возраста принудительно определяется на служение, признания к которому он, может быть, и не имеет. Между тем переход из духовной школы в светскую соединен со многими практическими неудобствами: приходится держать дополнительные экзамены; кроме того, и чисто материальные соображения затрудняют переход из духовной школы в светскую. Несмотря на такие препятствия, лучшие силы все-таки уходят из духовной школы. На духовную службу идут более слабые силы. Да и те, в большинстве случаев, идут не по призванию: религиозный индифферентизм – обычное явление у учащихся в духовной школе. Таким образом, духовная школа не достигает своей главной цели – развить в душе учащегося религиозность и приготовить его к достойному прохождению пастырского служения. Ввиду этого мы находим, что духовная школа в том виде, как она теперь существует, должна быть упразднена. Желательны следующие изменения в строе духовной школы:

1) духовные училища и четыре первые класса семинарии нужно слить в одно средне-учебное заведение общеобразовательного типа с программой средних светских учебных заведений, с которыми оно должно быть уравнено в правах. Окончившие курс этой школы могут поступать в высшую светскую школу, а желающие посвятить себя пастырскому служению для получения богословского образования поступают на специальные богословские курсы.

Только с этих пор и должно начинаться богословское образование. Только в этом случае мы можем более или менее ручаться за то, что желающий получить богословское образование действительно сознательно относится к своему призванию, имеет искреннее и добровольное желание посвятить себя пастырскому служению.

2) Восьмиклассная духовная школа остается в ведении Духовного Ведомства. Передать ее в ведомство Министерства народного просвещения неудобно по следующему соображению: образование в светской школе в настоящее время обходится дорого, между тем обучение в духовной школе – бесплатно. Дешевизна обучения дает возможность и низшим членам причта, более бедным, обучать своих детей, что было бы им не по средствам в светской школе.

3) С целью привлечь в духовную школу и другие сословия, духовная школа должна быть всесословной. Должна быть отменена процентная норма для иносословных.

В настоящее время раздаются голоса, что не нужно платить от церкви денег на содержание училищ и семинарий, так как прием детей иносословных в духовные училища и семинарии стеснен. Тогда это возражение не будет иметь места, и можно надеяться, что по-прежнему будут поступать из церковных средств деньги на содержание духовной школы.

4) Внутреннее управление духовной школой должно сосредоточиваться в руках педагогического собрания. Начальник школы должен избираться на срок и не должен иметь начальнических прав по отношению к другим членам корпорации. Он только первый между равными. Помощник начальника школы избирается на срок из среды корпорации.

5) Необходимо увеличить материальное вознаграждение учителей. Настоящие оклады, существующие с 1884 года, не соответствуют возросшей дороговизне жизни. Оклады всех преподавателей должны быть сравнены; старшие оклады должны быть отменены. Первый оклад определяется в размере 1200 руб. за 18 недельных уроков. За лишние уроки дается добавочное вознаграждение в размере 75 руб. за каждый недельный урок. Через каждые пять лет оклад увеличивается на 200 руб. и к 15 годам службы достигает 1800 руб., после чего увеличение оклада прекращается. Пенсия за 25 лет службы назначается в размере 900 руб.

Начальник школы и помощник получают добавочное вознаграждение и пользуются казенной квартирой.

6) Общежития при духовной школе должны быть упразднены, как не достигающие своей цели.

7) Для большего единения школы и общества следует привлечь к участию в деле управления духовной школой и воспитания учащихся представителей от духовенства (2) и представителей от родителей (2) с правом решающего голоса.

4. О необходимости пересмотра законов, касающихся порядка приобретения Церковью недвижимой собственности

В числе предметов, подлежащих, согласно определению, Святейшего Синода от 18–22 марта 1905 года, рассмотрению и разрешению Всероссийского Церковного Собора, поставлен пересмотр законов, касающихся порядка приобретения Церковью недвижимой собственности.

1. По действующему ныне законодательству, церкви, монастыри и архиерейские дома ограничены в правах приобретения (равно и отчуждения) недвижимой собственности, и таковое право в каждом данном случае устанавливается для них особо испрашиваемым Высочайшим соизволением. Ограничение это одинаково распространяется на все способы приобретения церквами и монастырями недвижимой собственности: 1) при покупке (т. 9 Зак. о сост. изд. 1899 г. ст. 435; т. 10 Зак. гражд. изд. 1900 г. ст. 1429), 2) через пожертвование (т. 9 Зак. о сост. изд. 1899 г. ст. 435; т. 10 ч. 1 Зак. гражд. ст. 985) и 3) по завещанию (Зак. о сост. ст. 435 и Зак. гражд. ст. 1067).

В одном только случае не требуется испрошения Высочайшего соизволения, именно – в случае приобретения церквами и монастырями недвижимого имущества по давности владения, но это исключение сделано потому, что при постановлении окружным судом определения о выдаче свидетельства на приобретение недвижимого имущества устанавливается лишь совершившийся уже факт приобретения имущества в собственность посредством давности (реш. Гр. Касс. Деп. Сен. 1882 г. № 50)¹⁰⁵.

Таковое ограничение церквей и монастырей (и архиерейских домов) в приобретении недвижимой собственности представляет собой, несомненно, ненормальное для церковной жизни явление.

А) Ненормальность показанного ограничения особенно выпукло выступает, если обратить внимание на то, что указанное ограничение не распространяется на состоящие при церквах общества, братства, приюты, богадельни и тому подобные религиозно-просветительные, благотворительные и богоугодные учреждения, которые могут приобретать недвижимые имущества общеустановленным порядком, без испрошения на то Высочайшего разрешения (реш. Гражд. Касс. Деп. Сен. 1900 г. № 45). Равным образом избавлены от такового ограничения и духовно-учебные заведения, для которых приобретение недвижимой собственности окончательно разрешается Святейшим Синодом (т. 9 Зак. о сост. изд. 1899 г. ст. 443 примеч.).

Б) Будучи ненормальным, означенное ограничение не имеет для себя основания в условиях современной церковно-общественной жизни и может быть объяснено только, как историческое наследие древних ограничительных актов о приобретении церквами и монастырями недвижимостей. Благодаря жалованным грамотам князей, пожертвованиям, завещаниям и отказам частных лиц и разным другим способам приобретения, церковные владения к концу 15 века составляли целую треть всей государственной территории С. Павлов. Исторический очерк секуляр., с. 23). Почему уже в конце 15 века была высказана мысль об отобрании церковных и монастырских имений во имя государственных интересов. С того времени эта мысль последовательно проводилась в законодательных актах Правительства с большей или меньшей силой, в 1764 году сказалась в секуляризации церковных и монастырских имений, а к настоящему времени удержана в законодательстве в виде ограничения приобретательных прав церквей и монастырей испрошением Высочайшего соизволения. Но если в древности, благодаря широкому развитию церковно-общественной жизни, возможно было нарастание церковной недвижимости до указанных громадных размеров, так что потребовалось ограничение владетельных прав церквей и монастырей, то в настоящее время, при замечаемом повсюду понижении и даже упадке благочестивого рвения о благосостоянии Церкви, следствием чего является повсеместное сокращение, а вернее – и прекращение пожертвований в пользу церквей и монастырей, указанное ограничение имущественных прав церквей и монастырей едва ли может иметь основание. Если же обратить внимание, что в последнее время, с изданием Высочайшего указа от 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповеданий, православная Церковь предоставлена своим собственным силам, и в борьбе своей с наступающими на нее отовсюду религиозными сектами, при неблагоприятном настроении к ней так называемого общественного мнения, она должна развивать всю силу своего значения всеми своими средствами – через школы, миссионерства, братства и т. п., для чего требуется большой запас сил не духовных

только, но и материальных, – то нужно признать в высшей степени желательным, чтобы приток пожертвований в Церковь не только не тормозился какими-либо ограничениями, а наоборот, по возможности был облегчен благоприятным для Церкви содействием законодательства.

В) Нелишне также обратить еще внимание и на то, что означенное ограничение имущественных прав церквей и монастырей делает положение русской Церкви несколько похожим на положение других христианских Церквей в государствах Европы и Америки, где церковные установления или очень значительно ограничены в правах приобретения недвижимых имуществ, или даже лишены сих прав. Но там эти ограничения являются естественным следствием отделения Церкви от государства (особенно в Северной Америке и в последнее время во Франции), или даже прямой борьбы Церкви с государством (в Италии). В России же нет ни отделения Церкви от государства, ни тем более нет борьбы Церкви с государством.

Г) Наконец, таковое ограничение имущественных прав Церкви может повести к нежелательному явлению в смысле обхода действующего законодательного ограничения. Так, весьма возможно, что, в случае непоследования Высочайшего соизволения на укрепление за Церковью известного недвижимого имущества, таковое может быть укреплено и числиться de jure за частным лицом, de facto же находится во владении и пользовании Церкви; каковое явление совершенно обычно в Великобритании, в Скандинавских государствах, Северной Америке, благодаря существующему там ограничению или даже непризнанию юридических прав собственности за Церковью (Суворов. Курс церковного права, т. 2, с. 384, 385). Но таковой не прямой способ владения и пользования через посредство третьих лиц всегда может порождать злоупотребления со стороны недобросовестных людей, а в таком случае государство естественно будет оказывать своим ограничением церквей и монастырей совсем непредвиденное и нежелательное для него покровительство таким лицам.

По всем изложенным соображениям необходимо освободить церкви и монастыри и архиерейские дома от ограничения их имущественных прав по приобретению недвижимой собственности, предоставив им в этом отношении полную свободу действий, и точно регламентировать эти права в законодательстве.

К сказанному нужно добавить, что, в случае отмены означенного ограничения имущественных прав Церкви, желательно было бы, во избежание излишних формальностей, чтобы дела об укреплении (равно и об отчуждении) за церквами и монастырями недвижимых имуществ окончательно решались епархиальными начальствами, которые, стоя в непосредственной близости к сим учреждениям, в полной мере могут блюсти интересы церквей и монастырей, ограждая их от приобретений ненужных или невыгодных.

И. По действующему законодательству (т. 10 ч. 1 Зак. гражд. изд. 1900 г. ст. 698), состоящие при церквах приходы (приходские общины) не признаются юридическими лицами с правами приобретения недвижимой собственности. Такое непризнание представляет юридическую непоследовательность, тем более очевидную, что, как сказано выше, состоящие в Духовном Ведомстве общества, братства и т. п. религиозно-просветительные, благотворительные и богоугодные учреждения располагают всеми правами юридических лиц по приобретению и отчуждению недвижимых имуществ. Для разрешения вопроса о признании прихода юридическим лицом достаточно обратиться к узаконениям об устройстве и деятельности приходов, содержащимся в Уставе духовных консисторий, в «Инструкции церковным старостам» и в «Положении о приходских попечительствах». В Уставе духовной консистории имеется особая глава 5 «О приходах», заключающая статьи 92–103, и, кроме того, о приходах и прихожанах говорится в ст. 14, 45, 46, 55, 56, 71, 191. Из указанных статей видно, что состав прихода представляется не случайным, но всегда вполне определенным, и потому как число, так и личности прихожан каждой приходской церкви – известными. На основании ст. 39 требуется согласие прихожан на приобретение церковной утвари; по ст. 55, 71, 93, 191 прихожанам предоставляется избирать уполномоченных для сбора пособий на построение церквей, подавать жалобы на действия местных членов причта и просить об удалении их; по ст. 94 и 96 и по Высочайше утвержденной «Инструкции церковным старостам» прихожане избирают из среды своей старосту, который называется поверенным прихода (§ 1 «Инструкции церковным старостам»), для попечения об имуществе и о всем хозяйстве церковном. Положением о приходских попечительствах приходу, как определенной общественной единице, предоставляется попечение о благоустройстве своей церкви, о содержании своего причта и об устройении просветительных и благотворительных учреждений.

Приведенные узаконенные устанавливают за приходом права юридического лица, действующего в пределах своего района через своих выборных, уполномоченных, поверенных. Поэтому было бы вполне последовательным предоставить приходу, как определенной общественной единице, права юридического лица и по приобретению в собственность недвижимых имуществ. Такое восполнение юридических функций прихода особенно необходимо теперь, когда Св. Синод признал настоятельно необходимым оживление приходской жизни, организованную сплоченность деятельности прихожан в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях через повсеместное устройство церковно-приходских советов (опред. Св. Син. 18 ноября 1905 г. № 5900).

**№76, преосвященного Петра, епископа Смоленского, от 19
февраля 1906 года Записка депутатов Смоленского
епархиального съезда духовенства о желательных реформах в
благоустройении церковно-приходской жизни**

1. Духовенство епархии глубоко убеждено, что на имеющем быть Всероссийском Поместном Соборе необходимо участие представителей от сельского православного духовенства, которое почти одно трудится на поприще религиозно-нравственного просвещения многомиллионного крестьянства. Только в благоустройении церковно-приходской жизни, при указаниях выстраданного опыта белого духовенства – залог величия Святой Руси и насаждения в сердцах народных вечных заветов Христа.

2. Выборное начало в настоящее время, вследствие неподготовленности простого народа сознательно отнестись к столь важному акту свободы, как выбор своего духовного отца и руководителя, преждевременно и потому неудобоприемлемо.

3. Так как непосильным бременем на самом духовенстве и на отношениях к нему паствы лежит весьма унижительный способ его обеспечения, то неотложной потребностью времени считаем коренное изменение способов обеспечения духовенства. Содержание духовенству должно производиться из Государственного Казначейства в размере: 1500 руб. в год священнику и 600 руб. в год псаломщику.

4. Так как умножение диаконских вакансий ничего не дало епархии, кроме бедности и умножения судебных дел, возбуждаемых диаконами, – весьма желательно упразднение диаконских вакансий и оставление их там, где этого пожелают прихожане, на коих и должно лечь полностью содержание диаконов, без участия диаконов в братских доходах.

5. Съездом установлено, что диаконы-учители церковно-приходских школ не стоят на высоте, возложенной на них задачи – учительства; а поэтому учителями церковно-приходских школ должны быть не диаконы, как до сей поры практикуется, а отдельные учителя или учительницы с соответствующим высоте дела образованием.

6. По вопросу о реформе духовно-учебных заведений желательно уравнивание программ духовно-учебных заведений с программами светских среднеучебных заведений для предоставления полной возможности воспитанникам духовных школ отыскивать средства к жизни на желательном для них поприще и тем избавить православную Церковь от пастырей не по призванию.

7. Ввиду того, что в настоящее время многие ретроградные реформаторы пишут и говорят о достаточности для кандидатов сельского священства низшего образования и, по получении оного, обучении в продолжение 2–3 лет на богословских курсах считаем крайне необходимым высказывать, что по нашему глубокому убеждению, кандидаты священства, по получении среднего образования по программе не ниже среднеучебных заведений светских, должны получать основательное богословское образование и глубоко религиозное воспитание, дабы быть достойными руководителями и примерными наставниками имеющего получить право гражданства великого русского народа.

8. Консистория должна быть заменена советом пресвитеров, избираемых духовенством всей епархии на срок.

9. Желательно преобразование церковного суда и введение братского суда чести.

10. Административная и судебная власть в округе должна быть предоставлена благочинническим советам, избираемым духовенством округа на срок; жалобы на решения благочиннического совета поступают на рассмотрение епископа и совета пресвитеров.

11. ... дозволения сложения сана без лишения прав по рождению, образованию и службе, дабы не было пастырей-наемников.

12. Необходима отмена наград для духовенства.

№77, преосвященного Питирима, епископа Курского, от 21 февраля 1906 года По вопросу о составе Поместного Собора Всероссийской Церкви

Вопрос о составе Поместного Собора Всероссийской Церкви может и должен быть разрешен на основе церковных канонов и исторических фактов, беспристрастно обследованных наукой церковной истории. В церковных канонах, как «неотменных, несокрушимых и непоколебимых»¹⁰⁶ нормах, святая Церковь выразила свой вселенский голос, благоустроивший разнообразные явления ее внутренней и внешней жизни, а в исторических фактах открылось практическое применение этих норм, соответственно потребностям времени. Добытое на историко-канонической почве решение поставленного вопроса, несомненно, будет лучшим по своему существу и всего более благотворным по своим последствиям для предстоящего переустройства церковного управления и вообще церковно-общественной жизни.

Обращаясь к истории соборов, мы узнаем, что в их заседаниях присутствовали различные лица по своему положению в Церкви: епископы, пресвитеры, дьяконы, низшие члены клира, монахи и миряне неодинакового звания и общественного состояния. Таковой состав соборов определился еще при свв. апостолах. На созванном ими в Иерусалиме соборе (51 г.) для решения вопроса о значении обрядового закона Моисеева, кроме апостолов Петра, Иакова, Иоанна, Павла и Варнавы, заседали пресвитеры иерусалимской Церкви и братия¹⁰⁷. В послеапостольское и во все последующее время на церковных собраниях, вместе с иерархическим, в значительной степени выделяется и мирской элемент. На соборах, созывавшихся по поводу лжеучения Монтана, участвовали «верующие». Всецерковный состав соборов 3 века ясно подтверждается следующими характерными словами св. Киприана, епископа Карфагенского: «Нужно, составив общий совет с епископами, пресвитерами, диаконами, исповедниками и твердыми в вере мирянами, рассудить о деле падших»¹⁰⁸. Тому же св. Киприану римский клир, по вопросу о падших, писал: «Мы желаем, чтобы ты, по умирении Церкви, по советам епископов, пресвитеров, диаконов, исповедников и верных мирян решил дело о падших»¹⁰⁹. На Римском соборе (252 г.), созванном по делу раскольников-новациан, и на Карфагенском (ок. 257 г.) участвовали епископы, пресвитеры, диаконы и многочисленные миряне¹¹⁰. Судя по надписанию послания Антиохийского собора (ок. 269 г.), отлучившего от Церкви еретика Павла Самосатского, на нем были «епископы, пресвитеры, диаконы... и церкви Божии»¹¹¹. Из числа многих участников сего собора особенно выделился учнейший пресвитер Мальхион, состоявший начальником местного софистического училища: при помощи диалектического искусства ему удалось изобличить притворное правосмыслие поименованного еретика. На поместных Аравийских соборах (244–247 гг.) выдающимся деятелем был ученый Ориген, раньше лишенный Димитрием, епископом Александрийским, пресвитерства. Сюда его пригласили местные епископы для обличения лжеучений: Берилла, епископа Бострийского (Антитринитария), и психопаннихитов, утверждавших, что человеческая душа умирает вместе с телом и вместе с ним же некогда воскреснет¹¹². На Эльвирском соборе, в Испании (309 г.), было 26, заседавших с 19-ю епископами, пресвитеров, неизвестное число диаконов и множество народа. На Константинопольском соборе (394 г.) епископы присутствовали «со всем священным чином». Римские соборы (465, 495, 531 гг.) состояли из епископов, пресвитеров и диаконов. Бывший в Константинополе (536 г.), при патриархе Мине, собор (против монофизитов-епископов Анфима и Севера) имел в своем составе «весь клир столицы»¹¹³. На первом или Двукратном соборе (861 г.) в Константинополе, кроме епископов, императора Михаила 3, кесаря Варды, присутствовали сановники и множество народа¹¹⁴. На 4 (635 г.) и 8 Толедских, на Латеранском (745 г.) и Римском (769 г.) соборах с епископами, пресвитерами и прочими клириками присутствовало огромное множество народа из всяких сословий¹¹⁵. На Констанцском Соборе (1414–1419 гг.) свита императора Сигизмунда состояла более чем из тысячи лиц. Императору на собор сопровождали: 4 курфирста, 19 герцогов, 83 графа; Церковь на соборе представляли: 4 латинских патриарха, 20 архиепископов, 150 епископов, 124 аббата и до 1800 пресвитеров; науку – 3000 докторов и лиценциатов. В соборе приняли участие через послов все правители Запада; по временам насчитывали до 150 тысяч чужестранцев¹¹⁶.

То же можно сказать и о вселенских соборах. По своему составу они были всецерковными собраниями. На 1 Никейском Соборе, кроме 318 епископов, было много лиц из низшего духовенства и мирян. Здесь были даже некоторые языческие философы, вступившие в беседы и споры с епископами¹¹⁷. На основании арабских актов сего собора можно догадываться, что число лиц, на нем присутствовавших, восходило до 2 тысяч¹¹⁸. Особенно деятельным участием в заседаниях соборных известен александрийский архидиакон Афанасий, отличавшийся своим богословско-философским образованием, красноречием, диалектикой и высоким умом. На 2 Никейском (7 Вселенском) Соборе, в числе заседавших членов было до 136 настоятелей монастырей, «благоговейнейших архимандритов, игуменов и монахов»¹¹⁹. Большое стечение на вселенские соборы клириков, монахов и мирян побуждало даже гражданскую власть принимать экстраординарные меры к их удалению из города, во избежание смятений и беспорядков. От светлейшего комита Кандидиана император Феодосий 2 Младший требовал, «чтобы он как мирян, так и монахов, и собравшихся уже (на 3 Вселенский Собор) и имеющих еще собраться, всячески отдалял от самого города». Императрица Пульхерия указом своим уполномочила военачальника Вифинии «с полной властью и всячески изгонять из города (Никеи, в котором первоначально предполагалось открытие 4 Вселенского Собора) и из самых этих областей как клириков, проживающих там без нашего приглашения или без дозволения своих епископов, так и монахов и мирских, которых никакая причина не призывает на собор»¹²⁰.

Кроме простых мирян, на вселенских соборах присутствовали коронованные особы и их сановники, или одни сановники, как представители государственной власти. Исторически известно, что заседания их почтили своим присутствием: 1 Никейского – император Константин Великий, 4 Халкидонского – Маркиан и Пульхерия, 6 – Константин Погонат, 7 – императрица Ирина¹²¹. Из чиновных лиц на тех же Соборах были: на 3, в преемственном порядке, комит Кандидиан и государственный статс-секретарь Иоанн, как представители государственной власти, и без полномочий, по расположению к Несторию, архиепископу Константинопольскому, вельможа Ириней; на 4 – 19 гражданских чиновников, занимавших высшие должности в государстве; на 5 – квестор Константин, на 6 – 12 высших сановников империи; на 7 – консул Петроний и императорский логофет Иоанн¹²².

В церковно-исторических памятниках также немало указывается соборов с контингентом исключительно епископским. Таковы соборы: о времени празднования Пасхи (2 в.) в Палестине, Риме, Галлии, Греции и Азии¹²³, Анкирский (314 г.), Неокесарийский (315 г.), Тирский (337 г.), Антиохийский (341 г.), Сардикийский (347 г.), Карфагенский, Милевинский (416 г.) и многие другие¹²⁴. Об участии клира и мирян на этих соборах прямо не упоминается.

Обращают еще на себя внимание публикации соборных посланий от имени епископов, изложение в церковных актах мнений и обозначение разных соборных определений числом одних епископов, хотя, несомненно, на соборах присутствовали и другие члены, в выработке их принимавшие деятельное участие. Известно, что 59-е и 68-е послания св. Киприана Карфагенского, писанные от лица собора, представляют имена одних епископов, помимо клира и народа, на нем присутствовавших. В актах Карфагенского Собора (третьего из числа бывших по вопросу о крещении еретиков соборов – 255– 256 гг.) изложены мнения одних только епископов. Постановления первого, второго и других Вселенских Соборов называются постановлениями 318, 150... св. отцев, т. е. обозначаются числом присутствовавших на них епископов, без упоминания других членов клира¹²⁵. Этими деталями, относящимися к составу лиц поместных и вселенских соборов, определяются правомочия их членов и утверждается преимущественное значение епископов, как необходимого соборного элемента. Частнейшие рассмотрения полномочий участников в заседаниях соборных показывают, что действительными членами соборов, облеченными властью определять обязательные при исполнении верующими постановления, были епископы.

Присутствовавшие на соборах лица различались между собой правом совещательного голоса (*votum consultativum*) и определяющего (*votum decissivum*). Последнее право составляло исключительно привилегию епископов, как преемников апостольской власти и представителей частных Церквей. Право совещательного голоса или участие в совещаниях (*jus consultativum*) принадлежало всем остальным членам соборов. Такое разделение полномочий, начавшись при свв. апостолах, твердо сохранялось и поддерживалось в церковной практике последующего времени. На Иерусалимском Соборе (51 года), в рассуждениях о законе Моисеевом, решающий голос имели апостолы¹²⁶. 37-е правило апостольское от епископов требует ежегодных собраний

для рассуждений о состоянии и потребностях местной Церкви или для решения недоуменных случаев в ней. Одним епископам вменяется в обязанность соборное рассмотрение церковных дел канонами Вселенских и Поместных Соборов¹²⁷. Всеми означенными канонами требуется присутствие на соборах только одних епископов, потому что они, как председательствующие на них, имели решающий и определяющий голос. 7 Вселенский Собор, назвав ежегодные Поместные Соборы собранием епископов, имеющих своей целью «канонические исследования», об их полномочиях выразился так: «Когда же будет собор о предметах канонических и евангельских, тогда собравшиеся епископы должны прилежати и пещися о сохранении Божественных и животворящих заповедей Божиих»¹²⁸. В этом же смысле и св. Киприан Карфагенский называет собор – *conventus episcoporum* (Epist. 14). Таковым полномочием епископов объясняется их постоянное присутствие в заседаниях соборных и подписывание только ими соборных определений. Обыкновенно епископы подписывали протоколы заседаний с соответствующей определительной формулой. Пресвитеры и диаконы подписывались под соборными постановлениями редко, и притом только в тех исключительных случаях, когда замещали своих епископов, не могших быть на соборе по уважительным причинам. Под определениями 2 Вселенского Собора между епископскими подписями значится и несколько подписей пресвитерских, сделанных заместителями епископов. Подписи следующие: «Киликийской области – Феофил Александрийский (епископ), в лице пресвитера Алипия; Исаурийской области – Монтан (епископ) Клавдиопольский, в лице пресвитера Павла; Писидийской области – Феосевий (епископ) Фриломелийский, в лице пресвитера Васса; Фригийской области – Феодор (епископ) Евменийский, в лице пресвитера Профутура». Под соборными определениями встречаются еще более точные подписи пресвитеров. Например, приговор о низложении еретика Нестория подписан так: «подписуюсь Воспорий, епископ Гангр, главного города провинции Памфилии, и осуждаю вместе с святым собором. По болезни его самого, подписал уполномоченный им пресвитер Ипатий... Подписуюсь Аргин, епископ Помпеополя в Пафлагонии; за его болезнь подписал пресвитер Синезий. Венсак, епископ Церкви иерапольский; подписуюсь за него пресвитер Павел в его присутствии и по его повелению»¹²⁹. Кроме пресвитеров, уполномоченными епископов бывали: архидиаконы, диаконы, чтецы, нотариусы, подписывавшиеся их именами¹³⁰. Подписи соборных актов клириками без обозначения имени их епископов следует считать за неполные подписи и не выражающие самостоятельно определяющего их голоса на соборе; несомненно, это – подписи уполномоченных епископов. Из послания на Ефесский (3 Вселенский) Собор Капреола, митрополита Карфагенского, видно, что он уполномочил быть на этом Соборе своим представителем диакона Везулу, а между тем последний соборное определение «о вере» подписал кратко: «подписуюсь Весула, диакон карфагенской Церкви»¹³¹.

За исключением указанного представительства, пресвитеры и остальные члены клира присутствовали на соборах с правом совещательного голоса и потому не были полноправными членами соборов. Правом решающего голоса они не пользовались даже и в тех исключительных случаях, когда выступали на соборах, как знатоки богословия, и разъясняли поставленные для решения вопросы, или даже как нотариусы, иногда (почти) руководившие соборными заседаниями¹³². На соборы и пресвитеры и диаконы являлись, большею частью, в качестве спутников епископов, желавших поучиться от них урокам истины, или же в звании епископских нотариусов и секретарей. Подобно белому духовенству и монахи, присутствуя на соборах, не были облечены правом решающего голоса. Таковое положение в достаточной степени подтверждается поведением их в заседаниях 7 Вселенского Собора. Желая изложить свое мнение по обсуждаемому вопросу, они испрашивали мнения епископов и, в частности, дозволения на это председателя собора, Константинопольского патриарха Тарасия. Они присоединяли свой голос к голосу епископов, сказавши: «*placet et nobis...*» Особое дозволение собора высказать свое мнение монахи принимали, как отступление от установившегося порядка: «*si ordo – сказали они, – est talis, ut et nos pronuntiemus?*»¹³³

Еще менее активными членами соборов (с переходом в 4 веке представительства в Церкви от народа к государственной власти) были миряне. Они являлись в места заседаний соборных, как простые зрители, или же как лица, заинтересованные ходатайством, жалобой, просьбой и т. п. По особым обстоятельствам, в редких и исключительных случаях, спрашивали мнения и у них, например при обсуждении вопроса, имевшего отношение к той церковной общине, к которой принадлежали они и где происходил собор. Но и только: голоса в соборных решениях они не

имели. Его не имели даже гражданские чиновники, коих присылали на Соборы (Вселенские) императоры для наблюдения за внешним порядком, безопасностью и спокойствием соборных заседаний. Деятельность их на соборах была чисто дисциплинарная, строго определенная царскими грамотами. Уполномочивая своего придворного сановника наблюдать за благочинием на 3 Вселенском Соборе, император Феодосий Младший в своей грамоте писал, что ему «повелено прибыть к вашему святейшему собору, с тем однако же, чтобы он нисколько не вмешивался в происходящие исследования о догматах (ибо не принадлежащему к числу епископов не справедливо вмешиваться в дела церковные)... Да знает ваше благочестие ... что знатнейший муж Ириней отправился вместе с Несторием, боголюбезнейшим епископом великоименитого города, только их дружбы с ним, но ни в каком отношении не должен принимать участия ни в делах святейшего вашего собора, ни в поручениях посланного нами знаменитейшего мужа Кандидиана» Деян. Всел. Соб. Т. 1 С.. По прочтении императорской грамоты, обозначившем формальное открытие соборных заседаний, отцы собора предложили Кандидиану удалиться, потому что он, как не епископ, «не имел права участвовать в их постановлениях»¹³⁴.

Даже сами императоры не присваивали себе на соборах решающего голоса и не считали себя вправе вмешиваться в соборные дела. Своей обязанностью они считали только заботу о чистоте православной веры, о благоустройстве и благоденствии Церкви. Обращаясь к отцам Никейского Собора с речью, император Константин Великий сказал: «Бог поставил вас пастырями Церкви; поэтому все, что относится к вере Христовой, вам надлежит рассматривать»¹³⁵. Мысль о невмешательстве императорской власти в соборные постановления ясно выражена Феодосием 2 в его послании к епископу Антиохийскому Иоанну. «Всякое постановление, – писал он, – и низложение епископов будет зависеть от решения кафолической Церкви, которое, впрочем, должно совершаться без шума и волнения»¹³⁶. Император Маркиан, по его словам, присутствовал на Халкидонском Соборе (в 6-м заседании) для того, «чтобы придать твердость деяниям соборным, а не для показания силы... взявши в образец блаженной памяти Константина»¹³⁷.

Подписи императорами соборных актов выражают ту же мысль о неприсвоении ими права решающего голоса. Готовясь подписать определения Халкидонского Собора, император Маркиан предварительно спросил заседавших на нем отцов: «Пусть скажет святой собор, по согласию ли всех епископов провозглашено прочитанное теперь определение?» «Так же поступили: на 6 Вселенском Соборе – император Константин Погонат и на 7 – императрица Ирина. Император Юстиниан 2 скрепил определения пято-шестого (Трулльского) Собора подписью: «*pop de jiniens, sed suscipiens et consentiens*»¹³⁸. Сами отцы просили императоров подписывать соборные определения в том убеждении, что составленные ими определения не только возымеют обязательную силу для всех правоверующих граждан государства, но и удостоятся защиты от государей, в случае нападения на их определения со стороны неправомыслящих еретиков.

В интересах исторической правды необходимо отметить следующее обстоятельство. Епископы, ограничивая участие в заседаниях соборных клира, монахов и мирян представлением им совещательного голоса, не игнорировали их мнений и при постановлении своих решений всегда принимали оные во внимание. Посему сказать можно, что коллективный голос паствы также имел решающее значение и что «твердость» епископского решения зависела от предварительно выяснившегося на совещаниях или впоследствии привходящего согласия паствы, от рецепции его паствой¹³⁹.

В управлении русской Церкви соборное начало стало применяться с первых дней ее исторического существования. В достопамятную пору ее основания древний обычай составления поместных соборов твердо держался как на греческом Востоке, так и на римском Западе. От единой Греции он унаследован был Россией с теми каноническими порядками, какие необходимы были для правильной организации новоустроившейся в ней национальной Церкви.

Составление соборов в русской Церкви, всего прежде, обусловило каноническое требование¹⁴⁰ избрания и постановления епископа несколькими епископами. Составляющиеся для сей цели соборы, конечно, были часты и, так сказать, обыкновенны. Кроме этого типа соборов, были в России соборы чрезвычайные – по церковным делам общего значения и особенной важности. К этому разряду должны быть отнесены соборы киевского или домонгольского периода: 1051 и 1147 гг. – по поводу избрания в митрополиты Илариона и Климента Смолятича, 1157 и 1162 гг. – для суда над Ростовским епископом Нестером, 1168 г. – по

поводу спора о посте в среду и пятницу и 1170 г. – на Феодора, Ростовского епископа¹⁴¹. В монгольский период (1237–1459 гг.) церковные Соборы созывались чаще; за указанное время их собрано было в северо-восточной половине России девять. Знаменитейшим между ними был Владимирский Собор 1274 года, созданный митрополитом Кириллом 2 для благоустройства русской Церкви, разоренной татарами¹⁴².

Еще чаще созывались Соборы в 16 и 17 вв. Выражаясь относительно, эти века были временем расцвета соборного начала в России, раскрывавшегося соответственно развитию религиозно-церковной жизни, русского общества и изменявшимся условиям политической жизни, экономического быта, а также по мере назревавших новых вопросов, неотложно требовавших своего разрешения. В юго-западной Руси созыву частых Соборов содействовала напряженная борьба православия с католичеством и унией, а в Московской – открывшаяся, под влиянием «новых начал», переоценка явлений церковнообщественной жизни, та же религиозная борьба с заблуждающимися в лице жидовствующих, Матвея Бакшина, Феодосия Косого и фанатичных раскольников, решение вопросов о церковных имуществах, о церковных святынях, об исправлении богослужебных книг и обрядов, о переустройстве церковного управления по образцу греческому и т. п. К более выдающимся соборам указанной эпохи относятся, например, Соборы: Виленский 1509 г. Брестский 1596 г., Киевский 1621 г., Московские – 1503 г., Стоглавый 1551 г., 1559 г., 1666–1667 гг., 1681–1682 гг. и др.¹⁴³. С учреждением в 1721 году Святейшего Синода, как постоянного собора («понеже собор»), повременные или, как они еще назывались, «освященные» Соборы прекратились в русской Церкви до настоящего времени.

В течение семивекового существования своего в русской Церкви институт повременных Соборов не имел точно регламентированной организации. Состав их разнообразился, увеличиваясь или уменьшаясь по числу членов, и изменялся по их иерархическому и общественному положению. Количество членов собора и их групповой состав большей частью определялись обстоятельствами времени и важностью поставленных на решение вопросов. обстоятельное изучение истории русских соборов приводит к признанию той очевидной истины, что многие из них в своем составе имели одних епископов; что были соборы, состоявшие, кроме епископов, из представителей белого и монашеского духовенства, из князей и бояр, но что не составлялись соборы без епископов. На Владимирском Соборе (1274 г.) с митрополитом Кириллом 2 присутствовали одни епископы: Серапион Владимирский, Далмат Новгородский, Игнатий Ростовский, Феогност Сарайский и Симеон Полоцкий. На Московском Соборе (в сентябре 1503 г.) присутствовало восемь членов: митрополит Симеон, Новгородский архиепископ Геннадий и шесть епархиальных епископов¹⁴⁴. При патриархе Филарете, на соборе 1620 года присутствовали: два митрополита, три архиепископа и один епископ. Акты Виленского Собора 1509 г. подписаны: митрополитом (Иосифом Солтаном), семью епископами, семью архимандритами, шестью игуменами и семью протопопами. В них же упоминается и об «иных честных священниках», как членах собора¹⁴⁵. На Стоглавом Соборе, происходившем в царских палатах, вместе с царем Иоанном Грозным и митрополитом Макарием, присутствовали все епископы (числом девять), многие архимандриты, игумены и строители монастырей, пустынники и духовные старцы из монахов, протопопы и священники «со всеми освященными соборы всего Российского царствия»¹⁴⁶. На Московском Соборе 1666 года, осудившем патриарха, Никона, присутствовали: царь Алексей Михайлович, два восточных патриарха, десять митрополитов, семь архиепископов, четыре епископа, тридцать архимандритов, девять игуменов и множество других духовных и светских лиц¹⁴⁷.

Изложенные факты достаточно доказывают то положение, что необходимым и неизменяемым элементом в составе соборов Русской Церкви всегда были лица епископского сана, что присутствие их на соборе было непременным условием для его составления. Из тех же фактов следует, что князья, бояре, монахи, протопопы и вообще лица низшего клира не считались непременными членами соборов. Кроме епископов, чаще всего присутствовал на соборе великий князь или царь, как представитель государства и охранитель церковных нужд. О белом духовенстве московской Церкви даже можно сказать, что оно на соборах присутствовало очень редко. По крайней мере в исторических памятниках, относящихся к освященным соборам 16 и 17 вв., только три из них отмечены, как имевшие в своем составе членов из белого духовенства: 1553–1554 г., 1656 г. и 1690 г.¹⁴⁸ Более устойчивый элемент в составе соборов представляли священники Киевской митрополии. Здесь участие в церковных собраниях лиц пресвитерской степени рассматривалось не только как их право, но и как долг¹⁴⁹.

Решающий голос в соборных заседаниях принадлежал только лицам епископской степени, безотносительно к их иерархическим титулам. Даже государи, выступавшие на соборах со своими предложениями и мнениями по известным вопросам, не стесняли решающего голоса епископов и предоставляли им право свободно делать постановления. Они своим согласием лишь утверждали соборные постановления, для чего к ним привешивали свою печать. Другие, присутствовавшие в заседаниях соборных, духовные лица могли высказывать свои мнения с правом совещательного голоса, влияя иногда, в зависимости от своих умственных дарований и нравственных качеств, на соборные постановления (препод. Иосиф Волоцкий на соборе 1503–1504 гг.). Находившиеся на соборах бояре не принимали активного участия в рассуждениях. Диакону Висковатому, позволившему себе на соборе вмешаться в разговор Грозного Царя с митрополитом Макарием, последний многозначительно сказал: «знал бы ты свои дела, которые на тебя положены»¹⁵⁰. Не принимали также прямого участия в церковно-иерархических действиях соборов и миряне Западно-Русской митрополии, хотя они, как известно из истории, часто по нуждам времени присутствовали на соборах. Поддерживая Церковь в борьбе с католичеством и унией, православные западноруссы-миряне ревностно заботились только о проведении в жизнь соборных постановлений своей иерархии¹⁵¹.

Таким образом в России, как и на Востоке, церковные соборы: 1) носили характер всецерковный в том смысле, что на них иногда присутствовали представители всех степеней иерархии и всего православного народа в лице великого князя или царя и бояр (в московской Церкви), сенаторов, депутатов от дворянства, от мещан разных городов и делегатов от братств (в киевской Церкви), и 2) члены их различались по своим полномочиям, имея право решающего или совещательного голоса.

От таковой соборной организации, увековеченной тысячелетним опытом и освященной авторитетом богоносных отцов, нет необходимости отступать и в настоящее время. Вследствие ее исторической прочности и всегдашней применяемости в различных условиях места и времени, она вполне может быть также пригодной для определения состава предстоящего Поместного Собора Всероссийской Церкви. Согласие же всего состава с церковными канонами и многовековой практикой будет самым лучшим показателем его доброкачественности и целесообразности. В виду важности, разнородности и многочисленности вопросов, подлежащих соборному рассмотрению, потребно ввести в состав Собора по возможности всех епархиальных епископов, а затем и представителей от клира, монашества и мирян. Относительно вызова на Собор епископа должны быть соблюдены канонические правила, требующие обязательного присутствия на поместных соборах, под угрозой – в случае неявки – наказания (Карфагенского Собора пр. 7-е), если только не воспрепятствуют тому неожиданные и независимые обстоятельства (Лаодикийского Собора пр. 40-е). Присутствие большинства русских епископов на Соборе представляется тем легче осуществимым, что у нас в 32-х (или и того более) епархиях существуют викарии, могущие, за отбытием на Собор правящих епископов, управлять епархиями. Если же на Собор будут вызваны и некоторые викарии (есть епархии, в коих имеются по 2 и по 3 викария), то им, согласно древнецерковной практике, должно быть предоставлено право определяющего голоса наравне со всеми епископами. Известно, что присутствовавшие на Соборах – Поместном Неокесарийском, 1 и 3 Вселенских – хорепископы участвовали в соборных решениях равноправно с митрополитами. Так как участие в соборе есть обязанность архиерейского служения, то, рассуждая идейно, следует утверждать, чтобы все русские епископы были приглашены на предстоящий Собор, без применения к ним выбора.

К другим членам Собора, во избежание скопления на нем значительного по количеству, беспорядочного и низкопробного в нравственном отношении элемента, необходимо применить строгий выбор. Затрудняюсь наперед, с пользою для дела, определить число их. На Соборе нельзя обойтись без людей сведущих по разным отраслям богословия и церковно-общественной жизни: догматистов, канонистов, церковных историков, расколоведов, миссионеров, членов консисторий, представителей духовно-учебных заведений и т. п. Все они будут полезны Собору своими специальными и компетентными показаниями, разъяснениями, справками. Таковые лица, как более известные Святейшему Синоду, должны быть приглашены на Собор особо, независимо от числа делегатов от клира, иночества и мирян.

В соответствии восточно-и древнерусской практике, на Соборе весьма желательно присутствие представителей государственной власти, например, в лице обер-прокурора Святейшего Синода. Быть может, в подражание благочестивейшим православным императорам

Византийским и благочестивым предкам – царям Московским, и самому Государю Императору благоугодно будет почтить своим посещением Собор и в тесном единении с собравшимися православными сынами отечественной Церкви обсудить великое дело ее благоустройства.

Многочисленные соборы, облеченные правом совещательного голоса, могли бы войти в составы комиссий, необходимых для предварительной разработки возбужденных вопросов и для составления проектов. В общем соборном заседании комиссионные работы подвергаются детальному рассмотрению, с допущением, по образцу Поместных и Вселенских Соборов, прений по спорным вопросам.

Окончательные же постановления должен определять собор одних только епископов, являющихся авторитетными и высшими, в силу преемственной власти от апостолов, судьями всех соборных рассуждений и совещаний.

№78, преосвященного Евсевия, епископа Владимирского, от 19 ноября 1905 года

Прежде чем отвечать на вопросы, предположенные к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви и изложенные в указе Святейшего Синода от 27 июля сего года, № 8, и в предложении г. синодального обер-прокурора от 28 июня сего года, № 100, считаю себя вынужденным доложить, что, несмотря на глубокий интерес и чрезвычайную важность поднимаемых вопросов, я, к крайнему своему сожалению, решительно не надеюсь дать на них обстоятельные ответы. Предложенная работа застает меня в исключительно неблагоприятных условиях для ее исполнения. И прежде всего, вследствие отдаленности Владивостока от С.-Петербурга и задержки в пути почтовых поездов по случаю военного времени, я получил вышеуказанный указ Святейшего Синода только 31 августа, т. е. на месяц позднее, чем почти все прочие епархиальные архиереи. Чтобы мой ответ в С.-Петербург мог получиться к назначенному сроку, я должен отправить его опять на месяц раньше других епархиальных архиереев, т. е. не позднее конца октября или, в крайнем случае, самого начала ноября. Таким образом, в моем распоряжении для составления ответа остается только два месяца. Подлежащие обсуждению вопросы настолько серьезны, что каждый из них может служить предметом отдельного, более или менее обширного исследования. Во всех епархиях есть духовно-учебные заведения, корпорации которых несомненно придут на помощь своим преосвященным в обсуждении этих вопросов. В моей епархии не только нет духовно-учебных заведений, но и вообще нет таких лиц, которые могли бы оказать мне серьезную помощь в предложенной работе. Наконец, чтобы дать более или менее обстоятельные ответы на предложенные вопросы, необходимо иметь под руками справочные книги, необходимо пользоваться серьезной библиотекой. В моем распоряжении, кроме скудной моей личной библиотеки и еще более скудной библиотеки архиерейского дома, никаких других книг нет. Все это ставит меня в крайне затруднительное положение. Тем не менее, я постараюсь сказать, что смогу, и утешаю себя мыслью, что недосказанное или неправильно изъясненное мною будет восполнено и исправлено другими архиереями, поставленными в лучшие условия сравнительно со мной.

Но, прежде чем отвечать на каждый из предложенных вопросов в отдельности, я нахожу нужным высказать, что церковная реформа, как и всякая другая, может быть плодотворна только тогда, когда имеются налицо люди, способные провести ее в жизнь. Посему еще не так важно, кто в русской Церкви будет стоять во главе церковного управления – патриарх или Синод, будет ли российская Церковь разделена на церковные округа под управлением митрополитов и с какими именно полномочиями или нет, какое устройство получит церковное управление, церковный суд и церковно-приходская жизнь, какими полномочиями будут облечены епархиальные съезды и т. п. Гораздо важнее иметь добрых, самоотверженных и стоящих на высоте своего призвания пастырей и архипастырей. О воспитании таковых пастырей и архипастырей прежде всего и нужно позаботиться. Без них всякие другие реформы, хотя бы даже полезные и добрые, могут остаться только на бумаге, а с ними – можно не спешить и с другими реформами: стоящие на высоте своего призвания пастыри и архипастыри без внешних, точно регламентированных реформ, сумеют поднять церковно-религиозную жизнь верующих на надлежащую высоту. Я, впрочем, не хочу этим сказать, чтобы реформы для русской православной Церкви были не нужны. Нет, нужда в них назрела давно, а в настоящее время, ввиду Высочайше объявленной свободы вероисповеданий, она стала особенно настоятельной; но только при проведении этих реформ необходимо прежде всего и более всего обратить серьезное внимание на подготовку и выбор хороших пастырей и архипастырей и, следовательно, на усовершенствование духовно-учебных школ. Таким образом, четвертый из предположенных к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви вопросов – об усовершенствовании духовных школ – представляется мне наиболее важным и требующим особенно скорого и тщательного обсуждения и соответствующих мер. Впрочем, постараюсь дать посильный ответ на все вопросы по порядку.

1. О разделении России на церковные округа под управлением митрополитов

По первому вопросу, подлежащему, согласно определения Святейшего Синода от 18–22 марта с. г., рассмотрению и разрешению Всероссийского Собора, требуется ответить:

а) необходимо ли по церковным соображениям разделение России на церковные округа под управлением митрополитов, с предоставлением им права созывать областные соборы и с передачей в их ведение из высшего церковного управления дел второстепенной важности?

б) оправдывается ли такое разделение существованием особых задач, подлежащих церковному управлению в разных частях империи и служащих жизненным основанием к установлению областных или окружных автономий?

в) оправдывается ли учреждение областных церковных автономий историческими и государственными соображениями?

Руководясь указаниями церковными, соображениями государственными, данными истории и соображениями разума, я должен дать на первый вопрос, подлежащий решению Всероссийского Собора, отрицательный ответ: разделение России на автономные митрополии и не необходимо и не желательно.

Мы ежедневно исповедуем в Символе веры нашу веру в единую Церковь и уже только в силу этого исповедания, обязательного для нас навсегда, не имеем права говорить о разделении Церкви. Правда, разделение Церкви на автономные митрополии само по себе еще не есть нарушение единства вселенской Церкви, как не служит нарушением этого единства и разделение ее на автокефальные Церкви константинопольскую, александрийскую, иерусалимскую, антиохийскую и русскую. Но оно может послужить поводом к разного рода недоразумениям, пожалуй, даже несогласиям, распрям. Как бы мы ни урезывали права предполагаемых митрополитов в интересах сохранения единства Церкви, мы все-таки произведем разделение и нарушим это единство, не говоря уже о том, что урезывание прав митрополитов (им передаются второстепенные дела) сведет все дело к форме, всегда стеснительной и вредной для успехов особенно христианского делания. Да и трудно предъявлять к человеку, хотя бы и епископу, получившему особую благодать Божественную, ... чтобы он в одно и то же время стремился и к единству (всегда имея в виду единую русскую Церковь) и к обособленности (всегда имея в виду свою митрополию). Посему-то в Церкви Христовой вся сила заключается в единстве, в самом крепком единстве, способном в то же время охранять и все разнообразие.

Церковь в строгом смысле слова допускает только одно деление – на епархии, из которых каждая управляется единым автономным епископом. Это деление естественно и необходимо в силу ограниченности сил человеческих – и духовных и телесных. В своих соборных определениях Церковь всегда строго охраняла автономию каждой епархии, как образ единой Церкви Христовой. Если Церковь в своих соборных определениях охраняла и автономию митрополий (как групп епископий), то только опять-таки в силу стремлений к высшему единству, к идеалу единой вселенской Церкви, а не ради выгод разделения, ибо разделение не есть выгода. Как только мятежный дух мирской со своими мирскими, главным образом – национальными и государственными, соображениями и требованиями вторгнется в Церковь и требовал разделения митрополии или патриархии, Церковь обыкновенно снисходила к таким требованиям, лишь бы не нарушать мира церковного и не давать повода к распрям и браням. Уступая грешному миру, Церковь старалась сохранить духовное единение в твердой вере, что наступит время, когда, по слову Господа, будет «едино стадо и один Пастырь». Неужели и для русской Церкви настало время по требованиям мира сего разделиться? Если это время настало, то да будет воля Божия, но самой Церкви идти навстречу разделению не следует.

По неисповедимым путям Промысла Божия высшее, возможное на земле единство Церкви Христовой, воплощавшееся во вселенских соборах, нарушено: Церковь распалась на две половины – восточную и западную, до сего времени не соединившиеся. Не касаясь западной Церкви, где, все-таки необходимо сказать, идея единства Церкви сохранилась и поддерживается самым настойчивым образом, хотя и доведена до уродливостей и не брезгует мерами, ничего общего с Христовым учением не имеющими, я прошу позволения сказать несколько слов о Церкви восточной в ее отношении к той же идее. В настоящее время восточная Церковь распалась на многие автокефальные поместные Церкви по национальностям. Хотя главные представители восточных автокефальных Церквей и стараются поддерживать идею единой

Церкви Христовой, главным образом – путем письменных сношений, но все-таки – и это следует сказать – последствием деления Церкви восточной являлись и являются до сего времени разного рода нестроения, соблазны, распри и даже брани, и это потому, конечно, что в основу деления положен чуждый христианской Церкви принцип – принцип национальности с его мирскими счетами, мелкими самолюбиями и государственными расчетами. Чем меньше нация, отделившаяся в поместную автокефальную Церковь, тем меньше в этой Церкви духа Христова, тем больше подозрительности в деле общения церковного с другими поместными Церквями, особенно с Церквями, образовавшимися у сильных наций. И наоборот, чем сильнее и могущественнее нация, тем спокойнее идет и совершается в ней церковная жизнь и тем более, следовательно, обеспечивается для Церкви возможность успешного осуществления ее высокой задачи, и тем большим христианским чувством терпимости, братской любви и единения проникнуты отношения ее к другим поместным Церквям. В числе последних восточных Церквей и даже единственная такая Церковь есть Церковь русская. Бог благословил труды русских иерархов, русских государей и русского народа, и Церковь русская выросла в великую Церковь, покровительницу всех восточных Церквей. За крепким единством русской Церкви мы видим единство если не вселенское, то единство всей восточной Церкви. И неужели мы сами будем разделять единую русскую Церковь и к тому же только по мирским соображениям, так как никаких церковных оснований для разделения Церкви нет и быть не может? Мы еще не умеем возвыситься над идеей национальности в пользу всеобъемлющей идеи христианской, но мы все-таки сделали успехи в этом отношении, и Всевышний, допустивший разделение человечества на отдельные народности в наказание за грехи самомнения, да будет снисходителен к нашему несовершенству! Единой русской Церкви делить не следует.

Не могу не указать на некоторые практические неудобства и затруднения, которые, несомненно, должны явиться в том случае, если Церковь русская все-таки будет разделена на автономные митрополии. Так, например, мне думается, что, при выделении из центрального церковного управления разных дел – хотя бы и второстепенной важности – в ведение автономных митрополитов, возникнет немало затруднений и неудобств. Прежде всего, очень затруднительно в делах церковных отделить главное от второстепенного; да если бы это и было сделано, то – в ущерб единству русской Церкви: тогда в центральном церковном управлении не будет полной картины церковной жизни всей русской Церкви. Потом, если в ведение митрополитов будут переданы только дела второстепенной важности, то митрополиты далеко не будут автономными, а это поведет к неудобствам, неудовольствиям и, может быть, распрям, от чего избави Боже русскую Церковь: она всегда берегла себя от распрей и с Божьей помощью успевала в этом. Да и к тому же, для успешного действия требуется полнота власти, а не обрывки ее, а проектируемым автономиям хотят дать именно обрывки власти, так как им уделяют дела только «второстепенные». Далее, очень много неудобств возникнет и для верующих, которые совсем не будут знать, куда обращаться за разрешением разных дел. И в настоящее время много такой путаницы: дела, которые должны идти к епископу, идут в Святейший Синод, и возникает лишняя, ненужная переписка, а тогда этой переписки будет еще больше. И наконец, как определить отношения автономных митрополитов к центральному церковному управлению? Не возникнут ли и здесь неудобства, а может быть – и пререкания и распри? Все мы – грешные люди, и все мы подвержены слабостям и самолюбия и честолюбия. Или будет вмешиваться в таких случаях государственная власть своей материальной силой? Желательно ли это? Да и всегда ли действительно такое вмешательство, особенно при новом нарождающемся строе государственной жизни православной Руси, когда представителями Русского государства явятся и жида, и магометане, и католики? Страшно и подумать об этом!

Но, может быть, действительно, разделение России на церковные округа под управлением митрополитов оправдывается «существованием особых задач, подлежащих церковному управлению в разных частях империи и служащих жизненным основанием к установлению областных или окружных автономий»? На это прежде всего следует сказать, что соображение это – не церковное, а по преимуществу мирское: в Церкви Христовой нет особых задач, у нее везде, всюду, во всем мире одна задача – совершать спасение людей, задача, достигаемая одними и теми же средствами, одними и теми же способами. Чем свободнее Церковь от «особых задач», тем чище ее учение, тем совершеннее совершаемое ею дело. Успехи делания на ниве Христовой зависят от личного совершенства делателей, т. е. прежде всего епископа и его ближайших сотрудников-священников, а затем и мирян. Если мы далеко

уклонились от того идеала совершенства, который ставит нам вера Христова, если не хотим поработать сами над собой, чтобы приблизиться к этому идеалу, то не помогут нам быть более совершенными последователями Христа разные человеческие измышления, имеющие целью будто бы «облегчить» выполнение дела Христова на земле. Скажут, что для Церкви необходимо бывает принимать в расчет и мирские соображения, хотя бы соображения об особенных задачах Церкви среди, например, магометанского населения или среди католического. Да, конечно необходимо, особенно на первых порах действия Церкви в среде новой национальности и нового вероисповедания. Но из этого не следует, что для успешного действия Церкви в этих случаях следует делить единую русскую Церковь и ее представителей и руководителей – епископов на особые округа и на особые группы. Люди по мирским расчетам образуют союзы, партии, фракции и т. п. деления с целью, как говорят они, обеспечить свободу и благополучие; но они заблуждаются, как это показывают факты. Истинная свобода действия, а вместе с ней прочное благополучие на земле и спасение вечное – заключены только в христианстве, которое строго ограждает свободу каждой личности и в то же время требует самого строго подчинения поставленным от Бога руководителям жизни. Истинная свобода и самое строгое подчинение неразрывно связаны. Основанные на этом принципе человеческие общежития мы видим в хороших общежительных монастырях. Если христианство строго обеспечивает свободу каждого верующего, то тем более оно должно обеспечить свободу действия для епископов – руководителей христиан и ответственных пред Богом за каждого из верующих. Отстаивая свободу действия для епископов, я позволяю себе следующее заключение: учреждать по мирским соображениям особые митрополичьи автономии – значит стеснять естественную и необходимую автономию епископов и тем самым ослаблять в каждой епархии силу христианской дисциплины, зиждущейся на единоначалии, и ответственность епископов за совершаемое ими дело спасения людей. А это совсем нежелательно. Затем, нельзя не указать и на то, что проектируемое разделение Русской земли на автономные митрополии неизбежно будет искусственным, с одной стороны – потому, что в настоящее время, при легкости путей сообщения, население всяких национальностей и всякого вероисповедания слишком перемешалось, слишком подвижное, а с другой стороны – и потому, что там, где население живет более неподвижно, оно слишком многочисленно или же слишком разбросано для того чтобы можно было ограничиться учреждением одной автономной митрополии, объединяющей одинаковые задачи в известной части Русской земли. А затем, учреждение трех-четырех автономных митрополий для достижения одной и той же задачи не потребует ли – по закону логической последовательности – учреждения еще особого митрополита, объединяющего деятельность своих братьев – митрополитов? Наконец, учреждение – в силу существования особых задач в разных частях России – автономных митрополий нежелательно и потому, что всякая автономная митрополия неизбежно в большей или меньшей степени (вернее, в большей) сделается митрополией национальной, т. е. будет в Церкви дано торжество тому национальному принципу деления Церквей, который так много принес и продолжает приносить зла единой Церкви Христовой. В настоящее тревожное время, когда наши политики собираются обратить единую великую Россию в какое-то федеративное государство, особенно следует остерегаться даже от намека на какое-либо разделение. Да хранит Всевышний единую русскую Церковь в ее крепком единстве! Да не подаст русская Церковь самонадеянного повода к какому-либо разделению, которое потом в руках и в устах нынешних много и много заблуждающихся политиканов, вторгающихся и в церковную область, могло бы послужить основанием для дальнейшего разделения и церковного и государственного. Знаменитый святитель Московский, преосвященный Филарет, живший последние годы своего святительства почти в такое же тревожное и смутное время, которое ниспослал Господь в наказание за грехи наши и в сии дни, писал: «Горе времени, в которое, по пророчеству, люди аки жрец» («Собрание мнений и отзывов». Т. 5. С. 984). Да не будет повинна единая русская Церковь в том, что она своим примером хоть сколько-нибудь одобрила современных самозванных жрецов, которые с дьявольским усердием сеют смуту на Руси и строят проекты якобы улучшения жизни России. Позволю себе припомнить и о том, с какой силой своего светлого ума, мудрости и красноречия святитель Московский Филарет восстал против проекта наших раскольников, сочиненного купцом Петровым, и подобного же ходатайства раскольников, желавших переселиться из Добруджи в Россию, о признании в России раскольников иерархии. «Резкое разделение церковное, – писал святитель Московский, – может обратиться и во враждебное разделение и междоусобие

народное» (с. 616), или в другом месте: «разделение церковное может вызвать и разделение государственное» (с. 634). Это – по поводу проекта Петрова. Относительно ходатайства добруджанских раскольников святитель писал: «Признать раскольничью лжеиерархию – значило бы расколоть целостность русского народа, повредить единству не только церковному, но и государственному» (с. 741), и далее: «разрушение единомыслия и единодушия церковного повлечет за собою расстройство и разрушение единства народного духа в отношении гражданском и политическом. Сего надобно опасаться особенно в России, в которой центром народного духа издревле есть вера: за веру и за православного царя» (с. 742). Правда, конечно, что знаменитый писатель писал о лжеиерархии, явно враждебной православной Церкви, которая должна была стремиться к разделению и раздору, но ведь в то же время он говорил о коренных русских людях, что должно было бы уменьшить тревогу и заботы о возможных распрях и раздоре. Теперь мы хотим учреждать митрополичьи автономии в единомысленной иерархии, принадлежащей единой русской Церкви, которые сами по себе, конечно, не могут быть враждебными православной Церкви, но зато они будут действовать или среди иных народностей, или, хотя и среди сородичей наших, например, малорусов, но настраивавшихся веками и настраиваемых теперь враждебно против нас. Стоит вспомнить так называемых украинофилов с их сепаратизмом. Устоят ли иерархии наши от соблазнов власти и значения мирского? Да если и устоят, не будет ли их внимание, направляющееся всегда на местные интересы и особенности, тем самым удалять их от единой Церкви? На почве национальной, поощренной современными государственными событиями и делами, разыгралась печальная история со съездом духовенства в Тифлисе. Мы молимся ежедневно: «Не введи нас во искушение», не посылай нам, Господи, тяжелых испытаний. Слова молитвы Господней следует повторять ежеминутно, а тем более в делах важных. Трудом святителей русских в течение столетий создавалась единая русская Церковь среди постоянных смут удельного времени, в тяжкое время татарщины, в московское беспорядье пред вступлением дома Романовых на русский престол, и выросла в единую могущественную Церковь – покровительницу всех восточных поместных Церквей. Зачем нарушать это святое, вековое единство? Необходимо, напротив, всеми мерами охранять его, как самую действительную опору и защиту в совершающихся и грядущих тревожных событиях. Разрушать легко, а строить трудно, очень трудно, даже и в тех случаях, когда и внешние события помогают устройству. Стоит, например, из прошлого припомнить поведение киевского духовенства, когда Малороссия при царе Алексее Михайловиче была присоединена к Москве и когда, следовательно, и Киевская митрополия (по крайней мере часть ее с митрополичьим городом), жившая в 15 в. отдельной жизнью от единой Русской митрополии, должна была воссоединиться с единой русской Церковью. Тогда киевские монахи, да не простецы-монахи, а ученые из Киевской академии, кричали, что они запрутся в своем монастыре и разве их за ноги оттуда выволокут, тогда только в Киеве будет Московский митрополит. Так встречали радостное событие объединения русской Церкви ученые киевские люди. Стоит припомнить борьбу в Святейшем Синоде в 18 в. иерархов из великорусов и малорусов, чтобы не желать возобновления этой борьбы и уже не в стенах здания Святейшего Синода, а на самых местах действия иерархов, и при условиях общественных и при законодательстве государственном иных, чем в прежнее время. Припомнить также не мешает, с каким усердием австрийское правительство хлопотало об устройении так называемой белокриницкой иерархии и единственно с целью (это доказано документами) нарушить единство русской Церкви. Но что позволительно иноземному правительству, того не может сделать русское православное правительство, а тем более сама русская Церковь. Единая русская Церковь не должна иметь иного деления, кроме необходимого и естественного деления на епископии.

И история русской Церкви учит нас, что не следует делить Церковь на автономные митрополии.

Были ли у нас в русской Церкви автономные митрополии? Насколько я постарался припомнить историю русской Церкви, на поставленный вопрос следует ответить отрицательно: у нас не было автономных митрополий, если не считать Киевской митрополии, отделившейся поневоле, когда вся юго-западная Русь вошла в состав Литовско-Польского государства, которое и устроило разделение русской Церкви по своим соображениям государственным. Но Богу угодно было воссоединить и эту митрополию в единую русскую Церковь. Следует глубоко пожалеть только о том, что не вся, не в полном объеме Киевская митрополия воссоединилась с русской Церковью: несчастная Галиция осталась в руках иноверных, и ее православное население,

оторванное насильственно от союза с русской Церковью, терпит и поныне всяческие гонения от всех, кому ненавистно имя и православного и русского человека. Будем молиться о том, чтобы и православная Церковь Червонной Руси вошла в состав единой русской Церкви.

Были у нас на Руси попытки образовать автономные митрополии, но почти всегда только по политическим соображениям, и все эти попытки – к великому благополучию русской Церкви – были неудачны. В 1059 году великий князь Андрей Боголюбский пытался у себя во Владимире иметь автономного митрополита, но Константинопольский патриарх отстоял единство русской митрополии. Неудачны были и первые попытки учредить особые митрополии для юго-западной Руси, подчинившейся к 14 в. литовским князьям. Как необычно было для русских людей появление, наряду со св. Алексием, на юге России второго независимого митрополита (Романа), видно из замечания летописца, который сказал по поводу этого факта: «Сотворился мятеж во святительстве». Можно мириться, как с неизбежным пока злом, когда «мятеж во святительстве» устроится государством по мирским соображениям; но самой Церкви «устроить мятеж» не следует.

Были еще попытки, исходившие от той же Литвы, учредить особых митрополитов для Литвы, Смоленска, Твери и Нижнего, но опять неудачно.

Пытался быть независимым от Московского митрополита Новгородский архиепископ, опиравшийся в своих стремлениях на богатство и силу великого Новгорода, но также неудачно.

Все указанные выше попытки разбить целостность русской Церкви исходили из политических соображений. Но в нашей русской Церкви, как известно, были попытки совершенно сходные с проектируемой ныне мерой. Собор русских епископов в Москве в 1682 г., озабоченный успехами раскола и разными церковными непорядками и совершенно правильно приписывавший эти недочеты в церковной жизни недостатку духовных руководителей народа – епископов, предложил увеличить число епископий и, кроме того, учредить 12 митрополий, которым подчинялись бы известные группы епископий. Собор согласился на увеличение числа епископий, но от подчинения епископов митрополитам совершенно отказался, «дабы не явилось, – говорили епископы, – в архиерейском чине распрей и превозношения». Мне думается, что и для настоящего времени соображение собора относительно автономных митрополий можно считать вполне удобоприемлемым, не говоря уже о других неудобствах иметь автокефальных митрополитов, которые я указал выше и о которых Собор 1682 г., работавший при иных общественных и государственных условиях, не знавший и не хотевший знать о сепаратистических стремлениях наших теперешних окраин, не мог говорить. А может быть, живы были воспоминания о страшной неурядице смутного времени, когда царство русское было спасено русской единой Церковью, и собор не хотел посягать на разрушение этого святого церковного единства.

Императрица Екатерина 2 пыталась еще установить некоторое подобие чиноначалия среди епископов, разделив русские епископии на три класса; но и эта мирская затея осталась безуспешной.

Последняя православная Церковь, вошедшая в состав единой русской Церкви – Церковь грузинская – не осталась автономной Церковью, и только ее первосвятителю дан почетный титул экзарха, что, по моему мнению, также едва ли оправдывается какими-либо серьезными соображениями, особенно если принять во внимание единичность этого титула; лучше, кажется, было бы заменить его титулом митрополита, если будут учреждены и другие митрополии.

Из всего мною сказанного – за недостатком времени я не мог говорить обстоятельнее – я позволяю себе сделать решительный вывод: деление России на церковные округа под управлением автономных митрополитов не желательно.

Решительно высказываясь против учреждения областных автономных митрополий, как могущих принести вред создавшемуся веками единству русской Церкви и противоречащих началам государственного единства, я вместе с тем, сознавая необходимость создания таких порядков и таких условий для действия представителей православной Церкви, которые наилучшим образом обеспечивали бы последним возможно широкий успех в различных частях России, осмеливаюсь высказать некоторые соображения о таких порядках и условиях. По моему разумению необходимо:

1) Увеличить число епископских кафедр с таким расчетом, чтобы величина каждой епископии и количество приходов в ней были сравнительно небольшие. Это даст возможность епископам возможно чаще видеть свою паству и беседовать с нею и наблюдать в подробностях за

деятельностью своих соработников – священников, чего нет и не может быть в настоящее время или ввиду громадности территорий наших епархий, или ввиду громадного количества приходов, входящих в состав епархии. Громадные размеры наших епархий не дают возможности епископам не только знать свои паствы и их нужды, но даже хорошенько знать всех своих соработников – клириков. Громадные канцелярии в больших епархиях заваливают епископов канцелярской работой, и это опять лишает епископа возможности видеть чаще свою паству. Там, где существуют в настоящее время викариатства, указанную меру можно осуществить сравнительно легче.

2) Облегчить епископам, особенно соседних епархий, возможность передвижения из одной епархии в другую для свидания и совещания со своими собратьями – епископами, для чего следует отменить те стеснения, которым подвергаются епископы в этом отношении в настоящее время и которые лишают епископа возможности посоветоваться с человеком одинаковой компетенции, одинаковых иерархических прав, но, может быть, большей опытности и большей мудрости.

3) Вменить в обязанность епископам известной области России с однородными интересами населения, с однородными задачами церковного управления, собираться по мере надобности и, по возможности, не менее одного раза в год на соборы под председательством опытнейшего и мудрейшего из своей среды.

4) Опытнейшему и почтеннейшему из епископов области присвоить титул митрополита, но без права непосредственного вмешательства в управление прочих епископов своими епархиями; ему, помимо председательствования на поместных соборах своей области, можно предоставить разве только инициативу в созвании этих соборов, в назначении времени и места для них.

5) Разрешить епископам привозить с собой на такие поместные соборы лучших из своих священников и лучших по религиозной настроенности и знаниям (этнографии, быта населения) из мирян.

6) Для руководства деятельностью поместных соборов и для направления этой деятельности к единой цели – к благу единой русской Церкви и единого Русского царства, образовать при центральном церковном управлении несколько отделов по числу имеющих образоваться поместных соборов или областных митрополитов. В отделы эти следует включить высокопросвещенных духовных лиц и мирян; отделы будут только вспомогательными учреждениями при высшем церковном управлении Всероссийской Церковью, которому одному только принадлежит полнота суждения и власти.

2. О преобразовании епархиального управления и суда

Епархия есть малая Церковь, которая управляется епископом по дарованной ему от Бога благодати и власти. Но, поскольку епископ есть не только начальник, но и отец, и руководитель, и судия своей паствы, то между епископом и епархией должно быть постоянное, тесное и живое взаимодействие. Далее: при тесном взаимодействии между епископом и епархией и самый орган епископской власти должен быть устроен так, чтобы епископ мог управлять епархией, непосредственно участвуя в самых делах, и чтобы тем он мог наилучшим образом регулировать все отдельные функции епархиальной жизни. Наконец, при многочисленности вверенных епископу душ, при обилии подлежащих его юрисдикции дел, при невозможности всегда обсуждать дела маловажные, второстепенные, в епархии должны быть (надлежаще улучшенные) второстепенные органы епископской власти, которые были бы уполномочены не только наблюдать за состоянием приходов, но и решать второстепенные их дела, и которые были бы связующей ступенью между приходами и епископом.

Наличный строй епархиальной жизни и управления далеко не соответствует этой норме во всех отношениях как в отношении взаимодействия между епископом и епархией, так и в отношении устройства главного органа епископской власти, а также и в отношении устройства второстепенных органов управления, и нуждается в существенных улучшениях во всех указанных отношениях.

Непосредственное, личное взаимодействие между епископом и паствой помимо того, которое бывает при обозрении епископом своей епархии, находит наилучшее для себя осуществление также и в общепархиальных собраниях мирян, духовенства и епископа, или, что – то же, в епархиальных соборах; изменение органа епископской власти сводится к созданию, взамен разьединенных ныне учреждений – консистории, училищного совета, попечительства и др., – одного центрального органа или «епархиального управления»; наконец, для учреждения вспомогательных окружных органов управления требуется создать благочиннические советы и соответственно потребности изменить права благочинных.

Таким образом, весь вопрос об епархиальном управлении сводится к трем отдельным вопросам: 1) об епархиальных соборах, 2) «об епархиальном управлении» и 3) о благочиннических советах и благочинных.

А) Организация епархиального собора представляется такой. Сначала на церковно-приходском собрании, состоящем из клира, всех должностных лиц в приходе и мирян, избираются депутаты из среды мирян на предварительный благочиннический собор. Он состоит из благочинного, по возможности – всех причтов округа, всех должностных лиц в приходах и из выбранных от каждого прихода мирян (по одному или по два). На благочиннических соборах, между прочими делами благочиннического округа, обсуждаются разные подготовительные к общепархиальному собору вопросы и избираются депутаты на епархиальный собор. В депутаты на епархиальный собор избирается по одному лицу от всех составных частей благочиннического собора, например по одному священнику, псаломщику, церковно-приходскому старосте, учителю и пр. Для монастырей каждой епархии учреждается особое благочиние, причем на благочиннический собор собираются настоятели монастырей с казначеями. На общий собор избирается по одному настоятелю и по одному казначею. Дела на благочиннических соборах обсуждаются совместно всеми членами его, причем общее стремление должно быть направлено к тому, чтобы, по возможности, каждое дело решить единогласно, и только в крайнем случае допускается решение большинством голосов, но при этом преимущественное значение должно принадлежать голосу пресвитеров. Все постановления благочиннических соборов, равно и избранные на общий собор депутаты, утверждаются епископом. Общепархиальный собор собирается при епископе, по возможности – ежегодно, по одному разу в год и притом приблизительно в одинаковое время года, для наилучшего представления епископу всех приходских нужд и для обсуждения совместно с ними этих нужд. Членами епархиального собора состоят: 1) лица выборные (депутаты от всех благочиний), 2) лица постоянные (члены присутствия при епархиальном управлении, благочинные приходов и монастырей, начальники духовно-учебных заведений, представители епархиальных обществ, братств, миссий, представители церковно-школьной инспекции, епархиального суда, словом – представители всех элементов епархиальной администрации) и 3) лица, приглашенные епископом (представители

гражданской власти и лица, полезные собору в каком-либо отношении). Епархиальный собор заменяет собой существующие в настоящее время общие собрания разных комитетов, благотворительных обществ и т. п., а также в значительной мере заменит и нынешний съезд духовенства. Он есть главный совещательный орган при епископе преимущественно по делам, так или иначе связанным с материальными средствами, и потому все наиболее важные из таких дел следует не иначе осуществлять, как по предварительном обсуждении их на епархиальном соборе. Вопросы, по всестороннем обсуждении их собором, решаются, по возможности, единогласно. Если же в решении какого-либо вопроса возникнет разногласие, то решающее значение в таком случае должно принадлежать голосу епископа. Его должна слушаться вся его паства подобно тому, как в благоустроенной и благовоспитанной семье все слушаются главы семьи. Впрочем, если весь собор, в полном составе, не согласен с епископом, то спорный вопрос передается епископом, с его заключением, на рассмотрение высшей духовной инстанции.

Б) Ранее сказано, что взамен раздробленных органов епархиального управления следует создать один, объединенный орган, который соединил бы в себе и консисторию, и училищный совет, и епархиальное попечительство, и все прочие учреждения, и носил бы название, например, «епархиального управления». Существенное отличие этого учреждения от нынешних должно заключаться в том, что в нем епископ, по мере надобности и возможности, сам председательствует, и во всяком случае оно не должно быть отдельным от епископа учреждением, подобно нынешней консистории; епископ к нему должен стоять возможно ближе. Епархиальное управление должно состоять из присутствия и канцелярии. Присутствие следует изменить в таком роде. Число членов его увеличивается соответственно числу столов или отделов канцелярии. Всех членов присутствия, как увидим ниже, шесть. Но епископу предоставляется право, в случае нужды, вызывать для участия в заседаниях присутствия и других административных лиц епархии. Должность секретаря нынешней консистории упраздняется. Старший член из пресвитеров есть начальник канцелярии и представитель всего епархиального управления. В случае нужды, он (вместо секретаря) является к епископу с докладами в тех случаях, когда епископ не бывает в присутствии. Дела в присутствии докладываются в установленном порядке каждым из членов по своему отделу. Первенствующий член пользуется одинаковым с прочими членами правом голоса. Юрисконсультскую часть ведет столоначальник судного стола, о чем будет сказано дальше. Все дела епархиального управления начинаются и заканчиваются в присутствии; канцелярией же только исполняются. В присутствии ведется настольная книга, в которую заносятся постановления членов за их подписью. Текущие, не требующие обсуждения дела, исполняются по резолюции члена соответствующего отдела.

Реформированная канцелярия епархиального управления представляется в следующем виде. Она состоит из семи отделов или столов: судного, административного, хозяйственного, учебного, благотворительного, просветительного и бухгалтерии. Делами каждого стола заведует столоначальник, а во главе стола стоит член присутствия – священник, который и докладывает в присутствии дела по своему отделу. В устройстве каждого стола должны быть свои особенности, соответствующие роду деятельности.

По судному отделу: Ввиду того, что судебное дело имеет наибольшую связь с церковно-государственным законодательством, столоначальнику этого отдела всего естественнее вести юрисконсультскую часть и давать присутствию разные справки относительно законов; вследствие этого столоначальник судного отдела с удобством бы заменил нынешнего секретаря консистории в этом отношении. Далее, при судебном отделе должен состоять особый епархиальный следователь в священном сане. Это лицо есть в то же время член суда при каждом благочинии (о чем будет сказано в главе о благочиниях). Епархиальный следователь является в некотором отношении помощником члена по судебному столу и может заменять последнего в присутствии, когда не состоит в поездках. Самый епархиальный суд необходимо преобразовать по образцу гражданского, но без присяжных заседателей; об этом подробнее будет сказано также в главе о благочиниях.

По административному столу: в ведении этого отдела состоит архив и регистрация, а также заведование делами о собраниях, съездах и соборах. Конечно, административный стол ведет и те дела, которые ему подведомственны и при нынешних консисториях.

По хозяйственному отделу: этот отдел ведет все те дела, что и в консистории, но в расширенном объеме. Так, он ведает постройкой, ремонтом церквей, школ, причтовых и других домов, учебных заведений; здесь имеется специальная строительная комиссия по выработке и

оценке планов; сюда относится епархиальный архитектор. Хозяйственный отдел заведует свечным заводом, всякими торговыми епархиальными предприятиями и т. п.

Учебный отдел: он преобразовывается из училищного совета. Член присутствия по учебному отделу – нынешний председатель совета. В ведении этого отдела состоят все учебные заведения епархии, начиная от церковноприходских школ и кончая пастырскими школами, – в учебно-воспитательном отношении. При учебном отделе состоит также епархиальный наблюдатель школ, у которого, в случае обширности епархии и многочисленности школ, может быть помощник.

По благотворительному отделу: соответственно имеющей выступить в жизнь особенно заметным образом особой функции – церковно-общественной благотворительности, в епархиях необходимо создадутся целые десятки благотворительных учреждений, как-то: яслей, приютов, богаделен и т. д., заведование коими создает целую отрасль делопроизводства. К делам этого рода следует присовокупить и дела по призрению вдов и сирот духовенства, чем в настоящее время ведает епархиальное попечительство.

По просветительному отделу: просветительный стол должен восполнить собой существенный пробел в нынешнем епархиальном управлении в отношении религиозно-нравственного просвещения народа – самое, так сказать, «святая святых» в пастырской деятельности. Сюда должны принадлежать все епархиальные братства, миссии, общества, все дела по «внутренней миссии» духовенства. Сюда же должны принадлежать епархиальные комитеты всех общеимперских православных обществ. К делам этого рода относятся дела о богослужении, о паломничествах, о религиозных обычаях и обрядах, о проповедании слова Божия, о пастырских собраниях и многое другое. Епархиальные миссионеры по расколо-сектантству или язычеству состоят в ведении этого отдела.

По бухгалтерии: бухгалтерия преобразовывается из казначейского стола. Ввиду того, что в епархиальном управлении расширится круг денежных дел и вообще операций, причем эти последние сделаются сложнее и труднее, во главе этого дела должно стоять специально осведомленное лицо – бухгалтер. Особенность этого отдела – та, что при нем особый член присутствия не нужен и что сам бухгалтер может по своим делам участвовать в присутствии на правах члена, а также и та, что бухгалтер, по поручению епископа, может производить в епархии на местах ревизию финансовых дел, как специалист. Бухгалтерия платит жалованье всем тем должностным лицам в епархии, которые содержатся на общеeparхиальные средства. Бухгалтер и столоначальники судного стола считаются старшими из служащих в канцелярии и получают, сравнительно с прочими, высшие оклады.

Что касается письмоводства епархиального управления, то его следует всячески упростить, сократить. Для упрощения делопроизводства следует отменить, насколько возможно, всякие журналы, протоколы и доклады. Все поступающие в присутствие бумаги получает первенствующий член. Всякие исходящие бумаги подписываются членом и столоначальником соответствующего отдела; бумаги же более важные подписываются еще и первенствующим членом или самим епископом. Все делопроизводство следует не только упростить, но и ускорить. Епархиальное управление следует освободить от дел маловажных, второстепенных, которые с удобством могли бы быть решаемы в посредствующих административных инстанциях – благочиннических советах.

В) Число благочиннических округов необходимо уменьшить и в ведении благочинных следует сосредоточить большие в сравнении с настоящими права и полномочия. Благочинный со своим советом есть второстепенный орган действия епископской власти; он должен весть и решать те же дела, что и епархиальное управление, лишь только второстепенные. Благочиннический совет есть учреждение судебное; но он также ведает и учебными, и благотворительными, и хозяйственными, и прочими делами округа. Благочинный должен иметь не только пассивно-наблюдательное отношение к приходам, как ныне, но и пастырско-административно-руководственные. Он должен возможно чаще посещать свой округ, для чего должен иметь в своем приходе второго священника, а так как по разным условиям это не везде возможно, то резиденция благочинных должна быть в наиболее крупных, благоустроенных приходах, тем более, что благочинный и во внешнем положении должен быть возвышен и отличен против настоящего. Хорошо было бы должности благочинного присвоить сан протоиерея – во избежание тех аномалий, когда почтенный старец и даже протоиерей состоит в подчинении у начинающего почти священника. При каждом благочинном непременно должно быть диаконское место, дабы диакон, помимо приходской службы, сопровождал благочинного в

поездках по округу, служил бы с ним по церквам и состоял бы его письмоводителем в благочинническом совете. При обозрении приходов благочинный должен совершать торжественные богослужения в храмах, поучать народ и иметь право созывать приходские собрания.

При благочинном, как сказано, имеется совет. Он состоит из трех священников, избираемых благочинническим собором на один год. Собирается этот совет по приглашению благочинного по мере нужды, не менее двух раз в месяц. Ввиду того, что епархиальный училищный совет упраздняется, – упраздняются также и его уездные отделения, а функции последних переходят к благочинническим советам. В члены совета приглашаются полезные в том или другом отношении лица, по учебным или другим делам, которые и участвуют на заседаниях совета по этим делам. В учебном отношении членам благочиннического совета присваиваются права членов упраздняемых уездных отделений, причем благочинный есть председатель отделения, он же – и наблюдатель школ в своем районе со всеми правами упраздняемой должности уездных наблюдателей. Благочинническому совету присваиваются также и функции епархиального суда. Судебные заседания производятся по указам епископа или епархиального управления. Для судебных заседаний в члены суда приглашается один из священников – не членов совета, по возможности – из другого благочиннического округа. Суд производится следующим образом. Председателем суда является благочинный; членами – один из членов совета и один священник – не член. Должность прокурора суда исправляет прибывающий на судебные заседания епархиальный следователь, который привозит с собой и следственное дело. Должность секретаря суда исправляет диакон-письмоводитель совета. Суд бывает открытый, в присутствии подсудимых, свидетелей и слушателей, и производится по законам церковногражданского судопроизводства, но без присяжных заседателей. Епископу предоставляется право учреждать суд не при каждом благочинии, а при некоторых – при трех-четырех на всю епархию, смотря по величине епархии и обилию дел; но в таких случаях вторым членом суда назначается священник из того округа, откуда подсудимый. Постановления суда утверждаются епископом. В случае недовольства решением суда, дело вновь рассматривается в заседании присутствия епархиального управления, по возможности – под председательством самого епископа. Если подсудимый останется недоволен решением и этого суда, то все судебное дело пересылается епископом, с его заключением, на окончательное рассмотрение высшего церковного управления российской Церкви.

Приступая к суждению о способах к осуществлению реформы епархиального строя, необходимо, главным образом, остановиться на материальной стороне дела.

Рассчитывать на Государственное Казначейство, ввиду тяжелого состояния нашего государства, нельзя на много лет; возможно даже, что государство не только откажет в средствах на введение церковной реформы, но, пожалуй, попытается отнять у Церкви или, по крайней мере, уменьшить и те средства, которыми она пользовалась до сих пор. Посему необходимо позаботиться об увеличении своих собственных церковных средств. Увеличению церковных средств окажет несомненно большую услугу страхование церковных имуществ своим же ведомством. Страховые премии, которые раньше поступали в пользу частных обществ, теперь пойдут в пользу Церкви. Затем, для увеличения средств следует расширить продажу и даже производство в пользу Церкви разных церковно-богослужебных принадлежностей. В настоящее время во многих епархиях существуют епархиальные свечные заводы и при них продажа лампадного масла, ладана, церковного вина и т. п. Операции этого рода следует значительно расширить; можно выделять на своих заводах не только свечи, но и парчу, и кресты, и фитили для лампадок и т. п. И во всяком случае следует увеличить продажу всех этих предметов из церковных лавок и в пользу церквей. Помочь введению реформы с материальной стороны может отчасти и следующий способ. Кафедральные соборы следует сделать бесприходными и все их средства, за удовлетворением своих нужд, обратить на содержание членов присутствия епархиального управления. Затем, на первых порах, при отсутствии средств, можно соединить благотворительный стол с хозяйственным и просветительный с распорядительным, а также не вводить должности особого епархиального следователя, а назначать следователей из приходских священников на два-три благочиния одного. Экономия, полученная от упразднения должности секретаря консистории, должна быть обращена на канцелярию епархиального управления. Упразднение должности уездных наблюдателей и канцелярий уездных отделений почти сравняется с содержанием благочиннических советов и диаконов-письмоводителей.

Канцелярия епархиального училищного совета почти сравнивается по расходам с канцелярией учебного отдела при епархиальном управлении. Возможно, далее, ввести особый налог – по подобию гербового – на выдаваемые епархиальным управлением документы и акты.

В заключение настоящей главы должно сказать, что соответственно новому порядку вещей, при котором все епархиальные учреждения ставятся в самую тесную связь, начиная от прихода и кончая епископом, следует, взамен существующих отдельных уставов и положений, выработать и ввести один общий, объединяющий и обнимающий все функции епархиальной жизни устав, где бы подробно и всесторонне были раскрыты права, положение, обязанности и взаимоотношение всех должностных лиц и учреждений в епархии, начиная от епископа и кончая приходом.

3. О приходе

По вопросу о благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях нахожу нужным доложить следующее.

Вопрос о благоустройстве прихода находится в особенно тесной связи с вопросом о воспитании и назначении хороших приходских пастырей. Добрый пастырь и без особенных правил и руководств устроит жизнь своего прихода так, как это нужно для спасения его самого и его прихожан, а плохому пастырю мало помогут в этом какие бы то ни было правила и руководства. Посему для улучшения жизни прихода нужно прежде всего позаботиться о наилучшем подготавливании достойных кандидатов священства. Но не излишни, конечно, и некоторые другие меры и указания, могущие способствовать улучшению приходской жизни.

Одним из серьезных недостатков в жизни прихода в настоящее время является то, что между священником и прихожанами в большинстве нет той тесной внутренней связи, какая необходимо должна иметь место между ними по существу; священник нередко создает себя личностью отдельной от прихода, даже несколько господственной над ним, обязанной пред ним одним только внешним служением, богослужением, требами, научением. Прихожане же имеют очень мало церковных общинных прав, а потому и принимают очень малое участие в своей церковно-приходской жизни. Представляется поэтому существенно необходимым создать такой порядок, чтобы священник имел не случайную только, внешнеслужебную связь со своим приходом, а самую тесную, внутреннюю, чтобы и приход сознавал и чувствовал эту связь и со своей стороны разделял пастырские труды своего священника по устройению приходской жизни, помогая ему, чем кто может. Нынешние приходские попечительства должны разрастись в общеприходские братства, в которых священник есть главный руководитель (он – неперемный председатель церковно-приходского братства), но в которых все члены, не исключая и священника, имеют одни и те же интересы, преследуют одни и те же цели и дружно, согласно заботятся об общей пользе, представляя из себя одну большую дружную, благоустроенную семью, отцом и руководителем которой является пастырь. Между пастырем, возглавляющим собой приход, и между пасомыми должно быть полное взаимопроникновение и взаимодействие, но не должно быть ни начальствования, ни зависимости: вместо власти – отеческое влияние, вместо подчинения – сыновняя любовь и послушание. Впрочем, у пастыря есть одна власть – низведения на верующих Божественной благодати через таинства, ему представлено право быть ходатаем и молитвенником за свою паству пред престолом Божиим, право учить ее истинам веры и руководить ее религиозно-нравственной жизнью. Все это весьма возвышает пастыря над паствой, ставит его в положение отца над ней; но это возвышение должно носить именно отеческий, а не чиновничий характер. С другой стороны, и пастырь ни в коем случае не подчинен приходу. Правда, ныне многие пастыри находятся в полузависимом состоянии от паствы, вследствие неурегулированности материального обеспечения духовенства, и эта полузависимость нередко бывает даже яблоком раздора между пастырем и паствой. Но отсюда вытекает необходимость устранить эту полузависимость вполне достаточным для приличного существования клира обеспечением, но не иначе, как из Государственного Казначейства, хотя бы путем обязательных взносов прихожан на этот предмет. Само собой понятно, что обеспечение жалованьем не отнимает у клира права получать во всех отдельных случаях от прихожан добровольное вознаграждение за требы; но это вознаграждение должно быть именно вполне добровольным.

Что касается избрания священников самими приходами, то нужно сказать, что при настоящих условиях это едва ли возможно и полезно. Достойных кандидатов священства не так много, чтобы прихожане могли делать выбор между ними; да и как они могут знать кандидатов священства? Не будут же они рассеяны по всем приходам, а тем более по всем деревням? Наконец, если предоставить прихожанам право избирать себе священника, то не послужит ли это право поводом к нестроениям и несогласиям, а также чем можно поручиться, что они будут избирать достойнейшего, а не будут руководиться соображениями совершенно иного рода? Впрочем, в отдельных случаях, когда это избрание возможно и с точки зрения обоюдной целесообразно, для епископа в этом ничего кроме облегчения не заключается. Вообще, в избрании священников приходами при том неперемном условии, если за епископом остается право не признать избранного кандидата достойным и назначить другого, хотя бы и неизвестного

совсем прихожанам, нет ничего неканонического; но по отношению к реформе прихода этот вопрос представляется не имеющим особого значения, а потому и не существенным.

Гораздо важнее решить, что должен делать священник в приходе и вместе с прихожанами, чтобы усовершенствовать церковно-приходскую жизнь в религиозно-нравственном, просветительном, благотворительном и иных отношениях.

Как на средства, содействующие усовершенствованию церковно-приходской жизни, считаю нужным указать: на наилучшую постановку богослужения, на религиозно-нравственные чтения и беседы, устраиваемые как публично, так и келейно – при пастырском посещении домов прихожан, на устройство неофициальных кружков трезвости, несквернословия, покровительства животных и др., на устройство церковных школ, яслей, приютов, богаделен, домов трудолюбия, странноприимниц, ночлежных домов, словом – всего того, чем так превозносится над Церковью мирская безрелигиозная филантропия; не бесполезно было бы, полагаю, и восстановление апостольского института диаконисе или учреждение чего-либо подобного, а также, наконец, как о способе к материальному осуществлению всех этих средств, необходимо сказать несколько слов и об экономическо-юридических правах прихода.

Богослужение следует улучшить со стороны чтения, пения и проповеди. В отношении же чисто приходском следует обратить внимание, между прочим, на храмовые праздники, которыми нужно пользоваться для возбуждения приходского самосознания и подъема духа. В этих видах хорошо было бы к престольному празднику приурочить говение прихожан, как это ведется в некоторых местах, устраивать крестные ходы, торжественные общеприходские собрания и ознаменовывать эти дни делами любви и благотворения в приходе. В целях удовлетворения религиозно-нравственных потребностей, необходимо при каждой церкви иметь в продаже крестики, иконы, поминания, книги и др., особенно книги, которые удовлетворяли бы потребности в духовном просвещении. Необходимо от поры до времени бесплатно раздавать народу листки и брошюры религиозно-нравственного и церковно-общественного содержания.

Организация внебогослужебных бесед и чтений – общих и частных, устройство кружков трезвости, покровительства животных и др., особенно между юными прихожанами, – все это по своей общепонятности и общепризнанности не требует в данном случае обсуждения и нуждается только в упоминании.

Что касается церковных школ, то последние, в силу особенного значения их в деле воспитания прихожан в духе веры и благочестия, невзирая ни на что, должны пользоваться правом существования и ценой каких бы то ни было жертв должны быть устраиваемы и поддерживаемы в каждом приходе.

Устройство яслей, богаделен, приютов, странноприимниц, домов трудолюбия и пр. вызывается потребностью и необходимостью в делах христианской любви, милосердия и благотворения. Говорить подробно о каждом из означенных видов благотворительности вследствие их общепризнанности опять-таки нахожу излишним. Необходимо разве оговориться, что в устройстве всех этих благотворительных учреждений должно сообразоваться с материальными силами того или иного прихода.

Немалое содействие пастырю и приходу в деле приходской благотворительности могли бы оказать диакониссы – в случае восстановления этого древнего, апостольского учреждения. Женщина, особенно христиански настроенная, отличающаяся по природе нежным и сострадательным сердцем, обыкновенно отличается и ревностью по вере и глубокой преданностью святой Церкви. Давшие обет девства или честные вдовицы могли бы принимать благословение от епископа на служение больным и бедным в приходе, тем более что к этому нет канонических препятствий. Идеал мирской подвижницы отчасти уже осуществлен лучшими из сестер милосердия; остается этот род подвига воплотить в жизнь прихода.

Но для устройства и содержания приходом всех вышеуказанных и др. учреждений, если уже это будет признано желательным, он должен обладать материальными средствами и всеми проистекающими отсюда правами, иначе сказать – должен пользоваться правами экономическо-юридического лица. Чего-либо нового в этом отношении, пожалуй, нет нужды добиваться. В настоящее время в приходе имеет такие права церковь. Правда, доселе она пользуется этими правами в приходе, как нечто отдельное от прихода. Но этой обособленности не должно быть. К устранению ее, к объединению между церковью и приходом, между церковной – так сказать – администрацией и народом, сводится вся суть реформы прихода. Поэтому право церкви на владение собственностью может быть вместе с тем и правом прихода этой церкви. Если не

теперь, то со временем церковные суммы и суммы собственно приходские (или попечительские) могут быть соединены в одну церковноприходскую кассу и могут состоять в одном общем заведовании клира и прихода. К этим суммам должны присоединяться доходы с разнообразных статей, изыскиваемых на месте, в зависимости от бедности или богатства прихода. На эти средства, помимо содержания специальных религиозно-благотворительных и просветительных учреждений, приход может во всяких отдельных случаях оказывать поддержку застигнутым бедой прихожанам, например, при пожарах, при наводнении, неурожае, смерти и т. д. В рассуждении об устройстве прихода следует разрешить еще вопрос о внешней его организации, которая сводится к тому, чтобы приход наилучшим образом мог выполнять свои разносторонние задачи как в правовом, экономическом, так и религиозно-просветительном, благотворительном, словом – во всех отношениях.

Дело в том, что можно создать довольно стройную систему управления приходом, но она будет преследовать односторонние экономические цели. При составлении какого-либо Высочайшего постановления о приходе необходимо иметь в виду, что это постановление должно обнять все стороны приходского быта и создать в приходе живой молитвенно-благодатственный союз людей, ревнующих о спасении, а не сухое бюрократическое заседание имущественных собственников. Далее: вмешательство гражданской власти в суждения и постановления церковных собраний, а тем более – утверждение или неутверждение этих постановлений, хотя бы даже по делам экономического характера, несогласно с достоинством приходских собраний, как учреждений церковных, наконец, несогласно с достоинством епископа, как главного вершителя церковных дел, а потому должно быть если не совсем отвергнуто, то возможно более ограничено; в подобных же соображениях не может быть допустимо предоставление гражданской власти права созыва церковного собрания по первой надобности. Всякие требующие утверждения постановления церковных собраний утверждаются духовной властью, в потребных случаях – впрочем – по сношению с гражданской. Во всяком случае, все постановления и ходатайства церковных собраний поступают первоначально на рассмотрение духовной власти, и уже последней, если потребуется, передаются на заключение гражданской власти. Подобным образом, если гражданская власть признает нужным созвать где-либо церковно-приходское собрание, она делает это через духовную власть и по сношению с ней. Далее: установление податного или имущественного ценза для участия в собрании является несправедливым, ибо лишает драгоценного права церковного голоса тех прихожан, кои бедны, но зато благочестивы, добродетельны, разумны, и кои могли бы принести приходу пользу если не деньгами, то чем-либо иным. Право участия в общецерковном собрании должно определяться не имущественным цензом, а во-первых – принадлежностью к приходу, во-вторых – возрастом (примерно с 21 года) и в-третьих – нравственными качествами членов приходской общины. Приходу в его церковном составе принадлежит право не допускать до своих собраний, лишать права голоса лиц явно безнравственных (впрочем, с великим рассмотрением), а также право братского суда над провинившимся членом общины. Что касается выборного церковного совета или комитета (безразлично), то ему следует придать такой характер, чтобы его члены были не столько администраторами, управителями дел прихода, сколько помощниками, сотрудниками приходскому пастырю в служении меньшей братии. Поэтому они должны избираться из лиц сколько именитых, столько же и духовно-просвещенных, ревнующих о славе Божией. Вообще, в рассуждении о церковно-приходских собраниях необходимо иметь в виду ту основную цель, ради которой они призываются к жизни, именно – наилучшее достижение каждой церковной общиной вечного спасения своих членов. Поэтому имеющий быть изданным закон о приходе должен высказываться по всем статьям настолько ясно и определено, а также и порядок дел и самое положение и права членов совета и собрания (как между собою, так и по отношению к священнику) должны быть оговорены настолько точно, чтобы в жизни прихода не было печальных столкновений священника с паствой по маловажным, формальным затруднениям, как это наблюдается вообще в некоторых коллегиальных установлениях по несовершенству законов; чтобы наименее оставалось места всяким притязаниям, распрям и проявлению личных страстей. В этих видах хорошо было бы церковные собрания прихода устраивать в храме в надлежащей церковной обстановке, с молитвословиями, с облаченным в епитрахиль священником, который самым нахождением на амвоне являлся бы авторитетным представителем святой вселенской Церкви и связью между ней и данной общиной. Молитвенно-церковный характер таких истинно

церковных собраний в огромной степени способствовал бы обузданию всякой грубости и непристойных выходок со стороны маловоспитанной народной громады.

Теперь остается сказать несколько слов о степени самостоятельности прихода и об отношении его к епархии и епархиальной власти к нему.

Основная точка зрения на этот предмет мне представляется такой. Только тот приход есть истинно православный, который совместно с другими такими же приходами объединяется в одну епархию, возглавляемую епископом; в противном случае он рискует превратиться в самочинную сектантскую общину; посему полная самостоятельность прихода в православной Церкви немыслима. Затем, так как приход есть составная часть епархии, то он необходимо должен участвовать, совместно с остальными приходами, в общепархиальной жизни путем несения расходов на нужды епархии и вообще Церкви, а также путем сообсуждения через своих представителей, под главенством своего епископа, общепархиальных вопросов по всем тем сторонам церковной жизни, которые в малом масштабе касаются и его собственной жизни. Способами, которыми приход осуществляет это право и обязанность, являются окружные и общепархиальные собрания. Но об этих собраниях или соборах речь отчасти уже была во второй главе – о реформе епархиального управления, а также будет и в шестой главе – об епархиальных съездах, а потому говорить в данном месте о правах прихода нахожу излишним.

Что касается, наоборот, прав епархии по отношению к приходу, то эти последние определяются сущностью власти и правами епископа, как главного строителя тайн Божиих в епархии, как управителя внутренним и внешним и, конечно, имущественным бытом епархии целокупно и по каждому приходу отдельно, словом – как Богом поставленного отца и хозяина епархии, ответственного только перед Богом и высшей церковной властью. Он – главный руководитель во всех отношениях епархиальной жизни вообще и каждого прихода в частности; ему принадлежит и высший контроль над этой жизнью.

В заключение настоящей главы о возрождении прихода считаю нужным высказать несколько следующих соображений относительно степени осуществимости этой реформы: 1) материальных затруднений к ее осуществлению не представляется; 2) представляются затруднения чисто морального свойства – неподготовленность простого народа, да и других классов, к устройству приходской жизни на тех условиях, какие изложены выше, вследствие чего многие неутвержденные души могут истолковать предполагаемую реформу в сектантском направлении, что поведет если не к отпадениям от Церкви, то, во всяком случае, к церковным нестроениям; 3) многие пастыри еще не пользуются настолько сильным авторитетом в приходе, чтобы могли быть надежными руководителями церковно-приходской жизни при реформированном ее строе, тогда как самая реформа ее обуславливается наличностью этого авторитета; 4) в особенности нужно воздержаться от объединения сумм церковных и приходско-попечительских, а также от дарования приходу прав распоряжаться всеми этими суммами впредь до некоторой подготовки как прихожан, так и самого духовенства к их новым правам и обязанностям; 5) впредь до введения реформы преподавать духовенству наилучшие и наиболее целесообразные, так сказать – методические приемы и средства к напряженному, усиленному в течение трех-пяти лет подготовке прихожан к общинно-приходской жизни, например, хотя бы путем чтения специально составленных и подобранных статей прихода, путем раздачи каких-либо брошюр и листов соответствующего содержания и путем усиленных частных бесед по домам по этому вопросу, причем самый материал для бесед о приходской жизни должен быть у священника под руками; 6) устройство, по мере надобности, общеприходских собраний, организация всяких просветительных и благотворительных учреждений, а также улучшение богослужения со стороны чтения, пения и проповеди, – все это в большей или меньшей степени возможно и желательно к осуществлению теперь же; и 7) следует немедленно приступить к созданию наилучших пастырских школ для приготовления наилучших пастырей. К этому последнему вопросу, в сущности, сводится вся суть приходской реформы, и – в силу его огромной важности в массе других общецерковных вопросов – он должен быть разрешен одним из первых. Только тогда приходская жизнь станет на более совершенный путь, когда у нас явится класс новых пастырей, рожденных от духа и для дел духа; ибо как можно возродить без возрождающего?

Но об этом – речь в следующей главе.

4. Об усовершенствовании духовных школ

В настоящее время по вопросу о реформе духовно-учебных заведений появилось уже достаточное количество проектов и не только в духовных журналах, но и в светских и даже в светских газетах. Все согласно говорят о том, что существующий строй духовно-учебных заведений далеко неудовлетворителен и со стороны учебной и со стороны воспитательной, почему духовноучебные заведения не достигают своей цели, не готовят хороших пастырей для Церкви православной. Несовершенство учебных планов и несовершенство их выполнения, несомненно, присуще всем нашим средним школам, но в школах духовных они особенно резко бросаются в глаза: воспитанникам духовных школ ставятся особенно высокие цели, почему и легко заметить несоответствие поставляемых целей с действительностью, которая так мало дает возможности видеть на ниве Христовой светлых работников, истинных пастырей. Как ни индифферентно наше так называемое интеллигентное общество к вопросам и делам веры и благочестия, но оно, несомненно, тоскует по духовному, по идеальному, что доказывается достаточно развитым даже у нас стремлением образовывать союзы и общества с целями благотворительными и просветительными и вообще с целями творить добро своим ближним в меру своего усердия и доброго христианского настроения или, вернее сказать, в меру разумения достоинства человека и обязанностей развитого общежития; в большинстве современных благотворительных и просветительных обществ больше работает социальный разум, чем христиански настроенное чувство. К глубокому сожалению, громадное количество современной благотворительной и просветительной деятельности идет помимо церкви Христовой, помимо ее руководства. Точно так же интеллигентное общество вздыхает о духовном и идеальном и ищет разрешения высших запросов духа вне Церкви, вне единственного учреждения на земле, обладающего полнотой истины. То, что раньше совершалось только в Церкви и около Церкви, уходит от нее: уходит от нее руководство умами и сердцами людей. И это, между прочим, и потому, конечно, что в Церкви недостаточно работников, стоящих на высоте своего призвания, способных руководить умами и сердцами верующих. Несовершенство учебных планов школ, готовящих пастырей, а главным образом – несовершенство выполнения этих планов, особенно со стороны воспитательной, служит причиной того, что Церковь лишается наиболее талантливых и даровитых работников, которые, не получивши в школе надлежащего настроения и просвещения, уходят на иную работу – мирскую, более легкую и более обеспечивающую пользование мирскими благами. Это – уже совсем ненормальный порядок. Дело Церкви Христовой на земле настолько высоко и настолько трудно, что оно требует привлечения к себе, по возможности, большего числа талантов и дарований. Так это и было, когда в христианском обществе еще не было утрачено понимание и чутье истинного пути, по которому следует идти к заповеданному Спасителем нашим совершенству: в Церкви сосредоточивались таланты и дарования, и они возрождали мир, руководили верующими. Ложный принцип папства, к великому бедствию Церкви, извратил понимание идеи церковного руководства верующими, распространивши это руководство и на дела чисто мирские, что естественно вызвало сильнейший протест со стороны мира. Чуждые Церкви Христовой тенденции папства приписаны были, по недоразумению, и Церкви православной русской, начиная с Петра Великого, и наше Правительство с великим усердием, достойным лучшей цели, стало отнимать у Церкви средства и возможность влиять на общество, отняло у Церкви принадлежавшие ей имущества, подвергало представителей Церкви разным стеснениям, лишало представителей Церкви естественно принадлежащего им права религиозно-нравственного просвещения и нравственного руководства верующими. Лишенное живого общения с верующими в школе и в делах благотворительности, духовенство естественно обратилось в требоисправителей и – в лучшем случае – в красноречивых проповедников, которые могли только говорить, но не делать, замкнулось само в себе, сделалось «сословием», стало учить по преимуществу только себя и благотворить только в своем тесном кругу. Необходимо вернуть Церкви ее первоначально руководящее значение и положение в мире в деле религиозного и нравственного руководства народом, дабы можно было верующих, бродящих по распутьям мира сего, вернуть на путь истины Христовой. К достижению этой высокой цели и должна служить отчасти, конечно, и соответствующая организация духовно-школьного дела, или вернее, – как это хотелось бы мне сказать и доказать, – вообще школьного дела, дела обучения и дисциплины детей и юношей.

Надлежащим образом поставленная школа должна служить одним из самых могущественных факторов возрождения религиозного и нравственного духа в обществе, так заметно оскудевшего в настоящее время.

Я не имею намерения входить в подробную оценку появляющихся в печати новых проектов организации духовных школ и главным образом потому, что оценка этих проектов сделана уже 40 лет тому назад знаменитым московским святителем Филаретом, так что мне пришлось бы повторить то, что говорил преосвященный Филарет. Последние годы жизни и деятельности преосвященного Филарета протекали в эпоху 60-х годов, т. е. в эпоху, в значительной мере подобную настоящему времени, полному стремлений ко всякого рода реформам. Тогда и в духовном ведомстве говорили о реформах, и эти разговоры привели к уставу 1867 г., по которому духовные школы жили до 1884 г. В числе проектов, которые рассматривал преосвященный Филарет, был проект, составленный ректором Киевской академии архимандритом Филаретом и инспектором Московской академии архимандритом Михаилом. По этому проекту предполагалось, что духовная школа должна состоять из семи классной общеобразовательной гимназии и 3-х годичных богословских курсов, т. е. предполагалось сделать то же самое, что предлагают и большинство современных проектеров – с небольшой разницей в продолжительности богословских курсов (в настоящее время предлагают или 2, или 4 года на собственно богословское образование) и по тем же соображениям, т. е. по соображениям: 1) необходимости (?) для воспитанников духовных школ получить возможно широкое общее образование, которое обеспечивало бы им выход из духовной школы в светские учебные заведения, и 2) недопустимости будто бы нравственного насилия (странное недоразумение!) над природой детей, определяя их призвание к пастырству с 9–10-летнего их возраста, когда они по воле своих родителей поступают в духовную школу и когда они по своему малолетству не могут определить своего истинного призвания. Преосвященный Филарет, возражая против проекта оо. архимандритов, указывал следующие его недостатки: 1) по меньшей мере весьма странно, чтобы учащиеся в духовной школе в течение 7 лет жили и учились с мыслью, что «они готовятся не к духовному званию, а к чему хотят, или сами не знают к чему», и чтобы из них вдруг выходили хорошие служители Церкви. «Бродящая мысль ученика, – писал преосвященный Филарет, – при виде скудной жизни и тяжелой службы духовенства, будет перебегать в широкую светскую область, где встретит прельщающие мечты о выгодах и почестях; и это легко поведет к тому, что более способные ученики устремятся в светское звание, и богословской семинарии и церковной службе достанутся только дрожжи общеобразовательного училища». Не прав ли оказался мудрый святитель? Не сбылось ли его пророчество? 2) 17-летний юноша так же мало способен определить свое призвание, как и 15-летний, что также совершенно справедливо. Составители современных проектов, кричащие о насилии над природой 9–10-летних детей, предопределенных родителями к пастырству, как будто забывают, что у громадного большинства людей, у так называемых средних людей, «призвание к известному рода деятельности вырабатывается, а не дается, как что-то готовое, и не может быть предоставлено силам и способностям самих детей, из которых при наличности такой свободы самоопределения может выйти «ни то ни се», «трость, ветром колеблемая», какой-то винегрет мыслей и склонностей, а не целостный со строго определенными наклонностями и убеждениями человек. И не странных ли межеумков мы воспитываем в настоящее время в своих школах, отказавшись в пользу «малых сил», якобы во имя интересов самоопределения, от воспитания в строго определенном направлении? И 3) нельзя ожидать ничего доброго для Церкви, если проектируемое общеобразовательное 7-летнее заведение «поставит себе целью соответствовать всем возможным направлениям» (5, 926–930). И действительно, Церковь имеет строго определенную задачу и нуждается в работниках со строго определенным настроением, склонностями и мышлением, почему в организации своих школ она не может вносить соображений о том, что некоторые из питомцев этих школ могут быть лучшими инженерами или торговцами, чем пастырями. *Suum cuique*, а тем более свое должно принадлежать Церкви и ее духовным школам; ибо «свое» церковное определено свыше и членам Церкви – и клирикам и мирянам – необходимо в этом случае только по мере сил своих выполнять Божественные заповеди. То, что говорил и писал знаменитый святитель, по моему мнению, остается в силе и для настоящего времени и для проектов новых организаций духовной школы. Поэтому-то я, не входя подробно в разбор и оценку действующего устава духовных школ и вновь появляющихся проектов, хотел бы в меру своего разумения осветить с точки зрения христианства и с точки

зрения современного образования, его тенденций и задач ту дорогу, по которой должна идти школьная реформа. Такое освещение (посильное, конечно) даст возможность: 1) по достоинству оценить всякий школьный устав, который прежде всего должен сообразоваться с требованиями и идеалами христианства, как основы жизни всех современных христианских народов, а затем с требованиями современного образования, стремящегося удовлетворить запросам современной до крайности усложнившейся жизни; 2) избавит от ошибки возлагать слишком большие надежды в деле улучшения школ на новые уставы, а равно объяснять неудовлетворительность строя и жизни школ неудовлетворительно составленными уставами: хорошо работающая во славу Божию и на пользу людям школа создается не одними уставами; точно так же неуспехи школ зависят не от уставов только – за исключением, конечно, в последнем случае тех уставов, которые явно тенденциозны и уродливы, каков, например, ныне действующий устав духовных школ 1884 г., лишаящий пастырей будущих возможности получить хорошее и общее и специальное образование; 3) исключить возможность создания искусственных учебных планов, которые готовы рассматривать духовную школу, как школу профессиональную, а такой взгляд на духовную школу в самом корне есть ложь: пастырство не есть профессия, оно есть только высшее служение Богу и людям, наделенное особыми дарами Божественной благодати, но подобное служению каждого христианина; 4) вместе с тем укажет тот путь и тот учебный план, по которому и в котором должна жить и выполнять свое дело духовная школа.

Итак, в каком отношении к современному образованию должна стоять духовная школа, и в какой мере ее уставы и ее жизнь должны определяться требованиями современного образования?

Современное образование получило богатое наследство от прошедших веков, настолько богатое, что современные люди до сего времени еще не умеют разобраться в этом наследстве, привести его в порядок и создать свою органически стройную систему образования. Из дали христианских веков нас привлекает просветительная деятельность первых веков христианства, которые с такой силой внесли в просвещение новый дух и новые силы, указали новые, несравнимо более высокие задачи и цели для просвещения, чем это делало римское и греческое язычество, внесли неизвестную дохристианской древности глубину в изучение наук исторических и философских и в изучение природы. Мы глубоко и искренно восхищаемся той глубиной и чистотой веры и благочестия, которые одушевляли просвещеннейших и святых мужей древности христианской и давали им необычайную силу ассимилировать и свести к единой цели культурное богатство греческого и римского образования. Высокая и святая деятельность св. отцов Церкви неизбежно вызывает нас к подражанию им и к следованию по их стопам. Но мы также преклоняемся перед серьезной и строгой просветительной работой эпохи схоластики; мы умеем ценить высоко логическое мышление этой эпохи и ее умение систематизировать знания, и нам хотелось бы так же стройно мыслить, как умели мыслить схоластики. Мы ценим высоко и живой, жизнерадостный гуманизм эпохи Возрождения, открывший нам новые пути к изучению древности и к изучению природы. Мы умеем также воздавать должное и ближайшей к нам эпохе Просвещения, осуждая ее крайности, ее чрезмерное поклонение разуму человека и даже обоготворение этого разума и ее космополитизм. Воздавая должное просветительной деятельности каждой указанной эпохи и усваивая себе все наиболее ценное от каждой эпохи, мы не умеем, не в силах все предыдущие направления соединить в одно стройное целое; поэтому мы так пестры в своих школьных системах, планах и уставах, которые представляют собой только механическое соединение разных образовательных элементов. Мы механически в наших учебных планах соединяем в одно: богословие, филологию (древние и новые языки), историю, географию, естественные науки и математику – и думаем, что результатом воздействия разнообразнейших наук явится цельный живой человек с определенными стремлениями, с определенной личностью. В этом – наше заблуждение. Правда, конечно, разнообразие современного образовательного материала могуче действует на умы нашего юношества; но оно не вырабатывает своеобразно развитую личность: богатый учебный материал удовлетворяет интеллектуальным потребностям, но он же и подавляет личные интеллектуальные стремления. Составители проектов уставов духовной школы очень много говорят о том, что учить детей в духовной школе в строго определенном направлении, начиная с 9–10-летнего возраста, значит – допускать насилие над личными склонностями каждого ребенка; а между тем в действительности самое тяжкое нравственное насилие над ребенком творится нашими многопредметными

учебными планами, которые не дают усилиться личной любознательности учащихся, отодвигают на задний план самопроизвольные и индивидуальные образовательные стремления.

Механическое соединение в современном образовании унаследованных от разных просветительных эпох образовательных элементов и проистекающая отсюда многопредметность (а следовательно, и многознайство, ничего не знающее) учебных планов составляют коренные недостатки современного образования. Эти недостатки отчасти также находят себе объяснение и в склонности нашего времени оценивать знания и умения с экономической точки зрения. Эта склонность заставляет нас ложно думать, что образование не исполнило своей задачи, если оно не вооружило юношество для культурной деятельности во всех направлениях. Желание занять сразу несколько сидений приводит к потере и одного сиденья.

Указанные мной в общем недостатки современного образования настолько ясны, что мы, воздавая должное уважение его обширности и всесторонности, должны всячески беречься навязываемой этим образованием многопредметности, а вместе с ней крайне поверхностного и давно осужденного многознайства, которое всегда так высокомерно и так склонно умничать и судить обо всем, ничего в существе дела не зная; мы должны всячески беречь индивидуальную свободу детей и юношей, подавляемую современным громадным учебным материалом. Необходимо ценить грандиозное, хотя еще пока и не совершенно отделанное, здание современного образования, но также необходимо помнить его несовершенства и беречься их, руководствуясь в этом случае указаниями Свящ. Писания и св. отцев Церкви. Несомненно, духовная школа не может относиться враждебно к современному образованию: это противоречило бы универсальному характеру христианства, которое желает видеть своих последователей, а тем более ближайших служителей Христовых не чужеземцами, плутающими в этом мире без знаний и света, а напротив, вооруженными всеми знаниями и умениями во всей их широте. Но так как христианство все же больше ценит «преобразованного» человека, с обновленным умом, сердцем и волею, а не всесторонне образованного, то и широта познаний христианина должна заключаться в целостности, а не в многопредметности, в законченности, а не в разнообразии. Высоко ценные указания относительно того, как следует нам относиться к так называемым светским знаниям и умениям, оставили св. отцы Церкви – Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Особенно ясны и ценны указания св. Григория, который, настаивая на необходимости изучения светских наук, говорил: «Я полагаю, все благоразумные люди согласны с тем, что образование есть первое из наших благ и притом не только то возвышенное, данное в собственность нам христианам, которое может пренебрегать изяществом и красотой речи и держится только спасения и красоты истины, но и языческое, которое большинство христиан презирают, как вредное, опасное и отводящее от Бога. Подобно тому, как мы не должны презирать небо, землю, воздух и все, что принадлежит к ним, из-за того, что люди имели глупость воздавать божеское почитание этим творениям Божиим, но можем пользоваться в них тем, что полезно для жизни и наслаждения, и избегать того, что опасно, всячески удаляясь от того неразумия, чтобы возвышать тварь пред Творцом, но, наоборот, постигая из произведений Художника и весь ум предавая в послушание Христу; подобно тому, как ни огонь, ни пища, ни железо, ни какая бы то ни было вещь само по себе ни полезна, ни вредна, но делается такою вследствие употребления; подобно тому, как даже черви, смешанные с лекарством, могут сообщить ему лечебную силу: так то же самое можно сказать и о языческих науках, которые занимаются изучением и исследованием вещей и которые мы переняли с устранением всего того, что ведет к демонам, заблуждению, гибели. Благодаря этому страх Божий только усилился в нас: через менее хорошее мы достигли познания лучшего, из бессилия язычников создали опору для веры. Поэтому никак не следует презирать образования, хотя некоторые и думают так: скорее можно обвинять в неразумии и необразованности тех людей, которые хотели бы прикрыться, сделав всех похожими на себя, чтобы среди общего невежества их собственное не бросалось в глаза». Но, настоятельно рекомендуя образовательные занятия, св. Григорий ставил одно необходимое условие, чтобы «сердце было утверждено», т. е. чтобы внутренний человек оставался целым и совершенным, не подавленный громадой знаний, часто несовершенных и несовершенно усвоенных.

Из сказанного мною я позволяю сделать такие общие заключения относительно организации духовной школы:

1) Духовная школа должна быть организована сообразно с требованиями и идеалами христианства, которое желает видеть, особенно в ближайших слугах Христовых – пастырях,

людей, воспитанных по духу Христову, «уготованных на всякое благое дело», с «огражденным и утвержденным сердцем»; а для сего на первом плане в духовной школе должно стоять возможно совершенное изучение слова Божия и вообще наук богословских. Наилучшее изучение слова Божия – главная задача духовной школы, и так называемые общеобразовательные науки должны иметь в духовной школе хотя и почетную, но служебную роль.

2) Духовная школа должна быть организована также и в соответствии с требованиями современного образования, чтобы пастыри не были чужеземцами в сем мире и чтобы им в совершенстве был понятен язык мира сего и его мирские чаяния и стремления; но при этом весьма необходимо, чтобы в духовной школе было исключено свойственное современному образованию стремление приготовить юношей к работе во всех направлениях, что объясняется только ложным стремлением современного общества оценивать образование с экономической точки зрения, каковая точка зрения совершенно чужда Церкви, как неприменимая к оценке духовных благ, из которых одно из высших есть образование. Духовная школа не может усвоить себе стремления к многопредметности; она только не осуждает этого стремления и признает его в своих стенах законным настолько, насколько это необходимо для достижения ее собственных задач и насколько это не нарушает целостности образования. Избегая ненужной и крайне вредной многоучености, господствующей в современном образовании и препятствующей – вследствие обилия учебного материала – проявляться индивидуальным наклонностям и способностям учащихся, а следовательно, и стесняющей свободу личности, которую всегда охраняет и уважает Церковь, необходимо самонужнейшие для пастырей науки (общеобразовательные) поставить в духовной школе возможно совершеннее, каковы науки исторические (вместе и социальные), философские (философия, логика, психология), словесные (история литературы) и педагогические (педагогика и дидактика). Будет в высокой степени печально, если и новый устав духовных школ допустит в этом последнем отношении такие же грубые ошибки, какие допущены в существующем уставе, который, например, считает возможным хорошо (а ведь если знакомить, то нужно знакомить хорошо) ознакомить учащихся с психологией в 2 недельных урока или который необходимое и основательное знакомство для будущих руководителей народных школ с педагогической наукой свел только на ознакомление с ремеслом учебного дела, исключивши из курса духовной школы педагогику и оставивши по одному недельному уроку (для 5 и 6 классов) дидактики.

3) Духовная школа не должна мыслиться в строгом смысле профессиональной школой. Понятие профессии навязывает школе что-то внешнее, что-то определяющее жизнь школы и ее работу внешними соображениями и побуждениями и прежде всего требованиями и интересами известного профессионального круга; жизнь же духовной школы должна определяться внутренними побуждениями и развивающейся личности и интересами христианскими и общечеловеческими, обнимающими не тесный профессиональный круг, а всех людей. Пастырство, как уже я сказал, не есть профессия, оно есть высшее возможное на земле служение Богу и людям, но подобное служению каждого христианина. Православные пастыри – не жрецы и не католические ксендзы, искусственно воспитываемые или, лучше сказать, дрессируемые, как профессиональные дельцы, владеющие до тонкости всеми приемами своей профессии включительно до жестов при говорении проповеди в храме. Православные пастыри должны мыслиться людьми, органически вырастающими из среды вообще всех христиан в людей более совершенных, «в меру возраста совершенна» и способных руководить другими людьми, быть для них «образцом слова, веры, жизни, любви и чистоты». В настоящее время у нас, говоря о неудовлетворительности состава пастырей, любят повторять, что нам не мешало бы научиться у католиков, которые будто бы так хорошо умеют готовить хороших пастырей. Но я не желал бы учиться у католиков, как разными внешними мерами и дрессировкой воспитывать будущих пастырей, готовых потом не брезговать никакими средствами для действия *ad maiorem Dei gloriam*. Не по Христовой заповеди воспитывают своих пастырей западные христиане, извратившие учение Христово. Я могу согласиться только с тем, что католический священник имеет более определенную физиономию, как защитник интересов папства, действует с большей энергией и большей последовательностью. Но если принять в расчет, что такая определенность и энергия, не разбирающая средств, более свойственна члену какой-нибудь социальной или политической партии, чем служителю религии, всегда правда, настойчивому, но смиренному и скромному, то и указанным выгодам воспитания католического не следует подражать. Православная духовная школа должна искать средств для воспитания

добрых пастырей прежде всего внутри самих учащихся, в личности каждого учащегося, а не во внешних по преимуществу мерах и внешнем строе. Это – путь более трудный, и воспитать православного пастыря гораздо труднее (если брать в расчет и в пособие только одну духовную школу), чем католического. С этой точки зрения я не особенно верю в так называемый «особый строй», «особый дух» духовной школы, если только этот строй и этот дух не развились в школе органически из строя жизни и духа тех христианских семей, из которых поступают в такую школу их питомцы, если то и другое навязывается или прививается искусственно, а тем более насильственно. Несомненно, вполне естественно желать и устроить в духовной школе такие порядки жизни, которые наиболее приличествуют будущему пастырю; но необходимо также желать, чтобы такие порядки составляли естественную потребность учащихся, составляя только высшую, более совершенную степень того строя жизни, в котором живет или, по крайней мере, должен жить всякий православный христианин (я особенно разумею здесь наш простой народ, строй жизни которого, несомненно, определяется религиозными потребностями). Вполне естественно также желать, чтобы будущих пастырей учили пастыри же, но нельзя и этого ставить непрямым условием строя духовной школы и совершенно отстранять от дела людей светских: история духовной школы представляет нам много примеров светских учителей с высокой христианской настроенностью, действовавшей самым плодотворным образом на питомцев школы. Ошибки в делах обучения и дисциплины возможны и со стороны пастырей-учителей, и, что в данном случае очень невыгодно для дела, ошибки эти вреднее и непрощительнее ошибок светских учителей, так как к пастырям должна прилагаться иная, высшая мера поведения и образа действий. Но во всяком случае желательно, чтобы преподаватели богословских предметов носили священный сан.

4) Школа духовная ни в коем случае не должна быть школой сословной, равно как и духовенство не может быть сословием. Такой порядок противоречит идее христианского призвания (vocatio), которое отрицает искусственное деление людей на разные группы общественные; христианство признает только различие даров и дарований, ниспосылаемых свыше. Поэтому духовная школа должна быть широко открыта для всех и каждого, а не только для детей духовенства. Право поступления в нее и прохождения ее курса должно обуславливаться не происхождением из того или другого сословия, а известною, свойственною добродетели христианину, настроенностью, которая при благоприятных условиях могла бы возрасти в пастырское призвание. Конечно, дети священноцерковнослужителей – по преимуществу желательные кандидаты для поступления в пастырскую школу. Их призвание к служению Церкви до некоторой степени определяется уже их происхождением из духовной среды. Предполагается затем, что и воспитание их с самого раннего детства совершается под ближайшим воздействием Церкви и всего церковного, почему естественно ожидать, что они по своему внутреннему расположению и религиозной настроенности наиболее будут отвечать тому требованию, которое необходимо предъявлять к питомцу пастырской школы, и можно надеяться, что в числе питомцев этой школы дети духовенства будут составлять значительный процент, что, повторяю, даже очень желательно; но, во всяком случае, к ним, как и ко всякому питомцу пастырской школы, необходимо предъявлять требования известного рода религиозной настроенности и доброй христианской нравственности. В пастырской школе никто не должен обучаться по каким-либо сторонним, чуждым задаче этой школы побуждениям, например, соблазняясь сравнительной дешевизной обучения в ней или повинаясь только воле родителей. Если бы в ней и оказались такие питомцы, которые не расположены к пастырскому служению, они должны быть удаляемы из школы, хотя бы отличались и хорошими умственными дарованиями. К последней мере, разумеется, нужно прибегать с особой осторожностью и после неоднократных бесед и увещаний; мера эта притом же предполагает особую близость воспитателей школы к своим питомцам, хорошее знание не только внешнего поведения их, но – по возможности – и внутренней настроенности.

Вот в самом общем изложении те начала, на которых я желал бы видеть организованной духовную школу. Но, высказывая свои сильные соображения по данному вопросу, я считаю необходимым сказать, что, по моему разумению, дело организации духовной школы самой по себе, взятой отдельно от общего строя и характера просветительной современной деятельности и – главным образом – отдельно от начального религиозно-нравственного просвещения в народных школах, составляет только половину дела и половину, пожалуй, даже меньшую. Составить более или менее правильное расписание учебных предметов духовной школы,

указать правила и порядки общежития в духовной школе, набрать для духовной школы порядочных и даже хороших учителей – все это – более легкое дело, чем создание той среды, в которой должны действовать пастыри и из которой духовная школа должна почерпнуть новые силы, новые таланты и дарования. Эта среда должна быть родной духовной школе по духу и направлению; в противном случае пастырство будет непосильно для громадного большинства пастырей и во всяком случае малопродуктивно. Мы привыкли со школьной скамьи знать и повторять, что успеху проповеди христианской много содействовала среда, в которой проповедовали ученики Христа: тогдашнее общество, хотя и языческое и погрязшее в материальных интересах, томилось желанием разрешить высшие запросы духа человеческого, вздыхало об идеальном, и ему нужно было только указать путь, по которому следовало идти, чтобы найти разрешение всех недоуменных вопросов и самую истину, что и сделало христианство. Усвоенная нами со школьной скамьи истина о необходимости подготовки среды для успеха дела Христова на земле сохранила полное значение в настоящее время, и современным слугам Христовым необходимо искать и создавать подходящую среду для своего делания. К глубокому сожалению, в настоящее время та часть христианского общества, которая наиболее способна по своему умственному развитию полнее и совершеннее усвоить учение Христово и проводить его в жизнь общественную, уклоняется на распутьи мира сего и думает найти решение духовных вопросов помимо учения Христова и, что всего хуже, наиболее развитая умственно часть общества становится индифферентной в религиозном деле, т. е. принимает ту форму отношения к религии, которая хуже всякой вражды. Тем необходимее поэтому сохранить за собою господствующее и руководящее значение в массе народной, которая – по своему стремлению устроить свою жизнь на началах религиозно-нравственных и церковных – представляет такую благодарную почву для работы истинно христианской. Одним из лучших средств для сохранения простого народа в качестве подходящей среды для пастырской работы должна служить тесная связь школы народной со школой духовной, так чтобы духовная школа естественно вырастала из народной школы и чтобы в свою очередь и народ по преимуществу в духовной школе видел наилучшее образовательное учреждение для дальнейшего личного христианского усовершенствования, а следовательно – наилучшую опору своего материального благополучия и общественного спокойствия. Установить такую связь народной и духовной школы тем более возможно, что, несмотря на разные неблагоприятные для религиозной жизни обстоятельства настоящего времени, для громадного большинства нашего простого народа религия и Церковь остаются единственным высшим духовным благом. Необходимо позаботиться, чтобы религия, как основа жизни и общественной и политической, оставалась навсегда для народа тем, что она есть для него в настоящее время. Но религиозность нашего народа – в значительной степени внешняя, не одухотворенная, не осмысленная. Такая религиозность может действовать на жизнь и нравы только до тех пор, пока народ живет замкнуто, пока его не коснулась мысль и разного рода житейские новшества, общественные и политические. В борьбе с новшествами обрядоверная религиозность может получить жестокое крушение (не случилось ли это в 17 в., когда у нас родился раскол?). Поэтому Церкви и ее представителям необходимо усилить заботы о религиозном просвещении народа, не останавливаясь на полдороге, а поставить это просвещение шире, и тем углубить религиозную мысль и чувство народа. Широко поставленное религиозное просвещение народа, – что вполне возможно путем установления тесной связи народной и духовной школ, – даст Церкви возможность под своим руководством передавать народу и другие духовные блага (литература, искусства), которые в настоящее время в значительной мере передаются народу помимо Церкви, что так вредно отзывается на духовном благосостоянии народа. Широкая постановка дела религиозного просвещения была бы великой заслугой представителей Церкви перед родной землей, упрочивши в ней истинные начала общественной и политической жизни. Мы очень много говорим о том, что религия – основа жизни, но еще мало делаем в этом направлении, как будто бы сомневаемся в том, что говорим. К деланию в указываемом мной направлении, т. е. в направлении установления более тесного и глубокого союза школы духовной и народной, нас должно побуждать и то обстоятельство, что за последние два века (18 и 19) мы слишком много сделали, чтобы нарушить связь народа с Церковью, отнимая у представителей Церкви право и способность руководить делом народного образования, хотя в то же время в основу этого образования мы всегда полагали религию, ее святые начала. Последнее было только словами, оставалось на бумаге, так как лица, которые могли, руководя делом народного просвещения, действительно основывать его на религиозных

началах, устранялись от дела. Чтобы не быть в сем утверждении голословным, я позволю себе хоть в общих чертах сослаться на уставы наших народных школ, начиная с екатерининского устава 1786 г.

Просматривая уставы наших начальных школ 1786 г., 1804 г., 1828 г., 1864 г. и 1874 г., мы встретим там одну очень крупную ненормальность, которая имела и продолжает иметь (ведь уставы 1864 г., 1874 г. и даже 1828 г. продолжают действовать) очень вредное влияние на дело религиозно-нравственного просвещения народа православного и на его доброе христианское настроение. Ненормальность эта заключается, по моему мнению, в том, что в школьном деле духовенству, этому естественному воспитателю народа в духе религии Христовой, не отведено надлежащего места, духовенство отодвигалось на второй план, хотя в основу просвещения народного были положены религиозные начала, как наилучший залог правильного обучения и дисциплины православных народных масс. Родившийся в век просвещения, в век так гордо и решительно отстаивавший права человеческого разума на обладание миром и абсолютным знанием, екатерининский устав 1786 г. решительно отстаивал воспитание подрастающих поколений на основах веры. В предисловии к этому уставу между прочим говорится, что «чистые понятия о Творце и Его святом законе, основательные правила непоколебимой верности Государю и истинной любви к отечеству и своим согражданам суть главные подпоры государственного благоустройства», и поэтому семена религиозных понятий, как «основы истинных чувств гражданина, должно сеять с малолетства в сердцах отроческих, дабы они в юношеских летах возрастали, а в мужеских, созревши, обществу плод приносили». По тому же уставу (§ 82) самые школы велено помещать возле церкви, а «для благолепия церквей и большего прилежания учеников к молитве и благоговению директор должен стараться, дабы они обучаемы были церковному пению вне учебных часов, а обученные в церквях пели и читали». В остальных упомянутых уставах воспитательные задачи начальных школ на основах религиозных выставлены в первых параграфах, даже и в уставе 1828 г., который внес утилитарное направление в начальную школу, чем, кстати сказать, немало повредил развитию школьного дела на Руси.

Сообразно с основной задачей начальной школы – воспитать христианина-семьянина и христианина-гражданина, уставы школьные должны были отвести соответствующее значение и положение епископам и священникам, этим естественным учителям веры и добрых нравов. В этом случае уставы не вводили бы что-нибудь новое, а только занесли бы на бумагу естественный, исконный, освященный вековыми обычаями христианских народов и канонами церковными порядок (10-е пр. 7Всел. Соб.). Ведь даже в протестантских странах (Швеция, Норвегия, Дания), где представители протестантской общины – пасторы не суть Богом поставленные пастыри, духовенству отведено первенствующее положение в школьном деле. Естественный порядок вещей признан и в тех христианских государствах, где Церковь и ее служители потеряли характер богоустановленного учреждения. Но у нас, к глубокому сожалению, этот естественный порядок был признан неестественным, или, по крайней мере, нежелательным, и духовенству православному не только не отвели, как уже я упоминал, подобающего места в школе, но даже иногда совсем его устраняли из школы. По уставу 1786 г. не только заведование школами, но и обучение в них Закону Божию поручалось светским лицам, а не священникам. По уставу 1804 г. приходские училища в казенных селениях хотя и вверялись «приходскому священнику и одному из почетнейших жителей», но в действительности школами распоряжались так называемые «земские исправники», игравшие в селениях казенных крестьян роль помещиков. Тем менее имело духовенство значения в школах, которые должны были учреждаться в селениях помещичьих, где «училища предоставлялись просвещенной и благонамеренной попечительности самих помещиков». По уставу 1828 г. непременным условием для учреждения каждого приходского училища было поставлено «иметь законоучителя из живущих в том месте или в соседстве священников»; но заведование учебной частью, а следовательно – и сообщение учению того или другого характера и направления, было оставлено за учителями и штатными смотрителями, которые тогда играли роль школьной инспекции. Таково в общем было положение духовенства в отношении к школьному делу в крепостное время, в эпоху самого широкого развития крепостничества, что, конечно, в значительной мере объясняется тогдашним общественным положением духовенства. Духовенство вместе с простым народом несло на себе почти все тяжести крепостного права, все последствия личного бесправия и невежества. Тяжелая личная и материальная зависимость от

помещиков, недостаточность образования должны были уронить значение духовенства в той общественной среде, которая руководила судьбами Русского государства, а это обстоятельство, несомненно, должно было отразиться и на нашем школьном законодательстве. Составители школьных законов отнеслись с недоверием к духовенству, к его способности руководить школьным делом и охотнее поручали это дело людям светским. Со времени издания устава 1828 г. до половины 60-х годов, т. е. до издания устава 1864 г., многое изменилось в положении духовенства, как сословия, изменился в лучшую сторону и состав духовенства по своему образованию, что ясно доказывается очень широкой просветительной деятельностью, которую развило духовенство в конце 50-х и в начале 60-х годов. Стремление тогдашнего русского общества возможно скорее развязаться со всеми тяжелыми последствиями уничтоженного крепостного права и, как лучшим средством для такого скорого освобождения, вооружить освобожденный народ необходимыми знаниями, нашло себе отклик прежде всего в духовенстве, которое быстро учредило громадное по тому времени количество школ. С 1859 до 1865 г. духовенством открыто было свыше 21 400 новых школ, и, несомненно, их число также быстро росло и в последующие годы – ввиду настоятельной нужды в школах, нужды, понятной и должным образом оцененной именно духовенством, лицами, ближе всего стоящими к духовным запросам народа, если бы духовенство в своей плодотворной деятельности нашло в обществе поддержку или даже если бы ему просто не мешали, насильственно не отнимали из его рук школ. Но предубеждения и новый отчаянный либерализм 60-х годов, не хотевший считаться с запросами, предъявляемыми народом к школе, опять оттолкнули духовенство от школы: у духовенства просто-напросто отняли учрежденные им школы и руководителями школ сделали светских людей. Правда, по уставу 1864 г. духовенству, по крайней мере высшему, как будто бы давалось больше полномочий в школьном деле: православным архиереям было предоставлено право быть председателями губернских училищных советов, а вместе с тем как будто и возможность давать известный тон и направление школьной деятельности. Право председательствовать было дано, но средства и способы осуществлять обязанности председателя на деле, без нарушения авторитета и достоинства православного епископа, были отняты, так как непосредственное руководство школами и составление отчетов поручалось директорам училищ, которые представляли отчеты попечителям учебных округов, а последние – министру народного просвещения. От попечителей и министров получались «разъяснения и указания», обязательные, конечно, для местных деятелей. Такой порядок ведения школьного дела, скопированный со школьных порядков, принятых в странах протестантских, едва ли может быть признан удобным у нас: православному епископу неудобно получать «разъяснения и указания» от попечителей и министров, которые могут быть и иноверцами. Чтобы признать такой порядок желательным, необходимо избавить местных деятелей от опеки чиновников, которые должны были оставаться только блюстителями материальных интересов Правительства, отпускавшего на школы государственные средства, – организация же школ на месте, руководство ими и их направление всецело должны принадлежать местным деятелям во главе с епископом. Ввиду неудобств положения, созданных уставом 1864 г., православные епископы и не слишком спешили воспользоваться правом, предоставляемым им по этому уставу. Дело школьное было оставлено в руках светских лиц, и школы, учрежденные во множестве духовенством, были, как уже я сказал, отняты у учредителей. Только через двадцать лет после устава 1864 г. был издан устав 1884 г., которым наконец-то было признано, что и духовенство православное имеет право (еще бы не иметь!) и учреждать школы и руководить ими в том духе и в том направлении, которые единственно приличествуют народному просвещению в христианском государстве. Божественное право учительства пастырей Церкви было признано и человеческими законами, но, впрочем, не вполне и не совершенно: устав о начальных школах 1884 г. был скромно назван «правилами» и простирает свое действие не на все начальные школы Русского царства, а только на те школы, которые будет учреждать само духовенство на средства местные с ничтожным пособием от казны (в 55 ½ тыс. до 1887 г. и в 175 ½ тыс. до 1895 г.). Наряду с «правилами» 1884 г. остались во всей силе уставы народных школ 1864 г. и 1874 г., и в школьном деле на Руси воцарился раскол, во многих отношениях весьма нежелательный, так как, несомненно, и та и другая сторона, т. е. и духовенство и светские люди, отстаивая свои права учительства, должны были впадать в крайности, которые всегда вредят делу. Правительство пыталось положить конец этому расколу (в 1887 г.), объединивши заведование всем начальным просвещением на Руси в руках духовенства, или, как почему-то говорят у нас, в

«духовном ведомстве»; но эти попытки так и остались попытками: светские люди не захотели уступить своих мнимых прав, а мы, должно быть, не хотели обижать их и предоставили дело на волю Божию, благодарные Царю-Миротворцу за то, что он законами государственными оградил наше право учить верующих и тем избавил нас от стеснений со стороны не в меру ретивых просветителей народа. Получивши право учреждать школы и руководить ими, русское духовенство с великим усердием устремилось на дело народного просвещения в духе и направлении искони свойственных русскому народу, да и вообще всякому христианскому народу. В какие-нибудь 20 лет духовенством, несмотря на неблагоприятные условия (отсутствие средств, противодействие министерства и земства, неимение подготовленных учителей), создано до 50 тыс. начальных школ, и дело просвещения народного сразу далеко подвинулось вперед. Этот успех служит одним из лучших доказательств того, что школьное дело стало на истинную дорогу и получило настоящих «прирожденных» руководителей. В 1902 г. было издано «Положение» о школах, руководимых духовенством, но издавая это «Положение», правительство наше не имело мужества сделать его общим, распространяющим свое действие на все начальные школы, и оставило наряду с ним и уставы 1864 и 1874 г. с дополнениями к ним, изданными в 1897 г. Раскол продолжается; остается в силе, следовательно, и та ненормальность, та неестественность, которая допущена нашими школьными уставами (не считая уставов 1884 г. и 1902 г.) в определении положения и значения духовенства в отношении к школам, на которую я указал выше.

Указанный мною недостаток в школьных законах имел очень дурные последствия для дела первоначального просвещения народа: он в значительной мере способствовал тому отчуждению верующих от Церкви, на которое мы жалуемся в настоящее время. Выросли несколько поколений, которые в детстве своем и отрочестве не испытали на себе непосредственного благотворного влияния Церкви и ее пастырей. Священники только допускались в школы на несколько часов в неделю и успевали передавать только самые элементарные сведения по Закону Божию, не в силах будучи сообщить учащимся того духа и того настроения, которые должны быть присущи всякому доброму христианину. В лучшем случае питомцы начальной школы, руководимые светскими людьми, могли быть если не совсем отчужденными от Церкви, то живущими в укладе того обрядового благочестия, которое веками прививалось русскому народу, но которого далеко недостаточно при современных условиях жизни. Нахлынувшие в настоящее время отовсюду новшества и общежития и вообще мирозозерцания православный русский человек должен встретить в возможно лучшем вооружении осмысленной веры и осмысленной христианской нравственности. Чем совершеннее будет оружие веры и нравственности у православного человека, тем лучше он отразит все беды и напасти, которые готовы обрушиться на него, тем спокойнее будет протекать его религиозная жизнь и жизнь общественная. Поэтому-то пастырям Церкви необходимо в настоящее время усилить, удвоить и утроить свои усилия не только в деле насаждения правильного начального школьного просвещения народа, но и в деле борьбы с теми худыми последствиями, которые создали и продолжают создавать наши школьные законы, отнимающие у духовенства самое могучее средство воздействия на подрастающее поколение – школу. Необходимо по возможности исправить и исправлять то, что вредит делу Церкви. Эта борьба может быть успешна в том случае, если делу религиозно-нравственного просвещения в начальной школе будет дана более широкая постановка сообразно с требованиями времени, и если дело это всецело будет вверено духовенству, и если, наконец, будет установлена тесная связь школы народной со школой духовной. Такой союз школ естественен и потому необходим: он так же естественен, как естественно возрастание человека из детства в отрочество, из отрочества в юность и возмужалый возраст. Начальная школа – первая ступень совершенствования каждого христианина в богопознании и в приобретении навыков доброй христианской жизни; духовная или пастырская школа – последующая. Такая организация дела религиозно-нравственного просвещения верующих будет истинно христианской организацией, и я осмеливаюсь думать, что в настоящее время Церковь православная владеет достаточными просветительными средствами, чтобы осуществить такую организацию. Чем владеет в настоящее время Церковь?

Церковь в настоящее время имеет 44 000 начальных школ (грамоты, одноклассных и двухклассных), 396 школ второклассных, 19 школ церковноучительских, затем 58 семинарий и 187 духовных училищ¹⁵² 51 епархиальное женское училище и 13 училищ духовного ведомства под покровительством Императрицы Марии Федоровны; всего, таким образом, в ведении Церкви

– 44 724 школы. Я глубоко радуюсь такому истинно Божьему достоянию и глубоко верю, что, разумно распоряжаясь этим громадным богатством, мы можем оказать неоценимые услуги делу Церкви Христовой на земле. Но я вместе с тем не могу не указать того коренного недостатка в церковной школьной организации, который, по моему мнению, лишает наши школы той действенности и силы, которые должны быть присущи всякому здоровому, нормально развивающемуся организму. Преследуя или, лучше сказать, обязанные преследовать одну и ту же цель, наши школы живут двумя параллельными рядами, строго разграниченными один от другого. Первый ряд: духовные училища, духовные семинарии и женские духовные училища; второй ряд: начальные церковные школы, второклассные школы и церковно-учительские школы. Первый ряд школ – наши излюбленные детища, которым мы посвящаем и больше внимания и больше средств, делаем их привилегированными учебными заведениями, охраняем их жизнь всякими распоряжениями, могущими охранить привилегии, включительно до распоряжения об «иносословных», вторжение которых в наши духовные школы как будто нарушает наши интересы. Второй ряд школ – наши пасынки; ими мы занимаемся меньше и меньше уделяем им средств (церковных, конечно) и меньше заботимся об их привилегиях; у нас даже не хватает духу сравнить эти привилегии с привилегиями светских школ (учащие наших церковных школ не имеют прав государственной службы, как это имеют учащие школ министерских, существующих на основании устава 1828 г., учащие второклассных учительских школ не имеют одинаковых прав с учащими хотя бы городских 3-х и 4-х классных училищ). В этом параллелизме просветительных учреждений Церкви и заключается коренной недостаток церковного школьного организма; им нарушается единство системы образования, то единство, которое должно быть присуще здоровому школьному организму и которое должно обнимать собою все школы всех наименований и назначений. В настоящее время светские школьные деятели и вообще светское общество очень много прилагают стараний к тому, чтобы согласовать школы всех разрядов, чтобы не было тех странных перегородок между школами, в силу которых одни школы являются доступными только для дворян, другие для духовенства, третьи для простого народа и через которые (перегородки) и перескочить бывает невозможно, особенно простому человеку, которому мы как бы из снисхождения отводим в пользование только начальную низшую школу. Такая согласованность школ всех разрядов в церковной школьной организации должна быть осуществлена прежде всего. Она обязательна для церковных школ уже потому, что Церковь Христова одинаково должна заботиться о спасении каждого верующего без различия его происхождения, в ней несть эллин ни иудей, варвар и скиф, раб и свобод (Кол. 3:11), в ней поэтому одинаковое право имеет на получение возможно высшего религиозно-нравственного просвещения, возможно более совершенного богопознания всякий, кто искренно стремится к этому. И я осмеливаюсь думать, что если мы не будем стремиться к единству школьной церковной системы, к согласованности всех разрядов церковных школ, то мы неизбежно осудим так называемую духовную или пастырскую школу на искусственное существование, духовная школа останется нездоровым, чахлым, тепличным растением.

И по практическим соображениям нам так же необходимо стремиться к единству нашей школьной системы. В настоящее время духовными школами у нас управляет одно учреждение (Учебный Комитет), церковными школами – другое (Училищный Совет). Это непрактично, так как такое управление стоит дороже, а особенно непрактично потому, что нет единства действий в работе, которая, по существу, однородна и требует согласованных и дружных действий. Почему, например, программы второклассных школ, имеющих целью готовить учащихся к поступлению в церковно-учительские школы, шире, чем программы духовных училищ, которые готовят к поступлению в духовные семинарии, т. е. в учебные заведения, высшие по сравнению с церковно-учительскими школами? Нормально ли и выгодно ли такое разделение управления школьным делом в Церкви? Нормально ли также и то, что те церковные средства, которые стекаются со всей Руси в центральное церковное управление, употребляются только на содержание духовных школ, а на содержание школ церковных не употребляются?

Поэтому-то, по моему разумению, всю школьную систему созданную православной Церковью, следует представлять не в виде двух параллельных рядов учебных заведений, а в виде одного цельного ряда, стройно развивающегося из одного основания, или, нагляднее сказать, в виде одного стройного дерева, растущего на здоровой церковно-народной почве с несколькими разветвлениями.

Естественным основанием всякого здорового образования должна служить начальная школа, организованная и руководимая в духе Церкви и учении Христова, т. е. начальная школа в той ее организации, которую в настоящее время имеют начальные церковные школы. Эта школа может быть и смешанная – для мальчиков и девочек; но, где представится возможность и удобство, там лучше устраивать отдельно школу для мальчиков и отдельно для девочек. В интересах лучшего усвоения существующих программ начальных церковных школ, начальная школа должна быть четырехгодичной. Из начальной школы дальнейший естественный переход – в школу второклассную с 3-летним курсом (уже непременно отдельно для мальчиков и отдельно для девочек). Второклассная школа должна служить продолжению общего христианского образования, а не быть специальным учебным заведением, почему специальные предметы и занятия во второклассной школе должны быть исключены из ее курса и заменены общеобразовательными предметами, например уроками по естествознанию. Соединение начальной школы четырехгодичной и трехгодичной второклассной должно представлять лучший, по моему мнению, тип общеобразовательной начальной школы с 7-летним курсом, вполне подходящий к требованиям современного образования и современной жизни. Создавая 7-летнюю начальную школу, православная Церковь не только удовлетворила бы естественному и необходимому стремлению верующих к более совершенному богопознанию, – а это такая необходимая и настоятельная забота Церкви! – но оказала бы великую услугу родной земле, приготавливая для нее в Христовом духе просвещенных граждан, способных работать разумно и по-христиански на всех поприщах школьной, общественной и государственной жизни¹⁵³. Далее, естественный переход от школы второклассной мужской (или от семилетней начальной школы) – к школе учительской и также к школе духовной или пастырской, а от женской второклассной – только к школе учительской.

Духовная или пастырская школа должна по преимуществу готовить для Церкви пастырей, имея для этого соответствующий состав учебных предметов и соответствующий порядок школьного общежития. Таким образом, из состава церковной и народной 7-летней школы вырастают две родные ветви – школа пастырская и школа учительская, два детища, одинаково близкие Церкви, с одинаковым вниманием и заботливостью руководимые ею и одинаково для нее необходимые. До известной поры эти школы растут параллельно с некоторыми особенностями, соответствующими их назначению (одна школа преследует цели пастырства и учительства церковного, а другая – учительства в более узком, профессиональном значении этого слова), а затем школа пастырская уходит в больший рост и также естественно вырастает в духовную академию. Духовная академия есть высшая церковная школа, снабжающая своих питомцев возможно совершенным богопознанием, так чтобы они могли всегда стоять на страже чистоты учения церковного и на высоте требований церковного учительства. Кроме естественно растущих на стволе церковношкольного дерева учебных учреждений – пастырской школы, учительской школы и духовной академии, пользующихся особенно внимательным уходом со стороны Церкви, последняя может допустить рост и других побочных ветвей (например, земледельческих школ, ремесленных и т. п.). Этого требует простая справедливость в отношении к верующим, которые вверили себя руководству церковному, а также и то соображение, что Церковь всегда строго уважает свободу личности и умеет ценить по достоинству все добрые дарования и стремления, направленные ко благу ближних. Единственно, чего не может сделать Церковь без ущерба для своей прямой заповеданной ей Спасителем работы на земле, это – уделить одинаковое внимание и заботу тем дарованиям и вместе тем учебным учреждениям (в которых развиваются эти дарования до возможного совершенства), которые непосредственно не служат делу Церкви. Во всяком случае, семилетняя церковная школа (начальная вместе с второклассной), нося церковный характер, тем не менее не должна стеснять своих питомцев, желающих продолжать свое образование, в выборе для этого дальнейшего учебного заведения. По окончании курса начальной четырехгодичной школы они могут поступать и во второклассную школу и в гимназию или другие подобные учебные заведения; равным образом, и по окончании курса второклассной школы питомцы ее, смотря по желанию, так же свободно могут поступать, например, в земледельческие или ремесленные школы, как и в пастырскую или церковно-учительскую. Мне думается, что такая общеобразовательная программа, которой и в настоящее время владеет церковная школа (начальная вместе с второклассной), дает достаточно солидные познания учащимся, чтобы они могли и дальше совершенствоваться в общеобразовательных науках и вместе с тем усвоить и технические знания и умения.

Вот в самых общих чертах та церковная школьная организация (ее схема), которая, по моему мнению, соответствует требованиям Церкви и современного образования и которую я желал бы видеть осуществленной. К сожалению, за недостатком времени, я не могу в подробностях разработать и указать те учебные планы, которые должна выполнять церковная школа каждого намеченного мною разряда. Но все-таки считаю необходимым сказать хоть немного о той части моей школьной организации, которая требует наиболее крупных изменений в существующем школьном строе, а именно – о школах второклассных в связи с так называемыми духовными училищами.

По моему мнению, в настоящее время, при наличии достаточного числа второклассных школ, духовные училища являются учреждениями излишними в качестве подготовительных учебных заведений к прохождению курса пастырской школы: роль духовных училищ с гораздо большим успехом могут выполнять второклассные школы, что достаточно ясно видно из сравнения расписаний учебных предметов в школе второклассной и в духовном училище. Вот параллельное расписание учебных предметов той и другой школы:

училища видно, что расписание первой полнее и разнообразнее и более соответствует требованиям современного образования. Такие учебные предметы, как Закон Божий, родной язык в связи с церковно-славянским языком, география и арифметика, проходятся и в этой и в другой школе почти в одинаковое число учебных часов (во второклассной школе – 11, 20, 8 и 11; в духовном училище – 12, 19, 6 и 11); но перевес все-таки на стороне второклассной школы и по числу учебных часов (во второклассной школе на родной язык с церковно-славянского – на 1 урок более, по географии – на 2 урока) и по разнообразию сообщаемых сведений (во второклассной школе на уроках Закона Божия сообщаются сведения по церковной истории, на уроках географии сообщаются элементарные сведения по физике, а на уроках арифметики проходит геометрическое черчение и рисование). Кроме того, эти же учебные предметы во второклассной школе проходятся интенсивнее (в 3 года вместо 4-х лет училища) и вместе с тем основательнее и глубже, так как второклассной школе всегда предшествует одноклассная школа, уже сообщающая систематические знания, например по родному языку и по Закону Божию, что далеко не всегда можно иметь в училище, куда дети часто поступают с домашней подготовкой; а затем, второклассная школа работает с более взрослыми детьми, чем духовное училище, что также должно влиять на глубину и основательность усвоения учебного материала. Затем, в курсе духовного училища совсем не имеется таких важных учебных предметов, каковы церковная и гражданская история, а второклассная школа имеет на эти предметы 6 или даже 7 учебных часов в неделю¹⁵⁴. Все выгоды и преимущества, таким образом, положительно на стороне второклассной школы в ее настоящей организации. А если мы второклассную школу сделаем общеобразовательным учебным заведением, исключивши из ее курса дидактику с практическими уроками в школе (гигиену следует оставить, как науку общеобразовательную), то мы можем сделать курс второклассной школы еще разнообразнее и еще более соответствующим требованиям современного образования: вместо дидактики и практических уроков в школе можно и следует поставить занятия по естествоведению. Тогда второклассная школа в связи с начальной школой будет прекраснейшим учебным заведением. И, по моему мнению, так и следует поступить. Десятилетний опыт существования второклассных школ, как учебных учреждений специальных, приготавливающих учителей для школ грамоты, показал, что, как специальное учебное заведение, второклассная школа не достигает цели: она не приготавливает и не может приготовить учителей, стоящих на высоте требований современной школы. Особенно это обнаружилось за последние 3–4 года, когда центральное церковно-школьное управление, чутко прислушиваясь к требованиям современной жизни, явно стало стремиться к замене школ грамоты школами одноклассными и издало для последних значительно расширенные программы учебных предметов, требующие для своего основательного выполнения уже не трехгодичного курса, а четырехгодичного, о чем также начинает заботиться церковно-школьное управление. Для школ с расширенными программами и курсом учителя, получившие подготовку во второклассной школе, являются уже недостаточно образованными, а следовательно – и не могущими с должным успехом вести школу. Таким образом, самым ходом вещей второклассная школа из специальной обращается в школу общеобразовательную, что и необходимо сделать, чтобы не иметь на плечах школ, которые уже своему назначению не соответствуют и являются отсталыми учреждениями в поступательном, прогрессивном движении церковно-школьного дела. Впрочем, упраздняя значение второклассных школ, как школ специальных, я вовсе не хочу сказать, что

Церковь не может пользоваться воспитанниками второклассных школ, как учителями для своих небольших началь¹⁵⁵. В приобщении к церковной жизни и в приобретении церковного образования в небольших школах и с большим успехом, чем, например, окончившие курс духовного училища или двухклассную школу, приобретающие церковный по образованию не имеет особенн¹⁵⁶ серьезное значение, поэтому и в течение и по недостатку времени оставляя его без разьяснения. Скорее всего управление впрочем всей частью попечителю предоставляется духовенству, претворения же общины приобщение к евангелию школы в соодвествии с требованиями современности жизни, школы двукласная должна правды христианства преподавать общей образовательной. Это можно считать обязанностью церкви. Церковью всегда должна жить в единстве деле просвещения, чтобы руководить этим делом быд¹⁵⁷ в нем чуждаемым светом. Помимо преимуществ в учебном плане, второклассная школа в сравнении с духовным училищем имеет и другие крупные преимущества. Прежде всего, второклассная школа даже в том случае, если ее содержание увеличить (а это необходимо сделать) с 3 тыс. до 5 тыс., стоит гораздо дешевле духовного училища, раза в три по меньшей мере. В 1894 году¹⁵⁵ на содержание 186 духовных училищ было израсходовано одних казенных средств и средств центрального церковного управления 1 263 680 рублей. Если сюда прибавить еще по меньшей мере (а в действительности – больше) столько же из местных средств¹⁵⁶, то получится внушительная цифра в 2 ¹/₂ мил. рублей (беру круглую цифру). При наличности в 1894 году 30 869 учащихся в духовных училищах, каждый учащийся таким образом стоит свыше 80 руб. Это, при нашей бедности, слишком дорого для низшего учебного заведения. В школе второклассной обучение каждого ученика стоит в три раза дешевле, а результаты получаются лучшие: ученик второклассной школы – и сносный для маленькой школы учитель и вполне хороший псаломщик, кончивший курс духовного училища. Если средства, расходуемые на содержание духовных училищ, обратить на содержание второклассных школ, то можно иметь сейчас же свыше 1000 этих полезных учебных учреждений, а это – уже громадный шаг вперед на пути развития истинно церковного просвещения на Руси. Немалая выгода на стороне второклассных школ заключается и в том, что эти школы учреждаются в селах, вдаль от нездоровой городской жизни, и ее питомцы поэтому будут более здоровы в нравственном отношении и более скромны в своих потребностях. Скромная доля учителя и еще более скромная доля псаломщика не только не будет страшить скромных питомцев скромной школы, но будет для них желательной. Сознаюсь, что я развиваю свою мысль в слишком общих чертах, и не могу еще раз не пожалеть, что за недостатком времени не имею возможности говорить о подробностях.

6. Об епархиальных съездах духовенства

По вопросу об епархиальных съездах нахожу достаточным ограничиться следующими краткими замечаниями.

Если допущено будет проектируемое во второй главе настоящего доклада (о преобразовании епархиального управления) созвание епархиальных соборов при участии не только клира, но и достойнейших и благонамереннейших из мирян, то задачи епархиальных съездов собственно духовенства – в значительной мере сократятся. Большинство вопросов экономических, особенно связанных с расходом церковного или церковно-приходского имущества, будет разрешаемо на епархиальных соборах. Но у духовенства всегда могут быть и свои, так сказать, корпоративные вопросы и нужды, в решении которых участие мирян и, пожалуй, даже низших членов клира не только не необходимо, но и прямо излишне.

Во-первых, духовенство, как своего рода корпорация в епархии, так сказать – союз людей, занимающих одинаковые должности, несомненно, может иметь свою корпоративную собственность, или приобретенную путем покупки на личные средства духовенства же, или поступившую в общее пользование духовенства от благотворителей, как пожертвование. При решении вопросов по приобретению и пользованию такого рода имуществом, а также при обсуждении разных нужд духовенства и степени возможности удовлетворения их из его же личных средств, участие мирян, очевидно, уже совсем не требуется; решение и обсуждение всех таких вопросов и нужд есть уже дело самого духовенства на своих собраниях или съездах. Во-вторых, у духовенства есть особые, только ему одному свойственные, задачи пастырского служения, которые, вследствие своей трудности, ответственности, требуют совместного их обсуждения, одним словом – требуют специальных собраний или съездов. По моему мнению, предметом суждения на епархиальных съездах и должны быть, во-первых, вопросы экономические в тех случаях, где духовенство является частным собственником, и, во-вторых – и самое главное – вопросы чисто пастырские. Желательно, чтобы заседания епархиальных съездов по пастырским вопросам находились под самым близким руководством епископов, а где возможно, то и под личным их председательством, ввиду чрезвычайно важного значения пастырского служения для Церкви Божией. В этом единении пастырей и архипастырей самое это служение почерпало бы наибольшую силу; это же единение самым делом показывало бы, что источник пастырства – в архипастырстве и, в свою очередь, сила (проявление) архипастырства – в пастырстве.

Что касается времени созыва епархиальных съездов духовенства, то его, для удобства, нужно приурочивать ко времени созыва епархиальных соборов. Пресвитеры, явившиеся на епархиальный собор, могут быть вместе с тем и депутатами епархиального съезда духовенства и устраивать свои собрания или перед открытием собора, или непосредственно после его закрытия, а если окажется возможным, то и в дни заседаний собора, но, конечно, в свободные от соборных заседаний часы.

7. Участие священнослужителей в общественных учреждениях

Различное решение вопроса об участии духовенства в общественных учреждениях, по моему мнению, находится в немалой зависимости от той или другой постановки данного вопроса. Самая крайность мнений, ответы положительные или отрицательные со стороны представителей Церкви и богословской мысли по этому вопросу говорят за то, что должен быть средний путь, так называемая золотая середина, ибо истине чужды крайности и сильные колебания в сторону. Правильность ответа, как я заметил, обуславливается правильностью постановки вопроса. Положим, спрашивают: должен ли пастырь, как служитель слова, подать свой голос среди тех, от кого зависит постановка и обсуждение начал общественной жизни, в особенности если он к тому приглашается властью государственной? Ответ может быть только положительный, ибо пастырь обязывается к тому и существом своего нравственно-просветительного служения и святостью поставленной пред ним задачи. Но если спрашивают: может ли пастырь принимать участие в делах или служении мирском, причем последнему слову усваивают понятия, соединенные с ним в Евангелии, то ответ на это должен быть отрицательный, ибо царство Христово «не от мира сего», и все мирское враждебно христианству и не может быть в общении с ним: кое бо общение свету ко тьме? И тем не менее, христиане и пастыри их не только живут в грешном мире, но должны быть светом и солью его, непрестанно влиять и руководить им со всех сторон и во всех житейских формах, а наипаче в самом исхождении законоположений и общественных течений, озаряя их светом вечной истины. И это пастырское влияние на мир, пестунство о Христе, не может быть подразделяемо ни на малое, ни на великое, ни на второстепенное и первостепенное, как не делится на сие и сама истина, и это – потому, что в деле спасения и малое с житейской точки зрения может быть большим и решительным в деле спасения души человеческой. Священнослужитель не имеет никакого ни нравственного, ни формального права отказаться на приглашение подать свой пастырский голос в деле обсуждения интересов или начал общественной и государственной жизни на том основании, что это-де – задачи временной жизни и они маловажны или даже ничто в сравнении с его вечными пастырскими задачами; а тем более священнослужитель не должен отвернуться от просящих у него доброго совета и помощи на том основании, что его просит грешный мир с его грешной суетой...

Величайший аскет Ветхого и Нового Заветов, великий Предтеча Христов Иоанн, который был сам как секира, рассекающая друг от друга все, что принадлежит Богу и миру, имел настолько сильное влияние на Ирода-правителя, что последний, как написано в Евангелии, «многое делал, слушаясь его (Иоанна), и с удовольствием слушал его» (Мк.6:20); и мы не имеем никакого основания сомневаться в том, что Ирод-правитель, высоко чтивший Иоанна Крестителя и видевший в нем мудрого советника, спрашивал его мнения по тем или иным затруднительным вопросам управления.

Но нет и не может быть речи о том, чтобы служитель Церкви мог делить свое служение между чисто мирскими интересами и вечными задачами пастырства, мог бы быть, например, служащим в каком-либо административном или частном учреждении, ибо это противоречило бы существу пастырского служения и унижало бы его: дело пастыря – не дело чиновника-канцеляриста, а дело отца-руководителя; он трудится по преимуществу словом благодатным, сердцем просвещенным, и его служение велико и действительно, влияет ли он своим облагодатствованным словом на правителя и законодателя, или на беззаконника, преступника, – находится ли он в сонме сановников, как представитель интересов Церкви и носитель евангельской истины, или находится в вертепе отребьев рода человеческого, как тот же служитель Божий. А это может быть, разумеется, только тогда, когда он служит миру не в ущерб своему пастырству, а тем более – не порывая с ним должной связи. В течение первых веков христианства, когда на вселенских и поместных соборах выreshались вопросы веры и церковного управления, были указаны строгие рамки для отношений пастыря к мирским делам. И если на соборах постановлены запрещения духовенству «принимать на себя мирские начальственные должности или попечения» (Двукр. Соб. пр. 11-е), «вступать в распоряжения мирскими делами», «занимать мирскую должность» (7Всел. Соб. пр. 10-е), то правила соборные ясно и определенно отстаивают везде непреложную заповедь: «Не можете двема господинома работати» и имеют в виду служение пастыря миру или в качестве чиновника-администратора, или служителя

материальным интересам – мамоне несправедливой, или вообще оставление священнослужителем по тем или иным мирским побуждениям своего пастырского места. Именно такая постановка вопроса об отношении пастыря к служению мирскому, как я указал в самом начале, весьма определена и не может вызывать ни малейших сомнений.

Так именно на смысл соборных постановлений смотрела наша отечественная русская Церковь, допуская участие своего духовенства в делах земской думы, посредством коей духовенство могло без ущерба пастырскому делу, а наоборот – в силу своего пастырства, проводить в жизнь и в разные законоположения религиозно-просветительные начала. Приснопамятный святитель Филарет, митр. Московский, который отличался мудростью и осторожностью в своих решениях, высказал свой взгляд на участие священнослужителей в общественных учреждениях в своем мнении об отношении духовенства к земству от 5 сентября 1863 г. и в донесении Святейшему Синоду об участии духовенства в земских учреждениях от 21 января 1865 года.

В том и другом случае приснопамятный святитель находит допустимым разрешить вопрос в положительном, а не отрицательном смысле, имея в виду дать возможность духовенству отстаивать на земских собраниях интересы церковные и попечение о народном образовании. Правда, митрополит Филарет указывает и на послушание закону государственному, как на видный мотив в своих суждениях; но сего обстоятельства отнюдь, разумеется, нельзя понимать в том смысле, чтобы повиновение власти государственной святитель Филарет мог находить возможным простираť до пределов нарушения канонических правил – постановлений соборных и апостольских. В своих суждениях по вопросу об участии духовенства в земских учреждениях митрополит Филарет отметил некоторые неудобства, могущие возникнуть при практическом решении указанного вопроса, а именно: продолжительное оставление священником-гласным своего прихода, недостаточная компетентность и осведомленность священника с многочисленными и разнообразными предметами земских обсуждений и возможность для земских собраний превращаться в арену человеческих страстей. Но все перечисленные неудобства носят случайный характер; они устранимы и относятся не к существу, а к детальной и более совершенной разработке вопроса. Что касается в особенности третьего неудобства, о котором святитель выражается, что «оно не так маловажно», то, конечно, в рассмотрении этого пункта нужна осторожность, ибо факты из жизни съездов, парламентов и пр. говорят за то, что эти разнохарактерные собрания превращаются иногда не только в арену сдерживаемых и скрытых страстей, но переходят, бывает, и в оскорбительные выражения и даже действия. Обстановка в последнем случае получается тяжелая и трудно согласимая с высотой пастырского сана; но все же это – не более, как случайная обстановка, и относится к области так называемых инцидентов, которые встречаются и на обычной пастырской дороге и которые не должны удерживать священнослужителя на пути его пастырского делания, ибо наше поле – мир, который весь во зле лежит. Апостолов не только оскорбляли словами, но и били, и тем не менее они не уклонялись, вследствие этого только, от своего апостольского делания. Конечно, священнослужителю – представителю интересов Церкви на общественных собраниях – могут быть даны подробные инструкции поведения в тех или других случаях, и тем не менее нужно сказать, что инструкции не могут исчерпывать всю разнохарактерность таких инцидентов, и все зависит от такта священнослужителя, от умения его поддержать и сохранить свое достоинство, невзирая на все разнообразие и неожиданность могущих быть прискорбных инцидентов. В состав, например, Государственной Думы войдут, как надо полагать, не только иноверцы, но и язычники, и создадут собою для духовных лиц обстановку, о которой в особенности прилично сказать: «Блюдайте, како опасно ходите»; но пусть представители Церкви в то же время помнят, что языческая обстановка ареопага не удержала ап. Павла от его апостольского дела. Пред ними – представителями Церкви – стоят высокие задачи, указанные святителем Филаретом: это – интересы святой Церкви и духовного просвещения. А ведь тот же ап. Павел нашел для себя возможным заявить перед лицом языческой власти даже о своих личных интересах, указавши на то, что он – римский гражданин (Деян.22:25).

Итак, в вопросе об участии священнослужителей в общественных учреждениях я присоединяюсь к изложенному мнению приснопамятного святителя Филарета, митрополита Московского, который допускает именно только участие священнослужителей в названных учреждениях и не в ущерб их прямому пастырскому делу, а наоборот – во имя самого пастырства и в связи с пастырским служением. Участие это не может быть ни долговременным, ни тем более

постоянным, и должно обуславливаться сущностью предметов, подлежащих обсуждению и рассмотрению общественных учреждений; эти предметы могут быть совершенно безразличны для интересов Церкви, и в таком случае участие священнослужителей в обсуждении их излишне.

8. О предметах веры

Вопрос восьмой – о предметах веры – по существу своему очень обширен и захватывает много частных вопросов уже назревших и таких, которые неизбежно возникнут при дальнейшем развитии церковно-общественной жизни. Я ограничусь здесь указанием на некоторые из них, уже возникавшие и подвергавшиеся обсуждению на страницах духовных и светских органов печати. Таков вопрос о дальнейшем и окончательном исправлении текста богослужебных книг, о более точном его соответствии тексту подлинника при условии ясности выражений и правильности самых оборотов речи. Далее, вопрос о новой постановке противораскольничьих и противосектантских миссий при существовании закона о религиозной свободе; в частности: о способах ограждения слабых в вере от наглой и ничем не сдерживаемой пропаганды различных совратителей; об организации собеседований при упорстве и возможных теперь постоянных уклонениях от воздействий миссионера со стороны раскольников и сектантов; о способах возбуждения духа разумной ревности о святой православной вере и духа крепкого братского единения прежде всего в приходах, зараженных лжеучениями и подверженных нападению всяких расхитителей словесного Христова стада. В связи со всем этим следует указать на несомненную желательность в объединенно и более широкой деятельности российской Церкви по изданию и распространению листов, брошюр, воззваний и пр., о содействии для возникновения и поддержания существования повседневных органов печати, посвященных интересам Церкви ввиду того громадного распространения и значения, которые получила, в особенности в последнее время, повседневная пресса, обратившаяся в сильное орудие для проведения в общество взглядов и настроений, нередко враждебных задачам православной Церкви. Существующие теперь церковные органы, в большинстве случаев ежемесячные, издаются в строгоопределенных ограниченных рамках, обнимающих собою специально-церковные и богословско-научные вопросы, а потому и имеют неизбежно ограниченный круг читателей и притом по преимуществу преданных сынов Церкви, именно тех, которые чаще всего не подходят под апостольское название «младенцы в вере», которые, наоборот, сами имеют помазание и не требуют, да кто учит га. Укажу и на желательность введения единообразия в отправлении богослужения церковного при существовании с давних пор общепрактикуемых отступлений от Типикона в сельских и городских церквях, при существовании, так сказать, не писанного, а устно передаваемого «приходского устава» для отправления богослужений, причем, с одной стороны, нужно признать, что сокращения Типикона в приходских церквях, очевидно, вызваны жизнью и отсутствием монашеского устава, а с другой – все эти отступления закреплены долгой практикой и все же не приведены в общем к повсеместному согласию и единообразию, оставляя широкое поле для личного и нередко совершенно произвольного усмотрения нерадивых или лукаво мыслящих пастырей, которые оправдываются, обыкновенно, тем, что у нас-де не монастырь, что во всех церквях сокращают и что, если растягивать службу, то и богомольцы не будут ходить. Уж если необходимы сокращения Типикона, то лучше указать для них определенные границы.

В заключение настоящего своего доклада нахожу нужным сказать, что в нашем отечестве вот уже более двухсот лет не было всероссийских поместных соборов. Естественно и понятно, что за такой долгий период времени назрело очень много весьма серьезных вопросов, больших по объему и потребной для них тщательной обработки; понятно, затем, что созываемому в ближайшем будущем Всероссийскому Собору предстоит весьма трудная и едва ли преодолимая работа, если он возьмет на себя задачу разрешения всех накопившихся за два столетия вопросов, задачу созидания единовременно многих реформ в области церковной жизни. Нужно признать за бесспорный факт, что реформы даже самые благие, если круто изменяют жизнь и производят неизбежную ломку, – не сопровождаются в большинстве случаев добрыми результатами в такой мере, в какой это ожидалось от них, в особенности если проводимых реформ много и они, врезаясь в общественный организм, заставляют его жить ненормальными скачками и порывами. В этом, конечно, большая опасность, приводящая иногда благие желания к нежелательному концу, и эту опасность, на мой взгляд, нужно иметь всегда в виду и на предположенном к созыву Всероссийском Соборе. Лучше не спешить с введением сразу многих реформ, но уже то, что в этом отношении будет предпринято Собором, должно быть наперед строго и всесторонне взвешено и продумано. Богу содействующу, поместные соборы

Всероссийской Церкви, надо надеяться, будут теперь созываться нередко, и то, что не будет сделано или устроено на предстоящем Соборе, может быть восполнено на следующем.

№79, преосвященного Иакова, архиепископа Ярославского, от 1 марта 1906 года О составе ожидаемого Поместного Собора Всероссийской Церкви

Вопрос о составе предназначенного Поместного Собора Всероссийской Церкви, по-видимому, не должен бы возбуждать никаких недоразумений и разноречий, так как он находит для себя прямой, ясный и точный ответ в церковном праве. Так смотрел на это и Святейший Синод, когда во всеподданнейшем своем докладе касательно необходимости преобразования управления российской Церковью на соборном начале ходатайствовал пред Государем Императором о дозволении созвать Монаршею волею Поместный Собор из всех епархиальных епископов православной Российской Церкви или представителей оных. Но возникшее затем не совсем спокойное, нередко даже и страстное обсуждение этого предмета на страницах газет и журналов, как духовных, так и светских, людьми, больше знающими существующие на Западе представительные учреждения и потому расположенными, под влиянием современных общественных настроений, к отстаиванию прав всех членов Церкви как из среды белого духовенства, так и из мирян на равное с епископами участие в делах Собора, произвело некоторое колебание в ходе делопроизводства о предполагаемом Соборе. Г. бывший обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев в своем предложении Св. Синоду от 28 июня 1905 года о необходимости подготовительных работ по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви, указал на то, что самое созвание Поместного Всероссийского Собора нуждается в точном определении, на основании канонических постановлений и церковной практики, его состава и пр. Св. Синод это предложение синодального обер-прокурора разослал всем епархиальным архиереям при указе от 28 июля 1905 г. за № 8 для составления соображений по предметам, в нем указанным. А потому настало нужа говорить и по этому вопросу, как бы ни казался ответ на него ясным и определенным в правилах церковных. В решении поставленного вопроса мы должны стоять на почве церковных канонов. Каждый епископ, приемля хиротонию, дает торжественное обещание строго хранить правила св. апостолов и св. вселенских и поместных соборов и св. отцев. Пусть иным они представляются устаревшими, – такие люди готовы и самое Евангелие признать отжившим свой век. Пусть иные злословят, будто начала церковного устройства, в частности – соборность, фальсифицированы в этих правилах. Да будет суд Божий на таковых. А мы должны твердо держаться основы канонов церковных. Все соображения иного рода должны иметь второстепенное значение. «Приявшим священническое достоинство свидетельством и руководством служат начертанные правила и постановления, которые охотно приемля... и всецелое и непоколебимое содержим постановление сих правил, изложенных от всехвалных апостолов, святых труб Духа, и от шести святых вселенских соборов и поместно собиравшихся для издания таковых заповедей, и от святых отцев наших» (7Всел. Соб.пр.1-е).

Что же нам говорят церковные каноны о составе соборов? Кто может и должен быть на соборе полномочным членом с правом решающего голоса? На основании канонических постановлений и церковной практики, имеющей руководственное значение, следует сказать, что членами церковного собора с правом решающего голоса могут и должны быть лишь только епископы. В самом деле, что нам известно о составе вселенских и признанных Церковью поместных соборов? Апостольского Иерусалимского собора мы не будем касаться. Ведь это, с одной стороны, собор не областной, а парикийный, епископийный, Собор местной иерусалимской Церкви, на котором, конечно, должны были присутствовать под председательством епископа Иерусалимского св. апостола Иакова все местные пресвитеры и вся братия, хотя тут же присутствовал еще и св. апостол Петр. Других апостолов не было. Иначе св. апостол Павел не мог бы их не видеть (Гал.1:19). С другой стороны, ведь пресвитеры и братия этой парикии (епископии) были люди особенные; это были большей частью непосредственные свидетели жизни и учения Самого Господа Иисуса Христа, это были мужи, получившие, по обетованию Господа, одни – в день Пятидесятницы, другие – после по крещении при возложении на них апостольских рук, особую благодать Св. Духа и потому обладавшие чрезвычайными дарованиями чудотворения, пророчества и проч. Так Иуда и Сила, избранные ими на этом соборе из их среды для посольства в Антиохию, были пророками (Деян.15:32). Наконец и

предмет, подлежавший рассмотрению на этом соборе, хотя имел величайшую важность для последующей судьбы всей Церкви Христовой, однако прежде всего касался братии иерусалимской Церкви. Распространявшие в Галатии ложное учение о необходимости для спасения соблюдать закон Моисеев всем уверовавшим во Христа действовали как бы по уполномочию иерусалимской Церкви; да и среди братии иерусалимской Церкви действительно были лица, единомысленные с ними, – именно уверовавшие из фарисейской секты (Деян.15:5). Эта болезнь братии иерусалимской Церкви требовала и мер уврачевания от братии ее; это мнимое уполномочие от имени всей Церкви требовало и рассмотрения такого нареkania общецерковного. Поэтому при рассмотрении вопроса, предложенного св. апостолом Павлом, должны были быть в собрании, кроме св. апостолов Иакова и Петра, кроме иерусалимских пресвитеров, еще и вся братия иерусалимской Церкви. Итак, оставив Иерусалимский апостольский Собор, обратимся к Вселенским и признанным Поместным Соборам и посмотрим, каков был личный состав их.

Состав Вселенских Соборов определяется наличностью только епископов, числом лишь одних епископов, присутствовавших на этих Соборах. Так повсюду в деяниях соборных, равно как и в других исторических документах. Так даже и в самых канонах церковных, что особенно важно. Достаточно хотя бы немного ознакомиться с деяниями вселенских соборов, хоть взглянуть, например, на первые страницы первого Деяния 7 Вселенского Собора, где точно указывается, кто и в каком положении был на этом соборе, чтобы заметить сказанное. После обозначения времени собрания говорится: «собрался святой и вселенский собор, созванный Божию милостию и по повелению богохранимых государей в славной митрополии Никейской в области Вифинской. Собрались: Петр» и т. д., поименовываются все епископы и их заместители. «Собравшись во св. великой церкви, называемой Софийской, они сели пред свящ. амвоном храма. На Соборе присутствовали также славнейшие и знаменитейшие сановники, а именно: (поименовываются); а равно и почтенные архимандриты, игумены и иноки». Таким образом собор, как собор, определяется наличным составом одних лишь епископов, которые все поименовываются. Затем говорится, что на этом соборе присутствовали также и сановники, а равно и архимандриты и т. д. Но обратимся к более авторитетным указаниям, находящимся в «Книге правил». Вероучение, изложенное на вселенских соборах, обозначается как преданное отцами этих соборов, причем число этих отцов определяется по числу одних епископов, присутствовавших на соборах, именно называется «верою преданною... от трех сот осмнадцати святых и блаженных отцов», «исповеданием веры, провозглашенным сто пятидесятью святыми отцами», «учением, изложенным двумястами богоносных отец во граде Ефесе», «вероисповеданием, начертанным шестьсот тридесатью богоизбранными отцами» в Халкидоне и т. д. (Трулл.1). Соответственно этому и помещенные в «Книге правил» символы веры, составленные на соборах, обозначаются числом бывших на соборах епископов, именно значится: «символ веры 318 св. отец первого Вселенского Собора Никейского», «символ веры 150 св. отец второго Вселенского Собора Константинопольского»; так же точно догматы: «догмат 630 св. отцов 4 Вселенского Собора Халкидонского», «догмат 170 св. отцов 4 Вселенского Собора Константинопольского», и «догмат 367 св. отцов 7 Вселенского Собора Никейского». Ошибочно было бы думать, будто на Соборах исключительно епископам принадлежало определение лишь учения веры, догматов. Нет, и каноны, касающиеся различных сторон церковной жизни и составленные на Вселенских Соборах, именуются точно так же «изложенными от епископов, от св. и блаженных отцов, т. е. 318 богоносных отцов, собравшихся в Никее; также от отец, собиравшихся во Анкире и в Неокесарии, равно и в Гангре; кроме сего в Антиохии Сирийской и в Лаодикии Фригийской, еще же 150 отцов, сошедшихся в сем богохранимом и царствующем граде, и 200 отцов, собравшихся в первый раз в областном граде Ефесе; и 630 святых и блаженных отцов, собравшихся в Халкидоне», и т. д. (Трулл.2). – Далее, на Вселенских Соборах присутствовало, сверх епископов, немало клириков и мирян, присутствовали и императоры, занимая первое место, присутствовали сановники в почетном положении, нередко они принимали участие в прениях и рассуждениях, произносили даже отзывы одобрительные или неодобрительные, выражая свое согласие или несогласие (см. например, Деян.3:244). Но все соборные постановления утверждались подписями лишь одних епископов, присутствовавших на соборе, самолично ли или чрез уполномоченных, большей частью пресвитеров, иногда хореепископов, или диаконов, или иноков, или чтецов, причем обстоятельность и точность подписей не всегда была одинаковой, она только мало-помалу

время от времени совершенствовалась. Императоры если и присоединяли иногда свои подписи по просьбе епископов, то лишь для выражения своего сочувствия делу отцов и сообщения соборным определениям гражданского значения. От 1 Вселенского Собора не сохранилось ни актов, ни надлежащих подписей. Но все же так известно, что постановление собора подписывалось епископами, присутствовавшими на соборе (Поел. Евсевия к палест.1:80). От 2 Вселенского Собора актов не дошло до нас; список подписей имеется, но в редакции очень неисправной (Деян.1, 112–114), так что делать какие-либо выводы на основании его невозможно. Подпись св. Григория Богослова, в качестве архиепископа Константинопольского председательствовавшего на соборе некоторое время, находится в ряду каппадокийских епископов на последнем месте, причем он именуется Назианским. Первое место занято подписью Нектария Константинопольского, избранного уже по отречении от константинопольской кафедры св. Григория Богослова. Второе место занято подписью Тимофея Александрийского, а третье – Дорофея Оксиринхского, хотя они прибыли на собор уже по окончании рассуждений о вере и по смерти Мелетия Антиохийского; между тем имеется подпись и самого Мелетия Александрийского, хотя она не могла быть učinена одновременно с подписью Тимофея Александрийского. При подписи – Мелетия Антиохийского имеются еще подписи двух пресвитеров антиохийских – Флавиана и Елпидия, бывших, по-видимому, заместителями смертельно заболевшего Мелетия, если это было до его смерти, или местоблюстителями вдовствующей антиохийской кафедры, если это было уже по смерти Мелетия. Три пресвитера: Тиранн аморийский, Авсканон апамейский и Елладий комманский подписались, не указав, были ли они заместителями своих епископов или местоблюстителями вдовствующих епископских кафедр. Епископов Аморийского, Апамейского и Комманского нет в ряду подписавшихся; значит, поименованные епископии в то время или вовсе не имели епископов, были вдовствующими, или имели епископов таких, которые не нашли возможности прибыть самолично на собор и прислали от себя заместителей в лице поименованных пресвитеров. Во всяком случае было бы делом неосновательным в подписях этих трех пресвитеров, равно как и в двух антиохийских, видеть ясное доказательство полномочного присутствия пресвитеров на Вселенских Соборах. На 3 Вселенском Соборе осуждение Нестория подписали большей частью самолично епископы. Лишь только два пресвитера подписались за больных своих епископов, по их уполномочию, один пресвитер и один диакон – за своих епископов по их повелению (Деян.1, 237–241). На 4 Вселенском Соборе, при значительно большем числе присутствовавших, больше встречаем подписей клириков, именно, не говоря уже о 4 подписях хорепископов, до 14 подписей пресвитерских, до семи диаконских, две иподиаконских, и одна подпись чтеца (Деян.4, 61–72, 152–158). Но они все – заместительного характера. Примечательно то, что некоторые епископы подписывались за себя и за отсутствующих подчиненных им епископов или вообще за епископов области (Деян.4, 70–72), но нигде не встречается подписей за отсутствующих пресвитеров или других каких-либо клириков, не говоря уже о мирянах. На 5 Вселенском Соборе подписывались одни лишь епископы: подписей пресвитеров, диаконов, и пр. вовсе не встречаем; их не было и в качестве заместителей своих епископов (Деян.5, 192–198). На 6 Вселенском Соборе епископы присутствовали и подписывались почти все самолично; лишь папа Римский прислал заместителей – двух пресвитеров и одного диакона, и еще три епископа прислали вместо себя заместителей своих: один – пресвитера и два – диаконов (Деян.6, 232, 245–246). В Александрии и в Иерусалиме не было епископов, а были местоблюстители вдовствующих престолов – пресвитеры; из них первый был самолично, а последний прислал вместо себя заместителя – пресвитера же (Деян.6, 232, 246). Постановления Трулльского Собора подписаны епископами; лишь только в трех случаях за своих епископов подписывались клирики, из коих один пресвитер и два диакона (Деян.6, 318, 319). 7Вселенский Собор отличался выдающимся многолюдством; особенно много было на нем монашествующих (Деян.7, 91, 110); одних только игуменов было на нем более 100. Однако окончательное соборное определение подписали лишь епископы или самолично, или чрез своих заместителей. В ряду заместителей встречаем 14 пресвитеров, 3 диаконов, 2 иноков и 2 представителей без ближайшего обозначения их сана (Деян.7:288). Примечательно то, что архимандриты игумены и иноки, во множестве присутствовавшие на Никейском Соборе, не считали себя вправе принимать прямое участие в соборных определениях и при голосовании, не имевшем даже характера определения, не решались подавать свои голоса. Когда по окончании первого голосования епископов св. Собор сказал: «Справедливость требует, чтобы и достопочтенные иноки подали свой голос», иноки сказали: «если порядок

требует, чтобы и иноки подавали голоса, то пусть будет по вашему приказанию». В разрешение этого недоумения председательствовавший на Соборе св. патр. Тарасий сказал: «Порядок требует, чтобы каждый из находящихся на соборе провозгласил свое исповедание». Тогда иноки провозгласили свое исповедание (Деян.7:90).

Подобным образом и Поместные Соборы, принятые православной Церковью, в своем составе полномочными членами с правом решающего голоса имели одних лишь епископов. Правила Анкирского Собора подписали только епископы числом 18 (Деян.С.15); на Неокесарийский Собор собрались епископы; они постановили правила, они и подписали их (Деян.С.21); Гангрыйский Собор, препровождая правила свои владыкам, что в Армении, в своем послании именует себя собором епископов (Деян.С.24); епископы эти подписали и правила соборные. Антиохийский Собор составил «из епископов»; собравшиеся в Антиохии епископы изложили свои постановления и «все 30 епископов подписали» (Деян.С.47). На Сардийском Соборе епископ Осия предлагал епископам проекты постановлений (С.62, 65 и др.), епископы изъявляли свое согласие и, наконец, все постановленное скрепили своими подписями (Деян.С.76). В послании Сардийского Собора к Юлию, Римскому папе (Деян.С. 78–82), и к епископам всех Церквей, не имевшим возможности лично явиться на Собор, самый Собор изображается как Собор епископов (т. с. 83), и Собор просит епископов своими подписями выразить свое согласие с его постановлениями (т. с. 97). Постановление собора подписано одними лишь епископами (Деян.С.97–100). На Карфагенский Собор, бывший в 419 году, под председательством Аврелия, епископа Карфагенского, собрались сам Аврелий и прочие епископы страны числом 217; постановления подписывал сначала еп. Аврелий, а за ним подписывались и прочие епископы (Деян.С.179, 183, 211); в заключение всего подписался Аврелий, подобным образом подписались и прочие 217 епископов (Деян.С. 213, Bruns, Biblioth. T. 1. Canones pars 1, p. 187). И на других Карфагенских Соборах, постановления которых восприняты Собором 419 г., акты и постановления подписывались одними лишь епископами (Bruns, ib. p. 117, 122, 134, 151, 187. Mansi, Cone, coll. T. 3, p. 892–971). На 1 Карфагенском Соборе 348 г. и на 2 Карфагенском Соборе 390 г. присутствовали только одни епископы (Bruns, ib. p. 3, 117); на 3 Карфагенском Соборе 397 г. были и диаконы; о пресвитерах не упоминается (Bruns, Canon.1, p. 122. Mansi, t. 3, p. 880). Замечательно, что положение диаконов, равно как и народа, всегда отличается от положения епископов. Епископы сидят, также и пресвитеры, когда сопредисутствуют; а диаконы стоят. И этим уже указывается неодинаковость участия их в делах Собора. И раннейшие Карфагенские Соборы, даже бывшие при св. Киприане, за исключением лишь собора о принятии падших, по-видимому, носили такой же характер, т. е. были соборами епископов. Соборное определение о крещении еретиков составлено и подписано лишь епископами. Что касается Карфагенского Собора о принятии падших, то он по весьма понятным причинам носил и не мог не носить особый, исключительный характер. В состав его входили – кроме епископов – и клирики, пресвитеры и диаконы, исповедники и миряне, твердые в вере. Сам св. Киприан по настоянию лучшей части своей паствы в самое тяжелое время гонения удалился из Карфагена и пребывал в сокровенных местах. Это имело своим последствием, с одной стороны, то, что Церковь карфагенская стала управляться коллегией пресвитеров с участием других клириков лишь только с ведома св. Киприана, а сам св. Киприан стал подвергаться нареканиям за свое уклонение от гонителей, с другой стороны – то, что среди паствы карфагенской особое выдающееся положение заняли исповедники, особенно по вопросу о принятии падших и либеллятиков; с неумеренными притязаниями исповедников (иметь особенное влияние на дела Церкви) св. Киприану в это время пришлось вести немалую и нелегкую борьбу. При таких условиях вполне понятна необходимость для св. Киприана держаться принятого им образа действия на Соборе, собранном для решения вопроса о принятии падших. Не следует, впрочем, опускать из внимания то, что и сам св. Киприан придавал не одинаковое значение присутствию на соборе, с одной стороны, епископов, с другой стороны – прочих членов Церкви. Когда епископы собирались на собор с клириками, народ лишь только присутствовал при этом (п. 13); очень часто в своих письмах св. Киприан говорит об епископах, как полноправных членах на соборах (п.71:73); вообще из его замечаний выходит, что епископы на соборах лишь совещались с клириками и мирянами, иногда при известных обстоятельствах усваивали очень большой вес их мнениям (п. 11, 13, 31). Но чтобы пресвитеры, и другие клирики, и народ имели решающий голос, об этом и у св. Киприана ничего не говорится. Напротив, в деяниях собора 256 г. по вопросу о крещении еретиков голосовали только одни

епископы. Подобное следует сказать и о всех других соборах древней Церкви, как ранних, так и последующих.

При правильном ходе дел иначе и быть не могло, так как состав поместных соборов ясно и точно определен самими правилами св. апостолов, св. вселенских и поместных соборов. Эти поместные, областные соборы в канонах церковных всюду изображаются, как соборы епископов. Конечно, вместе с епископами в составе епископской свиты могли быть и, несомненно, большей частью бывали и пресвитеры, и диаконы, и другие клирики; но каноны церковные ничего о них не говорят. Касаясь областных соборов, они говорят лишь об епископах, и только об одних епископах. Так, устанавливая определенную повременность или срочность областных соборов, апостольское 37-е правило говорит: «Дважды в году да бывает собор епископов, и да рассуждают они друг с другом о догматах благочестия, и да разрешают случающиеся церковные прекословия». Таким образом, членами областных соборов и участниками совещаний и расследований признаются лишь епископы. То же повторяется в 20-м правиле Антиохийского Собора. 1 Вселенский Собор, в 5-м правиле по поводу удаленных епископами от церковного общения говоря о необходимости расследования причин отлучения таких лиц епископом на областных сборах и подтверждая, чтобы в этих целях в каждой области были соборы дважды в год, при этом необходимую для исследования недоумений полноту состава этих соборов определяет наличностью всех епископов данной области, «чтобы все вообще епископы области, собравшиеся во едино, исследовали таковые недоумения, и таким образом достоверно оказавшиеся несправедливыми против епископа основательно всеми признаны были недостойными общения, доколе не заблагорассудит собрание епископов произнести о них более снисходительное решение». 4 Вселенский Собор, узнав, что установленных повременных областных епископских Соборов не бывает и от этого многие церковные дела, требующие исправления, остаются в небрежении, в 19-м правиле настаивает, «чтобы в каждой области, согласно правилам св. отец, епископы дважды в году собирались воедино, где назначит епископ митрополии, и исправляли все, что откроется». Собор Трулльский, усмотрев, что по многим препятствиям представители Церквей (епископы) не имеют возможности составлять епископские соборы дважды в году, рассудил, не изменяя самого состава этих областных соборов, облегчить затруднения тем, что в 8-м своем правиле постановил: «Для могущих возникать церковных дел в каждой области всемерно быти собору вышереченных епископов единожды в лето». Таким образом, Собор на половину уменьшил число областных соборов, но личный состав их оставил таким же; соборы, невзирая на встречающиеся затруднения, должны были и на последующее время оставаться соборами епископов. Полнота прав (*plena auctoritas* – Bruns, 1 p. 163. Де-ян. С. 119) областных определялась присутствием на них епископов местоблюстителей от всех, занимающих первые в областях кафедры. Посему Карфагенский Собор в 27-м правиле требует, чтобы все, занимающие первые в области кафедры, присылали от своих соборов двух или сколько изберут епископов в местоблюстители, «дабы составившееся собрание могло имети совершенное полномочие» (Прав.2:449). Для Триполи, где по скудости страны было мало епископов, Карфагенский Собор, не изменяя общего порядка касательно личного состава областных соборов, как соборов епископов, 14-м правилом облегчил затруднения тем, что дозволил, чтобы из Триполи ради скудости страны (в епископах) один епископ приходил для местоблюстительства (в соборе). Немало есть соборных правил, направленных против небрежного отношения к приглашениям на областные соборы, против совершенного уклонения от посещения их, против несвоевременной явки на соборы и т. п. с указанием мер вразумления и исправления виновных; и все такие правила касаются лишь только епископов, одних только епископов. Все это было бы совершенно необъяснимо, если признать, что и пресвитеры, и диаконы, и прочие клирики, и даже миряне могли быть и бывали полноправными членами соборов. Неужели из всех членов областных соборов неисправными оказывались одни только епископы? Между тем Лаодикийский Собор в 40-м правиле предписывает: «Епископам, на собор призываемым, не подобает небрежи, но ити и вразумляти или вразумлятися, ко благоустроению Церкви». Карфагенский Собор 87-м правилом постановил, чтобы «каждый раз, когда надлежит собраться собору, благовременно приходили на оный епископы, которым не препятствует ни старость, ни болезнь, ниже какая-либо тяжкая необходимость: и да извещаются первенствующие, каждый от своей области, о всех епископах, в двух ли, или трех местах составляются собрания их, и от каждого из сих частных собраний почередно избираемые неотменно да придут ко дню собора. Когда же причта не возмогут, по множеству каких-либо

затруднений, как сие может случится: то, еще не изъяснят своему первенствующему епископу встретившись им препятствия, должны таковые довольны быть общением в своей токмо Церкви». Вселенские Соборы 4 в 19-м правиле и 6 в 8-м правиле устанавливают меры вразумления для епископов, неисправных в посещении ежегодных установленных Соборов. «Епископам, которые не приидут на Собор, хотя находятся в своих градах, и притом пребывают в здравии, и свободны от всякаго необходимаго и неотложнаго занятия, братолюбно сказати слово прещения». Так как продолжительность соборных заседаний по причине множества дел, особенно судных, тяготила участников соборных деяний, то в облегчение большинства епископов, когда «по окончании некоторых дел многие из них стали сетовать на продолжение заседаний, требовавшееся для окончания прочих дел, и не могли сего понести, поспешая к своим Церквам», всем Собором Карфагенским в правиле 142-м постановлено: Из числа всех епископов избрать от имени каждой епархии лиц, которые должны остаться для окончания прочих дел; а в 141-м правиле постановлено: «ради того, чтобы не были долго удерживаемы все епископы, сшедшиеся на Собор, избрати по три судии от каждой области». 7 Вселенский Собор, определяя порядок и характер занятий на областных соборах, в 6-м правиле дает указания, что и как делать епископам на областных Соборах, и только лишь епископам: «подобает быти каноническим исследованием посредством собрания епископов... Когда же будет Собор о предметах канонических и евангельских, тогда собравшиеся епископы должны прилежати и пецися о сохранении божественных и животворящих заповедей Божиих». – Но положение епископов на областных соборах, как совершенно отличное от положения пресвитеров, диаконов и других лиц, всего яснее усматривается из указываемого соборными правилами состава судебных коллегий. Известно, что областные соборы обычно в апелляционном порядке рассматривали судные дела, решенные тем или другим епископом в своей епископии и обжалованные подсудимыми клириками. Пресвитеры, равно как и прочие клирики, недовольные судебными решениями своего епископа, естественно, должны были бы на областных соборах отстаивать свои интересы чрез посредство пресвитеров, если допустить, что последние были в числе полномочных членов областных соборов с правом решающего голоса. Но что же видим мы? Соборные правила нигде ни одним намеком не показывают того, чтобы пресвитеры-истцы, предъявляя свои жалобы на областных соборах, несмотря на то, что пользовались по правилам правом отвода нежелательных им судей и правом включения в состав судных комиссий излюбленных им судей по их свободному выбору (Кирилл Ал.1-е; Карф.29-е), включали в состав суда пресвитеров и чтобы пресвитеры-судьи участвовали в разборе судных дел, возникающих по жалобам пресвитеров. Напротив, правила соборные повсюду говорят о том, что дела эти, как бы они ни были важны, хотя бы дело шло об отлучении, рассматривались епископами и одними лишь епископами, несмотря на крайнюю обременительность этих дел для епископов. 1 Вселенский Собор в 5-м правиле о тех, которых епископы, по каждой епархии, удалили от общения церковного, принадлежат ли они к клиру или к разряду мирян, постановил, чтобы «было исследуваемо, не по малодушию ли, или распре, или по какому-либо подобному неудовольствию епископа подпали они отлучению... чтобы все вообще епископы области, собравшиеся во едино, исследывали таковыя недоумения, и таким образом достоверно оказавшиеся несправедливыми против епископа основательно всеми признаны были недостойными общения, доколе не заблагорасудит собрание епископов произвести о них более снисходительное решение». Об участии клириков вообще, а в частности – пресвитеров, в рассмотрении указанных дел ничего не говорится. – Собор Антиохийский, сказав о том, что за благо признано быти в каждой области соборам епископов, замечает: «к сим соборам да приступают пресвитеры и диаконы и все, почитающие себя обиженными, и от собора да приемлют суд. Но никому да не будет позволено составлять соборы самим по себе без тех епископов, коим вверены митрополии» (20-е). Апелляционной инстанцией для пресвитеров и других лиц опять и здесь является собор епископов, одних епископов под председательством митрополита. А Карфагенский Собор, в виду малочисленности епископов в Триполи, в 14-м правиле устанавливает, какое наименьшее число епископов на областном соборе там должно разбирать апелляционные дела клириков, и предписывает, чтобы, ради скудости страны (в епископах), в областном соборе «тамо на суде слушали пресвитера пять епископов, а диакона три» при председательстве своего епископа. Итак, не взирая на скудость страны Триполийской в епископах, мы не видим того, чтобы в состав судебной коллегии, рассматривающей апелляционные жалобы пресвитеров и других клириков, были зачисляемы пресвитеры с правом

решающего голоса наравне с епископами. Очевидно, пресвитеры не были полномощными членами областных соборов с правом решающего голоса. Правила церковные такими членами признают одних лишь епископов.

И это вполне согласно с апостольским учением о Церкви, как теле Христовом. Церковь – не то же, что однородная масса какого-либо безжизненного материала, взятого хотя бы и в совершеннейшей форме кристалла. Минеральный кристалл, например кристалл горной соли, совершенно однороден во всех своих частях, части эти одинаково преломляют лучи света, математически сходны по числу и расположению ребер и сторон своей формы, одинаково растворяются в жидкости, при сгущении одинаково слагаются в малые кристаллы и т. д. Не то – живой организм. Он составляет одно тело, но со множеством членов. Каждый член имеет свое особое строение, свое особое отправление, свое назначение, состоя в тесной взаимной связи с другими членами в осуществлении общей жизненной цели тела. Как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело: так мы многие составляющие тело во Христе, а порознь один для другого члены (Рим.12:4–5). Все напоены одним духом; тело же – не из одного члена, но из многих... Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно (1Кор.12:13–14, 18). Иных поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями... Все ли апостолы? Все ли пророки? Все ли учителя? (1Кор.12:28, 29). Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу (1Кор.12:4–7). Поэтому все тело (Церкви), составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви (Еф.4:16). – Младенцы крещенные, миропомазанные и приобщаемые Св. Таин – живые члены Церкви Христовой; они, воцерковленные лишь только по вере своих родителей и восприемников, не участвуют и не могут участвовать ни в каких соборах; тем не менее они в свою меру содействуют приращению и сохранению Церкви Христовой, хотя бы тем, что отвращают от нас праведно движимый на нас гнев Божий так же, как некогда дети, не умеющие отличить правой руки от левой, отклонили карающую руку Божию от ниневитян. Целая половина христианского общества – женский пол занимает особое положение в Церкви; но и жены – живые члены тела Церкви Христовой: во Христе Иисусе нет различия между мужским и женским полами (Гал.3:28). Жены не могут присутствовать на соборах, не только вселенских и областных, но даже и на парикийных, или епархиальных; даже и в приходском церковном обществе положение их соединено с известными ограничениями. «Учить жене не позволяю», – говорит апостол Павел (1Тим.2:12); «Жены ваши в церквах да молчат» (1Кор.14:34). Тем не менее, и они в своем месте могут содействовать и действительно в своей мере содействуют приращению и укреплению тела Церкви Христовой; жена под руководством и охраною своего мужа в домашней церкви должна занимать выдающееся место, здесь усвоено ей первостепенное значение. Поэтому тот же св. апостол Павел говорит даже, что чрез чадородие жена спасется, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием (1Тим.2:15). Анфуса, мать Златоуста, не присутствовала на соборах; но, в своей благочестивой семье возрастивши св. Иоанна, она в свою меру содействовала приращению тела Церкви Христовой и содействовала, быть может, больше, чем многие из епископов, присутствовавших на вселенских соборах. Святая Макрина, воспитавшая в домашней церкви Василия Великого и Григория Нисского, не быв на соборах, принесла обществу верующих во Христа благ больше, чем многие из самых областных соборов, вскоре же совсем забытых. – Взрослые мужи, члены христианской приходской общины, под руководством своего приходского пастыря, являются живыми членами приходского собрания, непосредственными участниками благоустройства приходской жизни, имея возможность по мере удобства быть свидетелями и соборной жизнедеятельности Церкви. Приходские пастыри, ведая ближайшим образом свою паству, принимают непосредственное участие и в общепархиальной жизни, входя в состав епископских советов и парикийных соборов, а затем являясь советниками архипастырей на областных и вселенских соборах епископов. Епископы, управляя каждый вверенною ему епископией, являются полномочными членами областных и вселенских соборов. Бог расположил члены Церкви, как Ему угодно, и каждый должен действовать в свою меру в указанном ему положении.

А взаимное положение в Церкви епископа, пресвитера, диакона, прочих клириков и мирян известно всем православным. Всякий православный христианин признает священство за

таинство, сообщающее рукополагаемым Божественную благодать, немощное врачующую и оскудевающее восполняющую, а потому не может не признавать пребывания в лицах иерархии особого благодатного дарования (2Тим.1:6), а вследствие этого не может не усвоить им и особых прав на религиозное учительство, религиозное освящение верующих и церковное управление. При сем пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего не могут и не должны совершать (Апост.39-е). Поэтому, если епископ в храме Божием в собрании верующих при совершении священнослужения бесспорно занимает особое место у св. престола в алтаре, осуществляя свои права на церковное учительство и благодатное освящение пасомых, то как же можно не давать ему особого места на соборах, где он должен осуществлять подобное же иерархическое право церковного управления? Мы уверены, что всякий добрый православный христианин, клирик ли, или мирянин, на соборах епископов будет говорить то же, что при учинении подписей членами 7 Вселенского Собора написал Епифаний, диакон св. Церкви катанской, что в области Сикелской, и представитель Фомы, архиепископа Сардинского: «Обыкновенно разумные овцы следуют голосу своих пастырей, как говорит Господь: Мои овцы слушают Моего голоса. Потому и я, следуя правому голосу пастырей, стараюсь следовать по стопам их. Будучи согласен с ними и со всеми прочитанными свидетельствами их, подписался» (Деян.7:173).

Итак, мы полагаем, что полномочными членами предстоящего Поместного Всероссийского Собора с правом решающего голоса могут и должны быть лишь епископы. Но вместе с тем мы признаем, что желательно и благопотребно, чтобы на этом Соборе присутствовали и пресвитеры, и другие клирики, монашествующие и миряне с правом совещательного голоса, каковым пользовались подобные лица в древности, особенно на парикийных соборах и в епископских советах. Известно, что в древности указанные лица на соборах и в епископских советах производили предварительное обследование и разработку разного рода дел, как-то: административных, например, касающихся замещения известных должностей, сообщая епископу свой отзыв о качествах лиц, ищущих приема в разряд клириков (Вас. Вел. 89-е; Феофил. 7-е) или предназначенных к исполнению известных поручений, например, по заведованию церковным имуществом (экономов) и т. п. (4Всел. Соб.26-е; 7Всел. Соб.11-е; Феофил.10-е), участвовали в рассмотрении дел судных, в египетских Церквах даже, по-видимому, с правом налагать довольно тяжкие наказания, каковы: отлучение от собрания церковного, извержение из сана низших клириков и т. д. (Феоф. Ал.6-е, 14-е); участвовали в ведении дел церковно-хозяйственных (Антиох.24-е; 4Всел. Соб.26-е; 7Всел. Соб.11-е), в управлении церковными землями (Карф.42-е) и собираемыми с них плодами (Антиох.25-е), в попечении о сиротах, о беспомощных вдовах и о лицах, которым особенно нужно оказать церковную помощь (4Всел. Соб.3-е), в удовлетворении потребностей странников и вообще всех нуждающихся (Антиох. 25-е). При этом они или составляли из себя особый совет, который, трудясь отдельно, вырабатывал свое заключение по исследуемому делу и представлял его епископу (Вас. Вел.89-е), или же непосредственно пред лицом своего епископа под его председательством обследовали дела, выражая епископу свои мнения (Деян.4, 93 и др.). На Вселенских Соборах светские сановники, архимандриты, игумены, иноки, пресвитеры и пр., равно как и на Карфагенских Соборах пресвитеры, диаконы и народ участвовали в обследовании дел непосредственно вместе с епископами. На предстоящем Всероссийском Соборе клирики, иноки и миряне могут и находиться в той же храме, где будут заседать и епископы, высказывая здесь свои мнения при самом обсуждении вопросов епископами, причем решение дела должно принадлежать лишь епископам, или же могут собираться в особом помещении, образуя из себя особый совещательный совет, постановления которого должны поступать на рассмотрение и окончательное решение собора епископов. Но и в последнем случае следует каждому из членов совещательного совета предоставить право, если пожелает, являться самолично на собор епископов и здесь пред епископами развивать и обосновывать свое мнение по интересующему его вопросу.

Что касается частного вопроса о том, кто же именно из многомиллионного числа православных россиян и каким порядком должен оказаться имеющим действительное право присутствовать на предназначенном Всероссийском Соборе, то на это следует сказать, что епископы, правящие епархиями, должны, согласно канонам церковным, все прибыть на Собор или самолично, или в лице своих заместителей. Архипастырям, пребывающим на покое, должна быть предоставлена свобода явиться или не явиться на Собор, по их желанию. Преосвященным викарным следовало бы предоставить то же право, обусловленное, однако, согласием на то местных правящих епископов. От иноков желательно видеть на Соборе особых самостоятельных

представителей по одному от каждой епархии. Но так как монашествующие частью в силу правила, запрещающего им выходить из монастыря, частью в силу обета послушания не могут все собираться для избрания из среды своей уполномоченных, то подобный выбор должен быть произведен одними лишь настоятелями св. обителей на их общем собрании. Затем следует быть по крайней мере хоть по одному представителю от клира каждой епархии и от православных мирян каждой епархии. Выборы эти могут быть произведены сообразно тому порядку, какой применяем был до сего времени при выборах на епархиальные съезды духовенства. Только на епархиальные съезды избирателями бывали лишь одни клирики и не везде с равным правом голоса, а в производстве выборов уполномоченных для Собора должны принять участие все совершеннолетние верующие мужского пола. Участие жен в выборах не допускается. Выборы эти должны быть трехстепенные. Приходы в общем собрании клира и мирян выбирают уполномоченных на благочиннические собрания по два клирика и по два мирянина, благочиннические собрания – на общепархиальный съезд по одному клирику и по одному мирянину, а общепархиальный съезд уполномоченных избирает двух представителей на Собор: одного из клириков, другого из мирян. Но назначение на Собор указанных выборных лиц от той или другой епархии не должно служить ограничением для лиц, имеющих желание самостоятельно явиться на Собор и принять участие в его занятиях. Всякому православному, сознающему себя способным и внутренне призванным к совершению подобного дела, следует представить возможность исполнения его желания, если только не встретится препятствия к тому со стороны его духовного отца и местного епископа (Апост.39-е).

2. О разделении российской Церкви на церковные округа под управлением митрополитов

Во всеподданнейшем докладе Св. Синода о преобразовании управления российской Церковью сказано, что потребность разделения российской Церкви на церковные округа под управлением митрополитов вызывается необходимостью передачи дел второстепенной важности из высшего управления в местные установления. С этим нельзя не согласиться: крайняя централизация церковных дел не может не сопровождаться печальными последствиями, каковы чисто формальное отношение к рассмотрению и решению дел, иногда медленность в решении их, простирающаяся на многие годы. Но к сказанному можно присовокупить еще и то, что разделение российской Церкви на округа с предоставлением митрополитам права ежегодно созывать областные соборы, оживив соборное начало в Церкви, вместе с тем оживит и объединит округа вместе, так и каждого епископа в отдельности, далее – откроет возможность установить правильный весьма близкий надзор над деятельностью каждого епископа, братское руководство в нужных случаях, необходимую поддержку в известных обстоятельствах и устранил так часто ныне повторяющееся обвинение иерархов в крайнем абсолютизме власти, наконец – откроет возможность устроить суд церковный сколько согласующийся с догматическими и каноническими основами православной Церкви, столько же и «с теми главными юридическими началами, достоинство коих признано в настоящее время наукою и опытом» судебным (Имп. Александр 2). Однако не следует скрывать и того, что разделение российской Церкви на митрополичьи округа может быть весьма полезным и желательным лишь под тем неперменным условием, если проектируемая церковно-административная инстанция будет самостоятельной и независимой в своей внутренней деятельности, если соборными правилами точно определены будут права и круг деятельности этой инстанции. Иначе может случиться, что эти митрополичьи церковно-административные инстанции окажутся в положении когда-то бывших духовных правлений, в роли передаточных установлений, лишь только задерживающих и усложняющих течение церковных дел.

В древней Церкви, особенно в период Вселенских Соборов, права и обязанности церковно-административных учреждений были точно разграничены. Все высшее церковное управление подразделялось на три постепенные административные инстанции, которые вместе с тем были и инстанциями церковного суда. Это: 1) парикия, или епископия, 2) епархия, или митрополия, и 3) экзархат, или патриархат. В парикии, или епископии, управление принадлежало всецело одному епископу, при содействии пресвитерства: в митрополии, равно как и в экзархате, или патриархате, управление было соборное. Каждый епископ совершенно независимо и самостоятельно ведал в своей парикии (епископии) все, что касалось до нее и до мест, к ней принадлежащих (Апост.34-е; Антиох.9-е). Он давал разрешения на построение храмов и монастырей (4Всел. Соб.4-е; 7Всел. Соб. 17-е; Двукр.1-е); он освящал храмы (7Всел. Соб.7-е); в его ведении состояли приходы, храмы как приходские, так и домовые (4Всел. Соб.17-е; 6Всел. Соб.25-е, 31-е; Двукр.12-е) и монастыри (4Всел. Соб.4-е; Двукр.1-е); он имел высший надзор за ищущими принятия в клир (Вас. Вел.89-е), равно как и за приемлющими на себя иноческие подвиги (6Всел. Соб.41-е; Двукр.2-е); он рукополагал клириков (Апост.2-е; Антиох. 9-е) и производил игуменов (7Всел. Соб.14-е); ему всецело подчинены были все клирики и иноки (Апост.39-е; 4Всел. Соб.4-е, 8-е; 6Всел. Соб.41-е; Двукр.4-е, 6-е); он переводил их с одного места служения на другое, возлагал на них разные поручения (4Всел. Соб.3-е; Двукр.4-е); без его разрешения никто не мог переходить в другие епископии (4Всел. Соб.13-е; 6Всел.Соб.17-е; Лаод.42-е); он имел попечение о сиротах малолетних, о бедных вдовах и обо всех, нуждающихся в церковном пособии (4Всел. Соб.3-е); он распоряжался церковными имуществами и доходами, принадлежащими его епископии (Апост.41-е), при содействии пресвитеров, диаконов (Антиох.24-е, 25-е) и экономов (4Всел. Соб.26-е), вообще имел попечение о всех церковных делах своей епископии (Антиох.9-е). Вмешательство одного епископа в дела другого было строго воспрещено канонами (Апост.35-е; 3Всел. Соб.8-е; Антиох.9-е; Карф.64-е, 67-е).

Митрополит по своему епископскому сану имел в своем ведении и самостоятельном управлении определенную парикию (епископию), а по званию митрополита управлял уже всей епархией, или митрополией, объемлющей все парикии (епископии) данного митрополичьего округа; но управлял не единолично, а соборно, совместно со всеми епископами этого округа

(Апост.34-е). В соборном управлении епархией (митрополией) ему принадлежало лишь председательство и исполнительная власть; самое же решение всех дел производилось собором епископов по большинству голосов (1Всел. Соб.6-е; Антиох.19-е); митрополит ежегодно созывал епископов на соборы (Антиох.19-е, 20-е; 4Всел. Соб.19-е; 6Всел. Соб. 8-е; 7Всел. Соб.6-е), назначал место для ежегодного собора (4Всел. Соб.19-е; 6Всел. Соб.8-е); утверждал соборные определения (1Всел. Соб.4-е, 6-е); объявлял за своей подписью, кому следует, соборные решения (Карф.96-е); принимал подаваемые собору жалобы на подчиненных ему епископов (Карф.66-е, 139-е; 4Всел. Соб.17-е); заботился о замещении освобождавшихся епископских кафедр (4Всел. Соб.25-е); испытывал в учении веры вновь избираемых епископов пред хиротонией (7Всел. Соб.2-е); утверждал избираемых на свободные епископские кафедры (1Всел. Соб.4-е, 6-е; Антиох.19-е); наблюдал за точным исполнением подчиненными ему епископами всех церковных постановлений (7Всел. Соб.11-е); обозревал епископии подчиненных ему архиереев (Карф.63-е); надзирал за сохранностью церковного имущества, оставшегося после смерти епископа, и за исправной передачей его новому епископу (6Всел. Соб.35-е), утверждал все важнейшие распоряжения подчиненных ему епископов своей епархии (Апост.34-е; Антиох.9-е). Митрополиты были подсудны собору, созываемому экзархом великой области, или патриархом (4Всел. Соб.9-е, 17-е).

Экзарх, или патриарх, так же как и митрополит, с одной стороны, по своему епископскому сану самостоятельно управлял своей парикией (епископией), а на соборных началах управлял всеми митрополиями, входившими в его экзархат. Экзарх созывал окружные Соборы (2Всел. Соб.6-е; Карф.27-е). Однако для созыва Соборов в экзархате установлены были особые правила; экзаршеские Соборы собирались не ежегодно, но только в случае принесения жалобы на неправильное решение дел епархиальными соборами при появлении важных беспорядков в Церкви (2Всел. Соб.6-е). Экзарх председательствовал на Соборах; имел надзор за митрополитами, исправляя встречающиеся у них опущения (7Всел. Соб.11-е); утверждал митрополитов и ставил на должность (4Всел. Соб.28-е); принимал жалобы на них (4Всел. Соб.9-е, 17-е); давал разрешение на временную отлучку их из епископии (Карф.32-е); имел право давать им различные поручения по церковным делам (Двукр.16-е). Сами экзархи и патриархи были подсудны соборам, на которых присутствовали все митрополиты подчиненной им области и ближайшие экзархи.

В таком устройстве церковного управления нельзя не усмотреть известной стройности и единства. Однако при этом нигде не заметно неуместного ограничения самостоятельности распоряжений каждого епископа; круг самостоятельного действия каждого епископа в границах управляемой им парии (епископии) ясно и точно определен соборными правилами. (С другой стороны, не заметно и излишнего, не вызываемого крайней нуждой сосредоточения церковной власти в отдаленных, высших средоточиях церковного управления. Желательно, чтобы нечто подобное устроилось и в российской Церкви с учреждением митрополичьих округов. Так как разделение российской Церкви на церковные округа проектируется не в угоду племенных тенденций тех или иных местностей, а в целях церковно-административных, то нет особых оснований опасаться каких-либо печальных последствий от такого разделения для единства и целостности Российского государства. Если церковно-административные разделения по местам и совпадут с местными национальными и племенными обособлениями, то христианская основа вводимых преобразований, можно надеяться, умерит, а пожалуй, совсем устранил отношение их к государственному сепаратизму. Ожидать этого можно тем больше, потому что самая желательная система учреждения митрополичьих округов не должна вносить ничего нового (с государственной точки зрения) в разделение церковных областей: митрополичьи округа должны совпадать большей частью с границами губерний. В самом деле, чтобы поставить архипастырей в ближайшее взаимоотношение с их паствами, в большинстве ныне существующих епархий епископа губернского города следовало бы признать архиепископом, а викария самостоятельным епископом двух или трех уездов; вместе с тем открыть еще несколько уездных епископий, соразмерно имеющимся местным средствам и способам к обеспечению помещением и содержанием всех новых уездных епископов. Если не опасаться излишней притязательности со стороны последних на особую помпу и изысканную пышность в обстановке, то можно было бы питать надежду на беспрепятственную осуществимость такого предположения в близком времени. Так например, в Ярославской епархии можно было бы учредить уездные епископии, кроме 1) Углича с его уездом и с Мышкинским уездом, еще 2) в Ростове Великом с помещением

епископа в Иаковлевском монастыре; 3) в Рыбинске для его уезда и для Мологского уезда с помещением в Югской Дорофеевской пустыни, 4) в Пошехонье с помещением епископа в Адриановском монастыре и 5) в Любиме для уездов Любимского и Даниловского с помещением в Спасо-Геннадиевом монастыре. Подобным образом в Бессарабии можно было бы учредить епископии: 1) для уездов Хотинского и Белецкого с помещением епископа в Добружском монастыре; 2) для уездов Сорокского и Оргеевского с помещением епископа в Курковском монастыре; 3) для Бендерского и части Аккерманского с помещением епископа в Ново-Нямецком монастыре и 4) для другой части Аккерманского уезда и для Измаильского уезда с помещением епископа в Измаильском епископальном доме и с содержанием из доходов с имений заграничных монастырей.

Но, если нет надежды на осуществимость такого порядка по епархиям в ближайшее время, то я полагаю, что не встретится препятствий теперь же открыть следующие митрополичьи округа: 1) С.-Петербургско-Прибалтийский с Финляндией; 2) Новгородский – с Псковом, Тверью, Олонецком и Архангельском; 3) Московский – с Рязанью, Тулой, Калугой и Смоленском; 4) Владимирский – с Нижним Новгородом, Ярославлем, Костромой и Вологдой; 5) Виленский – с Витебском, Могилевом, Минском, Ковно и Гродно; 6) Киевский – с Черниговом, Волынью, Холмом и Варшавой; 7) Харьковский – с Курском, Полтавой и Екатеринославом; 8) Херсонский – с Крымом, Бессарабией и Подолией; 9) Воронежский – с Тамбовом, Пензой, Самарой, Саратовом и Орлом; 10) Астраханский – с Новочеркасском, Ставрополем, Владикавказом, Оренбургом и Ташкентом; 11) Казанский – с Симбирском, Уфой, Пермью и Вяткой; 12) Грузинский; 13) Западно-Сибирский и 14) Восточно-Сибирский.

По учреждении этих округов с предоставлением митрополитам права ежегодно созывать областные соборы, ведению таких соборов можно было бы поручить дела, касающиеся избрания епископов на свободные кафедры, рассмотрение ходатайств по этим делам общих церковных собраний епископии, рукоположение избранного и утвержденного кандидата во епископа, архипастырское руководство епископов в потребных случаях и братское исправление их ошибок, рассмотрение жалоб на епископов, утверждение в должности всех членов административных и судебных учреждений каждой епископии, утверждение настоятелей и настоятельница монастырей, начальствующих в духовно-учебных заведениях, награждение духовных лиц камилавками, наперсными крестами и палицею, обсуждение вопросов, касающихся местного раскола и сектантства, равно как и мероприятий против распространения известных лжеучений в данной области, суждение о наилучшей постановке миссионерства, рассмотрение в апелляционном порядке всех судебных дел, касающихся пресвитеров и диаконов, в особенности дел о лишении сана порочных клириков. – В состав этих соборов должны входить все епископы данного митрополичьего округа самолично или в лице своих заместителей с правом решающего голоса, затем по одному представителю от клира и по одному представителю от мирян каждой епископии с правом совещательного голоса. – Конечно, в отношении этих соборов митрополитам должны принадлежать все те права, какие в древности принадлежали им по церковным канонам.

Постоянным исполнительным органом митрополичьей власти должен быть состоящий при митрополите митрополичий совет, ведающий текущие дела, касающиеся митрополии, подготовляющий все необходимые материалы для периодических областных соборов. Он должен состоять из епископов, клириков и мирян по выбору областного митрополичьего собора. – Желательно было бы, чтобы из числа митрополитов митрополит первопрестольной Москвы или царствующего града С.-Петербурга занимал в сонме всех иерархов русской Церкви первенствующее положение, подобное древним экзархам или патриархам с подобными же правами. Он должен на соборных началах управлять всеми митрополиями, иметь надзор за деятельностью митрополитов, готовить все потребное для Поместного Собора Всероссийской Церкви, созывать этот собор с дозволения Государя, когда откроется настоятельная нужда в нем, и т. д. Для пользы Церкви и в видах надежнейшего сохранения ее независимости патриарху необходимо должно быть испрошено право входить лично к Государю с докладами по делам Церкви в особо важных случаях.

3. О преобразовании епархиального управления

По церковным канонам, в каждой епископии местный епископ есть ответственный блюститель вверенной ему паствы (Апост.39-е); за всеми сторонами церковной жизни он обязан надзирать, все – на его личной ответственности, и он не вправе от чего-либо уклоняться, как бы то ни казалось ему тяжелым или неприятным (3Всел. Соб., послание); в его руках должно быть самостоятельное распоряжение всеми церковными делами его епископии (Апост.39-е; Антиох.9-е), не исключая и дел судебных (4Всел. Соб.9-е; 6Всел. Соб.102-е; Карф.15-е, 29-е, 37-е, 121-е, 139-е и др.). – Епископ принадлежащую ему правительственную власть осуществляет через имеющиеся в его распоряжении органы епархиального управления (Антиох.10-е; Вас. Вел.89-е; Феофил. Ал.6-е, 7-е, 10-е, 14-е; Карф.42-е; Антиох.24-е, 25-е; 4Всел. Соб. 26-е; 7Всел. Соб.11-е).

Ныне в русской Церкви таковыми органами служат викарии (где имеются), консистории и благочинные – с благочинническими советами по местам, затем – правления духовно-учебных заведений, епархиальные училищные советы, миссионерские комитеты, противораскольнические комитеты, попечительства о бедных духовного звания, правления эмеритальных касс и обществ взаимопомощи, управления свечными заводами, советы братств, приходских попечительств и т. д. – Положение викария крайне неопределенно: епархиальный архиерей может (только может) предоставить ему рассмотрение и утверждение журналов, особенно во время своего отсутствия из епархиального города. Однако при этом викарий не несет никакой ответственности; за все должен быть ответственен епархиальный архиерей. Обычно в ведение викария передаются менее важные дела о псаломщиках, послушниках, просвирнях и церковных старостах, о разрешении браков в известных степенях родства или при недостижении врачующимися полного совершеннолетия, – и только. – Консистории обременены самыми разнообразными делами как административными, так и хозяйственными, и актовыми и судебными, притом сколько важными, столько же и совсем неважными; состав консистории устроен лишь на коллегиальных началах, – члены ее служат по назначению; все они лишь с богословским образованием, иногда высшим, а большей частью средним; лица, получившие юридическое образование, встречаются лишь только на должности секретаря; члены консистории не могут отдаваться всецело своему служебному делу: они в то же время состоят и приходскими священниками, откуда получают и главные средства для своего содержания. – Низший служебный орган епархиальной власти – благочинные. Это доверенные лица, через которые производится непосредственное управление и ближайший надзор над клиром и над приходской жизнью в установленных малых административных округах. Но им не усвоено самостоятельного положения, поставленного в точные границы; инструкция, для них составленная, устарела и не во всем отвечает современным условиям церковно-общественной жизни. – Попечительства о бедных духовного звания, при своем бюрократическом строе, едва дышат. Вообще, существующая организация епархиального управления с разных сторон и во многих отношениях нуждается в улучшениях. Но так как в предложении бывшего оберпрокурора Св. Синода указано иметь в виду, что при настоящем положении Государственного Казначейства ни о каком восполнении к ассигнуемым средствам на содержание епархиального управления не может быть речи, то по необходимости приходится быть крайне сдержанным в стремлении к преобразованиям, соединенным с новыми расходами. Так, об организации особого средоточного органа епископской власти, который объединял бы в своем ведении всю область епархиального управления, не приходится и думать. Да в этом нет и крайней нужды. Большая часть епархиально-административных учреждений, существующих параллельно консистории, имеют в составе своем лиц, трудящихся без всякого вознаграждения, ради чести; объединять их с состоящими на платных должностях неудобно. Да и из самых учреждений многие носят узкосословный характер и вызваны к существованию, устроены и поддерживаются на частные средства участников их и не допускают излишнего вмешательства административной опеки без нарушения интересов частных лиц; таковы: эмеритальные кассы, общества взаимопомощи, братства разного рода и т. п. Самое обособление многих из них вызвано и поддерживалось большей частью распоряжениями центральной власти. Особенно это следует сказать о правлениях духовно-учебных заведений, об училищных советах, об епархиальных съездах и пр. Кроме того, на месте обособленность учреждений ведь сглаживалась и тем, что лица, трудящиеся в разных комитетах и братствах, бывали нередко одни и те же. Наконец, если бы открывалась особая нужда в мероприятиях к согласованию

деятельности всех этих учреждений, то всегда возможно составлять общие собрания председателей и представителей от каждого из них и таким путем достигать желаемого согласования. Поэтому от организации особого средоточного органа епархиального управления следует отказаться. Равным образом приходится умерить или вовсе сдержать желания о пополнении личного состава служащих в административных епархиальных учреждениях лицами, свободными от приходской службы и имеющими высшее богословское или юридическое образование, о наполнении канцелярий в нужном количестве хорошо подготовленными к службе чиновниками с обеспечением их хорошим содержанием, об улучшении в материальном отношении положения преподавателей и воспитателей духовно-учебных заведений соразмерно требованиям настоящего времени и т. д. Приходится ограничиться лишь немногим, наиболее существенным, не вызывающим особых денежных затрат. Так, викарных архиереев следует сделать самостоятельными уездными епископами; крайнее обременение главного епархиального учреждения – консистории – массой всякого рода дел следует устранить прежде всего путем полного выделения из консистории судного стола с сообщением ему самостоятельного положения, требуемого для него и юридической наукой и судебным опытом, далее – путем ослабления излишней централизации через передачу неважных дел в низшие административные инстанции, путем упрощения формального делопроизводства и т. д. Главное, о чем теперь следует позаботиться, касается собственно самого основного начала административной организации. Нужно оживить органы епархиального управления соборным началом, нужно открыть возможность и всем членам Церкви в известной мере и известными способами принимать участие во всех церковных делах, между прочим и в самом управлении.

Соответственно сказанному выше, выделив духовный суд и дав учреждениям его особое, самостоятельное положение, оставив нетронутыми миссионерский комитет, отдел Православного Палестинского Общества, братства, эмеритальную кассу и общество взаимопомощи, прочие органы епархиального управления можно преобразовать следующим образом: учредить на соборных началах епархиальное собрание, благочиннические собрания и приходские собрания; наконец, при каждом из них в качестве исполнительного непрерывно действующего органа образовать соответственный совет.

Епархиальные, точнее – епископальные собрания ведают вообще все дела епископии. Они должны быть собираемы дважды и во всяком случае однажды в год; исполнительный при них орган – епископский совет – действует постоянно. Епископальные собрания могли бы составляться так, как до сего времени составлялись общепархиальные съезды духовенства, с присоединением к представителям духовенства выборных представителей от мирян в равном числе; именно, в состав епархиального собрания должны входить от каждого благочиннического округа по одному представителю из среды клириков и по одному из среды мирян, от монастырских благочиний по два инока от каждого благочиния, а по учебным делам и начальствующим духовно-учебных заведений. Епископальные собрания имеют предметом своих занятий: суждение о желательных лицах на местную епископскую кафедру в случае ее праздности с представлением своего ходатайства областному митрополиту; устройство и содержание религиозных учреждений епископии: кафедрального собора, древних монастырей, нуждающихся в сторонней поддержке, местных святынь и т. п.; устройство и содержание всех духовно-учебных заведений и просветительных учреждений епископии, как-то: духовной семинарии, или пастырской школы, мужских духовных училищ, женских училищ Духовного Ведомства, второклассных церковных школ, устройство церковных музеев, епархиальных библиотек и т. п.; способы распространения православия, способы охранения православных от увлечения расколом или сектантством, вразумление заблудших, учреждение для этого должностей епархиальных миссионеров, призрение вдов и сирот Духовного Ведомства, вспомоществование безместным и заштатным клирикам, устройство богаделен, приютов, домов трудолюбия, вообще организация разных способов общественной благотворительности; общепархиальные мероприятия, касающиеся церковного хозяйства, как например, наилучшая постановка операций свечного завода; рассмотрение отчета о состоянии епархии в религиозно-нравственном и просветительном отношении за истекший год; утверждение сметы прихода и расхода сумм на общие нужды епископии, в частности – на жалованье членам епископского совета в случае недостатка штатных (ныне консисторских) сумм; раскладку необходимых сборов на покрытие сметных расходов; избрание положенного числа членов на областные митрополичьи соборы и в состав епископского совета, избрание начальствующих в учебных заведениях

Духовного Ведомства, избрание духовных судей и духовных следователей из нескольких лиц, указываемых благочинническими собраниями и т. д.

По учреждении епархиальных собраний ныне практикуемые общепархиальные съезды станут излишними и должны прекратить свое существование.

Епископский Совет образуется из восьми лиц, в числе коих должны состоять четыре пресвитера, два инока и два мирянина. Два пресвитера, один инок и один мирянин назначаются епископом, а прочие избираются епархиальным собранием на четыре года. Из них по очереди каждый год двое – один из назначенных и один из выбранных – должны выбывать и замещаться вновь назначенным и избранным, или теми же, но по новому избранию. Утверждение как назначенных, так и избранных принадлежит областному собору. – Как исполнительный орган при епархиальном (епископальном) собрании, совет заботится о приведении в исполнение состоявшихся решений собрания, собирает и подготавливает все нужные материалы для предстоящих новых собраний. В частности, в круг предметов, подлежащих его рассмотрению, входит: составление отчета о состоянии епископии за истекший год, доставление, куда следует, статистических сведений, относящихся к епископии, указание кандидатов на должности благочинных, назначаемых епископом, став леннические дела и дела о перемещении клириков из одного прихода в другой, дела о награждении духовных лиц, о награждении церковных старост, дела о пенсиях и единовременных пособиях, об отпусках клириков за пределы епархии, о сложении священного сана по прошениям, равно как и обетов монашества, о перемещении монахов из одной обители в другую по прошению, о разного рода сборах по епископии на построение храмов и т. п., о денежных назначениях по духовным завещаниям в пользу церковных учреждений и проч. Дела эти распределяются между членами подобно тому, как теперь они распределяются в консистории.

Благочиннические собрания простирают свою власть на все приходы, составляющие данный благочиннический округ. Собрания эти образуются из представителей как клира, так и мирян каждого прихода; из каждого штатного прихода входят в состав благочиннического собрания по два представителя от местного причта и по два от мирян. Собрания эти имеют предметом своих занятий: рассмотрение годовых отчетов о религиозно-нравственном состоянии округа, обсуждение предположений благочиннического совета о мероприятиях к оживлению церковно-приходской жизни, к устранению разных неблагоприятных для нее условий, разрешение заявленных ему сомнений и затруднений со стороны отдельных приходов, суждение об открытии новых и закрытии существующих приходов, о перечислении известной части прихожан от одной церкви к другой, рассмотрение ходатайств о выдаче соборных книг на построение и ремонт храмов, рассмотрение сметы расходов на содержание благочинного, членов благочиннического совета, следователей и духовных судей, если найдутся на то средства, на содержание церковных школ и т. п.; раскладку установленных епархиальным собранием сборов между всеми приходами благочиннического округа: избрание своих представителей на епархиальное собрание, избрание кандидатов на должность благочинного, когда этого потребуют, избрание членов благочиннического совета, духовных судей и следователей и т. п.

Благочиннические собрания созываются по мере нужды, но в течение года во всяком случае непременно должно быть хоть одно собрание.

Благочиннический совет, как исполнительный орган благочиннического собрания, приводит в исполнение все уже состоявшиеся постановления его, собирает справки и подготавливает доклады по всем вопросам, которые подлежат рассмотрению следующего благочиннического собрания. В состав благочиннического совета входят: 1) как непременный член по должности – местный благочинный; 2) шесть членов, выбранных благочинническим собранием: три из клира и три из мирян. Каждый год один клирик и один мирянин по очереди выбывают и заменяются новыми или переизбираются. Кроме исполнения постановлений благочиннического собрания, совет имеет предметом своих занятий: составление отчета о состоянии приходов за истекший год, разрешение ремонта приходских храмов, причтовых и других церковных построек, когда имеются на то средства, закрытие старых и освящение новых кладбищ, утверждение в должности церковных старост, ревизию приходских приходов-расходных церковных книг, ревизию и прием на хранение метрических книг, исповедных росписей, обыскных книг и проч., выдачу выписок из метрических книг, равно как и копий с разных документов, восстановление опущенных в метриках актов о рождении и крещении, бракосочетании и погребении, выдачу документов о правах состояния лиц духовного происхождения, о льготах по воинской повинности, о правоспособности

к вступлению в брак в известных степенях родства и свойства, утверждение домашних условий и контрактов на отдачу в аренду причтовой земли, домов, торговых лавок и других доходных статей на сумму до 1000 руб. и т. д.

Благочинные в настоящее время по закону являются доверенными лицами епископа, через которых производится управление или надзор в епархиальном ведомстве; избрание и определение их зависит от усмотрения епархиального архиерея; обзревая церкви и причты, с окончанием года благочинные принимают от причтов клировые ведомости о церквях, причтах и приходах и, дополнив их своими свидетельствами о исправности и поведении каждого члена причта и заштатных священнослужителей и причетников, представляют епархиальному архиерею (Уст. коне. ст. 68 и 87). В существенном это вполне согласуется с требованиями церковных правил (Вас. Вел. 89-е). Поэтому и на будущее время благочинные пусть останутся в настоящем своем положении доверенных лиц местного епископа с подобными же правами и обязанностями по управлению и надзору. Только, с одной стороны, не должно их ставить в роли следователей, судей, имеющих право налагать некоторые наказания за проступки ит. п.; с другой стороны, точнее следует определить отношение их к представителям духовного суда, к благочинническим собраниям и советам, к приходским собраниям, советам и причтам. Вообще настает нужда пересмотреть значительно устаревшую инструкцию благочинному приходских церквей. На съездах духовенства, под влиянием взглядов А. Иванцова-Платонова, очень часто высказывалось желание, чтобы благочинные признавались и действительно были ближайшими советниками и нравственными руководителями духовенства своего округа с перенесением административных их функций на уездного протоиерея; при этом, ввиду таких чисто нравственных, основанных на взаимном доверии отношений благочинного к подведомому ему духовенству, указывалось на необходимость и того, чтобы благочинными утверждались от архиерея лица, избранные самим духовенством. Но нам думается, что дело нравственного руководства и совета должно принадлежать окружному духовнику; очень жаль, что у нас духовник совсем незаметен; а ему подобало бы стоять в таком же положении среди клира, в каком влиятельный старец в монастыре стоит среди иноков. Тогда и благочинному не пришлось бы указывать новые задачи. Его прямая обязанность – иметь надзор за исправностью духовенства и делать соответственные результатам его наблюдений отметки в клировых ведомостях; его дело – блюсти, чтобы в приходах все было благообразно и по чину. Уездный протоиерей довольно далеко находится от сельских приходов, чтобы ему можно было исполнять эту обязанность; а благочинный – дело иное. Конечно, прекрасно, если благочинный является в то же время и нравственным руководителем клириков. Это даже весьма желательно. Но нельзя на этом основании требовать, чтобы доверенное лицо архиерея было выбираемо не им самим, а духовенством, поднадзорным избираемому. Разве Государственный Контроль формируется теми самыми ведомствами, которые им контролируются? Разве ревизионные комитеты учреждаются теми заведениями, которые представляют свои отчеты на ревизию? Выбор благочинного, если мог бы быть допущен, то разве в форме указания благочинническим собранием нескольких кандидатов, из коих епископ мог бы, если бы признал то наилучшим, избрать по своему усмотрению определенное лицо и назначить на должность благочинного.

4. О приходе, о благоустройстве его в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях

Последними, самыми ближайшими ко всякому православноверующему христианину органами епархиального управления должны быть приходское собрание, приходский совет и приходский причт во главе с настоятелем-пастырем. В настоящее время церковно-приходская жизнь большей частью идет очень вяло; о благоуукрашении местного храма, о красоте звона церковного, о благолепии богослужения через учреждение сверхштатной диаконской вакансии, церковного хора певчих и т. п. еще проявляются иногда заботы со стороны многих членов приходской общины, особенно среди великорусов; но и то – как бы случайно, в зависимости от тех или иных лиц, от таких или иных обстоятельств. Другие же стороны приходской жизни, как например устройство учреждений просветительных и благотворительных, не обращают на себя никакого внимания; даже церковно-приходские школы – и те поддерживаются неохотно, поскольку дело касается взноса средств на их содержание. Многие склонны объяснять все это отстранением церковного общества от приходских дел, всецелой зависимостью церковно-приходской жизни лишь или от энергичного приходского священника, или лишь от церковного старосты, смотря по характеру того и другого и по материальному положению последнего. Выработанное в 1864 г. положение о церковно-приходских попечительствах направлено было к устранению этих неудобств, предоставляя самим прихожанам, по их желанию и усердию, иметь попечение о благоуукрашении храмов, об обеспечении причтов и об устройении просветительных и благотворительных учреждений. К тому же стремилась и последняя инструкция церковным старостам, Высочайше утвержденная 12 июня 1890 г., давая право общему собранию прихожан не только избирать церковного старосту, но и еще особых представителей от прихода для ежемесячной проверки церковных сумм. Однако эти мероприятия оказались почти бесплодными. Последнее слишком туго прививается, если только где прививается. В последнее время неуспех этих распоряжений думают объяснить тем, что они являются лишь полумерами, не ставят членов церковного общества в непосредственное прямое соприкосновение с делами прихода. Полагают, что оживление и обновление церковной жизни в каждом приходе совершится с благоустройством его на основании особого положения, по которому бы приходу предоставлялось право юридического лица и автономного заведования всеми делами прихода частью непосредственно, частью при посредстве местного органа из прихожан, с предоставлением приходским общинам не только заведования материальными нуждами прихода, но и избрания кандидатов клира и распоряжения всем церковным достоянием.

Мы полагаем, что эти предположения и ожидания носят характер кабинетного творчества. Если бы в приходах были достаточные средства на церковно-приходские нужды, то и при существующем положении средств этим сумели бы дать должное применение, как и дается, при надлежащем руководстве. Ведь и теперь состоятельные лица отливают колокола, иногда строят богадельни, учреждают приюты, не в городах только, а в селах. Положим, все это – большей частью под условием, чтобы устрояемое носило известное имя и ведомо было Государю Императору; однако все-таки жертвуется, когда есть возможность. Созидаются и храмы, иногда очень величественные, то на жертвы отдельных лиц, а то и на средства всей приходской общины. Между тем, наряду с этим, нередко прихожане не могут точно исполнять своих обязательств касательно содержания причта, например, своевременно вносить по раскладке с каждой души каких-либо 20 коп. на содержание ими же самими испрошенного сверхштатного диакона. Вот и в приговорах, которые теперь так часто составляются в сельских обществах для будущей Государственной Думы, только и читаешь, что духовенство ничего не должно получать от приходского общества, а должно быть на казенном жаловании. Если так смотрят поголовно все на безусловно обязательные церковно-приходские расходы, то на каком же основании можно надеяться, что с изданием нового приходского уложения иначе станут смотреть на расходы необязательные, каковы содержание приютов, устройство богаделен, открытие библиотек и читален т. п.? Конечно, при этом рассчитывают на церковные доходы, преувеличенно исчисляемые, в частности – на те суммы, какие ныне взимаются в качестве взносов на содержание духовно-учебных заведений; полагают, что приходскую жизнь можно оживить при удержании этих взносов и при распоряжении на месте всем церковным достоянием. Но те 50 р. или 100 р. или даже 200 р., которые вносятся на духовные школы, не вызовут к

бытию приходской богадельни, не обеспечат приходского приюта. Но главное дело в том, что по правилам церковным власть над церковным имением не может принадлежать приходскому обществу: она принадлежит епископу (Апост.41-е); епископ имеет попечение о церковных вещах, и оными распоряжается (Апост.38-е; Антиох.24-е) при содействии пресвитеров и диаконов (Антиох.24-е, 25-е; Карф.42-е) и экономов (6Всел. Соб.26-е; 7Всел. Соб.11-е; Феофил. Ал.10-е). Правда, епископ должен распоряжаться церковным имуществом на пользу всех нуждающихся (Антиох.25-е): странников (Апост.41-е), неимущих (Апост.38-е), преимущественно на сирот, бедных вдов и на лиц, которым особенно нужно оказывать церковную помощь ради страха Божия (4Всея. Соб.3-е). Но в ряду подобных лиц стоят и клирики, которые, по слову апостола Павла, служа алтарю, от алтаря должны и питаться (Апост.41-е). Поэтому вполне сообразно и с словом Божиим и с правилами церковными – часть церковных доходов в каждой церкви отделять на косвенное вспомоществование клирикам через поддержку духовных школ, обучение и содержание в них детей духовенства, тем больше, что эти самые школы готовят кандидатов на замещение священнослужительских и псаломщических вакансий при тех же самых приходах, которые дают на них свои взносы. Церковные средства должны и расходоваться прежде всего на церковные потребности, расходоваться по воле епископа через посредство местного клира и церковного старосты (эконома), а потом уже могут быть употребляемы на удовлетворение нужд приходского общества как духовно-просветительных, так и благотворительных. Все это мы говорим затем, чтобы поставить в должные границы разные проекты людей, наклонных к мечтательности. Но мы не отрицаем, что можно и следует мало-помалу приводить прихожан к должной оценке не только особенно почитаемой ими частной благотворительности, но и общественной, приучать членов приходских общин к живому участию в общих церковно-приходских делах, приохотить к постоянной заботе об усовершенствовании их, если не на свои скудные средства, то каким-либо иным путем. Не говорим уже об необходимости укрепления нравственной связи, духовного единения между членами приходской общины. В этих видах считаем полезным дать приходам новую организацию через учреждение приходских собраний и приходских советов.

Церковно-приходское собрание составляют все члены местного причта церковного и все, достигшие 25-летнего возраста лица мужского пола, записанные в исповедные росписи. Женщины в этих собраниях не участвуют; но если бы они пожелали выразить свое мнение по какому-либо вопросу, близко их касающемуся, то должны составить свое особое собрание и свое заключение должны передать председателю собрания. Председателем приходского собрания состоит настоятель прихода. Приходское собрание бывает по мере надобности, но в течение года оно непременно должно состояться хоть однажды. Приходское собрание имеет предметом своих занятий суждение об указании епархиальному начальству желательных кандидатов на свободные места приходского священника, приходского диакона и псаломщика; избрание церковного старосты и представителей от прихода для ежемесячного свидетельства церковных сумм; избрание учителя местной начальной школы; избрание членов местного приходского совета; избрание уполномоченных на благочинническое собрание и в сотрудники духовному судье (по желанию) при разборе приходских дел; ходатайство о награждении церковного старосты; суждение о построении нового храма, о ремонте существующего храма и о благоустройстве приходского кладбища; об обеспечении приходского причта церковными квартирами и прочим содержанием; о разделении одного прихода, в случае обширности его, на два самостоятельных; о перечислении части прихожан в другие соседние приходы и обратно; о приеме желающих присоединиться от других приходов; о проверке именного списка всех прихожан; рассмотрение сметы прихода и расхода церковно-приходских сумм на благоустройство храма и пополнение утвари церковной, на наем певчих, на приходскую школу, церковную библиотеку и т. д., на приюты, богадельни, больницы, если такие имеются; разложение сборов, необходимых на покрытие принятых сметных расходов, и т. д.

Церковно-приходский совет составляют – в качестве непременных членов – весь приходский причт, церковный староста, а в качестве выборных членов – представители от каждого селения по такому числу, какое установит приходское собрание. Собрание производит и самое избрание их. Председателем совета состоит настоятель прихода. Приходский совет собирается по мере нужды, но не менее одного раза в месяц. Приходский совет имеет предметом своих занятий: приведение в исполнение постановлений приходского собрания; предварительное обсуждение предметов, подлежащих рассмотрению предстоящего приходского собрания, с подбором

относящихся сюда материалов; суждение о принятии в состав приходского общества иноверцев, обращающихся в православие; призрение сирот и беспомощных вдов; пособие неимущим, потерпевшим от пожара и других бедствий; об опеке над имуществом сирот духовного звания и приходском пособии им; содействие приходскому пастырю в поддержании и распространении православия, в борьбе с расколом и сектантством через образование миссионерских кружков, через организацию чтений; составление сметы прихода и расхода сумм на приходские нужды для предстоящего приходского собрания; заведование кассой и прочим приходским имуществом; прием пожертвований на приходские нужды; производство сборов, установленных приходским собранием по его раскладке; составление отчета о приходе и расходе приходских сумм и т. д.

Члены причта церковного в положенном по штату составе окончательно избираются и назначаются епископом, на основании сведений, собранных и представленных ему епископским советом (Вас. Вел.89-е; Феофил. Ал.7-е, 10-е). Но первоначальное, предварительное суждение о желаемых заместителях освобождающихся мест среди приходских клириков принадлежит приходскому собранию; из числа известных ему православных лиц, правоспособных по своим нравственным качествам и по своему умственному развитию, всего лучше из числа получивших полное богословское образование; оно намечает излюбленных им особ, как соответствующим назначению, и свое свидетельство об их качествах, равно как и свое желание иметь их у себя на известной должности представляет епископу. А епископ, по надлежащем испытании указанных лиц (1Всел. Соб.9-е; Сард. 10-е; Кирил. Ал.4-е) при содействии епископского совета (Вас. Вел.89-е; Феофил. Ал.7-е, 10-е), определяет, кого найдет наиболее достойным. Если же указываемые лица окажутся не соответствующими назначению, или если приходское собрание совсем не укажет желаемых заместителей свободного места, то епископ определяет на это место лицо, избранное им самим по личному усмотрению, на основании сведений, имеющих в распоряжении епископского совета. – Содержание свое члены церковного причта получают от своей приходской общины, но не прямо, непосредственно в форме ли добротных даяний или в форме сборов, производимых для этого старостой по раскладке приходского собрания, а через посредство Государственного Казначейства или земских учреждений, которые собирают нужные для того налоги наравне с другими налогами. Только этим путем можно устранить поводы к неудовольствиям, которые так часто возникают между причтом церковным и прихожанами, делая крайне затруднительным надлежащее воздействие пастыря на приход и почти невозможным попечение его об оживлении прихода в просветительном и благотворительном отношениях: прихожане расположены во всем подозревать заботы священника об увеличении причтовых или даже своих личных доходов.

Что касается вопроса о присвоении приходской общине, или каждой приходской церкви, прав юридического лица между прочим и по приобретению недвижимого имущества с облегчением вместе с сим и самого порядка приобретения церквами недвижимой собственности без испрошения каждый раз особого Высочайшего соизволения, то, без сомнения, все это весьма желательно. И было бы очень печально, если бы иноверческие, раскольнические и сектантские общины пользовались таким правом, а православные церкви не имели бы его. Но так как подобное ограничение права приобретения недвижимого имущества для церквей, так же как и для архиерейских домов и монастырей, установлено, вероятно, по государственным соображениям и в целях политико-экономических, то и решение вопроса об отмене указанного ограничения и о даровании приходским общинам всех прав юридического лица, на общем для подобных лиц основании, выходит за пределы компетенции церковной власти. Собор Всероссийской Церкви может и должен лишь только ходатайствовать об этом перед Правительством.

5. О преобразовании церковного суда

Церковный суд в том его виде, в каком он существует ныне, давно уже всеми признается весьма неудовлетворительным. В самом деле, всякий правильно устроенный суд должен основываться на точном и ясном законе. Между тем основаниями для духовного суда служат: 1) закон Божий, в Священном Писании предложенный; 2) правила св. апостол, св. соборов вселенских и поместных и святых отец, 3) Духовный Регламент, 4) Устав духовных консисторий, 5) последовавшие за ним Высочайшие указы в определения Св. Синода, 6) разные особые уставы, инструкции и положения и 7) затем, когда в церковных законах не содержится надлежащих руководственных указаний, действующие общегосударственные узаконения. Достаточно только представить себе всю громадную, не упорядоченную массу этих разного рода узаконений, чтобы понять, насколько возможно при этом единство и постоянство действия закона в судопроизводстве. И действительно, духовно-судебная практика показывает, что пользование указанными источниками церковного права не представляет надлежащей устойчивости и желательного однообразия как в отношении предпочтения одних источников другим, так и в отношении пользования одним и тем же источником. И это не потому, чтобы не было желания точно следовать закону, а потому, что закон-то неудобен для его применения. Духовно-судебная практика с большей охотой обращается к государственным законам, чем к церковным – ввиду того, что последние неполны по объему и недостаточно ясны и точны по изложению. Устав духовных консисторий, изданный в 1841 г., пересмотренный в 1883 г., пытался определить объем и границы духовного судопроизводства главным образом сообразно правилам, содержавшимся в тогдашнем Своде Российской империи издания 1832 г., и в свое время отвечал требованиям юридической науки и юридической практики, но теперь совершенно устарел и не отвечает требованиям жизни. Кроме того, по неполноте своего содержания, общности и неопределенности предписаний, он не может быть удовлетворительным источником права. Поэтому первая и существенная потребность духовного суда состоит в пересмотре, обработке и приведении в систему нашего действующего церковного права и в издании церковного уложения, которое бы устраняло произвол судебной власти и личное ее усмотрение как в определении состава проступков, так и в применении к ним мер взыскания и исправления.

В церковном судопроизводстве мы находим крайнюю централизацию власти. Епархиальный духовный суд производится через духовную консисторию под непосредственным начальством епархиального архиерея. При этом в руках епископа сосредоточены все функции судебной власти: обвинительная, отдающая виновного под суд (Уст. коне. ст. 153); следственная, по распоряжению и даже под высшим присмотром которой собираются и устанавливаются все материалы, необходимые для судебного решения (ст. 158 и 167); собственно судебская, произносящая окончательный приговор (ст. 330), и притом приговор, не допускающий апелляции (ст. 174), за исключением присуждения самых высших наказаний: лишения сана священнослужителей и исключения из духовного звания псаломщиков (ст. 171); и, наконец, пожалуй апелляционная, поскольку к архиерею же поступают жалобы на неправильные действия всех лиц, которым он поручает исполнительную часть дела (ст. 167). Консистория в качестве судебного учреждения не занимает самостоятельной судебной инстанции, а является лишь при архиерее вспомогательным органом, разрабатывающим собранный материал и делающим из него ближайшие выводы или заключения (мнения); при этом и в консистории нет обособления различных судебных функций, нет даже выделения судебной власти от административной. Затем, ввиду неопределенности положения благочинного, можно сказать, что нет никаких низших судебных инстанций с самостоятельной юрисдикцией. А отсюда проистекает сосредоточение всех судебных дел в консистории и замедление в решении их.

В духовном судопроизводстве формы следствия устарели, не отличаются определенностью и не обеспечивают достаточными гарантиями интересов ни сторон, ни суда. Следствие начинается не только по жалобе потерпевшего, но и по всякому дошедшему до епархиальной власти сведению о проступке (ст. 135), что неизбежно ведет к размножению кляузных дел. Судебный процесс носит тип следственного процесса; на суде не бывает ни истца, ни ответчика (исключая дел бракоразводных); процесс ведется заочно, по письменным актам, составленным во время следствия, с соблюдением канцелярской тайны. Судебные решения постановляются не

по личному убеждению судей, сложившемуся на основе выслушанного объяснения сторон и показания свидетелей, а по мертвым бумагам на основании формальных доказательств. Наконец, порядок обжалования решений епархиального суда поставлен так, что не представляет для обвиняемого достаточных средств к восстановлению своих прав. Апелляция допускается только в крайних случаях лишения священнического сана и исключения из духовного звания (ст. 171); во всех прочих случаях допускаются лишь частные жалобы, которые обвиненному приходится писать на свое же начальство с опасением нажить неприятности, даже не задержав наложенного взыскания (ст. 174).

Такие особенности нынешних духовно-судебных порядков, сложившиеся под влиянием дореформенного Свода законов Российской империи, несколько не вызываются и не оправдываются церковными канонами; напротив, во многом расходятся с ними.

Церковь всегда смотрела на суд не столько как на сторону общественной жизни, неизбежную при настоящих условиях человеческого общежития, а скорее как на ссору, как на личную вражду, не согласующуюся с духом христианской любви. Поэтому она всегда стремилась или совсем предупредить тяжбы, устраняя вызывающие их недоразумения и приводя стороны ко взаимной уступчивости и примирению, или свести разбирательство по крайней мере к третейскому суду по добровольному соглашению сторон и с ведома епископа (4Всел. Соб.9-е; Карф.17-е). Но если тяжущиеся или обвиняемые желали формального суда, то Церковь в этом им не отказывала; только клирики должны были обращаться не к светскому, а к церковному суду (2Всел. Соб.6-е; 4Всел. Соб.9-е; Карф.15-е, 117-е; Антиох.12-е). В основе же всей церковно-судебной организации лежала нравственная идея исправления падшего, а не юридическая идея возмездия за нарушенное право (6Всел. Соб.102-е). Поэтому церковный суд, особенно в отношении религиозных заблуждений, предварялся троекратным вразумлением виновного, причем в случае его раскаяния следовало полное прощение с прекращением дела. С другой стороны, исходя из идеи пастырского отеческого отношения церковной власти к чадам церковным, Церковь всегда чужда была той болезненной недоверчивости к носителям власти, при которой всюду требуются гарантии, всюду настаивается на разделении судебных функций, простирающемся даже до разделения права и акта вменения проступка (дело присяжных) от права и акта наложения взыскания за этот вмененный проступок (дело судей). В Церкви христианской органом судебной власти в каждой паpихии (епископии) был епископ (1Всел. Соб.5-е; 3Всел. Соб.5-е; 4Всел. Соб.9-е; Сард.14-е; Карф.15-е, 29-е, 37-е, 121-е, 139-е и др.), в руках которого была и духовно-правительственная власть. Церковные правила, как и слово Божие, не знают нужды в разделении этих властей. Епископ всюду изображается обладателем церковной власти во всей ее полноте. Он разбирает все дела духовных своих пасомых, судит как по спорным делам, так и по криминальным (4Всел. Соб.9-е; Антиох.9-е); виновным присуждает наказание (Апост.16-е, 32-е; 1Всел. Соб.5-е; Антиох.6-е, 12-е; Сард.14-е; Карф.10-е, 11-е), имея в виду уврачевать и исправить виновного (6Всел. Соб.102-е), и при исправлении человеколюбиво смягчает взыскание (4Всел. Соб.16-е; Антиох.2-е, 5-е, 7-е) и даже вовсе отменяет (Феофил. Ал.14-е). Не повинующиеся ему клирики и иноки или строящие против него ковы подвергают лишению сана (Апост.55-е; 4Всел. Соб.18-е; 6Всел. Соб.34-е). В важных делах, сопровождавшихся высшей мерой наказания, приговор епископа над пресвитерами и диаконами переносился на собор епископов, а дела прочих клириков окончательно решал один епископ местный (Карф.14-е, 29-е). Церкви небезызвестны были и неудобства, проистекающие от соединения в одном лице административной власти и судейской (1Всел. Соб.5-е; Сард.14-е); однако она такое соединение, как утверждающееся на догматической основе, оставляла неприкосновенным, установив надежные средства к устранению этих случайных неудобств. Считающие себя обиженными от своего епископа и свои права нарушенными могли прибегать к третейскому суду соседних епископов, ими же избранных с согласия своего епископа (Карф.139-е), имели право обращаться с жалобами к митрополиту (Антиох.12-е; Сард.14-е; Феофил. Ал.4-е) и переносить дела свои на областной собор епископов (Карф.139-е; Антиох.20-е; 1Всел. Соб.5-е и др.). Судебную свою власть, так же как и правительственную, епископ осуществлял при содействии пресвитеров (Феофил. Ал.6-е, 14-е; сравн. Ап. Пост.2:47). Некоторые из пресвитеров, называвшиеся хорепископами (Антиох.10-е), а позднее получившие название периодевтов (Лаод.57-е) и протопопов (Аристин на пр. Анк.13-е. Вальсамон на Антиох.10-е; см. Правил.2, 37, 168), равно как и хорепископы, принявшие рукоположение по чину епископа – (Кодекс Бодлеян., Исидор Меркатор, Беверегий, Пидалион, Ралли и Потли, Правила с толк. изд. М. Общ. люб. дух.

просвещ., по выражению Питры *vulgo*) или (Codd. Vatic., Joann. Antioch. Dionysius Exig., Iustell., Mansi, Bruns, Pitra, Lauchert), занимая место предстоятеля в известных селениях или малых городах, пользовались правом суда над подчиненными им приходами по маловажным жалобам (Антиох.10-е), особенно в Египте, где они на виновных могли налагать и налоги и даже весьма большие наказания, каковы: отлучение от церковного собрания (Феофил. Ал.14-е) и даже извержение чтеца из клира (Феофил. Ал.6-е). Таким образом предстоятели эти являлись как бы низшей судебной инстанцией. Будучи помощниками своего епископа в том участке, какой им вверялся, хорепископы не имели вполне самостоятельной юрисдикции, а действовали в качестве уполномоченных заместителей епископа (Антиох.10-е; Анк.13-е; Вас. Вел.89-е). Так же точно и пресвитеры. Для дел, ими решенных, второй инстанцией был суд епископский (Феофил.Ал.6-е, 14-е).

Дальнейшей судебной инстанцией после епископской был областной собор епископов под председательством старейшего, или митрополита (Апост.37-е; 1Всел. Соб.5-е; 4Всел. Соб.19-е; 4Всел. Соб.8-е; 7Всел. Соб.6-е; Антиох.20-е; Карф.27-е). Он решал дела, превышавшие власть епископа (4Всел. Соб.9-е; Карф.29-е), по тяжбам между епископами области (Карф.37-е, 120-е; Сард.3-е), между клириками и епископами (4Всел. Соб.9-е), по обвинениям со стороны клириков и мирян на епископов (Апост.74-е; 2Всел. Соб.6-е; 4Всел. Соб.9-е; Антиох.13-е и др.). В порядке апелляционном он пересматривал решения, состоявшиеся в епископском суде, но не удовлетворившие тяжущихся и обжалованные ими (Апост.37-е; 1Всел. Соб.5-е; Антиох.6-е, 20-е; Сард.14-е; Карф.11-е, 29-е). Высшей судебной инстанцией был собор епископов нескольких епархий, или митрополий, под председательством первого между ними епископа великия области, названного после экзархом, или патриархом (1Всел. Соб. 5-е; 2Всел. Соб.2-е, 3-е; 6Всел. Соб.36-е). Он в качестве первой инстанции рассматривал жалобы на митрополитов, а в качестве второй инстанции принимал апелляции на приговор областных соборов (Антиох.12-е).

В судопроизводстве древней Церкви процесс был по преимуществу обвинительный с состязательным характером между тяжущимися сторонами (ср. Ап. Пост.2, 47,51).

Обвинение возбуждалось и поддерживалось частным лицом – потерпевшим. Но обвинение могло быть принимаемо не всякого рода и не от всякого лица без разбора (2Всел. Соб.9-е; 4Всел. Соб.21-е), а лишь от людей, достойных вероятия (Апост.74-е). По делам спорным частного характера вера и личность истца не принимались во внимание, но по делам церковным не дозволялось принимать обвинения от иудеев, язычников и еретиков (Апост.75-е; Карф.144-е), от подсудных и осужденных (2Всел. Соб.6-е; Карф.143-е), от рабов, от опороченных (Карф.144-е, 8-е, 28-е), от сутяг (Карф.145-е) и от всех, кому гражданские законы не давали права жалобы (Карф.144-е). Обвинитель обязан был подтвердить обвинение ясными доказательствами (2Всел. Соб.6-е); во время рассмотрения принесенной им жалобы он обязан был находиться налицо для дачи объяснений (Карф.28-е, 29-е; Феоф.9-е). Неявка обвинителя в суд в назначенный срок и непредставление к тому уважительных причин сопровождалось прекращением дела (Карф.28-е). Обвинитель обязывался довести дело до конца и в случае клеветничества подвергнуться тому же наказанию, каким угрожал обвиняемому (2Всел. Соб.6-е). Церковная власть, обязанная охранять церковное благочиние и восстанавливать нарушенный порядок, и сама выступала обвинительницей и для этого вынуждалась предпринимать расследования; вследствие этого в обвинительный процесс вводим был элемент и следственный (1Всел. Соб.5-е; 2Всел. Соб.6-е; Сард.14-е). – Обвиняемый вызывался в суд повестками до трех раз и обязан был явиться в указанный срок (Апост.31-е; Карф.28-е); он вправе был просить нужного времени для приготовления к защите (Кирил. Ал.1-е). Для важных дел обычно ему давался годичный срок на собрание доказательств своей невинности (Карф.28-е, 90-е). Сроком для явки в суд полагался месяц по получении повестки, по уважительным причинам давалась отсрочка еще на другой месяц (Карф.28-е). В случае неявки в суд обвиняемый осуждался заочно, как произнесший приговор сам на себя (Апост.74-е; Карф.28-е). Обвиняемый имел право отводить судей, подозреваемых им в пристрастии (Кирил. Ал.1-е), и избирать себе защитника (Карф.86-е, 109-е), или экдика (4Всел. Соб.2-е, 23-е). – А состав суда соборного должен был быть таков: диакона должны были судить три, а пресвитера не менее как пять епископов при председательстве своего епископа (Карф.14-е); епископа судили все епископы той епархии или митрополии, к которой он принадлежал (1Всел. Соб.5-е; 2Всел. Соб.6-е). Судебное разбирательство производилось в присутствии не только истца или обвинителя, но и ответчика (Апост.74-е; ср. Ап. Пост.2, 49), и производилось совершенно явно, открыто, на глазах у всех (Апост.10-е, 11-е). При

этом в случае опасения, что расследование дела на месте будет стеснительно для свидетелей и даже может сопровождаться замешательством вследствие происков родственников, друзей и знакомых, сторонам предоставлялось право просить о назначении другого места для суда (Карф.39-е). – Разбирательство дела велось главным образом словесно, через непосредственный допрос обвинителя, обвиняемого и свидетелей (Феофил. Ал.9-е; ср. Ап. Пост. И.47), хотя допускались и письменные документы (Деян.1, 187, 295; 2, 5, 13; 3, 66, 93; 4, 303 и др.). Доказательствами служили прежде всего собственное признание или непризнание подсудимого (Апост.74-е; Карф.147-е), затем свидетельские показания достоверных лиц (Апост.75-е; 1Всел. Соб.2-е; 6Всел. Соб.85-е; Карф.70-е): к свидетельству по обвинению не допускались те лица, от которых не принимались жалобы (Карф.146-е), также домашние обвинителя и не достигшие 14 лет (Карф.146-е), равным образом еретики против епископа (Апост.75-е). – В предупреждение кляузничества, дела считались окончательно решенными в случае обращения к третейскому суду (Карф.16-е, 107-е, 136-е), в приговорах областного собора при единогласном решении всех епископов (Антиох.15-е) и, наконец, по истечении годового срока, назначенного для представления доказательств невинности (Карф.90-е). – Дела, рассмотренные в двух инстанциях, могли быть переносимы в высшую лишь в том только случае, когда открывались новые обстоятельства, требовавшие нового рассмотрения (Сард.3-е). Низшие инстанции не подлежали ответственности за свой приговор, когда он отменялся высшими, если при этом не обнаруживалось пристрастия, вражды и т. п. (Карф.16-е). Перенесение дел от церковного суда к светскому строго воспрещалось (4Всел. Соб.9-е; Карф.15-е, 117-е). Таков был духовный суд в древней Церкви.

«Главные начала, несомненное достоинство коих признано в настоящее время (юридической) наукой и судебным опытом, по коим преобразованы судебные части в России» в 1864 году и по коим тогда же предполагалось преобразовать церковный суд, суть следующие: 1) в судоустройстве: а) отделение судебной власти от правительственной, б) установление только двух судебных инстанций для каждого дела и кассационного суда, в) сочетание выборного начала с правительственным назначением при замещении должностей; 2) в судопроизводстве: а) введение в спорные дела состязательного, а в уголовные обвинительного процесса вместо следственного, б) словесное, устное производство вместо письменного и в) гласное, всем открытое разбирательство вместо канцелярски-тайного, закрытого. Нетрудно заметить, что в существенных чертах начала эти находили себе достаточное применение в церковном суде древней Церкви, за исключением недопустимого ни по догматическим, ни по каноническим основаниям применения к лицу епископа в пределах его епископии принципа отделения судебной власти от правительственной. Посему, следуя руководственным основоположениям, какие выражены в канонах церковных, относящихся к судебной власти, и принимая во внимание указанные начала юридической науки и судебного опыта, можно духовный суд в русской Церкви преобразовать таким образом.

Прежде всего всемерно следует позаботиться о том, чтобы православное население и особенно клирики приучили себя, если уж им нельзя обходиться без суда, обращаться по преимуществу к безапелляционному третейскому суду у пресвитеров, наиболее всеми уважаемых, выработав для надлежащей постановки этого суда известные правила. – Для тех лиц, которые не расположены обращаться к третейскому суду, а равно и для дел, которые по своему свойству не могут быть предметом этого суда, образуются судебные должности и учреждения: духовный мировой судья, съезд духовных судей, местный епископ, окружной собор епископов под председательством митрополита, судебное отделение патриаршего синода и, наконец всероссийский поместный собор под председательством патриарха. Духовный судья решает дела единолично, а когда тяжущиеся стороны пожелают присоединить к нему по равному числу избранных ими судей, – коллегиально; местный епископ – и единолично, и коллегиально совместно с духовными судьями; прочие инстанции – коллегиально. Судебная власть их простирается на всех членов православной Церкви и на все дела, подсудные духовному суду. Все они решают дела по существу, а судебное отделение при патриаршем синоде – и в кассационном порядке. Каждое дело может быть рассматриваемо по существу не более, как только в двух инстанциях, а затем может подлежать пересмотру лишь в кассационном порядке. – Судопроизводство непосредственно епископское, простирающееся более на ошибки неосторожности и неведения и касающееся испытания совести виновных, не должно носить строго формального характера и может быть оставлено в настоящем его положении. Духовный

мировой судья избирается особо для каждого благочиннического округа; избирается он на общем благочинническом собрании на шесть лет из приходских пресвитеров, не опороченных по суду и не занимающих никакой административной должности, а утверждается по представлению местного епископа областным собором епископов: благочинническое собрание избирает трех лиц, из них епископ двух представляет окружному собору; собор утверждает одного в звании судьи, а другого в звании кандидата. Должность судьи почетная, не оплачиваемая жалованием; впрочем, если благочинническое собрание изыщет местные средства на жалование судье, то судья может получать и жалование так же, как и следователь. Расходы по поездкам относятся на счет виновных. Духовный судья благочиния губернского города, где обычно не бывает судных дел, как наиболее свободный, заведует судным столом консистории с получением положенного ныне члену консистории содержания. Духовный судья приступает к разбору дела по сообщениям администрации (благочинного, епископского совета и т. д.) и по частным жалобам потерпевших; принимает он к рассмотрению как уголовные дела, так и спорные, но лишь сравнительно меньшей важности, которые нуждаются в скором решении на месте и требуют близкого знакомства с местными отношениями и которые, возникая из взаимных недоразумений, могут быть улажены примирением тяжущихся в духе христианской любви. Примирение тяжущихся – главная задача духовного судьи, если примирение не достигнуто, то духовный судья приступает к разбирательству дела. Разбор ведется словесно, открыто, в присутствии истца и ответчика или их адвокатов. Проверив представленные доказательства, выслушав объяснения сторон, судья постановляет приговор о виновности или невиновности подсудимого, по внутреннему убеждению, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при производстве суда, и полагает взыскания, однако лишь только незначительные (замечание, выговор без внесения в послужной список, денежное взыскание до 50 рублей). Приговоры духовного судьи, за которые определяются одни лишь замечания, простые выговоры и штрафы не выше пяти рублей и взыскания по имущественным искам не свыше 50 рублей, считаются окончательными и обжалованию не подлежат. На все прочие приговоры должно быть предоставлено самое широкое право протеста и отзывов. – Съезд духовных судей составляет дальнейшую судебную инстанцию; съезд этот происходит в известное время или в губернском городе под председательством местного епископа или его викария или иного заместителя по назначению епископа, или в уездных городах, или даже в селах, смотря по обстоятельствам; в состав съезда могут входить судьи или всех благочиннических округов, или нескольких уездов, или даже и одного уезда, смотря по надобности и удобству, с разрешения архиерея; ни один судья не должен участвовать в рассмотрении дела своего благочиннического округа, равно как и тех, по коим производил следствие вместо следователя. В состав судебного съезда могут входить и представители клира и мирян, избираемые для того епархиальным собранием. Съезд судей рассматривает более важные дела, превышающие компетенцию духовного судьи, а в апелляционном порядке – дела, решенные духовным судьей, но обжалованные тяжущимися или опротестованные администрацией. Дела вчинаются лишь по жалобам потерпевших и по сообщениям административных властей. Жалобы направляются в судный стол или в епископский совет, а последние передают следователю для производства предварительного следствия. Духовный следователь, если не будет отведен ни жалобщиком, ни обвиняемым, допрашивает свидетелей, где допустимо, под присягою, производит обыски и осмотры с понятыми в присутствии сторон, которым предоставляет право отводить свидетелей по законным основаниям, указав новые доказательства и объяснения всякого рода. Закончив свое дело, следователь пересылает собранный им материал в епископский совет. Совет, если найдет следствие произведенным правильно, постановляет заключение или о прекращении дела, или о предании обвиняемого суду. В последнем случае секретарь составляет обвинительный акт и передает городскому судье. Судья копию обвинительного акта передает обвиняемому, чтобы он подготовился к защите, указал, кого избирает себе в защитники и кого признает нужным вызвать к судоговорению. На суде выслушивается обвинительный акт, проверяются доказательства обвинения, выслушиваются объяснения подсудимого, свидетелей и сведущих людей. Как обвинитель, так и подсудимый с его защитником пользуются на судебном состязании одинаковыми правами, одинаково могут принимать участие в допросах и судебных прениях. Последнее слово принадлежит обвиняемому. По окончании судебного разбирательства составляется приговор. Если местный епископ не присутствует на суде лично, то протокол с приговором представляется ему на утверждение. А если он лично председательствует на суде,

то его голосу принадлежит решающая сила. Обо всех случаях своего разногласия с мнением съезда судей епископ обязан сообщать митрополиту для братского обсуждения этого обстоятельства на окружном соборе епископов. Состоявшийся приговор, если против него в течение недельного срока не заявлено неудовольствия ни жалобщиком, ни ответчиком, входит в законную силу и уже не подлежит обжалованию. В целях ограничения кляузничества следует прежде всего установить правило, что жалоба принимается лишь только от потерпевшего. Затем следовало бы установить закон давности для вчинения жалоб на клириков частными лицами. Это не было бы противно церковным канонам, которые устанавливают известные сроки в ведении тяжб и для истца, и для ответчика. — Дальнейшую судебную инстанцию составляет областной или окружной собор епископов под председательством митрополита. В состав собора входят все епископы данного округа самолично или через заместителей своих; последние избираются из числа духовных судей. В случае нужды собор может дробиться на отделения с правом каждому отделению заниматься рассмотрением своих дел в своем месте. Местом соборных заседаний бывает какой-либо город, смотря по обстоятельствам судных дел и удобств сообщения. Собор рассматривает в апелляционном порядке все дела, решенные епархиальным съездом духовных судей и обжалованные тяжущимися или обвиненными. Решение собора в этих делах должно быть окончательным. Затем в качестве первой инстанции собор рассматривает дела, превышающие компетенцию съездов духовных судей, например, жалобы на епископов и т. п. — Высшими судными инстанциями служат: судебное отделение при патриаршем синоде, состоящее не менее как из трех епископов, не занимающих никакой другой должности, и, наконец, поместный всероссийский собор. В судебном отделении патриаршего синода рассматриваются дела как в апелляционном порядке, так и в кассационном. Те и другие решаются здесь окончательно. А в качестве первой инстанции — дела, касающиеся митрополитов, окончательное решение коих принадлежит поместному всероссийскому собору.

6. Об усовершенствовании духовно-учебных школ

Вопрос об усовершенствовании духовно-учебных заведений вызывается тем печальным положением, в каком они ныне находятся. Но нестроения, происходящие в них, возникают не столько вследствие постоянной перемены начальствующих лиц (беспорядки, и весьма крупные, бывали не реже и там, где более 20 лет действовали одни и те же, к тому же еще и весьма опытные начальники), не столько вследствие пагубной многопредметности семинарского курса наук с обширными программами (она – не со вчерашнего дня) и не столько даже вследствие ограничения прав семинаристов на поступление в ближайшие университеты, сколько вследствие подстрекательства неблагонамеренных людей, находящихся для своей преступной деятельности благоприятную почву среди семинарского многолюдства, остающегося всегда почти без надлежащего присмотра и руководства за крайней скудостью воспитательного персонала. Конечно, и затруднительность перехода семинаристов в университеты имела свое влияние; нельзя не сознаться, что учащиеся семинаристы так же, как и их родители, в школе ищут лишь выхода из бедноты к положению более или менее обеспеченному, тропинку к доходному месту. Раз этого нет, естественно, возникает недовольство. А оставить духовную школу – жалко и затруднительно: духовная школа – даровая, а другие по дороговизне недоступны. Но указанное недовольство являлось лишь поводом или почвой для насаждения того недоброго настроения, какое в последнее время замечается среди семинаристов. Настоящие требования их ведь идут гораздо дальше: еще не ознакомившись с философскими науками, они уже недовольны, что им философия преподается теистическая по Кудрявцеву, а не позитивно-эволюционная; они недовольны, что история им преподается с указаниями действия промысла Божия, а не в духе экономического материализма; они недовольны, что на уроках словесности не сообщают им сведений обо всех произведениях Льва Толстого, Максима Горького и т. п.; они не мирятся с воспитательным надзором и требуют полной независимости и бесконтрольности; они протестуют против обязательности хождения к праздничному богослужению, бытия у исповеди и св. причастия, соблюдения постов и т. д. Все это, конечно, с чужого голоса, – как теперь и у гимназистов, требующих уже отмены преподавания Закона Божия. – Поэтому и усовершенствование духовно-учебных заведений следовало бы начать с устранения крайнего многолюдства учащихся, с усиления и надлежащей постановки руководственно-воспитательного присмотра за учащимися, который делал бы их недоступными пропаганде, и с отмены всяких прав на переход куда бы то ни было учащихся, разумеется – одинаково всех: и семинаристов так же, как и гимназистов. Пусть поступают в университеты по конкурсному экзамену. Тогда бы стали действительно учиться, а не выговаривать себе отмены и переходных и приемных экзаменов, и даже ослабления регулярных классовых занятий. Но так как уничтожение всяких прав по изучению известного курса составляет предмет только еще одних желаний даже и для университетов, то для средней школы это составляет лишь одну мечту. Вследствие этого с притязаниями семинаристов и их родителей на право поступления в университеты приходится считаться. Приходится считаться и с истекающим отсюда общим желанием духовенства приравнять семинарский курс общеобразовательных наук к гимназическому, отнеся все специально-богословские предметы к 5 и 6 классам семинарии или даже выделив их в особую духовную пастырскую школу (богословские курсы) с перенесением курса первых трех или четырех классов семинарии в духовные училища. Но если духовные училища с присоединением к ним первых трех или четырех классов семинарии, так же, как и епархиальные женские училища, по желанию духовенства будут обращены в гимназии, то какое же основание оставаться им в Духовном Ведомстве? Почему не быть им в ведении Министерства народного просвещения? И если так много и теперь говорят о кастовой обособленности духовенства, то что же нужно будет сказать тогда, когда духовенство будет иметь для своих детей свои особые мужские и женские гимназии, ничем не отличающиеся от министерских? Ни одно сословие этого не делает. С другой стороны, какое же основание расходовать на эти гимназии церковные суммы? Единственно, что может располагать духовное начальство оставить пока, доколе еще есть возможность, на своем попечении будущие мужские и женские гимназии Духовного Ведомства, – это недостаточность обеспечения священно-и церковнослужителей средствами содержания с вынужденной необходимостью жить и действовать большей частью в захолустьях, где никто при себе дома не может давать детям своим образование, а всяк вынужден отправлять их в уездные и губернские

города. Пока духовенство надлежаще не обеспечено, Церковь не может не приходить на помощь ему в его заботах об образовании детей по мере имеющихся к тому средств. Но, чтобы оправдать сколько неизбежное при этом расходование церковных сумм на духовные гимназии, столько же и удержание их в своих руках, вне ведения Министерства народного просвещения, самим гимназиям этим следует, с одной стороны, дать такую постановку, чтобы они были открыты одинаково для детей всех членов православной Церкви, а с другой стороны – сообщить им такой строй и характер, чтобы они постоянно имели в виду интересы Церкви и воспитывали обучающихся в духе церковном. Для этого не требуется вводить предметы, нужные собственно клирику или священнику-пастырю, но непременно следует основательно поставить преподавание предметов, знание которых потребно для всякого доброго сына православной Церкви; для этого не требуется устанавливать монастырский строй жизни, но непременно следует всячески поддерживать указываемый православной Церковью порядок христианского благоповедения. При этих условиях никто невольно не будет принуждаем, – как и теперь, впрочем, никто не принуждается, – к избранию духовного звания; но, с другой стороны, не будет глоснуть, а напротив – будет возгреваться унаследованное от родителей и в детстве прозябшее в благочестивой семейной обстановке расположение к освящению себя на служение пастырское в православной Церкви. Ныне все говорят о призвании к пастырству, забывая о том, что такое призвание должно быть подготовлено с нашей стороны. Господь Бог чудес Своих не расточает: Он призывает обычно лишь тех, кто воспитывает в себе приемлемость к такому призванию. Посему мужские духовные училища, по мере местных удобств, можно преобразовать в шестиклассные или семиклассные гимназии с гимназическим курсом наук так расположенных, чтобы всегда возможен был беспрепятственный переход из духовных училищ в министерские гимназии и наоборот, а по окончании курса выход в университет и другие высшие заведения наравне с министерскими гимназиями. Но при этом в духовных училищах преподавание катехизиса ввиду исключительной важности этого предмета должно быть поставлено как можно более прочно и основательно. Катехизис ученики духовного училища должны знать твердо и притом во всей его полноте. Церковный устав не должен быть предметом школьного изучения; усвоение его следует предоставлять последующей житейской практике, кому она откроется; училище же должно лишь осмыслить для учащихся совершающиеся на их глазах церковные службы путем объяснения богослужения. На церковное пение должно быть обращено особое внимание, но без увлечения никому не нужными (кроме манакиков) древностями вроде крюкового пения или разного рода напевов, вышедших из употребления. Древние языки в духовном училище следует преподавать, особенно греческий, как необходимый для надлежащего понимания Нового Завета и богослужебных книг; лексический материал легче усваивается в детском возрасте, чем в последующих. А чтобы при этом заградить уста ныне господствующему в школах узкоутилитарному направлению, самое преподавание древних языков следует направлять к изучению преимущественно таких корней и слов (диако́н, епи́скоп, полити́ка, теа́тр, ката́рр, пара́докс, епи́грамма и т. д.), которые уже вошли в состав обычной русской речи и литературного языка, только не всегда довольно сознательно и толково употребляются («амбулаторная клиника!»). При преподавании словесности, по нуждам нынешнего времени, следует дать большее место изучению ораторства с примерным обзором и разбором наилучших речей судебных, политических и церковных. Критика исторических событий и – в частности – литературных произведений отнюдь не должна быть безотносительной, как обычно у нас бывает, а строго исторической, выясняющей, какие требования известное поколение предъявляло общественному деятелю и – в частности – писателю, и как писатель старался удовлетворить и удовлетворял желаниям своих современников, почему такими или иными произведениями, для нашего времени неважными, даже иногда смешными, в свое время зачитывались. Нужно также оставить дурную привычку выяснять, большей частью даже и не совсем верно, будто тот или другой деятель или писатель при воспитании ничего не получил от своих воспитателей, а был самородком. У нас выходит, что ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Салтыков и проч. ничем не обязаны воспитавшей их школе. Только святой апостол Павел во всем зависим был от современной ему школы. Такая постановка преподавания не может не развращать юношей, подрывая у них всякое уважение к школе и к самим преподавателям. Прочие науки, не исключая и философских и даже священноцерковно-исторических, должны изучаться в объеме гимназического курса и по гимназическим программам и руководствам. Священное Писание, особенно Ветхого Завета, не должно быть предметом школьного изучения в семиклассных

училищах; учеников следует приучать к домашнему чтению слова Божия в целях религиозного научения и назидания, но в таком возрасте обращать Библию в учебник для них неразумно. – Воспитательная часть должна быть предметом особых забот начальства. В каждом классе должен быть особый воспитатель, не простой классный наставник в том виде, в каком существовал и быть может существует в гимназии, – такой бесполезен, – а именно воспитатель, который бы постоянно находился при учениках, как отец среди своих детей. Воспитатели должны быть обеспечены не меньше, чем и преподаватели. В этом отношении не излишне было бы принять в соображение порядки, установленные в кадетских корпусах.

По перенесении общеобразовательных наук из первых четырех классов семинарии в духовные училища, остальные науки должны составить курс пастырской школы. Пастырская школа должна иметь своей задачей единственно только приготовление обучающихся в ней к пастырскому служению. Если бы оказались лица, желающие просто только ознакомиться с богословскими науками, то таковые должны быть допускаемы лишь в качестве вольных слушателей, не имеющих права заявлять никаких претензий на изменение школьного строя применительно к их нуждам. Школы эти должны содержать всецело на доходы с духовно-учебного капитала. Находясь под главным управлением Св. Синода, они состоят в ближайшем ведении епархиального архиерея. В пастырскую школу принимаются по конкурсному экзамену православные юноши доброго направления из всех сословий, окончившие курс средних учебных заведений какого бы то ни было рода (духовных училищ, министерских гимназий, реальных училищ, второклассных школ и т. п.). Следует открыть доступ и диаконам не старше 35 лет от роду, желающим довершить здесь свое богословское образование. Число учащихся должно быть точно установлено штатами; иначе юноши, которым некуда деваться, своим наплывом погубят и эту школу, как теперь губят семинарии, а, выходя при этом из своеобразного принципа: «Не ученики для школы, а школа для учеников», найдут даже и защитников своей разрушительной деятельности среди общества. Дети бедные принимаются на казенные стипендии, а прочие состоят пансионерами; те и другие помещаются в общежитии, которое отнюдь не должно носить казарменного характера. В течение трех лет в пастырской школе проходятся все богословские предметы с дополнительными сведениями по философским наукам; в том числе Священное Писание изучается во всей его полноте, т. е. не только книги Нового Завета, но и книги Ветхого Завета. Если библейская история признана будет излишней, то следует ввести преподавание библейской археологии, весьма потребной для уразумения Свящ. Писания. Равным образом необходимо ввести и преподавание патристики, или – лучше – истории древнехристианской богословской литературы. Предмет этот, объединенный ныне с церковной историей, совсем теряется в ней и усваивается очень поверхностно, далеко не соответственно его важности. В построении и методе богословских наук пора отрешиться от схоластики. Преподавание богословия должно быть чуждо и погони за мелочными подробностями сомнительной важности и ценности вроде указания на католическое *opus operatum* и т. п. Еще больше оно должно избегать излишней, мелочной критики чужих взглядов и верований с уклонением от надлежащего выяснения своих верований, содержимых согласно церковному учению. Нынешний семинарист иногда хорошо знает, как неправо учат католики и протестанты, но не скажет толком и ясно, как же следует учить по-православному. И винить его за это даже не всегда возможно, так как в богословском учении у нас не все ясно установлено, и этим занимаются меньше, чем бы следовало, даже и те профессора духовной академии, которые самочинно возводят себя в звание учителей Церкви, дерзко применяя к себе самим слова пророка Иезекииля о страже дому Израилеву (3:17). Для преподавания всех предметов должны быть составлены немногословные, сжатые, но обстоятельные и вполне научные учебники. В настоящее время дело это стоит весьма плохо. Между тем существование Макариевских премий, по-видимому, должно бы как нельзя больше облегчить это дело. – Воспитательная часть должна быть поставлена в строгом соответствии с особой задачей пастырской школы. В домовой церкви ее должно совершаться для желающих молиться ежедневное богослужение, в совершении которого по установленной очереди должны принимать участие все учащиеся, практически усвая церковный устав и упражняясь в произнесении проповедей. При пастырском училище должны быть устроены и общедоступные религиозно-нравственные внебогослужебные чтения и беседы для народа. Воскресные и праздничные службы должны совершаться соборно со всей торжественностью при участии всех воспитанников в общем пении. В пастырской школе все начальствующие, а по возможности и все преподаватели и воспитатели, должны быть в священном сане. Примером

своей собственной доброй священнической жизни они скорее и всего больше могут поддерживать в учащихся расположение к пастырскому служению. – Преобразование нынешних шестиклассных семинарий в трехклассные пастырские училища даст возможность устроить в них не только общежития для всех учащихся, но и квартиры для всех преподавателей и воспитателей. А пребывание наставников и воспитателей под одной кровлей с воспитанниками откроет полную возможность самого широкого воспитательного влияния их на учащихся. При нынешних же условиях государственной и общественной жизни только лишь надлежащая постановка воспитательной части может открыть надежный путь к сохранению и усовершенствованию духовной школы.

В последнее время, под влиянием шумных толков и горячих комиссионных работ по делу преобразования университетов и других светских высших учебных заведений с напряженным стремлением к совершенной независимости их и полной автономии как в ученой и учебной части, так даже и в административной, – в духовных школах, к сожалению, проявилось подобное же, а пожалуй даже и совсем такое же течение. Сначала духовные академии стали требовать себе автономии, отрицая нужду в каком бы то ни было духовном руководстве и отклоняя христианский долг подчинения своему архипастырю. Теперь заметно то же самое уже и в духовных семинариях. По крайней мере в Ярославской семинарии при суждении о желательных преобразованиях в строе духовных школ, во исполнение указа Св. Синода от 2 декабря 1905 г. № 11, часть преподавателей составила особое мнение, в котором проводит ту мысль, что и семинариям должна быть дана полная независимость и самостоятельность, преподаватели должны быть совершенно свободны в определении объема, направления и метода преподавания своих наук, ученики также должны пользоваться свободой и независимостью в своих занятиях до пресловутого издания своих журналов и бесконтрольностью в своем поведении до произвольного исполнения или неисполнения религиозных обязанностей. Власть епархиального преосвященного в семинарии совсем не допускается. Постановления семинарского правления прямо приводятся в исполнение. Епархиальный архиерей имеет долг лишь быть только выразителем желаний, и не своих (на это ему не предоставляется никакого права, он – лишний в своей епископии), а желаний духовенства относительно постановки учебно-воспитательного дела в семинарии. Ввиду этого настает нужда объяснить, что в православной Церкви православной духовной школе нельзя дать такую автономную постановку: она шла бы вразрез с каноническим строем Церкви и нарушала бы права епископа, как главного вероучителя всей вверенной ему паствы. В самом деле, ведь епископу правилами церковными вменяется в прямую обязанность учить вере и благочестию всех духовных чад своих, как клириков, так и мирян (Апост.58-е; 6 Всел. Соб.19-е); епископу в исполнении этой обязанности содействуют пресвитеры, получающие и самое священство между прочим для того, чтобы учить отроков и домочадцев Божественному Писанию, и прежде всего, конечно, отроков духовного звания (7Всел. Соб.10-е); епископ обязан заботиться о надлежащем испытании и приготовлении кандидатов на священнослужительские должности (7Всел. Соб.2-е; Вас. Вел.89-е); он имеет начальствование над всеми вообще церковными учреждениями в своей епископии, по преданию святых отцов (4Всел. Соб.3-е, 8-е); в своей парихии местный епископ есть ответственный блюститель состояния паствы, вверенной его водительству (Апост.39-е); он обязан иметь надзор над всеми сторонами церковной жизни в своей епископии (3Всел. Соб., послание). «Каждый епископ имеет власть в своей парихии, и да управляет ей, с приличествующей каждому осмотрительностью, и да имеет попечение о всей стране, состоящей в зависимости от его града, и да разбирает все дела с рассуждением» (Антиох.9-е). Поэтому и духовные школы вообще со всеми их делами, особенно же школы, подготовляющие кандидатов на священнослужительские места, не могут быть вне ближайшего ведения и руководства своего местного епископа, вне его надзора за тем, чтобы никто при недостатке умения не уклонялся от подобающего (6Всел. Соб.19-е).

7. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях

Духовные школы предназначены для приготовления православной Церкви просвещенных служителей, особенно в сане пастырей, с тем, чтобы они, занимая это положение, могли светом христианского учения просвещать верующих, содействуя распространению Царства Божия на земле. Но как далеко должно простираться влияние их на различные стороны жизни пасомых? Должны ли они принимать живое участие и в общественных установлениях?

В настоящее время по действующим положениям, как земскому, так и городскому, клирики могут принимать участие в городских и земских учреждениях только в качестве депутатов епархиального начальства. Сами же по себе члены причта не могут ни участвовать в выборе гласных, ни быть избираемыми ими; право на участие в сельских сходах духовенству также не дано. Св. Синод до последнего времени обыкновенно отклонял неоднократные ходатайства о привлечении членов причта церковного к участию в деятельности учреждений, ведающих исключительно мирские дела. Но теперь Правительством, по-видимому не без сношения со Св. Синодом, предоставлено причтам православных церквей, владеющих в уезде землей, в лице их представителей право участия в выборах в Государственную Думу наряду с землевладельцами, а последующими распоряжениями, увеличившими контингент избирателей, право выбора получили в большинстве и клирики по своему имущественному цензу. Таким образом в высших сферах произошла перемена во взгляде на участие духовенства в общественных учреждениях. Затем как в обществе, так и в журналистике стали настойчивее и настойчивее высказываться требования, чтобы духовенство ближе становилось к явлениям общественной и государственной жизни, что духовные пастыри не могут и не должны в настоящее смутное время оставлять своих пасомых без руководства и наставления, что они не должны проходить своим вниманием и социальное положение своих духовных чад, их материальные нужды, ненормальности их бытовой обстановки, так как и в эту область следует непременно проводить христианские начала, тем более что все это обуславливает собой и духовную, чисто религиозно-нравственную, жизнь пасомых. А потому и в деятельности общественных учреждений всякого рода (сельских, городских, земских и т. д.) духовенство должно участвовать. Согласно с этим высказалось на епархиальном съезде и духовенство Ярославской епархии, заявив, что желательно для Церкви право участия духовенства в сельских сходах для успешнейшего проведения христианских начал во все проявления народной жизни, что в селе священник является почти единственным просвещенным деятелем, который может благотворно воздействовать на простой народ особенно на мирских сходах, при обсуждении общественных дел, и которому народ вполне доверяет, как носителю и выразителю высших религиозных идеалов. – Однако есть защитники и противоположного воззрения на участие духовенства в общественных и государственных учреждениях, по которому такое участие, как вводящее пастырей Церкви в круговорот мирских суетных дел, соединенных с борьбой страстей, совершенно несогласно с прямыми обязанностями и характером пастырского служения. В свое время в пользу такого воззрения возвышал свой авторитетный голос знаменитый Филарет, митрополит Московский (Собр. мнений 5, 172–181, 454–457, 655–659). Но теперь подобные голоса слышатся реже и реже. Радоваться ли этому? Едва ли позволительно радоваться. В самом деле, посмотрим, как относится к этому предмету Слово Божие? Как решает этот вопрос православная Церковь в своих канонах?

Из св. Евангелия видно, что Господь Иисус Христос, выступив на служение Свое роду человеческому, являлся всюду только как пророк, первосвященник и духовный царь. При этом и словом, и делом давал понять, что царство Его было и есть не от мира сего, что Он на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине (Ин.18:36, 37). Никаких мирских занятий Он не принимал на Себя; а когда Ему предлагали что-нибудь подобное, Он решительно отклонял это, как дело Ему несвойственное. Так, когда некто из народа сказал Ему: «Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство», Он сказал человеку тому: «кто поставил Меня судить или делить вас?» (Лк.12:13, 14). Правда, Иисус Христос был участлив ко всем несчастным, жалостлив к сирым и вдовицам, сострадателен к больным и страждущим от духов нечистых; Он исцелял недужных, изгонял бесов, чудесно насыщал алчущих. Но во всем этом никак не следует видеть занятие мирскими делами; это – дела милосердия, и даже не дела только милосердия, а нечто большее того; это – дела Мессии, дела Искупителя рода человеческого. Иисус Христос исцелял всех больных потому, что взял на Себя

наши немощи и понес наши болезни, согласно пророчеству о Нем св. Исаии пророка (Мф. 8:16, 17). – И апостолам Своим Он вменял в обязанность проповедовать Евангелие всей твари, подтверждая свою проповедь последующими знамениями, т. е. исцеляя больных, очищая прокаженных, изгоняя бесов и т. д. При этом указал, что образ и характер их действия должен быть совершенно отличен во всем от действия собственно правительственных учреждений (Лк.22:25, 26); они не только не должны принимать непосредственного участия в этих учреждениях, но и в своих собственных делах не должны иметь ничего сходного с ними.

Апостолы, следуя наставлению Господа, так и поступали. Когда в первенствующей иерусалимской Церкви с умножением верующих «произошел у еллинистов ропот на евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей», тогда апостолы, созвав учеников, сказали: «Нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах». И избрали им семь мужей на служение при столах, а сами отделились исключительно своему апостольскому служению (Деян.6:1–6). Св. ап. Павел еще строже смотрел на сторонние занятия, могущие отвлекать его от благовествования: он не только считал для себя непозволительными мирские службы, но даже и совершение церковных треб не признавал своим делом. «Я никого из вас не крестил... – говорит он коринфянам, – ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать» (1Кор.1:14, 17). И апостолу Тимофею, поставленному им во епископа г. Ефеса, пишет увещание, чтобы он, как воин Христов, всецело отдал себя на святительское служение, отрешившись от всяких мирских дел. «Никакой воин, – говорит он, – не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику» (2Тим.2:4).

И в последующее время духовенство не считало для себя позволительным участвовать в государственных учреждениях. О временах гонений нечего и говорить; тогда это было совсем невозможно. Даже и со времен Константина Великого, по признании христианства господствующей религией, клирикам не позволялось принимать на себя мирские должности и занятия. Это со всей ясностью открывается из церковных канонов. – Апостольское 6-е правило говорит: «Епископ, или пресвитер, или диакон, да и не приемлет на себя мирских попечений. А иначе да будет извержен от священного чина». А 81-е апост. правило поясняет: «Рекли мы, яко не подобает епископу или пресвитеру вдаваться в народные управления, но неупустительно быти при делах церковных. Или убо да будет убежден сего не творити, или да будет извержен. Ибо никтоже может двум господам работати, по Господней заповеди». Таким образом приведенные апостольские правила признают принципиально несовместимыми служение в священном сане и участие в народных мирских делах. Зонара толкует, что «исчисленным в правиле лицам запрещено вдаваться в мирские дела; ибо правило хочет, чтобы они свободно занимались божественным служением и не дозволяли себе вмешательства в мирские дела и народные смятения». Аристин, хотя и толкует 6-е апост. правило в том смысле, будто «оно не дозволяет епископу, или пресвитеру, или диакону принимать на себя мирские попечения для приобретения постыдной прибыли себе», однако при изъяснении 81-го правила апостольского не решается делать такое ограничение и становится на точку зрения несовместимости служений пастырского и мирского, говоря: «Епископ, участвующий в публичных народных делах, не есть епископ» (Прав. С. 151). Апостольское 83-е правило тоже говорит о несовместимости государственной, собственно военной (нестроевой) службы со священнослужением: «Епископ или пресвитер, или диакон, в воинском деле упражняющийся и хотящий удержати обое, то есть, римское начальство и священническую должность: да будет извержен из священного чина. Ибо кесарева кесареви, и Божия Богови». Халкидонского Собора (4Всел. Соб.) правило 7-е не дозволяет клирикам или монахам принимать на себя ни военного, ни мирского чина: «Вчиненным единожды в клир и монахам определили мы не вступать ни в воинскую службу, ни в мирский чин: иначе дерзнувших на сие и не возвращающихся с раскаянием к тому, что прежде избрали для Бога, предавати анафеме». 7 Вселенского Собора 10-е правило говорит, что священнослужителям, совершающим с разрешения епископа богослужение у мирских начальников в домовых церквах, «не надлежит приимати на себя мирских и житейских попечений, якоже божественными правилами возбранено сие творити». Еще яснее и определеннее о несовместимости священнослужения с мирскою службою в разных ее видах говорит 11-е правило Двукратного Собора: «Пресвитеров, или диаконов, приемлющих на себя мирския начальственные должности или попечения, или в домах мирских начальственных лиц звание управителей, божественныя и священныя правила подвергают извержению. То же и мы, подтверждая и о прочих, принадлежащих к клиру, определяем: аще кто из них вступит в мирския

начальственные должности, или в домах начальственных лиц, или в градских предместьях примет на себя звание управителя: таковой да изженется из своего клира. Ибо, по речен ному от Самого Христа, истинного Бога нашего, и неложному слову, никтоже может двема господином работати». Все эти запрещения клирикам принимать на себя занятия мирскими делами так категоричны, ясны и определены, что без явной самой насильственной натяжки отнюдь нельзя изъяснять их в том смысле, будто они не дозволяют вдаваться в мирские занятия лишь по корыстным расчетам. О корыстных расчетах в этих правилах ничего не говорится; запрещение изрекается безусловно и при этом еще мотивируется тем, что священнослужитель неопустительно должен быть при делах церковных, что нельзя двум господам работать. Таким образом, безусловное запрещение совместительства службы церковно-пастырской со службой мирской возводится к установлению и заповеди Самого Господа Иисуса Христа, а не к случайному примешательству неблагоприятных мотивов.

В истории русской Церкви мы встречаемся со многими поразительными фактами воздействия архипастырей и великих подвижников на государственные дела. Так, святитель Петр, митрополит Московский, вдохновенно предрек грядущую судьбу Москвы и подвиг на возвеличение ее. Св. митрополит Алексей дважды ходил в татарскую орду ходатайствовать за весь народ и за великого князя. Преп. Сергей Радонежский благословил Димитрия Донского на битву с Мамаем. Вассиан Ростовский воодушевил великого князя на борьбу с монголами. Св. Филипп, митрополит Московский, дерзновенно обличал жестокости грозного царя Иоанна 4. В междуцарствие патриарх Гермоген ободрял русский народ на защиту веры и отечества. Но все это ведь отдельные чрезвычайные случаи в чрезвычайных обстоятельствах, которые могут и должны иметь место всегда и везде при подобном же чрезвычайном положении вещей без всякого непрерывно-постоянного участия пастырей в государственных учреждениях или мирских делах народа. Постоянное участие духовенства в мирских делах по существу своему несовместимо с пастырством, так как не может не сопровождаться ущербом для его плодотворности. – Занятия государственными и мирскими делами требуют особых знаний, которыми духовные лица не могут обладать по условиям своего воспитания и служения; отсюда должна происходить затруднительность их положения при решении дел. – Далее, участие в светских общественных и государственных учреждениях требует оставления пастырем своей паствы на более или менее продолжительное время, а это не может не препятствовать правильному и непрерывному воздействию его на духовную жизнь своих пасомых, конечно, не без ущерба для спасения их. – Затем в представительных учреждениях усовершенствование законодательства, управления, финансов и других сторон общественной и государственной жизни происходит путем соперничества двух, трех или больше партий; между тем духовное лицо, по своему пастырскому отношению ко всем членам православной Церкви, должно быть выше всяких партий. Но и быть беспартийным никудашником, или, как говорят, «дикиим» в известном учреждении неудобно. Все это должно ставить духовное лицо в крайне затруднительное положение в Государственном ли Совете, в Государственной ли Думе, в земском ли собрании, или другом каком учреждении. – Наконец в светских собраниях, при постоянной борьбе между разными политическими партиями, происходит вместе и борьба страстей, доходящая иногда до бесчинств; в водовороте этой борьбы духовному лицу трудно устоять на высоте, свойственной его священному сану. По этим соображениям и ввиду требований канонов церковных, мы признаем, что участие в делах государственных и общественных совершенно не совместимо с пастырским служением.

Мы не отрицаем того, что пастыри не могут и не должны оставлять своих пасомых ни в чем без надлежащего руководства, особенно в настоящее смутное время; мы согласны с тем, что отцы духовные должны обращать внимание и на социальное положение духовных чад своих, на ненормальности бытовой стороны их жизни, должны и здесь все освещать светом Христова учения. Но мы полагаем, что пастыри должны все это делать в своем обычном положении, в храме и в школе, в частных домах, не отправляясь ни на волостные собрания, ни на сельские сходы. Мы согласны с тем, что духовенство должно ближе стоять ко всем явлениям общественной и государственной жизни, должно постоянно наводить на них лучи евангельского света и устанавливать надлежащую оценку им с высшей христианской точки зрения. Но мы думаем, что духовенство должно все это делать с церковного амвона, со школьной кафедры или путем публичных чтений. Мы согласны с тем, что проведение чистых христианских начал должно осуществляться и в области всех общественных и государственных учреждений. Господь

сравнивал христианство с закваской, которая должна заквасить собою все тесто, все человечество во всех его организациях. Но мы утверждаем, что для этого нет никакой необходимости в непосредственном вступлении пастырей в состав общественных и государственных учреждений, в принятии ими там звания членов. Если иметь в виду православных членов этих учреждений, то пастырское влияние на них духовенства здесь не возрастет; а если иметь в виду неправославных: католиков, лютеран, кальвинистов, социниан, затем нехристиан: магометан, евреев, буддистов и т. д., – то общественная и государственная деятельность православных пастырей может послужить для них камнем соблазна, во всяком случае останется по меньшей мере бесплодной. Нет, пастыри православной Церкви сами лично не должны входить в члены означенных учреждений, в нарушение канонов церковных; нет, долг пастырей – воспитать своих пасомых так, чтобы они, где бы ни были, являлись носителями христианских начал и проводниками их во всякую среду. Между сынами православной Церкви ведь есть лица весьма ей преданные и в то же время вполне просвещенные: они теперь ищут расширения способов своего служения Церкви в предоставлении им необычного до сего времени полномочного участия в деяниях предстоящего Собора. Вот теперь доброе намерение этих лиц, свежую энергию этих деятелей и следует направить в сторону служения православной Церкви в звании ее представителей в общественных и государственных учреждениях; пусть в городских, земских и государственных думах и советах представителями Церкви и носителями ее идеалов будут мнимые дидаскалы нашего времени. Св. равноапостольный Константин Великий за свое попечение о православной Церкви, за свои неустанные заботы об охране ее интересов именовался «внешним епископом» Церкви. Пусть и у нас будут такие «внешние епископы», «внешние пресвитеры», которые бы поставляли жизненной своей задачей охрану интересов православной Церкви в общественных и правительственных установлениях и проведение ее спасительных начал во все земские и государственные учреждения, предоставив попечение о внутренней жизни Церкви внутренним епископам, как того требует порядок церковный. Вот теперь мнящие себя быти дидаскалами, хотя и не харизматическими пока, берут смелость, чтобы не сказать – дерзость, заявлять, будто «иерархи (русской, а может быть, и всей православной Церкви) остались теперь сосудами благодати, но не вместилищами учения». (Чистое учение христианское они не считают даром благодати.) Неужели же нам теперь дожидаться того, чтобы сказали, что иерархи, волей или неволей оставившие священнослужение для прохождения мирской общественной или государственной службы, перестали быть уже и сосудами благодати, а остались лишь мирскими администраторами и законодателями? Тело Церкви Христовой одно, но имеет многие члены... Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно (1Кор.12:12, 18). Пусть же каждый и знает свое положение. Воин добрый Иисуса Христа пусть заботится и угождать своему Военачальнику, не связывая себя делами житейскими (2Тим.2:3, 4), неизбежно влекущими к невозможной и недозволенной работе двум господам (Мф.6:24).

8. Вопросы, не предусмотренные в докладе Св. Синода

Во Всеподданнейшем докладе Св. Синода от марта 1905 года (согласно предложенной Высочайшей резолюцией от 13 марта того же года задаче – войти в суждение о поставлении православной Церкви в соответствующее ее достоинству положение ввиду применения начал широкой веротерпимости ко всем инославным исповеданиям, глаголемым старообрядцам и сектантам) для обсуждения на предположенном Поместном Соборе православной российской Церкви намечены лишь существеннейшие вопросы, главным образом касающиеся преобразования управления российской Церковью на соборном начале. По ходу дела и по самой срочности работы Св. Синод и не мог останавливаться на указании других церковных вопросов. Между тем, по прямому смыслу Высочайшей резолюции, последовавшей на Всеподданнейшем докладе Св. Синода, каноническому обсуждению последнего должны подлежать и предметы веры. Да и сама жизнь выдвигает много жгучих вопросов, требующих от высшей церковной власти определенного решения. Конечно, предстоящий Собор русской Церкви не в состоянии сразу порешить все эти вопросы. Да этого и не требуется. Ведь, Бог даст, будут же затем в ближайшее время и другие соборы, которые должны в свою очередь потрудиться над выяснением нужд церковных для благоустроения русской Церкви. – Но, во всяком случае, весьма важно, по крайней мере наметить эти вопросы и дать возможность Собору определить пути к подготовительной надежной разработке их. Из этих вопросов на первую очередь должны быть поставлены не те вопросы, которые в самой жизни русской Церкви не имеют для себя никакой почвы, а предлагаются нам лишь от вне, со стороны, каковы, например: вопрос об англиканстве, вопрос о старокатоличестве и т. п.; но те вопросы, которые вызываются внутренней жизнью русской Церкви. К таким вопросам относятся следующие:

1. Вопросы веры и жизни христианской

Прежде всего

а) Вопрос о происхождении, природе и назначении человека. Все сторонники позитивно-эволюционной философии, равно как и последователи экономического материализма, а за ними и значительная часть так называемой интеллигенции, в настоящее время держатся того мнения, что человек есть лишь только своеобразно развившееся животное, что в нем вовсе нет божественного дыхания жизни, что назначение его не выходит за пределы земного животного существования, что каждый должен стремиться к возможно большему земному благополучию для возможно большего числа лиц. Стоя на такой точке зрения, эволюционное и экономически материалистическое направления отрицательно относятся к христианству, именуя его системой угнетения, злом для человеческой культуры; утверждают, будто в истории христианство вызывало господство религиозного и государственного абсолютизма, подавляющего свободу; будто в учении своем христианство идет против основных истин социологии: освящает безбрачие и ставит монашество идеалом жизни (причем умалчивается, что христианство освящает брак и анафематствует презрителей законного брачного союза); проповедует отречение от мира на том основании, что отечество наше на небе, – возвещает царство духовное, небесное, считая людей на земле лишь только странниками; учит безропотному перенесению всякого насилия, будто оправдывает и защищает деспотизм, терпит рабство; если говорить о равенстве всех людей, то лишь только о религиозном; если и возвещает свободу, то лишь только внутреннюю свободу от греха, а к свободе гражданской будто относится безразлично и т. д. Отзвуки подобных взглядов начинают проникать, правда – в смягченном виде, даже в произведения духовной литературы. Да не следует ли подобными же отзвуками признать и заявленные в духовных академиях протесты против какого-то преобладания монахов среди профессорского персонала, когда известно, что в Петербургской академии из 32 служащих – монахов всего лишь 3, в Киеве – при 28 служащих – монахов всего лишь два, в Московской академии – при 30 служащих – всего монахов лишь 3 и т. д. – Указанные односторонние антихристианские воззрения теперь распространяются уже и среди простого народа путем издания мелких общедоступно изложенных брошюр. Молчать нельзя. Церковь должна сказать по этому предмету свое властное слово.

б) Вопрос о браке вообще и христианском браке в особенности. Слово Божие учит, что законный брак есть богоустановленный союз мужа и жены, заключаемый в целях рождения и воспитания детей, а в христианстве облагодатствованный союз, освящаемый таинством во образ духовного союза Христа с Церковью. Современные коммунисты и социалисты, усматривая в браке одно из главнейших препятствий к осуществлению своих идеалов, с горячностью отрицают это и принимают все меры к распространению эволюционного воззрения на брак, по которому в первобытном человечестве будто брачного союза в жизни людей вовсе не существовало, а господствовало полное совершенно случайное смешение полов, не предполагающее даже и более или менее продолжительного общения, будто только при постепенном развитии человечества беспорядочное животное смешение полов заменилось где многомужеством, а где многоженством, и уже лишь после многих ступеней развития преобразовалось в единобрачие, в союз одного мужа с одной женой. Известный писатель граф Лев Толстой с изданием «Крейцеровой сонаты» также примкнул к сторонникам учения о браке, как чисто животном смешении полов, но еще присоединил к сему и такой вывод, будто, как факт чисто животный, брак есть явление, недостойное человека, существа разумного, и если допускается, то, как грубо-животная жизнь в жизни разумного существа, он неизбежно должен сопровождаться ужасными последствиями. Отсюда еретическое отрицание брака. Православная Церковь не может и не должна молчать ввиду таких превратных учений о браке. Собор Гангрский ввиду появления превратных взглядов на брак признал нужным издать правила 1-е, 10-е и 21-е. Да послужит это примером и для Собора русской Церкви.

в) Вопрос о христианской семье. Нападая на брак, коммунизм и социализм нападают и на семью. И это вполне понятно. Где правильная семья, там – обособление известных лиц, выделение из общинного строя, там частная собственность и т. д. А это все нетерпимо в их глазах. Отсюда их попытки ослабить или совсем искоренить установившийся общечеловеческий и христианский взгляд на семью, как наилучшую начальную форму человеческого общежития,

стоящую в прямой связи с богоучрежденным брачным союзом. Коммунисты стараются утверждать, будто первобытная семья была не индивидуальная (как союз одного мужа и одной жены с рожденными от них детьми), а групповая или стадная, допускавшая прямую свободу половых общений внутри семьи лишь с устранением чужих, причем семейная группа время от времени будто бы все уменьшалась, сначала на основе предпочтения супругов, далее на основе кровной связи и т. д. до преобладания индивидуальной семьи того или иного рода (полиандрии, полигинии и наконец моногамии). Таким образом столь желательное для коммунистического строя государства безразличное общение полов является у них изначальной формой семейных союзов, а теперешняя индивидуальная семья – не таким явлением, которым следовало бы дорожить. Православная Церковь не может и не должна спокойно смотреть на распространение такого лжеучения.

г) Вопрос о взаимном отношении между личностью и обществом (Церковью). Односторонний индивидуализм и – с другой стороны – крайний коммунизм также посягает на чистоту православного учения о Церкви и ее членах. Христианство высоко ставит личность каждого индивидуума. И об одном кающемся грешнике радость великая бывает на небе. «Как вам кажется? – говорит Христос: – Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? и если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяносто девяти не заблудившихся. Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (Мф.18:12–14). Но каждая личность, как ни ценна она сама по себе в очах Божиих, имеет надлежащее значение только в обществе верующих, в Церкви, глава которой – Христос. Как веточка виноградного куста не может приносить плода, если не пребудет на виноградном стволе, так и каждый христианин, если не пребудет на Христе, как виноградной лозе (Ин.15:1–4), в единстве Его Церкви. По учению христианскому все человечество – один организм. Поэтому и грех Адама стал грехом всех, так что все умирают; и правда Иисуса Христа, благодатной главы человечества, становится правдой всех, кто соединяется со Христом чрез веру в Него, и все истинно верующие спасаются. Между тем односторонний индивидуализм особенно в той форме, как выразился он в философии Ницше и в беллетристических произведениях Максима Горького, только и ценит одну только личность, усвояя ей право ничему не подчиняться, а все подчинять себе, не подчиняющееся же игнорировать или уничтожать. Наоборот, коммунизм с его отпрысками: социализмом, коллективизмом и т. п. не признают в должной мере или даже и совсем отрицают права личности; своеобразному развитию души человеческой нет места в экономическом строе социального государства; граждане этого государства должны быть лишь толпой обезличенных работников общины. При социальном строе требуется безусловное подчинение отдельных лиц общему порядку, порабощение, а пожалуй, и полное рабство личности; здесь уже нет места любви, братству и свободному равенству. Христианство, сохраняя за личностью полную свободу самоопределения, открывает широкое поприще для индивидуального развития каждого в меру возраста полноты Христовой (Еф.4:13); а при социальном строе впереди – «грядущее рабство», которое уже и указал известный мыслитель Спенсер. И, тем не менее, коммунизм осмеливается отождествлять себя с христианством, указывая на то, что, подобно ему, и христианство уничтожает различие между сословиями и племенами, признает, а в первое время даже и осуществляет, общение имуществ и т. д. По нуждам времени как крайний индивидуализм, так и коммунизм должны подлежать суду Церкви, и то и другое лжеучения должны подвергнуться осуждению.

д) О таинстве покаяния с безусловным соблюдением тайны исповеди. Духовному отцу, по выслушании исповеди кающегося, запрещается, под опасением строгого наказания, открывать грехи исповедавшегося прямо ли, или какими-либо способами (Карф.147-е). Но в русском церковном и гражданском законодательстве допущены исключения для двух случаев: 1) если кто при исповеди объявит духовному отцу своему об умысле на честь и здоровье Государя или о намерении произвести бунт и измену и 2) если бы кто умышленно произвел какой-либо соблазн в народе, могущий иметь вредное последствие для Церкви и общества (Дух. Реглам., прибавл. о правил, причта церк. пункт 11-й, Имени, указ 28 апреля – 17 мая 1722 года; Свод. Зак. т. 15, кн. 2, ст. 598–599). Имеют ли какое практическое значение указанные изъятия, мы не знаем. Но нам думается, что для хранения в безусловной тайне всего исповеданного при совершении таинства покаяния, не должно быть никаких изъятий, и указанные постановления должны быть отменены.

е) О присяге. Присяга есть вид клятвы или – лучше – торжественная клятва. А Христос заповедал: говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твою не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого (Мф.5:34–37). Апостол Иаков то же самое говорит христианам: братия мои, не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другую клятвою, но да будет у вас: «да, да», и: «нет, нет», дабы вам не подпасть осуждению (Иак.5:12). При надлежащем совершенном состоянии христианского общества, ни клятве, ни присяге нет места; ни в той, ни в другой нет никакой нужды. Но так как общество христианское не достигло еще такого совершенства, какое исключает потребность в клятве, то присяга и требуется от христиан в известных случаях. Однако, по нашему мнению, она должна быть требуема в очень редких, исключительных обстоятельствах, даже всего лучше в единственном случае вступления Государя на престол или вступления кого-либо в число его подданных. Между тем в настоящее время присяга постоянно требуется от православных на суде по всяким делам. Всего печальнее то, что сектанты освобождаются от присяги, им доверяют на слово. В последнее время стали освобождать от присяги и заявляющих о принадлежности своей к толстовству. Православным же не верят на слово, от них требуют присяги. С другой стороны, не совсем строгое отношение к присяге, частое требование ее по всяким делам породило злоупотребление присягой; появились лица, готовые за плату показывать под присягой, что угодно. Ввиду такого положения дела, следует просить Правительство об уравнивании православных с духоборами, молоканами и толстовцами в отношении освобождения от обязанности в присутственных местах принимать присягу по судебным или иным каким-либо делам.

2. Вопросы обрядовые, касающиеся богослужения

а) Об ограничении произвола в совершении служб церковных. Богослужение – это такая область, в которой всего больше должно бы быть дано свободы частным Церквам или епископиям. Однако и здесь весьма необходимы известные границы, переступать которые считалось бы непозволительным. В самом деле, можно ли при каких угодно обстоятельствах помириться с совершением литургии преждеосвященных Даров в 6 или 7 часов утра при пении Да исправится молитва моя и проч.? Нечто подобное представляют из себя наши всенощные, на которых еще при последних, а иногда даже и не последних лучах заходящего солнца чтец уже при чтении шестопсалмия возглашает: Аз уснух и спаш, востах... Боже, Боже мой, к Тебе утреннюю., поминах Тя на постели моей, на утренних поучахся в Тя... утро молитва моя предварит Тя... слышану сотвори мне завтра милость Твою. Потом священник возглашает: Слава Тебе показавшему нам свет, и наконец диакон приглашает: Исполним утреннюю молитву нашу. Нужно положительно воспретить совершение всенощных с 5-ти или 6-ти часов вечера. А так как народ привык уже под воскресные и праздничные дни в городах вечером бывать за праздничным богослужением, то в удовлетворение религиозной потребности набожных лиц можно дозволить совершать под эти дни великую вечерню и малое повечерие, на котором по славословию, а лучше перед славословием петь воскресный и праздничный канон, предваряя его, пожалуй, и полиелеем и завершая великим славословием. Резкого нарушения церковного устава при этом не произойдет, служба же составит подобная нынешней всенощной, только без утренних молитвословий. А утреню священники, конечно, должны совершать утром в положенное время.

б) О необходимости особого богослужебного устава для приходских церквей. В настоящее время у нас существует и употребляется один церковный устав, составленный в монастырях и для монастырей. Если по этому уставу службы править без всяких сокращений и изменений, то эти службы выйдут столь продолжительны, что в приходских церквах не будет молящихся, да и священнослужителям не достанет времени для исполнения других своих обязанностей по приходу и в домашнем обиходе. – Понятно, что неосуществимость вполне уставной службы в приходских храмах привела к введению разного рода сокращений. Эти произвольные сокращения, с одной стороны, тяжело ложатся на совесть совершителей богослужения: один из пунктов ставленнического допроса перед рукоположением во священника требует, чтобы принимающий рукоположение обещался совершать богослужение «без произвольных изменений и сокращений». Это обещание ставленник подтверждает затем присягой с целованием св. Евангелия и св. креста. Между тем с первых же шагов пастырь замечает, что богослужение везде совершается с произвольными сокращениями, что без сокращений нельзя и обойтись, они являются крайне разнообразными: одни совсем выпускают чтение кафизм, другие ограничивают чтение тремя псалмами, третьи заменяют пением одного псалма. Одни вычитывают каноны вполне все, другие читают по три или по два тропаря в каждой песни канона, а иные ограничиваются лишь пением одних только ирмосов. Даже панихида и молебен поются различно в различных приходах. Отсюда – взаимные осуждения и духовных и мирян. Поэтому Собору следует заняться приспособлением существующего церковного устава к потребностям приходских церквей, с сокращением его применительно к условиям городской и сельской трудовой жизни.

в) Об исправлении существующего славянского перевода богослужебных книг. Богослужебные книги наши изложены на церковно-славянском языке, от которого общеупотребляемый русский язык далеко ушел в своем развитии. В богослужебных книгах много речений устаревших, непонятных не только мирянину, не получившему образования, но и священнику, получившему специальное богословское образование. Что такое «амфо», «прости», «плесне и глезне», «ровенник», «сходники», «гаждение», «вреспоту» и т. д.? Немало и таких слов, которые, хотя и употребляются теперь, но совсем с другим значением, например: «судьба», «понос». Точно так же немало встречается и целых выражений, где за греческой расстановкой слов или слишком буквальным, механическим переводом едва уловляется смысл. Чтение и пение их по этой причине не имеет назидания. И возвышеннейшее богослужение наше из-за пристрастия к умершему языку превращается в непонятное словоизвержение для поющих, читающих и слушающих. Сельские пастыри хорошо сознают этот недостаток богослужения, выражают жалобы, но бессильны помочь горю. Мудрено ли, что крестьянин иной предпочитает

церковной возвышенной, но непонятной песни неумную, но понятную сектантскую песню, которую он может сам и петь, а образованный по этой самой причине идет в театр или удовлетворяется домашним пением пошлых, но понятных романсов? Если по многим причинам нельзя говорить о переводе богослужебных книг на русский язык, то необходимо обсудить вопрос об исправлении существующего церковно-славянского перевода богослужебных книг с устранением из него всех архаизмов и греческого расположения слов в предложениях или же немедленно приступить к новому переводу их на новославянский язык, всем понятный и вразумительный.

3) Вопросы церковного домостроительства

а) О рукоположении для единоверческих церквей особого епископа. Странно, что именующие себя единоверцами, то есть пребывающими в единстве веры, ищут обособления. Но по любви и снисхождению к ним можно бы удовлетворить их желание, если только оно согласуемо с каноническими требованиями, в силу которых в каждой париики может быть только один епископ и, значит, сразу в одно и то же время не могут пребывать православный и единоверческий.

б) О пересмотре постановлений великого собора русской Церкви 1667 года о клятве на раскольников и защищаемые ими обряды. Усовершенствовав свой строй и упорядочивая свою внутреннюю жизнь, православная русская Церковь в то же время не может и не должна оставлять без внимания отделившихся от нее глаголемых старообрядцев и всякого рода сектантов. К ним должно быть обращено ее материнское слово прощения, примирения и любви, с увещанием оставить отчуждение, проистекающее из недоразумений всякого рода и превратных увлечений. Вместе с тем, само собою понятно, придется коснуться и тех препятствий, какие до настоящего времени мешали сближению с православной Церковью отпадших чад ее. Между такими препятствиями, поскольку дело касается глаголемых старообрядцев, первое место занимает клятва собора русской Церкви 1667 года, положенная, как они утверждают, будто бы на старые обряды и на приверженцев этих обрядов. Православная Церковь всегда заявляла и заявляет, что против старых обрядов, как только обрядов, она ничего не имела и не имеет. Более ста лет тому назад она установила единоверие и учредила особые единоверческие приходы с устройством в них особых храмов, во всем соответствующих старине, и с рукоположением к этим храмам особых священников для совершения богослужения по старопечатным книгам с соблюдением всех дониконовских обрядов. Православные епископы сами и освящали эти храмы по старым чинопоследованиям, сами и совершали в этих храмах архиерейское богослужение с соблюдением старых обрядов. Во всем этом самым делом показано и показывается, что православная Церковь не считает старые обряды, как обряды, находящимися под клятвой. По благословению Св. Синода, областной Казанский собор нарочито занимался вопросом о выяснении надлежащего смысла клятвы, положенной собором русской Церкви 1667 года на противящихся Церкви раскольников с отстаиваемыми ими старыми обрядами, и составил по этому предмету особое постановление. Но постановление это, как исходящее от областного собора, конечно, не может быть признано равносильным постановлениям Собора 1667 года. Поэтому предстоящему собору русской Церкви следует войти в суждение о клятвах Собора 1667 года и, если потребуются, снести по сему делу с восточными патриархами и синодами автокефальных православных Церквей.

в) О так называемой белокриницкой иерархии, или австрийском священстве. При суждении о сближении с православной Церковью отделившихся от нее старообрядцев, неизбежно придется коснуться и вопроса о значении австрийского священства, или белокриницкой иерархии. При самом появлении этой иерархии Св. Синод признал ее безблагодатной и отверг; и все последующее время он относился, как и теперь относится к ней, отрицательно. Но когда возник вопрос о старокатоличестве и старокатолической иерархии и когда некоторые из представителей православной Церкви склонились к мысли о возможности признания этой иерархии в равной мере с римско-католической, – тогда и вопрос о белокриницкой иерархии получил новую постановку. Не лишена значения в данном случае и работа архиепископа Анхальского Василия «О действительности хиротонии клириков, рукоположенных епископом изверженным и схизматиком». Поэтому, невзирая на давно уже установившееся отрицательное отношение православной русской Церкви к австрийской иерархии, суждение о ней может и должно быть подвергнуто новому рассмотрению на предстоящем Соборе. Собор, имея в виду новые исторические исследования о происхождении белокриницкой иерархии и принимая во внимание требования церковного домостроительства, в целях церковного мира и столь желательного возвращения заблудших в лоно православной Церкви, может, по новом обсуждении этого важного вопроса, постановить и новое решение, сообразуясь с порядком действия древней Церкви в подобных случаях.

г) Вопрос о смешанных браках православных со старообрядцами и инославными христианами. После именного Высочайшего указа Правительствующему Сенату от 17 апреля

1905 года об укреплении и расширении в России начал полной веротерпимости и свободы вероисповеданий, получил особое значение вопрос о смешанных браках православных со старообрядцами и инославными христианами. До этого времени браки со старообрядцами допускались лишь под условием принятия ими православия или единоверия, а с инославными – под условием подписки о воспитании детей в православии. Теперь ни то, ни другое не обязательно. Как новый, так и прежний порядок установлены были по воздействию государственной власти. Церковные же правила клирикам воспрещают как самим вступать в брак, так и детей сочетавать «браком с еретиком, или иудеем, или язычником» (4Всел. Соб.14-е; Лаод.10-е), и мирянам внушают, что «не подобает со всяким еретиком заключати брачный союз или отдавати таковым сынов или дочерей; но паче брати от них, аще обещаются христианами быти» (Лаод.31-е); «недостойт мужу православному с женою еретическою браком совокуплятися, ни православной жене с мужем еретиком сочетаватися» (6Всел. Соб.72-е). Так как каноны говорят лишь только об еретиках, иудеях и язычниках, то предстоящий Собор российской Церкви вопрос о смешанных браках со старообрядцами и инославными христианами может решить и с большей терпимостью, руководствуясь и требованиями церковного домостроительства.

Библиографический указатель имен

АГАФАНГЕЛ (Преображенский Александр Лаврентьевич; 27.09.1854, с. Могилы Веневского уезда Тульской губ. – 16.10.1928, Ярославль) – священноисповедник, митрополит Ярославский. Родился в семье протоиерея. В 1877 г. окончил Тульскую духовную семинарию. В 1881г. – Московскую духовную академию со степенью кандидата (магистранта) богословия. С 15.08.1881 – преподаватель латинского языка Ранненбургского духовного училища. С 07.12.1881 – помощник смотрителя Скопинского духовного училища. После смерти жены и сына 07.03.1885 пострижен в монашество.

10.03.1885 – рукоположен во иеромонаха. С 04.12.1886 – инспектор Томской духовной семинарии. 14.12.1886 возведен в сан игумена. 20.01.1888 назначен ректором Иркутской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. 10.09.1889 хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 17.07.1893 – епископ Тобольский и Сибирский. 06.05.1904 возведен в сан архиепископа. С 04.10.1904 – архиепископ Рижский и Митавский. 13.08.1910 – архиепископ Виленский и Литовский. С 22.12.1913 – архиепископ Ярославский и Ростовский. Присутствующий в Святейшем Синоде. Член Предсоборного Совета и Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. 28.11(11.12).1917 возведен в сан митрополита. С 06.03.1918 – член Высшего Церковного Совета при Святейшем Патриархе Тихоне, избранный Св. Собором. После того как 09.05.1922 власти привлекли Святейшего Патриарха Тихона к судебной ответственности, первосвятитель 16.05.1922 временно передал митрополиту Агафангелу патриаршие права и обязанности. 08.06.1922 митрополит Агафангел выпустил воззвание о вступлении во временное управление Православной Русской Церковью. 28.06.1922 заключен под домашний арест в Спасском монастыре г. Ярославля, позднее переведен в тюремную камеру Ярославской тюрьмы. 28.11.1922 переведен в Таганскую тюрьму в Москве. 28.12.1922 приговорен к 3 годам ссылки. В 1923–1925 гг. находился в ссылке в с. Колпашево Нарымского края (Томская губ.). 07.01.1925 завещательным распоряжением Патриарха Тихона назначен вторым кандидатом на должность Местоблюстителя патриаршего престола. Осенью 1925 – весной 1926 г. по окончании срока ссылки задержан в тюрьме г. Перми. По освобождении 18.04.1926 выпустил послание о вступлении в права и обязанности Патриаршего местоблюстителя, затем, ради соблюдения церковного мира, отказался от прав на местоблюстительство. 06.02.1928 вместе с группой архиереев Ярославской епархии выпустил декларацию об отделении от митрополита Сергия (Страгородского). В июне 1928 г. вернулся в общение с митрополитом Сергием. Погребен на Леонтьевском кладбище г. Ярославля. Канонизирован Архиерейским Собором Русской Церкви 13– 16.08.2000. №40

АГАФОДОР (Преображенский Павел Флегонтович; 15.12.1837, с. Спасское Пошехонского уезда Ярославской губ. – 18.07.1919, Ставрополь Кавказский) – митрополит Кавказский и Ставропольский. Родился в семье псаломщика. Окончил Пошехонское духовное училище и в 1860 г. – Ярославскую духовную семинарию. В 1860 г. рукоположен во иерея. В течение 23 лет служил настоятелем прихода в с. Воскресенском Мышкинского уезда Ярославской губ., преподавал в церковно-приходской школе. В 1877–1884 гг. благочинный сельских приходов Мышкинского уезда. В 1884 г. возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем Успенского собора в г. Мышкине, где прослужил до 1888 г., ввел в соборе внебогослужебные собеседования. Овдовев, 01.02.1888 пострижен в монашество, 02.02.1888 возведен в сан архимандрита. 28.02.1888 хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С 02.03.1891–епископ Сухумский. Активно миссионерствовал, создал комиссию для перевода богослужебных книг на абхазский и адыгейский языки. С 17.07.1893 – епископ Ставропольский и Екатеринодарский (с 1916 г. титуловался Кавказским и Ставропольским). 06.05.1907 возведен в сан архиепископа. Автор «Наставления в Законе Божиим», изданного до революции двадцать четыре раза. Храмовоздатель (на Ставропольщине им построено 240 новых храмов и три монастыря); щедрый и неоскудевавший благотворитель (почетный член всех четырех духовных академий; член тридцати пяти благотворительных и просветительных обществ, учреждений и братств). Старейший член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. В 1919 г. возведен в сан митрополита. В 1919 г. формально (по старшинству) возглавлял Юго-восточный Собор в Ставрополе, состоявшийся в мае 1919 г. в стане генерала Деникина. Скончался вскоре после закрытия Собора. № 38

АЛЕКСИЙ (Молчанов Алексей Васильевич; 05.10.1853, с. Кильмезь Сарапульского уезда Вятской губ. (ныне Удмуртия) – 20.05.1914, Грузия) – архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. В 1876 г. окончил Вятскую духовную семинарию в числе лучших студентов. В 1876–1883 гг. служил заведующим сельским Кукорским училищем, а также псаломщиком в храмах Вятской епархии. В 1883 г. поступил в Казанскую духовную академию. 21.11.1883 рукоположен в сан диакона к академической церкви КазДА с правом слушать лекции в академии. 22.10.1885 рукоположен во иерея. В 1887 г. окончил КазДА со степенью кандидата богословия. 19.05.1888 удостоен степени магистра богословия. В 1887–1889 гг. служил законоучителем в мужских гимназиях Казани. Будучи законоучителем, приобрел известность как умелый педагог и выдающийся проповедник. В 1897 г. овдовел.

04.09.1898 г. пострижен в монашество и **07.09.1898** назначен ректором Казанской духовной семинарии. С **24.09.1899** – духовный епархиальный цензор. С **20.07.1900** – ректор КазДА. **09.09.1900** хиротонисан во епископа Чистопольского, викария Казанской епархии. Являлся председателем нескольких обществ и комитетов: Совета миссионерских курсов, Комитета по устройству публичных чтений, Комитета по наблюдению за преподаванием Закона Божия. Член Казанского губернского комитета. С **26.03.1905** – епископ Таврический и Симферопольский. С **05.11.1910** епископ Псковский и Порховский. С **17.04.1912** епископ Тобольский и Сибирский. Прекратил дело по обвинению Г. Е. Распутина в хлыстовстве. С **02.11.1913** архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. Дважды при объездах епархии на его жизнь совершались покушения. Скончался в Грузии, погребен на родине в с. Кильмезь. № 52

АЛЕКСИЙ (Опоцкий Алексей Алексеевич; 1837, г. Опочка Псковской губ. – 21.12.1914, Москва) – архиепископ Тверской и Кашинский. Родился в семье протоиерея. Окончил Псковскую духовную семинарию, в 1863 г. – Санкт-Петербургскую духовную академию. С **14.05.1864** – инспектор Виленского духовного училища. **02.02.1866** рукоположен во иерея к Виленской Никольской церкви. С 1870 г. – член Литовской консистории. С

04.09.1871 – настоятель Гродненского Софийского собора с возведением

10.10.1871 в сан протоиерея. В 1872 г. удостоен степени кандидата богословия. С 1891 по 1893 г. – ректор Литовской духовной семинарии. **16.01.1892** назначен настоятелем Виленского Свято-Троицкого монастыря. **25.01.1892** пострижен в монашество. **26.01.1892** возведен в сан архимандрита. **10.04.1894** хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С **10.08.1896** – епископ Вятский и Слободской. С **10.11.1901** – архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии, член Св. Синода. С **01.07.1905** – архиепископ Тверской и Кашинский. **29.01.1910** уволен на покой с назначением сверхштатным членом Московской Синодальной конторы и оставлением членом Св. Синода. Настойчиво высказывался за созыв Поместного Собора. С 1910 г. проживал на покое в Московском Донском монастыре, управляя им. № 75

АЛЕКСИЙ (Соболев Александр; 23.08.1836, Новгородская губ. – 02.02.1911, Арзамасский Спасо-Преображенский монастырь) – епископ Вологодский и Тотемский. Родился в семье священника. В 1858 г. окончил Новгородскую духовную семинарию. С 1859 г. преподаватель той же семинарии. **02.02.1861** рукоположен во иерея. **01.02.1892** пострижен в монашество, возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Спасо-Преображенского монастыря в г. Арзамасе. **06.06.1893** хиротонисан во епископа Сарапульского, викария Вятской епархии. С **12.06.1895** – епископ Вологодский и Тотемский.

21.04.1906 уволен на покой, согласно прошению, с правом быть настоятелем Арзамасского Спасо-Преображенского монастыря. № 6

АНАСТАСИЙ (Добрадин Алексей Михайлович; 10.03.1828, с. Белые Кресты Устюженского уезда Новгородской губ. – 01.05.1913, Воронеж) – архиепископ Воронежский и Задонский. Родился в семье псаломщика. Окончил Новгородскую духовную семинарию. В 1853 г. – Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. **01.12.1853** рукоположен во иерея к Иоанно-Богословской церкви Новгородского уезда. В 1855 г. удостоен степени магистра богословия. С **28.01.1858** служил в Новгородском кафедральном соборе. В 1857–1858 гг. преподавал Закон Божий в Кадетском корпусе им. гр. А. А. Аракчеева. С **09.09.1860** – инспектор Новгородского духовного училища. **01.07.1870** возведен в сан протоиерея. В 1880 г. назначен ректором Витебской духовной семинарии. Овдовев, **26.03.1881**(1882?) принял монашеский постриг. **06.06.1882** хиротонисан во епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии. С **28.09.1882** – епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии. С

21.05.1888 – епископ Калужский и Боровский. С 03.06.1890 – епископ Воронежский и Задонский. 06.05.1902 возведен в сан архиепископа. В 1901 г. стараниями преосвященного Анастасия в Воронеже был открыт церковный историко-археологический комитет. Почетный член археологического общества Нью-Йорка (США). Активно занимался благотворительностью. № 11

АНТОНИЙ (Вадковский Александр Васильевич; 03.08.1846, с. Ширингуши Спасского уезда Тамбовской губ. – 02.11.1912, Санкт-Петербург) – митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский, духовный писатель. Родился в семье священника. После окончания Тамбовского духовного училища и духовной семинарии был направлен на учебу в Казанскую духовную академию. В 1870 г. окончил КазДА со степенью кандидата богословия и был оставлен при академии в качестве доцента по кафедре пастырского богословия и гомилетики. В то же самое время занимался описанием рукописей и старопечатных книг библиотеки Соловецкого монастыря. В 1871 г. удостоен степени магистра богословия. 04.03.1883 (после смерти жены и детей) пострижен в монашество, 06.03.1883 рукоположен во иеромонаха, 14.11.1883 возведен в сан архимандрита и назначен управляющим Казанским Иоанно-Предтеченским монастырем. С 1883 г. – профессор КазДА. С 08.11.1884 – инспектор КазДА. В 1885 г. перемещен на ту же должность в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1887 г. назначен ректором СПбДА. 03.05.1887 хиротонисан во епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии. 24.10.1892 возведен в сан архиепископа и назначен архиепископом Финляндским и Выборгским. В 1893 г. назначен председателем комиссии по старокатолическому вопросу, на которой были выработаны ответы старокатоликам об условиях соединения Восточной и Западной Церквей. В 1895 г. удостоен степени доктора богословия. Почетный член Казанской, Московской и Санкт-Петербургских духовных академий. 25.12.1898 возведен в сан митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского, священноархимандрит Александро-Невской Свято-Троицкой Лавры. С 1898 г. – постоянный член Св. Синода, с 1900 г. – Первенствующий член Св. Синода. 22.04.1906 избран членом Гос. Совета. В 1906 г. состоял председателем высочайше утвержденного при Св. Синоде Предсоборного Присутствия для разработки вопросов, подлежащих рассмотрению Всероссийского Собора. № 53

АНТОНИЙ (Каржавин Александр Николаевич; 15.05.1858, Вологодская губ. – 16.03.1914, Тверь) – архиепископ Тверской. Родился в семье статского советника. Окончил Вологодскую гимназию. В 1880 г. – Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия, назначен преподавателем основного, догматического и нравственного богословия. 25.08.1888 удостоен степени магистра богословия за работу «О рационалистических сектах». 10.07.1888 пострижен в монашество, 15.07.1888 рукоположен во иеродиакона, 17.07.1888 – во иеромонаха. 01.12.1895 назначен инспектором Московской духовной академии с возведением в сан архимандрита. С 30.03.1891 – ректор Вифанской духовной семинарии. 14.09.1895 хиротонисан во епископа Великоустюжского, викария Вологодской епархии. С 04.10.1897 – епископ Тобольский и Сибирский. Летом 1909 г. вызван на летнюю сессию Св. Синода, назначен председателем Всероссийского съезда законоучителей средних учебных заведений, за руководство которым была объявлена благодарность Св. Синода. С 29.01.1910 – архиепископ Тверской и Кашинский. Погребен в Тверском Отрочем монастыре. № 31

АНТОНИЙ (Соколов Яков Григорьевич; 09.10.1850, Рязанская губ. – 20.04.1911, Чернигов) – епископ Черниговский. Родился в семье священника. В 1870 г. окончил Рязанскую духовную семинарию. 20.12.1870 назначен преподавателем Касимовского духовного училища. В 1875 г. поступил в Московскую духовную академию, которую окончил в 1879 г. со степенью кандидата богословия. 28.09.1879 назначен преподавателем Киевской духовной семинарии. С 1879 г. – сотрудник журнала «Руководство для сельских пастырей». 01.09.1883 пострижен в монашество и определен инспектором Вифанской духовной семинарии, 11.10.1883 рукоположен во иеромонаха. С 04.01.1885 – ректор Подольской духовной семинарии. 07.01.1885 возведен в сан архимандрита. 24.09.1889 хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии. С 19.01.1891 – епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии. С 21.11.1892 – епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии. С 03.09.1893 – епископ Черниговский и Нежинский. Будучи епископом Черниговским, в течение последних лет вел жизнь затворника и отшельника. Много потрудился для прославления св. Феодосия Черниговского. Похоронен в архиерейской усыпальнице Черниговского Троицкого монастыря. № 9

АНТОНИЙ (Храповицкий Алексей Павлович; 17.03.1863, с. Ватагино Крестецкого уезда Новгородской губ. – 10.08.1936, г. Сремские Карловцы, Югославия) – митрополит. Родился в

дворянской семье. В 1881 г. окончил СПб гимназию с золотой медалью и поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1885 г. окончил академию со степенью кандидата богословия и оставлен при ней профессорским стипендиатом. 18.05.1885 пострижен в монашество. 12.06.1885 рукоположен во иеродиакона, 29.09.1885 – во иеромонаха. Осенью 1885 г. назначен помощником инспектора Санкт-Петербургской духовной академии, в 1886 г. – преподавателем Холмской духовной семинарии. С 1887 г. – и. д. доцента Санкт-Петербургской духовной академии. В 1888 г. удостоен степени магистра богословия, назначен доцентом Санкт-Петербургской духовной академии. С 1889 г. – и. д. инспектора Санкт-Петербургской духовной академии. В 1890 г. назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии с возведением в сан архимандрита, в том же году назначен ректором МДА. С 1895 г. – ректор Казанской духовной академии. 07.09.1897. хиротонисан во епископа Чебоксарского. С 01.03.1899 – епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии. С 14.07.1900 – епископ Уфимский и Мензелинский. С 27.04.1902 – епископ Волынский и Житомирский. 06.05.1906 возведен в сан архиепископа. В 1906 – 1907 гг. член Государственного Совета, участник заседаний Предсоборного Присутствия. С 1912 г. член Св. Синода. С 14.05.1914 – архиепископ Харьковский и Ахтырский. 01(14).05.1917 уволен на покой в Валаамский Спасо-Преображенский монастырь. 19.08(01.09). 1917 – архиепископ Харьковский и Ахтырский. Член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Товарищ Председателя Собора, член Соборного Совета, председатель Отдела о единоверии и старообрядчестве; первый из трех кандидатов на Патриарший престол, избран членом Св. Синода при Святейшем Патриархе Тихоне. 28.11(11.12).1917 возведен в сан митрополита. 30.05.1918 избран митрополитом Киевским и Галицким. В июле 1918 г. Председатель Всеукраинского Церковного Собора. В декабре 1918 г. арестован вместе с архиепископом Евлогием (Георгиевским) в Киево-Печерской Лавре по распоряжению правительства С. В. Петлюры и переведен на территорию Польши, находился в заключении в Базилианском униатском монастыре в г. Бучаче (в Галиции). В 1919 г. в День Св. Троицы арестован по распоряжению польских властей и заключен в монастыре монахов-молчальников в местечке Беяны под г. Краковом. Летом 1919 г. был освобожден при посредничестве стран Антанты. Возвратился в Россию. С 07.09.1919 находился в Киеве в Киево-Печерской Лавре. Избран почетным председателем Юго-Восточного Высшего временного церковного управления (ВВЦУ). Осенью 1919 г. выехал в г. Новочеркасск для участия в заседаниях Юго-Восточного ВВЦУ. В конце 1919 г. назначен в. у. Кубанской епархией, проживал в г. Екатеринодаре, возглавлял Юго-Восточное ВВЦУ. В начале 1920 г. выехал в г. Новороссийск вместе с другими членами Юго-Восточного ВВЦУ. В марте 1920 г. после поражения армии генерала А. И. Деникина эмигрировал в Грецию. В апреле 1920 г. находился в г. Афины. В мае – сентябре 1920 г. проживал в Пантелеимоновском монастыре на Афоне. В сентябре 1920 г. по вызову генерала П. В. Врангеля выехал в г. Севастополь для организации церковной жизни на территории, подконтрольной Белой армии. 19.10.1920 эмигрировал в г. Константинополь. В декабре 1920 г. возглавил Высшее церковное управление за границей. В начале 1921 г. переехал в Сербию в г. Сремские Карловцы, где подчинился юрисдикции Константинопольского патриарха без канонического отпуска Матери-Церкви. В ноябре 1921 г. председатель Карловацкого собора, в ходе работы которого были сделаны политические от имени Церкви выступления, за которые Указом Святейшего Патриарха Тихона и соединенного присутствия Св. Синода и Высшего Церковного Совета от 05.05.1922 г. возглавляемое митрополитом Антонием Карловацкое высшее церковное управление было упразднено. Тем же Указом были подтверждены канонические права митрополита Евлогия (Георгиевского) на управление православными русскими приходами в Западной Европе. В октябре – ноябре 1923 г. Указом Святейшего Патриарха Тихона и состоящего при нем Высшего Церковного Управления упразднен (вторично) Карловацкий архиерейский синод. 08.04.1924 по постановлению Святейшего Патриарха Тихона и Патриаршего Священного Синода митрополит Антоний лишен полномочий «говорить от имени Русской Православной Церкви и всего русского народа». 22.06.1934 запрещен в священнослужении по постановлению Заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). В дальнейшем митрополит Антоний возглавлял Карловацкий раскол и скончался вне евхаристического с Матерью-Церковью. № 10,32, 55

АРКАДИЙ (Карпинский Аркадий Константинович; 26.01.1851, Новоград-Волынский Волынской губ. – 17.08.1913, Валдайский Иверский монастырь Новгородской епархии) – епископ Рязанский и Зарайский. Родился в семье священника. Окончил Волынскую духовную семинарию. 28.06.1877

– Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1879–1889 гг. – преподаватель пространного катехизиса и литургики в Клеванском духовном училище. В 1889–1891 гг. инспектор Могилевской духовной семинарии, в 1891–1893 гг. – ее ректор. В 1887 г. овдовел. 20.03.1893 пострижен в монашество, 21.03.1893 рукоположен во иеродиакона, 25.03.1893 – во иеромонаха. 17.10.1893 возведен в сан архимандрита. С 20.03 по 06.09.1893 – член Епархиального Училищного совета. В 1895–1896 гг. – настоятель Новгородского монастыря Антония Римлянина, ректор Новгородской духовной семинарии, цензор «Новгородских епархиальных ведомостей», товарищ председателя совета Новгородского епархиального братства Св. Софии. 06.10.1896 хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии, назначен председателем Нижегородского епархиального училищного совета. С 09.11.1897 – епископ Туркестанский и Ташкентский.

С 19.05.1898 по 22.02.1901 – действительный член Императорского Палестинского православного общества. С 18.12.1902 – епископ Рязанский и Зарайский. Состоял председателем Рязанского епархиального комитета Православного миссионерского общества. В годы русско-японской войны неоднократно выступал инициатором сбора пожертвований на нужды фронта. С 03.11.1906 на покое с пребыванием в Валдайском Иверском монастыре. № 69

АРСЕНИЙ (Брянцев Александр Дмитриевич; 27.08.1839, с. Волста-Пятница Юхновского уезда Смоленской губ. – 20.04.1914, Харьков) – архиепископ Харьковский и Ахтырский. Родился в семье псаломщика. В 1863 г. окончил Смоленскую духовную семинарию. В 1867 г. – Казанскую духовную академию со степенью магистра богословия за сочинение «Патриарх Кирилл Лукарие и его заслуги для Православной Церкви». В период учебы в академии публиковал статьи в журналах «Труды Казанской духовной академии» и «Воскресное чтение». 02.02.1886 рукоположен в сан диакона, 04.02.1886 – во иерея, назначен законоучителем в гимназию местечка Белая Церковь. С 1869 г. настоятель Печерской Воскресенской церкви в Киеве, законоучитель в прогимназии и Киевском епархиальном училище. В 1870 г. составил «Путеводитель по святыням Киево-Печерской лавры для богомольцев». С 11.04.1872 – настоятель и законоучитель Киевского института благородных девиц. В 1872 г. овдовел. С 19.03.1873 – ректор Таврической духовной семинарии, 09.04.1873 возведен в сан протоиерея. 26.04.1875 пострижен в монашество. 27.04.1875 возведен в сан архимандрита. В 1873–1882 гг. – редактор «Таврических епархиальных ведомостей», председатель Симферопольского Александро-Невского братства, входил в совет Общества Красного Креста, возглавлял епархиальный цензурный комитет. 17.05.1882 хиротонисан во епископа Ладожского, викария Санкт-Петербургской епархии. В его обязанности входило наблюдение за преподаванием Закона Божия и за религиозно-нравственным поведением в светских мужских и женских учебных заведениях Санкт-Петербурга. Председатель комиссии Историко-статистического описания церквей и приходов Санкт-Петербургской епархии, первенствующий член Санкт-Петербургской Синодальной канцелярии. С 22.10.1883 – ректор Санкт-Петербургской духовной академии, профессор нравственного богословия. При его участии было издано описание Санкт-Петербургской епархии. С 28.03.1887 – епископ Рижский и Митавский. 15.05.1893 возведен в сан архиепископа. С 04.10.1897 – архиепископ Казанский и Свияжский. С 08.02.1903 – архиепископ Харьковский и Ахтырский. На всех занимаемых кафедрах открывал историко-статистические комитеты, которые готовили материалы по истории епархий. Участвовал в работе Предсоборного Присутствия: выступал за церковные реформы в рамках канонов. № 2

АРСЕНИЙ (Стадницкий Авксентий Георгиевич; 22.01.1862, с. Комарово (Кумарэу) Хотинского уезда Бессарабской губ. – 10.02.1936, Ташкент) – митрополит Новгородский и Старорусский. Родился в семье священника. В 1880 г. окончил Кишиневскую духовную семинарию. С 01.09.1880 – учитель Единецкого духовного училища. В 1885 г. окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия и назначен преподавателем Кишиневской духовной семинарии. В 1895 г. удостоен степени магистра богословия. В 1887–1895 гг. редактор «Кишиневских епархиальных ведомостей». С 1895 г. – инспектор Новгородской духовной семинарии. 30.12.1895 пострижен в монашество, 31.12.1895 рукоположен во иеродиакона, 01.01.1896 – во иеромонаха, назначен ректором Новгородской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита; настоятель Новгородского Антониева монастыря. С 1897 г. – инспектор Московской духовной академии; ординарный профессор по кафедре библейской истории. С 13.03.1898 по 1903 г. – ректор Московской духовной академии. 28.02.1898 хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. С 05.12.1903 – епископ Псковский и Порховский. В 1904 г. удостоен

степени доктора церковной истории. С 1905 г. член Учебного Комитета при Св. Синоде, с 16.01.1906 – его председатель. Член Предсоборного Присутствия, председатель отдела «О реформе церковноучебных заведений». 31.01.1907 избран членом Государственного Совета.

16.02.1907 возведен в сан архиепископа. С 05.11.1910 – архиепископ Новгородский и Старорусский. Член Св. Синода. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., Товарищ Председателя Собора (руководил почти всеми соборными заседаниями после избрания и поставления патриарха), член Соборного Совета, председатель Отдела о правовом положении Церкви в государстве; второй кандидат на патриарший престол; избран членом Священного Синода и Высшего Церковного Совета при Святейшем Патриархе Тихоне. 28.11(11.12.)1917 возведен в сан митрополита. После окончания Собора проживал в Москве, где в 1919 г. был арестован. 05.01.1920 выслан из Москвы в г. Новгород. 01.1920–19.04.1922 безвыездно жил в г. Новгороде. В 1920 г. арестован в г. Новгороде по делу «о епархиальном совете». В феврале 1921 г. осужден Новгородским Ревтрибуналом к 5 годам высылки в г. Архангельск. Приговор отменен по решению ВЦИК. 02.06.1922 по вызову ГПУ приехал в Москву; привлечен к судебной ответственности в качестве обвиняемого вместе с Патриархом Тихоном. С 22.03.1923 по 10.01.1924 находился в заключении. 15.01.1924 заключен в Бутырскую тюрьму. 28.03.1924 осужден Комиссией НКВД СССР по административным высылкам. Приговорен к 3 годам ссылки в г. Бухару. В 1924–1926 гг. в ссылке в г. Красноводске в Туркмении. 05.12.1925 по завещанию Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Крутицкого Петра (Полянского) на случай своей кончины назначен третьим кандидатом на должность Местоблюстителя патриаршего престола. В 1926 г. переведен в ссылку в г. Ташкент. 28.03.1927 ему было разрешено свободное проживание в пределах Средней Азии. С 18.05.1927 член Временного Синода при Заместителе патриаршего местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском) (фактически не имел возможности участвовать в заседаниях Синода). С 11.08.1933 митрополит Ташкентский и Туркестанский. Погребен на кладбище г. Ташкента. № 35,71

АФАНАСИЙ (Пархомович Василий Михайлович; 01.01.1828, с. Хомутец Миргородского уезда Полтавской губ. – 05.09.1910, Гербовецкий Успенский монастырь в Оргеевском уезде Бессарабской губ.) – архиепископ Донской и Новочеркасский. Родился в семье священника. В 1849 г. окончил Полтавскую духовную семинарию, в 1853 г. – Казанскую духовную академию и направлен инспектором Кишиневского духовного училища, а также учителем приходского и высшего отделения уездного училища. 22.05.1855 утвержден в степени кандидата богословия. С 28.05.1856 – смотритель уездного духовного училища. 29.08.1858 рукоположен во иерея к Кишиневской Благовещенской церкви. С 28.04.1859 переведен в Рождественский собор г. Кишинева, 11.10.1865 – в гимназическую церковь. 19.02.1871 возведен в сан протоиерея. Пастырское служение совмещал с преподавательской деятельностью. С 30.12.1875 – ректор Кишиневской духовной семинарии. В 1870–1876 гг. состоял цензором проповедей городского духовенства. В 1880г. овдовел.

09.03.1885 пострижен в монашество, 17.03.1885 возведен в сан архимандрита.

09.06.1885 хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии. С 04.03.1889 – епископ Сарапульский, викарий Вятской епархии. С 08.11.1891 – епископ Екатеринбургский и Ирбитский. 12.11.1894 переведен на Донскую и Новочеркасскую кафедру с возведением в сан архиепископа. Член Св. Синода. Почетный член Казанской духовной академии. С 16.09.1908 по прошению был уволен на покой «по преклонности лет и слабости здоровья» с пребыванием в Гербовецком Успенском монастыре Бессарабской губ., где и скончался. № 26

ВЕНИАМИН (Муратовский Василий Антонович; 18.04.1856, Казанская губ. – 06.05.1930, Москва) – бывший архиепископ Рязанский и Зарайский. В 1877 г. окончил Казанскую духовную семинарию и назначен надзирателем Казанского духовного училища. 01.12.1878 рукоположен во иерея к церкви Сошествия Св. Духа г. Казани. В 1886 г. окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия, пострижен в монашество, назначен настоятелем Черемецкого монастыря Санкт-Петербургской епархии в сане архимандрита. 26.10.1897 хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 03.12.1898 – епископ Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии. С 10.07.1901 – епископ Калужский и Боровский. С 31.12.1910 – епископ Симбирский и Сызранский. С 01.05.1915 – архиепископ Симбирский и Сызранский. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. В 1919–1920 гг. входил во Временное Высшее Церковное Управление в г. Омске. В

феврале 1920 г. после разгрома войск Колчака арестован в Новониколаевске и приговорен к расстрелу. Через несколько месяцев был освобожден. С 13.07.1920 – архиепископ Рязанский и Зарайский. Летом 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1923 г. дважды каялся перед Патриархом Тихоном и вновь под давлением ГПУ переходил в обновленчество. До 06.09.1922 значился обновленческим «митрополитом» Рязанским. С 06.09.1923 – обновленческий «митрополит» Ярославский. Участник обновленческого собора 1923 г. С 08.01.1924 обновленческий «митрополит» Ленинградский. С 09.09.1925 – обновленческий «митрополит» Северо-Западной области. С 19.05.1927 – обновленческий «митрополит» Московский и Коломенский. С 1928 г. – председатель обновленческого Св. Синода. Скончался в Москве не воссоединенным с Патриаршей Церковью, погребен на Ваганьковском кладбище у Воскресенского храма. № 3

ВЛАДИМИР (Богоявленский Василий Никифорович; 01.01.1848, с. Малая Моршевка Тамбовской губ. – 25.01.1918, Киев) – священномученик, митрополит Киевский и Галицкий. Родился в семье священника. Окончил Тамбовскую духовную семинарию. В 1874 г. по окончании Киевской духовной академии со степенью кандидата богословия был назначен преподавателем Св. Писания и гомилетики Тамбовской духовной семинарии. 13.01.1882 рукоположен во иерея к Покровской соборной церкви г. Козлова (совр. Мичуринск) Тамбовской губ. С 1883 г. настоятель Троицкого храма г. Козлова, благочинный церквей г. Козлова. Овдовел. 08.02.1886 пострижен в монашество. 09.02.1896 возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Троицкого монастыря в Козловском уезде Тамбовской губ. С 06.10.1886 – настоятель монастыря св. Антония Римлянина в Новгороде. 03.06.1888 хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. С 19.01.1891 – епископ Самарский и Ставропольский. С 18.10.1892 – архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. С 21.02.1898 – митрополит Московский и Коломенский. 23.11.1912 – митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, священноархимандрит Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, Первенствующий член Св. Синода. В 1915 г. удостоен степени доктора богословия. С 23.11.1915 – митрополит Киевский и Галицкий, с оставлением Первенствующим Членом Св. Синода. Член Предсоборного Совета и Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., почетный Председатель Собора до 21.11(04.12)1917 (дня наставления Патриарха Тихона), председатель Отдела о церковной дисциплине. 21.11(04.12)1917 возглавил чин наставления (интронизации) нареченного Патриарха Московского и всея России – митрополита Московского и Коломенского Тихона. Убит в Киеве 25.01.1918. Канонизирован Архиерейским Собором Русской Церкви 04.04.1992. №57

ВЛАДИМИР (Сеньковский Филарет Алексеевич; 1847, Таврическая губ. – 1917, Москва) – архиепископ Донской и Новочеркасский. В 1867 г. окончил Херсонскую духовную семинарию и 26.09.1867 рукоположен во иерея. 19.10.1875 назначен миссионером Алтайской духовной миссии. С 10.04.1882 – миссионер Киргизской духовной миссии. 28.03.1889 возведен в сан протоиерея. 13.07.1890 пострижен в монашество, 21.11.1890 возведен в сан игумена и определен помощником начальника Алтайской и Киргизской миссий. перевел на киргизский язык и напечатал первоначальные сведения о православной вере, Евангелие от Матфея, первоначальные молитвы. Издал чин присоединения магометан к Святой Церкви. В 1891 г. назначен начальником миссии Томской епархии, 22.05.1891 возведен в сан архимандрита. 18.08.1891 хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. С 12.07.1893 – епископ Владикавказский и Моздокский. С 12.08.1904 – епископ Кишиневский и Хотинский. С 16.09.1908 – архиепископ Донской и Новочеркасский. 11.07.1914 уволен на покой и по слабости здоровья назначен сверхштатным членом Московской Синодальной конторы, управляющим на правах настоятеля Московским Заиконоспасским монастырем. № 14

ВЛАДИМИР (Соколовский-Автономов Василий Григорьевич; 31.12.1852, с. Сенковка Полтавской губ. – 27.11.1931, Москва) – архиепископ Екатеринославский. Родился в семье священника. В 1878 г. окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия, назначен помощником смотрителя Полтавского духовного училища. 29.09.1878 пострижен в монашество и 03.10.1878 рукоположен во иеромонаха. С 14.01.1879 – член Японской духовной миссии. В 1884 г. возведен в сан игумена. С 1886 г. – преподаватель Холмской духовной семинарии. 04.12.1887 возведен в сан архимандрита и назначен инспектором семинарии. 20.12.1887 хиротонисан во епископа Алеутского и Аляскинского. С 08.06.1891 – епископ Острожский, викарий Воронежской епархии. С 22.12.1896 – епископ

Оренбургский и Уральский. С 26.11.1903 – епископ Екатеринбургский и Ирбитский. С 18.03.1910 уволен на покой и назначен настоятелем Московского Спасо-Андрониевого монастыря. В 1921 г. назначен архиепископом Екатеринославским, но назначения не принял. В 1924 г. был арестован и сослан. С января по июнь 1926 г. пребывал в григорианском расколе. В июне 1926 г. принес покаяние митрополиту Сергию (Страгородскому). Служил в качестве приходского священника во Всехсвятской церкви с. Алексеевского Московской епархии. В последние годы пребывал в полузатворе. Погребен у алтаря Всехсвятской церкви в с. Алексеевском (Москва). № 49

ГЕДЕОН (Покровский Герасим; 1844, Орловская губ. – 1922) – епископ Владикавказский и Моздокский. Родился в семье псаломщика. В 1872 г. окончил Орловскую духовную семинарию и 13.02.1873 рукоположен во иерея к Преображенской церкви г. Волхова. В 1874 г., овдовев, поступил в число братии Мещовского монастыря. В 1875 г. пострижен в мантию. В 1884 г. по окончании 3 курса Киевской духовной академии удостоен степени кандидата богословия и назначен членом Японской духовной миссии. В 1885 г. уволен по болезни от службы в Миссии и определен в число братии Волховского Троицкого Оптина монастыря Орловской епархии. В 1887 г. назначен преподавателем Казанской духовной семинарии. 30.01.1888 назначен смотрителем Холмского духовного училища, 23.08.1888 защитил магистерскую диссертацию «Археология и символика ветхозаветных жертв», за которую был удостоен степени магистра богословия. В 1889 г. возведен в сан архимандрита и назначен ректором Холмской духовной семинарии. 12.01.1892 хиротонисан во епископа Люблинского. 22.12.1896 уволен на покой. С 06.11.1899 – епископ Прилуцкий. С 12.08.1904 – епископ Владикавказский. 16.08.1908 уволен, согласно прошению, по болезни на покой с пребыванием на подворье Второ-Афонского Успенского монастыря в г. Пятигорске. 24.01.1909 перемещен в Дубенский Спасо-Преображенский монастырь Полтавской епархии. № 1

ГЕОРГИЙ (Орлов Георгий Поликарпович; 1843, Пензенская губ. – 11.06.1912, Ялта) – епископ Астраханский и Енотаевский. Родился в семье диакона. В 1860 г. окончил Томскую духовную семинарию. 08.06.1861 рукоположен во иерея. В 1866 г. овдовел. В 1870 г. поступил в Московскую духовную академию, которую окончил в 1874 г. со степенью кандидата богословия и был определен преподавателем Томской духовной семинарии. 17.10.1881 назначен исполняющим должность инспектора Благовещенской духовной семинарии. 02.03.1883 возведен в сан протоиерея. 25.06.1885 – ректор Благовещенской духовной семинарии. 06.04.1889 пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита. 24.01.1893 хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии. С 12.03.1894 – епископ Забайкальский и Нерчинский. С 27.09.1898 – епископ Тамбовский и Шацкий. С 27.04.1902 – епископ Астраханский и Енотаевский. 01.04.1911 возведен в сан архиепископа. № 20

ГЕРМОГЕН (Долганев Георгий Ефремович; 25.04.1858, Херсонская губ. – 16.06.1918, р. Тура Тобольской губ.) – епископ Тобольский и Сибирский. Родился в семье единоверческого священника. Окончил полный курс юридического факультета, прошел курс математического факультета, слушал лекции на историко-филологическом факультете Новороссийского университета. В 1889 г. поступил Санкт-Петербургскую духовную академию. 28.11.1890 принял монашество, 02.12.1890 рукоположен во иеродиакона, 15.03.1892 – во иеромонаха. В 1893 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия, назначен инспектором, а затем с 1898 г. – ректором Тифлисской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. 14.01.1901 хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. С 21.03.1903 – епископ Саратовский. В 1911г. на очередной сессии Синода выступил против введения института диаконисе и чина заупокойного моления за инославных. 17.01.1912 уволен от управления Саратовской епархией с назначением пребывания в Жировицком Успенском монастыре Гродненской епархии. 25.08.1915 назначено пребывание в Николо-Угрешском монастыре Московской епархии. С 08.(21).03.1917 – епископ Тобольский и Сибирский. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. 06(19). 12.1917 прибыл в Тобольск и вступил в управление епархией. 15(28).04.1918 арестован в Тобольске во время совершения городского крестного хода в Вербное Воскресенье. Находился до июня 1918 г. в тюрьме г. Екатеринбурга. 13.06.1918 епископ был перевезен в г. Тюмень. Утоплен большевиками в р. Туре при приближении белых к г. Тобольску. Погребен в г. Тобольске. Канонизирован Архиерейским Собором Русской Церкви 13–16.08.2000. № 61

ГУРИЙ (Буртасовский Сергей; 30.06.1845, Казань – 05.01.1907) – епископ Симбирский и Сызранский. В 1868 г. по окончании Казанской духовной семинарии поступил в Казанскую

духовную академию. Будучи студентом академии, 16.03.1871 пострижен в монашество. 04.06.1872 рукоположен во иеромонаха и по окончании академии со степенью кандидата богословия 16.06.1872 назначен на должность преподавателя Иркутской духовной семинарии. 23.11.1877 переведен на должность смотрителя Иркутского духовного училища. 14.01.1879 возведен в сан архимандрита. С 12.09.1880 – начальник Иркутской духовной миссии и настоятель Ниловой пустыни. 30.12.1880 назначен на должность исполняющего должность ректора Благовещенской духовной семинарии. С 08.02.1885 – ее ректор. 22.07.1885 хиротонисан во епископа Камчатского, Курильского и Благовещенского. На Камчатской кафедре зарекомендовал себя выдающимся духовным администратором, проводил большую миссионерскую работу среди местного населения. С 24.10.1892 – епископ Самарский и Ставропольский. Будучи на Самарской кафедре, епископ Гурий главное свое внимание сосредоточил на миссионерском служении, улучшении церковных школ, как представляющих большое подспорье для целей миссии. Во внимание к его миссионерским трудам был избран в 1902 г. почетным членом Казанской духовной академии. С 23.04.1904 – епископ Симбирский и Сызранский. № 28

ГУРИЙ (Охотин Николай Васильевич; 26.10.1828, Алатырский уезд Симбирской губ. – 01.03.1912) – архиепископ Новгородский и Старорусский. Родился в семье псаломщика. Окончил Симбирскую духовную семинарию, в 1853 г. – Санкт-Петербургскую духовную академию. С 31.10.1853 – преподаватель гражданской истории Нижегородской духовной семинарии. 18.04.1855 утвержден в степени магистра богословия. С 11.10.1855 – преподаватель Симбирской духовной семинарии. С 10.10.1856 – инспектор той же семинарии, с 26.03.1874 – ее ректор. Его ректорство было расцветом Симбирской духовной семинарии и в дисциплинарном и в научном отношении. 17.04.1874 рукоположен в сан иерея (целибатом) и 21.04.1874 возведен в сан протоиерея. В течение 36 лет занимался педагогической деятельностью. С 1884 г. – председатель Епархиального Училищного совета в г. Симбирске. 02.12.1889 пострижен в монашество, 03.12.1889 возведен в сан архимандрита. 21.01.1890 хиротонисан во епископа Смоленского и Дорогобужского. 29.01.1896 назначен председателем Училищного совета при Св. Синоде. Почетный член Казанской духовной академии. С 21.01.1896 уволен от управления епархией с назначением присутствующим в Св. Синоде. С 13.10.1900 – архиепископ Новгородский и Старорусский. 17.10.1910 уволен на покой. № 34

ДИМИТРИЙ (Ковальницкий Михаил Георгиевич; 26.10.1839 – 03.02.1913, Одесса) – архиепископ Херсонский и Одесский. Родился в семье священника. В 1859 г. окончил Волынскую духовную семинарию и назначен преподавателем Кременецкого духовного училища. В 1867 г. окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия и оставлен в академии преподавателем кафедры нравственного богословия. В 1868 г. удостоен степени магистра богословия. С 1869 г. – доцент академии. С 1878 г. экстраординарный профессор по кафедре церковной истории. 12.09.1895 пострижен в монашество. 17.09.1895 рукоположен во иеромонаха, затем возведен в сан архимандрита и назначен инспектором академии. С 1898 г. – ее ректор и настоятель Киево-Братского монастыря. 28.06.1898 хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. С 27.04.1902 – епископ Тамбовский и Шацкий. В 1903 г. возведен в сан архиепископа. С 08.02.1903 – архиепископ Казанский и Свияжский. С 1904 г. – почетный член Санкт-Петербургской духовной академии. С 26.03.1905 – архиепископ Херсонский и Одесский. В 1906 г. – член Предсоборного Присутствия и председатель отдела «О составе Поместного Собора и порядке рассмотрения и решения дел в нем». С 22.04.1906 по 1907 г. член Государственного Совета. В 1908 г. – председатель комиссии по реформе духовной академии. Погребен в кафедральном соборе г. Одессы. № 43

ДИМИТРИЙ (Самбикин Димитрий Иванович; 03.10.1839, слобода Караяшино Острогского уезда Воронежской губ. – 17.03.1908, Казань) – архиепископ Казанский и Свияжский. Родился в семье протоиерея. В 1861 г. окончил Воронежскую духовную семинарию, в 1865 г. – Санкт-Петербургскую духовную академию. 20.01.1866 назначен преподавателем церковной истории Воронежской духовной семинарии. 26.09.1866 рукоположен во диакона, 01.10.1866 – во иерея к церкви Рождества Богородицы (Пятницкой) г. Воронежа. В 1867 г. утвержден в степени магистра богословия. 13.04.1870 овдовел. С 05.05.1872 – ректор Тамбовской духовной семинарии. 23.06.1872 возведен в сан протоиерея. 11.02.1877 пострижен в монашество и 13.02.1877 возведен в сан архимандрита. 31.12.1880 вызван в Санкт-Петербург на чреду священнослужения. С 06.08.1881 – ректор Воронежской духовной семинарии. 04.01.1887

хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С 28.10.1887 – епископ Балтский, викарий Подольской епархии. С 13.12.1890 – епископ Подольский и Брацлавский. 06.11.1893 избран почетным членом Московской духовной академии, в 1895 г. – Казанской. С 02.11.1896 – епископ Тверской и Кашинский. 06.05.1898 возведен в сан архиепископа. 17.03.1904 удостоен степени доктора церковной истории. С 26.03.1905 – архиепископ Казанский и Свияжский. Оставил после себя большое литературное наследство – статьи, монографии, очерки, брошюры, книги и ряд многотомных исследований. № 18, 64, 72

ЕВЛОГИЙ (Георгиевский Василий Семенович; 10.04.1868, с. Сомово Одоевского уезда Тульской губ. – 08.08.1946, Париж) – митрополит. Родился в семье священника. В 1888 г. окончил Тульскую духовную семинарию, в 1892 г. – Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 12.03.1893 назначен помощником смотрителя Ефремовского духовного училища. С 1894 г. – преподаватель Тульской духовной семинарии. 03.02.1895 пострижен в монашество, 12.02.1895 рукоположен во иеромонаха и назначен инспектором Владимирской духовной семинарии. В 1897–1902 гг. – ректор Холмской духовной семинарии в сане архимандрита. 12.01.1903 хиротонисан во епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии. С 18.07.1905 – епископ Холмский и Люблинский. В 1907– 1912 гг. – депутат 2 и 3 Государственных Дум от русского населения Холмской губ. 20.05.1912 возведен в сан архиепископа. С 14.05.1914 – архиепископ Волынский и Житомирский. Член Предсоборного Совета и Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., председатель Отдела о богослужении, проповедничестве и храме, избран членом Св. Синода при Патриархе Тихоне. 18.12.1918 г. арестован в Киево-Печерской Лавре вместе с митрополитом Антонием (Храповицким) по распоряжению правительства С. В. Петлюры и переведен на территорию Польши, находился в заключении в Базилианском униатском монастыре в г. Бучаче (в Галиции). В 1919 г. в День Св. Троицы арестован по распоряжению польских властей и заключен в монастыре монахов-молчальников в местечке Беляны под г. Краковом. Летом 1919 г. освобожден при посредничестве стран Антанты, возвратился в Россию. Находился на территориях, занятых Добровольческой армией. В 19.01.1920 г. эмигрировал в Сербию. 26.03.1921 Патриархом Тихоном был назначен временно управляющим православными русскими приходами в Западной Европе. 30.01.1922 возведен в сан митрополита. В 1921–1922 гг. – в эмиграции в г. Берлине, в 1923 г. переехал в Париж. За его политические от имени Церкви требования, не согласовывавшиеся с решениями Московского Собора 1917–1918 гг., в 1930 г. уволен митрополитом Сергием от управления западно-европейскими приходами, запрещен в священнослужении вместе с подчиняющимися ему клириками. В 1931 г. перешел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии, назначен экзархом Западной Европы, положил начало церковно-юридическому подчинению ряда русских православных приходов за пределами России Константинопольскому патриарху. 02.09.1945 прибывший из Москвы митрополит Николай (Ярушевич), посланец Московской Патриархии, служил с митрополитом Евлогием, признавая запрещение его митрополитом Сергием утратившим силу. В 1945 г. воссоединился с Московской Патриархией, оставлен экзархом Восточной Европы (в то же время Вселенским патриархом не был отпущен и считался до самой смерти экзархом Вселенского Патриархата). Большой заслугой митрополита Евлогия было создание в Париже Богословского института, который явился самым крупным православным учебным и богословским заведением за границей. № 39,45

ЕВСЕВИЙ (Никольский Евгений Иванович; 1861, Тульская губ. – 18.01.1922, Москва) – митрополит Крутицкий. Родился в семье священника. Окончил Тульскую духовную семинарию, в 1885 г. – окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 11.09.1885 – преподаватель Могилевского духовного училища, с 1888 г. – инспектор той же семинарии. 03.08.1893 пострижен в монашество и 06.08.1893 рукоположен во иеромонаха. С 11.09.1893 – член Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета с возведением в сан архимандрита. С 18.10.1893 – ректор Иркутской духовной семинарии. 26.01.1897 хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. Председатель Епархиального училищного совета, редактор «Иркутских епархиальных ведомостей». С 04.10.1897 – епископ Камчатский, Курильский и Благовещенский. С 01.01.1899 – епископ Владивостокский. Будучи на этой кафедре, построил более ста церквей и все сам освятил. С 06.05.1906 – архиепископ Владивостокский и Приморский. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. После окончания работы Собора остался в Москве, не имея возможности возвратиться во Владивосток в связи с гражданской войной. Постоянный член Св. Синода. В

1919–1920 гг. временно управлял Смоленской епархией. С 1920 г. – митрополит Крутицкий. В 1920–1922 гг. временно управлял Московской патриаршей областью. Умер в Москве, похоронен у Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве. № 78

ЕФИМИЙ (Счастнев Федор Дормидонтович; февраль 1839, с. Илеевский Завод Ардатовского уезда Нижегородской губ. – 09.01.1913) – епископ Енисейский и Красноярский. Родился в семье священника. В 1858 г. окончил Нижегородскую духовную семинарию. 05.03.1860 рукоположен во иерея к Воскресенской церкви с. Терюшева Нижегородского уезда, где прослужил 33 года. В 1875 г. лишился супруги, оставившей на его руках трехлетнего сына. Овдовев, продолжал в течение 18 лет священствовать и исполнять обязанности благочинного Нижегородского уезда. В 1892 г. возведен в сан протоиерея. В 1893 г. пострижен в монашество и зачислен в число братии Арзамасского Спасо-Преображенского монастыря, затем назначен его настоятелем и возведен в сан архимандрита. 23.06.1895 был вызван в Санкт-Петербург на чреду священнослужения и проповеди слова Божия. 17.11.1896 хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии. С 28.10.1898 – епископ Енисейский и Красноярский. В 1910 г. ослеп и два года управлял епархией, будучи слепым. В 1912 г. уволен на покой. № 66

ИАКОВ (Пятницкий Иван Алексеевич; 22.09.1844, с. Брынь Жиздринского уезда Калужской губ. – 28.11.1922, Томск) – митрополит Казанский и Свияжский. Окончил Калужскую духовную семинарию, в 1870 г. – Московскую духовную академию со степенью кандидата (магистранта) богословия. С 30.08.1870 – помощник секретаря Совета Московской духовной академии. С 1872 г. – смотритель Мещовского духовного училища Калужской епархии. С 16.10.1873 – преподаватель Вифанской духовной семинарии. 06.11.1878 удостоен степени магистра богословия. 12.08.1886 пострижен в монашество, 17.08.1886 рукоположен во иеромонаха. С 01.10.1886 – ректор Вифанской духовной семинарии в сане архимандрита. 28.04.1891 хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С 29.09.1892 епископ Уманский, викарий Киевской епархии. С 16.01.1893 – епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии. С 26.01.1898 – епископ Кишиневский и Хотинский. С 12.08.1904 – архиепископ Ярославский и Ростовский. В 1906 г. член Предсоборного Присутствия, председатель отдела «О реформе церковного суда». С 25.01.1907 – епископ Симбирский и Сызранский, с 10.12.1910 – архиепископ Казанский и Свияжский. Почетный член Московской и Казанской духовных академий. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., почетный председатель Отдела о духовных академиях, председатель уставного отдела. 28.11(11.12.). 1917 возведен в сан митрополита. Осенью 1918 г. переехал из г. Казани в г. Иркутск. В ноябре 1918 г. – почетный председатель Сибирского церковного совещания в г. Томске, назначен митрополитом Иркутским, с апреля (?) 1920 г. – митрополит Томский. В 1921 г. уволен на покой с пребыванием на правах настоятеля Московского Симонова монастыря. В марте 1922 г. арестован и заключен в тюрьму ГПУ Москвы, выслан из Москвы. Скончался после хирургической операции в г. Томске. № 79

ИННОКЕНТИЙ (Беляев Иван Васильевич; 23.09.1862, Владимирская губ. – 09.09.1913, Санкт-Петербург) – архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. Родился в семье священника. Окончил Владимирскую духовную семинарию, в 1885 г. – Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 16.09.1885 – преподаватель женского епархиального училища г. Тобольска и Тобольской женской гимназии, с 1887 г. – инспектор классов той же гимназии. Овдовев, в марте 1895 г. пострижен в монашество, 26.03.1895 рукоположен во иеромонаха. В том же году возведен в сан архимандрита, назначен ректором Литовской духовной семинарии и настоятелем Виленского Свято-Троицкого монастыря. Председатель Епархиального Училищного совета, председатель Свято-Духовского братства по изданию народных книг и брошюр, председатель комиссии по устройству народных чтений. В 1899 г. удостоен степени магистра богословия за труд «О пострижении в монашество». 01.08.1899 хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. С 10.12.1901 – епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии. С 08.02.1903 – епископ Тамбовский и Шацкий. Член Св. Синода. Член Предсоборного Присутствия. 07.12.1909 – архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. Почетный член Московской и Казанской духовных академий. Ближайший друг и ученик митрополита Антония (Вадковского). Похоронен на кладбище Александро-Невской Лавры. № 59

ИОАКИМ (Левицкий Иван Акимович; 30.03.1853, Киевская губ. – осень 1918, дача под г. Севастополем) – архиепископ Нижегородский. Родился в семье псаломщика. Окончил Киево-

Софийское духовное училище и Киевскую духовную семинарию, в 1879 г. – Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 09.08.1879 – преподаватель Рижской духовной семинарии. 24.06.1880 рукоположен во иерея к кафедральному собору в г. Риге, с оставлением в должности преподавателя. В 1883–1886 гг. – законоучитель Рижского пехотно-юнкерского училища; законоучитель высшего девичьего частного училища Тайловой. В 1886 г. овдовел. 28.06.1893 пострижен в монашество. 29.06.1893 возведен в сан архимандрита и назначен ректором Рижской духовной семинарии. 14.01.1896 хиротонисан во епископа Балтского, викария Подольской епархии. С 24.05.1897 – епископ Брестский, викарий Литовской епархии. С 13.01.1900 – епископ Гродненский и Брестский. С 26.11.1903 – епископ Оренбургский и Уральский. С 07.11.1908 именовался Оренбургским и Тургайским. Будучи на Оренбургской кафедре, широко развил дело внутренней и внешней миссии; благодаря его трудам большое число иноверцев, а также сектантов и старообрядцев присоединилось к Российской Православной Церкви. С 13.08.1910 – епископ Нижегородский и Арзамасский. 06.05.1916 возведен в сан архиепископа. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. 22.03.1918 согласно прошению, уволен от управления Нижегородской епархией на покой с назначением управляющим на правах настоятеля Воскресенского Новоиерусалимского монастыря Московской епархии. Осенью (не ранее октября) 1918 г. уехал к родственникам в Крым, где был повешен «местными большевиками». № 33

ИОАНН 1 (Смирнов Иван Ксенофонтович; 24.08.1844, Владимирская губ. – 03.12.1918, Рязань) – архиепископ Рязанский и Зарайский. Родился в семье протоиерея. В 1863 г. окончил Владимирскую духовную семинарию, в 1867 г. – Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 06.03.1868 – преподаватель Священного Писания в Рязанской духовной семинарии. В 1869 г. утвержден в степени магистра богословия. С 03.09.1875 – инспектор Рязанской духовной семинарии. 25.04.1883 назначен ректором Рязанской семинарии. 02.05.1883 рукоположен во иерея и 06.05.1883 возведен в сан протоиерея. 28.07.1901 согласно прошению, уволен от должности ректора, 13.09.1901 пострижен в монашество, 14.09.1901 возведен в сан архимандрита; вызван в Санкт-Петербург на чреду священнослужения и проповеди слова Божия. 28.04.1902 хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. С 04.02.1904 – епископ Полтавский и Переяславский, викарий Полоцкой епархии. С 13.08.1910 – епископ Рижский и Митавский. Почетный член Санкт-Петербургской духовной академии. 06.05.1912 – возведен в сан архиепископа. С апреля 1917 г. по ноябрь 1919 г. – архиепископ Рязанский и Зарайский. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. № 41

ИОАННИКИЙ (Казанский Иван Афанасьевич; 18.06.1839, Орловская губ. – после 1917) – епископ Архангельский и Холмогорский. В 1863 г. окончил Орловскую духовную семинарию. В 1864 г. рукоположен во диакона. В 1868 г. поступил в Московскую духовную академию, 12.05.1872 пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха и, по окончании академии в 1872 г. со степенью кандидата богословия, назначен преподавателем Олонецкой духовной семинарии. С 1879 г. – смотритель Петрозаводского духовного училища. В 1881 г. возведен в сан архимандрита. С 1882 г. – ректор Донской духовной семинарии. С 1884 г. – ректор Смоленской духовной семинарии. С 1885 г. – настоятель Маркова монастыря Витебской епархии. 21.02.1888 хиротонисан во епископа Великоустюжского, викария Вологодской епархии. С 03.05.1891 – епископ Владикавказский и Моздокский. С 23.08.1892 – епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии. С 29.03.1895 – епископ Угличский, викарий Ярославской епархии. С 07.02.1901 – епископ Архангельский и Холмогорский. 31.10.1908 уволен на покой с пребыванием в Московском Донском монастыре. 31.10.1908 определен штатным членом Московской Синодальной канцелярии. № 21

КИРИОН (Садзагелов [Садзаглишвили, Садзегели] Георгий Иеронимович, 10.11.1854, Грузия, д. Никодия Горского уезда Кутаисской губ. – 26.06.1918, Марткопский св. Антония монастырь г. Кутаиси) – бывш. епископ Полоцкий и Витебский; архиепископ Мцхетский и Тбилисский, католикос-патриарх всея Грузии, духовный писатель и публицист. Родился в семье священника. В 1876 г. окончил Тбилисскую духовную семинарию, в 1880 г. – Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Еще на студенческой скамье проявил интерес к церковной истории, особенно к истории Грузинской Церкви, занятия историей продолжал до конца жизни. С 01.08.1880 – смотритель Одесской духовной семинарии. С 1883 г. – смотритель Телавского духовного училища. С 1885 г. помощник смотрителя Горийского духовного училища. С 1890 г. –

преподаватель Кутаисского духовного училища и епархиального женского училища. С 1891 г. – преподаватель Тифлисского духовного училища. 02.11.1896 пострижен в монашество, 06.11.1896 рукоположен во иеромонаха и назначен настоятелем Квабтахетского Успенского монастыря с возведением в сан игумена. С 31.12.1896 – благочинный монастырей Грузинской епархии и инспектор школ «Общества восстановления православного христианства на Кавказе». 23.08.1898 хиротонисан во епископа Алавердинского, викария Мцхето-Карталинской (Грузинской) епархии. С 12.08.1900 – епископ Горийский Мцхето-Карталинской (Грузинской) епархии. С 10.03.1902 – епископ Балтский. С 03.05.1903 – епископ Новомиргородский, викарий Херсонской епархии. С 23.04.1904 – епископ Орловский и Севский. С 03.02.1906 – епископ Сухумский. С 25.01.1907 – епископ Ковенский, викарий Литовской епархии. Был решительным защитником совершенной автокефалии Грузинской Церкви. В 1908 г. был арестован за антиправительственные националистические выступления и 15.02.1908 г. уволен на покой с запрещением в священнослужении. До 1915 г. проживал в Куряжском монастыре Харьковской епархии, в Санаксарской пустыни Тамбовской епархии, в Херсонесском монастыре близ Севастополя. С 10.01.1915 – епископ Полоцкий и Витебский. С 01.08.1917 уволен, согласно прошению, от управления епархией. 17.09.1917 на соборе Грузинской Церкви был избран патриархом-католикосом автокефальной Грузинской Церкви. Вскоре он был найден мертвым в собственном доме. Погребен в Сионском соборе г. Тбилиси. Канонизирован Грузинской Православной Церковью. № 24

КОНСТАНТИН (Булычев Кирилл Иоакимович; 23.12.1858, г. Орлов Вятской губ. – середина 1930-х) – архиепископ Могилевский и Мстиславский. Родился в семье зажиточного купца. В 1881 г. окончил физикоматематический факультет Санкт-Петербургского университета, работал в банке. В 1890 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. 29.01.1892 пострижен в монашество, 21.02.1892 рукоположен во иеродиакона, 07.11.1893 – во иеромонаха. В 1894 г. окончил академию со званием кандидата богословия и назначен смотрителем Санкт-Петербургского Александро-Невского духовного училища. В 1896 г. – ректором Витебской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. Одновременно состоял председателем Витебского Свято-Владимирского братства, цензором «Полоцких епархиальных ведомостей». С 1900 г. – ректор Киевской духовной семинарии. 29.07.1901 хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 23.04.1904 – епископ Самарский и Ставропольский. С 04.11.1911 – епископ Могилевский и Мстиславский. 06.05.1915 возведен в сан архиепископа. Член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 1919 г. арестован за «служение панихиды по бывшему царю и выступления с кафедры против советской власти». Находился в заключении до 1920 г. С 1922 г. в обновленческом расколе. В 1922 г. – обновленческий «архиепископ», затем «митрополит» Могилевский. В 1923 г. и в последующие годы по несколько раз уклонялся в обновленческий раскол, каялся и вновь уходил в раскол. В 1925 г. принес покаяние и митрополитом Петром (Полянским) и сонмом иерархов был принят в общение с Русской Православной Церковью. 22.12.1925 был в числе основоположников григорианского раскола, член Временного высшего церковного совета, с 1925 г. – григорианский «архиепископ» Тамбовский. 29.01.1926 Заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) запрещен в священнослужении и предан соборному суду архиереев (за двукратное нарушение архиерейской присяги и отпадения в раскол). Скончался без воссоединения с Православной Церковью в середине 1930-х годов. № 23

ЛАВРЕНТИЙ (Некрасов Михаил Иванович; 01.11.1836, с. Полбино Брянского уезда Орловской губ. – 26.03.1908, Москва) – епископ Тульский и Белевский, духовный писатель. Родился в семье священника. Окончил Орловскую духовную семинарию, в 1861 г. – Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 29.09.1861 назначен преподавателем Воронежской духовной семинарии, где занимал кафедры словесности, нравственного и обличительного богословия и гомилетики, исполнял обязанности библиотекаря и преподавателя французского языка. 10.05.1864 рукоположен во иерея к Спасской церкви г. Воронежа, служение в которой совмещал с преподавательской деятельностью. Вскоре был назначен законоучителем Воронежского кадетского училища, где прослужил до 1894 г. (около 30 лет). Овдовел. 27.06.1894 пострижен в монашество и назначен в сане архимандрита настоятелем Московского Покровского миссионерского монастыря и благочинным московских монастырей. 17.07.1895 назначен ректором Московской духовной академии. 22.03.1898 хиротонисан во епископа Курского и Белгородского. С 17.06.1904 – епископ Тульский и Белевский. В феврале 1908 г. уволен на покой

с назначением настоятелем Белевского монастыря Тульской епархии. В 1908 г. назначен настоятелем Московского Высокопетровского монастыря и членом Московской Синодальной конторы. Скончался после прибытия в Москву. Погребен на кладбище Покровского монастыря в Москве. № 63

МАКАРИЙ (Павлов Михаил Михайлович; 04.11.1867, Томская губ. – ?) – бывш. епископ Владикавказский и Моздокский. Родился в семье священника. В 1890 г. окончил Томскую духовную семинарию. 16.09.1890 рукоположен во иерея. В 1891 г. – законоучитель Семипалатинской женской гимназии. Овдовев, в 1894 г. поступил в Казанскую духовную академию, в 1897 г. пострижен в монашество. В 1898 г. окончил академию со степенью кандидата богословия и определен миссионером Главного Стана Киргизской миссии в Заречной Слободке г. Семипалатинска, с 1899 г. – глава миссии в сане архимандрита. 18.03.1901 хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. С 17.01.1905 – епископ Якутский и Вилюйский. 01.05.1909 уволен на покой; 05.05.1909 назначен управляющим на правах настоятеля Свяжским Успенско-Богородичским монастырем Казанской епархии. С 28.01.1917 – епископ Владикавказский и Моздокский. С начала обновленческого движения в 1922 г. уклонился в раскол. В 1922–1923 гг. – обновленческий «епископ» Пятигорский. Дальнейшая судьба неизвестна. № 27

МАКАРИЙ (Парвицкий-Невский Михаил Андреевич; 01.10.1835 с. Шапкино Ковровского уезда Владимирской губ. – 01.03.1926, Московская губ., Николо-Угрешский монастырь) – митрополит Московский и Коломенский. Родился в семье пономаря. В 1854 г. окончил Тобольскую духовную семинарию, в которой получил фамилию Невский. Поступил в состав Алтайской духовной миссии. В 1861 г. принял монашество и был рукоположен во иеромонаха. В 1861–1864 гг. трудился над устройением Чулышмановского монастыря, работал над грамматикой алтайского языка, издал на нем ряд богослужебных и святоотеческих книг. С 1883 г. – начальник Алтайской духовной миссии, архимандрит. 12.02.1884 хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. С 26.05.1891 – епископ Томский и Барнаульский. 06.05.1906 возведен в сан архиепископа. С 25.11.1912 – митрополит Московский и Коломенский, член Св. Синода. Почетный член Санкт-Петербургской духовной академии. 20.03.1917 – уволен на покой с пребыванием в Николо-Угрешском монастыре. 01.09.1920 во внимание к великим 50-летним миссионерским трудам на Алтае отмечен Патриархом Тихоном пожизненным почетным титулом «митрополита Алтайского». Канонизирован Архиерейским Собором Русской Церкви 13–16.08.2000. №62

МЕФОДИЙ (Герасимов Маврикий Львович, 22.02.1856, Томская губ. – 11.10.1929, Харбин) – митрополит Харбинский (в Карловацком расколе – «митрополит»). Родился в семье священника. Окончил Томскую духовную семинарию. В 1882 г. окончил Казанскую духовную академию со званием действительного студента. 23.12.1882 поступил псаломщиком в Алтайскую духовную миссию. 26.06.1885 пострижен в монашество, 10.11.1885 рукоположен во иеродиакона, 22.12.1885 – во иеромонаха и назначен заведующим Алтайским миссионерским катехизаторским училищем. 30.01.1892 удостоен степени кандидата богословия. 16.05.1893 возведен в сан архимандрита, а 16.06.1893 назначен начальником Алтайской миссии. 02.06.1894 хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. С 24.12.1898 – епископ Забайкальский и Нерчинский. С 20.12.1912 – епископ Томский и Алтайский. С 30.07.1914 – епископ Оренбургский и Тургайский. С 1918 г. – архиепископ Оренбургский и Тургайский. С начала 1919 г. в эмиграции. С 1920 г. – архиепископ Харбинский. Впоследствии в 1922 г. уклонился в Карловацкий раскол, где получил сан «митрополита». В 1929 г. возведен в сан митрополита. Скончался вне евхаристического общения с Матерью-Церковью. № 70

МИХАИЛ (Ермаков Василий Федорович; 31.07.1862, Санкт-Петербург – 30.03.(30.04?).1929, Киев) – митрополит Киевский и Галицкий, патриарший экзарх Украины. Родился в семье офицера. В 1878 г. окончил Киевское ремесленное училище, в 1881г. – Киевское реальное училище. В 1881–1883 гг. обучался в Киевской духовной семинарии. В 1887 г. окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 19.06.1887 пострижен в монашество. 29.06.1887 рукоположен во иеромонаха. С 07.09.1887 – преподаватель Киевской духовной семинарии. С 1888 г. – инспектор Орловской духовной семинарии. В 1890 г. – исполняющий должность инспектора Санкт-Петербургской духовной академии. В 1891 г. возведен в сан архимандрита; утвержден в должности инспектора Санкт-Петербургской духовной академии. С 1893 г. – ректор Могилевской духовной семинарии. С октября 1893 г. – ректор Волынской

духовной семинарии. 31.01.1899 хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии. С 20.10.1899 – епископ Ковенский, викарий Литовской епархии. С 06.09.1903 – епископ Омский и Семипалатинский. С 09.12.1905 – епископ Гродненский и Брестский. 12–26.06.1908 – председатель организационной комиссии 4 Всероссийского миссионерского съезда в г. Киеве. 06.05.1912 возведен в сан архиепископа. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. С октября 1918 г. до начала 1919 г. – член Св. Синода при Патриархе Тихоне. С начала до августа 1921г.–управляющий Московским Донским монастырем; член Священного Синода при Патриархе Тихоне. В конце июня 1921 г. возведен в сан митрополита. С 1921 г. митрополит Киевский и Галицкий, патриарший экзарх Украины. В период своего служения на Украине активно боролся с обновленчеством. В январе 1923 (декабре 1922?) арестован в г. Киеве. Перевезен в Бутырскую тюрьму в Москве. С июня 1923 по август 1925 г. находился в ссылке в г. Ташкенте. В сентябре 1925 г. возвратился в Москву. 06.12.1925 по завещательному распоряжению Патриаршего местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) о передаче высшей церковной власти в Русской Православной Церкви, в случае невозможности ему дальнейшего возглавления Церкви, назначен вторым кандидатом на должность Заместителя Патриаршего местоблюстителя. В декабре 1925 г. отклонил поручение митрополита Крутицкого Петра (Полянского) по исполнению обязанностей Заместителя Патриаршего местоблюстителя. 24.12.1925 привлекался ОГПУ в качестве свидетеля по делу митрополита Петра (Полянского). Проживал в Москве без права выезда. С июля 1926 по сентябрь 1927 г. – в ссылке в г. Прикумске Северо-Кавказского края. С октября 1927 г. проживал в г. Харькове. С декабря 1927 г. член Временного Синода при митрополите Сергии (Страгородском). Погребен в г. Киеве. №74

МИХАИЛ (Темнорусов Павел Михайлович; 26.05.1854, Архангельская губ. – 29.05.1912) – епископ Минский и Туровский. Родился в семье священника. В 1881 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия и 01.08.1881 назначен помощником смотрителя Камышинского духовного училища. С 1882 г. – помощник смотрителя Архангельского духовного училища. С 1883 г. – преподаватель Архангельской духовной семинарии. С 1885 г. – преподаватель Кишиневской духовной семинарии. 14.03.1890 пострижен в монашество, 24.03.1890 рукоположен во иеромонаха и определен инспектором Ставропольской духовной семинарии. В 1891 г. возведен в сан архимандрита и назначен ректором той же семинарии. С 1892 г. – ректор Новгородской духовной семинарии и настоятель Новгородского Антониева монастыря. С 1895 г. – ректор Могилевской духовной семинарии. 06.08.1897 хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. С 22.09.1899 – епископ Минский и Туровский. 14.05.1911 возведен в сан архиепископа. Член Св. Синода. № 4

НАЗАРИЙ (Кириллов Николай; 04.12.1850, область Войска Донского – 02.07.1928) – митрополит Курский и Обоянский. Родился в семье священника. В 1873 г. окончил Донскую духовную семинарию. 19.05.1874 рукоположен во иерея к Николаевской церкви станицы Богаевская, назначен учителем Богаевского приходского училища. В 1876 г. овдовел; поступил в Казанскую духовную академию, которую окончил в 1880 г. со степенью кандидата богословия. С 31.08.1880 – преподаватель Екатеринодарского духовного училища. С 26.06.1881 – законоучитель реального училища в г. Ростове-на-Дону. С 01.01.1883 – законоучитель мужской гимназии в г. Новочеркасске. В 1892 г. пострижен в монашество, назначен ректором Ставропольской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. 24.10.1893 хиротонисан во епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. С 13.11.1893 – епископ Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии. С 21.10.1897 – епископ Олонецкий и Петрозаводский. С 20.01.1901 – епископ Нижегородский и Арзамасский. 12–26.07.1908 – председатель противораскольнической комиссии 4 Всероссийского миссионерского съезда в г. Киеве. 06.05.1909 возведен в сан архиепископа. С 13.08.1910 – архиепископ Полтавский и Переяславский. С 08.03.1913 – архиепископ Херсонский и Одесский. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. 28.09(11.10). 1917 уволен от управления епархией на покой (по особому постановлению Собора) с назначением управляющим Московским Симоновым монастырем. С 1919 г. – управляющий Московским Донским монастырем. Весной 1920 г. временно управляющий Курской епархией. С 1920 г. – архиепископ Курский и Обоянский. В 1920 г. арестован в г. Курске по «делу виленских угодников» и перевезен в Москву. Обвинялся в составлении «подложного акта вскрытия мощей». Освобожден; получил разрешение жить на частной квартире в Москве. В начале августа 1921 г. возведен в сан

митрополита. В 1923 г. уволен на покой. С 1925 г. – митрополит Курский и Обоянский. В 1927 г. находился в заключении в Соловецком лагере особого назначения. Скончался в ссылке. № 44

НИКАНДР (Молчанов Николай Дмитриевич; 01.04.1852, Московская губ. – 05.06.1910) – архиепископ Литовский и Виленский, духовный писатель. Родился в семье диакона. В 1878 г. окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия и назначен преподавателем греческого языка Тамбовской духовной семинарии. 30.01.1884 удостоен степени магистра богословия. 18.07.1885 пострижен в монашество. 20.07.1885 рукоположен во иеродиакона, 21.07.1885 – во иеромонаха и назначен ректором Тамбовской духовной семинарии с возведением 30.08.1885 в сан архимандрита. 10.02.1891 хиротонисан во епископа Нарвского, викария Санкт-Петербургской епархии. 19.12.1893 назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии с оставлением викарием той же епархии. С 23.08.1895 – епископ Симбирский и Сызранский. С 1903 г. – почетный член Казанской духовной академии. С 23.04.1904 – архиепископ Литовский и Виленский. В 1909 г. член Св. Синода. № 54

НИКАНОР (Каменский Никифор Тимофеевич; 25.05.1847, Астраханская губ. – 27.11.1910) – архиепископ Казанский и Свияжский, духовный писатель. В 1868 г. окончил Астраханскую духовную семинарию и 03.11.1868 рукоположен во иерея. Овдовев, поступил в Казанскую духовную академию, которую окончил в 1874 г. и был назначен законоучителем Казанской учительской семинарии. 30.01.1879 удостоен степени магистра богословия. 06.10.1879 назначен ректором Казанской духовной семинарии в сане протоиерея. 19.01.1889 пострижен в монашество, 19.02.1889 возведен в сан архимандрита. 07.03.1891 хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. С 16.04.1893 – епископ Архангельский и Холмогорский. С 10.02.1896 – епископ Смоленский и Дорогобужский. С 02.01.1899 – епископ Орловский и Севский. С 28.03.1902 – епископ Екатеринбургский и Ирбитский. С 26.11.1903 – епископ Гродненский и Брестский. 09.12.1905 возведен в сан архиепископа и назначен архиепископом Варшавским и Привислинским; 31.12.1905 удостоен степени доктора богословия. С 05.04.1908 – архиепископ Казанский и Свияжский. Ревнитель и покровитель церковно-исторического и археологического направления в богословской науке и церковно-общественной деятельности. № 13

НИКАНОР (Надеждин Николай, 1859, Ярославская губ. – 1916) – епископ Олонецкий и Петрозаводский. Родился в семье священника. В 1881 г. окончил Ярославскую духовную семинарию и поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. Будучи студентом, 04.04.1884 пострижен в монашество, 24.03.1885 рукоположен во иеромонаха. В 1885 г. окончил академию со степенью кандидата богословия и назначен преподавателем Литовской духовной семинарии. С 1888 г. – инспектор Тифлисской духовной семинарии. С 1891г. – ректор Томской духовной семинарии в сане архимандрита.

07.12.1897, хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии.

С 27.09.1898 – епископ Якутский и Вилюйский. С 17.01.1905 – епископ Пермский и Соликамский. С 28.11.1908 – епископ Олонецкий и Петрозаводский. № 42

НИКОДИМ (Боков Николай Павлович; 17.01.1850, Тамбовская губ. – 13.03.1914) – епископ Астраханский и Енотаевский. Родился в семье священника. В 1872 г. окончил Тамбовскую духовную семинарию и определен псаломщиком и учителем школы в с. Копыла Тамбовской губ. 08.11.1873 рукоположен во иерея к церкви с. Кулаева Казанской епархии, затем служил в кафедральном соборе г. Казани и был председателем управления епархиального свечного завода. В 1887 г., овдовев, поступил в Казанскую духовную академию, которую окончил в 1891 г. со степенью кандидата богословия. 15.08.1891 назначен инспектором Тульской духовной семинарии, 06.10.1891 пострижен в монашество. 28.02.1893 возведен в сан архимандрита и 01.03.1893 назначен ректором Симбирской духовной семинарии. 23.07.1895 хиротонисан во епископа Сарапульского, викария Вятской епархии. С 17.12.1900 – епископ Приамурский и Благовещенский. С 03.11.1906 – епископ Рязанский и Зарайский. С 25.07.1911 – епископ Полоцкий и Витебский. С 08.03.1913 – епископ Астраханский и Енотаевский. Один из выдающихся его трудов – Катехизические трактаты об основных догматах веры. №73

НИКОЛАЙ (Налимов Николай Александрович; 19.06.1852, г. Новая Ладога Санкт-Петербургской губ. – 13.07.1914, Санкт-Петербург) – архиепископ Владимирский и Суздальский. Родился в семье священника. В 1877 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия и назначен преподавателем Александро-Невского духовного училища. С 28.08.1878 – помощник инспектора и преподаватель в семинарии. 08.06.1885

пострижен в монашество, 12.06.1885 рукоположен во иеромонаха. С 17.01.1886 – ректор Смоленской духовной семинарии, 26.01.1886 возведен в сан архимандрита. С 21.03.1889 – ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии. 05.08.1890 хиротонисан во епископа Ладожского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 24.10.1892, – епископ Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии. С 13.11.1893 – епископ Саратовский и Царицынский. С 16.01.1899 – архиепископ Финляндский и Выборгский; с 08.04.1905 – архиепископ Тверской и Кашинский. С 01.07.1905 – архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. С 23.06.1906 – архиепископ Владимирский и Суздальский. Погребен в Александро-Невской Лавре. № 68

НИКОН (Софийский Николай Андреевич; 14.05.1861, Солигаличский уезд Костромской губ. – 28.05.1908, Тбилиси) – архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. Окончил Костромскую духовную семинарию.

20.02.1882 назначен надзирателем Макарьевского духовного училища.

20.02.1882 рукоположен во иерея. Овдовев в 1884 г., поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1887 г. пострижен в монашество, в 1888 г. окончил академию со степенью кандидата богословия и был назначен инспектором Санкт-Петербургской духовной семинарии. 30.03.1891 переведен ректором Владимирской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. Его нравственную личность характеризует один факт: на его жизнь покушался один из воспитанников семинарии. После ареста злоумышленника о. архимандрит сам поехал хлопотать за него и добился его освобождения, впоследствии, будучи уже епископом, назначил своего обидчика псаломщиком. 08.03.1898 хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. С 06.02.1899 – епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии. С 10.12.1901 – епископ Вятский и Слободской. С 27.11.1904 – епископ Владимирский и Суздальский. 06.05.1906 возведен в сан архиепископа. С 09.06.1906 – архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. По его инициативе был восстановлен памятник грузинской церковной древности – Мцхетский собор. Начаты пересмотр и исправление священных и богослужебных книг на грузинском языке. Его борьба с грузинскими автокефалистами закончилась трагически: 28.05.1908 он был убит грузинскими националистами. По завещанию был погребен в Успенском соборе г. Владимира. № 16

ПАИСИЙ (Виноградов Петр Иванович; 19.12.1837, Новгородская губ. – 26.12.1908, Иоанно-Предтечский монастырь Астраханской губ.) – епископ Туркестанский и Ташкентский. В 1857 г. окончил Новгородскую духовную семинарию. 01.10.1858 рукоположен во иерея и до 1863 г. состоял военным священником при церкви Ладожского полка, а потом Кабардинского. В 1868 г. овдовев, поступил в Московскую духовную академию, богословское отделение которой окончил в 1872 г. со степенью кандидата богословия и назначен преподавателем Витебской духовной семинарии. С 1874 г. – законоучитель Витебских мужских и женских гимназий. 28.07.1882 назначен исполнять должность ректора Витебской духовной семинарии, пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита. Редактор «Полоцких епархиальных ведомостей». С июля 1886 г. – ректор Тифлисской духовной семинарии. С 1889 г. – настоятель Владимиро-Волынского монастыря. 07.07.1891 хиротонисан во епископа Владимиро-Волынского, викария Волынской епархии. С 16.06.1902 – епископ Кременецкий, викарий Волынской епархии. С 18.12.1902 – епископ Туркестанский и Ташкентский. С 20.01.1906 – на покое; с 23.08.1907 – настоятель Иоанно-Предтеченского монастыря Астраханской епархии, где и скончался. № 5

ПАРФЕНИЙ (Левицкий Панфил; 28.09.1858, с. Плешивце Годяческого уезда Орловской губ. – 16.01.1922, Полтава) – архиепископ Полтавский и Переяславский. Окончил Полтавскую духовную семинарию, в 1884 г. – Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 14.08.1884 – помощник смотрителя Переяславского духовного училища. В январе 1894 г. пострижен в монашество, 26.01.1894 рукоположен во иеромонаха и назначен смотрителем Звенигородского духовного училища. С 1894 г. – инспектор Вифанской духовной семинарии. В 1895 г. возведен в сан архимандрита и назначен ректором Вифанской духовной семинарии. С 1897 г. – ректор Московской духовной семинарии. 10.10.1899 хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. С 08.06.1901 – первый викарий Московской епархии. С 16.03.1902 – сверхштатный член Московской Синодальной конторы и викарий той же епархии. С 04.12.1904 – епископ Подольский и Брацлавский. С 15.02.1908 – епископ Тульский и Белевский. 06.05.1911 возведен в сан архиепископа. 25.05.1917 уволен на покой, проживал в Ахтырском монастыре Харьковской епархии. С 1920 г. – архиепископ Полтавский и Переяславский. № 46

ПЕТР (Другое Алексей Николаевич; 13.03.1858, Москва– 1917, Москва) – епископ Смоленский и Дорогобужский. Окончил 2-ю Московскую гимназию. В 1881 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета со степенью кандидата. В 1883 г. сдал экзамен на магистра русской словесности. 23.03.1884 пострижен в монашество. 07.04.1884 рукоположен во иеродиакона, 03.06.1884 – во иеромонаха. В 1884 г. выдержал экзамен в Московской духовной академии на степень кандидата богословия и оставлен при академии. С 28.01.1885 – инспектор Вифанской духовной семинарии. 28.01.1889 назначен ректором Владимирской духовной семинарии, 12.02.1889 возведен в сан архимандрита. С 1891г. – исполняющий должность инспектора Московской духовной академии. С 23.04.1892 – ректор Киевской духовной академии. 19.09.1893 хиротонисан во епископа Сухумского, викария Харьковской епархии. С 17.01.1895 – епископ Сумской, викарий Харьковской епархии. С 30.05.1899 – епископ Смоленский и Дорогобужский. 15.02.1908 уволен на покой с пребыванием в Новоиерусалимском Воскресенском монастыре. № 50,76

ПИТИРИМ (Оков Павел Васильевич; 28.06.1858, мыс Коженгузен Рижского уезда Лифляндской губ. – 02.02.1920, Новороссийск) – митрополит Петроградский и Ладужский. Родился в семье протоиерея. В 1879 г. окончил Рижскую гимназию. В 1883 г. – Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 03.06.1883 пострижен в монашество, 12.06.1883 рукоположен во иеродиакона, 19.06.1883 – во иеромонаха и 19.06.1883 назначен преподавателем Киевской духовной семинарии. С 26.09.1887 – инспектор Ставропольской духовной семинарии, с 24.03.1890 – ее ректор. 08.04.1890 возведен в сан архимандрита. С 11.09.1891 – ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии. 17.08.1894 хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии. С 02.11.1896 – епископ Тульский и Белевский. С 17.06.1904 – епископ Курский и Белгородский. С 25.02.1905 именовался Курским и Обоянским. 06.05.1909 возведен в сан архиепископа. С 04.10.1911 – архиепископ Владикавказский и Моздокский. С 22.12.1913 – архиепископ Самарский и Ставропольский. С 26.06.1914 – архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии, член Св. Синода. 23.11.1915 возведен в сан митрополита и назначен митрополитом Петроградским и Ладужским. 02.03.1917 был арестован Временным правительством наряду с царскими министрами, вскоре освобожден и постановлением Св. Синода 06.03.1917 уволен на покой с пребыванием в Успенском монастыре на горе Бештау (г. Пятигорск). При отступлении армии Деникина переехал в г. Екатеринодар, потом Новороссийск, где и скончался. №№ 15,17,19,22,37, 51, 67, 77

СЕРАФИМ (Мещеряков Яков Михайлович; 18.03.1860, с. Хлыстовка Пензенской губернии – 07.05.1933, Ростов-на-Дону) – митрополит Ставропольский и Кавказский. Родился в крестьянской семье. В 1881 г. окончил Пензенскую классическую гимназию и поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, 13.10.1884 пострижен в монашество, 28.10.1884 рукоположен в сан иеродиакона, 08.03.1885 – во иеромонаха, в 1885 г. окончил академию со степенью кандидата богословия. С 15.09.1885 – смотритель Холмского духовного училища. В 1888 г. назначен инспектором Холмской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. С 1893 г. – ректор Тифлисской духовной семинарии, одновременно член Грузино-Имеретинской Синодальной канцелярии. 23.08.1898 хиротонисан во епископа Острожского, викария Волынской епархии. В 1899 г. удостоен степени магистра богословия за диссертацию на тему «Прорицатель Валаам». С 04.06.1902 – епископ Полоцкий и Витебский. 25.07.1911 возведен в сан архиепископа Иркутского и Верхотурского. В 1915 г. уволен на покой с пребыванием в Красноярском Успенском монастыре. С 1916 г. – настоятель Николо-Бабаевского монастыря Костромской губернии. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. С 16.07.1922 – архиепископ Костромской и Галицкий. 16.07.1922 уклонился в обновленческий раскол. Вместе с митрополитом Сергием (Страгородским) и архиепископом Евдокимом (Мещерским) подписал заявление о признании обновленческого ВЦУ, вошел в обновленческий Священный Синод. В 1922 г. – обновленческий «митрополит» Могилевский. В 1924 г. – обновленческий «митрополит» Минский. 11.09.1924 публично покался (на патриаршем богослужении), был принят в сущем сане (архиепископа). Арестован 25.10.1925, отправлен на Соловки, провел 2 года в Соловецком лагере. С 12.07.1927 – архиепископ Тамбовский. С 10.08.1928 – архиепископ Ставропольский. 19.06.1932 возведен в сан митрополита, митрополит Ставропольский и Кавказский. Арестован 17.01.1933 в г. Кропоткине. Тройкой при ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и Дагестанской ССР от 02.04.1933 приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян. № 12

СЕРГИЙ (Страгородский Иван Николаевич; 11.01.1867, г. Арзамас Нижегородской губ. – 15.05.1944, Москва) – патриарх Московский и всея Руси. Родился в семье протоиерея. В 1880 г. окончил Арзамасское духовное училище, а в 1886 г. – Нижегородскую духовную семинарию; поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. 30.01.1890 пострижен в монашество. 21.05.1890 рукоположен во иеромонаха. В 1890 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата (магистранта) богословия. С 13.06.1890 – член Японской духовной миссии. В декабре 1891 г. – судовой священник на корабле «Память Азова». С 1893 г. – исполняющий должность доцента Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре Священного Писания Ветхого Завета. С 13.12.1893 – исполняющий дела инспектора Московской духовной академии. С 21.09.1894 – настоятель посольской церкви в г. Афины (Греция) в сане архимандрита. В 1895 г. удостоен степени магистра богословия за диссертацию на тему «Православное учение о спасении». С 1897 г. – помощник начальника Японской духовной миссии. С 29.07.1899 – ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии. С 06.10.1899 – инспектор Санкт-Петербургской духовной академии. С 25.01.1901 – ректор Санкт-Петербургской духовной академии. 25.02.1901 хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 06.10.1905 – архиепископ Финляндский и Выборгский. В 1906 г. избран почетным членом Санкт-Петербургской духовной академии. 06.05.1911 – член Св. Синода. 03.1912 – Председатель Предсоборного Совещания при Св. Синоде. 04.04.1913–14.01.1915 председатель Миссионерского совета при Св. Синоде. Член Предсоборного Совета. 10(23).08.1917 избран архиепископом Владимирским и Шуйским. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., председатель Отдела о церковном суде; избран членом Св. Синода при Патриархе Тихоне. 28.11(11.12). 1917 возведен в сан митрополита. С декабря 1919 по 1920 г. находился в Москве. В январе 1921 г. арестован в Москве по обвинению в «нарушении декрета об отделении церкви от государства». В 1921 г. (январь – весна) – в заключении в тюрьме ВЧК в Москве, затем в Бутырской тюрьме. В июне 1921 г. выслан в г. Нижний Новгород. 18.04.1922 арестован в Москве. Привлекался по делу о хищениях в Суздальской ризнице. Осужден Владимирским губсудом. Приговорен к лишению свободы на 1 год. Амнистирован. 16.06.1922 уклонился в обновленческий раскол; вместе с архиепископом Костромским и Галичским Серафимом (Мещеряковым) и архиепископом Нижегородским Евдокимом (Мещерским) выпустил декларацию о признании каноничности самочинного обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ). 28.08.1923 покаянием был принят в лоно Русской Православной Церкви. В 1923 г. – в заключении в тюрьме г. Владимира. Осужден. Приговорен к заключению в тюрьме на 3 года. Амнистирован через 1 год. 18.03.1924 митрополит Нижегородский. 21.05.1924 включен в состав членов Св. Синода при Патриархе Тихоне. 06.12.1925 по завещательному распоряжению Патриаршего местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) о передаче высшей церковной власти в Русской Православной Церкви, в случае невозможности ему дальнейшего возглавления Церкви, назначен первым кандидатом на должность Заместителя патриаршего местоблюстителя. 14.12.1925 (после ареста митрополита Петра) направил на имя управляющего Московской епархией письмо с уведомлением о вступлении в исполнение обязанностей Заместителя патриаршего местоблюстителя. 01.06.1926 направил народному комиссару внутренних дел обращение с ходатайством о легализации церковного управления. 12.12.1926 арестован в г. Нижнем Новгороде по обвинению в «нелегальных выборах патриарха», а также в «нелегальном письменном сношении с эмигрантскими иерархами». С 14.12.1926 – в заключении во Внутренней тюрьме ОГПУ в Москве. 02.04.1927 освобожден под подписку о невыезде из Москвы. 27.05.1927 издал указ об образовании и легализации Временного Патриаршего Священного Синода и регистрации на местах органов епархиального управления. 29.07.1927 совместно с сонмом иерархов – членов Св. Синода подписал Послание (Декларацию) об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти, вызвавшую большие разногласия и разделения в Русской Православной Церкви. С 27.04.1934 – Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский. С 27.12.1936 – Патриарший местоблюститель. 19.10.1941–08.1943 находился в эвакуации в г. Ульяновске. 31.08.1943 возвратился в Москву. 04.09.1943 возглавлял делегацию архиереев на приеме у И. В. Сталина. В сентябре 1943 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви избран патриархом Московским и всея Руси. № 58,65

СИМЕОН (Покровский Сергей Иванович; 24.09.1846, с. Маркино Пензенской губ. – 20.11.1913) – епископ Самарский и Ставропольский. Родился в семье псаломщика. Окончил

Красноярское духовное училище. В 1868 г. – Томскую духовную семинарию. С 11.09.1868 – учитель Красноярского духовного училища. В 1873 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия и назначен преподавателем Священного Писания в Вятскую духовную семинарию. С 15.12.1884 – инспектор Тверской духовной семинарии. 21.07.1888 пострижен в монашество, 28.07.1888 рукоположен во иеромонаха. С 06.09.1890 – ректор Волынской духовной семинарии. 23.09.1890 возведен в сан архимандрита. 31.10.1893 хиротонисан во епископа Глазовского, викария Вятской епархии. С 12.11.1894 – епископ Екатеринбургский и Ирбитский. С 12.06.1896 – епископ Екатеринославский и Таганрогский; с 01.04.1911 именовался Екатеринославским и Мариупольским. С 04.10.1911 – епископ Самарский и Ставропольский. № 7

СТЕФАН (Архангельский Николай; 22.07.1861, Пензенская губ.– 18.06.1914) – архиепископ Курский и Обоянский. В 1885 г. окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия и назначен преподавателем Симбирского духовного училища. С 1891 г. одновременно занял должность преподавателя Симбирской Мариинской гимназии. С 1896 г. – преподаватель Кутаисской духовной семинарии. В 1897 г. удостоен степени магистра богословия. 03.06.1898 рукоположен во иерея (целибатом) и назначен инспектором той же семинарии. 27.11.1899 пострижен в монашество. В 1900 г. возведен в сан архимандрита и назначен ректором Тифлисской духовной семинарии. 27.01.1902 хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. С 29.04.1904 – епископ Могилевский и Мстиславский. 04.10.1911 возведен в сан архиепископа, назначен архиепископом Курским и Обоянским. 12.01.1912 удостоен степени доктора богословия. Ученый аскет, Св. Синод всегда посылал его ревизором в те епархии, где требовалась строгая ревизия. № 8

ТИХОН (Белавин Василий Иванович; 19.01.1865 дер. Клин Торопецкого уезда Псковской губ. – 07.04.1925, Москва) – святитель, Патриарх Московский и всея России. Первый Патриарх после восстановления патриаршества в России в ноябре 1917 г. Родился в семье священника. Окончил Торопецкое духовное училище, в 1878 г. Псковскую духовную семинарию. 11.06.1888 г. – Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата (магистранта) богословия. С 11.06.1888 – преподаватель основного, догматического и нравственного богословия, а также французского языка в Псковской духовной семинарии. В декабре 1891 г. пострижен в мантию епископом Псковским и Порховским Гермогеном (Добронравиным) в храме Псковской духовной семинарии (в честь св. Тихона Задонского, тезоименитство 13.08 ст. ст.). 22.12.1891 рукоположен во иеромонаха. С 17.03.1892 – инспектор Холмской духовной семинарии. 24.06.1892 назначен ректором Казанской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. С 16.06.1892 – ректор Холмской духовной семинарии. 19.10.1897 хиротонисан во епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии. 14.09.1898 – епископ Алеутский и Аляскинский. В 1900 г. переименован в епископа Алеутского и Североамериканского. 06.05.1905 возведен в сан архиепископа. С 25.01.1907 – архиепископ Ярославский и Ростовский. В январе 1910 г. избран почетным членом Санкт-Петербургской духовной академии. С 12.1913 – архиепископ Литовский и Виленский, 21.06(04.07)1917 свободным голосованием клира и мирян Московской епархии избран архиепископом Московским и Коломенским. С 23.06(06.07). 1917 – архиепископ Московский и Коломенский. 14(27).08.1917 возведен в сан митрополита. Член Предсоборного Совета. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., Председатель Священного Собора, Председатель Соборного Совета; третий кандидат на патриарший престол; избран Председателем Священного Синода и Высшего Церковного Совета. 5(18). 11.1917 Поместным Собором Православной Российской Церкви (по жребию, после закрытого голосования) избран и наречен Патриархом Московским и всея России в московском храме Христа Спасителя. 21.11(04.12)1917 в Успенском соборе Московского Кремля совершилось поставление (интронизация) нареченного Патриарха, митрополита Московского и Коломенского Тихона в Патриарха Московского и всея России. 18(31). 12.1917 выпустил послание о вступлении на патриарший престол Православной Российской Церкви. 24.11.1918 заключен под домашний арест на Троицком подворье в Москве. 25.11.1919 снова второй раз заключен под домашний арест на Троицком подворье в Москве. Обвинялся в «контрреволюционной агитации путем рассылки воззваний и сношения с Колчаком и Деникиным». 18.05.1920 издал постановление о предоставлении епархиальным архиереям права решать на местах все церковные дела в случае прекращения связи с каноническим центром. В июне 1920 г. привлекался в качестве свидетеля в московском народном суде по «делу Виленских угодников». В мае 1922 г. привлечен к

гражданскому суду по обвинению в «противодействии изъятию церковных ценностей». 12.05.1922 выпустил послание о временной передаче патриарших прав и обязанностей митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому). 31.05.1922 заключен под домашний арест в Московском Донском монастыре. До 10.04.1923 находился под следствием. Обвинялся в «контрреволюционной деятельности, невыполнении декретов советской власти и возбуждении населения к массовым волнениям с использованием религиозных предрассудков масс» (по статьям 62 и 119 УК РСФСР). С 18.04 по 26.06.1923 находился в заключении во Внутренней тюрьме ОГПУ. 16.06.1923 обратился в Верховный суд РСФСР с заявлением, в котором просил освободить его из-под стражи. 25.06.1923 освобожден. 01.07.1923 выпустил воззвания к архипастырям, пастырям и пасомым Русской Православной Церкви, в которых осудил действия обновленцев. В ноябре 1923 г. сделал завещательное распоряжение о преемстве высшей церковной власти в Русской Православной Церкви на случай своей кончины. 22.03.1924 по постановлению Президиума ЦИК следственное дело по обвинению Патриарха Тихона было прекращено. 07.01.1925 сделал новое завещательное распоряжение о преемстве высшей церковной власти на случай своей кончины. 13.01.1925 переехал из Московского Донского монастыря в частную клинику Бакуниной на ул. Остоженке. В марте 1925 г. ОГПУ СССР постановило открыть новое следственное дело по обвинению Патриарха Тихона в том, что он «составлял сведения о репрессиях, применяемых советской властью по отношению к церковникам с целью дискредитации советской власти». 12.04.1925 погребен в Малом соборе Московского Донского монастыря. Канонизирован Архиерейским Собором Русской Церкви 22.02.1992. № 25

ТИХОН (Василевский Николай; 01.05.1867, Полтавская губ. – 17.07.1927, Воронеж) – бывш. архиепископ Курский и Обоянский, обновленческий «митрополит» Киевский и Галицкий. Родился в семье псаломщика. В 1891 г. окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1891 г. – инспектор Ладинского епархиального женского училища. С 1892 г. – учитель Херсонского духовного училища. С 1893 г. – учитель Полтавского духовного училища. 17.06.1895 пострижен в монашество. 28.06.1895 рукоположен во иеромонаха. С 1895 г. – инспектор Томской духовной семинарии. С 1897 г. – инспектор Минской духовной семинарии. В 1898 г. возведен в сан архимандрита и назначен ректором Минской духовной семинарии. С 09.12.1899 – председатель Минского епархиального учительского совета. 26.05.1903 хиротонисан во епископа Балтского, викария Подольской епархии. С 16.06.1905 – епископ Костромской и Галицкий. 11.07.1914 возведен в сан архиепископа. С 11.07.1914 – архиепископ Курский и Обоянский. С 15.05.1917 – архиепископ Курский и Белгородский; с 02.09.1917 – на покое. С 1917 г. – архиепископ Воронежский и Задонский. В 1923 г. уклонился в обновленческий раскол и был возведен в сан «митрополита» Киевского. Возглавлял Гомельскую, Воронежскую, Киевскую обновленческие кафедры. Скончался на Воронежской обновленческой кафедре без воссоединения с Православной Церковью. № 48

ТИХОН (Никаноров Василий Варсонофьевич; 30.01.1855, Новгородская епархия – 09.01.1919, Воронеж) – архиепископ Воронежский и Задонский. Родился в семье псаломщика. В 1877 г. окончил Новгородскую духовную семинарию, в 1881 г. – Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 01.08.1888 – помощник смотрителя Белозерского училища. С 25.04.1884 – инспектор Новгородской духовной семинарии. 15.06.1884 пострижен в монашество, 08.07.1884 рукоположен во иеродиакона, 10.07.1884 – во иеромонаха. 25.12.1888 возведен в сан игумена. 25.12.1890 возведен в сан архимандрита и назначен ректором Новгородской духовной семинарии. С 21.01.1891 – настоятель монастыря св. Антония Римлянина в г. Новгороде. 02.02.1892 хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. С 20.08.1899 – епископ Полоцкий и Витебский. С 04.06.1902 – епископ Пензенский и Саранский. С 25.07.1907 на покое, 31.08.1907 назначен управляющим, на правах настоятеля, Воскресенским Новоиерусалимским монастырем. С 23(25?).06.1912 – епископ Калужский и Боровский. С 13.05.1913 – архиепископ Воронежский и Задонский. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. Был повешен безбожниками на Царских Вратах в церкви монастыря свт. Митрофана в Воронеже вместе с 160 священнослужителями. Канонизирован Архиерейским Собором Русской Церкви 13–16.08.2000. № 60

ТИХОН (Троицкий-Донебин Михаил Михайлович; 04.01.1831, с. Сушково Рязанской губ. – 29.06.1911) – архиепископ Иркутский и Верхотенский. Родился в семье диакона. В 1853 г. окончил Рязанскую духовную семинарию. 07.05.1853 рукоположен во иерея к Владимирской

церкви г. Рязани, при рукоположении получил фамилию Донебин. Овдовев, поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1861 г. со степенью кандидата богословия. 14.09.1861 пострижен в монашество и назначен преподавателем Новгородской духовной семинарии, с 16.03.1863 – инспектор той же семинарии. 06.12.1866 возведен в сан архимандрита. С 26.03.1871 – исполняющий должность ректора Кавказской духовной семинарии. 18.07.1882 хиротонисан во епископа Сарапульского, викария Вятской епархии. С 08.03.1886 – епископ Енисейский и Красноярский. С 28.03.1892 – епископ Иркутский и Нерчинский. С 12.03.1894 – архиепископ Иркутский и Верхотенский. 07.03.1903 был отмечен пятидесятилетний юбилей служения в священном сане. № 36

ФИЛАРЕТ (Никольский Гавриил; 06.03.1858, Костромская губ. – 1922, Архангельская губ.) – архиепископ Самарский. Родился в семье диакона. В 1880 г. окончил Костромскую духовную семинарию и определен надзирателем Костромского духовного училища. 11.10.1881 рукоположен во иерея. Семь лет прослужил приходским священником. Овдовев, поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. 25.09.1888 пострижен в монашество. В 1891 г. окончил академию со степенью кандидата богословия и назначен инспектором Тифлисской духовной семинарии. С 1892 г. – ректор Казанской духовной семинарии в сане архимандрита. С 1895 г. – ректор Тульской духовной семинарии.

20.12.1898 хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 30.01.1904 – епископ Глазовский, викарий Вятской епархии. С 27.11.1904 – епископ Вятский и Слободской. С 20.03.1914 – архиепископ Астраханский и Енотаевский. 24.05.1916 уволен на покой. В 1918–1920 гг. – временно управляющий Костромской епархией. С 1920 г. – архиепископ Самарский. По одним сведениям, умер в 1921 г., по другим данным – замерз, находясь в ссылке в Архангельской губ. в 1922 г. № 47

ФЛАВИАН (Городецкий Николай Николаевич; 26.07.1840, Орел – 04.11.1915, Киев, Киево-Печерская Успенская Лавра) – митрополит Киевский и Галицкий. Родился в дворянской семье. С десяти лет круглый сирота, воспитывался в доме тетки. После окончания гимназии поступил на юридический факультет Московского университета. Глубокая религиозная настроенность, полученная с малых лет, побудила его отправиться в монастырь, на четвертом курсе он направился в Николо-Угрешский монастырь, где был принят в число послушников. 10.12.1863 перешел послушником в Симонов монастырь. В 1886 г. поступил секретарем к архимандриту Гурию (Карпову), назначенному настоятелем посольской церкви в Риме. 17.02.1866 пострижен в монашество. 18.02.1866 рукоположен во иеродиакона. Вследствие перерыва сношений с папским двором архимандрит Гурий и иеродиакон Флавиан вернулись в Россию, в г. Казань. Архимандрит Гурий был назначен епископом Чебоксарским, викарием Казанской епархии, с поручением ему управлять Спасо-Преображенским монастырем, куда иеродиакон Флавиан был зачислен послушником и 09.04.1867 рукоположен во иеромонаха. 15.02.1868 перемещен в г. Симферополь в число братии Таврического архиерейского дома. 06.06.1873 назначен членом Пекинской миссии, где в течение 10 лет проходил миссионерское служение; изучив китайский язык, принял на себя труд перевода богослужебных книг и книг религиозно-нравственного содержания, собирал материалы для китайско-русского словаря. 02.12.1879 назначен начальником Миссии с возведением в сан архимандрита. В 1884 г. возвратился в Россию и был зачислен в число братии Александро-Невской Лавры.

02.02.1885 хиротонисан во епископа Аксайского, викария Донской епархии. С 29.06.1885 – епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии. С 14.12.1891 – епископ Холмский и Варшавский. На Холмской кафедре вел борьбу с католицизмом. 15.05.1892 возведен в сан архиепископа. С 21.02.1898 – архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. С 10.11.1901 – архиепископ Харьковский и Ахтырский. С 01.02.1903 – митрополит Киевский и Галицкий. Член Св. Синода. Почетный член Санкт-Петербургской, Казанской и Киевской духовных академий. № 30

ХРИСТОФОР (Смирнов Федор Алексеевич; 08.02.1843, с. Вешки Юхновского уезда Смоленской губ. – после 1918) – епископ Уфимский и Мензелинский. Родился в семье диакона. Окончил Смоленскую духовную семинарию, а в 1869 г. – Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 02.12.1870 утвержден в степени магистра богословия. С 30.12.1871 – доцент Киевской духовной академии по археологии и литургике. С 28.10.1877 – экстраординарный профессор Киевской духовной академии. 27.03.1883 пострижен в монашество, 13.04.1883 рукоположен во иеродиакона, 14.04.1883 – во иеромонаха. 03.06.1883

назначен ректором Тамбовской духовной семинарии, 17.07.1883 возведен в сан архимандрита. С 13.06.1860 – ректор Вифанской духовной семинарии. С 30.06.1886 – ректор Московской духовной академии. 25.05.1887 хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. С 13.12.1890 уволен от управления епархией и ректорства, назначен управляющим Воскресенским Новоиерусалимским монастырем. С 19.12.1892 – епископ Ковенский, викарий Литовской епархии. С 06.06.1897 – епископ Екатеринбургский и Ирбитский. С 29.03.1900 – епископ Подольский и Брацлавский. С 26.11.1903–епископ Уфимский и Мензелинский. С 17.10.1908 уволен на покой по болезни, согласно прошению, с местопребыванием в Вяземском Спасо-Предтеченском монастыре Смоленской епархии. № 29

Примечания

¹ - Проф. Голубинский («Церк. Ист.» т. 1, гл. 3, с. 236) говорит: «Патриархи собирали митрополитов на областные соборы не ежегодно, а по мере нужды и усмотрению. Ежегодно обязаны были собирать соборы епархиальные митрополиты из подведомых им епископов; патриарх же собирал ежегодные соборы только из непосредственно подведомых ему архиепископов и из митрополитов титулярных (каковые у греков были) или не имевших под собой епископов, но не из митрополитов действительных. Это затем, чтобы, собирая ежегодные Соборы из митрополитов действительных, не лишиться последних возможности собирать свои собственные соборы». См. у Ралли, 2, 325 и 3, 536.

² - Новелла императора Алексея Комнина у Ралли и П. 5, 303: «Апостолы не для инаго чего обходили вселенную, как для того, чтобы преподавать правое проповедание всем людям. Итак, должно и архиереям, которые наследовали их честь, каждому подобным образом делать в своем округе, поскольку не служит к унижению архиерея, а напротив к величайшей чести, если он взойдет и в хижину бедняка, обстоятельно познакомится с его положением и направит его на путь благочестия, ибо такой архиерей делается подражателем учеников Христовых и Самого Христа, и этим преимущественно исполняет обязанность архиерейского звания... Итак, пусть знает всякий архиерей, что он облечен на этот духовный труд и он должен это исполнить, как и блаженные оные отцы (древние архиереи) и самые божественные апостолы во всю жизнь творили это».

³ - Попечительства при церквях и братства руководятся существующими о сем положениями.

⁴ - Автор статьи в «Миссионерском Обозрении» № 19 за 1904 г. П. Козицкий; «Церковные Ведомости», за 1905 г. № 39.

⁵ - «Церковные Ведомости» за 1904 г. № 17. Статья Лебедева.

⁶ - Архим. Никон; «Ректор духовной семинарии», печатавший свои статьи в «С.-Петербургские Ведомости» за 1905 г.: «Чего желать для нашей духовной школы»; епископ Могилевский Стефан и др.

⁷ - См. у преосв. Стефана стр. 6 под цифрой 4.

⁸ - Так в издании вместо ἰδίουτοῦ ἐσθῶ. — Редакция Азбуки веры.

⁹ - Кстати, здесь уместно поставить вопрос: не потому ли возникают постоянные волнения в наших семинариях, что не в меру усердные духовные руководители их, вовсе не считаясь с законами психического развития, слишком рано начинают своих питомцев вгонять в рамки (разумею специальную подготовку к священству), до которых те просто не доросли еще; и с этой целью вместо того чтобы отодвинуть несколько эти рамки, производят над духовной личностью учащихся эксперименты настолько болезненные, что они естественно вызывают не только протест против экспериментаторов, но, так сказать, и неприязнь к самой клинике?

¹⁰ - В том случае, если бы на Поместном церковном Соборе было признано необходимым восстановить в русской Церкви патриаршество, и местопребывание патриарха было избрано в С.-Петербурге, митрополичью кафедру следовало бы учредить в Новгороде и самую митрополию наименовать Новгородской, изъяв из ее состава Петербургскую епархию.

¹¹ - Само собой разумеется, этим не уничтожается право апелляции.

¹² - См. прибавление к его брошюре «Необходимость обновления православного церковно-приходского строя». СПб., 1903.

¹³ - Замечания на проект положения об устройстве церковных советов или попечительств при православных церквях. 1863. Т. 5. Ч. 1. С. 470–474.

¹⁴ - К вопросу о постановке обучения и воспитания в духовных семинариях. Иркутск, 1905. С. 12, 62, 90, 104–106.

¹⁵ - К вопросу о постановке обучения и воспитания в духовных семинариях. Иркутск, 1905. С. 6, 8, 9, 14, 73.

¹⁶ - ПСЗ. 29 мая 1810 г. № 24 246.

¹⁷ - Город, полож. СПб., 1901. С. 91.

¹⁸ - Город, полож. СПб., 1901. С. 97.

- ¹⁹ - Прав. св. ап., св. Соборов Всел. и Пом. и св. отцов с толкованиями / Изд. Моек. общ. люб. дух. проев. М., 1867. С. 323–324. Наша славянская кормчая в своем толковании 6-го апост. прав, требует: «Епископу, пресвитеру или диакону подобает заступати вдовиц и сирот и не-мощные управляти и не дати в руце обидящим стяжания их».
- ²⁰ - Суворов Я Курс церковного права. Гл. 11. С. 459–460.
- ²¹ - То же в Америке.
- ²² - Профессор Знаменский в своей «Истории дух. просвещения России» замечает, что Духовное Ведомство неспособно успешно вести духовные школы.
- ²³ - Собрание государственных грамот и договоров. И. 98–99.
- ²⁴ - Митр. Макарий. 11. 12.
- ²⁵ - Митр. Макарий. 11. 25.
- ²⁶ - Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 4. № 327.
- ²⁷ - Деяния Московского Собора. 1654 г. (Москва, 1873). С. 16–17.
- ²⁸ - Митр. Макарий. 12. 175.
- ²⁹ - Митр. Макарий. 12. 192.
- ³⁰ - Материалы для истории раскола. 1. 131–133. «К сим же (прибавлено в Деянии) священ-ницы и диаконы, елико и их случися быти». Это, конечно, не члены собора, а просто присутствовавшие.
- ³¹ - Дело о патриархе Никоне, изд. Арх. Комиссии. СПб., 1897. С. 109–111.
- ³² - Гиббенет Н. А. Историческое исследование дела патр. Никона. Т. 1. СПб., 1882. С. 66.
- ³³ - Деяния Московских соборов 1666 и 1667 г. (Москва, 1881).
- ³⁴ - 1 Деяния Московских соборов 1666 и 1667 г. (Москва, 1881).
- ³⁵ - Дело о патр. Никоне. С. 440–443. Вслед за поименованным перечислением участников собора тут прибавлено: «И иным премногим священного чина люд ем, иноком же и бельцом».
- ³⁶ - Митр. Макарий. 12. 758.
- ³⁷ - Акты Арх. экс., Т. 1. № 259–260.
- ³⁸ - Николаевский П. Ф. Жизнь патр. Никона в ссылке. СПб., 1886. С. 93.
- ³⁹ - Чтения в Общей истории и древностей российских. 1876. Кн. 4. С. 196.
- ⁴⁰ - Древняя российская вивлиофика, Т. 6. С. 357–362.
- ⁴¹ - Акты исторические. Т. 5. № 194. С. 337–342.
- ⁴² - Митр. Евгений. Описание Киево-Софийского собора. Прил. С. 40–42.
- ⁴³ - Пам. Киев. Арх. Ком. (2 изд.). 3. 27. № 8.
- ⁴⁴ - Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 4. № 30.
- ⁴⁵ - Ibid. № 34.
- ⁴⁶ - Monumenta Confraternitatis Leopoliensis. 1. 319.
- ⁴⁷ - Арх. Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 10. 96–97.
- ⁴⁸ - Русская историческая библиотека. 19. 374–376, Ектезис.
- ⁴⁹ - Ibid. 357–358. От крестьянского населения не могло быть депутатов, так как оно было уже в крепостной зависимости.
- ⁵⁰ - В предшествующую эпоху, на Новгородском соборе 1415 года, избравшем Григория Цамблака на митрополию, присутствовали «бояре и вельможи, архимандриты и игумены, благоговейные иноки и попы». Соборная грамота написана была от лица восьми (поименованных в ней) западнорусских православных иерархов (Акты Зап. России. 1. 33. № 22).
- ⁵¹ - «Ἐπαναγωγή τοῦ νόμου...» – Компендиум действующего права, составленный в царствование византийского императора Василия Македонянина (867–886 гг.) при содействии патриарха Фотия, на основании «Πρόχειρος νόμος» и «Ἀνακάθαρσις» (собрание юридического материала, оставшегося в силе от Юстинианова законодательства).
- ⁵² - Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς Σύνταγμα 5. 474–486
- ⁵³ - Ibid. 490–495.
- ⁵⁴ - Соколов И. Константинопольская Церковь в 19 в. Т. 1. Приложение. С. 144–148.
- ⁵⁵ - Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς. Σύνταγμα 5. 513–523

- ⁵⁶ - Михаил Брек. Список антиохийских патриархов, в издании епископа Порфирия Успенского. Киев, 1874. С. 24; Жузе П. Грузия в 17 столетии по изображению патриарха Макария. Казань, 1905. С. 8; Иосселиани П. Краткая история грузинской Церкви. СПб., 1843. С. 13.
- ⁵⁷ - Картлис Цховреба. 1, 193; Жордания. Хроники. 1, 48; Обращение Грузии (груз.).
- ⁵⁸ - Жузе П. Грузия в 17 столетии. С. 9.
- ⁵⁹ - Жузе П. Грузия в 17 столетии. С. 9–10; Брек. С. 55; Никон Черногорец. Тактикой 54–2 Православный Палестинский Сборник. Вып. 16. С.
- ⁶⁰ - Картлис Цховреба. 1, 246; Жордания. 1, 75–76 (груз.).
- ⁶¹ - Жузе П. С. 8–10.
- ⁶² - Брек. С. 72.
- ⁶³ - Жордания. 1. 76–77 (груз.).
- ⁶⁴ - Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς. Σύναγμα. 2. 172.
- ⁶⁵ - Ibid. 6. 258.
- ⁶⁶ - Ibid. 5. 458.
- ⁶⁷ - Жузе П. Грузия в 17 в. С. 46–48.
- ⁶⁸ - Χρυσάνθου τοῦ μακαριωτάτου πατριάρχου Ἱεροσολύμων Συνταγμάτων. S 86–88 (изд. 1714 г.)
- ⁶⁹ - Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης, Πατριαρχικὰ ἔγγραφα. Τ 3. S. 205. Κωνστ., 1905.
- ⁷⁰ - Так, по словам митрополита Московского Филарета (в «Прибавлениях к Церковным Ведомостям» № 39 за 24 сентября 1905 г., с. 1659а, пункт 3), «Семинария ... представляет организм, в котором одна жизнь развивается и возвышается и над ветвями и листьями общего образования восходит духовный плод».
- ⁷¹ - О школе же начальной и совсем не говорю, так как с нею связаны свои особые вопросы, не соприкасающиеся непосредственно с потребностями и задачами церковно-пастырского приготовления.
- ⁷² - См. в журнале «Странник» за 1897 г. (№ 8, с. 519–540) мою статью «К вопросу о нуждах духовно-академического образования» (за подписью «Н. Вафинский»). Это был реферат, предназначавшийся для образованной митр. Палладием комиссии при СПб. дух. академии «для рассуждения о желательных изменениях в действующем академическом уставе (преимущественно по воспитательной части)» и функционировавшей (безрезультатно) в мае 1896 г.
- ⁷³ - См. «Прибавления к Церковным Ведомостям» № 39 за 24 сентября 1905 года. С. 1659,
- ⁷⁴ - Разумеется, к этому типу должны быть приспособлены и женские духовно-учебные школы.
- ⁷⁵ - Посему и патр. Никон требовал суда у Цареградского патриарха (ср. незнание сего правила проф. П. Тихомировым. О синодальном управлении Богословский Вестник. 1905), и сии-то правила имелись в виду и сознательно отрицались присягою членов Св. Синода (ныне отмененною) в том, что они крайним судьей своим почитают Российского Государя.
- ⁷⁶ - Этот округ полезно было бы учредить, как некоторую оппозицию католическому влиянию.
- ⁷⁷ - См.: Проект 32 // Церковный вестник. 1905. №21.
- ⁷⁸ - § 17 устава 1884 г., по моему мнению, должен остаться в уставе и на будущее время. – Епископ Тихон.
- ⁷⁹ - Лишь в том случае все церковные суммы могут быть всецело отданы в распоряжение прихода, если духовенство будет обеспечено таким жалованием, чтобы оно могло безбедно жить и воспитывать своих детей.
- ⁸⁰ - Постоянно, раз навсегда определенный оклад содержания, а не прогрессирующий через известное число лет службы, и отсутствие в консистории движения по служебной лестнице тоже служат большим побуждением не задерживаться на службе в консистории.
- ⁸¹ - Например, в здешней консистории ежедневно (в дни присутственные) до 40 входящих и до 50 исходящих.
- ⁸² - Выражение 4-го правила Ник. Собора, что митрополиты «утверждают таковыя действия» соборов в каждой области, нельзя понимать в смысле совершенной субординации, а именно так,

как понимали его отцы (Халк. 25-е), именно: что избранных соборами кандидатов на епископские кафедры он должен рукоположить в течение трех месяцев со дня избрания.

⁸³ - Точное заглавие названной статьи Ф. Жордания следующее: «К вопросу об отношении Церкви к государству», но в ней трактуется об участии государственных сановников на вселенских соборах.

⁸⁴ - Вот слова каноника Вальсамона: «Решение Константинопольского собора почтило самостоятельностью епископа Иверии. Во время святейшего патриарха великой Антиохии владыки Петра (Фулона) было синодальное постановление, по которому решено быть иверской Церкви свободною, главною и автокефальною, но в зависимости от патриарха» (см. История груз. Церкви. Я. Иоселиани, с. 35; его же. Жизнеописание свв. груз. Церкви, с. 19). В другом месте тот же Вальсамон помещает грузинскую Церковь в числе трех автокефальных церквей: болгарская, кипрская, иверская (см. Историю Церкви. Я. Иоселиани, с. 144, примеч.).

⁸⁵ - В особом докладе, поданном (во исполнение официального поручения) автором настоящей брошюры преосвященному Леониду, еп. Имеретин, и заключается проект преобразования церковного управления внутри России и в Грузии на основании Номоканона и древних обычаев иверской Церкви. Эта статья представляет выдержку из названного доклада.

⁸⁶ - Вот список тех католикосов: Варфоломей, Иоанн, Вавила, Табор, Самуил, Евнон, Тавпачаг, Евлалэ, Иоиль, Самуил, Георгий, Кирион, Изидбозид, Тэ, Петр и Мама (Мамант).

⁸⁷ - Константин Копроним 741–775.

⁸⁸ - Монахами они названы по принадлежности к монашескому званию, но они были в сане епископском.

⁸⁹ - Он управлял 599–609 гг. (Филарет 2, 169).

⁹⁰ - Это также подтверждает выше выраженную мысль, что с 553 года до 8 века вся зависимость грузинской Церкви от Антиохии выражалась в том, что избранные в Грузии автокефальные католикосы только для посвящения ездили в Антиохию, держась прежнего обычая.

⁹¹ - В то время царствовал не Давид, а Баграт 1.

⁹² - В «Антиохийских хрониках» указывается, что монахи присланы в качестве послов для получения разрешения посвящать католикосов на месте, а настоящая переделка эту инициативу, по известной тенденции, приписывает самому Антиохийскому патриарху, намеренно искажая или ослабляя смысл первоисточника в пользу авторитета Антиохийского патриарха, которому приписывается право поставлять не только католикосов, но и всех епископов для иверской Церкви. Но это, однако, противоречит изложенным далее фактам.

⁹³ - Мы приводим, главным образом, свидетельство иностранных источников, но в церковных актах сохранились хартии, говорящие об утверждении автокефалии грузинской Церкви 6 Вселенским и Антиохийским Соборами с подробным исчислением границ Иверского католикосата (одна из таких хартий в документах церковных за № 330 см. в «Хрониках» г. Жордания).

⁹⁴ - Духовенство, как крупный имущественный собственник и как деятель, всесторонне захватывающий государственную жизнь, участвует в выборах в Государственную Думу и само может быть избираемо на общих основаниях. Помимо сего, духовенство и миряне избирают духовных в Думу для представительства там за интересы Церкви.

⁹⁵ - Для краткости будем так выражаться, разумея здесь и раскол и другие разнообразные секты.

⁹⁶ - Закавказье в этом отношении находится в исключительном положении, здесь еще очень много мест, где почти или совсем не ступала нога миссионера и где сектанты, никогда не слышавшие слова миссионера, охотно идут на беседы с последним.

⁹⁷ - В настоящее время в Томске, например, возводится новое здание для женского епархиального училища, стоимостью около полумиллиона.

⁹⁸ - Во всех случаях, указанных выше, обвиняемые могут апеллировать в высшую инстанцию.

⁹⁹ - Ради воспитания детей многие землевладельцы переселяются в губернские и столичные города, а семьи служилых людей должны бываюьт высылаь в город для воспитания детей хозяйку дома.

¹⁰⁰ - По мнению ректора семинарии, при специально-богословской школе (по отделении ее от семинарии) должны быть два приготовительных класса с несколько измененным курсом 7-го и 8-го классов общеобразовательной семинарии, куда могли бы поступать все почувствовавшие призвание к пастырству, из 6-го и 7-го классов семинарий, гимназий, реального училища и лучшие ученики церковно-учительских школ.

¹⁰¹ - По мнению ректора семинарии, инспектора и пяти преподавателей, пункт этот неприменим к специально-богословской школе.

¹⁰² - По мнению ректора семинарии, если и возможно допустить подобные собрания воспитанников, то только при условии присутствия на них кого-либо из воспитателей или наставников, точно так же, если допустимы суды чести (о которых ниже), но только под ответственностью совета школы.

¹⁰³ - Кроме ректора семинарии.

¹⁰⁴ - Кроме ректора семинарии; то же и относительно дальнейшего.

¹⁰⁵ - Есть еще в законе категорическое воспрещение церквам и монастырям приобретать населенные недвижимые имущества (т. 9 Зак. о сост. изд. 1899 г. ст. 439 и 443). Населенными именами могут считаться только те, в которых сохранились еще обязательные отношения между крестьянами и помещиками; что же касается земель и угодий, принадлежащих к имениям, в которых обязательные отношения уже окончательно прекращены посредством выкупа угодий или обращением крестьян в государственные поселяне, то, очевидно, такие земли теряют характер населенных и переходят в общий разряд недвижимых имуществ (примеч. к ст. 385 т. 10 ч. 1 Зак. гражд. изд. 1900 г.). Следовательно, с повсеместным прекращением означенных обязательных отношений исчезнет и самое значение населенного имения (реш. Гражд. Касс. Деп. 1900 г. № 11). Исчезновение это, за силою Высочайшего манифеста от 3 ноября 1905 года об уменьшении наполовину, а затем и окончательном сложении выкупных платежей, должно последовать в 1907 году.

¹⁰⁶ - 6 Вселенский Собор пр. 1-е и 2-е; 7 Вселенский Собор пр. 1-е.

¹⁰⁷ - Деян. 15:23.

¹⁰⁸ - Творен. 1, 153.

¹⁰⁹ - Письмо к Киприану 23.

¹¹⁰ - Евсев. 6, 43.

¹¹¹ - Там же 7, 30

¹¹² - Арсений. Летопись церк. соб. С. 65, 67.

¹¹³ - Богословский Вестник. 1903. Апрель. С. 696–697.

¹¹⁴ - Ив. Платонов. К исследованию о Фотии, патр Константинопольском. С. 100

¹¹⁵ - Nefele 1, 22; Baronii, Annal. 12, app. 745; 13 app. 769

¹¹⁶ - Гассе. Церковная История. Т. 2. С. 193.

¹¹⁷ - Созом. История Церкви. Гл. 17, 18; Сократ 1, 8; Деян Всел. Соб. Т. 1. Гл. 8.

¹¹⁸ - Nefele. Conciliengeschichte 1, 258.

¹¹⁹ - Деян. Всел. Соб. Т. 7, 595 и др.

¹²⁰ - Там же. Т. 1. 487; Т. 3. С. 113–114.

¹²¹ - Евсевий. Кес. Т. 2, 10–13 гл.; Феодорит. Церк. Ист. Гл. 7–9; Евагрий. Гл. 4:18; Лебедев. История Всел. Соб., вып. 2. С. 193; Деян. Т. 4. С. 123–133, 600–1011; Т. 7. С. 626–629.

¹²² - Деян. Т. 1. С. 486–489; Т. 3. С. 122–124, 494–496; Т. 6. С. 5–7; Т. 6; Т. 7. С. 46; Евагрий. Гл. 2:4, habb. Т. 5. Р. 348.

¹²³ - Евсевий 1, 5, 23–24.

¹²⁴ - Созомен. С. 249 и 383; Евсев. 260; Феодорит. 163–164; Арсений. Лет. церк. соб. С. 161.

¹²⁵ - 2 Всея. Соб. пр. 2-е. Деян. Т. 1. С. 620 и 263; Т. 4. С. 105. 6 Всея. Соб. пр. 2-е.

¹²⁶ - Деян. гл. 15.

¹²⁷ - 1 Всел. Соб. пр. 5-е; 4 Всея. Соб. 19-е; 6 Всея. Соб. 8-е; Лаод. Соб. 40-е; Антиох. 9-е и 20-е; Карф. 27-е и 87-е.

¹²⁸ - Прав. 6-е.

¹²⁹ - Деян. Т. 1. С. 272–281, 603.

- ¹³⁰ - Там же. С. 281, 772–773.
- ¹³¹ - Там же. С. 589 и 773.
- ¹³² - Пресвитер Петр на 3 Всел. Соборе и архидиакон Аэций на 4 Всел. Соборе / Там же. Т. 1. С. 497, 498, 502, 505, 507, 587 и др.; Лебедев. Духовенство древней вселенской Церкви. С. 470–472.
- ¹³³ - Православный собеседник. 1858. Ч. 1. С. 198. 487–489.
- ¹³⁴ - Там же. С. 646.
- ¹³⁵ - Руфин. Церк. Истор. 10, 2, ср. Созомен. 1, 19; Евсевий. О жизни Константина.
- ¹³⁶ - Деян. Т. 2. С. 346.
- ¹³⁷ - Там же. Т. 4. С. 127–131.
- ¹³⁸ - Деян. Т. 4. С. 167; Т. 6. С. 488; Lab. 17. Р. 591.
- ¹³⁹ - Труды Киевской духовной академии. 1906 Кн. 1. С. 94.
- ¹⁴⁰ - Пр. 1-е Апост.; 1 Всел. Соб. пр. 4-е.
- ¹⁴¹ - Полное собрание русских летописей. Т. 9. С. 83, 172–173, 236, 239–240. Степенная книга. Ч. 1. С. 250–251.
- ¹⁴² - Русск. достоприм. Ч. 1. С. 106–138.
- ¹⁴³ - Митр. Евгений (Болховитинов). Описание Киево-Софийского Собора, прил. № 10. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 5 т. СПб., 1841–1875. Т. 1, № 289. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 6 т. СПб., 1846–1853. Т. 4. № 88, 91, 92; Митр. Макарий. История Русской Церкви. Т. 11, 282–286; 6, 125–133; 10, 3–54. Доп. к Актам истор. Т. 5, 102. Акты истор. Т. 5, 75. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел, с гравированными изображениями печатей и со списками собственноручных подписей: В 5 ч. М., 1813–1894. Т. 4, №№ 128 и 131. Стоглав.
- ¹⁴⁴ - Акты, собранные Археографическою экспедицией. Т. 1. № 383.
- ¹⁴⁵ - Митр. Евгений (Болховитинов). Описание Киево-Софийского Собора. Прил. С. 40–42.
- ¹⁴⁶ - Стоглав 1:4, 52 и 100.
- ¹⁴⁷ - Знаменский П. В. Учебное руководство по истории Русской Церкви. С. 258.
- ¹⁴⁸ - Акты, собранные Археографическою экспедицией. Т. 1. № 239. Материалы для истории русского раскола. Т. 1. С. 133. Акты исторические. Т. 5. 194. С. 337.
- ¹⁴⁹ - Церковный Вестник. 1906. № 4. С. 101.
- ¹⁵⁰ - Митр. Макарий. История Русской Церкви. Т. 8. С. 173–174.
- ¹⁵¹ - Церковный Вестник. 1906. № 4. С. 101.
- ¹⁵² - Сведения о числе начальных школ, школ второклассных и церковно-учительских я беру за 1904 г., а сведения о числе духовных семинарий и училищ – за 1901 г. (к 1 января 1902 г.). У меня, к сожалению, нет под руками сведений о тех и других школах за одно и то же время (последний всеподданнейший отчет г. обер-прокурора отпечатан за 1901 г.). Я также не имею возможности за неимением данных указать расходы на содержание каждого разряда духовных школ (академий, семинарий и училищ) за последний год, а беру данные за 1894 г., которые я мог найти в «Обзоре деятельности ведомства православного исповедания за время царствования Императора Александра 3». Думаю, что большой погрешности вследствие того, что цифры устарели, я не допущу, тем более, что я не собираюсь делать точные расчеты, а только приблизительные.
- ¹⁵³ - Средства для более широкого и повсеместного распространения второклассных школ у Церкви имеются, как увидим ниже.
- ¹⁵⁴ - В учебном плане духовного училища есть, по-видимому, только одно преимущество: преподаются – и на многих учебных часах (по 16 недельных часов) – латинский и греческий языки, знание которых необходимо для будущих пастырей. Но это – только видимое преимущество, в действительности представляющее, как известно, большой недостаток училища, без меры обременяющего учащихся занятиями по древним языкам, занятиями чисто механическими и далеко не оправдываемыми той целью, для которой они введены. Для целей понимания греческого текста священных и богослужебных книг, по моему мнению, вполне достаточно тех уроков по греческому языку (не более 12), которые должны быть в пастырской

школе, где изучение древних языков может быть поставлено на научную почву (при содействии сравнительного языкознания, археологии, быта, этнографии) и где овладеть древними языками будет легче, особенно если иметь в виду только прямую цель изучения их для будущих пастырей. С более взрослыми и развитыми питомцами пастырской школы гораздо лучше можно использовать высокое образовательное значение древних языков.

¹⁵⁵ - У меня, к сожалению, нет сведений на позднейшие года, но, думаю, здесь не будет большой погрешности в цифрах.

¹⁵⁶ - В 1886 г. местных средств на духовные училища было израсходовано свыше 3 000 000 руб.